

Нартекс
Byzantina Ukrainensis

Том 2

ῚΡωμαῖος:
сборник статей
к 60-летию проф. С. Б. Сорочана

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
Украинский национальный комитет византинистов
Харьковская епархия Украинской Православной Церкви
(Московского Патриархата)
Свято-Пантелеимоновский храм (Харьков)

Нартекс Byzantina Ucrainensis

Том 2

Ῥωμαῖος:
сборник статей
к 60-летию
проф. С. Б. Сорочана

Харьков “Майдан” 2013

УДК 94(4)"0375/1492"

ББК 63.3(0)4

Р 69

‘Ρωμαϊος: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. – Т. 2. – Харьков: Майдан, 2013. – 596 с.
ISBN 978-966-372-490-4.

Редакционный совет:

- Онуфрий (О. В. Легкий), архиепископ Изюмский, магистр богословия (Харьков)
Н. Н. Болгов, доктор исторических наук, профессор (Белгород)
Л. В. Войтович, доктор исторических наук, профессор (Львов)
А. Г. Герцен, кандидат исторических наук, доцент (Симферополь)
Г. Ю. Ивакин, член-корреспондент НАНУ (Киев)
С. П. Карпов, академик РАН (Москва)
А. П. Моця, член-корреспондент НАНУ (Киев)
П. П. Толочко, академик НАНУ (Киев)
А. А. Тортика, доктор исторических наук, профессор (Харьков)

Редакционная коллегия:

- С. Б. Сорочан, доктор исторических наук, профессор, главный редактор (Харьков)
Николай (Н. В. Терновецкий), протоиерей,
настоятель Свято-Пантелеимоновского храма (Харьков)
Владимир (В. В. Швеиц), протоиерей, настоятель Свято-Антониевского храма
при Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина (Харьков)
Петр (П. В. Казачков), протоиерей, настоятель Свято-Алекса́ндро-Невского храма,
кандидат богословия (Харьков)
А. Н. Домановский, кандидат исторических наук, доцент,
зам. главного редактора (Харьков)
А. Д. Каплин, доктор исторических наук, профессор (Харьков)
С. И. Лиман, доктор исторических наук, профессор (Харьков)
П. Е. Михалицын, кандидат богословия, кандидат исторических наук,
отв. секретарь (Харьков)
Ю. М. Могаричев, доктор исторических наук, профессор (Симферополь)
С. И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьков)
А. В. Сазанов, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Рецензенты:

- Э. Б. Петрова, доктор исторических наук, профессор
И. В. Немченко, кандидат исторических наук, доцент

*Рекомендовано к печати ученым советом
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина*

Адрес редакционной коллегии:

Украина, 61077, Харьков, площадь Свободы, 4,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
кафедра истории древнего мира и средних веков.
Тел. (057) 707-53-37; e-mail: byznartex@gmail.com

*Печатается при финансовой поддержке
Харьковской епархии Украинской Православной Церкви (Московского Патриархата)
и Свято-Пантелеимоновского храма (Харьков)*

УДК 94(4)"0375/1492"

ББК 63.3(0)4

© Авторы статей, 2013

© Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2013

© Украинский национальный комитет византистов, 2013

© Свято-Пантелеимоновский храм (Харьков), 2013

ISBN 978-966-372-490-4

СОДЕРЖАНИЕ

Ромей на пути в Византию: к 60-летию С. Б. Сорочана (А. Н. Домановский)	9
--	---

СТАТЬИ

Банников А. В., Шмидт Г. А. (Санкт-Петербург) Miles et scriptor rerum: проблема достоверности сведений по военной истории у Аммиана Марцеллина	27
Болгов Н. Н. (Белгород) Корипп и классическая риторика в последнем латинском эпосе античности	48
Бубенок О. Б. (Київ), Бушаков В. А. (Маріуполь) Походження мадярських етнонімів, топонімів та титулів, згаданих у трактаті Костянтина Багрянородного «De administrando imperio».	59
Войтович Л. В. (Львів) Повертаючись до хорватів Костянтина Багрянородного	71
Вус О. В. (Львов) Приморские castella tumultaria Судака в контексте военно-инженерной практики римлян в Крыму в IV веке	102
Головко О. Б. (Київ) «Імперія ромеїв» в ідеологічних концепціях давньоруських мислителів	116
Гордієнко Д. С. (Київ) Похід росів на Константинополь 860 року в історіографії та культурі Русі	132

Горнова І. С. (Одеса)

Соціально-політичні та історичні погляди Михаїла Пселла:
історіографічний нарис 144

Домановская М. Е., Штан Г. В. (Харьков)

Е. К. Редин – первый харьковский исследователь
Херсонеса Таврического 163

Иванов А. В. (Севастополь)

Градообразование в Юго-Западной и Южной Таврике X–XV вв.
Периодизация формирования городских поселений региона 170

Калинина Т. М. (Москва)

Херсон в арабской географической литературе 188

Лиман С. И. (Харьков)

Прищур строки в ромейский полдень:
Византия эпохи Македонской династии
в оценках историков Харьковского университета
(XIX – начало XX вв.) 206

Луговий О. М. (Одеса)

Духовний осередок скандинавських найманців
у Константинополі XI–XII ст. 227

Майко В. В. (Симферополь)

Материальная культура Восточного Крыма
второй половины X–XII вв. 234

Макаров Д. И. (Екатеринбург)

Тема *imago Trinitatis* в поздневизантийском богословии
и философия языка преп. Григория Синаита (постановка проблемы) . . . 269

Михалицын П. Е. (Харьков)

Юлиан Отступник глазами христианского интеллектуала
четвертого века: кому принадлежит эллинская культура? 281

Могаричев Ю. М. (Симферополь)

К вопросу о ссылке в Херсон Иосифа Гимнографа 288

Науменко В. Е. (Симферополь), Пономарев Л. Ю. (Керчь)

К исторической топографии Боспора X–XII вв.:
об обстоятельствах находки и местоположении
так называемой «Церкви Шевелева» («Церкви 1833 г.») 295

Роменский А. А. (Харьков)

«Когда пал Херсонес?» К вопросу о ключевом моменте
в хронологии русско-византийских отношений конца X в. 310

Серов В. В. (Барнаул)

Прокопий Кесарийский о мореплавании
и плавательных средствах 329

Сорочан С. Б. (Харьков)

En pragmati. О профессиональной организации транспортировки грузов
как виде услуг византийского рынка IV–IX вв. 340

Фомин М. В. (Харьков)

Херсонесские раннехристианские «катакомбы». К итогу изучения 358

Чореф М. М. (Тюмень)

К вопросу о возможности денежной эмиссии
в государстве феодоритов. 368

Швец Владимир, прот. (Харьков)

Агиография Кирилла Скифопольского 381

Юрочкин В. Ю. (Симферополь)

«Готский» и «славянский» вопросы в послевоенном Крыму. 392

ПУБЛИКАЦИИ

Авдеев А. Г. (Москва)

Валунное надгробие иеромонаха Зосимы Ферапонтовского. 413

Белый А. В. (Бахчисарай)

Находки двух железных фибул хазарской эпохи
на территории Юго-Западного Крыма. 418

Йотов В. (Варна)

Эргастирий начала VII в. в византийской крепости
на мысе св. Атанас в городе Бяла, Варненской области
(предварительное сообщение) 426

Пономарев Л. Ю. (Керчь)

Двухкамерные жилища (дома-пятистенки)
Салтово-маяцких поселений Керченского полуострова. 440

Файда О. В. (Львів)

- До історії становлення візантинознавства в Західній Україні:
 свящ. Йосафат Скрутень про Четвертий Конгрес
 візантійських студій 462

Флёрв В. С. (Москва)

- Византийское в ниже-донских крепостях Хазарского каганата 474

КНИГА В ЖУРНАЛЕ**Макгакин Дж. Э.**

- Христология Нестория
 (Перевод с английского прот. Н. Терновецкого). 503

РЕЦЕНЗИИ

- Treadgold W. T. The Early Byzantine Historians. Palgrave Macmillan, 2010.
 XVII, 431 p. (Н. Н. Болгов, А. М. Болгова). 527

НАУЧНАЯ ХРОНИКА**Домановский А. Н., Домановская М. Е. (Харьков)**

- Обзор диссертационных исследований по византистике,
 защищенных в Украине в 2009–2011 гг. 531

- «Візантійська мозаїка» харківської історико-археологічної конференції
 (9–10 листопада 2012 р.) (А. М. Домановський, О. О. Роменський) 580

- Список сокращений 588

- Вимоги до оформлення статей 592

РОМЕЙ НА ПУТИ В ВИЗАНТИЮ: К 60-ЛЕТИЮ С. Б. СОРОЧАНА

Сергей Борисович Сорочан родился 18 апреля 1953 г. в г. Севастополе, на той самой крымской земле, которая, по словам историка и поэта Владимира Лапина, несет

*Неясный гул исчезающих эпох
И голоса ушедших поколений.*

Видимо, судьба сама вела на нужный и, как показала жизнь, единственно верный путь. Отец, Борис Павлович (1927 г.), офицер, закончивший службу в звании подполковника, в свое время окончил исторический факультет Харьковского государственного университета имени Максима Горького. Мать, Нелли Федоровна (1929 г.), работала стоматологом в военной поликлинике Черноморского флота. Сережа Сорочан учился в городской средней школе № 3 с углубленным преподаванием английского языка, известную, благодаря ее директору, как «школа Девочко».

Сергей Сорочан с отцом в Херсонесе. Севастополь, 1969 г.

Уже со школьной скамьи именно история, особенно древняя, стала для него не просто любимым предметом, а всепоглощающей страстью. Море, книги, загадочные руины Херсонеса – без этого не мыслилась жизнь. Быть среди тех, кто открывает секреты прошлого, является «ловцом времени» оставалось манящей и, казалось, несбыточной, мечтой, ведь многое склоняло к тому, чтобы пойти по стопам отца, избрав стезю морского офицера. В итоге любовь к истории оказалась сильнее всех иных увлечений и житейских соображений, и решающий выбор был сделан – после окончания школы Сергей Сорочан решил готовиться к поступлению на исторический факультет Харьковского государственного университета имени А. М. Горького. Для этого был избран самый верный путь – обращение к первоисточкам и поиск первоисточников древнейшей истории Крыма – участие в археологических раскопках.

Около девяти месяцев С. Б. Сорочан работал землекопом и лаборантом в севастопольском Херсонесском музее (ныне – Национальный заповедник «Херсонес Таврический»). Ему сразу повезло – он участвовал в работе ведущих археологических экспедиций: директора Херсонесского музея, глубокого знатока своего дела И. А. Антоновой и научного сотрудника московского Государственного исторического музея, кандидата исторических наук Н. В. Пятышевой. В те годы они исследовали римские термы на территории «цитадели» городища и производили раскопки монументального византийского архитектурного комплекса с водохранилищем около Южных ворот древнего города. Интересно, что многие годы спустя именно «цитадель» Херсонеса станет объектом многолетних раскопок Херсонесской археологической экспедиции Харьковского университета под руководством С. Б. Сорочана. В свою очередь, комплекс общественных сооружений у Южных ворот Херсонеса получит в его научных трудах новую интерпретацию, которая заставит отказаться от взгляда на него как на ранневизантийские термы или дворец стратига IX в., но позволит обоснованно полагать здесь существование многофункционального общественного, военно-административного здания, вероятно, с городской больницей – ранневизантийской ятриной во имя Св. муч. Феодора.

В 1971 г. С. Б. Сорочан поступил на исторический факультет ХГУ имени А. М. Горького. Его университетскими учителями были глубокие ученые и талантливые университетские преподаватели того времени: по русской истории – проф. К. К. Шиян, по новой и новейшей истории – проф. С. И. Сидельников, по украинской истории – проф. И. К. Рыбалко, по археологии – хазаровед, проф. В. К. Михеев, по истории первобытного общества – известный археолог, проф. Б. А. Шрамко. Понимая важность знания иностранных языков для занятий древней и средневековой историей, уже в студенческие годы С. Б. Сорочан занялся углубленным изучением немецкого, французского, итальянского языков, освоил румынский, болгарский и польский, самостоятельно постигал тонкости древнегреческого языка и совершенствовался в переводах с латыни.

Наиболее же увлеченно С. Б. Сорочан работал под руководством видного античника проф. В. И. Кадеева, ведь именно Владимир Иванович занимался изучением истории и, возглавляя Херсонесскую археологическую экспедицию Харьковского университета, проводил археологические раскопки Херсонеса

Таврического, так манившего студента. Археология и древняя история стали главной сферой научных интересов формирующегося специалиста. В годы учебы С. Б. Сорочан принимал активное участие в студенческой научной работе, дважды участвовал во Всесоюзной археологической студенческой конференции – тогдашнем крупнейшем форуме начинающих исследователей, работал в составе экспедиций Харьковского университета и ГИМ на раскопках Херсонеса (В. И. Кадеев, 1971–1973, 1975 гг., Н. В. Пятышева, 1974 г.), античного могильника Бельбек IV (И. И. Гушина, 1974 г.) и античного поселения «Маслины» в Крыму (В. А. Латышева, 1972 г.).

Предсказуемо «археологической» стала и тема выполненной им под руководством В. И. Кадеева дипломной работы, посвященной изучению античных светильников I–VI вв. из Херсонеса. Квалификационная работа С. Б. Сорочана по своему уровню существенно превосходила такого рода студенческие работы, и лишь непонимание важности изучения светильников помешало развить эту тему до уровня кандидатской диссертации. Некоторые авторитетные отечественные специалисты, в числе которых можно назвать известных античников Г. Д. Белова и В. Д. Блаватского, возражали против такого выбора темы кандидатской диссертации, подозревая в нем опасность «мелкотемья» и «буржуазного вещеведческого подхода». В итоге тему будущего диссертационного

С. Б. Сорочан (справа) с друзьями-студентами в Херсонесе. Севастополь, 1974 г.

исследования пришлось выбирать в соответствии с господствовавшими в то время научными воззрениями.

После окончания университета, согласно полученному распределению, в 1976–1979 гг. С. Б. Сорочан работал учителем истории и обществоведения в сельской Липецкой средней школе имени П. В. Щепкина, в 30 км от Харькова. Одновременно он учился в заочной аспирантуре университета под руководством проф. В. И. Кадеева, который с ноября 1978 г. возглавил кафедру истории древнего мира и средних веков Харьковского госуниверситета. С 1979–1980 учебного года Сергей Борисович стал по совместительству работать преподавателем этой кафедры, вел практические занятия по истории древнего Востока, а с 1982 г. был переведен уже на должность старшего преподавателя. В 1986 г. он был избран по конкурсу на должность, а в 1988 г. получил звание доцента.

С 2000 г. С. Б. Сорочан работает по контракту на должности профессора кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. В 2002 г. он получил аттестат о звании профессора, а 17 декабря 2007 г. был избран на должность заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков. Уже в 2009–2010 учебном году кафедра под его руководством заняла третье место в рейтинге гуманитарных кафедр университета, а на следующий год вышла на первое место. В декабре 2010 г. Экспертный совет университета единогласно рекомендовал присвоить С. Б. Сорочану почетное звание «Заслуженный профессор Харьковского нацио-

Вручение С. Б. Сорочану диплома заслуженного профессора Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. 2010 г.

нального университета имени В. Н. Каразина». 29 января 2011 г. на Ассамблее университетских ученых советов в 206-ю годовщину основания Харьковского университета ему был вручен соответствующий диплом.

Этой последовательной, успешной преподавательской карьере соответствовали основные вехи научной, причем в исследовательской проблематике С. Б. Сорочана явственно прослеживалась эволюция от антиковедения к медиевистике. В 1982 г. он защитил в Специализированном совете при историческом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова написанную под руководством В. И. Кадеева кандидатскую диссертацию по специальности «всеобщая история» на тему «Торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э. – V в. н. э.». Предварительная защита диссертационного исследования состоялась на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ, которой заведовал ведущий античник СССР проф. В. И. Кузицин. Диссертация получила высокую оценку как в отзыве ведущей организации – кафедры всеобщей истории Казанского государственного университета, подписанном проф. А. М. Ременниковым, так и в отзывах оппонентов – уже известного на тот момент античника проф. Г. А. Кошеленко и начинавшего свою научную карьеру С. Ю. Сапрыкина, ныне профессора, заведующего кафедрой истории древнего мира МГУ.

С 1981 г. кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского университета после пятилетнего перерыва возобновила археологические исследования в портовом районе Херсонеса, проводившиеся здесь с 1963 г. под

С. Б. Сорочан (в центре) с коллегами по археологическим раскопкам в портовом районе Херсонеса. 1981 г.

руководством В. И. Кадеева. С. Б. Сорочан, наряду с недавно защитившим кандидатскую диссертацию преподавателем кафедры В. Ф. Мещеряковым, стал заместителем начальника Херсонесской археологической экспедиции Харьковского университета и занимал этот пост вплоть до 1986 г. включительно. Вследствие этого научные интересы Сергея Борисовича были направлены преимущественно на изучение проблем экономики и материальной культуры херсонесского позднеантичного общества. Заслуги в этой области позволили ему со временем стать членом Российской ассоциации антиковедов, созданной в 1993 г. Однако постепенно все большее внимание в исследованиях С. Б. Сорочана стала привлекать тема организации торговли ранней Византии, которая к концу 80-х гг. стала для него доминирующей, поглотила целиком и вылилась в десятилетнюю работу над докторской диссертацией по теме «Торговля Византии IV–IX веков. Структура и организация механизмов обмена». При этом были затронуты многие другие аспекты этой глобальной темы. В итоге она стала полноценным научным направлением, которым С. Б. Сорочан продолжил и продолжает заниматься со своими аспирантами и соискателями.

Защита докторской диссертации по специальности «всеобщая история» состоялась 23 октября 1998 г. в Харьковском государственном университете. Ведущей организацией на этот раз выступила кафедра истории древнего мира и средних веков Киевского национального университета имени Т. Г. Шевченко. В числе оппонентов были известные специалисты по истории Византии: заведующий кафедрой древних языков исторического факультета МГУ проф. И. С. Чичуров и заместитель директора по научной работе Института археологии НАН Украины, доктор исторических наук (ныне член-корреспондент НАНУ) Г. Ю. Ивакин. Параллельно с разработкой плановой диссертационной тематики продолжали выходить специальные исследования, делались научные доклады по истории и экономике античного и раннесредневекового

Перед защитой докторской диссертации.
Справа налево: С. Б. Сорочан, И. С. Чичуров, Г. Ю. Ивакин,
А. М. Фарбей, Н. А. Сон, В. М. Зубарь. 1998 г.

Херсонеса, публиковались результаты изучения херсонесских светильников, херсонесского импорта и экспорта. Отражением этой многолетней работы стало издание в соавторстве с В. М. Зубарем и Л. В. Марченко в 2000 г. обобщающей монографии «Жизнь и гибель Херсонеса», которая была написана в жанре высокой научно-популярной литературы и привлекла к себе внимание самых разных читателей. По сути дела, эта книга явилась предварительным вариантом истории Херсонеса, подводившим итоги без малого двухсотлетнего исследования этого античного и средневекового города.

Интерес С. Б. Сорочана к медиевистической проблематике проявился также в чтении общих курсов лекций по истории средних веков, спецкурса по источниковедению истории средних веков, который он считал основным в подготовке будущих медиевистов, специалистов-историков, а также спецкурсов по истории Византии, быта и менталитета западноевропейского средневекового общества, культуры, искусства средних веков. Осознание важности методической подготовки особенно ярко видно на примере многолетнего чтения студентам, специализирующимся на кафедре, спецкурса «Основы научно-исследовательской работы медиевиста». К 2013 г. на основе этого спецкурса им было подготовлено учебное пособие «Ремесло медиевиста», в котором сконцентрирован весь предшествующий многолетний опыт научной работы ученого.

С. Б. Сорочаном постоянно осуществлялось обновление тематики спецкурсов, которых было подготовлено более полутора десятков, и каждый раз со стремлением найти новые, оригинальные подходы и научную глубину. Несомненный талант популяризатора позволял при этом рассказывать о сложном просто, доходчиво, избегая ненужного, мертвящего академизма, порой столь свойственного вузовской науке. Видимо, помогла давняя склонность к литературной, писательской работе. Мало кому известно, что уже в юности Сергей Борисович пытался печататься в советских научно-популярных журналах («Техника-молодежи», «Юность») и иногда писал стихи. Как пример, можем привести некоторые из них, поскольку стихи эти, как он сам говорил, писал для души, «в стол» и нигде не печатал, не считая себя поэтом.

Ипподром

*Блестает золото, волнуется толпа,
И василевс простерся со свечою...
Стих гул, дрожит от мощи хора Ипподром.
Небрежный взмах руки
И маппа падает.
Взлетают кони в первом круге,
Мелькает бешено квадриги колесо
И гладко бритый череп гениоха.
Удар, еще удар, стремительный полет,
И димов общий вздох.
Тому уж не одеть венка,
Иной летит к концу.
А меры все ликуют,*

*И славословий льется ряд
За нового героя,
За Бога и за доброго царя.
О Византия, гордость ты моя!*

Постимперессионистам

*Лотрек, Сёра, Париж...
И крылья мельниц над Монмартром.
Дорога звездная легла
В поля, где спели гроздьё Арля.
Куда ушел Винсент,
Где сгинул Поль Гоген,
Все отразили зеркала «Фоли-Бержер».
Кадрили гром и юбок пена,
Взлетая ввысь, в угар, в измены,
Дожить и пить,
Дожить и петь,
Мазок последний бросить свету
И провалиться в темноту,
Уйти в зарю, заснуть к рассвету.
Глоток вина и ...тишина.
Грей д'Эгу, Нана Сотрель,
Пом д'Амур, Рейон д'Ор...
Париж, Лотрек, Сёра.*

Видимо, эта склонность к образному художественному слову объясняет, почему С. Б. Сорочана неоднократно охотно приглашали участвовать в съемках и быть главным научным консультантом телевизионных документальных фильмов об истории Херсонеса Таврического, которые транслировались на телеканалах КРТ, УТ-1, НТУ-Фильм. Случалось ему выступать в радиопередачах на исторические темы на радио «Свобода», участвовать в телепередачах на телеканале АТВК. Многим прошедшим через археологическую экспедицию, которую много лет возглавлял Сергей Борисович, запомнились его увлекательные «археологические прогулки» по памятникам Херсонеса, рассказы перед закатом солнца, оживлявшие древние руины, позволявшие прочувствовать «заветный шорох времени». Такого мог добиться только истинный виртуоз слова, способный поделиться безбрежным запасом знаний.

Но главным стержнем интересов С. Б. Сорочана оставалась, конечно, научная работа, которой он отдавался самозабвенно, тратя на нее большую часть времени. Он живо интересовался тем, как она осуществлялась на факультете, пытался ее направлять. Не случайно после защиты докторской диссертации в течение 1998–2000 гг. С. Б. Сорочан работал заместителем декана по научной работе исторического факультета. В 1999 г. он стал членом учебно-методической комиссии исторического факультета, а четырьмя годами ранее – чле-

ном Харьковского областного историко-археологического общества, созданного большими усилиями ученых и преподавателей факультета. 10 марта 1999 г. С. Б. Сорочан был избран действительным членом академиком Украинской академии исторических наук. В том же году стал заместителем председателя Специализированного совета Д. 64. 051. 10 по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям «История Украины» и «Всеобщая история» при Харьковском национальном университете, а с 2006 г. — членом специализированного ученого совета Д. 26. 234. 01 при Институте археологии НАНУ с правом защиты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по специальностям 07.00.04 — археология и 07.00.09 — антропология. С 2007 г. С. Б. Сорочан — член рабочей группы по разработке отраслевых стандартов высшего образования по направлениям подготовки специалистов, с 2009 г. — член Совета Музея археологии и этнографии Слободской Украины при Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина. Этот музей стремительно растет, развивается и имеет прекрасные перспективы.

С 1987 по 1990 гг. С. Б. Сорочан являлся начальником Херсонесской археологической экспедиции Харьковского университета, продолжавшей вести раскопки в первом портовом квартале древнего городища, где исследовались остатки двух средневековых усадеб (IX и X) и были начаты раскопки южного края обширного общественного здания, получившего условное название «казарма». Оно было доследовано в дальнейшем силами совместной экспедиции

На раскопках в «цитадели» Херсонеса.

Слева направо: В. М. Зубарь, коллега из Литвы А. Мишрис, коллеги из Австрии, И. А. Антонова (в центре), С. Б. Сорочан (крайний справа). Херсонес, 1997 г.

Национального заповедника «Херсонес Таврический» и кафедры истории древнего мира и средних веков во главе с коллегой Сергея Борисовича, доцентом С. В. Дьячковым.

С 1996 г. С. Б. Сорочан возглавлял археологический отряд, работавший в составе экспедиции Национального заповедника «Херсонес Таврический» под руководством ведущего научного сотрудника И. А. Антоновой. Отряд, куда входили сотрудники и студенты Харьковского университета, вел работы на территории «цитадели» Херсонеса, площадью 0,5 га, где расположены памятники всех эпох существования города. Благодаря этому «цитадель» и может являться своеобразной лабораторией по изучению истории и археологии Херсонеса Таврического. Работы харьковского отряда были сосредоточены, главным образом, на раскопках так называемой Южной площади, находившейся почти в центре «цитадели». Здесь были обнаружены следы продольной римской улицы с прекрасно сохранившимися водостоками и водопроводом из керамических труб. Один из водостоков был выложен редкой римской черепицей *tegula laconica*. Рядом находились остатки производственных помещений II–III вв., материал которых сохранил следы металлургического производства, шлака, а также гидроизоляционной обмазки из цемьянки, покрывавшей полы. Находки свидетельствовали о пребывании в данном месте солдат римской вексилляции.

Основными помощниками С. Б. Сорочана стали его коллега, доцент Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина А. В. Шмалько (еще один ученик В. И. Кадеева) и преподаватель Школы искусств Харьковского городского совета М. В. Фомин, который со временем станет соискателем кафедры истории древнего мира и средних веков и подготовит диссертацию по истории византийского Херсонеса-Херсона. А. В. Шмалько станет известным писателем, чьи многочисленные историко-фантастические романы и повести будут выходить под псевдонимом Андрей Валентинов. Один из этих романов – «Созвездие пса», отразивший будни экспедиции С. Б. Сорочана в 1990 г., наполнен вполне узнаваемыми лицами и реалиями Херсонеса. «Культурный слой» харьковской археологической экспедиции всегда отличала некая особая интеллектуальная высота, которую через много лет продолжали с теплом вспоминать ее участники. Житье в помещении с прохудившейся крышей, готовка «бутербродной еды» на единственной электропечке, перебои с водой, которую по каплям приходилось собирать в пластиковые бутылки из слезящегося крана, не способны были затемнить эту замечательную ауру интересного общения, споров обо всем с обязательным вечерним пением «Орел шестого легиона» и других «археологических» песен под неизменное красное крымское вино.

С 2001 г., после смерти И. А. Антоновой, экспедиция Харьковского университета под руководством С. Б. Сорочана уже самостоятельно продолжила работы в «цитадели». В составе экспедиции были научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический» С. Н. Сухинина, младший научный сотрудник Музея археологии и этнографии Слободской Украины ХНУ имени В. Н. Каразина Т. Н. Крупа, ведущий научный сотрудник Института археологии НАН Украины, доктор исторических наук В. М. Зубарь – коллега, соавтор

и друг С. Б. Сорочана, безвременно ушедший из жизни в 2009 г. Камеральную обработку материалов вел доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова А. В. Сазанов, а обмеры и чертежи – научный сотрудник Херсонесского заповедника А. В. Иванов, известный также своими палеоантропологическими штудиями.

Работы экспедиции проводились силами харьковского отряда студентов и отрядов учащихся Межшкольного историко-археологического объединения «Клио» г. Москвы (руководитель А. Д. Нестеров), Специализированной художественной школы № 1188 г. Москвы, школьников Дворца творчества юных Санкт-Петербурга (руководитель Н. В. Алексеева), школьников лицея «Профессионал» (г. Харьков), отряда юных археологов Клуба исторических путешествий Школы искусств Харьковского городского совета (руководители А. В. Фомин, М. В. Фомин). Кроме того, на базе экспедиции проходили археологические практики исторического факультета Уральского государственного университета (руководители доценты Л. Г. Омелькова, А. В. Лямин), Ярославского государственного педагогического университета (руководитель кандидат исторических наук П. А. Аграфонов), Тюменского государственного университета (руководитель профессор А. Г. Еманов), Педагогического колледжа № 7 Санкт-Петербурга (руководитель Н. А. Алексеева), Московского колледжа архитектуры и строительства (руководитель Т. А. Межова), Харьковского государственного технического университета строительства и архитектуры.

Под руководством С. Б. Сорочана экспедиция занялась исследованием ранне-средневековых терм VI–IX вв. на Южной площади и начала раскопки остатков монументального здания, расположенного к востоку от них. Кроме того, были проведены работы по расчистке территории около боевой калитки в 19-й куртине, вблизи башни Зинона, самой мощной фланговой башни города. В результате раскопок 2001–2003 гг. экспедицией был открыт угол здания с небольшим двориком с каменной вымосткой и водостоком, проходящим сквозь стену. Вероятно, это была усадьба зажиточного хозяина XIII в. Она отапливалась большой печью с квадратной топочной камерой шириной 2,3 м по внешнему обмеру, с устьем длиной 1,98 м и высотой 0,65 м. В кладке здания, сложенной из рваного камня на глине, были вторично использованы несколько крупных известняковых блоков из более ранней монументальной постройки. На некоторых из них сохранились следы прочной известковой штукатурки. Обнаруженные материалы позволили утверждать, что жизнь на территории цитадели в поздне-средневековый период не оборвалась. Более того, стратиграфия раскопанного памятника свидетельствует о том, что он перестраивался дважды в XIII в., на что указывают два слоя горения.

К югу от бани VI–IX вв. в 2001–2002 гг. экспедицией исследовался глубокий поздний перекоп, доходящий до скального основания. Доследования 2002–2003 гг. показали, что на месте перекопа, к югу от терм VI–IX вв. и к западу от большой постройки, обнаруженной под остатками средневековой усадьбы XIII в., располагалось помещение, в котором уцелели следы полукруглого торца почти полностью разрушенной ванны, сложенной из четырех рядов вертикально

поставленных плинф на цемянковом растворе. Параллельно ей, к югу находилась еще одна прямоугольная ванна глубиной 0,5 м, облицованная гидроизоляционным цемянковым раствором. Ее перекрывал слой с материалом середины IX в. Первоначально было высказано предположение, что обнаруженные остатки являются продолжением уже открытой бани VI–IX вв., однако раскопки 2007 г. установили, что к югу от этой бани находились еще одни термы. Снос пола под устьем печи усадьбы XIII в. показал, что ориентация стен этих новых терм отличается от ориентации бани, открытой ранее. Она поставлена с отклонением к северо-западу примерно на 15–20 градусов. Кроме того, ее стены сложены иной кладкой, с использованием тесаных камней, хотя тоже на известково-цемянковом растворе. К прямоугольной ванне примыкала каменная вымостка, под которой были зафиксированы контексты материала, укладываемые в пределы 20–70-х гг. VII в. Следовательно, новая баня была сооружена рядом со старой, но несколько позже. Несомненно, она функционировала на протяжении «темных веков», пока не была разрушена и сnivelирована к середине IX в. Объяснение причин этой нивелировки видится в строительстве еще одного общественного здания, западное крыло которого захватило термы VII в.

Исследования этого монументального сооружения, проведенные в 2004–2006 гг., позволили С. Б. Сорочану считать, что у большого фемного претория X–XI вв. был предшественник. Неподалеку от исследованного на территории «цитадели» И. А. Антоновой комплекса сооружений X–XI вв. на расстоянии 13,2 м к югу через Южную площадь было открыто еще одно крупное обособленное здание, сnivelированное к моменту строительства претория X–XI вв. Были раскопаны три крупных помещения почти правильной квадратной формы, следующие анфиладно по линии запад-восток. Общие размеры открытого здания – 18,0 х 6,60 м, общая площадь – 118,8 м². Первое (западное) помещение имело площадь примерно 31 м², второе, центральное, – 22 м², третье, восточное, – 23 м². В целом постройка выглядела как прямоугольное в плане здание, которое, судя по значительной толщине стен, могло иметь второй этаж. Оно было сложено в технике двухпанцирной кладки из подтесанного камня на земляном растворе. Кроме того, в кладке фундамента, сделанного несколько шире стен, встречаются сполы в виде плинфы с прослойками цемянки, которые поначалу были приняты за следы *opus mixtum*.

В 2006 г. удалось получить информацию об источнике таких сполей. В результате совместного исследования Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и Лаборатории имени Резерфорда – Эплтона (Оксфорд, Великобритания) была установлена идентичность строительных растворов бани VII в., находящейся к западу от открытого здания, и образцов раствора, обнаруженного в заполнении слоя помещений. Разрушение этой бани, очевидно, было вызвано необходимостью сооружения нового общественного здания, а строительный материал был частично использован при строительстве нового здания, а частично – для нивелировки поверхности под это строительство.

Обнаруженное здание было интерпретировано С. Б. Сорочаном как место размещения ранних фемных властей, поскольку находки материала из его фундамента указывают на строительство этого сооружения в 40–50-е гг. IX в., ког-

да в Херсоне, согласно письменным источникам, появился византийский стра-тиг. Цитадель была наиболее подходящим местом для его резиденции. Раскопки показали, что монументальное сооружение просуществовало сравнительно недолго, до конца IX в., и было разобрано и сnivelировано в связи с постройкой нового большого фемного претория из парных зданий со двором и гарнизонной базиликальной церковью X–XI вв. К слову, исследования этой церкви силами экспедиции в 2004 г. помогли установить, что она имела с южной стороны помещение баптистерия с небольшой известняковой купелью прямоугольной формы и, следовательно, хронологически замыкала ряд раннесредневековых крещален византийского Херсона.

С 2009 г. С. Б. Сорочан по состоянию здоровья вынужден был отказаться от полевой работы и после этого выступал в качестве научного консультанта экспедиции Харьковского университета в «цитадели», которую возглавил его ученик доцент кафедры истории древнего мира и средних веков А. Н. Домановский.

Учебно-методическая работа Сергея Борисовича также отразила его разносторонние интересы как ученого и преподавателя. С 1980 г. многие поколения студентов слушают его общий курс лекций по истории средних веков. Только для студентов-историков Харьковского университета он подготовил 12 спецкурсов, в том числе фундаментальные, объемные «Источниковедение истории средних веков», «История культуры Европы», «История Византии», «Быт и менталитет западноевропейского общества X–XV вв.», «Мир византийского купца», «Византия VII–IX веков: эпоха, быт, менталитет» и другие, издал девять учебно-методических пособий, из них три для практических занятий по истории средних веков и одно, написанное в 2006 г. в соавторстве с доц. С. В. Дьячковым (ХНУ имени В. Н. Каразина) и доц. С. И. Лиманом (Харьковская государственная академия культуры), охватившее весь комплекс учебно-методических материалов, необходимых студентам для изучения истории западноевропейского средневековья (рекомендации, программа, тематика практических занятий, экзаменационные вопросы, структура модульно-рейтингового контроля, тесты, списки источников и литературы, карты).

Особо следует отметить, что многолетний преподавательский опыт и богатый научный багаж византиниста С. Б. Сорочана вылился в подготовленный вместе с сотрудниками кафедры истории средних веков и византистики Львовского национального университета имени Ивана Франко первый профессиональный украинский учебник «Історія Візантії. Вступ до візантиністики» (под редакцией С. Б. Сорочана и Л. В. Войтовича). Он написан на украинском языке и утвержден Министерством науки и образования Украины как учебник для студентов вузов. Полезным дополнением к нему явилось объемное учебное пособие «Византия. Парадигмы быта, сознания, культуры». В его основу лег спецкурс, который С. Б. Сорочан многие годы читал на кафедре истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и кафедре культурологии Харьковской государственной академии культуры. Пособие снабжено всей необходимой для начинающего научного работника библиографической и справочной литературой, указанием на

интернет-ресурсы и рассчитано не только на студентов гуманитарных вузов, но и на учащихся духовных семинарий и академий. Оно будет крайне полезным для всех, кто пожелает самостоятельно продолжить занятия византистикой. Все это делалось и делается Сергеем Борисовичем прежде всего для того, чтобы создать в Украине условия для становления самостоятельной, развитой школы византистики, помочь поднять здесь эту дисциплину до уровня лучших византиноведческих центров мира.

С. Б. Сорочан повышал квалификацию, проходил стажировки на историческом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и в секторе истории Византии Института всеобщей истории РАН, а также на кафедре теории и истории культуры факультета культурологии Харьковской государственной академии культуры, в Национальном заповеднике «Херсонес Таврический», на кафедре истории Восточно-Украинского филиала Международного Соломонова университета. В мае 1990 г. он был приглашен в Институт Хардта (Женева, Швейцария), где собирал материалы для своей докторской диссертации.

С 1991 г. С. Б. Сорочан работает по совместительству на кафедре культурологии (теории и истории культуры) Харьковской государственной академии культуры, а в 2001–2009 гг. – на историческом факультете Восточно-Украинского отделения Международного Соломонова университета, где читал общие курсы лекций по истории средних веков, истории средневековой Азии и Африки, спецкурсы по источниковедению средних веков, истории евреев в Византии, ментальным проблемам западноевропейского Высокого Средневековья, истории античной и средневековой культуры. Всесторонне обеспечивая учебный процесс, он стремится лучшим образом воплотить в него свои научные достижения, привить студентам вкус и интерес к самостоятельной исследовательской работе, кропотливо вникать в написанное, совершенствовать стиль изложения. Он открыт к общению как с начинающими студентами, соискателями, аспирантами, так и с учеными с мировым именем, ведет обширную переписку, помещает свои материалы и работы на сайтах и в блогах сети Интернет, обменивается научными книгами и журналами.

Многолетнее, с 1984 г., сотрудничество С. Б. Сорочана со Школой искусств Харьковского городского совета (директор А. В. Фомин) и его научным обществом «Нартекс» вылилось в широкое привлечение учеников и сотрудников школы к работе экспедиции кафедры истории древнего мира и средних веков в портовом районе (с 1988 г.) и в «цитадели» Херсонеса (с 1996 г.). С 1994 г. С. Б. Сорочан стал работать преподавателем в Школе искусств, с 2001 г. – председателем научного совета научного общества «Нартекс» и членом редколлегии сборника научных работ «Нартекс», в котором печатаются работы воспитанников Школы искусств, других школ, лицеев Харькова, Севастополя, Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода. Ряд талантливых учеников этой школы и научного общества пополнили ряды студентов исторического факультета Харьковского университета, а некоторые стали соискателями кафедры истории древнего мира и средних веков, подготовили и защитили кандидатские диссертации.

Сергей Борисович Сорочан неоднократно входил в состав государственных экзаменационных комиссий по приему выпускных экзаменов и защите бакалаврских, дипломных и магистерских работ. В 2001–2003, 2008–2009, 2010–2013 гг. он был председателем Государственной экзаменационной комиссии на историческом факультете Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и факультете культурологии Харьковской государственной академии культуры. В рамках специализации на дневном и заочном отделениях исторического факультета Харьковского университета им подготовлено немало специалистов-медиевистов, византиноведов, ныне работающих в высших учебных заведениях, академических институтах, а также в лицеях, гимназиях, школах, библиотеках, музеях, архивах.

Под руководством С. Б. Сорочана защищено пять (К. Ю. Бардола, А. Н. Домановский, А. В. Латышева, М. В. Фомин, А. А. Пастушенко) и готовится к защите еще пять кандидатских диссертаций, в большинстве своем связанных с византиноведческой тематикой, с такими сложными ее проблемами как структура налогов, государственный контроль и регулирование торговли в Византии, торговцы и товары, услуги византийского рынка, повседневная, религиозная, духовная жизнь, погребальные традиции провинциального ромейского города, внутреннее убранство его храмов, византийская политика в связи с Корсунским походом князя Владимира, изучение наследия крупнейших церковных авторов – Григория Назианзина и Иоанна Златоуста. С. Б. Сорочан был научным консультантом профессора кафедры истории Украины и музееведения Харьковской государственной академии культуры С. И. Лимана, успешно защитившего в 2010 г. докторскую диссертацию по специальности «всеобщая история» (история средних веков), написал с ним ряд обобщающих работ по истории византистики в Украине.

Исследователь продолжает плодотворно работать над проблемами экономики, торговли позднеантичного Херсонеса, ранней Византии и истории раннесредневекового Крыма. Сергей Борисович являлся членом редакционного совета уникального научного проекта Национального заповедника «Херсонес Таврический», Министерства культуры и туризма Украины и Института археологии НАН Украины по изданию серии обобщающих монографий, посвященных истории и культуре Херсонеса, широко известного во всем мире как «славянские Помпеи». Он был членом редколлегий коллективной монографии «Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э.», а также членом редколлегий и одним из авторов другой коллективной монографии «Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э.», высоко оцененной специалистами как «знаковое явление в херсонесиаде». Для этой же серии им была подготовлена объемная фундаментальная монография «Византийский Херсон», которая вышла в двух частях в 2005 г. и готовится к переизданию в России. Книга подвела итог 200-летних исследований истории города эпохи раннего средневековья, наметила новые направления и, что особо следует подчеркнуть, включила комментированную антологию переводов подавляющего большинства письменных нарративных источников, имеющих отношение к Херсону VI–X вв. Примечательно, что история византийского города была подана на

фоне широкого событийного полотна, охватившего территорию Крымского полуострова и вышедшего за его пределы – в Византию, Хазарию и другие страны средневековья.

С. Б. Сорочан – автор около 300 научных статей, публикаций, учебных и учебно-методических пособий, учебников, книг, изданных с 1978 по 2013 гг., в том числе 11 монографий: «Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э.» (1989 г.; в соавторстве с В. И. Кадеевым), «Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структуры механизмов обмена» (1998 г.; 2001 г. 2-е изд., испр. и доп.), «Жизнь и гибель Херсонеса» (2000 г., 2001 г., 2006 г.; в соавторстве с В. М. Зубарем и Л. В. Марченко); «Херсонес – Херсон – Корсунь. Путешествие через века без экскурсовода» (2003 г.; в соавторстве с В. М. Зубарем и Л. В. Марченко), «Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры» (2003 г.; коллективная монография); «Crimean Chersonesos. City, Chora, Museum, and Environs» (2003 г.; коллективная монография); «Кримський Херсонес. Місто, хора, музей та околиці» (2006 г.; коллективная монография); «У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера» (2005 г.; в соавторстве с В. М. Зубарем); «Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры» (2005 г.); «Херсонес Таврический. Путь сквозь века» (2012 г.; в соавторстве с В. М. Зубарем); «Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического» (2012 г.; в соавторстве с Ю. М. Могаричевым, А. В. Сазановым, Т. Э. Саргсян, А. К. Шапошниковым). Особенно интересуют исследователя проблемы организации византийского рынка, религиозной и повседневной жизни, топографии провинциального византийского города.

Ученый принимал участие в работе многих конгрессов и международных конференций, семинаров, был организатором некоторых из них. Он ведет большую научно-организационную работу, является заместителем главного редактора «Дриновского сборника» (Харьков, София), членом редакционных коллегий таких известных специальных периодических изданий, как «Вестник Харьковского университета» (серия «История»), историко-археологический ежегодник «Древности» (Харьков), «Археологія» (Киев), «Хазарский альманах» (Харьков, Киев, Москва), «Херсонесский сборник» (Севастополь), а также «Бахчисарайский историко-археологический сборник» (Симферополь), «Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма» (Севастополь, Тюмень), «Харьковский археологический сборник» (Харьков), сборник научных работ «Нартекс» (Харьков), серии «Славетні постаті Середньовіччя» (Львов). В 2011–2012 гг. ему удалось организовать новое периодическое издание по византистике и истории Церкви – «Нартекс. Byzantina Ukrainensis», главным редактором которого он стал. Издается оно при содействии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, Украинского национального комитета византистов и Харьковской епархии Украинской Православной Церкви Московского патриархата и может со временем стать центром сплочения и координации творческих сил украинской византистики, помочь ее становлению. В состав редколлегии журнала вошли такие признанные спе-

циалисты с мировым именем, как академик РАН, декан исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова С. П. Карпов, академик НАНУ, директор Института археологии НАНУ, председатель Украинского национального комитета византинистов П. П. Толочко, члены-корреспонденты НАНУ Г. Ю. Ивакин, А. П. Моця, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков и византистики Львовского национального университета имени Ивана Франко Л. В. Войтович и другие.

С. Б. Сорочан был рецензентом, научным консультантом, ответственным за выпуск ряда научных монографий, вузовских учебников (В. М. Зубаря, А. С. Русевой, Н. Г. Новиченковой, Ю. М. Могаричева, А. А. Тортики, Л. В. Войтовича, А. П. Мартъмьянова, В. А. Майко, Е. Я. Туровского и др.), сборников статей и т. д. Сергей Борисович пишет отзывы на диссертации, выступает оппонентом на защитах докторских и кандидатских диссертаций в Украине и России.

За весомый вклад в науку и образование С. Б. Сорочан удостоен многих наград и дипломов. В 1981 г. решением комиссии по проведению конкурса работ молодых ученых Харьковского государственного университета он стал лауреатом премии имени К. Н. Курячего за цикл работ по теме «Торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э. – V в. н. э.». В 1981, 1985, 1987, 1995 гг. от имени университета его награждали почетными грамотами за плодотворную работу и за успехи, достигнутые в выполнении плановых заданий. В 1987 г. он был отмечен почетной грамотой Харьковского обкома ЛКСМ Украины за активную работу по организации научно-исследовательской работы студентов. За высокие достижения в работе в 1999 г. получил диплом лауреата университетского конкурса III степени, а в 2002 г. – диплом I степени. В 2003 г. ему объявили благодарность и наградили грамотой университета и денежной премией за личный вклад в развитие образования и науки. В 2005 г. за многолетнюю добросовестную и плодотворную работу, весомый вклад в дело подготовки высококвалифицированных специалистов и в связи с 200-летием со дня открытия Харьковского университета он получил благодарность Харьковского городского головы и был награжден Министерством образования и науки Украины знаком «За научные достижения» (свидетельство № 22 от 20 января 2005 г.). В 2007 г. Сергей Борисович был отмечен дипломом участника областного конкурса «Высшая школа Харьковщины – лучшие имена» в номинации «Ученый».

В 2011 г. С. Б. Сорочан победил на конкурсе, объявленном Харьковской областной государственной администрацией на получение стипендии имени Василия Назаровича Каразина (по гуманитарным наукам) и в очередной раз получил благодарность Харьковского городского головы. В этом же году на XII выставке-конкурсе учебной литературы в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина вместе с А. Н. Домановским его наградили дипломом II степени за учебник «Історія Візантії. Вступ до візантиністики», а 7 февраля 2012 г. за учебное пособие «Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры» – престижной премией памяти Митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), учрежденной Русской Православной Церковью, правительством Москвы и Российской академией наук. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и Президент Российской АН Ю. С. Осипов

Награждение С. Б. Сорочана медалью и дипломом лауреата Макарьевской премии в Президиуме Российской академии наук. 2012 г.

в Президиуме Российской АН вручили ему медаль и диплом лауреата Макарьевской премии.

Следует особо отметить, что Сергей Борисович начал на историческом факультете Харьковского университета возрождение такого незаслуженно забытого значительного научного направления, как византиноведение, которое, будучи представлено серьезными научными силами в России и в других зарубежных странах, нуждается в укреплении и в Украине. Он успешно пытается возродить харьковскую школу византистики, известную с 40-х гг. XIX в. Его работы получили признание, вклад их в науку бесспорен. С этой точки зрения С. Б. Сорочан – один из немногих высококвалифицированных специалистов, усилиями которых сохраняются традиции византиноведческой науки в Украине, исследуется ее сложная проблематика. Он принимал участие в работе XVIII, XX, XXI Международных конгрессов византистов в Москве, Копенгагене, Париже, пользуется международным авторитетом и имеет учеников – докторантов, аспирантов и соискателей, которые продолжают и углубляют начатое им научное направление, крепящее научную славу Харьковского университета.

А. Н. Домановский

СТАТЬИ

А. В. Банников, Г. А. Шмидт

МILES ET SCRIPTOR RERUM: ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ У АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Бесспорно, что наиболее подробная информация заключена в современных описываемой эпохе нарративных источниках. Однако в отношении них не существует единой общепризнанной оценки. Т. Моммзен, например, весьма скептически относится к сочинениям античных авторов и больше полагается на эпиграфические свидетельства, а также на данные такого документа, как *Notitia Dignitatum*. Многие современные исследователи, напротив ставят на первое место именно литературные тексты, объясняя это тем, что хотя данный вид источников в той или иной степени субъективен по своей сути, он имеет два преимущества перед другими: во-первых, литературные источники достаточно многочисленны, а во-вторых, они просты для понимания. При этом сочинения позднеантичных авторов зачастую более точны, чем труды писателей периода Ранней империи¹. Это в особенной степени касается произведений IV в., времени, когда военная и гражданская карьеры оказались разделенными, и социальная элита общества была в массе своей не знакома с военным делом, а потому историки должны были давать пространные объяснения всему, что хоть как-то затрагивало эту область².

Несомненно, что наиболее важный из литературных источников по поздне-римской армии и военной организации второй половины IV в. – *Res gestae* Аммиана Марцеллина. Его значение невозможно переоценить. Римская историография IV в. фактически замыкалась на малых жанрах: бревиариях, и эпитамах, представлявших собой собрания выдержек из сочинений предшественников³. На подобном фоне труд Аммиана Марцеллина выглядит чем-то из ряда вон выходящим.

Основные сведения о личности Аммиана, которыми мы располагаем, сохранились в тексте «Истории» самим автором. Завершая свое сочинение Аммиан сообщает, что является «солдатом и греком» (Amm., XXXI, 16, 9)⁴. Отдельные замечания, сделанные Аммианом по ходу изложения, действительно позволяют утверждать, что будущий историк достаточно долгое время служил в армии, и, следовательно, практически, а не понаслышке, был знаком с различными сторонами военного дела.

Аммиан родился около 333 г. Эту дату можно определить лишь приблизительно, основываясь на том факте, что в 353 г., когда магистр Урзицин был отозван в Медиолан, Аммиан был одним из самых молодых офицеров, находившихся в его свите (Amm., XVI, 10, 21)⁵, следовательно ему едва ли было намного больше 20 лет. Место рождения Аммиана точно неизвестно. Наиболее убедительной представляется точка зрения, согласно которой он происходил из Антиохии-на-Оронте⁶.

Некоторые обстоятельства указывают на то, что Аммиан происходил из знатной семьи. Сам он называет себя «человеком благородного звания» (Amm., XIX, 8, 6)⁷. Еще один аргумент в пользу данной гипотезы – служба Аммиана в корпусе протекторов-доместиков (Amm., XV, 5, 22)⁸. Причем Аммиан состоял в этом элитном воинском подразделении с самого юного возраста, что было возможно только для тех, чьи отцы добились высоких постов на военной или гражданской службе⁹. Хорошее знание латинского языка – факт весьма необычный для восточного грека, предпочтение военной карьеры гражданской и служба доместиком заставляют видеть в отце будущего историка военного, вероятно, офицера высокого ранга. Существует даже гипотеза, что Аммиан был сыном комита Востока (*comes Orientis*) по имени Марцеллин, которому адресовано несколько законов Кодекса Феодосия¹⁰.

Аммиан вступил в корпус *protectores domestici* около 350 г. (Amm., XIV, 9, 1; XI, 5, 22; XVI, 10, 21) и был прикомандирован к штабу магистра конницы Урзицина. В 356/7 гг., когда армия под командованием Юлиана вела боевые действия против аламаннов, Урзицин находился в Галлии (Amm., XVI, 2, 8). Несомненно, что Аммиан по-прежнему оставался при нем, что заставляет воспринимать его рассказ об этих событиях как слова очевидца. В 357 г. в свите Урзицина будущий историк следует на Восток, где принимает самое деятельное участие в войне против персов (Amm., XVI, 10, 21; XVIII, 8, 11). В 363 г. Аммиан находится в составе армии Юлиана, отправившейся вглубь персидских владений (Amm., XXIV, 1, 5). После гибели императора Аммиан, очевидно, оставляет военную службу. В 80-е годы он переезжает в Рим, где приступает к написанию своей «Истории». Согласно установившемуся мнению, она была создана в период между 383 и 397 годами по ранее составленным историком заметкам¹¹. Возможно, Аммиан заканчивает работу над книгой около 390 г. В доказательство данного предположения приводится тот факт, что описывая александрийский Серапиум, он ничего не говорит о его разрушении в 391 г.¹²

В зарубежной научной литературе уже давно была высказана идея, что Аммиан задумал *Res Gestae*, как непосредственное продолжение исторических трудов Тацита. В отечественной науке эта гипотеза была принята на веру и, как кажется, никогда не подвергалась переосмыслению¹³.

В действительности вопрос о том, был ли Аммиан продолжателем Тацита, не имеет однозначного ответа. Гипотеза, согласно которой он ставил своей целью написать продолжение истории Тацита, была впервые выдвинута немецкими учеными второй половины XIX в.¹⁴, которые, исследуя текст *Res Gestae*, пришли к выводу, что в нем содержится множество прямых заимствований из сочинений Тацита¹⁵. Полный список параллелизмов текстов двух авторов был

составлен Г. Б. А. Флетчером¹⁶; всего в нем насчитывается 32 позиции, т. е. больше, чем число остальных выявленных заимствований из всех прочих авторов вместе взятых. Это, по мнению ученого, позволяет утверждать, что Аммиан сознательно подражал своему великому предшественнику. Еще одним аргументом в пользу этого предположения считается упоминание самого Аммиана о том, что он начал «Историю» с правления императора Нервы, т. е. с того самого места, где закончил свои сочинения Тацит.

В доказательство теории, связывающей Аммиана с Тацитом, часто приводят сходство мировоззрений двух историков: каждый из них обличал пороки своего времени и видел идеал в давно прошедших временах. При этом отмечается сходство композиций их трудов, построенных по хронологическому принципу.

Тем не менее, Л. Э. Уилшир считает, что веских оснований видеть в Аммиане продолжателя Тацита у нас нет. Филологические доказательства неубедительны, так как полный список тацитизмов у Аммиана не так уже велик, если принимать во внимание общий объем исторических трудов Тацита и *Res Gestae*. К тому же многие из этих параллелизмов можно списать на логику латинского языка, которая, несмотря на произошедшие в нем колоссальные изменения, и в IV столетии оставалась той же, что в период «серебряного века»¹⁷.

То обстоятельство, что Аммиан начал свое повествование с правления императора Нервы, Л. Э. Уилшир не считает весомым аргументом в пользу теории «продолжательства». Во-первых, Аммиан ни разу не упоминает ни самого Тацита, ни своего намерения продолжить его труд. Во-вторых, известно, что историк-биограф III в. Марий Максим начал серию своих биографий также с Нервы, однако в этом случае разница в жанрах исключает возможность говорить о нем как о продолжателе Тацита.

Согласно утверждению Аврелия Виктора, правление императора Нервы было последним с своим роде. После него у власти были не уроженцы Рима и Италии, а выходцы из провинций (Aurel. Vict., De Caes., 11, 12–13). Поэтому вполне вероятно, что, принимаясь за свое сочинение, Аммиан выбрал отправной точкой царствование императора Нервы вовсе не потому, что на этом событии остановился Тацит, а по той причине, что с этим императором заканчивалась вполне определенная эпоха римской истории.

Представление о сходстве идеологических взглядов двух историков, по мнению Л. Э. Уилшира, более, чем поверхностно¹⁸. Конечно же, как отмечалось выше, для обоих авторов идеал общественного устройства лежит в далеком прошлом. Но здесь-то и кроются различия. Для Тацита идеальная эпоха — времена сенатского правления, Аммиан тоже, кажется, стоит на просенатских позициях¹⁹. Однако, в отличие от Тацита, он видит корень всех зол отнюдь не в отстранении сената от власти, установлении монархического правления и окончательном низвержении республиканских идеалов. По его мнению, все современное ему общество находится в состоянии глубокого кризиса. Подтверждая эту мысль, Аммиан вводит в свой текст колоритные пассажи, в которых обличает пороки современников, начиная от императора и его приближенных, и заканчивая алчущей «хлеба и зрелищ» чернью. Вместо того, чтобы крепить величие и славу Рима, как это делали их предки, современники историка заботятся

о дешевой популярности, хвастаются красотой одежд, проводя дни в праздности; простолудины паразитируют, ученые и грамматики забыты, и предпочтение повсеместно отдается мимическим актрисам и возницам, сменяющим друг друга с невероятной быстротой (Amm., XIV, 6); знать, погрязла в разврате, высокомерии, безделье и чванстве (Amm., XXVIII, 6–27). Аммиан, в конечном итоге, осуждает конкретных правителей империи, а отнюдь не сам институт монархии. Более того, спасение положения он видит именно в сильном, опирающемся на армию и законы императоре²⁰.

Говорить о композиционном сходстве трудов Тацита и Аммиана можно, опять-таки, с большими оговорками. На первый взгляд, Аммиан, подобно Тациту следует хронологическому принципу изложения²¹. Однако у Аммиана явно проступает стремление к биографическому методу изложения, поэтому гораздо более логично было бы сравнить *Res Gestae* с сочинением Светония или «Писателями истории Августов»²².

В целом, аргументация Л. Э. Уилшира выглядит вполне убедительной. Анализ текста *Res Gestae* действительно показывает, что Аммиан очень часто прибегал к прямым заимствованиям из сочинений классических римских историков, в том числе и Тацита²³. Однако употребление одних и тех же языковых клише еще ни о чем не говорит. Не будем забывать, что Аммиан писал на неродном языке, и нет ничего странного в том, что он использовал при этом целые выражения из латинских исторических трудов, оставаясь при этом самобытным и оригинальным автором.

«История» состояла первоначально из 31 книги; до наших дней сохранились лишь последние 18 (с XIV по XXXI). В них подробно описаны события того самого периода, который был для Аммиана современностью; этот временной отрезок охватывает всего 25 лет (353–378 гг.). Вместе с тем, в первых 13 книгах излагалась история империи с 96 г. до 352 г. Таким образом, первая, не сохранившаяся часть *Res Gestae*, должна была очень сильно отличаться по манере изложения материала от второй, и походила на один из тех бревиариев, столь популярных в IV столетии, более, нежели чем на труды Тацита.

По всей видимости, Аммиан видел свою основную задачу не в том, чтобы продолжить дело Тацита, а скорее в том, чтобы написать о своем времени и о своих современниках, тех людей, кого он знал и с кем был возможно тесно знаком так же хорошо, как это сделал Тацит о своих современниках. События двух с половиной веков были для Аммиана лишь преамбулой к основному содержанию его сочинения. Таким образом, у нас нет оснований видеть в Аммиане ни продолжателя Тацита, ни его подражателя. В самих этих словах есть некий пейоративный оттенок, свидетельствующий об отсутствии оригинального начала. Вряд ли можно адресовать подобный упрек Аммиану. Вместе с тем, нельзя не признать, что он много почерпнул из наследия Тацита, вероятно намного больше, чем полагает Л. Э. Уилшир. Не исключено, что на написание исторического труда Аммиана подвиг именно пример Тацита, который, выставя напоказ недуги своего времени, стремился заставить современников задуматься о происходящем. Поэтому было бы уместнее назвать Аммиана не столько продолжателем, сколько Тацитом своей эпохи.

Некоторые исследователи полагают, что сохранившаяся до нашего времени часть «Истории» была написана Аммианом главным образом на основании его личных впечатлений²⁴, и этот факт будто бы весьма негативно отразился на достоверности сообщаемой им информации²⁵.

Подобная точка зрения не выдерживает критики. Не возникает никакого сомнения в том, что Аммиан, полагался не только на собственные воспоминания и заметки о событиях, участником которых ему довелось быть. Многие были записаны им со слов других очевидцев (Amm., XV, 1, 1; 9, 6; XXII, 8, 1)²⁶. Кроме того, историк широко привлекал разнообразные литературные источники (Amm., XVI, 7, 8)²⁷. Так, например, уже Г. Дельбрюк считал, что рассказ Аммиана о битве при Аргенторате основан на собственных мемуарах Юлиана²⁸.

Долгое время находясь при штабе офицеров, Аммиан, несомненно, по долгу службы имел доступ к самым различным документам, стекавшимся в ставку Урзичина²⁹. Отсюда те уникальные сведения, которые он, например, сообщает о секретном письме нотариуса Прокопия, отправленного в Персию, для заключения мирного договора (Amm., XVII, 14, 3; XVIII, 6, 17). Оно было составлено тайнописью на куске пергамента, который был спрятан в ножнах меча, а затем передано в город-крепость Амиду, где находился Урзичин. Аммиан не только сообщает о самом факте получения письма, но и приводит его дословное содержание (Amm., XVIII, 6, 18; 19).

В тексте *Res Gestae* неоднократно встречаются ссылки на источники официального характера (Amm., XVI, 7, 8; XXVIII, 1, 15)³⁰. Поэтому не исключено, что Аммиан имел возможность использовать и различные документы из императорских архивов (*tabularii principis publicii*).

Некоторые исследователи допускают, что Аммиан мог пользоваться заметками современников, так и не ставшими полноценными историческими сочинениями. Одним из таких источников мог быть так называемый *меморандум* личного врача Юлиана Оривазия, составленный им в помощь молодому историку Евнапию³¹. К такому выводу подводит сравнение описания персидского похода у Аммиана, во фрагментах «Истории» Евнапия и в труде Зосима³². Во всех трех источниках сообщается об одних и тех же фактах, для более детального рассказа избраны одни и те же события.

Считается установленным, что при написании своей «Новой истории» Зосим использовал труд Евнапия³³. Однако остается до конца не выясненным вопрос, как связаны друг с другом произведения Аммиана и Евнапия. Возможны два варианта:

- 1) один из этих историков воспользовался трудом другого;
- 2) оба они воспользовались одним и тем же источником;

В пользу того, что Евнапий прибег к заимствованиям из текста Аммиана говорит, прежде всего, тот факт, что он был младшим современником Аммиана, а, следовательно, существует большая доля вероятности, что он мог читать *Res Gestae*. Против этой гипотезы можно выдвинуть два аргумента: во-первых, сам Евнапий называет основным источником своих сведений о Юлиане *меморандум*, составленный для него Оривазием; во-вторых, в сохранившихся до нас фрагментах, рассказ Евнапия более подробен, нежели у Аммиана³⁴.

Теория о прямом заимствовании Аммианом из сочинения Евнапия также не находит достаточно веских подтверждений в тексте, поэтому И. Г. В. Г. Либшютц полагает, что наиболее вероятным является то, что и Аммиан, и Евнапий воспользовались одним и тем же документом, а, именно, *меморандумом* Оривания, упомянутым Евнапием³⁵.

За время, прошедшее с момента первого издания *Res gestae*, сочинение Аммиана было досконально изучено и прокомментировано. Казалось бы, сведения, которые использовал Аммиан, были им тщательно подобраны и проверены, поэтому на них вполне можно положиться. Однако спор о том, следует ли безоговорочно доверять Аммиану, не утихает до сих пор.

В зарубежной, прежде всего немецкой, научной литературе отношение к труду Аммиана долгое время было недоверчивым и скептическим. Уже А. Мюллер, давая оценку *Res gestae*, как источнику по военной истории IV в., заявил, что «добыча, которую можно получить от Аммиана, не столь уж велика, как это можно было бы ожидать от солдата»³⁶. В последние три десятилетия достоверность информации Аммиана вновь была поставлена под сомнение, и, в особенности, его компетентность в военном деле и его намерение показать армию такой, какой она была на самом деле³⁷. Сторонники этого направления полагают, что в рассказах о сражениях при Аргенторате или Адрианополе, а также осаде Амиды нет исторической реальности, и в основе их лежат описания, извлеченные из Гомера или Вергилия³⁸. Сам Аммиан будто бы был дилетантом, знакомство которого с военным делом было поверхностными и кратковременным, поэтому он умышленно избегает деталей и технических терминов, а в тех случаях, когда пытается дать своему читателю какие-то развернутые объяснения, делает это путано и неясно. Наглядным примером тому могут служить описания метательных и осадных машин, которые охотно приводит Аммиан³⁹.

Такая, на первый взгляд труднообъяснимая, особенность труда профессионального военного заставляет историков отказывать Аммиану в доверии даже тогда, когда приводимая им информация не только не противоречит нашим знаниям, но и подтверждается другими источниками. Так, например, многочисленные римские, византийские, армянские и арабские источники сообщают об использовании персами в сасанидскую эпоху боевых слонов. Однако Ф. Рейнс полагает, что все рассказы о персидских слонах, встречающиеся в *Res gestae*, порождены всего лишь желанием Аммиана создать в глазах своего читателя героический образ римской армии⁴⁰. «...Цель Аммиана, — утверждает он, — состоит в акцентировании или даже преувеличении громадного мужества римской армии перед лицом отчаяния и гнетущих трудностей...»⁴¹. Чтобы создать драматический эффект Аммиан будто бы умышленно сгущает краски, прибегая к устоявшимся литературным клише. «Сюжет страха перед слонами был одним из тех, к которым Аммиан (XIX, 2, 3) часто возвращался, и его фраза “ut retullimus saepe” (“как часто мы указывали”) здесь, видимо, намекает на то, что он уже разработал этот сюжет ранее, но в утерянной книге. Хотя прямое свидетельство Аммиана не может быть подвергнуто сомнению, его интерес к слонам также ясно отражает его риторические и стилистические особенности»⁴².

По мысли Ф. Рейнса подлинная роль слонов в сасанидских армиях была совершенно не такой, какой она представлена в *Res gestae*: «На поле боя никогда не выходило большое количество “боевых слонов”, в противоположность многочисленным гужевым животным обоза. Более того, их появление в битвах нерегулярно и наиболее заметно во время больших военных приготовлений в Сасанидской империи, таких, как вторжение Юлиана в 363 г...»⁴³.

Аммиана упрекают в неясности, а порой даже противоречивости в отношении военной терминологии. В своем сочинении он постоянно упоминает о *легионах, нумерах, когортах, центуриях, манипулах, турмах и ауксилиях*. Однако, при внимательном рассмотрении, выясняется, что очень часто он не делает различий между этими терминами и использует их совершенно произвольно. Аммиан, например, не видит особой беды в том, чтобы называть легионами подразделения, которые в *Notitia Dignitatum* не имеют этого статуса. Так, он упорно называет легионами Иовиев и Викторов (Amm., XXV, 6, 3; XXVI, 7, 13; XXVII, 8, 7), упоминает даже об их орлах, являвшихся штандартами исключительно легионов (Amm., XXVI, 7, 17); тем не менее *Notitia* идентифицирует эти подразделения как *auxilia palatina*⁴⁴. *Preventores* у Аммиана тоже легион, а по данным *Notitia*, данное подразделение имело статус *milites* (ND, Ос., XL, 19). Более того, однажды Аммиан называет легионом даже кавалерийский отряд: рассказывая о победе в 374 г. армянского царя Папа, он сообщает, что римляне тут же бросили в погоню за беглецами «легион», который быстро настиг армянских всадников (Amm., XXX, 1, 7).

Numerus у Аммиана – это любое воинское подразделение (Amm., XXVI, 5, 3; XXVII, 10, 6)⁴⁵, будь то легион (Amm., XXIX, 3, 7), ауксилия (Amm., XXIV, 4, 23; XXV, 10, 9; XXVII, 8, 7)⁴⁶ или даже кавалерийская турма (Amm., XXV, 1, 7)⁴⁷. Столь же широкий смысл он вкладывает и в другие традиционные для римской армии обозначения воинских отрядов. При этом использование им терминов *manipulus*, *centuria* или *cohors*, по-видимому, является, главным образом, данью традиции.

Термин *turma* Аммиан применяет обычно по отношению к кавалерийским отрядам независимо от их типа и вооружения (Amm., XVI, 12, 7; XVIII, 6, 16; 9, 4). Это могут быть как эскадроны римской конницы, так и конницы германцев (Amm., XV, 4, 9) или персов (Amm., XXIII, 3, 4; XXV, 1, 4). Кроме того, как это ни парадоксально, Аммиан однажды позволяет себе называть турмами и пехотные части (Amm., XXVI, 7, 9)⁴⁸.

Пожалуй, единственные обозначения, в которые историк вкладывает более-менее определенный смысл, это *auxilia* и *milites auxilarii*. Из замечаний, содержащихся в *Res Gestae* мы можем заключить, что ауксилиарии отличались от остальных солдат римской армии: они были менее дисциплинированы и с презрением относились к различного рода фортификационным работам (Amm., XVIII, 2, 6)⁴⁹. Таким образом, для Аммиана ауксии – это подразделения, укомплектованные солдатами, стоящими в культурном плане на более низкой ступени развития, чем солдаты других подразделений армии. Прежде всего, речь идет о германцах. В любом случае, дикость нравов (*barbara feritas*) (Amm., XX, 4, 6) и тех, и других позволяет Аммиану называть их варварами.

Каким же образом можно объяснить все эти особенности «Истории» Аммиана, кажущиеся многим специалистом подозрительными? Был ли Аммиан человеком, хорошо знавшим военную среду и предмет, о котором писал, или же его знакомство с армией было поверхностным и краткосрочным?

По мнению многих исследователей, Аммиан несомненно был военным, а неточности и ошибки, встречающиеся в тексте его труда, есть всего лишь отражение специфики его деятельности. Выше уже отмечалось, что, согласно одному из указаний самого историка, он входил в состав корпуса протекторов-доместиков. В современной историографии нет единой точки зрения относительно того, каковы были обязанности офицеров, носивших это звание.

Доместики⁵⁰ исполняли роль штабных офицеров при высокопоставленных военачальниках (Amm., XV, 5, 22) или при командирах отдельных воинских подразделений. По прошествии нескольких лет службы доместики, как и протекторы, могли стать командирами воинских частей: например, вышеупомянутый Флавий Меморий был назначен префектом легиона *Lanciarum seniores* (ILS, 2788). Однако основная часть доместиков, вероятно, несла службу при дворце императора, или состояла в штабах при высокопоставленных офицерах.

Н. Остин видит наглядное доказательство штабной деятельности автора *Res Gestae* в подробном описании наступательной операции, спланированной Юлианом против персов (Amm., XXIII, 3, 4). По мнению исследователя, сделать его мог только человек, хорошо понимавший суть проводимого маневра и обладавший информацией, которая позволила бы ему составить представление об общем ходе кампании⁵¹. Полевому офицеру было гораздо сложнее даже приблизительно изложить ход кампании, так как он был бы озабочен другими, более частными, проблемами.

Согласно Н. Остину, деятельность Аммиана в звании доместика не ограничивалась участием в планировании военных операций, но включала в себя также проведение различных миссий шпионского характера⁵². В качестве доказательства он приводит рассказ о поездке Аммиана в контролируемую персами Кордуэну (359 г.), где будущему историку предстояло выяснить масштабы подготавливаемого Шапуром II вторжения на территорию империи (Amm., XVIII, 6, 20–23). Н. Остин отмечает, что в данном случае Аммиан исполнял роль секретного агента, ответственного за сбор информации, необходимой для подготовки обороны⁵³. По нашему мнению, этот пример не может однозначно указывать на какие-то особые функции Аммиана, поскольку ему предстояло всего лишь войти в контакт с сатрапом Иовинианом, тайно сочувствовавшим римлянам. Нет ничего удивительного в том, что для выполнения этой задачи был отправлен свитский офицер высокого ранга. Для сбора секретной информации на территории противника на службе у государства существовали специальные шпионы, которых сам Аммиан называет *emissarii* (Amm., XVI, 9, 3), или *speculatores* (Amm., XXVI, 6, 5). Вряд ли можно согласиться с Н. Остином, полагающим, что, когда в Галлии вспыхнул мятеж Сильвана, Аммиан был отправлен туда в свите магистра Урзицина (Amm., XV, 5, 21), исполняя функции «секретного агента»⁵⁴. Это утверждение не имеет веских оснований: Аммиан сам говорит, что он был оставлен при Урзицине как один из самых молодых,

а, следовательно, наименее опытных офицеров, поэтому он не мог обладать какими-то специфическими знаниями, что исключает выполнение им при Урзicine особых поручений.

Таким образом, штабная деятельность наложила особый отпечаток на характер материала, собранного Аммианом.

Итак, был ли Аммиан кадровым военным, или же его знакомство с армейской средой было кратковременным и поверхностным? Ответ на этот вопрос для нас очевиден: Аммиан был потомственным военным и провел на службе около 10 лет. В тексте *Res Gestae* присутствуют многочисленные личные свидетельства Аммиана, оказавшегося по воле случая в эпицентре исторических событий. Он знает точные титулы офицеров и военачальников, приводит весьма ценные детали, касающиеся отдельных воинских частей. Война для него – это живая и повседневная реальность, офицеры – товарищи по оружию, и он часто называет имена тех из них, кто отличился в сражении или пал в бою⁵⁵. Аммиан никогда не стремится подробно рассказать об иерархии воинских званий или структуре подразделений: для него, в отличие от нас, подобные детали представлялись очевидными и не заслуживающими особого внимания. Вместе с тем, деятельность будущего историка носила, как правило, штабной характер. Поэтому он мог быть некомпетентным во многих вопросах, непосредственно связанных со строевой службой. Этим, в частности, можно объяснить его весьма туманное описание метательных машин, которое он, к тому же, мог позаимствовать из других источников. Так, например, вполне вероятно, что описанная им «гелепола» – не более, чем теоретическая разработка, заимствованная из недошедшего до нас трактата императора Юлиана, посвященного военной механике⁵⁶.

Относительно терминологической неточности, в которой так часто упрекают Аммиана, заметим, что вряд ли есть смысл вменять этот недостаток в вину нашему автору. Не только Аммиан, но и другие современные ему историки охотно использовали термины и выражения, ставшие уже архаизмами, но считавшиеся более уместными для использования их в литературной речи⁵⁷.

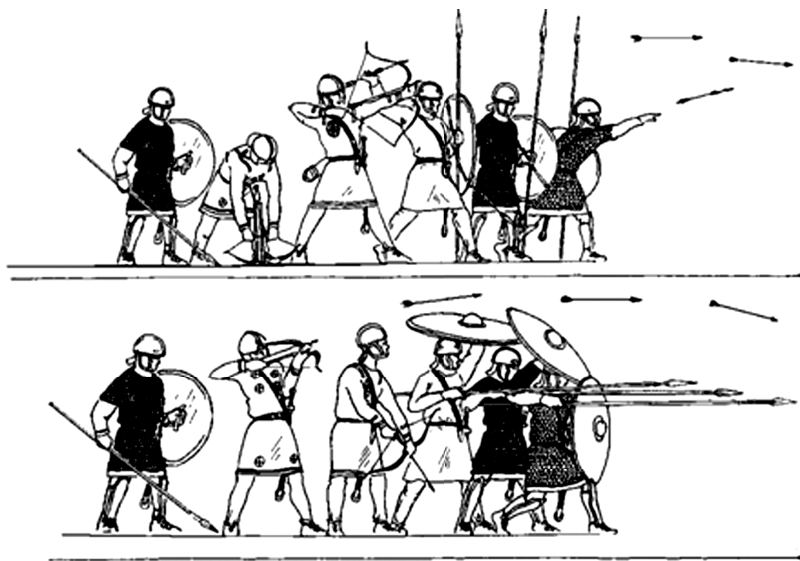
Эту особенность позднеантичной военной терминологии отмечал уже В. И. Холмогоров: «Те приемы исторического исследования, которые приводили к таким плодотворным результатам в отношении армии ранней империи, когда термины “легион”, “когорта”, “ала” являлись понятиями вполне определенными и неизменными, приводят к сомнительным выводам и часто несомненным натяжкам, когда эти приемы с той же последовательностью применяются и к армии IV в.»⁵⁸. «Неточность» в вопросе военной терминологии была присуща не только Аммиану, но и другим позднеантичным авторам. Характерно, что даже Юлиан не считает нужным проводить какую-либо классификацию между подразделениями различного типа и предпочитает называть их аритмами (ἀριθμοί)».

Возможно, в некоторых случаях Аммиан, старавшийся придерживаться образцов классической латыни, нарочито избегал употребления каких-то современных ему технических терминов и умышленно прибегал к архаизмам⁵⁹.

Изменения в римской военной организации, произошедшие в III – начале IV в. способствовали тому, что, сохраняясь, старая, привычная терминология

наполнялась новым смыслом. Это касается не только названий различных подразделений, входивших в состав армии, но и менее специальных терминов. В эпоху республики и Ранней империи термин *armatus* означал того, у кого есть оружие, в противовес тем, кто оружия не имеет или чье оружие не носит специфически военного характера⁶⁰. Вместе с прилагательными термин также мог означать различные категории войск во время военного похода⁶¹, однако он не содержал в себе указания на качество вооружения, которым располагал солдат.

В эпоху Поздней империи только первые ряды боевого порядка, состоявшие из офицеров, унтер-офицеров и отборных солдат, обладали полным комплектом тяжелого вооружения (Amm. XVI, 12, 20; Veg., II, 2; 15). Наличие тяжелого вооружения только у бойцов первых рядов, привело к тому, что слово *armatus* стало уже не просто метонимией для обозначения солдата, но и вполне конкретным термином, указывающим на категорию войск. Возможно, перемена значения этого слова произошла под влиянием греческого *ὀπλίτης*, широко использовавшегося в позднюю эпоху для обозначения тяжеловооруженных пехотинцев⁶².

Боевое построение римской армии во времена Аммиана Марцеллина.

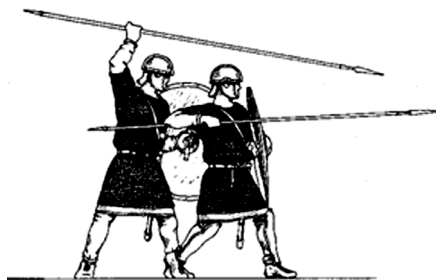
Рис. И. В. Курсанова

Согласно Аммиану, арматы образовывали императорский эскорт — *cohortes armatae* (Amm., XX, 5, 1; XXIV, 4, 18; XXV, 1, 16). Историк использует в данном случае слово *armatae* в качестве прилагательного, однако, как справедливо замечает С. Жаньяр, он делает это исключительно для того, чтобы указать на особое вооружение войск, иначе было бы трудно понять, для чего потребовалось таким образом обозначать когорты, которые изначально являлись военными подразделениями, особо выделяя их среди остальных отрядов армии⁶³. Арматы участвовали в триумфальном въезде Констанция II в Рим (357 г.). Их вооружение

было достаточно точно описано Аммианом: «С той и другой стороны шли две шеренги арматов, вооруженных щитами и в шлемах с султанами..., облаченных в сверкавшие кирасы» (Amm., XVI, 10, 8).

Отмечая все эти терминологические изменения, не будем, вместе с тем, забывать, что Аммиан посвящал *Res Gestae*, прежде всего, своим современникам, в том числе и профессиональным военным. Поэтому он должен был писать на понятном для них языке и использовать те термины, которые не вызвали бы возражения, насмешек или открытой критики. Таким образом нельзя решительно все списать на особенности стиля Аммиана. Ведь терминологическая сбивчивость, или, скорее, то, что мы ею считаем, характерна не только для его «Истории», но и для источников официального характера, таких, как *Notitia Dignitatum*, в которой указывается, что всякий солдат «служит в нумерах» (ND, Or., V, 67; VIII, 54, IX, 49)⁶⁴. Следовательно, нам остается предположить, что неразборчивость Аммиана в отношении терминов порождена не только и не столько его стилистическими приемами, сколько объективными реалиями IV в.

Проверить достоверность сведений Аммиана мы можем, сопоставив их с теми данными, которые приводят другие источники. Одним из них может быть упоминавшаяся уже *Notitia Dignitatum*. В ее VII главе, в той части, где представлен перечень подразделений, находившихся в Галлии в подчинении у магистра кавалерии Галлии (*magister equitum Galliarum*), мы не обнаружим воинских частей, которые, согласно Аммиану, находились здесь во времена Юлиана и Валентиниана I⁶⁵. Можно было бы допустить, что, ко времени составления этой главы, они уже прекратили свое существование. Тем не менее, это не так. Почти все отряды галльской армии, упомянутые Аммианом, присутствуют в *Notitia*, но только в списке воинских частей, размещенных в Италии (*intra Italiam*) (см. табл. 1).

Armati в первом и втором ряду строя при отражении атаки противника.

Рис. II. В. Кирсанова

Таблица 1. Сопоставление данных Аммиана Марцеллина с перечнем VII главы *Notitia Dignitatum*

NOTITIA DIGNITATUM, OC., VII			Подразделения, упоминаемые Аммианом
№ п/п	Название подразделения	Статус подразделения	
3	IOVIANI SENIORES	LEGIO PALATINA	IOVIANI
4	HERCULIANI SENIORES	LEGIO PALATINA	HERCULIANI
5	DIVITENSES SENIORES	LEGIO PALATINA	DIVITENSES
6	TUNGRECANI SENIORES	LEGIO PALATINA	TUNGRICANI IUNIORES
7	PANNONICIANI SENIORES	LEGIO PALATINA	MOESIACI
8	MOESIACI SENIORES	LEGIO PALATINA	MOESIACI

Продолжение табл. 1

NOTITIA DIGNITATUM, OC., VII			Подразделения, упоминаемые Аммианом
№ п/п	Название подразделения	Статус подразделения	
9	CORNUTI SENIORES	LEGIO PALATINA	CORNUTI
10	BRACHIATI SENIORES	AUXILIA PALATINA	BRACHIATI
11	PETULANTES SENIORES	AUXILIA PALATINA	PETULANTES
12	CELTAE SENIORES	AUXILIA PALATINA	CELTAE
13	HERULI SENIORES	AUXILIA PALATINA	HERULI
14	BATAVI SENIORES	AUXILIA PALATINA	BATAVI
15	MATTIACI SENIORES	AUXILIA PALATINA	-----
16	IOVII SENIORES	AUXILIA PALATINA	IOVII
17	VICTORES SENIORES	AUXILIA PALATINA	VICTORES
32	REGII	LEGIO COMITATENSIS	REGII
-----	-----	-----	PRIMANI
-----	-----	-----	ASCARII

Как видно из приведенной таблицы, кроме легионов *Primani*, второго легиона *Moesiaci* и ауксии *Ascarii*, в Италии были дислоцированы подразделения с названиями, аналогичными тем, которые приводит Аммиан. Обратим внимание на то, в какой последовательности представлены эти отряды в *Notitia*: во-первых, почти все они, кроме легиона *Regii*⁶⁶, идут друг за другом; это доказывает, что некогда они образовывали единое целое. Во-вторых, анализ источников свидетельствует, что в IV столетии практически всегда римские подразделения действовали попарно. Это было характерно как для легионов, так и для отрядов *auxilia*⁶⁷; в *Notitia* мы видим те же самые пары отрядов, о которых упоминает Аммиан (Иовианы и Геркулианы, Дивиденсы и Тунгриканы и т. д.). Подобное совпадение не может быть случайным. По-видимому, оба наших источника говорят об одних и тех же воинских частях⁶⁸.

Данный факт отражает высокую степень достоверности сведений, передаваемых Аммианом. Впрочем можно отметить и допущенные им определенные неточности. Как видно из таблицы, все приведенные в ней воинские части, кроме легиона *Regii*, имеют дополнительное наименование *seniores*. У Аммиана подразделения даются, как правило, без подобных эпитетов. Единственный отряд, для которого он делает исключение – Тунгриканы младшие. Этот легион Аммиан упоминает дважды, причем впервые он называет его *Tungricani iuniores* (Amm., XXVI, 6, 12), а второй раз просто *Tungricani* (Amm., XXVII, 1, 2). В *Notitia* легиона Тунгриканы младшие нет. Поэтому приходится признать, что в данном случае Аммиан допускает ошибку. Кроме того, этот пример показывает, что историк не видит большой беды в том, чтобы приводить сокращенное название подразделения без дополнительных определений *seniores* или *iuniores*.

Более запутанной представляется ситуация со вторым легионом Мезиаков. В *Notitia* о нем нет никаких упоминаний. Можно, конечно же, допустить, что

Аммиан имел ввиду легион *Moesiaci iuniores*, который не попал в списки VII главы *Notitia*, поскольку в то время, когда они составлялись, уже прекратил свое существование. Но такому предположению препятствует то обстоятельство, что среди подразделений, составлявших, по нашему мнению, некогда галльскую армию, нет ни одного, которое носило бы дополнительное обозначение *iuniores*, все они – *seniores*. Вместе с тем, нельзя не заметить, что пару с легионом *Moesiaci seniores* в *Notitia* образует легион *Pannoniciani seniores*. Любопытно, что Аммиан упоминает однажды два легиона с похожими названиями: Паннонский (*Pannonica*) и Мезийский (*Moesiaca*) (Amm., XXIX, 6, 13)⁶⁹, стоявшие в 373 г. в Паннонии. Но в *Notitia* легионы с такими названиями не значатся. Отсюда можно сделать вывод, что в действительности Аммиан дал нам искаженные названия подразделений, и на самом деле в его рассказе должны были действовать *Pannoniciani seniores* и *Moesiaci seniores*. Отсюда естественным образом вытекает предположение, что когда Аммиан вскользь говорит о двух отрядах Мезиаков (Amm., XX, 1, 3)⁷⁰, то речь идет все о тех же *Pannoniciani seniores* и *Moesiaci seniores*.

Один из наиболее наглядных примеров, дающих нам возможность оценить, насколько точно Аммиан реконструирует исторические события, это описание отправки цезарем Юлианом галльских войск на восток в декабре 360 г. (Amm., XX, 4, 2–3). Об этом факте, помимо «Истории» Аммиана, сообщается в «Послании сенату и народу афинскому» самого Юлиана и «Новой истории» Зосима. Дополнительные сведения можно почерпнуть из речей Либания, «Церковной истории» Созомена и фрагментов «Истории» Евнапия.

Этот эпизод уже неоднократно служил предметом научной дискуссии, финальная точка в которой не поставлена и по сей день. Основная проблема заключается в том, что описания в трех наших основных источниках заметно разнятся друг с другом. Прежде всего неясно сколько раз Юлиан посылал на восток галльские отряды. Во-вторых, нет определенности в вопросе, касающемся количества западных подразделений, отправленных Констанцию. По мнению некоторых исследователей, в письме Юлиана к афинянам речь идет не об одной посылке войск, а о трех, следовавших друг за другом⁷¹. Вместе с тем, Аммиан определенно говорит только об одной отправке войск, которая в результате так и не состоялась из-за вспыхнувшего бунта солдат. Наконец, Зосим утверждает, что Юлиан дважды посылал Констанцию галльские подкрепления, а когда, наконец, пришел третий приказ с требованием дополнительных контингентов, это привело к военному мятежу.

В соответствии с тем, что утверждает Юлиан, им было передано Констанцию 9 отрядов: 4 отборных подразделения пехоты, 3 менее сильных подразделения и 2 кавалерийские тагмы (Iul., Ad Ath., 280c–d)⁷². Аммиан приводит не только число отправляемых подразделений, но также упоминает названия некоторых из них. В соответствии с его утверждением, Юлиану было предписано отправить, четыре ауксиллии (Эрулов, Батавов, Кельтов и Петулантов), отряды по триста человек, отобранных из других отрядов, а также неизвестное количество солдат из схол Гентиллов и Скутариев (Amm., XX, 4, 2–3)⁷³. По Зосиму, Юлиан отправил в первый раз два пехотных подразделения, вслед за этим еще

некоторое количество пехотных отрядов (*τάγματα*), после чего Констанций потребовал четыре эскадрона кавалерии (Zos., III, 8, 3–4)⁷⁴.

В соответствии с теорией, выдвинутой Д. Хоффманном⁷⁵, сообщения трех источников не противоречат друг другу и вполне могут быть сопоставлены. Д. Хоффманн считает, что два пехотных подразделения вместе с неопределенным числом других пехотных отрядов, об отсылке которых сообщает Зосим, соответствуют первой отправке, упомянутой Юлианом. У Аммиана же это событие попросту не нашло отражения. Четыре илы кавалерии у Зосима, соотносятся со второй (несостоявшейся) отправкой войск у Юлиана и тем детальным рассказом, который оставил нам Аммиан.

Развивая эту гипотезу, Й. Сзидат, отождествляет две первые отправки у Зосима с теми событиями, о которых Аммиан упоминает вскользь, как о предшествовавших мятежу 360 г. По мнению исследователя, сообщение о 2-х турмах иллирийских всадников (Амм., XVIII, 8, 2)⁷⁶, оказавшихся на востоке во время войны с персами (359 г.) – прямое доказательство того, что ранее Юлиан уже отправлял войска Констанцию. Подтверждение своей теории Й. Сзидат находит в утверждении Аммиана (Амм., XXI, 5, 6), которому вторит Созомен (Soz., V, 1, 3), что Иллирия в 360 г. оставалась без каких-либо значительных воинских сил⁷⁷.

Какой бы привлекательной не казалась идея примирить сообщение трех наших источников, безоговорочно сделать этого нельзя. Д. Хоффманн отождествляет четыре кавалерийских подразделения, о которых сообщает Зосим, с Кельтами, Петулантами, Эрулами и Батавами Аммиана. Однако, как вполне справедливо заметил Ф. Пашу⁷⁸, в соответствии с данными *Notitia Dignitatum*, из этих четырех отрядов гипотетически кавалерийскими могли быть только Батавы⁷⁹. Остальные три подразделения, несомненно, были пехотными ауксилиями. Но даже версия с Батавами не выдерживает критики, поскольку анализ текста Аммиана показывает, что они тоже были пехотинцами⁸⁰.

Аргументация Й. Сзидата также представляется неубедительной, уже хотя бы потому, что Иллирик не входил в состав Галльской префектуры, войсками которой командовал Юлиан. Более того, на момент начала войны с Персией Констанций сам со всей своей армией находился в Иллирике, где вел войну с сарматами, следовательно, он мог распоряжаться военными силами этого региона без обращения за помощью к Юлиану.

По мнению Ф. Пашу, объединить сообщения всех трех источников невозможно. Зосим старается оправдать Юлиана, убеждая своих читателей, что тот не был виновен в государственном перевороте. Для этого он показывает, что Юлиан всегда скрупулезно выполнял требования императора и дважды посылал ему воинские контингенты, когда на востоке шла изнурительная война с персами (Zos., III, 8, 3–4). Умышленно сгущая краски, Зосим утверждает, что третий приказ об отправке войск пришел в тот самый момент, когда с персами якобы уже был заключен мир. Это стало причиной распространения в галльской армии слуха, что Констанций нарочно забирает у Юлиана лучшие войска с тем, чтобы погубить его, что вызвало открытое выступление солдат, провозгласивших Юлиана августом⁸¹. Если все описание Зосима носит явно

тенденциозный характер, то как соотносятся друг с другом рассказы Юлиана и Аммиана?

Выше отмечалось, что, согласно Аммиану, помимо четырех ауксилиий Юлиан должен был отослать императору по триста человек отобранных из других подразделений. Данную фразу можно трактовать двояко в зависимости от того, как мы будем понимать выражение *ex numeris aliis* (из других отрядов). В соответствии с версией, предложенной комментаторами *Res Gestae*, под другими *numeri* подразумеваются все воинские части галльской армии, исключая Эрулов, Батавов, Кельтов и Петулантов⁸². Со своей стороны Й. Сзидат полагает, что *numeri alii* – это вообще все отряды армии Юлиана, не являвшиеся ауксалиями⁸³. Согласно первой точке зрения, Юлиан посылал на восток четыре ауксалии в полном составе, а из всех остальных подразделений (ауксалий, легионов и кавалерийских отрядов) отбирал по триста человек⁸⁴. Вторая гипотеза предполагает, что в дополнение к четырем ауксалиям Юлиан посылал по 300 человек только из легионов и кавалерийских отрядов.

Й. Сзидат аргументирует свою позицию тем, что в тексте пассажа слово *auxiliariis* (ауксалиариев) со всей очевидностью противопоставлено слову *trecentenis* (по триста)⁸⁵. Тот факт, что Аммиан употребляет слово *auxiliarius*, обозначающее воина ауксалии, а не *auxilia* (тип подразделения), позволяет сделать вывод, что среди тех солдат, кто вошел в состав отрядов по 300 человек, ауксалиариев не было.

Однако авторы комментариев полагают, что данный довод не может считаться надежным доказательством. По их мнению, по смыслу разграничены не столько *auxiliariis* и *trecentenis*, сколько оба слова, взятые вместе, противопоставлены выражению *de Scutariis autem et Gentilibus*⁸⁶.

Возражая подобной трактовке, заметим, что Аммиан, как нам представляется, обособляет Скутарию и Гентилу вовсе не потому, что противопоставляет их ауксалиариям и отрядам по 300 солдат, а лишь по той причине, что это были гвардейские кавалерийские школы, составлявшие почетный конвой Юлиана. Слова же *auxiliariis* и *trecentenis*, взятые вместе, противопоставлены не выражению *de Scutariis autem et Gentilibus*, а содержанию второй части приказа Констанция, требующей, чтобы только Лупицин отправился на восток вместе с отобранными контингентами⁸⁷.

Отстаивая свою позицию авторы комментариев, утверждают, что в данном случае предлог *super* стоит рассматривать как синоним *de* (из)⁸⁸, как это было почти повсеместно в эпоху поздней античности⁸⁹. Если же мы примем версию Ч. Форнары⁹⁰, полагающего, что Аммиан, умышленно архаизируя свой текст, часто использует речевые обороты, присущие классическим латинским авторам (Ливию, Саллюстия, Тациту), то можно допустить, что *super* в сочетании с аблативом имеет у него классическое значение «сверх, кроме, помимо».

Выше мы уже уделили внимание вопросу, касающемуся использования Аммианом различных военных терминов, и, в частности, отметили, что ауксалиарии были в глазах историка солдатами-варварами. Нам представляется несомненным, что слова *auxiliariis* и *trecenteniis* вполне определенно противопоставлены по смыслу. Таким образом, Аммиан разделяет солдат, которые

в его глазах были варварами, и тех, кого историк считал римлянами⁹¹. Упомянутые другие нумеры (*numeri alii*), Аммиан имеет ввиду подразделения, солдаты которых были неварварами, Теоретически, к ним можно было бы отнести легионы и римские отряды всадников. В действительности конницу мы должны исключить из этого списка: численность эскадронов, которые могли входить в состав армии Юлиана, варьировалась от 300 до 500 бойцов⁹², поэтому вряд ли из них можно было выделить по 300 человек для отправки на другой фронт. Это наглядно демонстрирует, что нумеры, упоминаемые Аммианом, были исключительно пехотными подразделениями, т. е. легионами.

Следующий вопрос, разрешение которого, по нашему мнению, имеет важное значение для понимания исследуемого фрагмента текста, касается состава армии Юлиана на момент провозглашения его августом. У Аммиана, описывающего военные действия в Галлии в период командования Юлиана, встречается десять названий подразделений пехоты, из них 6 отрядов, которые мы можем, опираясь на данные самого Аммиана, а также *Notitia Dignitatum*, идентифицировать как *auxilia* (Кельты и Петуланты, Эрулы и Батавы, Корнуты и Бракхиаты (Amm., XX, 4, 2; 5, 9; XXI, 3, 2; XVI, 12, 45; XX, 1, 3; 4, 2; XV, 5, 30; XVI, 12, 43; 11, 9); 3 подразделения мы можем считать легионами: Приманы (Amm., XVI, 12, 49) и два отряда (*numeri*) Мезиаков (Amm., XX, 1, 3), о которых уже говорилось выше.

Труднее определить, какой статус имели Регии. К. Цукерман полагает, что Регии, участвовавшие в битве при Аргенторате, – это ауксилия *Regii Emesensi Iudaei*, которая была сформирована правителем Эмессы для защиты от персов. После поражения Пальмирского царства, в состав которого входила и Эмесса, Регии стали частью армии Аврелиана⁹³. Ле Бозк, со своей стороны, считает, что этот отряд был сформирован в 306 г. из подданных аламаннского царя Крока, поддерживавшего императора Константина⁹⁴.

Вместе с тем, по данным *Notitia Dignitatum*, в западной половине империи подразделение с названием Регии имело статус легиона, а ауксилия Регии находилась на востоке. В связи с этим нам представляется, что Регии, участвовавшие в бою под Аргенторатом, в действительности были легионом, однако этот легион входил в состав гарнизона Италии и был переброшен в Галлию лишь на некоторое время для усиления армии Юлиана, а затем вновь уведен на место своей постоянной дислокации. В качестве доказательства этой гипотезы можно вспомнить, что, согласно планам римского командования, удар по аламаннам в 357 г. должны были произвести не только галльские войска, но также и армия, шедшая из Италии под командованием магистра кавалерии Барбациона. Аммиан пишет, что Барбацион, потеряв в столкновении с аламаннами большую часть обоза, предпочел отойти на зимние квартиры. Это не мешает, однако, предположить, что Регии были отправлены Юлиану в качестве подкрепления. То, что Регии не входили на постоянной основе в состав галльской армии, подтверждается также и данными *Notitia Dignitatum*: в приведенной выше таблице видно, что этот легион находится далеко в стороне от перечня других галльских отрядов.

Таким образом, в соответствии с точкой зрения К. Цукермана, в армии Юлиана было 3 легиона и 7 ауксильев. Мы предполагаем, что в 357 г. у Юлиана было

6 ауксилиев и 4 легиона, один из которых впоследствии был возвращен в Италию на место своей постоянной дислокации. Но в том и другом случае получаем, что, когда в 360 г. пришел приказ об отправке войск на восток, в галльской армии было три легиона (Приманы, Паннонский и Мезийский). Именно из них и были отобраны по триста человек. Кроме того, как отмечалось, из двух схол, Скутариев и Гентилов, надлежало послать определенное количество отборных солдат, образовавших два небольших эскадрона.

Сделанные нами наблюдения позволяют утверждать, что рассказы Аммиана и Юлиана об отправке войск практически идентичны друг другу: 4 сильнейших отряда пехоты («τέτταρες ἀριθμούς τῶν κρατίστων πεζῶν»), о которых сообщает Юлиан, соответствуют 4-м аукселиям Аммиана (*Aeruli et Batavi cumque Petulantibus Celtae*); 3 более слабых отряда у Юлиана («τρεῖς ἄλλους τῶν ἐλλαστόνων») это отряды по 300 солдат (*ex numeris alii trecenteni*), набранные из 3-х легионов; наконец, две тагмы всадников («ἰππέων τάγματα δύο») – 2 кавалерийских отряда, сформированные из схол Скутарией и Гентилов (*de Scutariis autem et Gentilibus*).

Бесспорно, образованный и воспитанный на образцах классической литературы грек очень часто одерживал в Аммиане верх над холодным рационализмом римского офицера. Сам Аммиан видел главную задачу историка не только в том, чтобы правдиво изложить произошедшие события, но и в том, чтобы это было сделано подобающим языком и в надлежащей манере. Именно поэтому он призывает своих возможных продолжателей «дать своей речи более высокий полет» (Amm., XXXI, 16, 9)⁹⁵. Вместе с тем, многолетний опыт военной службы и непосредственное участие в военных действиях – вполне надежное доказательство того, что Аммиан не был дилетантом в военном деле и сведения, сообщаемые им, могут считаться достоверными и надежными⁹⁶. В тех случаях, когда Аммиан не имел возможности составить описание по собственным воспоминаниям или сделанным ранее записям, он использовал только тщательно проверенные источники. Но не следует забывать, что будущий историк был штабным офицером. Его представление и знания о войне должны были заметно отличаться от тех, которыми обладал полевой офицер. Для Аммиана важна прежде всего «армейская кухня», функционирование внутренних пружин военной машины. Отсюда его интерес к организационным изменениям в армиях, вопросам снабжения и логистики.

Не нужно требовать от Аммиана детальных описаний элементов вооружения, построений армий, тактических приемов и сражений, свидетелем которых он не был. Позднеримская военная система была настолько сложным и многогранным организмом, что слово *miles* (воин), которым называет себя Аммиан, могло обозначать не только участника прямых столкновений с противником, но и человека, связанного с армией, обладавшего узко-специальными знаниями и не принимавшего непосредственного участия в боях.

Принципиально важным представляется то обстоятельство, что в тех случаях, когда мы можем проверить сообщаемую Аммианом информацию, сравнивая его текст с данными других источников, подобный контроль чаще всего подтверждает точность и правдивость сведений Аммиана Марцеллина, что

позволяет нам с полным основанием считать его одним из лучших исторических источников по второй половине IV в., особенно когда речь идет о римской армии или военной системе в целом⁹⁷.

¹ *Le Bohec Y.* L'armée Romaine sous le Bas-Empire. – Paris, 2006. – P. 11.

² Там же. – P. 124.

³ *Кареев Д. В.* Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания Города». – СПб, 2004. – С. 7.

⁴ «Miles quondam Graecus».

⁵ «...Adulscientes eum sequi iubemur».

⁶ *Seyfarth W.* Einführung // Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. – Darmstadt, 1968. – S. 1.

⁷ «...Iam superarer ut insuetus ingenuus» («когда я уже изнемогал, как непривычный к этому человек благородного звания» (пер. А. И. Сонни и Ю. А. Кулаковского).

⁸ «Tribunis et protectoribus domesticis decem, ut postularat, ad iuvandas necessitates publicas ei coniunctis. inter quos ego quoque eram cum Veriniano collega» («По его требованию ему была дана свита из десяти трибунов и протекторов-домеситков для исполнения поручения по государственному делу. Среди них был и я с моим товарищем Веренианом» (пер. А. И. Сонни и Ю. А. Кулаковского).

⁹ *Trombley F.* Ammianus Marcellinus on fourth-century warfare: a protector's approach to historical narrative // Late Roman World and Its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus. – London; New-York, 1999. – P. 17–18.

¹⁰ *Thompson E. A.* The Historical Work of Ammianus Marcellinus. – London, 1947. – P. 2.

¹¹ *Лукомской Л. Ю.* Аммиан Марцеллин и его время. Вступ. статья // Аммиан Марцеллин. – Римская история. – СПб., 1994. – С. 5.

¹² Там же. – С. 19.

¹³ *Соколов В. С.* Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // ВДИ. – 1959. – № 4. – С. 45; *Удальцова З. В.* Мировоззрение Аммиана Марцеллина // ВВ. – 1968. – Т. 28. – С. 39.

¹⁴ *Wilfflin E.* Stilistische Nachahmer des Tacitus // Philologus. – 1870. – 19. – P. 557–560; *Wirtz H.* Ammianus Beziehungen zu seinen Vorbildern Cicero, Sallustius, Livius, Tacitus // Philologus. – 1877. – 35. – P. 627–636.

¹⁵ *Wilshire L. E.* Did Ammianus Marcellinus Write a Continuation of Tacitus? // The Classical Journal. – 1973. – Vol. 68 (3). – P. 222.

¹⁶ *Fletcher G. B. A.* Stylistic borrowings and parallels in Ammianus Marcellinus // Revue de philologie de litterature et d'histoire anciennes. – 1937. – P. 378–395.

¹⁷ *Wilshire L. E.* Op. cit. – P. 221.

¹⁸ Ibid. – P. 222.

¹⁹ Он, например, с почтением отзываясь о сенаторах Претекстате и Симмахе (Amm., XXII, 7, 6; XXVII, 3, 3; XXVII, 9, 8).

²⁰ *Wilshire L. E.* Op. cit. – P. 224; *Удальцова З. В.* Мировоззрение Аммиана Марцеллина // ВВ. – 1968. – Т. 28. – С. 47.

²¹ *Соколов В. С.* Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // ВДИ. – 1959. – № 4. – С. 49.

²² *Wilshire L. E.* Op. cit. – P. 225.

²³ *Fornara C. W.* Studies in Ammianus Marcellinus: II: Ammianus' Knowledge and Use of Greek and Latin Literature // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. – 1992. – 41 (4). – P. 433 et sq.

²⁴ *Crumph G. A.* Ammianus Marcellinus and the Late Roman Army // Historia. – 1973. – 22. – P. 102–103.

²⁵ *Соколов В. С.* Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // ВДИ. – 1959. – № 4. – С. 42: «...Его повествование уподобляется запискам современника или мемуарам, что и отражается на самом характере «Истории». Это обстоятельство понижает и объективность произведений Аммиана, поскольку в этом случае неизбежен односторонний отбор фактов и их освещение».

²⁶ Ермолова И. Е. Отношение Аммиана Марцеллина к труду историка: теория и практика // ВДИ. – 2008. – № 4. – С. 135.

²⁷ «...Antiquitates replicando conplures invenire non potui».

²⁸ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. – В 4 т. – Т. 2. – СПб, 1994. – С. 191.

²⁹ Ермолова И. Е. Указ. соч. – С. 135; 137, примеч. 30.

³⁰ Там же. – С. 137.

³¹ Liebeschuetz J. H. W. G. Pagan historiography and the decline of the Empire // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Forth to Sixth Century A.D. – Leiden, 2003. – P. 188.

³² Ibid. – P. 187-188.

³³ Ibid. – P. 184-185.

³⁴ Ibid. – P. 188.

³⁵ Ibid.

³⁶ Müller A. Militaria aus Ammianus Marcellinus // Philologus. – 1905. – 64. – S. 573 et sq.

³⁷ Sabbah G. L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Les sources littéraires // L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002). – Lyon, 2004. – P. 38.

³⁸ O'Brien P. Ammianus Epicus: Virgilian Allusion in the «Res Gestae» // Phoenix. – 2006. – 60 (3/4). – P. 275, note 3.

³⁹ Наиболее странное из всех — описание гелепопы, или подвижной башни. «Сооружают ее таким образом, — пишет Аммиан, — Сбивают огромный штурмовой щит из толстых досок, скрепленных длинными железными гвоздями; покрывают его воловьими кожами и плетеньем из свежесрубленной лозы и обкладывают сверху мокрой глиной, чтобы обезопасить от брандеров и метательных снарядов. С передней стороны насаживают отточенные тройные острия, примерно такие, какими живописцы рисуют или скульпторы высекают изображение молнии. Острия эти выковываются из железа, они очень массивны и сокрушают все, на что натолкнутся. Это мощное сооружение ставится на колеса, и солдаты, разместившись внутри в значительном числе, направляют его движение канатами. Напрягая все силы, они придвигают его к более слабым частям стен, и, если защитники не в состоянии дать отпор, то эта машина сокрушает стены и открывает широкие проломы» (Amm., XXIII, 4, 8–9; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Подобное сооружение не описано ни в одном другом источнике и вряд ли когда-либо существовало в действительности. Характерно, что, рассказывая об осаде персидской крепости Пирисабора, Аммиан вновь говорит о постройке гелепопы (Amm., XXIV, 2, 18; 19). Однако на этот раз из текста абсолютно ясно, что речь идет именно о подвижной башне в ее классическом варианте. У любого исследователя сразу же может возникнуть вопрос: мог ли профессиональный военный, каковым позиционирует себя Аммиан, таким образом представить конструкцию машины, которая использовалась уже в период войн диадохов?

⁴⁰ Рейнс Ф. Боевые слоны в военном деле поздней античности // Para bellum. Военно-исторический журнал. – 2008. – № 29. – С. 6.

⁴¹ Там же. – С. 17.

⁴² Там же. – С. 15-16.

⁴³ Рейнс Ф. Боевые слоны в военном деле поздней античности // Para bellum. Военно-исторический журнал. – 2008. – № 30. – С. 49.

⁴⁴ Iovii: ND, Or., XXXIX. 21; Oc., V, 23=168=VII, 16; V, 36=184=VII, 42; Oc., V, 64=212=VII, 76; Victores: ND, Or., XXXIX. 21; Oc., V, 22=63; 18; Oc., VII, 17, V, 37=185=VII, 126).

⁴⁵ Amm., XXVI, 5, 3: «militaris partiti numeri»; XXVII, 10, 6: «cum Illyriis et Italicis numeris».

⁴⁶ Amm., XXIV, 4, 23: «Exsuperius de Victorum numero miles»; XXV, 10, 9: «Erulorum e numero miles...» XXVII, 8, 7: «Cum consecuti Batavi venissent et Heruli Ioviique et Victores, fidentes viribus numeri...».

⁴⁷ «Tertiatorum equestris numerus».

⁴⁸ «...Concitate equitum peditumque turmae».

⁴⁹ «...Auxiliarii milites semper munia spernentes huius modi».

⁵⁰ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа и римская армия IV века н. э. // Архив СПб ИИ РАН. – Русская секция. – Ф. 276. – Оп. 2. – Ед. хр. 49 (отдельная нумерация). – С. 111. Роль корпусов domestikов и протекторов в позднеримской армии исследователь сопоставил с ролью некоторых полков русской гвардии XVIII в., в частности кавалергардов, которые

первоначально были небольшим корпусом, охранявшим императора. Значение корпусов доместики и протекторов для армии В. И. Холмогоров оценил чрезвычайно высоко: «Таким образом, *domestici* и *protectores*, различаясь между собою только несколько более аристократическим составом первых, являлись лучшей, отборнейшей частью всей римской армии IV–V вв.; они составляли личную охрану императора, сопровождали его в походах, несли караулы во дворце, выполняли ответственные поручения и играли роль ассадника надежных командирских кадров для частей полевой армии... Доместики и протекторы, несомненно, составляли “офицерский корпус”, вместе с тем они не только были частью армии, но даже ее наилучшей, надежнейшей частью, на которую была возложена ответственная задача – охрана носителя верховной власти в империи». В VI в. доместики-протекторы утратили свое значение и превратились в церемониальные дворцовые войска, совершенно не связанные с армией. О том, что они представляли, сообщает Прокопий Кесарийский: «Есть во дворце и другие, пользующиеся намного большим почетом лица, поскольку казна обычно выделяет им большее жалование на том основании, что и они платят больше за получение своего военного звания. Их называют доместиками и протикторами, и они издревле были не искусны в военных делах. Ибо они зачислялись в дворцовое войско единственно ради звания и внешнего блеска» (Procop., HA, XXIV, 24–25; пер. А. А. Чекаловой).

⁵¹ Austin N. J. E. Ammianus on Warfare: An Investigation into Ammianus's Military Knowledge. – Bruxelles, 1979. – P. 12–17.

⁵² Ibid. – P. 13–14.

⁵³ Ibid. – P. 14.

⁵⁴ Ibid. – P. 14.

⁵⁵ Vogler Ch. Les officiers de l'armée romaine dans l'oeuvre d'Ammien Marcellin // La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut Empire. Actes du Congrès de Lyon (15–18 septembre 1994). – Paris, 1995. – P. 389.

⁵⁶ О том, что Юлиан написал трактат о военных машинах, сообщает Иоанн Лидиец (Ioh. Lyd., De magistrat., I, 47).

⁵⁷ Le Bohec Y. Op. cit. – P. 67.

⁵⁸ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа и римская армия IV века н. э. // Архив СПб ИИ РАН. – Русская секция. – Ф. 276. – Оп. 2. – Ед. хр. 49 (отдельная нумерация). – С. 38 и послед.

⁵⁹ Le Bohec Y. Op. cit. – P. 12.

⁶⁰ «...Armatos si latine loqui volumus, quos appellare vere possumus? Opinor eos qui scutis telisque parati ornatique sunt» (Cicero, Cecina, 60).

⁶¹ Janniard S. Armati, scutati et la categorisation des troupes dans l'Antiquité tardive // L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002). – Lyon, 2004. – P. 390.

⁶² Ibid. – P. 392.

⁶³ Ibid. – P. 391.

⁶⁴ «In numeris militat».

⁶⁵ За исключением *Brachiati iuniores* и *Batavi iuniores*, которые имеют, как кажется, непосредственную связь с теми отрядами, о которых говорил Аммиан Марцеллин.

⁶⁶ Относительно этого легиона см. ниже.

⁶⁷ Нам известно о существовании следующих пар легионов: Паннонский и Мезийский (Amm., XXIX, 6, 13) Дивиденсы и Тунгриканы Младшие (Amm., XXVI, 6, 12; XXVII, 1, 2), Ландиарии и Маттиарии (Amm., XXXI, 18, 8); Иовианы и Геркулианы (Amm., XXII, 3, 2; XXV, 6, 2). Ауксилии образовывали такие пары: Супервенторы и Превенторы (Amm., XVIII, 9, 3; ND, Or., XXXIX, 21; Ос., XXXVII, 18; Or., XL, 19). Эрулы и Батавы (Amm., XVI, 12, 45; XX, 1, 3; 4, 2; XXVII, 1, 2–6) Кельты и Петуланты (Amm., XX, 4, 2; 5, 9; XXI, 3, 2; XXII, 12, 6; XXXI, 10, 4), Корнуты и Бракхиаты (Amm., XV, 5, 30; XVI, 12, 43; 11, 9), Иовии и Викторы (Amm., XXV, 6, 3; XXVI, 7, 13; XXVII, 8, 7). Подобные пары отрядов были весьма устойчивыми образованиями. Так, например, Супервенторы и Превенторы действовали совместно с момента своего образования (ок. 350 г.) (Amm., XVIII, 9) до гибели в 359 г. во время захвата персами Амиды; Кельты и Петуланты сражались в Галлии под командованием Юлиана (360 г.) (Amm., XX, 4, 2), а в начале 378 г. отразили нападение лентиев (Amm., XXXI, 10, 4).

⁶⁸ О том когда и по каким причинам галльские отряды могли быть переведены в Италию см.: Банников А. В. Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). – СПб, 2011. – С. 240–241.

⁶⁹ «Legiones motae sunt duae, Pannonica et Moesiaca».

⁷⁰ «Numerisque Moesiacorum duobus».

⁷¹ Paschoud F. Notes // Zosime. Histoire nouvelle. – En 3 t. – T. II – Paris, 1979. – P. 84.

⁷² «ἐπεμψα τῷ Κωνσταντῷ τέτταρες ἀριθμούς τῶν κρατίστων πέζων, τρεῖς ἄλλους τῶν ἐλλαττόνων ἱππέων τάγματα δύο τὰ ἐντιμώτατα».

⁷³ «...Decentium tribunum et notarium misit auxiliares milites exinde protinus abstracturum Aerulos et Batavos cumque Petulantibus Celtas et lectos ex numeris aliis trecentenos, hac specie iussos adcelera-re, ut adesse possint armis primo vere movendis in Parthos. Et super auxiliariis quidem et trecentenis cogendis ocus proficisci Lupicinus conventus est solus, transisse ad Britannias nondum conpertus, de Scutariis autem et Gentilibus excerpere quemque promptissimum et ipseperducere Sintula iubetur Caesaris stabuli tunc tribunus».

⁷⁴ «...τάγματα δυο τῶν ἐν Κελτοῖς στρατιωτῶν ἐκπεμψήναι κελεύει... δὲ καὶ ἕτερα τάγματα στρατιωτικὰ πεμψθῆναι οἱ παρὰ τοῦ Καίσαρος ἤ τει· καὶ τυχὼν τῆς αἰτήσεως ἄλλας μετ' οὐ ποὺ τέσσαρος ἴλας ὡς αὐτὸν ἐκέλευεν ἐκπεμψθῆναι...».

⁷⁵ Цит. по: Paschoud F. Op. cit. – P. 84.

⁷⁶ «Namque duarum turmarum equites circiter septingenti ad subsidium Mesopotamiae recens ex Illyrico missi».

⁷⁷ Paschoud F. Op. cit. – P. 84.

⁷⁸ Ibid. – P. 84–85.

⁷⁹ *Batuai seniores (vexillatio Palatina in Gallia)*: Ос., VI, 5 = 47=VII, 167; *iuniores* (id.): Ос. VI, 9=51=VII, 169.

⁸⁰ Это можно наглядно продемонстрировать всего лишь на одном примере: в битве при Аргенто-рате вся римская кавалерия была сосредоточена на правом фланге. Когда она бросилась бежать, натиск германцев встретила пехота, среди подразделений которой Аммиан называет Корнутов и Бракхиагов, Региев и Батавов (Amm., XVI, 12, 44–45).

⁸¹ Paschoud F. Op. cit. – P. 84–85.

⁸² *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus*. – T. XX – Groningen, 1987. – P. 58.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Банников А. В. Численность подразделений позднеримской армии (часть 2) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. – 2010. – Вып. 4. – С. 113.

⁸⁵ «Et super auxiliariis quidem et trecentenis cogendis» («Помимо ауксилиариев, а также отрядов по триста человек»).

⁸⁶ *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus*. – T. XX – Groningen, 1987. – P. 59: «Et super auxiliariis quidem et trecentenis cogendis ... de Scutariis autem et Gentilibus» («Помимо ауксилиариев, и отрядов по триста человек ...из Скутариев же и Гентиллов»).

⁸⁷ «Et super auxiliariis quidem et trecentenis cogendis ocus proficisci Lupicinus conventus est solus» («Помимо ауксилиариев, а также отрядов по триста человек, было приказано, чтобы только Лу-пицин получил приказ спешно выступить в путь»).

⁸⁸ «Из ауксилиариев и отрядов по триста...; из Гентиллов же и Скутариев...».

⁸⁹ *Sprachlicher und historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus XVI*. – Groningen, 1972. – S. 40.

⁹⁰ Fornara C. W. Op. cit. – P. 438.

⁹¹ Подобное противопоставление характерно не только для Аммиана, но и для других поздне-античных авторов. Оно, например, отчетливо прослеживается у Зосима, который, говоря о подразделениях римской армии, отмечает, что существовали *τάγματα Ῥωμαίων* – отряды римлян, т. е., очевидно, легионов и *τάγματα βαρβάρων* – отряды варваров, т. е. ауксилиев (Zos., IV, 7, 1).

⁹² Банников А. В. Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). – СПб, 2011. – С. 142–145.

⁹³ Zuckerman C. Les «Barbares» romains: au sujet de l'origines des auxilia tetrarchiques // *L'armée romaine et les barbares du III au VI siècle. Mémoires publiés par l'Association française d'Archéologie Mérovingienne* – 1993. – 5 – P. 19.

⁹⁴ *Le Bohec Y*. Op. cit. – P. 61.

⁹⁵ «...Quos id, si libuerit, adgressuros, procudere linguas ad maiores moneo stilos».

⁹⁶ Crump G. A. Op. cit. – P. 102–103.

⁹⁷ Sabbah G. Op. cit. – P. 38; Ермолова И. Е. Указ. соч. – С. 134; Соколов В. С. Указ. соч. – С. 39.

Н. Н. Болгов

КОРИПП И КЛАССИЧЕСКАЯ РИТОРИКА В ПОСЛЕДНЕМ ЛАТИНСКОМ ЭПОСЕ АНТИЧНОСТИ

Культура Ранней Византии представляла собой многостороннее явление, в котором уживались разнообразные элементы. Наиболее феноменальна судьба латинского пласта этой культуры. Восточный Рим при поддержке государства в теории считал латинский язык привилегированным (до VII в.). Однако, со временем, ничто не оказалось так прочно забыто, как литература Ранней Византии на латинском языке. Она оказалась абсолютно маргинальной по отношению и к ранневизантийской литературе (греческой или греко-коптско-сирийской), и к раннесредневековой латинской, сосредоточенной в Западном Средиземноморье. Нельзя ее назвать и позднеримской, так как речь идет уже о VI веке.

Среди таких маргинальных авторов на первом месте стоит, пожалуй, эпический латинский поэт Флавий Кресконий Корипп (Flavius Cresconius Corippus Africanus Grammaticus) из Константинополя, чье творчество, находясь на стыке нескольких традиций, следует и ранневизантийской (несмотря на латинский язык)¹, и позднеримской. «Благодаря» своей культурной маргинальности, он не попал ни в одну серьезную историю литературы. О нем не упоминают ни К. Крумбахер, автор наиболее авторитетной «Истории византийской литературы», ни А. П. Каждан, начинающий свою «Историю византийской литературы» с более позднего времени, ни В. Н. Голенищев-Кутузов в «Средневековой латинской литературе Италии», ни В. В. Дуров и М. фон Альбрехт в своих «Историях римской литературы», ни С. С. Аверинцев в «Истории всемирной литературы»², ни Л. А. Фрейберг³. Лишь энциклопедия классических древностей Паули-Виссова посвятила ему 10 колонок своего текста. Единственным серьезным исследованием ныне является очерк Дж. Шиа в английском издании поэмы⁴.

Одна из важнейших тем Кориппа в поэме «Иоаннида» – имперская стратегия в Африке после отвоевания ее у вандалов. В центре поэмы – мятежи местных африканских племен и их подавление полководцем Иоанном Троглитой⁵.

В этом последнем латинском эпосе античности Корипп щедро использует достижения классической риторической традиции. Весьма характерно, что эти приемы используются поэтом преимущественно для апологии имперской политики⁶.

Какие же риторические инструменты он использует, чтобы прославлять своих имперских покровителей, для пропаганды, которая будет поддерживать завоевание провинции и господство над местными племенами? В значительной степени, эти инструменты лежали под рукой поэта в его классических образцах, в экономических и политических аргументах в пользу римского порядка, *Rex Romana*, и были использованы с большим красноречием у многих более ранних авторов, таких, как Цицерон и Вергилий⁷.

Корипповы подражания более ранним авторам уже изучены, и нет необходимости дополнительно изучать простые заимствования. Однако, не верно было бы полагать, что главный аргумент поэта в пользу имперского правления основан на религии. Здесь Корипп столкнулся с гораздо более сложной проблемой. Какая религия лежит в основе его рассуждений? Христианство радикально отличается от греко-римской мифической чувствительности, которая имеет важное значение для классических эпических поэм величайшего Кориппова образца – Вергилия. С этой проблемой сталкивались все ранние христианские поэты, которые выросли на классических примерах и работали в жанрах, требовавших использования мифологических топосов и приемов⁸. Положение Кориппа, однако, осложняется двумя факторами: важностью получения одобрения своих покровителей, и, прежде всего, императора, который считал себя защитником христианской церкви, и особой необходимостью противопоставлять христианскую религиозную чувствительность и практику тем, что были связаны с туземцами Африки. Это потребует тщательной адаптации классических приемов, с одной стороны, и пронизательного сопоставления и переноса одних образов и рассказов на другое.

Исследование текста Кориппа с этой точки зрения показывает, что он обратился к риторике и набору правил, которые могут быть сравнительно легко распознаны. Понятно, к примеру, что три основных эпических приема, за исключением случаев, где описываются культы племен, всегда христианизированы. Это молитвы, ритуалы и сверхъестественное (сверхъестественное вмешательство в человеческие дела). Первое звено этой триады – молитвы – могут быть разделены на две категории: молитвы-хвалы и молитвы-мольбы, и каждая из них, как правило, краткая и по тону – христианская. Рассмотрим сначала молитву, которая содержится в сообщении о победах Иоанна Троглиты в Персии, обращенных к императору в I книге поэмы. В этом сообщении один из императорских придворных, после свидетельства о победе, молится (*Ioh. I. 106–109*) в следующих словах:

*Extendens geminas partier cum lumine palmas
Ad caelum sic laetus ait: «tibi Gloria simper,
Summe dues, victos tandem post tempora Persas
Cernere quod merui nostril virtute Iohannis.*

Здесь мы наблюдаем небольшое расхождение между христианской и классической риторикой. Мироощущение молящегося, его словарь и идея благодарения божественных сил за победу в общем характерны для обеих традиций,

хотя идея, содержащаяся в фразе «cernere ... tegui» выглядит в большей степени христианской, чем классической⁹.

Однако, наибольшее расхождение мы видим в длинной молитве, которая дается позднее в той же книге. Флот нашего героя задержан штормом, и в этом тяжелом положении Иоанн, подобно Энею, произносит молитву (Ioh. I. 286–305). Структура молитвы легко устанавливается, но в своих различных частях – это тонкое переплетение языческих и христианских тем. Она начинается с перечня божественных наименований (эпитетов), общих для обеих традиций. Сами эпитеты, однако, предполагают смешение источников. Бог может быть «всемогущим» (omnipotens) для ранних латинских поэтов¹⁰, но он здесь не выступает как «творец» (creator). Построение элементов молитвы, с другой стороны, имеет общее, восходящее к молитве Манассии (1–5), где используется литургическая псалмодия V в.¹¹, а также в I книге «Энеиды» (I, 65–66 и 133 сл.). Несколько фраз в этом описании повиновения природы Богу являются реминисценциями из ранних латинских поэтов: например, «arduus ... aether» (Georgic. I.325) и «machine mundi» (Lucret. V.95).

В следующей части молитвы Корипп изображает отношения своего героя с Богом. Эти отношения при ближайшем рассмотрении имеют две стороны. Во-первых, всемогущество Бога подчеркивается так, что он фактически знает, что герой делает, и что его мотивы позитивны. Во-вторых, конечная ответственность Бога за действия героя также упоминается. С тех пор, как он действует под командованием императора, Иоанн в действительности выполняет волю Бога. На этом пути, как он объясняет отношение императора к Богу христиан, Корипп снова взывает к обеим традициям. Император – все еще принцепс, как в предшествующие столетия, но он, как утверждает Иоанн, «te principe princeps» или наместник Бога на земле, который ответственен за осуществление Божественных замыслов и приказов¹². В заключении этой части молитвы дается собственно просьба героя. Здесь эпитеты изменяются и внушают мысли не о силе Бога, но о его милосердии и доброте: *sancte, favens, placidus, pius*. Выводы почти исключительно христианские, в интонациях преобладает мотив раскаяния и благодеяния¹³. Герой признает, что он может быть виновным в глазах Господа и, таким образом, принимает свое наказание, но он молит о даровании жизни для своего невинного сына. Интересно вспомнить, что в некоторых ситуациях мысли Энея были о прошлом, о славе, которую он потерял, не отдав свою жизнь под Троей. Характерно, что мысли героя-христианина – не об утраченной прошлой славе, но о будущем, его примирении с Богом и о спасении его потомков.

Корипп также должен был решить, стоит ли и как он должен описать христианский обряд, который, следует напомнить, ему хотелось бы дать по контрасту с обрядами туземных племен. Конечно, его образец Вергилий приложил большие усилия для того, чтобы тщательно описать ритуалы¹⁴. Должен ли был Корипп сделать то же самое? Ответ на этот вопрос может быть найден в двух пассажах, где герой поэмы принимает участие в точно установленных религиозных обрядах. Первый – это один краткий момент после победы римлян. После своего возвращения в Карфаген Иоанн посещает там кафедральный собор. Описание этого эпизода дано в Ioh. VI. 98–103. Здесь Корипп разрыгает-

ся между его желанием описать акт христианского культа и своим стремлением остаться близко к стилю ранней латинской поэзии. Вергилиев лексикон – *templum, sacerdos, munus, libamen* – наряду с краткостью описания, делает затруднительным установление природы обряда. Можно было бы ожидать, в контексте классической поэзии, что *munus* принес герою при завоевании трофеев в войне, но *summus sacerdos*, возможно, епископ, кладет *munus* на алтарь *more*, в предписанных традицией выражениях, и посвящает их Христу: «*Christoque ... sanxit*», каждый из этих актов показывает, что *munus* есть хлеб и вино для евхаристического обряда.

Второе описание религиозного обряда (Ioh. VIII. 318–369) – более пространное, но до некоторой степени неясное, так как имеется лакуна в конце данного пассажа. В этом случае остается открытым вопрос с приготовлением места для ритуала. Военные знамена были вынесены вперед, и временный (переносный) алтарь был поставлен посередине лагеря, закрытый священными занавесями. Составленный хор открыл церемонию. Она, возможно, разделялась на 5 частей: пение гимнов хором, вход полководцев и «гражданских» жрецов для всепрощения, жертвоприношение *munus*, которое найдено угодным Богу, и, в заключение, начало освящения. Здесь опять имеет место попытка сохранить классическую интонацию, но последовательность событий и факт того, что события имели место в день Пасхи, может почти несомненно означать, что служба была праздничной¹⁵.

Вторжение божественной силы в человеческие дела, конечно, есть общее место с самого начала эпической поэзии. Уже Гомер и Вергилий в своем нарративе двигались по двум уровням, человеческому и божественному, и божественная воля считается конечной причиной человеческих деяний. Это соотношение создает небольшую проблему для Кориппа, для христианского взгляда на историю, похожего на древнейшее античное представление, заключающееся в том, что это тоже приписывается божественной силе как главной силе, управляющей миром и всем, что он вмещает. Однако, приспособить старый стиль к целям Кориппа – непростая задача. Победы выигрываются *favente deo* (Ioh. III. 299), а поражения несут *iracente deo* (Ioh. III. 457). И вожди римской армии недвусмысленно благодарны их полной зависимости от Бога. Когда император посылает Иоанна в Африку, он говорит: «Все ведомо Христом, нашим господином и Богом» (Ioh. I. 151–153).

После поражения Иоанн сам рефлексировал над мудрым текстом Ветхого Завета: «*vana est hominum vigilantia certe / non vigilante deo*» (Ioh. VII. 38–39)¹⁶. Божественное вмешательство также подчеркивается в завершении молитвы, и поэтому, когда герой молит о помощи во время морской бури, мы читаем:

*Talibus orantis fletus et verba receipt
Suscipiens dominus: validis mitiscere ventis
Imperat...* (Ioh. I. 310–312).

И в итоге, когда Иоанн молит о помощи после поражения под Галликой, мы читаем, что Бог помогает ему (Ioh. VII. 107–108).

Однако, есть вопрос о том, как трактовать сверхъестественное откровение, выглядящее огромной проблемой для Кориппа. Проявление божественного очень часто в классическом эпосе, но в век Кориппа боговдохновения отдельных людей и пророчества выглядели подозрительно¹⁷. Внешний вид самой Божественности как простой риторической мощи, вместе с тем, является кощунственным, и Корипп избегает его. Однако, оно курьезным образом появляется в I книге поэмы. Оно включает описание внешности павшего ангела и затем, как кажется, умершего отца героя. Появляются ли эти существа во сне, мы не можем сказать. Примерно за 12 строк до этого явления Иоанн фактически спит, но в рамках этих строк его флот продолжает плыть, и кажется возможным, что он был разбужен еще до этого. В любом случае, будь это сон или видение при пробуждении, павший ангел имеет вид не менее реальный, чем флот, подходящий к Африке. Его называют «печальный образ» (*tristis imago*) (Ioh. I. 243), и он описан как внушающий ему, что он похож на врагов Иоанна, африканских туземцев. Оба образа (и ангел, и туземцы) характеризуются темнотой. Дух назван «*cognate tenebris*» (Ioh. I. 244), и темная кожа туземцев подчеркнута в поэме, став символом их греховности. По мере того, как разворачивается действие, образы тьмы крепнут так же, как и связь с туземцами (Ioh. I. 245). В конце дух угрожает уже полководцу (Ioh. I. 251) и запрещает Иоанну доступ к землям Африки. Иоанн, однако, имеет видение, в котором «ангел брошен с Олимпа» (Ioh. I. 253) и преследует живое существо, которое бежит, рассеивая темные тени и пыль за ним.

Затем появляется второй призрак (Ioh. I. 259–260). Мы не можем сказать точно, кто был этот «господин». Он приказывает полководцу игнорировать павшего ангела и продолжать свое путешествие. Иоанн отнесся к нему запросто, обозначив «лучший отец» (Ioh. I. 265) и «муж Бога» (Ioh. I. 266). Такие обращения и отсутствие каких-либо дополнительных идентификаций означали, что это – фигура отца нашего героя, которого сам Корипп называл умершим (Ioh. VIII. 576). Наименование «муж Бога» представляет несколько небольших трудностей, не объясняя, как это может быть, чтобы это была фигура священника. Возможно, однако, что отец Иоанна осознал свое религиозное или аскетическое призвание лишь в конце жизни.

Возможно, более интересный аспект этого пассажа связан с использованием черного и белого цветов, ясно указывающих здесь на расы, символизирующие, соответственно, зло и добро. Павший ангел – черный, как и темнокожие племена, противостоящие царству Божьему и империи. Оба несут темноту и смутение миру. Святой отец, однако, показан как *placidus* и *candidus*. Он представляет мир и миссию просвещения, которая связана с церковью и империей. Фактически, этот застывший контраст прямо заявлен здесь в терминах цвета, а также подчеркивает, по мере развертывания повествования, особенности Кориппова описания племенных ритуалов.

Поскольку греко-римский миф интересен христианину Кориппу, его обращения к мифологическим образам не регулируются однозначно. Есть определенное количество обстоятельств, в которых мифологические ссылки, как правило, им себе разрешаются. Наиболее известные из них связаны с исполь-

зованием мифологических образов в сравнениях, где ясно, что имелся в виду литературный, а не теологический смысл. Например, это видно в описании горящих городов Африки (Ioh. I. 336–340). Это место не представляет богословских трудностей; автор просто подражает древнейшим латинским поэтам в использовании хорошо известных картин греко-римской мифологии¹⁸ ради украшения своей поэмы. Во времена Кориппа введение таких пассажей с вводными *ut ferunt*, *ut aiunt*, *fertur* вряд ли диктовалось поэту богословскими причинами, для стилистической практики можно проследить возвращение к классическому латинскому стихосложению¹⁹.

Греко-римские божества также предстают как персонификации космических и сверхъестественных сил. Таковы Тетис как море (Ioh. I. 130), Олимп как небо (Ioh. I. 259), Феб как солнце (Ioh. II. 157), Кинфия как луна (Ioh. II. 418), Церера как хлеб (Ioh. III. 324) и Вакх как вино (Ioh. VII. 70). Эти имена, подобно тому, как Марс, который появляется в поэме как олицетворение войны, не представляют проблемы для поэта. Они так широко использовались в классическом эпосе, что стали фактически синонимами для явлений, которые они представляли. Более того, Корипп имел перед собой пример стоиков, которые уже очень давно представляли греко-римский пантеон как поэтические символы многих аспектов и процессов мироздания.

Вопрос об употреблении мифологических образов не всегда, однако, так прост. Есть определенное количество мест, где Корипп имеет четкую альтернативу, но выбирает классические образцы вместо исключительно христианских. Источник его вдохновения, например, всегда Музы и Камены (Ioh. Praef. 28, 37; I. 8; III. 334–335). Он не упоминает Святого Духа. Фурии не отождествляются с Дьяволом и его последователями и аналогично используются для обозначения сил, которые подталкивают людей к безумию и жестокости (Ioh. III. 36–37; V. 34; VIII. 136). Корипп выбирает эти репрезентации в качестве источника иррационального и злобного поведения, несмотря на то, что падший ангел, как мы видели, появляется в первой книге поэмы. Это, однако, является частью более сложной сцены, которая сопоставляется с дьявольским видением и явлением святых. Кроме того, замысел поэта состоял в том, что этот пассаж фактически отвергает иррациональное поведение и утверждает главенство причин, основанных на вере²⁰.

Среди классических образов мировой власти мы находим, в том месте, где говорится о Боге христиан, использование образа Юпитера как бога неба и дождя (Ioh. V. 395–397), и это отчасти неожиданно, так как мы также находим явные ссылки на христианского Бога и его силу над природными стихиями. Мы только можем сделать вывод о том, что Корипп, как и другие христианские поэты²¹, чувствовал себя комфортно в использовании определенных классических терминов даже в местах, свойственных скорее христианской терминологии. Во многом, следуя этому пути, он описывает смерть и мертвых в выражениях, подобных *ire sub umbras* (Ioh. I. 488), *annus/ miscuerat superis manes* (Ioh. III. 347–348) и *mittat ad umbras* (Ioh. V. 264; VII. 429). Здесь, как и в описаниях Ада, который именуется как «стигийские волны» (*Stygias undas*: Ioh. I. 401), Тартар (Ioh. IV. 213) и Орк (Ioh. VI. 12), поэт выбирает выражения из Вергилия

(например, Аен. III, 215; IV. 660; VII. 773; IX. 91) и использует их в христианском смысле.

Наконец, мы должны рассмотреть использование Кориппом образов *fatum*, *fortuna* и *sors*. Эти термины он использует как взаимозаменяемые для обозначения судьбы. Идея, которая является центральной в классическом эпосе, возможно, представляет проблему для христианского автора. Как мы видим, Корипп ясно признает существование всеведения божеств и провидения. Что тогда он делает с *fatum*? Если мы исследуем употребление им этого слова, мы обнаружим, что он использует его почти исключительно для обозначения появления зла. Это, конечно, связано со смертью, для обозначения которой он использует более ранний образный синоним²², но он также используется как образ гражданской распри (Ioh. III. 155). Кроме того, представляется, что Корипп использует классические выражения для описания причин зла в событиях. Можно утверждать, что эти практические рекомендации имеют двойственную причину, но традиционное отождествление фатума со смертью проходит долгий путь к объяснению выбора слов Кориппом.

Поэтическая напряженность в нашем тексте между классической риторикой и христианском богословием служит особой главой в эволюции христианской стилистики. Это весьма интересно, так как дает нам понимание способа, которым поэты этого времени осуществляли выбор между строгой теологической ортодоксией и мощными мифопоэтическими инструментами, использовавшимися классическими поэтами в древнейшие времена. В случае с Кориппом, возможно, что интерес к прочему связан также с другой причиной. Корипп, играя роль апологета Рима и христианского императора, должен был понимать необходимость представления обоих аспектов имперской системы – как римского, так и христианского, как частей единой и непротиворечивой картины. Соединение греко-римской риторики с христианским богословием направлено таким образом, что должен доминировать христианский взгляд на классическую античность – что многие из ее тонких интеллектуальных достижений предвещали откровение Христа. Стилистические практики Кориппа, вместе с тем, более чем просто вопросы поэтического искусства; они также раскрывают историческую чувствительность, хорошо подходившую к целям и задачам, которых он стремился добиться как апологет империи.

Он нигде не преследовал своих целей более решительно, чем в описании верований и культов африканских племен по контрасту с тем, как он изображает имперскую христианскую утонченность и религиозные практики. В первую очередь, среди племенных божеств он описывает Аммона, место поклонения которому находилось в оазисе Сива (Египет, «за Киреной»). Он почитался древними греками как бог пророчествующий и представлялся ими в виде рогатого Зевса. Несколько паломничеств африканцев к этому святилищу описаны в поэме. Во-первых, это Гуенфан, отец Анталы, который совершил жертвоприношение Юпитеру (Ioh. III. 84–85). Второе паломничество совершает Карказан, вождь второго восстания, с которым столкнулся Иоанн, и он разъясняет взаимоотношения между Юпитером и Аммоном. Корипп указывает, что «в пределах Мармаридов обитают те, кто чтут Аммона, тогда он потребовал ответ сурового

Юпитера» (Ioh. VI. 147–148), который внушает мысль о том, что пророческие послания исходят от Юпитера, но через бога Аммона. Аммон же для туземных племен, как очевидно, схож с Аполлоном в том, что он делает известной людям волю Юпитера.

Следующим по важности богом туземцев был Гурзил. Иерна, вождь илагуев, одного из племен Сирта, говорит, что был его жрецом (Ioh. II. 109), и сам бог, как нам сообщается, является сыном Аммона и телицы (Ioh. II. 110–111). Гурзил действительно помогал африканцам в сражениях, и они молились ему в ходе битв (Ioh. V. 39). Иерна действительно выставляет курьезное изображение этого божества перед римским строем способом, несколько неясным из текста Кориппа (Ioh. V. 22–27). Позднее, когда Иерна бежал с поля битвы, он взял свой странный предмет с собой (Ioh. V. 495). Хотя, до определенной степени, трудно точно понять, с каким родом изображения мы имеем дело, можно предположить, что Иерна, вероятно, использовал образ быка, которого он затем выпустил из своего строя, чтобы пробудить кураж своих воинов и утратить вражеский строй, сквозь который он пытался прорваться. Такое объяснение, однако, не в полной мере растолковывает выражение «*magica arte*», и мы не можем исключить нескольких людей Иерны, наскоро сколотивших какую-то движущуюся повозку с изображением быка.

Кориппом упоминаются также еще два божества: Синифер (Ioh. VIII. 305–306) и Мاستинам²³, который назван Тенарийским Юпитером и которому, как говорят, посвящались человеческие жертвоприношения. Прозвище Тенарийский, так же, как и упоминание о человеческих жертвоприношениях, внушает нам мысль о том, что он мог быть богом подземного мира, что гипотетически подтверждается мрачным Корипповым описанием его ритуалов (Ioh. VIII. 308–315).

Наиболее полное описание Кориппом африканских ритуалов имеет место, когда Гуенфан, отец Анталы, посещает святилище Аммона, чтобы посоветоваться со жрицами о судьбе своего сына. Пассаж весьма длинен в цитате, но части ритуала достаточно ясны. Вначале (Ioh. III. 81) проситель приближался к храму и, вместе с закалыванием священной жертвы, рассматриваемой в качестве «грубой жертвы» (*horrida sacra*) (Ioh. III. 84), Гуенфан входил в храм, где *vittata sacerdos* (жрица) также приносила жертву *omnigenum pecus* (скот всякого рода) (Ioh. III. 87). Затем она исследовала их внутренности и места на алтаре. В этот момент начиналось ее обольщение богом, фактически, с акта самозаклания: для нее был приготовлен нож, который она брала с алтаря и наносила им удар в себя (Ioh. III. 92–93). Затем, истекая кровью, она впадала в бешенство, ее волосы вставали дыбом, ее глаза вываливались из орбит, когда она начала прыгать вверх и вниз. В конце ее лицо становилось красным, что было, как поясняет Корипп, верным признаком божественной силы (Ioh. III. 98). На следующей стадии обряда речь жрицы становилась бессвязной. Она стонала, задыхалась и произносила нечленораздельные звуки. Это состояние, тем не менее, проходило, и она затем изрекала пророчество, которое было понятным и полным (Ioh. III. 107–140). Оно содержало не только выражение гостеприимства племен, но также и сообщения об их возможном поражении. Наиболее

заметно, также предсказание и одобрение обращения Африки в христианство (Ioh. III. 125–126). Сцена завершалась гибелью жрицы (Ioh. III. 141) и сложным описанием ужасных звуков, которые, конечно, шли через ее опустошенное тело.

С тем же оракулом позднее в поэме советуется вождь Карказан, предводитель второго восстания (Ioh. VI. 145–176). Описание этих событий соотносится с общим описанием более ранних запросов Гуенфана к оракулу. Здесь мы видим, что бык освящен, что жрица использует тимпаны в своем танце, и что пророчество дается ночью. Бессвязный бред опускается, и пророчество дается сразу, без предварительного самозаклания. Главное различие между этими двумя описаниями лежит, однако, в манерах пророчеств, которая во втором случае делает послание двусмысленным и обманчивым. Жрица предсказывает, что племена удержат равнины Африки, однако, будет мир, через который Карказан войдет в Карфаген и удивится ему, и, наконец, что он усмирит племена. Это пророчество похоже на то, что было получено Гигесом в Дельфах много столетий назад. Корипп объясняет, что африканцы в действительности будут погребены в этой земле, что Карказан будет приведен в Карфаген в качестве пленника и обезглавлен, и что Рим установит мир над завоеванными племенами (Ioh. VI. 177–187).

Как же та риторическая стратегия, которую избрал Корипп в своих пассажах, изображает контраст между имперской рациональностью и благожелательностью и бешеной яростью африканских племен? Во-первых, нужно указать на то, что поэт не колеблется отождествить некоторые из племенных божеств с их греко-римскими аналогами. Такая синкретическая практика, конечно, имела длительную историю в античности и могла, в определенных случаях, отражать религиозную общность и связи. Корипповы риторические способы их идентификации, однако, выглядят до некоторой степени странно, с тех пор, как мы уже указывали, что он излагает миф в манере, которая обнаруживает, что он хочет представить как греко-римские, так и христианские видения реальности как части развивающегося, но последовательного исторического и интеллектуального процесса. Что мы можем извлечь из этого? Еще раз рассматривая вышеуказанные пассажи, мы находим, что Корипп в действительности различал два вида языческой чувствительности и религиозной практики. Более просвещенные примеры этого рассматриваются как предвосхищение христианского Откровения и практики, и поэтому призваны риторически дать поэтическую апологию благодати и силы. Темные аспекты этих религиозных практик в действительности переносятся на практики африканских племен и делаются основой обвинения их в иррационализме и негуманном поведении.

Итак, эти вышеупомянутые пассажи подчеркивают три характеристики племенных культов, и все они имеют мрачные параллели с древнейшими греческими и римскими религиозными практиками: кровавые и жестокие жертвоприношения, иногда человеческие, экстатическое овладение со стороны божества и личное владение силами прорицания и пророчества. Все они противостоят духу христианского общества и, следовательно, подчеркивают признаки греховности туземцев и представляют их в самом непривлекательном виде.

Кроме того, Корипп выходит за рамки такого рода косвенных риторических приемов в своем создании контраста ощущений. Время от времени он непосредственно издевается над племенным культом, например, говоря о происхождении Гурзула (Ioh. II. 111–112). Тема фальши и лжи здесь ясно выражена, особенно в изложении второго пророчества Карказану (Ioh. VI. 149–150). В связи с этими заявлениями, наиболее замечательно то, что Корипп вкладывает свой взгляд на будущее религии африканцев в уста племенной жрицы (Ioh. III. 125–126).

Корипп не менее прям в своих утверждениях и относительно другой стороны этого противопоставления: природы христианской миссии и роли, которую она играет в мотивации римских вождей. В связи с этим не является противоречием утверждение Иоанна Троглиты о причинах его завоеваний, содержащееся в вышеприведенной молитве (Ioh. I. 293–300).

Таким образом, в «Иоанниде» мы наблюдаем сложное переплетение и тонко выстроенную игру нюансов в использовании классических риторических приемов из античной мифологии, призванных, в конечном счете, дать апологию имперского покорения Африки и христианства.

¹ Болгов К. Н. К вопросу о латинской культуре ранней Византии // Научные ведомости БелГУ. – Серия История. – Политология. Экономика. Информатика. – № 1 (96). – Вып. 17. – Белгород, 2011. – С. 33–37.

² Аверинцев С. С., Гаспаров М. Л., Самарин Р. М. От античности к Средневековью (V–VI вв.): [Латинская литература] // История всемирной литературы: В 9 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1984. – Т. 2. – С. 446–449.

³ Фрейберг Л. А. Византийская поэзия IV–X вв. и античные традиции // Византийская литература. – М., 1974. – С. 24–76.

⁴ Shea G. W. Introduction // The Iohannis or De Bellis Libycis of Flavius Cresconius Corippus. – Lewiston, 1998. – P. 1–62.

⁵ Болгов К. Н. Византийская Африка: исторический фон «Иоанниды» Кориппа // Научные ведомости БелГУ. – Серия История. Политология. Экономика. Информатика. – № 19 (138). – Вып. 24. – Белгород, 2012. – С. 23–32. См. также: Удальцова З. В. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане // ВВ. – 1952. – Т. 5. – С. 15–48.

⁶ Болгов К. Н. Корипп как апологет империи // Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 199–205.

⁷ Для раскрытия этой темы см. в прозе – Цицерон Pro Lege Manilia, в стихах – классическое место Vergil. Aen. 6.

⁸ Например, поэт Алким Экидий Авит, епископ Вьенны VI в. См.: Shea J. Introduction // The Poems of Alcimus Ecditius Avitus. – Tempe, Arisona, 1997.

⁹ О мироощущении молящегося см. Vergil. Aen. I, 93; по обычаю, поблагодарив богов за победу и безопасность, сравним римский обычай провозглашения supplicatio в Cic. Cat. III. 6. 15, а также обычай посвящения оружия богам, которые выступили в роли спасителей, как у Hor. Od. III. 26.3–6.

¹⁰ Этот эпитет часто применяется к Юпитеру Вергилием (Aen. II. 689; IV. 206; V. 687; IX. 625 и др.).

¹¹ Греческий текст этой молитвы может быть найден в Септуагинте (X. Psalmi cum Odis / ed. A. Rahlfs. – Gottingen, 1967). О дискуссии о происхождении и истории молитвы см.: Charles R. H. The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament. – Oxford, 1913. – P. 612–619.

¹² О роли императора как инструмента Божьей воли и наместника Христа см.: Hussey J. M. The Byzantine World. – N.Y., 1961. – P. 12. Об особенной сакральности императора после Константина см.: Baynes N. H., Moss H. St. Byzantium. – Oxford, 1948. – P. 268–269.

¹³ Ранняя церковь рассматривала практику покаяния как неотъемлемую часть христианского опыта. Об этом см. у Тертуллиана (*De Patientia*), Оригена (*De Oratione*), Киприана (*Ad Novatianum*).

¹⁴ Таких мест с описаниями довольно много в «Энеиде», например, погребение у Мизена (VI. 212 сл.), обряды Геркулеса (VIII. 280 сл.) и др.

¹⁵ Интенсивное отправление раннехристианских ритуалов появляется в *Peregrinatio Aetheriae*, *passim*.

¹⁶ Псалм 126.

¹⁷ Среди наиболее ранних визионеров, осужденных церковью, были монтанисты. См.: Euseb. *Hist. Eccl.* V. 16, 6–10. Член ортодоксальной церкви должен был хорошо знать, что Корипп осторожно избегал споров о догме в своем эпосе, как признал Р. Хофманн: «Патристический ли автор Корипп?» (*Vigiliae Christianae*. – 43. – 1989. – P. 367).

¹⁸ Напр., Ovid. *Met.* II, 1 ff.

¹⁹ Напр., Verg. *Aen.* I. 15.

²⁰ Подходы Кориппа контрастируют с подходами Авита, который часто вводил образ Сатаны как персонификацию зла, особенно в его II книге, которая посвящена грехопадению Адама и Евы.

²¹ Например, термин *topans* используется в отношении христианского Бога многими ранними христианскими писателями.

²² О термине *fatum*, используемом для обозначения смерти, см.: *The Oxford Latin Dictionary*. – Oxf., 1982 (*fatum*: 6A).

²³ Возможно, связанный с Мастемой, чье имя упоминается в Апокрифах и Псевдо-эпиграфах в связи с падшим ангелом, в книге Юбилеев (10:1–14) как предводитель духов, и в книге Ноя (1.155) как источник физической и моральной порчи.

О. Б. Бубенок, В. А. Бушаков

**ПОХОДЖЕННЯ МАДЯРСЬКИХ ЕТНОНІМІВ,
ТОПОНІМІВ ТА ТИТУЛІВ, ЗГАДАНИХ У ТРАКТАТІ
КОСТЯНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО
«DE ADMINISTRANDO IMPERIO»**

Аналіз письмових джерел дозволяє вважати, що в першій половині IX ст. у степах Північного Причорномор'я з'явилися нові прибульці зі Сходу – мадяри-угорці, яких візантійські автори назвали «турками». Показово те, що про ці події ми знаємо завдяки європейським та мусульманським джерелам, написаним у X ст. та в пізніший період. Найбільш докладні відомості про мадярів-«турків» містяться у творі візантійського імператора Костянтина Багрянородного «De administrando imperio» («Про управління імперією»).

Так, Костянтин у 38 розділі свого трактату про мадярів-«турків» повідомляє таке: «[Знай], что народ турок имел древнее поселение близ Хазарии, в местности, называвшейся Лебедия – по прозвищу их первого воеводы. Этот воевода прозывался личным именем Лебедия, а по названию достоинства его именовали воеводой, как и прочих после него. Итак, в этой местности, уже названной Лебедии, течет река Хидмас, которая именуется также Хингилус. В те времена они не назывались турками, а именовались по неведомой причине савартами-асфалами. Турок было семь племен, но архонта над собой, своего ли или чужого, они никогда не имели; были же у них некие воеводы, из которых первым являлся вышеназванный Лебедия. Они жили вместе с хазарами в течение трех лет, воюя в качестве союзников хазар во всех войнах. Хаган, архонт Хазарии, благодаря мужеству турок и их воинской помощи, дал в жены первому воеводе турок, называемому Лебедией, благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него. Но этот Лебедия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой. Пачинакиты же, прежде названные кангар (а название кангар давалось у них в соответствии с благородством и мужеством), двинувшись на хазар войною и будучи побеждены, были вынуждены покинуть собственную землю и населить землю турок. Когда же меж турками и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, – они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть в западном краю вместе с их воеводой и вождем Лебедией, в местах, именуемых Ателькузу...»¹. Як повідомляє

Костянтин Багрянородний, після того, як печеніги напали на «турків»-угорців, останні змушені були мігрувати з місцевості Ателькузу до Подунав'я².

Окрім того, у 39 розділі свого твору Костянтин Багрянородний свідчить про те, що в IX ст., до переселення мадярів-«турків» до Паннонії, до них пристала частина хозарів, яких він назвав «каварами»: «Да будет известно, что так называемые кавары произошли из рода хазар. Случилось так, что вспыхнуло у них восстание против своей власти, и когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их [все-таки] одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками в земле пачинакитов, сдружились друг с другом и стали называться каварами. Поэтому и турок они обучили языку хазар и сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой – язык турок. По той причине, что в войнах они проявили себя наиболее мужественными из восьми родов и так как предводительствовали в бою, они были выдвинуты в число первых родов. Архонт же у них один (а именно на три рода каваров), существующий и по сей день»³. Костянтин Багрянородний, як й інші інформатори, подав нам перелік племен мадярської конфедерації, які наприкінці IX ст. переселилися до Паннонії: *Кавари* (Κάβαροι) – хозари за походженням, *Некі* (Νέκη), *Мезері* (Μεζέρη), *Куртугермат* (Κουρτουγερμάτου), *Таріана* (Ταρίανου), *Генах* (Γενάχ), *Карі* (Καρή) та *Касі* (Κασή)⁴. Як бачимо, серед них були і «кавари», які мали хозарське походження.

Константин у 40-му розділі свого твору також торкається титулатури сучасних йому мадярів, які тоді вже жили в Паннонії: «Должно знать, что гила и карха суть не собственные имена, а достоинства». Як бачимо, тут вже не згадано відомий раніше титул ватажка мадярів – *воєвода*⁵.

Таким чином, текст трактату «Про управління імперією» вже давно заганяє дослідників у глухий кут, особливо в тих місцях, де йдеться про давніх мадярів. Так, нам невідомо, чому Костянтин Багрянородний назвав мадярів «турками». Невідомо також, що означає назва країни мадярів *Лебедія* і де вона розташовувалася. Не зрозуміло, чому ім'я вождя мадярів та назва їхньої країни – *Лебедія* – співпадали. Потребує пояснення також назва *саварти-асфали*. До кінця не зрозумілим залишається також походження етноніма *кавари*. Не зрозуміло також, чому титул давнього правителя мадярів *воєвода* у X ст. зник і замість нього для позначення верховного правителя мадярів почали використовувати термін *гіла*. Нам здається, що такі розбіжності в тексті Костянтина стали наслідком того, що він користувався повідомленнями різних інформаторів.

У своїх коментарях до твору Костянтина «Про керування імперією» В. П. Шушарин зазначив, що Костянтин скористався трьома джерелами інформації про мадярів: повідомленнями посла Гаврила, повідомленнями мадярських вождів Термачу і Булчу, які відвідали Константинополь приблизно 948 р., і розповідями хозарів з числа охорони імператора⁶.

Перший інформатор згаданий у 8-му розділі твору Костянтина: «Когда клирик Гавриил как-то был послан к туркам по повелению василевса и сказал им: «Василевс заявляет вам, чтобы вы отправились и прогнали пачинакитов с мест их, а вы расположились бы вместо них, так как прежде там располагались, – дабы находится близ царственности моей и дабы, когда я того пожелаю, я отправлял

послов и вскорости находил вас», – то все архонты турок воскликнули в один голос: «Сами мы не ввяжемся в войну с пачинакитами, так как не можем воевать с ними, – страна [их] велика, народ многочислен, дурное это отродье. Не продолжай перед нами таких речей – не по нраву они нам»⁷.

Про своїх угорських інформаторів Костянтин повідомляє в 40-му розділі свого твору таке: «Должно знать, что гила и карха суть не собственные имена, а достоинства. Должно знать, что Арпад, великий архонт Турции, породил четырех сыновей: первым Таркацуса, вторым Иелеха, третьим Иутоцуса, четвертым Залтаса. Должно знать, что первый сын Арпада, Таокацус, породил сына Тевелиса, второй сын, Иелех, породил сына Эзелеха, третий сын, Иутоцус, породил сына Фалициса, нынешнего архонта, а четвертый сын, Залтас, породил сына Таксиса. Должно знать, что все сыновья Арпада умерли, а внуки его, Фалис, Тасис и их двоюродный брат Таксис, живы. Должно знать, что умер Тевелис и что имеется его сын Термацус – друг, недавно приходивший вместе с Вулцусом, третьим архонтом и кархой Турции»⁸.

Однак є підстави вважати, що коло інформаторів Костянтина про давню історію мадярів не обмежується лише згаданими особами. Серед них могли бути і слов'янські, і мусульманські, і печенізькі інформатори. Саме на це наводить аналіз назв та титулів, що містяться в тих розділах твору Костянтина Багрянородного, де йдеться про мадярів.

Ще 1978 р. Т. Левицкий у статті *«Мадяри» у середньовічних арабських і перських географів*, опублікованій російською, відзначив: «У середньовічних арабомовних і персомовних географічних творах можна зустріти трохи етнонімів, за якими сучасний дослідник вправі бачити назви угорців. Це такі позначення, як “ал-Маджгарія”, “Башгірд”, “Унгар”, “Тюрк”, “Саварт” і похідні від них»⁹.

Так, досить докладні відомості про мадярів містяться у творі арабомовного автора першої половини X ст. Ібн Русте. Він таким чином описує володіння мадярів: «Живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удобные пастбища. Земля их обширна; одною окраиной своею прилегает она к Русскому морю (Черному морю), в которое впадают две реки; одна из них больше Джейгуна (Аму-Дарьи); между этими-то двумя реками и находится местопребывание Мадьяр. С наступлением зимнего времени, кто из них к самой реке ближе, к той реке прикочевывает и остается там в продолжение зимы, занимаясь рыболовством. Жить им зимой у тех рек удобнее, чем где-либо. Земля Мадьяр богата лесами и водами, и почва там сыра. Много у них также и хлебопахотных полей... Мадяры господствуют над всеми соседними Славянами, налагают на них тяжелые оброки и обращаются с ними, как с военнопленными... Воюя Славян и добывши от них пленников, отводят они этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской земли, который зовется Карх. Сказывают, что в прежние времена Хозаре, опасаясь Мадьяров и других соседних с землею своею народов, окапывались противу них рвами...»¹⁰. Отже, розповідь Ібн Русте про дві великі ріки та про сусідство мадярів, як до слов'ян, так і до візантійських володінь, не дають змоги визначити, про яку територію тут йдеться. Одне безсумнівно: Ібн Русте, який писав у першій половині X ст., запозичив ці дані про мадярів у свого попередника, що є відображенням реалій IX ст.

Ібн-Русте вважає мадярів тюрками¹¹, а Костянтин називає мадярів тільки *Тоїркои*, тобто тюрками¹², тому перекладачеві трактату на російську слід було вживати термін *тюрки*, а не *турки*, хоча грец. **Тоїρκος** значить «турок», а «тюрки» буде **τοῦρανοί**. В. П. Шушарін пояснював цей пасаж таким чином: «Факторами, що обумовлювали появу цих особливостей даного стереотипу, були приналежність мадярів до того типу військової організації, до якої належав народ кінця VI – початку VII ст., який мав етнікон (можливо, і самоназву) «турки», а також наявність у візантійців свідчень лише про ту частину мадярського етносу, що складала їхнє військо, і відсутність свідчень про самоназву мадярів»¹³. На думку А. Рона-Таша, «не може бути збігом, що мадяри, які розкололи Хоразську імперію, позначалися цим іменем»¹⁴.

В часи Костянтина турецький етнос ще не існував, не було й етноніма *турки*. З цього приводу В. М. Бібіков зазначає: «Письмові пам'ятники зафіксували термін з VI ст. для позначення групи народів (давні тюрки VI–VII ст., хозари IX ст., мадяри X–XI ст., вардаріюти XI–XIV ст., сельджуки XI–XIII ст.). Переносу на мадярів етнікона «турки» сприяла традиція візантійських авторів, які використовували збірні та архаїчні імена народів»¹⁵. Тому традицію такого вжитку етноніма *тюрки* відносно мадярів можна пояснити тим, що останні теж були кочівниками й кочували разом із тюрками¹⁶. Етнонім *мадяр* (угор. **magyar**), вірогідно, відображено у назві угорського племені *Меґеґі*¹⁷.

Що стосується локалізації мадярів у IX–X ст., то варто звернути увагу на один пасаж у творі Ібн Русте. Так, Ібн Русте повідомляє: «Между землею Печенегов и землею болгарских Эсегель лежит первый из краев Мадьярских»¹⁸. Ще Д. А. Хвольсон свого часу вбачав у болгарському племені *есегель* угорців-секлерів (угор. **székely**), що тепер мешкають у східній Трансильванії¹⁹. Г. В. Вернадський у монографії «Давня Русь» висловив припущення, що за часів раннього Середньовіччя район Дінця-Осколу був заселений асами аланського походження, які були відомі арабам за назвою *ескел* (*аскал*). Це, на його думку вказувало на їхнє перебування в басейні Осколу²⁰. Аналогічних поглядів дотримується також І. Г. Добродомов, який схильний розглядати первісний термін *Ас-кол* як тюркську назву «річка асів», що дало йому підстави пов'язувати болгарське плем'я *ескел* (*аскал*), яке проживало на Середній Волзі, з алано-аським населенням басейну Осколу. При цьому він вважав, що саме про цих жителів басейну річки Оскіл повідомляє на початку X ст. Ібн Русте, і відповідно дослідник схильний був локалізувати згаданих Ібн Русте мадярів на схід від Осколу²¹.

Проте А. П. Ковалівський, аналізуючи повідомлення Ібн Фадлана, дійшов висновку, що на початку X ст. носії цього етноніма мешкали на лівому березі Волги, біля Ками, тобто на значній відстані від басейну Осколу²². Саме повідомлення Ібн Фадлана про племена волзьких булгар дозволяє цілком погодитись зі спостереженнями А. П. Ковалівського: «И отъехал царь от воды, называемой Хеллече, к реке под названием Джавшыр и оставался около нее два месяца. Кроме того, он захотел, чтобы произошла перекочевка [племен], и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним. [Они] же отказали ему. И [они] разделились на две партии. Одна партия – с [разным] отребьем, и над ними [еще раньше] провозгласил себя [самозванным] царем [кня-

зем] [некто] по имени Вырыг.... Другая же партия была вместе с царем [князем] из [кочевого] племени, которого называли царем [племени] эскэл. Он был у него в повиновении, хотя [официально] еще не принял ислама. – Когда же он [царь] послал им [первой партии] это послание, то [они] испугались его намерения, и все вместе поехали совместно с ним реке Джавшыр»²³. Що стосується походження племені *ескел*, то це й досі становить окрему проблему. Проте це не є об'єктом дослідження даної статті.

Окрім того, немає підстав ототожнювати згаданих Ібн Русте мадярів і печенігів з населенням Північного Причорномор'я. Про те, що частина печенігів у X ст. залишалась на схід від Волги, повідомляв також Ібн Фадлан, який зустрів печенігів на території, що була значно віддалена від Хорезму: на південь від них були володіння гузів, а на півночі – землі башкирів, тобто йдеться про території наближені до Приуралля²⁴. Що стосується мадярів, то є сенс згадати повідомлення угорського місіонера Юліана про подорож на початку XIII ст. до країни приуральських мадярів, що була розташована саме на схід від країни волзьких булгар²⁵. Останні дослідження В. О. Иванова доводять, що ця територія мадярів охоплювала «лісостепові райони Південного Урала та Приуралля»²⁶. Але проблема локалізації мадярів на землях Північного Причорномор'я ще й досі залишається невирішеною.

У даному випадку найменш проблематичною уявляється локалізація країни *Ателькузу* (*Ἀτελκούζου*, або ріки *Ἐτέλ* і *Κουζοῦ*), тобто межиріччя (угор. *köz* 'проміжок'). Староугорське **atel* ~ **etel*, засвідчене в грецькій передачі як *Amíl* (*Ἀτῆλ*), значило 'велика ріка' й відповідає апелятиву чув. *атӑл*, тат. *идел*, башк. *иӟел* 'велика ріка' й потамоніму чув. *Атӑл*, тат. *Идел*, башк. *Иӟел* 'Волга'²⁷. *Ателькузу* – це, можливо, межиріччя Дністра, Пруту й Серету, звідки мадяр також витіснили печеніги²⁸.

Але, як відомо із твору Костянтина, перед цим мадяри мешкали у *Лебедії* (*Λεβεδία*), яку було ніби названо так на честь їхнього воєводи, якого звали *Лебедія* (*Λεβεδίας*). На сьогодні гіпотези вчених щодо локалізації країни *Лебедія* охоплюють великий регіон – від Волзько-Уральського межиріччя до басейну Бугу. Умовно їх можна розділити на кілька груп: 1) між Волгою і Уралом (Л. Вараді); 2) між Доном і його притокою Хопром (Є. О. Халікова); 3) між Доном і Дінцем (О. Прицак); 4) між Кубанню і Доном (Й. Маркварт); 5) від низин Дону до Північно-Західного Причорномор'я (К. Цукерман); 6) між Доном, Дніпром та Дністром (А. Барта)²⁹. З останніх гіпотез варто згадати також досить цікавий підхід, заснований на аналізі археологічного матеріалу, з боку В. О. Иванова, який вважає, що «кордони цієї області знаходилися на північній периферії південноруських степів, у межиріччі Сіверського Дінця і Дніпра»³⁰. При цьому дослідники припускалися тієї думки, що з часом кордони Лебедії могли змінюватись.

Етимологію імені вождя й назви країни – *Лебедія* (*Λεβεδία*) – не визначено. Насамперед впадає в очі те, що назва території давніх угорців та ім'я їхнього ватажка – *Лебедія* співпадають. Але ще й досі ніхто з дослідників так і не зміг переконливо пояснити цей пасаж із твору Костянтина Багрянородного. Так, Г. В. Вернадський запропонував пов'язати напряму антропонім та топонім

з орнітонімом: «Мадярська орда, відповідно до Костянтина Багрянородного, складалася із семи кланів, чи ogus. Вожді мали титул «воєвода», це слово запозичене зі слов'янської мови. Першого воєводу кликали Лебедіас. Можна припустити, що це не особисте ім'я, а назва клану. «Лебедь» – російське слово; **liba** значить «гусак» угорською. Паралель зі ще одним фіно-угорським племенем, вотяками, буде тут дуже доречною. Ще в давні часи кожен клан вотяків мав свій власний vorshud («тотем»), якому і поклонявся. Ми бачили, що птахи відігравали значну роль у міфології давніх фіно-угорських племен»³¹. Проте Г. В. Вернадський так і не пояснив, який був зв'язок між назвою давньоугорського тотему і країною давніх угорців на півдні Східної Європи. Складається враження, що в ситуації з терміном *Лебедія*, що являв собою одночасно і антропонім, і топонім, ми маємо певну помилку самого Костянтина Багрянородного або його інформаторів.

Проте з огляду на можливість походження назви від особливостей місцевості можна підтримати гіпотезу А. П. Новосельцева, який вважав, що термін *Лебедія* – «це еллінізована форма місцевого слова від давньоугорського *леведі*», що перекладається на грецьку у значенні «давнє, старе місцеперебування»³². Існують й інші гіпотези, але вони не вирішують питань щодо точної локалізації країни Лебедії.

Проте варто підтримати ідею, що назва *Лебедія* була пов'язана з особливостями ландшафту місцевості. Так, на місцезнаходження країни вказує ріка, локалізація якої теж не є визначеною, а саме: Хідмас (*Χιδμάς*), Сінгул (*Σινγούλ*), або Хінгілус (*Χιγγιλοῦς*), – в якій вбачають Інгул чи Інгулець³³, тому Лебедія могла розташовуватися біля моря не лише на лівобережжі Дніпра, а й заходити до правобережжя. Берег моря між Дніпром і Дністром Костянтин іменує «Золотим берегом»³⁴. До річч, Костянтин називає Дніпро, Південний Буг, Дністер, Прут та Серет як мовою печенігів, так і грецькою: *Варух* (*Βαρούχ*), *Куву* (*Κουβού*), *Трулл* (*Τροῦλλος*), *Брут* (*Βροῦτος*) ~ *Бурат* (*Βουράτ*), *Сарат* (*Σάρατ*) і *Δανάπρις*, *Βογοῦ*, *Δάναστρις*, *Σέρετος*³⁵. То чому він не міг вжити слов'янську назву країни, де мешкали мадяри? Грецько-латинський суфікс **-ια / -ία**, який утворює назви країн, був запозичений разом із назвами країн в інші мови, у тому числі й слов'янські.

Наведена у трактаті легенда про походження розглянутого хороніма нагадує літописну легенду про перевізника через Дніпро Кия, його братів Щека та Хорива і їхню сестру Либідь, яка пояснює походження назви Києва та його топонімів: назви двох пагорбів та річки.

У хоронімі *Лебедія* міг відбитися слов'янський термін грецького походження: укр. і рос. **левада**, пол. **lewada** < **λειβάδα** 'пасовище' (звідки *Лівадія* у Криму). Назва *Лебедія* могла означати 'Країна пасовищ', що вказувало на характер місцевості та на кочовий спосіб життя мадярів. Східнослов'янський термін **степ** досить пізнього походження³⁶. Східні слов'яни в середні віки називали степ **по-лем**, а угорці паннонський степ називають **puszta** 'пустище, поле, лука', словом запозиченим у слов'ян, хоча й мають слово угор. **mező** 'степ'.

Мадярська *Лебедія*, на нашу думку, розташовувалася не лише на Лівобережжі, а й могла досягати межиріччя Дніпра та Дністра. Хоча основна її територія мала охоплювати степи Приазов'я. Це підтверджує хроніка Шимона

де Кеза (XIII ст.), в якій міститься легенда про мандри предків угорців біля берегів «Меотида» – Азовського моря. Угорський історик повідомляє, що коли угорці досягли Меотида, то вони напали на «Беляра» (Булгара – *О. Б. В. Б.*), в якого відібрали жінок і дітей. Серед захоплених у полон були дві дочки аланського князя Дула, які згодом стали дружинами ватажків угорців Хунора і Магора³⁷.

Від грец. **λεῖβάδα** ‘пасовище’ може походити й київський потамонім **Лыбѣдь**³⁸. Оскільки у середньовіччя перська була *lingua franca* на Великому шовковому шляху, то не виключено й походження розглядуваного хороніма **Леведія** з перс. **лаб-і дāрйā** ‘берег моря’, достатньо згадати про переселення «савартів-асфалів» до «країв Персії». А це може означати, що від них ця назва, перекладена на перську, могла потрапити до інформаторів Костянтина.

Чи мають відношення угорські антропонім **Levente** (*Levente*, близько 1012–1046 або 1047, старший син *Vazul’a*, правителя Угорщини з династії Арпадів, пор. грецькі імена *Λέοντειος* і *Βασιλίδης*) та апелятив угор. **levente** ‘лицар, вітязь’, до розглядуваного хороніма? На нашу думку, не мають. Угор. **levente** було запозичене з турецької мови: турец. **levent** ‘матрос (в епоху яничарів)’, ‘стрункий і сильний’ (< італ. **levante**, ‘схід’, **Levante** ‘Ближній Схід’) > новогрец. **λεβαντής** ‘молодець, богатир’. З угор. **levente** можуть походити угор. **legény** ‘хлопець’, з якого пояснюється укр. **лєгінь**, та укр. **лєвєнець**³⁹.

Термін **воєвода** (*βοέβωδος*), вжитий щодо Леведії⁴⁰, вказує, що інформатором з історії угрів міг бути слов’янин. Можливе й інше пояснення. Так, виходячи з інформації Ібн Русте, згідно якої титул правителя угорців в IX ст. був **кенде**⁴¹, зрозуміло, що це явно не влаштовувало паннонських інформаторів Костянтина, тому що до цього часу серед паннонських мадярів правила інша династія. Дослідники вже давно дійшли висновку, що до цього часу династія «гіли» (дьюли) узурпувала владу і змістила на другорядні позиції династію «кенде». Отже, паннонські інформатори не знайшли нічого кращого, ніж замінити **кенде** на запозичений у слов’ян близький за значенням термін **воєвода**. З іншого боку, співпадіння імені правителя і назви країни **Лебедія** може являти собою звичайну помилку, тобто словосполучення «воєвода Лебедія» могло походити від «правитель (воєвода) Лебедії».

Великий інтерес також становлять свідчення Костянтина в 39 розділі його трактату про народ каварів (грец. *Καβάροι*), який відколовся від хозарів і приєднався до мадярів: «Да будет известно, что так называемые кавары произошли из рода хазар. Случилось так, что вспыхнуло у них восстание против своей власти, и когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их [все-таки] одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками в земле пачинакифов, сдружились друг с другом и стали называться каварами. Поэтому и турок они обучили языку хазар и сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой – язык турок. По той причине, что в войнах они проявили себя наиболее мужественными из восьми родов и так как предводительствовали в бою, они были выдвинуты в число первых родов. Архонт же у них один (а именно на три рода каваров), существующий и по сей день»⁴².

О. Й. Прицак висловив припущення, що етнічний термін *Кавар/Кабар* є похідним від *Капур* (**Karúr*), який являв «ранню версію найменування»⁴³. В. П. Шушарін появу етноніма *кавари* усередині малярської племінної конфедерації пояснював таким чином: «...у каварів в силу їхньої етнічної ситуації (відрив від основної маси хозарів, поділ на племена, які почали «дружити один з одним» в умовах постійних і тісних контактів з мадярами, які асимілювали їх у військово-політичному відношенні), зазвичай, послабшало розуміння приналежності до хозарів і не могло на даній стадії скластися розуміння етнічної спільності з мадярами (останньої та об'єктивно ще не існувало). Наслідком всього цього була неможливість появи у них власної самоназви, яка б висловлювала їхнє внутрішнє об'єднання. Тому, мені здається, кавари могли засвоїти і як самоназву ім'я, що дали їм мадяри»⁴⁴. Отже, є сенс пояснювати етнонім *кавари* з угор. *kóbor* «бродячий, мандрівний»⁴⁵.

Згадаймо також термін *саварти-асфали* із 38 розділу трактату Костянтина: «Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, – они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть в западном краю вместе с их воеводой и вождем Лебедией, в местах, именуемых Ателькузу...»⁴⁶. У зв'язку з цим досить цікаво, що народ *севорді* згадується у вірменських джерелах вже у VIII ст. і локалізується на ріці Кура. Дослідники звертають увагу на те, що ці *севорді* відомі у Закавказзі вже з 752 р., коли вони повстали проти арабів та зруйнували місто Шамхор⁴⁷. Проте більшість повідомлень про «савардіїв» (*севорді*) відноситься до пізнішого періоду. Так, на початку X ст. Ібн ал-Факіх згадує народ *ас-савардіа* при описі подій VIII ст. Зі свого боку ал-Мас'уді локалізує народ *сїйавурдія* на Курі нижче Тифлісу і при цьому зазначає, що вони – гілка вірмен. Вірменський історик першої половини X ст. Іованнес Драсханакерці локалізує «савардіїв» біля міста Ганджа на Південному Кавказі⁴⁸. Отже, є підстави пов'язувати етнічну назву *саварти* з кавказьким регіоном.

Таким чином, дані Костянтина про савартів-асфалів дозволяють бачити в них одне із племен панівного угруповання малярів, яке мігрувало до Закавказзя із Північно-Західного Кавказу через Дарьяльський прохід наприкінці IX ст. А відомості вірменських та арабських авторів про савордіїв поблизу Шамхора дозволяють бачити в них ще одне із племен савартів, яке мало мігрувати через Дарьял до 752 р. Варто зазначити, що савартам, щоб опинитися на території Закавказзя, треба було пройти через Дарьяльський прохід, тобто Ворота Аланів.

Що стосується етимології вжитого імператором стосовно малярів етноніма *саварти-асфали* (*Σάβαρτοι Ἀσφαλοι*)⁴⁹, то на сьогодні відомо кілька пояснень. Так, Й. Маркварт вважав, що повідомлення Костянтина про савартів-асфалів має відношення до появи «севордіїв» біля Шамхора 752 р. Крім того, дослідник був схильний довіряти народній вірменській етимології, згідно з якою етнічну назву *севордік* слід тлумачити як «чорні діти». На підставі цього Й. Маркварт висловив припущення про їхній зв'язок із «чорними уграми», тому що були відомі «білі угри»⁵⁰. В. Ф. Мінорський також дотримувався аналогічної думки і вважав, що згаданий ал-Мас'уді народ *сїйавурдія* на Курі міг з'явитися на Південному Кавказі лише у VIII ст. і до X ст. ці прибульці-угорці могли прийняти християнство і вірменізуватися. На його думку, грецьку назву *саварти-асфали*

слід розуміти як «білі сабарти», а *севордік*, відповідно до народної вірменської етимології, слід трактувати як «чорні сини»⁵¹.

Угорський дослідник А. Рона-Таш вважає, що етнічний термін *саварти* має відношення до народу савіри та до одного з племен волзьких булгар – *сувар*. Що ж до складеної назви *саварти-асфали*, то в другій частині А. Рона-Таш, як і деякі інші дослідники, бачить грецький епітет *asphales*, що повиннен означати «міцні, нездоланні»⁵².

На нашу думку, друга, грецька, частина перекладає першу, мадярську, а такий збіг семантичних значень обох слів не може бути випадковим: мадярське *szavatartó* значить ‘надійний, певний, вірний слову’, а грецьке *ἀσφαλής* – ‘надійний, вірний’. У мадярському слові приголосний – *t* – випав у результаті гаплогії. Отже, саварти мали бути надійними, тобто вірними клятві, щодо правителя мадярів, титул якого у IX ст. був *кендеh*, або вірними союзниками Візантії.

Коментуючи твір Ібн-Русте, Д. А. Хвольсон зауважив, що під титулом *кендеh* *کنده*, на його припущення, ховається імя *Леведія* *لبدية** людини, про яку розповідає Костянтин: «Слід знати, що Вулцус карха – син Калі кархи і що ім'я Калі є ім'я власне, а карха (*кархѣс*) – достоїнство, як і гіла (*γυλѣс*), котрий вищий за карху»⁵³. Ібн-Русте вказує, що главу мадярів називають *кендеh* *کنده*, а їхнього царя – *джила* *جيلة*⁵⁴. Виходить, що звання *кенде* відповідає званню *карха*.

Згідно зі статтею з англomовної Вікіпедії, етимологія титулу *gyula* лишається нез'ясованою, але вона має бути тюркською. Пропонується його походження з китайської назви титулу представника знаті у гунів 谷蠡 *lùlǐ*, що був засвідчений у творі «Ші цзі» («Історичні записки») Сима Цяня (у середньокитайській мові ієрогліф 谷 ‘ущелина’ читався *kuk*⁴, у сучасній китайській він читається *gǔ*, а також *lù*, *yù* у власних іменах). Титул мав зберегтися у тюрків. У статті наведено також монгольське слово *жолоо(н)* ‘віжки’⁵⁵, але монгольські слова не мають відношення до походження угорського титулу, пор. халха-монг. *жолоодогч* ‘вождь’, від *жолоодох* ‘правити’, *жолооч* ‘кучер, ямщик’, від *жолоо(н)*.

К. Дьорферу не вдалося етимологізувати ні титул *gyula* *جيلة* (**žula*, **žülä*, **gila*), ані титул *күндә* (*kündä*). Вчений вважає, що *gyula* відповідає за значенням давньотюркському титулу *buyuruq* *بويروق*, ‘великий візир’, вбачаючи етимон титулу *gyula* у давньотунгуському **gyla*, **gyüle*, **gyila*, **gyila* і виводячи слова *күндә* ‘король мадярів’ і *күндэр* ‘якийсь високий титул у хозарів’ із хозар. **kündä(r)*⁵⁶, пор. евенк. *дюлэ* ‘перёд’, ‘майбутнє’, *дюлэгү* ‘передній’ з угор. *gyula*.

Титул *gyula* вживався лише у IX–X ст., а потім, згідно з хронікою «Gesta Hungarorum», або «Chronica picta», ім'я *Дьюла* носили двоє нащадків дьюли Тугутума (*Tuhutum*)⁵⁷. Ім'я та прізвище *Dyula* поширені тепер серед мадярів.

За хронікою, завойовник Трансільванії Дьюла знайшов руїни римського міста *Arulum* (угор. *Gyulafehérvár* ‘Біла фортеця Дьюли’, рум. *Alba Iulia*). Угорське ім'я *Gyula* відповідає латинському імені *Jūlius*⁵⁸, яке носив Юлій Цезарь – перший римський імператор, від когномена якого й утворився римський імператорський титул *Ceasar*. Від нього походять гот. *kaisar*, нім. *Keiser* і рос. *царь* (угор. *cár*). Чи не може титул *gyula* походити від імені *Jūlius* подібно до того, як

від імені **Karl** (угор. **Károly**⁵⁹) короля франків (742–814) утворився слов'янський титул «король»: укр. і рос. **король**, словац. **král'** > угор. **király**?

На сході предки мадярів спілкувалися як із тюрками, так зі слов'янами та варягами-скандинавами, тому чи не відповідає титулу كند (küñdä) засвідчене у хроніці в часи правління короля Бели ім'я *Cundu*⁶⁰ й іншомовний титул із значенням «князь» або «король»: старослов. **кѣнась**, праслов. ***kъnędzъ** < прагерм. ***kuningaz** (давньосканд. **konungr**, давньоангл. **cyninȝ**, нім. **König**, англ. **king**)? Оскільки в угорській, як і у слов'янських мовах, відсутній звук **ŋ**, то давньосканд. **konung-** у ній цілком могло бути запозичене як ***küñdä** чи ***küñdū**: **konung-** > угор. ***küñnd-** > ***küñdū**, – пор., крім ***kъnędzъ**, також старослов. **кѣнигы** та угор. **könyv** 'книга'.

Щодо **кархӑс** пропонуємо кон'єктуру ***карлӑс**, оскільки курсивна «ламбда» відрізняється від курсивної «хі» лише рисою. Слово ***карлӑс** мало значення «король» і етимологізується з імені **Karl**, пор. угор. **király** 'король', 'цар'. Про те, що інформатор Костянтина щодо мадярів міг бути слов'янином, вже говорилося. Слова **карха** та **кенде** мають однакове значення і відповідно є спотвореними Костянтином та арабсько-перськими авторами.

Оскільки титул **кархӑс** (***карлӑс**) нижчий від титулу **γυλӑс**, то виникає питання, чи не походить він із тюрк. **qalḁa** 'калга (друга особа після хана, що очолювала, правле, більш численне, крило війська)', який запозичено з монгольської мови: халха-монг. **халаа(н)**, монг. старописемне **qalaḁan** 'зміна, заміна'⁶¹. Явища переходу звуку **l** у **r** чи навпаки та існування фонем **[l/r]** з алофонами **l** та **r** поширені у мовах світу, але мадярській чи тюркським мовам ці явища не властиві, а у тюркські мови термін потрапив не раніше монгольського завоювання, тобто XIII ст., а йдеться про слова, засвідчені у X ст.

Таким чином, нами запропоновано нові етимології хороніма **Леведія**, етнонімів **кавари**, **саварти-асфали** та титулів **дьюла**, **кенде** і **карха**.

Список скорочень назв мов

англ. – англійська	перс. – перська
араб. – арабська	пол. – польська
араб. – арабська	прагерм. – прагерманська
башк. – башкирська	праслов. – праслов'янська
гот. – готська	рос. – російська
грец. – грецька	рум. – румунська
давньоангл. – давньоанглійська	старослов. – старослов'янська
давньосканд. – давньоскандинавська	тат. – татарська
евенк. – евенкійська	тюрк. – тюркські
італ. – італійська	угор. – угорська
монг. – монгольська	укр. – українська
нім. – німецька	халха-монг. – халха-монгольська
новогрец. – новогрецька	чув. – чуваська

- ¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. – М., 1991. – С. 158–161.
- ² Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 161–163.
- ³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 162–163.
- ⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 162–163.
- ⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 166–167.
- ⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 383.
- ⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 44–45.
- ⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 166–167.
- ⁹ Левицкий Т. «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов // Восточная Европа в древности и средневековье. – М., 1978. – С. 56.
- ¹⁰ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Дада. – СПб., 1869. – С. 26–27.
- ¹¹ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Дада. – С. 25.
- ¹² Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 158–161.
- ¹³ Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. – М., 1997. – С. 130–131.
- ¹⁴ Rona-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History. – Budapest, 1999. – P. 282.
- ¹⁵ Бибииков М. В. 1. Хазары и древние тюрки // Кочевые цивилизации и Русь. – <http://www.getsoch.net/istoricheskij-opyt-mezhethnicheskix-otnoshenij-na-evrazijskom-prostranstve/>
- ¹⁶ Бибииков М. В. Византийская этнонимия: архаизация как система // Симпозиум «Античная балканистика: этногенез народов Евразии и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология» (Москва, 2–4 декабря 1980 г.). – М., 1980.
- ¹⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 162–163.
- ¹⁸ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Дада. – СПб., 1869. – С. 25.
- ¹⁹ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Дада. – С. 26, 46.
- ²⁰ Vernadsky G. Ancient Russia. – New Haven, 1943. – P. 241–242.
- ²¹ Добродомов И. Г. Из аланских следов в топонимии европейской части СССР // Имя – этноистория. – М., 1989. – С. 15–17.
- ²² Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн Фадлана. – Чебоксары, 1954. – С. 35.
- ²³ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков, 1956. – С. 139.
- ²⁴ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – С. 130.
- ²⁵ Рассказ Риско-католического миссионера Доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских Венгерцев, совершенном перед 1235 г. // ЗООИД. – Т. V. – Одесса, 1863. – С. 998–1002; Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. – Т. III. – М., 1940. – С. 71–112.
- ²⁶ Иванов В. А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа, 1999. – С. 108.
- ²⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – С. 154–155, 388. Г. Є. Корнилов етимологізує тюркську назву Волги з д.-інд. **atala** бездонний; *назва одного з нижніх, підземних, світів, населених асурами (a – не, без + tala дно)*, див.: Мурзаев С. М. Словарь народных географических терминов. – М., 1984. – С. 229.
- ²⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 160–161, 164–165, 393.
- ²⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 392, прим. 3; Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. – Вып. VI. – Симферополь, 1998. – С. 667.
- ³⁰ Иванов В. А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – С. 108.
- ³¹ Vernadsky G. Ancient Russia. – P. 241–242.
- ³² Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 206.

- ³³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – С. 158–159, 172–173, 391–392, 403.
- ³⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 172–173, 403.
- ³⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 42–43, 50–51, 172–173, 156–157, 162–163, 390, 394, 403.
- ³⁶ Бушаков В. А., Дрогобыч Н. Е. О происхождении ландшафтного термина «степь» // Степи Северной Евразии. Эталонные степные ландшафты: проблемы охраны, экологической реставрации и использования / Материалы III Международного симпозиума (Оренбург, 16–21 июня 2003 г.). – Оренбург, 2003.
- ³⁷ «Paludes autem Meotidas adeunt annos (annis) V immobiliter permanserunt. Anno ergo VI exeuntes in deserto loco sine maribus in tabernaculis permanentes uxores ac pueros filiorum Belar casu reppererunt (reperiunt), quos cum rebus eorum in paludes Meotidas cursu celeri deduxerunt. Accidit autem principis Dule Alanorum duas filias inter illos pueros comprehendere, quarum unam Hunor et aliam Mogor sibi (suam) sumpsit in uxorem. Ex quibus mulieribus omnes Hunni sine Hungari originem assumpsere». – Simonis de Keza. Gesta Hungarorum // Historicae Hungaricae fontes domestici. – Pars Prima Scriptores: 2. – Lipsae, 1883. – P. 55–56; Nady B. A czodasrarvas modaja // Ethnographia. – N 38. – Budapest, 1927. – Old. 164; Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. – С. 198–199.
- ³⁸ Про різні гіпотези походження потамоніма див.: Желєзняк І. М., Корепанова А. П., Масенко Л. Т., Стрижак О. С. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. – К., 1985. – С. 83–84.
- ³⁹ Див.: Етимологічний словник української мови. У 7-ми томах. – К, 1982. – Т. 3 (Кора – М). – С. 206–207, 209.
- ⁴⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1991. – С. 158–161;
- ⁴¹ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даста. – СПб., 1869. – С. 25–26.
- ⁴² Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – С. 162–163, 394; Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. – М., 1991. – С. 162–163.
- ⁴³ Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. – М.; Иерусалим, 1997. – С. 78–79.
- ⁴⁴ Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. – М., 1997. – С. 171.
- ⁴⁵ Угорсько-український словник. – Будапешт; Ужгород, 1961. – С. 421–422.
- ⁴⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1991. – С. 158–161.
- ⁴⁷ Moravcsik Gy. Commentary // Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. – V. 2. – London., 1962. – P. 147; Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962. – С. 349; Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. – С. 145.
- ⁴⁸ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 83.
- ⁴⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – С. 158–159.
- ⁵⁰ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. – Leipzig, 1903. – S. 35–40
- ⁵¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. – М., 1963. – С. 214, прим. 115.
- ⁵² Rona-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History. – Budapest, 1999. – P. 288.
- ⁵³ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даста. – С. 114–116, прим. 48; Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – С. 166–167.
- ⁵⁴ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даста. – С. 26–27.
- ⁵⁵ Gyula (title) // [http://en.wikipedia.org/wiki/Gyula_\(title\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Gyula_(title)).
- ⁵⁶ Doerfer K. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen und besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. – Bd. III: türkische Elemente im Neupersischen (ʔim bis kāf). – Wiesbaden, 1967. – S. 3–6, 610.
- ⁵⁷ Gesta Hungarorum // http://en.wikipedia.org/wiki/Gesta_Hungarorum; Chronicon Pictum // http://en.wikipedia.org/wiki/Chronicon_Pictum.
- ⁵⁸ Угорсько-український словник. – С. 290.
- ⁵⁹ Угорсько-український словник. – С. 347.
- ⁶⁰ Doerfer K. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – S. 610.
- ⁶¹ Бушаков В. А. О происхождении титула калга в Крымском ханстве // Ватан. – 1991. – № 3 (6).

Л. В. Войтович

ПОВЕРТАЮЧИСЬ ДО ХОРВАТІВ КОСТЯНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО

Бурхливе Х ст., на яке припадає злет і початок занепаду Македонської династії, за часів якої Візантія перебувала на вершині своєї величі, теж належить до наукових зацікавлень Сергія Сорочана¹.

Introductio. До цього періоду належить найважливіше джерело з ранньої хорватської історії – трактат візантійського василевса Костянтина VII Багрянородного (913–959 рр.) «Про управління імперією». Всі сумніви з приводу його інформації, які інколи можна зустріти в літературі², відносяться до модного в певні часи гіперкритицизму. Костянтин VII писав не літературний твір, а настанову з питань зовнішньої політики для сина і наступника Романа II, не маючи потреби щось замовчувати або перекручувати, а у Х ст. у цивілізованій Європі більше інформації не мав ніхто. Зрозуміло, що автор користувався різними джерелами, в тому числі і епічними, не завжди маючи змогу їх перевірити, узгодити в часі, не кажучи вже про точну їх локалізацію. Всі проблеми формування трактату та його розділів детально проаналізовані в коментарях до лондонського видання 1962 р.³. Погляди радянської науки на ці проблеми відбиті у двох останніх виданнях трактату під редакцією Геннадія Літаврїна⁴. Хорватський вчений Міленко Лончар узагальнив підсумки досліджень відомостей про *хорватів*, наведених в трактаті, післявоєнних хорватських, словенських і сербських істориків⁵.

В працях російського історика Олександра Майорова⁶ і моїх⁷ були підбиті певні підсумки досліджень за останні два століття, присвячених проблемі локалізації хорватів, зокрема за трактатом візантійського василевса Костянтина Багрянородного «Про управління імперією». Обидва автори прийшли до схожих висновків, які поки що заперечень в науковій літературі не отримали. Навіть автори, які схильні вважати хорватів частиною іранського чи тюркського масиву, які добилися гегемонії в слов'янському середовищі, не заперечують проти їх локалізації у сучасній Західній Україні⁸.

Однак дуже активно, щоби не сказати агресивно, проти будь-якої локалізації хорватів у Західній Україні виступає сучасна польська історіографія. Причини полягають скоріше у псевдопатріотичних мотивах, ніж намаганнях розв'язати наукову проблему. Мова йде про локалізацію племені *лендзян*, від якого, як вважають походять назви поляків у сусідніх народів (русів, угорців та литовців). Навіть доволі помірковані спроби великого славїста Генріка Ловмянського

пересунути гіпотетичні межі племінного масиву *лендзян* до Бугу і Стиру на Волині⁹, сьогодні видаються замалими. Спираючись на інформацію василевса Костянтина, за якою *Lenzenionoi* платили данину Києву в часи регентства Ольги, сучасна польська наука повернулася до патріотичного запалу міжвоєнного періоду, намагаючись пересунути межі *лендзян* якщо не до Києва, то принаймні до верхів'їв Дністра і Стиру, а практично оголосивши всю Західну Україну територією *лендзян*¹⁰. Для обґрунтування таких висновків, поряд з ономастичними матеріалами (при цьому такі назви як Белз, Белзець чи Тисмениця однозначно відносять до західнослов'янських, тобто польських¹¹), використовуються довільні трактування інформації василевса Костянтина Багрянородного або просто опускаються ті фрагменти, які важко витлумачити у потрібному руслі. Немає переконливих аргументів, щоби відмовлятися від локалізації *лендзян* в Сандомирсько-Люблінській землі¹². Можна допускати, що у середині X ст. *лендзяни* могли утримувати верхів'я Прип'яті і певний час брати участь у дніпровській торгівлі з Візантією. Можливо, *бужани*, *волиняни* чи інші волинські племінні князівства в період своєї гегемонії забирали і *лендзян* до волинського племінного суперсоюзу. Як учасники дніпровської торгівлі, вони могли платити якийсь трибут Києву, за що і Костянтин VII і відніс їх до данників Києва. Олександр Головко з цього приводу писав про певну групу *лендзян*, які жили у верхів'ях західних приток Дніпра (вірогідно на території сучасної Белорусі), але рівночасно не були яким-небудь значним етнічним формуванням і з часом повністю асимілювалися східнослов'янським населенням¹³. І етимологія угорської назви поляків – *lengyel* від *лендзян*¹⁴ – не поребує наявності безпосередніх кордонів. Достатньо було контактів через Перемишль (де знайдено угорське кладовище X ст.), який був тоді значним центром¹⁵. Назва його походить від Пшемисла – імені хорватського чи моравського князя (у період гегемонії Великої Моравії тут міг сидіти моравський династ). Після разгрому Великої Моравії хорватські князівства стали об'єктом боротьби між Чехією, Угорщиною і Польщею. Польща в цей період переживала стадію формування державної території. В орбіту держави Мешка I ввійшли *лендзяни*. Перемишль, який після падіння Великоморавської держави перебував у сфері угорського впливу, міг залишатися певний час самостійним. 981 р. Володимир Святославич приєднав ці землі до Києва. Якби вони були етнічними територіями *лендзян*, то за них безперечно почалася б довга боротьба, в ході якої місцева верхівка підтримувала б польську сторону. Але цього не сталося, бо ці землі були хорватськими. Існують також версії локалізації *лендзян*-лендичів як східних слов'ян в басейнах Случі, Горині і Стиру¹⁶ або їх тотожності з волинськими *лучанами*¹⁷. Але, як визнав один з гарячих прихильників поширення теренів *лендзян* на всю Західну Україну Криштоф Фокт, поки визнається існування хорватського масиву у Прикарпатті, джерельна мотивація стосовно поширення *лендзян* на схід буде виглядати суперечливою¹⁸. Тому на заперечення присутності хорватів в цьому регіоні спрямовані всі потуги польської патріотичної науки. А одним з найголовніших аргументів залишається згаданий твір візантійського василевса Костянтина VII Багрянородного.

Проблема «білих хорватів». У вітчизняній та російській історичній літературі поширене етнічне означення прикарпатських племен як *білих хорватів*, не-

зважаючи на явний анахронізм та помилковість цього терміну. Література про білих хорватів і хорватський етногенез налічує сотні книг і статей кількох десятків авторів. Огляди цієї літератури за певні періоди можна почерпнути у Любора Нідерле¹⁹, Тадеуша Модельського²⁰, Федро Шішіча²¹, Любо Гауптмана²², Йозефа Відаєвича²³, Герарда Лябуди²⁴, Божени Застерової²⁵, Генріка Ловмянського²⁶ та Леонтія Войтовича²⁷.

Хорватський вчений Стефан Сакаш, базуючися на працях відомого швейцарського лінгвіста Фердинанда де Соссюра, встановив, що назва *білі хорвати* за іранською термінологією, прийнятою у слов'ян, означає *західні хорвати*²⁸. Після глибокого критичного аналізу цієї проблеми, російський вчений Олександр Майоров також погодився, що лише ця версія задовільно пояснює назви *Біла Хорватія* та *білі хорвати*²⁹.

Зрозуміло, що в будь-якому випадку на певному етапі *білі хорвати* були частиною хорватського масиву³⁰.

Повертаючись до тексту трактату візантійського василевса, потрібно перш за все знову звернути увагу на інформацію, подану у розділах 31 та 30, де наведені відомості про Білу і Велику Хорватію (цит. за російським виданням 1991 р.):

«...хорвати, що нині живуть в краях Далмації, походять від нехрещених хорватів, званих „білими“, котрі живуть по ту сторону Туркії поблизу Франгії, і межують зі слов'янами, тобто нехрещеними сербами. Хорвати слов'янською мовою означає „жителі великої країни“. Ці хорвати виявились перебіжчиками до василевса ромей Іраклія...

...Хорвати ж жили на той час за Багіварією, де з недавнього часу знаходяться білохорвати...

...Другі ж хорвати залишилися біля Франгії і з недавніх пір зовуться білохорватами, тобто „білими хорватами“, які мають власного архонта. Вони підкоряються Оттону, великому королю Франгії, інакше Саксії, і лишаються нехристами, вступаючи в родинні зв'язки і дружні відносини з турками...

...Велика Хорватія, звана „Білою“, лишається нехрещеною до сього дня, як і сусідні з нею серби. Вона виставляє ще менше кінниці, як і пішого війська, порівняно з хрещеною Хорватією, так що є більш доступною для грабунків і франків, і турків, і пачинакітів. Вона не має ні довгих суден, ні кондурів, ні торговельних кораблів, бо лежить далеко від моря, – шлях від тамтешніх місць до моря займає 30 днів. А море, котрого вони досягають через 30 днів, називається „Чорним“...».

У літературі X–XI ст. етнонімом «турки» називали угорців³¹, що не викликає жодних сумнівів.

На думку більшості коментаторів архаїчна назва «Франгія» у трактаті відноситься до східної частини імперії франків – Германського королівства. Вальтер Онзорге³² висунув версію подвійного значення цього терміну у василевса Костянтина: «Grossfrangia», як частина імперії франків поза Альпами, і «Frangia» у значенні «Regnum Italicum». Цю версію активно підтримував Герман Кунстманн³³. Обидва не зауважили, що *Regnum Italicum* з'явився лише після перемоги Оттона I над Беренгаром у 962 р., тобто після смерті Костянтина Багрянородного.

Етнонім «Багіварія» (від Bagoaria, Baioaria, Bavor латинських джерел) на думку більшості дослідників означав частину держави Оттона I – Баварське герцогство³⁴. Один з перших коментаторів трактату Ансельм Бандурі висунув версію, що Багіварія – спотворена назва Карпат³⁵. Пізніше Йосиф Міковші запропонував під Багіварією розуміти територію за р. Ваг у Словаччині³⁶. Ці обидві версії не аргументовані і тому не отримали підтримки. Те ж можна сказати і про версію, за якою Багіварія – Бабина гора в Оравських Бескидах³⁷.

Пачінакіти – спотворена назва *печенігів*.

Отже, на підставі приведених вище фрагментів трактату василевса Костянтина VII можна зробити висновок, що автор не зміг узгодити різномірну інформацію і виразно плував дві різні політичні одиниці (суперсоюзи чи племінні князівства): *Білу Хорватію* та *Велику Хорватію*. На середину X ст. *Біла Хорватія* займала західну частину колишнього хорватського союзу (*Великої Хорватії*), відділившись від нього і ставши окремим князівством чи союзом князівств з своїм правителем (архонтом). Ця територія розташовувалася північніше Баварського герцогства, межуючи з *Білою Сербією* та *уграми*. Правителі Білої Хорватії намагалися провадити свою політику, блокуючись з угорськими князями, які, подібно до них, залишалися язичниками. *Біла Сербія* тоді займала верхню течію Одри і доходила до витоків Вісли. Звідси випливає, що в середині X ст. *Біла Хорватія* простягалася від витоків Вісли через витoki Одри десь до району витоків Лаби (Ельби). Інформація про те, що її землі були доступними для нападів *печенігів* ніби вказує на середню течію Дністра – верхньої течії Пруту. Ця сама інформація подає зв'язок *білих хорватів* з Чорним морем, примірний шлях до якого тривав 30 днів. День плавання вгору по ріці прийнято рахувати 25–35 км, вниз – 80 км. По Дністрі, з його безліччю вигинів і поворотів, вниз за день пройти більше 50 км не вдається. Прості підрахунки показують, що за 30 днів до Чорного моря можна було дістатися десь з району Перемишля. Деякі дослідники, в т. ч. Дюла Моравчик, під Чорним морем пропонують бачити Балтійське. Це малоймовірно, але не змінює справи: до Балтійського моря за 30 днів річковим шляхом по Сяну і Віслі теж можна доплисти лише з району Перемишля. Рівно ж і по Одрі можна було досягнути балтійських берегів приблизно за 30 днів.

Але чи стосувалася інформація василевса про печенігів *Білої Хорватії* чи, може, іншого відламу *Великої Хорватії*? Відповіді на це питання допомагає наступний фрагмент з розділу 13 трактату: «...до турок прилягають такі народи: З західної сторони від них – Франгія, з північної – пачінакіти, з південної – Велика Моравія, тобто країна Сфендоплока [Святоплука Моравського – Л. В.], котра зовсім знищена тими самими турками і захоплена ними. Хорвати же сусідять з турками біля гір...».

Дюла Моравчик, Габор Феґер, Френсіс Дворнік та ін.³⁸ вбачали в цьому фрагменті свідчення, що після того, як *угри* розгромили державу Святоплука Моравського, вони межували з *хорватами* біля Карпат, тобто в Закарпатті. Геннадій Літаврін та Володимир Шушарін безпідставно вважали, що мова тут йде про далматинських хорватів і відносили цей фрагмент до незрозумілих³⁹. Але повідомлення розділу 13 логічно пов'язане в тексті з рештою інформації про *угрів*, *печенігів* та *хорватів*.

Одночасно потрібно звернути увагу, що фрагменти трактату, які відносяться до *хорватів* біля Карпат, не дозволяють називати їх *білими*. Саме до цих *хорватів* і належить вказівка василевса про доступність хорватських земель нападам *печенігів*. Тобто можна стверджувати, що в першому фрагменті, подаючи інформацію про *Білу Хорватію*, василевс долучив до неї повідомлення про печенігів, яке стосувалося *Великої Хорватії*.

Поза сумнівами, справедливою є думка дослідників, що *печеніги* після 896 р. оволоділи простором від Дону до Сирету і їх літні кочовища були і у Пруто-Дністровському межиріччі⁴⁰, звідки вони могли легко тривожити *хорватів* у Закарпатті та на Середньому Дністрі. Принаймні у 948–952 рр. печеніги кочували між Південним Бугом, Дністром, Прутом і Сиретом. Зауваження Світлани Плетньової щодо археологічних пам'яток *печенігів* на Доні⁴¹ не суперечить цим висновкам. Про розселення восьми орд печенігів, одна з яких межувала (чи досягала їх територій під час набігів) з *уличами*, *древлянами* і, навіть, *волинянами* (у тексті – *лендзянами*), розповідає 37 розділ трактату василевса Костянтина. У полеміці з Павлом Діакону Іван Божилов⁴² та Дюля Дьєрфі⁴³ не виглядають переконливими. Слідів болгарського володіння цим регіоном немає. Ще менш вірогідна версія Михайла Грушевського за якою *печеніги* могли тривожити *хорватів* на Одрі через угорські володіння⁴⁴.

Окрім згаданого трактату візантійського василевса термін *білі хорвати* трапляється один раз – у ПВЛ. М. Грушевський допускав, що це вставка пізнішого редактора, який знайшов згадку про хорватів під 992 р. і дописав їх до переліку племен⁴⁵. Але під 992/993 р. мова йде просто про «хорватів», тоді як у недатованій частині літопису згадуються «білі хорвати». Інших аргументів на користь своєї версії історик не навів.

«...По мнозех же временех сели суть Словени по Дунаеві, где есть ныне Угорская земля и Болгарьска. От тех Словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте: яко пришедше седоша на реце именем Морава, и прозвашася Морава: а друзии Чеси нарекошася; а се тиже Словени Хровате Белии, и Сербь, и Хорутане...»⁴⁶.

Поза сумнівами, цей фрагмент відноситься до земель, які на момент укладання ПВЛ належали до складу Чеської держави та її сусідів. З цього фрагменту інформація про розташування земель *білих хорватів* повністю співпадає з інформацією, поданною василевсом Костянтином.

Крім *білих хорватів* ПВЛ ще тричі згадує просто *хорватів*:

«...И живяху в мире Поляне и Древляне, и Северь, и Радимичи, и Хрвате...».

Цей фрагмент особливо полюбляють цитувати польські історики, намагаючись з його допомогою обґрунтувати локалізацію *хорватів* на схід від *радимичів*. Ця ідея чомусь сподобалася і окремим російським та українським історикам, які не звертають уваги на те, що на Лівобережжі Дніпра всі племінні слов'янські групи добре ідентифікуються за археологічними ознаками – жіночими підвісками-кільцями, які носили на стрічках біля скронь. Насправді на підставі вказаного фрагменту можна стверджувати, що *поляни* жили в мирі з сусідами: *древлянами* (північно-західними сусідами), *сіверянами* (східними сусідами), *радимичами* (північно-східними сусідами) та *хорватами* (південно-західними сусідами).

Наступний фрагмент повідомляє про участь *хорватів* в походах Олега на Константинополь 907 та 911 р. Залишаючи поза увагою питання про кількість походів Олега, а також взагалі про те, чи ці походи відбувалися у зв'язку з версією Аскольдового літопису і гіпотезами М. Брайчевського (що задовнювало би події на 50–60 років), можна припускати, що *хорвати* могли брати участь у подібних походах лише як союзники або данники київського князя. Тільки спустившись по Дністру і приєднавшись до флотилії Олега чи Аскольда, вони могли принести користь в поході. Як союзники, живучи далеко від Дністра, *хорвати* не мали би жодної вигоди від походу на Візантію. Як данники Києва вони, тим більше, не могли розташовуватися далі на захід за межами Придністров'я і далі на схід від *радимичів*, які на той час ще не були данниками Києва.

Третій фрагмент датується 992 р. у Лаврентіївському літописі⁴⁷, та 993 р. – в Іпатіївському⁴⁸: «*иде Володимир на Хорвати*». 981 р. Володимир Святославич воював з ляхами і зайняв Перемишль та Червенські гради. Не можна не погодитись з версією Ярослава Ісаєвича, що ляхами на Русі початково називали крайнє сусіднє плем'я *лендзян*, поширивши потім цю назву на всіх поляків⁴⁹. То проти яких *хорватів* ходив київський князь у 992/993 р.? Версія про завоювання Закарпаття і включення його до складу Київської держави, яка спирається тільки на цей фрагмент, не підкріплена іншими аргументами і виглядає непереконливо. Правдоподібніше, що Володимир виступив проти *дністровських хорватів*, бо під час цього походу на Київ напали *печеніги* і князь повернув назад. Якби його військо перебувало за Карпатами, зробити це було би практично неможливо. *Хорвати* з Середнього Дністра могли домовитись з *печенігами* про напад останніх на Київ. Боротьба Києва за Середнє Подністров'я була нелегкою. Розкопками Бориса Тимощука засвідчені розорення низки городищ цього регіону в кінці X ст. У Закарпатті нічого подібного не знайдено.

Про «руських хорватів» згадував і польський хроніст Вінцентій Кадлубек (бл. 1160–1223), але ці згадки, напевно, запозичені з руських літописів і не можуть дати нічого нового для локалізації *хорватів*. Тільки один фрагмент можна інтерпретувати як повідомлення про боротьбу за хорватські землі між Угорщиною та Польщею в період після 966 – до 981 рр.: «*Гунів чи Угрів, Хорватів і Мадярів, племена сильні, він перебрав під свою владу*»⁵⁰. Цей фрагмент також певною мірою підсилює висновок, що *хорвати* межували з Угорщиною і з півночі, тобто від Карпат.

Дослідники тексту «Орозія» англійського короля Альфреда Великого (879–899/901) встановили, що інформацію про центральні райони Європи взято від посланців, які перебували при дворі імператора франків Арнульфа (887–899 рр.), котрий 892 р. пробував завоювати Велику Моравію і через купців, місіонерів та інших розвідників збирав інформацію про слов'янські землі⁵¹. Хороти [*хорвати*] поміщені Альфредом на схід від *далемінців* [далемінців-гломачів] і на південь від Мегда, «*а з півночі від землі знаходяться сарменди до самих Рифейських гір*» [Орозій, 12–13]. *Далемінці-Гломачі* разом з *сіуслами*, *колодицями*, *мільчанами* і *лужицями* входили до союзу *сорбів* [сербів]⁵², відомому Костянтинові Багрянородному як *Біла Сербія*. Нині залишки цього союзу збереглися як лужицькі серби. Землі *далемінців* локалізуються між р. Каменицею, притокою Мульди,

Лабою до Стріли, Ползницею і Крушними горами. Отже, за Альфредом, межі між *Білою Сербією* і *Білою Хорватією* на заході проходили над верхньою Лабою. Сюди легко поміщаються і чеські хорвати з-над верхньої Лаби і сілезькі хорвати з-над верхньої Ніси, відомі з пізніших джерел⁵³.

Ще в минулому столітті Ян Босворт апріорно помістив Мегд у Східній Пруссії і Польщі⁵⁴. Пізніше Г. Лябуда досить переконливо ототожнив Мегд з Мазовією⁵⁵. Територія Мазовії чітко окреслена топонімами типу Мазовшани, Мазовше, Мазев, Мазево, Мазовецьк, Мазури, Мазурка, Мазурков (їх всього 13), які розташовані на історичних межах Мазовша⁵⁶.

Сарменди – це, безперечно, *сармати*, як і вважала Віра Матузова⁵⁷. Цим терміном вчена Європа довгий час позначала населення своєї східної частини.

Під Рифейськими горами в літературі звичайно розуміють Уральські гори. Тому цей фрагмент можна розглядати як вказівку, що за *хорватами* аж до Уралу живуть *сармати*, тобто незнаний народ. Проте це зовсім неоднозначно. «*Скіфія лежить під самою північню і біля підніжжя Рифейських гір, звідки дує Борей*», – писав Псевдо-Гіппократ. «*У Скіфію і в північні землі вступив жажливий Борей... і що ж? Хіба Гіпаніс [Південний Буг – Л. В.], що бере початок зі скіфських гір, будучи спочатку прісним, не псується пізніше гіркими солями?*» – читаємо у «Метаморфозах» римського поета Овідія, засланоного у I ст. до Том на узбережжі нинішньої Румунії. Тут явно під Рифейськими [Скіфськими] горами можна бачити Карпати⁵⁸.

Мазовія межувала з лендзянами. Лендзяни залишились невідомими королю Альфреду, але він знав про віслян: «*А на сході від Моравії розташовується країна Віслян, а на схід від неї Дакія*» (Орозій, 12). «Дакія» це така ж само вчена фікція як «Сарматія». У IX ст. обох не існувало.

Про віслян відомо також і з Житія св. Мефодія: «*Поганськъ кнѣзь сильнь вельми, сѣда в Вислѣх, ругашеся християном и пакости дѣяше*»⁵⁹. На підставі цих фрагментів Г. Ловмянський відніс до *хорватів* і *віслян* і *лендзян*⁶⁰. Для такого категоричного висновку немає жодних підстав, більш прийнятливим можна вважати припущення, що *лендзяни* входили на той час в державу *віслян*. Загалом же на підставі інформації короля Альфреда можна вважати тільки, що в другій половині IX ст. над Верхньою Віслою з'явився потужний союз *віслян*. Десь між 874–885 рр. Святоплук Моравський взяв в полон віслянського князя і примусив його насильно прийняти хрещення⁶¹.

В цілому ж можна вважати, що, уточнюючи західні і північні межі *хорватів*, «Орозій» короля Альфреда прив'язує хорватський масив до Карпат. В джерелі згадуються *вісляни*, але сам Альфред ніде не ототожнює їх з *хорватами*.

Певну інформацію про тогочасне розташування *хорватів* за межами Далмації дають і східні джерела. Арабський Анонім часів Святоплуга Моравського (870–894) дійшов до нас в передачі Абу Алі Ахмада ібн Умара ібн Рошта (поч. X ст.) та перського історика Абу Саїд ель-Хайн Гардізі (XI ст.). Від Аноніма походить згадка про плем'я *Grwab* і його князя *Suwayyat Balk* [ібн Рошт] чи плем'я *Garawat* і його князя *Suwayyat Malik* [Гардізі]⁶². В обох випадках легко побачити спотворені назви *хорватів* і князя Святоплуга. Можна погодитись з Г. Ловмянським, що східні купці, торгуючи з державою моравського князя,

називали її після першого «з краю» племені, яке підлягало цьому володареві. Але намагання польського історика за всяку ціну віднести ці відомості аж до *віслян*, відкинувши *хорватів* надністрянських та карпатських, виглядає надто непереконливо⁶³. За його версією арабські купці, щоб потрапити в резиденцію Святоплука на Мораві мусили йти стороною від Дністра і Карпат через Волинь на Віслу і через це залишали в стороні *хорватів* надністрянських і чеських, не кажучи вже про *хорватів* карпатських. Для підтвердження своєї гіпотези він вказував на скарби дірхемів в Дорогичині та в околицях Любліна. Але саманідське срібло знайдене і у Перемишлі, Тустані та в Закарпатті (Хуст). У Перемишлі, згідно Схуди бен Меїр ха-Кохен, вже на початку XI ст. функціонувала єврейська торговельна факторія⁶⁴. Навряд чи арабські купці самі доходили до столиці Святоплука. Свою інформацію вони збирали в хозарських містах і у Києві. Єврейські купці з Хозарії не пускали їх далі. Щоб їх обійти довелося вести торгівлю через Булгар. Обійти ж Київ не було ніякої можливості. Легенди про Артанію, де вбивають іноземців, занесені арабами з Києва, свідчать про те, що і місцеві купці не хотіли конкуренції і не пускали арабів далі. А з Києва на Мораву найкоротший шлях через Перемишль або через Карпати⁶⁵.

Що стосується відомостей ал-Масуді (947) про *Мораву*, *Хорватін* та *Чакін*, то вони також взяті з п'ятих рук⁶⁶. Але і ці відомості скоріше відносяться до *хорватів* на Дністрі або в Карпатах ніж до *хорватів* на Віслі.

Екстрат з різних арабських географів, відомий як Перський Анонім (982 р.), опублікований Володимиром Мінорським, в інформації про князя Святоплука зазначає, що столиця цього князя була в місті Хурдаб /Хурбад/ над рікою Рута, котра випливає з гори, яка лежить на межі *печенігів*, *угрів* і *русів*, і через край *русів* біжить до краю *слов'ян*. В Хурбаді 3 дні в місяці були призначені для торгів і все населення торгувало⁶⁷. Інтерпретація цього фрагменту має велику літературу. Були варіанти ототожнення Руті з Окою, Дунаєм та іншими ріками. Але майже очевидно, що Рута може бути Прутом, котрий витікає з околиць Говерли. Нижня течія Пруту у X ст. була зайнята *болгарами*, які на той час вже були слов'янами. Район верхньої течії Пруту був приблизною межею Київської Русі (після приєднання дністровських хорватів), Угорщини і печенігів. Густа сітка селищ і городища IX–X ст., досліджені Богданом Тимощуком на Буковині і віднесені до білохорватських, не заперечують проти такої локалізації. Версія Маркварта ніби столицею Святоплука був Краків бездоказова⁶⁸. Хурдаб на Руті – теж не столиця моравського князя, а один з центрів міжплемінного торговельного обміну на зразок Ладоги чи Бірки, розташований на краю держави Святоплука, десь у верхній течії Пруту. Подібно і Ладога була розташована на краю Славії, а Бірка – на краю Швеції. Не виключено, що це була столиця одного з хорватських князів. На думку Ореста Корчинського місто Хорват розташовувалося у центрі Великої Хорватії на городищі Стільсько, яке лежить на р. Колодниці, лівій притоці Дністра⁶⁹, але і ця гіпотеза також ніяк не прив'язана до тексту джерела.

Підсумовуючи інформацію східних авторів, джерелами якої були розповіді купців, можна стверджувати про поширення меж хорватського масиву до Верхнього Пруту і Карпат, а також залежність цього масиву в IX ст. від князя Святоплука Моравського.

Легенда про св. Вацлава, чеського князя, вбитого братом Болеславом 929 р., була сформована в 940–970 рр. Вона лягла в основу його Життя. Формували легенду сучасники, знайомі з фактичним перебігом подій. За інформацією Життя, після загибелі Вацлава його мати Драгомира втекла в Хорватію. Болеслав енергійно намагався дістати матір в свої руки, але не зміг цього добитись⁷⁰. На цій підставі можна допускати, що межі *хорватів* в X ст. знаходились недалеко від землі *пиован*, що співпадає з західними межами *хорватів*, окресленими «Орозієм» короля Альфреда і не суперечить інформації Костянтина Багрянородного. Невдача спроб Болеслава свідчить, що *хорвати* вели незалежну політику і принаймні їх верхівка вже була християнською. Вони могли переправити княгиню далі на схід, де Болеслав не мав впливу. Схоже, що Житіє мало на увазі *білих хорватів*.

Ще два джерела (Празький привілей 1086 р. та т. з. Географ Баварський IX ст.) дозволяють зробити певні уточнення. Празький привілей 1086 р. був наданий кайзером Генріхом IV своєму канцлерові празькому єпископу Яроміру-Гебгардту (1040–1089/90 рр.), синові чеського князя Бржетислава I. Єпископ добивався виходу Празького діоцезу з-під влади чеських королів і перетворення його у церковний лен імперії. Документ 1086 р. спирався на більш ранній документ 983 р. з описами меж Празької єпископії. Зрозуміло, що празька кафедра не мала потреб фальсифікувати східні кордони свого діоцезу, де лежали території, котрі у XI ст. належали до держави могутнього київського князя, а в церковному відношенні підлягали константинопольському патріарху. Тому в документі 1086 р. було просто переписано відповідні пасажі документу 973 р., підтвердженого папою Бенедиктом (972–974) та імператором Оттоном I (+ 973 р.), які відбивали стан справ ще за часів Великоморавської держави кінця IX ст. або Чеської держави другої половини X століття⁷¹:

«Далі до півночі такі є кордони: *Пиовани (Pssouane)*, *Хорвати і други Хорвати (Chrouati et altera Chrowati)*: *Зласани (Zlasane)*, *Требовани (Trebouane)*, *Поборани (Poborane)*, *Дедолізи (Dedolize)* аж до серединного лісу, де біжить границя *Мільчан (Milcianorum)*. Звідси до сходу такі має ріки *граничні Буг (Bug)* іменується і *Стір (Ztir)* ... разом з *городом Краковія (Cracoia)* і *краєм, котрий має назву Ваг (Vag)* і з усіма територіями, котрі належать до згаданого граду, котрий є *Краковія (Cracoia)*. Звідси, додавши *границі угорські, розширено посувається аж до гір, котрих назва є Тріті [Татри – Л. В.]...*»⁷².

На підставі цього фрагменту Л. Нідерле зробив висновок, що *хорвати* розміщались між польськими та чеськими племенами. Він вважав, що початково *Велика Хорватія* мала свій політичний центр у Кракові, підтримавши згадану вище версію Й. Маркварта, яку слушно критикував свого часу М. Грушевський. Близько 560 р. *авари* розгромили і розчленили *Велику Хорватію*, змусивши значну частину *хорватів* перейти в Паннонію і Далмацію (де вони живуть і нині). Тому відлами *хорватів* були розсіяні в Заалі, на Одрі, у Східній Галичині і Чеських Карконосах⁷³.

Г. Ловмянський також вирішив, що принаймні одне з племен *хорватів*, названих у Празькому привілеї, можна без вагань локалізувати над Віслою і ототожнити з вісянами⁷⁴, тим самим, без жодних обґрунтувань опускаючи зауваження

Владислава Кентшинського⁷⁵ та висновки Й. Відаєвича⁷⁶, який не допускав можливості ототожнення *віслян* з *хорватами*.

Обидві гіпотези виглядають сумнівними. У Празькому привілеї 1086 р. Краків та його околиці виділено окремо. Чітко відокремлені дві різні групи *хорватів*. Тобто якраз *вісляни* могли відділяти *білих* [західних – Л. В.] *хорватів* від інших хорватів: *зласан, требован, поборан*...

Свого часу Степан Томашівський висунув здогадку, що до 981 р. існувало залежне від чехів політичне об'єднання, яке охоплювало землі пізнішої Словаччини, Краківщину, Надсяння та Верхні Побужжя⁷⁷. З цього мало би випливати, що східна частина *Великої Хорватії*, куди були включені землі пізнішого Белзького князівства, входила до 981 р. в орбіту Чеської держави.

Т. з. Географ Баварський («Опис міст і територій з північної сторони Дунаю») особливо часто використовується противниками розміщення *хорватів* в Центральній-Східній Європі. Між тим ця пам'ятка перераховує відомі авторам племена і племінні князівства, включаючи зовсім дрібні, тоді як хорвати склали суперсоюз племен, куди такі князівства входили постійно або тимчасово. Аналізуючи результати досліджень пам'ятки з кінця XVIII ст. і співставляючи їх з результатами археологічних досліджень та інших джерел та користуючись методикою, запропонованою Йоахімом Германом⁷⁸, я дійшов висновку щодо можливості локалізації на підставі цієї пам'ятки племен чи племінних князівств хорватського та волинського масивів. В більшості випадків польські науковці, вичерпавши можливості розміщення того чи іншого племені на території сучасної Польщі, відносять його до тих, чия ідентифікація неможлива, не розглядаючи загалом інших можливостей. В числі таких племен: *Lendizi* (*лендзяни*), розташовані західніше *Thafnezi* (танян, басейн р. Танви) і *Prissani* (*присяни*), розташовані західніше від *Zeruiani* (черв'яни) та *Velunzani* (волиняни). *Prissani* (*присяни*), тобто плем'я, що живе на р. Сян – спотворена назва від *Zlasani* з Привілею 1086 р., тобто засяни, засянці чи надсянці (позаяк форми присянці, прикарпатці і т. д. характерні для більш пізнього часу). За даними Баварського Географа у них було 70 громад. В районі Перемишля-Сянока було майже стільки ж городищ⁷⁹.

Локалізуювши *засян* (засянців) можна спробувати локалізувати і інші племена, згадані в Привілеї 1086 р.: *Trebouane, Poborane, Dedolizi*. Найпростіше було би *требовлян* ототожнити з *теребовлянами*, які розміщались в районі нинішньої Теребовлі в басейні Середнього Дністра на його лівому березі. Цей район густо заповнений археологічними пам'ятками відповідного періоду. При локалізації племені дослідники виходили з засади, що назва племені походить від «треба» – ритуальна жертва. Тому *требов'ян* пробували локалізувати в Чеській Требові над Орлице (Стефан Закршевський, Стефан Арнольд), на р. Требніце (Йозеф Відаєвич, Тадеуш Лер-Сплавінський), р. Качаві в околицях Легніце, яка колись називалася Требовою. Всі ці локалізації слабо в'яжуться з документом 1086 р. Можна ще згадати і р-н Требішова у Словачії чи р. Теребовлі на Закарпатті⁸⁰. Велика кількість топонімів, пов'язаних з *требов'янами* на території по обидві сторони Карпат, а також у нинішній Хорватії (53 назви) може бути і свідченням міграції одного з найбільших хорватських племен, можливо пов'язаного з охороною головного святилища хорватського язического пантеону.

Poborane з Привілею 1086 р. при спробах локалізації перетворилися у *Tobrzanie* в Нижній Сілезії. Інші варіанти пов'язані з верхнім та середнім Бобром в околицях Болеславця і Вленя. Але ці землі входили у володіння брата св. Вацлава – Болеслава і не були хорватськими. Після локалізації *засян* і *требовлян* для *поборан* (*бобрян*) підходить лівобережжя Верхнього Дністра до витоків Бугу. Сюди можна включити і р. Боброк, де пізніше виникла Бібрка, і був уділ князя Дмитра Корятовича Боброк-Волинського.

Дедолізів – *дядошан* (чи *дзядошан* як пропонували називати їх Павло Шафарик та Антон Кралічек), яких П. Шафарик розміщав у районі пізнішого Галича⁸¹, напевно, слід локалізувати у масиві сілезьких племен на лівобережжі Одри⁸², в тексті джерела фрагмент, який відноситься до *хорватів*, закінчується *бобряними*, а *дядошани* відносяться до наступного фрагменту⁸³.

Обгрунтованою виглядає гіпотеза Я. Ісаєвича щодо можливої помилки у тексті Привілею 1086 р., за якою ріка Стір, скоріше всього, спотворена назва р. Стрий. У 60–80 рр. Х ст. Краківщина входила до Чеської держави, межа впливів якої доходила до річок Стрия (східна межа пізнішої Перемиської землі) і Бугу⁸⁴. З цього масиву необхідно виключити волинські землі, бо у Привілеї 1086 р. не згадуються сусідні з *засянами* волинські племена *черв'ян* та *танян*, не кажучи вже про *бужан* і *волинян*. Прийняття цієї гіпотези сильно звужує базу пошуків локалізації хорватських племен, згаданих в Привілеї 1086 р., обмежуючи її витоками Західного Бугу та р. Стрий.

В цьому регіоні, на якому пізніше виникли Перемишльське та Звенигородське князівства, у IX–X ст. напевно існували племінні хорватські князівства *засян*, *требовлян* і *поборан* (*бобрян*). На цих теренах знайдено низку гігантських городищ, окремі з яких (Пліснисько чи Стільсько) могли бути столицями племінних князівств. Племінна назва *требовлян* могла походити від загальнохорватського святилища, де справлялася «треба». Цілий ряд таких святилищ знайдено на Буковині, у Тернопільській та Івано-Франківській областях⁸⁵. Одне з них знаходилося біля с. Ілова Миколаївського р-ну Львівської обл.⁸⁶. Поруч – гігантський комплекс давнього міста у Стільську, яке загинуло в кінці Х ст., коли великий князь Володимир Святославич приєднав хорватські князівства.

Таким чином, підсумовуючи аналіз писемних пам'яток, можна стверджувати, що інформація василевса Костянтина VII не заперечується іншими джерелами. Можна дійти до висновку, що у середині Х ст. *Велика Хорватія* як єдина держава чи суперсоюз споріднених племен, вже не існувала. У її західній частині була держава чи союз племен *Біла Хорватія*, яка, можливо теж мала назву Великої. Рівночасно східні землі колишньої *Великої Хорватії* розпалися на низку окремих племінних князівств, частина яких потрапила під зверхність Великої Моравії, а після падіння останньої стала об'єктом експансії сусідів. Між *Білою Хорватією* і східними землями *Великої Хорватії* вклинилися сілезькі і лехітські племена, головним з яких були *вісляни*. Можна стверджувати, що *Біла Хорватія* в Х ст. була окремим політичним утворенням, своєрідним західним відламом хорватського масиву, ізольованим від інших хорватських масивів своєрідним анклавом.

Велика Хорватія: міф чи реальність? Інформація візантійського василевса та інших, перелічених вище джерел, дозволяє гіпотетично локалізувати територію *Великої Хорватії* від середньої течії Пруту і Дністра на сході до верхньої течії Вісли і Лаби на заході, вздовж Карпат, Татрів і Судетів. До складу цього масиву можна включити територію Закарпаття, бо саме там і зосереджені «хорватські» топоніми: Хорвашик (басейн Тиси в р-ні Кошиць), Ерде-Хорвати (басейн Тиси), Хорвать (на р. Красна, допливі Тиси) і Храбоч (басейн Тиси). Сюди можна додати і популярні прізвиська Хорват, Горват і т. д. В інших регіонах, якщо не брати до уваги басейну Верхньої Лаби, хорватські назви зустрічаються поодинокі і носять випадковий характер. В часи князя Святоплука I Моравського (871–894), коли окремі племена *хорватів*, а також і *вісляни* ввійшли до складу Великої Моравії, межі впливу Святоплука сягнули верхньої течії Пруту. До сфери його впливу ввійшло, напевно, і Затися в Закарпатті⁸⁷. Згодом про існування окремих хорватських князівств на східних землях Великої Хорватії першим висловив Ріхард Репель⁸⁸.

Починаючи з перших дослідників текстів Костянтина Багрянородного Ансельм Бандурі, Іогана-Хрістофа Гаттерера, Фрідріха Геркена, більшість вчених, в т. ч. Миколай Карамзін, Яків Головацький, Михайло Леbedкін, Сергій Соловйов, Микола Барсов, Франьо Рачкі, Олексій Шахматов, Сергій Середонін, Любор Нідерле, Ярослав Пастернак, Михайло Смішко, Борис Рибakov, Петро Третьяков, Валентин Седов, Олександр Майоров розміщали початкові осаді *хорватів* і *Велику Хорватію* в Галичині. М. Грушевський, який не поділяв цієї думки, змушений був, як уже зверталася увага, допускати можливість печенізьких нападів через угорські землі і гори на *хорватів* на Верхній Одрі.

Відчуваючи слабкість такої аргументації вчений залишав це питання відкритим. Його сумніви використав Г. Ловмянський як додаткову аргументацію, щодо *Великої Хорватії* на Віслі, звідки *хорвати* прийшли у Галичину⁸⁹.

Хорватські історики, не вдаючись у подробиці, в цілому прийняли версію про прабатьківщину за Карпатами. Модерна теза Генріха Кунстмана, який запропонував повернутися до давньої версії міграції *хорватів* з гирла Дону на Балкани, а звідти їх вихід на північ до Одри, спочатку не отримала широкого визнання. Він виходив з того, що *Велика* і *Біла Хорватія* одне і теж поняття. Просто «Bel» повинно читатися як «Wel», а отже «*velochrobati*» (великохорвати) було первинною назвою *хорватів*. Другим аргументом Г. Кунстмана є версія походження племінної назви *далемінців* від *далматів*⁹⁰. Хоча Нада Клаїч, одна з найвидатніших хорватських істориків, під впливом цієї версії змінила свою попередню думку і помістила *Білу Хорватію* у Карантанію⁹¹, більшість істориків виступила з критикою поглядів Г. Кунстмана. З них особливо переконливою виглядає аргументація Радо Катічіча⁹². Трохи пізніше з'явилася гіпотеза Івана Мужича, який головним чином на підставі антропологічних матеріалів розвинув тезу про автохтонність *хорватів* у Далмації⁹³. Ця гіпотеза не розв'язувала проблему раптової слов'янізації автохтонів-ілірійців, якими мали би бути хорвати. Однак не без впливу надмірного патріотизму, властивого для всіх титульних відроджених та новонароджених держав, в сучасній хорватській історіографії почав перемагати синтез гіпотез Г. Клінстмана, І. Мужича і німецьких істориків,

які, виходячи з іранської етимології етноніму *хорвати*, сформулювали тезу про елітну групу з іраномовного середовища Аварського каганату, яка запанувала в хорватському масиві⁹⁴, з наголосами на автохтонність або євроазійскість⁹⁵, що привело до теорії про двояке походження хорватського народу⁹⁶.

Але всі ці захоплення і пошуки жодною мірою не похитнули інформації василевса Костянтина VII. Більше того, аналіз топоніміки та актового матеріалу дозволив Л. Гауптману⁹⁷ аргументовано локалізувати *Білу Хорватію* на Верхній Віслі і Верхній Одрі. Цю локалізацію підтвердили дослідження Бого Графен-уера⁹⁸ та Стефана Пантелича, який уточнив її західні та північні кордони на Заале і Білій Ельстер⁹⁹. *Білі хорвати* розміщались у верхів'ях Вісли та Одри, на Заале і Білій Ельстер, де автономією ще у XIV–XV ст., а потім були асимільовані німецькомовним масивом, залишивши потужні сліди топонімії. Цікаво, що назви хорватського походження повністю відсутні у польських документах XII–XIII ст.¹⁰⁰, що свідчить також і про відсутність на цих територіях і *хорватів*.

Якщо ж Біла Хорватія василевса Костянтина Багрянородного не була фікцією, що цілком очевидно, то чи була міфом Велика Хорватія, східний відлам якої зафіксували перелічені вище пам'ятки?

Основною особливістю північнодністровського регіону, яка відрізняє його від сусідніх волинських земель, є наявність підплитових поховань. Місцеве населення хоронило своїх покійників в ямах без курганів. Більшість ям покриті кам'яними плитами. Враховуючи, що могильники без жодних наземних ознак знаходились в основному на полях, можна допускати, що при оранці за довгі століття немало плит було просто забрано з поверхні. Підплитові поховання нічим не відрізняються від звичайних ямних безкурганних поховань. Всі вони містять трупопокладення з західною орієнтацією. Трупи покладені переважно без домовин в ямах глибиною 0,3–1,1 метра. Розміри плит від 1,5 x 0,4 до 2,2 x 1,0 метрів. Трапляються і плити обложені камінням. Більшість поховань безінвентарні. Зрідка у жіночих похованнях знаходять підвісні кільця персне-подібної форми з одним або двома кінцями, загненими у зворотньому напрямку. Виготовлені вони переважно з чотирьохгранного дроту. Зустрічаються також прості або звиті дротяні персні. Ареал підплитових і ґрунтових могил в основному характерний для середньої течії Дністра, але окремі поховання знаходять і біля його витоків. Приміром – поховання на г. Кляштор у Смільниці Старосамбірського р-ну Львівської обл. Кургани для цієї зони зовсім не характерні. Основна маса курганів починається на водорозділі басейнів Дністра та Бугу і Прип'яті. Вони належать волинським племенам. Прослідкувати нижні хронологічні рамки появи підплитових могил поки що не вдалося. Але це було не раніше X ст.¹⁰¹.

Богдан Тимошук весь ареал підплитних могил вважав хорватським¹⁰², виходячи з постулату, що у X ст. тут безсумнівно перебували *східні хорвати* (яких Я. Ісаєвич пропонував називати *карпатськими хорватами*). Але, навіть, погоджуючись з таким постулатом, не можна стверджувати, що лише вони одні. Окремі кургани VII–VIII ст. розкопані на Буковині і в Придністров'ї з похованням на горизонті в неглибоких ямках або без ямок. В Закарпатті нам відомий тільки один безкурганний тілопальний могильник в Ужгороді, решта могил мають

кургани. Оскільки на Закарпатті збереглося найбільше хорватських топонімів, то саме це є одним з вразливих місць гіпотези Б. Тимошука. Теж можна сказати і про могильники навколо Перемишля.

Висновок Володимира Петегирича щодо неможливості привнесення обряду підплитних поховань з заходу заперечень не викликає¹⁰³. Також слушним є заперечення Володимира Войнаровського тези, що підплитні поховання були наслідком соціальної диференціації суспільства¹⁰⁴. Ареал підплитних поховань у X ст. зазнав сильного впливу переселенців з Нижнього Дністра, тобто *тиверців*. Розвиток місцевого населення цього ареалу також пов'язаний з верхньодністровським варіантом черняхівської культури. Його носії хоронили своїх покійників під кам'яними плитами або з кам'яними обкладками. Відомі поодинокі курганні могили¹⁰⁵. Витіснені *печенігами* з південних районів *тиверці* розселилися серед *хорватів* в основному на території пізнішого Теребовельського князівства, утворюючи й спільні могильники, на яких зберегали своєрідність своїх поховань – під плитами¹⁰⁶. Ареал підплитових поховань має поширення і на теренах Словаччини та Чехії, тобто Великої Моравії. Знайдені такі поховання і у Хорватії при розкопках у поселеннях Нін і Кашич на г. Маклиново Брдо¹⁰⁷. Але спроба будь-якого пов'язання цих ареалів вимагає дуже обережного підходу.

Весь придністровський ареал у VIII–IX ст. був заповнений пам'ятками культури типу Луки Райковецької, а до того у другій половині V–VII ст. – пам'ятками прзького типу. Межа між ними дуже умовна¹⁰⁸.

Важливим залишається питання етнічної належності їх попередників – населення верхньодністровського варіанту *черняхівської культури*. Під натиском носіїв *пшеворської культури* з заходу і *зарубинецької культури* зі сходу, населення *липицької культури*, яке жило тут у I–II ст. н. е., відійшло за Карпати або було асимільоване прибульцями¹⁰⁹. Носії *липицької культури* були фракійцями, можливо *костобокими*¹¹⁰. Зарубинецьке населення було слов'янським, принаймі взяло активну участь у слов'янському етногенезі. Частина польських дослідників вважають і пшеворців слов'янами, але ця гіпотеза ще далеко не доведена. Переконливішими виглядають аргументи більшості європейських дослідників, які відносять пшеворців до германського масиву¹¹¹. Все це етнічне розмаїття було нівельоване *черняхівською культурою*. Більше з патріотичних почуттів, ніж наукових аргументів, хотілося би бачити черняхівську культуру виключно слов'янською. Але це була провінційна римська культура з більш високою технологією виробництва ніж у наступних слов'янських культур, з зачатками писемності, з розвинутою торгівлею з римським лімесом (про що свідчать численні скарби римських монет). Малоімовірно, щоб все це знищив короточасний гунський смерч. Скоріше всього основи цієї культури належали масиву германських племен, зрушених до міграції на схід племенами *вельбарської культури* – *готам* і *гепідам*. Тому деякі суттєві надбання цієї культури відійшли з відходом цих племен на захід під натиском *гунів*¹¹². У VI–VII ст. складні асиміляційні процеси в регіоні завершилися перемогою слов'ян склавінської групи.

Як вважає болгарський історик Еміл Михайлов, «у VI ст. склавінська (сербохорватська) зона охоплювала велику територію на захід від р. Сян і верхів'їв Дністра і на південь від верхньої Вісли. На заході ця зона охоплювала біль-

шу частину сучасної Словачії, а її південна межа впиралась в північні схили Карпат...»¹¹³.

У 1893 р. розкопками Йозефа Сомботі розпочалося дослідження могильників культури карпатських курганів¹¹⁴. Пам'ятки цієї культури заповнюють північні і східні схили Карпат, а також простір між Карпатами і верхів'ями Дністра, Пруту, Серету, верхів'я Тиси, на північному заході вони доходять до р. Стрий у р-ні Добрян (Вижницький, Глибоцький, Кіцманський, Сторожинецький р-ни Чернівецької обл.; Коломийський, Надвірнянський, Косівський і, частково, Глумацький та Галицький р-ни Івано-Франківської обл.; Стрийський і Старосамбірський р-ни Львівської обл. та Хустський і Виноградівський р-ни Закарпаття). Носії цієї культури взагалі не знали пласких цвинтарів. Вони хоронили своїх покійників під невисокими курганами. Кремація тіл відбувалася у трьох основних варіантах: з вміщенням останків в урну, з вміщенням останків в ямку, з насипанням кургану безпосередньо над багаттям. Поселення носіїв культури розміщалося на перших або других надзаплавах невеликих водоймищ поблизу низинних чорноземів та луків, люди жили в наземних будівлях і напівземлянках з вогнищами або печами посередині. Використовувалася ліплена кераміка різноманітних форм. Виготовлення її було недбалим, глина оброблена погано, слабка, поверхня вирівняна, кольори – синій, червоний, жовтий і коричневий. Орнамент – у вигляді рельєфних валиків на шийці або плечиках, наліплених дужок, пиптів, ямок, зигзагоподібної лінії. Особливості цього посуду – вази на високих ніжках, іноді фігурних підставках, що нагадують аналогічні липицькі типи.

Ці пам'ятки досліджували Іван Копержицький, Михайло Смішко, Корнель Журавський, Ярослав Пастернак, Тадеуш Сулімірський, Володимир Баран, Борис Тимошук, Ліана Вакуленко, Степан Пеняк, Володимир Котигорошко, Василь Михайлеску-Бирліба, Володимир Цигилик, але вперше в окрему археологічну культуру їх виділив М. Смішко. Він вважав носіїв культури карпатських курганів *карпами*, які будучи відірваними від основного дакійського масиву були асимільовані слов'янами. Археологічні пам'ятки, на його думку, давали підстави для припущення генетичного зв'язку між пам'ятками *культури карпатських курганів* (кінець II ст. – перша половина V ст.) та слов'янськими пам'ятками VI–X ст. На базі пам'яток *культури карпатських курганів* розвинувся первинний хорватський ареал¹¹⁵.

Висновки М. Смішка підтримав С. Пеняк, який досліджував пам'ятки *культури карпатських курганів* у Закарпатті. Він поширив її ареал на все Верхнє Потисся¹¹⁶.

Ці висновки ґрунтовно підкріплені дослідженнями Л. Вакуленко. Вона заперечує версію отоожнення носіїв *культури карпатських курганів* з *карпами*, наголошує на дакійській основі самої культури, але досить переконливо доводить, що у складних асиміляційних процесах, які протікали тут, перемогли слов'янські елементи. В результаті сформувався хорватський масив¹¹⁷.

Володимир Баран, Денис Козак та Ростислав Терпиловський вважають, що *культура карпатських курганів* належала *карпам*, які були асимільовані слов'янами. Наприкінці IV ст. слов'янська група «черняхівців» з Подністров'я

стала проникати у р-ни Верхнього Попруття. З V ст. в цьому ареалі з'являються напівквадратні житла з печами-кам'янками, типовими для слов'ян Середнього Дніпра. З VI ст. цей масив став хорватським¹¹⁸.

Михайло Брайчевський розглядав *культуру карпатських курганів* як локальний варіант *черняхівської культури*. Етнічно він пов'язував її з *хорватами*¹¹⁹.

У румунському Прикарпатті пам'ятки культури карпатських курганів досліджував В. Михайлеску-Бирлаба, який вважає носіїв цієї культури наслідком симбіозу *липицької культури* (даків) та *пшеворської культури* (германців астінгів)¹²⁰. З ним можна погодитися щодо участі обох цих компонентів у етногенезі носіїв *культури карпатських курганів*.

В. Котигорошко інтерпретує пам'ятки *культури карпатських курганів* виключно як північнофракійські¹²¹, з чим погодитись важко. У формуванні культури карпатських курганів окрім дакійських, слов'янських та германських елементів взяли участь і сарматські елементи¹²². Це підтверджують антропологічні матеріали. Поряд з гетськими мезодоліхокранним типом тут зустрічаються черепи сарматського брахіокранного типу¹²³.

Ще П. Шафарик пов'язував етимолою назви *хорвати* з *карпами*, які дали ім'я Карпатам¹²⁴. Але у слов'янських мовах «Б» ніколи не переходить у «В» [*Хробація* – *Хорвація*]. *Карпи* були племенем дакійського масиву. Їх активність припадає на III століття. На початку IV ст. більшість *карпів* було переселено римлянами у Паннонію. Вони покинули Карпати під натиском слов'ян. Становлення і розквіт *культури карпатських курганів* співпадає з витісненням *карпів* з Карпат. Та частина *карпів*, яка залишилася, була асимільована слов'янами за участі германців-астінгів та іранців-сарматів. Крім *карпів* у цих процесах вірогідну участь взяли *костобоки* – носії липицької культури, також плем'я дакійського масиву, яке було змушене з Верхнього Подністрів'я відійти за Карпати, на що звернула увагу Л. Вакуленко. Цікаво, що етимологія назви *костобоки* та імен окремих їх «царів» дозволяють припускати зв'язки із слов'янськими елементами.

На підставі ряду топонімів явно слов'янського походження Л. Нідерле допускав можливість проникнення слов'ян в області Подунав'я десь в районі середньої дунайської низини ще у I–II ст.¹²⁵. Після ретельної ревізії його аргументів Леонід Гіндін дійшов висновку про присутність слов'ян у 448 р. в Південній Паннонії і Північно-Західній Дакії, тобто районі нижньої та середньої течії Тиси та Темеша¹²⁶. Знайти за Карпатами у V ст. інших слов'ян окрім *хорватів* навряд чи можливо. А щоби залишити тут географічні назви, вони мусили перебувати у цій місцевості ще раніше. Римський імператор Волузіан (251–253), який воював на Середньому Дунаї, носив титул *Venedicus*. Спокусливо бачити в цьому факті свідчення ранніх спроб проникнення слов'ян-венедів [*хорватів*] на Дунай разом з *карпами*.

Більшість дослідників погоджується з іранською етимологією назви «*хорвати*»¹²⁷. Незважаючи на те, що цю проблему не можна вважати остаточно вирішеною, на цій підставі базуються всі новітні євроазійські, номадські та аварські версії. Версія М. Смішка цілком узгоджується з іранською етимологією. Сарматські пам'ятки на території Городенківського, Кіцманського, Кельменецького

і Хотинського р-нів Чернівецької області підтверджують присутність тут сарматів: *язигів* і *роксоланів*, які перемістилися пізніше на Тису. При цьому напрямком переміщення *сарматів* співпадає з напрямком поширення через Карпати пам'яток *культури карпатських курганів*: в Закарпатті вони розташовуються переважно у верхній течії Тиси, вказуючи на шлях пришельців з Буковини та східної частини Івано-Франківщини по долинах річок Свіча–Теребля, Свіча–Ріка або Ломниця–Тересва чи Прут–Яблунівський перевал–Тиса. У VIII–IX ст. слов'янські пам'ятки вже заповнюють долини рік Боржави, Латориці, Ужа та Лаборця (Свіржави). Сарматські пам'ятки далі Буковини невідомі, тоді як *язиги* на Тисі засвідчені писемними пам'ятками. З Буковини на Тису вони могли переміститися лише цими шляхами. При цьому, якщо *авари* належали до тюркської мовної групи алтайської сім'ї, то *роксолани* і *язиги* були представниками іраномовного масиву. І саме в їхньому конгломераті могла бути присутньою іранська група номадів-*хорватів*, яка дала ім'я всьому слов'янському масиву *культури карпатських курганів*.

Отже, вимальовується така картина: З верхів'їв Південного Бугу і Збручу слов'янське населення почало заповнювати Буковину і Покуття. За ними рухалися сармати: *язиги* і *роксолани*. Слов'яни тіснили місцеве фракко-дакійське населення, а місцями просочувалися через їх оселі в передгір'я Карпат. З другого боку носіїв липицької культури *костобоків* тіснили пшеворці *астінги*. Подальша міграція *готів* і *генідів* у III ст. привела до розвитку *черняхівської культури*, що прискорило відхід носіїв культури карпатських курганів далі до Карпат і по долині р. Тиса, що сприяло його розвитку, відмінного від загального масиву черняхівської культури. У III–V ст. складний карпатський симбіоз даків, слов'ян, германців і сарматів закінчився на користь *слов'ян*, зв'язок яких можливо очолили, розчинившись пізніше в ньому і давши йому своє ім'я, войовничі іраномовні *хорвати*. В складі сарматського іракомовного конгломерату були десятки різних великих і малих племен¹²⁸. Одне з них і могло стати основою військової еліти у цьому слов'янському зв'язку (подібно як пізніше вікінги Рюриковичі з своїм оточенням), який у V–VI ст. почав заповнювати землі Східної Словаччини, басейну Дністра (де вони змішувалися із спорідненим сербським населенням) і Сяну, а далі вздовж Татрів і Судетів дійшов до витоків Одри і Ельби, басейну Заале і Білої Ельстер. Так утворилася *Велика Хорватія*. До схожого висновку дійшов і О. Майоров¹²⁹.

У VI–IX ст. весь цей ареал мав спільний обряд поховання. Тіла спалювали на певній відстані від місця захоронення. Обпалені кості складали в урну і засипали в ямі або ж над урною насипали невеликий курган¹³⁰. Такі пам'ятки трапляються у Прикарпатті, Закарпатті, Східній Словаччині (Кошіце), Хорватії (пам'ятки VII ст.)¹³¹, вздовж течії Ельби і низів'ях Мульди, між нижньою Заале та Ельбою (кінець VI – початок VII ст.)¹³². У пам'ятках на території Німеччини урни празького типу часто закопували у земляних плоских могилах, вимощених камінням.

Не випадково також сучасні карпато-українські говори походять від давньо-хорватського племінного діалекту¹³³. Значно більшу близькість сучасної хорватської мови до української ніж до польської, звично пояснюють, спираючись на

авторитет Райко Нахтігала¹³⁴, Бого Графенауера¹³⁵ та Божени Застерової¹³⁶, що сучасна мова південних слов'ян є наслідком їх співжиття з сусідами і жодним чином не пов'язана із їхнім походженням. Однак важко повірити, щоби співжиття з іллірійським населенням Далмації, ромеями та латинянами, а пізніше німцями, могло наблизити хорватську мову до української. Скоріше навпаки, наслідком такого співжиття стали мовні відмінності. Цікаво також, що в галицьких землях та в землях нинішньої хорватії етнологи знаходять збережену прабатьківську хорватську архаїку (зокрема це стосується запрягу коней і волів та пов'язаної з ними номенклатури¹³⁷).

Проблема хорватських міграцій. Аварське завоювання хорватського масиву в середині VI ст. змусило мігрувати значну частину *хорватів* разом з *аварами* в Паннонію і Далмацію. В цій першій міграції взяли участь не тільки *хорвати* з басейну Тиси, але й з Дністра та Сяну. Ця перша міграція сприяла також опануванню *хорватами* Судетів і Верхньої Ельби, звідки вони мігрували вдруге бл. 626 р. на заклик василевса Іраклія.

Перша міграція проходила під аварським керівництвом і спільно з волинськими племенами з дулібського об'єднання. Про це свідчать балканські топоніми у Хорватії, Боснії і Герцеговині, які зберегли етнічні назви відомих прикарпатських і волинських племен: *требовлян* (Terbegovci, Trbovće, Trbovići, Trbovlje, Trebanjski vrh, Trebča vas, Trebče, Trebečaj, Trebelno, Trebenće, Trebenista, Trebesinj, Trebeševo, Trebcz, Trebež, Trebećino, Trebiće, Trebija, Trebijovi, Trebimlja, trebino, Trebinje, Trebište, Trebižani, Trebižat, Trebnja Gorica, Trebnje, Trebnji vrh, Treboje, Treboš, Trebotin, Trebovec, Trebović, Trebovljani, Trebovlje – всього 53 назви), *засян-присян* (Prasjani – 1 назва), *дулібів* (Dulebe, Dulepska – 2 назви), *бужан* (Bužec, Bužici, Bužin, Bužinija, Bužići – всього 8 назв), *лучан* (Lućane, Lućica, Lućice – всього 10 назв), *волинян* (Velinci, Velino, Veljun – всього 5 назв) і *черв'ян* (Ćerin, Ćerjenci, Ćervaci, Ćervać, Ćervaći, Ćerovići, Ćerovljani – всього 51 назва). Поряд з ними знаходяться десятки топонімів, пов'язаних з *аварами-обрами* (Obrovo, Obrov, Obrovac і т. д.). Такі збіги не можуть бути випадковими.

Н. Клаїч пов'язувала час першого переселення *хорватів* на Балкани, виходячи з інформації Костянтина Багрянородного з 31 розділу трактату, з правлінням василевса Іраклія (610–641). Конкретна дата була прив'язана до здобуття Салони, яке вона датувала на підставі надгробку абатиси Іоанни 614 р.¹³⁸. Інші історики пов'язують першу міграцію *хорватів* з наступом і поразкою *аварів* під Константинополем 626 р.¹³⁹. За версією Фоми Шанека¹⁴⁰ та Діми Павлішича¹⁴¹, *хорвати* були викликані василевсом Іраклієм з-за Карпат і прибули 630 р. Б. Графенауер відносив дату першого переселення до 623 р., пов'язуючи її з повстанням Само¹⁴², але він при цьому проігнорував інформацію Костянтина Багрянородного з розділів 29 та 31, взявши до уваги тільки розділ 30. Тому ця версія, як і версія Любо Маргетича, який відніс переселення аж до 791 р.¹⁴³, залишаються неприйнятними.

У розділах 30 і 31 трактату «Про управління імперією» викладено дві версії завоювання Далмації *хорватами*. Крім того, у 29 та 30 розділах наведені ще дві версії, схоже, більш раннього проникнення *хорватів* у Далмацію. З першого ж погляду очевидно, що ці останні версії були взяті від різних інформаторів і від-

бивають два погляди на одні і ті ж події. У дослідників навіть виникла думка, що розділ 30 був написаний після смерті василевса і вставлений у трактат¹⁴⁴. Але вважалося, що автором інформації була особа добре обізнана з подіями або ж інформацію було взято просто з хорватського епосу¹⁴⁵. Але сербські історики Зоран Новакович¹⁴⁶ та Боро Ферянчич¹⁴⁷ спростували цю думку. Вони звернули увагу, що текст 30 розділу так і не був зведений в одне ціле, тому він містить як історичні так і географічні протиріччя. Двічі по різному вказані території Далмації і Хорватії. Невірно приписано імператорові Діоклетіану будівництво Салони і т. д. Версія, приведена у розділі 29, пов'язана з далматинською традицією, яка походила, швидше за все, від жителів Салони. Тут відчувається краще знання місцевих умов, а жителів Салони названо римлянами. Версія, приведена у розділі 30, безперечно, пов'язана з візантійським джерелом. Жителі Далмації названі ромеями, а сама провінція західною фемою, інформатори цього розділу погано знали природні умови в районі Спліту і Салони, невірно визначили кордони Далмації по Дунаю, а також невірно ототожнили безіменну річку недалеко від Салони з Дунаєм¹⁴⁸. В обох розділах було використано також хорватський епос.

Ці спостереження дозволяють зробити певні висновки. 559 р. *авари* заключили з василевсом Юстиніаном угоду, за якою отримали територію у Мезії на Дунаї як федерати імперії. 565 р. вони перейшли через Ельбу і вторгнулися у Тюрінгію. При цьому вони зрушили слов'янські маси і змусили їх мігрувати на захід. Так була зайнята *хорватами* територія пізнішої *Білої Хорватії*. 568 р. *лангобарди* покинули Паннонію і їх місце зайняли *авари*, знову змушуючи мігрувати *хорватів* та інших слов'ян. Таким чином ще у другій половині VI ст. *хорвати* з *аварами* підійшли до кордону з Далмацією. Обдуривши прикордонну охорону слов'яни, які на той час залишалися залежними від *аварів*, пройшли через клісуру (фортеця Кліс за чотири кілометри на північ від Салони, яка прикривала прохід до адріатичного узбережжя зі сторони Боснії) та здобули Салону. Після цього почалася масова колонізація Далмації слов'янами, переважно *хорватами*, та *аварами*.

Коли це трапилося? Відомо, що 602 р. *лангобарди*, *авари* і *слов'яни* напали на візантійську Істрію і спустошили її¹⁴⁹. 604 р. аварський каган послав королю лангобардів Агіульфу слов'янський контингент на допомогу у війні проти міланського герцога. Це військо брало участь у битві під Кремоною¹⁵⁰. Ще 1217 р. Біля Кремони була місцевість Корвето («Corveto loco Cremonenses»¹⁵¹), що може свідчити про участь *хорватів* у цій війні і підтверджує їх присутність у Далмації у 602–604 рр.

Важливим джерелом з цього періоду є листи папи Григорія Великого до іллірійського єпископа. У листі від 591 р. папа звертається до нього з проханням прийняти до себе прогнаних єпископів з територій захоплених *аварами* та *слов'янами*. Ця звістка відноситься до єпископій Теурній і Агунт на Драві¹⁵². Ще раніше 587 р. були зруйновані єпископії Целея та Емона. У іншому листі від 592 р. папа висловив радість з приводу перемоги префекта Йобіна над варварами. Немає сумнівів, що мова йшла про контрудар візантійського війська, яке відкинуло *аварів* та *слов'ян* за Драву. Перемозі префекта сприяв похід

баварського герцога Тассіло I проти слов'ян 592 р. 593 р. Баварці захопили в полон і стратили 2 тис. слов'ян¹⁵³. Після смерті Тассіло I його син Гарібальд спочатку потерпів поразку від слов'ян, а потім розбив їх на Драві¹⁵⁴. Ці події, безперечно, затримали просування *хорватів* з Паннонії у Далмацію і Істрію¹⁵⁵. 598 р. папа вітав равеннського екзарха Калінікуса, який відповідав за оборону Істрії і Далмації, з перемогою над *слов'янами*. 600 р. в листі до Максима, єпископа Салони, папа висловив співчуття з приводу спричинених *слов'янами* страждань і стурбованість, що останні хочуть йти через Істрію в Італію. Отже 600 р. Салона ще не була здобута, але така загроза вже існувала. Сталося це між 600–614 рр. (за написом з надгробку абатиси Іоанни Салона була зруйнована 614 р.).

Отже перша міграція *хорватів* на Балкани тривала 587–614 рр. і брали у ній участь під впливом *аварів*, залежні від них *хорвати*, які зайняли Паннонію, перейшовши туди по Тисі з Карпатського регіону. Дунай вони могли форсувати між впадінням Морави і Тиси. Навпроти гирла Тиси розташовувалася потужна візантійська фортеця Сірміум, яку імперія утримувала ще у VII ст., отже вірогідний район переправи можна звузити від впадіння Морави на лівому березі до місцевостей навпроти гирла ріки Драви. Басейн Драви *хорвати* освоїли між 587–593 рр. Пізніше у VIII ст. тут виникла Паннонська марка імперії франків, на західних рубежах якої були поселення *Horvatzsidany*, *Horvatino*. З цієї території *хорвати* стали просочуватися у межиріччя Драви і Сави, звідки перейшли у нинішню Боснію. А вже з Боснії форсували прохід до Адріатичного побережжя через Клісу та Салону.

Друга міграція на Балкани тривала у 626–630 рр. на заклик василевса Іраклія і була спрямована проти *аварів*. У ній брали участь *хорвати* з Білої Хорватії, які жили за Баварією. Ця міграція завершилася завоюванням Далмації, де виникло 11 хорватських жупаній (князівств), спочатку залежних від Візантії, а потім самостійних, про що свідчить прийняття християнства латинського обряду¹⁵⁶.

In fine. Велика Хорватія на середньому та верхньому Дністрі, в Закарпатті, на Сяні і вздовж гір до верхів'їв Одри, Лаби, Заале і Білої Ельстер, позбувшись аварського впливу, роздробилася на племінні князівства. З рухом на південь лехітських племен, одне з яких – *вісляни*, вклинилося у хорватський масив в районі Кракова, західна частина (Біла Хорватія) перетворилася на анклав, відірваний від решти хорватського масиву, який до XVI ст. втратив своє етнічне обличчя.

У IX ст. частина хорватських князівств, щонайменше до р. Стрий, були включені в орбіту Великоморавської держави князя Святоплука. Напевно, їхню долю розділили і закарпатські хорвати. Всі ці регіони поступово стали приймати християнську релігію. У кінці X ст. *угри* розгромили Велику Моравію. Хорватські князівства залишалися об'єктами експансії сусідів – Чехії, Угорщини, Польщі та Київської Русі, які почали консолідувати свої держави.

Хорватські князівства, які знаходилися у Посянні та в басейні Верхнього і Середнього Дністра та Верхнього Пруту, у кінці X ст. були завойовані великим князем київським Володимиром Святославичем і приєднані до Київської Русі. Дві «чехині» в числі дружин Володимира, напевно, були дочками останніх хорватських князів із деяких з цих князівств¹⁵⁷. В XI ст. на більшості земель

карпатських хорватів склалася Галицька земля, єдність якої була зумовлена спільним етнічним походженням.

Схоже, що найсильнішим з князівств, які утворилися на землях *карпатських хорватів*, було князівство *требовлян*. Початково вони, напевно, займали території пізнішого Звенигородського та Тереховельського князівств. Їх кордони можна приблизно окреслити межами поширення наддністрянської (опільської) говірки, тобто всередині лінії Хирів – Мостиська – Яворів – Рава – Червоноград – Зборів – Микулинці – Кам'янець-Подільський – Заліщики – Товмач – Перегінсько – Долина – Болехів – Хирів¹⁵⁸, з врахуванням її зменшення на півночі і північному сході за рахунок волинських територій. Частина *требовлян* під тиском *аварів* мігрувала за Карпати (сліди міграції збереглися у топонімах *Теребля*, *Требішов*), а звідти на Балкани – у Хорватію і Боснію (де збереглося 53 топоніми з племінною назвою). В часи Святоплука Моравського західна частина князівства увійшла в орбіту Великоморавської держави і утворила окреме князівство, столиця якого Стольсько на р. Колодниці почала будуватися після падіння Великоморавської держави у кінці IX – на початку X ст. На східних землях *требовлян*, куди під натиском *печенігів* відійшли тиверці, сформувалося потужне князівство з центром у Тереховлі або, навіть, два князівства з центрами у Тереховлі та Галичі¹⁵⁹.

У Закарпатті в IX–X ст. хорватський ареал розвивався вздовж долин Лаборця (Свіржави), Ужа і Боржави. Між районом Банської Бистриці і районом Кошіце-Пряшів по водорозділі рік на археологічній карті помітний розрив між городищами, тоді як басейн р. Лаборець, притоки Ондрави, до теперішнього угорсько-українського кордону був повністю заселеним¹⁶⁰. Напевно, тут проходили межі між *карпатськими хорватами* та спорідненими з ними *словаками*. Південні межі *карпатських хорватів* на лівобережжі Тиси слабо вловимі, особливо у Трансильванії, де румунські археологи не зацікавлені у пошуках і дослідженні слов'янських пам'яток. Закарпатський історик Стефан Пап (1917–1990) вважав, що *карпатські хорвати* займали окрім нинішнього Закарпаття території Пряшівщини і Татранщини аж до Середньо-Словацьких гір включно, Ніршаг (середнє і нижнє Потисся до її гирла) та Залісся в Трансильванії¹⁶¹. Можливо, що ці землі не входили у державу Святоплука, а перебували під впливом Болгарії. 892 р., воюючи проти Святоплука, імператор Арнульф послав до болгарського царя Лаодоміра [Володимира, який правив у 888–893 рр.], «щоб він не дозволив морав'янам купувати сіль у своїй державі»¹⁶². Схоже, що це повідомлення, яке перегукується із словацькими казками про соляного принца, стосувалося соляних копалень у Солотвині (вперше згадане під 1360 р.¹⁶³, але в давніх шахтах знайдені римські монети II–IV ст.).

Поважним свідченням болгарського впливу в цьому регіоні є також найдавніший кириличний напис з ротонди IX ст. в Михайловцях у Земплині (Словачина): «сьде лежить князь Пресіань * в літо 996/7 + в літо 1060/61»¹⁶⁴. Пресіан – найстарший з синів царя Івана-Владислава (1015–1018), осліплений і висланий за межі краю, бл. 1030 р. перебував у Константинополі. Очевидно, болгарські патріоти вивезли його в землі, які колись були під зверхністю болгарської держави, а тепер перебували за межами візантійського впливу.

На думку С. Папа слов'янські просвітителі Кирило і Мефодій почали свій поступ з цих земель і мова їх перекладу Біблії – тодішня хорватська мова. Тут відомі ротонди IX ст. у Михайловцях, Горянах біля Ужгорода, Красній над Горнадом біля Кошиць. Гайдудорозький угорський греко-католицький єпископ І. Тимко доводив, що християнство на цих теренах існувало вже у VII–VIII ст. Легенда про св. Івана з документу 1032 р. розповідає про пустельника, який жив в районі Нова Весь у Спіші в долині, яка називається «долиною св. Івана». За С. Папом у Спішському Підгороді було руське єпископство, ліквідоване у 1320-х рр. після придушення повстання Петра Петуні. Тут у ротонді був похований єпископ Горазд, наступник Мефодія. Про це, на його думку, свідчили уривки з Біблії, писані кирилицею, митра єпископа східного обряду, які зберігалися у скарбниці Спішської капітули. Такі ж самі кириличні фрагменти XI–XII ст. на пергамені з рядками пісень в честь св. Дмитра Солунського були знайдені Іваном Панькевичем у церкві с. Острожниця на Пряшівщині.

Наприкінці IX ст. Карпати перейшли *угри*. Вони застали кілька окремих князівств, найпотужнішим з яких було Земплинсько-Ужанське. Боржавське і Верхньотисянське князівства поступалися йому в території і потужності городищ. Городища в Данилові і Олександрівці Хустського р-ну, де були і соляні промисли, поселення на верхній Тисі, солотвинські рудники та марамороські землі, дають всі підстави вважати і верхньотисянського князя сильним володарем. Городища у Варі, Білках та Малій Копані трохи поступаються розмірами і потужністю укріплень городищам у Ужгороді, Земплині і Забовчі, але все ж дають уяву про силу боржавського князя. Напевно, і мукачівське городище було значним, але його знищило будівництво пізнішого замку. Кожне князівство проводило власну політику, що відбито у пізніших легендах. Існувало ще Нижньотисянське князівство, правитель якого Глад допомагав поширенню християнства у Болгарії. Завоювання цього князівства завершилося аж у часи короля Стефана на початку XI ст.

Угорський вождь Алмош обійшов Верхньотисянське і Боржавське князівства та спрямував свій удар проти земплинсько-ужанського князя Лаборця. Прорвавшись з оточення після падіння Ужгорода, Лаборець втівав у Земплин. Його наздогнали в околицях с. Ластомір над р. Свіржавою. Князь потрапив у полон і був повішений. Руїни церкви на цьому місці, напевно спорудженої над його могилою, підтверджують цю легенду. Свіржава з тигу часу зветься Лаборцем. Боротьба була запеклою і під час штурму Земплина загинув Алмош.

Немає ніяких підстав вважати, що закарпатські князівства були приєднані Володимиром Святославичем до Київської Русі¹⁶⁵. Скоріше вони певний час ще зберігали незалежність, поступово втягуючись в орбіту Угорського королівства. Стефан I завершив завоювання Земплинського князівства і приєднав обидва потисянські князівства. Від Боржавського князівства він відгородився засіками. Перший кордон відновлюється по топоніміці цих засік: від токайських гір до р. Тиси, звідти до болота Лап, рік Самош і Красна. Процес приєднання цих земель був завершений на початку XI ст. Можливо, що древлянський князь Святослав Володимирович, який втікаючи в Карпати, загинув у 1015 р. поблизу

пізнішого міста Сколе, який був сином «чехині», а його сина звали Яном, якимось був пов'язаний з останнім боржавським князем¹⁶⁶.

Таким чином, інформація візантійського василевса щодо існування в X ст. окремих хорватських масивів Білої Хорватії (на Верхній Віслі, Верхній Одрі, Заале і Білій Ельстер) та в Прикарпатті, звідки відбувалися дві попередні міграції *хорватів* в Паннонію і на Балкани, підтверджуються іншими писемними, ономастичними та археологічними джерелами. Ця інформація не суперечить версіям щодо іранської етимології етноніму *хорват*.

¹ Див.: Войтович Л. В., Домановський А. М., Козак Н. Б., Лильо І. М., Мельник М. М., Сорочан С. Б., Файда О. В. Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана та Л. В. Войтовича. – Львів, 2011. – С. 282–345 та ін.

² Rački F. // Rad Jugoslovenske Akademije Znanosti i Umjetnosti. – Т. 59. – 1881. – С. 201–218; Jagić V. Ein kapitel aus der Geschichte der Sudslavischen Sprachen // Archiv für Slavische Philologie. – Т. 17. – Berlin, 1895. – С. 47–87; Brückner A. Wzory etymologii i krytyki źródłowej // Slavica. – Т. 3. – 1924–1925. – С. 207–211.

³ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Vol. II. Commentari by F. Dvornik, R. J. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. – London, 1962.

⁴ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – Москва, 1982. – С. 267–333; Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. – Москва, 1991.

⁵ Lončar M. Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije Literature // Diadora. – Т. 14. – 1992. – С. 375–443.

⁶ Майоров А. В. Константин Багрянородный о происхождении и ранней истории хорватов: Великая Хорватия и белые хорваты // Rossica antiqua. 2006. Материалы и исследования. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 40–73; Його ж. Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. Санкт-Петербург, 2006; Його ж. Великая Хорватия, яку називають “Білою”: до питання про походження і значення хорватських етнічних назв // Миколаївщина. Збірник наукових статей. – Т. 3. – Львів, 2006. – С. 31–66; Його ж. О происхождении этнонима *хорваты*: историко-этимологические заметки // Confraternitas. Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаєвича / Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. – Вип. 15. – Львів, 2006–2007. – С. 55–61; Його ж. “Великая Хорватия, называемая “Белой”...”: к вопросу о происхождении и значении хорватских этнических названий // Княжа доба. – Вип. 1. – Львів, 2007. – С. 13–44; Його ж [Majorov A. V.] Velika Hrvatska. Etnogeneza i rana povijest Slavena prikarpatskoga područja. – Zagreb, 2012.

⁷ Войтович Л. Слідами білих хорватів // Літопис Червоної Калини. – 1993. – № 5–6. – С. 2–10, 57; Його ж. “Білі хорвати” чи “карпатські хорвати” // Миколаївщина. Збірник наукових праць. – Т. 1. – Львів, 1998. – С. 49–79; Його ж. Князівства карпатських хорватів // Етногенез та рання історія слов'ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть. – Львів, 2001. – С. 195–210; Його ж. Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього середньовіччя // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). – Вип. 4. – Київ, 2004. – С. 105–132; Його ж. „Білі” хорвати чи „карпатські” хорвати? Продовження дискусії // Дрогобицький краєзнавчий збірник. – Вип. 8. – Дрогобич, 2004. – С. 38–45; Його ж. Карпатские хорваты // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 2. История. – 2005. – Вып. 1. – С. 133–146; Його ж. Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н. э. Начальные этапы формирования государственности // Rossica Antiqua. 2006. Исследования и материалы. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 6–39; Його ж. [Рец.] Майоров А. В. Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. – Санкт-Петербург, 2006. – 209 с. // Записки НТШ. – Т. 256. – Львів, 2008. – С. 705–707; Його ж. “Баварський географ”: проблеми локалізації слов'янських племен // Проблеми слов'янознавства. – Вип. 57. – Львів, 2008. – С. 42–62; Його ж. “Баварський Географ”: проблеми ідентифікації слов'янських племен // Треті Ольжині читання.

Пліснеськ 31 травня 2008 року. – Львів, 2009. – С. 3–14; *Його ж.* “Баварський Географ”: спроба етнолокалізації населення Центрально-Східної Європи в IX столітті // УІЖ. – 2009. – № 5. – С. 12–34; *Його ж.* Прикарпаття в другій половині I тисячоліття н. е.: найдавніші князівства // Вісник Львівського університету. Серія історична. – Вип. 45. – Львів, 2010. – С. 13–54; *Його ж.* “Баварський Географ”: Спроба локалізації слов'янських князівств в IX столітті // *Sredniowiecze Polskie i Powszechne*. – Т. 2 (6). – Katowice, 2010. – С. 35–66; *Його ж.* Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н. э. Начальные этапы формирования государственности // Русин. – Кишинев, 2010. – № 3 (21). – С. 5–49, 159–169; *Його ж.* Прикарпаття в другій половині I тисячоліття н. е.: найдавніші князівства // Войтович Л. Галицько-волинські етюди. – Біла Церква, 2011. – С. 10–46; *Його ж.* “Баварський географ”: спроба етнолокації населення Центрально-Східної Європи IX ст. // Там само. – С. 47–72.

⁸ Див., наприклад: *Каратай Осман*. Белые хорваты по данным восточных источников // *Rossica antiqua*. – Санкт-Петербург, 2011. – № 2. – С. 14. З цієї групи виділяється Дмитро Алімов, який вважає, не вдаючись до аргументації, що заперечити або довести існування хорватського масиву за межами Далмації неможливо (*Алімов Д. Е.* “*Borna dux Guduscanorum*”. К вопросу о характере княжеской власти в Далматинской Хорватии в первой четверти IX в. // *Европа: международный альманах*. – Вип. 6. – Тюмень, 2006. – С. 5–21; *Його ж.* “Переселение” и “крещение”: к проблеме формирования хорватской идентичности в Аварском каганате // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2008. – № 2. – С. 94–115; *Його ж.* Формирование хорватской этнополитической общности в Далмации в зеркале этногенетической традиции // *Российские и славянские исследования*. – Вип. 4. – Минск, 2009. – С. 93–101; *Його ж.* Хорваты и горы. О характеристике хорватской идентичности в Аварском каганате // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2010. – № 2. – С. 135–160).

⁹ *Łowmiański H.* Początki Polski. – Т. 4. – Warszawa, 1970. – С. 491–493.

¹⁰ *Labuda G.* Narodziny polsko-ukrainskiej granicy etnicznej – w polskiej historiografii // *Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu*. – Rzeszów, 1996. – С. 9–17; *Parczewski M.* Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieży etnicznej w Karpatach. Źródła rozpadu Słowiańszczyzny na odłamy wschodni i zachodni. – Kraków, 1991; *Id.*, Badania nad kulturą wczesnosłowiańską // *Archeologia i prahistoria polska w ostatnim tysiączu* / Pod red. M. Kobusiewiczza i S. Kurnatowskiego. – Poznań, 2000. – С. 413–421; *Id.*, Quellen zur slawischen Besiedlung im Karpatengebiet. – Bd. 1 / Hrsg. Von M. Parczewski. – Kraków, 2001; *Id.*, Problem Lędzian a kształtowanie się polsko-ruskiej rubieży etnicznej // *Civitas Schinesghe cum pertinentiis* / Red. W. Chudziak. – Toruń, 2003. – С. 151–165; *Fokt K.* Chorwacja Północna – między rzeczywistością, hipotezą a legendą // *Acta Archeologica Carpathica*. – Т. 38. – Kraków, 2003. – С. 135–155; *Id.*, Zagadka plemion z nad Bugu, Sanu, Dniestru i Styru // *Przegląd historyczny*. – Т. 45. – Warszawa, 2004. – С. 441–455; *Florek M.* Topografia plemienna Międzyrzecza Wieprza i Bugu na przełomie I i II tysiąclecia i zagadnienie “Grodyw Czerwieńskich” w świetle źródeł pisanych i archeologicznych // *Pogranicze polsko-ruskie we wczesnym średniowieczu na Lubelszczyźnie* / *Skarby z przeszłości*. – Lublin, 2009. – С. 23–34.

¹¹ *Nalepa J.* Prapolski bastion toponimiczny w Bramie Przemyskiej i Łędzanie // *Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu*. Rzeszów, 1996. – С. 47–64.

¹² *Łowmiański H.* Lędzianie // *Slavia Antiqua*. – Т. 4. – Warszawa, 1953. – С. 97–114.

¹³ *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой половины XIII в. – Киев, 1988. С. 9.

¹⁴ *Lehr-Splawiński T.* Lędzice – Łędzanie – Lachowie // *Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicate*. – Poznań, 1959. – С. 195–207; *Исаевич Я. Д.* Висляне и лендзяне в IX–X вв. // *Формирование раннефеодальных славянских народностей*. – Москва, 1981. – С. 160.

¹⁵ *Королюк В. Д.* К вопросу об отношениях Руси и Польши в X веке // *Кр. сообщ. ин-та славяноведения*. – Вип. 9. – Москва, 1952. – С. 48–49.

¹⁶ *Конча С.* LENZANINOI Константина Багрянородного в контексті проблеми ляхів-лендзян // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. – Серія: Українознавство. – Вип. 10. – Київ, 2007. – С. 4–7; *Його ж.* “Лендзяни” в контексті Київської Русі // *Збірник наукових праць Науково-дослідного інституту українознавства*. – Т. 15. – Київ, 2007. – С. 256–270; *Його ж.* “Лендзяни” та поляни // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. Серія: Українознавство. – Вип. 12. – Київ, 2008. – С. 47–49.

¹⁷ *Хабургаев Г. А.* Этнонимия “Повести временных лет” в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. – Москва, 1979. – С. 186–187; *Дашкевич Я.* Етнічні процеси на за-

хідноукраїнських землях IX–XI ст. До проблематики досліджень // Науковий вісник Українського університету. Научный вестник Украинского университета. – Т. 2. – Москва, 2002. – С. 13–15; *Його ж.* Українські землі в часах галицько-волинської держави (кінець X – середина XIV ст.) // Пам'ять століть (Київ). – 2002. – № 4. – С. 3–21.

¹⁸ *Fokt K.* Zagadka plemion z nad Bugu, Sanu, Dniestru i Styru. – S. 450.

¹⁹ *Niderle L.* Slovanske starožitnosti. – D.2. – Sv.1. – Praha, 1906. – S. 250–261.

²⁰ *Modelski T. E.* Z onomastyki i terminologii średniowiecznej // Kwartalnik Historyczny. – T. 34. – Lwów, 1920. – S. 11–14.

²¹ *Šišić F.* Povijest Hrvata v vrijeme narodnih vladara. – Zagreb, 1925. – S. 86–88.

²² *Hauptmann L.* Dolazak Hrvata // Zbornik Kralja Tomislava. – Zagreb, 1925. – S. 86–88.

²³ *Widajewicz J.* Państwo Wislan. – Kraków, 1947. – S. 16–30.

²⁴ *Labuda G.* Pierwsze państwo słowiańskie – państwo Samona. – Poznań, 1949. – S. 203; *Id.*, Studia nad początkami państwa polskiego. – Poznań, 1988.

²⁵ *Zasterova B.* Hlavní problémy z počátku dejin slovanských narodů // Vznik a počátky slovanů. – T. 1. – Praha, 1956. – S. 34–45.

²⁶ *Łowmiański H.* Początki Polski. – T. 2. – Warszawa, 1964. – S. 114–130.

²⁷ *Войтович Л.* “Білі” хорвати чи “карпатські” хорвати? // Миколаївщина. – Т. 1. – Львів, 1998. – С. 49–79; *Його ж.* Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього середньовіччя // Україна в Центрально-Східній Європі. – Вип. 4. – Київ, 2004. – С. 105–132.

²⁸ *Sakaš S.* Iranische Herhunft des Kroatischen Volksnamens // Orientalia Christiana Periodica. – T. 15. – 1949. – S. 313–340.

²⁹ *Майоров О.* Велика Хорватія, яку називають “Білою”: До питання про походження і значення хорватських етнічних назв // Миколаївщина. Збірник наукових статей. – Т. 3. – Львів, 2006. – С. 31–65; *Його ж.* Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 175.

³⁰ *Marquart J.* Ostereuropaishe und ostasiatische Streifzrüge. – Leipzig, 1903. – P. 129–139; *Hauptmann L.* Dolazak Hrvata. – S.88–120; *Hruby V.* Puvodni Hranice Biskupstvi Prazskeho a hranice Riče Česke v 10 století // Časopis Matice Moravske. – T. 50. – 1926. – S. 104; *Perich L.* Slezko. – Praha, 1945. – S. 45; *Dvornik F.* The making of Central and Eastern Europe. – London, 1949. – P. 392; *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. – Москва-Ленинград, 1948. – С. 245; *Королю В. Д.* К вопросу об отношениях Руси и Польши в X веке // Кр. сообщ. ин-та славяноведения. – № 9. – Москва, 1952. – С. 43–50; *Блифельд Д. З.* Утворення Київської Русі // Нариси стародавньої історії Української РСР. – Київ, 1957. – С. 357; *Войтович Л.* Слідами білих хорватів // Літопис червоної калини. – 1993. – № 5–6. – С. 2; *Його ж.* Етнотериторіальна підоснова формування удільних князівств Волинської землі // Волино-Подільські археологічні студії. – Т. 1. Пам'яті І. К. Свешнікова (1915–1995). – Львів, 1998. – С. 286–294.

³¹ *Кононов А. Н.* Опыт анализа термина Турк // Советская Этнография. – Москва, 1949. – № 1. – С. 41–57; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. – Bd. 2. – Budapest, 1958. – P. 13–17, 320–327; *Kristó Gy., Makk F., Szegfu L.* Adatok “korai” helyneveink ismeretéhez. – 1 k. – Szeged, 1973–1974. – 321–332 old; *Лутаевин Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. – М., 1976. – С. 198–217; *Ligeti L.* A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. – Budapest, 1986. – 321–332 old.

³² Див.: *Ohnsorge W.* Konstantinopol und der Okzident. – Darmstadt, 1966.

³³ *Kunstmann H.* Wer waren die Weisskroaten des byzantinischen Kaisers Konstantin Porphyrogenetos // Die Welt der Slaven. – 29/1. – N.F. VII. – 1984. – S. 111–122.

³⁴ *Ронин В.* Франко-германские отношения в трактате Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» // ВВ. – Т. 44. – 1983. – С. 60–68.

³⁵ *Banduri A.* Animadversiones in Constantini Porphyrogeniti Libros de thematibus De administrando Imperio., – T. 2. – Paris, 1711. – P. 91–92.

³⁶ *Mikoczi J.* Otiorum Croatiae liber unus. – Buda, 1806. – P. 78.

³⁷ *Niderle L.* Slovanske starožitnosti. – D. 2. – Sv. 2. – Praha, 1910. – S. 252; *Багrineць В. М.* Про землю бойків та їх походження // Українські Карпати. – Ужгород, 1993. – С. 20–22.

³⁸ *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. – Vol. II. – P. 63.

³⁹ *Константин Багрянородный.* – С. 339.

- ⁴⁰ Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. – К., 1884; *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakowianum*. – Т. 6. – Praha, 1933. – С. 1–66; *Gregoire H.* Byzance, les Khazars, les Magyars et les Petchenegues // VII CIEB. Resumes des comm. – Paris, 1940. – P. 6–7; *Grousset R.* L'Empire des steppes. – Paris, 1941. – P. 238; *Feher G.* Zur Geschichte der Steppenvölker von Sudrussland im 9–10 Jh. // *Studia slavica ASH*. – Т. 5. – 1955. – P. 257–326; *Jettmar K.* Die fruher Steppen-Völker. – Baden-Baden, 1965; *Boba I.* Nomads, Northmen and the Slavs, Eastern Europa in the Ninth Centery // *Slavo-Orientalia*. – Bd. 2. – Wiesbaden, 1967. – P. 10–11; *Diaconu P.* Les Petchenegues Bas-Danube. – București, 1970; *Shepard J.* The Russian Steppe – Frontier and Black Sea Zone // *The Byzantine Black Sea*. – Athenes, 1979. – P. 218–237.
- ⁴¹ Плетнева С. А. Хазары. – Москва, 1986. – С. 153–154.
- ⁴² *Božilow I.* Les Petchenegues dans l'histoire des terres du Bas-Danube // *Etudes Balkaniques*. – Sofia, 1971. – № 3. – P. 170–175.
- ⁴³ *Györffy Gy.* Sur la question de l'établissement des Petchenegues en Europe // *Acta orientalia ASH*. – Т. 25. – Budapest, 1972. – P. 283–292.
- ⁴⁴ *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. – Т. 1. – С. 213.
- ⁴⁵ Там само. – С. 210.
- ⁴⁶ ПСРЛ. – Т. 1. – Стб. 5–6.
- ⁴⁷ ПСРЛ. – Т. 1. – Стб. 122.
- ⁴⁸ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 106.
- ⁴⁹ *Исаевич Я. Д.* Висляне и лендзяне в IX–X вв. – С. 160.
- ⁵⁰ *Monumenta Poloniae Historica*. – Т. 2. – Lwów, 1872. – P. 23.
- ⁵¹ *Eckblom R.* Alfred the Great as Geographer // *Studia Neophilologica*. – Т. 14. – Uppsala, 1941/1942. – P. 142; *Łowmiański H.* Początki Polski. – Т. 2. – Warszawa, 1964. – S. 144–145.
- ⁵² *Bosworth J.* King Alfred's Anglo-Saxon version. – London, 1859. – P. 37; *Labuda G.* Źródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów słowiańszczyzny. – Warszawa, 1961. – S. 95.
- ⁵³ *Niderle L.* Slovanske starozitnosti. – D. 3. – Praha, 1911. – S. 128.
- ⁵⁴ *Bosworth J.* King Alfred's. – P. 37.
- ⁵⁵ *Labuda G.* Źródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów słowiańszczyzny. – S. 96–98.
- ⁵⁶ *Maszyński K.* Kultura ludowa słowian. – Cz. 2. – Zesz. 2. – Kraków, 1939. – S. 1548, mapa fig. 391.
- ⁵⁷ *Матузова В. И.* Английские средневековые источники. – Москва, 1979. – С. 28.
- ⁵⁸ *Подосинов А. В.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. – Москва, 1985. – С. 159.
- ⁵⁹ Цит. за: *Исаевич Я. Д.* Висляне и лендзяне в IX–X вв. – С. 151.
- ⁶⁰ *Łowmiański H.* Początki Polski. – Т. 2. – S. 150–151.
- ⁶¹ *Magnae Moraviae fontes historici*. – D. 2. – Brno, 1967. – S. 154–156; *Pramene k dejnam Vel'kej Moravy* / Vyd. P. Patkoš. – Bratislava, 1968. – S. 242.
- ⁶² *Lewicki T.* Świat słowiański. – S. 347–349.
- ⁶³ *Łowmiański H.* Początki Polski. – Т. 2. – S. 155–157.
- ⁶⁴ *Kupfer F., Lewicki T.* Źródła hebrajskie do dziejów Słowian i niektórych innych ludów Śródkowej Europy. – Wrocław-Warszawa, 1956. – S. 32–60.
- ⁶⁵ *Крюков В.* Чи знали арабські автори IX–X століть про Карпати і карпатських слов'ян? // *Україна в минулому*. – Вип. 4. – Київ-Львів, 1993. – С. 7–16.
- ⁶⁶ *Lewicki T.* Świat słowiański. – S. 25.
- ⁶⁷ *Hudud al-Alam* "The Regions of the World" A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D / By V. Minorski. – London, 1937. – P. 159.
- ⁶⁸ *Marquart J.* Ostereuropaishe. – P. 471.
- ⁶⁹ *Корчинський О.* Городище-гігант в передгір'ях Українських Карпат // *Труди V Міжнародного конгресу славянської археології*. – Т. 3. – Москва, 1987. – С. 11–15.
- ⁷⁰ *Chaloupecky V.* Kniže svaty Vaclav // *Česky časopis historický*. – Т. 47. – 1946. – S. 47.
- ⁷¹ *Kozłowska-Budkowa Z.* Repertorium polskich dokumentów doby piastowskiej. – Kraków, 1937. – S. 13–15; *Labuda G.* Czeskie chrześcijaństwo na Śląsku i w Małopolsce w X i XI wieku // *Chrzystianizacja Polski południowej*. – Kraków, 1994. – S. 92–94.
- ⁷² *Codex diplomaticus et epistolaris Regni Bohemiae* / Ed. G. Friedrich. – Т. 1. – Praha, 1894–1897. – P. 93; *Vaneček V.* Pevnich tisíc let. – Praha, 1949. – S. 126.
- ⁷³ *Niderle L.* Slovanske starozitnosti. – D. 2. – Sv. 1. – Praha, 1906. – S. 193, 224.

- ⁷⁴ *Lowmiański H.* Początki Polski. – Т. 2. – Warszawa, 1964. – S. 174.
- ⁷⁵ *Kętrzyński W.* Granice Polski w X wieku // *Rozprawy Polskiej Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny.* – Т.35. – 1894. – S. 2.
- ⁷⁶ *Widajewicz J.* Państwo Wiślan. – Kraków, 1947. – S.15.
- ⁷⁷ *Томашівський С.* Дев'ятсот літ тому. З приводу ювілею міста Белза // *Нова зоря* – 1930. – № 1. – С. 11.
- ⁷⁸ *Войтович Л. В.* “Баварський географ”: проблеми локалізації слов'янських племен // *Проблеми слов'янознавства.* – Вип. 57. – Львів, 2008. – С. 42–62; *Його ж.* “Баварський Географ”: проблеми ідентифікації слов'янських племен // *Треті Ольжині читання. Пліснеськ 31 травня 2008 року.* – Львів, 2009. – С. 3–14; *Його ж.* “Баварський Географ”: спроба етнолокалізації населення Центрально-Східної Європи в IX столітті // *Український історичний журнал.* – 2009. – № 5. – С. 12–34; *Його ж.* “Баварський Географ”: Спроба локалізації слов'янських князівств в IX столітті // *Średniowiecze Polskie i Powszechne.* – Т. 2 (6) / *Red. Idzi Panić, Jerzy Sperka.* – Katowice, 2010. – S. 35–66; *Його ж.* “Баварський Географ”: спроба етнолокалізації населення Центрально-Східної Європи в IX столітті // *Войтович Л.* Галицько-волинські етюди. – Біла Церква, 2012. – С. 47–72.
- ⁷⁹ Детальне обґрунтування див. літ. за посиланням 78.
- ⁸⁰ *Młynarska-Kaletynowa M.* // *Słownik starożytności słowiańskich.* – Т. 6. – Cz. 1. – Warszawa, 1977. – S. 190–191.
- ⁸¹ *Szaferzyk P. J.* Słowiańskie starożytności. – Т. 2. – Poznań, 1844. – S. 100, 776.
- ⁸² *Kraliček A.* Der sogenannte bayerische Geograph und Mähren // *Zeitschrift der Vereins für die Geschichte Mahrens und Schlesiens.* – Т. 2. – 1898. – S.226; *Zeuss D.* Die Deutschen und die Nachbarstämme. – Helderberg, 1925. – S. 615; *Kucharski E.* Polska w zapisce karolińskiej zwanej niewłaściwie “Geografem Bawarskim” // *Pamiętnik IV Powszechnego Zjazdu historyków Polskich.* – Т. 1. – Sekcja 2. – Lwów, 1925. – S. 6–15; *Spal J.* Jmena zapadnich Slovanu u Geografa Bavorskeho // *Slavia.* – Т. 24. – 1955. – Z. 1. – S. 6; *Pilar O.* Dilo neznameho bavorskeho geografa // *Historická geografie.* – Т. 12. – 1974. – S. 229.
- ⁸³ *Войтович Л.* Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку. – С. 118–119.
- ⁸⁴ *Ісаєвич Я. Д.* До питання про західний кордон Київської Русі // *Ісаєвич Я.* Україна давня і нова. Народ, релігія, культура. – Львів, 1996. – С. 90–104.
- ⁸⁵ *Тимошук Б. О.* Язичеські святилища Галицької Русі // *Історико-філологічний вісник Українського Інституту.* – Т. 1. – Москва, 1997. – С. 176–181.
- ⁸⁶ *Тимошук Б. О.* Ілівське городище-святилище // *Міжнародна наукова конференція: Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Галич, 19–21 серпня 1993 р. Тези доповідей та повідомлень.* – Львів, 1993. – С. 28–29.
- ⁸⁷ *Войтович Л.* Слідами білих хорватів // *Літопис Червоної Калини.* – 1993. – № 5–6. – С. 2–10, 54; *Його ж.* “Білі” хорвати чи “карпатські” хорвати? – С. 49–50; *Овчинников О.* Ранньосередньовічна держава у Прикарпатті // *Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції.* – Львів, 1993. – С. 19–21.
- ⁸⁸ *Roepell R.* Geschichte der europäischen Staaten // *Geschichte Polens.* – Bd. 1. – Hamburg, 1840. – P. 144.
- ⁸⁹ *Lowmiański H.* Początki Polski. – Т. 2. – Warszawa, 1964. – S. 112; – Т. 3. – Warszawa, 1967. – S. 68–69.
- ⁹⁰ *Kunstmann H.* Über den Namen der Kroaten // *Die Welt der Slaven.* – Т. 27/1. – 1982. – P. 131–136; *Id.,* Kamen die westslavischen Daleminci aus dalmatien ? // *Die Welt der Slaven.* – Т. 28. – 1983. – P. 370; *Id.,* Wer waren die Weisskroaten des byzantinischen Kaisers Konstantin Porphyrogenetos // *Die Welt der Slaven.* – Т. 29/1. N.F. VII. – 1984. – P. 119.
- ⁹¹ *Klaić N.* Poganska Stara ili Vela Hrvatska cara Konstantina Porfirogeneta // *Croatica Christiana Periodica.* – G. 12. – B. 21. – Zagreb, 1988. – S. 49–62.
- ⁹² *Katičić R.* Kunstmannovi lingvisticki dokazi o seobi Slavena siuga na sjever // *Starohrvatska Prosvjeta.* – Т. 20. – 1990 (1992). – S. 225–328.
- ⁹³ *Mužić I.* Podrijetlo i pravjera Hrvata. – Split, 1991.
- ⁹⁴ Див.: *Kronsteiner O.* Gab es unter den Alpenslaven eine kroatische ethnische Gruppe? // *Wiener Slavistisches Jahrbuch.* – Bd.24. – Wien, 1978. – S. 137–157; *Wolfram H.* Conversio Bagoariorum et Carantanorum: Das Weissbuch der Salzburger kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien. – Wien-Köln, 1979; *Pohl W.* Das Awarenreich und die “Kroatishen” Ethnogenesen // *Die*

- Bayern und ihre Nachbarn. – Teil. 1 / Hrsg. Von H. Wolfram und A. Schwarz. – Wien, 1985. – S. 293–298; *Id.*, Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. – München, 1988. – S. 261–268; *Id.*, Osnove hrvatske etnogeneze: Avari i Slaveni // Etnogeneza Hrvata / ul. N. Budak. – Zagreb, 1995. – S. 86–96; *Steindorff L.* Povijest Hrvatske od srednjeg vijeka do danas / Prjevod R. Steindorff-Andrun, S. Lipovčan. – Zagreb, 2006.
- ⁹⁵ Див., наприклад: *Margetić L.* Dolazak Hrvata. – Split, 2001. – S. 185–216; *Heršak E., Nikšić B.* Hrvatska etnogeneza: pregled komponentnih etapa i interpretacija (s naglaskom na euroazijske/nomadske sadržaje // Migracijske i etničeme. – Vol. 23. – 2007. – S. 251–268.
- ⁹⁶ Див., наприклад: *Katičić R.* Uz početke hrvatskih početaka: filološke studije o našem najranijem srednjovjekovlju. – Split, 1993; *Lončar M.* Dalmatinske etimologije Konstantina Porfirogeneta // Folia onomastica Croatica. – T. 11. – 2002. – S. 149–174; *Vedriš T.* Povodom novog tumačenja vijesti Konstantina VII. Porfirogeneta o snazi hrvatske vojske // Historijski Zbornik. – T. 60. – Zagreb, 2007. – S. 1–33; *Takács M.* De administrando imperio kao izvor za ranu povijest Mađara, kao i o vezama Mađara sa susjednim narodima u 10. stoljeću // Radovi – Zawod na hrvatsku povijest. – Vol. 42. – Zagreb, 2010. – S. 49.
- ⁹⁷ *Hauptmann L.* Dolazak Hrvata // Zbornik Kralja Tomislava. – Zagreb, 1925. – S. 88–120; *Id.*, Seoba Hrvata i Srba // Jugoslovenski Istoriski Часопис. – T. 3. – Београд, 1937. – С. 30–61; *Id.*, Das Regensburger Privileg von 1086 für das Bistum Prag // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichte. – T. 62. – Wien, 1954. – S. 147.
- ⁹⁸ *Grafenauer B.* Prilog kritici izvjestoja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // Historijski zbornik. – T. 5. – Zagreb, 1952. – S. 1–55.
- ⁹⁹ *Pantelić S.* Najstarija povijest Hrvata. – Mainz, 1993.
- ¹⁰⁰ *Taszycki W.* Najdawniejsze polskie imiona osobowe // Rozprawy i studia polonistyczne. – T. 1. – Warszawa-Kraków, 1958. – S. 92–138.
- ¹⁰¹ *Тимофеев Е. И.* Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // СА. – 1961. – № 3. – С. 56–73; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. – Москва, 1982. – С. 128.
- ¹⁰² Див.: *Тимошук Б. О.* Північна Буковина – земля слов'янська. – Ужгород, 1969; *Його ж.* Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. – Київ, 1976; *Його ж.* Восточнославянская община VI–X вв. – Москва, 1980; *Тимошук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П.* Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V–X вв // СА. – 1981. – № 2. – С. 80–93; *Тимошук Б. О.* Давньоруська Буковина. – Київ, 1982; *Його ж.* Соціальна типологія селищ VI–X вв. // Археологічні дослідження середньовікових пам'яток в Дністро-Прутському междуріччя. – Кишинев, 1985. – С. 3–24.
- ¹⁰³ *Петегрич В. М.* Давньоруські підплитові поховання Тернопільщини // Тези доп. і повід. 1-ї Тернопільської обл. наук.-істор. конф. – Тернопіль, 1990. – С. 72.
- ¹⁰⁴ *Войнаровський В. М.* Підплитові поховання давньоруського могильника Борівці на Буковині // Археологічні дослідження, проведені на території України протягом 80-х років державними органами охорони пам'яток та музеями республіки. Темат. збірник наукових праць. – Київ, 1992. – С. 40–41.
- ¹⁰⁵ Див.: *Баран В. Д.* Ранньослов'янські пам'ятки Верхнього Подністров'я і Південно-Західної Волині // Мат. і Дослід. з Археології Прикарпаття і Волині. – Вип. 5. – Київ, 1964.
- ¹⁰⁶ *Войнаровський В. М.* Підплитові поховання. – С. 42–43; *Седов В. В.* Восточные славяне. – С. 128.
- ¹⁰⁷ *Belosević J.* Materijalna kultura Hrvata od VII do X stoljeta. – Zagreb, 1980. – S. 79.
- ¹⁰⁸ *Михайлина Л. П., Тимошук Б. А.* Славянские памятники бассейна Верхнего Прута VIII–X вв. // Славяне на Днестре і Дунає. – Киев, 1983. – С. 205.
- ¹⁰⁹ *Цигулик В. М.* Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. – Київ, 1975.
- ¹¹⁰ *Smieszko M.* Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej. – Lwów, 1932. – S. 178.
- ¹¹¹ *Козак Д. Н.* Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. – Київ, 1984.
- ¹¹² Див.: *Войтович Л.* Готи на території України: результати досліджень на початок XXI століття // Археологічні дослідження Львівського університету. – Вип. 11. – Львів, 2008. – С. 35–64; *Його ж.* Готи на землях нинішньої України // Україна крізь віки. Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України професора Валерія Смолія. – Київ, 2010. – С. 154–183.

- ¹¹³ Михайлов Е. За руско-българската етническа граница до края на Х век // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. – Т. 15. – Кн. 3. – 1971. – София, 1973. – С. 186.
- ¹¹⁴ Szombathy J. Praehistorische Recognoscierungen stour nach der Bukowina im Jahre 1893 // Jahrb. des Bukowiner Landes-Museum. – Bd. 2. – Czernowitz, 1894. – S. 10–21.
- ¹¹⁵ Смішко М. Ю. Ранньослов'янська культура Карпатського підгір'я // Наук. зап. Ін-ту суспільних наук АН УРСР. – Т. 1. – Львів, 1953; *Його ж.* Карпатські кургани першої половини I тис. н. е. – Київ, 1960; Смішко М. Ю. Поселення III–IV ст. н. е. з слідами скляного виробництва біля с. Комарів Чернівецької обл. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. – Вип. 5. – Львів, 1964. – С. 67–80.
- ¹¹⁶ Пеняк С. І. Ранньослов'янське та давньоруське населення Закарпаття VI–XIII ст. – Київ, 1980. – С. 162–165.
- ¹¹⁷ Вакуленко Л. В. Памятники культуры карпатских курганов у с. Глубокое // Археологические исследования на Украине в 1967 г. – Киев, 1968. – С. 169–172; *Йї ж.* Поселения культуры карпатских курганів // Дослідження з слов'яно-руської археології. – Київ, 1976. – С. 73–94; *Йї ж.* Пам'ятники підгір'я Українських Карпат першої половини I тис. н. е. – Київ, 1977; Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М. Проблема преемственности черняховских и раннеславянских древностей в свете исследований на Среднем Днестре // Slavia Antiqua. – Т. 33. – 1985. – С. 71–136.
- ¹¹⁸ Баран В. Д., Козак Д. Н., Терпиловський Р. В. Походження слов'ян. – Київ, 1991. – С. 57.
- ¹¹⁹ Браїчевський М. Ю. Про етнічну приналежність черняхівської культури // Археологія. – Т. 10. – Київ, 1957. – С. 122–125; *Його ж.* Біля джерел слов'янської державності. – Київ, 1964. – С. 5.
- ¹²⁰ Mihailescu-Birliba V. Un nouveau groupe culturel sur le territoire de Roumanie: Les fouilles de Braniste-Nemtisor (Comm. de Vinatori, dep. de Neamt) // Dacia. – Т. 24. – 1980. – Р. 181–207.
- ¹²¹ Котигорошко В. Г. Исследование памятников в Закарпатье // Археологические Открытия. 1976 г. – Москва, 1977. – С. 312; *Його ж.* Новые данные к изучению древней истории славян Закарпаття // СА. – 1977. – № 1; *Його ж.* Курган первой половины III в. н. э. у с. Братово // СА. – 1979. – № 2. – С. 153–164; *Його ж.* Итоги изучения могильника Иза I в Закарпатье // СА. – 1980. – № 1. – С. 239–247; *Його ж.* Раскопки дакийского городища у с. Малая Копаня // Археологические Открытия. 1980 г. – Москва, 1981. – С. 256.
- ¹²² Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. – Москва, 1975. – С. 319.
- ¹²³ Максимов Е. В. Юго-Восточная Европа в первой четверти I тыс. н. э. по археологическим данным. Историография // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – Киев, 1990. – С. 19–20.
- ¹²⁴ Szafarzyk P. J. Słowiańskie starožitnisti. – Т. 1. – Poznań, 1843. – S. 301; – Т. 2. Poznań, 1844. – S. 315–317, 544.
- ¹²⁵ Нидерле Л. Славянские древности. – Москва, 1956. – С. 50–51, 54.
- ¹²⁶ Гиндин Л. А. К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства // Формирование раннефеодальных славянских народностей. – Москва, 1981. – С. 52–96; *Його ж.* К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. – Москва, 1984. – С. 43; *Його ж.* Значение лингво-филологических данных для изучения ранних этапов славянизации Карпато-Балканского пространства // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – Москва, 1987. – С. 24.
- ¹²⁷ Соболевский А. Русско-скифские этюды // Изв. Отд. Русского Языка и Словестности. – Т. 26. – 1921. – С. 8; Županić N. Prvobitni Hrvati // Zbornik kralja Tomislava. – Zagreb, 1925. – S. 291, 296; *Id.*, Prvi nosilci etnickih imen Srb, Hrvat, Cech i Ant // Etnolog. – Т. 2. – 1928. – S. 74–79; *Id.*, Značenje barvnega atributa v imenu Crvena Hrvatska // Etnolog. – Т. 10/11. – 1937–1938. – S. 355–376; Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. 1. Die Iranier in Sudrussland. – Leipzig, 1926. – P. 56; Hauptmann L. Seoba, Hrvata i Srba // Jugoslovenski Historiski Časopis. – Т. 3. – 1937. – С. 30–61; Sakaš S. Iranische Herkunft des Kroatischen Volksnamens // Orientalia Christiana Periodica. – Т. 15. – 1949. – S. 330–340.
- ¹²⁸ Див.: Войтович Л. Сармати на землях нинішньої України: проблеми локалізації племен // Записки НТШ. – Т. 260. – Кн. 2. – Львів, 2010. – С. 7–23.
- ¹²⁹ Майоров А. В. Великая Хорватия. – С. 178–180.

- ¹³⁰ Тимошук Б. А. Восточнославянская община VI–X вв. – М., 1980; Филипчук М. А. Нова знахідка. Плісненський саркофаг // Літопис Червоної калини. – 1993. – № 10–12. – С. 55.
- ¹³¹ Belosević J. Materijalna kultura Hrvata od VII do X stoljeta. – Zagreb, 1980. – S. 47.
- ¹³² Schmidt B. Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteleuropa. Zur Neugestaltung der ethnischen Verhältnisse zu Beginn des Mittelalters. – Berlin, 1984; Id., Die Slawen in Deutschland. – Berlin, 1986. – S. 18.
- ¹³³ Николаев С. Л. Балкано-карпатские изгоссы как реликт позднеславянского лингвистического ландшафта // Язык и культура. Памяти Г. П. Клепиковой. – Москва, 2008. – С. 125–139; Див. також: Горбач О. Остурня – український острівець на Спіші під Татрами // Християнський голос. – Мюнхен, 1970. – Ч. 1–2. – С. 1–4; Його ж. Південно-лемківська говірка й діалектичний словник с. Красний Брід бл. Межилаборець (Пряшівщина). – Мюнхен, 1973; Його ж. Середньо-закарпатські говірки, Лемківські говірки // Діалектологія. Енциклопедія Українознавства. – Т. 2. – 1992. – С. 16–19.
- ¹³⁴ Nahtigal R. Slovanski jeziki. – Wyd. 2. – Ljubljana, 1952. – S. 6.
- ¹³⁵ Grafenauer B. Nekaj vprasanj iz dobe naseljevanja južnih slovanov // Zgodovinski casopis. – T. 4. – 1950. – S. 23–123; Id., Prilog kritici izvjestoja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // Historijski zbornik. – T. 5. – Zagreb, 1952. – S. 1–55.
- ¹³⁶ Zasterova B. Hlavní problémy z počátku dejin slovanských narodu // Vznik a počátky slovanu. – T. 1. – Praha, 1956. – S. 42.
- ¹³⁷ Див.: Глушко М. Генезис тваринного запрягу в Україні. Культурно-історична проблема. – Київ, 2003.
- ¹³⁸ Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. – 2 izdanje. – Zagreb, 1975. – S. 139.
- ¹³⁹ Kunstmann H. Über den Namen der Kroaten // Die Welt der Slaven. – T. 27/1. – 1982. – S. 131–136; Katišić R. Kunstmannovi lingvistički dokazi o seobi Slavena s juga na sjever // Starohrvatska Prosvjeta. – T. 20. – 1990 (1992). – S. 300–301, 307; Macan T. Povijest hrvatskog naroda. – Zagreb, 1992. – S. 15–16.
- ¹⁴⁰ Šanjek T. Krscanstvo na hrvatskom prostoru. – Zagreb, 1991. – S. 15.
- ¹⁴¹ Pavlišić D. Povijest Hrvatske. – Zagreb, 1994. – S. 15.
- ¹⁴² Grafenauer B. Zgodovina slovenskoga naroda. B.1. Odnaselitve do uveljavljanja frankovskega feudalnega roga. – Ljubljana, 1994. – S. 44.
- ¹⁴³ Margetić L. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. – Zagreb, 1977. – S. 145–146.
- ¹⁴⁴ Buri J. B. The Treatise De administrando imperio // Bizantinische Zeitschrift. – Bd. 15. – 1906. – S. 517–557.
- ¹⁴⁵ Grafenauer B. Prilog kritici izvjestoja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // Historijski zbornik. – T. 5. – Zagreb, 1952. – S. 15–18; Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. – S. 137.
- ¹⁴⁶ Новакович П. Нека запажання о 29. и 30. глави De administrando imperio // Историски Часопис. – Кн. 19. – 1972. – С. 5–54.
- ¹⁴⁷ Ферjanчић Б. Структура 30. главе списа De administrando imperio // Зборник радова Византолошког института. – Кн. 18. – Београд, 1978. – С. 67–80.
- ¹⁴⁸ Новакович П. Нека запажання о 29. и 30. глави. – С. 17–21.
- ¹⁴⁹ Hermann J. Welt der Slaven. – Leipzig, 1956. – P. 40.
- ¹⁵⁰ Paulus Diakonus. Historia gentis Langobardorum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Langobardicarum. – Saec. 6–9. – Hannoverae, 1878. – IV, 24.
- ¹⁵¹ Monumenta Germaniae Historica. – T. 18. – P. 435.
- ¹⁵² Grafenauer B. Zgodovina slovenskoga naroda. – S. 288.
- ¹⁵³ Paulus Diakonus. – IV, 11.
- ¹⁵⁴ Paulus Diakonus. – IV, 41.
- ¹⁵⁵ Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. – S. 101; Grafenauer B. Zgodovina slovenskoga naroda. – S. 288.
- ¹⁵⁶ Engel J. Ch. von. Fortsetzung der allgemeinen Welthistorie. – Halle, 1798. – P. 453.
- ¹⁵⁷ Войтович Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. – Львів, 2000. – С. 122–123.
- ¹⁵⁸ Горбач О. Говірка Комарна й Комарнянщини // Комарно-Рудки та околиця / Збірник історико-мемуарних, географічних і побутових матеріалів. НТШ: Український архів. – Т. 43. – Нью-Йорк–Париж–Сідней–Торонто, 1987. – С. 315.

¹⁵⁹ *Майоров А.* О времени и обстоятельствах основания Галича: историография спорных и нерешенных проблем // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. – Т. 1. – Київ-Львів, 2004. – С. 688–711.

¹⁶⁰ *Wedzki A.* Słowacja // Słownik Starożytności Słowiańskich. – Т. 5. – Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1975. – С. 253, мапа.

¹⁶¹ Див.: *Пан С.* Початки християнства на Закарпатті. На основі нових наукових дослідів. – Філадельфія, 1983; *Його ж.* Історія Закарпаття. – Т. 1. – Івано-Франківськ, 2001.

¹⁶² *Annales Fuldenses (680–901)* / Ed. G. H. Pertz // *Monumenta Germaniae Historica*. – Т. 1. – Hannoverae, 1826. – Р. 401.

¹⁶³ *Дулишкович І.* Исторические черты Угро-Русских. – Тетрадь 1. – Ужгород, 1874. – С. 113.

¹⁶⁴ *Tkadičik V.* Cyrilsky napis v Michalovcích // *Slavia*. – 1983. – № 2. – С. 121–123.

¹⁶⁵ *Лелекач М. М.* Про приналежність Закарпаття до Київської Русі в X–XI ст. // Наук. зап. УжДУ. Іст.-філолог. серія. – Ужгород, 1949. – С. 32–37.

¹⁶⁶ *Войтович Л.* Загадкова загибель князя Святослава Володимировича і загадки міграції угрів в кінці IX ст. // Україно-угорські етюди. – Вип. 1. – Львів, 2010. – С. 9–27.

О. В. Вус

ПРИМОРСКИЕ CASTELLA TUMULTARIA СУДАКА В КОНТЕКСТЕ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОЙ ПРАКТИКИ РИМЛЯН В КРЫМУ В IV ВЕКЕ

Почти 50 лет прошло с того дня, когда отряд Крымской экспедиции Института археологии АН УССР открыл руины монументального фортификационного сооружения на берегу бухты Лимена-Кале вблизи Судака. Здесь, в естественном амфитеатре между горой Дженевет-Кая и скалой Палвани-Оба располагался морской порт древней Сугдеи. Несмотря на значительное количество работ, посвященных памятнику, до сих пор не прекращаются научные дискуссии, связанные как с самим укреплением, так и процессом освоения южного побережья Крыма в эпоху античности и раннего средневековья.

По сообщению анонимного византийского автора XIII в., Сугдея была основана в 5720 г. «от сотворения мира»*, то есть, в 212 г. н. э.¹ Эта дата косвенно подтверждается отдельными находками керамики, боспорских монет и эпиграфических памятников конца II–III вв. в бухте Лимена-Кале². О присоединении Таврики к Боспорскому царству «по договору»** в конце II в. прямо указывается и в надписи 193 г. из Танаиса³. Таким образом, есть все основания полагать, что порт в заливе Лимена-Кале начал функционировать при боспорском царе Тиберии Юлии Рескупориде (211/212–228/229), которому в начале III в. принадлежало побережье Юго-Восточного Крыма⁴.

Мощное локальное укрепление было обнаружено археологами в 1965 г. на высоте 12 м над уровнем Черного моря⁵. В ходе раскопок его тщательно исследовали. Размеры сооружения составили: по внешнему периметру 16 × 14,7 м, по внутреннему – 12,8 × 11,65 м⁶. Толщина стен равнялась: южной – 2,2 м, восточной и западной по 1,6 м, а северной – не более 1 м. Это говорит как о рациональном подходе древних строителей (только толщина южной стены была доведена до общепринятого античного канона – 5 локтей***), так и о тактическом назна-

* Текст надписи: «Сооружена крепость Сугдаи в 5720-м (году), уже есть от постройки Сугдаи до сего дня, то есть год 6804 (от сотворения мира), уже 1084 (года)» (1296 г.).

** Текст надписи: «...тысячи, завоевав сирахов и скифов и Таврику присоединив по договору, сделал море свободным для мореплавателей, в Понте и в Вифинии, при стратеge граждан ... Зеноне, сыне Дада сыне Эвия, и при Юлии Д... и Юлии Родоне, бывших заведующих царской резиденцией я, Зенон, сын Зенона, сын Дада, посланный царем в эмпорий, посвятил Зевсу, Аресу и Афродите при Бораспе сыне Баба, архонте Танаиса и эллинархе Родоне, сыне Харитона».

*** Греческий локоть (pechys), а также римский (cubitus) составляли 44,40 см.

чении укрепления, выполнявшего задачи несения охранной службы в гавани, контроля и наблюдения за рейдом.

Высота фортификационного сооружения ныне достигает от 1,5 до 3 м. Структура стен состоит из трех слоев: внешнего и внутреннего панцирей, и забутовки (известь, мелкая морская галька, песок, толченая керамика) между ними. Лучше всего сохранилась северная стена укрепления. Ее длина ныне составляет 12 м. Кладка внешнего панциря регулярная – *opus romanum* / *opus quadratum*⁷. Он возведен из подтесанных блоков известняка, по схеме «кордон на ребро, плита на образок» (кордонная кладка), на растворе извести с морским песком. При этом нижние четыре ряда блоков имеют размеры, близкие к $0,5 \times 0,35 \times 0,16$ м, а пятый – $0,4 \times 0,25 \times 0,16$ м⁸. Внутренний панцирь северной стены выстроен в римской античной технике *opus spicatum*. Он состоит из плоских плит песчаника и крупной морской гальки, поставленных на ребро («в елочку», правильно «колос» – О. В.) под углом от 35 до 45 градусов. Высота шести нижних рядов *opus spicatum* составляет приблизительно 0,5 м, а верхнего 0,3 м. Строительный раствор внутреннего панциря состоит из цемьянки – мелко толченой керамики с известью.

Восточная стена сохранилась в длину до 14 м. Ее нижние ряды сложены в технике *opus italicum*: из необработанных плиток песчаника и кусков известняка, добытого при нивелировании поверхности горы. Что немаловажно, «в 6,5 м от северо-восточного угла, в стене прослежена вертикально-направленная трещина, вероятно, тектонического происхождения»⁹.

Хуже всего, отдельными фрагментами длиной от 0,4 до 4,2 м, сохранились южная и западная стены укрепления. При этом внешний панцирь южной стены почти весь обрушился.

Пол сооружения был выложен двумя слоями плит песчаника, между которыми находился слой известкового раствора, толщиной от 2 до 7 см в юго-восточном углу. Перед строительством укрепления поверхность горы, состоявшая из материкового мергеля, была сnivelирована подтеской¹⁰, а на месте строительства северной стены вырыта водоотводная траншея¹¹.

С внутренней части восточной стены исследователи открыли часть каменной лестницы длиной около 5 м и шириной 0,7 м, которая вела на второй этаж, а в южной стене выявили устои внутренней арки, обрамлявшей входной проем. По расчетам А. В. Джанова, высота первого этажа составляла не менее 4,4 м, а высота всего укрепления достигала 15 м¹².

Итак, какого типа сооружение перед нами? Кто и когда его построил? Каковы временные рамки его функционирования и причины разрушения?

С точки зрения первооткрывателя укрепления – М. А. Фронджуло, этот оборонный комплекс был возведен византийцами в VI ст., а в «VIII–IX вв. башню разрушили. Вероятно, это связано со взятием Сурожа русским князем Бравлином во время его похода в Таврику»¹³.

Свою интерпретацию портового укрепления изложил доктор исторических наук И. А. Баранов. Он считал, что его построили византийцы для защиты корабельной стоянки¹⁴ и классифицировал эту башню как «укрепленную цистерну»¹⁵. В середине VIII ст. «цистерну» разрушили хазары¹⁶, и в последствии

поселились на ее руинах. По мнению И. А. Баранова, комплекс ранневизантийских укреплений Сугдеи был возведен в VII ст., а разрушен не ранее середины VIII ст.¹⁷

В то же время, Е. И. Лопушинская пришла к выводу, что архитектурные особенности приморского укрепления свидетельствуют о более ранней дате его возведения. Проанализировав кладку стен и размеры сооружения, она заметила, что его общая типология более соответствует оборонному строительству эллинистического и римского времени, и относится к III–IV вв. В качестве доказательств Е. И. Лопушинская привела пример использования цемяночного раствора и кладки *opus spicatum* в позднеантичных крепостных стенах Вероны. Она считала, что приморское укрепление в бухте Лимена-Кале было лишь одной из башен, построенных для защиты поселения и порта Сугдеи¹⁸.

Глубоко исследовавший приморское укрепление А. В. Джанов, в 2004 г. пришел к выводу, что «мы имеем дело с крупным фортификационным сооружением, имевшим самостоятельное значение. Несомненно, это была башня, не включенная в замкнутую оборонительную линию, ... ее можно реконструировать как четырех-этажное сооружение, ... аналогичное по конструкции с башнями позднеримского и ранневизантийского периода»¹⁹. Справедливо замечая, что башня была локальным укреплением, как доказательство времени ее постройки, он почему-то приводит устройство воротного проезда в средней оборонительной стене античной крепости Акра Кастеллум на мысу Калиакра в Болгарии.

На Калиакре действительно сохранились три линии укреплений (две из них середины и конца IV в.), но нет ни одной отдельно стоящей башни, все они включены в общий фронт укреплений²⁰. Мощная четырехугольная башня в средней оборонительной стене Акры Кастеллум, по сути, есть пропугнакулум, в котором устроен сквозной воротный проезд. Однако ничего подобного не было в приморском укреплении на берегу Лимена-Кале, так как за его северной стеной начинался крутой склон горы.

Анализируя строительный раствор и кордонную кладку стен укрепления, А. В. Джанов приходит к выводу, что «особенности строительной техники позволяют датировать приморскую башню не позднее начала VI ст.»²¹, хотя справедливо замечает, что археологический материал пока не подтверждает этой даты.

В отличие от А. В. Джанова, доктор исторических наук С. Б. Сорочан улавливает появление приморской башни «бургового типа» в бухте Лимена-Кале со второй половиной VI в., «когда в Таврике под контролем ромеев развернулось интенсивное строительство укреплений»²². Вместе с тем, в работе «О положении и статусе Сугдеи в VI–IX вв.» С. Б. Сорочан упоминает о находках лапидарных и нумизматических материалов, «которые могут быть связаны с существованием на месте Сугдеи во II–III вв. морского сторожевого пункта Боспорского царства, а затем укрепленного поселения, переросшего в ранневизантийский город – кастрон»²³.

Версии о ранневизантийском времени постройки укрепления долгое время придерживался и автор данной статьи²⁴, если бы не два «но»!

Византийский историк и государственный служащий Прокопий Кесарийский (ок. 500 – после 565), в трактате «О постройках» подробно описал дей-

ствия императора Юстиниана I (527–565) по военно-инженерному обеспечению границ Ромейского государства. В трактате присутствует и развернутая характеристика этой деятельности в Северном Причерноморье. Удивляет то, что рассказав о ремонте фортификационных сооружений Херсона и Боспора, и строительстве незначительных по размерам фрурий Алусты и Горзувит, Проконий совершенно не упоминает о мощном, 15-метровой высоты, локальном укреплении в порту Сугдеи. Объяснение этому факту может быть лишь одно: на момент написания трактата (555–560 гг.²⁵) сооружение давно существовало и успешно выполняло свои функции.

Окончательно пролить свет на время постройки укрепления и соответственно, определить дату основания порта Сугдеи, был призван радиоуглеродный анализ строительного раствора и микрофрагментов керамики, которые в нем содержались. Анализ проводился в 2005 г., в Киевской радиоуглеродной лаборатории при Научном центре геохимических исследований НАН Украины доктором геолого-минералогических наук Н. Н. Ковалюхом. Исследователь установил, что хронологические рамки возведения укрепления на берегу бухты Лимена-Кале определяются III – началом V вв. (*terminus post quem* – 223 г. / *terminus ante quem* – 429 г.)²⁶. По мнению В. и В. Булгаковых, именно этот период отвечает дате основания портового комплекса Сугдеи²⁷.

Вместе с тем, относительно точности радиоуглеродного анализа керамики и строительных растворов у исследователей уже давно возникают вопросы. Так, кандидат геолого-минералогических наук А. М. Тюрин считает, что средняя системная погрешность радиоуглеродных дат, полученных по древесному углю, составляет +50 лет, и подчеркивает, что вообще **средняя погрешность всех радиоуглеродных дат составляет +/-130 лет** (выделено – О. В.)²⁸. При этом он замечает, что частоты радиоуглеродных дат, полученных по разным материалам, смещены относительно друг друга на величину до 300 лет²⁹.

Приняв во внимание выводы А. М. Тюрина, можем предположить, что локальное укрепление в бухте Лимена-Кале было возведено не в 223–429 гг., а в IV в., точнее, между 300-м и 350-м годами. Но какие причины, какие военно-политические события привели к появлению в порту Сугдеи этого укрепления?

Ответ на вопрос дает трактат императора Константина VII Багрянородного (913–959) «Об управлении империей». В своей работе автократор сообщает о нескольких херсонесско-боспорских войнах, происходивших с конца III до середины IV вв. на территории Таврики, Европейского и Азиатского Боспора³⁰, и в том числе, в окрестностях нынешнего Судака. Херсонес вел эти войны при морально-политической, военно-технической и финансовой поддержке Римской империи.

А. В. Джанов отмечает, что «все позднеантичные поселения в районе Судака расположены на крутых труднодоступных склонах»³¹, что говорит о желании местного населения уйти подальше от моря и использовать для защиты естественный рельеф местности. Археологические исследования разгромленного в IV в. боспорского поселения в районе с. Таракташ (ныне Дачное) подтверждают, что какое-то время здесь был эпицентр боевых действий. Найденный в 1908 г. в Таракташе клад состоял из почти 2000 боспорских и римских монет, причем

самая поздняя монета датировалась 623 г. боспорской эры, или 326 г. н. э.³² Люди из погибшего поселения были вынуждены бежать и поселиться выше, в средней части Таракташского хребта.

Подобный клад из боспорских статеров царей Фофорса, Рамсада и Рескупорида VI был обнаружен в 1927 г. у г. Курубаш вблизи Феодосии³³. Время сокрытия клада – не ранее 327 г. Известны и другие клады этого периода, найденные в регионе³⁴. В 30-е гг. IV в. вся прибрежная полоса от Судака до Феодосии стала прифронтовой зоной, своеобразным театром проведения морских десантных операций. Возможно, именно события второй херсонесско-боспорской войны 323–337 гг.³⁵ привели к появлению в бухте Лимена-Кале необычного локального укрепления «бургового типа».

Это и был настоящий римский бург – фортификационное сооружение, во II–IV вв. относившееся к укреплениям класса *castella tumultaria*³⁶. Подобные сооружения были составной частью лимесов (военно-инженерных рубежей), возводившихся римлянами вдоль границ Империи в последние века ее существования. Основным тактическим назначением *castella tumultaria* являлись охрана и защита сухопутных и приморских участков границы. IV век был временем массового строительства подобных укреплений.

Британский исследователь Р. Томлин утверждает, что «самой характерной чертой позднеримской границы являлся бург (*burgus*), отдельно расположенная башня. Ряд таких башен был найден во время раскопок на Рейне в Швейцарии, в долине Дуная к северу от Аквинкума и в секторе Железных ворот. ... это были небольшие квадратные, крепко выстроенные сооружения, обычно не в один этаж, потому что в них часто находятся фундаменты для опор второго этажа. ... бурги были важным элементом охраны границ»³⁷. Римский офицер и историк Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 400) оставил описание одного из типичных *castella tumultaria* – бург Робур («Мощь»), возведенный римлянами в Швейцарии недалеко от Базеля³⁸. Это укрепление имело квадратную в плане форму, а длина его стен равнялась 13 м каждая.

О том, что *castella tumultaria* в бухте Лимена-Кале построили именно римляне, говорит не только сходная типология, но и архитектурный анализ. Очень выразительным элементом сооружения является строительная кладка *opus spicatum*, которую мы ошибочно называем кладкой «в елочку», а сами римляне называли «заостренной кладкой» (или «заостренной работой» – О. В.)³⁹, и выкладывали ее рисунок в виде хлебного колоса. *Spica* по латыни означает «колос»! В IV в. кладка *opus spicatum* была очень популярна и римляне часто ее использовали в декоративных целях при постройке фортификационных, сакральных и жилых зданий. Автор наблюдал подобную кладку внутри комплекса сооружений IV в. в римской крепости Ульпия Сердика – столице провинции Внутренняя Дакия (совр. София, Республика Болгария).

Несмотря на замечание Н. Н. Болгова о том, что «Рим ... действовал в Таврике не непосредственно, а руками Херсонеса»⁴⁰, вполне можем допустить и прямое участие римлян в херсонесско-боспорских войнах. В пользу этой версии говорит находка на Южном берегу Крыма в 2005 г. римского запрестольного креста IV в.⁴¹ С. В. Гнутова утверждает, что *crux immissa* относились к воин-

ским крестам, и принадлежали высшему командному составу Империи. Это говорит о том, что служба римских офицеров не ограничивалась одним Херсонесом, но в каких-то формах (контрольные поездки, карательные акции, разведывательные мероприятия) происходила на всем побережье Таврики.

Безусловно, одной из таких форм была и военно-инженерная деятельность. В пользу нашей версии свидетельствует, найденная в руинах Херсонеса Таврического плита с надписью*, которая сообщает о сооружении новой стены города при содействии римского трибуна Флавия Вита и коллектива военных инженеров (механиков) в 392–393 гг.⁴² Проанализировав надпись, можем утверждать, что укрепления сооружали сами жители Херсонеса, а военные инженеры (к этой категории военнослужащих относились механики – *О. В.*) оказывали им необходимую помощь. Она заключалась в проведении технических расчетов, составлении чертежей, устройстве боевых позиций и постройке установок торсионной артиллерии типа баллист и катапульт⁴³.

Возможно, такое же подразделение принимало участие и в сооружении *castella tumultaria* над бухтой Лимена-Кале в первой половине IV в. В этом случае получает логическое объяснение не только схожий с позднеантичными бургами типаж сооружения, но и такой характерный элемент римской архитектуры, как кладка *opus spicatum*.

Можем предположить, что бухта Лимена-Кале, находившаяся в тылу херсонесско-боспорского пограничья, интересовала римлян и их союзников как удобное место для стоянки боевых кораблей, база снабжения, пункт высадки и развертывания десанта. Этот интерес и привел к строительству на берегу бухты приморского укрепления. Не позднее 360 г. порттовый пункт и охранявший его бург вошли в состав новой римской провинции – Тавроскифской епархии. Анонимный автор географического трактата, написанного между 360–386 гг., сообщил, что в это время в состав провинции входили «Таврический Херсонес с Кафой и Симболом»⁴⁴.

Ныне позднеантичный порт почти весь находится под водой на глубине 3–4 м. По мнению палеогеографов, это связано с трансгрессией Черного моря, которая продолжается и сейчас. В. Агбунов считает, что в античности «береговая линия в деталях выглядела иначе. Древний берег находился от нескольких десятков до нескольких сотен метров в сторону моря. ... Во время нимфейской трансгрессии море затопило низменности на побережье, устья рек. ... И поэтому немало античных городов и поселений частично или полностью оказались под водой»⁴⁵. Но римский бург вблизи Судака разрушило не море.

По данным доктора геолого-минералогических наук Л. В. Фирсова, между 480-м и 1229-м гг. произошло «пять крупных сейсмических катастроф: около 600 г., в середине VIII в., около 900 г., в середине XI в., около 1200 г.»⁴⁶. Таким образом, подтверждаются версии М. А. Фронджуло и И. А. Баранова о разрушении бурга в VIII в., но не «князем Бравлином» или хазарами (археологи не выявили следов пожара – *О. В.*), а морским землетрясением.

* Текст надписи: «При владыках наших, вечных августов, непобедимых, Флавиях Феодосии и Аркадии и при содействии много потрудившегося Флавия Вита трибуна и механиков построена стена Херсона при ... Евферия, велико[лепнейшего комита?]».

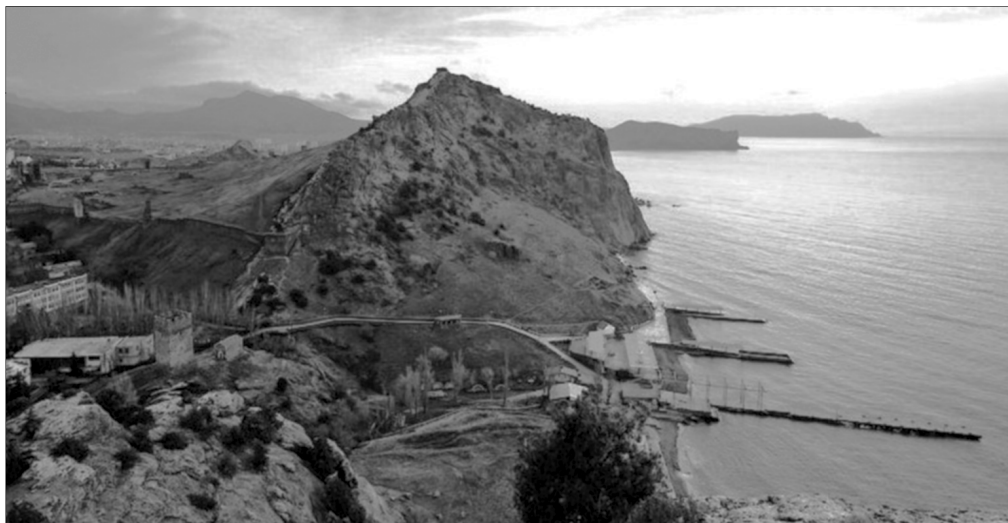
Заметим, что с подобными сейсмокатастрофами на побережье Таврики связаны разрушения скал и каменные хаосы в Батилимане, Ласпи, Тессели, Форосе, около Шайтан-Мердвена, Алупки и других населенных пунктов Южного берега Крыма. По нашему мнению, главной причиной разрушения приморского укрепления в бухте Лимена-Кале было не нападение гуннов или хазар, а сильное морское землетрясение и связанная с ним трансгрессия моря, в результате которой почти весь античный порт оказался под водой.

Мощная *castella tumultaria* была не единственным римским фортификационным сооружением в порту. Недалеко от нее, над 15-метровым обрывом юго-западного склона Джаневез-Кая, возвышаются остатки еще одного позднеантичного укрепления. В силу недостаточной изученности объекта пока можно предположить, что это – полубашня, не имевшая стен со стороны вершины горы. Юго-западная стена полубашни, длиной 8 м, сохранила толщину 1,5 м, но ранее она достигала, вероятно, не менее 2,3 м. Северо-западная стена сохранила свою изначальную толщину – 1,5 м. Структурно обе стены состояли из двух панцирей с забутовкой между ними. Возможно, присутствовала и римская кладка типа *opus spicatum*. Горизонтально уложенные квадры песчаника и бутовый камень скреплены великолепного качества розовой цемянкой. Подобное строительное тесто автор статьи наблюдал в римских укреплениях и бытовых зданиях IV в. в Софии и Варне (Республика Болгария).

Хотя моя попытка датировать памятник носит однозначно предварительный характер, хочу заметить, что полубашня на скальном обрыве Джаневез-Кая и *castella tumultaria* на берегу бухты логически дополняют друг друга. Оба укрепления связаны единым тактическим замыслом и возможно, построены в одно время. Не вызывает сомнения, что если бург контролировал корабельную стоянку и рейд, то установленные на полубашне боевые метательные установки простреливали подступы к самому бургу и кораблям со стороны берега. Таким образом, при отражении нападения противника реализовывался прием, известный современной военной науке как «огневой мешок». Это и было главной задачей второго локального укрепления.

Проанализировав архитектурные особенности обеих фортификаций, нарративные источники, эпиграфические памятники и нумизматические материалы, приходим к выводу, что в IV в. н. э., на берегу бухты Лимена-Кале и склоне горы Джаневез-Кая вблизи совр. Судака, коллективом инженеров, знакомых с канонами римской оборонной архитектуры, были возведены два локальных укрепления класса *castella tumultaria* – бург и полубашня. Эти укрепления на протяжении столетий выполняли задания по охране морского порта, обеспечивали защиту торговых судов и боевых кораблей, их экипажей и ценных грузов в гавани до момента своей гибели в середине VIII в. вследствие катастрофического морского землетрясения.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

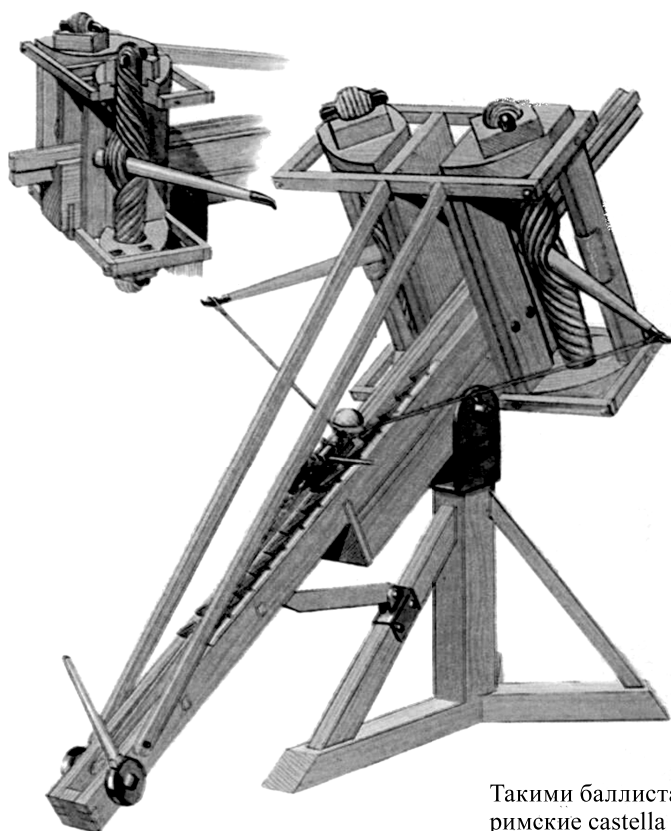
Панорама бухты Лимена-Кале, где находился античный порт Сугдеи.

Руины позднеантичного приморского укрепления в бухте Лимена-Кале.
Стрелкой обозначено место расположения второго *castella tumultaria*.

Римская антична кладка *opus spicatum* в стене приморского укрепления Судака.

Такими баллистами могли вооружаться римские *castella tumultaria* в бухте Лимена-Кале около Судака (реконструкция П. Коннолли).

Римский воин-пехотинец IV в.
(реконструкция Дж. Верри).

Римский стых immisa,
найденный на Южном берегу Крыма
в 2005 г.

Антична кладка opus spicatum в стене римской крепости в Арагоне (Испания).

Античная кладка opus spicatum в стене римской крепости
(Федеративная республика Германия).

Античная кладка opus spicatum в стене римской крепости в Каталонии (Испания).

Античная кладка *opus spicatum* в римской крепости Ульпия Сердика
(София, Болгария).

¹ Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. – Симферополь, 2009. – С. 287.

² Джанов А. В. Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. – К., 2004. – Вып. 1. – С. 49–50.

³ Корпус боспорских надписей (Corpus inscriptionum Regni Bosporani) / Под ред. В. В. Струве. – М.; Л., 1965. – № 1237. – С. 728–730. Перевод с греческого языка.

⁴ Зубарь В. М., Русяева А. С. На берегах Боспора Киммерийского. – К., 2004. – С. 163.

⁵ Фронджуло М. А. Работы Судакского отряда // Археологические исследования на Украине в 1968 г. – К., 1971. – Вып. 3. – С. 256–260; Фронджуло М. А. Раскопки в Судак // Феодальная Таврика. – К., 1974. – С. 139–150; Фронджуло М. А. Раскопки в Судак (1964–1965 гг.) // Археологические исследования на Украине 1965–1966 гг. – К., 1967. – С. 190–193.

⁶ По мнению А. В. Джанова, внешние размеры сооружения составляют 15,60 × 14,66 м. См.: Джанов А. В. Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. – К., 2004. – Вып. 1. – С. 66.

⁷ Римско-античные технологии кладки объединены под общим названием *opus*:

Из природного камня – *opus italicum*;

Из бутового камня – *opus antiquum* (заполняющая несущий каркас – *opus incertum*);

В различных перевязках, например, «в елочку» (правильно «колос» – Авт.), – *opus spicatum* (как одна из разновидностей облицовки – *opus reticulatum*);

Из тесаного камня – *opus siliceum* (циклопическая, полигональная кладка);

Из тесаного камня (квадра) – *opus romanum* (из прямоугольных квадров в горизонтальных рядах – *opus quadratum*), из рядов различной высоты – *opus isodomum*, *opus pseudoisodomum*, *opus uittatum*;

Рустованная кладка из грубо обработанных выпуклых камней – *opus rusticum*;

Из обожженного кирпича – *opus latericium*;

Горизонтальными рядами, часто в качестве опалубки для заполнения литым или трамбованным бетоном – *opus testaceum*;

Из трамбованного или литого бетона, в сплошной кладке как заполнение – *opus emplectum*; из бетонообразной смеси мелкого щебня и раствора – *opus caementicium*, а из литого бетона – *opus jusile*; Смешанные кладки – *opus mixtum*; из различных видов камня – *opus gallicum*, а как кладка, заполняющая несущий каркас, и облицовка, – *opus quasireticulatum* или *opus reticulatum*; из кирпича (как опалубка) и как заполняющая несущий каркас – *opus testaceum*. Он-лайн энциклопедия зданий. – http://www.zdanija.ru/ArchTermsLat/p2_articleid/29.

⁸ Джанов А. В. Сугдея в III–VII вв. ... – С. 61.

⁹ Там же. – С. 63.

¹⁰ Фронджуло М. А. Работы Судакского отряда... – С. 257.

¹¹ Джанов А. В. Сугдея в III–VII вв. ... – С. 65.

¹² Там же. – С. 67.

¹³ Фронджуло М. А. Раскопки в Судаке (1964–1965 гг.)... – С. 190.

¹⁴ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К., 1990. – С. 47–48.

¹⁵ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья... – С. 55.

¹⁶ Баранов И. А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 48–49.

¹⁷ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья... – С. 48.

¹⁸ Лопушинская Е. И. Крепость в Судак. – К., 1991. – С. 98, 99.

¹⁹ Джанов А. В. Сугдея в III–VII вв. ... – С. 67.

²⁰ Торбатов С. Укрепительната система на провинция Скития (края на 3–7 век.) // Български крепости. – <http://bulgariancastles.com/bg/fortress-kaliakra-bg>.

²¹ Джанов А. В. Сугдея в III–VII вв. ... – С. 69.

²² Сорочан С. Б. О положении и статусе Сугдеи в VI–IX вв. // Древности 2006–2008. Харьковский историко-археологический ежегодник. – http://www.nbuv.gov.ua/Portal/Soc_Gum/drev/2008/Drevnosti_08_Sorochan_pp108_124.pdf.

²³ Там же.

²⁴ Вус О. В. Оборонна доктрина Візантії у Північному Причорномор'ї: інженерний захист Таврики та Боспора в кінці IV – на початку VII ст. – Львів, 2010. – С. 163.

²⁵ Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. – Л., 1991. – С. 184.

²⁶ Булгаков В. В., Булгакова В. И. Подводные скопления печатей в Судак и Херсонесе: историографический феномен // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной конференции. – Киев–Судак, 2006. – Т. II. – С. 42.

²⁷ Там же.

²⁸ Тюрин А. М. Оценка погрешности радиоуглеродных дат и радиоуглеродного датирования событий // Новая хронология. – http://new.chronologia.org/volume8/turin_pogreshnost_dat.php.

²⁹ Там же.

³⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1991. – С. 247–259.

³¹ Джанов А. В. Сугдея в III–VII вв. ... – С. 51.

³² Клад Таракташский // Судак. Популярная энциклопедия – <http://www.sugdea.com/index.php/enciklopedia/k/1400-kladtaraktash>.

³³ Шелов Д. Б. Феодосийский клад боспорских «статоров» // ВДИ. – 1950. – № 2. – С. 134–139.

³⁴ Исанчурина Е. А., Исанчурина Е. Р. Монетное дело царя Радамсада // Нумизматика и эпиграфика. – Т. 15. – С. 90–92.

³⁵ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). – К., 1977. – С. 92.

³⁶ Ирмиштер Й., Йоне Р. Словарь античности. – М., 1989. – С. 253.

³⁷ Томлин Р. Фортификация в 284–378 гг. н. э. // Коннолли П. Фортификация и осады / Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. – М., 2001. – С. 301.

³⁸ Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. – М., 2005. – С. 453.

³⁹ Кладка // Словарь изобразительного искусства. – <http://slovari.yandex.ru/книги/Словарь/изобразительного/искусства/Кладка>.

⁴⁰ Болгов Н. Н. Между империей и варварами: финал античности на Боспоре // Україна в Центральній-Східній Європі. Вип. 4. – К., 2004. – С. 47.

⁴¹ Гнутова С. В. «Константинов крест» — древнейший памятник раннехристианского искусства на территории России // Родное и вселенское: К 60-летию Н. Н. Лисового. — М., 2006. — С. 120–139.

⁴² Виноградов А. Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. — М., 2010. — С. 100–101.

⁴³ По мнению Й. Ирмшер и Р. Йоне, «В эпоху античности под Механикой понималось исключительно инженерное искусство, в первую очередь, создание военных машин, подъемных механизмов, различных типов часов и самодвижущихся устройств» (Ирмшер Й., Йоне Р. Словарь античности... — С. 352).

⁴⁴ Шангин М. А. Новый географический текст // ВДИ. — 1938. — № 4. — С. 253.

⁴⁵ Агбунов М. В. Античная логия Черного моря. — М., 1987. — С. 17.

⁴⁶ Фирсов Л. В. О землетрясениях в Крыму // Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. — Новосибирск, 1976. — С. 161.

О. Б. Головка

«ІМПЕРІЯ РОМЕЇВ» В ІДЕОЛОГІЧНИХ КОНЦЕПЦІЯХ ДАВНЬОРУСЬКИХ МИСЛИТЕЛІВ

Важко порівнювати з Візантійською імперією в плані впливу на ідейне та політичне життя Європи та Близького Сходу доби середньовіччя будь-яку іншу державу. Як відомо, наприкінці IV ст. внаслідок багатьох причин стався розкол античної Римської імперії на дві частини: Західну Римську та Східну Римську імперії. Історичні долі обох частин до цього часу достатньо могутньої мегадержави античності склалися у подальшому по-різному. На заході Європи після переселення «варварських» племен на територію Західної Римської імперії, яка наприкінці V ст. перестала існувати, з середини I тис. н. е. почала поступово формуватися карта середньовічної Європи. На базі ж Східної Римської держави постала Візантійська імперія, яка незважаючи на істотні метаморфози в усіх сферах свого життя, проіснувала майже тисячу років і відіграла визначну роль як в історії Заходу, та і в історії Сходу, зробивши величезний внесок у розвиток людської цивілізації. На таку долю цієї держави вплинули економічний, демографічний та культурний потенціал візантійського суспільства, винятковий геополітичний фактор розташування Візантії, до складу якої входили території Європи, Азії, а в перші століття її існування і Африки.

Втрачаючи поступово політичну і мілітарну вагу, Візантійська імперія в IX–XII ст. перетворилася на своєрідний «Золотий міст» між Європою і Азією, стала перехрестям не тільки торговельно-економічних і політичних інтересів, а і ланкою, яка зв'язувала культури Заходу і Сходу. Візантія була центром, де відбувався синтез культурних течій Середземномор'я, Балкан і Близького Сходу.

Враховуючи великий вплив Візантії на навколишній світ, особливо на країни і народи, де поширювався візантійський варіант християнства, видатний дослідник середньовіччя Д. Оболенський влучно назвав середовище країн і народів, синтетичним центром якого була Візантія, *Byzantine Commonwealth*, тобто Візантійською співдружністю¹. Складові в системі «*Byzantine Commonwealth*» не були рівнозначні. Характер їхніх відносин з Імперією залежав від багатьох факторів, серед яких важливе місце мали рівень їх економічного та політичного розвитку, військовий потенціал та географічне розташування.

Саме за цими ознаками суспільство слов'ян Східної Європи, яке в IX–X ст. сформувалося в одну велику державу-імперію – Русь, було, у порівнянні з інши-

ми країнами, у досить вигідному становищі відносно Візантії. Східні слов'яни не межували безпосередньо з Імперією, а тому та ніколи не загрожувала їх найважливішим регіонам. Водночас військовий потенціал і географічне розташування дозволяли саме східнослов'янській еліті тривалий час здійснювати тиск на Константинополь. Поряд з цим, Русь перебувала під значними дипломатичними та релігійно-ідеологічними впливами візантійців. Ці впливи верхівка Русі прагнула творчо засвоїти і активно використовувати у своїй зовнішньополітичній діяльності.

В період раннього середньовіччя в Візантійській імперії склався комплекс ідейно-політичних уявлень, які мали величезний вплив на духовне життя багатьох країн та народів, особливо тих, що входили до християнського світу. Метою запропонованої статті є спроба відповісти на два базові запитання, як складався образ Візантійської (а точніше, як називали її самі візантійці, «Ромейської») імперії на Русі, яка була реакція східнослов'янських мислителів на візантійські ідеологічні цінності.

Ідеологічні цінності та уявлення візантійського суспільства формувалися внаслідок синтезу римських політичних уявлень та постулатів християнського вчення. Їх створення розпочалося в V–VI ст. і завершилося в основному в IX–X ст. Серед найважливіших ідеологічних постулатів політичної теорії візантійців необхідно назвати концепції: а) римського християнського співтовариства, на чолі якого стоїть імператор; б) ідеального християнського імператора і влади, яка йому належить; в) християнського співтовариства – «Божого граду»; г) симфонії світської та духовної влади.

Візантійські ідеологічні цінності були тісно зв'язані з релігійними уявленнями. Зокрема, важливими для візантійців були віра в бже спасіння, культ Богородиці, ідея софійності тощо. Ідейно-політичне життя візантійського суспільства знаходило своє відбиття не тільки в епістолярних пам'ятках, а й символіці (інсигніях), в титулатурі носіїв державної влади, в юридичних актах та ін. На перший погляд, ці абстрактні ідеологічні уявлення постійно втілювалися в практику міжнародного життя Візантії, де пропагувався незаперечний постулат «ромейського» екуменізму, залежності всіх оточуючих держав і народів від «Ромейської імперії»².

Розгляд питання про процес сприйняття візантійської ідеологічної системи на Русі є досить складним завданням. Це, багато в чому, викликано тим, що власні давньоруські письмові джерела з'явилися досить пізно – лише в XI – на початку XII ст. До того ж, вони малочисельні і різнопланові за жанром, що ускладнює їх порівняння. Лише «Повість временних літ» має значні свідчення про русько-візантійські стосунки більш раннього часу, але ця інформація в плані дослідження теми є складною для аналізу, оскільки на неї серйозно вплинула позиція більш пізніх по відношенню до подій та явищ авторів³.

Процес сприйняття образу «Ромейської імперії» східними слов'янами пройшов декілька етапів, кожний з яких необхідно розглядати окремо. Початкова частина цього процесу, багато в чому, співпала з часом розповсюдження християнства на Східну Європу – IX–X ст. Особливо слід звернути увагу на період розквіту держави Русь XI – початку XII ст., коли пролунала хрестоматійно

відома фраза германського історика та географа Адама Бременського другої половини XI ст. про столицю Русі Київ: «Головне місто тієї держави є яскравою окрасою Греції, суперником константинопольського скіпетру»⁴. Під «Грецією» Адам розумів «*Rex Orthodoxa Christiana*», а саме його висловлювання блискуче показало стан русько-візантійської взаємодії в сфері ідеології в середині XI ст.

В XII ст., як нам здається, процес сприйняття візантійської ідеологічної спадщини на Русі відходить на другий план і поживляється з новою силою вже в наступному столітті. Останнє пов'язано перш за все з політичними причинами: переходом католицьких країн у наступ під прапором хрестових походів не тільки проти язичників, а й православних країн та, дещо пізніше, вторгненням полчищ монголо-татарських ханів до Східної та Центральної Європи, ослабленням позиції візантійських ідеологічно-політичних центрів і поступовим процесом боротьби руського духовництва за лідерство у православному світі. Останній етап ідеологічної взаємодії настає після захоплення Константинополя турками-османами (1453 р.), коли столиця Російської держави Москва почала претендувати на звання «третього Риму», а її монарх оголосив себе спадкоємцем візантійських василевсів.

Наприкінці VIII – на початку IX ст. в джерелах появляються перші згадки про прийняття християнства представниками східнослов'янських дружин, які здійснювали походи на візантійські володіння в Криму та Малій Азії. За повідомленням «Житія св. Стефана Сурозького» на кримське узбережжя напала велика слов'янська рать (до якої, вочевидь, приєднали норманські загони) на чолі з князем Бравліном, яка захопила місто Сурож і пограбувала його мешканців. Під час нападу на сурозьку церкву св. Софії Бравлін тяжко захворів і одужав лише після укладення договору з греками та прийняття хрещення⁵. Ймовірно, під час контактів із слов'янами грецька верхівка Сурожу і особливо його духовенство всіляко намагалось схилити нападників на свій бік. Скориставшись ефектом, що справила на Бравліна та його спільників християнська церковна служба, сурожці умовили князя здійснити ритуал хрещення. Є підстави думати, що під вплив християнської церкви потрапили і учасники більш пізнього, ніж сурозький похід, нападу русичів на Амастріду. На користь такого висновку свідчить фрагмент з житія Георгія Амастридського: «Одна труна була достатньо сильною для того, щоб виявити безумство варварів, припинити смертогубства, зупинити звірства, повернути більш лютих, ніж вовки, до лагідності овець і примусити тих, хто поклонявся гаям і лукам, поважати господні храми»⁶. Згадка у джерелі про поклоніння русів-язичників гаям і лукам має цілком реальний характер і відповідає тодішнім уявленням про світогляд слов'ян Східної Європи⁷.

Перші хрещення русів – учасників походів на візантійські міста Криму та Південного Причорномор'я наприкінці VIII – на початку IX ст., як вже відзначалося в літературі, мали у значній мірі політичний характер, були схожі з аналогічними і у значній мірі синхронними за часом хрещеннями норманів. Мова йшла про дипломатично-ритуальні акції, які не вели до зміни світосприйняття, а зводились до політичного оформлення відносин «варварських» князів-вождів з християнами⁸. Складно говорити, наскільки в IX ст. русами сприймався

комплекс «ромейських» ідеологічних уявлень, проте можна припустити, що давньоруська верхівка в цей час у певній мірі була вже у певній мірі підготовлена до цього.

Успішність воєнних заходів Русі наприкінці VIII – на початку IX ст. сприяло швидкому зростанню масштабів її дипломатичних зв'язків. В 838 р. посланці з Русі відвідали Константинополь, а в 839 р. вони прибули до столиці Східно-Франкської імперії Інгільгейму⁹. Ці факти свідчать про намагання східнослов'янської верхівки встановити тісні взаємини з найсильнішими державами середньовічного світу. Все це відбувалося за умов, коли Русь вела боротьбу з могутнім в той час Хазарським каганатом за контроль над торговельними шляхами та за приєднання низки слов'янських союзів племен, які перебували під патронатом хазар¹⁰.

Особливо це стосується найважливішої події зовнішньої політики Русі IX ст., якою був похід давньоруських дружин на столицю Візантії Константинополь 860 р.¹¹. Константинопольський патріарх Фотій писав, що на його місто напав народ до тих часів «невідомий, але який одержав значення, незначний та бідний, але який досяг осяйної висоти і незліченного багатства»¹².

Переговори, що відбулися після завершення бойових дій, призвели, що довів А. М. Сахаров, до укладення договору «миру та любові», що в дипломатичній практиці середньовіччя означало офіційне визнання Візантійською імперією Русі¹³. Після завершення походу частина його учасників прийняла християнство. Попри те, що про це хрещення постійно згадується в історичній літературі, на наш погляд, його ще не достатньо оцінено. Знаменно, що з цим часом, а не з діяльністю Володимира візантійська традиція пов'язує початок християнства у русів. Як нам здається, що саме з цього часу в Константинополі вже вважали північну сусідку – країну Русь – християнською країною, а тому у візантійських джерелах про навернення Русі як країни у християнство у подальшому вже ми не знайдемо згадок.

У IX ст. візантійське духовництво доклало чимало зусиль з метою поширення християнства слов'ян Центральної та Східної Європи. Яскравим прикладом цього стала діяльність солунських священиків Костянтина-Кирила та Мефодія в Моравії, їх учнів у Болгарії та Сербії. Аналогічні процеси спостерігаються і по відношенню до Русі, куди було відправлено спеціальну церковну місію для здійснення християнізації безпосередньо слов'янського населення. В «Окружному посланні» патріарха Фотія повідомляється, що частина давньоруської знаті прийняла нову християнську віру в Константинополі, а на Русь була відправлена спеціальна місія для навернення слов'ян. В біографії імператора Василя I, що належить перу візантійського василевса середини X ст. Константина Багрянородного, ця подія відноситься до часів, коли на патріаршому столі сидів спадкоємець Фотія Ігнатій¹⁴. Така розбіжність в інформації не є суперечливою, бо свідчить про тривалість діяльності греків-священників. Важливо, що не тільки про похід на Константинополь, а і про хрещення слов'ян-язичників йдеться у листі римського папи Миколая I до візантійського імператора Михаїла.

Болгарська дослідниця В. Типкова-Заїмова дає загальну характеристику зовнішньополітичної діяльності Болгарської держави стосовно Візантійської

імперії, яку цілком можливо використати і для аналізу загалом системи взаємин Імперії з сусідами в рамках Byzantine Commonwealth. В зовнішньополітичній діяльності Болгарської держави історик бачить дві тенденції: 1) в рамках візантійської «співдружності націй» Болгарія шляхом дипломатичної взаємодії з греками намагалася добитися найкращих умов для свого існування; 2) болгарські ідеологи в ідейно-політичній конфронтації з греками прагнули створити свою власну вселенську концепцію на протигагу візантійській зовнішньополітичній доктрині¹⁵. Такі ж самі тенденції спостерігаються і в ідеологічному житті східнослов'янського суспільства Х–ХІІ ст.

Важливим етапом в сприйнятті «ромейських» ідеологічних теорій на Русі став час князювання київської княгині Ольги та її сина Святослава. На жаль, дуже цікаві свідчення «Повісті временних літ» цього часу самі по собі не можуть бути використані для дослідження нашої теми, але в комплексі з іншими джерелами дають підстави для наступного висновку: у другій половині Х ст. Давня Русь у відносинах з греками виступає не як невелике ранньополітичне формування, а як доволі потужна держава, яка прагнула у взаєминах з Візантією активно чинити опір ідеологічному гегемонізму «ромейів».

Саме в такому ракурсі можна розглядати спробу київської дипломатії під час поїздки Ольги до Константинополя¹⁶ укласти матримоніальний союз між давньоруським та візантійськими правлячими домами та провести хрещення Ольги як володарки держави. Мова в останньому випадку йшла про прагнення східнослов'янської верхівки добитися навернення в дусі тогочасних юридико-дипломатичних уявлень в нову віру усієї східнослов'янської держави, з якою Ольга, згідно уявлень тих часів, ідентифікувалася¹⁷. Давньоруський уряд часів Ольги вже не прагнув до вирішення своїх зовнішньополітичних завдань шляхом здійснення великих військових акцій, а намагався зміцнити авторитет Давньоруської держави засобами мирної дипломатії, перш за все у взаєминах з Візантійською імперією, яка і в Х ст. була головним контрагентом Русі на міжнародній арені¹⁸.

Цінні свідчення про зовнішньополітичні претензії давньоруської верхівки вміщено в хроніку візантійського історика Лева Диякона, який передає слова київського князя Святослава Ігоревича під час переговорів з греками, де ставить під сумнів їх право мати володіння в Європі: «Я піду з цієї країни не раніше, ніж отримаю велику грошову данину і викуп за захоплені мною під час війни міста та всіх полонених. Якщо ромей не захочуть платити, я вимагаю, щоб зраз ж покинули Європу, на яку не мають права (підкреслено нами – О. Г.), і відправляються до Азії. Інакше нехай не розраховують на укладення миру з тавро скіфами»¹⁹. В «Повісті временних літ» під 969 р. повідомляється про бажання Святослава перенести столицю своєї держави з Києва до Переяславця на Дуні: «**Не любу ми єсть в Києве быти, хочю жити в Переяславци на Дунан, яко то єсть середѣ земли моеѣ, яко тѣ вся блага сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя, из Чех же, из Угор сребро и комони, из Руси скоро и воск, мед и челядъ**»²⁰.

Це літописне свідчення часто розглядається або як прояв фольклорної творчості, що походить своїми коренями до глибокої древності, а звідси воно не

відбивало реалій X ст.²¹, або як свідчення «дружинної діяльності» князя, яке йшло в розріз з потребами розвитку давньоруської державності²². Але, на наш погляд, життя Русі того часу відбивало об'єктивну тенденцію до створення великого надетнічного формування, що було характерно для тогочасного розвитку ранньосередньовічних монархій. Аргументом на користь цього є наступне повідомлення під 970 р., де йдеться про те, що Святослав Ігорович посадив у Києві, Овручі та Новгороді як князів-намісників синів Ярополка, Олега та Володимира²³. Ці дії не можна розглядати як прагнення роздробити центральну владу на Русі, а необхідно розглядати в контексті діяльності Святослава щодо створення великої наддержави. В ній князь як верховний володар мав намір зайняти престол у Переяславці і йому мали підкорятися інші володарі, у тому числі і власні сини.

Комплексний аналіз джерел з історії Русі 60 – початку 70-х років, порівняння політичних та ідеологічних процесів в східнослов'янському та інших близьких за рівнем суспільств дають підставу стверджувати, що київський князь Святослав Ігорович та його оточення прагнуло створити універсальну державу близьку за характером до держави германського імператора Оттона III та польського князя Болеслава Хороброго.

П. О. Каришковський відзначав, що «Святослав відчував себе в деякій мірі спадкоємцем політичних заповітів Симеона (болгарського царя початку X ст. – *О. Г.*)»²⁴. Дійсно, навряд чи можна уявити, що історичний розвиток Русі відбувався в абсолютній ізоляції від ідейно-політичного життя Болгарії. Тут на початку X ст. були ініційовані з боку царя Симеона активні зовнішньополітичні кроки з метою обмеження візантійського тиску піднесення політичної ваги Болгарської держави і її володаря у християнському світі²⁵. Це, зокрема, проявилось в тому, що Болгарська держава добила згоди імператорського уряду сплачувати болгарам щорічну данину. Володарі болгар спочатку доповнюють свій титул «архонт» предикатом «від бога», що наблизило його до офіційного титулу імператорів – «від бога василевс», а Симеон взагалі проголошує себе «василевсом болгар та ромеїв»²⁶.

Після запровадження християнства на Русі в ідеологічному плані авторитет князівської влади значно зріс. Згідно з канонами нової релігії князь одержав юридичний статус необмеженого правителя, на відміну від попередніх, «язичницьких» часів, коли державну владу за тодішніми уявленнями репрезентувала система «князь-дружина».

Прийняття східними слов'янами християнства з Візантії і створення ними православної церковної організації на чолі з митрополитом зумовлювали, що цілком природно, залежність давньоруської церкви від константинопольської патріархії. Проте цю залежність, вплив її на політичне та ідеологічне життя Давньоруської держави не можна перебільшувати. Перш за все вище духовенство, що формувалося з греків, які прибували з Візантії, внаслідок певних особливостей свого становища в Давньоруській державі та залежності від її князів у фінансовому та адміністративно-політичному плані було зацікавлене у проведенні відносно самостійної від патріархії діяльності²⁷. Київській двір з перших днів існування державної християнської організації на Русі

здійснив ряд заходів, спрямованих на обмеження церковно-політичного впливу Візантії.

Автор «Повісті временних літ» не випадково зазначав, що князь Володимир запросив до Києва з Херсона багатьох священників, які разом з візантійськими («царниціними» за літописом) іереями хрестили давньоруське населення. Проте, розповідаючи про підтримку Володимиром духовенства, літопис згадував лише корсунських священників, які одержали від князя головну церкву на Русі – церкву св. Богородиці та десяту частину державних прибутків²⁸. Безумовно, це свідчення давньоруської пам'ятки не є випадковим і показує особливу орієнтацію Володимира Святославича на духівництво міста, населення якого постійно страждало від залежності від імперії і прагнуло добитися автономії²⁹.

Десятинна церква одразу стала головним центром ідейно-політичного життя Давньоруської держави, про що свідчило створення в ній першого літописного зводу, поховання тут князя Володимира Святославича і зберігання в храмі останків популярного серед слов'ян св. Климента. В перші десятиріччя існування християнства як державної релігії на Русі було фактично два релігійні центри – Десятинна церква і резиденція юридичного глави руської церковної організації – митрополита, яка розміщалася в Софійському соборі. Останній перебував поза межами столиці поблизу Софійських воріт Києва. Цікаво відзначити, що близька структура церковної організації в X–XII ст. була і в деяких центральноєвропейських країнах³⁰.

Велике значення для протистояння візантійському релігійно-ідеологічному тискові мало поширення на Русі кирило-мефодіївської традиції, яка розповсюджувалася сюди з Центральної Європи та з Болгарії³¹ (ця традиція незалежно від Константинополя і Риму християнства почала з'являтися серед східних слов'ян з кінця IX ст. і мала особливий вплив на частину території Волині та Прикарпаття), херсонського культу св. Климента. Система існування паралельно князівського і митрополичого центру діяла, щонайменше, до середини XI ст. До цього слід додати, що в другій половині XI–XII ст. відносно самостійність щодо київської митрополії мали монастирі³². Безумовно, це сприяло тому, що найбільші з них – Печерський та Видубицький – стали центрами ідейного життя Русі.

Важливим моментом у сприйнятті візантійських релігійно-ідеологічних уявлень, починаючи з правління князя Володимира, стає широке розповсюдження культу Богородиці. Це було не випадковим явищем, оскільки Богородиця вважалася захисницею міст. Аналіз дуже неповних свідоцтв джерел свідчить, що з її іменем було пов'язано понад тридцять храмів. Дуже важливо, що переважна більшість єпископських центрів – це Богородицькі собори (в основному Успіння) – в Галичі, Володимирі (на Волині), Ростові, Смоленську, Рязані, Холмі. В Києві, крім відомої Десятинної церкви, головним храмом центру ідеологічного життя Русі – Печерського монастиря – була Успінська церква. Церква Богородиці була побудована на головних воротах Києва – Золотих. У XII ст. в столиці будується церква Богородиці-Пирогощі на Подолі, яка займає важливе місце в композиції «Слова о полку Ігоревім». Наприкінці XI ст. на Русі виникає легенда про те, що, говорячи словами відомого дослідника церковної

історії Я. М. Щапова, «Київ є християнським центром світу, до якого переселилася Богородиця з константинопольського Влахернського храму»³³. З ім'ям саме цього храму тісно зв'язана поява в 70-х роках XI ст. в Кловському монастирі в Києві спеціальної церкви Влахернської Богородиці³⁴.

Вступ Русі до кола християнських країн зміцнив владу верховного суверена країни – київського князя. Якщо до прийняття нової віри, як зазначав відомий польський вчений Г. Ловмянський, державна влада багато в чому визнавалась через систему «князь-дружина»³⁵, то тепер влада глави держави щодо підлеглих стає в ідеологічному плані необмеженою³⁶. Значною мірою з ідеологічною метою піднесення авторитету київського володаря наприкінці X – на початку XI ст. на Русі карбуються златники та срібляники, на яких давньоруського князя зображено з усіма ознаками імператорської влади³⁷. І це при тому, що в ідеологічному житті Русі титул «князь» був найвищим і цілком самодостатнім. Він не потребував підсилення, а тому використання визначень «цар», «самодержець» руськими книжниками було літературним прийомом для підкреслювання авторитетності носія державної влади – власного князя. Доказом цього є переклади грецьких книг, де грецьке слово «василевс (βασιλεύς)» перекладалося, коли мова йшла про конкретну історичну персону, як «цар (цесар, цісар)», і у випадках, коли мова йшла про абстрактне поняття володаря, монарха, як «князь»³⁸. Цікаво, що аналогічну тенденцію ми спостерігаємо і в скандинавських джерелах, які називають князів Русі «конунгами», але це найменування розуміється норманами досить широко – від визначення племінного вождя до титулування наймогутнішого володаря³⁹.

В 40-х роках XI ст. київський князь Ярослав Володимирович доклав чимало зусиль для розвитку тісної взаємодії з митрополитом Русі, оскільки мав конфлікти з кліром Десятинної церкви. Останній, як відомо, під час війни 1015–1019 рр. підтримував його суперників⁴⁰. Встановлення тісного союзу князя Ярослава з митрополитом було викликано і потребою удосконалення церковної системи в країні, необхідністю встановлення більш чіткої системи взаємин між світською і духовною владами. Цікаво, що вже на початку свого правління, Ярослав орієнтувався не на Десятинну церкву, а на храм святих Апостолів в Берестові, який також був князівською церквою. На користь такого висновку побічно свідчить більш пізня підтримка князем Ярославом пресвітера цього храму Іларіона, якого було обрано на з'їзді єпископів в 1051 р. митрополитом Русі.

Візантійський патріарх відмовився затверджувати рішення з'їзду руських єпископів, а дипломатична служба Візантії доклала значних зусиль для врегулювання відносин з двором князя Ярослава. Зокрема, на початку 50-х років візантійський імператор Константин Мономах був вимушений погодитися на шлюб своєї дочки і сина Ярослава – Всеволода, а київський князь погодився на відновлення старого порядку призначення митрополитів на Русі. Матримоніальний союз представників візантійської та руської династій фактично зрівняв в очах підданих київського князя і імператора, і не випадково під кінець правління Ярослава Володимировича в його оточенні стали йменувати «царем (цісарем)»⁴¹.

Зближення світської і церковної влади в першій половині XI ст. призводить до особливого ставлення на Русі до концепції софійності. Відомий дослідник

давньоруської культури С. О. Висоцький справедливо писав, що «питання про побудову в XI ст. трьох Софій на Русі якось не привернуло уваги дослідників і не отримало належного висвітлення в історіографії Київської Русі. Перш за все це стосується проблеми появи храмів в районах, значно віддалених один від іншого»⁴². Історик пояснює все це великим політичним значення в житті східнослов'янського світу Києва, Новгороду та Полоцька. Розвиваючи цю тему, важливо відзначити, що в Візантії з доби Юстиніана (VI ст.) ідея софійності набуває особливого значення в політико-ідеологічних уявленнях візантійського суспільства, оскільки підкреслювала пріоритет світської влади перед духовною – богообраність василевсів⁴³. У зв'язку з цим згадаємо, що в константинопольському соборі св. Софії, згідно свідоцтв Константина Багрянородного, зберігалися священні інсигнії, що підкреслювали зв'язок василевсу з Богом⁴⁴.

В історіографії велика увага приділяється видатній пам'ятці давньоруської літератури – «Слову про закон та благодать», яку написав митрополит Іларіон. Цей твір вкрай важливий в плані вивчення сприйняття та адаптації на Русі «ромейських» ідейно-політичних цінностей. В ньому ми зустрічаємо і образ «ідеального християнського володаря», і столицю християнської держави – «новий Єрусалим», і прославлення християнських святинь. Але автор не обмежується простою констатацією цих політичних постулатів, а прямо зв'язує їх з давньоруськими політичними і ідеологічними «реаліями» – князями Володимиром та Ярославом, містом Києва, з храмом Богородиці і Софії. Особливе місце в трактаті займає прославлення князя Володимира, для чого Іларіон звертає увагу на історію Русі, яка передувала часу правління цього князя. При цьому автора не турбує те, що ця історія язичницька (крім періоду правління княгині Ольги). Потреба зробити історію Русі більш давньою, прославлення князів-язичників було необхідно для проведення лінії про божий зв'язок хрестителя Русі князя Володимира з Христом і апостолами, підкресленні ідеї виключної ролі Русі в християнському світі⁴⁵.

Д. С. Лихачов писав, що «візантійській теорії Вселенської церкви та вселенської імперії Іларіон протиставив своє вчення про рівність всіх народів, свою теорію всесвітньої історії, як поступового і рівноправного навернення всіх народів до християнської віри»⁴⁶. І. У. Будовниц вважав, що для досягнення своєї мети Іларіон вів боротьбу з грецькими ідеологами⁴⁷. Необхідно зазначити, що бурхливий розвиток ідейно-політичного життя Русі був обумовлений не тільки внутрішніми причинами, пов'язаними із становленням державності, розвитком духовності, а й зовнішніми, які були викликані тим, що візантійці не бажали, на думку А. Поппе, визнавати Русь частиною ідеальної «ромейської ойкумени»⁴⁸.

Наступні твори давньоруської ідеологічної думки розвивали ідеї Іларіона, які, що дуже важливо, мали тенденцію до тісної ув'язки з практикою духовного життя Русі. Тому виявити в них систему сприйняття «ромейських» уявлень на Русі стає більш складним. Так, в процесі канонізації князів-братів Бориса та Гліба спостерігається прагнення її організаторів до подальшого освячення влади давньоруських князів, підкреслення їх зв'язку з церквою. В одному з перших сказань, що було присвячено святим князям, пишеться: «По истине

вы цесаря цесарем и князя князем, ибо всю пособием и защищеньем князи наши противу вѣстающая дѣржавно побеждаютъ, и вси помощью хвалются»⁴⁹.

В «Пам'яті та похвалі князя Володимира», яка була створена з метою канонізації Володимира Святославича, давньоруський володар порівнюється з візантійським «ідеальним» володарем – Константином Великим і вперше називається **«апостолом в князях»**, а його бабуса порівнюється з матір'ю імператора Оленою⁵⁰.

Під сильним візантійським впливом було написано «Повчання синам» Володимира Мономаха, де автор висловлює своє ставлення до виключної ролі у суспільстві християнського володаря. Вже у першому рядку свого твору князь Володимир підкреслює своє особливе походження, відзначає, що його мати була з візантійського роду Мономахів (**«матерью своею Мономаху»**)⁵¹.

В майбутньому в давньоруському ідеологічному житті персона Володимира Всеволодовича Мономаха стане поряд з персоною його прашура і тезки Володимира Святославича ідеальним образом володаря в офіційних ідейно-політичних уявленнях. Таким Володимир Мономах, зокрема, представ в преамбулі до Галицько-Волинського літопису, що була присвячена прославленню його правнука галицько-волинського князя Романа Мстиславича, в панегіричному описі діянь сина останнього в статті того ж літопису, в якій розповідається про битву на Калці (травень 1223 р.). Там підкреслюється походження Данила Романовича **«от племени Володимеря, прироком Мономаху»**⁵².

У XIII ст. в Південно-Західній Русі склалася парадигма ще одного давньоруського князя – Романа Мстиславича. Яскравим проявом виникнення та існування такої парадигми є текст преамбули до Галицько-Волинського літопису, яку, не зважаючи на її невеликі розміри, є всі підстави розглядати як окрему пам'ятку давньоруської літератури. В ній прославляється державна діяльність Романа, який порівнюється, особливо за вдалу боротьбу з половцями, з Володимиром «Мономахом»: **«Одoleвша всим погнаньским языком чма мудростью, ходяша по заповедемъ Божиим: устремил бо ся на поганяя яко лев, сердит же бысть, яко и рысь, и гвѣяша и коркодил; и прехожаше землю их, яко и орел, храбор бо бе, яко и тѹр. Ревноваше бо дедѹ своему Мономаху, погубившему поганяя Измалтяны, рекомыя Половци...»**⁵³.

Створення парадигми нового ідеального володаря є свідченням розвитку за нових умов державної еволюції Русі ідейно-політичної думки східних слов'ян. Важливо нагадати, що князь Роман Мстиславич – політичний діяч і полководець – в ті ж самі часи яскраво представлено і на сторінках «Слова о полку Ігоревім», де також відзначається його успішна боротьба проти сусідів – литовців, ятвягів та половців⁵⁴.

Складанню преамбули до Галицько-Волинського літопису сприяли важливі події в історії Південно-Західної Русі XIII ст., а саме тривала, широкомасштабна діяльність князів Данила та Василька по поверненню батьківської спадщини, відновленню держави Романа Мстиславича. За таких умов треба було ідеологічно і політико-юридично довести історичну правочинність претензій Романовичів на роль політичних лідерів у Південній Русі. Галицько-Волинський літопис,

який створювався з метою прославлення Данила, Василька та їх родини, постійно підкреслює цей зв'язок.

Порівняння статей Галицько-Волинського князя, де згадується князь Роман Мстиславич⁵⁵, дає всі підстави стверджувати, що парадигма князя Романа Мстиславича створилася протягом першої половини XIII ст. в ідеології Південно-Західної Русі⁵⁶. На відміну від Володимира Святого та Володимира Мономаха постать князя Романа мала набагато більш «приземлене» значення в контексті ідейно-політичного розвитку Південно-Західної Русі майже всього XIII ст. Залишившись напівсиротами його сини Данило та Василько, спираючись на допомогу соратників загиблого князя, використовуючи практичний досвід батька, майже все життя присвятили реалізації його політичної програми⁵⁷. При певній специфіці політичного розвитку різних князівств Русі всі вони перебували в єдиній системі релігійно-ідеологічного життя країни. Означене повністю стосується Волинської і Галицької земель. Належність до православного ідеологічного середовища створювало необхідні ідеологічні аргументи в боротьбі проти зазіхань західних сусідів (поляків та угорців), проти нападів кочівників. Водночас перебування в цьому ж полі давало можливість верхівці краю висловлювати свої претензії щодо розвитку ситуації в інших землях Русі. Зокрема, прикладом цього можна розглядати претензії князя Данила Романовича на політичну спадщину Русі в післямонгольський час. Невипадково, що це проявилось під час коронації Данила, коли під час церемонії набуття нового титулу його оголосили не королем Волині і Галичини, а королем Русі. Зокрема, в польському «Рочнику Красинських» записано: «В рік Божий 1253 Данило князь Русі королем коронувався»⁵⁸. В 1254 р. у договорі між віце-магістром Тевтонського ордену Бурхардом фон Хорнхаузенем галицько-волинським володарем Данилом та мазовецьким князем Земовітом Данила Романовича названо «королем рутинів», тобто королем Русі⁵⁹.

Вінцем розвитку політичної думки Русі, де спостерігається ставлення давньоруських книжників до «Ромейської імперії» та ромейських теорій, була «Повість временних літ». Необхідно зразу ж зазначити: в цьому творі візантійці ніде не називаються «ромеями», а лише тільки греками. Відзначимо, що така тенденція характерна і для пам'яток інших країн, які вели ідеологічну полеміку з візантійськими мислителями.

В літературі вже неодноразово відзначалася певна антивізантійська спрямованість «норманської теорії» давньоруського літопису⁶⁰. Важливе місце в цьому творі займала лінія підкреслювання виключного походження представників князівської влади Русі у порівнянні з іншими верствами населення. Це відповідало реаліям життя країни, де князівська еліта була замкнутою верствою населення. Нагадаємо, що історія Русі знає лише один факт узурпації князівської влади представником не князівського походження – могутнім галицьким боярином Володиславом Кормильичем, «князювання» якого тривало зовсім недовго⁶¹.

За правління Володимира Мономаха редактором «Повісті временних літ» в її текст була внесена легенда про прихід на Русь під час подорожі по Східній Європі апостола Андрія. Цей факт слід розглядати в контексті боротьби, яку вели два релігійних центри, дві християнські столиці – Рим та Констан-

тинополь — з метою утвердження власної апостоличності (свого походження від апостолів)⁶². Відомо, що, згідно християнської традиції, першим єпископом Риму був апостол Петро. Пізніше константинопольськими книжниками була підготовлена легенда про витoki столиці Візантії від апостола Андрія. Поява інтересу на Русі до постаті апостола Андрія слід віднести ще до кінця 80-х років XI ст., коли батьком Володимира Мономаха Всеволодом були побудовані Андріївські церкви в Києві (1086 р.) та Переяславлі (1089 р.). Головна ідея розповіді про подорож апостола Андрія в землі слов'ян Східної Європи — це розвиток думки митрополита Іларіона про незалежне від Візантійської імперії походження християнства на Русі.

Ідеологічне змагання відбилосся і в сюжеті літопису про походження слов'ян, в думці літописця про зв'язок прабатьківщини русів з давньою Римською імперією («волохами»)⁶³. Зокрема, у літописі підкреслюється зв'язок слов'ян з римською провінцією Норик — «нарци, еже суть словене»⁶⁴. В іншому місці, де йде мова про апостольську діяльність Павла і римській провінції Іллірії, підкреслюється: «...ту бо есть Илюрик, его же доходил апостол Павел; ту бо беша словене первое. Там же и словенску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо русь»⁶⁵. Значне місце у вступі до літопису займає розповідь про діяльність слов'янських просвітителів Кирила-Костянтина і Мефодія, вчення яких відіграло провідну роль в становленні ідеології сусідніх з Візантією слов'янських православних країн.

Сприйняття та реакція на візантійські ідеологічні канони спостерігаються і безпосередньо в статтях «Повісті временних літ». Так, уславлення столиці Русі, яке ми бачили в творчості Іларіона, знайшло продовження у фразі про зайняття Києва князем Олегом: **«Се буди мати градом руським»**⁶⁶. Як відзначали ще дослідники XIX ст., поняття **«мати градом»** є калькою з грецького «метрополіс» — столиця. З візантійським «ромейським» впливом слід зв'язувати давньоруський переклад назви Константинополя — **«Царград»**. Перетворення імені Константинополя в номінальне поняття викликано тим, що під впливом виникнення культу князя-християнина на Русі ім'я «Константина» (Костянтина) в певних текстах стає рівнозначним поняттю «цар». На відміну від «Повісті временних літ», де безпосередньо назва «Константинополь» трапляється один раз, в інших давньоруських джерелах, на що звернув увагу А. С. Львов, воно зустрічається набагато частіше⁶⁷.

В щорічних статтях літопису спостерігається тенденція до розвитку образу князя-християнина. Так, в розповіді про княгиню Ольгу літописець особливо звертає увагу на державну мудрість давньоруської княгині (в цьому плані ця характеристика відрізняється від опису Олега, Ігоря та Святослава). З метою уславлення князя-християнина (в цьому випадку княгиню) в твір вводиться легендарна розповідь про намір імператора Константина одружитися з Ольгою і тут знову проводиться паралель між київською княгинею та матір'ю Константина великого Оленою: **«Бе же речено имя ей во крещении Олена, яко же и древняя царица, мати великого Костянтина»**⁶⁸.

Розповідаючи про князя Володимира Святославича, літописець свідомо протиставляє період життя князя-язичника та період життя князя-християнина.

Вельми важлива є оцінка Володимира Святославича, яка дається в посмертній статті під 1015 р.: **«Се єсть новый Костянтин великого Рима»**⁶⁹. Однозначно, що тут Володимир представляється як ідеальний християнський володар, а під **«великим Римом»**, безумовно, слід бачити все християнське співтовариство, весь християнський світ. Нагадаємо, що вже в VII ст. формула **«новый Костянтин»** використовувалася як частина титулу візантійського імператора Іраклія⁷⁰.

Отже, необхідно відзначити, що на Русі, починаючи з IX ст., поступово починається процес сприйняття комплексу візантійських ідейно-політичних уявлень. Останні використовувались східнослов'янськими книжниками для створення власних ідеологічних парадигм. Відзначаючи візантійські корені і у значній мірі зміст цих ідей, необхідно зазначити, що вони на Русі, в основному, були спрямовані для піднесення авторитету власної держави та її володаря, а тому значною мірою були спрямовані проти візантійського ідеологічного гегемонізму. Образ самих греків, яких, як ми вже відзначали, ніде не називають «ромеями», на літописних сторінках представлено в вельми негативному плані. Тут достатньо згадати фразу літописця, що **«суть бо греки лстивн и до сего дни»**⁷¹.

Цілком можливо, що таке ставлення літописця початку XII ст. до Візантії та її мешканців було в чомусь спровоковано давньорусько-візантійським конфліктом 1116–1122 рр. А. А. Горський, зокрема, відзначає, що наведена в «Повісті временних літ» ідея про дунайську прабатьківщину слов'ян обґрунтовувала справедливість боротьби Русі за зміцнення своїх позицій на Дунаї і підкреслювала незаконність підкорення цих земель Візантією⁷². На нашу думку, ця ж інформація дуже гармонійно пов'язується із згаданим свідченням Лева Диякона про претензії Святослава до Візантії в 70-х роках X ст. Доля дунайських болгар, підкорених візантійцями, турбувала і автора «Слова про осліплення Василька», яке було написане в той же час⁷³.

Розгляд теми «Ромейська імперія» в уявленнях давньоруських мислителів дає відповідь або, щонайменше, дозволяє підійти до відповіді на запитання, яке вже давно поставлене істориками: як Русь відносилась до Візантійської імперії? На наш погляд, давньоруські книжники з великим пієтетом ставились до «ідеальної християнської імперії» та «ідеального імператора», проте це ставлення не розповсюджувалося на конкретних візантійських володарів, їх підданих та державу. Тому, як нам здається, спрощеним є висновок Д. Оболенського про те, що «руські володарі... визнавали, хоч би мовчки, статус імператора (мається на увазі статус реального візантійського василевса – О. Г.) як глави християнського світу»⁷⁴. Більш виваженою є думка Ф. Дворніка, який писав, що «київські князі ніколи не були васалами імператора. Вони визнавали його лише як вищий авторитет на землі, якому кожний християнин мав підкорятися в християнській співдружності»⁷⁵.

- ¹ *Obolensky D.* Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500–1453. – London, 1974. – P. 466–476.
- ² *Dölger F.* Byzanz und die europäische Staatenwelt. – Ettal, 1953. – S. 99–101; *Ostrogorsky G.* The Byzantine Emperor and the Hierarchical World Order // *The Slavonic and East European Review*. – 1956. – Vol. 35. – № 84. – P. 1–17; *Беркут Л.* Про ідеологію в німецьких цезаристів середніх віків // *Записки історико-філологічного відділу Української Академії наук*. – К., 1927. – С. 116–131; *Медведев И. П.* Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и сопредельных государств) // *Проблемы истории международных отношений*. – Л., 1972. – С. 412–424; *Культура Византии. IV– первая половина VII вв.* – М., 1984. – С. 98–118 (автор – Г. Л. Курбатов); *Культура Византии. Вторая половина VII – XII в.* – М., 1989. – С. 59–88 (автор – Г. Г. Літаврін); *Удальцова З. В., Котельникова Л. А.* Власть и авторитет в средние века // *ВВ*. – 1986. – Т. 47. – С. 3–16; та ін.
- ³ *Литаврин Г. Г.* Византийцы и славяне – взаимные представления // *The 17-th International Byzantine Congress. Major Papers*. – Washington, 1986. – S. 369–382; *Його ж.* Представления «варваров» о Византии и византийцах VI–X вв. // *ВВ*. – 1986. – Т. 46. – С. 100–108.
- ⁴ *Adami Gesta*. – L.II,19. Хроніку Адама Бременського ми наводимо за вид: *Adami Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*, ed. G. Lappenberg // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum* (далі – *MGH SS*) / Ed. G. H. Pertz. – Т. 7. – Hannoverae, 1844. – P. 267–389, з позначенням номеру книги і параграфу.
- ⁵ *Васильевский В. Г.* Житие Стефана Сурожского // *Труды*. – Т. 3. – Петроград, 1915. – С. 95–96.
- ⁶ *Васильевский В.* Русско-византийские исследования // *Летопись занятий археографической комиссии*. – Санкт-Петербург, 1893. – С. 68.
- ⁷ *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. – М., 1987. – С. 137–138; *Боровський Я. Є.* Світогляд давніх киян. – К., 1992. – С. 8.
- ⁸ *Моця А. П.* Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. – К., 1987. – С. 49; *Головко А. Б.* Социально-политические предпосылки христианизации Руси // *Вопросы истории СССР*. – Вып. 33. – Харьков, 1988. – С. 127–129.
- ⁹ *Annales Bertiniani* // *MGH SS* / Ed. G. H. Pertz. – Т. 1. – Hannoverae, 1826. – P. 434; *Ловмянський Х.* Русь и варяги. – Москва, 1985. – С. 175–177; *Шаскольский И. П.* Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки // *Летописи и хроники за 1980 г.* В. Н. Татищев и изучение русского летописания. – М., 1981. – С. 43–51.
- ¹⁰ *Ширинский С. С.* Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // *Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма*. – М., 1970. – С. 207.
- ¹¹ *Курбатов Г. Л.* Византия и Русь в IX–X вв. (некоторые аспекты социально-экономических отношений) // *Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности*. – Вып. 1. – Л., 1988. – С. 223–226.
- ¹² *Ловягин Е.* Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь // *Христианское чтение*. – Ч. 2. – Санкт-Петербург, 1882. – С. 432.
- ¹³ *Сахаров А. Н.* Дипломатия древней Руси. – М., 1980. – С. 67–69.
- ¹⁴ *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956. – С. 77–78.
- ¹⁵ *Тьпкова-Заимова В.* Българо-византийските отношения и концепция за «втория» и «третия» Рим // *Исследования в чест на академик Николай Тодоров*. – София, 1983. – С. 28.
- ¹⁶ Автор цієї роботи поділяє думку Г. Г. Літаврїна про можливість двох подорожей руської княгині до Царгороду (946 та 955 рр.). Див.: *Литаврин Г. Г.* Русско-византийские связи в середине X века // *ВИ*. – 1986. – № 4. – С. 41–52; пор.: *Головко О. Б.* Проблеми взаємовідносин Київської Русі з Візантією у IX – першій половині XI ст. // *УІЖ*. – 1989. – № 1. – С. 68–69.
- ¹⁷ *ПВЛ*. – Ч. 1. – М.; Л., 1950. – С. 44–46.
- ¹⁸ *Головко О. Б.* Проблеми взаємовідносин Київської Русі з Візантією у IX – першій половині XI ст. – С. 68–69.
- ¹⁹ *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко. – М., 1988. – С. 56–57; пор.: *Литаврин Г. Г.* Представления «варваров» о Византии и византийцах VI–X вв. – С. 107; *Головко А. Б.* Древняя Русь

в историко-культурном развитии славянских народов // Культурные и общественные связи Украины со странами Европы. – К., 1990. – С. 22–24.

²⁰ ПВЛ. – Ч. 1. – С. 23.

²¹ *Banaszewicz J.* Jedność porządku przestrzennego: społecznego i tradycji początków ludu: Uwagi o urządzeniu wspólnoty plemiennopanstwowej u Słowian // *Przegląd historyczny.* – 1986. – Z. 3. – S. 448–449.

²² *Бахрушин С. В.* Держава Рюриковичей // ВДИ. – 1938. – № 2. – С. 92–95; *Юшков С. В.* Очерки по истории феодальной Руси. – М.; Л., 1939. – С. 31.

²³ ПВЛ. – Ч. 1. – С. 23–24.

²⁴ *Карышковский П. О.* Русско-болгарские отношения во время Балканских походов Святослава // ВИ. – 1951. – № 8. – С. 104–105.

²⁵ История на България. – Т. 2. Първа Българска държава. – София, 1981. – С. 249 (автор – Д. Ангелов).

²⁶ *Коларов Х.* Титулатура и полномочия владетельской власти в средневековой Болгарии // *Etudes balkaniques.* – 1978. – № 3. – С. 90–91.

²⁷ *Литаверин Г. Г., Янин В. Л.* Некоторые проблемы русско-византийских отношений IX–XV вв. // История СССР. – 1970. – № 4. – С. 45.

²⁸ ПВЛ. – Ч. 1. – С. 83, 85.

²⁹ *Литаверин Г. Г.* Византийцы и славяне – взаимные представления. – С. 378.

³⁰ *Wasilewski T.* Kościół monarszy X–XII w. i jego zwierzchnik biskup polski // *Kwartalnik historyczny.* – 1986. – № 4. – С. 747.

³¹ *Кузьмин А. Г.* Принятие христианства на Руси // Вопросы научного атеизма. – Вып. 25. – М., 1980. – С. 7–35; *Його ж.* Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси. – М., 1987. – С. 21–54.

³² *Щапов Я. Н., Соколова Е. И.* К истории городских институтов Древней Руси (игумены и архимандриты в городе) // Труды V Международного конгресса археологов славистов. – Т. 2. – К., 1988. – С. 174–175.

³³ *Щапов Я. Н.* Политические концепции о месте страны в мире в общественной жизни Руси XI–XVII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 г. – М., 1987. – С. 159–166.

³⁴ *Раннопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. – Л., 1972. – С. 21; *Толочко А. П.* «Порты блаженных первых князей»: К вопросу о византийских политических теориях на Руси? // Южная Русь и Византия. – К., 1991. – С. 34–42.

³⁵ *Łowmiański H.* Religia Słowian i jej upadek. – Warszawa, 1979. – S. 251–253.

³⁶ *Łowmiański H.* Religia Słowian i jej upadek. – Warszawa, 1979. – S. 251–253.

³⁷ *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. – Л., 1983. – С. 8, 60, 79.

³⁸ Див., например: Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л. П. Жуковской. – М., 1983. – С. 34, 53, 257, пор. 77, 100, 164 та ін. Пор. *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». – С. 193–207.

³⁹ Рыздзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XI вв. – М., 1978. – С. 29–88; Древнерусские города в древнескандинавской письменности. – М., 1987. – С. 44–84.

⁴⁰ *Кузьмин А. Г.* Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI века // ВИ. – 1971. – № 10. – С. 73.

⁴¹ *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской: По материалам граффити XI–XVII вв. – К., 1976. – С. 215.

⁴² *Высоцкий С. А.* Киевские граффити и «Слово о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. – Москва, 1985. – С. 206–207.

⁴³ Культура Византии. IV– первая половина VII вв. – М., 1984. – С. 113–114 (автор – Г. Л. Курбатов).

⁴⁴ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – С. 55, 57.

⁴⁵ *Молдаван А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. – К., 1984. – С. 298; *Горский В. С.* Образ истории в памятниках общественной мысли Киевской Руси (На основе анализа «Слова о законе и благодати» Илариона и «Слова о полку Игореве») // Историко-философский сборник за 1987 г. – М., 1987. – С. 129.

⁴⁶ *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое наследие. – М., Л., 1947. – С. 57.

⁴⁷ *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль древней Руси. – М., 1960. – С. 71–72.

- ⁴⁸ *Poppe A.* The political background to the baptism of Ruś: Byzantine-Russian relations between 986–989 // *Dumbarton Oaks papers.* – Vol. 30. – Washington, 1976. – P. 244.
- ⁴⁹ Слово о Борисе и Глебе // Памятники литературы Древней Руси XI – начала XII века. – М., 1984. – С. 91–100.
- ⁵⁰ *Зимин А. А.* Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения. – Вып. 37. – М., 1963. – С. 73–75.
- ⁵¹ ПВЛ. – Ч. 1. – С. 153–154.
- ⁵² Полное собрание русских летописей. – Т. 2. Ипатьевская летопись. – М., 1908. – Стб. 716, 744; про це див. докладно: *Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. – К., 2001. – С. 206–213.
- ⁵³ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 715–716.
- ⁵⁴ Слово о полку Игореве. – М., 1985. – С. 42.
- ⁵⁵ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 715–715, 720, 726, 744, 813, 835–836, 862, 869, 895, 903, 920, 932, 935, 937.
- ⁵⁶ Там же. – Стб. 715.
- ⁵⁷ Див.: *Головко А. Б.* Объединительные процессы на Руси в первой половине XIII в. (на примере Волыни и Галичины) // Вопросы истории СССР. – Харьков, 1983. – Вып. 28. – С. 111–116.
- ⁵⁸ *Rocznik Krasinskih* // *Monumenta Poloniae Historica.* – Т. 3. – Leopoli, 1878. – P. 132.
- ⁵⁹ *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270. Тексты, перевод, комментарии. – М., 2002. – С. 364–368.
- ⁶⁰ *Королюк В. Д.* Славяне и восточные романсы в эпоху средневековья. – М., 1985. – С. 217.
- ⁶¹ ПСРЛ. – Т. 2. – Стб. 729–731.
- ⁶² *Ahrweiler H.* L'ideologie politique de l'Empire byzantin. – Paris, 1975. – P. 46–50.
- ⁶³ ПВЛ. – Ч. 1. – С. 10, 21.
- ⁶⁴ Там же. – С. 11.
- ⁶⁵ Там же. – С. 23.
- ⁶⁶ Там же. – С. 20.
- ⁶⁷ *Львов А. С.* Лексика Повести временных лет. – М., 1975. – С. 193–197.
- ⁶⁸ ПВЛ. – Ч. 1. – С. 44.
- ⁶⁹ Там же. – С. 90.
- ⁷⁰ Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. – С. 60 (автор – Г. Г. Літаврін).
- ⁷¹ ПВЛ. – Ч. 1. – С. 50.
- ⁷² *Горский А. А.* Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание // ИЗ. – 1987. – Т. 115. – С. 325; ср.: *Королюк В. Д.* Славяне и восточные романсы в эпоху раннего средневековья. – С. 217.
- ⁷³ ПВЛ. – Ч. 1. – С. 176.
- ⁷⁴ *Obolensky D.* The Relations between Byzantium and Russia. – P. 8.
- ⁷⁵ *Dvornik F.* Byzantine political ideas in Kievan Russia. – Washington, 1956. – P. 95–96.

Д. С. Гордієнко

ПОХІД РОСІВ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ 860 РОКУ В ІСТОРІОГРАФІЇ ТА КУЛЬТУРІ РУСІ

Похід росів на Константинополь 860 р. як перший масштабний напад до того невідомого (чи маловідомого) народу займає особливе місце в історіографії. Пильна увага дослідників з цього питання зумовлюється не лише значенням й інтересом самої події, що як на IX ст. досить добре відображена в джерелах, а й традицією пов'язувати з цією подією ключовий момент початкової історії Русі. Проте, як відмічав М. Грушевський, «Історія початків Київської держави належить до найтяжших питань всесвітньої історії, не так через брак відомостей, як завдяки своїй традиції, з котрою й досі наука не може собі дати ради. Розумію тут нашу київську літопись з її оповіданням про початки Київської держави»¹. І попри те, що схема утворення Київської держави вже частково переглянута в історіографії², традиції починати історію Руської (власне Київської) держави з походу 860 р. росів на Константинополь, а отже й Аскольдового київського князювання, включаючи так зване «Аскольдове хрещення» Русі залишаються непорушними³. Некритичний підхід іноді давав привід обґрунтовувати навіть не один, а кілька походів Аскольда на Царгород⁴, хоча на підставі лише сумнівних найдавніших частин руських літописів немає підстав говорити про другий чи третій похід росів на Візантію в 60–70-ті рр. IX ст.⁵. Здавалося б, після корпусної публікації П. Кузенковим джерел до нападу росів на Константинополь 860 р. та пов'язаних з ним подій, паранаукових статей мало б поменшати, однак і далі в історичній науці продовжують розвиватися позаджерельні публікації з цього питання. Літописна традиція виявилася настільки сильною, що і 860 р. залишається непохитним. Історики доходять до твердження про міжнародне визнання держави Аскольда, припускаючи навіть укладення першого в історії Русі міжнародного договору⁶. Найпослідовніше цю думку в сучасній науці відстоює російський історик А. Сахаров. Вчений стверджує укладення першого «стереотипного» міжнародного договору імперії з Руссю⁷, за яким нібито не просто припинявся стан війни і укладалась мирна угода, а навіть «Візантія сплачувала Русі данину і зобов'язалась віднині виплачувати певну щорічну суму за дотримання з боку Русі миру». Більш того, «Русь і Візантію за цим договором пов'язали стабільні торгово-економічні відносини; руським купцям був відкритий (можливо, пільговий) доступ на ринки імперії»⁸. В розвиток цієї думки, А. Сахаров навіть припускає наявність попереднього антивізантійського договору між русами і арабами⁹. Відтак, до-

слідник змушений проголосити і «наявність досить сильної і добре організованої державної влади» на Русі, територія якої охоплювала дніпро-донецький регіон, «достатній для того часу цивілізаційний рівень Русі», а також високий «господарсько-економічний розвиток» і це при тому, що похід немає «жодного відношення до скандинавів»¹⁰.

Дещо спробував відійти від цієї традиції М. Котляр, на думку якого, «у вітчизняній та й у світовій науці роком створення давньоруської державності вважається 882-й», хоча конкретних праць чи імен вчених світової чи вітчизняної науки не наводить, як і не пояснює, що таке «сучасна наука». Натомість дослідник притягує сюди легенду про Кия, Щека й Хорива¹¹. Проте, стверджуючи тезу про початок Русі у 882-му році, М. Котляр не є послідовним. Тяжіння історіографічної традиції змушує його повертатися до літописного Аскольдового князіння і, слідом за А. Сахаровим, трактувати уявний русько-візантійський договір 860 р. як «перший» в історії Русі, і навіть припускати, «що ця угода відновлювала порушену війною давню русько-візантійську торгівлю й регламентувала її»¹². Дослідник іде далі і на основі одного апріорного припущення робить друге, доповнюючи «статті Сахарова» тим, що угода забезпечувала пільги не лише руським купцям на ринках Константинополя, а й грецьким – у Русі¹³. Таким чином, це була б єдина угода, де мовиться про пільги грецьких купців «у Русі», чого немає в жодному відомому русько-візантійському договорі. Більш того, вже посольство росів у Константинополь, відображене у «Бертинських анналах», на думку М. Котляра, свідчить, що стосунки між Київським князівством і імперією були дружніми¹⁴, з чого можна висувати, що держава росів на той час існувала і перебувала у зовнішньополітичних зв'язках з імперією. За М. Котляром, така перша мирна угода з Візантією була укладена після першого виступу «Русі на міжнародній сцені», яким «можна вважати напад руської рати на місто Сурож у Криму»¹⁵. Таким чином, квазінауковість подібних історичних побудов дослідників є очевидною.

Основними джерелами про напад росів на Константинополь є дві гомілії й окружне послання східним патріархам Фотія¹⁶, а також текст «Брюссельської хроніки»¹⁷. Загалом же похід досить широко відображений у джерелах¹⁸.

На підставі зіставлення інформації всієї сукупності джерел П. Кузенков досить чітко реконструював сам хід подій нападу росів на Константинополь й їхнє подальше хрещення¹⁹. Так, 18 червня 860 р. до Константинополя підійшов ворожий флот, що прибув з півночі. Його напад був зовсім несподіваним, а народ виявився «скитським». Ворог оточив Константинополь, пограбував пригороди, взяв у полон й убив багато жителів, діючи з надзвичайною жорстокістю. Після повернення імператора Михаїла III у Константинополь, молитви у Влахернському храмі в море занурили покров (мафорій) Богородиці, після чого здійнявся шторм, що знищив флот росів. Незабаром після цього в столицю імперії прибули послы народу «Рѡс», які уклали мир з Візантією й попросили про хрещення. Фотій відправив росам священника, що в 866/67 р. повідомив патріарху про успіх своєї місії. Пізніше, за Василя I, уже патріарх Ігнатій (867–877) немовби направив росам архієпископа, і після відомого чуда з Євангелієм роси знову погодилися на хрещення.

Таким чином, за джерелами, не було жодної битви з росами. Самі візантійці пов'язували порятунок Константинополя зі втручанням Діви Марії, однак інформація про чудо із зануренням риз є тільки в джерелах групи хроніки Симеона Логотета²⁰, інші візантійські джерела не знають чуда із зануренням ризи Богородиці в море. Можливо, що ніякого шторму й не було. За Фотієм, «неочікуваним виявилось нашествя ворогів – нежданим був і відхід їх»²¹. Безумовно, похід був масштабним, якщо на честь звільнення Константинополя від облоги патріарх Фотій склав вдячний Акафіст Богородиці²², а Григорій Нікомедійський за вказівкою патріарха створив «Слово на положення риз Богородиці у Влахернах»²³. Однак джерельної інформації явно недостатньо, щоб вивести «масштабну історичну подію, пов'язану з появою Русі на європейській арені як самостійної суверенної держави»²⁴, як то апіорно проголошує А. Сахаров, при цьому констатуючи узгодженість всього корпусу джерел. Проте появу походу в літописі дослідник пояснює суто суб'єктивними чинниками, а саме тим враженням, яке зробив масштабний і сміливий похід росів на Константинополь на літописця, «що він вирішив за потрібне саме з цього часу почати відлік руської історії»²⁵.

Відповідно, так само як і традиція утворення Руської державності, набула поширення концепція так званого «Аскольдового хрещення». Ця ідея навіть стала темою низки конференцій, проведених на відзначення 1150-річчя «утворення Київської митрополії»²⁶. Інколи навіть сам похід росів 860 р. на Константинополь розглядається як «своєрідне спонукання» Візантії до місіонерської діяльності серед росів²⁷. Відповідно до «державників», «християнізатори» з лаконічного повідомлення про відправку архієрея до росів (а не на Русь) роблять висновок про заснування митрополії, з першим митрополитом Олексієм і відповідною церковною ієрархією²⁸. Найбільш цілісно ця концепція розроблена в працях М. Брайчевського, на думку якого саме тоді й відбулося офіційне – державне хрещення Русі, що, однак, під впливом Володимирового і його легенди було штучно вилучене з давньоруських джерел²⁹. Цією ж причиною вчений пояснює й відсутність у грецьких джерелах звісток про християнізацію Русі при Володимирі, що в «очах Ойкумени» залишалася «християнською країною»³⁰. Вчений відзначив і те, що Русь не значиться в проповідницькій діяльності Кирила й Методія³¹ (однак С. Цветков припускає, що посольство росів у Константинополь після походу 860 р. із проханням про хрещення було ініційовано саме св. Кирилом³²), відсутні і якісь акції того часу константинопольського патріархату щодо навернення Русі. Однак у цьому випадку таке ігнорування з боку візантійської церкви й слов'янських просвітителів Русі, на думку М. Брайчевського, узгоджується тим, «що на початку 60-х років IX ст. Русь уже була християнською: там існувала єпархія й проповідь нової віри була безпосереднім заняттям молодой Руської церкви»³³. На думку ж А. Сахарова, це було вже друге навернення Русі «після хрещення руського вождя під час захоплення Сурожа» і лише відрізнялося від нього більшим масштабом³⁴. Таким же чином в очах дослідника поразка трансформувалась у перемогу: «поганська Русь завдяки своїй перемозі долучалась до тодішнього цивілізованого християнського світу»³⁵.

Однак мовчання візантійських джерел насамперед пояснюється відсутністю у Візантії будь-якого інтересу до Київської держави. Русь не входила в орбіту Рах Романит, вона й далі залишалася гіперборейською країною. Зовсім інша ситуація була із сусідньою Болгарією, до християнізації якої, а згодом і до втручання в сфері свого церковного впливу імперія прикладала значні зусилля. Болгарія була не тільки по-сусідству, насамперед вона сприймалася як споконвічна візантійська територія й мала бути повернута імперії³⁶.

Про хрещення росів повідомляється в окружному посланні Фотія, тексті Продовжувача Теофана, Життеписі Василя I Македонянина, а також є звістки в Скіліці й Зонарі³⁷. Останні, ймовірно, брали свою інформацію з Життепису Василя Македонянина.

Звертаюся до джерел, насамперед потрібно відзначити, що вони не дають імені провідника росів. У Життеписі Василя I він названий просто архонтом цього племені³⁸. Хоча це не заважає, наприклад М. Котляру, стверджувати, що напад на Константинополь тоді здійснила саме «руська ескадра під проводом Аскольда»³⁹. Не дають джерела й ніякої локалізації самого племені. Тому вже в дореволюційній науці засумнівалися в хрещенні Фотієм придніпровських росів. На думку вчених, тоді хрестилася Причорноморська або Приазовська Русь⁴⁰. Однак радянська наука наполягала на хрещенні Русі із центром у Києві, хоча й визнавала, що тоді хрестилася тільки правляча верхівка руського суспільства⁴¹. В сучасній науці таку точку зору цілковито підтримують А. Сахаров⁴², П. Толочко⁴³ та низка інших дослідників⁴⁴. Такий підхід можна пояснити саме бажанням будь-що-будь зберегти концепцію існування єдиної руської держави із центром у Києві вже в другій половині IX в. й, у той же час, погодити поганський характер цього політичного утворення з актом навернення Фотієм росів у християнство. Однак, говорити про руську митрополію чи архієпископство, як то роблять дослідники, не доводиться⁴⁵. Адже, архієпископський ранг священника посланого до росів названий тільки в Життеписі Василя I, та й то лише на початку, далі вживається термін «архієрей»⁴⁶ і саме цей термін уживають всі інші джерела.

Неможливо погодитися й із хрещенням легендарного Аскольда, ймовірно одного з варязьких конунгів. Як відзначав М. Грушевський, той факт, що на могилі Аскольда згодом була споруджена церква «веде нас до епізоду про хрещення частини Русі після того походу, за умови ... що Аскольд був тим князем, що ходив 860 р. на Візантію й потім при згоді Візантії прийняла християнство»⁴⁷. Але навіть якщо це й так, необхідно враховувати, що сприйняття Фотієм і неофітами-варварами акту хрещення було різним. Варвари переслідували власні цілі, зазвичай пов'язані з одержанням матеріальних (і не тільки) благ від своєї хресної матері Візантії. Маючи хоч якийсь досвід спілкування з імперією, роси повинні були усвідомлювати, що християнство сприяє також одержанню зовнішньополітичних і зовнішньоекономічних вигід. У той же час неофіти з варварів не вважали обов'язковим для себе й повне зречення від колишньої релігії. Для них християнський Бог був скоріше одним з їхніх богів, ніж єдиним Богом християн. Отже, перші хрещення, у тому числі росів при Фотієві й (або) Ігнатієві були суто формальними⁴⁸. Відтак твердити про якесь хрещення Русі

при Аскольдї не доводиться, скоріше можна говорити про Фотієве хрещення не Русі, а тільки однієї з безлічі груп росів⁴⁹.

Таким чином з поодиноких повідомлень джерел про напад росів на Константинополь 860 р. в історіографії розвинуті концепції про міжнародне визнання Русі з реконструкцією соціальної структури самої держави і «статей» договору та теза про ледь не державне хрещення Русі за Аскольда з відповідною «побудовою» руської митрополії з усією ієрархічною системою. Однак, на основі джерел можна стверджувати лише те, що відбувся сам похід народу «Рѡс» на Константинополь після поразки якого, на його ж прохання патріархом Фотієм був направлений священник, який згодом повідомив патріарха про успіх своєї місії. Проте, залишаються на рівні гіпотез такі питання як: хто власне такі ці роси, який характер хрещення і яка частина хрестилась, яка соціальна організація цього народу, де він розташований і як, власне, звали його архонта, що повів досить численне військо на столицю імперії? І лише на останнє питання можна дати більш-менш сприйнятливую відповідь. Найімовірніше, що ім'я Аскольда як провідника походу, узятого із хроніки Георгія Амартола, літописець взяв з місцевої мікротопоніміки – відома в Києві Аскольдова могила, що й було спробою її пояснити⁵⁰. Прикметно, що в Новгородському першому літописі Аскольд і Дир взагалі не ходять на Царгород⁵¹, а «першопрохідником» по шляху на Константинополь виступають Олег та Ігор.

Проте, якщо з походу 860 р. на Царгород і не можна виводити ані початки Руської держави, ані митрополії, то цей похід став знаковим для автора руського літопису, що вписав його в контекст Русі, тим власне і визначивши його значення для вітчизняної історії.

Як відомо, у Повісті временних літ «історичний час» представлений насамперед дружинною традицією, основною тематикою якої були військові подвиги князів і воїнів, найяскравішим проявом яких були походи на Візантію⁵². Звичайно це успішні походи, навіть Святослав, переможений Йоанном Цимісхієм, в очах літописця постає непереможним полководцем, що перемагає греків і навіть одержує від них данину⁵³.

Але головний зміст походу 860 р. в очах давньоруського книжника полягав в іншому. Чудо біля кварталу Влахернського храму стало знаковим. Розповідь про похід 860 р. літописець почерпнув з болгарського перекладу Хроніки продовжувача Георгія Амартола⁵⁴. Відтак, Нестор знає тільки сам похід: «В лето 6374 иде Аскольдъ и Диръ на грѣкъы и приде в 14 лето Михаила царя. Царю же отошедъшю на Агаряны и дошедъшю ему Чорное рѣкъы вѣсть епархъ посла ему яко русь идетъ на Царьградъ и воротися царь. Си же внутрь Суда вшедъше много оубииство христианомъ створиша и въ двою сту корабли Цареграда оступиша. Царь же одва в городъ вниде и с патриархомъ Фотиємъ к сущии церкви святы Богородици въ Лахернахъ всю ноць молитву створиша. Тако же божественую ризу святыя Богородици с пѣснѣми изнесъше в рѣку омочиша тишинѣ сущи и морю оукротившюся, абѣ буря с вѣтромъ вѣста, и волнами великымъ вѣставшимъ засобъ, и безбожныхъ руси корабля смяте и къ берегу привѣрже и изби я, яко малу ихъ отъ таковыя бѣды избыти, и въ свояси възвратишася»⁵⁵.

З походу Аскольда й Діра на Константинополь починається датована частина Повісті временних літ. Вибір цієї дати не був випадковий. За І. Данилевським, обіцянка літописця із цього часу «покласти числа»⁵⁶, означала встановити рубіж: «установити рубіж по завіту (договору)» й «установити міру (часу) до Суду»⁵⁷. Похід Аскольда й Діра крім абсолютної дати (6360 р.) має й відносну – на 14 літо правління імператора Михаїла⁵⁸, що співзвучно пророцтву Даниїла про Страшний суд⁵⁹ (Дан. 12.1–3). Цей сюжет – останнього царювання Михаїла викладений і в «Одкровенні Методія Патарського» – одному з джерел Повісті временних літ⁶⁰.

Отже, для автора Початкового зводу важливим було вписати початок Русі в есхатологічний контекст⁶¹. Таким чином результатом походу стало включення ще «безбожної» Русі в хід священної – християнської – історії⁶². Похід припав на період правління Михаїла III, за якого було відновлено іконошанування – отже, саме за цього імператора наступило праведне царство. Як відзначав В. Петрухін, «народ рос з'явився під стіни Царгорода, реалізуючи пророцтво Єзекіїля про Гога в країні Магог, князя Рос – таким цей народ з'являється в посланнях патріарха Фотія... Але в літописній традиції цей есхатологічний контекст обернувся **початком** історії нового народу»⁶³. Важливим було й те, що при Михаїлові III почалася й слов'янська місія Кирила й Методія.

На думку І. Данилевського, вже в самому задумі й назві Повісті временних літ прослідковується історія християнського просвітлення Русі⁶⁴: після Потопу Слово Боже було загублено, а за допомогою хрещення й християнізації Русі Його знову знайдено. У той же час цей момент сприймався і як кінець світу, оскільки слово «Євангелія» із цього часу проповідувалося по усьому світу.

Ця ідея перегукується з «Словом про закон і благодать» митрополита Іларіона. «Слово» Іларіона написано на тему Благовіщення й Великодня, на збіг яких – на Кірію-Пасху, як уважалося, й настане кінець світу⁶⁵. Благодать, за Іларіоном, приходить тільки «на кінець вѣка»⁶⁶. Отже саме на етапі благодаті «у контекст всесвітньої історії вписується й руська земля, народ руський»⁶⁷, що, в очах Іларіона, постає як «народъ новый», який претендує на роль суб'єкта заключного етапу людської історії⁶⁸. Християнізація Русі, приєднання її до світла благодаті є останнім етапом історії людства: «вѣра бо блгдѣная по всея земле прострѣся, і до нашего языка русскааго доиде»⁶⁹. Перед Іларіоном стояло завдання осмислити наближення Страшного суду, визначити місце й роль, відведені в людській історії народу руському, землі руській «як богообраному місцю, якому судилося стати центром спасіння людства на Страшному суді»⁷⁰. Тому не випадково «Початковий звід» називався «Временникъ иже нарицается Летописание Руськихъ князь и земли Русьския, и како избѣра Бог страну нашу на последнее время»⁷¹. Кінцевою точкою земної історії для Іларіона є Київ Володимира і Ярослава, що постає центром християнського світу, перейнявши ту функцію від Константинополя⁷². Отже приєднання Русі до благодаті й породжує «радісне відчуття апофеозу віри»⁷³ у творі Іларіона, який радіє, що русичі ставши «новими людьми» одержали шанс на спасіння. Таким чином, як відзначив В. Горський, Іларіон демонструє «погляд на сучасне як здійснену мету людського буття», він стверджував «пафос сучасного як уже досягнутого ідеалу»⁷⁴.

Таким чином, попри те, що Нестор не знає ні про яке хрещення, явище чуда Богородицею для поган-росів було для нього особливо важливим у цьому поході. В очах літописця, з походу 860 р. Русь ставала суб'єктом священної історії. За допомогою покарання поган-росів Богородиця виявила милість до Русі, привівши її згодом до святого хрещення – до спасіння. Звідси й джерела того феномену Києва, що, за зауваженням С. Кримського, явив собою безпрецедентну по духовній інтенсивності осанну Богородиці⁷⁵.

Отже, якби дійсно тоді відбулося хрещення придніпровських росів, то літописець неодмінно б про це згадав, адже разом з Андрієвою легендою це було б додатковим аргументом для «зрівняння» статусу Русі з Візантією в есхатологічному вимірі. Однак літописець нічого не знає про хрещення росів після походу 860 (за ПВЛ – 866) року. У чуді з ризами Богородиці під стінами Константинополя акцент зроблений саме на демонстрації праведної віри, що веде до спасіння і не більше. Тому, щоб підкреслити чудо, явлене Богородицею, в Никонівському літописі не просто вказується на шторм, викликаний ризами Марії, а підкреслюється, що перед тим море було «тихо вельми»⁷⁶. Відтак саме Богородиця стала символом руської християнської державності⁷⁷, основною й головною функцією якої було заступництво за все людство й світ земний у цілому⁷⁸.

Враховуючи, що чудо 860 р. було явлене русам біля Влахернського кварталу, особливого поширення на Русі набув саме влахернський богородичний культ, що особливо яскраво виявився у спорудженні Успенського собору Києво-Печерського монастиря, спорудженого в 1073–1077 р.⁷⁹ За легендою Києво-Печерського патерика, будівництво головного собору монастиря було ініційовано самою Богородицею, що поклікала у Влахернський храм чотирьох зодчих і наказала їм іти в Київ для будівництва собору в її ім'я. Богородиця вручила їм на три роки золото, мощі святих і на престольну ікону, а через десять років, за допомогою втручання її ікони, у Київ прибутку іконописці, які розписали храм і прикрасили вітвар мозаїкою⁸⁰. Таким чином, як відзначив М. Воронін, Влахернська Богородиця, що захистила Царгород від захоплення росами в 860 р., «тепер сама “поселялася” на Русі, у Києві, стаючи його спеціальною покровителькою»⁸¹.

Таким чином особливого поширення на Русі набула іконографія Богородиці Оранти – нерушимої стіни, що також свої витoki має у влахернському образі Марії. Культ Оранти на Русі набув державного значення. Цей іконографічний тип поширився як вітварний і був зображений в апсидах Десятинної церкви, Софії Київської, Успенського собору Києво-Печерського монастиря, Михайлівського собору й багатьох інших храмів Русі⁸². Та найбільш самобутньо військовий культ Богородиці на Русі виявився в становленні свята Покрови Пресвятої Богородиці⁸³. Сюжетно в культі Покрови злилися в єдине історія з видінням Андрія Юродивого у Влахернському храмі й чудесний порятунок Богородицею Константинополя від нападу росів 860 р.⁸⁴, на що вказує співзвуччя володимирської «Служби на Покрову» з написаними на навалу росів акафістом Фотія й «Словом» Георгія⁸⁵.

Щодо місця й часу підстави культу Покрови на Русі в науці існує деяка дискусія⁸⁶. Проте на сьогодні найбільш обґрунтованою є київська версія. Основним аргументом на користь Києва є внесення свята Покрови в Пролог Со-

фійської Новгородської бібліотеки, що є списком з початкового Прологу⁸⁷. На київське походження вказують й українські легенди, за якими з культом Покрови пов'язується Успенський собор Києво-Печерського монастиря. Л. Міляєва вказувала й на зв'язок іконографії галицької Покрови з богородичним культом Влахернського храму⁸⁸, у чому проявляється функція Богородиці як захисниці Києва й Русі⁸⁹.

У службі на Покрову чітко простежується зв'язок зі службою на Ризоположення, що також указує на зв'язок свята з Києво-Печерським монастирем⁹⁰. У свою чергу, за припущенням Хр. Лопарева, встановлення свята Ризоположення (2 липня) на Русі, як і у Візантії, було, знову ж, пов'язано зі зняттям росами облоги Константинополя 860 р.⁹¹. Прикметно, що близько 2 липня була закладена й церква Богородиці Десятинна в Києві⁹², що стала центром Богородичного культу на Русі. Виходячи з того, що свято пов'язано з Влахернським храмом, необхідно було його прив'язати до якогось місцевого образу, що мав влахернські витоки. Таким образом, на думку О. Александрова, була на престольна ікона Успенського собору Києво-Печерського монастиря, що, за легендою, походила із Влахерн. Тому, «для осіб, що засновували свято, бачення святого Андрія Юродивого й події, пов'язані з заснуванням Великої Печерської церкви, зливалися воедино, як події одного порядку й значимості в прояві заступництва Пресвятої Богородиці»⁹³.

Як було відзначено, чудо Богородиці під стінами Константинополя пов'язане з Її омофором. У цьому аспекті цікаво зауваження Н. Кондакова, що одним з епітетів Влахернської ікони було слово «єпіскупіс», що мало подвійне значення Покрови: «так само як відособленого захисту, так і покривала – мафорія»⁹⁴. Ймовірно, таке значення й мала влахернська на престольна ікона Успенського собору. «Отже, вона й могла бути першою іконою Покрови Пресвятої Богородиці на Русі»⁹⁵.

Однак ідеї Богородичного культу з Візантії на Русь приходили й осмислювалися насамперед через культ Богородиці Десятинної, головної церкви цього культу. Десятинна церква мала культ Богородиці-заступниці⁹⁶, що був підкріплений культом небесного заступника Русі святого Климента Римського й Миколи Мирлікійського⁹⁷. У цьому контексті цікавим є зауваження В. Пуцка, що ікона Десятинної церкви, зображена на мініатюрі Радзивілівського літопису, належить до іконографічного типу Агіосоритиси⁹⁸. Цей же іконографічний тип повторений у мініатюрі Ізборника Святослава 1073 р., а також на київських хрестах-енколпіонах⁹⁹. Саме цей тип і ліг в основу іконографії Покрови. Цілком ймовірно, що знаменита ікона Богородиці Боголюбської також має київське походження і є відтворенням ікони Богородиці Десятинної¹⁰⁰. Тому, можна припустити, що військовий культ Богородиці – Покрови виник саме при Десятинному храмі, ймовірно незабаром після прийняття хрещення Володимиром і Руссю.

У такий спосіб саме в подіях 860 р., Русь і знайшла власний досвід прояву милості Марії до руського народу. При сприянні Марії русь стала новим народом, якому судилося закінчити земний хід історії (Іларіон). На синтезі цих ідей і формувалася власний, самобутній культ Богородиці на Русі, «сакральний

максимум»¹⁰¹ якої проявився в легенді спорудження Успенського собору Києво-Печерського монастиря. Якщо у Візантії військовий аспект культу Марії пов'язувався з її іконографією, то на Русі військові функції пов'язувалися з її реліквіями – Покровом (омофором), що, за Фотієм є «стіною нездоланною»¹⁰².

Таким значення походу (інформації про похід) було для киеворуських книжників. Він цілком взятий з запозиченої літератури і безпосередньо в історичній пам'яті київських русів не відобразився, тому й пов'язувати похід з Києвом видається недоречним, як немає підстав і виводити хрещення Русі на державному рівні від місії священика, направленою Фотієм. Проте не можна й заперечувати сам факт нападу 860 р. росів на Константинополь. Відтак й надалі залишається відкритим питання місця розташування тих росів, їх стосунків до середнього Придніпров'я, а також рівень політичної організації, а отже й місце, яке вони займають у генезі давньоруської держави.

¹ Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. / Редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. – К., 1991. – Т. 1. – С. 379.

² Див.: Франклин С., Шепард Д. Начало Руси / Авторизованный перевод с английского Д. М. Буланин, Н. Л. Лужецкая; Под. ред. Д. М. Буланина. – СПб., 2009. – С. 15–225; Цукерман К. Два етапа формування древнеруського государства // Славяноведение. – 2001. – № 4. – С. 55–77; Он же. Два етапа формування древнеруського государства // Археологія. – 2003. – № 1. – С. 76–99.

³ Історіографію питання див.: Шумило С. Князь Оскольд і християнізація Русі. – К., 2010. – 120 с.; Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения. – М., 2003. – С. 10–13; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. – М., 1980. – С. 48–49, 53–54, 56–57, 60–65, 79–81.

⁴ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. – М., 1963. – С. 165–169; Он же. Предпосылки образования древнеруського государства // Очерки истории СССР. III–IX вв. – М., 1958. – С. 802–810; Брайчевський М. Ю. Утвердження християнства на Русі. – К., 1988. – С. 42; Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. – М., 1988. – С. 80.

⁵ Кузенков П. В. Вк. праця. – С. 11.

⁶ Див.: Цветков С. В. Поход руссов на Константинополь в 860 году и начало Руси: Монография. – М., 2010. – 248 с.; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. – С. 48–82; Он же. 860 год: начало Руси // Християнізаційні впливи в Київській Русі за часів князя Оскольда: 1150 років. Матеріали міжнар. наук. конф. (19–20 лист. 2010 р., м. Чернігів). – Луцьк; Чернігів, 2011. – С. 20; Брайчевський М. Вибране. – К., 2009. – Т. I: Суспільно-політичні рухи в Київській Русі. Історична думка в Київській Русі / Упорядкування, передмова, наукове редагування і анотований іменний покажчик Ю. Кухарука. – С. 70–78, 92–94; Котляр М. Ф. Початки Русі. Довкола 862-го року // УІЖ. – 2012. – № 2; Шумило В. В. Мирний договір 860 року та міжнародне визнання Русі // Християнізаційні впливи в Київській Русі за часів князя Оскольда: 1150 років. Матеріали міжнар. наук. конф. (19–20 лист. 2010 р., м. Чернігів). – Луцьк; Чернігів, 2011. – С. 41–48 та ін.

⁷ Сахаров А. Н. 860 год: начало Руси. – С. 20.

⁸ Там само. – С. 24.

⁹ Там само. – С. 21.

¹⁰ Там само. – С. 25–26.

¹¹ Котляр М. Ф. Початки Русі. Довкола 862-го року. – С. 37, 41.

¹² Там само. – С. 34.

¹³ Котляр М. Ф. Початки Русі. Довкола 862-го року. – С. 34; Він же. “Иде Аскольдъ и Дирь на греки” // Християнізаційні впливи в Київській Русі за часів князя Оскольда: 1150 років. Матеріали міжнар. наук. конф. (19–20 лист. 2010 р., м. Чернігів). – Луцьк; Чернігів, 2011. – С. 28.

- ¹⁴ Котляр М. Ф. Початки Русі. Довкола 862-го року. – С. 30.
- ¹⁵ Котляр М. Ф. “Иде Аскольдъ и Диръ на греки”. – С. 28–29.
- ¹⁶ Кузенков П. В. Вк. праця. – С. 15–84.
- ¹⁷ Там само. – С. 155–157.
- ¹⁸ Див.: Кузенков П. В. Вк. праця. – С. 15–172.
- ¹⁹ Кузенков П. В. Вк. праця. – С. 8–9.
- ²⁰ Там само. – С. 107–122.
- ²¹ Там само. – С. 50/60.
- ²² Пападопуло-Керамевс А. И. Акафист Божьей Матери // ВВ. – 1903. – Т. X. – Вып. 1–2. – С. 357–401.
- ²³ Лопарев Хр. Старое свидетельство о Положении ризы Богородицы во Влахернах в новом истолковании применительно к нашествию русских на Византию в 860 году // ВВ. – 1895. – Т. II. – Вып. 4. – С. 581–628; Кузенков П. В. Вк. праця. – С. 84–85.
- ²⁴ Сахаров А. Н. 860 год: начало Руси. – С. 21.
- ²⁵ Там само. – С. 23.
- ²⁶ Це, наприклад, Чернігів, 19–20 листопада 2010 р.; Київ, 15 травня 2012 р., 14–15 грудня 2012 р.
- ²⁷ Цветков С. В. “Выбор веры” и поход русов на Константинополь в 860 году // Християнізаційні впливи в Київській Русі за часів князя Оскольда: 1150 років. Матеріали міжнар. наук. конф. (19–20 лист. 2010 р., м. Чернігів). – Луцьк; Чернігів, 2011. – С. 50.
- ²⁸ Брайчевський М. Ю. Утвердження християнства на Русі. – С. 50, 60; Макарий (Веретенников), архимандрит. К вопросу о начале Русской иерархии // Християнізаційні впливи в Київській Русі за часів князя Оскольда: 1150 років. Матеріали міжнар. наук. конф. (19–20 лист. 2010 р., м. Чернігів). – Луцьк; Чернігів, 2011. – С. 74 – 84; див. також: Віктор (Бедь), архимандрит. Хрещення Великого князя Київського Оскольда та заснування Київської Митрополії // Християнізаційні впливи в Київській Русі за часів князя Оскольда: 1150 років. Матеріали міжнар. наук. конф. (19–20 лист. 2010 р., м. Чернігів). – Луцьк; Чернігів, 2011. – С. 85–89.
- ²⁹ Брайчевський М. Ю. Утвердження християнства на Русі. – С. 37.
- ³⁰ Там же. – С. 38. Такої ж позиції дотримується С. Цветков [Цветков С. В. Поход руссов на Константинополь в 860 году. – С. 202].
- ³¹ Брайчевський М. Ю. Утвердження християнства на Русі. – С. 46.
- ³² Цветков С. В. Поход руссов на Константинополь в 860 году. – С. 198.
- ³³ Брайчевський М. Ю. Утвердження християнства на Русі. – С. 46.
- ³⁴ Сахаров А. Н. 860 год: начало Руси. – С. 25.
- ³⁵ Там само.
- ³⁶ Иванов С. А. Византийское миссионерство. – С. 168; Cheynet J.-C. Les nouvelles chrétientés vues de Byzance aux IXe et Xe siècles // Early Christianity in Central and East Europe / Ed. P. Urbanczyk. – Warsaw, 1997. – P. 21–22.
- ³⁷ Кузенков П. В. Вк. праця. – С. 69–83, 73–75, 122–136.
- ³⁸ Там само. – С. 125–127.
- ³⁹ Котляр М. Ф. Початки Русі. Довкола 862-го року. – С. 31.
- ⁴⁰ Багалей Д. И. Русская история. – Москва, 1914. – Т. I. – С. 210; Голубинский Е. История русской церкви. – М., 1901. – Т. I. – Ч. I. – С. 35–52; Иловайский Д. И. История России. – М., 1906. – Т. I. – С. 13; Пархоменко В. Начало христианства на Руси. – Полтава, 1913. – С. 62–74; Полонская Н. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира // Журнал Министерства народного просвещения. – 1917. – Октябрь. – С. 32–80.
- ⁴¹ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956. – С. 88; Пащутко В. Т. Внешняя политика древней Руси. – М., 1968. – С. 60; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XIV вв. – М.; Л., 1959. – С. 28; Рыбаков Б. А. Предпосылки образования древнерусского государства. – С. 821; Брайчевський М. Ю. Утвердження християнства на Русі. – С. 40–41, 44 та інш.
- ⁴² Див.: Сахаров А. Н. 860 год: начало Руси. – С. 27.
- ⁴³ Толочко П. П. Где находилась изначальная “Русь”? // Християнізаційні впливи в Київській Русі за часів князя Оскольда: 1150 років. Матеріали міжнар. наук. конф. (19–20 лист. 2010 р., м. Чернігів). – Луцьк; Чернігів, 2011. – С. 9–17.
- ⁴⁴ Шумило С. В. Християнізаційні впливи на Русі в IX ст. // Християнізаційні впливи в Київській Русі за часів князя Оскольда: 1150 років. Матеріали міжнар. наук. конф. (19–20 лист. 2010 р., м. Чернігів). – Луцьк; Чернігів, 2011. – С. 58–73.

- ⁴⁵ Див.: *Гордієнко Д.* Поширення християнства на руських землях у другій половині IX – першій половині X ст. // *Історія релігій в Україні.* – Львів: Логос, 2011. – Книга I. – С. 23.
- ⁴⁶ *Кузенков П. В.* Вк. праця. – С. 127.
- ⁴⁷ *Грушевський М. С.* Вк. праця. – С. 408.
- ⁴⁸ Див.: *Домановський А.* Князь Олег і прийняття християнства: причинки до питання і спостереження у візантійському контексті // *Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Збірка статей на пошану д. іст. наук, проф. Н. М. Нікітенко / Від. ред. д. іст. наук, проф., чл.-кор. НАН України П. С. Сохань; упоряд. Д. Гордієнко, В. Корнієнко.* – К., 2011. – С. 199–202.
- ⁴⁹ Див.: *Гордієнко Д.* Поширення християнства на руських землях. – С. 23–24.
- ⁵⁰ Див.: *Грушевський М. С.* Вк. праця. – С. 382–383; *Толочко О.* Замітки з історичної топографії домонгольського Києва // *Київська старовина.* – 2000. – № 5. – С. 149.
- ⁵¹ ПСРЛ. – Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. – М., 2000. – С. 105.
- ⁵² *Мельникова Е. А.* Вк. праця. – С. 158, 160.
- ⁵³ ПСРЛ. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – М., 1998. – Ст. 59.
- ⁵⁴ *Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники // *ТОДР.* – М.; Л., 1940. – Т. IV. – С. 48–49.
- ⁵⁵ ПСРЛ. – Т. 2. – Ст. 15.
- ⁵⁶ ПСРЛ. – Т. 2. – Ст. 12.
- ⁵⁷ *Данилевский И. Н.* Замысел и название Повести временных лет // *Отечественная история.* – 1995. – № 5. – С. 106.
- ⁵⁸ ПСРЛ. – Т. 2. – Ст. 12.
- ⁵⁹ *Данилевский И. Н.* Вк. праця. – С. 107; *Петрухин В. Я.* “Начало Русской земли” в начальном летописании // *Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто / Под. ред. Т. Н. Джаксон и Е. А. Мельниковой.* – М., 1999. – С. 222.
- ⁶⁰ Див.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники. – С. 92–103.
- ⁶¹ *Петрухин В. Я.* Вк. праця. – С. 222.
- ⁶² Там само. – С. 223.
- ⁶³ Там само. – С. 222–223.
- ⁶⁴ *Данилевский И. Н.* Вк. праця. – С. 102.
- ⁶⁵ Див.: *Никитенко Н. Н.* “Слово” Илариона и датировка Софии Киевской // *Отечественная философская мысль XI–XVII вв. и греческая культура. Сб. научных трудов.* – К., 1991. – С. 51–57.
- ⁶⁶ *Молодован А. М.* “Слово о законе и благодати” Илариона. – К., 1984. – С. 80.
- ⁶⁷ *Горський В.* Іларіон Київський. Русі у історичному вимірі // *Давньоруські любомудри / В. Горський, О. Вдовина, Ю. Завгородній, О. Киричок.* – К., 2004. – С. 57.
- ⁶⁸ Там само. – С. 58.
- ⁶⁹ *Молодован А. М.* Вк. праця. – С. 88.
- ⁷⁰ *Горський В.* Іларіон Київський. – С. 59.
- ⁷¹ *Данилевский И. Н.* Вк. праця. – С. 102.
- ⁷² *Молодован А. М.* Вк. праця. – С. 97–98.
- ⁷³ *Горський В.* Іларіон Київський. – С. 60.
- ⁷⁴ Там само. – С. 62.
- ⁷⁵ *Кримський С. Б.* Під сигнатурою Софії // *Філософська і соціологічна думка.* – 1995. – № 5–6. – С. 238.
- ⁷⁶ ПСРЛ. – Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / С прил. извлечений из монографии Б. М. Клосса “Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков”. – М., 2000. – С. 9.
- ⁷⁷ *Нікітенко М. М.* На зорі християнського Києва. – К., 2003. – С. 47.
- ⁷⁸ *Горський В. С.* Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII в. – К., 1988. – С. 116.
- ⁷⁹ *Гордієнко Д. С.* Успенський собор Києво-Печерського монастиря та становлення Влахернської легенди на Русі // *Церква – наука – суспільство: питання взаємодії. На пошану київського митрополита Євгенія (Болховітінова): Матеріали Десятої Міжнародної наукової конференції (30 травня – 1 червня 2012 р.).* – К., 2012. – С. 56–58.
- ⁸⁰ *Києво-Печерський патерик, или сказания о житии и подвигах Святых Угодников Киево-Печерской лавры [Репринт].* – К., 1991. – С. 60–62.
- ⁸¹ *Воронин Н. Н.* Вк. праця. – С. 193.

- ⁸² Див.: *Этингоф О. К* ранней истории иконы “Владимирская Богоматерь” и традиции влахернского Богородичного культа на Руси XI–XII вв. // *Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь*. – СПб., 1999. – С. 290–303; *Стерлигова И. А.* Культ ризы Богоматери в произведениях древнерусского искусства XII–XIV вв. // *Реликвии в искусстве и культуре восточно-христианского мира. Тезисы докладов и материалы международного симпозиума* / Ред. сост. А. М. Лидов. – М., 2000. – С. 76–77.
- ⁸³ *Гордієнко Д. С.* Становлення почитання Покрови Пресвятої Богородиці на Русі і похід росів на Константинополь 860 року // *Труди Київської Духовної Академії: богословсько-історичний збірник Київської православної богословської академії Української Православної Церкви Київського Патріархату*. – [К.], 2012. – № 9. – С. 18–26.
- ⁸⁴ *Александров А.* Об установлении праздника Покрова Пресвятой Богородицы в русской церкви // *Журнал Московской патриархии*. – 1983. – № 10. – С. 74.
- ⁸⁵ На це вказав М. Воронін [*Воронин Н. Н.* Вк. праця. – С. 216].
- ⁸⁶ На київське походження свята Покрови вказує архієпископ Сергий (Спасский), а час його походження відносить до рубежу XI–XII вв. [*Сергий, архиепископ Владимирский*. Святой Андрей, Христа ради юродивый, и праздник Покрова Пресвятой Богородицы // *Странник*. – 1898. – С. 76–78]. У той же час низка вчених вважає, що свято було встановлено Андрієм Боголюбським у Володимирі на Клязьмі в другій половині XII в. [*Воронин Н. Н.* Вк. праця. – С. 193–213; *Остроумов М. А.* О происхождении праздника Покрова // *Приходское чтение*. – 1911. – № 19. – С. 401–412]. Ця позиція була розкритикована вже О. Александровим [*Александров А.* Вк. праця. – С. 74].
- ⁸⁷ *Сергий, архиепископ Владимирский*. Вк. праця. – С. 73–75.
- ⁸⁸ *Миляева Л. С.* Новый памятник галицкой живописи XIII века // *Советская археология*. – 1965. – № 3. – С. 253, 256.
- ⁸⁹ *Александров А.* Вк. праця. – С. 78.
- ⁹⁰ Там само. – С. 69, 70.
- ⁹¹ *Хр. Лопарев*. Вк. праця. – С. 628.
- ⁹² *Гордієнко Д.* Десятинна церква в Києві: проблема присвяти // *Історія релігій в Україні*. – Львів: Логос, 2007. – Книга I. – С. 306. На зв'язок Десятинної церкви з Влахернським храмом вказував уже Д. Айналов [*Айналов Д. В.* Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе. – М., 1915. – С. 17–24].
- ⁹³ *Александров А.* Вк. праця. – С. 70.
- ⁹⁴ *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. – Пг., 1915. – Ч. II. – С. 96–99.
- ⁹⁵ *Александров А.* Вк. праця. – С. 71.
- ⁹⁶ *Гордієнко Д.* Десятинна церква в Києві. – С. 305–312.
- ⁹⁷ *Вережагина Н. В.* Климент Римский – небесный покровитель Киевской Руси: [монография]. – Одесса, 2011. – 160 с.
- ⁹⁸ *Пуцко В. Г.* “Богородица Десятинная” и ранняя иконография Покровы // *Festschrift für F. von Lilienfeld*. – Erlangen, 1982. – С. 358–372.
- ⁹⁹ *Пуцко В.* Найдавніші ікони Покрови // *Родовід. Наукові записки до історії культури*. – К., 1984. – Вип. 8. – С. 31.
- ¹⁰⁰ Там само. – С. 32.
- ¹⁰¹ *Завгородній Ю. Ю.* Успенська церква Печерської лаври – сакральний максимум давньої Русі // *Наукові записки НаУКМА*. – Т. 25: Філософія та релігієзнавство. – К., 2004. – С. 64–69.
- ¹⁰² *Кузенков П. В.* Вк. праця. – С. 50–60.

І. С. Горнова

СОЦІАЛЬНО-ПОЛІТИЧНІ ТА ІСТОРИЧНІ ПОГЛЯДИ МИХАЇЛА ПСЕЛЛА: ІСТОРІОГРАФІЧНИЙ НАРИС

«Хронографії» Михаїла Пселла в низці історичних творів візантійської доби належить визначне місце. Самобутність та своєрідність творчого підходу Пселла до історіописання стали причиною того, що з кінця XIX ст. його праця стала об'єктом постійного студіювання, а його спадщина переосмислюється на кожному новому етапі розвитку візантиністики.

До публікації в 70-х рр. XIX ст. основних творів Михаїла Пселла відомості про нього ґрунтувалися головним чином на трактаті грецького ерудита XVII ст. Лева Алляція, який був виконаний латинською мовою і виданий в Гамбурзі в 1723 р.¹ «Роздуми про Пселла та його писання» можна умовно поділити на 3 частини. В першій з них досить систематично викладені біографічні дані Пселла. У другій частині Лев Алляцій підсумував найбільш важливі, на його погляд, студії пселлівських творів попереднього часу. Серед тих, хто займався вивченням творів Пселла та їх виданням, Алляцій відзначав італійських гуманістів Марсиліо Фічино (1433–1499), Джорджо Валлу (бл. 1447–1500), близького до італійських гуманістів єпископа Мальвазії Арсенія Апостолюса (1468–1538), швейцарського вченого-енциклопедиста Конрада Геснера (1516–1565), німецького вченого Ксіландера (Вільгельма Гольтцмана, 1532–1576) та ін. У третій частині нарису Лев Алляцій розташував відомості про невидані праці Пселла, серед яких згадується «Хронографія»².

Людина широкого гуманістичного світогляду, Алляцій вважав своїм завданням донести до відома всіх європейських вчених інформацію про видатних мислителів своєї батьківщини. Його робота не втратила значення до сьогоднішнього дня. Лев Алляцій не тільки склав каталоги виданих і невиданих текстів Пселла, а й намітив лінії взаємозв'язків між представниками грецької середньовічної вченості та італійськими гуманістами. Алляцій першим використав автобіографічні роботи Пселла, у тому числі «Енкомій матері», і позначив найважливіші віхи його біографії. Він також дав глибоку оцінку його творчості: «...Пселл був не лише видатним вченим, а й найчудовішим ерудитом. Я б навіть наважився сказати, що ніхто з греків ні в ті часи, ні в наступні не був таким винахідливим, здатним до систематизації, красномовним і глибоким дослідни-

ком речей»³. Цей перший всебічний досвід обробки творчої спадщини Пселла не був, проте, ніким продовжений довгий час.

Лише з другої половини XIX ст. в працях вчених, в чій методології поєднувалися в різних комбінаціях ерудитські, романтичні та позитивістські підходи, розпочинається новий етап вивчення спадщини Пселла.

Відзначимо насамперед грецького вченого К. Сафаса, який здійснив першу масштабну спробу відтворити життєвий шлях і особистість візантійського історика. К. Сафас, який працював у Парижі з оригінальними рукописами, видав серію джерел «Грецька бібліотека», в складі якої були опубліковані твори Пселла. У передмові до свого видання «Хронографії» 1874 р. (IV том «Грецької бібліотеки») він систематизував великий матеріал та зробив спробу представити особистість письменника на тлі історичних подій і культурного життя Візантії⁴. Його оцінка особистості візантійського історика має насамперед морально-етичний характер. К. Сафас з захопленням складав гімни обдарованості Пселла і водночас з жалем констатував, що письменник, який жив в один з найсумніших періодів візантійської історії і працював у зіпсованій атмосфері своєї доби, не міг залишитися бездоганним. Відзначаючи надзвичайну любов Пселла до наук, К. Сафас бачив його основну заслугу у відродженні у Візантії еллінської мудрості. За філософськими поглядами він відносив його до платоніків⁵. Проте цей висновок К. Сафаса є не стільки результатом аналізу філософії Пселла, скільки повторення того, що візантійський автор нерідко писав про себе сам. Багато елементів філософської концепції історика залишилися поза увагою К. Сафаса. Однак надана грецьким дослідником характеристика надалі часто повторювалася у багатьох дослідженнях про Пселла.

Близькі спостереження висловив в своєму нарисі, зокрема, А. Рамбо, один з видатних представників французької позитивістської історіографії⁶. Цей нарис з'явився вже через рік після виходу V тому «Грецької бібліотеки», в якому містилися малі твори та листи Михаїла Пселла (1876 р.). Передмова К. Сафаса до видання «Хронографії» і особливо нарис А. Рамбо збудили в науковому світі інтерес до Пселла.

В тому ж році, коли К. Сафас опублікував «Хронографію», її було введено в науковий обіг у Росії. Цей твір простудіював засновник Санкт-петербурзького центру візантиністического, прекрасний знавець джерел, В. Г. Васильєвський, якого цікавило питання про воїнів з Київської Русі при дворі візантійських імператорів⁷. Він, однак, не ставив собі завдання системного вивчення творчості Пселла.

Велику роботу з вивчення спадщини візантійського письменника провів його учень, П. В. Безобразов. Відвідавши Італію, Грецію і Туреччину, науковець опрацював велику кількість візантійських рукописів і виконав перше в історіографії спеціальне дослідження про Михаїла Пселла⁸. Він не тільки виправив помилки, яких припустився К. Сафас, але, що особливо важливо, залучив багато неопублікованих творів візантійського письменника. Російський вчений використав і опублікував малі риторичні твори Михаїла Пселла, а також його листи. Його приваблювала перш за все політична та придворна кар'єра візантійця. Світогляду Михаїла Пселла П. В. Безобразов торкнувся лише

сумарно. Візантійську історію в цілому, як і творчість Михаїла Пселла зокрема, вчений розглядав крізь призму російської дійсності. При цьому він був дуже далекий від розчуленого погляду на Східно-Римську імперію. Його книга містить в основному негативні оцінки особистості і принципів історіописання Пселла. «Приступая к изучению Пселла, – пише він у передмові, – я считал его высокообразованным, талантливым и полезным деятелем, но чем больше я работал, тем больше убеждался, что это не так»⁹. На думку П. В. Безобразова, Пселл був типом візантійця, який здобув високих чинів лестощами і підлабузництвом. Особливу відразу П. В. Безобразова викликала безпринципність історика, який міняв переконання в залежності від обставин та жертвував правдою на догоду імператору¹⁰.

Інший видатний випускник Санкт-петербурзького університету, який викладав у 1874–1894 рр. в Новоросійському університеті, а з 1894 р. по 1914 р. був директором заснованого ним Російського археологічного інституту в Константинополі, Ф. І. Успенський, виконав спеціальну роботу «Нариси з історії візантійської освіченості». Окремий її розділ, присвячений Іоанну Італу, містить розлоге зіставлення філософських поглядів останнього з поглядами його вчителя, Михаїла Пселла¹¹. Ф. І. Успенського цікавили перш за все логічний інструментарій Пселла та його вплив на формування поглядів Іоанна Італа. Вчений першим в російській історіографії поставив питання про взаємозв'язки між грецькою освіченістю і західною схоластикою.

Ще один випускник Санкт-петербурзького університету, В. В. Васильєв, також використовував відомості Пселла у своїй праці з історії Візантії, але не займався спеціально вивченням його поглядів¹². В. В. Васильєв у 1925 р. емігрував з СРСР до США, де до 1938 р. обіймав кафедру давньої історії Вісконсинського університету, а згодом працював у дослідницькому центрі Гарвардського університету Дамбартон-Окс в Вашингтоні, який став одним із визначних центрів дослідження творчості Михаїла Пселла.

Ціла низка зарубіжних істориків висловлювала погляди на творчість Пселла, близькі до спостережень П. В. Безобразова. Підкреслюючи нерозбірливість у виборі засобів і ненаситне честолюбство Пселла, К. Крумбахер зробив висновок, що він – «типовий виразник всього самого огидного у візантинізмі»¹³. «Легковажний, талановитий, але надзвичайно цинічний», – так відгукувався про Пселла вихованець вищої школи практичних досліджень Франції румунський історик Н. Йорга¹⁴.

Разом з тим талант і непересічність особистості Пселла спонукали багатьох дослідників вийти за рамки однобічних оцінок і знайти більш глибоке пояснення його політичної позиції. Відомий німецький джерелознавець К. Нейманн приділив особливу увагу Михаїлу Пселлу у своїй роботі, присвяченій становищу Візантії у X–XI ст.¹⁵. Можна погодитися з зауваженнями П. В. Безобразова про те, що К. Нейманн не врахував деяких суттєвих рис в розвитку візантійської державності, а також внутрішньої та зовнішньополітичної історії Візантії¹⁶. Проте К. Нейманн справедливо звернув увагу на певну схожість між взаєминами, які склалися з правителями у Пселла та тими, що мали місце у діячів ренесансної культури з володарями Італії¹⁷. Пселл для К. Нейманна – фігура ренесансного

типу, яка не вміщується в рамки загальноприйнятих моральних категорій. За К. Нейманном, він був вільний використовувати свій талант за власним бажанням, що, на погляд німецького дослідника, в певному сенсі виправдовує політичну непорядність історика.

Більш «особистих» виправдань шукали для Пселла німецький вчений Б. Родіус і французький вчений К. Зервос, які працювали в першій чверті XX ст. та були схильні до поглибленого психологічного пояснення особистості історика. Б. Родіус згадував про тіньові сторони політичної діяльності та про деякі вади характеру Пселла, що не заважало йому перебувати під чарами особистості візантійського письменника. Б. Родіус давав високу оцінку інтелектуальному рівню і мужності письменника, який в умовах православної Візантії намагався відродити еллінську мудрість. В його уяві лицемірство Пселла – сумна поступка звичаям епохи¹⁸.

К. Зервос трактував особистість Пселла дещо інакше. На відміну від Б. Родіуса, він вважав, що Пселл своєю творчістю найбільш послідовно втілював тенденції свого часу. Прагнучи вписати Пселла в загальний підйом середземноморської культури XI ст., він включав історика в широкий рух, до якого відносив також і представників мусульманської культури Передньої Азії. Заслугою К. Зервоса, безперечно, є те, що його книга – це перше комплексне дослідження філософії Пселла. Пселл для французького вченого – син епохи культурного та інтелектуального підйому, т. зв. «Македонського ренесансу» X–XI ст. За словами К. Зервоса, цей рух звільнив мистецтво від догм, що його сковували, розвинув в людині культуру почуття, приніс із собою більш «особисту» і вільну інтерпретацію античності. Для французького дослідника Пселл не був оригінальним філософом, носієм нових ідей. За К. Зервосом, Пселл лише зумів перейнятися духом минулого. Неоплатонік в повному розумінні слова, він прагнув, однак, до створення синтезу всіх філософських систем і всіх культів, не виключаючи християнства. Втім, християнське вчення і теологія, на думку К. Зервоса, не займали домінуючої позиції в системі поглядів філософа. Головне, що відрізняло Пселла від сучасних йому філософів, – новий, тобто науковий, раціоналістичний спосіб мислення. Звідси його захоплення розумом і відраза до будь-якої містики і окультизму. Цей висновок К. Зервоса навряд чи можна вважати справедливим. Ґрунтувався він, мабуть, на словах самого Пселла в «Хронографії». Щодо причин присутності в працях Пселла поряд із палким захопленням давньогрецькою філософією не менш палких зречень від неї, то К. Зервос пояснював це необхідністю для вченого захиститися від звинувачень в безбожжі. Слід підкреслити, що К. Зервос не сумнівався в світському світогляді і «інтелектуальному язичництві» Пселла, що не відображає всієї суперечливості поглядів візантійського історика¹⁹.

Методологічно близьким до означених вище вчених був французький дослідник Е. Рено, який присвятив свій твір вивченню мови та стилю Михаїла Пселла. Е. Рено, таким чином, конструював образ середньовічного письменника за схемою «артистичної натури»²⁰.

Багатоплановий розгляд творчості Пселла був запропонований англійською дослідницею Дж. Хассі. Як свого часу К. Зервос, Дж. Хассі не вважала Пселла

оригінальним філософом, але на відміну від нього не відносила візантійця до послідовних неоплатоніків. На думку англійської дослідниці, раціоналістичні погляди Пселла були повною протилежністю клерикальним ідеям його часу²¹. В її нарисі приділяється значна увага пселлівській концепції історіописання. За Дж. Хассі, у візантійця були не тільки цілком визначені погляди щодо цілей історії, а й виразні уявлення про принципи історіописання. Історичний процес, крім волі людини, визначається у Пселла також провидінням. Провидіння, як вважала Дж. Хассі, було у візантійця якоюсь незрозумілою і неминучою силою справедливості нехристиянського характеру. У цьому спостереженні багато вірного, однак, важливо уточнити два моменти. По-перше, Дж. Хассі неправо-мірно позбавила світогляд Пселла християнського провиденціалізму. В тексті «Хронографії» мають місце міркування, які не залишають сумнівів щодо елементів провиденціалізму в його концепції. По-друге, можна погодитися з думкою Дж. Хассі про те, що в «Хронографії» присутня «сила справедливості», проте вона в різних випадках може ототожнюватися то з «незрозумілою силою» (яка тяжіє до античної Тюхе), то з божественною волею (християнським провидінням).

Дж. Хассі розглядала також політичні погляди Михаїла Пселла. Його політичним ідеалом вона вважала імперію. Англійська дослідниця дійшла висновку про те, що у візантійського письменника сформувалася цілком цілісна концепція вимог, яким повинен відповідати імператор. У числі цих вимог – прихильність до всіх існуючих наук. Дж. Хассі підкреслювала ентузіазм, з яким Пселл намагався стимулювати відродження навчання. Разом з тим вона справедливо констатувала, що візантієць був дуже поганим радником правителів і залишився в пам'яті нащадків перш за все як багатосторонній вчений²². Робота Дж. Хассі, хоча і містила спірні моменти, стала першим досвідом комплексного осмислення політичної концепції та особливостей історизму Пселла.

Таким чином, ми розглянули етап розвитку історіографії від ерудитських студій XVII ст. до робіт, написаних напередодні Другої світової війни. Цей етап ознаменувався розвитком історичної думки від первинного відкриття і коментування текстів Пселла та вивчення його особистості, насамперед, в морально-етичному аспекті, до перших спроб аналітичного осмислення його творчого доробку. Історики цього періоду виконали фундаментальну джерелознавчу роботу і позначили важливі напрямки подальших розвідок.

Для зарубіжних робіт другої половини XX ст. характерне істотне розширення спектру історіографічного пошуку. Дослідники цього періоду представляють різні відтінки позитивістської методології, модифікованої та збагаченої, зокрема, підходами «школи Анналів» та інших напрямків. Подальший виклад буде зосереджено в основному на роботах, в яких досліджувалися питання історико-філософських поглядів Михаїла Пселла.

Інтерес до всебічного вивчення історико-філософської проблематики доробку Пселла посилювався після Другої світової війни. Ґрунтовний нарис про філософські переконання Пселла був виконаний французьким вченим грецького походження Б. Татакісом в його книзі «Історія візантійської філософії», виданої в 1949 р. Захоплення античною філософією та широка ерудиція Пселла, за Б. Та-

такісом, пояснюються тим, що історик жив в період підйому т. зв. «еллінського духу» в Візантії. Метою інтелектуальних пошуків Пселла було прагнення примирити халдейську мудрість, еллінську науку і християнське вчення, що, на думку Б. Татакіса, поєднувалося у візантійського письменника з раціоналізмом і детермінізмом. Вчений підкреслював, що Пселл намагався виробити цілісне вчення на загальних засадах християнської доктрини, але так і не зміг цього зробити²³.

В 50-ті рр., продовжуючи розробляти тематику особистості Пселла та використовуючи надбання французької «школи Аналів», П. Іоанну, французький вчений грецького походження (як і щойно згаданий Б. Татакіс), здійснив спробу відтворити окремі сторінки повсякденного життя Константинополя і вписати до нього візантійського автора²⁴. Це дозволило йому встановити деякі факти біографії Пселла, які залишилися поза увагою інших дослідників. Зокрема, П. Іоанну вдалося висвітлити його короточасне перебування в Нарсійському монастирі, а також деякі аспекти його взаємин з друзями та родиною Дук. Все це, незважаючи на певний фактологізм, складає безумовну цінність праць П. Іоанну.

У другій половині 60–70-х рр. XX ст. знову піднімається питання про оригінальність філософської концепції Пселла. Загальноєвропейську дискусію було розпочато відомим австрійським вченим Х. Хунгером²⁵. Це питання було тісно пов'язане з розробкою започаткованої на першому з виділених нами етапів теми морально-етичного підґрунтя діяльності та творчого доробку Михаїла Пселла. Шукаючи пояснення пристосуванству візантійського царедворця, вчені нерідко посилалися на життєві обставини або прагматичні міркування, які могли змусити його виявляти «низькі» сторони своєї натури. Характерний приклад в цьому відношенні – одна з робіт італійського дослідника Р. Анастазі, який намагався узгодити знамениту звинувачувальну промову проти Михаїла Кіруларія з повною похвал епітафією тому ж патріарху²⁶. Він розробляв також деякі аспекти історичної концепції та методології Пселла. Зазначимо насамперед, що Р. Анастазі дещо в іншому ключі, ніж Дж. Хассі, ставив проблему провидіння у Пселла. На думку дослідника, Пселл займав проміжне становище між двома крайнощами – вірою в абсолютну владу провидіння, трактованого в християнському дусі, і визнанням свободи волі людини²⁷. Таке трактування світогляду Пселла виглядає дещо спрощеним у порівнянні зі слухним спостереженням Дж. Хассі. Як щойно зазначалося вище, провіденціалізм Пселла, за спостереженням Дж. Хассі, був лише частково християнським і включав в себе те, що вона назвала «незрозумілою і неминучою силою справедливості».

Р. Анастазі розглядав також питання про ідеального правителя в уявленні Пселла. Досліджуючи оповідь Пселла про царювання Костянтина IX Мономаха, він дійшов висновку, що незважаючи на окремі похвали, загальна оцінка Пселлом його правління негативна. Намагаючись пояснити різні підходи Пселла до опису дій різних правителів, дослідник висунув тезу про те, що розділи «Хронографії» були складені не одночасно, а судження Пселла про правителів обумовлені політичною обстановкою і його позицією на момент написання твору. Позиція Пселла навряд чи могла визначатися лише політичною кон'юктурою, проте висунуте Р. Анастазі положення, безсумнівно, є цікавим і заслуговує на

увагу²⁸. Візантійський автор, на думку Р. Анастасі, написав не історичну роботу в класичному сенсі, а склав апологію своєму політичному життю. Пселл, на його погляд, навмисне назвав свою роботу «Хронографією» в силу суто особистого характеру своєї розповіді і не використав терміна «історія», який накладає жорсткі зобов'язання. Слід, однак, зауважити, що Пселл називав свою роботу і хронографією, і історією. Крім того, Пселл цілком ясно проголосив свій намір написати історичну працю – науку нащадкам.

Дещо порушуючи хронологію розгляду, коротко зупинимось на доробку ще одного італійського дослідника, Д. дель Корно, який займав відносно деяких трактованих Р. Анастасі питань іншу позицію. Свої спостереження щодо світогляду і методу Михаїла Пселла він виклав у вступній статті до італійського видання «Хронографії» (1984 р.). На його думку, Пселл був особистістю вкрай суперечливою. Дослідник відзначав реалістичне і прагматичне бачення світу Пселлом, що зближувало його з позиціями західного середньовічного натуралізму. Відчуття реальності письменника проклало собі дорогу, долаючи візантійські історіографічні стереотипи. Д. дель Корно підкреслював прагнення Пселла бути особисто присутнім у тексті і вказувати на власну роль у подіях, проте, на відміну від Р. Анастасі, не називав його працю мемуарами. Д. дель Корно також розмірковував про концепцію історії Пселла, слушно відзначаючи нездатність візантійського автора вирішити проблему поєднання приречення і свободи волі²⁹.

До висвітлення переважно морально-етичних аспектів в творчості Михаїла Пселла тяжіє також робота грецького вченого Є. Кріараса (1972 р.). Залучивши багатий матеріал з творів Пселла різних жанрів, він поставив собі за мету представити фігуру письменника всебічно, торкнувшись різних аспектів його приватної, громадської і літературної діяльності. Пселл, на його думку, був прекрасним сім'янином, добрим другом, великим вченим і талановитим письменником, але поганим державним діячем. Автор з жалем констатував, що така видатна людина марно витрачала свої сили і до того ж погано проявила себе в області, в якій їй не слід було б прагнути займати провідні ролі³⁰. Спробу грецького вченого вирішити проблему співвідношення суспільно-політичних поглядів М. Пселла з його політичною діяльністю слід визнати плідною перш за все завдяки оригінальній постановці напрямів подальшого дослідження.

Одним з кардинальних питань світогляду Пселла, яке продовжувало цікавити дослідників в цей період, було його ставлення до античної спадщини. Спектр оцінок досить широкий; як буде показано нижче, вони коливаються від відверто антиісторичних уявлень про Пселла як про епігона античності до заяв про створення ним оригінальної філософської системи. Простим імітатором античних зразків представ Пселл, зокрема, у роботі шведської дослідниці А. Гадолін, виданої у 1970 р. Вона висунула тезу про те, що історія означала для візантійців «неупереджений перелік з аналізом подій, складений в аттичному стилі і в цілому пройнятий бажанням бути якомога ближче до визнаної [класичної] моделі»³¹. Саме в такому ключі, на її погляд, і написана «Хронографія». Проте твір Пселла, як відомо, дуже суб'єктивний і, як буде показано в даній роботі, позначений яскравою індивідуальністю автора.

Протилежна точка зору була висловлена американським вченим грецького походження Е. Калделлісом, який виконав ґрунтовну роботу у відомому центрі візантинознавства в Дамбартон-Окс в США у 1999 р. На думку Е. Калделліса, Пселла не можна вважати неоплатоніком, як це зазвичай робиться³². Візантієць, на його погляд, був послідовником Платона, а його політична і філософська думка була революційною для того часу і абсолютно антихристиянською. Ці ідеї послідовно проводяться автором через всю книгу, при цьому погляди Пселла постійно порівнюються з поглядами Макіавеллі. Е. Калделліс стверджував, що хоча «Хронографія» містить захоплююче історичне оповідання, насправді вона є замаскованою філософською роботою.

Дослідник також відзначав т. зв. «реалізм» і політичний «прагматизм» візантієця. Особливої уваги заслуговують роздуми Е. Калделліса щодо ставлення Пселла до релігії. Дослідник зробив висновок, що світогляд візантійського письменника являє собою серйозний виклик православ'ю. Ці його спостереження надали імпульс до роздумів і уточнень та перегляду низки усталених кліше.

«Хронографія» зокрема і творчість Пселла в цілому приваблювали дослідників цього періоду не лише самі по собі. Вони надавали широкий матеріал для реконструкції повсякденного життя візантійського населення різних соціальних верств. В одному з етюдів монографії французького дослідника П. Лемерля відтворюються умови життя та професійної діяльності візантійської інтелігенції, зокрема, вчителів константинопольських шкіл. Автору вдалося висвітлити деякі аспекти кар'єри Пселла-викладача, а також змалювати його взаємини з іншими інтелектуалами столиці³³.

У своїй роботі «Життя та ідеологія візантійських жінок: подальші роздуми щодо умовностей поведінки та соціальної реальності за історичними джерелами одинадцятого та дванадцятого сторіч» австралійська дослідниця Л. Гарланд плідно використала матеріал «Енкомія матері» та «Промови на смерть Стилиани» для вивчення повсякденного життя візантійських жінок³⁴. В цілому їй вдалося здійснити достовірний нарис з малодослідженої теми. Роль і становище жінок у візантійському соціумі висвітлені не лише в побутовому аспекті, але й на ідеологічному рівні. Ця розвідка має важливе значення, оскільки дозволяє повніше уявити особливості соціального світогляду Пселла. Цій же меті слугувала стаття американського вченого М. Ангольда «Автобіографічний імпульс в Візантії»³⁵.

З викладеного вище видно, що у другій половині ХХ ст. зарубіжних дослідників продовжували цікавити в основному загальнофілософські та морально-етичні переконання Пселла. На відміну від попереднього періоду, в цей час візантинознавці намагалися не просто виявити певну рису його концепції, а зрозуміти соціальний та політичний контекст, який обумовив її появу. Пошуки велися і в напрямі встановлення ідеологічних та культурних чинників «феномену Пселла». Були також зроблені важливі кроки в напрямі постановки питання про історичну методологію візантійського вченого.

Окремо слід розглянути вивчення творчості Пселла в радянській історіографії, яка позиціонувала себе як марксистська і чітко дистанціювалася від інших методологій. Зазначимо, однак, що спадкоємність між російською і радянською школами візантинознавства досить помітна. З точки зору вивчення візантійської

суспільно-політичної думки взагалі і творчості М. Пселла зокрема дуже важливо позначити роль В. Є. Вальденберга. На жаль, його наукова діяльність, наскільки нам відомо, поки що не отримала належної оцінки в візантинознавстві. Тому необхідно хоча б пунктирно позначити найбільш важливі сторони цієї діяльності. В. Є. Вальденберг, за освітою юрист, почав свою діяльність наприкінці XIX ст. і залишився в СРСР після 1917 р. Його наукові інтереси знаходились в галузі вивчення візантійської політичної ідеології. Він опублікував низку статей за кордоном. Інтерес В. Є. Вальденберга до цієї теми збігся із занепадом візантинознавства в СРСР. У 20-і рр. його праці не привертали особливої уваги³⁶. До кінця своїх днів вчений удосконалював рукопис, присвячений візантійській політичній філософії, під назвою «Історія візантійської політичної літератури у зв'язку з історією філософії та державного устрою».

Цей рукопис, § 1 розділу IV якого присвячений Михаїлу Пселлу, дуже важкодоступний*. Однак невелика опублікована стаття про філософські погляди візантійського письменника дозволяє ознайомитися зі спостереженнями В. Є. Вальденберга³⁷. Вчений слушно відзначав чітке відмежування Пселлом «першої філософії» (тобто теології) від філософії взагалі. Рационалістичне пізнання в області «першої філософії» для Пселла, на погляд В. Є. Вальденберга, є неможливим. Водночас вчений підкреслював наявність у Пселла вимоги суворого наукового («геометричного») методу в пізнанні істини. «По мненню Пселла, – зазначав В. Є. Вальденберг, – все другие науки должны взять от математики ее числовой метод и геометрическое доказательство, которые одни только обладают свойством логически принуждать нас к признанию данного положения истинным или ложным»³⁸. Таким чином, В. Є. Вальденберг відзначив унікальну для XI ст. рационалістичну установку в філософії Пселла. Започатковані В. Є. Вальденбергом студії, однак, не отримали розвитку, хоча, як нам здається, його творчість мала певний вплив на формування інтересу до історико-філософських досліджень в радянській візантиністиці. Творчість В. Є. Вальденберга, таким чином, складає певну передавальну ланку між дореволюційним і радянським візантинознавством. Необхідно при цьому зазначити, що вчений, який називав свій метод «історичним ідеалізмом», завжди залишався на позиціях, близьких до «культурно-історичного» напрямку, започаткованого відомим дослідником Ренесансу, Я. Буркхардтом³⁹.

У другій полов. 60-х рр. з'явилася колективна робота «Історія Візантії» за редакцією академіка С. Д. Сказкіна, у створенні якої взяли участь провідні вчені В. М. Лазарев, Н. В. Пігулевська, О. П. Каждан, О. Е. Ліпшиц, О. Ч. Скржинська, М. Я. Сюзюмов, З. В. Удальцова, Г. Г. Літаврін, К. О. Осипова. У цій праці, яка втілила загальну концепцію становлення і розвитку Візантії, першорядне значення приділяється виявленню соціально-економічного підґрунтя явищ

* І. С. Горновій, на жаль, залишилися невідомою публікація цієї праці В. Є. Вальденберга, здійснена В. І. Земсковою: *Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства* / Подгот. изд. В. И. Земсковой; Науч. консультант И. П. Медведев. – СПб., 2008. – 536 с. Див. також: Вальденберг В. Е. Государственное устройство Византии до конца VII века / Подг. изд. В. И. Земскова. – СПб., 2008. – 224 с. – *Примітка заст. головного редактора.*

і подій візантійської історії. Разом з тим в ній докладно висвітлені політичне, правове, ідеологічне та культурне життя Візантійської імперії. У відповідних розділах 2 тому (відповідальний редактор О. П. Каждан) активно залучалися відомості Михаїла Пселла та Іоанна Скилиці⁴⁰.

Глибоке вивчення творчості М. Пселла почалося лише в 70–80-ті рр. і пов'язане воно насамперед з іменами О. П. Каждана, Я. М. Любарського і С. С. Аверинцева. Значний внесок у постановку історико-філософської проблематики у візантійській літературі зробив О. П. Каждан, який ввів поняття «*homo byzantinus*» і пов'язав еволюцію візантійського історіописання з питанням «про людину в літературі». Помітною подією стала публікація книги О. П. Каждана «Культура Візантії». Завдання дослідження полягало в побудові моделі візантійського суспільства в його історичному розвитку. «Помічником» О. П. Каждана при вирішенні цього завдання був Михаїл Пселл, відомості якого широко використовувалися ним для характеристики соціальних зв'язків у Візантійській імперії⁴¹. В іншій роботі О. П. Каждана відомості Пселла широко використовувалися для вивчення соціальної стратифікації Візантії⁴². Після еміграції до США в 1979 р. О. П. Каждан працював у центрі Дамбартон – Окс, де виконав низку цінних досліджень і загальних робіт. Відзначимо, зокрема, його фундаментальний візантинознавчий словник⁴³.

Напрямок, започаткований О. П. Кажданом, отримав подальший розвиток і глибоку розробку в працях його учня, Я. М. Любарського. Дослідження історичної спадщини Михаїла Пселла, яке було виконано Я. М. Любарським, його переклади та публікації джерел заклали підвалини для вивчення візантійської історичної традиції. Позначимо найбільш важливі напрямки пошуків Я. М. Любарського. В їх числі проблема спадкоємності і новаторства у візантійській історичній літературі, питання про ставлення середньовічного історика до джерела, про його взаємини з соціальним середовищем та ін. Хоча в центрі уваги Я. М. Любарського перебувала насамперед творчість Михаїла Пселла, вивчення спадщини візантійського письменника здійснювалося вченим на тлі дослідження загального контексту розвитку суспільно-політичної думки Візантії.

За власним визнанням Я. М. Любарського, Пселл приваблював його неординарними методами створення портретів історичних діячів, які не були властиві середньовічним авторам. Спочатку дослідник був схильний пояснювати цю неординарність особистими здібностями Пселла, які дозволяли йому проникати в людську психологію. При подальшому вивченні візантійської історичної традиції, вчений дійшов висновку, що талант Пселла був не єдиним фактором, який слід брати до уваги при оцінюванні рівня його майстерності. Пселл перебуває на вершині тривалого процесу еволюції візантійської історіографії, стартовий момент якого Я. М. Любарський відносить до VI ст.⁴⁴

Важливим аспектом досліджень Я. М. Любарського є відтворення становища інтелектуалів у візантійському суспільстві. Ця робота проводилася ним на базі копіткого вивчення широкого кола джерел, у тому числі унікальної епістолярної спадщини Пселла. Вчений справедливо зазначав, що листи Пселла – це «людська комедія» Візантії XI ст. Відмінності у відносинах Пселла зі своїми кореспондентами, що визначалися не офіційним становищем людини, а кругом його духовних

інтересів, віддзеркалюють соціальний побут і духовні запити візантійської інтелігенції⁴⁵. Розглядаючи Пселла в його відносинах з сучасниками, Я. М. Любарський активно використовував своєрідний метод психологічного проникнення в особистість і світогляд письменника. Він виявив вплив риторики на стиль і композицію праць Михаїла Пселла, проаналізував елементи раціоналізму і вільнотумства в його філософії історії та загальному світогляді. Дослідження такого роду досить звичайне для текстів Нового часу і у зв'язку з мізерністю джерельної бази фактично не проводиться на матеріалах творів середньовічних авторів.

Окремим сюжетом роздумів Я. М. Любарського були висловлені в зарубіжній історіографії (зокрема, в працях К. Зерваса, Б. Татакіса, Р. Анастасі та ін.) ідеї про те, що творчість візантійського історика можна кваліфікувати як близьку до ренесансного гуманізму. На відміну від західних дослідників, Я. М. Любарський запровадив поняття візантійського передгуманізму та відніс до нього творчість Пселла, поставивши цікаву проблему, яка все ще є дискусійною.

У 80-ті рр. виходили як окремі статті, так і розвідки, що мають відношення до зазначеної проблематики. Ці напрацювання знайшли своє підсумкове втілення в спеціальних дослідженнях у збірці «Культура Візантії». На особливу увагу заслуговують статті Г. Г. Літаврїна, М. В. Бібікова та С. С. Аверинцева, присвячені відповідно розвитку політичної теорії, історичної та філософської думки у Візантії⁴⁶. Серед спостережень Г. Г. Літаврїна відзначимо його слушну тезу про те, що саме Пселлу вдалося відродити античну ідею про державну службу як обов'язок перед суспільством.

Історична методологія Пселла аналізується в нарисі М. В. Бібікова, який підкреслював принцип суб'єктивної організації матеріалу в «Хронографії», нерозривну єдність розвитку історичного процесу і особистості героя, залежність характеру історичної особистості від політичних обставин. Все це, на думку М. В. Бібікова, становить специфічність історизму М. Пселла. Не менш істотними його елементами бачаться досліднику прагнення до свободи від стереотипу, а також уявлення Пселла про індивідуальність розуміння добра і зла. Ці спостереження підводять М. В. Бібікова до підтримки тези Я. М. Любарського про «передгуманістичний» зміст світогляду М. Пселла. До подібного висновку дійшов також А. Д. Алексідзе, який ґрунтовно дослідив риторичні праці візантійського історика⁴⁷.

Окремого розгляду заслуговують спостереження С. С. Аверинцева, оскільки він найбільш систематично дослідив вузькоспеціальне питання про оцінку філософського аспекту творчості візантійського мислителя. З 70-х рр. дослідник включився в згадувану вище загальноєвропейську дискусію з приводу правомірності тверджень про оригінальність філософської концепції Михаїла Пселла, започатковану Х. Хунгером⁴⁸. С. С. Аверинцев приєднався до висновку австрійського візантинознавця про те, що Пселла можна визнати найбільш значним представником візантійського світського, антикізуючого напрямку⁴⁹. Що ж до прямих запозичень у філософських роботах Пселла і загальної компілятивності його текстів, то в цьому відношенні С. С. Аверинцев знайшов можливим врахувати аргументацію Б. Татакіса. Дійсно, французький вчений показав, що більшість філософських трактатів Пселла носять просвітницький характер

і є відповідями на питання, задані йому як педагогу (тобто вони були написані як посібники для учнів і не вимагали оригінальності суджень)⁵⁰.

С. С. Аверинцев вважав, що головне значення діяльності Пселла не в розробці оригінальної філософської системи, а в його просвітницькій і педагогічній роботі. Вчений слушно підкреслював вельми важливий момент просвітницької діяльності візантійця: пселлівські плагіати свідчать про відсутність інтересу і забутисть в його час неоплатонічних творів, які він коментував, повертаючи їх таким чином читачам⁵¹.

Відаючи належне висновкам Я. М. Любарського про співіснування у світогляді Пселла взаємовиключних тенденцій, С. С. Аверинцев піддав сумніву запропонований Я. М. Любарським метод аналізу поглядів Михаїла Пселла, який складається у виявленні нових смислових моментів у копійованих традиційних положеннях⁵².

В нарисі С. С. Аверинцева порушене також питання про своєрідність пселлівського раціоналізму, що його, як зазначалось вище, піднімав свого часу в російській візантиністиці В. Є. Вальденберг. На думку дослідника, незважаючи на відвертий раціоналізм М. Пселла, християнсько-теологічні аспекти його думки жодним чином не зводилися до дипломатії, до тактичних вивертів, а християнство, безсумнівно, «было включено для Пселла ... в число правил трудной интеллектуальной игры, искренне занимавшей его ум»⁵³. У цілому С. С. Аверинцев справедливо вважав оцінку місця Пселла в історії філософії завданням вельми складним і актуальним.

Як у С. С. Аверинцева, так і у низки інших дослідників (щойно були наведені погляди Я. М. Любарського, М. В. Бібікова), до візантійської культури XI ст. застосовуються терміни «гуманізм», «передгуманізм», «ренесанс». В рамках стислого нарису не є можливим розгортати дискусію з приводу їхньої правомірності. Зауважимо лише, що відповідне культурне явище фахівець в галузі візантійської естетики В. В. Бичков запропонував назвати «класицистським»⁵⁴. На наш погляд, цей термін точніше віддзеркалює сутність процесів, які розгорталися в візантійській культурі цієї доби.

Завершуючи огляд вивчення творчості Пселла в радянський період, відзначимо наступне. Між радянським і російським візантинознавством існує певна спадкоємність в плані дослідження історико-філософської та політичної теорії Михаїла Пселла. В радянський період суттєво розширилася джерельна база пселлознавства, зокрема, за рахунок масштабного залучення епістолярної спадщини візантійського автора. Значним досягненням цього періоду стало наукове видання перекладів російською мовою основних його творів. Новими напрямками розвідок на цьому етапі стали студії, присвячені місцю та ролі інтелектуалів у суспільстві та значенню їх просвітницької діяльності. В цілому для радянської історіографії характерний набагато більший, ніж для зарубіжної, інтерес до соціального аспекту політичних і методологічних поглядів Пселла.

Якщо спробувати виділити найбільш помітну тенденцію в розвитку сучасного візантинознавства взагалі і пселлознавства зокрема, то можна насамперед констатувати поширення наратологічних підходів. Біля витоків наратології знаходяться, як відомо, структуралістські концепції Р. Барта. У роботах такої

методології активно застосовуються категорії, введені Ж. Дерріда (деконструкція, письмо, дифферанс, слід, дискурс та ін.)⁵⁵. Слід зазначити, що одним з першопрохідців у цій області поряд з англійською дослідницею Р. Макрідес вважається Я. М. Любарський⁵⁶. Ще 1996 р. у статті «Історик в історії» Р. Макрідес зацікавилася проблемою авторської присутності в «Хронографії» і позначила напрями історико-літературознавчих досліджень текстів Пселла⁵⁷. Програмною, однак, стала опублікована у 1998 р. в норвезькому журналі «Symbolae Osloenses» робота Я. М. Любарського «Дослідження джерел та / або літературознавство: наративні структури у візантійських історичних творах», в якій був запропонований аналітичний нарис розвитку візантійської літератури, присвячений ролі літературної критики у виявленні наративних структур візантійського історіописання⁵⁸.

Як і дослідникам попереднього періоду, сучасному поколінню візантиністів у високій мірі притаманне прагнення до переосмислення поглядів, які були висловлені раніше, до відкриття нових аспектів досліджень, до залучення нових джерел, до виправлення припущених помилок. Ще однією важливою тенденцією сучасної історіографії є об'єднання зусиль вчених різних країн для виконання комплексних проектів, незалежно від методологій і підходів. Результатом таких зусиль стають численні тематичні збірки статей, серед яких слід відзначити публікації, які з'явилися в рамках проекту «Середньовічне Середземномор'я», а також виконані паризьким «Центром досліджень з історії Візантії» і британським «Товариством заохочення до візантійських досліджень».

В рамках проекту «Середньовічне Середземномор'я» в 2006 р. вийшла 61-а збірка робіт візантинознавців під назвою «Читаючи Михайла Пселла», присвячена трактуванню творчості візантійського автора. Головна думка, що об'єднує видані в ній роботи, зводиться в основному до необхідності нових прочитань «Хронографії» та інших творів Пселла в контексті вже досягнутого⁵⁹. Зазначена вище тенденція широкого використання наратологічних підходів виявилася в цій збірці у повній мірі. На особливу увагу заслуговує стаття Е. Калделліса «Роздуми про майбутнє пселлознавства, з врахуванням його Енкомію Матері», в якій викладається його бачення сучасного стану вивчення творчості Михайла Пселла і перспектив його подальшого розвитку. Вважаючи, що Пселл повинен бути віднесений до «авангарду європейського середньовіччя та інтелектуальної історії»⁶⁰, Е. Калделліс виділяє найбільш актуальні завдання пселлознавства: необхідність нових кваліфікованих перекладів і коментарів праць Пселла; ретельна атрибуція його текстів; дослідження особливостей лексики; поглиблене вивчення історико-філософської спадщини.

Одним із стрижневих моментів статті Е. Калделліса є спостереження про якісні методологічні зміни в візантинознавстві, яке, на думку вченого, нарешті, досягло рівня історіографії межі XX і XXI ст. Грецький автор має на увазі перш за все використання при аналізі творів Пселла наратологічних прийомів. Проте варто відзначити, що роздуми про наратологічні методи вивчення стилю Михайла Пселла приводять його до спостереження про те, що ця методологія лише «заново» відкриває давно запропоновані грецькою риторикою прийоми роботи з текстом⁶¹. Це протиріччя є безсумнівним свідченням складних методологічних пошуків, які ведуться по різних напрямках.

Окремі аспекти творчості Пселла вивчаються із застосуванням наратологічного інструментарію С. Папайоанну, А. Літлвудом, К. Ангеліді, Д. Краллісом, Д. Даффі та іншими авторами, чиї статті містяться в згаданій вище 61-ій збірці праць візантинознавців⁶². Для цілей даної роботи найбільший інтерес серед статей збірки має робота Д. Кралліса «Атталіат як читач Пселла», в якій досліджується вплив «Хронографії» Михайла Пселла на «Історію» Михайла Атталіата. Для аналізу обрано тільки один з епізодів обох творів: опис царювання Романа Діогена, в характеристиці якого візантійські історики кардинально розходяться. Активне застосування Д. Краллісом категорії «деконструкція» може створити у читача враження, що головним завданням Атталіата було «руйнування штампів оповіді» Пселла. Проте в результаті зіставлення текстів Д. Кралліс приходить до висновку про те, що співпадіння і розбіжності обох авторів визначаються їх методологічними установками і політичними цілями⁶³. Таким чином, наратологічний інструментарій має тут значною мірою характер декорації, а не працюючого механізму дослідження. Разом з тим поставлені Д. Краллісом питання і окреслені ним напрями подальшої обробки текстів обох творів здаються вельми перспективними.

Автор іншої цікавої статті цієї збірки, присвяченої пам'яті Я. М. Любарського, відомий грецький візантиніст С. Папайоанну, який працює в Дамбартон-Окс, аналізує естетику образного мовлення Михайла Пселла. На даний момент вчений реалізує декілька тісно пов'язаних проектів, що стосуються творчості Пселла. Перш за все, відзначимо, що він разом із зберігачем колекції візантійських джерел «Анастос» і дослідником з університету Нотр-Дам (США) Д. Дженкінсом взяв активну участь в тематичному виданні робіт Пселла, ініційованому Е. Калделлісом⁶⁴.

Сам Д. Дженкінс є автором цікавої статті про генетичні зв'язки між філософією Пселла, Прокла і Платона. Він знаходить лінії спільності між ними і виводить ряд положень Пселла від платонівського «Парменіда»⁶⁵. Філософська концепція Пселла та її витоки продовжують привертати увагу низки інших дослідників⁶⁶.

Варіант нового прочитання «Хронографії» пропонується у статті англійського вченого М. Джеффріса «Пселл та «його» імператори: факти, вигадка та жанр», опублікованій в матеріалах 40-го весняного симпозіуму британського «Товариства заохочення до візантійських досліджень». М. Джеффріс зробив спробу встановити, наскільки матеріал листів і малих творів Пселла підкріплює або підриває оповідь («narrative») «Хронографії», читаючи, за його висловом, «Пселла проти Пселла»⁶⁷. Виконуючи «деконструкцію» тексту для розгляду одних і тих самих подій «з різних точок зору або різних літературних платформ», М. Джеффріс вдається, проте, перш за все до традиційного порівняльного методу. Цей метод дозволяє йому відкрити цікаві деталі, що стосуються придворної кар'єри Пселла, в той час як проголошені ним принципи наратологічного дослідження і тут швидше залишаються декларацією і часом ускладнюють виклад.

«Наратологічні механізми» творчості Пселла досліджуються в новітній час також Є. Вріес ван дер Вельден, Е. Піч, К. Аманді, Г. М. Греко, С. Ефтіміадісом, К. Мак Лареном, Р.-І. Ліліє та ін.⁶⁸

Пселлознавчі дослідження ведуться на даний час і давно апробованими методами. Можна умовно виділити основні напрями найбільш інтенсивних пошуків: уточнення фактів біографії візантійського мислителя; виправлення помилок «Хронографії» та інших текстів Пселла, допущених при попередніх публікаціях, використання відомостей «Хронографії» для різних досліджень.

На початку поточного століття вчені знову поставили під питання загально-новизнану раніше дату смерті візантійського історика. Ініціатором став німецький вчений А. Шмінк, а грецький дослідник А. Карпозіос детально розглянув цей сюжет⁶⁹. Останній піддав сумніву правомірність давно встановлених фактів і дат. Наведена ним аргументація про неможливість розташовувати дату смерті візантійського автора після 1097 р. видається, однак, непереконаливою, і насамперед тому, що він ігнорує значну частину доказів на користь датування, яке ним спростовується.

Окремі аспекти біографії та світогляду Пселла досліджуються в роботах італійського вченого Ф. Лауріцена. Аналізовані ним матеріали дозволяють більш чітко виявити подвійність богословських і філософських поглядів візантійського вченого⁷⁰.

Французький вчений Ж.-Кл. Рідінгер також досліджує біографію і етапи політичної та наукової кар'єри візантійського мислителя. Йому вдалося встановити багато цікавих деталей і висловити ряд цінних спостережень, серед яких відзначимо, перш за все, діяльність Пселла в якості іпата філософів. Близькою тематично є робота французького візантинознавця Е. Лімузена⁷¹. Ж.-Кл. Рідінгер виконав також скрупульозну роботу з філолого-історичного аналізу «Хронографії» в традиційному ключі. У роботі здійснено глибокий аналіз помилок, допущених при публікації цього тексту, і виявлений величезний потенціал подальших досліджень такого роду на шляху більш глибокого розуміння змісту «Хронографії»⁷².

На цьому ж терені виконує багатосторонню роботу німецький візантинознавець Д. Райнш. Піддаючи глибокій критиці перші видання «Хронографії» грецькою мовою, Д. Райнш виявляє також численні похибки пізніших перекладів. Дослідник залучає досить різноманітний історичний матеріал, який значною мірою уточнює контекст описуваних в «Хронографії» подій⁷³. В ході роботи з різними перекладами і виданнями «Хронографії» Д. Райнш здійснив також успішну спробу реконструювати обставини відображеної в ній битви при Нікеї 1057 р. між військами бунтівного Ісаака I Комніна і імператорською армією Михайла VI⁷⁴.

«Хронографія» та інші твори Пселла продовжують залишатися одними з базових наративних джерел з історії Візантії XI ст., у зв'язку з чим чимало дослідників багатьох методологічних напрямів використовують її для робіт різної тематики. Інтенсивно експлуатується «Хронографія» у статті грецького дослідника Т. Лунгіса, в якій запропоновано аналіз взаємовідносин між візантійськими імператорами, народом і Сенатом⁷⁵. У роботах А. Г. Саввідіса, С. Вріоніса, А. Е. Лайу, К. Холмс, П. Агапітоса, які з'явилися після 2000 р., праці Пселла залучені для аналізу загальних тенденцій візантійської історіографії, для дослідження природи імператорської влади, для відтворення істотних деталей важливих епізодів візантійської історії та ін.⁷⁶

Щодо дослідників України і Росії, то в даний час Пселл приваблює перш за все як філософ. Певне місце поглядам Пселла у своїй загальній праці з історії візантійської філософії (богословського характеру) відвів В. М. Лур'є. Він поставив питання про можливий вплив праць Максима Сповідника на загальнофілософську концепцію Михаїла Пселла⁷⁷. Проте в роботі не міститься ані порівняння, ані аналізу відповідних текстів. Таке співставлення могло б відкрити якийсь додатковий аспект в дослідженні філософського світогляду Пселла, проте на даний момент можна говорити лише про постановку проблеми. З'явилися праці, де приділено увагу філософським поглядам Михаїла Пселла і в Україні. Такою є узагальнююча монографія Ю. Чорноморця, кілька сторінок якої відведено творчості видатного візантійця. Основні положення Ю. Чорноморця мають констатуючий характер⁷⁸.

Отже, вивчення творчості Михаїла Пселла ведеться вже понад п'ять століть і розпадається на кілька етапів. Перші європейські історики, яких прийнято називати ерудитами, витратили чимало зусиль на пошуки і збереження праць візантійського мислителя. Найбільш важливою їх заслугою можна вважати видання та перші спроби коментування творів Пселла. Дещо згаслий в XVIII ст. інтерес до Пселла відродився у другій пол. XIX ст. в працях істориків доби класичного романтизму та позитивізму. Саме в цей час ставиться проблема історизму у творчості Пселла, починається активне вивчення «Хронографії» і закладаються підвалини наукового дослідження праць Пселла в Західній Європі та Росії. Особливу епоху в пселлознавстві становить XX ст., коли удосконалюється джерелознавчий інструментарій і виконуються переклади праць Пселла європейськими мовами. Разом з тим формуються нові підходи до вивчення творчості Пселла, пов'язані в Західній Європі з методологією школи Анналів, а в радянській історіографії – з соціально-економічним аналізом явищ ідеології та культури. Підсумком цього періоду є більш глибоке розуміння витоків світогляду візантійського мислителя, його залежності від соціального і культурного середовища. Для сучасного пселлознавства характерним є поєднання традиційних методологій з новітніми (наратологічними) підходами, запозиченими з арсеналу філологічних наук. Використання наратологічних прийомів свідчить насамперед про інтенсивний методологічний пошук, який ще далекий від завершення.

Підкреслимо, що в працях сучасних дослідників присутня думка про те, що нове прочитання Пселла і комплексне вивчення корпусу його рукописів в сукупності з вивченням спадщини інших представників візантійської культури є магістральною лінією подальшого розвитку візантинознавства в цілому.

¹ *Allatius L. De Psellis et eorum scriptis diatribe.* – Hamburgi, 1793. – 250 p. – (Bibliothecae Graecae; lib. V).

² *Ibid.* – P. 43–45, 52.

³ *Ibid.* – P. 42.

⁴ *Μιχαήλ Ψέλλος.* Εκατονταετηρίς Βυζαντινής ιστορίας (976–1077) // Συλλογή ανεκδότων μνημείων της ελληνικής ιστορίας : 7 τ. / [επισ. Κ. Ν. Σάθας]. – Αθήνα; Παρίσι. – Τ. Δ'(4). – 1874. – Σ. 3–299. – (Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη).

- ⁵ Σάθθα Κ. Ν. Προλόγος // Μιχαήλ Ψέλλος. Συλλογή ανεκδότων μνημείων της ελληνικής ιστορίας : 7 τ. ; [επιστ. Κ. Ν. Σάθθα]. – Αθήνα; Παρίσι. – Τ. Δ' (4). – 1874. – Σ. XXXVI–XXXVIII.
- ⁶ Rambaud A. Michel Psellos, philosophe et homme d'état au XIe siècle. Sa vie et ses oeuvres d'après les récentes publications de M. Constantin Sathas. – Paris, 1877. – 42 p.
- ⁷ Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веках // Труды В. Г. Васильевского: в 4 т. – СПб., 1908–1930. – Т. 1. – 1908. – С. 304–312.
- ⁸ Безобразов П. В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл // Две книги о Михаиле Пселле. – СПб., 2001. – С. 11–182.
- ⁹ Там само. – С. 15.
- ¹⁰ Там само. – С. 182.
- ¹¹ Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности. – СПб., 1891. – С. 151–175.
- ¹² Васильев А. А. История Византийской империи: в 3 т. ; [пер. с англ. А. Г. Грушевой]. – СПб., 2000. – Т. 1. – 2000. – 510 с.
- ¹³ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Ostroemischen Reiches. – München, 1891. – P. 435.
- ¹⁴ Iorga N. Médaillons d'histoire littéraire byzantine // Byzantion. – 1926. – Т. III. – P. 18.
- ¹⁵ Neumann C. Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen. – Leipzig : Duncker et Humblot, 1894. – 121 p.
- ¹⁶ Безобразов П. В. C. Neumann, Die Weltstellung des byzanünisclien Reiches vor den Kreuzzügen: [рецензия] // ВВ. – 1894. – Вып. 1. – С. 721–723.
- ¹⁷ Neumann C. Вказ. праця. – P. 82.
- ¹⁸ Rhodius B. Beiträge zur Lebensgeschichte und zu den Briefen des Psellos / B. Rhodius // Beilage zu dem Programme des königlichen Gymnasiums zu Plauen, V. – Ostern, 1892. – P. 148–151.
- ¹⁹ Zervos Ch. Un Philosophe néoplatonicien du XIe siècle: Michel Psellos, sa vie, son œuvre, ses luttes philosophiques, son influence. – Paris, 1920. – P. 70–75.
- ²⁰ Renauld E. Étude de la langue et du style de Michel Psellos. – Paris, 1920. – 614 p.
- ²¹ Hussey J. Michael Psellus, the Byzantine Historian // Speculum. – 1935. – Vol. 10. – № 1. – P. 82–81.
- ²² Byzantium in the year 1000 / [ed. P. Magdalino]. – Boston; Köln, 2003. – P. 90.
- ²³ Takakis B. La philosophie byzantine. – Paris, 1949. – P. 129–210.
- ²⁴ Joannou P. Aus den unedierte[n] Schrifte[n] des Psellos: Das Lehrgedicht zum Messopfer und der Traktat gegen die Vorbestimmung der Todesstunde // BZ. – 1958. – Vol. 51. – P. 1–14; Joannou P. Psellos et le monastère Tà Ναρσού // BZ. – 1951. – Vol. 44. – P. 283–290.
- ²⁵ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. 2 bd. – München, 1978. – Bd. I. – 1978. – P. 21.
- ²⁶ Anastasi R. Sulla fine dell'epistola di Psello a Giovanni Xifilino // Byz. – 1998. – Vol. 58. – № 2. – P. 455–456.
- ²⁷ Anastasi R. Studi sulla 'Chronographia' di Michele Psello (Testi e studi di storia antica). – Catania, 1969. – P. 79.
- ²⁸ Ibid. – P. 121.
- ²⁹ Corno (del) D. Introduzione // Michele Psello. Imperatori di Bisanzio: (cronografia) ; [introd. di Corno D.]. – Milan, 1984. – Vol. I. – P. XIII–XLIII.
- ³⁰ Κριαράς Ε. Ο Μιχαήλ Ψέλλος // Byzantina. – 1972. – Т. 4. – Σ. 126.
- ³¹ Gadolin A. A Theory of History and Society with special reference to the Chronographia of Michael Psellos: 11-th Century Byzantium. – Stockholm; Göteborg; Uppsala, 1970. – P. 22.
- ³² Kaldellis A. The Argument of Psellus «Chronographia». – Leiden; Boston; Köln, 1999. – P. 7–8.
- ³³ Lemerle P. Cinq études sur le XIe siècle byzantin. – Paris, 1977. – P. 195–248.
- ³⁴ Garland L. The life and ideology of Byzantine women: a further note on conventions of behavior and social reality as reflected in eleventh and twelfth century historical sources // Byzantion. – 1988. – Vol. 58. – № 2. – P. 361–393.
- ³⁵ Angold M. The Autobiographical Impulse in Byzantium // DOP. – 1998. – Vol. 52. – P. 225–257.
- ³⁶ Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / [под ред. И. П. Медведова]. – СПб., 1999. – С. 422–423.
- ³⁷ Вальденберг В. Философские взгляды Михаила Пселла // Византийский сборник. – М.; Л., 1945. – С. 249–256.
- ³⁸ Там само. – С. 251.

- ³⁹ Володарский В. М. Якоб Буркхардт. Жизнь и творчество // Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. – М., 1996. – С. 521–540.
- ⁴⁰ История Византии: в 3 т. / [под ред. акад. С. Д. Сказкина]. – М., 1967. – Т. 2.
- ⁴¹ Каждан А. П. Культура Византии. – М., 1968.
- ⁴² Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII веков. – М., 1974.
- ⁴³ Oxford Dictionary of Byzantium: 3 vol. ; [ed. A. P. Kazhdan]. – New York; Oxford, 1991.
- ⁴⁴ Liubarskij J. N. Man in Byzantine Historiography from John Malalas to Michael Psellos // DOP. – 1992. – Vol. 46: Homo Byzantinus: Papers in Honor of Alexander Kazhdan. – P. 177–178.
- ⁴⁵ Любарский Я. Н. Михаил Пселл: личность и творчество. К истории византийского предгуманизма // Две книги о Михаиле Пселле. – СПб., 2001. – С. 338.
- ⁴⁶ Литаврин Г. Г. Политическая теория в Византии с середины VII до начала XIII в. // Культура Византии. – Т. 2. – М., 1989. – С. 59–89; Бибииков М. В. Развитие исторической мысли // Культура Византии. – Т. 2. – М., 1989. – С. 89–129; Аверинцев С. С. Философия VIII–XII вв. // Культура Византии. – Т. 2. – М., 1989. – С. 36–58.
- ⁴⁷ Алексидзе А. Д. Литература XI–XII вв. // Культура Византии. – Т. 2. – М., 1989. – С. 154.
- ⁴⁸ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. – 2 bd. – München, 1978. – Bd. I. – 1978. – P. 21
- ⁴⁹ Аверинцев С. С. Вказ.праця. – С. 51.
- ⁵⁰ Tatakis B. La philosophie byzantine. – Paris : Presses Universitaires, 1949. – P. 163.
- ⁵¹ Аверинцев С. С. Вказ.праця. – С. 52.
- ⁵² Там само. – С. 50.
- ⁵³ Там само. – С. 55–57.
- ⁵⁴ Бычков В. В. Малая история византийской эстетики. – К., 1991. – С. 236.
- ⁵⁵ Косиков Г. К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989. – С. 3–45; Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996. – С. 10–46.
- ⁵⁶ Holmes C. Basile II and the governance of the Empire (976–1025). – Oxford, 2005. – P. 114; Krumbacher K. Ibid. – P. 77.
- ⁵⁷ Macrides R. The Historian in the History // Philellin: Studies in Honour of Robert Browning. – Venice, 1996. – P. 205–224.
- ⁵⁸ Ljubarskij J. Quellenforschung and/or Literary Criticism: Narrative Structures in Byzantine Historical Writings // Symbolae Osloenses. – 1998. – Vol. 73. – P. 5–73.
- ⁵⁹ Barber Ch. Foreword // Reading Michael Psellos. – Leiden; Boston, 2006. – P. IX.
- ⁶⁰ Kaldellis A. Thoughts on the future of Psellos–studies, with attention to his Mother’s Encomium // Reading Michael Psellos ; [ed. Ch. Barber, D. Jenkins]. – Leiden; Boston, 2006. – P. 228.
- ⁶¹ Ibid., – P. 230.
- ⁶² Papaioannou S. Animated Statues: Aesthetics and Movement // Reading Michael Psellos. – Leiden; Boston, 2006. – P. 95–116; Littlewood A. Imagery in the Chronographia of Michael Psellos // Reading Michael Psellos. – P. 13–56; Angelidi C. The Writing of Dreams: A Note on Psellos’ Funeral Oration for his Mother // Reading Michael Psellos. – P. 153–166; Krallis D. Attaleiates as a Reader of Psellos // Reading Michael Psellos. – P. 167–192; Duffy J. Dealing with the Psellos corpus: from Allatius to Westerink and the Bibliotheca Teubneriana // Reading Michael Psellos. – P. 1–12.
- ⁶³ Krallis D. Ibid., – P. 190–191.
- ⁶⁴ Mothers and Sons, Fathers and Daughters: The Byzantine Family of Michael Psellos. – Notre Dame, 2006.
- ⁶⁵ Jenkins D. Psellos’ conceptual precision // Reading Michael Psellos. – P. 132.
- ⁶⁶ Duffy J. Hellenic Philosophy in Byzantium and the Lonely Mission of Michael Psellos // Byzantine Philosophy and its ancient sources ; [ed. I. Ierodiakonou]. – Oxford, 2002. – P. 139–156; Delli E. Entre compilation et originalité. Le corps pneumatique dans l’oeuvre de Michel Psellos // The Libraries of the Neoplatonists. – Leiden; Boston, 2007. – P. 211–229.
- ⁶⁷ Jeffreys M. Psellos and “his” Emperors: Facts, Fiction and Genre // Byzantine History as Literature: Papers from the Fortieth Spring Symposium of Byzantine Studies, The Centre for Byzantine, Ottoman and Modern Greek Studies of the University of Birmingham April 2007. – Aldershot, 2010. – P. 73.
- ⁶⁸ Vries-van der Velden de E. La lune de Psellos // BS. – 1996. – Vol. 57. – P. 239–256; Vries-van der Velden de E. The Letters of Michael Psellos, Historical Knowledge and the Writing of History

- Writing of History // L'epistolographie et la poésie épigrammatique: Projets actuels et questions de méthodologie Actes de la 16e Table ronde du XXe Congrès international des Études byzantines. – 2003. – P. 121–135; *Pietsch E.* Die Chronographia des Michael Psellos: Kaisergeschichte, Autobiographie und Apologie. – Wiesbaden, 2005; *Pietsch E.* Αυτοβιογραφικά και απολογητικά στοιχεία στην ιστοριογραφία: Η Χρονογραφία του Μιχαήλ Ψελλού // L'écriture de la mémoire: La littérature de l'historiographie. Actes du colloque international sur la Littérature Byzantine, Nicosie 6–8 mai 2004. – Paris, 2006. – P. 267–280; *Amande C.* Παρηγσία e θωπεία nella 'Chronographia' di Psello // Categorie linguistiche e concettuali della storiografia bizantina: atti della quinta Giornata di studi bizantini, (Napoli, 23–24 aprile 1998). – Naples, 2000. – P. 159–165; *Greco G. M.* Esempi di moduli narrativi epico-tragici nella Chronographia di Michele Psello // Categorie linguistiche e concettuali della storiografia bizantina: atti della quinta Giornata di studi bizantini, (Napoli, 23–24 aprile 1998). – Naples, 2000. – P. 167–176; *Efthymiadis S.* Michael Psellos and the Death of Romanos III (Chronographia III. 26): a Failed Bath of Regeneration and a Non-Ascent from Hades // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur, Festschrift für Günther Prinzing. – Wiesbaden, 2005. – P. 255–265; *McCartney E.* The Use of Metaphor in Michael Psellos' Chronographia // Byzantine Narrative: Papers in Honour of Roger Scott. – Melbourne, 2006. – P. 84–91; *Lilie R.-J.* Fiktive Realität: Basileios II und Konstantinos VIII in der «Chronographia» des Michael Psellos // Theatron. Rhetorische Kultur in Spätantike und Mittelalter. – Berlin; New York, 2007. – P. 211–222.
- ⁶⁹ *Schminck A.* Zum Todesjahr des Michael Psellos // BZ. – 2001. – Vol. 94. – Is. 1. – P. 190–196; *Karpozilos A.* When did Psellus die? The evidence of the Dioptra // BZ. – 2003. – Vol. 96. – Is. 2. – P. 671–677.
- ⁷⁰ *Lauritzen F.* Psellos and the Nazireans / F. Lauritzen // Revue des études byzantines. – 2006/07. – Vol. 64–65. – P. 359–364; *Lauritzen F.* Psellos' early career at court: a secretis and Protoasecretis (1034–1042) // BB. – 2009. – Вып. 68. – С. 135–142; *Lauritzen F.* The Depiction of Character in the "Chronographia" of Michael Psellos. – New-York, 2005.
- ⁷¹ *Riedinger J.-C.* Quatre étapes de la vie de Michel Psellos // REB. – 2010. – Vol. 68. – P. 5–60; *Limousin E.* L'entrée dans la carrière à Byzance au XIe siècle: Michel Psellos et Jean Skylitzès // Le prince, l'argent, les hommes au Moyen Age. – Rennes, 2008 – P. 67–76.
- ⁷² *Riedinger J.-Cl.* Remarques sur le texte de la Chronographie de Michel Psellos (I) // Revue des études byzantines. – 2005. – Vol. 63. – P. 97–126; *Riedinger J.-Cl.* Remarques sur le texte de la Chronographie de Michel Psellos (2) // Revue des études byzantines. – 2006/07. – Vol. 64–65. – P. 205–253.
- ⁷³ *Reinsch D. R.* Emendationsvorschläge zur Chronographia des Michael Psellos // BZ. – 2007. – Vol. 100. – Is. 1. – P. 739–777; *Reinsch D. R.* Weitere Vorschläge zur Korrektur des Textes von Michael Psellos, Chronographia // Medioevo Greco. – 2011. – Vol. 11. – P. 204–224.
- ⁷⁴ *Reinsch D. R.* Pselliana // BZ. – 2007. – Vol. 100. – Is. 1. – P. 147–155.
- ⁷⁵ *Lounghis T.* The Byzantine historians on politics and people from 1042 to 1081 // Byzantion. – 2002. – Vol. 72. – № 2. – P. 381–403.
- ⁷⁶ *Savvidis A.* Βυζαντινό ιστοριογραφικό πεντάπτυχο: Προκόπιος, Μιχαήλ Ψελλός, Άννα Κομνηνή, Ιωάννης Κίνναμος, Γεώργιος Σφραντζής. Συμβολή για τους ιστοριογράφους και την εποχή τους. – Athens, 2001; *Vryonis S.* Byzantine DEMOKRATIA and the Guilds in the Eleventh Century // DOP. – 1963. – Vol. 17. – P. 303–308; *Vryonis S.* Michael Psellus, Michael Attaleiates: The Blinding of Romanos IV at Kotyiaion (29 June 1072) and His Death on Proti (4 August 1072) // Porphyrogenita: Essays on the History and Literature of Byzantium and the Latin East in Honour of Julian Chrysostomides. – Aldershot, 2003. – P. 3–14; *Vryonis S.* The Greek and Arabic sources on the Eight Day Captivity of the Emperor Romanos IV in the camp of the Sultan Alp Arslan after the Battle of Mantzikert // Novum Millennium. Studies in Byzantine history and culture dedicated to Paul Speck, 19 December 1999. – Aldershot, 2001. – P. 439–450; *Laiou A. E.* The Emperor's Word: Chrysobulls, Oaths and Synallagmatic Relations in Byzantium (11th–12th c.) // TM. – 2002. – Vol. 14. – P. 347–362; *Holmes C.* Basile II and the governance of the Empire (976–1025). – Oxford, 2005; *Agapitos P.* Public and private death in Psellos: Maria Skleraina and Styliane Psellaina // BZ. – 2008. – Vol. 101/2. – P. 555–607.
- ⁷⁷ *Лурье В. М.* История византийской философии. Формативный период. – СПб., 2006. – С. 495–497.
- ⁷⁸ *Чорноморець Ю.* Візантійський неоплатонізм від Діонісія Ареопажита до Геннадія Схолярія. – К., 2010. – С. 350–352.

М. Е. Домановская, Г. В. Штан

**Е. К. РЕДИН –
ПЕРВЫЙ ХАРЬКОВСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО**

Херсонесская тематика уже более полувека остается одним из основных исследовательских направлений кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. В изучении средневекового Херсонеса-Херсона ведущая роль принадлежит С. Б. Сорочану, автору цикла статей и фундаментальных монографий, многие годы посвятившего археологическим раскопкам «цитадели». На кафедре в настоящее время под его руководством формируется научная школа исследователей Херсонеса Таврического, развивающая традиции профессоров К. Э. Гриневича и В. И. Кадеева, которые по праву считаются первыми харьковскими исследователями, организовавшими регулярные и масштабные исследования древнего города.

Традиционно начало херсонесских исследований в Харьковском университете связывают с именем К. Э. Гриневича (1891–1970), который в 1926–1929 гг. занимал должность директора Херсонесского музея, руководил раскопками на территории т. н. «цитадели» в районе Карантинной бухты, участвовал в поисках «затонувшего города» у берегов Маячного полуострова¹. Став жертвой сталинских репрессий, К. Э. Гриневич смог возобновить научную деятельность только в годы Второй мировой войны. В 1944 г. он защитил докторскую диссертацию и начал преподавательскую работу в ряде высших учебных заведений. В Харьковском университете ученый заведовал кафедрой истории древнего мира и археологии (1953–1966 гг.), опубликовал работу «Стены Херсонеса Таврического», возглавлял археологическую экспедицию, проводившую раскопки в Ольвии, продолжал исследования по греческой истории и готовил к публикации материалы раскопок в балке Бермана (Гераклейский полуостров) по результатам работы экспедиции 1929–1929 гг.² Но существует сюжет, имеющий непосредственное отношение к разработке проблем истории Херсонеса в начале XX века и к истории Харьковского университета, который практически не нашел отражения в историографии. В начале XX в., почти на 25 лет ранее исследований К. Э. Гриневича, известный профессор-искусствовед Е. К. Редин (1863–1908) совершил две «научные экскурсии» в Херсонес с целью изучения его памятников и участвовал в проекте Московского археологического общества по изданию многотомной истории Херсонеса.

О поездках Е. К. Редина, результатах его работы и планах по изданию материалов исследования памятников архитектуры и искусства Херсонеса практически отсутствуют упоминания в наиболее значимых работах по историографии проблемы, в том числе и в подробном очерке истории херсонесских исследований авторства С. Б. Сорочана³. Исключением является монография Р. И. Филиппенко и С. М. Куделко, в которой упоминается работа Е. К. Редина по исследованию т. н. «Уваровской базилики» и «загородного храма», и публикация О. В. Иодко⁴. На основании сохранившихся личных документов П. С. Уваровой А. И. Романчук отчасти восстановила процесс работы известных историков начала XX века над масштабным исследовательским проектом – изданием серии «Памятники христианского Херсонеса»⁵. О своих херсонесских исследованиях Е. К. Редин сообщает в письмах к коллеге по Харьковскому университету Н. Ф. Сумцову (1854–1922). Именно Н. Ф. Сумцов опубликовал их после смерти Е. К. Редина в приложении к некрологу^{6*}. Однако, как правило, знакомство Е. К. Редина с херсонесскими памятниками чаще всего рассматривалось в контексте исследований о Д. В. Айналове.

Е. К. Редин оказался в Херсонесе по инициативе графини П. С. Уваровой (1840–1924), председателя Московского археологического общества, человека, искренне увлечённого сохранением древних памятников, в особенности церковных⁷. В честь юбилея своего покойного супруга А. С. Уварова (1824–1884), известного археолога, одного из первых исследователей городов Северного Причерноморья, графиня задумала издание обширного труда по истории Херсонеса, приложив массу усилий для привлечения лучших специалистов⁸. Возможно, идея написания истории Херсонеса впервые была озвучена в Харькове, на XII Археологическом съезде. Здесь глава Московского археологического общества «договорилась с Айналовым и Рединым о разработке Херсонесских древностей и нашла у них полное сочувствие этому»⁹.

Причиной зарождения идеи П. С. Уваровой стало общее состояние изучения Херсонеса, которое в конце XIX – начале XX века продолжало оставаться достаточно непростым. Необходимо отметить, что с 1876 г. раскопками Херсонеса ведали деятели комитета Одесского общества любителей истории и древностей (5 человек), которые появлялись на месте изредка, наездами, и не могли, естественно, проводить планомерных исследований. Работы проводились откровенно варварски: те, кто непосредственно их проводил, не обладали ни достаточными специальными знаниями (монахи, ориентировавшиеся в первую очередь на поиск предметов, имеющих прямое отношение к христианству), ни финансовыми возможностями (члены Одесского общества)¹⁰. П. С. Уварова писала об этом Александру III, прося императора навести здесь порядок и указывая, что при достаточном рвении «древний Херсонес станет русской Помпеей». В результате с 1887 г. проведение раскопок было передано в руки Императорской археологической комиссии в Петербурге¹¹. В 1902 г. графиня вновь побывала в Херсонесе, однако, несмотря на значительный прогресс, совершенный благодаря заведующему раскопками К. К. Кос-

* Все дальнейшие ссылки на письма Е. К. Редина даются по упомянутому изданию.

цюшко-Валюжиничу, вновь ужаснулась «безобразиям, допущенным там за последние годы»¹².

При содействии графини П. С. Уваровой руководящая роль в проекте была отведена Д. В. Айналову (1862–1939), известному искусствоведу, профессору Казанского университета. Профессор Харьковского университета и университетский друг Д. В. Айналова Е. К. Редин с энтузиазмом откликнулся на предложение, но, ссылаясь на занятость подготовкой докторской диссертации, посчитал невозможным незамедлительно заняться подготовкой отдельной части труда по истории Херсонеса, предложив себя пока в качестве помощника Д. В. Айналову¹³.

Д. В. Айналов в это время уже был известным ученым, автором множества работ по истории античного, византийского, древнерусского искусства. Еще во второй половине 80-х гг. XIX в. он заинтересовался херсонесскими раскопками и выступил с предложением проводить их вдоль морского побережья, от западных стен и от восточной части городища к центру, повторяя, таким образом, путь, по которому шел св. Кирилл через Херсонес с мощами св. Климента¹⁴. На заседании Предварительного комитета по подготовке археологического съезда (в Екатеринославе) графиня П. С. Уварова в личной беседе поручила Д. В. Айналову составить план работ по исследованию Херсонеса: об этом свидетельствует письмо ученого к Н. П. Кондакову от 13 января 1903 г.¹⁵ Организационной работой по подготовке масштабных херсонесских исследований Д. В. Айналов занялся в 1903 г. Так, в письме С. А. Жебелеву он приглашал его к сотрудничеству и писал, что «основной задачей является обнародование памятников Херсонеса и их посильное объяснение». В авторский коллектив, по словам Д. В. Айналова, на тот момент уже вошли Е. К. Редин и С. П. Шестаков, планировалось участие С. А. Жебелева, В. К. Мальмберга, Я. И. Смирнова, П. А. Лаврова¹⁶. Пребывание в далекой Казани, однако, было тягостным для ученого, задействованного в больших исследовательских проектах. Их реализация требовала его присутствия в столице, в ее библиотеках, музеях. Неоднократно в письмах Д. В. Айналов обращался к своим коллегам с просьбой найти для него любое место работы в Петербурге, чтобы быть ближе к научному сообществу и центру культурной жизни дореволюционной России¹⁷. При содействии Н. П. Кондакова и С. А. Жебелева, пройдя необходимые конкурсные процедуры, 11 июля 1903 г. он был назначен ординарным профессором Петербургского университета, получив возможность преподавать и плодотворно заниматься наукой.

В работе Е. К. Редину и Д. В. Айналову неоценимую помощь оказал известнейший археолог К. К. Косцюшко-Валюжинич, предоставивший им массу необходимых материалов, прося взамен не публиковать их до выхода его отчетов за 1902–1903 гг.¹⁸

Поездки в Херсонес были предприняты Е. К. Рединым и Д. В. Айналовым летом 1903 и 1904 гг.¹⁹ Особенно плодотворной была вторая поездка: Е. К. Редин и Д. В. Айналов, друзья с университетской скамьи, поселились в центре Севастополя, где и прожили всю вторую половину июля, ежедневно приезжая (как правило, на лодке, при благоприятной погоде) в Херсонес на целый день (письма 15–18 июля 1904 г.). К сожалению, поездку пришлось прервать в связи

с болезнью Д. В. Айналова. В ходе этих посещений ученые активно проводили сбор материала, который предполагал фотографирование развалин храмов, исследование базилик, работу с археологическими находками и документацией в музее Херсонеса, а также изучение научной литературы²⁰.

Исследователи осмотрели Уваровскую базилику (открыта А. С. Уваровым в 1853 г.) и крещальню рядом с нею (письмо 16 июля 1904 г.)²¹. Больше внимание, однако, они уделили храмам, которые не были на тот момент настолько известны, как, например, большой базилике, находящейся «далеко за монастырём, в самом конце (за парком) древнего города, у стены, у морского берега», рядом с «башнями, с заложенными воротами». Очевидно, это т. н. Северо-Западная базилика. Е. К. Редин отмечал, что она содержится в порядке, который мог бы дать пример содержанию и других херсонесских строений (письмо 18 июля 1904 г.)²².

Значительное внимание привлек «южный загородный храм», его особенность – наслоение двух храмов – и прекрасная мозаика на полу. Также Редина заинтересовали многочисленные херсонесские маленькие церкви и часовни, особенно построенные над древними семейными усыпальницами (письмо 19 июля 1904 г.)²³.

23 июля Е. К. Редин и Д. В. Айналов полностью посвятили изучению загородного храма, расположенного на дороге в Севастополь, за древним херсонесским кладбищем. Внимание привлекла сохранность стен церкви, катакомбы под ней (как дохристианские, так и более поздние), обилие находок и, в особенности, большая мозаика VI века, которую Е. К. Редин назвал «замечательной» (письмо за 23 июля 1904 г.)²⁴. Именно работы этого дня, судя по всему, сыграли значительную роль впоследствии, когда Д. В. Айналов сделал предположение о том, что в этом храме (ныне известном как храм св. Богородицы Влахернской) после взятия Херсонеса Владимиром крестилась дружина князя²⁵. В ходе работ Е. К. Рединым и Д. В. Айналовым было сделано множество фотографий.

Е. К. Редина чрезвычайно беспокоили проблемы сохранности херсонесских памятников. «Херсонес мёртв, и он с трудом воскресает под ударом лопат рабочих, производящих в нём раскопки, под пером учёных, изучающих эти памятники. ... Херсонес не беден памятниками... он беден вниманием к своим развалинам, к тому, что заключается в них» (письмо 26 июня 1903 г.)²⁶. «Христианская русская Помпея; только не умеем ни открывать ее, ни еще менее сберегать открытое...» (письмо 20–21 июля 1904 г.). Е. К. Редин в своих письмах восхищается высоким уровнем развития культуры древнего города, признает ее влияние на Древнюю Русь, называет Херсонес «другой предполагаемой колыбелью земли Русской, приобщившейся здесь в лице В. К. Владимира к церкви христианской» (письмо 16 июля 1904 г.)²⁷.

В то же время его возмущало повсеместное разрушение, халатность, отсталость в проведении работ, грабительство и произвол, отсутствие верно снятых планов и описаний, фотографирования сразу после раскопок, издания наработанных материалов. В музее, по мнению Е. К. Редина, было крайне сложно ориентироваться, ибо там находится «громада мрамора... Ты не можешь в ней ориентироваться, т. к. всякие следы о происхождении их из той или

иной церкви утеряны». «Пренебрежение к памятникам поразительное и прямо преступное» (письма 19–28 июля 1904 г.)²⁸. С рядом препятствий Е. К. Редин и Д. В. Айналов встретились с неожиданной для них стороны – военные пытались запретить фотографирование на ряде участков Херсонеса, поскольку там находились артиллерийские батареи. Инцидент удалось уладить ценой хлопот, занявших целый день, в результате которых удалось достать разрешение на съёмку (письма 23–25 июля 1904 г.)²⁹. Необходимо отметить, что этот случай не был первым: ещё задолго до этого даже тогдашний председатель Императорской археологической комиссии А. А. Бобринский был арестован по подозрению в шпионаже и съёмке плана артбатареи на северо-восточном берегу городища³⁰.

Итогом поездок 1903–1904 годов должна была стать серия исследований, объединённых под общим названием «Памятники христианского Херсонеса». Она предполагалась не менее чем в четырёх выпусках. В первом из них, вышедшем под авторством Д. В. Айналова, указывалось, что книга вышла «по результатам летних экскурсий, предпринятых на средства графини П. С. Уваровой». Она представляла собой обзор открытых на тот момент раскопками «христианских древностей» Херсонеса с учётом последних материалов по христианской археологии и искусству³¹. Д. В. Айналов составил описательный текст на основе их с Рединым совместных наблюдений, также используя рукописные отчёты заведующего раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича, «более полными и обстоятельными», нежели опубликованные. Предисловие к книге, характеризующее как её, так и план следующих выпусков, написано совместно Д. В. Айналовым и Е. К. Рединым, что говорит о значительном интересе, проявленном Егором Кузьмичом к изданию³².

Впоследствии вышли в свет ещё два выпуска серии: П. Лаврова, представляющий собой издание первоисточников, преимущественно посвящённых святому Клименту и херсонским архиепископам³³, и С. Шестакова, ставший попыткой, по словам автора, «сгруппировать сообщения о судьбе... города в византийские века литературных источников» с оценкой их в научной литературе³⁴.

Так сложилось, что именно первый том, в создании которого Е. К. Редин, несомненно, также участвовал, был издан и получил известность в научных кругах. Описание храмов было достаточно подробным и, несмотря на то, что в нем не содержались датировки памятников (их предполагалось дать в последнем томе серии), этот труд долгое время оставался уникальным³⁵. Издание снабжено большим количеством фотографий раскопок. Большая часть их не подписана: ряд их, по свидетельству Д. В. Айналова и Е. К. Редина, были получены от К. К. Косцюшко-Валюжинича, тогда как об остальных ничего не сказано. Скорее всего, они были сделаны Е. К. Рединым во время упомянутых выше «летних экскурсий».

Четвёртый выпуск должен был быть написан самим Е. К. Рединым и посвящаться мрамору, найденному в Херсонесе, мозаичным полам и остаткам фресок в храмах. О «томе Редина» можно судить лишь по косвенным свидетельствам его коллег и графини П. С. Уваровой, поскольку материалы по его созданию, к сожалению, не сохранились. Так, своеобразным продолжением темы

впоследствии стало исследование Д. В. Айналова, посвященное нескольким херсонесским храмам, где, в частности, упоминалось, что в четвертом выпуске «Памятников христианского Херсонеса» будут описаны «очень интересные остатки мраморных украшений» из храма св. Богородицы Влахернской³⁶.

История изучения Херсонеса насчитывает немало десятилетий. Многие учёные и исследователи по разным причинам оказывались здесь, неизменно попадая под своеобразное очарование древних стен и камней фундаментов, несущих в себе жизнь поколений, оторванных от нас веками забвения. Е. К. Редин, специалист по византийскому искусству, справедливо названный Н. Ф. Сумцовым красой Харьковского университета, оказавшись здесь, также не избежал этого плена. Снедаемый жарой и жаждой, не побеждённый ни пылью и песком, ни бюрократией, он сделал всё, что смог, и лишь смерть не позволила ему вписать своё имя в ряды авторов исследований о древнем городе.

¹ *Зубарь В. М.* Летопись археологических исследований Херсонеса–Херсона и его округа (1914–2005 гг.). – Т. 1–2 // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2009. – С. 31; *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Севастополь, 2006. – С. 44.

² *Зубарь В. М.* Летопись археологических исследований Херсонеса–Херсона и его округа (1914–2005 гг.). – С. 30; *Латышева В. А.* К. Э. Гриневич как археолог // Древности 2004. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 2004. – С. 290–291.

³ *Зубарь В. М.* Летопись археологических исследований Херсонеса–Херсона и его округа; *Романчук А. И.* Исследования Херсонеса–Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы: в 2 т. Т. 2: Византийский город. – Тюмень, 2008; *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон: очерки истории и культуры (вторая половина VI – первая половина X в.). – Харьков, 2005; *Сорочан С. Б.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Севастополь, 2006.

⁴ *Філіппенко Р. І., Куделко С. М.* Є. К. Редін – професор Харківського університету. – Харків, 2008; *Иодко О. В.* Е. К. Редин: жизнь и деятельность (по материалам петербургских архивов) // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. – СПб., 2004. – С. 311–345.

⁵ *Романчук А. И.* Исследования Херсонеса–Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы: в 2 т. – Т. 2: Византийский город. – Тюмень, 2008; *Романчук А. И.* Создание серии «Памятники христианского Херсонеса» // АДСВ. – 2003. – Вып. 34. – С. 426–434.

⁶ *Сумцов Н. Ф.* Человек золотого сердца: (Профессор Егор Кузьмич Редин). – Харьков, 1909.

⁷ *Редин Е. К.* Графиня П. С. Уварова: (К двадцатилетию её председательства в Императорском Московском Археологическом обществе). – Харьков, 1905. – С. 7.

⁸ *Анфертьева А. Н.* Д. В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. – СПб., 1995. – С. 305–306.

⁹ Цит. по: *Романчук А. И.* Исследования Херсонеса–Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы. – С. 32; *Філіппенко Р. І., Куделко С. М.* Є. К. Редін — професор Харківського університету. – С. 38–39.

¹⁰ *Сорочан С. Б.* Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 23–25.

¹¹ *Сорочан С. Б.* Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 25–26.

¹² *Анфертьева А. Н.* Д. В. Айналов: жизнь, творчество, архив. – С. 305–306.

¹³ Там же; *Філіппенко Р. І.* Є. К. Редін – професор Харківського університету. – С. 38–39.

¹⁴ *Сорочан С. Б.* Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 26.

¹⁵ *Анфертьева А. Н.* Д. В. Айналов: жизнь, творчество, архив. – С. 272.

¹⁶ Там же. – С. 273.

¹⁷ Там же. – С. 273–275.

¹⁸ *Романчук А. И.* Создание серии «Памятники христианского Херсонеса». – С. 429.

- ¹⁹ Скирда В. В. Профессор Е. К. Редин как археолог // Вісник Харківського державного університету. – 1997. – № 396: Історія. – Вип. 29. – С. 51.
- ²⁰ Сумцов Н. Ф. Человек золотого сердца: (Профессор Егор Кузьмич Редин). – С. 53–55.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. – С. 55–56.
- ²³ Там же – С. 57.
- ²⁴ Там же. – С. 58.
- ²⁵ Айналов Д. В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности: труды Императорского Московского Археологического общества. – Т. 25. – М., 1916. – С. 87.
- ²⁶ Сумцов Н. Ф. Человек золотого сердца: (Профессор Егор Кузьмич Редин). – С. 46–47.
- ²⁷ Там же. – С. 54–57.
- ²⁸ Там же. – С. 57–59.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Сорочан С. Б. Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 25.
- ³¹ Айналов Д. В. Развалины храмов (Памятники христианского Херсонеса ; вып. 1). – М., 1905. – С. 6.
- ³² Там же. – С. 7.
- ³³ Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности (Памятники христианского Херсонеса; вып. 2). – М., 1911. – С. 2.
- ³⁴ Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Рождеству Христову (Памятники христианского Херсонеса ; вып. 3). – М., 1908. – 147 с.
- ³⁵ Сорочан С. Б. Византийский Херсон: очерки истории и культуры. – С. 21.
- ³⁶ Айналов Д. В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности: труды Императорского Московского Археологического общества. – Т. 25. – М., 1916. – С. 83.

А. В. Иванов

ГРАДООБРАЗОВАНИЕ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ ТАВРИКЕ X–XV вв. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РЕГИОНА

«Любая община в тысячу человек, добывающая скудное пропитание на клочках земли, может дать здесь жизнь городу со всеми неизбежными для него процессами объединения и разобщения. В любом другом месте такое поселение, будь в нем даже вдвое больше жителей, осталось бы деревней».

М. Эймар

Формирование городских поселений на территории нагорья Юго-Западного Крыма и Южном берегу полуострова представляло собой сложный многоэтапный процесс, продолжавшийся на протяжении всего периода средневековья. Его начало и последующий ход были обусловлены своеобразием местных этно-социальных и природных условий – удаленностью территории от культурно и экономически развитых регионов, отсутствием античных традиций городской жизни, постоянной военной угрозой со стороны степи. Нагорье Юго-Западного Крыма традиционно являлось местом контакта классической и наследовавшей ей византийской цивилизации с варварским миром, зоной противостояния оседлых и кочевых сообществ.

Для рассматриваемого региона характерна определенная специфика ландшафтов – многообразие климатических зон на ограниченной территории, крайняя изрезанность рельефа, ограниченность площадей пригодной к обработке земли, неограниченные запасы камня и глины при относительном недостатке строевого леса, сезонный дефицит пресной воды. Геологическое строение внутренней гряды Крымских гор обусловило возможности развития местного варианта скальной архитектуры. Характерные для региона физико-географические условия в значительной мере способствовали сохранению здесь консервативных форм хозяйственной деятельности¹.

Состав населения Юго-Западной Таврики, отличался нестабильностью, взаимодействовавшие здесь этносы представляли собой различные по социально-политической организации и экономическому базису сообщества, в одинаковой мере, не являвшиеся носителями сложившейся городской культуры. Однако представляется справедливым распространить на исследуемый регион выне-

сенное в эпитаф мнение, высказанное М. Эймаром в отношении цивилизаций средиземноморского круга². Надо полагать, что способствовали этому именно особенности культурно-исторического и ландшафтно-географического пограничья, территории одновременно «конфликта» и «контакта».

В обширной библиографии, посвященной исследованию крымского средневековья, публикации, посвященные вопросам урбанизации, относительно немногочисленны³. Проблемой методологического свойства в изучении вопросов, связанных с урбанизацией в регионе, признается недостаточная разработка исходных теоретических положений модели развития феодальных отношений в Таврике⁴. Исследование различных ее аспектов осложняется скудостью, а точнее, почти полным отсутствием письменных источников, что выдвигает на первое место интерпретацию материалов археологических исследований памятников⁵.

Дополнительные сложности создает неравномерная археологическая изученность поселений. Планомерные широкомасштабные работы велись на городищах Мангупа⁶ и Эски-Кермена⁷, в меньшей степени археологическими исследованиями были охвачены Бакла⁸, Чуфут-Кале⁹ и Каламита-Инкерман¹⁰. На Тепе-Кермене¹¹ и Сюрйене¹² проводились лишь эпизодические небольшие по объему работы. Из южнобережных городских поселений основательно исследована Алушта¹³, значительные по объему раскопки были проведены в Партените¹⁴, значительные результаты достигнуты в последние годы в исследовании Чембало – Балаклавы¹⁵. Исследованность Гурзуфа, Ялты, Ламбата остается на уровне проводившихся здесь археологических разведок¹⁶. Впрочем, даже имеющаяся информация в сочетании с данными нарративных источников уже позволяет рассматривать этапы формирования городских поселений на Южно-бережье¹⁷.

В продолжение всего периода раннего средневековья единственным городским поселением Юго-Западной Таврики оставался Херсон. Археологические материалы в комплексе с данными письменной традиции свидетельствуют о непрерывном развитии города от античности до позднего средневековья, позволяют рассматривать его в качестве примера сохранения и преемственности политических и этнокультурных традиций позднего Рима и Византии. Через Херсон осуществляется связь Юго-Западной Таврики с развитыми районами Византийской империи. До конца ее существования через Херсон транслируется мощное влияние мировой державы на все сферы жизни региона¹⁸. На рынок города были ориентированы поставки сельскохозяйственной продукции Юго-Западной Таврики, город сам являлся значительным потребителем, а через порт Херсона осуществлялся реэкспорт ее излишков¹⁹. Население города в X–XIII столетиях оценивается различными авторами от 3600–4300 до 6–7 тысяч душ²⁰.

В дальнейшем, на территории Юго-Западной Таврики правомочно выделить два района градообразования – первый в глубине нагорья, вдоль Средней гряды Крымских гор, второй на Южном берегу полуострова.

Во внутренних районах нагорья в качестве «очагов» градообразования выступают византийские укрепленные пункты, основанные в период от правления Юстиниана I до начала VII в. Подобные крепости были вполне характерны для

окраинных горных провинций империи, заселенных варварами-федератами. В качестве таковых были основаны Бакла, Чуфут-Кале (Кырк-Ор), Тепе-Кермен, Мангуп, Эски-Керимен и Каламита (Инкерман).

Большинство современных авторов придерживается концепции, связывающей строительство укреплений в горной части Юго-Западного Крыма с деятельностью византийской администрации²¹. Вместе с тем, рассматривалась связь появления укрепленных пунктов с развитием феодальных отношений в среде местного населения региона²². Данная концепция тесно увязывается с положениями об автохтонном происхождении жителей региона.

Надо полагать, что если инициативу создания укрепленных пунктов в регионе все же следует признать за византийской администрацией, то в дальнейших процессах, ведущих к формированию на их основе городских поселений, следует выделять как составляющую, характеризующую явления свойственные «византийскому миру» в целом, так и преобразования экономического и этнополитического свойства, отражающие местную специфику и непосредственно связанные с населением региона²³.

На Южном берегу полуострова два городских поселения – Алустон (Алушта) и Горзувиты (Гурзуф) также формируются на основе крепостей – фрурионов юстиниановского времени. Помимо них Партенит²⁴, и, вероятно, Балаклава (Ямболи), Ламбат и Джалита имели своей основой прибрежные сельские поселения или группы таковых, тяготевших к бухтам и удобным якорных стоянкам. Немаловажно, что все они были конечными пунктами сухопутных коммуникаций, связывавших Южное побережье и внутренние районы полуострова через перевалы Главной гряды Крымских гор.

Посредством строительства крепостей в предгорьях Юго-Западного Крыма византийские власти решили проблему создания эшелонированной обороны подступов к Херсону и контроля сухопутных коммуникаций ведущих к городу из степной части полуострова²⁵. Археологические материалы раннего периода существования памятников убедительно свидетельствуют о военном характере поселений, постоянном пребывании на их территории воинских контингентов рекрутируемых в сельских общинах готов и алан, проживавших в ближайшей округе²⁶. Судя по материалам некрополей VII – нач. VIII вв., гарнизоны могли проживать в крепостях вместе с семьями²⁷, однако застройкой была занята лишь небольшая площадь в пределах периметров укреплений, остальная территория резервировалась в качестве убежища для населения округи.

Подобные «очаги» градообразования обеспечивали преимущественно местные внутриплеменные связи и контакты в среде населения с почти однородной культурой²⁸. Однако в самой организации социума на этом этапе еще не сложилось требование к формированию столь устойчивой материальной структуре как город. Положение союзников-федератов Византии способствовало консервации в общинах региона военно-демократических структур. Материалы некрополей свидетельствуют об отсутствии существенной имущественной и социальной дифференциации населения²⁹. Стремясь к устойчивости варварских контингентов, привлекаемых для охраны границ, византийские власти, более или менее осознанно, стимулировали ассимиляционные процессы, в первую

очередь через распространение «универсального» для всего гетерогенного населения региона христианского вероучения, связанного с ним греческого языка, как языка богослужения и письменной традиции, так и средства межэтнического общения. Идеологическое воздействие дополнялось широким распространением предметов византийской материальной культуры³⁰.

Экономика региона также не способствовала процессу урбанизации. Занятия, как жителей крепостей, так и прилежащей округи лежали в сфере сельскохозяйственной деятельности, основу которой составляло отгонно-пастбищное скотоводство, в сочетании с земледелием. Местное ремесленное производство представляется развитым слабо, основной объем предметов ремесла, как имеющего массовый спрос, так и престижной атрибутики, поступал через рынок Херсона, зачастую являясь предметом реэкспорта³¹. Византия контролирует Юго-Западную Таврику не только политически, но и экономически, на регион распространяется действие имперской податной системы и монетное обращение византийской эмиссии³². В целом наблюдается специфическая ситуация, когда тесные контакты с более развитым соседом тормозили складывание элементов феодальной системы в регионе, а вместе с тем и процесс градообразования.

Однако уже на этом этапе вполне вероятно проявление первичных функций будущих городских поселений – центров организации военно-политических структур и товарообмена в форме сезонных ярмарок. Уже на рубеже VII–VIII вв. в ряде укреплений могли располагаться ставки предводителей племенных объединений, упоминаемых в источниках как «архонства» и их «архонты» или «крепости соседних племен»³³. Предполагается, что архонты назначались главой византийской администрации – дукой Херсона из среды местной племенной знати³⁴.

На территории больших крепостей византийскими властями ведется строительство крупных христианских базилик, в последствие они функционировали длительный период, неоднократно подвергаясь перестройкам³⁵. В то же время, признание за рассматриваемыми поселениями функции религиозных центров уже на раннем этапе их существования сомнительно, представляется, что строительство базилик юстиниановского времени было разовой акцией, не имевшей решительных последствий для христианизации местного населения³⁶.

Ситуация существенно изменяется к VIII вв., с ослаблением политического влияния Византийской империи в Юго-Западном Крыму. Этот период характеризуется сложным взаимодействием Византийской империи с утвердившимся в Причерноморье Хазарским каганатом. Существовавшая ранее система отношений между империей и племенами федератами разрушается. Новые реалии стимулируют консолидацию местных сельских общин вокруг укрепленных пунктов, в первую очередь исходя из задач совместной обороны, поддержания в боеспособном состоянии укреплений, совместных военных занятий, координации хозяйственной активности. Сложившиеся в результате структуры известны по источникам как «Климаты Готии» – т. е. автономные районы, имеющие в качестве центров протогородские поселения, крепости (κάστω) или городки (πολιςματα)³⁷.

В этот же период в регионе изменяется этнодемографическая ситуация: во взаимодействие с местным населением вступают перемещавшиеся на полуостров болгарские племена, увеличивается плотность населения, в предгорьях происходит резкое увеличение количества поселений, заселенность региона увеличивается на несколько порядков. Быстрый рост плотности населения, безусловно, сыграл не последнюю роль в последующем формировании городских поселений региона³⁸. Естественно, не салтовцы являлись в данном процессе носителями начал городской цивилизации. Расселившись в ландшафтах рассматриваемого региона, они были вынуждены осваивать все нюансы оседлого производящего хозяйства, основанного на местных ресурсах. Какие бы первоначальные формы взаимоотношений не складывались между «старожильческим» и «инородческим» населением, объективные условия совместного проживания должны были привести к их консолидации в рамках единого хозяйственно-культурного типа. При этом дальнейшее влияние Византии на этнический конгломерат, который представляло собой местное население, продолжало стимулировать ассимиляционные процессы, ведущие к формированию единой горнокрымской народности, объединившей компоненты различного происхождения. При этом фиксируемая материальная культура приобретает выраженный провинциально-византийский облик, где элементы местного происхождения малозначительны³⁹.

Ряд авторов полагает, что в период совместного «кондоминантного» хазаро-византийского управления в регионе был достигнут столь высокий уровень стабильности, что из местных крепостей выводятся византийские гарнизоны, и необходимость поддержания укреплений в боеспособном состоянии на длительное время перестает быть актуальной задачей⁴⁰. Возможно, на Эски-Кермене и Тепе-Кермене часть ранневизантийских укреплений даже подвергается разборке в пользу сооружения и удобства использования хозяйственных или культовых комплексов⁴¹. Элементы урбанизации усматриваются и на отдельных открытых поселениях, предположительно центрах самоуправлявшихся архонтий или климатов⁴².

Исследователи отмечают преобразования в хозяйственном укладе региона, рост основных отраслей сельского хозяйства и его структурные изменения. Усиливается роль пашенного земледелия, осваивается виноградарство, распространяется пастушеское скотоводство и стойловое содержание скота⁴³. В структуре сельской жизни региона наблюдается выделение ремесленного производства, в первую очередь металлообработки и массового производства гончарной тары, необходимость в которой возникает в процесс становления виноградарства и товарного виноделия⁴⁴.

Дальнейшие предпосылки к образованию городских поселений складываются в регионе к рубежу X–XI вв. Продолжавшаяся на протяжении IX–X вв. деятельность Византии по восстановлению политического влияния в Юго-Западной Таврике приводят к интеграции населения местных общин, архонтий и климатов в административные структуры фемы Климатов, а позже фемы Херсона⁴⁵. В отличие от периода взаимодействия империи и союзных племен федератов, пользовавшихся внутренней автономией, отношения нового эта-

па предполагали административное обустройство Юго-Западной Таврики по стандартам провинций империи.

При этом укрепляются торгово-экономические и культурные связи с центрами империи, где в этот период наблюдается едва ли не повсеместное возникновение и последующий прогресс малых провинциальных городов⁴⁶. В зависимости от региональных особенностей процесс урбанизации принимал различные формы, проявляющиеся в разнообразии типов городов и характера их связей. Под влиянием Византии начала урбанизации распространяются и на периферийные по отношению к империи территории Балкан и Северного Кавказа⁴⁷.

Таврика в этом плане не становится исключением. С XI в. значительная часть населения региона концентрируется в сравнительно крупных укрепленных поселениях, количество собственно селищ по сравнению с предшествующим временем резко сокращается, XII в. рассматривается как период подъема городской жизни в Юго-Западной части Южном берегу полуострова⁴⁸.

На протяжении X–XIII вв. на внутренних территориях нагорья в раннегородские поселения трансформируются Эски-Кермен, Бакла, Тепе-Кермен. Список не однозначен, ряд авторов предлагает добавить к ним остающийся малоизученным Сюйрень⁴⁹ и Кыз-Кермен.

В отношении определения Кыз-Кермена как протогородского поселения развернулась дискуссия, отразившая методические проблемы, связанные с исследованием процесса градообразования и этнической ситуацией в регионе. Исследователь памятника А. В. Белый склонен видеть в нем раннегородское поселение, или, по крайней мере, укрепленное поселение, имеющее предпосылки к урбанизации. В дальнейшем, как полагает автор, центр городской жизни переносится на близлежащее городище, будущий Кырк-Ор – Чуфут-Кале, демонстрируя, таким образом, пример «трансурбанизации»⁵⁰.

Ему оппонирует ряд исследователей, отмечающих связь памятника с праболгарским населением, носителями салтовской культурной традиции⁵¹. Более того, Кыз-Кермен признается единственным укрепленным поселением в регионе, появление которого связано с «собственно» салтовцами. Вероятно, оно характеризует начальный этап хазарского проникновения в Горную часть Юго-Западного Крыма в 70–80 гг. VIII в., когда располагавшиеся здесь ранее византийские крепости «климатов Готии» еще не находятся под их контролем⁵². После их захвата укрепленное поселение Кыз-Кермен было оставлено за ненадобностью уже вскоре после своего основания⁵³. Как уже отмечалось, в короткий период в регионе возникает значительное количество открытых селищ с элементами салтовской традиции, болгары становятся заметным компонентом в составе местного населения, участвуя в вышеописанных этнополитических взаимодействиях⁵⁴. В соответствии с наиболее радикальной точкой зрения, в VIII–IX вв. на плато Кыз-Кермен располагалось открытое салтовское селище из «не более чем десятка усадеб»⁵⁵, через территорию которого, в X–XI вв., уже после прекращения его существования была проведена оборонительная стена убежища – укрепленного загона для скота⁵⁶.

Проблема выделения поселений, имеющих потенциал к урбанизации не ограничивается одним Кыз-Керменом, в регионе известен целый ряд укрепленных

поселений X–XIV вв., в отличие от него связанных с местной этно-культурной традицией, статус которых, тем не менее, четко не определен. Они, безусловно, отличаются от рядовых селищ наличием более или менее развитой фортификации. От расположенных в труднодоступных местах укрепленных убежищ они отличаются наличием следов относительно плотной застройки и культурного слоя, подразумевающих постоянное проживание более или менее значительного населения. В то же время, им не свойственны и типологические элементы, позволяющие выделять феодальные замки, появившиеся в регионе в начале XIII в.⁵⁷

Иногда размеры укрепленных поселений весьма значительны. В качестве примера приведем поселение Асарене-Бурун, расположенное в горной местности, в среднем течении реки Черной. Городище имеет площадь свыше 3 га, это значительно больше укрепленных территорий, определяемых в качестве городских поселений Тепе-Кермена, Сюйрени и Баклы. Протяженность полного периметра его оборонительных стен почти 1500 м, на внутрикрепостной территории зафиксировано более сотни домов⁵⁸. Асарене-Бурун не самое крупное из подобных городищ, укрепленная территория поселения Сарымамбаш-Кермен в долине Бодрака определяется почти в 8 га⁵⁹.

Эта группа памятников практически не исследована, за исключением городища Пампук-Кая⁶⁰ в Бельбекской долине – плотно застроенного укрепленного поселения X–XIII вв., площадью 0,6 га, имевшего цитадель, пояс внешних укреплений, крупный храм. На территории поселения были зафиксированы следы производственной деятельности. Городищу предшествовало открытое поселение VI–IX вв., а после разрушений последней четверти XIII в. на его территории, предположительно, функционировал монастырский комплекс XIV–XV вв.⁶¹

В облике подобных памятников соблазнительно усмотреть отдельные элементы формирующейся урбанистической структуры. Однако такое поселение может оставаться местом проживания слабо социально стратифицированной земледельческой общины, в принципе не имеющей предпосылок для трансформации в собственно городское поселение. Причем в Черноморско-Средиземноморском регионе подобная форма поселений, весьма устойчива и сохраняется с эпохи бронзы, вплоть до современности⁶². Для Византии в целом исследователи отмечают весьма нечеткую грань между значительными сельскими и собственно городскими поселениями. Вероятно проблему такого определения ощущали и современники, в источниках присутствует термин *κομόπολις* – «деревенский город»⁶³.

В комплексе функций малых городов Юго-Западной и Южной Таврики следует выделить своего рода структурообразующий элемент, определяющий характер поселения. Основной экономической функцией для византийского города определяют преобразование натурально-хозяйственного продукта в товар посредством собственных средств производства⁶⁴. На всех этапах развития сохраняется связь городов Крымского нагорья с сельским хозяйством и переработкой продукции сельского хозяйства. Археологически зафиксированы зернохранилища, винодельческие комплексы, многочисленные стойла для содержания скота на внутригородской территории, сохраненный резерв незастроен-

ных площадей в пределах или вблизи укреплений, позволявший возделывать огородные культуры или использовать эти территории в качестве выгонов. Значительное количество мелких и средних земельных собственников в среде городского населения в X–XI вв. характерно для Византии в целом⁶⁵, городская община одновременно могла выступать и коллективным собственником неразделенных земельных угодий⁶⁶.

Предполагается, что, в отличие от поселений сельских общин, города Таврики уже на раннем этапе своего существования выступают в качестве интегрирующих центров округи и занимают главенствующее положение в сложной иерархии поселений⁶⁷. Впрочем, сельская округа городских поселений Юго-Западной Таврики остается почти не исследованной, как и характер взаимоотношений поселений различного статуса⁶⁸. Для наиболее исследованных раннегородских поселений в горной части региона Эски-Кермена и Баклы установлен достаточно широкий спектр функций городского поселения – экономического, военно-административного церковно-идеологического свойства.

Как наиболее значительный раннегородской центр в горной части Юго-Западной Таврики развивается городище Эски-Кермен, где формируется плотная квартальная застройка с элементами регулярной планировки, отмечены следы ремесленного производства, сооружено значительное число культовых комплексов⁶⁹. Внутри периметра достаточно совершенных укреплений концентрируется население порядка 2,5–3 тыс. человек⁷⁰.

Городища Бакла⁷¹ и Тепе-Кермен⁷² рассматриваются как малые городские центры. В их планировке сочетаются небольшие по площади, основательно укрепленные цитадели с более обширными (до 3 га) посадками, с плотной поусадобной застройкой на которых отмечены следы торгово-ремесленной деятельности. Такой тип планировки, по мнению ряда авторов, отражает социальную стратификацию жителей данных пунктов⁷³. В цитадели Баклы открыт комплекс сооружений, интерпретируемый как резиденция «владельца крепости»⁷⁴, вероятно, представителя византийской провинциальной администрации, управлявшего поселением и его округой. На северном обрыве городища Тепе-Кермен формируется крупный монастырский комплекс, монашеские общины присутствуют и на Эски-Кермене⁷⁵.

На побережье в течение X–XIII вв. как малые города оформляются Алустон, Горзувиты, Партенит. Основываясь на сообщении Аль-Идриси о городском характере южнобережных поселений, в их число предположительно можно включить Ламбат и Джалиту (Ялту). Партенит тот же Аль-Идриси в 1154 г. охарактеризовал как небольшой, но хорошо населенный город, где строят суда⁷⁶. Это свидетельство вполне подтверждается археологическими данными⁷⁷. Возникший в непосредственной близости от «торжища в Партенитах» монастырь св. Апостолов некоторое время был епископской резиденцией⁷⁸. В двух километрах к востоку от Партенита на мысу Плака располагалось значительное укрепленное поселение, отождествляемое с Ламбатом, или известным из источников эмпорием Курусаита⁷⁹; в актах Константинопольского патриархата 1390 г. оба близлежащих поселения фигурируют под именем Лампадопартенита.

Высказывалось мнение, что именно в приморских центрах Византийской империи в наиболее полной мере воплощались торгово-ремесленные функции города, как центра для земледельческой округи с постоянно функционирующим рынком, где совершался организованный обмен городской и сельской продукции⁸⁰. Применительно к рассматриваемому региону в полной мере эти черты воплощал естественно Херсон, однако, учитывая топографию местных коммуникаций, совершенно естественно, что и на долю малых городских поселений Югобережья приходилась своя доля торгового привозными товарами и вывоза местного продукта⁸¹.

Для Алустана X в. и Горзувит X–XIII вв. зафиксировано строительство внешних поясов укреплений, окружавших плотную посадскую застройку с элементами регулярной планировки, развивающуюся вокруг строго укрепленного ядра, выполнявшего функции цитадели⁸². Впрочем, укрепления приморских городов этого периода явно уступают по масштабам и боевым качествам крепостям Крымского нагорья. Наличие оборонительных сооружений – один из важных, но не определяющий признак малых византийских городов⁸³. Вопрос о самом наличии фортификационных сооружений в Партените, Ялте и Балаклаве догенуэзского времени остается открытым⁸⁴.

Во внутренних районах Юго-Западного Крыма не все поселения из группы «пещерных городов» прошли путь становления в качестве городских центров одновременно, даже для таких крупных городищ как Мангуп, Кырк-Ор (Чуфут-Кале) и крепости Каламита (Инкерман) потенциальные возможности к урбанизации были реализованы значительно позже и в совершенно иных политических обстоятельствах.

Постоянной угрозой рассматриваемому региону, как и Византийской империи в целом, была вероятность наиболее разрушительных форм военных действий, сопровождавшихся перемещением пришлых народов с последующим расселением их на захваченной территории, грозивших, в отличие от локальных конфликтов европейского средневековья, полным разрушением сформировавшейся социально-экономической структуры и уничтожением местного населения. Ранний этап урбанизации в Юго-Западной Таврике прерывается в последней четверти XIII в., причиной этому становится вторжение в регион войск эмира Ногай в 1278 и 1299 гг.⁸⁵ Нашествие имело фатальные последствия для городских поселений Юго-Западной Таврики.

Просуществовавший почти два тысячелетия Херсон так полностью и не восстановился после разгрома, заселенная территория города в основном сократилась до размеров портового района⁸⁶. Археологические материалы XIV – нач. XV вв. вместе с данными письменных источников свидетельствуют о длительном периоде угасания города⁸⁷. В дальнейшем, сложившаяся на полуострове политическая и коммерческая конъюнктура не способствовала его восстановлению. В условиях установившегося ордынского правления главный узел политической и торговой активности переместился в восточную часть полуострова, где в 60 гг. XIV в. был основан Солхат – новый административный центр Крымского улуса, в короткое время ставший крупнейшим городским поселением средневекового Крыма⁸⁸. Соответственно торговые потоки были

переориентированы на порты близлежащих Судака и Каффы, основанной генуэзцами также в 60-е гг. XIII в.⁸⁹ В значительной мере ослабленную экономику Херсона подорвала генуэзская монополия на морскую торговлю в акватории Черного моря и основание в середине XIV в. непосредственной близости от него крупной генуэзской фактории Чембало. Воссозданная Палеологами «в новом формате» Византийская империя, даже восстановив контроль над Херсоном, ничем не смогла поддержать бывший центр своего влияния в Таврике.

Надо полагать, что эти же причины поспособствовали деградации ранних городских поселений в горной части Юго-Западной Таврики. После разорения связанного с походами Ногай статус Эски-Кермена понизился до рядового сельского поселения, вероятно эпидемия чумы середины XIV в. стала причиной его окончательного запустения⁹⁰. Не позже середины XIV в. угасает жизнь на городищах Баклы и Тепе-Кермена⁹¹. Городские центры, расположенные на побережье также подверглись разгрому. Слои разрушений отмечены при археологическом исследовании Гурзуфа⁹², Алушты⁹³, возможно Балаклавы⁹⁴. Укрепленное поселение Ламбат на мысу Плака прекращает свое существование⁹⁵, в Гурзуфе не восстанавливается внешнее кольцо городских укреплений⁹⁶, Джалиту-Ялту источники более не упоминают как сколь-нибудь значительное поселение.

Следующий этап городской истории региона охватывает период XIV–XV вв. вплоть до османского завоевания в 1475 г. Если в X–XIII вв. градообразование в Юго-Западном Крыму было связано с процессами общими для всей Византийской империи в сочетании с эволюцией местных экономических и социально-политических отношений, то новый этап связан с формированием региональных государственно-политических образований – княжества Феодоро, Крымского ханства и соседствующих с ними колоний Коммуны Генуи на крымском побережье.

В пределах Юго-Западного нагорья вместо прекративших свое существование городских поселений предшествовавшего периода формируются два новых значительных городских центра, Феодоро-Мангуп и Кырк-Ор, ставшие столичными центрами одноименного княжества с середины XIV в., и ордынского бейлика, куда в 30 гг. XV в. переносится ханская ставка. Основой новых городов опять же являются крупные ранневизантийские крепости, но следов сколь-нибудь значительной жилой застройки предшествовавшего времени до середины XIV в. на их территории при археологических исследованиях не выявлено⁹⁷. Формирование собственно городских поселений в обоих случаях прямо связано со становлением указанных государственных образований.

Каждый из городов имел четко выраженное административное ядро, торговоремесленный посад, с более-менее упорядоченной поквартальной планировкой. В крепостных ансамблях сохраняются ранневизантийские крепостные полигоны, подвергшиеся некоторой перепланировке и реконструкции. В течение XV в. ведется активное крепостное строительство, на Мангупе возводится цитадель и вторая линия обороны⁹⁸, в Кырк-Оре напольная крепостная стена⁹⁹.

Помимо оборонного, ведется масштабное монументальное строительство. На Мангупе при князе Алексее и его преемниках в середине XV в. строится

княжеский дворец, восстанавливаются прежние и строятся новые культовые сооружения¹⁰⁰. В Кырк-Оре возводят мавзолее Джаныке-Ханым, мечеть, возможно медресе и ханскую резиденцию¹⁰¹. Активная хозяйственная деятельность населения и недостаток защищенной площади вызывает необходимость сооружения значительного количества пещерных сооружений, планировкой сходных с наземными жилищами¹⁰².

После угасания Херсона приходы бывшей Херсонской митрополии переходят под юрисдикцию митрополита Готского, в первой половине XV в. имевшего местом пребывания Мангуп¹⁰³, до 1475 г. остававшийся центром восточно-православной религиозной традиции на территории полуострова.

В 1427 г. князь Алексей Мангупский на месте ранневизантийского укрепления в устье Инкерманской долины отстраивает крепость Каламиту, реализуя планы организации собственного порта при Севастопольской бухте, вскоре составившего конкуренцию торговым заведениям латинян. За полвека со времени основания Каламита успешно развивается в небольшой портовый город, центр достаточно плотно населенной округи, выполняющий важные коммерческие, военные и идеологические функции¹⁰⁴. В непосредственной близости от Каламиты сосредоточен ряд синхронных ей сельских поселений, мелких укреплений и исключительно крупных монастырских комплексов¹⁰⁵. Среди южно-бережных городских поселений сохраняют свое значение Чембало, Партенит и Алустон, попавшие к середине XIV в. под юрисдикцию Генуи. Ко времени распространения влияния латинян в Ямболи-Чембало, вероятно уже приобрел черты малого приморского города, основание здесь генуэзской фактории Чембало около 1344 г.¹⁰⁶ оформило процесс его урбанизации. Поселение становится третьим по значимости центром присутствия генуэзцев на полуострове. В середине XIV – третьей четверти XV вв. здесь ведется обширное строительство, на горе Кастрон возводится мощный комплекс укреплений. Вероятно, на укрепленной территории проживали собственно выходцы из Италии и представители местного населения особенно тесно связанные с латинянами. Вне городских стен, на месте исторической части современной Балаклавы вокруг трех церквей формировались кварталы, где проживало местное православное население¹⁰⁷. Археологическими исследованиями в Балаклаве зафиксированы следы производственной деятельности¹⁰⁸, здешняя верфь была способна строить достаточно крупные суда, через порт Чембало шел вывоз местной продукции¹⁰⁹.

Алушта и Партенит в генуэзское время сохраняют значение небольших при-портовых городов, используемых генуэзцами, наряду с Чембало и сетью мелких опорных пунктов для обеспечения своего влияния на южном побережье полуострова, а также складирования и дальнейшего продвижения местной продукции для последующего экспорта через Кафу¹¹⁰. На землях Южного берега Крыма учреждается административный округ Капитанство Готии, предположительно с центром в Алуште¹¹¹. В Алуште, Партените, Гурзуфе и Ялте учреждаются консульства¹¹². Впрочем, характер двух последних поселений в генуэзское время неясен в силу их малой археологической исследованности. Вероятнее, здесь в XIV–XV вв. находились замки – резиденции официалов Коммуны Генуи¹¹³ с прилежащими сельскими поселениями.

С середины XV в. Кафа перестает быть монопольным центром сбора местной экспортной продукции, к 1470 г. латиняне утрачивают контроль над Алуштой¹¹⁴. Возможно, ослабление генуэзского влияния в регионе способствовало бы дальнейшему развитию южнобережных поселений – портов, связанных с вывозом продукции местной, преимущественно аграрной экономики, и распространения импортных товаров. Турецкое вторжение в 1475 г. прерывает этот процесс, как и весь этап истории городов региона, связанный с существованием здесь суверенных политических образований.

Непосредственно в ходе османского завоевания полуострова городские поселения региона в той или иной степени пострадали, однако потрясение было единовременным, в дальнейшем длительное османское господство над полуостровом отмечено военно-политической и экономической стабильностью. При всем этом в период, последовавший за турецким нашествием, наблюдается в той или иной мере деградация ранее существовавших городских центров Юго-Западного Крымского нагорья и Южнобережья.

Несмотря на сохранение за Мангупом административных функций центра кадылыка, город к XVII в. приходит в упадок и к концу столетия совершенно угасает¹¹⁵. Кырк-Ор – Чуфут-Кале приобретает черты своеобразного этно-конфессионального резервата, населенного караимами и дольше сохраняет функции как крепость и торгово-ремесленного центр¹¹⁶. Активное участие жителей города в экономике возникшего рядом Бахчисарая отсрочило, но не предотвратило угасание поселения.

Приморские города, Алушта и, переживший во 2-й пол. XVI в. какой-то серьезный катаклизм, Партенит¹¹⁷ к XVII–XVIII в. деградируют до уровня заурядных сельских поселений. Каламита-Инкерман в течении XVI–XVII вв. сохраняла значение крепости и порта. На рубеже веков ее фортификация была весьма основательно реконструирована, вне укрепленной части располагались три посада со значительным числом домовладений¹¹⁸, два мусульманских и один заселенный христианами. В предместье Инкермана располагалась резиденция нурэддин-султана – третьего лица в иерархии крымского ханства. Однако, авторы, начиная с сер. XVII в., отмечают прогрессирующий упадок города¹¹⁹.

Балаклава XVI–XVIII вв. также не демонстрирует сколь-нибудь динамичного развития, но в городе продолжают функционировать достаточно сложные производства, в частности, верфь, металлообрабатывающие и керамические мастерские. В самой Балаклаве и ее предместье Кадикое сохраняется инфраструктура, связанная с торговлей – таможня, лавки, постоянные дворы, через порт осуществляется дальний экспорт строевого леса. В относительно боеспособном состоянии поддерживаются укрепления. Город ориентализируется, строятся три мечети, включая соборную, Джамии-и-Кебир. В его планировке выражены торгово-ремесленная улица – «чаршия» и кварталы населенные различными этническими и конфессиональными группами¹²⁰. После присоединения Крыма к России Балаклава сохраняет статус заштатного города.

На фоне демографического застоя и упадка прежних городских центров наблюдается устойчивое развитие новых городов, в первую очередь, Бахчисарая, выросшего в течении XVI в. из ханской ставки в столичный центр Крымского

ханства, сконцентрировавшего основные административные, экономические, культурные и идеологические институты жизни государства¹²¹. Отстроенный при турецком участии на рубеже XV–XVI вв. Гезлев – современная Евпатория – вскоре стал весьма заметным в Черноморской торговле портом и достаточно крупным городским поселением с внушительной крепостью¹²². В течение XVI в. на важном перекрестке сухопутных коммуникаций в предгорной части полуострова складывается городское поселение Ак-Мечеть с резиденцией калги-султана, позднесредневековый предшественник современного Симферополя¹²³.

Таким образом, в Юго-Западной и Южной Таврике на протяжении всего периода развитого средневековья сохранялся «очаг градообразования» представляется возможным выделить три этапа процесса. В догородской период – VI – кон. IX вв. на территории рассматриваемого региона складываются социально-политические и экономические предпосылки, способствовавшие в X–XIII вв. проявлению общих для территории Византийской империи процессов формирования и дальнейшего подъема малых провинциальных городов. В Юго-Западном и Южном Крыму они прерываются разрушительными татарскими вторжениями в последней, четверти XIII в. Следующий этап связан с формированием в регионе автономных политических образований в XIV–XV вв. и последующей реализацией их экономических и военно-политических целей. После турецкого завоевания наблюдается деградация городских поселений предшествующего периода, ограниченное значение сохраняют лишь приморские центры. На этом фоне наблюдается органичное развитие новых городских поселений. В заключение отметим, что с присоединением Крыма к России начинается очередной этап урбанизации, имевший сходные последствия для ранее существовавших городских центров.

¹ *Иванов А. В.* Формирование средневековых городских поселений на ЮЗ Крымском нагорье и Югобережье (физико-географические и экологические факторы) // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции. – Харьков, 1999. – С. 66–67.

² *Eumar M.* La Me'diterrane'e, l'espace et l'histoire. – Marseille, 1977. – С. 27.

³ *Талис Д. Л.* О классификации и датировке некоторых средневековых городищ Крыма // Экспедиции ГИМ. – М., 1969. – С. 132–137; *Талис Д. Л.* Материалы к экономической и социальной истории юго-западного Крыма (цитадель Баглинского городища) // АДСВ. Античный и средневековый город. – Свердловск, 1981. – С. 64–72; *Рудаков В. Е.* Багла – малый городской центр Юго-Западного Крыма (к постановке вопроса) // Античный и средневековый город. АДСВ. – 1981. – С. 73–84; *Герцен А. Г.* К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым. АДСВ. – Симферополь, 1995. – Вып. 27. – С. 85–90; *Герцен А. Г., Мозаричев Ю. М.* Трансурбанизация или трансплантация? // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 232–234; *Белый А. В.* Феномен трансурбанизации в Таврике по археологическим данным // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 225–231; *Белый А. В.* Пещерные города Юго-Западного Крыма и некоторые теоретические аспекты проблемы урбанизации в Таврике // Культура народов Причерноморья. – 1997. – № 2. – С. 99–105; *Иванов А. В.* Этапы урбанизации и городские центры Ю.-Зап. и Южной Таврики // Византия, кумуляция и трансляция культур. Тезисы докладов. – Екатеринбург, 1997. – С. 17–19; *Иванов А. В.* Формирование средневековых городских поселений на

- ЮЗ Крымском нагорье и Южнобережье (физико-географические и экологические факторы) // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции. – Харьков, 1999. – С. 66–67; *Иванов А. В.* Образование ранних городских поселений и этнические процессы в ЮЗ и Южной Таврике X–XIII вв. // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции. – Харьков, 2001. – С. 96–97.
- ⁴ *Белый А. В.* Пещерные города Юго-Западного Крыма ... – С. 99.
- ⁵ *Талис Д. Л.* Материалы к экономической и социальной истории ... – С. 64–65; *Веймарн Е. В.* Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // Византия и ее провинции // АДСВ. – Свердловск, 1982. – С. 69.
- ⁶ Библиография см.: *Могаричев Ю. М.* Пещерные города в Крыму. – Симферополь, 2005. – С. 121–123.
- ⁷ *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. – Вып. 2. – Симферополь, 1991. – С. 43–51; *Айбабин А. И.* Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. – Вып. 13. – Симферополь, 2007. – С. 129–150; *Харитонов С. В.* Древний город Эски-Кермен. – СПб., 2004. – С. 12–23.
- ⁸ *Талис Д. Л.* О классификации и датировке некоторых средневековых городищ Крыма // Экспедиции ГИМ. – М., 1969. – С. 57–63; *Рудаков В. Е.* Бакла – малый городской центр Юго-Западного Крыма (к постановке вопроса) // Античный и средневековый город. АДСВ. – 1981. – С. 73–84; *Рудаков В. Е.* Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X–XIII в. // АДСВ. Античная и средневековая идеология. – Свердловск, 1984. – С. 35–57.
- ⁹ *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-кале. – Симферополь, 1993. – С. 125; *Могаричев Ю. М.* Пещерные города – С. 181–180.
- ¹⁰ *Веймарн Е. В.* О времени возникновения средневековой крепости Каламита // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958. – С. 55–62; *Могаричев Ю. М.* Пещерные города в Крыму. – Симферополь, 2005. – С. 68–72.
- ¹¹ *Талис Д. Л.* Позднесредневековая керамика Тепе-Кермена. // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М. 1971. – С. 250–262; *Талис Д. Л.* Городище Тепе-Кермен // КСИА АН СССР. – 1977. – № 148. – С. 102–103.
- ¹² *Баранов И. А.* Археологическая разведка на территории Сюйренского укрепления в Крыму // АПУ 1968. – 1971. – Вып. 3. – С. 88–92; *Талис Д. Л.* Сюйренская Крепость // ВВ. – 1972 – Т. 33. – С. 217–229.
- ¹³ *Мыц В. Л.* Алустон в VI–VII вв. // Византия и средневековый Крым. АДСВ. – Барнаул, 1992. – Вып. 26. – С. 170–180; *Мыц В. Л.* Генуэзская Луста и Капитанство Готии // Алушта и алуштинский регион с древности до наших дней. – К., 2002. – С. 139–190.
- ¹⁴ *Паршина Е. А.* Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 64–100; *Паршина Е. А.* Древний Партенит // Алушта и алуштинский регион с древности до наших дней. – К., 2002. – С. 89–110.
- ¹⁵ *Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В.* Отчет об археологическом исследовании генуэзской крепости Чембало в 2011 г. – СПб.; Симферополь, 2012. – С. 58–98; *Иванов А. В., Савеля О. Я.* Исследование постройки османского времени в старой части Балаклавы // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. – К.; Судак, 2004. – С. 100–104; *Иванов А. В., Савеля О. Я.* Новые детали исторической топографии средневековой Балаклавы // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной научной конференции. – К.; Судак, 2006. – Т. 2. – С. 174–176; *Иванов А. В.* Средневековый город при Балаклавской бухте: очерк археологического исследования и некоторые данные к его исторической топографии // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Новгород; Ст. Русса. – Т. 2. – С. 146–148.
- ¹⁶ *Домбровский О. И.* Средневековые поселения и исары Крымского Южнобережья // Феодалная Таврика. – К., 1974. – С. 9–14, 35; *Фирсов Л. Г.* Исары: очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. – Новосибирск, 1990. – С. 92–98, 189, 195–197; *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – К., 1991. – С. 145–146, 148.
- ¹⁷ *Иванов А. В.* Этапы урбанизации... – С. 17–19.
- ¹⁸ *Романчук А. И.* Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // Византия и средневековый Крым. АДСВ. – Вып. 26. – Барнаул, 1992. – С. 204–214; *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 204–208; *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. – Харьков, 2005. – С. 1209–1220.

- ¹⁹ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1990. – С. 75; Сорочан С. Б. Византия IV–IX вв. Этюды рынка. – Харьков, 2001. – С. 325; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – С. 315, 492.
- ²⁰ Литаврин Г. Г. Провинциальный Византийский город X–XII вв. // ВВ. – 1976. – № 37. – С. 28–29.
- ²¹ Якобсон А. Л. Крым в средние века. – М., 1973. – С. 11; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 105–146; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. – М., 2003. – С. 43–48; Айбабин А. И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. – Вып. 13. – Симферополь, 2007. – С. 137–138; Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – Вып. 1. – Симферополь, 1990. – С. 125–138; Герцен А. Г. К проблеме типологии средневековых городищ... – С. 85–86; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 216; Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ ... – С. 70–81; Могаричев Ю. М. Пещерные города в Крыму. – Симферополь, 2005. – С. 10; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – С. 189–207.
- ²² Веймарн Е. В. О времени возникновения средневековой крепости Каламита // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958. – С. 52–53; Веймарн Е. В. Оборонительные сооружения Эски-Керменского городища // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958. – С. 71–79; Белый А. В. Пещерные города Юго-Западного Крыма и некоторые теоретические аспекты проблемы урбанизации в Таврике // Культура народов Причерноморья. – 1997. – № 2. – С. 100–103.
- ²³ Якобсон А. Л. Крым в средние века. – С. 98–102; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. – М., 2003. – С. 77–80; Могаричев Ю. М. Пещерные города в Крыму. – Симферополь, 2005. – С. 44–45; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. «Житие Иоанна Готского» в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь. – С. 241.
- ²⁴ Паршина Е. А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 92–93.
- ²⁵ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – Харьков, 2005. – С. 211.
- ²⁶ Герцен А. Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым. АДСВ. – Вып. 27. – Симферополь, 1995. – С. 85; Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 119–120.
- ²⁷ Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 148.
- ²⁸ Сванидзе А. А. Средневековый город – центр культурного взаимодействия // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1987. – С. 296–297.
- ²⁹ Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. – М., 1992. – Вып. 1. – С. 59; Айбабин А. И. Этническая история ... – С. 120.
- ³⁰ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – Харьков, 2005. – С. 221–222.
- ³¹ Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 47; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – Харьков, 2005.
- ³² Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 47; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. ... – С. 224.
- ³³ Айбабин А. И. Этническая история... – С. 211; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – С. 225.
- ³⁴ Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 31.
- ³⁵ Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – К., 1988. – С. 36–53; Кирилло В. П. Византийская архитектура Мангупа // Археология Крыма – 1997. – № 1. – С. 92–94.
- ³⁶ Зубарь В. М., Павленко Ю. В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. – К., 1988. – С. 75.
- ³⁷ Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 318; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – С. 318–321, 352–353.
- ³⁸ Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 131–138; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1990. – С. 46; Баранов И. А. Административное устройство ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. – Вып. 3. – С. 141.

- ³⁹ *Якобсон А. Л.* Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики... – С. 138; *Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н.* Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 1993. – Вып. 3. – С. 216; *Айбабина Е. А.* Могильники VIII – начала X в. в Крыму // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. – Вып. 3. – С. 130.
- ⁴⁰ *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – С. 70; *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. – С. 352–355.
- ⁴¹ *Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. И.* Тропа над пропастью. Пещерный монастырь на северном склоне городища Тепе-Кермен // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 29; *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. – Харьков, 2005. – С. 353.
- ⁴² *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. – Харьков, 2005. – С. 354–355.
- ⁴³ *Герцен А. Г.* К проблеме типологии средневековых городищ... – С. 86; *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* «Житие Иоанна Готского» в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь, 2005. – С. 241.
- ⁴⁴ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 155–168, *Якобсон А. Л.* Культура и этнос раннесредневековых селищ... – С. 137; *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1990. – С. 80–104; *Герцен А. Г.* К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым. – АДСВ. – Вып. 27. – Симферополь, 1995. – С. 86.
- ⁴⁵ *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – 1997. – С. 312–323; *Науменко В. Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. – Симферополь, 1998. – Вып. 6. – С. 23–30; *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. – Харьков, 2005. – С. 577–581.
- ⁴⁶ *Каждан А. П.* Византийские города в VII–XI вв. // СА. – 1954. – Т. 21. – С. 186–188.
- ⁴⁷ *Аржанцева И. А.* Каменные крепости алан // РА. – 2007. – № 2. – С. 85–87.
- ⁴⁸ *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство... – С. 109; *Паршина Е. А.* Торжище в Партенидах. – С. 94; *Герцен А. Г.* К проблеме типологии средневековых городищ. – С. 86–87.
- ⁴⁹ *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – С. 135.
- ⁵⁰ *Бельий А. В.* Феномен трансурбанизации в Таврике по археологическим данным. – С. 225–231.
- ⁵¹ *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 62; *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского... – С. 211–212.
- ⁵² *Могаричев Ю. М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // ХСб. – 2004. – Вып. 13. – С. 169.
- ⁵³ *Могаричев Ю. М.* Пещерные города в Крыму. – С. 160.
- ⁵⁴ *Айбабин А. И.* Этническая история... – С. 211–212.
- ⁵⁵ *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* Крепость драгоценностей. – С. 233.
- ⁵⁶ *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – С. 128.
- ⁵⁷ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 177; *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики. – С. 66–67.
- ⁵⁸ Там же. – С. 138.
- ⁵⁹ Там же. – С. 127.
- ⁶⁰ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения – С. 110–111, 121–125.
- ⁶¹ *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики... – С. 134.
- ⁶² *Андреев Ю. В.* Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. – Л., 1989. – С. 7–8.
- ⁶³ *Литаврин Г. Г.* Провинциальный византийский город на рубеже XII–XIII вв. (По материалам налоговой описи Лампсака) // ВВ. – 1976. – Т. 37. – С. 17–18.
- ⁶⁴ *Вернер Э.* Византийский город в эпоху феодализма, типология и специфика // ВВ. – 1976. – Т. 37. – С. 9–11; *Литаврин Г. Г.* Провинциальный византийский город... – С. 27; *Паршина Е. А.* Торжище в Партенидах. – С. 91–93, 95.
- ⁶⁵ *Каждан А. П.* Социальный состав населения византийских городов в IX–X вв. // ВВ. – 1956. – Т. 8. – С. 91.
- ⁶⁶ *Литаврин Г. Г.* Провинциальный византийский город... – С. 27.
- ⁶⁷ *Рудаков В. Е.* Бакла – малый городской центр Юго-Западного Крыма. – С. 78–79; *Паршина Е. А.* Торжище в Партенидах. – С. 95.
- ⁶⁸ *Романчук А. И.* Средневековый Херсон (отражение в источниках сновных функций города). – С. 65.
- ⁶⁹ *Веймарн Е. В.* Жилые усадьбы Эски-Керменского городища. – С. 69–85; *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен. – С. 48–49.

- ⁷⁰ Там же. – С. 49.
- ⁷¹ Рудаков В. Е. Бакла – малый городской центр Юго-Западного Крыма. – С. 73–84.
- ⁷² Герцен А. Г. К проблеме типологии средневековых городищ. – С. 86; Мыц В. Л. Укрепления Таврики. – С. 189.
- ⁷³ Талис Д. Л. Материалы к экономической и социальной истории юго-западного Крыма (цитируемая Баглинского городища) // АДСВ. Античный и средневековый город. – Свердловск, 1981. – С. 64–72; Мыц В. Л. Укрепления Таврики. – С. 26.
- ⁷⁴ Рудаков В. Е. Бакла – малый городской центр Юго-Западного Крыма. – С. 78.
- ⁷⁵ Петровский В. А. Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 81–98; Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. И. Тропа над пропастью. – С. 13–32.
- ⁷⁶ Бейлис В. М. Аль-Идриси о портах Черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. – Ростов-на-Дону, 1988. – С. 244.
- ⁷⁷ Паршина Е. А. Торжище в Партенитах. – С. 69–91; Паршина Е. А. Древний Партенит... – С. 90–106.
- ⁷⁸ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 150; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – С. 508.
- ⁷⁹ Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 150.
- ⁸⁰ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. – М., 1977. – С. 116, 124.
- ⁸¹ Сорочан С. Б. Византия IV–IX вв. Этюды рынка. – Харьков, 2001. – С. 324.
- ⁸² Домбровский О. И. Крепость в Горзувитах. – Симферополь, 1972. – С. 95–98; Домбровский О. И. Средневековые поселения и исары... – С. 11; Мыц В. Л. Укрепления Таврики... – С. 151–152.
- ⁸³ Литаврин Г. Г. Провинциальный Византийский город... – С. 7–8.
- ⁸⁴ Домбровский О. И. Средневековые поселения и исары... – С. 35; Мыц В. Л. Укрепления Таврики... – С. 145; Паршина Е. А. Торжище в Партенитах. – С. 82–83; Иванов А. В. Этапы развития и некоторые черты топографии Балаклавы // ХСб. – Севастополь, 1997. – Вып. 8. – С. 48; Лысенко А. В., Тесленко И. Б. Исследования средневекового укрепления на холме Кале-Поти // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. – Донецк, 2010. – № 22. – С. 323–346.
- ⁸⁵ Мыц В. Л. О дате гибели византийского Херсона // Международная конференция Византия и Крым. Тезисы докладов. – Симферополь, 1997. – С. 66–67; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 341; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье. – С. 81; Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет об археологическом исследовании генуэзской крепости Чембало в 2004 г. – СПб., 2005. – С. 35–36.
- ⁸⁶ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 233; Калашиник Ю. П. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982–1988 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л., 1989. – С. 186; Рыжов С. Г. Средневековая усадьба XIII в. в Северном районе Херсонеса (постоялый двор) // Древности 1997–98. – Харьков, 1999. – С. 180.
- ⁸⁷ Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки, гипотезы, проблемы. – Часть 2. Византийский город. – Екатеринбург, 2007. – С. 527–536.
- ⁸⁸ Крамаровский М. Г. Солхат-Крым к вопросу о населении и топография города в XIII–XIV вв. // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л., 1989. – С. 141–157; Джанов А. В. Судакская крепость. Двести лет исследований // Скржинская Е. Ч. Судакская крепость: история, археология, эпиграфика. – К.; Судак; СПб., 2006. – С. 346.
- ⁸⁹ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. – С. 108.
- ⁹⁰ Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен. – С. 49; Айбабин А. И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. По археологическим свидетельствам // МАИЭТ. – Симферополь, 2003. – Вып. 10. – С. 49.
- ⁹¹ Герцен А. Г. К проблеме типологии средневековых городищ. – С. 87; Могаричев Ю. М. Пещерные города в Крыму. – С. 155, 182.
- ⁹² Домбровский О. И. Крепость в Горзувитах. – С. 98–101.
- ⁹³ Мыц В. Л. Укрепления Таврики... – С. 151.
- ⁹⁴ Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет об археологическом исследовании генуэзской крепости Чембало в 2004 г. – СПб., 2005. – С. 35–36.
- ⁹⁵ Мыц В. Л. Война 1433–34 гг. между Кафой и Феодоро // АДСВ. – 2000. – Вып. 31. – С. 338.
- ⁹⁶ Домбровский О. И. Средневековые поселения и исары... – С. 11.

- ⁹⁷ Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа. – С. 134; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории пещерных городов в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 183.
- ⁹⁸ Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа. – С. 138–146.
- ⁹⁹ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. – С. 80–81; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Восточная оборонительная стена Чуфут-Кале // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 310.
- ¹⁰⁰ Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа. – С. 142, 144.
- ¹⁰¹ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. – С. 128; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М., Крепость драгоценностей. – С. 69–74.
- ¹⁰² Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма. – С. 109–111, 114.
- ¹⁰³ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. X–XV вв. // МИА. – 1950. – № 17. – С. 45; Герцен А. Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. – Симферополь, 2003. – Вып. 10. – С. 562.
- ¹⁰⁴ Веймарн Е. В. Средньовічний комплекс фортеці Каламіта // Археологічні пам'ятки УРСР. Стародавні пам'ятки Інкерманської долини. – 1962. – Т. 13. – С. 81–86; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. – С. 121–123; Филиппенко В. Ф. Каламита – Инкерман. Крепость и монастырь. – Севастополь, 1997. – С. 33, 56.
- ¹⁰⁵ Кацур Н. П. Археологічна карта Інкерманської долини // Археологічні пам'ятки УРСР. Стародавні пам'ятки Інкерманської долини. – 1962. – Т. 13. – С. 12–14; Могаричев Ю. М. Пещерные города... – С. 74–88.
- ¹⁰⁶ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. – С. 120; Балар М. К истории генуэзских поселений в средневековом Средиземноморье // Скржинская Е. Ч. Судакская крепость история археология эпиграфика. – С. 123.
- ¹⁰⁷ Иванов А. В. Балаклава XIV–XVIII вв. Этно-конфессиональный очерк. – С. 249–250.
- ¹⁰⁸ Иванов А. В., Савеля О. Я. Новые детали исторической топографии средневековой Балаклавы. – С. 175.
- ¹⁰⁹ Карпов С. П. Регесты документов фонда «diversorum filze» Секретного архива Генуи, относящиеся к Причерноморью // Причерноморье в средние века. – СПб., 1998. – Вып. 3. – С. 10.
- ¹¹⁰ Паришина Е. А. Торжище в Партенитах. – С. 96.
- ¹¹¹ Мыц В. Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии // Алушта и алуштинский регион с древности до наших дней. – К., 2002. – С. 175–176.
- ¹¹² Устав для генуэзских владений на Черном море изданный в Кафе в 1449 г. (Перевод и комментарии В. Н. Юргевича) // ЗООИД. – Одесса, 1863. – Т. 5. – С. 675.
- ¹¹³ Бочаров С. Г. Заметки по исторической топографии генуэзской Газарии // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Материалы конференции в честь 210 летия со дня рождения П. И. Кеплена. – К., 2004. – С. 188–189.
- ¹¹⁴ Там же. – С. 187.
- ¹¹⁵ Бочаров С. Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2008. – Вып. 3. – С. 195–208; Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI–XIX вв.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2008. – Вып. 3. – С. 214–220.
- ¹¹⁶ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. – С. 74–113.
- ¹¹⁷ Паришина Е. А. Торжище в Партенитах. – С. 96.
- ¹¹⁸ Челеби Э. Книга путешествия / Пер. Е. В. Бахревского. – Симферополь, 1999. – С. 26–30.
- ¹¹⁹ Сказание священника Иакова // ЗООИД. – Одесса, 1850. – Т. 2. – Отд. 2. – С. 688–691; Тунманн Э. Крымское ханство. – Симферополь, 1991. – С. 31.
- ¹²⁰ Иванов А. В. Этапы урбанизации и городские центры... – С. 46–53; Иванов А. В. Балаклава XIV–XVIII вв. – С. 248–254; Иванов А. В., Савеля О. Я. Новые детали исторической топографии средневековой Балаклавы // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной научной конференции. – К.; Судак, 2006. – Т. 2. – С. 174–175.
- ¹²¹ Якобсон А. Л. Крым в средние века. – С. 145–147.
- ¹²² Кутайсов В. А., Кутайсова М. В. Евпатория. – К., 2007. – С. 42–60.
- ¹²³ Тунманн Э. Крымское ханство... – С. 33.

Т. М. Калинина

ХЕРСОН В АРАБСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

Арабские писатели IX–X вв. немного знали о восточной части Европы. Торговля Халифата в близлежащих землях шла главным образом из Средней Азии к Каспию и на Волгу. Поэтому в трудах арабо-персидских географов имелись более или менее реальные описания среднего течения и устья Волги, областей вблизи Волги или тех рек, что за нее принимались¹. Пути мусульманских купцов не проходили по причерноморским районам, эти дороги были в сфере влияния византийцев, позднее русов. В недошедшем до нас сочинении бывшего византийского пленника Муслима ибн Абу Муслима ал-Джарми, выкупившегося из византийского плена в 845 г., имелись сведения о Византии и Черном море. Однако ни сам он, как и никто другой из арабов, причерноморские земли не посещал. В результате переосмысленных книжных данных возникали мало реалистичные воззрения о связи Волги или Каспия с Черным или Азовским морями или о водной артерии, идущей от отдаленных земель славян с севера к устью Волги².

Арабские историки описывали ирано-византийско-арабские войны на Кавказе и в Малой Азии, в которых принимали участие хазары и славяне (*ас-сакалиба*) как участники битв и пленники арабов. Так появилась небогатая информация о народах и территориях к северу от Кавказа³. Однако в целом информация о Восточной Европе на ранних стадиях познания мира исламскими учеными была основана на традициях античной географии. Труды классиков античной науки активно переводились с греческого на арабский язык, использовались сирийские переработки трудов древних греков, но реальные известия были мало похожи на правду.

Одним из первых произведений, в котором упоминались причерноморские земли, была «Книга картины Земли» математика, астронома и географа Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми (первая треть IX в.).

В основу труда ал-Хорезми было положено «Географическое руководство» Клавдия Птолемея (II в. н. э.). Координаты для описания береговых линий мо-

* Работа выполнена в рамках Проекта «Становление государственной инфраструктуры и идеологии в Античности и Средневековье (компаративное исследование)» Отделения историко-филологических наук РАН.

** Я приношу глубокую благодарность коллегам Е. Ю. Гончарову, А. Н. Домановскому, Ю. М. Могаричеву, В. С. Флёрову за внимание к работе, ценные замечания и предоставленную литературу.

рей, течений рек, очертаний гор, местонахождений городов или «центров» стран отличались от координатных данных сочинения Птолемея. Вероятно, книга ал-Хорезми была написана для создания карты мира по инициативе халифа ал-Ма'муна⁴. Названия земель, далеких от Халифата, были приведены те же, что и в «Географическом руководстве» Птолемея, хотя и в очень искаженном виде, хотя известные восточному ученому местности и города были переданы в привычных арабам вариантах⁵.

Очертания Восточной Европы в сочинении ал-Хорезми имели вид, в основном аналогичный материалам произведения Птолемея. На юге Восточной Европы ал-Хорезми называл точки координат для Черного и Азовского морей, однако эти материалы отличаются от птолемеевских. Ал-Хорезми не оперировал античными наименованиями Черного и Азовского морей – Понт и Меотис. Его сведения о Черном море не совпадали с представлениями античных авторов и Птолемея о Понте Эвксинском. В работе ал-Хорезми есть описание береговой линии одного из крупнейших водных массивов, протянувшегося от Гибралтара, через Средиземное море, до «моря Барики (или Барки) и Лазики». Координаты этого последнего показывают Мраморное море, проливы и Черное море, идущее от Константинополя, мимо Истра к городам, соответствующим птолемеевским Ольвии, Евпатории, Феодосии, Ойнантее, Диоскурии (Севастополю Колхидскому), «где разбивается гора Кавказ»⁶. Топоним *Баб ал-Барика* (т. е. «Ворота Барики») встречается в трудах ряда арабских авторов в отношении некоей местности на Кавказе, исследователями точно не определенной⁷. Возможное название *Барка* относится к Фракии⁸, хотя это менее вероятное толкование. Наименование *Лазика* встречается у целого ряда арабских географов X в. и относится к царству лазов – Эгриси на восточном побережье Черного моря⁹, хотя и является архаичным, взятым, возможно, из сасанидских источников. Береговая линия Черного моря в основном совпадала с материалами Птолемея, хотя очертания этого бассейна были искажены, по сравнению с птолемеевскими, как, впрочем, и Средиземного моря.

Самым разительным отличием сведений ал-Хорезми о Черном море как от материалов античных авторов и Птолемея, так и от действительности является разделение Черного моря и Азовского: они показаны отдельными, не соединенными друг с другом бассейнами. Меотис назван *ал-Батихой*, т. е. «озером» и не связан с Черным морем. Это отдельное, не соединенное с Черным морем озеро, отстоявшее гораздо далее, чем Меотис Птолемея, на север, оказывалось соединенным двумя широкими водными потоками с Северным Внешним морем (соответствовало Сарматскому океану Птолемея), хотя у Птолемея нет подобных данных¹⁰.

В книге ал-Хорезми имеется ряд координат для населенных пунктов вокруг Черного моря – «моря Лазики и Барики (или Барки)»; часть названий искажена и приводится в восстановленном виде, часть имеет современный арабскому автору облик. На южном побережье перечислены города Константинополь, Амасея, Халкедон, Гераклея и др.; назван пункт на восточном побережье моря – Диоскурия, она же Севастополис Колхидский. Есть координаты для городов западного и северного побережья: Истра, Борисфена (Ольвии), Евпатории, далее указан Синоп, город на южном побережье Понта, за ним снова пункт северного побережье

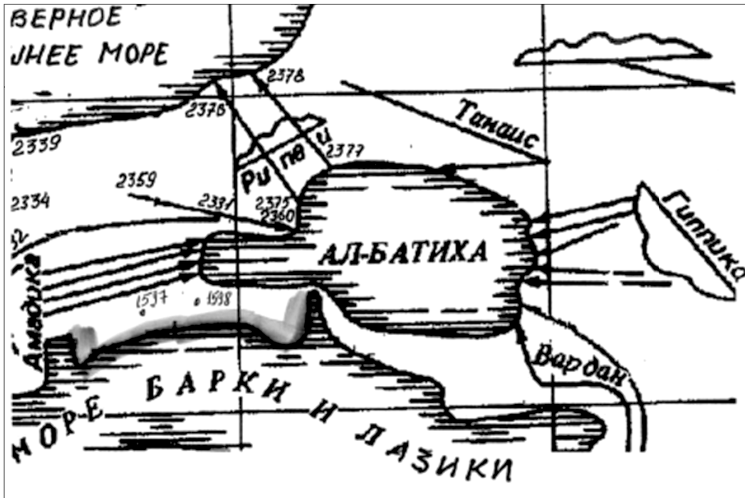

Рис. 2. Реконструкция Т. М. Калининой части карты ал-Хорезми¹⁶. Выделенная красным береговая линия соответствует Таврике; точки координат (1597) и (1598) аналогичны изображению на реконструкции Х. Мжика.

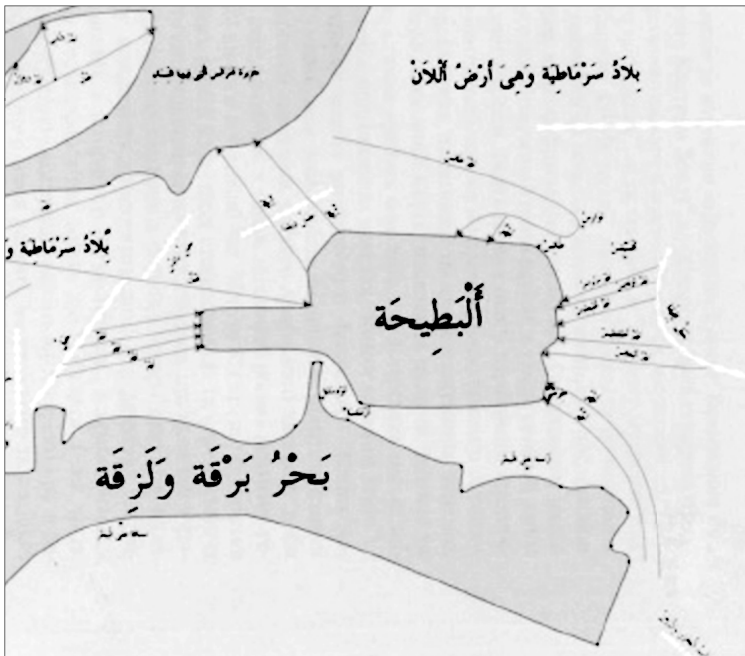

Рис. 3. Реконструкция части карты В. Г. Крюковым¹⁷. Здесь изображение сходно с двумя предыдущими, сделанными от руки задолго до работы этого исследователя. Компьютерная обработка данных, естественно, дает более аккуратное изображение. Координаты для полуострова *Taoukia*, как и центр его, на этой реконструкции не представлены.

для того, чтобы показать очертания береговой линии моря Барики и Лазики, т. е. Черного, и близки к данным Птолемея, но не имеют отношения к реальным известиям ни о Херсонесе, ни о его окрестностях.

Автор первой половины X в. Сухраб или Ибн Сарабийун переписал «Книгу картины Земли» ал-Хорезми с немного измененными или искаженными координатами. Он повторил раздел труда ал-Хорезми «Места на карте, в которых описаны пределы стран», где тоже упомянул полуостров *Таукийа*, но несколько изменил информацию ал-Хорезми: полуостров назван им «центром *ат-Тиз*», т. е. меотийских языгов, другой же центр, который в книге ал-Хорезми соответствует Херсонесу, отсутствует. В тексте отсутствуют диакритические точки, тем не менее понятно, что координаты повторяют данные ал-Хорезми. Изменение сделано, как представляется, для удобства картографирования, поскольку во введении автор рассказал о методике построения квадратной плоскостной карты и отметил, что основой его работы послужил труд ал-Хорезми. Не исключено, что такое введение было и в сочинении ал-Хорезми, но не сохранилось. Карты при труде Сухраба тоже не нашлось.

Из произведений известного арабского астронома Абу 'Абдаллаха ал-Баттани (ок. 858–929) сохранилась «Книга сабиевых астрономических таблиц». Ал-Баттани писал, что в основе ее лежала некая «Книга картины Земли», которую он дополнил материалами Птолемея. Ученые отмечали, что прямой связи с данными Птолемея в труде ал-Баттани нет; по-видимому, имелась в виду переработка сочинения Птолемея старшим современником ал-Баттани Сабитом ибн Курра (ум. 901)¹⁸. Ал-Баттани пользуется античными названиями для Черного и Азовского морей: Понт (*Бунтус*) и Меотис (*Майутис*). Названия и описание этих морей встречаются в трудах многих писателей (Ибн Русте, Кудама ибн Джа'фар, ал-Мас'уди, ал-Мукаддаси и др.) В шестой главе имеется перечень долгот и широт местностей и населенных пунктов, а в разделе «Перечень стран, а их 94, как в книге «Картина земли», названы *Сарматийа Уруфи*, т. е. «Европейская Сарматия», и *Таурикийа Карсунисис Баралийас*, т. е. «побережье Херсонеса Таврического»¹⁹. Как видим, эти свидетельства пришли к арабам из античной науки и не имели реальной ценности.

Более никаких упоминаний Херсонеса и Таврики у арабских географов IX–X вв. нет.

Но сведения о Черном море имеются. Более всего материалов о причерноморских землях и даже окрестных народах содержатся в двух сохранившихся трудах арабского энциклопедиста ал-Мас'уди.

Не так давно была предпринята попытка реанимировать тезис А. Я. Гаркави о том, что в некоторых фрагментах книг ал-Мас'уди речь идет о Херсоне²⁰, и это мнение впоследствии было поддержано²¹. Ссылка Ю. М. Могаричева на мнение уважаемого арабиста Д. В. Микульского относительно прочтения А. Я. Гаркави отрывков из сочинений ал-Мас'уди в данном случае не играет решающей роли, поскольку текст уже давно был исправлен и прокомментирован другими востоковедами²².

Перевод²³ А. Я. Гаркави по парижской рукописи «Книги предупреждения и пересмотра» был таков: «Шестой пролив известен под названием *Абада*. Это

устье рукава, изливающегося в Египетское и Сирийское море. Начало его от моря *Майотас* (курсив мой – *Т. К.*), называемого Хазарским морем (Мовское море). Ширина его при начале – около десяти миль. Здесь находится румский (византийский) город *Масиа* (или *Мисиа*), который удерживает проходящих этим морем корабли *Кудакана* и других племен *Русов* – их называют также *Аль-Русия*, что означает *толпа*)²⁴.

Абада – это Абидос. Второй византийский город А. Я. Гаркави переводит как или *Мисия* и полагает, что под ним «кроется имя римской провинции Мизии (Moesia) к северу от Балканских гор (Haemus), где ныне Болгария и Сербия»²⁵.

Через несколько лет А. Я. Гаркави изменил текст перевода: «Здесь находится румский город под названием *Харсана* (в рукописи искажено *Масия*)»²⁶ (курсив и подчёркивания мои – *Т. К.*), который удерживает от нападения проходящих по этому морю на кораблях *Куябана* (Киевлян, искаженно *Кудкана* (курсив мой – *Т. К.*) и других русских племен»²⁷.

Й. Маркварт обращался к фрагменту из «Книги предупреждения и пересмотра»: «Der sechste Übergang (von Klenasien nach Konstantinopol) heist Abydos. Dies ist die Mündung des Kanals der sich ins ägyptische und syrische Meer ergiesst und von Maiotismeer, welches Chazarenmeer genannt wird seinen Antang nimmt. Seine Breite beträgt beim Beginn gegen 10 Mielen. Hier (d.h. beim Beginne des Kanals) ist eine Stadt der Römer namens Musannat (*Wellenbrecher*), welche die Schiffe der Kuḍkana und anderer Russentstämme, die durch jenes Meer herabfahren, abwehrt». В примечании к фрагменту Й. Маркварт, со ссылкой на М. де Гье, отметил, что форма «Musannat» встречается в схожем тексте «Книги путей и стран» Ибн Хордадбеха на странице 103²⁸.

Перевод В. М. Бейлиса из «Книги предупреждения и пересмотра» (курсив мой – *Т. К.*): «Шестая переправа [через Константинопольский пролив] известна под названием *Абуду* (Абидос). Это устье пролива, впадающего из моря *Миср* и *аш-Шам* (Средиземное море). Начало пролива из моря *Майутис* (Азовское море), называемого морем ал-Хазар, и ширина пролива в начале около десяти миль. Там [т. е. в начале пролива] имеется город, принадлежащий *ар-Рум* (Византии), который называется *Мисийа* и преграждает путь приходящим в это море кораблям *ал-Кудкана* и иных племен *ар-Рус* (русов)»²⁹. В. М. Бейлис, вслед за А. Сейппелем, принял вариант названия византийского города *Мисийа*, несмотря на то, что, как сам В. М. Бейлис писал, Мисия – не город, а область на малоазиатском побережье³⁰.

Однако издатель текста «Книги предупреждения и пересмотра» М. де Гье предпочёл форму *Мусанна*³¹. Ту же форму *Мусанна* выбрал позднее В. М. Бейлис в сделанном им переводе на русский язык этого труда ал-Мас'уди (рукопись).

Итак, никто, кроме А. Я. Гаркави, не исправлял при переводе данного фрагмента из «Книги предупреждения и пересмотра» ал-Мас'уди формы *Мисия*, *Масия*, *Мусанна* на *Харсана*.

В труде «Золотые копи и россыпи самоцветов» ал-Мас'уди имеется очень схожий фрагмент, который тоже переводил А. Я. Гаркави (в его время это сочинение называлось «Золотые луга и рудники драгоценных камней»): «Протяжение рукава *Кустантини* – 350 миль; по другим же – меньше этого. Ширина его

в том месте, где он выходит из моря *Майотас* – около 10 миль. Здесь находятся жилища и румский (византийский) город *Харсана*, который удерживает приходящие этим морем корабли Русов и других» (курсив мой – Т. К.)³². Отметим, что в этой работе А. Я. Гаркави упоминал, что издатели прочитали название города как *Масна* или *Мосна*, французский перевод – *Mosnat*³³, но не отмечает, что его форма *Харсана* – конъектурная.

В. Ф. Минорский тоже обращался к этому отрывку из «Золотых копей»: «Константинопольский пролив выходит из моря *Майтас* (курсив мой – Т. К.), вода в нем идет током и изливается в Сирийское (Средиземное море). Длина пролива 350 миль, а говорят, и менее. Ширина его в том месте, где он начинается у моря *Майтас* (курсив мой – Т. К.), около 10 миль, и здесь находятся населенные места и принадлежащий Византии [*ал-Рум*] город, который называется **Мусаннат* (курсив мой – Т. К.) и удерживает проходящие сюда корабли русов и другие корабли»³⁴.

Ал-Мас'уди называл Черное море античным наименованием – *Бонтос*, но с искажениями, свойственными арабской графике, – *Нутас*; Азовское море именуется им *Майтас*, однако представление об этих морях у нашего автора весьма своеобразное:

«Море *Нутас* соединяется с морем *Майтас*, и от него [отходит] пролив (*халидж*) *ал-Кустантинийа*, который впадает море *ар-Рум* и соединяется с ним, по моему мнению (...). А море *Нутас* и море *Майтас* должны быть одним морем, и они стесняются сушей в [одном] месте и образуют, таким образом, между двумя водами [морей] как бы пролив (*халидж*). Название тех вод, что широки и велики – *Майтас*, а тех, что узки и малы, – *Нутас*. Не возбраняется смешивать имена *Майтас* и *Нутас*. И если мы просмотрим [целый] ряд книг, и нам скажут [про] *Майтас* или *Нутас*, то мы найдем это значение и для широкого, и для узкого моря»³⁵. Пролив между Понтом и Меотидой – это Боспор, хотя ничего конкретного автор о нем не знал³⁶. Очевидно и то, что Черное море у ал-Мас'уди, действительно, может носить название «Меотис» (*Майтас*) – именно так, как это выглядит в приведенных фрагментах. Кроме того, наш автор отмечал местонахождение города Трапезунда на берегу моря *Майтас*, т. е. и здесь – Черного»³⁷. Константинопольским проливом названы Босфор, Мраморное море и Дарданеллы³⁸.

Вслед за М. де Гье, Й. Марквартом, В. М. Бейлисом, В. Ф. Минорским и другими исследователями было отмечено, что основой указанных фрагментов из обоих трудов ал-Мас'уди послужила «Книга путей и стран» Ибн Хордадбега (IX в.), информацию которой, как писал сам ал-Мас'уди, он привлекал. Возможно, она восходит к несохранившейся книге о Византии и соседних народах Муслима ал-Джарми.

Фрагмент из сочинения Ибн Хордадбега в переводе В. Ф. Минорского: «Описывается дорога из Северной Сирии в Константинополь, которая доходит до теснины Абидоса (*Абдй, Абдус*) (курсив мой – Т. К.) и до Константинопольского пролива». «А этот пролив есть море (?), называемое *Бунтус* (Понт) (курсив мой – Т. К.), которое идет из моря хазар, и ширина его устья в этом месте 6 миль. При входе в него стоит город (*мадина*), называемый **Мусаннат* (кур-

сив мой – *Т. К.*), и пролив идет током на запад и в 60 милях от входа проходит у Константинополя, имея здесь ширину в 4 мили. А когда он достигает места, именуемого *Абдус* (Абидос), он течет между двух гор и суживается до расстояния полета стрелы...»³⁹.

Перевод Н. Велихановой: «...Затем [пойдешь] в Абидос, расположенный на берегу пролива, затем [доберешься] до Константинопольского залива. А это море, которое называют *Бунтус* (курсив мой – *Т. К.*), является [частью] моря ал-Хазар. Ширина входа в [пролив] тут 6 миль. У входа [в пролив] – пролив, называемый *Мусанна* (курсив мой – *Т. К.*). *Ал-Халидж* (залив) (курсив мой – *Т. К.*) тянется в западном направлении и проходит, минуя Константинополь, в 60 милях от его входа»⁴⁰.

Текст книги Ибн Хордадбеха не дает оснований сомневаться, что назван город *Мусанна(т)*.

Эта старая традиция описания Босфора отразилась и в труде знаменитого географа ал-Идриси (1100–1164): «Ширина этого канала у города *ал-Кустандина* [составляет] шесть миль, а длина от *ал-Кустандины* до слияния с заливом *ан-Нитаси* – шестьдесят миль. В том месте, где канал сливается с морем *Нитаси*, находится город, называемый *Мусанна*»⁴¹. *Ал-Кустандина* – это Константинополь, залив *ан-Нитаси* – Босфор, море *ан-Нитаси* – Черное море. Сходство с вышеприведенными описаниями очевидно.

М. де Гье, а за ним В. Ф. Минорский, Б. Ньдков, Н. Велиханова и другие ученые толковали название *Мусанна(т)* в сочинении Ибн Хордадбеха как арабское слово «плотина или водорез»; греческое же наименование этого города было Иерон – византийский порт, контролировавший подступы к столице на азиатском берегу Константинопольского пролива, у выхода из него в Черное море⁴². Именно арабская форма именования города и присутствовала в сочинениях ал-Мас‘уди в искаженной или непонятой издателями форме *М(а)исийа*, *Ми(а)сна* вместо *Мусанна(т)*.

Отметим также, что ал-Мас‘уди в рассказах о византийских императорах, когда упомянул о событиях, связанных с бегством Юстиниана II, писал только о том, что последний был сослан на какой-то остров (или полуостров, арабское слово *джазира* имеет оба значения), не называя ни Таврики, ни Херсонеса, поскольку ничего не знал о них⁴³.

Итак, имя *Харсуна*, предложенное А. Я. Гаркави, было всего лишь произвольной конъектурой, не поддержанной последующими исследователями. Следовательно, сведений о городе Херсон в книгах Ибн Хордадбеха и ал-Мас‘уди нет. Нет данных о нем и в других трудах арабо-персидских авторов IX–XI вв., как и каких бы то ни было сведений о Крыме⁴⁴.

Арабские торговцы не имели доступов к причерноморским портам. Сведения писателей Халифата IX–X вв. о торговле на северном побережье Черного моря ограничиваются тремя известиями, касающимися купцов-русов и мадьяр. Первое и самое раннее – известные данные главы почтового ведомства и ученого Ибн Хордадбеха (40-е или 80-е гг. IX в.) о том, что русы с товарами прибывают из отдаленных земель славян «к морю *ар-Рум*», где платят десятину⁴⁵. Ряд исследователей полагали, что море *ар-Рум*, т. е. «море Византии» здесь – Черное

и, следовательно, пошлина платилась в Крыму⁴⁶. Однако в книге Ибн Хордадбе-ха морем *ар-Рум* называется Средиземное, тогда как Черное именуется морем *ал-Хазар*⁴⁷. Следовательно, десятину русские купцы платили, вероятнее всего, где-то близ Константинополя⁴⁸.

Второе известие – из книги Ибн ал-Факиха (писал в 903 г.), чье произведение базировалось на труде Ибн Хордадбе-ха и включало материалы этого последнего и других авторов, как и оригинальную информацию. Он полностью переработал сведения Ибн Хордадбе-ха о купцах: описание маршрута относится у него не к русам, а к славянам, которые прибывают из отдаленных славянских земель «к морю *ар-Руми*, и взимает с них десятину владетель *ар-Рума*. Затем они прибывают по морю к *Самкариш* (*Самкуш*) иудеев, затем переходят к славянам»⁴⁹. Принята форма *Самкариш*, поскольку она встречается также в письме хазарского царя Иосифа, и, возможно, в Кембриджском документе⁵⁰. Исследователи обычно идентифицируют пункт с Таматархой⁵¹ или Керчью⁵². Однако в целом дорога славянских торговцев, как и у Ибн Хордадбе-ха, намечена весьма приблизительно: они прибывали из неизвестного пункта славянских земель в Румийское море, где-то платили византийским чиновникам пошлину, затем плыли к Таматархе, далее славянские купцы, видимо, возвращались к себе домой («переходили к славянам»): более чем туманное описание. Под морем *ар-Руми* Ибн ал-Факих подразумевает весь водный бассейн, идущий от Гибралтара через Средиземное и Эгейское моря вплоть до Черного⁵³. Возможно, в данном кратком фрагменте подразумевается как раз море Черное. Тогда вероятно, что Ибн ал-Факих намечает путь вокруг Крымского полуострова, в одном из прибрежных городов которого платился налог⁵⁴. А. Я. Гаркави предположил, что это мог быть Херсон⁵⁵, однако никаких конкретных данных для этого нет.

Третье упоминание о северопричерноморской торговле исходит от географа начала X в. Ибн Русте. Рассказывая о мадьярах во времена их пребывания в Восточной Европе, он говорил: «Они нападают на славян, идут с пленниками вдоль побережья, пока не дойдут с ними до расположенного в стране *ар-Рум* порта, называемого *К.р.х.*»⁵⁶. Большая часть исследователей идентифицируют этот пункт с Керчью, хотя есть и иные мнения⁵⁷. По словам Ибн Русте, пункт находился в Византии, а это может объясняться тем, что автор, как и прочие, не имел понятия о Крыме и полагал, что город был расположен на территории, подвластной Византии. Как бы то ни было, Херсон здесь не упомянут.

Указывая на отсутствие сведений о Херсоне в арабской литературе IX – начала X вв., я нисколько не хочу умалить значение города как важнейшего торгового и таможенного пункта. Жизнь его была теснейшим образом связана с Византией, находок дирхемов, по сравнению с византийскими монетами, немного.

Однако недавно появилось краткое известие о наличии фельсов династии Аглабидов не где-нибудь, а именно в Херсоне, причем автор идентификации предполагает, что «попадание в Херсонес африканских медных монет возможно только при прямом посещении города купцами и экипажами кораблей вышедших из Картаганна (ЮСШЗ كارتاجنة, Карфаген) или других портов этого региона»⁵⁸. Путь монет африканской чеканки конца VIII – первой трети IX в., найденных

в восточноевропейском регионе, исследователями более или менее намечен: из Туниса в Сирию, затем в Закавказье, далее в Хазарию, оттуда – на территорию Восточной Европы и в Прибалтику⁵⁹. Смутный период смены династий в Византии и вследствие этого сокращение чеканки монет, как и хождение в Херсоне в этот период мелких монет местного литья⁶⁰, на мой взгляд, никак не подтверждает предположение о прямом появлении флота из Туниса в городе. Это означало бы обход всех византийских, да и не только, морских препон или как минимум прямую договоренность представителей династии Аглабидов с византийской администрацией, что кажется крайне маловероятным. Монетки могли попасть в Херсон обычным путем: через Хазарию. Кстати, в Кембриджском документе на древнееврейском языке город Херсон упоминается в форме *ŠWRŠWN=Шуриун*⁶¹, следовательно, в Хазарии он был известен, однако в арабские источники синхронного времени это название не проникло.

Итак, малая осведомленность арабских писателей IX–X вв. о городах северного Причерноморья очевидна; упоминание Херсона относится к области исторических догадок, поскольку реальных свидетельств нет.

Появление и расширение сведений об отдаленных странах и народах было связано с политическими и торговыми нуждами Халифата, в связи с чем в IX–X вв. стала развиваться географическая литература. Именно тогда возникла описательная география, в которой предстали первые, еще не вполне достоверные, отрывочные данные о народах и территориях Восточной Европы. В X в. дотошный ученый ал-Мас‘уди собирал из самых разных источников известия о разных странах, в том числе об этом регионе, но его материалы вызывают бесконечные споры и домыслы.

Реальная информация о Херсоне впервые появляется в упомянутой выше книге ал-Идриси «Развлечение истомлённого в странствиях по областям» и связана она со спецификой его труда – собрания подробнейших маршрутов от одного пункта к другому, использование лоций, составление отдельных частей для карты мира. Название города здесь имеет совершенно иную, чем предложенная конъектура А. Я. Гаркави для слова *Мисия*, форму: *Карсуна*, и совсем иной контекст: «Идриси, VI климат, 5-я секция: «...*Мулиса* находится в устье реки *Данабрис*. От устья этой реки до города *Улиски* одна миля, затем до города *Карсуна* без малого один день плавания, что составляет 80 миль. От *Карсуна* до *Джалита* 30 миль...»⁶².

Мулиса – это вариант наименования города Олешье, *Улиски* – другая форма этого же названия, *Данабрис* – Днепр, *Карсуна* – Херсон, *Джалита* – Ялта⁶³.

«Из числа прибрежных городов напротив него (острова *Саранба*) лежит город *Карсуна*; между ними по морю расстояние в половину дня плавания»⁶⁴. Остров *Саранба* в Черном море не идентифицирован, *Карсуна* – Херсон⁶⁵. Как видно, сведения о местонахождении Херсона входили в круг интересов тех, кто плавал по Черному морю, а именно эта информация собиралась ал-Идриси.

Краткая информация о Херсоне встречается в «Географическом словаре» Йакута ал-Хамави (1179–1229). Эта книга была собранием известий о разных местностях и городах, большая часть которых была взята из трудов

предшественников. Однако аналогов сведениям Йакута о Херсоне мне пока не удалось встретить в других источниках. Упоминание вставлено во фрагмент о Трапезунде: «*Атрабзунда*, [над первой буквой] *фатха*, затем *сукун*, *ра*, *алиф* и *ба* с одной точкой [огласованы] *фатхой*, *за* [огласована] *даммой*, над *нун* – *сукун*, *даль* без диакритических точек, и *ха*. Это один из известных городов *ар-Рума* на восточном побережье моря *ал-Кустантинийи*, а оно (также) известно как море *Бунтус*. Этот город расположен у горы *ал-Кабк*, отрезанный морем. Город возвышается над морем, окруженный водой, как бы сплошным рвом. И есть мост на случай, если враги станут осаждать город. И у него [города – *Т. К.*] обширные пригороды. Напротив него (находится) город *Карасинда*, на западном побережье этого моря. Большинство его населения – это монахи. Он (является) провинцией *ал-Кустантинийи*, а вся его область – это скалистые горы»⁶⁶.

Названия в этом фрагменте типичны для ранней географической номенклатуры: *Атрабзунда* – Трапезунд, *ар-Рум* – Византия, море *ал-Кустантинийи*, т. е. Константинополя – Черное (хотя такое название не является часто встречающимся), море *Бунтус* – Понт, гора *ал-Кабк* – Кавказ, *Карасинда* – Херсон; отсутствует упоминание Крыма.

Данные свидетельствуют о былой связи города с Константинополем и большой роли христианства в Херсоне, что известно из других памятников⁶⁷. В целом источник информации Йакута кое-что знает о Трапезунде и Херсоне, но едва ли он сам побывал там. Сведениям о местонахождении и Трапезунда, и Херсона, судя по названиям и расположению городов, могли послужить материалы, близкие к картам римского времени, где в силу разнообразных искажений Крыма не было вовсе, зато между Трапезундом и Херсоном была показана прямая морская связь⁶⁸. В средние века, впрочем, контакты не прекращались: из Трапезунда в Херсон в XI–XII вв. ввозились керамические изделия, маршрут же Херсон – Трапезунд был известен и в начале XIII в.⁶⁹

Сочинение Йакута было написано в 1222–1224 гг., после падения Византийской империи. Тот факт, что данные о Херсоне вставлены автором в раздел о Трапезунде, может означать полученную, но не отраженную непосредственную информацию о произошедшем подчинении этого города Трапезундской империи.

Абу-л-Фида' (1273–1331) в сочинении «Упорядочение стран» тоже упоминал Херсон. Этот автор – сирийский эмир, живший в золотоордынский период, пользовался, по традиции, свойственной арабским сочинителям, многими трудами предшественников. Черное море он называл по-разному: *Нитаиш* – искаженное Понт, из старых книг; Хазарское – тоже старинное наименование, уже не бывшее в ходу в XIII в.; а также Крымское, Черное, Армянское. В рассказах о Крыме (*Кири*м) Абу-л-Фида' пользовался информацией современников – послов и купцов, ездивших из мамлюкского Египта в Золотую Орду, а также старыми книжными данными и материалами давних астрономических таблиц⁷⁰. Города Крыма в сочинении Абу-л-Фиды' имеют тюркские названия в арабской передаче. В его книге есть материалы о Херсоне, название которого изменено.

В рассказе о море *Нутаиш* имеется следующий фрагмент (курсивы в названиях принадлежат мне – Т. К.): «На восточном берегу суша выступает [в море] с уклоном к западу. На краю [этого] выступа находится порт *Синуб*... На противоположном берегу, к западу, также есть выступ [суши], лежащий напротив упомянутого выступа. На краю его [стоит город] *Сару Карман*, он находится напротив *Синуба*, расположенного на восточном берегу»⁷¹.

Синуб – это город Синоп на южном побережье Черного моря; *Сару Карман* – «арабская передача тюркского названия города Херсона в Крыму (от *сары* – желтый, *кермен* – крепость)»⁷². Само расположение городов не выглядит реальным: Синоп – на восточном побережье, а не на южном, хотя указание на то, что Херсон располагается напротив Синопа, является верным. Видимо, наш автор пользовался данными, составленными наблюдателем, «смотревшим» из какой-то своей собственной точки пребывания. Искажения местонахождения городов, возможно, следует связывать с так называемым географическим эгоцентризмом восприятия пространства, когда человек «видит» и описывает окружающие объекты из того места, где он в данный момент находится, даже если он при этом передвигается⁷³.

Продолжение рассказа о море *Нутаиш*: «Потом море простирается также на юго-запад до [города] *Судака*, расположенного на 56 градусах долготы и 51 градуса широты, поворачивает от *Судака* на юг и отклоняется на восток, пока не достигнет выступающего в море участка суши, где расположен город *Сару Карман*, лежащий напротив *Синуба*, упомянутого выше. Далее от *Сару Карман* море поворачивает на запад с отклонением к югу»⁷⁴.

Судак – тюркское наименование города в Крыму, сообщение о котором Ау-л-Фида' частично позаимствовал у автора XIII в. Ибн Са'ида⁷⁵.

В разделе о реках: «Река *Аззу* (с *зâ* с точкой после *алифа* и *вавом* в конце) – довольно большая река, которая берет начало на севере и течет к востоку от реки *Туна*. Сначала она поворачивает на запад, затем на восток и впадает в залив моря *ал-Кирым* между *Сару Карманом* и *Акджа Карманом*, двумя городами, расположенными на побережье этого моря»⁷⁶.

Река *Аззак* – тюркское наименование Днепра, *Туна* – тюркское наименование Дуная, море *ал-Кирым*, т. е. Крымское – Черное, *Акджа Карман* – Аккерман (совр. Белгород Днестровский)⁷⁷.

Из «Рассказа о северной части земли, охватывающей страны франков, турок и других [народов]»: «Ал-Кирым (с *кясрой* при *кафе*, *ра* без точки и *мимом* в конце) – это название области, которая охватывает около сорока городов. Самые известные из них – *Сулгат*, *Судак* и *ал-Кафа*... *Сару Карман* лежит к западу от этих трёх городов. Между *Сару Карманом* и *Судаком* около пяти дней [пути]⁷⁸. *Сулгат* – арабская передача названия город *Солхат* в Крыму (совр. Старый Крым)⁷⁹.

«[Описание городов в табличной форме].

Таблицы содержат следующие графы: 1) порядковый номер; 2) название населенного пункта; 3) указание на источник, откуда позаимствованы сведения; 4–5) географическая долгота населенного пункта в градусах и минутах; 6–7) географическая широта населенного пункта в градусах и минутах; 8) указание на

«истинный климат», к которому относится населенный пункт; 9) указание на «условный климат» (т. е. на область, страну), к которому относится населенный пункт; 10) огласовка наименования населенного пункта; 11) характеристика населенного пункта⁸⁰.

Сару Карман

1. 15
2. <i>Сару-Карман</i>
3. Измерение
4. 55 градусов
5. –
6. 50 градусов
7. –
8. Седьмой
9. Ал-булгар и ат-турк
10. С <i>фатхой</i> при <i>саде</i> без точки, <i>алифом</i> , <i>кясрой</i> на <i>ра</i> ’ без точки, <i>йа</i> с двумя точками внизу, а <i>Карман</i> уже был огласован ранее.
11. <i>Сару-Карман</i> лежит к востоку от <i>Акджа-Карман</i> . Это городок меньший по размеру, чем <i>Акджа-Карман</i> . Между <i>Сару-Карманом</i> и [городом] <i>ал-Кирым</i> , называемым также <i>Сулгат</i> , около пяти дней пути. Напротив <i>Сару-Кармана</i> на другом берегу [Черного моря] стоит город <i>Синуб</i> .

В таблице в основном повторяется уже упоминавшаяся ранее информация о городе. Данных о болгарском (исламизированном?) населении в XIII–XIV вв. другие источники не дают, тюркоязычные жители, естественно, там уже обитали. Морское сообщение между Херсоном и Синопом имело место не только в XIII–XIV вв., о чем свидетельствует «Житие и описание чудес св. Евгения» Иоанна Лазаропула (XIV в.)⁸¹, но и гораздо ранее⁸².

Названия крымских городов из книги Абу-л-Фиды’ повторил египетский ученый Шихаб ад-Дин ал-Калкашанди (1355–1418) в труде «Заря для подследоватого в искусстве писания». Он поместил данные о городах *Акджа Карман* и *Сары Карман* не в главу о четвертом округе – *ал-Кирым*, т. е. Крым, а в главу о седьмом округе – стране Булгар, которая в это время являлась тюменом Золотой Орды. Он повторил старые известия Ибн Фадлана о местонахождении города Булгара близ реки Итил, краткости летней ночи, со ссылками на Йакута, Абу-л-Фиду’, рассказы султана города Хамы в Сирии и пр. Затем наш автор упомянул известия ал-Мас’уди о сербах и болгарях и вставил оригинальные сведения об удачном посольстве «владыки сербов и болгар» в 1330/31 г. в Египет. Так же, как некогда ал-Мас’уди, наш автор свел воедино данные о волжских и придунайских болгарях. Далее ал-Калкашанди писал: «Между сербами, болгарями и страной тюрков имеются города. Среди них – *Акджа Карман* (с *фатхой* «хамзы», сукуном «фа», *фатхой* «джима» и «алифом», с *фатхой* «кафа», с «ра» без точки, с «мимом», «алифом» и «нуном» в конце. Это небольшой город на

Понтийском море, известном как море *ал-Кирым*. Он находится в седьмом климате... Среди них [городов] – *Сары Карман*. Говорится в «Таквим ал-булдан»: с фатхой «сада» без точки, с «алифом», кясрой «ра» без точки и «йа» с двумя точками внизу. О [написании] слова *Карман* говорилось выше, ибо оно входит в название *Акча Карман*. Этот город меньше, чем *Акча Карман*. Его местоположение – в седьмом климате из семи. Говорится в «Таквим ал-булдан»: его долгота 55 градусов, а широта – 50 градусов по координатам. Напротив него с другой [стороны] моря – город *Синуб*, на побережье страны *ар-Рум*. Он на восток от упомянутого выше *Акча Кермана*. Между ними около 15 дневных переходов, а между ними и *Солхатом* около 5 дневных переходов»⁸³. Как видно, наш автор соединил известия разных авторов, уточнил, что пользовался сведениями «Таквим ал-булдан» Абу-л-Фиды', вставил оригинальный рассказ о дипломатических связях объединенного Сербско-Болгарского государства, просуществовавшего с 1330 по 1356 гг., и указал местоположение двух городов, отделявших, по его мнению, эту страну от Золотой Орды, воспользовавшись географической номенклатурой и координатами Абу-л-Фиды'.

Таким образом, если поначалу известия о крупнейшем крымском городе Херсоне в трудах арабских географов были взяты из античных источников и в IX–X вв. не имели реального характера, то с течением времени, с расширением знаний о Черном море, его побережье, торговых путях по нему информация расширяется, становится более подлинной и определенной, что является следствием как изменения общеполитической обстановки на полуострове, так и самого статуса города.

¹ Заходер Б. Н. Из истории волжско-каспийских связей // Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. – М., 1967. – Т. 2. – С. 155–165; Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. – М., 2007. – С. 120–121, 135–157, 181–196.

² Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. «Русская река». – С. 113–131, 158–169, 197–240.

³ Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. – М., 2002. – С. 101–307.

⁴ Honigsmann E. Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι. Heidelberg, 1929. – S. 156–161.

⁵ Das Kitab Surat al-ard des Abu Ġa'far Muhammed ibn Musa al-Huwarizmi / H. v. Mžik. – Leipzig, 1926; Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми. Избр. произведения. – Ташкент, 1983 (На узб. яз.); Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата (Древнейшие источники по истории народов СССР). Тексты, перевод, комментарии. – М., 1988. – С. 11–107. Недавно изданная книга В. Г. Крюкова «Ал-Х'варизми про «Сарматію – землю бурджанів» та сусідні з нею «країни» (Луганськ, 2009) повторяет выводы вышеозначенных исследователей. Автор даёт широкий историко-этнографический обзор той территории, что совпадает с современной Украиной и крайне некритически относится к данным ал-Хорезми, предполагая скрупулёзные знания последним этих земель.

⁶ Das Kitab Surat al-ard. – S. 72; Калинина Т. М. Сведения ранних учёных. – С. 46, 87–88.

⁷ Калинина Т. М. Сведения ранних ученых. – С. 124–125; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., комм., исследование, указатели и карты Наили Велихановой. – Баку, 1986. – С. 305, примеч. 49.

⁸ Das Kitab Surat al-ard. S.X (Einleitung); *Mžik H.* Osteuropa – S. 165.

⁹ *Minorsky V.* Laz // EI I. – Leiden-Leipzig, 1934. – Bd. III. – S. 21–24; *Тер-Гевондян А. Н.* Армения и Арабский халифат. – Ереван, 1977. – С. 98.

¹⁰ *Mžik H.* Osteuropa nach der arabischen Γεωγραφική ὑφήγησις des Kl. Ptolemaios von Muhammad ibn Musa al-Huwarizmi // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. – Wien, 1936. – Bd. 43, H. 3–4. – S. 164–165, 183, 187, 189; *Калинина Т. М.* Сведения ранних учёных. – С. 86, 87–88, 104–105.

¹¹ *Mžik H.* Osteuropa. – S. 168–170; *Калинина Т. М.* Сведения ранних учёных. – С. 78–82.

¹² *Калинина Т. М.* Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. // ДГ. 1998 г. – М., 2000. – С. 107–109.

¹³ Das Kitab Surat al-ard. – S. 105; *Калинина Т. М.* Сведения ранних учёных. – С. 48, 94–95.

¹⁴ *Крюков В. Г.* Ал-Х'варізі про «Сарматію – землю бурджанів» та сусідні з нею «країни». – Луганськ, 2009. – С. 201–202.

¹⁵ *Mžik H.* Osteuropa. – S. 165–166.

¹⁶ *Калинина Т. М.* Сведения ранних учёных. – С. 105. В книге вместо точки (1598) стоит цифра III (в то время при печати не хватало места).

¹⁷ *Крюков В. Г.* Ал-Х'варізі. – Вкладка между С. 46 и 47.

¹⁸ *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература // *Крачковский И. Ю.* Избр. соч. – М.; Л., 1957. – Т. IV. – С. 100–108.

¹⁹ Здесь данные ал-Баттани приведены не по критическому изданию К. Наллино, а по более раннему, выполненному тоже К. Наллино, который здесь пронумеровал «перечень центров стран»: Le Tabelle geografiche d'al-Battani / Tr. et ann. dal C. A. Nallino. – Torino, 1898. – P. 241.

²⁰ *Могаричев Ю. М.* Забытый источник по истории средневекового Херсонеса // ANAXAPCIC. – Памяти Юрия Германовича Виноградова. – Севастополь, 2001. – С. 129–131.

²¹ *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VII – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. – С. 91, 1195–1196, 1198.

²² Справедливая критика предположения А. Я. Гаркави и согласившегося с ним Ю. М. Могаричева, как и точки зрения Д. В. Микульского, была ранее предпринята в работах, ставших известными мне недавно: *Домановский А. Н.* Византийське місто Авідос на торговельних шляхах руських мореплавців X ст. (історичний та історіографічний аспект) // IX Сходознавчі читання А. Кримського. – Тези доповідей міжнародної наукової конференції. – Київ, 1–2 червня 2005 р. – К., 2005. – С. 28–31; *Його ж.* Византийське місто, що перепиняє шлях кораблям русів: Херсон чи Ієрон? (до інтерпретації даних ал-Масуді) // Боспорские чтения. – Вып. 6. – Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф. Сборник материалов конференции. – Керчь, 2005. – С. 82–86; *Його ж.* Византийсько-руська торгівля у творах арабських письменників IX–X ст.: елементи нової інтерпретації старих даних // Іслам і сучасний світ: Роботи учасників другого та третього Всеукраїнського конкурсу ісламознавчих досліджень молодих учених імені А. Кримського – К., 2009. – С. 153–157. Я предлагаю свою, основанную на переводе текстов, критику, в целом совпадающую с выводами А. Н. Домановского.

²³ Все нижеследующие переводы (за исключением ал-Калкашанди) проверены мною по доступным критическим изданиям; приводит мои собственные не имеет смысла, т. к. они не отличаются принципиально от уже имеющихся.

²⁴ *Гаркави А. Я.* Незданное свидетельство Масуди о походе русских на Цареград // ЖМНП. – 1872. – № 4 (апрель). – С. 222–223.

²⁵ *Гаркави А. Я.* Там же. – С. 224.

²⁶ В предыдущих работах арабских ученых, опиравшихся на данные Птолемея, город имел античное название *Херсонес*, хотя и в искаженной форме. А. Я. Гаркави предлагал конъектурную форму названия *Херсон*, которая была зафиксирована в источниках только с IV–VI вв., см: *Храпунов Н. И.* Политическая история, государственное и административное устройство Херсонеса в конце IV–VI вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 537–545.

²⁷ *Гаркави А. Я.* Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Труды IV археологического съезда. – Казань, 1877. – Т. 2. – С. 244. Вопрос о появлении русов в Константинопольском проливе в данной статье не затрагивается. Но следует отметить, что идентификация *Куд.кана* как киевлянина не нашла поддержки среди ученых. Это наименование

по-разному интерпретировалось; большинство исследователей пришли к выводу, что Куд.кана из «Книги предупреждения» и Луд.гана (и варианты) из «Золотых копей» аналогичны, но никак не относятся к киевлянам.

²⁸ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. – Leipzig, 1903. – S. 342.

²⁹ Kitāb at-tanbih wa'l-ischrāf auctore al-Masūdi... / M. J. de Goeje. – Lugduni Batavorum, 1894. – P. 140; Бейлис В. М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. // Международные связи России до XVII в. Сб. статей. – М., 1961. – С. 21.

³⁰ Seippel A. Rerum normannicarum fontes arabici. – Christianiae, 1896. – P. 66. Adnotationes criticae. – Osloae, 1928. – P. XXX; Бейлис В. М. Там же. – С. 23.

³¹ Kitāb at-tanbih wa'l-ischrāf. – P. 140–141. М. де Гье считал, что форма *Харсана*, предложенная А. Я. Гаркави, весьма сомнительна (Ibidem. Nota «р»).

³² Гаркави А. Я. Дополнение к сочинению «Сказание мусульманских писателей о славянах и русских». – СПб., 1871. – С. 18.

³³ Гаркави А. Я. Дополнение. – С. 18, примеч. 27.

³⁴ Минорский В. Ф. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 1964. – С. 20.

³⁵ Maçoudi. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. – Paris, 1861. – T. I. – P. 272–273.

³⁶ Бейлис В. М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX–X вв. // Ближний и Средний Восток. – М., 1962. – С. 25; Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть VIII вв.). – Харьков, 2006. – С. 236–237; Калинина Т. М. Керченский пролив в представлениях арабских географов IX–X вв. // Амеликин А. О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV – первой половины XVI вв. (по материалам памятников агиографии и фольклора). – Воронеж, 2008. – С. 33–35.

³⁷ Maçoudi. Les Prairies d'or. – T. II. – P. 46, 47; См также: Бейлис В. М. Сведения о Черном море. – С. 27.

³⁸ Бейлис В. М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. // Международные связи России до XVII в. Сб. статей. – М., 1961. – С. 22.

³⁹ Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kāsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn Khordādhbeh... / de Goeje M. J. – Lugduni Batavorum, 1889. – P. 103; Минорский В. Ф. Куда ездили древние русы. – С. 20.

⁴⁰ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – С. 97.

⁴¹ Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. – М., 2006. – С. 114–115.

⁴² Kitāb at-tanbih. – P. 141; Минорский В. Ф. Куда ездили древние русы. – С. 21; Ибн Хордадбех. – С. 279, примеч. 72; Домановский А. М. О службе комитов (архонтов) проливов и авидиков в Византии V–IX вв. (в контексте государственного контроля и регулирования торговли) // LAUREA. К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. – Харьков, 2007. – С. 147.

⁴³ Калинина Т. М. Сведения ал-Мас'уди о пребывании Юстиниана II у болгар и хазар – (в печати).

⁴⁴ Калинина Т. М., Подосинов А. В. Азовское море в античной, средневековой европейской и арабской картографии // Ad fontem / У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. – М., 2005. – С. 108–119.

⁴⁵ Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik. – P. 155; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – С. 124.

⁴⁶ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. – Leipzig, 1903. – S. 351; Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. – СПб., 1908. – Новая серия. – Февраль. – Ч. 13. – С. 371; Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Бартольд В. В. Сочинения. – М., 1963. – Т. II. – Ч. 1. – С. 825, 827; Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГ. 1998. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. – М., 2000. – С. 292. Ссылки см. также: Домановский А. До локалізації місця збору мита з давньоруських купців (за даними Ібн Хордадбега та Ібн ал-Факіха // Український історичний збірник. – Київ, 2005. – Вип. 8. – С. 8–12; Коновалова И. Г. Путь купцов-русов на Восток // Средневековая Русь. – М., 2006. – Вып. 6. – С. 16–18.

⁴⁷ Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik. – P. 104, 105, 108, 154, 173, 176, 177; Ибн Хордадбех. Книга путей. – С. 97, 98, 100, 124, 137. Анализ см.: Калинина Т. М. Торговые пути. – С. 71; Она же. Днепровско-Донской бассейн. – С. 108; Коновалова И. Г. Русы на трансконтинентальных торговых путях IX в. // Древнейшие государства Восточной Европы. – 2009 г. – М., 2010. – С. 93.

- ⁴⁸ *Ahrweiler H.* Les relations entre les Byzantine et les Russes au IX-e siècle // *Bulletin d'information et coordination*. – Paris, 1971. – Vol. 5. – P. 44–70; *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). – СПб., 2000. – С. 142; здесь же высказаны справедливые сомнения в воззрениях некоторых ученых на Херсон как таможенный пункт (примеч. 4).
- ⁴⁹ *Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadîhî...* / M. J. De Goeje. – Lugduni Batavorum, 1885. – P. 298; *Калинина Т. М.* Торговые пути. – С. 75.
- ⁵⁰ *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. – М.; Иерусалим, 1997/5757. – С. 154, 162.
- ⁵¹ Библиографию по отождествлению города с Таматархой см.: *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. Ранне-средневековый город на Таманском полуострове. – М., 2008. – С. 280–281, примеч. 7.
- ⁵² Библиографию по отождествлению города с Керчью см.: *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. – С. 281, примеч. 1.
- ⁵³ *Калинина Т. М.* Торговые пути. – С. 74, примеч. 39.
- ⁵⁴ И. Г. Коновалова полагает, что и Ибн Хордадбех, и Ибн ал-Факих говорят об одном и том же маршруте, который вел из дальних земель славян во владения Византии: *Коновалова И. Г.* Пути купцов-русов: торговля и политика // *История. Электронный научно-образовательный журнал*. – 2012. – Вып. 5 (13). – С. 136. – Пункт 18 – (<http://mes.igh.ru>). Однако я полагаю, что эти авторы по-разному рассматривали информацию: Ибн Хордадбех писал о византийском таможенном пункте вблизи Константинополя; Ибн ал-Факих – о взимании пошлины в Крыму, возможно, в Таматархе. (Второй путь – по «реке славян» на нижнюю Волгу в хазарский город Хамлидж и Каспийское море я здесь не рассматриваю).
- ⁵⁵ *Гаркави А. Я.* Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // *Труды Археологического съезда в России*. – Казань, 1891. – Т. II. – С. 240.
- ⁵⁶ *Kitâb al-A'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh...* / M. J. de Goeje. – Lugduni Batavorum, 1892. – P. 142–143.
- ⁵⁷ Обзор мнений см.: *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. – Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. – Т. I. – Cz. 1. – S. 105–106. – Ods. 176; *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. – С. 274–282.
- ⁵⁸ *Гончаров Е. Ю.* Магриб и Херсонес: о пути африканских дирхемов в Восточную Европу // *Нумизматические чтения 2009 года. Тезисы докладов и сообщений*. – ГИМ – М., 2009. – С. 11–12.
- ⁵⁹ *Фасмер Р. Р.* Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. – Изв. АН СССР. – Отделение общественных наук. – 1933. – № 6–7. – С. 477; *Фомин А. В.* Источниковедение кладов с куфическими монетами IX–X вв. – Автореф. дисс. на соискание степени кандидата исторических наук. – М., 1982. – С. 113–114; *Noonan Th. S.* Some Observations on the Economy of the Khazar Khaganate // *The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium* / Ed. by Peter B. Golden, Haggai Ben-Shammai & András Róna-Tas. – Leiden; Boston, 2007. – P. 233–240; *Kovalev Roman K.* Khazaria and Volga Bulgāria as Intermediaries in Trade Relations Between the Islamic Near East and the Rus' Lands During the Tenth to Early Eleventh Centuries: The Numismatic Evidence: Part I // *AEMA*. – Wiesbaden, 2011. – P. 44–46.
- ⁶⁰ *Гончаров Е. Ю.* Магриб и Херсонес. – С. 12.
- ⁶¹ *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка. – Л., 1932. – С. 119; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. – М.; Иерусалим, 1997/5757. – С. 141, 164.
- ⁶² *Коновалова И. Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. – М., 2006. – С. 115.
- ⁶³ *Коновалова И. Г.* Ал-Идриси. – С. 177, примеч. 32. И. Г. Коновалова отмечает, что название топонима восходит к древнерусскому «Корсунь».
- ⁶⁴ *Коновалова И. Г.* Ал-Идриси. – С. 116.
- ⁶⁵ *Коновалова И. Г.* Ал-Идриси. – С. 176–177, примеч. 29–33; С. 200, примеч. 53.
- ⁶⁶ *Jacut's geographisches Wörterbuch...* / F. Wüstenfeld. – Leipzig, 1866. – Bd. I. – S. 306–307.
- ⁶⁷ *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон.
- ⁶⁸ *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. – М., 2002. – С. 82, 93–97. В нашем случае речь о так называемом боспорском Трапезунде не идёт.
- ⁶⁹ *Богданова Н. М.* Херсон в X–XV вв. // *Причерноморье в средние века* / Под ред. С. П. Карпова. – М., 1991. – С. 56, 57.
- ⁷⁰ *Коновалова И. Г.* Черное море в описании Абу-л-Фиды // *Сборник Русского исторического общества. Россия и мусульманский мир*. – М., 2003. – Т. 7 (155). – С. 51–57; *Коновалова И. Г.* Вос-

точная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. Текст, перевод, комментарий. – М., 2009. – С. 144, примеч. 76–77, 81–90.

⁷¹ Коновалова И. Г. Восточная Европа. – С. 109.

⁷² Коновалова И. Г. Восточная Европа. – С. 132, примеч. 18; С. 155, примеч. 1.

⁷³ Подосинов А. В. *Ex oriente lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. – М., 1999. – С. 460–466, 597–602.

⁷⁴ Коновалова И. Г. Восточная Европа. – С. 110.

⁷⁵ Коновалова И. Г. Восточная Европа. – С. 156, примеч. 1, 2.

⁷⁶ Коновалова И. Г. Восточная Европа. – С. 113.

⁷⁷ Коновалова И. Г. Восточная Европа. – С. 137, примеч. 2; С. 140, примеч. 13, 14, 15; С. 153, примеч. 1.

⁷⁸ Коновалова И. Г. Восточная Европа. – С. 114–115.

⁷⁹ Коновалова И. Г. Восточная Европа. – С. 144, примеч. 5; С. 157, примеч. 1.

⁸⁰ Коновалова И. Г. Восточная Европа. – С. 119, примеч. *.

⁸¹ Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. – С. 55–59; Коновалова И. Г. Восточная Европа. – С. 155, примеч. 2, 3, 6.

⁸² Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. – С. 55; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – Ч. 1. – С. 284; Ч. 2. – С. 1134, 1142.

⁸³ Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки* / Под редакцией проф. Н. Н. Дьякова. – СПб., 1999. – С. 75–76.

С. И. Лиман

**ПРИЩУР СТРОКИ В РОМЕЙСКИЙ ПОЛДЕНЬ:
ВИЗАНТИЯ ЭПОХИ МАКЕДОНСКОЙ ДИНАСТИИ
В ОЦЕНКАХ ИСТОРИКОВ
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(XIX – НАЧАЛО XX вв.)**

Македонская династия... Два этих слова говорят медиевисту очень многое. Вершины могущества Ромейской империи! Плеяда правителей, чьи головы были вполне достойны венца, а плечи – порфиры! Грозная поступь новой наёмной армии, покорившей земли сирийцев и болгар! Расцвет в литературе и искусстве («Македонский ренессанс»)! И, конечно, крещение князя Владимира, озарившее языческую северную державу немеркнущим светом христианских лампад... Новые идеи, новые порядки, новые трактаты. Старые амбиции, старые болезни, старые враги. Вывихнутый стан империи на два века покорился искусству умелых царственных Костоправов, но копыта коней катафрактов, ставя клейма новых-старых завоеваний, уже переворачивали чистые страницы ещё неописанных ромейских утрат.

Империя эпохи Македонской династии удивляла, восхищала, тревожила. И опыт её развития довольно рано стал объектом пристального изучения отечественных историков и учёных зарубежья. От себя прибавим: заслуженного! Согласно известному высказыванию Ш. Дила, при Македонской династии «Византийская империя переживала период *несравненного величия* (курсив наш – С. Л.)», а «руководившие ею в продолжении полутора столетий государи почти все без исключения были замечательными людьми»¹. «Вершиной величия» Византии признают эту эпоху и современные отечественные учёные².

В Российской империи научная разработка проблем византийской истории началась с рубежа XVIII–XIX вв. В дореволюционной отечественной византистике нашли своё отражение многие вопросы общественно-политического развития самой России. Среди них – жизненно актуальные на тот период попытки оправдать концепцию «просвещённого абсолютизма» и доктрину «самодержавие – православие – народность», выяснить суть славянофильских и западнических воззрений о непризнании или признании общности исторического развития восточнохристианских и западнохристианских государств, показать имманентные причины кризиса крепостничества, наконец, «глубже разобраться в тенденциях и традициях России, её исторических связях и положении в мировой истории»³.

Отмеченные тенденции общероссийской византистики были в полной мере характерны и для её развития в отдельных регионах империи. Одним из крупных научных центров с богатыми византиноведческими традициями был императорский Харьковский университет, открытый по Уставу 1804 г. История Византии эпохи Македонской династии (867–1056 гг.) неоднократно становилась здесь предметом научных изучений. Однако опыт этих изучений вплоть до настоящего времени ещё не отражён в специальной историографической публикации. В отечественной историографии рассматривались лишь отдельные аспекты данной проблемы. Эти обращения носили контекстный характер и были связаны с изучением творчества отдельных учёных⁴ либо с исследованием развития византистики, медиевистики, славяноведения в Харьковском университете⁵, в Украине⁶, в Российской империи в целом⁷. Масштабы обращений авторов данных трудов к вехам творчества харьковских исследователей весьма различны. Например, в историографической монографии Г. Л. Курбатова лишь упоминается фамилия А. П. Зернина с перечнем его трудов, среди которых и труды, посвящённые византийской истории IX–X вв.⁸ В то же время в фундаментальной монографии Л. В. Гориной «Марин Дринов – историк и общественный деятель» глубокие оценки автора в связи с задачами труда отражают не византиноведческий, а славяноведческий круг его научных интересов⁹. В связи с этим цель настоящей статьи – дать всесторонний анализ изучений учёными императорского Харьковского университета различных проблем истории Византии эпохи Македонской династии (вторая половина IX – середина XI вв.).

Несмотря на то, что первые работы, в той или иной мере затрагивающие отдельные аспекты византийской истории, были созданы в Харьковском университете уже в первые годы его существования, их авторы до середины XIX в. непосредственно не касались эпохи Македонской династии. В то же время уже в ранних актовых речах харьковских учёных, представляющих самые разные науки (историю, философию, право) определилось одно из тех ключевых направлений, в рамках которых в дальнейшем будут проводиться отечественные исследования по истории Византии второй половины IX – середины X вв. Им стала проблема византийско-славянских отношений вообще и влияние византийского законодательства на древнерусское в частности¹⁰. Именно в русле этой тематики в Харькове и в Российской империи в целом было подготовлено первое монографическое исследование – магистерская диссертация Н. А. Лавровского (1825–1899) «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (1853 г.).

Н. А. Лавровский окончил в Петербурге историко-филологическое отделение Главного Педагогического института. С 1852 г. до назначения его в 1875 г. первым директором Историко-филологического института в Нежине он читал лекции в Харьковском университете в качестве адъюнкта, затем профессора кафедры педагогики, а с 1855 г. – кафедры русской словесности¹¹. Филологическая тематика в трудах Н. А. Лавровского традиционно преобладала над исторической, а его магистерская диссертация имела важное значение для воссоздания главным образом культурных отношений Византии с Древней Русью. По словам самого Н. А. Лавровского, анализ договоров помогает «воскрешать седую

старину и раскрывать те законы, по которым развивалась жизнь русского народа»¹². Прибавим от себя, что в отечественной историографии это была одна из первых специальных работ о византийско-русских отношениях.

Лейтмотивом исследования харьковского учёного стало его утверждение о ромейском происхождении договоров, о бесспорной принадлежности их «к числу переводных памятников»¹³. Для доказательства влияния византийских подлинников на форму и структуру этих договоров, Н. А. Лавровский предпринял глубокий текстологический сравнительный анализ, показав прекрасное знание древнерусского и среднегреческого языков. В структурном плане его магистерская диссертация состояла из четырёх частей, в каждой из которых учёный рассматривал внешнюю форму договоров, построение переводов, синтаксис языка договоров, а также сопоставлял отдельные слова и выражения, встречающиеся в тексте, с византийской лексикой. При этом наибольшую ценность для историков может представлять первая глава диссертации.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов, рассмотренных Н. А. Лавровским и не разрешённым до конца по сей день, был вопрос о характере соглашения, заключённого Олегом под стенами Константинополя в 907 г. Харьковский учёный нисколько не сомневался в том, что это – договор, причём договор «отдельный, самостоятельный, скреплённый с обеих сторон клятвою и окончательно решавший вопрос о взаимных торговых сношениях». Но интересовал Н. А. Лавровского в связи с этим совсем другой загадочный вопрос: почему договор 907 г., внесённый в летопись Нестора «без соблюдения надлежащей формы, ...не вошёл в формальный договор 911 г. и почти буквально повторён в договоре 945 года?»¹⁴. Для автора в данном случае всё представлялось предельно ясно: так как при заключении соглашения 907 г. русские преследовали, прежде всего, «...выгоды торговли и не предвидели неизбежных столкновений, требующих точнейшего определения прав и обязанностей, то о последних вовсе и не упомянуто. Когда же опыт убедил в их необходимости, то Олег отправил в Константинополь особых послов, которые и определили отношения этого рода». Этим, по его мнению, главным образом, и объяснялось отсутствие статей 907 г. в заключительном договоре 911 г. Больше затруднений вызывал у автора ответ на вопрос почему Олегов договор 907 г. почти без изменений вошёл в договор 945 г.? «Не позволяя себе относительно его бездоказательных предположений, – отвечал учёный, – скажем здесь только, что ... договор 907 года был вполне самостоятельный, договор 911 года столько же самостоятельный, но по содержанию более частный, договор же 945 года вполне самостоятельный и при том заключающий в себе общие и частные определения прав и обязанностей, с некоторыми опущениями сравнительно с Олеговым, опущениями, которые, вероятно, касались статей более не действовавших при перемене обстоятельств»¹⁵.

Весьма расплывчатые формулировки Н. А. Лавровского при характеристике столь важного вопроса можно объяснить лишь тем, что как филолог он спешил приступить к рассмотрению «внешней формы договоров», а честь заниматься более доказательной источниковедческой базой относительно всего вышеизложенного он негласно оставлял историкам. На это своеобразное завещание

откликнулось с течением времени довольно большое количество наследников, численности которых Н. А. Лавровский явно не мог предвидеть. Отметим, к примеру, что дискуссии относительно договора 907 г. длятся до настоящего времени¹⁶. На дискуссионность и противоречивость данной проблемы указывает, в частности, известный современный византист Г. Г. Литаврин в своей монографии «Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII в.)»¹⁷. И хотя сам он скорее склоняется здесь к точке зрения Я. Малингуди, считавшей договор 907 г. предварительным соглашением договора 911 г., тем не менее в другой его книге «Византия и славяне» обнаруживается стремление автора дистанцироваться от высказывания однозначного мнения на этот счёт: «Независимо от решения вопроса о том, был ли в какой-то форме заключён договор между Русью и Византией так же в 907 г., или не был заключён, ясно, что мирные торговые связи «из варяг в греки» установились за много десятилетий до 911 г.»¹⁸. Действительно, есть основания вести их отсчет по меньшей мере с начала 60-х гг. IX в.¹⁹

Н. А. Лавровский, как мы помним, колебаний в данном вопросе не обнаруживал, хотя доказательной базой по этой части свою диссертацию не обременял. Доказательства становились всё более убедительными по мере того, как харьковский исследователь углублялся в суть вопроса о византийском влиянии на тексты договоров. Русы, по его мнению, в начале X в. находились ещё «в первой поре развития общественной жизни», а потому «могли выражать свои мысли только так, как им внушал простой здравый смысл, сама природа, не подчиняя их искусственным формам, о которых не имели никакого понятия, и которая появляется в эпоху полного развития гражданственности»²⁰. «Если же русские, – продолжал далее учёный, – сами не могли сообщить внешней форме своим договорам, то они могли получить её только от греков». На основании приведённых им примеров из сборника грамот византийских императоров, собранных Константином Багрянородным, отрывков из хроники Иоанна Малалы, сочинений Феофилакта Симокатты, Георгия Кедрина, Н. А. Лавровский убедительно доказал, что «...внешняя форма, в какую облакали греки различные акты, имевшие официальное значение, сходна с формой договоров»²¹.

Вторая и последующие части диссертации учёного были посвящены главным образом тонким филологическим аспектам проблемы. Наибольший интерес здесь представляет материал выводного характера. Так, византийское влияние на построение периодов, по мнению Н. А. Лавровского, «преимущественно отразилось на их синтаксисе». «Что же касается до размещения составных частей отдельных предложений, – продолжал далее учёный, – то и оно в наших договорах совершенно в византийском характере»²². В дальнейшем им была установлена зависимость синтаксиса языка договоров от среднегреческого языка и доказано в ходе анализа сходство отдельных слов и выражений. Полученные результаты позволили Н. А. Лавровскому ещё раз подтвердить свою мысль об определяющем византийском влиянии на язык договоров, вышедших, следовательно, из секрета имперского ведомства логофета дрома. При этом учёный отметил в заключении, что это влияние на текст договоров «наиболее отразилось в их вступлениях и заключениях и наименее в самих статьях»²³. Такое

мнение разделяют и современные византинисты, углублявшиеся в препарирование филологии источников²⁴.

Вклад Н. А. Лавровского в выяснение отношения текстов договоров русов к не дошедшим до нас греческим текстам, а также в их реконструкцию получил высокую оценку и признание его современников. Во многом учёному удалось создать фундамент для последующих научных изысканий по этой теме в отечественной науке, в том числе в украинских землях Российской империи²⁵. Проблема договоров русских князей с византийскими императорами станет популярной и среди тем медальных студенческих сочинений²⁶. При этом в дальнейшем сам Н. А. Лавровский частично коснётся истории Византии эпохи Македонской династии лишь в небольшой статье «Замечание о гире Константина Багрянородного». В ней учёный активно включится в дискуссию о значении в ранней отечественной истории данного термина, упомянутого в труде знаменитого византийца²⁷.

Современником Н. А. Лавровского в Харьковском университете был А. П. Зернин (1821–1866). С рядом оговорок он может быть признан ключевой фигурой в византистике украинских земель Российской империи середины XIX в., региональным лидером этой отрасли исторической науки того времени и одним из её корифеев общероссийского масштаба²⁸. Подобно Н. А. Лавровскому, он учился в Петербургском Главном педагогическом институте, по окончании которого в 1844 г. был оставлен там для подготовки к профессорскому званию. В 1846 г. в Петербургском университете он защитил магистерскую диссертацию «Об отношении константинопольского патриарха к русской иерархии», что и предопределило его последующие научные интересы. Уже сформировавшимся византистом он прибыл в Харьковский университет. Здесь А. П. Зернин состоял в штате с 1847 по 1863 гг. В 1851 г. он стал экстраординарным, в 1854 г. – ординарным профессором и в течение трёх лет (1859–1862) был деканом историко-филологического факультета.

Несмотря на то, что отзывы современников о лекторских способностях А. П. Зернина весьма различны, от положительных²⁹ до сдержанных и даже критических³⁰, тем не менее он первым в украинских землях Российской империи ввёл в учебный процесс специальные курсы, посвящённые отдельным вопросам византийской истории³¹. Новаторские подходы А. П. Зернин обнаруживал и в научных трудах, каждый из которых базировался на всесторонней комплексной и критической разработке привлечённых им источников. По сути дела, им был заложен новый подход, наметивший истоки будущих успехов отечественной византистики, ставших особенно явственными с последней трети XIX в.

За время работы в Харьковском университете А. П. Зернин подготовил три больших научных очерка по истории Византии, два из которых посвящены правителям Македонской династии: «Император Василий I Македонянин» (1854 г.), «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного» (1858 г.). Преждевременная смерть в 45-летнем возрасте, ставшая следствием сильного переутомления и почти трёхлетней душевной болезни³², не позволила талантливому учёному осуществить все свои научные замыслы, которые несомненно вывели бы его в лидеры тогдашней византистики Юга России.

Общее, что объединяло все основные работы А. П. Зернина – точка зрения о решающем и многообразном влиянии Византии на историческую судьбу Древней Руси. Вторым превалирующим моментом следует считать преимущественно биографический характер его исследований. Последнее обстоятельство, пожалуй, в наибольшей степени было характерно для его работы о родоначальнике Македонской царственной династии, продержавшейся свыше полутора столетий.

Ученый весьма высоко оценил в своём очерке деятельность Василия, который являлся, по его мнению, «замечательнейшим из византийских императоров после Юстиниана I»³³. Подчёркивая роль василевса как законодателя, исследователь утверждал, что в этом смысле он может быть поставлен рядом с его знаменитым предшественником³⁴. Столь высокие отзывы созвучны и с оценками правления Василия I в источниках³⁵. Новейшая передатировка А. Шминком Прохирона 907–908 гг. не меняют этого верного заключения, поскольку кодификация и переработка юстинианова права в Эпанাগое (Исагоге) и 60 книгах Василия так или иначе была начата до Льва VI Мудрого³⁶.

А. П. Зернину принадлежит несомненная заслуга в том, что героем своего сочинения он избрал императора, деятельность которого была мало изучена в европейской исторической науке. Несмотря на внимание к этой незаурядной личности со стороны византинистов, показательно, что до сих пор поле наблюдений о ней в виде основных, обобщающих работ не назовешь бескрайним³⁷. Уже одно это обстоятельство выгодно оттеняет приоритет харьковского историка, взявшегося за разработку данной проблематики, по меньшей мере, на полвека раньше остальных византинистов. Много сделал учёный и для введения в научный оборот новых источников, в частности, упущенного из виду его предшественниками «Поучения Василия I к сыну Льву Философу». Однако при всей занимательности авторского изложения, научная работа А. П. Зернина напоминает временами художественное произведение, автор которого явно не жалеет эпитетов и красок для апологии своего персонажа. Деяния Василия, человека из народа, до его восшествия на престол напоминают подвиги героев античных мифов. При этом гипертрофированный научный интерес А. П. Зернина к Византии зачастую превращал эту привязанность в плохо скрываемую антипатию по отношению к её соседям болгарам. Но в высшей степени надуманной представляется нам кульминация очерка, где повествуется о победе Василия в нелёгкой борьбе при дворе. Так, признавая, что эта борьба велась всяческими средствами, оставлявшими гораздо больше шансов на успех человеческим порокам, нежели их добродетелям, А. П. Зернин, тем не менее, указывал: «Главная причина его (Василия. – С. Л.) торжества над противниками заключалась в нравственном его превосходстве над ними»³⁸. Едва ли комплот даровитого, но полуграмотного царского конюха, разыгравший кровавую интригу против императора-пьяницы, да и сам изворотливый претендент на трон мог справедливо претендовать на столь высокую оценку.

Помимо описания жизни и деятельности Василия I А. П. Зернин представил во второй части очерка разбор сочинения императора – его «Поучений» к сыну, в котором наиболее отчетливо отстаивались принципы византийской

автократии, того самого самодержавия, наследственные основы которого пытался заложить василевс. Высокий профессионализм историковеда, продемонстрированный здесь А. П. Зерниным, в ещё большей степени проявился в его очерке о царственном внуке Василия, императоре Константина Багрянородном.

Как и в первом сочинении, учёный проделал большую источниковедческую работу. При этом биография Константина, собственно говоря, таковой здесь не является: она органичнее и удачнее, чем в предыдущем случае, вписана в историю Византийской империи. Стал объективнее и сдержаннее подход автора к деятельности своего очередного героя. Сам василевс получил в работе А. П. Зернина неоднозначную оценку. «Константин Багрянородный, – писал учёный, – принадлежит к числу замечательнейших в длинном ряду византийских императоров. При всей ничтожности его в государственном отношении, он должен быть отнесён к разряду исторических личностей, которые вполне выражают собой эпоху, к которой принадлежали»³⁹. Эта оценка далека от характеристики Константина как «безвольного книжника», какой его еще недавно наделяли историки⁴⁰, но едва ли целиком объективна, поскольку правление этого императора (борьба с династами, внешнеполитическая дипломатия) указывают на его сознательные государственные усилия в обустройстве ромейского мира после прихода к власти в январе 945 г. и вплоть до смерти в 959 г.

Очень много места на страницах очерка автор уделил личности предшественника Константина Багрянородного, его регенту, тестю и соправителю Роману I Лакапину. Их борьба друг с другом стала одной из главных сюжетных линий исследования, но, если не брать во внимание эмоциональную сторону подачи материала, фактическая сторона была передана достаточно глубоко и верно. Особенно это касается оценок А. П. Зерниным ключевых вех в деятельности Романа. По его мнению, уже с женитьбы Константина на дочери Романа Елены в апреле 919 г. «началось господство Романа Лакапина»⁴¹. А кульминационным событием в его карьере, позволившей присвоить «всю власть», стала коронация Романа в 920 г.⁴²

Столь же верным следует считать и оценки, данные А. П. Зерниным реальным внешнеполитическим вызовам Византии. Среди этих вызовов харьковский учёный на первое место обоснованно ставил болгарско-византийские отношения⁴³. Трудные войны с таким неудобным соперником как Болгария особенно контрастно описаны А. П. Зерниным на фоне того, что «несравненно большее счастье сопровождало римское (ромейское – С. Л.) оружие в Азии»⁴⁴. Для полноты передачи внешнеполитических реалий, учёный резонно добавил к своему описанию, как «первый», набег венгров на империю в 934 году⁴⁵ и разрушительное вторжение руссов (941)⁴⁶.

Очерк А. П. Зернина увидел свет тогда, когда на создание отечественных концепций византийской истории всё ещё оказывало многотомное сочинение авторитетного английского исследователя Э. Гиббона «История упадка и гибели Римской империи» (1788 г.). Его попытка представить историю Византии как период тысячелетнего разложения и регресса получила широкое распространение в отечественных публикациях, курсах лекций и учебной литературе. К чести А. П. Зернина следует сказать, что он был далёк от подобных крайно-

стей. Признавая, что константинопольский двор погряз в интригах⁴⁷ и что это не прекращалось даже тогда, когда болгары стояли у ворот Константинополя⁴⁸, харьковский исследователь старался быть беспристрастным в оценках самого византийского правления. Так, говоря о «беззакониях» Романа I Лакапина, который в течение всего своего правления заботился «преимущественно о возвышении своего семейства»⁴⁹, А. П. Зернин указывал и на его щедрую благотворительность, как «набожного и ревностного сына Церкви»⁵⁰. В то же время харьковский учёный считал тенденциозными описания деяний Константина Багрянородного у Продолжателя Феофана. «Изображение его, – указывал А. П. Зернин, – отличается самым неумеренным хвалебным тоном, так что подходит больше на панегирик, чем и уменьшает доверие к себе. Похвалы, которые он расточает Константину, не только не нашли отголоска в других византийских писателях, но ещё у Кедрина мы находим несколько таких известий, которые заставляют думать, что общее впечатление, какое оставил по себе Багрянородный, скорее было не в пользу его»⁵¹. Эта мысль повторялась в очерке А. П. Зернина и в дальнейшем⁵².

Однако как бы ни оценивалось в источниках и в византистике значение Константина Багрянородного как политика, само его письменное наследие представляет исключительную ценность. Это признавал и сам А. П. Зернин. С одной стороны, по мнению харьковского учёного, «десятое столетие в византийской истории, как известно, считается наиболее скудным по историческим материалам»⁵³. С другой, как указывал историк в дальнейшем, характеризуя значение Константина Багрянородного, «самый выбор предметов, на которые обращена была авторская его деятельность, не мало содействуют к разъяснению его личности»⁵⁴.

Анализируя сочинения Константина, автор наиболее подробно разобрал его труд «Об управлении империей». Это тем более примечательно, что на фоне других сочинений ученого василевса, именно данный трактат был известен хуже, а его боннское издание Иммануила Беккера появилось лишь в 1840 г., то есть на тот момент являлось новинкой, еще недостаточно введенной в научный оборот⁵⁵. Подобное предпочтение исследователь объяснял тем, что на основании именно этого труда «...мы можем судить, как понимал своё государственное значение Константин, и какие уроки преподавал он своему сыну и преемнику»⁵⁶. Упрек в излишнем увлечении цитатами, который может высказать любой исследователь творчества А. П. Зернина, будет справедлив лишь отчасти: таковы были особенности исследовательского приёма учёного, и он обнаруживал их в каждом из своих очерков. Впрочем, такое пространное цитирование имело свое преимущество в том, что позволяло читателю лучше познакомиться с текстом источника и самому извлечь из него то, что прошло мимо внимания автора очерка. В любом случае, столь подробный источниковедческий разбор должен был основательно подкрепить общие выводы работы о Константине Багрянородном: «Он был ревностным хранителем преданий, которыми поддерживалось существование империи, выразив собой всю холодную формальность, которой характеризуется византизм вообще, и, не сумев внести в вялое и отжившее уже свой век византийское общество ни одного жизненного и плодотворного

принципа. Другого значения он не имел, да и не мог иметь по недостатку в нём живой, одушевляющей силы»⁵⁷.

Между тем Г. Г. Литаврин в предисловии к отечественному изданию Константина Багрянородного «Об управлении империей» оценивал его деятельность иначе. Авторитетный византист не только считал, что Константин «...в сущности, продолжил и внутренний, и внешнеполитический курс Романа I», которого А. П. Зернин всячески противопоставлял Константину, но и указывал на колоссальную организаторскую деятельность последнего⁵⁸. Такой взгляд на императора представляется более оправданным, учитывая не столько его ученые познания, порой преувеличиваемые византистами, сколько недюжинные личные политические, дипломатические способности, сравнительно стабильное положение империи к середине X в., укрепление централизованных форм управления государством, внешнеполитические успехи правительства, развитие культуры. Впрочем, предвзятая точка зрения в отношении Константина VII – правителя, у истоков которой стоял А. П. Зернин, имеет большую историографию, свидетельствующую о том, что харьковский византист не был одинок в своих попытках субъективного толкования византийской истории и ее источников⁵⁹. Вопрос же о масштабах преемственности в правлениях Романа I и Константина VII с трудом разрешим однозначно, поскольку сами источники дают об этом разное представление. Если Продолжатель Феофана считает, что Константин нашёл «всё дело в небрежении и запустении», полностью изменил налоговую политику предшественника и «дал беднякам маленькую передышку»⁶⁰, то из законодательных актов Романа I видно, насколько он своими распоряжениями заботился о сохранении мелкого крестьянского землевладения⁶¹ и делал это ещё до воцарения Константина VII.

Несмотря на разную направленность византиноведческих трудов Н. А. Лавровского и А. П. Зернина, эти труды сближали не только их хронологические рамки. Общим в их творчестве следует считать и то значение, какое придавали они византийско-славянским отношениям. Указанная тенденция станет доминирующей в творчестве представителя нового поколения отечественной науки, известного российско-болгарского учёного М. С. Дринова (1838–1906). Он был доцентом, затем профессором кафедры славянской филологии Харьковского университета с 1873 до самой смерти⁶².

В соответствии с учебными задачами кафедры М. С. Дринов читал различные курсы: общий курс славяноведения, историю славянских литератур, историю славян⁶³. Уже в силу специфики указанных предметов харьковский учёный постоянно обращался и к истории славяно-византийских отношений, и к византийскому нарративу как источнику для средневековой истории славян. Хотя антивизантийские высказывания М. С. Дринова, характерные для всего его творчества, встречались в его лекционном курсе по истории славян постоянно⁶⁴, было бы неверным приписывать учёному желание представить Византию абсолютно враждебной стихией. М. С. Дринов признавал, что византийско-болгарские войны сменялись «дружественными отношениями, оказавшими некоторое воздействие на духовную жизнь болгар»⁶⁵.

М. С. Дринов был автором нескольких работ по истории византийско-болгарских отношений эпохи Македонской династии, созданных им в харьковский период деятельности⁶⁶. Ключевые положения его концепции о влиянии Византии на соседние славянские государства были в наиболее развёрнутом и аргументированном виде изложены в основном его труде – докторской диссертации «Южные славяне и Византия в X в.» (1876 г.). Основным источником для написания этой работы послужили три десятка писем Константинопольского патриарха Николая I Мистика (901–907, 912–925), в которых, по выражению М. С. Дринова, «...заключается богатый материал, бросающий довольно яркий свет на тогдашние отношения Болгарии к Византии, а также и к другим её соседям»⁶⁷. И хотя следует признать вполне справедливым утверждение учёного о том, что подавляющее большинство этих писем осталось без внимания его предшественников, всё же правомерен вопрос: можно ли считать достаточной источниковую базу докторской диссертации по истории византийско-славянских отношений всего X в., если основой её служат письма, относящиеся к его первой четверти?

Несмотря на то, что работа была посвящена проблемам внешней политики на Балканах в X в., М. С. Дринов начал своё исследование с крещения Болгарии в 863 г. Это событие, приведшее, по его словам, к установлению крепкого мира с Византией, позволила последней изменить в свою пользу соотношение сил и в других частях Европы. Так, среди успехов умного и деятельного византийского императора Василия I Македонянина М. С. Дринов выделял победу над Каролингами, захват их владений в Далмации и Италии, успехи в борьбе с арабами и т. д.⁶⁸ При этом М. С. Дринов не дал в своей докторской диссертации ясного ответа на очевидный вопрос: насколько напряжёнными были усилия Византии, выигравшей церковную борьбу за Болгарию у римского папы, если присоединение болгар к греко-православной церкви принесло столь очевидные выгоды Константинополю⁶⁹.

Подобное уточнение было бы тем ценней, что оно наверняка внесло бы коррективы в последующие рассуждения учёного. Иначе как понять, что выгодный Византии «крепкий» мир с Болгарией, «был нарушен, как только императора Василия сменил непохожий на него Лев Философ», который «легко подчинялся влиянию людей»⁷⁰. Виновицей нарушения дружественных отношений двух держав в правление Льва Философа и болгарского царя Симеона М. С. Дринов признавал исключительно Византию, а именно: приближённых императора, спровоцировавших своими торговыми злоупотреблениями очередную войну. Козни «торговых людей» из Эллады, Ставракия и Косьмы, судя по молвдулам, коммеркиариев Фессалоники конца IX – начала X вв., их интриги с всесильным тестем василевса, Заутзем, как показывают современные исследования, действительно сыграли в развязанной «экономической войне» 894 г. главную роль, а «болгарская обида» могла проистекать из нарушений основных принципов митатной формы торговли⁷¹. Безусловно, это даёт представление о поводе к очередному витку византийско-болгарского противостояния, но не вполне объясняет, почему на протяжении практически всего своего правления Симеон проводил антивизантийскую внешнюю политику. Между тем, по собственному

признанию М. С. Дринова, «главное внимание его (Симеона – С. Л.) было сосредоточено на пересадке плодов византийской образованности в Болгарию»⁷².

Антивизантизм самого М. С. Дринова в данном случае вполне очевиден. Эта черта его творчества отмечалась его исследователями неоднократно. Однако, перенося свой болгарский патриотизм в область научных исследований⁷³, М. С. Дринову иногда удавалось возвыситься над национальными чувствами. Так, например, он упрекал Симеона за грубый ответ византийскому патриарху Николаю, пытавшемуся предотвратить новую войну, и признаётся, что Симеон всячески стремился овладеть византийским престолом.

Однако противоположных высказываний у М. С. Дринова куда больше. Образы византийских императоров под его пером зачастую выглядят откровенно карикатурно, пресловутое византийское коварство возводится им в абсолют. Отчасти это можно объяснить и тем, что в самих византийских источниках X в. остро критиковались испорченные нравы и интриги ромейской правящей верхушки⁷⁴. Успехи Болгарии в войнах против Византии существенно повлияли, по мнению М. С. Дринова, и на смену власти в Константинополе после Ахелойской и Катасиртской битв, и на сближение Византии с папством (так называемое «единение» 923 г.)⁷⁵, что едва ли можно отнести к выгоде болгарской стороны. То, что степень болгарской угрозы для Византии оценивалась М. С. Дриновым вполне адекватно, свидетельствуют и оценки этой угрозы в исследованиях других авторов. Так, по мнению Ш. Диля, «война с болгарам является во внешней истории Византии X в. ещё более важным событием, чем войны с арабами»⁷⁶.

В даровании Византией Петру Симеоновичу титула царя Болгарии М. С. Дринов также усматривал неблагоприятный замысел императорского двора. Это произошло во время очередного и очевидного сближения двух стран: «Под шумок торжественных заявлений своей дружбы к правительству Петра, Византия, пользуясь тем, что эти заявления открывали ей все государственные тайны этого правительства, деятельно работала над разложением могущества Болгарского царства, надеясь таким образом возратить себе со временем сделанные этому царству уступки»⁷⁷.

В этом разложении могущества Первого Болгарского царства, – заметим, царства, попортившего немало крови ромеям, – многие историки и до, и после М. С. Дринова винули богомилскую ересь, корни которой крылись в разгромленном Василием Македонянином павликианстве. Сам М. С. Дринов верно и убедительно показал социальную сущность богомилства, признавая, что «еретики встречали большое сочувствие в среде народа»⁷⁸. Вместе с тем, продолжая оставаться по сути заложником своего болгарского патриотизма, учёный указывал на то, что эта ересь «...явилась противодействием сильно утвердившемуся византизму с его роскошным клиром, с его придворными кознями, с его государственным всемогуществом и общественным порядком»⁷⁹. Начало усиленной пересадки этих византийских порядков в Болгарию историк усматривает уже во времена Борисова крещения и царствования Симеона. «Но окончательно дело это было завершено, в особенности по отношению к придворным порядкам, в царствование Петра введением греческой принцессы во дворец»⁸⁰. Таким образом, следуя логике М. С. Дринова и его антивизантий-

ской концепции, задуманное Византией «разложение» Болгарии стало приносить свои плоды задолго до того, как византийские армии после нескольких десятилетий напряженных войн в 1019 г. поставили точку в истории Первого Болгарского царства.

Продолжением этого Первого Болгарского царства учёный считал Западно-болгарское Самуилово царство. В своём творчестве М. С. Дринов отвергал распространённое в современной ему болгаристике утверждение о том, что оно являлось новообразованным государством⁸¹. Данная точка зрения при всей её дискуссионности имеет право на существование. Иначе обстоит дело с утверждениями М. С. Дринова о добровольном признании болгарями своим правителем византийского императора Василия II⁸².

Несмотря на то что главным предметом исследований М. С. Дринова была история средневековых болгар⁸³, тем не менее и в своём творчестве и в своей докторской диссертации он рассматривал историю взаимоотношений с Византией и других южнославянских народов. Учёный неоднократно обращался к сведениям Константина Багрянородного, в том числе для опровержения его данных. Так, например, в опровержение мнения Константина Багрянородного о быстром свержении хорватами франкского владычества⁸⁴ М. С. Дринов привёл данные грамоты Трпимира и письмо императора Людовика II о том, что Каролинги сохраняли свою власть в Хорватии ещё в третьей четверти IX ст.⁸⁵ Это письмо, по словам М. С. Дринова, «наполнено разными жалобами Западного Императора» на враждебные действия Василия I Македонянина, в том числе на нападение в 870 г. византийского флота на земли перетван⁸⁶. К этому же времени М. С. Дринов относил и подчинение Василием I Македоняниным далматинских городов и островов⁸⁷. В первой же четверти X в. учёный отмечал в Хорватии борьбу двух главных влияний – Византии и Болгарии⁸⁸. Несмотря на это эпохой наивысшего возвышения раннесредневековой Хорватии автор считал именно первую четверть X в., время правления Томислава, а временем упадка – середину X в., когда за смертью Крешемира I последовали междоусобицы⁸⁹. В связи с этим М. С. Дринов опроверг утверждения Ф. Рачкого, который считал, что Крешемир I правил в 968–993 гг. Согласно мнению харьковского учёного это правление пришлось на первую половину X в. Позднейшие исследования подтвердили правоту М. С. Дринова о времени возвышения Хорватии, её упадка, времени правления Крешемира I⁹⁰. «Нет сомнения, – указывал М. С. Дринов, – что самостоятельная политика этих могущественных государей зародилась в Византии мысль об уничтожении политического могущества хорватов»⁹¹.

Византийско-сербским отношениям М. С. Дринов уделил в докторской диссертации меньше места, чем византийско-болгарским или византийско-хорватским. Так, новый этап истории Сербии М. С. Дринов считал возможным начать с середины X в., когда сербы возвысились среди других соседних племён «благодаря содействию Византии»⁹². По сути, автор изображал Сербию послушным орудием византийской политики, одинаково враждебной как Болгарии, так и Хорватии. В персональном же плане этим «достойным орудием видов Византии относительно Сербии» М. С. Дринов считал известного князя Чеслава⁹³.

Поэтому в числе важнейших причин ослабления Сербии во второй половине X в. учёный называл изменение отношения к ней Византии⁹⁴. Между тем более подробный анализ особенностей внутривизантийского устройства Сербского государства существенно дополнил бы перечень этих причин.

Несмотря на это монография М. С. Дринова «Южные славяне и Византия в X веке» стала наиболее полным по своему содержанию исследованием византийско-славянских отношений эпохи Македонской династии, подготовленных в императорском Харьковском университете. Что же касается антивизантизма М. С. Дринова, то его можно объяснить не только современными ему противоречиями между болгарской церковью и Константинопольским патриархатом⁹⁵, но и критикой ромейских императоров и общественно-политических порядков IX–XI вв. в трудах самих византийских авторов⁹⁶.

Обращения к византийско-славянским отношениям и содержанию нарратива эпохи Македонской династии осуществлялись не только М. С. Дриновым. Подобные обращения, хотя и значительно менее масштабные, встречаются и в курсах лекций по истории средних веков, истории церкви, истории южных славян, авторами которых были известные учёные Харьковского университета конца XIX – XX вв. – М. Н. Петров, А. С. Лебедев, С. М. Кульбакин, А. Л. Погдин.

Лекции профессора кафедры всеобщей истории М. Н. Петрова (1826–1887) были дважды изданы уже после его смерти (1888; 1906) и в течение двух десятков лет они оставались в России одним из самых удачных учебных пособий по истории средних веков. Это было первое опубликованное в украинских землях Российской империи пособие подобного рода⁹⁷. Редакторы этих лекций – харьковские медиевисты В. К. Надлер и А. С. Вязигин – дополняя текст М. Н. Петрова некоторыми новыми данными науки, по сути, оставили без изменений параграфы по истории Византии. По этой причине есть все основания утверждать, что оценки правления Македонской династии в лекциях М. Н. Петрова принадлежат именно ему.

Несмотря на предельную краткость своих лекций, М. Н. Петров отметил некоторые из наиболее характерных черт развития Византии во второй половине IX – середине XI вв. Сосредоточившись в основном на внешнеполитических вызовах ромейскому могуществу, он выделил несколько направлений таковых – Западный мир, Болгарию, Русь, арабов, печенегов⁹⁸. Именно с середины IX в., по мнению М. Н. Петрова, Запад относится к Византии «постоянно враждебно»⁹⁹. «Враждебность эта, – указывал он далее, – стала обнаруживаться уже при македонской (так в тексте – С. Л.) династии»¹⁰⁰. Ключевым узлом отмеченных противоречий учёный называл Южную Италию, которую Оттон II стремился отвоевать у византийцев. Противодействие Византии Западу в этот период М. Н. Петров считал успешным как в силу его раздробленности, так и в силу того, что «сама македонская династия дала государству ряд достойнейших правителей, умевших поддержать его силу»¹⁰¹. Среди наиболее выдающихся представителей этой династии учёный выделял Василия I Македонянина, Льва VI Мудрого (Философа), Константина VII Багрянородного, Никифора II Фоку, Иоанна I Цимисхия, Василия II Болгаробойцу, Константи-

на IX Мономах¹⁰². Этот перечень наиболее успешных правителей Македонской династии в настоящее время может считаться уже хрестоматийным.

Помимо субъективного фактора причины устойчивости Византийского государства виделись М. Н. Петрову в высоком уровне культуры и образованности общества, в том, что «нигде не было таких разумных, научно-выработанных законов», «такой развитой и сложной администрации»¹⁰³. Таким образом, причину живучести Византии, – то главное, на что советуют обратить внимание современные византинисты¹⁰⁴, – он прозорливо предлагал искать не во внешних, а во внутренних факторах.

И всё же М. Н. Петрову не удалось в такой мере, как, например, его ученику В. К. Надлеру, освободиться от гиббоновских трактовок, довлеющих над медиевистами его времени¹⁰⁵. Именно ими можно объяснить, что живучесть Византии даже при императорах Македонской династии казалось М. Н. Петрову «удивительной», так как «*по-видимому* (курсив наш – С. Л.) дряхлое государство само по себе заключало так много задатков неминуемого разложения, – вечные дворцовые перевороты, своеволие наёмников, необузданность церковных и политических партий, экономическое истощение»¹⁰⁶. Вполне очевидно, что некоторые из указанных признаков по-разному проявлялись в разные периоды истории Византии IX–XI вв.

Как уже отмечалось выше, отдельные византиноведческие проблемы рассматривались не только в курсе истории средних веков, но и в других исторических курсах. Например, С. М. Кульбакин в «Истории славян» (1908) и А. Л. Погодин в «Славянских древностях» (1910) анализировали сведения о славянах в творчестве императора Константина Багрянородного¹⁰⁷, демонстрируя подчас весьма критический подход¹⁰⁸. «Я не думаю, чтобы из его сочинения можно было извлечь что-нибудь существенное для истории древнейшего расселения славян»¹⁰⁹, – категорично утверждал А. Л. Погодин. В целом же эти лекции дают очень мало материала византинистам. То же можно сказать и о содержании изданного А. Л. Погодиным «Краткого очерка по истории славян» (1915). В этом первом в России издании подобного рода встречаются лишь отдельные упоминания о войнах византийских императоров Македонской династии, в том числе разгром ромеями Первого Болгарского царства¹¹⁰.

Гораздо больше места истории Византии второй половины IX – середины XI вв. уделил в своём курсе «Церковная история» (1902) профессор А. С. Лебедев (1833–1910). Он стремился выяснить причины разделения западной и восточной (византийской) церквей, показать их внутренние отличия друг от друга. Если западная, по мнению учёного, представляла собой в иерархическом плане монархию, то восточная изображалась им как «федерация поместных церквей». Другим существенным отличием А. С. Лебедев считал их отношение к светской власти. Если на Западе первосвященники в течение веков диктовали законным монархам свою волю, то на Востоке «государи постоянно вмешивались в дела церкви, при этом иногда с нарушением церковных интересов»¹¹¹. Однако было бы напрасным занятием искать в лекциях А. С. Лебедева откровенную антизападную официозность. Не говоря уже о том, что отдельные части его работы почти дословно воспроизводят сочинение Д. Робертсона «История

христианской церкви от апостольского века до наших дней», А. С. Лебедев с поразительной объективностью повествует об иноверцах. Даже споры Фотия с римскими папами он считал «личными взаимно-анафемствованиями патриархов, не простиравшиеся на самые церкви, которые в течение 150 лет после Фотия всё ещё хранили между собой единение, хотя и при натянутых отношениях»¹¹². Иначе говоря, в эпоху Македонской династии, по мнению А. С. Лебедева ещё не существовало реального церковного раскола. Такие оценки заслуживают особого внимания на фоне описанных им византийско-болгарских церковных противоречий IX-го и последующих веков, особенно в правление болгарского царя Симеона. Этот правитель, по верному замечанию А. С. Лебедева, «решительно находил несообразным с политическим могуществом своей державы зависимость её по церковному управлению от Византии и объявил архиепископа болгарской церкви»¹¹³. Подобные шаги априори посягали на могущество константинопольских патриархов эпохи Македонской династии в гораздо большей степени, чем их личные дискуссии с римскими папами, и А. С. Лебедев убедительно это показал.

С 1911 по 1917 гг. на кафедре всеобщей истории Харьковского университета преподавал приват-доцент Е. А. Черноусов. Среди других спецкурсов по истории средних веков он ежегодно читал и византиноведческие спецкурсы: «История Византии в эпоху крестовых походов» (1911/1912 уч. г.) и «История Византии» (1912/1913 – 1916/1917 гг.). Объём преподавания был весьма обширным, если судить по тому, что византиноведческие курсы Е. А. Черноусов читал 2 часа в неделю в течение двух полугодий или 4 часа в неделю в течение одного полугодия¹¹⁴.

Тематика читаемых курсов являлась отражением его византинофильских научных интересов. Опубликованные работы Е. А. Черноусова не носили фундаментального характера, не были объединены единой тематикой, однако автор преследовал в них одну и ту же цель – преодолеть прогиббоновское предубеждённое отношение к истории Византии, проповедуемое, например, М. С. Дриновым. Это стремление проявилось уже в пробной лекции «Основные черты государственного и общественного строя Византии» (1909).

Для опровержения тезиса об анахронизме общественного устройства империи учёный указал на то, что достаточно чётко были налажены и законодательство, и финансовая система, существовал класс зажиточных землевладельцев, свободных крестьян, а также цветущие города, являвшиеся центрами ремесла и торговли. «Умственная и духовная жизнь Византии, насколько она выразилась в произведениях церковной и светской литературы, так же мало говорит за то, что родина этой литературы была царством мрака и застоя», – подчёркивал автор¹¹⁵.

Основные идеи, высказанные Е. А. Черноусовым в его пробной лекции, нашли своё подтверждение в ряде научных публикаций. Так, в статье «Страницы из культурной истории Византии XI в.» (1913) учёный считал, что одним из возражений тезису Э. Гиббона об истории Византии, как об истории упадка и разрушения, является состояние самой византийской культуры. Вопреки мнению Э. Гиббона, Е. А. Черноусов доказывал, например, что правительство Констан-

тина Мономаха «решило восстановить начавшее приходить в упадок преподавание наук»¹¹⁶ и черпал свои доказательства в открытом им источнике — новелле, изданной в связи с учреждением в Константинополе юридического лица.

Проблема взаимоотношений Византии и Руси была затронута Е. А. Черноусовым в его очерке «К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское» (1916), который тематически продолжил исследования Н. А. Лавровского и А. П. Зернина. Отразившееся влияние Византии на русское право Е. А. Черноусов исследовал на примере «Русской правды». На основе тщательно проведённого текстологического анализа автор пришёл к заключению, что «расходясь по принципам, а также в большинстве случаев и по способам разыскания с византийским правом», русское право «заимствует у него свою внешнюю форму»¹¹⁷.

Наконец, тезис о высоком уровне развития Ромейской империи был подтверждён Е. А. Черноусовым на основе анализа византийских социально-экономических отношений в статье «Римские и византийские цехи». Статья была написана в связи с публикацией книги А. Штэкли «Позднеримские и византийские цехи». Активность государства в социально-экономической области, по справедливому мнению Е. А. Черноусова, выражалась в том, что оно стремилось регулировать ремесло и торговлю. Для подтверждения своего тезиса учёный детально проанализировал «Книгу Эпарха». Этот ценнейший источник по внутренней истории Византии X в.¹¹⁸, несомненно, даёт необходимый материал любому исследователю системы византийского государственного регулирования¹¹⁹. Значение «Книги Эпарха» Е. А. Черноусов усматривал в том, что она являлась сборником правительственных распоряжений, которые должны были регулировать торговлю, промышленность, ремёсла, точно определять отношение цехов и их членов как к государству с его монополиями, так и к населению Константинополя и к посещавшим его иностранцам¹²⁰. Эта точка зрения впоследствии будет подтверждена в работах М. Я. Сюзюмова¹²¹.

На основании изложенного в статье материала есть все основания утверждать, что императорский Харьковский университет может считаться одним из центров отечественных исследований истории Византии эпохи Македонской династии. Первые специальные исследования, посвящённые данному периоду византийской истории, были подготовлены здесь уже в середине XIX в. Магистерская диссертация Н. А. Лавровского «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (1853 г.) имела важное значение для воссоздания главным образом культурных отношений Византии с Древней Русью. В очерках ведущего византиниста Юга России того времени А. П. Зернина «Император Василий I Македонянин» (1854 г.), «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного» (1858 г.). были не только освещены внутривосточные и внешнеполитические аспекты развития Византии, но и осуществлён специальный глубокий источниковедческий разбор. Актуальным остаётся и творчество известного русско-болгарского историка М. С. Дринова, который в ряде своих публикаций, прежде всего в докторской диссертации «Южные славяне и Византия в X в.» (1876) исследовал ключевые векторы византийской внешней политики (взаимоотношения Ромейской империи с болгарами,

сербами, хорватами). Причины жизнеспособности Византии на материалах IX–XI вв. убедительно показал в своих работах о культурной жизни империи и деятельности её цехов представитель последнего периода дореволюционной харьковской византистики Е. А. Черноусов. Эти работы, наряду с пристальным вниманием к Византии эпохи Македонской династии, проявившимся в ряде лекционных курсов по истории средних веков, истории южных славян, истории церкви, свидетельствовали о несомненных успехах, достигнутых Ромейской империей во второй половине IX – первой половине XI вв. Данная тематика, профессиональное, глубокое, в основном объективное изложение сути исследуемых проблем, несомненно, способствовали постепенному преодолению прогиббоновского антивизантизма, характерного для дореволюционной отечественной и европейской историографии рассматриваемого периода.

¹ Диль Ш. История Византийской империи. – М., 1948. – С. 71.

² Історія Візантії. Вступ до візантиністики / Войтович Л. В., Домановський А. М., Козак Н. Б. та ін.: [за ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича]. – Львів, 2011. – С. 264.

³ Курбатов Г. Л. История Византии (Историография). – Л., 1975. – С. 72–73.

⁴ Ильчук И. С. Деятельность М. С. Дринова в Харьковском университете // Краткие сообщения Института славяноведения. – 1957. – Вып. 21. – С. 23–26; Горина Л. В. Марин Дринов – историк и общественный деятель. – М., 1986. – С. 130–145; Лиман С. И., Сорочан С. Б. Харьковский период научно-педагогической деятельности Александра Петровича Зернина (1821–1866) // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2007. – № 762. – Сер.: Історія. – Вип. 39. – С. 241–243; Лиман С. И., Страшнюк С. Ю. Харьковский период научно-педагогической и общественной деятельности Марина Дринова. Критическое прочтение источников // Сборник по случаю 170-годовщины от рождения на проф. Марин Дринов / Българска Академия на науките; Институт по история. – София, 2009. – С. 58–62.

⁵ Митряев А. И., Голубкин Ю. А., Лиман С. И. Медиевистика в Харьковском университете // Вестник Харьковского университета. – 1991. – № 357. – С. 77–79; Кадеев В. И., Страшнюк С. Ю. Балканистика в Харьковском университете (1805–1917) // Études Balkaniques. – 1991. – № 3. – С. 44; Лиман С. И., Сорочан С. Б. Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804–1885 гг.) // Східний світ. – К., 2006. – № 1. – С. 94–100.

⁶ Копилов С. А. Проблеми історії слов'янських народів в історичній думці України (остання третина XVII – початок XX ст.). – Кам'янець-Подільський, 2005. – С. 201–202; Лиман С. И. Історія середньовічної Сербії в дослідженнях учених українських земель Російської імперії в 1804 – першій половині 1880-х рр. // Вісник Харківської державної академії культури: Зб. наук. пр. – Х., 2007. – Вип. 21. – С. 38–39; Лиман С. И., Сорочан С. Б. Византия в трудах историков украинских земель Российской империи в 1874–1885 гг. // Stratum plus. – СПб.; Кишенёв; Одесса; Бухарест, 2005–2009. – Вып. 5. – С. 518–519; Лиман С. И. Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). – Х., 2009. – С. 387–390; 447–450; 454–457; Лиман С. И. История на Първото българско царство в трудове и учебни курсове на украински изследователи (XIX – началото на XX в.) // Списание на Българската академия на науките. – София, 2010. – № 5. – С. 11–13.

⁷ Бузескул В. П. Всеобщая история и её представители в России в XIX – начале XX вв. – Л., 1929. – Ч. 1. – С. 16; Курбатов Г. Л. История Византии... С. 78. Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. – М., 1988. – С. 222–223.

⁸ Курбатов Г. Л. История Византии... – С. 78.

⁹ Горина Л. В. Марин Дринов – историк и общественный деятель... – С. 133–144.

¹⁰ Подр. см.: Лиман С. И. Идеи в латах: Запад или Восток?... – С. 442.

¹¹ Формулярный список о службе директора Историко-Филологического института князя Безбородко, Тайного Советника Николая Алексеевича Лавровского за 1880 г. // Нежинский филиал

Государственного архива Черниговской области. – Ф. 1105. – Оп. 1. – Д. 185. – Л. 1 (об.), 2 (об.), 9 (об.); Протоколы заседаний Совета [Харьковского] университета 30 февраля, 13 марта, 28 апреля 1875 г. // Записки императорского Харьковского университета. – 1875. – Т. 2. – С. 17–18.

¹² Лавровский Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. – СПб, 1853. – С. 1.

¹³ Там же. – С. 4.

¹⁴ Там же. – С. 5–6; см. тексты договоров: Договоры Руси с греками (Из Лаврентьевской летописи). А. Договор Олега (911) // Историческая хрестоматия по русской истории / Сост. Я. Г. Гуревичем и Б. А. Павловичем. – [2-е изд.]. – СПб., 1881. – Ч. 1. – С. 88–90; Договоры Руси с греками (Из Лаврентьевской летописи). В. Договор Игоря (944) // Историческая хрестоматия по русской истории / Сост. Я. Г. Гуревичем и Б. А. Павловичем. – [2-е изд.]. – СПб., 1881. – Ч. 1. – С. 90–92.

¹⁵ Лавровский Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками... – С. 7.

¹⁶ См.: Левченко М. В. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. // ВВ. – 1951. – Т. 4. – С. 105–126; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956. – С. 91–176; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси IX – первой половины X в. – М., 1980; Хачатуров Р. Л. Мирные договоры Руси с Византией. – М., 1988; Malingoudi I. Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jads. aus diplomatischer Sicht. – Thessaloniki, 1994.

¹⁷ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII в.). – СПб, 2000. – С. 65.

¹⁸ Литаврин Г. Г. Византия и славяне. – СПб., 1999. – С. 426.

¹⁹ Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – 2-е изд., испр. и доп. – Х., 2001. – С. 247–250.

²⁰ Лавровский Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками... – С. 8.

²¹ Там же. – С. 12.

²² Там же. – С. 15, 29.

²³ Там же. – С. 155.

²⁴ См.: Malingoudi I. Die russisch-byzantinischen Verträge... – Thessaloniki, 1994.

²⁵ См.: Сокальский В. В. О договорах русских с греками // Университетские известия. – 1870. – № 4. – С. 1–29.

²⁶ Темы для семестральных сочинений // Университетские известия. – 1861. – № 2. – С. 13.

²⁷ Лавровский Н. А. Замечание о гире Константина Багрянородного // ЖМНП. – 1873. – № 3. – С. 113–121.

²⁸ Лиман С. И., Сорочан С. Б. Харьковский период научно-педагогической деятельности Александра Петровича Зернина ... – С. 239.

²⁹ Вейнберг П. И. Харьковский университет в пятидесятых годах // Русское богатство. – 1905. – № 2. – С. 254; Любарский И. В. Воспоминания о Харьковском университете. 1850–1855 // Исторический вестник. – 1891. – № 8. – С. 389.

³⁰ Воронов А. [Г.] Воспоминания бывшего студента Харьковского университета 60-х гг. // Русская старина. – 1913. – Кн. 6. – С. 574; Деревицкий А. Михаил Назарович Петров (Страницы из истории Харьковского университета). Биографический очерк. – Харьков, 1887. – С. 12.

³¹ Об этом писал и сам А. П. Зернин в предисловии к одной из своих публикаций. См.: Зернин А. П. Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного. – Х., 1858. – С. 5.

³² Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). – Х., 1908. – С. 329.

³³ Зернин А. П. Император Василий I Македонянин // Современник. – 1854. – Т. 47. – № 9. – С. 37.

³⁴ Там же. – С. 37.

³⁵ См. напр.: Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Пер., ст. и коммент. Я. Н. Любарского. – СПб., 1992. – V. 29–33. – С. 109–112.

³⁶ Zachairä von Lingenthal K.E. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. – Lipsiae, 1893. – S. 22; Герцберг Г. Ф. История Византии. – М., 1897. – С. 10; Сокальский В. В. О договорах русских с греками // Университетские известия. – 1870. – № 4. – С. 17–55; Wenger L. Die Quellen des römischen Rechts. – Wien, 1953. – S. 701–702; Сюзюмов М. Я. Василики как источник для внутренней истории Византии // ВВ. – 1958. – Т. 14. – С. 67–75; Каждан А. П. Василики как исторический источник // ВВ. – 1958. – Т. 14. – С. 56–66; Lopez R. S. The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century // DOP. – 1959. – № 13. – P. 78; Hunger H. Die

hochsprachliche profane Literatur der byzantiner. – München, 1978. – Bd. 2. – S. 445; *Schminck A.* Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. – Frankfurt a. M., 1986. – S. 100–103; *Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения. – М., 1989. – С. 54, 120, 260.

³⁷ *Васильев А.* Происхождение императора Василия Македонянина // ВВ. – 1906. – Т. 12; *Vogt A.* Basile I-er empereur de Byzance. – Paris, 1908; *Adontz N.* L'age et l'origine de l'empereur Basile I // Byzantion. – 1933. – Т. 8; 1934. – Т. 9; *Moravcsik G.* Sagen und Legenden über Kaiser Basileios I // DOP. – 1961. – № 15.

³⁸ *Зернин А. П.* Император Василий I Македонянин... – С. 50.

³⁹ *Зернин А. П.* Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного. – Харьков, 1858. – С. 8.

⁴⁰ История Византии: В 3 т. – М., 1967. – Т. 2. – С. 207.

⁴¹ *Зернин А. П.* Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного. – С. 35.

⁴² Там же. – С. 39.

⁴³ Там же. – С. 41.

⁴⁴ Там же. – С. 54.

⁴⁵ Там же. – С. 56.

⁴⁶ Там же. – С. 56–58.

⁴⁷ Там же. – С. 25.

⁴⁸ Там же. – С. 29.

⁴⁹ Там же. – С. 64.

⁵⁰ Там же. – С. 60–62.

⁵¹ Там же. – С. 71.

⁵² Там же. – С. 79–80.

⁵³ Там же. – С. 7.

⁵⁴ Там же. – С. 82.

⁵⁵ *Constantinus Porphyrogenitus.* De Thematibus et De administrando imperio accedit Hieroclis / Rec. I. Bekkerus. – Bonnae, 1840.

⁵⁶ *Зернин А. П.* Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного... – С. 83.

⁵⁷ Там же. – С. 95.

⁵⁸ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989. – С. 20, 23.

⁵⁹ *Toynbee A.* Constantine Porphyrogenitus and His World. – London, 1973. – P. 1–14; *Gregory T. E.* The Political Program of Constantine Porphyrogenitus // Actes du XV-e Congres International des Etudes Byzantines. – 1980. – Vol. 4.

⁶⁰ *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Пер., ст. и коммент. Я. Н. Любарского. – СПб., 1992. – VI, 10. – С. 183; VI, 14. – С. 184.

⁶¹ Из новеллы Романа I Лакапина 922 г., восстанавливающей право предпочтения // Сборник документов по социально-экономической истории Византии / Под ред. акад. Е. А. Косминского. – М., 1951. – С. 156–157; Из новеллы 934 г. императора Романа I Лакапина (919–914) против династов о праве предпочтительной покупки земельных участков односельчанами // Сборник документов по социально-экономической истории Византии / Под ред. акад. Е. А. Косминского. – М., 1951. – С. 157–159.

⁶² Извлечение из отчёта о состоянии и деятельности императорского Харьковского университета за 1873 г. // Записки императорского Харьковского университета. – 1874. – Т. 1. – Отд. 2. – С. 3; Краткий отчёт о состоянии и деятельности императорского Харьковского университета, читанный в торжественном собрании университета 17 января 1877 г. профессором Л. Владимировым // Записки императорского Харьковского университета. – 1877. – Т. 1. – С. 13.

⁶³ Обозрения преподавания предметов в имп. Харьковском университете на 1873–74 уч. г. – Харьков, 1873. – С. 4; Обозрения преподавания предметов в имп. Харьковском университете на 1876–77 уч. г. – Харьков, 1876. – С. 4; Обозрения преподавания предметов в имп. Харьковском университете на 1877–78 уч. г. – Харьков, 1877. – С. 4; Обозрения преподавания предметов в имп. Харьковском университете на 1881–82 ак. г. – Харьков, 1881. – С. 4.; Обозрения преподавания предметов в имп. Харьковском университете на 1883–84 ак. г. – Харьков, 1883. – С. 4; *Лиман С. І.* Медієвістика в Україні в кінці XIX – на початку XX ст. – Дис... канд. іст. наук. – Харків, 1993. – С. 238.

⁶⁴ *Дринов М. С.* Курс лекций по истории славянских народов (Б. г.) // Центральный государственный исторический архив Украины. – Ф. 2026. – Оп. 1. – Ед. хр. 36. – Л. 7, 17 (об.), 19, 29.

⁶⁵ Там же. – Л. 15 (об).

⁶⁶ *Дринов М.* Началото на Самуилова държава // ПСБКД. – 1874. – Кн. 9 – 10; 1876. – Кн. 11–12; *Дринов М.* Три грамоти, дадени от императора Василия на българский «Охридски архиепископ Иоан около 1020 лето» // ПСБКД. – 1873. – Кн. 7–8.

⁶⁷ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия в X в. – М., 1876. – С. 1.

⁶⁸ Там же. – С. 3.

⁶⁹ Ср.: *Иванов С. А.* Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? – М., 2003. – С. 161–169.

⁷⁰ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия... – С. 4, 6.

⁷¹ *Oikonomides N.* Le commercion d'Abydos, Thessalonique et le commerce bulgare au IXe siècle // *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin.* – Paris, 1991. – Т. 2: VIIIe – XVe siècle / Ed. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrison. – P. 247; *Сорочан С. Б.* О торгово-экономической политике Византии в Нижнем Подунавье в VII–X вв. // *Болгарский ежегодник.* – X.; София, 1996. – Т. 2. – С. 68–70; *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – [2-е изд., испр. и доп.]. – X., 2001. – С. 309–310.

⁷² *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия... – С. 9–10.

⁷³ См.: *Горина Л. В.* Марин Дринов – историк и общественный деятель... – С. 177.

⁷⁴ См. напр.: *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко, ст. М. Я. Сюзюмова, коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. – М., 1988. – II. 10. С. 20; III. 2. С. 24 и др.

⁷⁵ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия. – С. 18–19; 27–29.

⁷⁶ *Диль Ш.* История Византийской империи... – С. 77.

⁷⁷ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия... – С. 70.

⁷⁸ Там же. – С. 74.

⁷⁹ Там же. – С. 78.

⁸⁰ Там же. – С. 84.

⁸¹ *Дринов М.* Три грамоти, дадени от императора Василия на българский «Охридски архиепископ Иоан около 1020 лето» // ПСБКД. – 1873. – Кн. 7–8. – С. 14.

⁸² Там же. – С. 14–15.

⁸³ Ср.: *Горина Л. В.* Марин Дринов – историк и общественный деятель... – С. 130, 167.

⁸⁴ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Пер., комм.; Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М., 1989. – XXX. С. 131, 133.

⁸⁵ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия... – С. 38.

⁸⁶ Там же. – С. 41.

⁸⁷ Там же. – С. 42.

⁸⁸ Там же. – С. 47.

⁸⁹ Там же. – С. 45, 46, 130.

⁹⁰ *Акимова О. А.* Формирование хорватской раннефеодальной государственности // *Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв.* – М., 1985. – С. 228–229.

⁹¹ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия... – С. 135.

⁹² Там же. – С. 135.

⁹³ Там же. – С. 137.

⁹⁴ Там же. – С. 146.

⁹⁵ См. напр.: *Певницкий В.* Западный взгляд на болгарский вопрос // *Труды Киевской духовной академии.* – 1861. – Т. 2. – С. 272.

⁹⁶ *Никифор Вриенний.* Исторические записки (976–1087) / Пер. с греч. при С.-Петербургской Духовной акад., под ред. проф. В. Н. Карпова. – СПб., 1858. – Предисл. С. 1; IV, 1. С. 122; *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Пер., ст. и коммент. Я. Н. Любарского. – СПб., 1992. – I. 14. С. 15.

⁹⁷ *Лиман С. И.* Идеи в латах: Запад или Восток? – С. 578.

⁹⁸ *Петров М. Н.* Лекции по всемирной истории. – СПб., 1906. – Т. 2. История средних веков. – Ч. 1. – С. 105, 106, 120–121.

⁹⁹ Там же. – С. 104–105.

¹⁰⁰ Там же. – С. 105.

¹⁰¹ Там же. – С. 105.

¹⁰² Там же. – С. 105.

¹⁰³ Там же. – С. 106–108; Ср.: *Хвостова К. В.* Особенности византийской цивилизации. – М., 2005.

- ¹⁰⁴ *Сороочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 333–346.
- ¹⁰⁵ Ср.: *Надлер В. К.* Юстиниан и партии цирка в Византии. – Харьков, 1876. – С. 1, 4, 10–13.
- ¹⁰⁶ *Петров М. Н.* Лекции по всемирной истории... – С. 106.
- ¹⁰⁷ *Кульбакин С. М.* История славян. Краткое изложение курса, читанного в 1907/8 учеб. г. в ХИУ [Харьковском императорском университете]. – Х., 1908. – Ч. 2. – С. 69, 88, 89 и др.
- ¹⁰⁸ *Погодин А. Л.* Лекции по славянским древностям. – Х., 1910. – С. 392–393.
- ¹⁰⁹ Там же. – С. 392.
- ¹¹⁰ *Погодин А. Л.* Краткий очерк истории славян. – М., 1915. – С. 106.
- ¹¹¹ *Лебедев А. С.* Церковная история. – Харьков, 1902. – Ч. 3. – С. 228.
- ¹¹² Там же. – Ч. 2. – С. 31.
- ¹¹³ Там же. – Ч. 3. – С. 352.
- ¹¹⁴ Обзорение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета на 1911–1912 ак. год. – Х., 1911. – С. 13; Обзорение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета на 1912–1913 ак. год. – Х., 1912. – С. 11; Обзорение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета на 1913–1914 ак. год. – Х., 1913. – С. 17.
- ¹¹⁵ *Черноусов Е. А.* Основные черты государственного и общественного строя Византии. Пробная лекция, читанная 6 ноября 1909 г. – Харьков, 1912. – С. 7.
- ¹¹⁶ *Черноусов Е. А.* Страницы из культурной истории Византии XI в. – Харьков, 1913. – С. 4.
- ¹¹⁷ *Черноусов Е. А.* К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское. – Юрьев, 1916. – С. 19.
- ¹¹⁸ Ср.: *Сюзюмов М. Я.* Введение // Византийская Книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмов. – М., 1962. – С. 5.
- ¹¹⁹ Отметим лишь два весьма красноречивых постановления: «Хлебопёки не подлежат никаким государственным повинностям...». «Легатарию вменяется в обязанность, если он обнаружит, что некоторые лица делают в целях спекуляции запасы привозимых товаров на случай недостатка и нарушают интересы общества, докладывать о таких лицах эпарху, чтобы они были побиты, острижены, а сделанные ими запасы конфискованы». См.: Византийская Книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмов. – М., 1962. – XVIII. 2. С. 67; XX. 3. С. 68.
- ¹²⁰ *Черноусов Е. А.* Основные черты государственного и общественного строя Византии. Пробная лекция, читанная 6 ноября 1909 г. – Харьков, 1912. – С. 4.
- ¹²¹ *Сюзюмов М. Я.* Византийская книга Эпарха. – М., 1962.

О. М. Луговий

ДУХОВНИЙ ОСЕРЕДОК СКАНДИНАВСЬКИХ НАЙМАНЦІВ У КОНСТАНТИНОПОЛІ XI–XII ст.

Серед питань, пов'язаних із історією контингенту варангів, найманих вояків північноєвропейського походження у візантійській армії, одним із найскладніших є питання їхньої конфесійної належності. Дії цього контингенту загалом належать до XI–XII ст. і розпочинаються саме тоді, коли християнство швидко поширюється Скандинавією. Важко відповісти на питання, яка частина з прибулих до Константинополя новобранців вже була похрещена, але перебування у християнській імперії в будь-якому разі прискорювало цей процес в середовищі самих вояків.

Будь-який поганин, який опинився на службі християнської держави, потрапляв до атмосфери навернення. Більшість військових трактатів Візантії ведуть мову про необхідність релігійного виховання армії, молитов, заутрень, освячення знамені війська, виголошення «з Божою допомогою» перед виходом з табору¹. Не можна ігнорувати і того, що християнізація велася не тільки адміністративними заходами, але й повсякденним оточенням.

Значення релігійної політики візантійського уряду щодо найманців виходить за межі внутрішньо-імперських справ. Військові найманці як такі іноземці, котрі безпосередньо підпорядковувались владі, на відміну від купців, ставали найзручнішими рознощиками візантійського православ'я світом². Серед перших християн на Русі фігурують варяги Феодор та Іоанн. За багатьма свідченнями, служба верінгів у Візантії призвела до раннього проникнення східного християнського обряду до Скандинавії. У Швеції XI–XII ст. грецький хрест був більш поширеним, ніж латинський, особливо на рунічних каменях (з відомих шведських рунічних каменів 64% несуть зображення хреста³). А рунічні камені, що були кенотафами колишніх варангів, містять майже виключно зображення рунічного змія, що несе грецький хрест.

Враховуючи зазначену роль релігійного чинника у формуванні контингенту скандинавських вояків візантійської армії, актуальним виявляється питання ідентифікації саме тих церков, які слугували меті закріплення результатів християнізації варангів і надалі задовольняли їхні духовні потреби.

Для періоду XI–XII ст. важливими виявляються дві групи повідомлень джерел. Розпочнемо із власне документів візантійського походження.

1. Документ, датований лютим 1361 р., фіксує передачу монастиря (μονῆδριον) *Панагія Варангіотісса* (Варязької Богоматері) під патронат (точніше, ефорат) імператорового οἰκείος Алексія Софіана⁴. Хоча монастир на цей час був жіночим, та його назва видає походження. З того ж документу відомо, що він розташовувався поблизу чи майже впритул до алтарної частини св. Софії⁵. В. Г. Васильєвський згадував також певні епіграфічні пам'ятки, відомі А. Г. Паспатісу, однак не спроможний був навести точні посилання через проблему із постачанням літератури, виданої у Греції⁶. Будівлі монастиря, вже на XIV ст. певно сильно змінені, мали бути остаточно зруйновані при перетворенні Софії на мечеть, як вважає С. Бльондаль⁷. К. Н. Сіггаар дивується, чи могли візантійці до 1204 р. дозволити зведення «римської» церкви поблизу від найважливішого православного храму⁸. Однак, присвячення церкви скоріше вказує на те, що вона використовувалася варангами, належними до східного обряду. В цьому немає нічого незвичайного, з огляду на загальну візантійську практику навернення вояків з інших країн на православну віру, як обов'язкової умови вступу до армії Ромейської імперії, та на те, що ще й в XII ст. церковний розкіл між західною та східною церквами був не очевидним для багатьох країн Європи, зокрема для скандинавів, а надто для тих, які вперше хрещення приймали вже у Візантії.

Але залишається місце і для іншої альтернативи. Монастир Варангіотісси міг бути названий на честь людини на ім'я Варанг. Авторіві невідомо жодної спроби такого пояснення цієї назви. Усі дослідники апіорно вбачали тут саме посилання на військовий контингент. Втім власне ім'я Варанг зустрічається у візантійських документах. Відомими є Алексій Варангопул, голова о. Кос від імені нікейського імператора у 1258 р.⁹ та афонський селянин Феодор Варанг, держальник стасія у 46 модіїв¹⁰. Прізвище Гваранья (похідне від італійської форми слова варанг) відоме в італійському місті Барі. Тут на початку XII ст. проявилася діяльність якогось Грімоальда де Гваранья (Grimoaldus de Guaragna, filius Guaragne)¹¹.

В неаполітанських документах 1540-х рр. згадані Джан та Мікель Варанги з Мальвазії (до 1540 р. – венеціаської фортеці Монемвасія на Пелопоннесі, тепер захопленої османами), які займали місця конюха та піхотинця у війську Королівства Сицилії¹². Топонім Варанк (Βαράγκος) фігурує в серії документів константинопольського патріархату, пов'язаних, зокрема, з земельними розподілами у монастирі св. Афанасія 1383 р.¹³

Втім, оскільки з усіх відомих нам константинопольських церков лише ця несе в своїй назві пряму вказівку на скандинавський елемент в своїй історії, то саме її розглядатимемо як церкву скандинавських найманців, звісно в якості гіпотези.

2. Головна маса матеріалу, що стосується історії повсякдення найманців-скандинавів міститься не у візантійських, але у власне скандинавських джерелах. Звісно ж в них можна віднайти й набагато більше свідчень про варангську церкву, *Церкву св. Олава*, в Константинополі. Проте ті свідчення є менш чіткими та відносяться більшою мірою до фольклору.

Існує декілька версій появи св. Олава, що прив'язують її до, на перший погляд, різних подій.

Перша версія оформлювалась впродовж другої половини XII – першої половини XIII ст. У збірці див св. Олава нідароського єпископа (1161–1188 pp.) Ейстейна Ерлендсона «Acta Sancti Olavi Regis et Martyris» (II, 3)¹⁴ міститься короткий опис чудесної допомоги Олава константинопольському імператорові в битві із язичниками. Переможці над поганями в цій версії дали обітницю побудувати церкву в ім'я «мученика» (тобто св. Олава) та Марії, які допомогли імператору здобути перемогу. У скандинавських версіях оповіді кількість деталей збільшується. Поема Ейнара Скуласона «Geisli» (1153 p.)¹⁵, «Перша сага про Олава Святого» (до 1180 p.), «Норвезька книга проповідей» (AM 619, 4°; близько 1200 p.), нарешті Сноррі Стурлусон у «Heimskringla» («Сага про Гакона Широкоплечого», 21)¹⁶ із різним ступенем детальності розповідають про участь загону варангів у битві проти язичників в землях влахів (Blakumannaland) на рівнині Печінавеллір (à Persinja völlu, Pezinavöllu). Зазвичай ці повідомлення інтерпретуються як вказівка на відому у візантійській історії битву з печенігами при Верої (суч. Стара Загора, Болгарія) 1123 p.¹⁷ Після поразки грецької та франкської кіннот (Сноррі додає фламандців-Flæmingjum) цар був змушений виставити проти ворога 450 (одну банду або алагіон) своїх варангів під проводом Торіра з Гельсінгяланду (Þórir helsingr). Усі скандинавські джерела одностайні в тому, що варанги здобули перемогу, і що поганський король бачив перед варангами «чоловіка царської постави на білому коні», в якому було, вочевидь, впізнано св. Олава. Пізніше, коштом варангів чи за участю імператора, в Константинополі було збудовано церкву св. Олава (цей факт відсутній у «Geisli»).

Друга версія аналогічна за змістом, але має іншого героя – майбутнього норвезького короля Гаральда Гардрату періоду служби у Візантії. Різноманітні версії «Саги про Гаральда»¹⁸ оповідають про те, як його загін самотужки переміг армію язичників, на чолі яких було багато королів, серед них один сліпий. Вояки Гаральда дали обітницю побудувати церкву на честь св. Олава, якщо той допоможе їм у битві, і під час бою сліпий король язичників бачив величезну постать на білому коні перед варангами.

Існує дуже схожа оповідь Іоанна Скілиці про битву із повсталими болгарами під Фессалоніками влітку 1041 p.¹⁹ (повторена в компендіумі Георгія Кедріна. II, 532–533)²⁰. Полонені болгари також розповідали візантійцям, що бачили перед військом імператора Михаїла кінного юнака, від якого йшов вогонь, що обпалював ворогів. Ромеї прийшли до висновку, що їм допомагав сам святий Димитрій, проконсул Фессалонік, замучений 306 p. Димитрій Фессалонікійський є святим покровителем Фессалонік²¹, тож цілком можливо припустити фессалонікійське походження й змальованого сюжету.

Повстання болгар очолював Петро Делян, засліплений своїм спільником, болгарським принцом Алусіаном²², всі ж скандинавські джерела в один голос кажуть про сліпого короля язичників. Тому мало хто з дослідників сумнівається у тому, що битва Гаральда із язичниками є скандинавською ремінісценцією участі варангів у війні з болгарами. Тим цікавішим є використання фессалонікійської легенди у північному фольклорі.

Згідно з гіпотезою В. Васильєвського, згадана Скілицею (дослідник посилався на Кедріна) імператорська *τάγμα των μεγαθυμόων* (тагма великосердих), що

брала активну участь у перемозі над повсталими болгарами, які обложили Фессалоніки, складалася зі скандинавів і очолювалася Гаральдом Гардрадою, прізвисько якого також може бути перекладено як Великосердий (Hardhradhr), тобто «мужній», «відчайдушний»²³. Існують і аргументи проти участі Гаральда саме у тій битві²⁴. За сагами проти «язичників» Гаральда відправив Гіргір. Так скандинавська традиція називає візантійського полководця Георгія Маніака, який на час болгарського повстання перебував у в'язниці. Вказаний епітет по відношенню до варангів відсутній в інших джерелах. Насамкінець болгарські війська під Фессалоніками очолював не Делян (на той час ще зрочий), а саме Алусіан. Втім, якщо врахувати фольклорний характер джерела та можливу плутанину кількох битв 1036 та 1041 років, то такі неспівпадіння у деталях не стануть на заваді створенню загальної картини. Гаральд та його варанги брали участь у війні із болгарами у 1041 р., що підтверджується як одним із прізвиськом *Bolgara brennir* («Палій болгар»), що ним наділив Гаральда скальд Тіодольв Арнарсон²⁵, так і прямою вказівкою саме на цю компанію, зроблену її учасником, відомим під іменем Кекавмена, котрий особисто знав Гаральда²⁶. Тому скандинави безумовно чули про показання болгар-бранців під Фессалоніками з перших вуст.

Думки дослідників щодо інтерпретації свідчень скандинавських джерел та, відповідно, часу фундації церкви св. Олава розходяться. В. Васильєвський усі скандинавські описи битви на Печінавеллірі приписував болгарським подіям 1040–1041 рр. До гаральдового часу відносить появу церкви й О. О. Мельникова. Вона навіть припускає можливість заснування її ще раніше, але вівтарь на честь Олава добудований в часи Гаральда. Щоправда російська дослідниця не підкріплює останню гіпотезу жодними аргументами²⁷. К. Сіггаар вважає, що джерела різноманітних «Саг про Гаральда» ведуть мову про невідому з візантійських документів невелику кампанію проти печенігів 1036 р. (дослідниця цілком довела її можливість і навіть необхідність), тексти, що спираються на Ейнара Скуласона – про битву при Верої²⁸. Всі ж інші співпадіння, на її думку, є не більше, ніж співпадіннями. При цьому саме Гаральд є найкращим кандидатом на роль фундатора церкви св. Олава.

Р. Доукінс скоріше прив'язав усі тексти до битви при Верої, але вважав, що церква св. Олава вже існувала за часів Алексія Комніна²⁹, оскільки на діяльність цього імператора вказує «диво з олавовим мечем», переказане Ейндридом Молодшим (міститься в олавовій сазі з *Flateyjarbok* та в «Сазі про Гакона Широкоплечого» з «*Heimskringla*»³⁰). Правдоподібність прив'язки до битви при Верої підтримали також С. Бльондаль³¹, Х. Елліс-Девідсон та Б. Бенедікц³².

Уявлення про легендарну для варангів битву при Печінавеллірі, що можна віднайти в сагах, є контамінацією інформації про дві чи три битви, які відбулись в різний час, навіть в різних століттях, але в усіх брали участь варанги. Можна більш-менш впевнено стверджувати, що ядром історії про битву із язичниками слугували кілька операцій за участі Гаральда, зокрема війна із болгарами. Св. Димитрій з болгарських вуст потрапив до грецьких звітів та до варангського поголосу, де перетворився на св. Олава. Так само в устах оповідачів історії Сігурда Йорсалфара (варіант *Morkinskinna*) античні скульптури константинопольського Іподрому перетворилися на майстерно виконані в бронзі

«стародавні діяння, Асів та Вольсунгів, а також синів Гьюкі... так, що усім здавалося немов вони самі присутні на іграх»³³. Ейнар Скуласон чи його інформатор, варанг Ейндрид Молодший, автори скандинавської версії сюжету, від якого відрізняється у деталях лиш версія Сноррі, перенесли у більш близький до себе час події легенди, складеної з приводу перемоги, одержаної варангами за 80 років до того, та поєднали із відомостями про іншу славу перемогу – над язичниками печенігами у 1123 р. За умов переважно усної передачі більшої частини цієї інформації головним героєм ставав в одному випадку Гаральд, в іншому – Торір. Проте розуміння цього не дає відповіді на питання про час заснування церкви, що нас цікавить. З одного боку короля Олава було беатифіковано фактично одразу після загибелі – 1031 р. і Гаральд, хоч і перебуваючи на чужині, міг про це знати. З іншого боку, чи достатнього цього, а також того, що Гаральд був братом Олава, для того, щоб опікуватись заснуванням церкви в його ім'я?

Усі три збірки саг про королів Норвегії: «Morkinskinna»³⁴, «Fagrskinna» та «Heimskringla»³⁵ – вказують на заснування каплиці (kapella)³⁶, присвяченої королю Олаву, на вулиці, де була в'язниця, в якій сидів Гаральд Гардрода із товаришами. Пошуку її допоможе встановлення місця ув'язнення Гаральда. С. Бьондаль пропонував кілька версій: власне імператорський палац, в'язниця Нумера нижче від кварталу Екскувітів поблизу Мідних воріт та якась башта поблизу св. Софії та, відповідно, церкви Варангіотісси. Остання гіпотеза заснована на ототожненні церкви Олава та Варангіотісси. Такої думки дотримувались Р. М. Дуокінс, С. Бьондаль та Х. Р. Елліс-Девідсон³⁷. К. Н. Сіггаар вважає таке ототожнення занадто покvapливим³⁸. Ототожнення церков Варангської Божої матері та св. Олава викликає питання, чи було можливим присвячення православної церкви Варангіотісси чи її приділу невизнаному у Візантії норвезькому святому Олаву? Це видається сумнівним.

Проте джерела дозволяють припускати таку можливість. Як вже зазначалось, «Acta Sancti Olavi», Morkinskinna, а крім того «Сага про Олава Святого» у версії ісландської збірки Bergsbók (бл. 1400 р.)³⁹, твердять про присвячення церкви, заснованої варангами після перемоги над язичниками, як діві Марії, так і св. Олаву. Нікіта Хоніат також вважав, що перемогою при Верої імператор завдячував в першу чергу молитві перед іконою Богородиці⁴⁰. Вірогідно, такою була офіційна, загальновідома інтерпретація подій 1123 р. Якщо після перемоги, отриманої в тому числі й загоном Торіра, була зведена церква, то чи не повинна вона була бути освячена в ім'я Богородиці? Самі ж варанги поміж собою цілком могли асоціювати як перемогу, так і новозведену церкву зі своїм небесним покровителем – св. Олавом. Коли в середині XII ст. мала місце офіційна канонізація Олава, історія створення церкви Богородиці, до якої причетними виявились варанги (про яку б із двох битв, 1041 р. чи 1123 р., тут не йшлося) була насичена додатковими фактами та акцентами. Хоча твори, безпосередньо пов'язані із культом Олава спирались на традицію, що пов'язувала заснування церкви із битвою 1123 р., існувала й паралельна їй традиція, героєм якої виступав брат св. Олава – Гаральд Гардрода. У цій традиції саме він, як людина найближча до Олава серед варангів, виступав фундатором церкви. Наразі важко відповісти, яка з двох версій ближча до істини.

- ¹ Див. наприклад Leonis Tactica. XIII, 1; Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. – СПб., 2001. – С. 74.
- ² Мельникова Е. А. Русско-скандинавские взаимосвязи в процессе христианизации (IX–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1987. – С. 260–268; Melnikova E. Varangians and the Advance of Christianity to Rus' in the Ninth and Tenth Centuries // Från Bysans till Norden. Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid. – Malmö, 2005. – P. 97–138 (передрук у: Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. – М., 2011. – С. 396–418).
- ³ Рыбаков В. В. К дискуссии о епископе Осмунде // СВ. – 2002. – Т. 63. – С. 1–16.
- ⁴ ММ. Т. I. P. 423–425, actus CLXXXII.
- ⁵ «...τὸ ὁμοῦν τοῦ ἱεροῦ βῆματος τοῦ πατριάρχου καὶ ἱεροτάτου καοῦ τῆς τοῦ θεοῦ λόγου σοφίας διακείμενον μονῆριον». Див. також: Belin M. Histoire de l'église latine de Constantinople. – P., 1872. – P. 166
- ⁶ Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды. – Т. 1. – СПб., 1908. – С. 276.
- ⁷ Blöndal S. The Varangians of Byzantium: an Aspect of Byzantine Military History / Transl., revised and rewritten by B. Benedikz. – N-Y, 1978 – P. 186.
- ⁸ Van Arkel-de Leeuw van Weenen A., Ciggaar K. St. Thorlac's in Constantinople, Built by a Flemish Emperor // Byzantion, 49. – 1979. – P. 445.
- ⁹ ММ. Т. IV, vol. VI, actus LXVII, s.a.; Angold M. A Byzantine Government in Exile. – Oxford University Press, 1975. – P. 249.
- ¹⁰ Безобразов П. Афонские документы // Византийское обозрение. – Т. 1. – 1915. – Юрьев. – С. 65, № 40.
- ¹¹ Васильевский В. Г. Указ. соч. – С. 333; Blöndal S. The Varangians... – P. 111.
- ¹² Протоколи засідань сенату № 393 від 22 грудня 1542 р. та № 429 від 10 лютого 1544 р.: Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen Âge / publ. par C. N. Sathas. – T. VIII. – 1888. – P. 371, 21–27; 398, 31–33.
- ¹³ ММ. Т. I, acti II-375, II-633, II-638.
- ¹⁴ Acta Sancti Olavi Regis et Martyris // Monumenta Historica Norvegiae. – Kristiania, 1880. – P. 135–136.
- ¹⁵ Geisli // Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens scandinaves / Ed. par C. C. Rafn. – T. I. – Copenhagen, 1850. – P. 479–480; Flateyjarbok. – I bind. – Christiania, 1868. – S. 5–6.
- ¹⁶ Heimskringla eller Norges Kongesagaer af Snorre Sturlasson / Ud. ved C. R. Unger. – Christiania, 1868. – S. 776.
- ¹⁷ Dawkins R.M. An Echo in the Norse Sagas of the Patzinak War of John II Komninos // Annuaire de l'institute de philologie et d'histoire orientales et slaves, 5. – 1937. – P. 246–248; Мельникова Е. А. Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе // ВВ. 1996. – Т. 56. – С. 102; Прицак О. Походження Русі. Т. II. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – К., 2003. – С. 83–84
- ¹⁸ Flateyjarbok. – III bind. – S. 294–295; Morkinskinna. The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157) / Transl. by T. Andersson and K. E. Gade. – Cornell University press, 2000. – P. 136–137. Див. аналіз повідомлень у: Dawkins R. M. Op. cit. – P. 244–246; Мельникова Е. А. Культ св. Олава... – С. 100–101. Цей сюжет відсутній лише у версії Сноррі Стурлусона, у «Heimskringla» (див. вище).
- ¹⁹ Якщо дотримуватись датування, запропонованого Г. Літаврним: Литаврин Г. Г. Византия и Болгария в XI–XII вв. – М., 1960. – С. 389.
- ²⁰ Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. – Berolini, 1973. – P. 413–414; Georgii Cedreni Compendium Historiarum // PG, 122. – Parisiis, 1894. – Col. 263–266.
- ²¹ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. – СПб., 1997 (репр. с изд. 1917 г.). – С. 97; Бегунов Ю. К. Греко-славянская традиция почитания Димитрия Солунского и русский духовный стих о нем // Byzantinoslavica. – 1975. – Е. 36 (2). – С. 149–172.
- ²² The History of Psellus / Ed. by C. Sathas. – L., 1899. – σελ. 65.
- ²³ Васильевский В. Г. Указ. соч. – С. 271 и далее.
- ²⁴ Златарски В. Н. История на Българската държава презь Сръднитъ вѣкове. – Т. II България подь византийско владичество (1018–1187). – София, 1934. – С. 66.

²⁵ Heimskringla. – S. 546.

²⁶ Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI в. / Г. Г. Литаврин. – СПб., 2003. – С. 298–299.

²⁷ Мельникова Е. А. Культ св. Олава... – С. 106.

²⁸ Ciggaar Kr. Harald Hadrada: his Expedition against the Pechenegs // *Balkan study*, 21(2). – 1980 – P. 385–401.

²⁹ Dawkins R. M. Op. cit. – P. 243–249.

³⁰ Heimskringla. – S. 774.

³¹ Blöndal S. The last Exploits of Harald Sigurdsson in Greek Service: a Chapter from the History of the Varangians // *Classica et mediaevalia*, II (1). – 1939. – P. 14, n. 1

³² Blöndal S. The Varangians... – P. 74–75.

³³ Morkinskinna. – P. 324; Ellis Davidson H. R. The Viking Road to Byzantium. – L., 1978. – P. 198.

³⁴ Morkinskinna. – P. 145.

³⁵ Heimskringla. – S. 556.

³⁶ До речі, в інших випадках, коли мова йде про битву із язичниками та про диво з мечем, храм Олава названий kirkja, тобто церква. Чи йдеться взагалі про одну й ту саму будівлю?

³⁷ Dawkins R. M. Op. cit. – P. 249; Blöndal S. The Varangians... – P. 87; Ellis Davidson H. R. Op. cit. – P. 205.

³⁸ Van Arkel-de Leeuw van Weenen A., Ciggaar K. Op. cit. – P. 428.

³⁹ Blöndal S. The Varangians... – P. 186.

⁴⁰ Nicetae Choniata Historia // PG, 139. – 1894. – Col. 337–338.

В. В. Майко

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОЧНОГО КРЫМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X–XII вв.

Византийская археология является важнейшей составляющей при изучении всех сторон жизнедеятельности империи на всех этапах ее существования. За прошедшие годы накоплен огромный по объему материал, позволяющий проследить особенности материальной культуры разнообразных регионов, входивших в ее состав в различные хронологические периоды. Сказанное справедливо и по отношению к Крыму. В настоящее время для средневековой Таврики, исходя из степени изученности, эталонной является провинциально-византийская культура Херсонеса. Остальные регионы полуострова изучены значительно слабее. Наименее исследованным и введенным в научный оборот, в силу целого ряда обстоятельств, оказался восточный Крым. Данная работа призвана, в некоторой степени, восполнить этот пробел, тем более что за исключением отдельных разрозненных публикаций, в целом культура восточного Крыма X–XII вв. никогда не анализировалась. Таким образом, появляется возможность сравнения провинциально-византийской культуры Херсонеса и восточной Таврики. Хронологические рамки работы ограничены второй половиной X–XII вв., что для восточного Крыма сопоставимо с средневизантийским периодом. Урбанистические процессы, происходившие на этой территории полуострова в середине X в., привели к тому, что жизнь во второй половине X–XII вв. здесь активно продолжалась только в двух приморских портовых городах – Сугдее и Боспоре, что не могло не отразиться и на особенностях материальной культуры.

Описание провинциально-византийской культуры восточного Крыма рассматриваемого хронологического этапа логично начать с самого массового материала – керамики.

Предваряя описание тарной керамики, отметим, что крупные красноглиняные гладкостенные и реберчатые пифосы, столь характерные для салтово-маяцких памятников полуострова, в анализируемый период использовались реже. В основном это крупные сосуды с яйцевидным рифленным туловом и массивным т-образным уплощенным венчиком и аналогичные по морфологии изделия с гладким туловом. Выделить их характерные особенности по сравнению с пифосами второй половины IX – первой половины X вв. затруднительно. Сказанное справедливо и по отношению к фрагментам черепицы, обнаруженной в виде мелких фрагментов во всех горизонтах второй половины X–XII вв. Суг-

деи и Боспора. Известные на сегодняшний день черепицы и калиптеры рассматриваемого хронологического периода, аналогичные обнаруженным при раскопках южнобережных памятников, не имеют, на мой взгляд, существенных отличий от экземпляров предшествующего времени.

Вторым характерным отличием керамического комплекса второй половины X–XII вв. восточного Крыма в частности и всей Таврики в целом, является неоднократно отмеченное специалистами значительное преобладание т. н. высокогорлых кувшинов по сравнению с амфорной тарой, представленной в этот период исключительно импортными византийскими образцами. Это так же нехарактерно для салтово-маяцких памятников Крыма.

Все известные в настоящее время типы византийских амфор встречены и в восточной Таврике. Коротко охарактеризуем их.

Тип 1 – преобладающий в количественном отношении над другими, представлен оранжево и красноглиняными амфорами с венчиком в виде «отложного воротничка», грушевидным корпусом с небольшим перехватом и массивными уплощенными ручками¹. Они были достаточно широко распространены на территории Византийской империи, что неоднократно анализировалось в литературе. Наиболее представительная коллекция подобных амфор в юго-восточном Крыму получена благодаря подводным исследованиям в бухте пос. Новый Свет и у мыса Меганом².

Центр производства амфор типа 1 остается до настоящего времени невыясненным. Не исключено, что он был и не один. Исходя из того, что все же наиболее ранние находки встречены в регионе северо-восточного побережья Черного моря, можно предположить, что попасть туда они могли по направлению из Малой Азии через Кавказ и Тамань. Из малоазийского региона амфоры впервые появились в Крыму и лишь спустя 50 лет оказались на Балканах. По мнению В. В. Булгакова возможным центром их производства мог быть Трапезунд³. Большой процент подобных амфор в археологических комплексах Таманского городища и Боспора позволил В. Н. Чхаидзе даже выдвинуть предположение о возможном изготовлении на Тамани местного подражательного варианта воротничковым амфорам⁴. Основание для этого конечно есть. Действительно, клейма на этих амфорах за исключением единичных простейших кругов и овалов, отсутствуют. С другой стороны практически на каждый экземпляр наносилось сложное граффити. На других типах амфор их несравненно меньше. Значит, их производили в области не подконтрольной Константинопольскому эпарху. Как известно граффити ставились на товарах, поступавших на рынок из центров производства не связанных со столицей Империи. С другой стороны, наличие практически только на этом типе амфор единичных дипинти (в настоящее время в юго-восточном Крыму и на Тамани их известно три)⁵ свидетельствует о том, что в редких случаях товары, идущие в Таврику из Трапезунда, Константинопольским чиновникам удавалось как-то фиксировать и отмечать.

В средневековой Сугдее процент этих амфор чрезвычайно велик, примерно совпадая с Тмутараканью и Боспором. Согласно обоснованному мнению В. В. Булгакова, данные амфоры являются специфическим черноморским видом торговой тары. До 75% они составляют в керамических комплексах Херсонеса⁶,

Партенит⁷, Саркела⁸. До 98% составляют находки грушевидных амфор в материалах XII в. описанной Константином Багрянородным Кесарийской переправы на нижнем Днепре – транзитном пункте на торговом пути из этих причерноморских центров на Русь⁹.

Тип 2 – оранжевоглиняные амфоры с грушевидным рифленным ангобированным туловом, маленьким горлом и овальными в сечении ручками, расположенными под венчиком, наиболее часто в современной литературе называемые «сфероемкостными»¹⁰. Анализируемые амфоры получили широкое распространение, неоднократно проанализированное в литературе.

Центр их производства надежно локализован в районе Саркей и Газики на побережье Мраморного моря у подножья горы Ганос в 140 км к юго-западу от столицы Византийской империи, где они функционировали с первой половины – середины X до середины XIV вв.¹¹ В современной археологической литературе они подразделяются на два хронологических варианта: с овальным и клиновидным венчиком¹². Однако, это деление достаточно условно. Среди этих вариантов амфор присутствуют сосуды с клеймами. Для юго-восточного Крыма их обнаружено пока пять¹³.

Историография изучения процесса клеймения византийских амфор этого типа, обширна и не раз рассматривалась в литературе. Высказывались различные точки зрения о назначении и хронологии амфорных клейм, не раз приводились попытки их типологического членения. Последний раз проблематика, связанная с клеймением византийских амфор, рассмотрена в работах Е. А. Паршиной и В. Н. Чхаидзе¹⁴.

Как уже указывалось, на мой взгляд, контроль над производством и выборочное клеймление амфор осуществлял епарх Константинополя или чиновники его ведомства. Каждый из них, вне сомнения, имел собственную матрицу для клеймления сосудов, чем и объясняется разнообразие известных в литературе клейм. Штампы, помимо различных символических изображений могли содержать монограммы личного имени чиновника или царствующего императора, как это практиковалось в ранневизантийское время на серебряной посуде¹⁵. В нашем случае, на плечиках амфор, вероятно, были оттиснуты монограммы личного имени чиновника.

Тип 3 – желтоглиняные крупные рифленные амфоры с грушевидным туловом¹⁶. Отличительной их особенностью, помимо состава теста, являются массивные уплощенные ручки, отходящие непосредственно от края венчика. Последний, округлой формы, имеет ярко выраженный паз для крышки. Единственная дробная типология совокупности желтоглиняных этих амфор была предложена В. В. Булгаковым¹⁷, выделившим интересующие нас сосуды в отдельный наиболее ранний тип. В целом, данные амфоры редки для Таврики¹⁸. Центр их производства, как и территория распространения, пока окончательно не выяснены. По мнению И. В. Волкова, относящего эти амфоры к т. н. группе клейм «А В», возможным местом их производства является Гесперия либо Эгейский бассейн¹⁹. С такой точкой зрения не согласен В. Н. Чхаидзе, считающий, что производство этих амфор, несомненно, близких сфероемкостным, не обязательно связано с определенным центром²⁰. Уточнить происхождение амфор

сложно и по той причине, что во второй половине X в. эти амфоры, безусловно, встречаются. Однако выделить узкие хронологически комплексы, относящиеся к концу этого столетия, на материалах Сугдеи пока не представляется возможным. В юго-восточном Крыму амфоры типа 3 впервые появляются в поздних салтово-маяцких комплексах первой половины X в.

Тип 4 – небольшие по размерам амфоры (50–60 см высотой, максимальным диаметром 20–28 см), изготовленные из плотной хорошо отмученной глины бурого или красно-бурого бордового цвета с обильным включением чешуек слюды. Веретенообразный слегка рифленый корпус оканчивается небольшим округлым дном. Венчик уплощен и косо срезан, иногда с небольшим валиком. Горло расширяется в верхней части, петлевидные ручки уплощены и отходят от края венчика²¹.

В литературе эти амфоры обычно сопоставляются с конически-вытянутыми амфорами, хотя налицо и морфологическое их сходство с т. н. малыми желтоглиняными амфорами. Территория их распространения проанализирована достаточно полно²². Достаточно полно проанализированы и клейма на этих амфорах²³. По мнению В. В. Булгакова, они использовались, прежде всего, для транспортировки оливкового масла²⁴. Центр их производства так же остается пока не выясненным. Однако несомненная их морфологическая связь с маломерными желтоглиняными²⁵, может свидетельствовать и об одном центре производства.

На всех типах византийских амфор юго-восточного Крыма присутствуют разнообразные граффито, причем в очень больших количествах²⁶.

Решение проблемы граффито на средневековых крымских амфорах, как справедливо указывают многие исследователи, находится в настоящее время на стадии накопления материала²⁷. Вместе с тем, ни у кого не вызывает сомнений, что различные знаки и буквы на средневековой, прежде всего тарной керамике, являются ценным источником для реконструкции тех или иных аспектов жизнедеятельности оставившего их населения. В этом плане значительным шагом вперед явилась публикация всего свода граффито на тарной керамике из раскопок Партенит и их соотнесения с буквами греческого алфавита и типами амфор²⁸.

Подавляющее большинство проанализированных граффито свидетельствует о знании жителями юго-восточного Крыма греческого языка как в период середины VIII – первой половины X вв., так и во второй половине этого столетия и середины следующего. Вместе с тем, на сосудах всех типов обоих хронологических периодов присутствуют и граффито в виде двузубцев и трезубцев, являющихся, по мнению большинства специалистов, тюркскими родовыми знаками.

С другой стороны, до сих пор сложно сказать, что именно обозначала эта знаковая система, помещенная на стенках и ручках сосудов. Нельзя не отметить в этой связи, что подавляющее большинство граффито зафиксировано все же на тарной керамике, поступавшей в Таврику с территории византийской империи. Не исключено, что все же большая часть граффито связана именно с организацией и осуществлением товарной деятельности.

Второй категорией тарной керамики являются хорошо известные для полуострова высокогорлые кувшины с ленточными ручками²⁹. Традиционно они рассматриваются в связи с четырьмя основными проблемами, типичным для любой категории керамики: территория распространения, морфологические особенности и типология, хронологические рамки бытования и центр или центры производства. В последнее время во всех этих проблемах достигнуты неплохие опубликованные результаты, что избавляет от повторений³⁰.

Материалы раскопок последних лет портовой части средневековой Сугдеи свидетельствуют о том, что в одном и том же закрытом комплексе существовали самые разнообразные варианты венчиков данных сосудов: от простого, с едва намеченным наружным валиком, до сложнопрофилированного с двойным профилированным наружным валиком. В настоящее время, обладая огромными коллекциями высокогорлых кувшинов, можно говорить о разнообразных морфологических типах тулова изделий, от раздутых приземистых до вытянутых узких. Однако строить, основываясь на этом, какие-либо хронологические типологии мне кажется преждевременно.

Археологические реалии со всей очевидностью доказывают, что для салтово-маяцких комплексов всех частей Крыма находки высокогорлых кувшинов значительно уступают местной амфорной таре. Вместе с тем, в рассматриваемый хронологический период они наоборот составляют большинство тарных сосудов. Из этого можно сделать пока только один вывод. Исчезновение массового местного производства амфорной тары является маркером увеличения процента высокогорлых кувшинов в геометрической прогрессии. Большинство исследователей согласно с тем, что центр или центры их производства находились на Таманском полуострове, возможно и на территории Керченского полуострова³¹.

Граффити на высокогорлых кувшинах встречаются относительно редко. Как и в случае с амфорной тарой, изучение их находится на стадии накопления материала. До настоящего времени, за исключением знаменитой сложной для атрибуции надписи на стенке кувшина из Тмутаракани, граффити на этой категории тарной керамики, происходящей из Тмутаракани и Саркела, в комплексе анализировались только в работе В. Н. Чхаидзе³². Помимо этого в последнее время разнообразные граффити на высокогорлых кувшинах тщательно проанализированы на материалах Партенит³³. Все встреченные на высокогорлых кувшинах юго-восточного Крыма граффити процарапаны по сухой глине.

Кухонная керамика. Самой выразительной частью керамического комплекса населения юго-восточного Крыма является кухонная посуда. Предпринятые в литературе попытки ее типологического членения³⁴ не исчерпывают всего многообразия данной категории керамики на территории Таврики. В основу типологии положен комплексный подход, базирующийся на особенностях функционального назначения, морфологии и технологии изготовления сосуда. Выделено три типа горшков, два типа ойнохой, три типа кувшинов, крышки и миски.

Знаки на тонкостенной кухонной посуде населения юго-восточного Крыма этого времени составляют отдельную крайне малочисленную категорию граффити³⁵. В основном это различные буквы греческого алфавита. Исключение

составляет подобный сосуд (горшок типа 3 по нашей типологии), происходящий из раскопок С. Б. Адаксиной на территории монастыря Святых Апостолов Петра и Павла в Партенитах. На его стенках примерно на уровне плечей присутствует трехстрочная греческая надпись, прочерченная по сырой глине, атрибутировать которую сложно³⁶. Граффити в виде трех греческих букв ΑΨΑ зафиксировано и на аналогичном тонкостенном сосуде из раскопок западного загородного храма Херсонеса³⁷.

На некоторых фрагментах сосудов разных типов и вариантов фиксируются хаотические пятна поливы, иногда, такие же пятна и полосы (подтеки). Исходя из этого, можно предположить, что кухонная керамика, обжигалась в одних печах с местной поливной столовой посудой. По мнению Е. С. Сорочан³⁸, для средневизантийского периода, как и более раннего, можно говорить об одновременном, параллельном существовании как узкоспециализированных мастерских, рассчитанных на производство строительной и тарной керамики, так и тех, где совмещали производство амфор со столовой и кухонной посудой.

Столовая посуда. Это сосуды, изготовленные из хорошо отмученной и обожженной глины светло коричневого, зеленовато-бежевого, но, чаще всего, бежевого цвета с мелкими примесями песка и извести. Поверхность в подавляющем большинстве покрыта сплошным лощением. Иногда лощение небрежное, в виде хаотических линий, образующих, подчас, ромбы. Территория распространения анализируемой керамики достаточно ограничена. В Крыму единичные целые формы известны только в Херсонесе³⁹, Керчи⁴⁰ и Партенитах⁴¹, в виде мелких фрагментов она зафиксирована на Мангупе⁴² и Алустоне. За пределами полуострова данная керамика встречена в причерноморских портовых пунктах, таких как Тмутаракань на Тамани⁴³, Несебр и Варна на Балканах⁴⁴. Кроме того, отдельные сосуды обнаружены в материалах крепостей, находившихся на пересечении важных водных речных магистралей. Яркий пример этого Саркел⁴⁵, древнерусская крепость Воинь⁴⁶, Диногения в Румынской Добрудже⁴⁷.

В решении вопроса о прототипах данных сосудов необходимо, на мой взгляд, обратиться к материалам наиболее исследованных памятников Таманского полуострова, Таматархи и Фанагории. Именно там выделяется целая группа лощеных сосудов, изготовленных из бежевой или зеленовато-бежевой глины и покрытых ангобом оранжевого или красновато-оранжевого цвета⁴⁸. Именно эта керамика Тмутаракани и Фанагории, помимо находок на Северном Кавказе, и является той северокавказской подосновой, на которой возникают рассматриваемые кувшины.

В связи со сменой материальной культуры в юго-восточном Крыму в середине X в. эта керамика, вероятно, вместе с ее носителями и производителями начинает проникать с территории Таманского полуострова в эту часть Таврики. В Сугдее подобные сосуды обнаружены в виде отдельных мелких фрагментов⁴⁹.

Уже в Таврике под воздействием местных традиций эта керамика несколько видоизменяется морфологически и теряет присущую аланскую систему орнаментации. Пролощенный орнамент исчезает, и появляются различные вариации прорезного орнамента нанесенного по сырой глине. Это различные

сочетания треугольников и ромбов, выполненных двойной, реже одинарной линией с одним-тремя сомкнутыми или разомкнутыми концентрическими кружками на углах. Описываемые типы орнамента в некоторых случаях заполнены белой пастой. Известны и случаи нанесения граффито на поверхность сосуда. Последние представлены как характерными для тюрок тамгами (трезубец), так и разнообразными знаками и различными буквами греческого алфавита. Данный тип орнамента со второй половины X в. и на протяжении XI в. становится модным для населения Восточной Европы. До этого, подобная орнаментация на поистине огромном количестве известных к настоящему времени разнообразнейших столовых лощеных, кухонных и тарных сосудах салтовской культуры Подонья неизвестна.

Благодаря раскопкам последних лет, наиболее представительная коллекция рассматриваемой категории столовой керамики происходит из раскопок средневековой Сугдеи. Основываясь на особенностях морфологии и технологии сосудов, составляющих Судакскую коллекцию, была произведена предварительная попытка ее типологического членения⁵⁰.

Именно в этих частично видоизмененных морфологических формах с новой системой орнаментации, вошедшей в моду, она из юго-восточного Крыма экспортируется на широкие территории, в том числе на Тамань и Северный Кавказ.

Обязательной составляющей керамического комплекса является столовая поливная посуда, изготовленная из белой или розовой глины. Морфологическая типология белоглиняной поливной византийской керамики середины IX – начала XI вв. на материалах раскопок Коринфа и Константинополя разработана в общих чертах Ч. Морганом, Р. Стивенсоном и дополнена Д. Хейсом⁵¹. Можно считать установленным, что в Крым подобная посуда проникает примерно с середины IX в.⁵² Предпринятые в отечественной литературе попытки создания типологии данной керамики полуострова, в основу которых было положено либо различие орнаментальных мотивов⁵³, либо морфология сосудов⁵⁴, показали, что принципиальных различий между посудой датированной серединой IX – началом X вв., обнаруженной в салтово-маяцких комплексах Таврики, и посудой второй половины X–XI вв. из археологических объектов населения юго-восточного Крыма, не существует.

Раннегончарная кочевническая керамика в керамических комплексах населения юго-восточного Крыма второй половины X–XII вв. встречается в единичных экземплярах. Прежде всего, заслуживают внимания пять археологически целых форм, обнаруженных в портовой части Сугдеи и в заполнении жилого дома на территории городского квартала Боспора⁵⁵. Ближайшие им аналогии можно найти среди керамического комплекса т. н. балкано-дунайской культуры, лепной керамики печенежского круга⁵⁶, хотя для последней они, скорее, являются исключением, в горизонтах Тмутаракани постхазарского времени⁵⁷, в материалах раскопок Саркела – Белой Вежи⁵⁸.

К описанной выше категории керамики близко примыкает раннегончарная кухонная посуда другого облика, обнаруженная в заполнении жилого дома в портовой части Сугдеи⁵⁹. При этом, набор тарной и столовой керамики типич-

чен для материальной культуры города XI–XII вв. Ближайшие аналогии данной керамике присутствуют в кочевнических комплексах Саркела – Белой Вежи X–XI вв.⁶⁰, Тмутаракани⁶¹, а так же в подкурганных средневековых погребениях⁶². По мнению С. А. Плетневой, подобные горшки могли принадлежать проживавшим в городе кочевникам⁶³, вероятно, огузам или торкам.

Материалов для рассмотрения комплекса предметов вооружения и конского снаряжения, к сожалению, чрезвычайно мало, что, является одной из особенностей материальной культуры населения восточного Крыма, как и всей Таврики, средневизантийского периода.

Предметы, безусловно, относимые к вооружению, представлены наконечниками копий⁶⁴, топорами⁶⁵, наконечниками стрел⁶⁶ и кистенем.

Копья-пики широко известны в общепризнанных и проверенных временем типологиях А. Н. Кирпичникова и Ю. С. Худякова⁶⁷. Согласно последней обобщающей типологии А. Н. Кирпичникова и А. Ф. Медведева⁶⁸ они относятся к типу V, появление которого на вооружении древнерусских воинов авторы связывают с влияниями степного юго-востока. Однако уже в середине X в., а, в восточном Казахстане еще на рубеже IX–X вв.⁶⁹, они получают широкое распространение и становятся интернациональным оружием. В Подонье, в кремационных погребениях Сухогомольшанского, Красногорского, Нетайловского некрополей точные аналогии данным наконечникам неизвестны.

Обнаруженные топоры близки ранним древнерусским образцам середины X в. Исходя из хронологической таблицы С. А. Плетневой⁷⁰, топоры с коротким обухом и слегка отогнутым вниз лезвием в материалах Волжских болгар наиболее характерны для середины X в. Именно с этого времени начинается тенденция к оттягиванию лезвия топора вниз отчетливо проявившаяся в более позднее время. Добавим, что типологически близкие топоры происходят из материалов раскопок Плиски⁷¹, где, согласно археологическому контексту датируются не ранее второй половины X в.

В единственном экземпляре представлен такой достаточно редкий предмет вооружения, как костяной кистень. Наиболее известная аналогия происходит из раскопок Херсонеса⁷². Крымские аналогии можно продолжить и за счет типологически близкого кистеня обнаруженного на Мангупе⁷³. По справедливому мнению А. А. Душенко, основанному на многочисленных приведенных аналогиях, изделие может датироваться в рамках IX – первой половины XI вв.⁷⁴ В отличие от Судакского и Херсонесского изделий Мангупский экземпляр имеет не удлинненную, а скорее шарообразную форму, что может свидетельствовать о его более ранней дате⁷⁵. За пределами Крыма наиболее близкие аналогии известны в Подонье⁷⁶ и Болгарской Добружде⁷⁷, где датируются X–XI вв.

Наконечники стрел соответствуют типу Б1 по типологии Г. А. Федорова-Давыдова⁷⁸. В культурных горизонтах и заполнениях объектов встречены и круглые обработанные гальки, часть из которых могла служить снарядами для пращи.

Обнаруженные железные изделия, связанные с конским снаряжением, представлены единичными фрагментами удила, подпружными пряжками, разнообразными изделиями из кости.

Единственный целый экземпляр удила⁷⁹ относится к типу широко известному в древностях Восточной Европы X–XI вв.⁸⁰ С. А. Плетнева, уточняет, что подобные удила с подвижными кольцами диаметром до 5 см характерны для ранний кочевнических групп населения не позже середины XI в.⁸¹ В комплекс рассматриваемых предметов конского снаряжения входит и набор подпружных пружек⁸². Аналогии им чрезвычайно многочисленны. Интересным предметом, связанным с верховой ездой, является полукруглое железное изделие являющееся составной частью т. н. железного замка от конских пут⁸³. Аналогии им хорошо известны в материалах Херсонеса, Подонья⁸⁴, древнерусских⁸⁵, болгарских Камских⁸⁶ и балканских⁸⁷ памятников. Вероятнее всего, эта категория изделий датируется широкими хронологическими рамками. Напомним, что экземпляр из постройки 2 Сахновского городища датируется, вероятно, не ранее первой половины XIII в.⁸⁸

К элементам конского снаряжения относится изготовленная из белой бронзы с позолотой крестовидная бляха от конского оголовья⁸⁹. Традиционно данные изделия использовались для украшения ремней оголовья на пересечениях налобного и наносного ремней с нащечными⁹⁰ и датируются XI в.⁹¹

Наиболее яркие, типологически близкие крестообразные разделители происходят из богатых кочевнических погребений Херсонщины⁹² и Донеччины⁹³, датированные серединой – второй половиной XI в. По мнению А. И. Кубышева и Р. С. Орлова, процесс развития наременной гарнитуры в XI в. шел как по пути дальнейшей разработки типов местных торко-печенежских сбруйных наборов, так и с ориентацией ремесленников на византийский стиль в орнаментальном декоре⁹⁴.

Встречены и бронзовые крючки с небольшим подвижным кольцом, относящиеся к т. н. «колчанным» крючкам, служившим в качестве крепежного приспособления на седле⁹⁵. Наиболее близкие аналогии известны на территории Волжской Булгарии⁹⁶.

К предметам конского снаряжения, конечно с известными оговорками, можно отнести и некоторые изделия из кости. Последние представлены ручками от нагаек или ножей⁹⁷, близкими изделиям из Херсонеса⁹⁸, костяными пластинами, типичными для тюркских древностей северо-причерноморских степей X–XI вв. и восьмеркообразными подпружными пряжками, нижний полукруг которых зачастую украшен гранями⁹⁹. В основном подобные изделия, обнаруженные как в кочевнических погребениях Крымской степи¹⁰⁰, так и в материалах поселенческих комплексов¹⁰¹, датируются эпохой раннего средневековья, однако, в отличие от Судакских экземпляров, они имеют четко выраженную нижнюю трапециевидную часть с прямоугольным отверстием. Для экземпляров же рассматриваемого хронологического периода характерна в основном восьмерковидная морфология с двумя округлыми отверстиями¹⁰². Типологически и хронологически близкий предмет известен в материалах древнерусского городища Воинь¹⁰³. Автором публикации, вслед за С. Боневым¹⁰⁴, он трактуется, как пряжка от седла.

Кроме упомянутых изделий довольно часто встречаются заглаженные рога животных, предназначенные для стреноживания коней. Подобные остроко-

нечники из отростка рога оленя получили распространения на древнерусских памятниках, однако, не являются там частой находкой¹⁰⁵. Уникальное подобное, тщательно отполированное и граненое изделие, обнаружено в портовой части Сугдеи в слое X–XI вв.¹⁰⁶ Рог украшен девятью орнаментальными поясами. Этому изделию близка находка из Киева, которая атрибутируется как ручка нагайки¹⁰⁷.

Земледельческие орудия труда представлены пока только теслами-мотыжками кельтовидной формы с втулкой. Их справедливо считают эволюционным развитием салтовских тесел-мотыг. Наиболее близки балканские аналогии¹⁰⁸, датированные первой половиной XI в.

Ремесленные предметы представлены пока только коллекцией галечных и железных тиглей, предназначенных для варки цветных металлов¹⁰⁹. Типологически близкие миниатюрные полусферические тигли предназначенные для варки низкопробного серебра с добавками меди, олова, свинца и цинка известны в материалах Гнездовского поселения¹¹⁰. Наиболее представительная крымская коллекция подобных тиглей происходит из раскопок Херсонеса¹¹¹, где датируется второй половины X – первой половины XI вв.¹¹²

Выделение категории бытовых предметов носит, безусловно, условный характер. Наиболее массовыми изделиями из железа являются разнообразные по величине ножи и кованые гвозди. Среди последних, можно выделить особо крупные экземпляры, предназначенные, возможно, для корабельного дела. Железные ножи представлены изделиями самой разнообразной формы и размеров. В последнее время детальная их типология на примере Херсонеса разработана Е. А. Денисовой¹¹³. Автором, в частности, выделено четыре типа изделий, из которых три наиболее характерны для средневизантийского времени. Именно к ним и относится подавляющее большинство Судакских экземпляров. В портовой части Сугдеи в полуподвальном помещении А обнаружен вытянутый узкий железный молоток. Он имеет определенное сходство с балканскими экземплярами X–XI вв.¹¹⁴

Редкими для рассматриваемых памятников восточного Крыма являются находки железных замков и запирающих их пластин¹¹⁵. Замки представлены изделиями с цилиндрической конической трубкой с четырьмя приваренными ребрами жесткости и путными цилиндрическими замками с приваренным ушком для вставки скобы-пути. Наиболее близкие аналогии середины X в. происходят с территории Волжской Булгарии¹¹⁶, Руси¹¹⁷ и Подонья¹¹⁸.

Третий тип замков представлен небольшим изделием с полым корпусом в виде усеченного конуса с припаянной к основанию плоской пластиной¹¹⁹. Эти замки, являющиеся эволюционным развитием двухцилиндровых замков, проявляются на Руси очень поздно, только с XV в. Однако, наличие пластины, припаянной к корпусу, сближает анализируемое изделие с прототипами, например, из IV Старокуйбышевского селища¹²⁰. Тем не менее, находка подобного замка в столь ранних горизонтах ставит вопрос об их появлении уже во второй половине X–XII вв. В этой связи интересны подобные замки из недавних раскопок древнего Киева. Так, из заполнения подвала по ул. Большой Житомирской происходят изделия всех выделенных нами типов, которые

датируются второй половиной XII – первой половиной XIII вв.¹²¹ Коллекцию запирающих изделий дополняют находки железных массивных и бронзовых ключей. Древнерусские их аналогии происходят с территории Черниговского детинца¹²² и Киева¹²³.

Отметим и находки фрагментов скобелей или кресал. Согласно современным типологиям, кресала этого типа следует относить к наиболее распространенным калачевидным изделиям с треугольным язычком¹²⁴. Они имеют широкие хронологические рамки существования, но появляются в Таврике не ранее второй половины X в. и существуют до конца XII в., постепенно трансформируясь в овальные.

Коллекцию бытовых предметов дополняет и железный топор, относящийся к варианту топоров-тесел или клевцов¹²⁵. Типологически близкие изделия обнаружены в первую очередь среди погребального инвентаря кавказских некрополей по обряду трупосожжения (Борисово) и ингумационных (Молдавановский)¹²⁶. Подобные бытовые топоры-тесла известны и в позднесредневековых древностях Крыма, например, Алустона¹²⁷ и Херсонеса¹²⁸, где датируются не ранее XIII в.

В единственном пока экземпляре обнаружены в зольнике Сугдеи железные ножницы. Самыми многочисленными изделиями из камня являются разнообразные оселки, имевшие, вероятно, многофункциональное назначение. Среди них выделяется два экземпляра, происходящие из зольника Сугдеи, изготовленные из серо-зеленого овручского пиррофиллита с значительной примесью хлора.

Подавляющее большинство пряслиц изготовлено из тщательно обработанных стенок амфор. В единичных экземплярах обнаружены пряслица, выполненные из стенок высокогорлых кувшинов и сланцевые¹²⁹. Необходимо остановиться отдельно на находках пиррофиллитовых прясел. В настоящее время только в Сугдее в разнообразных комплексах их обнаружено семь штук¹³⁰. Нижняя хронологическая их дата справедливо относится не к XI–XII вв.¹³¹, а к середине X в.¹³² Известны и другие ранние древнерусские прясла с правобережья Среднего Поднепровья¹³³, Киевского подола¹³⁴ и Волжской Булгарии¹³⁵.

К бытовым изделиям относятся и тщательно обработанные керамические пробки различного диаметра и толщины, массивные т. н. бронзовые наперстки большого размера с широким отверстием¹³⁶, бронзовые иголки и бронзовые наперстки классического варианта¹³⁷.

Исключительный интерес представляет серебряный гигиенический набор, состоящий из копоушки, ногтечистки, зубочистки, которые прикреплены к ажурному колечку и заключены в обоймицу. Он с равным основанием может быть отнесен и к бытовым предметам, и к украшениям. Точные аналогии ему мне не известны.

Отдельного рассмотрения заслуживает такая редкая категория бытовых находок, как деревянные гребни¹³⁸. Среди наиболее близких крымских аналогий следует упомянуть находки Эски-Кермена¹³⁹ и Симеизского склепа 1955 г.¹⁴⁰ Деревянные гребни в единичных экземплярах известны при раскопках Скалистинского могильника, Херсонеса и Боспора¹⁴¹, печенежского погребения

ния X–XII вв. в деревне Матвеевка в Северном Крыму¹⁴² и некрополя X–XII вв. в с. Заречное Симферопольского района¹⁴³. Со второй половины X в. гребни, прежде всего, костяные, но и, конечно, деревянные, становятся одним из маркеров восточноевропейской моды. В следующем столетии они получают широкое распространение. Наибольшее распространение деревянные гребни получили все же на территории Древней Руси¹⁴⁴.

Достаточно часто встречены и астрагалы с отверстиями, заглаженными краями, служившие в качестве игральные фишек. Отдельную категорию находок составляют астрагалы с различными знаками. Совершенно аналогичную игровую практику у населения не только Крыма, но и Древней Руси давно подметили специалисты. Существование двух основных разновидностей игровых астрагалов: сточенных и залитых свинцом, связывается исследователями с двумя разновидностями игры¹⁴⁵. Существует точка зрения, связывающая использование астрагалов с одним центральным отверстием в качестве шумящих или, даже, ремесленных приспособлений¹⁴⁶. Нет сомнений в том, что, в отличие от славянского периода, в эпоху Киевской Руси астрагалы, даже со знаками-граффити использовались, прежде всего, в игровой практике.

Главным градообразующим фактором приморских памятников юго-восточного Крыма Сугдеи и Боспора, являлся порт. Благодаря подводным исследованиям в бухте средневековой Сугдеи, мы располагаем уникальным для юго-восточной Европы набором предметов, позволяющих впервые частично восстановить механизм функционирования порта.

Наиболее массовыми являются находки свинцовых колец. Согласно современным разработкам, их можно разделить на округлые в сечении, плоские, конусовидные, конусовидно выпуклые и втульчатые¹⁴⁷. По мнению В. В. и В. И. Булгаковых они использовались, прежде всего, для пломбирования и опечатывания товарных грузов¹⁴⁸. Одним из критериев для их датировки средневизантийским временем являются древнерусские¹⁴⁹ и поволжские аналогии¹⁵⁰.

Помимо товарных колец, второй группой находок является небольшая коллекция элементов весов. Отметим три коромысла от простейших рычажных весов, изготовленных из бронзы. К элементам рычажных весов относится и чашечка, представляющая собой тонкий, квадратный лист меди, углы которого загнуты, для придания ему чашеобразной формы, с четырьмя отверстиями для подвешивания. Данные предметы торговли, в частности неглубокие чашечки для весов, диаметром 5–5,5 см¹⁵¹ и простейшие коромысла для весов¹⁵² в средневизантийский период получают чрезвычайно широкое распространение не только в морских портовых городах, но, и в отдаленных от моря поселениях, находившихся на протяжении Волжского торгового пути¹⁵³.

Особую категорию находок составляют разнообразные весовые гири. Наиболее примечательными и поддающимися датировке экземплярами являются квадратные бронзовые гири. Наибольший процент составляют круглые бронзовые изделия. Почти все они орнаментированы концентрическими окружностями с точкой в центре. Весовые их характеристики отличаются разнообразием.

На некоторых из подобных изделий прочерчены греческие буквы, вероятно, обозначавшие вес.

Другую категорию гирек образуют бронзовые экземпляры чашеобразной формы. Они хорошо известны благодаря раскопкам в Херсонесе и на Балканах¹⁵⁴. Исследователями установлено, что данные весовые гири разных размеров и, соответственно, веса, соответствовавшие средневизантийской весовой системе, вкладывались стопочкой одна в другую, составляя стандартный весовой набор. В материалах Херсонеса, балканских памятников и центральных провинций византийской империи эти стопочки накрывались специальными колпачками.

Помимо описанных выше видов бронзовых гирь, основную массу Судакской коллекции этих изделий составляют свинцовые экземпляры самых разнообразных размеров и веса. Присутствуют в ней и треугольные изделия с желобком в центре, в основании которого сохранились фрагменты сильно корродированного железа. Не исключено, что последние могли служить и элементом весов.

Вероятно, с деятельностью Судакского порта связаны и находки небольших свинцовых штампов для пломбировки грузов. Большая часть из них представляет собой свинцовые полусферические или конусовидные изделия с петлей для крепления или проушиной, выполнявшей и функцию ручки. Данные достаточно примитивные экземпляры наверняка использовались в повседневной жизни порта достаточно часто. Известны и штампы, имевшие более высокую художественную ценность, вероятно, чиновников более высокого ранга.

При проведении подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи обнаружено значительное количество свинцовых слитков. Основная масса представляет собой прямоугольные пластины различного веса. Выделяется свинцовый слиток, частично копирующий т. н. гривны киевского типа. Безусловно, весовые характеристики у них разные.

К изделиям мелкой византийской свинцовой пластики относятся и т. н. пластины-пломбы. Это небольшие богато орнаментированные изделия. Орнаментальные мотивы достаточно однообразны и представлены четырехлепестковым цветком с рельефными точками или дугами между лепестками, заключенном в двойную окружность. В ходе исследований все они были обнаружены свернутыми в трубочку. Вероятнее всего, эти изделия так же играли роль товарных пломб и непосредственно связаны с деятельностью Судакского порта.

Активную деятельность порта Сугдеи подтверждает и уникальная пока для юго-восточного Крыма находка серебряной шестиугольной монетной гривны т. н. Киевского типа¹⁵⁵. О деятельности Судакского порта свидетельствует и уникальная для средневекового городища находка фрагмента железного якоря. Его форма наиболее близка типу А по типологии Герхарда Капитана¹⁵⁶. Однако несомненные общие черты он демонстрирует и с якорями типа Е, только рога в данном случае не опущены вниз, а под таким же углом подняты вверх. Решающее значение для датировки имеют находки якорей среди скопления материала второй половины X–XI вв. в Новосветовской бухте и у мыса Меганом¹⁵⁷. Дополнительную интересную информацию о конструкции якорей средне-

византийского периода дают находки свинцовых моделей якорей, обнаруженные в ходе подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи.

При анализе украшений главное внимание следует уделить тем предметам, которые являются индикаторами моды второй половины X–XII вв. и которые можно использовать в качестве хронологических индикаторов. Среди них первое место принадлежит стеклянным браслетам.

Специалистам по византийской археологии хорошо известно, что эта категория украшений является одной из наиболее массовых при археологических исследованиях провинциально-византийских и византийских центров. Это справедливо и по отношению к византийскому Крыму.

Ориентируясь на способ изготовления, все браслеты традиционно разделяются на три основные группы. На многих экземплярах присутствует орнамент, получивший условное название «византийской лозы»¹⁵⁸. На сегодняшний день внутри этих групп можно выделить некоторые стабильные морфологические типы. Пока их известно 8, включающие от 2 до 5 вариантов.

По поводу времени появления стеклянных браслетов в Северном Причерноморье высказаны две основные точки зрения. Согласно первой, это произошло во второй половине или рубеже IX–X вв.¹⁵⁹ При этом многими авторами время появления стеклянных браслетов обоснованно связывается со временем прекращения функционирования салтово-маяцкой культуры. Согласно второй точке зрения, это случилось не ранее второй половины X в.

Все известные автору закрытые городские и поселенческие комплексы Таврики свидетельствуют о том, что ранее середины X в. стеклянные браслеты в них не фиксируются. Особенно показательны в этом плане материалы раскопок стекольной мастерской в Старой Загоре (Болгария)¹⁶⁰. Обнаруженные там расписные браслеты встречены с монетами середины XI в. Позже этого времени мастерская не существовала¹⁶¹. Не ранее XI в. датируются и находки браслетов на территории Сербии и Паннонии¹⁶², где их появление связывается с византийским влиянием. Более того, материалы раскопок стекольных мастерских и памятников на территории центральных провинций Византийской империи и Константинополя свидетельствует, что все обнаруженные браслеты датируются не ранее середины X в.¹⁶³

Проблема времени появления стеклянных браслетов в Причерноморье напрямую связана с вопросом об их возможном производстве в Крыму и на Тамани. В пользу этого свидетельствует их чрезвычайно массовый характер. Можно согласиться с С. Б. Сорочаном в том, что в условиях небольшого эргастерия организовать такое производство было не сложно, а торговать выгоднее и удобнее, чем дешевой посудой¹⁶⁴. Однако если для Херсонеса такой вариант в качестве рабочей гипотезы рассматриваться может¹⁶⁵, хотя мастерские по производству стеклянных браслетов пока не обнаружены, то для остальных городских центров Таврики и Тамани, на мой взгляд, даже в качестве предположения, этот вариант анализировать пока нет оснований.

Не менее сложно определить верхнюю хронологическую границу существования браслетов. Во всяком случае, в материалах второй половины XIII в. они встречены в виде отдельных мелких фрагментов. Основная масса обнаруженных

и типологизированных браслетов, известных в материалах Золотоордынских памятников¹⁶⁶, отличаются от византийских. Данное утверждение справедливо и по отношению к браслетам Древнерусского производства.

Из других стеклянных изделий заслуживают внимания фрагменты разнообразных сосудов¹⁶⁷. Они плохо реконструируются из-за сильной фрагментарности находок. Тем не менее, все они имеют аналогии в синхронных древностях полуострова, Тмутаракани¹⁶⁸ и на территории Византии.

Бронзовые браслеты морфологически делятся на три группы. Первая, наиболее массовая, представлена уплощенными экземплярами с заостренными концами¹⁶⁹. В Крыму, как и на всей территории Восточной Европы, они имеют широкие хронологические рамки бытования VIII–XIII вв.¹⁷⁰ Исходя из того, что большинство их обнаружено в комплексе со стеклянными, следовательно, в рамках XI – первой половины XII вв. они также существуют.

Вторую группу составляют орнаментированные детские браслеты с заостренным одним и расклепанным или уплощенным другим концом¹⁷¹. Аналогии им известны в Крыму¹⁷², на Балканах¹⁷³ и Руси¹⁷⁴.

Третью образуют витые экземпляры с застежками в виде крючка и петельки, украшенных выступающими ушками¹⁷⁵. Аналогии им известны практически на всех средневековых памятниках Восточной Европы. Особенно часто они встречаются на Балканах¹⁷⁶, где датируются в рамках XI–XII вв.

В средневизантийское время получили распространение и составные браслеты, состоящие из веревочной или нитяной основы, на которую были надеты тонкие бронзовые пронизки. Между этими пронизками на указанную основу надевались средние и мелкие округлые бусины¹⁷⁷.

Серьги представлены в основном бронзовыми парными проволочными кольцами разных размеров и морфологии с разомкнутыми острыми или округлыми концами, иногда соединенными, или заходящими один за другой, но не спаянными. Аналогии данному простейшему виду серег чрезвычайно многочисленны и встречены в материалах памятников юго-восточного Крыма разных хронологических эпох. Например, наиболее полная публикация серег и колец Преслава приведена в работе Т. Михайловой. Автор отмечает, что в материалах Балканских памятников численное преобладание височных колец характерно как раз для периода второй половины X–XII вв.¹⁷⁸ Простые височные кольца разделены исследовательницей по морфологии на округлые, эллипсовидные и овальные¹⁷⁹.

Бусинные серьги представлены несколькими вариантами¹⁸⁰. Наиболее распространенный – обычное проволочное кольцо, на которое надета одна или две бусины. Большая коллекция подобных колец с нанизанными бусинами, в том числе подчеркнутыми витой проволокой, происходит из Херсонеса¹⁸¹. Подобные серьги получили широкое распространение на территории Восточной Европы, но наиболее типологически близкие экземпляры распространены на территории Македонии¹⁸², Добруджи¹⁸³, Руси¹⁸⁴, где датируются в рамках XI в. Реже встречены кольца с надетыми целыми или половинками металлических бусин, иногда в сочетании со стеклянными¹⁸⁵. Наиболее близкие аналогии происходят с территории Румынии и Молдовы¹⁸⁶.

Остальные серьги не образуют варианты и представлены единичными экземплярами. Исключение составляют две парные крупные проволочные серьги с уплощенными концами и биконической пронизкой, состоящей из двух спаянных половинок¹⁸⁷. В литературе утвердилось мнение об их степной половецкой¹⁸⁸ или черно-клобуцкой¹⁸⁹ принадлежности¹⁹⁰. Широко известны они и за пределами степи, на Балканском полуострове и в Подунавье¹⁹¹. По мнению С. С. Рябцевой, появление этих серег у половцев происходит в период походов степняков на Болгарию и Византию. После этого они получают широкое распространение на территории южнорусских степей. При этом исследовательница не исключает, что первые экземпляры колец могли быть изготовлены в Балканских ювелирных мастерских¹⁹².

Бронзовые и серебряные перстни представлены экземплярами с двух или четырехлапчатой плоской жуковиной со стеклянной вставкой, а так же с четырьмя стеклянными вставками, расположенными крестообразно вокруг пятой¹⁹³. Аналогии последним известны на Балканах¹⁹⁴ и на Руси¹⁹⁵. Бронзовые кольца представлены экземплярами, украшенными насечками.

Пуговицы-подвески и бубенчики традиционно разделяются на три распространенные и две относительно редкие группы. Первая представлена литыми грибовидными экземплярами разных пропорций. Вторая группа – литые вытянутые и шаровидные экземпляры и третья – вытянутые и шаровидные спаянные из двух половинок пуговицы, встречены в погребениях юго-восточного Крыма всех хронологических групп.

Отдельную категорию составляют литые орнаментированные крупные пуговицы-подвески, нижняя часть которых украшена вертикальными линиями или ромбовидным рельефным орнаментом. Это один из ярких маркеров восточноевропейской моды средневизантийского периода. Аналогии им многочисленны.

Одной из наиболее характерных и значимых для датировки находок в материальной культуре населения восточного Крыма являются литые бронзовые бубенчики с крестообразной щелью¹⁹⁶. Наряду со стеклянными браслетами и гранеными крупными пуговицами-подвесками, это еще один значимый хронологический репер и своеобразный маркер европейской моды XI – первой половины XII вв. Типологически близкие экземпляры можно разделить на два основных варианта.

Территория распространения бубенчиков с крестообразной щелью и орнаментацией в виде вертикальных линий чрезвычайно широка и включает практически всю территорию Восточной Европы. Типологии, включавшие этот вид изделий, разрабатывались, прежде всего, на основании Новгородских находок¹⁹⁷ или находок на северо-востоке Руси¹⁹⁸. Однако все авторы относили их ко второй половине X – началу XII вв.

Наиболее яркая вещь, относящаяся к надкадкам-медальонам, была исследована в заполнении плитовой могилы № 1 прихрамового некрополя на территории барбакана Судакской крепости¹⁹⁹. В настоящее время значительный массив типологически близких предметов можно условно разделить на три основные группы. Первая – кочевнические древности Подонья, Причерноморской степи

и Северного Прикаспия²⁰⁰. Второй массив аналогий – Подунавье и Балканы²⁰¹. Третий массив аналогий образуют некоторые древнерусские образцы²⁰².

Центр производства подобных накладок до сих пор не локализован. Тем не менее, в пользу Балканского производственного центра свидетельствует находка ремесленного объекта по изготовлению данных накладок, открытого в с. Новосел Шуменского округа Болгарии²⁰³.

Среди изделий мелкой византийской пластики отдельную группу составляют накладки из слоновой кости на деревянные шкатулки. Такие окантовочные пластины накладывались на деревянную основу по краям изделий и служили так же для разделения помещенных сюжетов²⁰⁴. Одна из них, с антикизирующимися изображениями, была обнаружена в Сугдее в 1929 г.²⁰⁵ Другая – происходит из заполнения постройки на участке квартала I Судакской крепости. Изделие украшено рельефными розетками, выполненными в технике барельефа, заключенными в круглые медальоны. Исходя из данных орнаментальных мотивов, шкатулки этого типа характеризуются как розеточные²⁰⁶. Основываясь на усилении графического элемента и отсутствии классических форм, шкатулки с подобной розеточной орнаментацией из Херсонеса считаются продукцией провинциальных мастеров и могут свидетельствовать о местном производстве²⁰⁷. В. П. Даркевич считал, что в XI–XII вв. в Херсонесе существовала мастерская косторезов, которые, первоначально подражая византийским образцам, затем наладили и собственное производство²⁰⁸.

Наиболее массовой категорией украшений являются бусы. К сожалению, до сегодняшнего дня типология крымских бус второй половины X–XII вв. практически не разработана. Пока можно предварительно говорить о трех хронологических типах ожерелий, значительно отличающихся по составу бусин.

К наиболее раннему типу ожерелий можно отнести экземпляры состоящие из глазчатых бус с рельефными линии, отделяющие один глазок от другого²⁰⁹. Традиционно такие бусы датируются в рамках второй половины X – первой четверти XI вв.²¹⁰ Помимо Крымского полуострова, они встречены в составе погребального инвентаря и древнерусских захоронений, в частности, некрополя возле Десятинной церкви²¹¹ и погребений курганного некрополя на Михайловской горе²¹², где так же датируются рубежом X–XI вв.

Следующий хронологический тип ожерелий состоит из нескольких наборов, отличающихся по составу бусин. Первую группу образуют ожерелья, основу которых составляют мелкие глазчатые «трехбугорчатые» бусы²¹³. Наиболее близкими аналогиями являются экземпляры и ожерелья, происходящие, как с территории городища²¹⁴, так и некрополя Саркела – Белой Вежи²¹⁵. Крымские²¹⁶, причерноморские²¹⁷, волжские²¹⁸, древнерусские²¹⁹ и Балканские²²⁰ аналогии им многочисленны. В закрытых комплексах, происходящих с территории Венгрии и Словакии, эти бусы встречены с монетами 60–70-х гг. XI в. С. Д. Захаров и И. Н. Кузина считают, что треугольные бусы на территорию севера Руси попадали из Волжской Болгарии, где закупались на рынках для продажи в древнерусских землях²²¹.

Вторую группу представляют экземпляры, где «трехбугорчатые» бусины встречены вместе с цилиндрическими «решетчатыми» бусами²²². Известны дан-

ные бусы в Саркеле²²³ и в составе ожерелий древнерусских памятников Северо-западной и Северо-восточной Руси, в частности, в древнем Новогрудке²²⁴.

Третья группа отличается присутствием глазчатых бус, характерных для первого хронологического типа и бус, изготовленных в технике кручения, с орнаментом типа «Миллефиори»²²⁵. На основании Саркельских и Булгарских экземпляров, правда, с более мелкими разноцветными точками²²⁶ и совершенно идентичного экземпляра из состава ожерелья некрополя Десятинной церкви в Киеве²²⁷ ожерелья третьей группы второго хронологического типа можно так же датировать в хронологических рамках общих для всего типа, т. е. не позже начала XII в.

Отличительной особенностью ожерелий третьего хронологического типа является отсутствие мелких глазчатых подтреугольных или уплощенных бусин с тремя глазками и большое разнообразие типов бусин, входящих в ожерелье. Датировать их в большинстве случаев можно только исходя из погребального комплекса, где они обнаружены. В нашем случае они датируются со второй половины XII и до второй половины XIV вв.

Элементы костюма представлены бронзовыми пряжками. Большую часть из них составляют маленькие обувные пряжки²²⁸. Аналогии им известны в материалах памятников Волжской Булгарии²²⁹ и на Балканах²³⁰. К элементам костюма относится и костяные застёжки. Во-первых, это пуговицы-застёжки «костылькового типа»²³¹. Помимо Херсонеса²³², подобные изделия широко известны на Руси²³³. Во-вторых, округлые костяные застёжки, часть из которых раскрашивалась в красный, розовый или зеленый цвет²³⁴. Наряду со стеклянными браслетами и бубенчиками с крестообразной щелью, это один из важных хронологических реперов и, вместе с тем, один из ярких маркеров восточноевропейской моды в рассматриваемый хронологический период. Как показывают археологические раскопки, данные предметы были многофункциональными и использовались как застёжки вообще²³⁵. Служили они и как элементы костюма, и как украшения, и как составная часть конской упряжи и воинского пояса кочевников. За пределами Таврики аналогичные предметы получили распространение в Волжской Булгарии²³⁶, материалах печенежско-торческих погребений Поросья²³⁷ и Северного Подунавья²³⁸, а так же в материалах крепости средневизантийского времени Хыршова в Румынской Добрудже²³⁹. Очень широкое распространение, прежде всего в городах, получили костяные застёжки и на территории Древней Руси. Косторезные мастерские по их производству обнаружены в районе Десятинной церкви древнего Киева²⁴⁰ и на околицах средневекового города²⁴¹. В качестве древнерусского импорта они известны и в материалах других древнерусских поселений²⁴², роменских памятников Курской области²⁴³. Несмотря на рыночный характер производства²⁴⁴, отмечены и подражания им, выполненные, безусловно, на месте в домашних условиях²⁴⁵.

Отдельного рассмотрения заслуживают костяные изделия в виде конического цилиндра со сквозным горизонтальным отверстием, заполненным вставкой из той же кости до начала обработки изделия. Подобные составные изделия наиболее известны в Таврике по материалам раскопок Херсонеса²⁴⁶ и Балкан²⁴⁷. Атрибутируются они либо как пуговицы²⁴⁸, либо как пряслица²⁴⁹.

Подобные экземпляры, происходящие из Коринфа, датируются не позднее середины XII в.²⁵⁰

Отдельную категорию находок составляют крупные перламутровые пуговицы, изготовленные из цельных раковин²⁵¹. Изделия орнаментированы прорезными линиями, расходящимися как солнечные лучи от отверстия в центре²⁵². Не исключено, что подобные изделия были составной частью ожерелья. Датируются они в широких хронологических рамках²⁵³.

Основную категорию изделий христианского культа составляют предметы византийского прикладного искусства. По справедливому мнению В. Н. Залеской, назначение памятников прикладного искусства не сводилось к декоративным или утилитарным функциям. В этой сфере деятельности, необоснованно получившей название «искусство малых форм», не было «малого», все было обусловлено личностным отношением человека к Богу²⁵⁴.

По мысли исследовательницы, процесс сложения и развития основных видов византийского прикладного искусства протекал во многом сходно с эволюцией монументальной живописи, иконописи и скульптуры, с использованием того же набора изображений и приемов их воплощения. Благодаря легкости перемещения небольших по размерам предметов прикладного искусства с их помощью происходило распространение образного строя «большого» искусства. По справедливому мнению исследователей, основное количество изделий византийской пластики Крыма составляют вещи каждодневного использования²⁵⁵. Наиболее крупным центром, где были зафиксированы предметы византийской пластики, остается Херсонес. Тем не менее, исследователями в списке культурно-ремесленных пунктов Крыма упоминается и Сугдея²⁵⁶.

Энколпионы представлены тремя основными группами изделий²⁵⁷. Древнерусские энколпионы составляют отдельные, в том числе миниатюрные экземпляры с рельефным или выполненным в технике черни изображениями и ранние изделия с округлыми окончаниями лопастей, отделенными серповидными выступами. Наибольшую по количеству группу образуют изделия, относящиеся к т. н. энколпионам с мелким изображением распятия и обратными (зеркальными) славянскими надписями.

Вторую этнокультурную группу энколпионов составляют изделия византийского происхождения. Они традиционно разделяются на две основные группы, с гравированным и рельефным изображением. Численно преобладает группа с гравированными изображениями, исполненными т. н. «штриховой» манерой²⁵⁸. Исходя из сложившейся в Византийской империи политической ситуации, способствовавшей оживлению торговых и культурных контактов, время их проникновения на относительно широкие территории, в том числе и на Крымский полуостров, относят к середине X в.²⁵⁹ Этим же временем, на основании нумизматического материала, датируют время появления подобных энколпионов на Балканах²⁶⁰ и на Руси²⁶¹. Находки гравированных и рельефных крестов в слоях XII–XIII вв. объясняются, чаще всего, длительным периодом их бытования²⁶².

Тремя экземплярами представлены и чрезвычайно редкие для полуострова Балканские экземпляры²⁶³, представляющие весь известный на сегодняшний день типологический ряд Никольских складней.

Следующую категорию находок образуют христианские медальоны. Это чрезвычайно разнообразная категория мелкой византийской пластики, так же с трудом поддающаяся типологии. Среди медальонов выделяются отдельные вещи, имевшие, несомненно, некоторую художественную ценность. Большинство же составляют свинцовые изделия, широко применявшиеся в повседневной жизни.

К первой малочисленной группе изделий принадлежат два медальона. Один из них, изготовленный из бронзы, с погрудным изображением двух Святых происходит из доордынского слоя на участке башни № 3²⁶⁴. Аналогии ему И. А. Баранов видел в медальоне из слоя разрушения мастерской на мысе Димитраки²⁶⁵. Второй медальон с изображением святого Димитрия Солунского²⁶⁶ аналогичен экземпляру из собрания Лувра²⁶⁷. Иконографический тип Димитрия Солунского окончательно сложился в Византии уже к XI в. Он типичен для иконографии Святых воинов²⁶⁸. Тем не менее, точка зрения об их венецианском происхождении и датировке не ранее начала XIII в. преобладает²⁶⁹.

Среди свинцовых медальонов выделяются изделия в виде восьмилистника с четырьмя крупными и четырьмя мелкими лепестками, обрамляющими круг. В круге с двух сторон помещены плохо сохранившиеся погрудные изображения Святого с копьем. Традиционно изображения на подобных медальонах атрибутируются как Св. Георгий и на обратной стороне Св. Феодор. Основываясь на том, что обе полные аналогии происходят с территории Болгарии²⁷⁰, в качестве рабочей гипотезы можно предположить Балканское происхождение подобных свинцовых медальонов.

К свинцовым медальонам с изображением Святых относится еще один экземпляр, происходящий из подводных исследований в бухте средневековой Сугдеи в 2005 г. Это круглое плоское изделие с изображением конного всадника. Типологически близкие медальоны с изображением Святого Георгия достаточно хорошо известны и датируются XII в.²⁷¹

Остальные свинцовые медальоны украшены разнообразными орнаментальными мотивами и христианскими символами. Изображения Святых на них не размещались. В основном это двусторонние или односторонние плоские круглые изделия с ушком для подвешивания. В последнее время наиболее детальная типология византийских свинцовых амулетов с изображением креста была опубликована Г. Атанасовым и С. Дончевой²⁷². Единичными экземплярами представлены свинцовые медальоны овальной, каплевидной или пятиугольной формы.

Отдельную категорию свинцовых медальонов составляют лунницы. При проведении подводных исследований их известно в Сугдее пока три. Все они отличаются размерами, орнаментом и морфологическими особенностями. Аналогии им, правда, не такие многочисленные, известны в материалах как южной, так и северной Руси²⁷³. Очень часто такие лунницы трансформировались в крестовключенные. Орнаментальные мотивы, в виде зон геометрического орнамента, состоящего из линий и крупных точек с окантовкой изделия литыми точками, согласно хронологической таблице Т. И. Макаровой, характерны для серебряных лунниц с зернью т. н. второй группы древнерусских кладов, которая датируется второй половиной X–XI вв.²⁷⁴ В данном случае, орнамент имитировал зерненный.

Составной частью этой категории являются и кресты-медальоны, часто входившие в состав ожерелий. Они не образуют серий и представлены пиррофиллитовыми изделиями ромбовидной формы с небольшими треугольными прорезями²⁷⁵ древнерусского производства²⁷⁶, костяными плоскими с прочерченными лучами²⁷⁷ и ромбическими рамками для вставного креста²⁷⁸. В последнем случае не исключено, что эта рамка использовалась и самостоятельно. Типологически близкое изделие обнаружено при раскопках средневекового Новгорода, где рассматривается в качестве поясного разделителя²⁷⁹ и датируется последней четвертью XII в.²⁸⁰

Следующую группу изделий образуют четыре бронзовых и свинцовых медальона, представляющие собой круглые подвески с прорезными крестами (т. н. геометрический стиль)²⁸¹. Типологически близкие изделия известны достаточно широко, в частности, среди погребального инвентаря византийских склепов Херсонеса, и в погребальном инвентаре плитовых захоронений южного берега Крыма X–XII вв.²⁸² Эта категория украшений детально рассмотрена в одной из недавних работ В. Я. Петрухина и Т. А. Пушкиной²⁸³. Авторы, приводя новгородские²⁸⁴ и саркельские²⁸⁵ аналогии, справедливо отмечают, что подобные изделия не всегда рассматриваются в качестве культовых христианских.

Третью группу культовых находок составляют кресты-тельники. Прежде всего, необходимо отметить литые серебряные экземпляры с греческими надписями. Они получили достаточно широкое распространение в Северном Причерноморье, на Балканах²⁸⁶ и Руси²⁸⁷.

Остальные кресты изготовлены из бронзы и свинца. По справедливому мнению исследователей, вероятнее всего они служили, прежде всего, в качестве товарных пломб, которыми опечатывались товары²⁸⁸. При этом они играли функцию своеобразного оберега и гарантировали качество товара²⁸⁹. Все известные аналогии, происходящие с территории Болгарии, Румынии, Сербии и Руси датируются в основном X–XII вв.²⁹⁰ Согласно типологии Б. Бабича²⁹¹ и А. В. Кузьминова²⁹², а так же других исследователей их традиционно делят на т. н. кресты Облика Св. Петра, греческие и латинские. К изделиям, связанным с христианским культом, относятся и находки железных крестов, представленных как мелкими нательными экземплярами, так и фрагментами крупных процессионных крестов²⁹³.

Отдельную категорию находок, вероятно, находившихся в быту длительное время, и являвшихся своеобразными христианскими реликвиями, составляют иконы, изготовленные из стеатита. До настоящего времени находки подобных икон в Крыму единичны. Наибольшая коллекция происходит из Херсонеса, но и она насчитывает несколько десятков фрагментированных экземпляров. В средневековой Сугдее известно всего четыре фрагмента подобных икон²⁹⁴, фрагмент еще одной происходит из предместий Солхата²⁹⁵. Исходя из фрагментарности находок, их трудно отнести к конкретной стилистической группе, связанной с Константинопольскими мастерскими. В последнее время выдвинуто предположение о возможном изготовлении части стеатитовых икон в Херсонесе по византийским образцам²⁹⁶.

Небольшую коллекцию составляют элементы церковной утвари. К сожалению, связать их с конкретным церковным объектом трудно. Археология церковной утвари и реликвий – одно из самых старых и традиционных направлений византийской археологии. Основная тенденция в изучении византийской церковной утвари сегодня – переход от анализа и интерпретации отдельных выдающихся произведений прикладного искусства к созданию системных и региональных сводов артефактов²⁹⁷, а также применение более строгого историко-этнографического подхода к их атрибуциям¹⁹⁸.

Наиболее известными находками остаются бронзовые кадила, исследованные в Сугдее и Боспоре²⁹⁹. Согласно типологии В. Н. Залесской³⁰⁰, литые медные кадила с таким количеством сюжетов, в отличие от их ранних прототипов, относятся к типу три, который характеризуется изображением фигур при помощи мелких поверхностей и упрощенным орнаментальным мотивом в виде простой пальметты, занимающей только одну линию. Датируются они не ранее середины X в. При этом надо учитывать мнение В. Н. Залесской о возможности существования местной крымской локальной группы изделий, имеющих, возможно, и более поздние датировки³⁰¹. Не исключено, что изделие принадлежит к сирийской группе литургических предметов, которые поступали в Крым с середины X в.³⁰² Косвенно датировку Судакского кадила подтверждают и находки типологически близких кадил из Армении³⁰³. По мнению Е. И. Архиповой, сцены на Судакском кадиле расположены с нарушением хронологии евангельских событий, что делает памятник в своем роде уникальным³⁰⁴.

Кроме кадил, эта категория находок представлена элементами бронзовых³⁰⁵ и алебастровых³⁰⁶ лампадофоров. Аналогичные фигурные многолопастные крестообразные шарнирные звенья цепей и диски наиболее полно представлены в Херсонесе³⁰⁷. Авторы считали их ближайшими аналогиями изделий Киевской Руси, подчеркивая возможные художественные связи регионов³⁰⁸. Аналогичные поликандила, где в качестве основы использовался плоский или слегка выпуклый диск, получают наибольшее распространение среди византийских литургических предметов, начиная со второй половины X в.³⁰⁹

Интересную и редкую категорию церковной утвари составляют глиняные штампы для просфор. Из раскопок в портовой части Сугдеи происходит фрагмент подобного изделия, обнаруженный в культурном слое, датированном второй половиной X–XI вв. Они достаточно хорошо известны, в частности, в Херсонесе³¹⁰, восточной³¹¹ и южной³¹² Таврике. Характерным отличием изделий средневизантийского периода является округлая форма с простым крестом с расширяющимися лучами, в который вписан простой равноконечный крест с рельефными треугольниками между ними.

Обрядовые предметы представлены керамическими писанками³¹³, считающиеся полифункциональными изделиями³¹⁴. Судя по находкам форм для их отливок, происходящим из Киева³¹⁵, подобные вещи изготавливались на территории Древней Руси уже с середины XI в.³¹⁶ и в это же время начали попадать в Таврику. Согласно типологии А. О. Сушко, подобные изделия, следом за Т. И. Макаровой³¹⁷, отнесены к северному Новгородскому варианту³¹⁸. Отметим

и находки уникальных амулетов. Это кубическое изделие с греческой надписью³¹⁹ и свинцовый колесообразный амулет.

Итак, мы рассмотрели основные составляющие материальной культуры населения юго-восточного Крыма второй половины X – начала XII вв. Подведем некоторые итоги. Тарная керамика является типичной для большинства провинциально-византийских памятников Причерноморья и Средиземноморья. Некоторое крымское и таманское своеобразие придает ей только наличие большого процента высокогорлых кувшинов с ленточными ручками. Кухонная и столовая белоглиняная поливная посуда так же типична для городских и сельских центров византийской ойкумены данного хронологического периода. Несомненным отличием же керамического комплекса провинциально-византийской культуры восточного Крыма является набор столовой лощеной посуды. Только он и позволяет предварительно ставить вопрос об этнических особенностях населения этого региона Таврики в средневизантийский период. О неоднородном его составе свидетельствуют и отдельные лепные сосуды кочевнического облика.

Характерным отличием провинциально-византийской городской культуры средневизантийского периода является почти полное отсутствие предметов вооружения и конского снаряжения, беден набор сельскохозяйственных орудий труда. Это ярко проявляется и при анализе культуры восточного Крыма. Те же тенденции демонстрирует и материальная культура Херсонеса. Напротив, набор бытовых изделий, предметов связанных с функционированием порта богат и разнообразен. Он имеет многочисленные аналогии в культуре провинциально-византийских городов империи. Анализ украшений и элементов костюма свидетельствует о том, что их ассортимент и разнообразие диктовались требованием моды средневизантийского периода. Значительной составляющей материальной культуры рассматриваемого хронологического периода, в отличие от предшествующего, являлись предметы мелкой византийской пластики. Особую категорию среди них составляли предметы христианского культа. Интернациональные по своей сути, они составляли характерное отличие провинциально-византийской культуры Византии, в том числе и восточного Крыма.

¹ Майко В. В. Керамічний комплекс населення південно-східного Криму другої половини X ст. // Українське Гончарство. – Т. 4. – Опішне, 1999. – С. 51, рис. 1.

² Зеленко С. М. Кораблекрушения IX–XI вв. в Судакской бухте // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. – К., 2001. – С. 85–89.

³ Булгаков В. В. Метки-дипинто византийских амфор XI в. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. – К., 2001. – С. 163–164.

⁴ Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. – М., 2008. – С. 160.

⁵ Майко В. В. Юго-Восточный Крым VIII–XI вв. Два примера провинциально-византийской культуры // ТГЭ. – Т. 51. Византия в контексте мировой культуры. – СПб., 2010. – С. 431, ил. 1; Чхаидзе В. Н. Средневековая амфора с граффити из Таманского музея виноградарства и виноделия // КСИА. – Вып. 215. – М., 2003. – С. 45–50.

⁶ Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л., 1979. – С. 109.

⁷ Паршина Е. А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 79.

- ⁸ Плетнева С. А. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. – 1959. – № 75. – С. 270; Артамонова О. А., Плетнева С. А. Стратиграфические исследования Саркела – Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. – Вып. VI. – Симферополь, 1998. – С. 601.
- ⁹ Булгаков В. В. Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. – № 4 (5) (<http://archaeologie.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm>).
- ¹⁰ Майко В. В. Керамичний комплекс населення... – С. 52, рис. 2, 1–8, 10; Зеленко С. М. Указ. соч. – С. 83, рис. 2; Пономарев Л. Ю., Бейлин Д. В. Византийские амфоры со дна Керченского пролива // БИ. – Вып. VIII. – Симферополь; Керчь, 2005. – С. 317, рис. 4.
- ¹¹ Gunsen N. Les amphores Byzantines (X–XIII siècles): typologie, production, circulations d'après les collections torques. – Paris, 1990. – P. 1288–1289.
- ¹² Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995. – С. 143; Bjelajac L. Byzantine amphorae in the Serbian-danubian Area in the 11th–12th centuries // Recherches sur la Ceramica Byzantine. – 1989. – P. 112.
- ¹³ Джанов А. В., Майко В. В. Византия и кочевники в юго-восточной Таврике в XI–XII вв. // ХС. – Вып. IX. – Севастополь, 1998. – С. 173, рис. 10, 2, 3; Майко В. В. Керамичний комплекс населення... – С. 52, рис. 2, 9; рис. 4, 2; Зеленко С. М. Указ. соч. – С. 90, рис. 10; Пономарев Л. Ю., Бейлин Д. В. Указ. соч. – С. 317, рис. 4.
- ¹⁴ Паришина Е. А. Клейменная византийская амфора X в. из Ласпи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. – К., 2001. – С. 104–117; Чхаидзе В. Н. Византийские амфорные клейма из раскопок Таманского городища // БИ. – Вып. VIII. – Симферополь; Керчь, 2005. – С. 95–117.
- ¹⁵ Якобсон А. Л. Указ. соч. – С. 74–75.
- ¹⁶ Майко В. В. Керамичний комплекс населення... – С. 52, рис. 2, 12–14.
- ¹⁷ Булгаков В. В. Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы...
- ¹⁸ Якобсон А. Л. Раскопки средневековых слоев Херсонеса // КСИА АН СССР. – 1950. – Вып. XXXV. – С. 117, рис. 38, 7; 1979, с. 72, рис. 43, 7; Паришина Е. А., Созник В. В. Амфорная тара Паргени (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Бібліотека Vita Antiqua. – К., 2012. – С. 23, 25.
- ¹⁹ Волков И. В. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. – К., 2001. – С. 131–135.
- ²⁰ Чхаидзе В. Н. Византийские амфорные клейма... – С. 101.
- ²¹ Джанов А. В., Майко В. В. Указ. соч. – С. 170, рис. 9, 6; Никитенко Михаил. К проблеме датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. – К.; Судак, 2002. – С. 198–200; Артеменко Е. Д. Амфоры из купола церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. – Керчь, 2010. – С. 8–12.
- ²² Паришина Е. А. Клейменная византийская амфора... – С. 107; Булгаков В. В. Византийские конически-вытянутые амфоры X века // Сугдейский сборник. – Вып. 1. – К.; Судак, 2004. – С. 5–12; Коваль В. Ю. Византийские амфоры (мегарики) в Южной Руси // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Бібліотека Vita Antiqua. – К., 2012. – С. 48–49.
- ²³ Булгаков В. В. Византийские конически-вытянутые амфоры... – С. 7–8; Паришина Е. А. Клейменная византийская амфора... – С. 107; Чхаидзе В. Н. Византийские амфорные клейма... – С. 103.
- ²⁴ Булгаков В. В. Византийские конически-вытянутые амфоры... – С. 8.
- ²⁵ Волков И. В. Указ. соч. – С. 133, рис. 3.
- ²⁶ Майко В. В. Граффити на амфорах юго-восточного Крыма VIII – начала XI вв. // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Бібліотека Vita Antiqua. – К., 2012. – С. 69–82.
- ²⁷ Зеленко С. М. Указ. соч. – С. 90.
- ²⁸ Паришина Е. А., Созник В. В. Указ. соч. – С. 37–42.
- ²⁹ Майко В. В. Керамичний комплекс населення... – С. 53, рис. 3.
- ³⁰ Чхаидзе В. Н. Высокогорлые кувшины с плоскими ручками из раскопок Фанагории и их распространение в Причерноморье // Древности юга России. Памяти А. Г. Атавина. – М., 2008. – С. 403–404; Науменко В. Е. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. – Симферополь; Керчь, 2009. – С. 54–57; Науменко В. Е. Константин Багрянородный о боспорской нефти. «Греческий огонь» и так называемые «тмутараканские» кувшины: историко-археологические комментарии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесло и промыслы. – Керчь, 2010. – С. 327.

- ³¹ *Науменко В. Е.* Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками... – С. 53–54; *Чхаидзе В. Н.* Высокогорлые кувшины с плоскими ручками... – С. 401–402.
- ³² *Чхаидзе В. Н.* Высокогорлые кувшины с плоскими ручками... – С. 402.
- ³³ *Паршина Е. А., Созник В. В.* Указ. соч. – С. 13–16.
- ³⁴ *BorISOV B.* DjadoVO. Mediaeval Settlement and Necropolis (11–12 th century). – Vol. I. – Tokai, 1989. – P. 135–260; *Борисов Б.* Керамика XI–XII вв. из юго-восточной Болгарии / Б. Борисов // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 2. – К., 1988. – С. 28–33; *Димитров Д.* Керамика от раннесредневековната крепост до с. Цар Асен, Силистренско // Добруджа. – 1993. – № 10. – С. 113; *Майко В. В.* Керамічний комплекс населення... – С. 55–60; *Hayes J. W.* The Pottery // Ecavation at Sarahane in Istanbul. – Vol. II. Princeton, 1992. – P. 117–119; *Нессель В. А.* Керамический комплекс // XC. Supplement I. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.). Под ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клеиной. – Севастополь, 2006. – С. 100–104.
- ³⁵ *Майко В. В.* Керамічний комплекс населення... – С. 55–60, рис. 5–10.
- ³⁶ *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчет о раскопках храма монастыря святых Апостолов Петра и Павла в Партените (Партенитская базилика) в 2000 г. // Архив КФ ИА НАНУ. Инв. Кн. 4. Инв. № 645, папка № 1049. – С. 85, рис. 86.
- ³⁷ *Романчук А. И.* Строительные материалы византийского Херсона. – Екатеринбург, 2004. – Рис. 10, 2.
- ³⁸ *Сорочан Е. С.* О керамических изделиях как ремесленной продукции и ее специализации в Византии IV–IX вв. // Дриновський збірник. – Т. V. – Харків: Софія, 2012. – С. 219.
- ³⁹ *Baranov I. A.* Die ceramic der Saltovo-Majaki Kultur in der Krim // Die ceramic der Saltovo-Majaki Kultur in ihrer varianten. Varia Archaeologica Hungarica III. – Budapest, 1990. – P. 41, taf. 7, 5.
- ⁴⁰ *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 223, рис. 87, 6; *Сазанов А. В.* Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. – Вып. V. – М.; Магнитогорск, 1998. – С. 58, рис. III, 20.
- ⁴¹ *Паршина Е. А.* Торжище в Партенитах... – С. 77–78; *Паршина Е. А.* Древний Партенит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – К., 2002. – С. 99, рис. 8.
- ⁴² *Герцен А. Г.* Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1999 г. Приложения. Т. III. // Архив КФ ИА НАНУ. Инв. Кн. 4, инв. № 629, папка № 1029. – Рис. 64, 6.
- ⁴³ *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. – М., 1963. – С. 41, рис. 24, 10; *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове... – С. 196, рис. 110, 8–10; *Майко В. В., Сударев Н. И.* Погребение второй половины X в. из Краснодарского края // Сугдейский сборник. Вып. IV. – К.; Судак, 2010. – С. 428–444.
- ⁴⁴ *Българите и техните съседни през V–X век.* Каталог на изложба. / Съставители Валерии Йотов, Ваня Павлова. Регионален Исторически музей. – Варна, 2004. – С. 62, № 49.
- ⁴⁵ *Артамонов М. И.* Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. – МИА № 62. – 1958. – С. 32, рис. 19, 3; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. – № 142. – 1967. – С. 117, рис. 28, 3; *Плетнева С. А.* Керамика Саркела – Белой Вежи... – С. 213, рис. 1, 1,2; *Шелковников Б. А.* Поливная керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. – № 75. – 1959. – С. 279, рис. 3.
- ⁴⁶ *Довженко В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Давньоруське місто Воїнь. – К., 1966. – Табл. XII, 3; *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство... – С. 80.
- ⁴⁷ *Comsa M.* Ceramica locala // Dinogetia. Vol. 1. – Bucuresti, 1967. – Fig. 104, 11, 12, 14–16.
- ⁴⁸ *Плетнева С. А.* Керамика Саркела – Белой Вежи... – С. 214; *Атавин А. Г.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник 1. – М., 1992. – С. 173–211; *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове... – С. 200.
- ⁴⁹ *Майко В. В.* Этнокультурные связи Крыма с Северным Кавказом во второй половине X–XI вв. (на примере лощеной керамики) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культуры Северного Кавказа. – Магас, 2010. – С. 231, рис. 1, 16,17.
- ⁵⁰ *Майко В. В.* Керамічний комплекс населення... – С. 40–63; *Майко В. В.* К вопросу о крымских керамических импортах на территории хазарского Саркела // ПИФК. – Вып. XI. – М.; Магнитогорск, 2001. – С. 208–211.
- ⁵¹ *Morgan Ch.* The Byzantine pottery // Corinth. II. – 1942. – P. 37; *Stevenson R.* The pottery // The great Palace of the Byzantine Emperors. – London, 1947. – P. 38–41 *Hayes J. W.* Op. cit. – P. 117–119.

- ⁵² *Паршина Е. А.* Средневековая керамика Южной Таврики // *Феодальная Таврика*. – К., 1974. – С. 67; *Паршина Е. А.* Торжище в Партенитах... – С. 81; *Талис Д. Л.* К характеристике византийской керамики IX–X вв. из Херсонеса // *Труды ГИМ*. Вып. 37. Археологический сборник. – М., 1960. – С. 133; *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство... – С. 336–342; *Макарова Т. И.* Поливная посуда из истории керамического импорта и производства древней Руси. Археология СССР // *САИ*. – Вып. 1–38. – М., 1967. – С. 10; *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К., 1990. – С. 23.
- ⁵³ *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство... – С. 84–87.
- ⁵⁴ *Паршина Е. А.* Средневековая керамика Южной Таврики... – С. 67–69; *Паршина Е. А.* Торжище в Партенитах... – С. 81–83.
- ⁵⁵ *Майко В. В.* Керамичний комплекс населення... – С. 63, рис. 13; *Макарова Т. И.* Боспор-Корчев // *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века*. Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 130, табл. 44, 2.
- ⁵⁶ *Плетнева С. А.* Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X в. // *Археология СССР*. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 259, рис. 82: 41.
- ⁵⁷ *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове... – С. 189, рис. 103, 2; с. 207, рис. 120, 1.
- ⁵⁸ *Плетнева С. А.* Керамика Саркела – Белой Вежи... – С. 252, рис. 38, 1, 2.
- ⁵⁹ *Джанов А. В., Майко В. В.* Указ. соч. – С. 174, рис. 11.
- ⁶⁰ *Плетнева С. А.* Керамика Саркела – Белой Вежи... – С. 234, рис. 19: 10, 11, 16, 17.
- ⁶¹ *Чхаидзе В. Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове... – С. 183, рис. 98, 6, 8; С. 184, рис. 99, 1–10.
- ⁶² *Станко В. Н.* Детское захоронение кочевника // *Записки Одесского Археологического общества*. Т. 1. – Одесса, 1960. – С. 231, рис. 1: 1.
- ⁶³ *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища... – С. 68.
- ⁶⁴ *Майко В. В., Гаврилов А. В., Гукин В. Д.* Комплекс оружия, конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму // *ХА*. – Т. 8. – К.; Харьков, 2009. – С. 239, рис. 2 1–3, 6, 7.
- ⁶⁵ *Майко В. В., Гаврилов А. В., Гукин В. Д.* Указ. соч. – С. 241, рис. 3, 2.
- ⁶⁶ *Майко В. В.* Кочевнические элементы городской культуры Сугдеи X–XI вв. Мода или неоднородность этноса // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради*. Т. II. – Коростень, 2008. – С. 21, рис. 1, 1–4.
- ⁶⁷ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. – САИ.–Е 1–36. – М.; Л., 1966. – С. 7, рис. 1; *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – С. 162, рис. 71.
- ⁶⁸ *Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф.* Вооружение // *Древняя Русь. Город, замок, село*. – М., 1985. – С. 337, табл. 125, V, 7.
- ⁶⁹ *Худяков Ю. С.* Вооружение Енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск, 1980. – С. 59.
- ⁷⁰ *Плетнева С. А.* Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X в. ... – С. 166, рис. 52, 119.
- ⁷¹ *Henning J.* Catalogue of archaeological finds from Pliska / Joachim Henning // *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium*. Vol. 2. Byzantium, Pliska, and the Balkans. Edited by Joachim Henning. – Berlin, 2007. – Taf. 9, № 107, 108.
- ⁷² *Колесникова Л. Г.* Связи Херсона-Корсуна с племенами Восточной Европы в домонгольский период // *ХС*. Вып. 15. – Севастополь, 2006. – С. 147, рис. 1, 1; *Наследие Византийского Херсона*. – Севастополь; Остин, 2011. – С. 293, № 335; с. 589.
- ⁷³ *Душенко А. А.* Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) // *МАИЭТ*. Вып. XV. – Симферополь, 2009. – С. 452, рис. 1, 1.
- ⁷⁴ *Душенко А. А.* Указ. соч. – С. 434–435.
- ⁷⁵ *Флёрова В. Е.* Резная кость юго-востока Европы IX–XII вв.: искусство и ремесло (по материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). – СПб., 2001. – С. 59; *Душенко А. А.* Указ. соч. – С. 434.
- ⁷⁶ *Крыжанов А. В.* Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // *СА*. – № 2. – 1987. – С. 64, рис. 1, 3.
- ⁷⁷ *Йотов В., Атанасов Г.* Скала. Крепост от X–XI век до с. Кладенци, Тервелско. – София, 1998. – С. 91, обр. 71.
- ⁷⁸ *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – С. 27, рис. 3, Б1.

- ⁷⁹ Майко В. В. Кочевнические элементы городской культуры ... – С. 21, рис. 1, 13.
- ⁸⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. – С. 20.
- ⁸¹ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков // САИ. – Вып. Е1–19. – М., 1973. – С. 15–19; Плетнева С. А. Печенеги и гузы на нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела – Белой Вежи). – М., 1990 – С. 48.
- ⁸² Майко В. В., Гаврилов А. В., Гукин В. Д. Указ. соч. – С. 249, рис. 7, 8–10.
- ⁸³ Майко В. В., Гаврилов А. В., Гукин В. Д. Указ. соч. – С. 254, рис. 10, 2.
- ⁸⁴ Плетнева С. А. От кочевий к городам... – С. 149, рис. 39, 2; Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. – Симферополь, 1995. – С. 380, рис. 43, 6; Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. – С. 27; Давыденко В. В., Гриб В. К. «Государев яр» – новый памятник X–XI вв. в среднем течении Северского Донца (предварительная публикация) // Археологический альманах, № 25, Донецк, 2011. С. 259, рис. 3, 9; с. 264, рис. 8, 6.
- ⁸⁵ Иванченко Л. І. Давньоруське городище поблизу с. Сахнівка на Росі // Археологія. – № 3. 1990. – С. 135, рис. 1.
- ⁸⁶ Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань, 1991. – С. 106, рис. 37, 7.
- ⁸⁷ Henning J. Archäologische funde von eisenfesseln aus den Bulgarischen siedlungsgebieten zwischen Wolga und Donau // Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 1991. – С. 57, fig. 3, 3.
- ⁸⁸ Иванченко Л. І. Вказ. праця. – С. 134.
- ⁸⁹ Майко В. В., Гаврилов А. В., Гукин В. Д. Указ. соч. – С. 249, рис. 7, 4.
- ⁹⁰ Гаврилина Л. М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X–XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. – Элиста, 1987. – С. 55.
- ⁹¹ Гаврилина Л. М. Указ. соч. – С. 64.
- ⁹² Кубышев А. И., Орлов Р. С. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. – № 1. – 1982. – С. 240, рис. 2, 1–4.
- ⁹³ Клименко В. Ф., Цымбал В. И., Краснощекова С. Д. Сбруйные комплексы некоторых кочевнических погребений Донбасса // Деснинские древности: материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева. – Брянск, 2008. – С. 119, рис. 3.
- ⁹⁴ Кубышев А. И., Орлов Р. С. Указ. соч. – С. 246.
- ⁹⁵ Майко В. В. Кочевнические элементы городской культуры ... – С. 21, рис. 1, 7; Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татар археологиясе. № 1–2 (6–7). – Казан, 2000. – С. 51.
- ⁹⁶ Руденко К. А. Указ. соч. – С. 82, рис. 6, 4.
- ⁹⁷ Майко В. В. Сугдея во второй половине X–XI вв. // Сугдейский сборник. – К., 2004. – С. 243, рис. 13, 2.
- ⁹⁸ Романчук А. И. Изделия из кости в средневековом Херсоне // АДСВ. Вып. 18: Античный и средневековый город. – Свердловск, 1981. – С. 88, рис. 2, 41.
- ⁹⁹ Майко В. В. Кочевнические элементы городской культуры ... – С. 21, рис. 1, 5, 6.
- ¹⁰⁰ Баранов И. А. Указ. соч. – С. 19, рис. 6, 13, 14.
- ¹⁰¹ Душенко А. А. Указ. соч. – С. 435–436.
- ¹⁰² Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. – С. 47, 115, рис. 3, 11.
- ¹⁰³ Сергеева М. С. Вироби з кістки та рогу з Воїнської Греблі // Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Джерела та дослідження. Археологія і давня історія України. Випуск 8. – К., 2012. – С. 141, рис. 16, 9.
- ¹⁰⁴ Бонев С. Костени детайли на конска амуниция от средновековна България // Музеи и паметници на култура. Год. XXI. – Кн. 4. – 1981. – С. 42, рис. 1, 14.
- ¹⁰⁵ Сергеева М. С. Техніка обробки рогу у Воїнській Греблі // Древности 2011. Вып. 10. – Харьков, 2011. – С. 195, рис. 6, 1.
- ¹⁰⁶ Майко В. В. Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 243, рис. 13, 7.
- ¹⁰⁷ Ивакин Г. Ю., Степаненко Л. Я. Раскопки в северо-западной части Подола в 1980–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. – К., 1985. – С. 92; Сагайдак М. А. Давньокіївський Поділ. Проблеми топографії, стратиграфії, хронології. – К., 1991. – С. 41, рис. 20.
- ¹⁰⁸ Дончева-Петкова Л. Одръци. Селиште от Първо Българско царство. Т. 1. – София, 1999. – С. 57, обр. 108; Бонев С., Дончева С. Старобългарски производствен център за художествен метал при

- с. Новосел, Шуменско. – Велико Търново, 2011. – С. 268, табл. XXVI, 138; *Атанасов Г.* Клады земледельческих орудий из южной Добруджи (X – начало XI вв.) // *Stratum plus.* № 5. – СПб.; Кишинев; Одесса, 2000. – С. 193, табл. VII, 77,79,58.
- ¹⁰⁹ *Майко В. В.* Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 233, рис. 12, 16.
- ¹¹⁰ *Ениосова Н. В., Митоян Р. А.* Тигли Гнёздовского поселения // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер. Труды ГИМ. Вып. 111. – М., 1999. – С. 57–58.
- ¹¹¹ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. – № 63. – М.; Л., 1959. – С. 331, рис. 181, 1–4.
- ¹¹² *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории... – С. 329–330.
- ¹¹³ *Денисова Е. А.* Железные ножи X–XIII вв. из Херсонеса // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докл. и сообщ. – Бахчисарай, 2012. – С. 25–27.
- ¹¹⁴ *Атанасов Г.* Указ. соч. – С. 196, табл. X, 22; *Чангова Й.* Средневековни оръдия на труда в България // Известия на археологически институт. Кн. 25. – 1962. – С. 32, обр. 12, 2.
- ¹¹⁵ *Майко В. В.* Комплекс конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму. Ч. II. // Древности 2010. – Харьков, 2010. – С. 277, рис. 1, 3, 5.
- ¹¹⁶ *Казаков Е. П.* Указ. соч. – С. 24, рис. 8; 24; с. 72, рис. 29; 9.
- ¹¹⁷ *Овсянников О. В., Пескова А. А.* Замки и ключи из раскопок Изяславля // КСИА. Вып. 171. Славно-русская археология. – М., 1982. – С. 94, рис. 1, 14; с. 95, рис. 2, 16.
- ¹¹⁸ *Артамонов М. И.* Указ. соч. – С. 68, рис. 46.
- ¹¹⁹ *Майко В. В.* Комплекс конского снаряжения и бытовых предметов ... – С. 277, рис. 1, 4.
- ¹²⁰ *Казаков Е. П.* Указ. соч. – С. 71, рис. 28; 11.
- ¹²¹ *Ієвлев М. М., Козловський А. О.* Льохі стародавнього Києва кінця X – першої половини XIII ст. // Археологія. – № 4. – 2011. – С. 112, рис. 4, 1–8.
- ¹²² *Моця О., Казаков А.* Давньоруський Чернігів. – К., 2011. – С. 72, рис.
- ¹²³ *Ієвлев М. М., Козловський А. О.* Указ. соч. – С. 112, рис. 4, 10.
- ¹²⁴ *Евглевский А. В., Потемкина Т. М.* Кресала в кочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. – Донецк, 2000. – С. 183–184.
- ¹²⁵ *Майко В. В.* Комплекс конского снаряжения и бытовых предметов ... – С. 280, рис. 2, 8.
- ¹²⁶ *Кочкаров У. Ю.* Боевые топоры северо-западного Предкавказья VIII–XIV вв. // Средневековая археология Евразийских степей. МИАП. Вып. 3. – М.; Йошкар-Ола, 2006. – С. 107, рис. 7, 46.
- ¹²⁷ *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – К., 1991. – С. 106, рис. 46, 15.
- ¹²⁸ *Домбровский О. И.* Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. – Т. 3. – К., 1986. – С. 540, рис. 133, 6.
- ¹²⁹ *Майко В. В.* Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 232, рис. 11.
- ¹³⁰ *Майко В. В.* Давньоруські знахідки X–XIII ст. з південно-східного Криму. До питання про економічні та політичні контакти // Дньн слово. – К., 2008. – С. 313, рис. 1, 1–3.
- ¹³¹ *Петрашенко В. А.* Древнерусское село по материалам поселений у с. Григоровка. – К., 2005. – С. 106–110; *Возний І. П.* Поселення X–XIV ст. у межиріччі верхнього серету та середнього Дністра. Укріпленні поселення та давньоруські міста. Ч. 1. – Чернівці, 2005. – С. 79.
- ¹³² *Звіздецький Б. А.* Рец. Возний І. П. Поселення X–XIV ст. у межиріччі верхнього серету та середнього Дністра. Укріпленні поселення та давньоруські міста. Чернівці, 2005. Ч. 1. 255 с. // Археологія. – № 2. – 2007. – С. 106; *Петраускас А. В.* Видобуток та обробка каміння на давньоруських селищах Середнього Подністров'я // Археологія. – № 1. – 2003. – С. 66–75.
- ¹³³ *Петрашенко В. О.* Слов'янські пряслиця VIII–X ст. з Правобережжя Середнього Подніпров'я // Археологія. – № 62. – 1988. – С. 24–32.
- ¹³⁴ *Сагайдак М. А.* Вказ. праця. – С. 92.
- ¹³⁵ *Казаков Е. П.* Указ. соч. – С. 153; *Казаков Е. П., Руденко К. А., Беговатов Е. А.* Мурзинское селище // Древние памятники Приустьевого Закамья. Материалы новосточной экспедиции Мирнистерства культуры Республики Татарстан. – Казань, 1993. – С. 51.
- ¹³⁶ *Майко В. В.* Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 236, рис. 14, 16.
- ¹³⁷ *Майко В. В.* Средневековые некрополи Судакской долины. – К., 2007. – С. 108, рис. 82, 4; с. 109, рис. 83, 4.
- ¹³⁸ *Майко В. В.* Судакские склепы. Поздний горизонт погребений (к вопросу о городских некрополях Сугдеи X–XI вв.) // Сугдейский сборник. – Вып. IV. – К.; Судак, 2010. – С. 119, рис. 5, 2.
- ¹³⁹ *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Т. II. – Симферополь, 1991. – С. 242, рис. 7, 1, 2, 10.

- ¹⁴⁰ Турова Н. П. Симеизский склеп 1955 г. // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах № 28. – Донецк, 2012. – С. 174, рис. 2.
- ¹⁴¹ Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. – К., 1993. – С. 195.
- ¹⁴² Айбабин А. И. Степь и юго-западный Крым. Крым в X – первой половине XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 135, таб. 49, 3.
- ¹⁴³ Махнева О. А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – К., 1968. – С. 157, рис. 3.
- ¹⁴⁴ Рыбина Е. А., Розенфельд Р. Л. Гребни, расчески // Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997. – С. 20–22.
- ¹⁴⁵ Сергеева М. С. Про деякі давньоруські приладдя з кістки та рогу для ігор і розваг (за матеріалами з Середнього Подніпр'я) // Древности 2010. – Вып. 9. – Харьков, 2010. – С. 202; Стрельник М. О., Хомчик М. А., Сорокина С. А. Гральні кості (II тис. до н. е. – XIV ст. н. е.) з колекції Національного музею історії України // Археологія. – № 2. – 2009. – С. 34–49.
- ¹⁴⁶ Сергеева М. С. Про деякі давньоруські приладдя... – С. 202.
- ¹⁴⁷ Булгаков В. В., Булгакова В. И. Портовый комплекс Сугдеи (по данным морских археологических исследований 2004–2005 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судак. Археологический альманах № 28. – Донецк, 2012. – С. 289–292.
- ¹⁴⁸ Согласно любезному сообщению А. В. Комара, они могли использоваться и как гири для весов типа безмена.
- ¹⁴⁹ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. – М., 2004. – С. 190, 192, рис. 98, 108, 138; Петрашенко В. О., Козюба В. К. Давньоруські поселення поблизу с. Бучак // Археологія. – № 2. – 2005. – С. 131, рис. 64; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). – М., 1981. – С. 157, рис. 62, 18–32.
- ¹⁵⁰ Культура Булгара: Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М., 1985. – С. 109–110, табл. XXI, 1–7; Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1986. – д С. 246–248, рис. 76, 10–14.
- ¹⁵¹ Казаков Е. П. Указ. соч. – С. 150, рис. 48, 32–34.
- ¹⁵² Казаков Е. П. Указ. соч. – С. 150, рис. 48, 3–8.
- ¹⁵³ Успенская А. В. Погребение купца на древнем Селигерском пути // Средневековая Русь. – М., 1976. – С. 39.
- ¹⁵⁴ Минчев А. Бронзови теглилки от средновековието и османския период във Варненския археологически музей // Българските земи през средновековието (VII–XVIII в.). AMV III–I. – Варна, 2002. – С. 241–246; Владимирова-Аладжова Д. Средновековни тежести-etalони (екзагии) от България // Stephanos Archaeologicos in honorem Professoris Stephcae Angelova. Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Supplementum V. – София, 2010. – С. 679–694.
- ¹⁵⁵ Майко В. В. Давньоруські знахідки X–XIII ст. ... – С. 315, рис. 2, 12.
- ¹⁵⁶ Kapitan G. Ancient anchors-technology and classification // The International Journal of Nautical Archaeology. – Vol. 13. – № LP. – 1984. – P. 42–43.
- ¹⁵⁷ Зеленко С. М. Указ. соч. – С. 91, рис. 12.
- ¹⁵⁸ Щапова Ю. Л. Стекланные изделия средневековой Тмутаракани / Ю. Л. Щапова // Керамика и стекло древней Тмутаракани. – М., 1963. – С. 114, рис. 4; Львова З. А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // МИА. – № 75. – 1959. – С. 310–323.
- ¹⁵⁹ Львова З. А. Указ. соч. – С. 323; Щапова Ю. Л. Указ. соч. – С. 112; Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. Т. X. – Симферополь, 2003. – С. 221.
- ¹⁶⁰ Янков Д. Останки от средновековна стъкларска работилница в Стара Загора // Известия на музеите от Югоизточна България. – № 6. – 1983. – С. 43–44.
- ¹⁶¹ Дончева-Петкова Л. Одрци. Некрополи от XI век. Т. 2. – София, 2005. – С. 104–105.
- ¹⁶² Radičević D. Medieval glas bracelets from Banat territory // 18th Congress of the International Association for the History of Glass 21–15 September 2009. Programme and Abstracts. – Thessaloniki, 2009. – P. 135.
- ¹⁶³ Köroğlu G. Selected medieval glass artifacts from Yumuktepe mound // Studiantichitan. – Vol. 11. – 1998. – P. 283–294; Von Saldern A. Ancient and Byzantine Glass from Sardis. – London, 1980. – P. 98–99; Lightfoot C. S. Amorium Excavations 1993. The Sixth Preliminary Report // Anatolian Studies,

44. – 1994. – P. 125–126; *Lightfoot C. S., Ivison E. A.* Amorium Excavations 1995. The Eight Preliminary Report // *Anatolian Studies*, 46. – 1996. – P. 108–109; *Lightfoot C. S.* The Amorium Project: The 1997 Study Season // *DOP*. – 53. – 1999. – P. 340–345; *Lightfoot C. S., Ivison E. A. et al.* The Amorium Project: The 1998 Excavation Season. Byzantine Eschatology: Views on death and the last things, 8th to 15th centuries. *Dumbarton Oaks Symposium 1999* // *DOP*. – Vol. 55. – 2001. – P. 370, fig. M, 5–13; *Margaret A., Gill V.* Glass Finds // *DOP*. – Vol. 53. – 1999. – P. 340, fig. D; *Spaer M.* Ancient Glass in the Israel Museum, Beads and Other Small Objects. – Jerusalem, 2001. – P. 193–198; *Spask M.* The Islamic Glass Bracelets of Palestine: Preliminary Finding // *Journal of Glass Studies*. – № 34. – 1992. – P. 44–62.
- ¹⁶⁴ *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 2. – Харьков, 2005. – С. 1146.
- ¹⁶⁵ *Щанова Л. Ю.* Указ. соч. – С. 116–118; *Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.* Указ. соч. – С. 221; *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. Очерки ... – С. 1146.
- ¹⁶⁶ *Бусятская Н. Н.* Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // *Средневековые памятники Поволжья*. – М.: Наука, 1976. – С. 45–47.
- ¹⁶⁷ *Майко В. В.* Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 238, рис. 15.
- ¹⁶⁸ *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // *Керамика и стекло древней Тмутаракани*. – М., 1963. – С. 134–163.
- ¹⁶⁹ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 102, рис. 73, 6.
- ¹⁷⁰ *Паришина Е. А.* Эски-Керменская базилика // *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. – К., 1988. – С. 46; *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989. – С. 114, рис. 60: I; *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Указ. соч. – С. 57, рис. 36: 3; с. 19, рис. 9; 26; *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. – М., 1981.
- ¹⁷¹ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 96, рис. 67, 15.
- ¹⁷² *Айбабин А. И.* Степь и юго-западный Крым. Крым в X – первой половине XIII вв. // *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века*. Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 222, табл. 55: 44; *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник у с. Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. – Симферополь; Керчь, 2008. – С. 146, табл. 12: 12.
- ¹⁷³ *Димитров Я.* Църква и некропол във Външния град на Плиска (края на X–XI в.) // *Плиска–Преслав 7*. – Шумен, 1995. – С. 57, обр. 8, 13; *Дончева-Петкова Л.* Одръци. Некрополи... – С. 369, табло CXIX: 16; с. 108.
- ¹⁷⁴ *Liwoch R.* Wykopaliska T. Ziemieckiego na Grodzisku w Podhorcach // *Стародавній іскоростень і слов'янські гради*. Т. 2. – Коростень, 2008. – С. 6.
- ¹⁷⁵ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 107, рис. 81, 6.
- ¹⁷⁶ *Дончева-Петкова Л.* Одръци. Некрополи... – С. 327, табло LXXVII: 26; *Димитров Я.* Два некрополя във Външния град на Плиска // *Трудове на катедрите по история и богословие към Шуменския университет*. № 2. – София, 1998. – С. 69, рис. 2d.
- ¹⁷⁷ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 63, рис. 36, 4.
- ¹⁷⁸ *Михайлова Т.* Обечи и наушници от Велики Преслав (края на X–XIV в.) // *Преслав*. Сб. 4. – София, 1993. – С. 183.
- ¹⁷⁹ *Михайлова Т.* Указ. соч. – С. 181.
- ¹⁸⁰ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 116, рис. 92, 5, 6, 14.
- ¹⁸¹ *Путь из варяг в греки и из грек*. Каталог выставки. ГИМ. – М., 1996. – С. 95, № 860–867.
- ¹⁸² *Рябцева С. С.* Трехбусинные кольца от Вислы до Волги // *Stratum plus*. № 5. – СПб.; Кишинев; Одесса, 2000. – С. 165, рис. 2, 23.
- ¹⁸³ *Дончева-Петкова Л.* Одръци. Некрополи... – С. 58, обр. 4, 321.
- ¹⁸⁴ *Путь из варяг...* – С. 81, № 706.
- ¹⁸⁵ *Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.* Указ. соч. – С. 254, рис. 20: 7; *Путь из варяг...* – С. 95, № 860–867.
- ¹⁸⁶ *Рябцева С. С.* Указ. соч. – С. 169, рис. 5, 4.
- ¹⁸⁷ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 107, рис. 81, 1.
- ¹⁸⁸ *Плетнева С. А.* Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X в. ... – С. 216; *Моця О. П.* Населення південно-руських земель IX–XIII ст. – К., 1993. – С. 127.
- ¹⁸⁹ *Федоров-Давыдов Г. А.* Указ. соч. – Рис. 23.

- ¹⁹⁰ Армарчук Е. А. «Половецкие серьги» // Средневековая археология Евразийских степей. МИАП. Вып. 3. – М.; Йошкар-Ола, 2006. – С. 203–205.
- ¹⁹¹ Jelovina D. Starohrvatske nekropole na području između rijeka Zrmanje i Cetine. – Split, 1976. – Tabl. IX: 5, 6; Радева М. Средневековни накити от Сливенско // Известия на музеите от югоизточна България. XX. – Бургас 2003. – С. 32, обр. 1.
- ¹⁹² Рябцева С. С. Указ. соч. – С. 167–168, прим. 2.
- ¹⁹³ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 107, рис. 81, 5.
- ¹⁹⁴ Дончева-Петкова Л. Одръци. Некрополи... – С. 121, обр. 15: 532₁₆; Йотов В., Атанасов Г. Указ. соч. – С. 307, табло CVIII, 387–389.
- ¹⁹⁵ Михайлик Л. П. Металлические перстни X – первой половины XIII в. из Киева (хронология, типология) // РА. – № 3. – 2006. – С. 59, рис. 4: 78.
- ¹⁹⁶ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 96, рис. 66, 2–4.
- ¹⁹⁷ Рындина Н. В. Технология производства Новгородских ювелиров X–XV вв. // Новые методы в археологии. МИА. – № 117. – 1963. – С. 244–247; Седова М. В. Указ. соч. – С. 156–157; Седова М. В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. – М., 1997. – С. 69, 70; Поветкин В. И. Бубенчики-звонцы в древнем Новгороде (применение, способы производства, типология и хронология) // РА. – № 2. – 2009. – С. 79–92.
- ¹⁹⁸ Мальм В. А., Фехнер М. В. Подвески-бубенчики // Труды ГИМ. Вып. 43. – М., 1967. – С. 134–137; Макаров Н. А. Население русского севера в XI–XIII вв. По материалам могильников восточного прионежья. – М., 1990. – С. 77; Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. – М., 1997. – С. 119.
- ¹⁹⁹ Баранов И. А. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 105, рис. 3: 14; Майко В. В. Кочевнические элементы городской культуры ... – С. 23, рис. 2, 1.
- ²⁰⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. – С. 54, рис. 9: 4. Плетнева С. А. Печенеги и гузы на нижнем Дону... – С. 73 рис 26: 5; Круглов Е. В. Погребальный обряд Огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т. 2. – Донецк, 2001. – С. 398, рис. 2, 1–3.
- ²⁰¹ Дончева-Петкова Л. Одръци. Некрополи ... – С. 354, табло CIV; Дончева-Петкова Л. Одръци. Селиште ... – С. 106, табло CI₆₉₀; Плетньов В., Попова В. Раннесредневековни ремъчни аппликации от Варненския археологически музей // ИНМВ, 30–31 (45–46). – Варна, 1994–1995. – Кат. № 648; Станилов С. Старобългарски ремъчни украси от Ниционалния археологически музей // Разкопки и проучвания. Кн. 22. – София, 1991. – С. 30, обр. 9; Йотов В. О материальной культуре печенегов к югу от Дуная — листовидные ажурные амулеты XI в. // Stratum plus. № 5. – СПб.; Кишинев; Одесса, 2000. – С. 209–212.
- ²⁰² Жилина Н. В. Тисненый узор по древнерусскимкладам X–XIII вв. (от орнаментального рифления до эмблемы княжеской власти // Stratum plus. Ремесло археолога. № 5. – СПб.; Кишинев; Одесса, 2010. – С. 58, рис. 21, 6, 7.
- ²⁰³ Бонев С., Дончева С. Указ. соч. – С. 268, табло XXXVII–XLIII.
- ²⁰⁴ Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Т. 2. – М., 1977. – С. 106–108; Даркевич В. П. Светское искусство Византии. – М., 1975. – Рис. 212.
- ²⁰⁵ Тиханова-Клименко М. А. Резная костяная пластинка из Судака // Сообщения ГАИМК. № 3 март. – Л., 1931. – С. 21–25; Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. – № 168. – 1970. – С. 27; Даркевич В. П. Указ. соч. – С. 276, илл. 393; Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. – М., 1978. – С. 83.
- ²⁰⁶ Goldschmidt A., Weitzmann K. Die Byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X–XIII. Jahrhunderts. Bd. I. Kästen-Berlin, 1930; Пуцко В. Г. Византийське пластичне мистецтво середньовічного Криму // Археологія. – № 4. – 2011. – С. 47.
- ²⁰⁷ Пуцко В. Г. Вказ. праця. – С. 47.
- ²⁰⁸ Даркевич В. П. Указ. соч. – С. 279–280.
- ²⁰⁹ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 91, рис. 59.
- ²¹⁰ Львова З., Лесман Ю., Рябцева С. Намисто // Церква Богородиці Десятинна в Києві. – К., 1996. – С. 204.
- ²¹¹ Зоценко В. Н., Гончаров О. Склянні вироби // Церква Богородиці Десятинна в Києві. – К., 1996. – С. 99.
- ²¹² Івакін Г. Ю., Козюба В. К., Поляков В. Є. Поховання X–XI ст. на Михайлівській горі в Києві // Нові дослідження давніх пам'яток Києва. – К., 2003. – С. 97.

- ²¹³ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 104, рис. 78; Макарова Т. И. Комплекс украшений из разрушенного женского погребения около церкви Иоанна Предтечи в Керчи // МАИЭТ. Вып. XI. – Симферополь, 2005. – С. 347.
- ²¹⁴ Львова З. А. Указ. соч. – С. 329–330.
- ²¹⁵ Артамонова О. А. Могильник Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. – МИА. – № 109. – 1963. – С. 115, рис. 80: 1, 2.
- ²¹⁶ Петровский В. А. Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 90, рис. 7: 5; Ачкинази И. В., Петровский В. А. Работы Баклинской экспедиции // АИК 1994 г. – Симферополь, 1997. – С. 33, рис. 25, 6; Петровский В. А., Труфанов А. А. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993–1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1995. – С. 136–142.
- ²¹⁷ Добролюбовский А. О. Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья. – К., 1986. – С. 116, табл. X: 2.
- ²¹⁸ Валиулина С. И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). – Казань, 2005. – 279 с.
- ²¹⁹ Захаров С. Д., Кузина И. Н. Торгово-экономические отношения Руси и Волжской Булгарии (по материалам средневековых памятников Русского Севера) // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. – М., 2010. – С. 28.
- ²²⁰ Дончева-Петкова Л. Одърци. Некрополи... – С. 84.
- ²²¹ Захаров С. Д., Кузина И. Н. Указ. соч. – С. 32.
- ²²² Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 106, рис. 80, 9.
- ²²³ Артамонов М. И. Указ. соч. – С. 60; Артамонова О. А. Указ. соч. – С. 129.
- ²²⁴ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Труды ГИМ. – Вып. 33. – 1959. – Прил. V, рис. 6: 11; Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. – Л., 1981. – С. 64, рис. 49: 6.
- ²²⁵ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 101, рис. 72, 3; Макарова Т. И. Боспор-Корчев ... – С. 133, табл. 47: 2.
- ²²⁶ Полубояринова М. Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. – М., 1988. – С. 186, рис. 8, 4.
- ²²⁷ Церква Богородиці Десятинна в Києві. – К., 1996. – С. 168.
- ²²⁸ Майко В. В. Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 236, рис. 14, 3–6.
- ²²⁹ Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Булгарии. Этапы этнокультурной истории. – М., 1992. – С. 307, рис. 103, 17; Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-камье ... – С. 78, рис. 2, Б 1.
- ²³⁰ Бонев С., Дончева С. Указ. соч. – С. 274, табло XXXII, 208–210.
- ²³¹ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 34, рис. 22, 2.
- ²³² Андреева О. А. Костяные изделия из цитадели Херсонеса (раскопки 1992 и 1997 гг.) // МАИЭТ. Вып. XVII. – Симферополь; Керчь. 2011. – С. 421, рис. 1, 8.
- ²³³ Церква Богородиці Десятинна ... – С. 200, 50; Сергеева М. С. Вироби з кістки та рогу... – С. 137, рис. 11, 9–12, 15–19; Бадеев Д. Ю. Изделия из кости и рога с селища Мякинино I // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 4. – М., 2008. – С. 24, рис. 3, 2.
- ²³⁴ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 16, рис. 5а, 3–5.
- ²³⁵ Сергеева М. С. Деякі особливості орнаментики давньоруських виробів з кістки в Лісостеповому Придніпров'ї // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. – Чернівці, 1997. – С. 145.
- ²³⁶ Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. – М., 1988. – С. 232; Васильев Д. В. Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. – Астрахань, 2001. – С. 54, рис. 4, 8, 9; Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Булгарии ... – С. 181, рис. 65, 40, 41; Винничек В. А., Киреева К. М. Косторезное дело на территории верхнего Посурья и Примокшанья в средние века (по материалам памятников XI – XIV вв.) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Том. 2. – Пенза, 2008. – С. 159; Шалобудов В. Н. Еще раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях // Исследования по археологии Поднепровья. – Днепрпетровск, 1990. – С. 107; Круглов Е. В. О некоторых особенностях погребального обряда Огузов // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. – Астрахань, 2001. – С. 59–60; Руденко К. А. К вопросу об огузских древностях в Поволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. – Астрахань, 2001. – С. 57–58; Фехнер М. В. Изделия косторезного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. – М., 1963. – С. 41, рис. 23, 13.

- ²³⁷ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков ... – С. 65, табл. 17: 4, 9.
- ²³⁸ Spiney V. The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 6. – Danvers, 2009. – P. 471, fig. 33, 2.
- ²³⁹ Aricescu A. Noi date despre cetatea de la Hîrșova // Pontica. – № 4. – 1971. – P. 363, fig. 12.
- ²⁴⁰ Сергеева М. Кістяні та дерев'яні вироби з колекції «Десятинна церква» у збірці НМІУ // Церква Богородиці Десятинна в Києві. – К., 1996. – С. 101; Сергеева М. С. Древнерусские костяные полусферические пуговицы из Киева // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников шестнадцатого colloquium (15–20 октября 2007). СПб., 2007. – С. 83–85.
- ²⁴¹ Шовкопляс А. М. Некоторые данные о косторезном ремесле в древнем Киеве // КСИА АН СССР. – Вып. 3. – 1954. – С. 28.
- ²⁴² Сергеева М. С. Косторізна справа у давньому Колодязині // Археологія. – № 3. – 2012. – С. 121–122.
- ²⁴³ Шпилев А. Г. Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII – конец X вв.) // Stratum plus. Ремесло археолога. № 5. – СПб.; Кишинев; Одесса, 2010. – С. 234, рис. 6, 12.
- ²⁴⁴ Сергеева М. Кістяні та дерев'яні вироби з колекції «Десятинна церква» ... – С. 101.
- ²⁴⁵ Сергеева М. С. Косторізна справа у давньому Колодязині ... – С. 121, рис. 4, 1.
- ²⁴⁶ Романчук А. И. Изделия из кости в средневековом Херсоне ... – С. 90, рис. 4, 80–82; Шаманев А. В. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсонесе: по материалам раскопок портового квартала 2 // АДСВ. – Вып. 28. – Свердловск, 1997. – С. 54.
- ²⁴⁷ Станчева М. За някои технологични традиции в обработката на кост през средните векове // Българските земи през средновековието (VII–XVIII в.). AMV III–2. – Варна, 2005. – С. 135–142.
- ²⁴⁸ Романчук А. И. Изделия из кости в средневековом Херсоне ... – С. 91.
- ²⁴⁹ Borisov B. Op. Sit. – P. 98, fig. 104; Шаманев А. В. Указ. соч. – С. 54–55; Станчева М. Указ. соч. – С. 135.
- ²⁵⁰ Davidson G. R. The minor objects // Corinth. Vol. XII. – Princeton, New-Jersey, 1952. – Nos. 2584–2588.
- ²⁵¹ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 101, рис. 72, 4, 6, 7, 9.
- ²⁵² Макарова Т. И. Боспор-Корчев ... – С. 133, табл. 47: 3.
- ²⁵³ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье ... – С. 108, рис. 56.
- ²⁵⁴ Залесская В. Н. Прикладное искусство Византии // Православная энциклопедия. Т. VIII. – М., 2004. – С. 339–350.
- ²⁵⁵ Пуцко В. Г. Вказ. праця. – С. 45.
- ²⁵⁶ Пуцко В. Г. Вказ. праця. – С. 54.
- ²⁵⁷ Майко В. В., Джанов А. В., Фарбей А. М. Энколпионы Сугдеи // Боспорские исследования. Вып. XXIII. – Симферополь; Керчь, 2010. – С. 495–508; Крамаровский М. Г., Гукин В. Д. Крест-реликварий XII – начала XIII века из могильника в пригороде золотоордынского города Солхата (Крым) // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. – СПб., 2006. – С. 53–62.
- ²⁵⁸ Залесская В. Н. Прикладное искусство // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. – СПб., 1994. – С. 114.
- ²⁵⁹ Яшаева Т. Ю. Сакральная сущность энколпионов: реликварий – крест – икона // Символ в религии и философии. – Севастополь, 2005. – С. 203; Залесская В. Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X–XI веках // Восточное Средиземноморье и Кавказ. IV–XVI вв. – Л., 1988. – С. 98; Залесская В. Н. Прикладное искусство... – С. 114–115.
- ²⁶⁰ Дончева-Петкова Л. За някои типове кръстове-енколпиони от Добруджа // Добруджа. № 8. – Добрич, 1991. – С. 53, табл. I, 16; Атанасов Г., Йотов В. Кръстове-енколпиони и медальони от ранносредновековната крепост до с. Цар-Асен, Силистренско // Добруджа. № 6. – Добрич; Силистра, 1989. – С. 89–90.
- ²⁶¹ Куницкий В. А. Близькосхідні енколпіони на території південної Русі // Археологія. – 1990. – № 1. – С. 106–116.
- ²⁶² Пескова А. А. Традиции изображения святых на византийских крестах-реликвариях // Archeologia Abrachamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. – М., 2009. – С. 302.
- ²⁶³ Тимашикова Т. Г. Кресты-энколпионы XI–XIV вв. из собрания Одесского археологического музея // Северо-западное Причерноморье – контактная зона древних культур. – К., 1991. –

- С. 122, рис. 2, 5; *Пескова А. А.* Св. Николай Мирликийский в иконографической программе древнерусских энколпионов XI–XIII вв. // *Stratum plus*. № 6. – СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2000. – С. 267, рис. 1, 1; *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. – СПб., 2003. – С. 53.
- ²⁶⁴ *Баранов И. А.* Торгово-ремесленные кварталы византийской Сугдеи // *Byzantinorussica*. Византиноруссика. № 1. – М., 1994. – С. 55, рис. 6, 1.
- ²⁶⁵ *Фронджуро М. А.* О работе Судакского отряда Северо-Крымской экспедиции ИА АН УССР в 1975–1976 годах // *Сугдейский сборник*. Вып. IV. – К.; Судак, 2010. – С. 584, рис. 9.
- ²⁶⁶ *Мурзакевич Н.* Донесения Обществу // ЗООИД. Т. VIII. – Одесса, 1872. – С. 321.
- ²⁶⁷ *Byzance*. L'art byzantin dans les collections publiques françaises. Musée du Louvre. – Paris, 1992. – P. 441–442, № 334.
- ²⁶⁸ *Воронцова Л. М.* Византийские камни из ризницы Троице-Сергиевой Лавры // *Византийская идея*. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. – СПб., 2006. – С. 13, ил. 2; цветн. вклейка I.
- ²⁶⁹ *Банк А. В.* Указ. соч. – С. 200; *Bank A.* Sur le probleme de la glyptique italo-byzantine // *Rivista di Studi bizantini e slavi: Miscellanea A. Pertusi*. Т. III. – Bologna, 1981. – P. 311–318.
- ²⁷⁰ *Die welt von Byzanz – Europas Östliches erbe*. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur. Herausgegeben von Ludwig Wamser. – München, 2004. – P. 183, № 245; *Дончева-Петкова Л.* Одръци. Некрополи... – С. 342, табло XCII, 6.
- ²⁷¹ *Ханенко Б. И. и В. Н.* Древности русскія: Кресты и образки. Вып. 1. – Киев, 1899. – Табл. VI, 79; *The Odessa Museum of Numismatic 2000*, № 6; *Die welt von Byzanz – Europas Östliches...* – С. 182, № 240.
- ²⁷² *Атанасов Г., Дончева С.* Свинцовые медальоны с изображением крестов эпохи Первого Болгарского царства (IX–XI вв.) // *Stratum plus* № 6. – СПб.; Кишинев; Одесса, 2011. – С. 93–113.
- ²⁷³ *Седова М. В.* Украшения из меди и сплавов с. 300, табл. 54, 18.
- ²⁷⁴ *Седова М. В.* Украшения из меди и сплавов с. 285, табл. 39.
- ²⁷⁵ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 103, рис. 75, 10.
- ²⁷⁶ *Ивакин Г. Ю., Степаненко Л. Я.* Указ. соч. – С. 94, рис. 14: 1; *Сагайдак М. А.* Указ. соч. – С. 1991, с. 39, рис. 18: 2; *Петрашенко В. О.* Давньоруське село з матеріалами поселення в Канівському Подніпров'ї // *Археологія*. – № 2. – 1999. – С. 70, рис. 7: 3.
- ²⁷⁷ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 90, рис. 58, 3.
- ²⁷⁸ *Майко В. В.* Средневековые некрополи... – С. 101, рис. 72, 5.
- ²⁷⁹ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода... – С. 146, рис. 57, 11.
- ²⁸⁰ *Адамов А. А.* Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск; Омск, 2000. – С. 226, рис. 79, 8, 9.
- ²⁸¹ *Баранов И. А.* Застройка византийского посада... – С. 105, рис. 3: 9.
- ²⁸² *Харузин А.* Древние могилы Гурзуфа и Гугуша (на южном берегу Крыма). – М., 1890. – С. 101, № 10.
- ²⁸³ *Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* Новые данные о процессе христианизации Древнерусского государства // *Archeologia Abrachamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама*. – М., 2009. – С. 162–163.
- ²⁸⁴ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода... – С. 40 рис. 14, 1; *Жилина Н. В.* Указ. соч. – С. 89, рис. 57, 12.
- ²⁸⁵ *Плетнева С. А.* Древнерусский город в кочевой степи. – Воронеж, 2006. – Рис. 83, 2.
- ²⁸⁶ *Дончева-Петкова Л.* Одръци. Некрополи... – С. 96, обр. 6, 139₁.
- ²⁸⁷ *Кайль В. А., Нечитайло В. В.* Каталог нательных христианских крестов, подвесок и накладок с изображением креста периода Киевской Руси X–XIII века. – Луганск, 2006. – С. 83, № 745.
- ²⁸⁸ *Крестови од VI до XII века из збирке Народног музеја Београд*. – Београд, 1987. – С. 19–20; *Кузьминов А. В.* Средневековые кресты-пломбы из находок в бухте Лимена-Кале // *Сугдейский сборник*. Т. I. – К.; Судак, 2004. – С. 446.
- ²⁸⁹ *Spinei V.* Les relations de la Moldave avec le Byzance au premier quart du IIe milleaire ala lumière des sources archeogiques // *Dacia XIX*. – Bucuresti. – 1975. – P. 237.
- ²⁹⁰ *Крестови од VI до XII века...* – С. 19, № 60–61; *Кутасов С. Н., Селезнёв А. Б.* Нательные кресты, крестовключённые и крестовидные подвески X–XV веков. – М., 2010.
- ²⁹¹ *Бабић Б.* Материалната култура на македонските Словени во светлината на археолошките истражувања. – Прилеп, 1985.
- ²⁹² *Кузьминов А. В.* Указ. соч. – С. 444–446.

- ²⁹³ Майко В. В. Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 233, рис. 13, 9, 17.
- ²⁹⁴ Майко В. В. Християнські реліквії Візантійської Сугдеї // Бюлетень. 1 (10). – Львів, 2008. – С. 34–35, кольорова вклейка;
- ²⁹⁵ Гукин В. Д. Фрагмент стеатитовой иконы рубежа XI–XII веков из предместья средневекового Солхата // Византия в контексте мировой культуры. ТГЭ. Т. XLII. – СПб., 2008. – С. 342–350.
- ²⁹⁶ Романчук А. И. Две стеатитовые иконки из портвого района Херсонеса. К вопросу о месте и времени изготовления // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. – СПб., 2006. – С. 137–143.
- ²⁹⁷ Рыжов С. Г., Яшаева Т. Ю. Бронзовые осветительные приборы христианских храмов византийского Херсона // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя и полис». Тезисы докл. и сообщ. IV Международного Византийского Семинара. – Севастополь, 2012. – С. 34–35.
- ²⁹⁸ Беляев Л. А. Византийская археология // Православная энциклопедия. Т. VIII. – М., 2004. – С. 232–252.
- ²⁹⁹ Мурзакевич Н. Греческое древнее кандило // ЗООИД. Т. III. – Одесса, 1850. – С. 565–566; Мурзакевич Н. Донесения Обществу... – С. 319–320; Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. Вып. 4. – СПб., 1891. – С. 35, рис. 28, 28а; Залесская В. Н. К вопросу о датировке некоторых групп сирийских культовых предметов (По материалам бронзового литья Эрмитажа) // Палестинский сборник. 1971. – Т. 23. – С. 86, рис. 2; Архипова Е. И. Бронзовое кадило из Судак в Одесском археологическом музее // ВВ. – Т. 67(92). – 2008. – С. 207–216; Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 208–209.
- ³⁰⁰ Залесская В. Н. К вопросу о датировке некоторых групп... – С. 88–90.
- ³⁰¹ Залесская В. Н. К вопросу о датировке некоторых групп... – С. 91.
- ³⁰² Архипова Е. И. Указ. соч. – С. 214.
- ³⁰³ Armenia sacra. Mémoire chrétienne des Arméniens (IVe–XVIIIe siècle). Sous la direction de Jannic Durand, Ioanna Rapti et Dorota Giovannoni. – Paris, 2007. – P. 209 № 78; p. 209–210 № 79, 80.
- ³⁰⁴ Архипова Е. И. Указ. соч. – С. 208–209.
- ³⁰⁵ Мурзакевич Н. Донесения Обществу... – С. 319–320; Майко В. В. Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 236, рис. 14, 19, 21.
- ³⁰⁶ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 78, рис. 51.
- ³⁰⁷ Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII (раскопки 1940 г.) // МИА. – № 34. – М.; Л., 1953. – С. 153, рис. 42, б.
- ³⁰⁸ Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Указ. соч. – С. 153.
- ³⁰⁹ Byzans – Das Licht aus dem Osten: Kult und Alltag im Byzantinischen Reich vom 4. bis 15. Jahrhundert; Katalog der Ausstellung im Erzbischöflichen Diözesanmuseum Paderborn. – Paderborn 2001. – P. 217, fig. II, 12.
- ³¹⁰ Седикова Л. В. Штампы для изготовления литургического хлеба из Херсонеса // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя и полис». Тезисы докл. и сообщ. IV Международного Византийского Семинара. – Севастополь, 2012. – С. 35–36.
- ³¹¹ Крамаровский М. Г., Гукин В. Д. Поселение Бакаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.). – СПб., 2006. – С. 298, табл. 178, 1, 2.
- ³¹² Jastrzebovska E., Gerasimov V. Brotstempel-Fund aus der Krim // Archeologia. – № LIX. 2008. – 2010. – P. 191–192.
- ³¹³ Майко В. В. Сугдея во второй половине X–XI вв. ... – С. 220, рис. 8: 12; Майко В. В. Давньоруські знахідки X–XIII ст. ... – С. 313, рис. 1, 4, 6.
- ³¹⁴ Сушко А. О. Давньоруські писанки // Археологія. – № 2. – 2011. – С. 49.
- ³¹⁵ Боровський Я. Є. Світгляд давніх киян. – К., 1992. – С. 109–111.
- ³¹⁶ Шовкопляс Г. М. Керамічні писанки з колекції Київського Державного історичного музею // Археологія. – № 35. – 1981. – С. 92–98.
- ³¹⁷ Макарова Т. И. О производстве писанок на Руси // Культура Древней Руси. – М., 1966. – С. 143–144.
- ³¹⁸ Сушко А. О. Вказ. праця. – С. 48.
- ³¹⁹ Майко В. В. Средневековые некрополи... – С. 81, рис. 53.

Д. И. Макаров

**ТЕМА IMAGO TRINITATIS В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОМ
БОГОСЛОВИИ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА
ПРЕП. ГРИГОРИЯ СИНАИТА:
(Постановка проблемы)¹**

В своих трудах профессор С. Б. Сорочан неоднократно обращается к различным аспектам истории и богослужения византийской Церкви. Поскольку еще одной из наиболее характерных черт научного творчества Юбилера является высокий градус эвристичности, устремленность на поиск нового и неизведанного (или, по меньшей мере, на прояснение давно известных «вечных проблем» византиноведения)², обратимся к одному из наименее изученных в современной поздневизантийской истории философии и патрологии авторов и сюжетов.

***1. Философия языка св. Григория Синаита
в ее переплетении с антропологией и христологией***

Тема imago Trinitatis, т. е. отображения троичности Божией в человеческой душе, кратко рассмотренная преп. Максимом Исповедником (580–662)³, получает новое развитие в «Слове на Преображение Господне» (ВНГ 1996b) преп. Григория Синаита (ок. 1275 – ок. 1341/1346)⁴, написанном в середине 30-х гг. XIV в.⁵, на заре исихастских споров (ок. 1334 – 1368). Слово было произнесено на праздник Преображения 6 августа ст. ст. перед монашеской аудиторией⁶ и, судя по тому, что дошло оно до нас в единственной рукописи Великой Лавры 1201 (согласно А. Ригу, написанной в третьей четверти XIV в.⁷), большой известностью за пределами Афона не пользовалось. Однако, принимая во внимание, что второй период пребывания св. Григория Синаита на Афоне продлился приблизительно до 1335 г. и что у Синаита была репутация всеобщего учителя исихастов Святой Горы⁸, можно высказать предположение о том, что молодой св. Григорий Палама (ок. 1294 – 1357) вполне мог находиться в числе слушателей этой проповеди и запомнить ее важнейшие положения.

В целях раскрытия главной параллели – между отношениями Бога-Отца и Бога-Сына, с одной стороны, и нашего ума и слова (понимаемого и как мышление, и как речь), с другой – преп. Григорий разрабатывает, по-видимому, уникальное в греко-византийской патристике учение о 12 типах действий как

Бога-Слова (в Его земной жизни), так и нашего слова. Предварительно можно говорить об аристотелевских истоках данного учения в его лингвистической составляющей (включая и комментарии Аммония Александрийского к трактату «Об истолковании»), а также о параллелях к нему в «Гимнах Божественной любви» преп. Симеона Нового Богослова (949–1022). В свою очередь, не исключено, что св. Григорий Палама, судя по некоторым выражениям в трактате «О Божественном единстве и различении» (лето 1341)⁹, полемизирует именно с данной концепцией.

Как бы то ни было, представляется обоснованным авторитетное мнение Л. Бенакиса о том, что исихастские споры (а также, добавим, и другие прения, составившие их предысторию) велись с привлечением «арсенала классической метафизики»¹⁰.

Попытаемся аргументировать высказанные здесь предположения. Можно сказать, что в своих умозрениях св. Григорий Синаит пытается дать развернутый ответ на вопрос, поставленный св. Симеоном Новым Богословом в XXI (в переводе иером. Пантелеимона (Успенского) – 42) Гимне:

*Итак, как связан с плотью ум, плоть с нематериальным
Умом срастворена несмешиваемо, неслитно,
Несмешанно же ум с душою произносят слово
(О внутреннем я говорю) и остаются так же
Неразделимы, неизменны, полностью неслитны?»¹¹*

Для того, чтобы понять ответ св. Григория, рассмотрим то, как последовательно преломляется тема *imago Trinitatis* в его «Слове на Преображение».

В 18-й главе «Слова» представлена длинная речь Бога-Отца, посвященная вначале внутритроичным отношениям Отца и Сына (к этому сюжету мы еще вернемся), а затем – и их участию в Домостроительстве спасения: «...никто не сможет Меня увидеть и постигнуть, если Сей... Меня не явит в откровении в Духе достойным образом тем, кому пожелает, *подобно тому, как и слово (логос) [выявляет] сокровытый в нем ум, а ум через посредство духа (дыхания; т. е. речи. – Д. М.) – выходящее (προερχόμενον) из него слово* (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Д. М.)» (р. 662.18.272–275).

Однако уже в 19-й главе, принципиальной для нашего исследования, эта привычная триада *ум – слово – дух* модифицируется в триаду *ум – слово – голос*. Приведем перевод 19-й главы:

«Итак, подобно тому, как мы постигаем через голос¹² *слово*, а через слово – ум (ведь это он высказывается и говорит), коль скоро слово обладает по природе порождающим его умом, а ум, в свою очередь, располагает по природе открывающим его словом, так, будучи просвещенными, мы узнали и постигаем в Духе Сына, а в Сыне – Отца. Или, чтобы сказать то же самое более точно и отчетливо, по благодати мы познаём более конкретным образом то, что *Отец пребывает в Сыне природно и сущностным образом, Сын же во Отце – по способу причинности (αἰτιατῶς), а Дух – по образу исхождения*. Ибо Дух передается (μεταδίδοται) *в Сыне и через Сына* (очевидна близость Синаита к тра-

диции Св. Фотия. – Д. М.), как и голос распространяется (выходит, *προέρχεται*) в слове, через слово и вместе со словом¹³, а кроме того, делает явным это слово, *выходящее* (*προερχόμενον*) из (ἐκ) ума. Ведь голос, всегда *сопровождающий* (*συμπαρομαρτοῦσα*)¹⁴ слово, делает явной его (т. е. слова. – Д. М.) *энергию* (деятельность), принадлежит ему и называется *живой и выявляющей энергией слова*, но не исходит от него¹⁵, будучи по своей сущности ипостасным и сам по себе ипостасно существующим (*καθ' αὐτὴν ὑφεστῶσα*). Дело в том, что слово всегда усматривается, и посылается, и распространяется как *облеченное умом* (*ἐννοῦς*); в свою очередь, и ум является *словесным*, всегда обладая *сущностно присущим* (*ἐνοούσιον*) ему словом¹⁶. И слово он изводит и способен порождать всегда именно такое – *облеченное умом, являемое посредством дыхания*. Так что всякий голос *природным и сущностным образом* обладает умом и словом, произносимым вместе с ним¹⁷. Под умом же мы понимаем не тот, что изливается вовне вместе со словом, но тот, который *природно, по ипостаси*, существует в слове (*τὸν ὄντα φυσικῶς καθ' ὑπόστασιν τῷ λόγῳ*) (вновь намек на перихорезу. – Д. М.). Говоря же «слово», мы подразумеваем под этим не то, что выходит [из уст] и растворяется в воздухе, но *само словесное начало [души]* (*τὸ Λογικόν*), *по ипостаси существующее в уме* и естественным образом участвующее в формировании суждений (умозаключений, *λογιζόμενον*)¹⁸. *Дыханием* же мы именуем не течение и стремительное движение воздуха, но вот эту *сущностную силу жизни (жизненную силу)*, которая *существует самостоятельно* и выходит вовне вслове, производя звук речи в воздухе» (р. 662.19.280 – 664.19.302).

Итак, здесь – вкратце говоря – сначала утверждается (для чего и нужна аналогия): а) тринитарная перихореза Лиц Св. Троицы по сущности и энергии; б) перихореза ума, слова и жизненной силы в душе человека (*дыхание* св. Григория Синаита может быть в этом плане соотнесено с *душевым духом* у св. Григория Паламы¹⁹).

Вообще, прав о. Р. Синкевич, который отмечает, что на Фаворе были подтверждены важнейшие догматы веры – тринитарный и христологический²⁰.

Итак, *в каждом из людей сущностно пребывают по ипостаси сопродные друг другу ум, слово и дух* (р. 664.20.303–305). Это аналогия единства энергии Божией в трех Лицах: «Ибо одна благодать Отца, восполняемая через Сына в Духе Святом» (р. 664.20.312 – 666.20.313). Един Бог в трех Лицах (стр. 313–314).

Дальше начинается самое интересное: «Ибо действие (*энергия*) слова (τοῦ... λόγου), пребывающего в нас природным образом, двенадцатерична; само же слово познается и усматривается (θεωρεῖται), исходя в каждом из этих [моду-сов] троично (тремя способами) (τριαδικῶς)» (р. 666.21.317–219).

Не исключено, что перед нами – пересказ по памяти соответствующего учения Аристотеля и Аммония Александрийского: «Итак, Аристотель сказал, что необходимо положить некое имя и некий глагол, поскольку и сами они, и слагающееся из них *слово* (λόγος)²¹ усматриваются троично (τριακῶς θεωρεῖται): либо в душе, согласно простым помышлениям и так называемому *внутреннему* (ἐνδιάθετον) *слову*, либо в самом процессе произнесения (τῷ ἐκφωνεῖσθαι), либо в написании...»²².

«Внутреннее слово» можно соотнести с «мыслительным процессом» у св. Григория (аспект 2; см. далее), «произнесение» – с «выходением вовне» (аспект 3), «написание» – с «записыванием» (аспект 5). Совпадение налицо. Однако вернемся ко св. Григорию, который дополняет эту философскую схему новыми гранями: так, подчеркнуть, что слово «посылается» (см. ниже в цитате), было важно для утверждения христианского учения о миссии и проповеди (вспомним, что и сам текст Григория – проповедь).

«Итак, вначале слово рождается (1) *от* (ἐκ) ума и дыхания; во-вторых, оно становится предметом того или иного решения, принимаемого в результате мыслительного процесса (βουλευεται λογιζόμενος), и сообразуется (διατίθεται) (2) *сумом и дыханием*, после чего выходит вовне (προέρχεται) (3), складывается (в строй речи, συντίθεται)²³ (4), записывается (5), посылается (6), передается (дается) (7), говорится (8), слушается (9), усматривается (10), познаётся (11), является (12) как желающим того, так и не желающим» (р. 666.21.319–323).

Действия (1) – (12) нашли отражение и в деятельности *Бога-Слова*. Он: 1) предвечно рождается от Отца; 2) держит (устанавливает, букв. «установил», διέθετο) вместе с Отцом и Духом предвечный Совет о спасении человека (ср. р. 668.23.348–351); 3) пришел в мир в последние времена; 4) «*претерпел сложение* (συνετέθη) Сам в Себе, будучи оформляем (πλαστούργηθεῖς) Духом» (р. 666.22.338); 5) был записан в Писании; 6) «был послан Отцом...» (р. 668.22.339–340); 7) «дается уверовавшим благодатию...» (стр. 341); 8) «стал предметом разговоров в мире (ἐλαλήθη), будучи возвещаемым» (стр. 341–342); 9) «Его слушали те, кто принял Его верой» (стр. 342); 10) «Он был видим достойными» (там же); 11) Он познается теми, кто соединился с Ним (стр. 343–344); 12) явился тем, кого уведал, «...и явится в последние дни среди всякого племени и языка» (стр. 344–346, цит. стр. 345–346) (р. 666.22.335 – 668.22.347).

В приведенной пространной цитате речь идет преимущественно об *историческом* смысле Домостроительства Христова. Однако св. Григорий Синаит, как истинный исихаст, не останавливается на букве истории и идет дальше, проникая в духовный смысл анализируемых явлений:

«...Слово приходит (προέρχεται) (3) *дейтельным* (исполненным действия, ενεργής) ради нашего обновления и *пересоздания* (μεταποίησιν)...» (р. 668.23.351–352). Оно «...сочетается (συντίθεται) (4) с нашими членами (ср. 1 Кор. 6, 15; 12, 27), и мы становимся его органом для того, чтобы *тайно* исполнять заповеди» (р. 668.23.353–354).

Речь здесь идет об исихастском внутреннем делании. Намек на такое делание есть и у св. Симеона Нового Богослова²⁴. Затем Бог-Слово записывается (5) в нас, «...чудесным образом становится плотью (Ин. 1, 14) и обитает в нас в Духе, усваивая Себе наше» (р. 668.23.355–358, цит. стр. 357–358); постоянно посылается (6) нам Отцом таинственным образом, по благодати (р. 668.23.358 – 670.23.359). Он «...дается (7) каждому, кто верует и соблюдает заповеди...» (стр. 359). Он становится предметом речи (λέγεται) (8) в молитве, ведь «...никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1 Кор. 12, 3) (стр. 360–362); слушается (9), т. е. мы Его слушаем, ушами души, когда Он взывает в нашем сердце²⁵ и «...ходатайствует за нас воздыханиями неизречен-

ными» (Рим. 8, 26). «Воплощенное Слово бывает видимо (10) чистыми сердцем (Мф. 5, 8) пятью способами...» (р. 670.23.364–365). Эти способы, однако, непосредственно не расшифровываются. Бог-Слово познается (11) теми, кто стал Его верными учениками и последователями, в свете Своей славы, и Сам их познал и узнаёт, и соединяется с ними (стр. 365–368). Наконец, «...воплощенное Слово Божие является и явится (12) во славе в последние дни, когда и верные будут явлены во славе, согласно написанному (Кол. 3, 4; ср.: Рим. 8, 18; Тит. 2, 13), на стыд и позор неверных и зловерных, когда и «...праведники воссияют, как солнце...» (Мф. 13, 43) в оном несказанном преображении и «изменении десницы Всевышнего» (Пс. 76, 11), будучи пересоздаваемыми (μεταποιούμενοι) «от славы в славу» (2 Кор. 3, 18) и от тления в нетление (1 Кор. 15, 53), смешиваясь от плоти с Духом Божества в единое целое (ἀπὸσαρκώσεως πνεύμα θεότητος συγκρίνωμενοι) и тогда уже становясь и являясь взору в собственном смысле разумными (λογικοί), полностью соединяясь с предвечным и единственным Богом и удивительным образом обоживаясь» (р. 670.23.369 – 672.23.377).

В последней части фразы речь идет об эсхатологической перихорезе Бога и праведных – в отличие от состояния апостолов на горе Фавор, которое Антонио Риго очень удачно назвал не *экстатическим*, а *«энстатическим»*, т. е. еще полностью не свободным от воздействия феноменального мира, окружающего нас, и пребывания в нем²⁶. Отметим общую близость этого учения об обожении, начатки которого закладываются уже в этой жизни (вышим примером этого и является опыт световосприятия), со всем строем жизни и мысли указанных авторов.

Выскажем и еще один тезис: *Православию близка философия языка* – прежде всего, в ее более прикладном, аристотелевском варианте (сходства с платонизмом нет, со стоицизмом – весьма отдаленное).

Проблема переключек, пусть и крайне отдаленных и, скорее всего, чисто типологических, между идеями Синаита и стоиков заслуживает отдельного, пусть и краткого, рассмотрения.

2. Григорий Синаит и лингвистика стоиков: к постановке проблемы

Итак, в обоснование раскрытия триадологии и темы imago Trinitatis св. Григорий делает наброски своей *философии языка*. Было бы полезно поискать ее истоки в позднеантичном неоплатонизме. Григорий применяет ко Христу энергийный подход: «В самом деле, Бог-Сын весь пребывает *на лоне Отчем* (Ин. 1, 18) и весь же находится в нас, как и повсюду; Он несказанным образом перемещается и ходит, а эти действия выявляют (указывают на, δηλωτικόν) *энергию*» (р. 666.21.332–334).

В таком случае получается, что эти действия (ходьба Спасителя, Его перемещения по земле) исполняли, на взгляд св. Григория, функцию, сходную с той, которую выполняют *собственные имена*, согласно стоику Диогену Вавилонскому. Ведь функция имен – именно δηλοῦν, т. е. выявлять индивидуальные качества вещей или указывать на них²⁷. Если учесть, что имена Бога, согласно

Каппадокийской традиции, центральной в Православии, – это имена *энергий* (как и само имя «Бог»), получаем некоторые точки пересечения святоотеческой и секулярной философии.

Кое-что отдаленно похожее можно найти уже у стоика Хрисиппа, точнее, в папирусном тексте, атрибутируемом Хрисиппу (SVF 2.131): «Философия, будь то забота о правом разумении или знание его, – это дисциплина, занимающаяся разумом (λόγος). Ибо тогда, когда мы в совершенстве владеем *частями речи* (λόγος) и их *синтаксисом* (ср. «упорядочивается» у Синаита. – Д. М.), мы сможем употреблять их (т. е. «логос». – Прим. Фрида) совершенным образом. Под разумом (λόγος) я понимаю тот, что *по естеству* (ср. «природным образом» у Синаита. – Д. М.) принадлежит всем разумным существам»²⁸.

Мысль о том, что слово нам присуще не по установлению и не по примышлению, но по природе, восходит к Аристотелю²⁹. Согласно ему же, слово (λόγος) – «орган способности к [членораздельной] речи (τῆς φωνητικῆς... δυνάμεως), присущей нам по природе»³⁰. Этим органом пользуется мыслящая (διανοητικῇ) душа³¹. Однако слово становится именем лишь по установлению, когда превращается в символ денотата³².

Идея же упорядоченного владения языком, использование понятия «логос» как в значении «разум», так и в значениях «слово», «речь» роднит Хрисиппа (если он был автором этого текста) со св. Григорием. Далее, согласно Диоклу, силлогизмы – это тоже сказываемое (λέκτά). Поэтому адекватное выражение мысли описывается у Диокла в терминах правильного синтаксиса (т. е. упорядочения) λέκτά³³. Кроме того, согласно стоикам, слова *естественным образом* отображают природу вещей (ср. «живое» слово у Синаита. – Д. М.)³⁴.

Если обобщить, то вновь мы видим влияние на одного из крупнейших богословов Палеологовской Византии аристотелизма и (вероятно) школы Аммония. Допустимо предположить, что Григорий Синаит так или иначе (в библиотеке Великой Лавры? На Синае? На Крите?) ознакомился с античными философскими трактатами или, скорее всего, с выдержками из них в рукописных сборниках. Учитывая его *любовь к чтению*, не стоит этому так уж сильно удивляться. С другой стороны, небольшое сходство со стоицизмом также может иметь какое-либо значение, помимо типологического. Наконец, близости с «Кратилом» Платона и развитой в этом диалоге многоуровневой теорией происхождения языка у Синаита не обнаруживается.

3. Направление поисков в патристике: близость св. Симеону Новому Богослову и полемика со стороны св. Григория Паламы

Перейдем к краткому разбору богословской составляющей интересующей нас проблематики. Для начала определим рамки той традиции, которой следовал св. Григорий Синаит и которой он учил следовать своих учеников.

Читать св. Григорий советовал свв. Лествичника, Исаака Сирина, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Никиту Стифата, Исихия и Филофея Синайских³⁵. Эти же авторы, как отмечает Риго, находятся и во флорилегии

в трактате Никифора Исихаста, и упоминаются в «Методе священной молитвы и внимания» пс.-Симеона Нового Богослова³⁶. Одним словом, *преемственность одного из родоначальников афонской исихастской традиции XIV–XV вв. – св. Григория Синаита – по отношению к традициям синайской, студийской и сирийской (св. Исаак) – несомненна*. Так, согласно периодизации Г. Подскальски, существовали: *исихазм первоначальный* (св. Диадок Фотикийский и его последователи); *исихазм синайский* (Григорий Синаит – его продолжатель на Афоне); *исихазм афонский (паламитский)*³⁷.

Среди авторов, рекомендуемых св. Григорием монахам для чтения, особое внимание привлекает св. Симеон Новый Богослов – ввиду обнаруживающейся близости его творений (особенно «Томлений Божественных гимнов») и содержащихся в них идей соответствующим идеям Синаита. Приведем примеры.

Начнем с экклесиологии. Для обоих авторов характерно либо прямое превознесение *иерархии монашеской*, представленной духоносными старцами, над *иерархией церковной* (иерархией рукоположенных священников), как у св. Григория³⁸, либо же настоятельное подчеркивание того, что всякий клирик должен быть в первую очередь сам *духоносным*, как у св. Симеона³⁹. Ясно, что отсюда вытекает положение о несомненном преимуществе монахов-исихастов над теми представителями духовенства, кто в силу занятости социальным и прочим служением не уделяет должного внимания внутреннему, сокровенному деланию.

Перейдем к триадологии и учению о спасении. Здесь также внимание привлекает ряд моментов. Во-первых, учение св. Григория *о том, что благодаря собственной чистоте и человеколюбию Божью праведные люди причаствуют Богу сущностно* (οὐσιωδῶς... μετεχόμενος) (р. 650.6.103–104). Для непосредственного кануна исихастских споров (ок. 1335 г.) это – интересный пример парадигмы сущностной причастности, ее присутствия в сознании великого богослова-исихаста. На ум приходят строки св. Симеона из XIII Гимна о том, что *сущность* Божия, подобно веществу (ὕλη), воспламеняет мысленную лампаду души Симеона и других грешников⁴⁰ –

*...Чтоб стать могли богами вы, Божественную славу
Внутри себя удерживая в сущностях обоих,
В природах же, конечно, в двух, в двойственности энергий,
А также в двойственности воли, как Павел возвещает⁴¹.*

Или обращение ко Христу из Гимна XXVIII:

*Как смешиваешься с травой Божественною сутью,
Бог мой, обитающий в огне невыносимом?* (SC. 174.P. 306.160–161⁴²; в оригинале – пропуск слога в последней строке).

Трава здесь – метафорическое обозначение человеческой природы. Основываясь на этих местах, И. Перцель выдвинул концепцию о том, что понятие «сущность» у св. Симеона обозначает именно «имманентный», т. е. причастуемый

аспект Божества⁴³. Подобного «имманентизма» у св. Григория нет, как нет и у св. Симеона отрицания энергий Божиих, однако само допущение Синаитом возможности *сущностного* причастия верных Богу весьма показательно.

Во-вторых, оба автора используют термин «неразличимый/ неразличимо» (ἀπαράλλакτος/ ἀπαράλλάκτως), говоря о внутритроичных отношениях Бога-Отца и Бога-Сына. Так, Бог-Отец у св. Григория говорит, что Христос – это «*неразличимый* (ἀπαράλλакτος) образ Моей пресущественности» (р. 658.18.225–226). И чуть далее: «*В Сем Аз пребываю неразличимо* (ἀπαράλλάκτως), *неслышно, нераздельно, непреложно...*» (р. 660.18.245–246).

Вспомним параллель из XXI гимна Симеона Нового Богослова:

*Я вижу Сына, и Отца с Ним вижу я:
Неразличимо* (ἀπαράλλάκτως) *в Сыне узревается,
Рождает только Он, а Тот рождается* (SC 174.Р. 148.224–336),

т. е.: с единственным отличием – в ипостасных свойствах. Наречие ἀπαράλλάκτως, как известно, восходит ко 2-й Антиохийской формуле 341 г.⁴⁴ и представляет собой ближайший аналог понятия единосущия. Тожественное, по сути, понятие τὸ ἀπαράλλакτον встречается у Каппадокийцев и в Первом слове о Свете Фаворском Феофана Никейского (ок. 1369 – 1376)⁴⁵.

В-третьих, следующие строки из знаменитого XXI Гимна св. Симеона, представляющего собой ответ митрополиту Стефану Никомидийскому, заставляют вспомнить 4-е и 5-е из действий Бога-Слова, согласно вышеприведенной схеме св. Григория:

*Как исступает Он вперед? Как наше слово – из ума.
А отделяется? Как глас от слова в нас.
Как отелесился* (σωματοῦται)?⁴⁶
Как слово на письме (SC. 174. Р. 148.235–237).

Эта аналогия по смыслу достаточно близко подходит к написанному у св. Григория. Кажется, в данном вопросе можно предполагать, помимо богословской ориентации на Аристотеля, философскую ориентацию св. Григория на св. Симеона. У обоих авторов видно стремление как можно глубже, с самых разных сторон описать тайну Воплощения (ср. 1 Тим. 3, 16).

Кроме того, св. Григорий близок св. Максиму Исповеднику, и притом в достаточно важном вопросе. Мысль о том, что три ученика на Фаворе указывали на троицу главных добродетелей (вера, надежда и любовь) находит однозначное соответствие в 191-й главе «Вопросов и недоумений», что вряд ли можно считать случайным: скорее всего, св. Григорий ориентировался на св. Максима⁴⁷. Близость Синаита св. Симеону и св. Максиму отмечает и А. Риго⁴⁸.

При этом следует иметь в виду, что св. Григорий Палама в трактате «О Божественном единстве и различии» (лето 1341)⁴⁹, гл. 25, отрицал применимость к пониманию различия Ипостасей Св. Троицы двух главных антропологических аналогий. Речь идет об аналогиях, во-первых, солнца, луча и света; во-вторых,

ума, слова и духа (дыхания, πνεῦμα)⁵⁰. Скорее всего, говоря так, Палама спорит со знакомой ему (пусть и устно) концепцией св. Григория Синаита. Поэтому у нас есть весомые основания полагать, что анализируемая нами «философия языка» Синаита в силу своей неординарности встречала серьезную оппозицию в среде самих исихастов.

Наконец, отметим, что философской подоплекой взглядов самого св. Симеона является одна из вариаций аристотелизма. Приведем только одно место из XXII гимна:

*Ведь добродетели души материи подобны⁵¹,
С которой сочетается Божественный Свет Духа,
С субстратной же материей⁵² согласно именуясь –
Ведь собственного имени ему не дали люди⁵³.*

Таким образом, очевидно, что как для Синаита, так и для Симеона, на которого ориентировался Синаит, в философском плане характерно более или менее сознательное следование аристотелевской традиции. Именно ее данные было удобнее использовать для, по возможности, более подробного раскрытия таинств веры.

Среди специалистов принято восторгаться «протосемиотической» теорией знаков блаж. Августина, развитой в трактате «О христианском учении»⁵⁴. Остается пожалеть, что аналогичные – и порой более детализированные и глубокие – учения поздневизантийских исихастов в силу своей малоизвестности еще не привлекли к себе должного внимания.

¹ Благодарю Д. С. Бирюкова за плодотворное обсуждение некоторых вопросов, связанных с проблематикой данной статьи.

² См., например: Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков. Этюды рынка. Структура механизмов обмена. – Харьков, 2001. – С. 11–14 et passim.

³ S. Max. Conf. QD 105 (Maximi Confessoris. Quaestiones et Dubia / Ed. J. H. Declerck. – Turnhout – Leuven, 1982. – P. 80.24–26. – (Corpus Christianorum. Series Graeca, 10); Прп. Максим Исповедник. Вопросы и недоумения / Изд. подг. Г. И. Беневич и Д. А. Черноглазов; пер. Д. А. Черноглазова. – Святая гора Афон – М., 2010. – (Византийская философия, 6). – С. 142–143); см. также: Беневич Г. И. Комментарий 432 // Там же. С. 295–297; Idem. Amb. Ad Joannem, 10 // PG. 91. 1088A; см. тот же текст с великолепным русским переводом А. М. Шуфрина в: Прп. Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / Отв. ред. Д. С. Бирюков. – СПб., 2007. – (Византийская философия, 1). – С. 268–269 (греч. / рус.). Ларс Тунберг в своем беглом обзоре упоминает лишь этот второй текст (см.: Thunberg L. Microcosm and Mediator. The Theological Anthropology of Maximus the Confessor. Second edition. – Chicago – La Salle, 1995. – P. 130–132).

⁴ Датировка по основополагающей на сегодняшний день работе: Rigo A. Gregorio il Sinaita // Théologie byzantine et sa Tradition. – T. II (XIIIe – XIXes.) / Sousladrir. De C. G. Conticello, V. Conticello. – Turnhout, 2002. – P. 35.

⁵ Balfour D. Saint Gregory the Sinaite: Discourse on the Transfiguration. First critical edition, with English translation and commentary // Θεολογία. – 1981. – Т. 52. – P. 632. Далее ссылки на это издание в тексте, с указанием номера страницы и строки (строк). Новое издание текста Х.-Ф. Байером (Beyer H.-V. Georgios [sic вместо требуемого Gregorios] Sinaites Werke. Synoptische Ausgabe mit beigegebener deutscher Übersetzung (Edition) // Byzantinoslavica. – 2008. – V. LXVI) в цитиру-

емых нами фрагментах не содержит никаких отличий от текста, опубликованного Бэлфуром, к тому же Байер никак не комментирует тему *imago Trinitatis* и ее философские составляющие.

⁶ *Rigo A. Gregorio...* P. 87; *Idem. La Trasfigurazione di Cristo sul monte Tabor nelle opere di Gregorio il Sinaita // Il Cristo Trasfigurato nella tradizione spirituale ortodossa. Attidel XV Convegno ecumenico internazionale di spiritualità ortodossa / A cura di S. Chiala, L. Cremaschi e A. Mainardi, monaci di Bose. – Bose, 2008. – P. 283.*

⁷ *Ibid.* – P. 282 en. 17.

⁸ Ср., например, в 20-й главе Жития, составленного св. Каллистом I, учеником и последователем св. Григория: Синаит «...почти все множество монахов[, назидая] денно и нощно, научил и просветил, и с помощью чистого безмолвия и молитвы с ревностью всех приходивших приблизил к Богу» (*Каллист I, патриарх Константинополя. Житие и деятельность иже во святых отца нашего Григория Синаита / Введ., крит. изд. греч. текста и рус. пер. подг. Х.-Ф. Байер. – Екатеринбург, 2006. – С. 180; русский перевод Байера (слегка откорректированный), с. 181. О времени завершения второго афонского периода жития св. Григория см.: Rigo A. Gregorio... – P. 42.*

⁹ *Sinkewicz R. E. Gregory Palamas // Théologie byzantine... – P. 140.*

¹⁰ *Benakis L. G. Byzantine Philosophy // Idem. Texts and Studies on Byzantine Philosophy. – Αθήνα, 2002. – P. 84.*

¹¹ *Syméon le Nouveau Théologien. Hymnes 16 – 40 / Texte crit. par J. Koder; trad. et notes par L. Neyrand. – Paris, 1971. (SC, 174). – P. 396.135–139. Далее в примечаниях – SC. 174. Здесь и далее переводы наши, если не оговорено иначе.*

¹² Голос, согласно Аммонии Александрийскому, подобен материи (ὕλης ἔχουσα λόγον) по отношению к имени и глаголу, т. е. основным частям речи (*Ammonius in Aristotelis Deinterpretatione Commentarius / Ed. A. Busse. – Berlin, 1897. – (Commentaria in Aristotelem Graeca, IV/5). – P. 30.4–5).*

¹³ Различие предлогов также указывает на преемственность св. Григория Синаита по отношению к св. Григорию Кипрскому и на его оппозицию Векку и латинофонам (см. об этом подробнее в статье, указанной в следующем прим.).

¹⁴ Об этом слове у Влеммида и св. Григория Богослова см.: *Makarov D. The Holy Spirit as Life and Energy. The Treatment of Athanasius' Ad Serapionem I, 20–21 in the Late Thirteenth Century and its Implications for the Hesychast Controversy // Byzantion. – 2010. – V. 80. – P. 241 – 243, esp. 242.*

¹⁵ Здесь становится совершенно очевидной полемическая направленность всего рассуждения против латинского учения о *Filioque*.

¹⁶ А в этих словах очевидна аналогия с развитым чуть выше учением о тринитарной перихорезе Ипостасей.

¹⁷ Об этой паре наречий ср., например: *Факрасис Г. Диспут св. Григория Паламы с Григорией философом. Философские и богословские аспекты исихастских споров. – Святая гора Афон – М., 2009. – (Smaragdus Philocalias). – С. 95–100 (комментарий 17.(3), составленный Д. С. Бирюковым и Д. И. Макаровым). Ср. выражение «сущностная энергия» у Аммония (*Ammonius in Aristotelis Deinterpretatione... – P. 151.21).**

¹⁸ У Паламы этому слову соответствует мнение, выраженное словами. См.: *Макаров Д. И. Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий). – СПб., 2003. – С. 212, 214.*

¹⁹ Там же. – С. 212–216.

²⁰ *Sinkewicz R. E. St Gregory Palamas and the Doctrine of God's Image in Man according to Capita 150. Reprinted from "Theologia". – Athens, 1986. – P. 19.*

²¹ Или «высказывание», как в переводе «Поэтики» Аристотеля М. Л. Гаспаровым (*Arist. Poet. 1457a 20–30) (Аристотель. Сочинения. – М., 1984. – Т. 4. – С. 668; см. также прим. 63 на с. 785).*

²² *Ammonius in Aristotelis Deinterpretatione... – P. 22.12–15.*

²³ У Аммония-неоплатоника оппозицией к этому глаголу выступает *διαίρεῖν* (см. индекс: *Ammonius in Aristotelis Deinterpretatione... – P. 306).*

Здесь важно привести рассуждение Аммония: «Ведь тот, кто тысячекратно произнес имя Сократа, не сказал ничего – ни истины, ни лжи, равно как и тот, кто произносит глагол «ходит» сам по себе; однако сочетавший (составивший друг с другом, συντιθεῖς) оба слова и говорящий: «Сократ идет» – вот он-то произнес или нечто истинное, или ложь» (*Ammonius in Aristotelis Deinterpretatione... – P. 26.31–34).* Сочетание (σύνθεσις), по Аристотелю – это утверждение, а разделение – отрицание (*Ibid. P. 27.5–10).* Ср.: *Arist. Deinterpr. 16a 12–18.*

²⁴ Ср., например, упоминания о «тайных деланиях», отмеченные архиеп. Василием (Кривошеиным) (*Василий (Кривошеин), архиеп. Преп. Симеон Новый Богослов (949–1022). – Нижний Нов-*

город, 1996. – С. 95–96, ср. с. 96–99). Речь идет, например, о ссылке на молитву «Господи, помилуй» (Catech. XXII.61–66; *Syméonle Nouveau Théologien*. Catéchèses 6 – 22 / Intr., textecrit. et notes par Mgr B. Krivochéine; Trad. par J. Paramelle, s. j. – Paris, 1964. – (SC, 104). – P. 370).

²⁵ Каких-либо параллелей с учением св. Максима Исповедника о мире как игре Божией (входящего, в свою очередь, к св. Григорию Богослову и, что вероятно, к Проклу и Гераклиту) при этом не наблюдается. Ср.: *Steel C. Lejeudu Verbe. A propos de Maxime, Amb. adloh. LXVII* // *Philohistôr. Miscellanea in honorem Caroli Lagaseptuagenarii* / Ed. A. Schoorset P. Van Deun. – Leuven, 1994. – (Orientalia Lovaniensia Analecta, 60). – P. 281–294.

²⁶ *Rigo A. La Trasfigurazione...* – P. 288. О весьма близких воззрениях Феофана Никейского см. нашу работу: *Makarov D. Some Notes on the Notions of Synergy and Interpenetration in Theophanes of Nicaea* // SP. V. LI / Ed. A. Brent et al. – Leuven – Paris – Walpole, MA, 2011. – P. 205–216, esp. 205, 207–208, 210–211, 213. Ср.: *S. Greg. Pal. Tomushagioreticus (1340)* // *Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράμματα* / ὉΕπμ. Π. Κ. Χρήστου. – Θεσσαλονίκη, 1966. – (2-е изд., 1994). – Т. 2. – Σελ. 571.19–21; *S. Max. Conf. Liber amb.* // PG. 91. 1076CD.

²⁷ *Graeser A. The Stoic Theory of Meaning* // *The Stoics* / Ed. J. M. Rist. – Berkeley – Los Angeles – London, 1978. – P. 82.

²⁸ Пер. с англ. по: *Frede M. Principles of Stoic Grammar* // *Ibid.* – P. 60.

²⁹ См., например: *Ammonius in Aristotelis De interpretatione...* – P. 62.21–22. 27–28.

³⁰ *Ibid.* – P. 62.22–23.

³¹ *Ibid.* – P. 63.29–31.

³² *Arist. Deinterpr. 16a 26–29; Birjukov D. Strategies of Naming in the Polemics between Eunomius and Basil of Caesarea in the Context of the Philosophical Tradition of Antiquity* // *Scrinium.* – SPb., 2008. – Т. 4. *Patrologia Pacifica* / Ed. V. Baranov and B. Lourié. – P. 115 – 116. n. 63.

³³ *Frede M. Principles...* – P. 61. Введение термина *λεκτά*, тождественного понятию «смысл» – одно из важнейших деяний стоиков, которое позволило им достичь лучшего по сравнению с Аристотелем понимания языковых процессов (*Birjukov D. Strategies of Naming...* – P. 112). Для стоиков «смысл» – нечто посредствующее между вещью и объектом (*Ibid.* – P. 113). Однако это понятие отсутствовало в мысли св. Василия Великого, который в целом следовал Аристотелю с его тройкой схемой: звук – мысль о предмете – предмет (*Ibid.* – P. 115).

³⁴ *Frede M. Principles...* – P. 69. Ср. также замечание о том, что стоики из всех сил стремились «...утвердить *Λογος* как часть природы...» (*Graeser A. The Stoic Theory...* – P. 98).

³⁵ *Gregorii Sinaitae. De quietudine et duobus orationis modis* // PG. 150. 1324D; *Преп. Григорий Синаит.* О безмолвии и двух образах молитвы, в 15 главах. Гл. 11 // Творения / Пер. еп. Вениамина (Милова). – М., 1999. – С. 106; *Rigo A. Gregorio il Sinaita...* – P. 117.

³⁶ *Rigo A. Gregorio il Sinaita...* – P. 117.

³⁷ *Podskalsky G. Il metropolita Cipriano di Kiev / Mosca e la comparsa dell'esicismo in Russia* // *Amore del Bello. Studi sulla Filocalia.* – Magnano, 1991. – P. 208; cf.: *Boularand E., S. J. Grégoire Palamas et la "Défense des saints hésychastes"*. A propos d'un livre récent [Meyendorff 1959] // *Revue d'ascétique et de mystique.* – 1960. 36e année. – Nr. 141. – P. 233, 235, 236.

³⁸ Так, по его словам, Слово «...продемонстрировало, что монашеское жительство по добродетели выше церковной иерархии», что обусловлено нестяжательством, безбрачием (*ἀζυγία*) и «томительной» (трепетной, *ἐρωτικήν*) любовью к Богу» (Ilmonaco, la Chiesa e la liturgia. I Capitoli sulle gerarchie di *Gregorio il Sinaita* / A cura di A. Rigo. – Firenze, 2005. – (Lamistica Cristianata Orientee Occidente, 4). – P. 8. 7. 1–2. 8–12). Именно поэтому все ведущие церковные деятели Палеологовской эпохи (как, например, Феофан Никейский или св. Марк Эфесский), да и более ранней (например, св. Христофол Патмосский) стремились к исихии. О Феофане ср. нашу аргументацию в: *Макаров Д.* К уяснению исторического контекста мариологии Феофана Никейского // *Byzantinoslavica.* – Praha, 2013. – V. 71 (в печати).

³⁹ См. анализ и ссылки на источники (включая «Послание об исповеди») в: *Turner H. J. M. St. Symeon the New Theologian: His Place in the History of Spiritual Fatherhood* // SP. V. XXIII / Ed. E. A. Livingstone. – Leuven, 1989. – P. 94.

⁴⁰ *Syméon le Nouveau Théologien. Hymnes I–XV* / Intr., texte crit. et notes par J. Koder; Trad. par J. Paramelle. – Paris, 1969. – (SC, 156). – P. 256.11–14.

⁴¹ *Ibid.* – P. 256.18–21. Ср. Рим. 7–8.

⁴² Ср.: *Ibid.* – P. 324.162–326.170; etc.

⁴³ *Perczel I. Saint Symeon the New Theologian and the Theology of the Divine Substance* // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae.* – 2001. – V. 41. – P. 125–146, здесь p. 132.

⁴⁴ См.: *Болотов В. В.* Лекции по истории древней Церкви. – М., 1994. – Т. 4. – С. 57–58; *Шуфрин А. М.* Развитие понятия «ипостась» у св. Василия Великого // Проблемы теологии. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 6–7, 27–28.

⁴⁵ *Σωτηρόπουλος Χ.* Νηπτικαὶ καὶ Πατέρες τῶν μέσων χρόνων. – Αθήνα, 1996. – Σελ. 190.556–559; *Ζαχαροπούλου Γ. Σ.* Θεοφάνης Νικαίας (;- ‡ 1380/1). Ὁβίος καὶ τὸ συγγραφικὸ τοῦ ἔργου. – Θεσσαλονίκη, 2003. (Byzantine Texts and Studies, 35). – Σελ. 149.530–533.

⁴⁶ «Нормальный» вариант: *Α как телесным стал?*

⁴⁷ *Прп. Максим Исповедник.* Вопросы и недоумения, 191 // Его же. Вопросы и недоумения... – С. 194; *Maximi Confessoris.* Quaestiones et dubia... – P. 133.25 – 134.43.

⁴⁸ *Rigo A.* La Trasfigurazione... – P. 290.

⁴⁹ *Sinkewicz R. E.* Gregory Palamas // Théologie byzantine... – P. 140.

⁵⁰ *Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράμματα.* – Т. 2. – Σελ. 87.7–14, особ. стр. 11–14. В обоих примерах, говорит Палама, речь идет о троице таких объектов, которые не представляют собой самостоятельно существующие ипостаси, лишены *ипостасного бытия* (стр. 13–14). Эту мысль святителя отмечает Я. Димитракопулос: *Δημητράκοπουλος Γ.* Αὐγουστίνος καὶ Γρηγόριος Παλαμᾶς. Τὰ προβλήματα τῶν ἀριστοτελικῶν κατηγοριῶν καὶ τῆς τριαδικῆς ψυχοθεολογίας. – Αθήνα, 1997. – Σελ. 86.

⁵¹ Так мы условно, сообразуясь с требованиями метра, переводим ὑπόκεινται.

⁵² Досл. «с субстратом материи», τὸ ὑποκείμενον τῆς ὕλης.

⁵³ SC. – 174. – P. 184.176–179.

⁵⁴ Не говоря уже о трудах Г. Г. Шпета, сошлемся на: *Иванов Вяч. Вс.* История науки... Гл. 6. Средневековая Евразия // *Его же.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. – Т. VII: Из истории науки. – Кн. 1. – М., 2010. – С. 186–193.

П. Е. Михалицын

**ЮЛИАН ОТСТУПНИК
ГЛАЗАМИ ХРИСТИАНСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА
ЧЕТВЕРТОГО ВЕКА:
КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ЭЛЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА?**

Эпоха непродолжительного, но в историческом плане насыщенного событиями правления императора Флавия Клавдия Юлиана по прозвищу «Апостат» («Отступник») (361–363 гг.) имела важные культурно-исторические последствия, нашедшие свое отражение и в историографии, и в святоотеческой письменности, и в агиографических памятниках. Сообщения о времени правления этого императора встречаются как у языческих, так и у христианских авторов: ритор Ливаний¹, историк Аммиан Марцеллин², историк и философ Евнапий³, адвокат Зосим⁴, а также церковные историки Феодорит⁵, Сократ⁶, Созомен⁷, Филосторгий⁸ – вот далеко не полный список их имен. Помимо исторических произведений, личность Юлиана фигурирует и в патристической мысли. Так, например, св. Мар Афрем из Нисибина (более известный как прп. Ефрем Сирийский)⁹, свт. Иоанн Златоуст¹⁰, свт. Кирилл Александрийский¹¹ и другие отцы Церкви посвящали довольно пространственные речи этому императору. Среди представителей агиографического жанра особо выделяется «Повесть о Юлиане» анонимного сирийского автора¹². И, если в произведениях языческих авторов мы сталкиваемся с описанием правления Флавия Клавдия, изложенным в форме, близкой к античному панегирику, то у христианских писателей те же события излагаются, скорее, в стиле желчного восточного псогоса.

Такая резкая поляризация оценок и неподдельный интерес к личности Юлиана объясняются той метаморфозой, которая произошла в жизни этого человека: получив прекрасное светское¹³, а также обстоятельное христианское воспитание и затем будучи посвященным в молодые годы в степень анагноста (чтеца), который участвовал в строительстве христианского храма¹⁴, он в зрелом возрасте отрекся от христианской веры и стал убежденным почитателем культа Митры, Кибелы и других языческих божеств¹⁵. Поэтому в глазах еще довольно многочисленных язычников его правление ассоциировалось с надеждой на возвращение и реставрацию былой славы Римской империи и традиционной религии, а для христианской партии он навсегда остался ренегатом и отступником, предателем дела его ближайших предшественников на троне.

Не обошел вниманием личности Апостата и его сокашник по афинской Академии, один из выдающихся представителей интеллектуальной элиты христианства в ранней Византии, свт. Григорий Богослов¹⁶ (330–390 гг.). Именно в процессе литературной полемики с императором Юлианом, ему удалось выработать основные принципы отношения христиан к культурному наследию античности, по которым лучшее из этого наследия стало фундаментом развивающейся христианской культуры. Перепетиям этого противостояния по сообщению свт. Григория и посвященна данная статья.

Свт. Григорий посвятил императору два обширных слова (так называемые инвективы против императора Юлиана), известных под номерами IV и V¹⁷. Время их написания исследователи относят к концу 363 или к 364 гг., то есть к периоду после загадочной гибели императора 26 июня 363 г.¹⁸, во время персидской кампании, а точнее, к эпохе правления преемника Юлиана – императора Иовиана (363–364 гг.)¹⁹. Эти инвективы свт. Григория, несмотря на их патетический тон, являются важным источником времени правления Юлиана, во многом восполняющим исторические лакуны этого периода.

Так, именно из сообщений Святителя мы узнаем о том, что Юлиан в молодые годы добровольно вступил в клир христианской Церкви и вместе со своим братом Галлом участвовал в строительстве храма в честь христианских мучеников²⁰. Пребывание будущего императора в Афинах – интеллектуальной столице империи того времени, свт. Григорий связывает как с желанием Юлиана ознакомиться с здешними училищами, так и со стремлением последнего получить наставления у местных языческих жрецов²¹. Видимо, после этой судьбоносной встречи он окончательно склоняется в сторону языческой религии и проходит посвящение в элевсинские мистерии²². После своего воцарения Флавий Клавдий предпринимает особый языческий обряд, который должен был упразднить над ним действия христианского таинства Крещения, затем молодой император с особым рвением участвует в различных языческих мистериях²³. Свт. Григорий сообщает и о тактике того притеснения христиан, которое начал последовательно осуществлять Юлиан: учитывая опыт предшесвующих гонителей, он вначале действовал убеждением, однако впоследствии прибегнул и к насилию²⁴. По мнению Богослова, такое гонение, связанное с активной пропагандой язычества, было еще более опасным, чем прямые преследования христиан в предшествующие столетия²⁵. Святитель уделяет особое внимание подробностям антихристианской политики императора. По его словам, Юлиан проводит «чистку» административного аппарата империи, через военачальников пытается склонить на свою сторону армию, убирает с военных штандартов-лабарумов изображение св. Креста, к своим изображениям добавляет образы языческих божеств, закрывает христианские храмы, участвует в человеческих жертвоприношениях, убеждает иудеев, давних врагов христиан, начать восстановление иерусалимского Храма (однако таинственный огонь, вышедший из земли, и сияющий на небе св. Крест помешали исполнению этого предприятия), попустительствует разнообразным притеснениям и бесчинствам язычников по отношению к христианам и их святыням²⁶.

Свт. Григорий сообщает и о неосуществленных планах Отступника, по которым он хотел лишить христиан всех гражданских прав и поставить их ре-

лигию вне закона, при этом он намеревался создать такую языческую религиозную структуру, которая бы в главных своих институтах была подобна христианской²⁷. Такая политика, по мнению свт. Григория, не могла не оказать своего пагубного влияния на империю. Он считает, что столь систематическое преследование религии, которая уже успела проникнуть во все сферы жизни византийского общества, должна была привести к неизбежному дисбалансу всего социума и повлечь за собой муждуусобицу и разрушение государства²⁸. Результатом безрассудства Юлиана стала персидская война, которая, по мнению свт. Григория, была совершенно не подготовлена и заранее обречена на неудачу. Также Святитель сообщает, что Отступник обещал в случае победы над персами совершенно уничтожить христианство на территории империи²⁹. Как следствие, Юлиана постигла трагическая смерть, обстоятельства которой так и остались до конца не выясненными³⁰.

Историческая достоверность сообщений Григория Богослова о событиях времени правления Юлиана может быть оценена неоднозначно. С одной стороны, строгий критик может отнестись к ним скептически, учитывая эмоциональный характер его инвектив и заранее заниженную, по религиозным причинам, оценку личности Юлиана. Однако, с другой стороны, большинство фактов, содержащихся в инвективах, не вступают в прямое противоречие со сведениями исторических источников. Так, наиболее достоверными являются сообщения о ревностном отношении императора к языческим мистериям, о причинах прекращения строительства иерусалимского Храма, о закрытии христианских церквей, о предвзятом отношении к христианам в процессе судопроизводства и о чрезмерной уверенности Юлиана в успехе персидского похода³¹. К наиболее сомнительным относится сообщение Григория об участии Юлиана в тайных человеческих жертвоприношениях, учитывая тот факт, что сам император даже по отношению к христианам проводил политику не столь кровавого, как, например, при Диоклетиане, преследования³².

Но наиболее значимой как в исторической перспективе, так и в глазах самого Григория явилась культурологическая составляющая его полемики против Отступника. Поводом для нее послужил принятый 17 июня 362 г. эдикт, запрещающий преподавательскую деятельность христианских профессоров³³. Документ не остался незамеченным историками: упоминания о нем можно найти у Иеронима³⁴, Руфина³⁵, Феодорита³⁶, Созомена³⁷. Все они негативно оценивают этот эдикт, при этом даже такой ревностный апологет Юлиана, как Марцеллин, признавал данную меру «жестокой и достойной вечного забвения»³⁸. В тексте эдикта император призывает христианских учителей быть людьми нравственными, а не двоедушными: если вы признаете мудрость античных философов, историков и поэтов, то признайте мудрой и истинной их религию, на которой эта мудрость и основывается. В противном случае не обманывайте ни самих себя, ни своих учеников: идите в ваши храмы и там толкуйте Матфея и Луку³⁹. То есть, другими словами, Юлиан утверждал, что не может быть культуры без культа, сам культ и определяет культуру⁴⁰. Поэтому эллинская культура, основанная на греческой мифологии, не может быть воспринята сама по себе, без необходимой корреляции с последней.

На такую концепцию «эллинизма» свт. Григорий Богослов приводит свое понимание этого термина. В его трактовке понятие «эллинизм» (ὁ ἑλληνισμός) может иметь различные значения, в зависимости от того, к какому предмету оно может быть применено. Свт. Григорий поясняет это простым примером: «Ибо из того, что у одних и тех же людей и язык, и верование – греческие, еще не следует, чтобы язык принадлежал к верованию и чтобы, поэтому справедливо было лишать нас употребления этого языка. Такое умозаключение найдут неправильным и ваши учителя логики. Ибо, если два сказуемых соответствуют одному и тому же подлежащему, то из этого еще не следует, что они и сами – одно и то же. Иначе, если предположим, что один и тот же человек – и золотых дел мастер и живописец, то надобно будет искусство живописи считать за одно с искусством ювелира, и наоборот, искусство ювелира признать за одно с искусством живописца, что совершенно нелепо»⁴¹.

Таким образом, греческий язык, как способ выражения соответствующей культуры, не может быть жестко детерминирован лишь рамками традиционной эллинской религии. Он является общечеловеческим достоянием, применимым в границах любого мировоззрения, философии или религии. Более того, по мнению свт. Григория, и сама греческая образованность не имеет права называться исключительно эллинской, так как в ее основании лежат культуры многих других, более древних народов: «Как же ты говоришь, что греческая образованность – твоя? Не финикийцам ли принадлежат письма или, как думают другие, не египтянам ли, или еще, не евреям ли, которые и их превосходят мудростью и которые веруют, что самим Богом начертан закон на богописанных скрижалях? Тебе ли принадлежит аттическое красноречие? А игра в шашки, наука чисел, искусство считать по пальцам, меры, весы, искусство строить полки и воевать – чье это? Не эвбеян ли?»⁴². Из этого следует, как верно отмечает Д. Бирюков, что христианство может быть выражено через различные языковые и культурные области, что в действительности наблюдалось не только в истории Византии и Западной Европы, но и у христианизированных балканских народов и у многих других государств⁴³.

Мы никогда не узнаем, каким мог бы быть ответ Юлиана на тезис свт. Григория Богослова об универсальном характере эллинской образованности и возможности ее применения в другой культурно-религиозной среде (по той простой причине, что Святитель полемизировал с уже умершим императором), однако нам хорошо известны культурно-исторические последствия сформулированного им тезиса. Речь идет о таком фундаментальном принципе, который конституировал всю византийскую культуру: от каппадокийцев (IV в.) и Иоанна Филопона (V–VI вв.), до Михаила Пселла (XI в.), Иоанна Итала (XI в.), Константина Манасси (XII в.) и Иоанна Аргиропула (XV в.). Возможно, именно поэтому корпусу сочинений Юлиана посчастливилось больше, чем трудам таких его современников, как Арий или Аполлинарий Лаодикийский, которые были хотя и еретиками, но, во всяком случае, никак не ренегатами. И дело здесь не только в литературном таланте Отступника, который делал его «своим» для изысканного вкуса образованного византийца⁴⁴. Скорее, произведения Юлиана были важны как тот контрастный фон, на котором определяющие идеи вели-

ких христианских мыслителей выглядели бы еще более рельефно и становились еще более понятными для потомков. А для этого и необходимо было быть выпускником Афин и одним из лучших учеников Ливания, мыслитель низшего уровня на это просто бы не сгодился.

¹ *Libanii. Opera.* – Lipsiae, 1903–1908. – Vol. 1–4; *Либаний. Надгробная речь Юлиану (orat. XVIII)*; [пер. с греч., с прим. С. Шестаков] // Речи Либания: в 2 т. – Казань, 1912. – Т. 1. – С. 308–394.

² *Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt*; [edidit W. Seyfart]. – Leipzig, 1978; *Аммиан Марцеллин. Римская история (Res Gestae)*; [под общ. ред. В. П. Сальникова; пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни]. – СПб., 2000. – С. 187–340. – (Серия: «Античная библиотека»).

³ *Eunapii Sardiani. Historia*; [editio emendatior et copiosior, consilio B. G. Niebuhrii C. F. institute, opera E. Niebuhrii etc.] // *Corpus Scriptorum historiae Byzantiae.* – Bonnae, 1829. – Vol. 28. – P. 41–99; *Эвнаний Кардиец. Пер. с греч. // Византийские историки. Дексипп, Эвнаний, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец.* – Рязань, 2003. – С. 75–143; *Бибики М. В. Историческая литература Византии.* – СПб., 1998. – С. 41–42. – (Серия: «Византийская библиотека»).

⁴ *Zosimus. Historia novum*; [editio emendatior et copiosior, consilio B. G. Niebuhrii C. F. instituta, auctoritate Academiae litterarum Regiae Borussicae continuta] // *Corpus Scriptorum historiae Byzantiae.* – Bonnae, 1837. – P. XL. – (Ex recognitione immanuelis Bekken: Libri 1–6); *Зосим. Новая история*; [пер., комм., указ. Н. Н. Болгова]. – Белгород, 2010. – С. 133–162.

⁵ *Theodoreti, Cyrensis episcopi. Historia Ecclesiastica. Liber Tertius* // PG: in 162 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1864. – Т. 82. – Col. 1086–1121.

⁶ *Socratis Scholastici. Historia Ecclesiastica* // PG: in 162 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1864. – Т. 67. – Col. 183–451.

⁷ *Sozomenos Hermiae. Historia Ecclesiastica* // PG: in 162 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1864. – Т. 67. – Col. 1266–1269.

⁸ *Ex Ecclesiasticis historiis Philostorgii epitome, confecta a Photio patriarcha* // PG: in 162 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1864. – Т. 65. – Col. 532–554.

⁹ *Мар Афрем из Нисибина (прп. Ефрем Сирин). Юлиановский цикл*; [предисл., пер. с сир., комм. и указ.: А. В. Муравьев; научн. ред.: Д. А. Поспелов]. – М., 2006. – (Серия: «Smaragdus Philocalias»).

¹⁰ *Ioannis Chrysostomi. Archiepiscopi Constantinopolitani. Liber in Sanctum Babylas, contra Julianum, et contra gentiles* // PG: in 162 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1862. – Т. 50. – Col. 533–572. Русский перевод: *Иоанн Златоуст, св. О блаженном Вавиле, а также против Юлиана, и к язычникам // Полное собрание творений: в 12 т.* – М., 1994. – Т. 2. Кн. 2. – С. 573–617.

¹¹ *Cyrillus Alexandrinus. Pro Sancta Christianorum religione, adversus libros athei Juliani* // PG: in 162 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1859. – Т. 76. – Col. 490–1056.

¹² См.: Апостасия кесаря Юлиана в восточной агиографии [Повесть о Юлиане] // *Мар Афрем из Нисибина (прп. Ефрем Сирин). Юлиановский цикл* / [пред., пер. с сир., комм. и указ.: А. В. Муравьев; науч. ред.: Д. А. Поспелов]. – М., 2006. – С. 149–159. – (Серия: «Smaragdus Philocalias»).

¹³ Он был выпускником знаменитой афинской Академии.

¹⁴ См.: *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 1 (orat. 4)* // PG: in 162 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1885. – Т. 35. – Col. 632; *Grégoire de Nazianze. Discours 4–5 contre Julien*; [intr., texte critique, traduction et notes par J. Bernardi]. – Paris, 1983. – P. 242–244. – (Sources Chrétiennes; № 309).

¹⁵ Об этом свидетельствуют такие сохранившиеся произведения Юлиана, как «К Царю Солнцу» и «Гимн к Матери богов». См.: *Император Юлиан. Сочинения*; [пер. с древнегр., комм. Т. Г. Сидаша]. – СПб., 2007. – С. 91–160. О религиозном синкретизме Юлиана смотри: *Муравьев А. В. Мар Афрем из Нисибина (прп. Ефрем Сирин) и его духовные стихи против императора Юлиана // Мар Афрем из Нисибина (прп. Ефрем Сирин). Юлиановский цикл* / [пред., пер. с сир., комм. и указ.: А. В. Муравьев; научн. ред.: Д. А. Поспелов]. – М., 2006. – С. 51. – (Серия: «Smaragdus Philocalias»).

¹⁶ В специальной литературе его принято именовать «Назианзин».

¹⁷ *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 1 (orat. 4)* // PG: in 162 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1885. – Т. 35. – Col. 532–664; *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 2 (orat. 5)* // PG: in 162 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1885. – Т. 35. – Col. 664–720; *Grégoire de Nazianze. Discours 4–5 contre Julien*; [intr., texte critique, traduction et notes par J. Bernardi]. – Paris, 1983. – (Sources Chrésiennes; № 309).

¹⁸ *T. E. C., A. K. Julian* // The Oxford Dictionary of Byzantium: in 3 vol. / [ed. by A. P. Kazhdan, A.-M. Talbot, A. Cutler and others]. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 2. – P. 1079.

¹⁹ См.: *Ruether R. R. Gregory of Nazianzus: Rhetor and Philosopher*. – Oxford, 1969. – P. 178; *Fipps B. L. Gregory of Nazianzus' Orations 4 and 5: an introduction and new translation: diss. ... Doctor of Ph.*: № 9432948. – Drew University. Madison, New Jersey, 1994. – P. 27–32; *Иларион (Алфеев), игум.* Жизнь и учение Св. Григория Богослова. – СПб., 2001. – С. 11. – (Серия: «Византийская библиотека»). Новая, более ранняя датировка слов Григория против Юлиана предложена в недавней диссертации А. В. Усачевой. См.: *Усачева А. В. IV–V речь свт. Григория Назианзина против императора Юлиана (Or. IV–V contra Julianum imperatorem). Опыт жанровой интерпретации: автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. филолог. наук: спец. 10.02.14 «Классическая филология, византийская и новогреческая филология»*. – М., 2011. – С. 18.

²⁰ *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 1 (orat. 4)*.... – Col. 552; *Grégoire de Nazianze. Discours 4–5 contre Julien*.... – P. 116–118.

²¹ *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 2 (orat. 5)*.... – Col. 692; *Grégoire de Nazianze. Discours 4–5 contre Julien*.... – P. 336.

²² Причины отступления Юлиана от христианства и его перехода в язычество подробно, но не однозначно освещались исследователями. См.: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи: в 2 т. – М., 2001. – Т. 1. – С. 48–51; *Муравьев А. В.* Мар Афрем из Нисибина.... – С. 45.

²³ *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 1 (orat. 4)*.... – Col. 576–580; *Grégoire de Nazianze. Discours 4–5 contre Julien*.... – P. 156–160.

²⁴ *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 1 (orat. 4)*.... – Col. 581–585; *Grégoire de Nazianze. Discours 4–5 contre Julien*.... – P. 164–170. См., также, об этом: *Armstrong A.* The way and the ways. Religious tolerance and intolerance in the IV century AD // *Vigiliae Christianae*. – Leiden, 1984. – № 38. – P. 7.

²⁵ *Gregorii Theologi. In laudem Athanasii (orat. 21)* // PG: in 162 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1885. – Т. 35. – Col. 1120; *Grégoire de Nazianze. Discours 20–23*; [intr., texte critique, traduction et notes par J. Mossay]. – Paris, 1980. – P. 176–178. – (Sources Chrésiennes; № 270). Ср.: *St. Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri. Chronicon. Hucusque historiam scribit Eusebius Pamphilus martyris contubernalis, cui nos ista subjecimus* // PL: in 221 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1846. – Т. 27. – Col. 691–692.

²⁶ *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 1 (orat. 4)*.... – Col. 585, 588, 608, 613–616, 624, 625; *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 2 (orat. 5)*.... – Col. 668–669, 701; *Grégoire de Nazianze. Discours 4–5 contre Julien*.... – P. 172, 174, 204–206, 216–220, 230–232, 234, 296–302, 352.

²⁷ *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 1 (orat. 4)*.... – Col. 629, 648; *Grégoire de Nazianze. Discours 4–5 contre Julien*.... – P. 240–242, 266–268. Ср.: *Император Юлиан. Письма*; [пер. Д. Е. Фурмана под ред. А. Ч. Козаржевского] // ВДИ. – 1970. – № 1. – С. 230. См. также об этом: *Васильев А. А.* Лекции по истории Византии. Время до эпохи Крестовых походов (до 1081 года). Петроград, 1917. – Т. 1. – С. 23; *Siemens J. J.* The head, the heart, the hands: Gregory of Nazianzus and emperor Julian on the importance of piety, purity, and philanthropy in shaping the empire: diss. ... Doctor of Ph. – University of St. Michael's College, Toronto, 2008.

²⁸ *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 1 (orat. 4)*.... – Col. 600; *Grégoire de Nazianze. Discours 4–5 contre Julien*.... – P. 192. О надвигающейся дестабилизации общества и последующей анархии см.: *Васильев А. А.* Лекции по истории Византии.... – С. 26.

²⁹ *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 2 (orat. 5)*.... – Col. 672–676; *Grégoire de Nazianze. Discours 4–5 contre Julien*.... – P. 306–308.

³⁰ *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 2 (orat. 5)*.... – Col. 680; *Grégoire de Nazianze. Discours 4–5 contre Julien*.... – P. 316–318.

³¹ Об этих фактах сообщает даже такой представитель языческой партии, как Аммиан Марцеллин. См.: *Аммиан Марцеллин. Римская история*.... – С. 215, 244, 248–249, 259, 262, 266, 278.

³² Так, в письме к язычнику Атарбию в 362 г. Юлиан пишет: «Клянусь богами, я не хочу, ни чтобы галилеян убивали, ни чтобы их избивали вопреки справедливости, ни чтобы они терпели какое-либо другое зло». Цит. по: *Император Юлиан. Письма* / Юлиан; [пер. Д. Е. Фурмана под ред. А. Ч. Козаржевского] // ВДИ. – 1970. – № 2. – С. 258. Ср.: *Theodoret, Cyrensis episcopi. Historia Ecclesiastica. Liber Tertius* / Theodoret // PG: in 162 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1864. – Т. 82. – Col. 1092.

³³ Этому эдикту предшествовал другой указ Юлиана, по которому утверждение профессоров становилось исключительной прерогативой императора. См.: *Васильев А. А. Лекции по истории Византии....* – С. 24.

³⁴ *Иероним Стридонский, блаж. Хроника* // Творения: в 17 ч. – [2-е изд.]. – К., 1910. – Кн. 8, ч. 5. – С. 371. Ср.: *St. Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri. Chronicon. Hucusque historiam scribit Eusebius Pamphili martyris contubernalis, cui nos ista subjecimus* // PL: in 221 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1846. – Т. 27. – Col. 692.

³⁵ *Rufini Aquileiensis presbyteri. Historiae ecclesiasticae libri duo* // PL: in 221 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis: Pres la Barriere D'enfer, ou Petit-Montrouge, 1849. – Т. 21. – Col. 501–502.

³⁶ *Theodoret, Cyrensis episcopi. Historia Ecclesiastica. Liber Tertius* // PG: in 162 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1864. – Т. 82. – Col. 1093.

³⁷ *Созомен Эрмий (Саламинский). Церковная история.* – СПб., 1851. – С. 355–356. Ср.: *Sozomenos Hermiae. Historia Ecclesiastica* // PG: in 162 t. / [accurante J.-P. Migne]. – Parisiis, 1864. – Т. 67. – Col. 1269.

³⁸ *Аммиан Марцеллин. Римская история....* – С. 263.

³⁹ См.: *Император Юлиан. Письма*; [пер. Д. Е. Фурмана под ред. А. Ч. Козаржевского] // ВДИ. – 1970. – № 2. – С. 247–248

⁴⁰ *Сидаш Т. Император Юлиан* // Император Юлиан. Сочинения; [пер. с древнегр., комм. Т. Г. Сидаша]. – СПб., 2007. – С. 13.

⁴¹ *Григорий Богослов, свт. Слово 4, первое обличительное на царя Юлиана* // Творения: в 2 т. – М., 2007. – Т. 1. – С. 97. – (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе). Ср.: *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 1 (orat. 4)....* – Col. 640; *Grégoire de Nazianze. Discours 4–5 contre Julien....* – P. 254–256.

⁴² *Григорий Богослов, свт. Слово 4, первое обличительное на царя Юлиана* // Творения: в 2 т. – М., 2007. – Т. 1. – С. 98. – (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе). Ср.: *Gregorii Theologi. Contra Julianum imperatorem 1 (orat. 4)....* – Col. 641–644; *Grégoire de Nazianze. Discours 4–5 contre Julien....* – P. 258.

⁴³ *Бирюков Д. Вера – язык: Юлиан и свт. Григорий Назианзин* // Император Юлиан. Сочинения; [пер. с древнегр., комм. Т. Г. Сидаша]. – СПб., 2007. – С. 73.

⁴⁴ *Аверинцев С. С. Император Юлиан и становление «византинизма»* // Традиция в истории культуры. – М., 1978. – С. 81.

Ю. М. Мозаричев

К ВОПРОСУ О ССЫЛКЕ В ХЕРСОН ИОСИФА ГИМНОГРАФА

Среди различных научных интересов С. Б. Сорочана особое место занимает история Херсона VI–X вв.¹ Одной из слабо изученных проблем северного форпоста Византии и посвящена настоящая публикация.

Византийские источники часто указывают на город, как место ссылки политических и идеологических противников константинопольских властей. Вспомним, здесь провел последние дни своей жизни опальный Папа Мартин I, сюда сослали свергнутого императора Юстиниана II и объявившего о претензиях на престол Вардана-Филиппика. В Херсон был отправлен мятежный брат Льва IV Никифор. Здесь (в городе и его округе) находились в ссылке Иоанн Психаит, сторонники Феодора Студита, один из лидеров игнатианской партии Митрофан Смирнский и др.² Наконец, византийская церковная традиция в середине IX в. окончательно стала связывать с Херсоном последний этап жизни и мученическую смерть Папы Климента³.

Если о «херсонском периоде» жизни одних ссыльных сохранились хоть и отрывочные, но достоверные сведения (например, папы Мартина, Юстиниана II, сподвижников Феодора Студита, Митрофана Смирнского и ряда других), то «крымская история» других представляется «темным пятном». Последнее в полной мере относится и к Иосифу Гимнографу (810–883 или 812–818 – 886 гг.), автору многочисленных богослужебных песнопений, в частности канонов⁴.

В историографии XIX – начала XX вв. закрепилось представление, что святой как последовательный иконопочитатель был сослан в Херсон в период правления Феофила (829–842 гг.)⁵.

В. В. Латышев на основании данной гипотезы даже очерчивал верхнюю хронологическую границу возможного времени написания Житий епископов Херсонских: в службу епископов Херсонских входил канон, составленный Иосифом Песнописцем, который находился в ссылке в Херсоне в период правления Феофила. Следовательно, к этому времени Жития уже существовали⁶.

В своих выводах В. В. Латышев основывался на поздней, более известной тогда редакции Жития Иосифа Гимнографа, составленной Иоанном Дяконом, вероятно в XI в.⁷ Там желая возвеличить подвиги святого и показать того как пострадавшего иконопочитателя, указывалось, что он был сослан в Херсон в период правления иконоборца Феофила⁸. Впоследствии эта версия нашла отражение и у ряда более поздних авторов⁹. Однако в первоначальном Житии

Иосифа, написанном в 898–899 гг.¹⁰, учеником и преемником святого Феофаном утверждалось, что Песнописец пострадал уже после смерти Феофила и обидчиком его выступал Варда. В столицу Иосиф вернулся только в патриаршество Игнатия (867–877)¹¹. В византийском Оксфордском синаксаре, отмечается, что Иосиф, как сторонник Игнатия, был сослан в Херсон Фотием¹².

Если принять во внимание сведения первоначальной и более достоверной редакции Жития, что Иосиф был репрессирован Вардой, то произойти это могло между 856 г., когда в результате дворцового переворота дядя императора Михаила III Варда сделался фактическим правителем Византии (с 862 г. – кесарь), а скорее всего 858 г. (когда патриархом стал Фотий) и 21 апреля 866 г. (когда кесарь был убит)¹³. Учитывая возвращение опального автора церковных песнопений в столицу по инициативе патриарха Игнатия, время ссылки Иосифа Гимнографа в Херсон можно определить в широких пределах между 858 гг. и концом 60-х гг. IX в. Вполне вероятно, что Анастасий Библиотекарь имел в виду и Иосифа Гимнографа, когда отмечал, что Митрофан Смирнский «проживал недалеко от Херсона, сосланный туда вместе с **другими** (выделено нами – Ю. М.) от Фотия»¹⁴.

Возможно, Песнописец вернулся домой, как считает Томадакис, в 867 г.¹⁵, или чуть позднее¹⁶. Митрофан Смирнский уже в начале октября 869 г. фиксируется как активный участник Константинопольского собора 869/870 гг., осудившего Фотия и его сторонников¹⁷. А Иосиф Гимнограф, скорее всего, был свидетелем константинопольского землетрясения 9 января 869 г., избавлению от которого посвятил специальный канон¹⁸.

Таким образом, можно достаточно обосновано предполагать, что Иосиф Гимнограф мог быть непосредственным свидетелем обретения мощей римского Папы Климента в Херсоне в 861 г.¹⁹ Правда С. Б. Сорочан считает, что в 861 г. Песнописца уже не было в Крыму: «иначе такое знаменательное соседство не преминули бы отметить агиографы»²⁰. Как нам представляется, в отсутствии свидетельств об этом ничего странного нет. Все сохранившиеся источники, упоминающие находку в окрестностях Херсона останков Климента, акцентируют внимание или на выдающийся роли в данной акции Константина Философа, или отмечают особую роль местных светских и церковных властей²¹. Вряд ли опальные изгнанники были допущены на какие либо значительные роли в череде событий, связанных с обретением мощей четвертого Римского папы. Собственно, о том, что тогда в тех местах проживал Митрофан Смирнский, мы знаем «из третьих рук». Со слов Анастасия Библиотекаря: «Мы узнали правду от Митрофана, настоятеля Смирнской митрополии, славящегося святостью и мудростью, который, как нам стало известно, в то время проживал недалеко от Херсона, сосланный туда вместе с другими от Фотия. Будучи тем лучше осведомлен о событии, чем ближе к месту он находился, он сообщил нам, пылливо расспрашивавшим о всем том, о чем выше упомянутый философ не хотел рассказывать, боясь упрека в гордости. Он передал нам, [что] «Константин философ, направленный императором Михаилом в Хазарию проповедовать слово Божье, находясь часто в Херсоне, то приезжая туда, то уезжая обратно, потому что этот город пограничен с Хазарской землей, стал внимательно разведывать, где храм, где гробница, где те знаки блаженного Климента, которые точно

определялись в памятниках, о нем написанных. Но все жители того места, будучи не туземцы, а пришельцы из разных варварских народов, даже лютые разбойники, уверяли, [что ничего] не знают [о том], что он говорит. Философ, удивленный этим, предался молитве и долгое время просил Бога объявит ему мощи и святого объявиться ему. Он поощрял также спасоносными внушениями епископа с клиром и народом на действие, показав им и прочитав, что [в множестве книг] передавалось о мучении, что о чудесах, что о сочинениях блаженного Климента, и что в особенности о постройке храма, находившегося где-то недалеко от них, и о положении самого [святого] в нем же; он глубоко одушевил всех в раскопку тех берегов и на разыскание столь драгоценных мощей святого мученика и апостолика, в порядке, описанном самим философом в его историческом рассказе. Вот как [передал нам] вышеупомянутый Митрофан»²².

Как видим, Митрофан, лично не принимал участия ни в отыскании мощей, ни в торжествах по их перенесению в город. Можно с определенной долей уверенности предполагать, что и для Иосифа Гимнографа исключение не было сделано. Поэтому ни у него, ни у его агиографов не было оснований включить в биографию сюжет активного участия в поисках мощей Климента, тем более проводившегося под патронатом политических врагов.

Вероятно, именно к крымскому периоду жизни Иосифа относятся два его произведения: службы святым Херсонским епископам и богослужебный канон св. Клименту. И хотя можно считать доказанным, что не все гимны с акростихом ΙΩΣΗΦ принадлежат именно Иосифу Гимнографу²³, в данном случае авторство, в силу реального пребывания Песнописца в Херсоне, атрибутируется достаточно точно.

Различные варианты Житий первых Херсонских епископов сохранили две традиции понимания того, кому из миссионеров принадлежит приоритет в христианизации Херсона – «константинопольско-ефериевскую» и «херсоно-капитоновскую».

Первая утверждает, что именно епископ Еферий нанес основной удар по местным язычникам и соответственно именно этому святому принадлежит главная заслуга в победе христианства в городе. Капитон же лишь продолжил дело Еферия и «забил последний гвоздь в гроб херсонского язычества». Согласно второй, Еферий умирает уже на пути к месту миссионерской службы и основная работа по окончательной христианизации Херсона легла на плечи Капитона²⁴.

Отметим, что «капитоновский» вариант получил распространение именно в Херсоне. Он известен только по Рукописи № 376 или Гр. 376²⁵ и церковно-славянским вариантам. Вероятно, что именно через Херсон, а может быть и с херсонскими духовными лицами, данная версия Житий могла оказаться на Руси.

Гр. 376 входит в состав греческой лицевой минеи (февраль, март) Михаила IV (1034–1041), находившейся в Московской синодальной библиотеке (по каталогу архимандрита Владимира № 376)²⁶. Данное житие, написанное специально для минеи, по обоснованному мнению В. В. Латышева, представляет собой литературную обработку греческого энкомия с риторическими украшениями²⁷. Энкомий был написан в самом Херсоне для местной братии, местным жителем, которому были небезразличны местные обстоятельства, детали и подробно-

сти²⁸. Известно два основных церковно-славянских извода Жития: Супрасльская рукопись (С) и Успенский список Макарьевских Миней (М Усп.). Это два разных перевода с греческого примерно одного времени – XI в. Перевод, дошедший в Успенском списке, по некоторым показателям старше перевода Супрасльской рукописи. Переводчик С, вероятно, сверялся с текстом М. Переводы выполнены с двух очень близких, но все-таки отличных друг от друга то ли списков, то ли редакций одного греческого текста²⁹. Церковнославянский перевод также был выполнен с энкомия. Особенностью славянских переводов является точное воспроизведение текста оригинала без серьезного редактирования. Поэтому в них сохранились практически все подробности и названия, которые присутствовали в греческом оригинале. Конечно, славянский переводчик не всегда понимал, что означают те или иные термины, не был знаком с историческими и географическими реалиями, отраженными в тексте. Но при этом старался все передать, насколько позволял его переводческий уровень³⁰.

Официальная же византийская церковь выбрала иной вариант Жития – «ефериевский», который превалирует в синаксарях и минеях³¹.

В иосифовских Службах свв. епископам Херсонским³² Василию, Ефрему и Капитону посвящены отдельные разделы. А Ефений упоминается даже реже, чем Агафодор, Елпидий и Евгений, история которых изложена в источнике предельно кратко. Так, имя Василия встречается 9 раз, Капитона – 8, Агафодор, Елпидий и Евгений упомянуты 5 раз, Ефрем – 5, а Ефений – только 4.

Таким образом, Иосиф Гимнограф, приступая к написанию Служб св. Херсонским епископам, которые в итоге вышли «типичным, даже рядовым творением»³³, ориентировался именно на «местный» вариант их Жития.

Богослужебный канон св. Клименту пера Иосифа Гимнографа можно считать знаковым произведением. В нем впервые биография святого Римского папы подается уже с позиции, известной нам по поздней житийной версии, и место его мучений и смерти уверенно отождествляется с Херсонесом. То есть отражает традицию, возникшую после выявления Константином Философом мощей святого³⁴.

Отметим, как и в случае с Херсонскими епископами, по поводу обретения мощей Климента известны две традиции: «константинопольская», согласно которой инициатором поиска мощей был Константин Философ, и «херсонская», считавшая, что главная роль здесь принадлежала иерархам местной церкви и местным светским руководителям: «По поводу обретения мощей источника сообщают две разных версии. Согласно первой, мощи были не известны горожанам, и Константин нашел их по собственной инициативе после долгих поисков благодаря Божественному откровению. По второй, инициатива прославления св. Климента исходила от местной церкви»³⁵. Как уже отмечалось, «херсонская» версия отражена только в славянских источниках: часть прологов второй русской редакции и «Слово на перенесение мощей святого Климента из глубины моря в Корсунь»³⁶. Латинские же свидетельства и Житие Константина Философа³⁷ настаивают на особой роли именно св. Кирилла, что позволяет считать данную интерпретацию событий более достоверной. Можно предположить, что, как и в случае с Житием епископов Херсонских, этот вариант рассказа о поиске мощей Климента попал в славянские источники именно из Херсона.

В чем причина таких расхождений. Позволим высказать предположение, не является ли это следствием конфликта «игнатиян» и «фотиян» и участия в нем Иосифа Гимнографа? По крайней мере, его службы Херсонским епископам, как уже отмечалось, отличаются от той трактовки событий, которая известна по большинству вариантов пространных Житий и официальных синаксарей и соответствуют версии энкомия, созданного для местной монашеской братии. Возможно также, что именно Песнописец, создавая в Херсоне канон св. Клименту, приложил свой литературный талант к тому, что инициатором обретения мощей Климента, по крайней мере, в местной среде, стал называться не посланник Михаила III и Фотия, а выступать «нейтральные» херсонские иерархи, вынужденные следовать в русле политического курса Константинополя. Надеемся, что дальнейшее изучение данной проблемы подтвердит настоящее предположение.

¹ Проблемы истории Херсона VI–X вв. рассматривались юбилеем в многочисленных публикациях, венцом которых стала монументальная монография: Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. – Ч. 1, 2.

² См. напр. *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Х. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. III; *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л., 1959. – № 63. – С. 39–46; *Бородин О. Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. – М., 1991; *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. – М., 1980. – С. 62–69; *Дагрон Ж.* Двудликий Крым // МАИЭТ. – Симферополь, 2000. – Т. 7. – С. 297; *Могаричев Ю. М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 92–93; *Могаричев Ю. М.* К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. // Сборник Русского исторического общества. – М., 2002. – № 4 (152); *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. – 1999. – Вып. 30. – С. 104–105; *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 78–80; Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. – Екатеринбург, 2007. – Ч. 2. – С. 433–435. *Сорочан С. Б.* О положении церкви в Крыму в VIII–IX вв. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 332–334; Византийский Херсон. – Ч. I. – С. 548–677; *Алексеев Н. А.* Печать Митрофана Смирнского из Херсона: ссыльный митрополит в Таврике // Небесные патроны и земные служители культа. Sacrum et profanum. – Севастополь, 2007. – Вып. III.

³ См. Уханова Е. В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // ВВ. – 2000. – Т. 59; Могаричев Ю. М. Православные святые средневековой Тавриды. – Симферополь, 2012. – С. 54–65.

⁴ *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series Graeca. – Paris, 1864. – Т. 105. – Col. 939–974; Жития святых по изложению святителя Димитрия, митрополита Ростовского. – Барнаул, 2003–2004. – Апрель. – 4 апреля; *Лопарев Х. М.* Византийские Жития Святых VIII–IX веков. Продолжение // ВВ. – 1913. – Т. 18. – Вып. 1–4. – С. 2–7; *Пападопуло-Керамев А. И.* Житие Иосифа Песнописца // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. – СПб., 1899. – Ч. 50. – Вып. 1, 2; Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой церкви. – СПб., 1902. – С. 295–308; *Рыбаков В.* Святой Иосиф Песнописец и его песнотворческая деятельность // Богословские труды. – М., 1985. – Т. 26. – Ч. 1; М., 1986 – Т. 27. – Ч. 2; Отдельная книга – М., 2002; *Τομαδάκης Ε. Ι.* Ἰωσήφ ὁ Ὑμνογράφος Βίος καὶ ἔργον. – Ἀθήναι, 1971; *Stiernon D.* La vie et l'œuvre de S. Joseph L'Hymnographe. A propos d'une publication récente // Revue des études byzantines. – 1973. – Т. 31. – Р. 243–266; *Каждан А. П.* Иосиф Песнопевец и первое русское нашествие на Константино-

поль // Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. Славяне и их соседи. – М., 1996. – Вып. 6; *Каждан А. П.* История византийской литературы (650–850 гг.). – СПб., 2002. – С. 349–351; *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы 2000 г. – М., 2003. – С. 90–95; *Kazdan A., Ševčenko N. P.* Joseph the Gymnographer // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 2. – P. 1074.

⁵ *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Х. – С. 44; см: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – Ч. 1. – С. 675–676.

⁶ *Латышев В. В.* Жития Св. епископов Херсонских. Исследования и тексты // Записки Академии наук. – СПб., 1906. – Т. 8. – № 3. – С. 13–14.

⁷ *Каждан А. П.* История византийской литературы (650–850 гг.). – С. 350.

⁸ *Пападопуло–Керамевс А. И.* Житие Иосифа Песнописца. – С. 7; *Рыбаков В.* Святой Иосиф Песнопиец и его песнотворческая деятельность. – Ч. 1. – С. 286–287; *Каждан А. П.* Иосиф Песнопевец и первое русское нашествие на Константинополь. – С. 57.

⁹ См. напр.: *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. – С. 35; *Баранов И. А.* О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. – К., 1974. – С. 156; *Верещагин Е. М.* Вновь найденное богослужебное последование обретению мощей Климента Римского – возможное поэтическое произведение Кирилла Философа // Византинороссика. – СПб., 2005. – Т. 4. – С. 84–85.

¹⁰ Д. Стиернон датирует текст Феофана началом X в. (*Stiernon D.* La vie et l'oeuvre de S. Joseph L'Hymnographe. A propos d'une publication récente. – P. 243–266), что в нашем случае не является принципиальным.

¹¹ *Пападопуло–Керамевс А. И.* Житие Иосифа Песнописца. – С. 7–8; *Лопарев Х. М.* Византийские Жития Святых VIII–IX веков. Продолжение. – С. 2–7; *Τομαδάκης Ε. Ι.* Ἰωσήφ ὁ Ὑμνογράφος Βίος καὶ ἔργον. – P. 55–56; *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. – С. 91.

¹² *Kazdan A., Ševčenko N. P.* Joseph the Gymnographer // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 2. – P. 1074.

¹³ См.: *Каждан А. П.* Социальная и политическая борьба в Византии в середине IX – середине X в. // История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 172–174; *Дашков С. Б.* Императоры Византии. – М., 1996. – С. 158–160; The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 255–256.

¹⁴ Ягич И. В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св. Кирилла // Приложение к 72-му тому Записок Императорской академии наук. – 1893. – № 6. – С. 3. См. также: *Алексеевко Н. А.* Печать Митрофана Смирнского из Херсона: ссыльный митрополит в Таврике.

¹⁵ *Τομαδάκης Ε. Ι.* Ἰωσήφ ὁ Ὑμνογράφος Βίος καὶ ἔργον. – P. 55–56.

¹⁶ Д. Стиернон в осторожной форме предполагал кратковременный характер ссылки Иосифа. Правда, никаких аргументов, кроме нескольких предположений, основанных на таких же допущениях, он не привел (*Stiernon D.* La vie et l'oeuvre de S. Joseph L'Hymnographe. A propos d'une publication récente. – P. 253). Согласно Житию, после возвращения из ссылки, но уже в патриаршество Игнатия, Песнопевец был назначен «скефофилаксом Великой церкви» (*Лопарев Х. М.* Византийские Жития Святых VIII–IX веков. Продолжение. – С. 4–5).

¹⁷ *Лебедев А. П.* История разделения церквей в IX, X, XI вв. – СПб., 1999. – С. 98–100; *Алексеевко Н. А.* Печать Митрофана Смирнского из Херсона: ссыльный митрополит в Таврике. – С. 12.

¹⁸ *Каждан А. П.* Иосиф Песнопевец и первое русское нашествие на Константинополь. – С. 57. А. П. Каждан считал, что упоминание Иосифом в нескольких канонах в честь Богородицы осады русским флотом Константинополя позволяет предполагать, что тот был непосредственным свидетелем этого события и, следовательно, находился тогда в столице. В итоге, отвергнув мнения о составлении произведений спустя почти десятилетие после описываемых событий и кратковременный период пребывания святого в Херсоне, он пришел к осторожному выводу, что традиционная дата первого русского нападения на Константинополь – 18 июня 860 г. (Иосиф, согласно Житию тогда жил в Херсоне) нуждается в пересмотре. Ориентировочно, по мнению исследователя, это произошло в период между 866 и 869 гг. (Там же. – С. 56–58). Как нам представляется, аргументы А. П. Каждана не являются убедительными. Иосиф Гимнограф в первую очередь выдающийся литератор. Мировая литература знает не мало примеров, когда

талантливому автору удавалось создать иллюзию среди читателей своего личного участия в описываемом событии. Вспомним, например, описание загробного мира Данте Алигьери или военные и альпинистские песни В. Высоцкого.

¹⁹ См.: Уханова Е. В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // ВВ. – 2000. – Т. 59. – С. 121. По крайней мере, так думать позволяет, с одной стороны, присутствие в Херсоне и окрестностях тогда, как минимум, нескольких ссыльных игнатиян, а с другой, сведения древнейшей редакции Жития Иосифа Гимнографа. В. Е. Науменко датирует ссылку Иосифа 862–866 гг. на том основании, что гонитель святого, Варда, стал кесарем только в 862 г. (Науменко В. Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе в Никее и церковно-политической ситуации в Крымской Готии в конце VIII – начале IX в. // *Sacrum et profanum*. – Севастополь, 2005. – Вып. 1. – С. 137). Однако, Варда имел огромное влияние уже с 856 г., а опальные игнатияне, к числу которых можно отнести и Иосифа Гимнографа, проживали в Херсоне уже в 861 г.

²⁰ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – Ч. 1. – С. 676. – Прим. 422.

²¹ См.: Могаричев Ю. М. Православные святые средневековой Тавриды. – Симферополь, 2012. – С. 87–92.

²² Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Ч. 2. – С. 1436–1439; см. также: Ягич И. В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян. – С. 10.

²³ Каждан А. П. Иосиф Песнопевец и первое русское нашествие на Константинополь. – С. 53–56.

²⁴ Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // *Нартекс. Byzantine Ukrainen-sis*. – Харьков, 2012. – Т. 1. – С. 313.

²⁵ Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. – С. 21–36, 313.

²⁶ *Архимандрит Владимир*. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) Библиотеки. – М., 1894. – Ч. 1. – С. 561 и сл.

²⁷ Латышев В. В. Жития Св. епископов Херсонских. Исследования и тексты. – С. 6–7.

²⁸ Латышев В. В. Жития Св. епископов Херсонских. Исследования и тексты. – С. 13; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. – С. 21.

²⁹ Чернышева М. И. Язык славянской версии «Житий херсонских святых» // Очерки истории христианского Херсонеса. – СПб., 2009. – С. 119–137.

³⁰ Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. – С. 53.

³¹ Там же. – С. 86–100. Ефериювская версия нашла отражение в Патмосской рукописи, Грузинском Житии, восходящим к Минологию Иоанна Ксифилина, Армянском Житии, Синаксаре Василия II, Синаксаре Константинопольской церкви и ряде других.

³² Верещагин Е. М. Древнейшее славяно-русское богослужебное исследование на память священикомучеников, епископствовавших в Херсонесе; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. – С. 382–384.

³³ Верещагин Е. М. Древнейшее славяно-русское богослужебное исследование на память священикомучеников, епископствовавших в Херсонесе Таврическом. – С. 71.

³⁴ Уханова Е. В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. – С. 119–120.

³⁵ Уханова Е. В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. – С. 120; см. также: Уханова Е. В. У истоков славянской письменности. – М., 1998. – С. 57–63.

³⁶ Уханова Е. В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. – С. 120.

³⁷ В первую очередь это Пространное Житие Константина Философа (Сказания о начале славянской письменности. – М., 1981. – С. 77–78), Итальянская легенда (Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Ч. 2. – С. 1442–1456) и уже упоминавшееся письмо Анастасия Библиотекаря (Ягич И. В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св. Кирилла).

В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарев

**К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ БОСПОРА X–XII вв.:
ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НАХОДКИ
И МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ
«ЦЕРКВИ ШЕВЕЛЕВА» («ЦЕРКВИ 1833 г.»)¹**

На протяжении X–XII вв. Боспор, несомненно, являлся одним из ключевых стратегических пунктов Византии в Северном Причерноморье, во многом обозначая здесь восточные пределы зоны влияния империи. Даже немногочисленные и краткие упоминания письменных источников об истории городища в это время позволяют говорить о нем как о важном приморском пункте (порте), связанном с транзитной торговлей на юге Восточной Европы (Ибн Русте)², византийской крепости на границах с варварским миром (Константин Багрянородный)³, резиденции одноименной фемы, учрежденной не позднее 70-х гг. X в., вероятно, в связи с ростом политического влияния и территориальной экспансии Древнерусского государства в регионе (Эскуриальский Тактикон)⁴ и центре самостоятельной архиепископии⁵. Тем не менее, пока это лишь самые общие замечания о роли Боспора в политической жизни Северного Причерноморья в интересующий нас период времени, не позволяющие, с учетом дефицита нарративных свидетельств, получить целостную историческую картину⁶.

На сегодняшний день, прогресс в изучении истории Боспора X–XII вв. возможен лишь при условии расширения ее источниковой базы. При этом совершенно не обязательно находиться в ожидании археологических открытий, что, в принципе, вероятно, но всегда требует времени, или появления новых нарративных свидетельств, в первую очередь, эпиграфических либо сфрагистических. На наш взгляд, уже максимально полная ревизия имеющихся архивных и фондовых собраний, картографирование сохранившихся материальных объектов на территории Керчи, содержащих культурные горизонты или, по крайней мере, комплексы X–XII вв., позволит получить определенный объем дополнительной информации для нового обсуждения вопросов, связанных, к примеру, с особенностями исторической топографии средневекового Боспора. В настоящей работе мы попытаемся проиллюстрировать такой подход, обратившись к истории одной археологической находки, сделанной в г. Керчи еще в 30-х гг. XIX в., однако, так и не получившей должной интерпретации в специальной литературе.

Вопросы установления территориальных границ и внутренних планировочных особенностей средневекового Боспора, выделения его архитектурно-топографических доминант остаются недостаточно изученными в современной историографии. Это связано, прежде всего, с уже упоминавшимся ограниченным объемом нарративных свидетельств по истории города, среди которых отсутствует его развернутое топографическое описание. В данной ситуации, несомненно, особое значение должны приобретать результаты археологического изучения памятника. Однако, в случае с Керчью ведение крупномасштабных полевых исследований ограничено континуитетом современной городской застройки, перекрывающей средневековые культурные горизонты и не дающей возможности вести планомерные раскопки на широкой площади – одного из важнейших условий изучения топографии любого городища.

Тем не менее, сложившаяся ситуация не выглядит безнадежной. Сделанные нами предварительная ревизия и картографирование опубликованных или сохранившихся в рукописном архиве Керченского историко-культурного заповедника результатов проводимых в разные годы, начиная с середины 50-х гг. XX в., раскопок отдельных участков современного исторического центра Керчи (район площади и улицы Ленина), где оказались доступными средневековые культурные напластования, а также охранных исследований и наблюдений во время земляных работ сотрудниками Керченского музея, позволяют довольно надежно судить о границах Боспора X–XII вв. и основных принципах его градостроительной модели. Нужно также сказать, что в эту модель удачно вписываются сохранившиеся до настоящего времени либо выявленные в ходе раскопок объекты, связанные с христианским культом, которые представлены памятниками храмовой архитектуры и городскими кладбищами.

Проведенная работа позволяет заключить, что Боспор X–XII вв. представлял собой небольшой по размерам портовый город, располагавшийся у северного и северо-восточного подножия горы Митридат, в районе, примыкающем к так называемому «Генуэзскому молу» и современной площади и улице Ленина. Особо следует обратить внимание на топографию четырех городских кладбищ, которые, как и в средневековом Херсоне, примерно с X в. стали формироваться в черте города на его северной, южной и западной окраинах (рис. 1, А–Г). В настоящее время таких плитовых христианских некрополей известно четыре – на пересечении ул. Свердлова и ул. Театральной, по ул. Театральной и 51-й Армии (в районе Большой Митридатской лестницы), на пересечении ул. Дубинина и Советской и вокруг церкви Иоанна Предтечи (пер. Димитрова, сквер «Аленка», площадь Ленина)⁷.

Портовая часть Боспора находилась в районе современного «Генуэзского мола» (бывшая Таманская пристань). По данным геологического бурения, в средневековую эпоху здесь располагалась небольшая бухта, контур которой был значительно изменен в новейшее время⁸. Вблизи порта, на месте современной площади Ленина, по логичному заключению А. Л. Якобсона, находился укрепленный центр города, фортификационные сооружения которого, возможно, послужили основанием позднее для возведения генуэзской (турецкой) крепости⁹. К сожалению, стены последней были полностью разобраны в ходе

реконструкции центральной части Керчи в 1829 г., но некоторое представление дают редкие рисунки Керчи третьей четверти XVIII – первой четверти XIX вв. и генеральные планы города, на которые вплоть до 40-х гг. XIX в. наносились контуры крепостных стен¹⁰.

В южной части византийской крепости находилась церковь Иоанна Предтечи, пожалуй, наиболее яркий памятник Боспора X–XII вв. В современном виде она представляет собой сложный эклектичный храмовый ансамбль, сложившийся в ходе перестроек XIX в. Однако, древнейшая (восточная) часть церкви по своим архитектурным особенностям является надежным примером крестово-купольной церкви средневизантийского периода (рис. 2, 1, 2). К сожалению, письменные источники о ней практически ничего не сообщают. Дискуссионным остается вопрос и относительно времени сооружения памятника¹¹. Как известно, в письменных источниках впервые о нем упомянул Ибн Батутта в 1334 г., обратив внимание на одну из настенных фресок¹². Спустя три столетия церковь посетил Эмиддио Дортелли д'Асколи¹³. В его сочинении она упоминается как церковь Св. Георгия, но, когда и как долго храм был освящен во имя этого святого, остается не известным. Современное название церкви Иоанна Предтечи появляется в официальных документах лишь с последней четверти XVIII в.¹⁴

В контексте изучения сакральной топографии средневекового Боспора особый интерес, безусловно, представляет локализация храма Святых Апостолов, о котором сообщает монах Епифаний, посетивший крепость между 815 и 843 гг. По его словам, это была «весьма большая» церковь, в которой ему показали «энкаустические иконы Христа и многих святых» и раку с надписью «Симона Апостола», вмурованную в основание одной из ее стен¹⁵.

До недавнего времени общепринятым являлось предположение Т. И. Макаровой, отождествившей храм Святых Апостолов с базиликой на месте будущей церкви Иоанна Предтечи¹⁶. Действительно, как показали раскопки 1976 и 1980 гг. в интерьере последней, она была построена в конце IX – начале X вв. (скорее даже в X в.), на месте более раннего базиликального комплекса (?), от которого сохранился фрагмент апсиды¹⁷. Возможно, этой базилике принадлежала монументальная стена, открытая в 1957 г. Е. В. Веймарном в одном из шурфов в северном приделе церкви Иоанна Предтечи¹⁸. Добавим, что на раскопе III, приблизительно в 25–30 м к северо-востоку от церкви Иоанна Предтечи, Т. И. Макаровой была в свое время частично открыта общественная постройка с колодцем и резервуаром-купелью, которая, по ее мнению, входила в единый комплекс упомянутой базилики и представляла собой крещальню¹⁹. Со своей стороны заметим, что при всей возможности отождествления храма Святых Апостолов с базиликой на месте церкви Иоанна Предтечи иных вариантов решения вопроса археологические реалии тех лет попросту не допускали.

Лишь А. В. Гадло высказал собственную гипотезу в отношении локализации церкви Святых Апостолов. По его мнению, она являлась кафедральным храмом города, в то время как церковь Иоанна Предтечи, в силу своих небольших размеров (7,60 × 7,40 м) и местоположения, обслуживала лишь часть христианской общины, а именно обитателей «хазарской цитадели», внутри которой находилась²⁰. Не вдаваясь в дискуссию относительно интерпретации открытых

в исторической части Керчи так называемых «стен хазарской крепости»²¹, отметим главное. Выстроенная А. В. Гадло гипотеза базировалась на ошибочной датировке сооружения церкви Иоанна Предтечи, которая, как считал исследователь, была возведена не позднее середины VIII в.²² Однако именно эта неточность и позволила ему допустить одновременное существование двух христианских храмов в городе, хотя при этом один из них, церковь Святых Апостолов, постепенно превратился в своеобразный «фантом», лишь однажды упомянутый в источниках.

Рациональное зерно в исторических построениях А. В. Гадло, безусловно, существует. В 1848 г., во втором томе «Записок Одесского Общества истории и древностей», членом-корреспондентом общества Е. П. Шевелевым была опубликована рецензия на книгу А. Б. Ашика «Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами»²³. В ней он сообщил об открытии в Керчи в 1833 г. трехапсидной церкви. К сожалению, в силу неясных обстоятельств, к этому уникальному памятнику христианской архитектуры никто из современников интереса не проявил, хотя многие были прекрасно осведомлены о находке, в том числе П. А. Дюбрюкс и граф А. С. Уваров.

Труд П. А. Дюбрюкса «Описание развалин и следов древних городов и укреплений» был издан уже после его смерти, к тому же с большими купюрами, неточностями и искажениями. При переводе целиком пропущенными оказались и рассуждения автора относительно открытого в 1833 г. христианского храма²⁴. Незавершенной и неопубликованной осталась также VI глава «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря» графа А. С. Уварова, где вкратце были изложены обстоятельства открытия комплекса²⁵. Незамеченной оказалась и сама публикация Е. П. Шевелева, поэтому вскоре памятник был забыт и длительное время оставался вне поля зрения археологов-медиевистов. Видимо, по этой же причине церковь не была включена в «Летопись раскопок и случайных находок на Пантикапейском городище», составленную В. Д. Блаватским и В. Н. Граковым на основании архивных материалов ИИМК, Эрмитажа и Керченского музея²⁶. Пожалуй, единственным исключением является «Корпус боспорских надписей», авторы которого упомянули о церкви в связи с находкой в ее стене мраморного постамента с посвятельной надписью III в. до н. э. (КБН, № 21). Спустя два десятилетия, к этому же посвящению обратился А. В. Сазанов, но место и обстоятельства находки им оказались упущенными²⁷. В последние годы уникальный памятник обратил на себя внимание И. В. Тункиной, которой введены в научный оборот неопубликованные архивные материалы с новыми подробностями раскопок²⁸. В результате, последовательность событий, связанных с находкой, раскопками и дальнейшей судьбой христианской «церкви 1833 г.», по версии Е. П. Шевелева, П. А. Дюбрюкса, А. С. Уварова и небольшим ремаркам А. Б. Ашика, представляются следующими²⁹.

В мае 1833 г. при сооружении погребя под домом керченского купца и почетного гражданина Петра Васильевича Митрова³⁰ «не далее 50 саженьей» или «в аршинах 50-ти» от церкви Иоанна Предтечи (Е. П. Шевелев, А. С. Уваров)³¹, «во рву бывшей турецкой крепости» (А. С. Уваров, А. Б. Ашик, Е. П. Шевелев),

«внутри крепости и за ее рвом» (П. А. Дюбрюкс), «рядом со старой крепостью» (П. А. Дюбрюкс) или «на месте, где существовали стены разломанной Турецкой крепости» (А. Б. Ашик) были обнаружены остатки средневековых построек. При их открытии и последующих раскопках, что подтверждает А. С. Уваров, находился корреспондент ООИД, краевед и историк-любитель Егор Петрович Шевелёв (ок. 1801 – не ранее 1850 гг.), который с 1830 по 1834 гг. проживал в Керчи и преподавал математику в Керченском уездном училище³². Присутствовали ли при этом другие керченские археологи, в частности П. А. Дюбрюкс и А. Б. Ашик (с 28 мая 1833 г. директор Керченского Музея Древностей), неизвестно. С уверенностью можно лишь сказать, что, в отличие от Е. П. Шевелёва и А. С. Уварова, П. А. Дюбрюкс видел в находке «языческий» (античный) храм, хотя и не исключал возможность того, что в «юстиниановское» время его использовали для христианских богослужений. В свою очередь, А. Б. Ашик так и не пришел, по видимому, к какому-то определенному выводу, называя храм просто «древней постройкой»³³.

В процессе дальнейшего строительства дома П. В. Митрова остатки найденных в котловане средневековых построек, включая храм, были разобраны, но благодаря дошедшим до нас их кратким описаниям и составленному Е. П. Шевелевым схематическому плану, о них имеется некоторое представление³⁴. Храм имел прямоугольно-вытянутую форму и завершался в восточной части тремя полукруглыми апсидами, расположенными по одной оси (рис. 2, 3). К сожалению, полностью он так и не был открыт; западная часть, где находился вход, осталась за пределами котлована³⁵. Длина церкви, принимая во внимание масштаб чертежа Е. П. Шевелева, составляла не менее 4,7 сажень, ширина – 2,7 сажени. Таким образом, в пересчете на сажень, приравненную согласно указу от 11 октября 1835 г. к 7 английским футам (2,1336 м), размеры храма в направлении север-юг могли составлять около 5,75 м, в направлении запад-восток – не менее 10 м. Однако, не следует забывать, что опубликованный в 1848 г. план Е. П. Шевелева начертил еще в 1833 г., когда на территории Российской империи использовалось несколько значений сажени. Возможно, именно поэтому приведенная П. А. Дюбрюксом ширина церкви (около 7 аршин), в пересчете на современную метрическую систему, едва ли достигает 5 м.

Стены храма, сооруженные из крупных тесаных блоков известняка, сохранились на высоту «более чем на четыре аршина» до уровня оконных проемов, показанных на плане примерно посередине северной и южной стен³⁶. Таким образом, если эта цифра соответствовала действительности, то высота стен достигала 3 м! Характер перекрытия установить не удалось, поскольку базы колонн или столбов на плане не указаны или не сохранились *in situ*³⁷. Впрочем, П. А. Дюбрюкс упоминает о том, что при раскопках храма были найдены «обломки колонн, баз, капителей, различные архитектурные обломки, три надписи, одна из которых фрагментарна – все это из белого и голубого мрамора и смеси двух этих видов»³⁸. О множестве мраморных обломков сообщает и А. Б. Ашик³⁹. При расчистке алтарной части «внизу горнего места» был обнаружен закладной «четырехугольный камень с изображением креста», вмонтированный в одну из стен. Со всех сторон храм, по словам П. А. Дюбрюкса, окружали «могилы из

тесаного камня». Во многих из них были найдены останки двух или трех погребенных⁴⁰.

Особенности планировки древней постройки, наличие трех апсид, окружавший ее плитовый могильник и находка закладного камня с изображением креста не оставляют сомнений относительно атрибуции памятника как христианского храма, вероятнее всего, базилики. Однако, П. А. Дюбрюкс придерживался иной точки зрения. По его мнению, изначально это был языческий храм, «посвященный Диане или Цибеле». Обнаруженная при его раскопках надпись с именем императора Клавдия позволила ему предположить, что «этот небольшой храм уже христианского времени был воздвигнут в царствование одного из царей Боспора, клиентов императора Клавдия, что вполне могло бы происходить при Митридате Третьем, которому этот император уделил Боспорское царство»⁴¹. И, лишь позднее, когда он был разрушен первыми христианами «из ненависти, которую они испытывали ко всем местам или местностям, где поклонялись идолам», его, возможно, вновь стали использовать, но уже для христианских богослужений⁴². В пользу предложенной исторической реконструкции он привел несколько убедительных на его взгляд аргументов. Во-первых, поблизости от храма находилась церковь Иоанна Предтечи, возведенная «чуть ранее или при Юстиниане»⁴³, а «число верующих было не столь значительным» на Боспоре в эту эпоху, чтобы появилась необходимость возвести рядом друг с другом два христианских храма. Во-вторых, надпись, в которой, упомянут император Клавдий, по его мнению, могла быть вмонтирована в стену над входом, но христиане, по глубокому убеждению П. А. Дюбрюкса, не стали бы использовать в декоре своей церкви языческие памятники. В-третьих, рядом с храмом, «в нескольких саженях к западу от него» был обнаружен фронто́н, который, как считал исследователь, вполне мог украшать языческий храм. В качестве еще одного аргумента послужило отличие кладок стен храма и церкви Иоанна Предтечи. Не смутило П. А. Дюбрюкса и наличие трех апсид, поскольку он рассматривал их как «полукруг с двумя нишами по бокам», в которых, вероятно, могли находиться статуи⁴⁴. Однако, все эти рассуждения стали возможны благодаря одному загадочному обстоятельству. Завершив краткий обзор раскопок храма, П. А. Дюбрюкс заметил, что «здесь нет никаких признаков христианства, даже ни одного креста». Таким образом, ему не было ничего известно о находке закладного камня с изображением крестом в 1833 г.

Помимо храма и примыкающего к нему участка плитового некрополя, в пределах котлована были обнаружены остатки других построек и комплексов. У юго-западного угла церкви находился колодец, к югу от нее на расстоянии менее одной сажени какая-то крупная, прямоугольная в плане, постройка, вытянутая в направлении запад–восток (на плане обозначена литерой L). Размеры ее составляли не менее $2,4 \times 5,5$ саженей, дверной проем был устроен со стороны церкви в северной стене. Пространство к северу и востоку от церкви, по словам Е. П. Шевелева, было «обнесено стеной». Таким образом, если все эти сооружения были возведены или функционировали в одно и то же время, можно говорить о едином характере комплекса, доминантой которого выступал, очевидно, трехапсидный храм⁴⁵.

Одной из главных проблем при изучении и интерпретации открытого в 1833 г. храмового комплекса является отсутствие точных указаний на его местонахождение. Известно лишь, что он был раскопан в котловане под погреб дома П. В. Митрова. В качестве ближайших топографических привязок указывают церковь Иоанна Предтечи, а также ров или одну из куртин турецкой крепости. Причем, по словам Е. П. Шевелева и А. С. Уварова, церковь Иоанна Предтечи находилась в 50 саженях или 50 аршинах от «церкви 1833 г.». Учитывая конфигурацию крепостного рва, показанного на плане г. Керчи 1774 г. и принимая во внимание эти замечания о расстоянии между обоими храмовыми комплексами, наиболее вероятным кажется предположение о том, что «церковь 1833 г.» находилась на расстоянии не более 100 м к юго-западу от церкви Иоанна Предтечи⁴⁶. Уточнить положение памятника позволяют план г. Керчи 1821 г., реализованный с поправками в 30-е годы XIX в., а также «Приблизительный план Акрополиса пантикапейского и нынешней Керчи» 1848 г.⁴⁷

Напомним, что на месте турецкой крепости, снесенной в 1829 г.⁴⁸, была разбита восьмигранная, окруженная аркадами, площадь⁴⁹. Северный отрезок крепостного рва оказался за ее пределами, внутри новых городских кварталов⁵⁰. Соответственно, на момент находки «церковь 1833 г.» уже была засыпана грунтом. Под возможное местоположение дома купца П. В. Митрова попадают только два квартала, примыкавших к новой площади с юга и юго-запада. Однако, почти вся территория одного из них, в пределах которого находилась церковь Иоанна Предтечи, была отведена под церковный, окруженный новой оградой двор и принадлежащие ей постройки. К началу 1834 г. здесь были построены четыре, обращенные к набережной, магазина, четыре лавки и один дом⁵¹. Их примерное расположение хорошо отражает рисунок из путевого альбома Ф. Дюбуа де Монпере, датированный 10 июля 1832 г.⁵²

Таким образом, участок под дом П. В. Митрова был отведен в квартале, расположенном к западу и юго-западу от церкви. Судя по рисунку из альбома Ф. Дюбуа де Монпере, сделанному к июлю 1832 г., то есть примерно за год до находки храма, в северо-восточном, примыкающем к площади, углу этого квартала уже были возведены два дома⁵³. С учетом расстояние до церкви, П. В. Митров мог построить дом только к югу от них. И, действительно, позднее на этом участке появляется застройка по периметру всего квартала, показанная на плане А. Дигби (1830-е гг.), натуральных рисунках Н. Г. Чернецова (между 1833–1836 гг.) и А. Бентлея середины XIX в.⁵⁴ В настоящее время эту территорию г. Керчи занимает квартал, ограниченный пер. Димитрова, Адмиралтейским проездом, ул. Театральной и сквером Славы (рис. 3).

К сожалению, Е. П. Шевелев не упоминает о каких-либо находках, указывающих на время сооружения и функционирования храма, но в пользу того, что он был возведен в ранневизантийский период, свидетельствуют базиликальная трехнефная композиция и большое количество мраморных деталей из раскопок. Следующий хронологический период, вероятно, отражает плитовый некрополь вокруг храма. Такой же некрополь, например, исследован вокруг церкви Иоанна Предтечи, где датируется в пределах X(XI)–XIV вв.⁵⁵ К западу и юго-западу от него, в пределах современных улиц Театральная, 51-й Армии и Свердлова,

обнаружено еще несколько плитовых могильников (или участков одного могильника?) X–XII вв.⁵⁶ В Херсонесе традиция погребения в черте города при квартальных церквях и часовнях распространяется, начиная с IX в., а после XI в. подобная практика становится общепринятой⁵⁷.

Таким образом, есть все основания полагать, что на протяжении длительного периода в приморской части раннесредневекового Боспора на расстоянии не более чем 100 м друг от друга одновременно функционировали две церкви – так называемый «храм 1833 г.» и базилика (?) на месте современной церкви Иоанна Предтечи, которую в X в. сменил небольшой крестово-купольный храм. К тому же, если допустить, что внешние обводы стен византийской и турецкой крепостей совпадали, можно предположить, что один из храмов располагался внутри укрепленной части городища, а второй – снаружи, вблизи ее стен. В рамках дискуссии также возможно рассматривать версию о том, что вместительный по своим размерам «храм 1833 г.» мог выполнять функцию кафедральной церкви, соответствуя описанию «весьма большого» храма Святых Апостолов, который в начале IX в. посетил византийский монах Епифаний.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

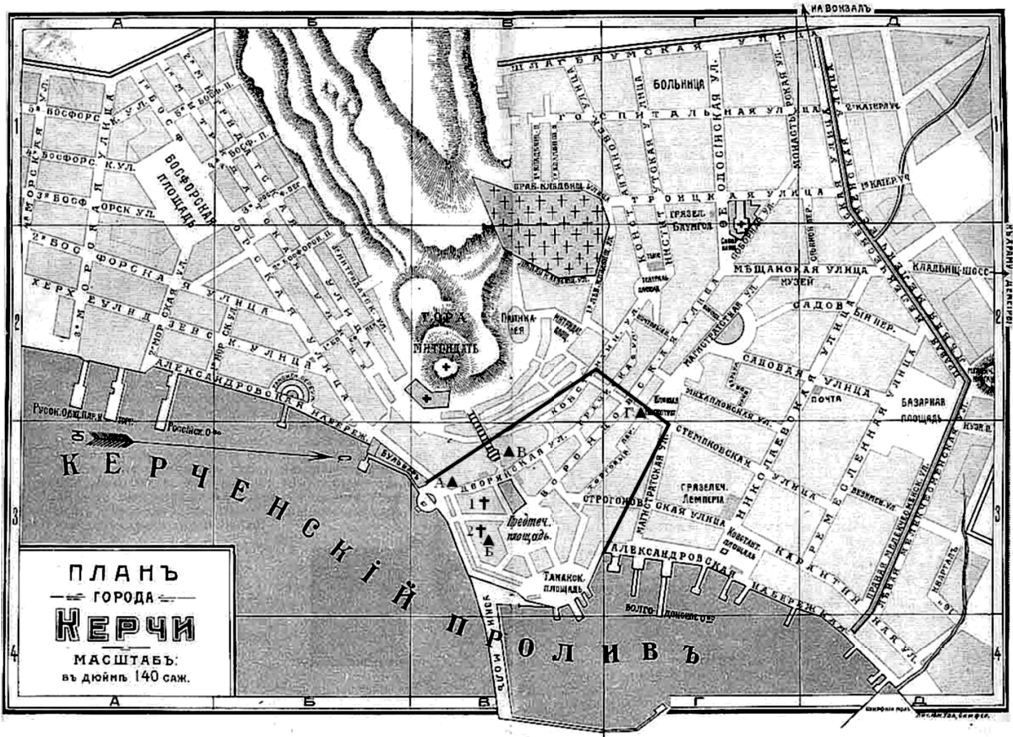

Рис. 1. План центральной части Керчи, прилегающей к площади Ленина (1914 г., на месте пл. Ленина – Предтеченская площадь).

1 – Церковь «1833 г.»; 2 – церковь Иоанна Предтечи;

А–Г – плитовые могильники X–XII вв.

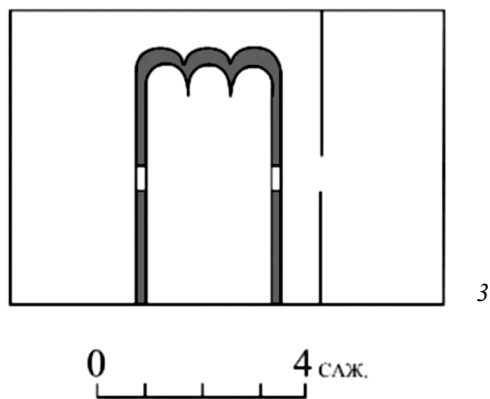
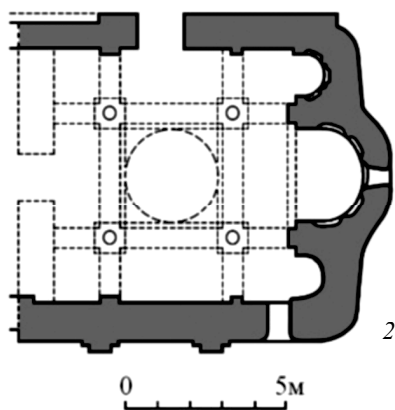
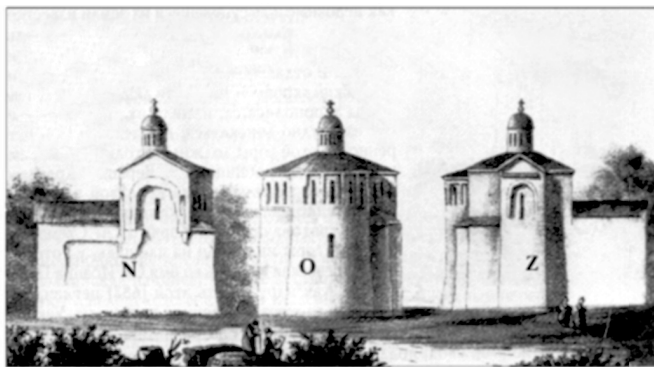

Рис. 2. 1 – Церковь Иоанна Предтечи (по Н. Н. Мурзакевичу);
 2 – План восточной части церкви Иоанна Предтечи (по Н. П. Кондакову);
 3 – План церкви «1833 г.» (по Е. П. Шевелеву).

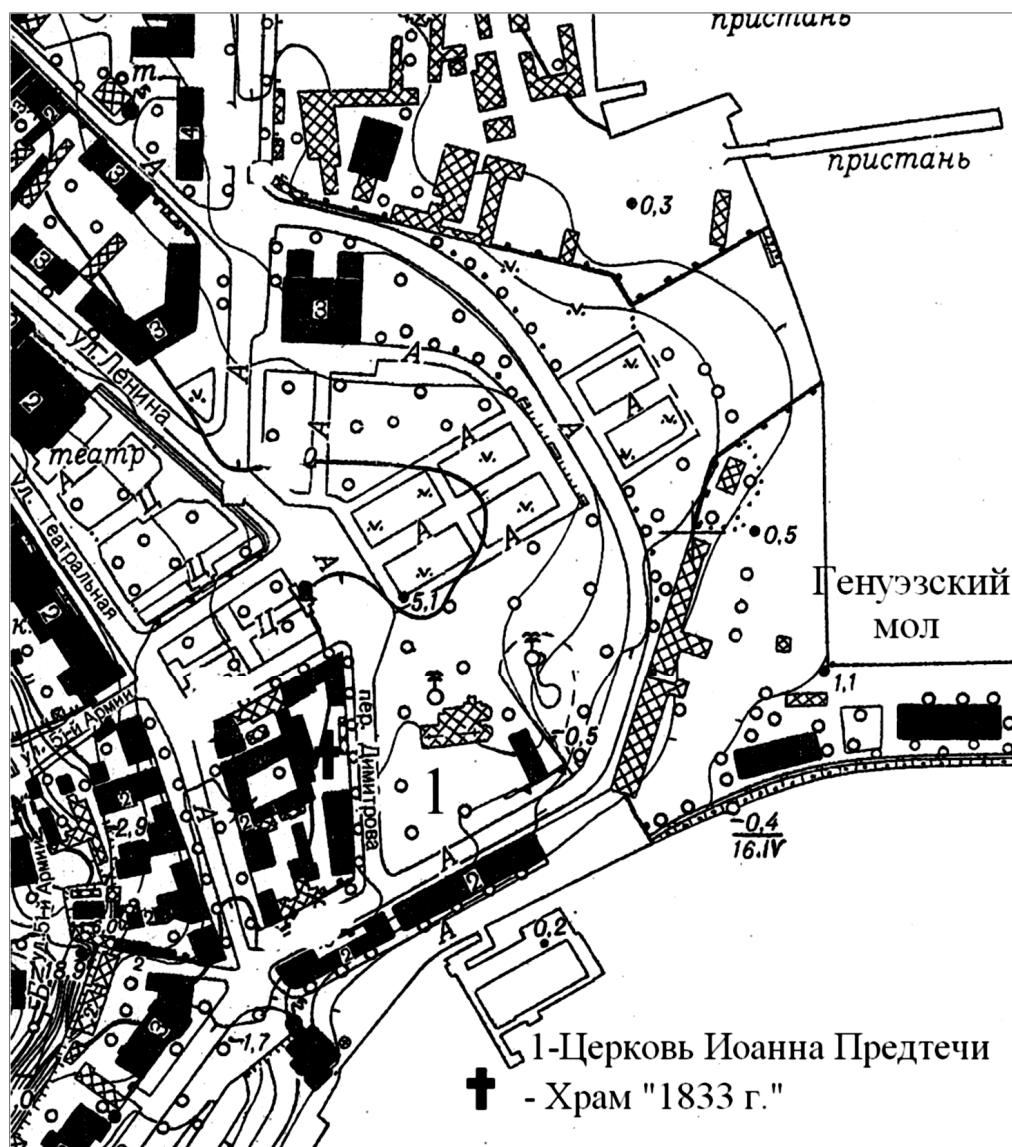

Рис. 3. План центральной части г. Керчи
с указанием местоположения церкви Иоанна Предтечи и храма «1833 г.»

¹ Статья представляет собой развернутый вариант доклада, прочитанного в программе VII Международной научной конференции «Проблемы истории и археологии Украины», проходившей в г. Харькове в 2010 г. См.: Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. «Церковь Шевелева» или «Церковь 1833 г.» (г. Керчь): к вопросу о местоположении и обстоятельствах находки // Проблемы истории и археологии Украины: материалы международной научной конференции. – Харьков, 2010. – С. 88–89.

² Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских, Абу Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста [Ибн Русте], арабского писателя X века // ЖМНП. – 1868. – № 11. – Ч. 140. – С. 670.

³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1991. – С. 52–53, 156–157, 171–177, 246–275.

⁴ Oikonomides N. Les Listes des préséance byzantines des IXe et Xe siècles. – Paris, 1972. – P. 266–269.

⁵ Darrouzès J. Notitiae Episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. – Paris, 1981. – P. 273–274, 293–294, 345–346.

⁶ Об отдельных сюжетах истории Боспора X–XII вв., главным образом, на материалах нарративных источников, см.: Кулаковский Ю. А. К истории Боспора – Керчи в XI–XII вв. // Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г. – М., 1902. – Т. 2. – С. 132–133; Каждан А. П. Византийский податный сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XI в. // Проблемы обществено-политической истории России и славянских стран. – М., 1963. – С. 93–101; Каждан А. П. Неизвестное греческое свидетельство о русско-византийских отношениях в XII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. – М., 1972. – С. 235–236; Литаврин Г. Г. Новые сведения о Северном Причерноморье (XII в.) // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. – М., 1972. – С. 237–242; Коновалова И. Г. Город Росия / Русийа в XII в. // Византийские очерки. – СПб., 2001. – С. 128–140; Плахонін А. Русь на Боспорі в XII столітті // Крим в історичних реаліях України: матеріали наукової конференції. – Київ, 2004. – С. 78–83. Обзор археологических памятников этого времени на территории Керчи см.: Макарова Т. И. Крым в X – первой половине XIII вв. Боспор – Корчев // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. – М., 2003. – С. 68–73; Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. К вопросу о территории и археологических памятниках Боспора-Керчи X–XII вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Боспорские чтения. – Керчь, 2009. – Вып. X. – С. 311–318.

⁷ Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. К вопросу о территории и археологических памятниках Боспора-Керчи X–XII вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Боспорские чтения. – Керчь, 2009. – Вып. X. – С. 314–316.

⁸ Синенко Р. Г. Исторический ландшафт Керчи // 175 лет Керченскому Музею Древностей: материалы международной конференции. – Керчь, 2001. – С. 49–50.

⁹ Зеест И. Б., Якобсон А. Л. Раскопки в Керчи в 1963 г. // КСИА. – 1965. – Вып. 104. – С. 62; Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. – 1958. – № 85. – С. 466; Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л., 1979. – С. 7.

¹⁰ Ашик А. Б. Веспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. – Одесса, 1848. – Ч. I. – Табл. I; Санжаровец В. Ф. Легенды Митридадовой горы // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2007. – № 18. – С. 41; Михайлова М. Б. Основные этапы формирования Керчи в XVIII–XIX вв. // Архитектурное наследие. Проблемы градостроительства IV–XIX вв. – М., 1976. – Вып. 25. – Рис. 1–2; Дюбрюк П. Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. II. – Рис. 9, 10, 37, 406–408, 417, 420, 424.

¹¹ Пономарев Л. Ю., Бейлин Д. В., Бейлина С. А. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи (в источниках и историографии XIV–XX вв.) // Sacrum et Profanum. Религия в жизни человека и общества. – Севастополь, 2009. – Вып. IV. – С. 132–138.

¹² Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб., 1884. – Т. I. – С. 279.

¹³ [Дортелли д'Асколи Э.]. Описание Черного моря и Татарии // ЗООИД. – 1902. – Т. XXIV. – С. 122.

- ¹⁴ Православна церква на півдні України (1775–1781). – Запоріжжя, 2004. – Т. 4. – № 325; *Макаревский (Феодосий)*. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии: церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. – Екатеринослав, 1880. – С. 1048; Лебединцев А. А. Столетие церковной жизни Крыма. 1783–1883 г. // ЗООИД. – 1883. – Т. XIII. – С. 207.
- ¹⁵ *Виноградов А. Ю.* Греческие предания о св. Апостоле Андрее. – СПб., 2005. – Т. 1. – С. 311–313.
- ¹⁶ *Макарова Т. И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. – 1982. – № 4. – С. 99.
- ¹⁷ *Макарова Т. И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. – 1998. – Вып. VI. – С. 388, рис. 20.
- ¹⁸ *Веймарн Е. В.* Предварительный отчет о работах Восточного отряда Горно-Крымской экспедиции ИА АН УССР в 1957 г. // НА КРУ «КИКЗ». – Оп. 7. – Ед. хр. 45. – С. 4.
- ¹⁹ *Макарова Т. И.* Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. – Киев, 1991. – С. 132–136; *Макарова Т. И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. – 1998. – Вып. VI. – С. 350–356. По мнению Н. Н. Болгова, данный комплекс состоял из двух базилик. Одна из них находилась на месте церкви Иоанна Предтечи, вторая – к северо-востоку от нее, где была открыта крещальня: *Болгов Н. Н.* Культурный континуитет в Северном Причерноморье IV–VI вв. – Нижний Новгород, 2001. – С. 22; *Болгов Н. Н.* О ранне-византийских базиликах Боспора // Исторична наука: проблеми розвитку. Археологія. – Луганск, 2002. – С. 20; *Болгов Н. Н.* О христианской сакральной топографии Боспора V–VI вв. // ВХУ. – 2005. – № 701: Історія. – Вип. 37. – С. 245; *Болгов Н. Н.* Византия – Таврика – Русь: культурно-ідеологічний континуїтет в Северном Причерноморье // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича. – Львів, 2011. – Вип. 20. – С. 103–104. Как считают А. В. Сазанов и Ю. М. Могаричев, трактовка резервуара как купели требует «более весомой аргументации», а сам комплекс мог быть связан с резиденцией византийского наместника Боспора: *Сазанов А. В., Могаричев Ю. М.* Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // ПИФК. – 2002. – Вып. XII. – С. 483; *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошиников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь, 2007. – С. 55–56.
- ²⁰ *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – СПб., 2004. – С. 101–102.
- ²¹ *Макарова Т. И.* Боспор-Корчев по археологическим данным. // Византийская Таврика. – Киев, 1991. – С. 129–130, рис. 9.
- ²² *Гадло А. В.* К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // АДСВ. Античные традиции и византийские реалии. – 1980. – Вып. 17. – С. 138; *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – СПб., 2004. – С. 101.
- ²³ *Шевелев Е. П.* Рец. на: «Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Сочинение Антона Ашика // ЗООИД. – 1848. – Т. II. – С. 731–732.
- ²⁴ *Дюбрюкс П. А.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно при Черном море // ЗООИД. – 1858. – Т. IV. – С. 26–27.
- ²⁵ *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 340, прим. 73.
- ²⁶ *Блаватский В. Д.* Материалы по истории Пантикапея // МИА. – 1951. – № 19. – С. 35.
- ²⁷ *Сазанов А. В.* Топография Пантикапея I–IV вв. н. э. // СА. – 1985. – № 3. – С. 172.
- ²⁸ *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 290–291, 340.
- ²⁹ *Шевелев Е. П.* Рец. на: «Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Сочинение Антона Ашика // ЗООИД. – 1848. – Т. II. – С. 731–732; *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 290–291, 340; *Ашик А. Б.* Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. – Одесса, 1848. – Ч. I. – С. 26, прим. 1; 53, № 7, прим. 2; 61, № 12, прим. 2.
- ³⁰ Речь идет о керченском купце 1-й гильдии Митрове Петре Васильевиче, краткие биографические сведения о котором удалось обнаружить в «Воспоминаниях» сенатора и генерала от инфантерии Григория Ивановича Филиппсона (1809–1883), которому в годы военной службы на Кавказе неоднократно приходилось сталкиваться с ним. П. В. Митров происходил из семьи

крепостных староверов. Вместе с братьями он сумел разбогатеть на торговле солью и впоследствии выкупить себя за 10 тыс. руб. ассигнациями. К 1842 г., в возрасте 55 лет, П. В. Митров имел в своем распоряжении 15 морских судов и большой оборотный капитал, насчитывавший сотни тысяч рублей: *Филипсон Г. И.* Воспоминания (Кавказ 1837–1847) // Русский архив. – СПб., 1884. – № 2. – С. 350–351.

³¹ Характер фраз указывает на то, что указанные расстояния, вероятнее всего, определялись «на глазок».

³² *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 665.

³³ *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 291; *Ашик А. Б.* Веспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. – Одесса, 1848. – Ч. I. – С. 26, прим. 1.

³⁴ Еще один план церкви приведен в рукописи А. С. Уварова: *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 340, прим. 73.

³⁵ По всей видимости, каких-либо попыток доследовать комплекс, расширив котлован, не предпринималось. Об этом прямо пишет П. А. Дюбрюкс – «длина (храма) осталась невыясненной, так как не было необходимости копать в западном направлении, где мог находиться вход»: *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 290.

³⁶ В сравнении с ними, наиболее сохранившиеся на участке раскопок Т. И. Макаровой кладки домов византийского квартала X–XII вв. имеют в высоту не более 1,0–1,4 м. См.: *Макарова Т. И.* Крым в X – первой половине XIII вв. Боспор – Корчев // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. – М., 2003. – С. 68.

³⁷ По мнению И. В. Тункиной, раскопками была открыта трехапсидная византийская базилика: *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 340, прим. 73.

³⁸ *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 290. Две надписи были опубликованы А. Б. Ашиком. Первая («В царствование Перисада сына Спартока, Гестия, дочь Менодора, будучи жрицей, посвятила Матери Фригийской») датируется III в. до н.э. (КБН, № 21); *Ашик А. Б.* Веспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. – Одесса, 1848. – Ч. I. – С. 61, № 12. Вторая сохранилась на гробнице – «...Коирос воздвиг (эту статую) на гробнице своей дочери Итии в честь Дианы Эфесской, в царствование Перисада, архонта Боспора и Феодосии и царя синдов и меотов» (КБН, № 11); *Ашик А. Б.* Веспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. – Одесса, 1848. – Ч. I. – С. 26, прим. 1; 53, № 7, прим. 2. Третью фрагментированную надпись, в которой упомянуто имя римского императора Клавдия, И. В. Тункина отождествила с надписью, найденной в 1829 г. при разборке турецкой крепости, с посвящением статуи Нерону, сыну императора Клавдия (КБН, № 41); *Ашик А. Б.* Веспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. – Одесса, 1848. – Ч. I. – С. 91–92, № 27; *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 340, прим. 75. Безусловно, все они не имеют никакого отношения к открытому храмовому комплексу. Практика широкого использования мраморных антиков как строительного материала при сооружении христианских храмов хорошо известна в археологии. Например, в стены, пол и ступени северного входа церкви Иоанна Предтечи, еще до ее реконструкции начала XIX в., были вмонтированы античные надгробия, пьедесталы статуй и архитектурные детали. См. об этом: *Waxel L.* Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans à l'Empire de Russie. Dessinées d'après les originaux en 1797 et 1798. – Berlin, 1803. – Р. 8. – №№ 7–10; *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. – М., 1999. – С. 123; *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). – СПб., 2002. – Рис. 12; *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. II. – Рис. 24–26; *Петрова Э. Б., Прохорова Т. А.* Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году». – Симферополь, 2011. – С. 97.

³⁹ *Ашик А. Б.* Веспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. – Одесса, 1848. – Ч. I. – С. 26, прим. 1.

⁴⁰ *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 291.

⁴¹ Здесь же П. И. Дюбрюкс уточняет, что две другие надписи с именем Перисада (КБН, №№ 11, 21) были обнаружены «на кладбище среди земли и обломков», то есть среди плитовых могил, куда, вероятно попали «из другого места вместе с венчавшими их памятниками». Однако, по

мнению И. В. Тункиной, речь в этом пассаже, возможно, идет о надписях КБН № 113 и КБН № 24, не имеющим никакого отношения к раскопкам храма: *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 340, прим. 76.

⁴² *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 291.

⁴³ П. А. Дюбрюкс относил время постройки церкви к IV в. н. э., при этом полагал, что «дата гравирована в надписи на одной из колонн», подразумевая, вероятно, эпитафию Кириака 757 г.: *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 292.

⁴⁴ *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – С. 290–291.

⁴⁵ *Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю.* К церковной топографии Боспора X–XII вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Боспорские чтения. – Керчь, 2012. – Вып. XIII. – С. 340.

⁴⁶ *Михайлова М. Б.* Основные этапы формирования Керчи в XVIII–XIX вв. // Архитектурное наследство. Проблемы градостроительства IV–XIX вв. – М., 1976. – Вып. 25. – Рис. 1; *Бочаров С. Г.* Топография города Керчи XVI–XVIII веков // Археологические записки. – Ростов-на-Дону, 2005. – Вып. 4. – Рис. 1; *Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю.* «Церковь Шевелева» или «церковь 1833 г.» (г. Керчь): К вопросу о местоположении и обстоятельствах находки // Проблемы истории и археологии Украины: материалы Международной научной конференции. – Харьков, 2010. – С. 88–89.

⁴⁷ *Блаватский В. Д.* Материалы по истории Пантикапея // МИА. – 1951. – № 19. – Рис. 3; *Михайлова М. Б.* Основные этапы формирования Керчи в XVIII–XIX вв. // Архитектурное наследство. Проблемы градостроительства IV–XIX вв. – М., 1976. – Вып. 25. – С. 53–54. Рис. 5; *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – Рис. 417.

⁴⁸ *Ашик А. Б.* Восторское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. – Одесса, 1848. – Ч. I. – С. 91, прим. 3; *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в Керчи и на Таманском полуострове // ИАК. – 1914. – Вып. 56. – С. 16; *Тункина И. В.* Первые годы деятельности Керченского музея древностей // АИБ. – Керчь, 1999. – Вып. III. – С. 51.

⁴⁹ *Воронов А. А., Михайлова М. Б.* Боспор Киммерийский. – М., 1983. – С. 74–75, 80–81; *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. I. – Рис. 11.

⁵⁰ *Марти Ю. Ю.* Проблема раскопок древнего Пантикапея // Труды САРАНИОН. – М., 1928. – Вып. IV. – С. 311.

⁵¹ *Сузарев М. В.* Экономическое положение православной церкви в Крыму в первой половине XIX в. // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. – № 3. – С. 446–447.

⁵² *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. II. – Рис. 11.

⁵³ *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. II. – Рис. 11.

⁵⁴ *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. – СПб., 2010. – Т. II. – Рис. 416; *Воронов А. А., Михайлова М. Б.* Боспор Киммерийский. – М., 1983. – С. 80–81; *Лазенкова Л. М.* Керчь в Русском Художественном Листке // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2007. – № 18. – С. 35.

⁵⁵ *Макарова Т. И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. – 1982. – № 4. – С. 102–103; *Макарова Т. И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. – Симферополь, 1998. – Вып. VI. – С. 373; *Макарова Т. И.* Крым в X – первой половине XIII вв. Боспор – Корчев // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. – М., 2003. – С. 71–72.

⁵⁶ *Пономарев Л. Ю.* К топографии средневекового Боспора (христианский некрополь по ул. 51-й Армии) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Боспорские чтения. – Керчь, 2004. – Вып. V. – С. 286–292; *Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю.* К вопросу о территории и археологических памятниках Боспора-Керчи X–XII вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Боспорские чтения. – Керчь, 2009. – Вып. X. – С. 315–316.

⁵⁷ *Фомин М. В.* О внутригородских кладбищах византийского Херсона // Дриновский сборник. – Харьков; София, 2009. – Т. 3. – С. 357–364; *Иванов А. В.* Внутригородские некрополи конца X–XIV вв. как элемент исторической топографии византийского Херсона // Древности-2011. – Харьков, 2012. – Вып. 11. – С. 11–220.

А. А. Роменский

**«КОГДА ПАЛ ХЕРСОНЕС?»
К ВОПРОСУ О КЛЮЧЕВОМ МОМЕНТЕ
В ХРОНОЛОГИИ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЙ КОНЦА X в.**

Проблема христианизации Руси давно стала одной из ключевых в среде византинистов и славистов. Византинисты – исследователи периода правления Василия II (976–1025) – времени, ставшего по определению многих специалистов, апогеем византийской мощи¹ – удивляются молчанию ромейских современников об одной из самых успешных религиозных миссий²; историков державы Рюриковичей волнуют вопросы установления места и роли обращенной в христианство Руси в системе международных координат³, изучения причин, побудивших Владимира Святославича в конце-концов отдать приоритет «византийскому вектору» внешнеполитической ориентации⁴. Ряд ученых рассматривает крещение правящей верхушки древнерусского общества в контексте более широкого феномена «варяжского христианства», характерного для цивилизационной периферии раннесредневековой ойкумены: такая концепция, впервые обоснованная Джоном Линдом, находит все больше сторонников⁵. Несмотря на обилие разысканий, прямо или косвенно касающихся тематики русско-византийских отношений конца X в., фундаментальные противоречия сохранившихся источников поныне затрудняют понимание событий. Не получила бесспорного разрешения проблема согласования Корсунского похода Владимира и его военной помощи представителям Македонской династии в борьбе с апостасием Варды Фоки в 988–989 гг., в которой, как представляется, ключевое значение имеет хронологический аспект. Не все ученые согласились с остроумной интерпретацией Анджея Поппэ, представившего русского князя союзником правящих василевсов, карающим мятежный город, якобы перешедший на сторону взбунтовавшегося доместика схол⁶. В то же время и традиционная в историографии точка зрения о походе на Херсон в ответ на нарушение византийцами условий договора о браке киевского правителя с порфирородной Анной зачастую не выдерживает критики⁷. Вопрос о времени осады и взятия Херсона (в формулировке которого уместно позаимствовать название известного исторического романа А. П. Ладинского) является основополагающим не только для реконструкции обстоятельств конфликта в Юго-Западной Таврике, но и для понимания международной политики Византии и Руси рассматри-

ваемого периода, непосредственных предпосылок утверждения христианства в Восточной Европе.

Классическая интерпретация данных византийской и арабской письменной традиций о крещении Руси была дана в работах В. Г. Васильевского, В. Р. Розена и Ф. И. Успенского, в видении которых поход на Корсунь стал ответом Руси на нарушение Византией ее договорных (матримониальных) обязательств⁸. Основой для реконструкции хронологии Корсунского похода стало отождествление «огненных столбов» Льва Диакона⁹ с «подобием огненного столба» в Каире, упомянутым Яхъей Антиохийским¹⁰ и утверждение, что комета 989 г. («звезда» Льва Диакона) указывала на «последовавшее затем» взятие Херсона¹¹; дополнительным аргументом стал хронологический перечень «Памяти и похвалы» Иакова Мниха, относящий захват Корсуни «на третье лето» после крещения Владимира¹². Разыскания последующих исследователей, обращавшихся к переводу этого фрагмента «Истории», убеждают нас в необходимости пересмотра и уточнения трактовки В. Г. Васильевского – В. Р. Розена¹³; уместность сопоставления «столбов» византийского и арабского историков вызвала полемику¹⁴. Тем не менее вывод о захвате Херсона в 989 г. получил широкое распространение в историографии, и основой для него в большинстве случаев остается все та же аргументация о комете и «огненных столбах», вошедшая в науку в последней четверти XIX в.¹⁵ Исследования, в которых подвергается критике мотивация похода «росов» в ответ на нарушение предполагаемого договора с византийской стороны¹⁶, выглядят скорее исключением, что побуждает вновь обратиться к хронологии русско-византийских отношений конца X в.

Начало дискуссии о том, когда и где крестился князь Владимир, восходит ко временам составления Начального свода и дополнения его известий в рамках Повести временных лет. Согласно летописи, крещение в Корсуне происходит как кульминация длительного процесса обращения язычника, начавшегося после миссионерских посольств в Киев от представителей конкурирующих религий и последующего «испытания вер» послами русского князя. Изложив рассказ о крещении Владимира, летописец констатировал расхождения современников: «Се же не сведуще право глаголють . яко крестился естъ в Киеве . и ини же реша [в] Василиви. друзии же инако скажють»¹⁷. Безоговорочная поддержка летописного свидетельства была характерна лишь для первых специальных работ ученых и исчезла по мере углубления критики источников. Так, по мнению Н. С. Голицына, поход на Корсунь начался не раньше апреля и завершился к началу августа 988 г.¹⁸ Привлечение данных византийских и арабских авторов в сочетании с данными «Памяти и похвалы» позволило В. З. Завитневичу утверждать, что крещение князя произошло в Киеве в 987 г., посылка вспомогательного отряда в Византию состоялась в 988 г., осада Корсуни – в июне-декабре 989 г., а крещение киевлян в 990 г.¹⁹; в противовес ему летописную точку зрения поддержал А. И. Соболевский²⁰. Дальнейшие интерпретации еще больше разнообразили хронологию событий: согласно В. Г. Васильевскому и В. Р. Розену, Владимир крестился в Киеве, а Корсунь взял в период между 7 апреля и 27 июля 989 г.²¹; по А. Л. Бертье-Делагарду, младший из Святославичей тайно крестился в 986 г., затем прошел это таинство вторично либо сочетался браком

с Анной после взятия Корсуня в промежутке июля-августа 987 – апреля 988 г.²² Анджей Поппэ, вслед за ним – Мигель Арранц и Владимир Водов признают, что крещение Владимира состоялось после заключения договора 987 г. еще в Киеве, вероятно, на Богоявление 988 г., брак с византийской принцессой случился летом того же года²³, но осада Херсона длилась с осени 988 по апрель 989 г.²⁴ К тем же выводам приходит А. П. Власто²⁵. О. М. Рапов предложил следующую датировку событий: крещение Владимира в Киеве в 988 г., осада Херсона в конце лета 989 – апреле-мае 990, крещение киевлян в 990 г.²⁶ Примеры различных трактовок можно продолжать, но для анализа ситуации чрезвычайно важно выяснить момент перехода русско-византийских отношений из военной в мирную фазу. Для этого небесполезно еще раз остановиться на хронологических противоречиях источников, послуживших причиной выдвижения различных гипотез.

В распоряжении исследователя находятся данные нескольких противоречивых письменных традиций. Древнерусские повествования о крещении Руси представлены взаимоисключающими «Киевской» и «Корсунской» легендами²⁷: если последняя стала канонической благодаря доминированию в летописании и агиографии, то в пользу версии «несведущих» свидетельствует «Память и похвала» черноризца Иакова, косвенно – «Чтение» Нестора и «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского²⁸. Не меньше загадок в истолковании византийских источников, которые в большинстве своем «не заметили» крещения Владимира и Руси, лишь мимоходом упоминают о браке «архонта» Владимира с Анной и сопровождавшем его военном альянсе. Причинами такого умолчания историки считали стремление утаить унижительное для ромейской гордости воспоминание о бедствиях их державы²⁹, специфику отношения к миссии среди варваров³⁰ либо представление о крещении Руси еще в IX в.³¹ Молчание византийцев становится более понятным, если учесть скудость их сообщений даже о внутренних делах империи рубежа X–XI вв.³², в которых более осведомленными нередко оказываются арабские и армянские современники. Помимо этого, восточные источники ценны сообщением хронологии событий и сути русско-византийских соглашений. Западные письменные свидетельства не проясняют последовательность происходившего и поэтому окажутся вне основного ракурса внимания. По характерной оговорке северонемецкого хрониста XII в. Хельмольда из Бозау, «Русь уже давно как уверовала... Но какие учителя привели ее к вере, мне почти ничего не известно, кроме того, что во всех своих обрядах они, похоже, больше подражают грекам, нежели латинянам»³³. Рассмотрим хронологические указания письменных памятников.

Наиболее подробный рассказ об обстоятельствах крещения князя русов сохранился в текстах так называемой «Корсунской легенды» в Повести временных лет и разнообразных редакциях Житий Владимира. Анализ летописного текста в статьях 6494–6496 (986–988) гг. доказал его сложную структуру, ориентацию на предшествующую литературную традицию. По признанию большинства исследователей, хронологические указания ПВЛ за X – первую половину XI вв. далеки от точности³⁴. Не раньше второй половины XI в., ориентируясь на византийские источники и немногие имеющиеся аутентичные документы (договоры Руси с Византией), летописец проставил в тексте даты от

сотворения мира. При этом, не имея точных указаний, он зачастую относил одновременные события к двум разным годам³⁵. Так, смерть Олега отнесена к 6420 (911), а вокняжение Игоря – к 6421 (912) гг.³⁶, примирение Игоря с византийцами датировано 6452 (944) г., а заключение мирного договора – следующим, 6453 (945) г.³⁷, смерть Игоря – 6453 г., начало княжения Святослава (при регенстве Ольги) – 6454 (946) г.³⁸; дважды, под 6472 (964) и 6474 (966) гг. упоминается о походе Святослава на вятичей, информация о котором разорвана вставкой о войне с хазарами³⁹; в 6478 (970) г. Святослав идет к Переяславцу, но лишь в следующем году приходит к нему⁴⁰; смерть Святослава зафиксирована под 6480 (972) г., а начало княжения Ярополка – под 6481 (973) гг.⁴¹ Под 6490 г. явно сгруппировано очень много событий: сватовство Владимира к Рогнеде и взятие им Полоцка, его поход на Киев, предательство воеводы Блуда, вокняжение Владимира, осада Родни и убийство Ярополка, обман варягов и переговоры о них с Византией, поставление кумиров «на холму внѣ двора теремнаго» и аналогичные действия Добрыни в Новгороде, наконец, вставка пространного сюжета о женолюбии⁴². Все это не позволяет доверять датам, содержащимся в условно выделяемой «Повести о крещении Владимира»: 6494 (986) г. – переговоры в Киеве с Болгарами «вѣры Бохъмичѣ», Немцами «Жидами Козарьсти-ми» и Греком Философом; 6495 (987) г. – совет с боярами и старцами и отправление послов с целью «испытати когождо ихъ службу», 6496 (988) г. – поход на Корсунь «минувшую лѣтъ ѹ», его осада и взятие, переговоры с василевсами, брак с Анной, возвращение в Киев и крещение киевлян, построение церквей, учение детей «нарочитой чади», посажение сыновей по городам, строительство укреплений и борьба с печенегами.

В статье 6496 (988) г., в которой, по большинству списков, помещается Корсунский поход и крещение князя с дружиной⁴³, соединены события нескольких лет Владимирово княжения. В поздних сводах крещение в Корсуне иногда относится к 6497 (989) г.⁴⁴ В некоторых случаях сообщение летописной статьи 6496 г. кратко повторяется в следующей статье (обычно в виде констатации: «Крестився Владимир»)⁴⁵, или же сведения о походе на Корсунь отнесены к 6496, а крещение Руси – к следующему, 6497 г.⁴⁶ Таким образом, считать летописную дату подлинной без дополнительных аргументов нет оснований.

Уникальную информацию, противоречащую данным других источников, сообщает «Память и похвала князю Владимиру» мниха Иакова, в составе которой имеются так называемые «летописные заметки». Представляется необходимым еще раз привести находящиеся в них данные: «По святом же крещеньи поживе блаженный князь Володимир 28 лет. На другое лето по крещеньи к порогу ходи, на третье Корсунь город взя, на четвертое лето церковь камену святых Богородица заложи, а на пятое лето Переяславль заложи, в девятое лето десятину блаженный христоролюбивый князь Володимир в да церкви святей Богородице и от имения своего... И Бог поможе ему и седе в Киеве на месте отца своего Святъслава и деда своего Игоря. А Святъслава князя печенеге убиша; а Ярополк сядяше в Киеве на месте отца своего Святъслава, и Олегъ идыи с вои, у Вруча града мост ся обломи с вои, и удавиша Олга в гребли, а Ярополка убиша в Киеве мужи Володимерове. И седе в Киеве князь Володимир въсмое лето

по смерти отца своего Святъслава, месяца июня в 11, в лето 6486. Крести же ся князь Володимир в 10-е лето по убьеньи брата своего Ярополка... Успе с миром месяца июля в 15 день, в лето 6523 о Христе Иусе»⁴⁷.

В «летописных заметках» имеются две точные даты – вокняжения Владимира 11 июня 6486 (978) г. и его смерти 15 июля 6523 (1015) г., остальные датировки относительны, приведены по годам от «убьенья Ярополка» и «по крещении» Владимира. Третья точная дата «Памяти и похвалы», в составе «Похвалы Ольге», называет день смерти княгини 11 июля 969 г.⁴⁸ Вслед за А. А. Шахматовым большинство ученых признают церковное происхождение этих дат⁴⁹, выписанных то ли из помянника при Десятинной церкви⁵⁰, то ли из гипотетической прижизненной похвалы Владимиру⁵¹. На основании применения современных правил арифметических вычислений распространилась точка зрения, что «Память и похвала» относит крещение князя к 6495 (987) г., а взятие Корсуня – к 989 г.⁵² Однако А. И. Соболевский, анализируя хронологический перечень княжений в ПВЛ, доказал, что древнерусские люди при подсчете количества лет «включали в их число оба года, в которые совершились события», т. е. Иаков относил принятие христианства Владимиром к 988 г.⁵³ Даже при такой интерпретации оставалось прямое показание на взятие Корсуня после этого события, его нельзя было состыковать с хронологией летописи. Тогда ученый предположил искажение первоисточника, в котором якобы говорилось об основании русского города Корсуня в Поросье⁵⁴. Если считать методом А. И. Соболевского, то срок жизни князя в 28 лет приводит к 6496 (988) г., а указание «в 10-е лето по убьеньи» на 6495 (987) г.⁵⁵; используя современный счет по отношению к тем же датам, приходим к 6495 (987) и 6496 (988) гг. соответственно. Вероятно, это объясняется различными показаниями источников, использованных при составлении этого хронологического перечня.

Историки колеблются в определении стиля летоисчисления, применяемого в «летописных заметках», называя византийский сентябрьский год или древнерусский мартовский, начинавшийся на полгода позже. Известно, что мартовский счет преобладает в летописных статьях X – первой XI вв.⁵⁶, поэтому сведения заметок, если они являются выпиской из более древнего, чем ПВЛ и Начальный свод, летописного свода, могли бы приводиться по мартовскому стилю. О. М. Рапов считал, привлекая «Сказание о Свв. Борисе и Глебе», что в источнике использовался мартовский стиль⁵⁷. А. Г. Кузьмин сопоставил хронологию летописного перечня княжений в статье ПВЛ под 6360 (852) г. с хронологией «Памяти и похвалы». Исследователь вычитает от даты смерти Владимира по перечню (6522 г.) 28 лет, и таким образом, определяет дату крещения Владимира 6494 г., а Корсунский поход – 6496 г.; но в «Памяти и похвале» имеется четкая дата смерти князя 15 июля 6523 г., и попытка приспособить ее данные к показаниям перечня не выглядит убедительной⁵⁸. А. Л. Пономарев и Н. И. Сериков, в противовес О. М. Рапову, доказывают использование сентябрьского стиля в датах рассматриваемого памятника, который они называют «не самым достоверным источником»⁵⁹. Н. И. Милютенко считает, что дата крещения Владимира в «Памяти и похвале» приведена по византийскому сентябрьскому стилю и соответствует 6495 (1 сентября 986 – 31 августа 987) г. Кроме того,

Иаков использовал и счет по годам правления князя, также заимствованный из Византии (в этом случае датировка крещения сдвигается к июню 987 – июню 988 гг.)⁶⁰. Это наблюдение нуждается в корректировке.

Для разъяснения вопроса о хронологии «Памяти и похвалы» необходимо изучить происхождение указанных в ней точных дат и относительных датировок. А. А. Шахматов считал, что заметки поначалу располагались в хронологическом порядке, открываясь сообщением «и седе в Киеве на месте отца своего Святъслава»⁶¹; по мнению А. Н. Насонова, текст заметок был составлен при Десятинной церкви и состоит из двух групп, связанных фразой: «И Богъ поможе ему и сѣде в Киевѣ...». На церковное происхождение указывает отсчет хронологии от крещения, а также завершение известий сообщением о построении церкви Богородицы (хронология отличается от летописных дат). Происхождение другой группы записей остается неясным⁶². Предположение А. Н. Насонова кажется более вероятным, но, в любом случае очевидно, что сохранившийся текст не является архетипом записей. Переписчик (оставляем открытым вопрос, был ли это Иаков) механически дополнил Житие Владимира хронологическими выписками в произвольном порядке. Попытаемся понять, какой логикой он руководствовался.

Счет времени в «заметках» ведется, согласно византийскому обычаю, по годам правления государей. Отсчет «царских годов» в Византии является отдельной спорной проблемой⁶³. С 537 г. император Юстиниан I предписал вести летоисчисление по фактическим годам царствования, и такой способ закрепился в официальных актах как Византии, так и стран Западной Европы⁶⁴. В хронографии было принято исходить из календарных лет правления. А. В. Назаренко доказал, что в византийских актовых материалах, наряду с фактическим способом отсчета, применялся календарный, при этом первым годом пребывания у власти считался период от дня воцарения до 1 сентября соответствующего ему года⁶⁵. Исходной датой служит вокняжение Владимира 11 июня 6486 (978) г. – редчайший для X в. случай, когда указана точная дата светского события, что и породило полемику исследователей. По А. А. Шахматову, в тексте источника правильно указан год события, тогда как число и месяц искажены⁶⁶; А. В. Назаренко справедливо усомнился в таком выводе, считая, что дата является церковной записью о кончине Ярополка Святославича⁶⁷. Эта интерпретация служит аргументом в отстаиваемой историком гипотезе о крещении Ярополка от немецких миссионеров Оттона II. Версия о Ярополке-христианине, основывающаяся главным образом на сведениях о миссионерской деятельности Бруно-Бонифация Кверфуртского из «Жития блаженного Ромуальда» Петра Дамиани⁶⁸ и «Хроники» Адемара⁶⁹, все же требует дополнительных доказательств⁷⁰. Еще меньше оснований считать, что день кончины Ярополка (крестившегося, согласно А. В. Назаренко, по западному обряду) был занесен в церковный помянник византийским клиром Десятинной церкви. Кроме того, день вокняжения Владимира и убийства его старшего брата может не совпадать⁷¹: изгнав Ярополка из Киева, младший из Святославичей осаждал Родню, и лишь после долгой осады города бывшего киевского князя «подъаستا... два Варага мечьми подь пазушь⁷²».

Хронологические показания еще одного древнерусского источника – «Чтения о житии и погублении Свв. Бориса и Глеба» – не вызывают доверия, так как основаны на конъектуре (6495 г. вместо 6490 г., проставленного в рукописи)⁷³. Для автора «Чтения...» – Нестора, иногда отождествляемого с преподобным Нестором Летописцем⁷⁴, задача точного изложения времени и обстоятельств крещения князя и не была приоритетной. Следуя византийским образцам, он сравнил Владимира с Евстафием Плакидой⁷⁵. Как и в случае с Плакидой, Бог перед крещением Владимиру «спону некаку створи», и в результате некоего «явления» он стал христианином⁷⁶. Разумеется, это «явление» (как и видение Владимира, рассказанное епископу Бруно Кверфуртскому) нельзя считать историческим фактом⁷⁷.

В ряде памятников сохранились сведения о продолжительности осады Корсуни. Так, согласно Житию особого состава, князь Владимир «вборзе собравоеводы своя Варягі і Словяны и Кривичи и Болгары и с черными людмі поиде в Корсун, и осади град, и стоя 6 месяц». После предательской информации «варяженина» Ждьберна и перекопания «пути земляного» Владимир «по трех месяцах» взял град⁷⁸. Эти события в Житии датированы $\text{xs} \cdot \text{y} \cdot \text{s}$ (6096) г. (буква ч – 90 – явно пропущена). В отличие от Иакова, а также автора «Сказания о Борисе и Глебе», составитель Жития пишет о 23 годах жизни князя после крещения. Доверять этому сообщению Особого жития нет оснований, поскольку его текст, составлявшийся много позже X в. в Северо-Восточной Руси, изобилует ошибками (так, Владимир крестится в «речке», не существующей в Херсоне, берет с собой митрополита «Лариона» – современника Ярослава Мудрого). Создается впечатление, что речь идет о девяти месяцах осады⁷⁹. Не исключено, что составитель Плигинского списка соединил в своем повествовании разночтения имеющихся у него источников. Шестимесячную длительность Корсунской кампании называет и «Житие блаженана Володимера» («обычное»)⁸⁰, а в Рогожском летописце указаны три месяца⁸¹.

Византийская и арабская традиции не дают точных хронологических указаний о времени похода на Корсунь и крещения Владимира. Собственно, о захвате (ἄλωσις) Херсона упоминает только Лев Диакон, и его сообщение стоит особняком среди других известий. Ценность информации Льва для реконструкции событий, связанных с походом Владимира Святославича на Корсунь, различно оценивалась исследователями. Если В. Г. Васильевский, В. Р. Розен и Ф. И. Успенский не подвергали сомнению достоверность известия византийского историка и в значительной мере опирались на его труд в своих разысканиях⁸², то А. И. Соболевский и А. Л. Бертье-Делагард, напротив, находили основания для недоверия ему⁸³.

В 6-й главе X книги Лев Диакон упоминает о комете августа 975 г., появление которой «предвещало... почти полное уничтожение Ромейской державы»⁸⁴. Следующие главы описывают разнообразные бедствия, постигшие Византию после смерти Иоанна Цимисхия и продлившиеся вплоть до 989 г., когда от землетрясения, произошедшего накануне дня Св. Димитрия (по данным Синаксария Константинопольской церкви – 26 октября)⁸⁵ пострадал собор Св. Софии. В 10-й главе историк опять говорит о «тягчайших бедах», которые предсказывались «восходом появившейся тогда звезды». В. Г. Васильевский считал, что речь идёт о ранее упомянутой комете 975 г.; после упоминания о другом атмосферном явлении – «огненных столбах» – речь идёт уже о новой «звезде» 989 г.⁸⁶ Сопоставляя указание Диакона об огненных столбах с данными арабского историка Ал-Мекина, упоминавшего, вслед за Яхъей Антиохийским, о «подобии огненного столба» в Каире «27 Зу-л-Хидджи 378»⁸⁷, т. е. 7 апреля 989 г., византинист заключал, что взятие Херсона произошло не раньше вышеупомянутой даты. В. Р. Розен, приняв этот вывод, дополнил его установлением *terminus ante quem* происхождения – не позже 27 июля 989 г. (19 Раби'а II 379, когда вновь появилась «звезда хвостатая на западе»)⁸⁸. Но сравнение описаний «столбов» у Льва Диакона и Яхъи позволяет усомниться в том, что это одни и те же явления⁸⁹.

Для разрешения противоречий еще раз обратимся к первоисточнику: «Καὶ ἄλλα δὲ παρχάλεπα ἢ τοῦ φανέντος ἀστέρος παρεδήλου ἐπιτολή. Καὶ οἱ παραδειχθέντες αὐθις πρὸς τὸ βόρειον μέρος ἁπὸ τῶν νυκτῶν πύρινοι στύλοι, καὶ τοὺς ὀρῶντας ἐκδειματούμενοι. Καὶ γὰρ καὶ οὗτοι τὴν τε συμβᾶσαν πρὸς τῶν Ταυροσκυθῶν τῆς Χερσῶνος ἄλωσιν παρεδήλου, καὶ τὴν τῆς Βεῤῥοίας κατάσχεσιν παρὰ τῶν Μυσῶν»⁹⁰. Рассмотрим существующие трактовки этого фрагмента «Истории» Льва Диакона: Д. Попов, переводя глагол *παρεδήλω* как «предвещать», вместе с тем акцентировал внимание на том, что византийский историк говорит об одной комете; В. Г. Васильевский настаивал на предшествовании явления «огненных столбов» захвату Херсона, тогда как Н. М. Богданова аргументировала противоположную точку зрения; перевод М. М. Копыленко ближе к ее версии⁹¹. А. Л. Пономарев и Н. И. Сериков анализируют текст Льва Диакона, привлекая астрологические представления средневековья; они допускают конъектуру в оригинале (ἐπὶ ἐπικαταφορὰν вместо ἐπὶ καταφορὰν; уточняются значения слов и словосочетаний, исходя из их астрологической трактовки). На основании проведенного анализа авторы утверждают, что привязка взятия Корсуни к появлению кометы Галлея

беспочвенна. Впрочем, они согласны с Н. М. Богдановой в том, что восход звезды и столбы «намекали» на уже случившийся захват Херсона⁹². Вряд ли можно согласиться с другим утверждением – о датировке взятия Херсона до 16 декабря 988 г. – дня полярного сияния согласно китайским источникам. Такая интерпретация зиждется на отождествлении «огненных столбов» с полярным сиянием, что представляется неверным для черноморского региона⁹³. Не исключено, византийский историк наблюдал горение газовых факелов – гидратов метана – или описал его результат со слов очевидца⁹⁴. Предпринятый нами перевод заставляет в целом склониться к точке зрения Н. М. Богдановой: «И на другие большие трудности указывал восход показавшейся звезды. И явившиеся опять на севере [в северной части] поздней ночью огненные столбы, устрашающие видевших. Ибо эти [т. е. столбы] указывали на случившееся взятие Херсона тавроскифами и овладение Веррией мисянами». Таким образом, авторитетное свидетельство византийского современника не дает оснований для установления хронологии взятия Херсона.

Другие византийские (Скилица⁹⁵, Пселл⁹⁶, Зонара⁹⁷) и арабские (Яхъя⁹⁸, Шуджа Рудраверский⁹⁹) авторы, обходя молчанием судьбу окраинного припонтийского города, повествуют о союзнической помощи, оказанной Владимиром своему шурину в ответ на руку сестры императора. Не сообщая в точности хронологии событий, эти источники указывают, что свойство (τὸ κῆδος) обоих властителей предшествовало дружескому шагу Владимира. Год крещения Владимира сообщается лишь в заметке одной из «Малых хроник», сохранившейся в рукописи XIV в., созданной на Руси и принадлежащей киевскому митрополиту Исидору: «τὸ δὲ ἄρτις ἔτος ἐβαπτίσθη ὁ Βολοντίμηρος, ὃς ἐβάπτισε πᾶσαν Ῥωσίαν» (В 6496 г. (сентябрь 987 – август 988 гг.) крестился Владимир, который крестил всю Росию)¹⁰⁰. Петер Шрайнер полагает, что запись, скорее всего, была извлечена из ПВЛ¹⁰¹.

Наиболее подробен и точен в своем изложении Яхъя, скорее всего, пользовавшийся данными ромейской исторической традиции¹⁰². Фрагмент повествования ал-Антаки, посвященный мятежу Варды Фоки и русам, имеет две точные даты: провозглашения императором Варды Фоки – 14 Айлуля (сентября) 1298 г. селевкидской эры (987 г.) и битвы под Авидосом – 13 Нисана (апреля) 1300 г. (989) г.¹⁰³ Из текста следует, что прибывшее после 14 сентября 987 г. византийское посольство имело целью получить военную поддержку русов, которая была оказана, «когда было решено... дело о браке». Условием женитьбы на сестре было принятие христианства «царем» русов и народом, а впоследствии Василий II «послал... митрополитов и епископов»¹⁰⁴. Выстраивается следующая логическая цепочка: прибытие византийского посольства – согласие креститься – договор о свойстве и женитьба – военная помощь. Представляется важным филологический анализ текста Яхьи, проведенный А. Л. Пономаревым и Н. И. Сериковым: в целом соглашаясь с В. Р. Розеном, они считают, что буквальный перевод сообщения арабского историка говорит об «утверждении факта брака», а не только согласования его условий в ходе переговоров¹⁰⁵.

Позволим себе еще раз привести фрагмент «Истории» Яхьи в переводе А. Л. Пономарева и Н. И. Серикова, которые дополнили перевод В. Р. Розена

рядом принципиальных замечаний: «И стало опасным дело его [Варды Фоки], и был им озабочен Василий по причине силы его войска и победы его над ним. И истощились его богатства и побудила его нужда послать к царю русов — *а они враги его*, чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении. И согласился он на это. *И заключили они между собой договор о свойстве и браке царя русов с сестрой царя Василия*, после того, как он поставил ему условие, чтобы крестился тот и весь народ великий. И не причисляли себя русы тогда ни к какому закону и не признавали никакой веры. И послал к нему царь Василий после этого митрополитов и епископов, и они окрестили царя и всех, кого охватывала его власть и отправил [Василий] к нему сестру свою (она построила много церквей в стране русов). *Когда же факт брака между ними утвердился, прибыли войска русов* также и соединились с войсками ромеев, которые были у царя Василия...»¹⁰⁶ (курсив наш).

Арабский историк оставил ряд ценнейших сведений: 1) в момент начала мятежа Варды Фоки и «истощения богатств» Василия русы были врагами византийского императора; 2) заключенный между Русью и Византией договор включал в себя обязательства крещения не только самого князя, но и всего народа, с включением его в область церковной юрисдикции Константинополя; взамен Владимиру была отдана сестра императора, которая также принялась христианизировать страну; 3) войска были посланы только после «утверждения факта брака» («решения дела о браке» в переводе В. Р. Розена). Последний вывод подтверждается и византийскими хронистами (Скилица и Зонара)¹⁰⁷, а также сообщениями других арабских авторов: Ал-Асира, Ал-Мекина, Шуджи ар-Рудравари¹⁰⁸.

В то же время в источниках нет прямых указаний на то, что переговоры с «царем русов» начались уже в 987 г., как только Варда Склир (и позже Варда Фока) двинулись на захват императорской власти. Очевидно, что обращение к врагу было со стороны Василия II крайней мерой, прибегнуть к которой он решился, лишь потерпев поражения от войск соперника, которого поддерживали общество и большая часть войск¹⁰⁹. Еще в апреле 988 г., как свидетельствует императорская новелла, положение Василия было критическим¹¹⁰. Впрочем, Г. А. Острогорский находит основания для сомнений в достоверности этого источника¹¹¹. Не находится достаточных оснований утверждать, что переговоры законного византийского правительства с Владимиром начались раньше весны 988 г. Чтобы подробнее доказать этот тезис, вкратце обратимся к византийской истории 986–989 гг.

Подробное обоснование заключения союзного договора Руси и Византии в 987 г. предложил Анджей Поппэ¹¹². Его интерпретация русско-византийских отношений конца X в., представленная в ряде работ¹¹³, вызвала дискуссию в ученом обществе и была принята лишь некоторыми исследователями¹¹⁴. Блестящая эрудиция польского медиевиста привела к тому, что целый ряд его более или менее вероятных гипотез (о русско-византийском трактате 987 г., миссии изгнанного Вардой Фокой митрополита Феофилакта Севастийского на Русь, поддержке херсонитами мятежников в ходе апостасия) закрепился в науке. Последнее утверждение, ключевое в истолковании А. Поппэ причин Корсунского

похода, было убедительно опровергнуто Д. Д. Оболенским¹¹⁵, выводы которого представляются вполне обоснованными. Остановимся на обстоятельствах заключения предполагаемого союзного трактата 987 г.

После поражения в битве с болгарами при Сардике 17 августа 986 г.¹¹⁶ для братьев Василия II и Константина VIII – багрянородных представителей Македонской династии – наступили черные дни. Первым претензии на порфиру выдвинул опытный полководец Варда Склир (ок. 920–991), хорошо знакомый с росами во время войны со Святославом в Болгарии, «муж доблестный и решительный», по словам Льва Диакона¹¹⁷. Узнав о разгроме войск Василия, Склир, выпущенный из плена вместе со своими сторонниками в декабре 986 г. эмиром Багдада Самсамом-ал-Даулой, поспешил «воспользоваться случаем». Варда Склир в этой ситуации выглядит явным арабским ставленником: на его стороне, кроме арабов-нумерийцев и окайлийцев, были армяне и курды. В феврале 987 г. Склир провозгласил себя царем в Малатии, миссия Никифора Урана по его поимке закончилась неудачей. В такой ситуации Василий II решил бороться со старым военачальником руками Варды Фоки – сына куропалата Льва и племянника императора Никифора, которому было возвращено звание доместика в апреле того же года¹¹⁸. Расчет молодого самодержца явно базировался на давней вражде между Вардой Фокой, заявившим претензии на власть сразу после убийства дяди в 969 г., и поддержавшим Иоанна Цимисхия Склиром¹¹⁹. Но в этот раз два давних врага сговорились объединить усилия против сторонников Македонской династии и разделить государство, что оказалось ошибкой потерявшего бдительность Склира.

15 августа, согласно информации Иоанна Скилицы¹²⁰, или 14 сентября, по сведениям Яхьи, Фока выдвинул свои претензии на верховную власть, заточив «союзника» в крепости вместе со своей женой¹²¹. Когда мятежники захватили большую часть страны и дошли до Хрисополя, Василий II был вынужден начать переговоры с «царем русов», своим противником¹²². К сожалению, этот фрагмент текста Яхьи, в отличие от предыдущего и последующего рассказа, лишен точной датировки. Ясно, что вставка сведений о русах нарушает хронологическую последовательность повествования; тем не менее очевидно, что переговоры начались после захвата Вардой Фокой Хрисополя; сразу после заключения союзного договора войска росов участвуют в битве с силами патрикия Дельфины возле этого города¹²³. По сообщению Степаноса Таронечи, Хрисопольская битва произошла в 437 г. армянского летоисчисления¹²⁴, что соответствует времени с марта-апреля 988 по март-апрель 989 гг. Итак, росы прибыли в Византию не раньше весны (вероятнее всего, летом) 988 г. Когда же был заключен сам договор?

Анджей Поппэ настаивает, что переговоры с росами начались, как только стало известно о мятеже Склира, самое позднее, после сообщения о предательстве Варды Фоки в мае-июне 987 г.; в октябре-ноябре 987 г. ответное посольство Владимира уже сватало багрянородную Анну¹²⁵. Дополнительным аргументом в пользу своего предположения историк считает письмо, написанное от имени французского короля Гуго Капета византийским императорам с намерением просить руки «дочери святой империи» для своего сына Роберта, которое не

было отправлено, потому что к январю 988 г. весть о замужестве Анны уже дошла к дворам Западной Европы¹²⁶. Однако соблюдающий в целом хронологическую точность Яхъя помещает заключение русско-византийского союза между провозглашением василевсом Варды Фоки в сентябре 987 г. и Хрисопольской битвой, произошедшей не раньше весны 988 г. Представляется, что стимулом для переговоров стало приближение сил Фоки к Хрисополу, в непосредственной близости от Царственного Города. Скорее всего, посланцы императора прибыли к росам морским путем, поскольку передвижение по суше исключали враждебные Македонской династии силы. Навигационный сезон в Черном море длился с марта по октябрь, и маловероятно, чтобы дипломатическая миссия отправилась на Русь поздней осенью либо зимой 987/988 гг. Единственным подходящим временным промежутком выглядит весна 988 г. – к лету союз был заключен, а войска мятежников разгромлены. Свидетельство письма из коллекции Герберта Орильякского не выглядит непреложным доказательством заключения русско-византийского союза уже в 987 г., поскольку желанной для французской короны византийской принцессой могла быть не только Анна, полностью неясны и политические мотивы отмены сватовства¹²⁷.

Не является случайной и оговорка Яхъя о том, что в момент переговоров русы были врагами Василия II. По нашему мнению, это может быть намеком на военные действия между Русью и Византией – Корсунский поход киевского князя. Этот поход, как и предшествующие военные конфликты Руси с Византией, в значительной мере был призван обеспечить выгодное положение «державы Рюриковичей» на международных торговых путях. Военная акция Владимира, как и походы Олега и Игоря, несомненно, осуществлялась с учетом интересов верхушки дружины – «светлых и великих князь» и «великих бояр», находившихся «под рукою» киевского князя¹²⁸, а также торговых «гостей». Цель их притязаний – кроме непосредственного материального обогащения в ходе похода – получить и закрепить торговые преимущества в Византии, и, в частности, в Северном Причерноморье. Именно в руках узкого коллектива лиц, соединенного кровным родством – «княжья» – находилась дань, собранная с подвластных территорий, они же вступают в договорные отношения с Византией¹²⁹.

Своеобразие ситуации конца X в. заключалось в том, что комплекс экономических причин дополнился религиозным переворотом, который, несомненно, готовился в Киеве задолго до прихода младшего из Святославичей к власти. Логику действий князя и его приближенных невозможно понять, не учитывая восприятие христианства в варварских обществах раннего средневековья. Новый Бог должен был на деле продемонстрировать практическую целесообразность перехода под свое покровительство, и воинская удача в этом случае становилась решающим фактором.

Используя критическую ситуацию внутри империи, сложившуюся к 987 г., правящая верхушка Киевской державы принимает решение «помыслить» на «Корсунскую страну». Анализ письменных свидетельств позволяет установить *terminus ante quem* Корсунской кампании, которая, как представляется, завершилась до оформления русско-византийского договора и отправления «тавроскифов» на помощь василевсам. Прибытие войска росов в Византию

состоялось не позже лета 988 г.: они участвовали в Хрисопольской битве Василия II с войсками патрикия Дельфины, которая, по сообщению Степаноса Таронечи, произошла в 437 г. армянского летоисчисления¹³⁰, что соответствует времени с марта-апреля 988 по март-апрель 989 гг. Следовательно, Херсон был взят до лета 988 г.

Противоречивые указания источников о времени продолжительности осады Херсона не позволяют однозначно выбрать хронологический интервал. По свидетельству Константина Багрянородного, моноksилы росов отправлялись вниз по Днепру в июне¹³¹; летний период представляется наиболее благоприятным для совершения похода. Крайне маловероятно, чтобы войско русов отправилось в Таврику к концу летнего сезона. Дружина Владимира могла бы выдержать зимовку на Херсонесском мысу – входящие в ее состав варяги привыкли воевать и в более суровых климатических условиях¹³². Однако начинать поход в преддверии осени и зимы было бы нецелесообразно с военной точки зрения. Данные Житий Владимира позволяют утверждать, что осада продолжалась от шести до девяти месяцев, в течение которых «изнемогаша людие в граде». Теоретически возможное предположение Н. И. Милютенко о взятии города за один летний сезон (по мнению исследовательницы, 989 г.) все же противоречит этим сведениям¹³³.

Представляется, что военные действия начались упоминающимся в «Памяти и похвале» походом к порогам, интерпретация которого вызвала споры исследователей. По мнению М. В. Левченко и Анджея Поппэ, этот поход был вызван необходимостью встречи багрянородной невесты¹³⁴; Н. И. Милютенко предполагает, что князь сопровождал отправляющееся в Византию войско с целью защиты территории от разграбления¹³⁵. Между тем поход к порогам являлся необходимым условием для дальнейшего продвижения вглубь Таврики. Следовало учесть и негативный опыт Святослава, погибшего на порогах от рук спровоцированных Византией печенегов. Удар по печенегам в районе порогов с целью защиты тыла выглядит логичным шагом. Вероятно, воинские силы под предводительством князя, спустившись по Днепру обычным для морских походов маршрутом (из Витичева, служившего сборным пунктом, вниз, перетаскивая ладьи волоком через пороги, с остановкой на островах Св. Григория (Хортица) и Св. Еферия (Березань)¹³⁶, вышли в Черное море и подошли к Херсону со стороны Стрелецкой бухты, соорудив лагерь к западу от города.

Можно полагать, что осада Херсона началась не раньше июня 987 г., окончилась взятием города в марте-апреле следующего, 988 г. В критический момент борьбы за власть империя не нашла сил для оказания поддержки своим владениям в Крыму, на что, должно быть, надеялись херсониты, долго не желая сдавать город. К весне 988 г. положение Василия II обострилось настолько, что он решается на переговоры с вооруженным врагом, обещая за помощь в войне с Фокой руку своей сестры – честь, в которой незадолго до того было отказано германскому императору. Следует отдать должное византийской дипломатии, которая и в этот раз смогла добиться большего, чем вооруженные силы. Князь согласился принять «греческую веру» в захваченном городе, очевидно, будучи уже внутренне настроен на это. Союз, заключенный весной-летом 988 г. в Херсоне, оказался выгодным обоим сторонам – Василий II получил военную

помощь и христианизированную Русь, Владимир же посредством выгодного брака укрепил свое собственное положение во власти, повысил международный статус державы Рюриковичей.

Медлить с исполнением взятых обязательств было не в интересах правящих василевсов, которые озаботились быстрым отправлением своей сестры в Херсон к варвару. Необходимо учесть, что морское путешествие из Константинополя в Херсон не занимало больше двух недель (обычно 10–11 дней)¹³⁷. К лету того же года Византию посетили «тавроскифы», чьи войска предопределили исход битв с мятежниками под Хрисополем (март–апрель 988 – март–апрель 989 гг.) и Авидосом (13 апреля 989 г.)

Сопоставление данных древнерусских, византийских и арабских источников позволило выяснить, что поход на Корсунь произошел не позже лета 988 г. В 987 г. состоялся поход к порогам, после которого войско русов начало осаду Корсуни. К весне 988 г. город пал, начал действовать военно-политический союз Руси с Византией, в результате которого армия Василия II одержала победу в борьбе с апостасиями Варды Склира и Варды Фоки. Конец лета 988 г., вероятно, стал временем ниспровержения Перуна и крещения киевлян.

Нет возможности полностью проследить, какие сферы взаимоотношений пересматривались в новом договоре. Очевидно, что в соглашении разрешались вопросы военно-политического сотрудничества, организации Церкви на Руси и династического союза. Владимир оказывал вооруженную поддержку Василию II (которая не прекратилась и после подавления мятежей), обязывался принять христианство и крестить свою страну с помощью византийских церковных иерархов. Багрянородные императоры соглашались на брак своей сестры с киевским князем – разумеется, против ее воли.

Корсунский поход 987–988 гг., таким образом, является началом качественно нового этапа в отношениях между Русью и Византией. Проведенное исследование позволяет снять противоречие между военной кампанией Владимира в Юго-Западной Таврике и действиями посланного им корпуса росов в борьбе с мятежами византийской аристократии. В 987–988 гг. росы были врагами империи ромеев; к весне 988 г. враги превратились в друзей усилиями дипломатии, как это не раз бывало в истории Византии. Заключенный в 988 г. военно-политический союз продержался до 1043 г., а культурные, ментальные, социальные изменения, следовавшие вслед за введением христианства в качестве государственной религии, растянулись на столетия.

¹ Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. – München, 1963. – S. 247; *Острогорский Г. А.* История византийского государства. – М., 2011. – С. 374; *Brehier L.* Vie et mort de Byzance. – Saguenay, 2006. – P. 200–201; *Runciman S.* Byzantine civilisation. – London, 1933. – P. 48–49; *Diehl Ch.* Histoire de l'empire byzantine. – Paris, 1924. – P. 106; *Диль Ш.* История византийской империи. – М., 1948. – С. 71–74; *Treadgold W.* The History of Byzantine State and Society. – Stanford, 1997. – P. 532–533.

² *Успенский Ф. И.* [Рец. на кн.:] Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. Барона В. Р. Розена. СПб., 1883 // ЖМНП. – 1884. – Ч. 232. – № 4 (апрель). –

- C. 309–310; *Ševčenko I.* Religious Missions Seen from Byzantium // HUS. – 1988 / 1989. – Vol. 12 / 13. – P. 13; Иванов С. А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из варвара христианина? – М., 2003. – С. 220.
- ³ *Пауцто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968. – С. 73–78; *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus 750–1200. – London, New York, 1996. – P. 160–168; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. – М., 2001. – С. 391–450.
- ⁴ *Талис Д. Л.* Из истории русско-корсунских политических отношений в IX–X вв. // ВВ. – 1958. – Т. 14. – С. 103–115; *Рапов О. М.* О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами // ВИ. – 1984. – № 6. – С. 34–47; *Поннэ А. В.* О причине похода Владимира Святославича на Корсунь 988–989 гг. // Вестник Московского университета. – 1978. – Серия 8: История. – № 2. – С. 45–58.
- ⁵ *Lind J.* Varangians in Europe's Eastern and Northern Periphery. The Christianization of North and Eastern Europe c. 950–1050 – A Plea for a Comparative Study // Ennen ja nyt 4/2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ennenjanyt.net/4-04/lind.html>; *Garipzanov I., Tolochko O.* Introduction: Early Christianity on the Way from the Varangians to the Greeks // Early Christianity on the Way from the Varangians to the Greeks / Ed. by Ildar Garipzanov and Oleksiy Tolochko. – К., 2011. – P. 9–11.
- ⁶ *Поннэ А. В.* О причине похода Владимира Святославича на Корсунь 988 – 989 гг. // Вестник Московского университета. – 1978. – Серия 8: История. – № 2. – С. 45–58; *Его же.* Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–989 гг.) // Как была крещена Русь. – М., 1989. – С. 202–240; *Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Rus: Byzantine-Russian Relations between 986–89 // DOP. – 1976. – Vol. 30. – P. 195–244. Точку зрения А. Поннэ поддерживают: *Vodoff V.* Naissance de la chretiente russe. La conversion du prince Vladimir de Kiev et ses consequences. – Paris, 1988. – P. 367; *Treadgold W.* A history of the Byzantine State and Society. – P. 518.
- ⁷ *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки. II. К истории 976–988 гг. // Труды В. Г. Васильевского. – СПб., 1909. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 100–101; *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского // ЗИАН. – 1883. – Т. 44. – Приложение 1. – С. 214–215; *Васильев А. А.* Лекции по истории Византии. – Пг., 1917. – Т. 1. – С. 296–297.
- ⁸ *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки. II. К истории 976–988 гг. – С. 100–101; *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. – С. 214–215; *Успенский Ф. И.* [Рец. на кн.:] Император Василий Болгаробойца. – С. 314; *Его же.* История Византийской империи. Период Македонской династии (867 – 1057). – М., 1997. – С. 412–413.
- ⁹ *Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem* / E rec. C. B. Hasii // CSHB. – Bonnae, 1828. – Pars 11. – P. 175–176.
- ¹⁰ *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. – С. 28–29.
- ¹¹ *Васильевский В. Г.* К истории 976–988 гг. – С. 99–100; *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. – С. 215.
- ¹² *Зимин А. А.* «Память и похвала» Иакова мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // КСИС. – 1963. – № 37. – С. 72–73.
- ¹³ *Богданова Н. М.* О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. – 1986. – Т. 47. – С. 46; *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, комментарий М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова; Отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М., 1988. – С. 90–91; *Пономарев А. Л., Сериков Н. И.* 989 (6496) год – год Крещения Руси. (Филологический анализ текстов, астрология и астрономия) // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. – М., 1995. – Вып. 2. – С. 176.
- ¹⁴ *Рапов О. М.* О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами // ВИ. – 1984. – № 6. – С. 37; *Богданова Н. М.* О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. – 1986. – Т. 47. – С. 43.
- ¹⁵ *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956. – С. 360–363; *Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates. – Munchen, 1963. – S. 252; *Литаврин Г. Г.* Византия и Русь в IX–X вв. // История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 235–236; *Obolensky D.* Byzantium and the Slavs – Crestwood, New York, 1994. – P. 61–62; *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500–1453. – New York; Washington, 1971. – P. 195; *Ševčenko I.* Ukraine between East and West: Essays on Cultural History to the Early Eighteenth Century. –

Edmonton; Toronto, 2009. – Р. 49; Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. – СПб., 2008. – С. 60; Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана та Л. В. Войтовича. – Львів, 2011. – С. 328–335.

¹⁶ Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром. – С. 30; Пономарев А. Л., Сериков Н. И. Указ. соч. – С. 158.

¹⁷ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. – Л., 1926. – Т. 1. – Вып. 1. – Стб. 111.

¹⁸ Голицын Н. С. Речной и морской поход великого князя Владимира в 988 г. // Русская старина. – 1889. – октябрь. – С. 188–189.

¹⁹ Завитневич В. З. О месте и времени крещения Св. Владимира и о годе крещения киевлян // Труды КДА. – 1888. – Т. 1. – № 1. – С. 134–144.

²⁰ Соболевский А. И. В каком году крестился Святой Владимир // ЖМНП. – 1888. – Ч. 257. – июнь. – С. 399–403; Он же. Год крещения Владимира Святого // ЧИОНЛ. – 1888. – Т. 2. – Отд. 2. – С. 1–2.

²¹ Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. II. К истории 976–986 гг. – С. 99–100; Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. – С. 214–217.

²² Бертъе-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь // ИОРЯС. – 1909. – Т. 14. – Кн. 1. – С. 294–304.

²³ Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus // DOP. – 1976. – Vol. 30. – P. 240–242.

²⁴ Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus. – P. 223–224; Арпанц М. Чин оглашения и крещения в Древней Руси // Символ. – 1988. – № 19. – С. 69–72.

²⁵ Власто А. П. Запровадження християнства у слов'ян. Вступ до середньовічної історії слов'янства / Пер. з англ. Р. Ткачук, Ю. Терех. – К., 2004. – С. 305–306.

²⁶ Ратов О. М. О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами. – С. 45–46.

²⁷ Мюллер Л. Рассказ о крещении Владимира Святославовича в Повести временных лет // Проблемы изучения культурного наследия / Отв. ред. Г. В. Степанов. – М., 1985. – С. 53; Poppe A. Two Concepts of the Conversion of Rus' in Kievan Writings // HUS. – 1988 / 1989. – Vol. 12 / 13. – P. 491–492.

²⁸ Зимин А. А. «Память и похвала» Иакова мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку. – С. 67–73; Чтение о Свв. мучениках Борисе и Глебе // Жития Свв. мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подготовил Д. И. Абрамович // Памятники древнерусской литературы. – Пг., 1916. – Вып. 2. – С. 1–26; Аментьев К. К. «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // Византинороссика. – 2005. – Т. 3. – С. 115–152.

²⁹ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. – СПб., 1913. – С. 29–30.

³⁰ Иванов С. А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из варвара христианина? – М., 2003. – С. 213–220.

³¹ Vlasto A. The Entry of the Slavs into Christendom. – Cambridge, 1970. – P. 260; Зубарь В. М., Павленко Ю. В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. – К., 1988. – С. 170; Бибииков М. В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. – М., 2004. – Т. 1. – С. 60.

³² Holmes C. Basil II and the Governance of Empire. – New York, 2005. – P. 36.

³³ Хельмольд из Бозау. Славянская хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. – М., 2010. – Т. 4. Западноевропейские источники / Сост., пер., коммент. А. В. Назаренко. – С. 269.

³⁴ Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении князя Владимира. – СПб., 1906. – С. 22–23; Его же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – СПб., 1908. – С. 398–402; Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники / Науч. ред. Г. М. Прохоров. – СПб., 2008. – С. 57.

³⁵ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. – М., 2001. – С. 377–378.

³⁶ Лаврентьевская летопись. – Стб. 42.

³⁷ Там же. – Стб. 46.

³⁸ Там же. – Стб. 57–58.

³⁹ Там же. – Стб. 65.

⁴⁰ Там же. – Стб. 69.

⁴¹ Там же. – Стб. 74.

⁴² Там же. – Стб. 75–81.

- ⁴³ Лаврентьевская летопись. – Стб. 109; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. – СПб., 1908. – Т. 2. – Стб. 95; Новгородская I летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. – М.; Л., 1950. – С. 150; Радзивилловская летопись // ПСРЛ. – Л., 1989. – Т. 38. – С. 50.
- ⁴⁴ Новгородская вторая летопись (по архивскому сборнику) // Новгородские летописи. – Рязань, 2002. – Кн. 1. – С. 1; Краткий летописец новгородских владык // Там же. – С. 130.
- ⁴⁵ Софийская первая летопись // ПСРЛ. – Л., 1925. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 72; Устюжский летописный свод. – М.; Л., 1950. – С. 34–35.
- ⁴⁶ Псковская третья летопись (Архивский 2-й список) // Псковские летописи. – М., 1955. – Вып. 2. – С. 74–75; Псковская первая летопись // ПСРЛ. – СПб., 1848. – Т. 4. – Ч. 5. – С. 175.
- ⁴⁷ *Зимин А. А.* Память и похвала мниха Иакова и житие князя Владимира по древнейшему списку. – С. 72; Память и похвала князю Владимиру Иакова мниха // Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. – СПб., 2008. – С. 425–426.
- ⁴⁸ *Зимин А. А.* Указ. соч. – С. 70; Похвала Св. Ольге из «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова мниха // *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. – СПб., 2008. – С. 500.
- ⁴⁹ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – С. 26, *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. – С. 378.
- ⁵⁰ *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. – С. 378.
- ⁵¹ *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. – С. 93–95.
- ⁵² *Завитневич В. З.* О месте и времени крещения Св. Владимира и о годе крещения киевлян. – С. 130–132; *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Период Македонской династии. – М., 1996. – С. 412–414; *Кузьмин А. Г.* Хронология Начальной летописи // Вестник МГУ. – Серия 8: История. – 1968. – № 6. – С. 49–50.
- ⁵³ *Соболевский А. И.* В каком году крестился Святой Владимир? – С. 399–400.
- ⁵⁴ *Соболевский А. И.* Год крещения Владимира Святого // ЧИОНЛ. – 1888. – Т. 2. – Отд. 2. – С. 5.
- ⁵⁵ *Соболевский А. И.* В каком году крестился Святой Владимир? – С. 399–400; *Рапов О. М.* О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами. – С. 35–36; *Богданова Н. М.* О времени взятия Херсона князем Владимиром. – С. 40.
- ⁵⁶ *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. – М., 1963. – С. 16.
- ⁵⁷ *Рапов О. М.* Русская Церковь в IX – первой трети XII в. – М., 1988. – С. 239.
- ⁵⁸ *Кузьмин А. Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. – Рязань, 1969. – С. 85–86; *Его же.* Хронология Начальной летописи. – С. 49–50.
- ⁵⁹ *Пономарев А. Л., Сериков Н. И.* 989 (6496) год – год крещения Руси. – С. 182.
- ⁶⁰ *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. – С. 74.
- ⁶¹ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – С. 19–20.
- ⁶² *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII вв. – М., 1969. – С. 30
- ⁶³ *Анастасиевич Д.* Царский год в Византии // SK. – 1940. – Т. 11 – С. 147–199; *Dölger Fr.* Die Chronologie der Grossen Feldzuges des Kaisers Joannes Tzimiskes gegen die Rüssen // BZ. – 1932. – Bd. 32. – S. 275–292; *Dölger Fr.* Das Kaiserjahr der Byzantiner. – München, 1949; *Grumel V.* La chronologie. – Paris, 1958; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. – С. 385–387.
- ⁶⁴ *Анастасиевич Д.* Указ. соч. – С. 149; *Dölger Fr.* Die Chronologie der Grossen Feldzuges des Kaisers Joannes Tzimiskes gegen die Rüssen // BZ. – 1932. – Bd. 32. – S. 276–277.
- ⁶⁵ *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. – С. 387–388.
- ⁶⁶ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – С. 27–28.
- ⁶⁷ *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. – С. 378–379.
- ⁶⁸ *Petrus Damiani.* Vita beati Romualdi. – Roma, 1957. – P. 57–60.
- ⁶⁹ *Ademar de Chabannes.* Chronique / Ed. J. Chavanon. – Paris, 1897. – P. 152–153.
- ⁷⁰ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. – СПб., 2003. – С. 248.
- ⁷¹ *Пономарев А. Л., Сериков Н. И.* 989 (6496) г. – год крещения Руси. – С. 165.
- ⁷² Лаврентьевская летопись. – Стб. 78.
- ⁷³ Чтение о Свв. мучениках Борисе и Глебе. – С. 4.
- ⁷⁴ *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. – СПб., 2003. – С. 62–63.
- ⁷⁵ *Гладкова О. В.* Житие Евстафия Плакиды как источник «Чтения о Борисе и Глебе» Нестора: вопросы текстологии, поэтики и идеологии // ДРВМ. – 2012. – № 1. – С. 28–38; Она же. Житие

Евстафия Плакиды: от Нестора до Милорада Павича // *Герменевтика древнерусской литературы*. – М., 2004. – Сб. 11. – С. 282–288.

⁷⁶ Чтение о Свв. Мучениках Борисе и Глебе. – С. 4; *Бугославський С. О.* Україно-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. – К., 1928. – С. 182–183.

⁷⁷ *Милотенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. – С. 47.

⁷⁸ *Шахматов А. А.* Корсунская легенда о крещении князя Владимира. – С. 46.

⁷⁹ *Пятышева Н. В.* «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь // *СА*. – 1964. – № 3. – С. 114.

⁸⁰ *Зимин А. А.* Память и похвала Иакова мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку. – С. 73;

⁸¹ Рогожский летописец // *ПСРЛ*. – М., 1965. – Т. 15. – Вып. 1. – С. 15.

⁸² *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки. II. К истории 976–988 гг. – С. 99–100; *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. – С. 217, 245; *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. – С. 413.

⁸³ *Соболевский А. И.* Год крещения Владимира Святого. – С. 6; *Бертье-Делагард А. Л.* Как Владимир осаждал Корсунь. – С. 305.

⁸⁴ *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко. – М., 1988. – С. 88.

⁸⁵ *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae* / Ed. H. Delehaye. – Bruxellis, 1902. – P. 166. См.: *Rorpe A.* The Political Background to the Baptism of Rus. – P. 211–212; Поппэ А. Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–89 гг.) // Как была крещена Русь. – М., 1989. – С. 213.

⁸⁶ *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки. II. К истории 976–986 гг. – С. 99–100.

⁸⁷ *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. – С. 28–29.

⁸⁸ Там же. – С. 215.

⁸⁹ *Лев Диакон.* История. – С. 90–91; *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. – С. 28–29.

⁹⁰ *Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem.* – P. 175–176.

⁹¹ История Льва Диакона Калойского / Пер. с греч. Д. Попова. – СПб., 1820. – С. 108–109; *Васильевский В. Г.* К истории 976–986 гг. – С. 99–100; Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром. – С. 46; *Лев Диакон.* История. – С. 90–91.

⁹² *Пономарев А. Л., Сериков Н. И.* 6496 (989) – год крещения Руси. – С. 172–176.

⁹³ Там же. – С. 180–181.

⁹⁴ *Роменский А. А.* Лев Диакон о походе тавроскифов на Херсон: попытка нового прочтения // Кондаковские чтения. – Белгород, 2010. – С. 145–150.

⁹⁵ *Ioannis Scylitzae synopsis historiarum* / Ed. J. Thurn // CFHB. – Berolini, 1973. – P. 336.

⁹⁶ *Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // Труды. – СПб., 1908. – Т. 1. – С. 197; *Михаил Пселл.* Хронография / Пер. Я. Н. Любарского. – М., 1978. – С. 10.

⁹⁷ *Ioannis Zonarae epitomae historiarum* / Ex recens. Mauricii Pinderi // CSHB. – Bonnae, 1897. – T. 3. – P. 552–553.

⁹⁸ *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. – С. 23–25.

⁹⁹ *Кримський А. Ю., Кезма Т.* Оповідання арабського історика XI віку Абу-Шоджі Рудраверського про те, як охрестилася Русь. – К., 1927. – С. 13–14.

¹⁰⁰ *Приселков М. Д., Фасмер М. Р.* Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. // ИОРЯС. – 1916. – Т. 21. – Кн. 1. – С. 61; *Schreiner P.* Die byzantinischen kleinchroniken // CFHB. – Wien, 1975. – Vol. XII/1. – S. 677–678.

¹⁰¹ *Шрайнер П.* Miscellanea byzantino-russica // BB. – 1991. – Т. 52. – С. 157.

¹⁰² *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. – С. 057–090.

¹⁰³ Там же. – С. 23–25.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ *Пономарев А. Л., Сериков Н. И.* 989 (6496) г. – год крещения Руси. – С. 162.

¹⁰⁶ *Пономарев А. Л., Сериков Н. И.* 989 (6496) г. – год крещения Руси. – С. 162; См.: *Розен В. Р.* Василий Болгаробойца. – С. 23.

¹⁰⁷ *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum* / Recens. I. Thurn // CFHB. – Berolini, 1973. – Vol. 5. – P. 336; *Ioannis Zonarae epitomae historiarum* / Ex recens. Mauricii Pinderi // CSHB. – Bonnae, 1897. – T. 3. – P. 552–553.

- ¹⁰⁸ Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. – С. 23–25; Васильевский В. Г. К истории 976–986 гг. – С. 81–89; Кримський А. Ю., Кезма Т. Оповідання арабського історика XI віку Абу-Шоджі Рудраверського про те, як охрестилася Русь. – С. 13–14.
- ¹⁰⁹ Кримський А. Ю., Кезма Т. Оповідання арабського історика XI віку Абу-Шоджі Рудраверського про те, як охрестилася Русь. – С. 13–14.
- ¹¹⁰ Novella XXVI. Imperatori Basilii Porphyrogeniti quae legem Nicephori de monasteriis tollit (A. 988) // Jus Graeco-Romanum / Edidit C. E. Zachariae a Lingenthal. – Lipsiae, 1857. – Pars 3. – Novellae Constitutiones. – 1857. – P. 303–304.
- ¹¹¹ Острогорский Г. А. История византийского государства. – М., 2011. – С. 384.
- ¹¹² Понне А. В. Візантійсько-руський союзницький трактат 987 р. // УІЖ. – 1990. – № 6. – С. 20–33.
- ¹¹³ Понне А. В. О причине похода Владимира Святославича на Корсунь 988–989 гг. // Вестник Московского университета. – 1978. – Серия 8: История. – № 2. – С. 45–58; Его же. Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–989 гг.) // Как была крещена Русь. – М., 1989. – С. 202–240; Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus: Byzantine-Russian Relations between 986–89 // DOP. – 1976. – Vol. 30. – P. 195–244; Eodem. How the Conversion of Rus Was Understood in the Eleventh Century // HUS. – 1987. – Vol. 11. – № 3 / 4. – P. 287–302; Eodem. Two Concepts of the Conversion of Rus' in Kievan Writings // HUS. – 1988 / 1989. – V. 12 / 13. – P. 487–504.
- ¹¹⁴ Vodoff V. Naissance de la chretiente russe. La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses consequences (XIe – XIIIe siecles). – Paris, 1988. – P. 80; Арранц М. Чин оглашения и крещения в Древней Руси // Символ. – 1988. – № 19. – С. 69–101.
- ¹¹⁵ Оболенский Д. Д. Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения // ВВ. – 1994. – Т. 55. – С. 53–60.
- ¹¹⁶ Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. – С. 21.
- ¹¹⁷ Leonis Diaconis Caloensis. Historiae libri decem. – P. 108.
- ¹¹⁸ Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. – С. 21–22.
- ¹¹⁹ Leonis Diaconis Caloensis. Historiae libri decem. – P. 115–122.
- ¹²⁰ Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum. – P. 332.
- ¹²¹ Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. – С. 23.
- ¹²² Там же. – С. 23–24.
- ¹²³ Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum. – P. 336.
- ¹²⁴ Всеобщая история Степаноса Таронского / Пер. Н. Эмина. – М., 1864. – С. 179.
- ¹²⁵ Понне А. Візантійсько-руський союзницький трактат 987 р. – С. 23–26.
- ¹²⁶ Die Brifsammlung Gerberts von Reims / Bearbeitet von F. Weigle // MGH. Die Briefe der deutschen Keiserzeit. – Weimar, 1966. – Bd. 2. – S. 139–140; русский перевод см.: Пухер Реймский. История. – М., 1997. – С. 210; Понне А. Візантійсько-руський союзницький трактат 987 р. – С. 26; Eodem. The Political Background to the Baptism of Rus. – P. 232–235; Eodem. Anna, princess of Kiev // ODB / Ed. in chief A. P. Kazhdan. New York; Oxford, – 1991. – Vol. 1. – P. 103.
- ¹²⁷ Карпов А. Ю. Владимир Святой. – М., 2004. – С. 395.
- ¹²⁸ Терминология договора 6420 (912 г.). См.: Лаврентьевская летопись. – Стб. 33.
- ¹²⁹ Толочко О. П., Толочко П. П. Київська Русь. – К., 1998. – С. 71.
- ¹³⁰ Всеобщая история Степаноса Таронского / Пер. Н. Эмина. – М., 1864. – С. 179.
- ¹³¹ Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio // CSHB. – Bonnae, 1840. – Vol. 3. – P. 74–79.
- ¹³² Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. – С. 286.
- ¹³³ Там же. – С. 287.
- ¹³⁴ Левченко М. В. Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире // ВВ. – 1953. – Т. 7. – С. 204; Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus. – P. 240–242.
- ¹³⁵ Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. – С. 274.
- ¹³⁶ Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio. – P. 74–79.
- ¹³⁷ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – Харьков, 2005. – Ч. 1. – С. 567–568.

В. В. Серов

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ О МОРЕПЛАВАНИИ И ПЛАВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ

Очередное обращение к столь, казалось бы, изученной теме вызвано, тем не менее, отсутствием во внушительном списке специальных работ о византийских кораблях комплексных детальных исследований письменных источников, которые могли бы не только дать ясное представление о внешнем виде судов определенного времени, но и позволить проследить возможные изменения в судостроении и навигации в течение более продолжительных отрезков истории Византии¹.

При описании античных и византийских кораблей и мореплавания исследователи нередко обращаются только к археологическим и эпиграфическим источникам как более наглядным и точным по сравнению с литературными², хотя едва ли можно надеяться создать объемную и полную реконструкцию того или иного судна исключительно по останкам найденных на морском дне или по выбитым на камне одномерным изображениям кораблей. Нарративные данные используются в основном выборочно, то есть фрагментарно, и, тем самым, остаются в своей массе невостребованными. В целом, следует отметить, что источниковедческой составляющей темы византийского корабельного дела недостает полноты и комплексности. К этому замечанию нужно добавить и то, что в историографии фактически отсутствует описание кораблей ранней Византии³, а имеющиеся публикации о судах и мореплавании в средне- и поздне-византийский периоды сосредоточены на немногих проблемах вроде тоннажа и тенденции его изменения в так называемые переходные эпохи⁴.

Таким образом, вполне логичной и своевременной стала бы попытка создать базу данных ранневизантийских источников о плавательных средствах и мореходстве. Настоящая статья является одним из первых робких шагов в этом деле. Ее цель – продемонстрировать возможности комплексного изучения всего лишь одного литературного источника, пусть и столь многословного, как произведения Прокопия Кесарийского.

Обращения к данным Прокопия о кораблях не являются редкими в современной историографии: обойти их молчанием невозможно. Но при этом их использование носит характер исключительно иллюстративный, – главным образом, для того, чтобы продемонстрировать наличие в то время в Средиземноморье собственно кораблей и морских сообщений, – а выбор сюжетов ограничен, чаще всего – это одно из самых информативных у Прокопия сообщение о судах

Антивандальской экспедиции Велизария (B.V. I.11.13–16)⁵, которое, однако, далеко не единственное в его трудах. Последнее обстоятельство позволяет надеяться на реконструкцию в относительно полном объеме картины мореходства, написанную ранневизантийским историком.

Не будучи моряком, корабельным мастером или хотя бы судовладельцем, Прокопий Кесарийский благодаря своим наблюдательности и аналитическим способностям сумел составить себе весьма глубокое представление обо всем, что имело отношение к мореплаванию. Делясь им с читателями, он применяет разнообразную терминологию, причем далеко не всегда традиционно-архаизированную⁶, придавая описаниям живость и реалистичность. И все же, отсутствие специальных знаний или нежелание превращать повествование в скучный набор профессиональных морских выражений заставляло этого писателя минимизировать количество специальных понятий, выбирая наиболее употребительные в непрофессиональной среде, то есть литературные и – реже – обиходные слова и выражения. Благодаря такому подходу мы лишены возможности познакомиться со всем многообразием видов морских и речных плавательных средств второй трети VI в., с их внешним видом, оснасткой и прочими интересными и важными для исследователя деталями. По сути дела, Прокопий различает всего лишь два основных понятия плавательного средства – корабль и лодка – и конкретизирует внутри каждого из них при помощи пространственных уточнений (большой, малый, широкий, длинный) или контекста, содержащего дополнительные детали и косвенные обстоятельства. Приблизительно так же он описывает и навигацию своей эпохи. Тем не менее, данные Прокопия Кесарийского заслуживают того, чтобы быть систематизированными и представленными в комплексном виде для дальнейшего, более полного их использования.

Информацию нашего историка о судах и плавании на них можно условно разделить на три части. В одной помещаются данные о типах плавсредств в зависимости от их назначения, другая включает описание деталей корабельной конструкции, в третьей сведены знания о судоходстве.

Поскольку судно естественным образом предназначалось для плавания на нем, то наиболее общие понятия, обозначавшие в древнегреческом языке плавательные средства, восходят к глаголам со значением «плавать». Таковых у греков было несколько⁷, и потому общее понятие корабля имело, по меньшей мере, два равных по смыслу словесных обозначения – *ναῦς* и *πλοῖον*. Прокопий вставлял в свой текст и иные слова с тем же общим смыслом, но гораздо реже, подчиняясь, вероятно, старинной литературной традиции, которая закрепила некоторые лексемы за сферой поэзии⁸. Большинство подобных редких в речевом обороте синонимов судна вообще происходят от тесно связанных с понятием корабля его функций или конструктивных особенностей⁹. Нечастое их употребление в непрофессиональной речи позволило сузить их значение до определенного типа плавательного средства.

Ναῦς и *πλοῖον*, несмотря на синонимичность, использовались Прокопием не одинаково. С одной стороны, и *πλοῖον*, и *ναῦς* могли быть в источнике как военными, так и мирными транспортными средствами, перевоза, соответственно, оружие и войска¹⁰ либо продовольствие и товары¹¹. Оба слова в одинаковой

мере прилагались Прокопием Кесарийским к морским и речным плавательным средствам¹² любого из народов, упоминавшихся им в качестве плававших на них¹³. Наконец, корабли, обозначенные в тексте тем и другим терминами, плавали как в одиночку, так и в составе множества¹⁴. Но этим, собственно, и заканчивается взаимозаменяемость понятий *ναῦς* и *πλοῖον* у Прокопия. Различий в употреблении того и другого достаточно для того, чтобы поставить вопрос об их смысловом соотношении. Первое из рассматриваемых слов встречается в сочинениях ранневизантийского историка гораздо чаще второго (количественное отношение приблизительно 3:1). В целом ряде эпизодов с упоминанием им судов использовалось только одно из этих слов¹⁵. Анализ соответствующего контекста в таких случаях показывает, что Прокопий Кесарийский отводил каждому из терминов вполне определенное место в своей системе «мореходных» понятий. Для выявления такового попробуем рассмотреть наиболее иллюстративный материал, а именно: фрагменты прокопиевых работ, в которых *ναῦς* и *πλοῖον* присутствуют одновременно. Таковых около полутора десятков, и почти во всех них имеется противопоставление двух рассматриваемых понятий – либо как общее и конкретное¹⁶, либо как одно и другое, отличное от него в сущностном плане¹⁷. И если для последнего можно согласиться с тем, что оба термина аналогичны в абсолютном значении, то в первом варианте выявленных противопоставлений *πλοῖον* выступает как наиболее общее по отношению к *ναῦς* понятие, и, стало быть, они различны и по форме, и по содержанию; в этом смысле их следует переводить на русский язык как «плавательное средство» и «корабль» соответственно. По-видимому, именно такое содержание обычно вкладывал Прокопий в данные понятия.

В качестве общих определений понятия «судна» *ναῦς* и *πλοῖον* присутствуют в тексте рядом с определенными разновидностями средиземноморских плавательных средств, подчеркивая их определенность: с акатами (*ἄκατος*) и барками (*βάρης*), которые, тем самым, относились Прокопием и его современниками к разряду судов, а не лодок¹⁸. Низшей же разновидностью плавательного средства, соотносимого с судном, хотя и в весьма своеобразной системе координат («без всякого подобия корабля», по словам Прокопия), являлся плот (*σχεδία*)¹⁹.

Упомянутые ранневизантийским автором типы кораблей (*ἄκατος* и *βάρης*) отличались от наиболее распространенной модели грузового судна, вероятно, меньшими размерами и какими-то технологическими деталями. Оба этих типа применялись для транспортировки различных грузов²⁰ по полноводным рекам²¹ и прибрежной морской зоне²², вследствие чего легко превращались из морских в речные и обратно²³. Впрочем, редкие авторские уточнения относительно области применения этих судов позволяют предполагать существование только морских акатов²⁴, которые должны были отличаться от «универсальных» собратьев несколько большими габаритами и, вероятно, более высокими бортами для противодействия волне.

Широкое применение маломерных судов предопределило, с одной стороны, универсальность их конструкции, важнейшими элементами которой стали палуба и два ряда весел²⁵, а, с другой, – множественность разновидностей, приспособленных к специфическим условиям конкретной деятельности²⁶.

С понятием судна (πλοῖον) связывался также термин «дромон», обозначавший особый тип, приспособляемый к выполнению военных задач. Возможно, дромон представлял собой специализированную разновидность аката, так как тот и другой типы роднит несколько сущностных черт, в первую очередь, – небольшой размер и преимущественно весельное вооружение²⁷. В одном пассаже Прокопий показывает, каким образом малые транспортные речные суда могли превратиться в полувоенные и при этом приобретали название «дромоны»: на их бортах создавалась в виде дощатых стенок защита для воинов и, вероятно, для корабельного экипажа, между гребцами помещались стрелки²⁸. В другом известном фрагменте – о флоте Велизария, отправленном в 533 г. к побережью Северной Африки, – говорится о том, что в его составе имелись длинные корабли, *подготовленные* (παρεσκευασμένα) для морского боя, что эти корабли быстроходны, и потому их называют «дромонами»²⁹. То, что дромоны не являлись изначально военными кораблями, очевидно. У Прокопия Кесарийского многие военные корабли не названы дромонами³⁰, да и дромоны не всегда служат исключительно военным целям³¹. Объяснением этому может быть только то, что Прокопий выработал вполне определенное представление о дромоне, основанное именно на его отличии от тихоходных морских грузовозов³². Пресловутую сверхскорость дромону придавали весла, расположенные по всей длине бортов. Такого их количества, видимо, не было на других судах, отличавшихся поэтому меньшей скоростью движения. Превращать обычный средний или крупный грузовой корабль в более скоростной и маневренный, ставя на нем дополнительные весла и отдавая полезную площадь под сиденья гребцов, было бы невыгодно. Акаты же, и без того маневренные в силу своих величин и устройства, приобретали свойства «дромона», во многом расставаясь с функцией транспортного средства, которая могла считаться неважной, если передавалась другим, более вместительным судам, плывущим рядом. Таким образом, дромон у Прокопия – это обычное легкое речное или прибрежное судно, привлеченное для выполнения специальных задач в открытом море и для этого специфически оборудованное. Для его идентификации историк воспользовался давно известным термином, ранее применявшимся бессистемно. Типологически обособиться «дромону Прокопия» позволила распространившаяся в 30-е – 40-е гг. VI в. практика массового перемещения войск по морю на значительное расстояние. Дромоны той эпохи редко участвовали в сражении непосредственно, так как не обладали необходимыми для этого вооружением и снаряжением; эти корабли привлекались для срочной переброски небольших воинских контингентов, грузов, посланий, служили сторожевыми кораблями в составе крупных флотилий.

На этом перечень судов, упоминаемых Прокопием Кесарийским, заканчивается. Остальные плавательные средства в его работах представлены, в основном, лодками, обозначенными двумя терминами – ὄλκας и λέμβος. На то, что данные плавательные средства являются именно лодками, а не кораблями, указывают многочисленные обстоятельства. Так, оба этих типа упоминаются в качестве средств перевозки малых групп людей через реку³³. Контекст соответствующих сообщений не позволяет усомниться в том, что лодки заполнялись небольшим

по весу грузом вне зависимости от общей величины того, что предназначалось для транспортировки, так что их чистая грузоподъемность едва ли превышала тонну³⁴. Только в одном месте Прокопий называет словом ὀλκᾶς торговое судно, явно допуская терминологическую путаницу, хотя утверждать, что речь в данном пассаже идет именно о корабле, а не о большой лодке, невозможно³⁵. Впрочем, «олкады» отличались от «лембосов» большими параметрами, в связи с чем последний термин следовало бы переводить на русский язык словом «челнок», обозначающим наименьшую по размеру лодку³⁶. Дело в том, что ὀλκᾶς в источнике действует вполне самостоятельно³⁷, тогда как λέμβος обыкновенно сопровождает корабли, находясь при них в качестве дополнительного плавательного средства – корабельной шлюпки, привязанной длинной веревкой к корме³⁸. Такие шлюпки-челноки бывали задействованы в перевозке людей, уже доставленных к месту действия на крупных судах³⁹. Единственным примером самостоятельности лембосов, действовавших не как корабельные шлюпки, а в качестве речных перевозочных средств, является упоминание их в сюжете о доставке египетского зерна в Александрию⁴⁰. Здесь они даже обладают собственным наименованием («диаремы»), которое вновь подчеркивает их «лодочную» природу⁴¹.

Итак, рассмотренные нами виды упоминаемых Прокопием Кесарийским плавательных средств, в действительности существовавших, ранжируются следующим образом. Самым распространенным в Средиземноморье типом корабля следует признать ναῦς – крупный или средний транспорт. Малые его разновидности носили названия ἄκατος и βάρις. Термин πλοῖον в конкретизированном смысле применялся во времена Прокопия в основном к военным кораблям, тогда как приспособленные к выполнению боевых задач гражданские суда могли приобретать специальные наименования, например, δρόμωνας. Класс лодок состоял из более крупного ὀλκᾶς и меньшего λέμβος. Следует отметить, что внутри каждого типа существовали разновидности, отличавшиеся оснасткой, размерами и, разумеется, грузоподъемностью. Наибольшее разнообразие в этом смысле представляет тип науса. Не обращаясь вновь ко все еще не разрешенной до конца проблеме грузместимости византийского судна, можно лишь напомнить о данных, которые приводит Прокопий, и которые позволяют представить разнообразие кораблей: в экспедиции Велизария принимали участие транспортные суда грузоподъемностью от нескольких до нескольких сотен, а, возможно, и тысяч тонн⁴²; один ναῦς мог перевозить одновременно от приблизительно 40 до 250 вооруженных воинов, возможно, вместе с их лошадьми, необходимым снаряжением и продовольствием⁴³. Впрочем, здесь мы вплотную подошли к отдельному аспекту рассматриваемого предмета – к технической характеристике и деталям конструкции ранневизантийских плавательных средств.

Прокопий упоминает несколько кораблей различной «национальной» принадлежности, однако практически не различает их по конструктивным или иным особенностям. По-видимому, все суда, плававшие в водах Средиземноморского бассейна, были сходны по конструкции и внешнему виду, так как имели универсальных прародителей – позднеантичные плавательные средства. Несколько отличались своим устройством суда Красноморья, плававшие

в особых условиях водной среды, но, кажется, принципиальными отличиями от средиземноморских образцов они не обладали⁴⁴.

Почти все плавсредства строились из древесины⁴⁵. В некоторых регионах маленькие лодки могли выдалбливаться из цельного ствола дерева⁴⁶, но более крупные суда представляли из себя сборные сооружения, скомплектованные из многих деталей: килевого дерева⁴⁷, досок бортовой обшивки⁴⁸, шпангоутов⁴⁹, дощатой же палубы⁵⁰ и мачты с реями⁵¹. Созидание этой конструкции требовало тщательности, точности и аккуратности, а, стало быть, применения профессиональных умений и навыков специалистов-корабелов⁵², трудившихся на специально оборудованных площадях – верфях⁵³. Большинство кораблей типа *ναῦς* не обладало альтернативным задним ходом, и у них четко различались носовая⁵⁴ и кормовая⁵⁵ части.

Образовывавшие борт доски крепились к поперечным ребрам жесткости коваными железными гвоздями⁵⁶. Расположение этих обшивочных досок встык предполагало шпаклевание промежуточных швов и обмазку всей подводной поверхности бортов⁵⁷ гигроскопичными материалами типа смолы.

Для управления судном в его конструкции предусматривались паруса и весла. Гораздо более частое упоминание в источнике парусов и движения судна с помощью силы ветра удостоверяет преобладание в парусно-весельной системе того времени парусной составляющей. И даже корабли с доминирующим весельным двигателем имели какой-то парус для улучшения его ходовых свойств⁵⁸.

При сравнительно невысоких плавучих качествах ранневизантийских кораблей⁵⁹ плывущие на них должны были бояться или, по меньшей мере, опасаться морской стихии со всеми ее неожиданными «великими опасностями»⁶⁰. К таковым относились: в первую очередь, шторм (у Прокопия – «буря») – сильный или очень сильный ветер, поднимающий высокие волны и опрокидывающий или ломающий судно⁶¹; далее, мели и рифы⁶²; наконец, сильные подводные течения и вызванные ими водовороты⁶³. По степени опасности для мореплавателей морские ураганы являлись наиважнейшим видом морских бедствий (о чем свидетельствуют и частота их упоминания в источниках, и подробности в описаниях).

Представляя море враждебной человеку силой, но вынужденные использовать ее для различных нужд, современники Прокопия Кесарийского должны были поневоле приспособиться к нему. Мореходы ранней Византии обладали комплексом практических знаний о погоде и прочих факторах мореплавания⁶⁴, которые способствовали или, напротив, препятствовали путешествию. Очевидно, наиболее благоприятным погодным обстоятельством признавался попутный умеренный ветер⁶⁵, а наилучшим средством против всяческих природных напастей – удобная гавань⁶⁶. Конечно, обычно на море стояла погода, которая не угрожала существованию судна, но которую в то же самое время нельзя было признать и идеальной; ветер мог дуть не совсем в нужном направлении или же вовсе отсутствовать, проходимый участок моря мог оказаться совершенно незнакомым и т. д. Тогда многое зависело от действий экипажа корабля⁶⁷, в котором главным лицом являлся кормчий⁶⁸, особенно если он имел богатый профессиональный опыт⁶⁹. Без него команда моряков⁷⁰ была способна

управлять судном только в условиях хорошо известного им маршрута, то есть в стандартных ситуациях⁷¹, хотя каждый из членов немногочисленного экипажа представлял собой, по-видимому, универсальную трудовую единицу, умевшую управляться с парусами⁷², грести веслами⁷³ или орудовать шестом⁷⁴ и, если нужно, держать безопасную для судна дистанцию между ним и прочими предметами на море⁷⁵. Фигура корабельного капитана просматривается в работах Прокопия неотчетливо. Вероятнее всего, им выступал владелец судна, находившийся на нем во время движения и осуществлявший самое общее руководство⁷⁶, тогда как непосредственным руководителем являлся кормчий или один из старых матросов.

Последнее из того, что можно отнести к «морской» тематике в произведениях Прокопия Кесарийского – это собственно понятийный аппарат, связанный с плаванием на судах. Поскольку для греков плавание на корабле традиционно ассоциировалось в первую очередь с морем⁷⁷, то для обозначения передвижения по рекам специального термина они не придумали, и историки вроде Прокопия при описании соответствующих действий на речной поверхности прибегали к понятию судоходности: та или иная река могла быть судоходной или несудоходной⁷⁸.

Подведем итоги. Изучение данных Прокопия Кесарийского привело к интересным результатам. Кроме самых общих, – например, возможности классифицировать плавательные средства Средиземноморья в зависимости от их величины, устройства и назначения, – выявились некоторые неучтенные прежде детали и обстоятельства вроде того, что дромоны не создавались как военные корабли, а приспособлялись к несению военной службы, то есть являлись военизированными судами. Получили подтверждение ранее сделанные исследователями выводы и предположения, например, о редкости очень больших кораблей.

Благодаря сведениям одного только рассмотренного источника стало возможным достаточно полное описание плавательных средств и мореплавания в эпоху Прокопия. При этом он не был экспертом по морскому делу и не пытался таковым казаться. Его информация о судах, за редким исключением, вписана в повествование о более важных для жителя империи событиях. Но тем она и ценна, ибо не содержит вымысла и налета предвзятости, способных исказить ее до неузнаваемости.

Представляется необходимым и логичным продолжить пополнение источниковедческой базы данных о ранневизантийских судах.

⁷¹ Некоторое исключение составляет исследование о дромоне, в котором имеется и солидная источниковедческая составляющая: Pryor J. H., Jeffreys E. M. *The Age of the Δρομων: The Byzantine Navy ca 500–1204*. – Leiden; Boston, 2006. – P. 7–19, 123–157 (для ранневизантийской эпохи).

⁷² Например: Петерс Б. Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. – М., 1982; Ханке Х. Люди, корабли, океаны: 6000 лет мореплавания / Пер. с нем. – М., 1984. – С. 27–54; Makris G. *Ships // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century*. – Washington, 2002. – P. 95–97; Castagnini Berlinghieri E. F., Paribeni A.

Byzantine Merchant Ships and Marble Trade: New Data from Central Mediterranean // SKYLLIS. – Bd. 11. – 2011. – S. 64–75.

³ В качестве исключения, подтверждающего указанные особенности, см.: *Van Doornink F. Byzantium, Mistress of the Sea, 330–641 // A History of Seafaring Based on Underwater Archaeology / Ed. by G. F. Bass. – London, 1972.*

⁴ *Сорочан С. Б.* К вопросу об уменьшении вместимости византийских грузовых кораблей в «темные века» // Древности. – 1997. – Харьков, 1998. – С. 74–82; *Zuckerman C.* Learning from the Enemy and More: Studies in «Dark Centuries» Byzantium // Millenium. – Bd. 2. – 2005. – S. 79–135.

⁵ Например: *Lewis A. R., Runyan T. J.* European Naval and Maritime History, 300–1500. – Bloomington (Indiana), 1985. – P. 17; *Pryor J.* The Transportation of Horses by Sea in the Byzantine Navy, Sixth–Tenth Centuries // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies (London, 21–26 August 2006). – Padstow, 2006. – Vol. II. – P. 50.

⁶ Ср.: *Pryor, Jeffreys.* Op. cit. – P. 3: «Как известно, наиболее образованные византийские авторы большинства эпох подражали стилю и языку классической Греции. Образцами для них были, к примеру, Гомер, Геродот и Фукидид. Кроме того, византийские литераторы изучали классический греческий, читая и запоминая этих и других авторов. В результате, классические слова и обороты постоянно привлекались ими во время поисков выражения того, что они желали сказать».

⁷ Самые распространенные: *πλέω* и *νέω*.

⁸ Например, слово *σκάφος* (Гросор., B.G. III.7.6).

⁹ Например, в B.V. I.24.11 *ὀλκας* (небольшое транспортное средство) – от *Ρλκός* (изначально – борозда на берегу, оставленная кораблем, вытаскиваемым из воды или сталкиваемым в воду). То же упомянутое выше слово *σκάφος* в узком и, вероятно, первоначальном смысле предполагало корабельную полость, трюм, бывший неотъемлемым признаком любого судна.

¹⁰ Ср.: B.V. I.6.17; B.G. I.16.16 (*πλοῖον*) и B.V. I.11.13; II.15.9; B.G. II.16.21; Н.а. XXV.3 (*ναῦς*).

¹¹ Ср., например: B.G. III.10.6 (*πλοῖον*) и B.P. II.28.28; B.V. I.13.17; B.G. II.5.3 (*ναῦς*).

¹² Например, речные *πλοῖον* и *ναῦς*: B.G. III.36.9, 12 и De aed., IV.6.16 соответственно.

¹³ Например: ромейские (B.G. I.26.17 и B.P. I.24.37; B.V. I.2.32; B.G. IV.23.8); готские (B.V. II.4.34; B.G. IV.24.31 и B.G. I.16.10; III.36.9; IV.22.17); вандалские (B.V. I.5.3; 6.12; 11.23 и B.V. I.6.17); просто «вражеские» для римлян (B.V. I.15.20 и B.V. I.14.2).

¹⁴ Например, для *ναῦς*: B.V. I.12.2; B.G. I.2.27; Н.а. XVI.9 (ед. ч.) и B.V. I.10.4; II.8.6; B.G. I.1.13; II.12.30; III.27.4; IV.26.3; De Aed. I.11.19 (мн. ч.); для *πλοῖον*: B.G. I.3.14; Н.а. XII.2 (ед. ч.) и B.P. I.24.37; B.V. I.2.32; B.G. I.1.20; De Aed. IV.9.17 (мн. ч.).

¹⁵ Например, *ναῦς* мог быть в составе флота (*νηὸν στόλος*: B.G. I.8.4; II.17.21; III.6.15; IV.24.31), а *πλοῖον* – только в числе многих судов (*πολλὰ πλοῖα*: B.G. I.16.10; III.29.10, *πλήθος πλείω*: B.G. I.17.15). Далее, только *ναῦς* мог быть кораблём римского командующего: B.V. I.6.23; 12.1, 6. В свою очередь, лишь к *πλοῖον* прибавляется определение «длинный» (*πλοῖα μακρά*: B.V. I.11.15; B.G. IV.22.17), тогда как военный *ναῦς* у Прокопия обычно обходится без традиционных специфических определений (B.G. IV.23.37–39; 35.12); *πλοῖα* бывают *μικρά* (B.G. III.37.5), но лишь *νῆες* встречаются «большие» и «огромные» (B.V. I.13.6; B.G. III.37.5; De Aed. VI.1.3).

¹⁶ Чаще всего в качестве общего выступает термин *πλοῖον*, например: B.G. I.16.16: «... наполнив корабли (*πλοῖα*) воинами, они сторожили и приморскую часть укреплений. 17: Римляне, сделав внезапное нападение на (эти) корабли (*ναυσίν*), обратили их в бегство»; Н.а. XXV.8: «Он все корабли (*πλοῖα ἅπαντα*), приплывающие в гавань Византия, не выпускал оттуда, не наложив на судовладельцев штраф за (некоторые) корабли (*νηῶν*)...». Но изредка место общего понятия занимает и *ναῦς*: B.G. IV.6.22: «Кроме того, внезапно образующиеся водовороты без всякой видимой для нас причины поглощают корабли (*ναῦς*). 23: Поэтому-то поэты и говорят, что корабли (*πλοῖα*), попадающие в такой момент в этот пролив, поглощаются Харибдой».

¹⁷ Например: B.P. I.19.23: «Суда (*πλοῖα*), которые используются у индов и в этом море, выстроены не так, как все остальные корабли (*ἄλλαι νῆες*)»; B.G. IV.23.34: «Наоборот, римляне ... искусно руководили морским сражением. Они расположили корабли (*πλοῖα*) фронтом (...). Если они видели, что неприятельский корабль (*ναῦν*) отделяется от других, они нападали на него и топили без труда»; B.G. IV.35.13: «Но спустя некоторое время римляне захватили суда (*πλοῖα*) неприятелей вследствие измены гота ..., да и к ним самим пришло бесчисленное количество судов (*νῆες*) из Сицилии и других областей»; De aed. V.1.12: «Но если ветер из Геллеспонта дует им напротив, то ... кораблям (*ναυσί*) приходится здесь застрять. 16: ...когда же переправа в Византий отсюда

становится удобной, те, на кого падает эта обязанность, на *других кораблях* (πλοίοις ἑτέροις) перевозят этот хлеб...».

¹⁸ Ср.: B.G. I.26.10: «В гавани всегда стоит на якорях много барок (βάρεϊς)... 11: Когда купцы приходят в гавань на своих кораблях (ναυσὶν), то, перегрузив товары на эти барки (βάρεϊς), они плывут по Тибру в Рим, совершенно не пользуясь ни парусами, ни вёслами; никакой ветер не в состоянии здесь двигать эти суда (πλοῖα)»; B.G. III.18.10: «Выстроив на том и на другом берегу [Тибра] две деревянные башни, он [Тотила] поместил в них гарнизон из сильных и смелых воинов, чтобы из Porta нельзя было пройти в город ни на ладьях (ἁκάτοις), ни на других судах (πλοίοις ἄλλοις), идущих снизу»; B.G. IV.20.54: «Взойдя на них (в тексте – ἁκάτους), они берутся за вёсла и чувствуют, что эти барки (βάρεων) перегружены... 55: Когда же они плывут на своих кораблях (ἁκάτοις)..., они совершают этот переезд с трудом за сутки. Когда они пристают к острову, тотчас происходит высадка, и тотчас эти барки (βάρεων) у них становятся легкими... 56: Из людей они не видят никого, ни тогда, когда плывут с ними, ни тогда, когда те высаживаются с судна (νηός)...»; De aed. I.6.7: «Все те, кто бывают подвержены болезням более сильным, чем искусство врачей, отказавшись от человеческого лечения, прибегают к единственной оставшейся у них надежде: сев на барку (βάρεσι), они плывут по заливу [к этому храму] на этом судне (νεών)».

¹⁹ B.G. IV.22.21: τῷ τρόπῳ νεώς.

²⁰ Людей: B.P. II.23.12; B.V. II.23.22; B.G. II.21.23; продуктов питания: B.G. II.28.3; других предметов: B.G. III.11.34 (городские ворота); 19.3 (башни).

²¹ Например: B.G. I.26.10; II.9.18 (Тибр); 28.3 (По); IV.13.28 (Фазис).

²² Морские перевозки совершались, как правило, вдоль берега (B.P. II.23.12; B.G. III.11.34; IV.9.20; H.a. XXX.9; De Aed. I.6.7; IX.3.20), хотя иногда – вероятно, по большой необходимости, – эти суденышки отправлялись на весьма значительные расстояния: B.G. IV.2.19 (из Лазики в Византию и обратно через открытое море, на 550 стадий по прямой – B.G. IV.2.22); 4.6 (из Питиунта до византийской территории (Трапезунта?) по открытому морю – за несколько сот миль).

²³ B.G. II.21.23: «...Иоанн был послан к морю забрать оттуда ладьи (ἁκάτους), чтобы при их помощи войско могло перейти через реку»; B.G. IV.26.25: «Всякий раз, когда войско подойдет к устьям рек, то – говорил он, – сделав из этих ладей (ἁκάτων) мост через реку, оно без затруднений совершит переход»; B.G. I.26.10: «В гавани [Рима] специально всегда стоят на якорях много барок (βάρεϊς), и поблизости наготове находится много быков. 11: Когда купцы приходят в гавань на своих кораблях (ναυσὶν), то, перегрузив товары на те барки (βάρεϊς), они плывут по Тибру в Рим...».

²⁴ Например, в B.G. III.13.6 – «морские корабли» (ναυτικὸν ἁκάτων); в H.a. XXX.9 – «отмельные (плоскодонные?) суда» (ἁκάτοις βραχεῖαις).

²⁵ Высокая маневренность предполагает наличие вёсел, тогда как парус, если и наличествовал, то должен был быть небольшим, чтобы не мешать, а лишь помогать при случае движению (см.: B.G. I.26.11; IV.9.22; 20.54-55). Наличие палубы оправдывалось необходимостью не только перевозить определенные грузы (см., например: De Aed. I.8.9), но и устраивать из нескольких суденышек подобие понтонного моста для быстрой переправы большого числа людей в отсутствие необходимого количества плавсредств (например: B.G. IV.26.25; De Aed. V.3.8; ср.: B.G. IV.13.28).

²⁶ Например: B.G. III.19.3 (две широкие ладьи – ἁκάτους δύο εὐρείαις); H.a. XXX.9 (отмельные суда для переправы – ἁκάτοις βραχεῖαις).

²⁷ В этом случае генетическая связь дромона с греко-римской либурной оказывается исключительно гипотетической (см.: Pryor, Jeffreys. Op. cit. – P. 127).

²⁸ B.G. III.19.5.

²⁹ B.V. I.11.15-16.

³⁰ См., например: B.G. I.16.10; IV.22.17; 23.2-13 (μακρὰ πλοῖα). В одном из этих отрывков интересно указание на то, что «длинные суда были очень быстроходными и приспособленными для сражения на море» (IV.23.8), но они не названы дромонами.

³¹ В B.G. III.19.5: 200 дромонов выполняют функцию речного транспорта; ср.: B.G. III.36.9 (два военных корабля (πλοῖα μακρά), приспособленных для транспортных целей).

³² Ср.: Pryor, Jeffreys. Op. cit. – P. 128: «По данным Прокопия, ранние дромоны были моноремными галерами со сплошной палубой, защищавшей гребцов, располагавшихся ниже неё...». П. Прайор и Э. Джеффрис реконструируют представления историка о дромоне как об исключительно военном судне.

³³ Для ὄλκας см.: В.Р. I.18.49-50 (по несколько воинов через Евфрат); для λέμβος: В.Г. II.12.30 (солдат через По).

³⁴ Например: В.Р. I.18.49 (немногие из людей Велизария); В.В. II.14.40 (около 10 человек Велизария); В.Г. I.19.20 (по два мельничных жернова).

³⁵ В.В. I.24.9-12. Это «торговое судно» (πλοῦς γὰρ μίᾱ ἐπ' ἐμπορίᾳ) вышло из карфагенской гавани в тот день, когда в город вошла армия Велизария. С попутным ветром оно очень быстро достигло берегов Испании. Судя по всему, плавательное средство с описанными источниками возможностями и функциями весьма отличалось от своих собратьев по названию, являясь, по сути, кораблем типа аката с парусным вооружением. Прокопий, лично видевший само это судно, принял его за более крупную лодку, почему и воспользовался соответствующим «лодочным» термином. Возможно также, что историк применил в данном случае одно из древнейших и универсальных обозначений корабля, отойдя от конкретного его понимания современниками в литературную плоскость (вроде русского «плыл челн по воле волн»).

³⁶ В трудах Прокопия Кесарийского нет фрагментов, где оба типа лодок были бы представлены вместе, что дало бы возможность сравнить их предметно. Зато автор соотносит понятия λέμβος и ἄκας (В.Г. I.19.20-21; III.19.9-10, 18), давая понять, что лембосы были меньше самых маленьких речных акатов.

³⁷ Характерный пример – рыбная ловля в море (В.В. II.23.19).

³⁸ В.В. II.14.38; В.Г. I.5.15; II.7.7; 12.30; III.6.25.

³⁹ Например: В.В. II.14.40; В.Г. II.12.30; III.6.22.

⁴⁰ De Aed. VI.1.3. Хотя и здесь «лембосы» находятся рядом с «большими судами» (μεγάλας ναυσί), принимая груз зерна от них.

⁴¹ В тексте – διαρήματα. Этимология этого слова неясна, но едва ли нужно связывать её с латинским словом genus (весло). Представляется наиболее подходящим возводить его к греческому διαῖρσις (протока); таким образом, диарема – это лодка для плавания по речным протокам, которыми так изобилует Нил и которые обычно мелки и поросли тростником, так что эти лодки были, скорее всего, плоскодонными и короткими.

⁴² Подробнее об этом см.: Серов В. В. Финансовая политика Юстиниана Великого. – Новосибирск; Барнаул, 2011. – С. 45–47.

⁴³ См., например: В.В. I.11.23; II.15.9; В.Г. IV.20.26.

⁴⁴ В.Р. I.19.23.

⁴⁵ По-видимому, хвойных пород: В.Р. II.29.1. Каменные памятники знаменитым судам типа одиссея (В.Г. IV.22.23, 27) мы здесь не рассматриваем.

⁴⁶ Например, лембосы, название которых примерно на то и указывает (от λέμψα – скорлупа).

⁴⁷ τριῖς: В.Г. IV.20.55; 22.11.

⁴⁸ В.Р. I.19.23; В.Г. IV.20.54; 22.14.

⁴⁹ δρύοχος, νομέες: В.Г. IV.22.12.

⁵⁰ Прокопий использует несколько терминов, обозначающих палубную часть корабля. Для всей палубы им применяется слово κατάστρομα (В.В. I.6.23; В.Г. IV.23.30), для носовой и кормовой палубной надстройки – слово ἱκρίον (ibid.). См. рассуждения о палубах специалистов: Pryor, *Jeffreys*. Op. cit. – P. 128–129.

⁵¹ ἱστός: В.Г. I.5.14-15.

⁵² Интересно, что Прокопий только однажды упоминает о кораблестроителе, и то – вскользь и не употребляя какого-либо специального термина (В.Г. IV.22.16: τεχνίτη).

⁵³ νεώριον (В.В. I.25.15) и νεώστοκοι (В.Г. IV.22.8).

⁵⁴ πρῶτα: В.Г. III.30.13; IV.22.11; 23.30; De Aed. I.5.13.

⁵⁵ πρύμνα: В.Г. IV.22.11, 14; De Aed. I.5.13.

⁵⁶ В.Р. I.19.23; В.Г. IV.22.14.

⁵⁷ Прокопий даже особо выделяет нижнюю часть корабля (κοίλη νηί): Н.а. XII.2.

⁵⁸ Речь идет о судах галерного типа, маневренность и известные скоростные качества которых обеспечивались за счет именно большого количества бортовых весел; см.: В.Г. I.26.11 (где речные барки – весельные суда – используя паруса для облегчения движения); II.7.9 (где лембосы – речные лодки – вооружены для удобства плавания по извилистой реке и вёслами, и парусом); IV.20.54–55 (где акаты – преимущественно весельные суда – снабжены также парусом, выполнявшим вспомогательную двигательную функцию); наличие парусов на знаменитых дромонах того времени предположительно и может быть подтверждено лишь косвенными данными (на-

пример, в B.G. IV.23.32 содержится неясное указание на некие снасти). Ср.: *Pryor, Jeffreys. Op. cit.* – P. 153.

⁵⁹ О длительных и трудных путешествиях в поздней античности писали многие древние и современные авторы. Здесь же достаточно указать на имеющееся у Прокопия понятие «неприспособленного» для дальних морских поездок судна (De Aed. IV.1.1).

⁶⁰ De Aed. IV.1.1; VI.3.6.

⁶¹ B.V. I.13.2; 15.23-24; II.4.37; B.G. III.7.5; 28.3; 30.11; 40.15-17.

⁶² B.G. I.1.17; De Aed. VI.3.7.

⁶³ B.G. IV.6.20, 22.

⁶⁴ О подходящих и неподходящих для мореплавания в Средиземном море сезонах см., например: *McCormick M. Origins of the European Economy: Communications and Commerce, A.D. 527–641.* – Cambridge, 1992. – P. 98; ср.: Просор., B.G. II.7.12: «Когда ... римляне перевезли весь свой груз, матросы быстро удалились со своими судами (ибо время уже приближалось к зимнему солнцевороту)...».

⁶⁵ B.V. I.6.17; 20.11; II.14.18; B.G. III.10.7; 28.18; IV.26.2; ср.: B.V. II.4.36; B.G. III.8.7; De Aed. V.1.9, 12 (о встречном ветре).

⁶⁶ Вообще, благодаря Прокопию создается некоторая убежденность в том, что идеалом у современных ему моряков считался корабль, стоящий на якоре в защищенном от непогоды месте: B.V. I.15.7; 20.3; B.G. I.2.26; 5.14; 7.35; III.30.11; De Aed. I.5.4; 11.20; IV.9.17.

⁶⁷ «людей»: B.G. III.6.25; 13.7; 37.5 (ἀνδράσι). Для обозначения всех находящихся на плывущем судне людей имелся термин ἐπιβάτης (B.G. III.29.10), для не-матросов – περίνεως (B.G. IV.20.31). Собственно моряки назывались ναῦται.

⁶⁸ κυβερνήτης: B.V. I.13.3, 7; 5.24.

⁶⁹ B.G. III.6.20.

⁷⁰ ναύτης, ναῦται: B.V. I.11.14; B.G. I.1.21; II.7.12; IV.6.20; De Aed. VI.4.17, 22.

⁷¹ Например, De Aed. I.5.12.

⁷² B.V. I.17.5. Управление парусами не представляло большой сложности ввиду неразвитости парусной системы. Для движения в нужном направлении при попутном ветре использовался простой прямоугольный парус (B.V. I.17.5: μεγάλη ἱστία), имевшийся, кажется, на большинстве типов судов; при боковом ветре (см., например: B.V. I.14.17, где показано, как при восточном ветре корабли быстро двигались на юг) матросы комбинировали этот парус с малыми треугольными (ibid.: δόλωνα). Прокопий Кесарийский позволяет предполагать также существование кораблей с большим косым парусом в качестве основного (B.V. I.13.3. См. об этом: *Pryor, Jeffreys. Op. cit.* – P. 153).

⁷³ B.V. I.13.5; 17.5; B.G. II.7.9; III.7.5.

⁷⁴ B.V. I.6.20; 13.7; B.G. IV.23.32; De Aed. VI.4.17–22.

⁷⁵ B.V. I.13.7; B.G. IV.23.32.

⁷⁶ Ср.: Н.а. XXV.3 (πλοίων κυρίους) и XXV.8 (ναυκλήρους).

⁷⁷ Плавание на корабле (ναυτίλλομαι): B.G. IV.20.31; De Aed. IV.3.20; 9.17. Профессиональное мореплавание называлось морским делом; например: B.G. III.6.20 (θάλασσαν ἔργων); Н.а. XXV.9 (θαλαττουργεῖν).

⁷⁹ B.G. I.1.19 (πλώμος); IV.13.3; 26.23 (ναυσίπορος); De Aed. IV.6.16 (ἄπλους); etc.

С. Б. Сорочан

**EN PRAGMATI.
О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ТРАНСПОРТИРОВКИ ГРУЗОВ КАК ВИДЕ УСЛУГ
ВИЗАНТИЙСКОГО РЫНКА IV–IX вв.**

В круг специальностей, связанных с сектором услуг и одновременно с организацией торговли, в ранней Византии входили профессиональные перевозчики, трудившиеся и на море, и на суше. О первых источники дают более подробные, а главное, систематизированные сведения, чем о вторых, но даже в этом случае, как ни странно, сама по себе проблема не привлекала внимания византийцев и не выливалась в специальное обобщающее исследование на указанную тему. Как о виде рыночных услуг о перевозках вообще не писали и тенденцию их эволюции в IV–IX вв. по сравнению с предшествующей римской эпохой не пытались уловить. Поэтому имеет смысл более глубоко остановиться на этой проблематике в указанных хронологических рамках и наметить пути ее решения.

Как удастся установить, ромеи, следуя давним устоявшимся традициям греко-римского общества, использовали на суше гужевые и вьючные средства перевозки, а также нанимали возчиков или погонщиков, которые иногда являлись самостоятельными предпринимателями, несли ответственность за целостность груза, а в редких случаях занимались также продажей перевозимого ими товара¹. Транспортным средством служили повозки-экипажи, такие как *reda*, *bigota* и прочие их виды, а также повозки-телеги (в латинских законодательных источниках – *ангария*, у греков – *хамакса*). Причем трудности с использованием колесных транспортных средств из-за отсутствия регулярного обслуживания и ремонта дорог уже с конца V в. вызвали возрастание роли верховых и вьючных животных, особенно в восточных провинциях². Для них служила густая сеть дорог местного значения, среди которых письменные источники различают дороги для перегона скота (*агелодромы*), для телег (*хамаксеги*), для транспортировки древесины из леса (*ксилофорики*), проходы для пешеходов и вьючных животных (*монопатии*), мощеные дороги (*плакоты*)³. Археология тоже подтверждает эволюцию таких дорог: в византийский период магистрали были сужены с традиционных римских 6,5 м до ширины, не предназначенной для движения транспорта, вымощенная поверхность стала более ровной, но на подъемных, гористых участках – ступенчатой (на практике это означало, что

они не годились для движения колесного транспорта)⁴. Развитие таких путей сообщения, где повозки не столько помогали, сколько затрудняли движение, началось, вероятно, в правление Юстиниана I (527–565 гг.), поскольку сооружение им нескольких ответвлений транспортных путей подтверждается трактатом Прокопия, написанным к началу 560-х гг.⁵

Закон оговаривал использование рабочего скота «до определенного места», а если это условие оказывалось нарушенным, пользовавшийся «транспортным средством» возмещал хозяину животного⁶. Если отправлявшийся по хозяйству или по торговым делам (en pragmati) брал вола, осла или другую рабочую скотину без ведома ее хозяина, он должен был отдать положенную плату в двойном размере, а случись скотине пасть по дороге, возвращал вместо нее двух животных⁷. Таким образом, интересы владельцев живых «транспортных средств» были надежно защищены с правовой точки зрения, что косвенно указывает на важность и доходность этой сферы предпринимательства. Вероятно, организация наземных перевозок, особенно продуктов питания, насыпного груза (зерна), габаритных товаров, сулила немалую выгоду, ибо стоимость таких транспортных перевозок была весьма высока (наем осла на суточный переход мог стоить в начале IX в. две номисмы)⁸. Но надо учесть, что большие расстояния и расходы (стоимость корма для животных, плата погонщикам и сопровождающим, местные сборы и пошлины) вместе с чрезвычайно медленным движением телег многократно умножали цену перевозимых товаров⁹. Они имели смысл только для государства, которое вкладывало деньги как в медленные (тяжелые телеги, фургоны на волах), так и в скоростные виды транспорта (легкие повозки с упряжкой лошадей или мулов) для своих собственных целей, особенно для снабжения армии и организации почтовой, курьерской служб¹⁰.

Впрочем, и здесь последовали изменения. Так, уже в конце V в. была упразднена транспортировка тяжелых грузов ответственных высокопоставленных чиновников, что прежде являлось одной из задач *cursus publicus*¹¹, а при императоре Юстиниане I существенно сократилась единственная оставшаяся транспортная служба *cursus velox* (*oxys dromos*)¹². Учреждения (*oxys*) *dromos* с казенными лошадьми на станциях (*mansion*, *stathmos* или *pandocheion*), оставались на содержании государства до конца ранневизантийского периода и впоследствии находились в ведении логофета дрома и подведомственных ему служб¹³. Конюшни и животные для *cursus*, фураж, а зачастую и все условия для казенных должностных лиц, должны были, за некоторыми исключениями в ранневизантийский период, обеспечивать, за вознаграждение или безвозмездно, жители провинций, что, как и ремонт дорог, мостов, было для них тяжелым бременем¹⁴.

Эти впечатления подтверждает один из наиболее содержательных нарративных источников о повседневной жизни и обществе сельской Галатии – Житие Св. Феодора Сикеота (первая половина VII в.), родившегося в конце VI в. и проведшего почти всю жизнь недалеко от одной из станций на большой паломнической дороге через Малую Азию. Из текста источника можно заключить, что для путешествий и перевозок использовали лошадей, мулов, ослов, причем транспортная роль мулов и ослов, видимо, разрослась к «темным векам».

Телеги, фуры, всегда запряженные волами, использовали как правило в пределах местности для транспортировки сельскохозяйственных грузов и строительных материалов¹⁵. Эта общая картина, в сущности, не изменилась вплоть до конца империи.

Транспортные услуги на водных путях были гораздо более рентабельными. Они находились в ведении экипажей кораблей, состав которых варьировался в зависимости от многих обстоятельств и, что важно учесть, был сравнительно небольшим. Закон четко устанавливал, что «под корабельщиком следует разуметь того, кто содержит корабль, хотя корабельщиками (*navtae*) называются все, кто находится на корабле для его плавания»¹⁶. Вся судовая команда именовалась словом *nautai* или реже – *promosella*¹⁷ и, согласно морскому праву, обычно включала навклира, «господина судна» (*despotes tou ploiou*)¹⁸, кивернита¹⁹, проревса (проевса)²⁰, навпига²¹, каравита²², матросов²³ и парасхарита²⁴. Именно в такой последовательности перечисляет их Морской закон родосцев, отражая определенную, давно и прочно сложившуюся субординацию внутри экипажа и иерархичность, «вертикальность» его структуры.

Обязательную, сугубо подчиненную часть команды ромейского судна составляли простые матросы числом от одного до нескольких человек, которых называли по разному (*pleutes*²⁵, *pleustikos*²⁶, *ploimos*²⁷), но чаще навт (*nautes*, *nautikous*), что и в античную, и в византийскую эпоху, означало «моряк»²⁸. В случае разделения обязанностей один из них должен был нести вахту и быть «впередсмотрящим» (*bigliophoros* – «несущий стражу», дозорный), другой – работать с парусом (*armenistes*), а все вместе – выполнять команды капитана, следить за сохранностью груза²⁹, оказывать помощь при его спасении³⁰, сообщать пассажиру-эпивату о необходимости переместить вещи в связи с наполнением корабля забортной водой³¹. Очевидно, забота моряков, связанная с наблюдением за грузом, считалась наиболее сложной и поэтому в случае непогоды, шторма владелец груза должен был отдельно вознаградить матросов за усердие³². Выходит, такового могло и не быть, ибо это не являлось прямым долгом членов экипажа. В случае отсутствия договоренности матросы, даже рабы, не были обязаны заниматься выгрузкой, за исключением того случая, когда она проводилась в пустынном месте, где не было наемной силы, но и тогда им полагалась за помощь отдельная плата³³. Так же обстояло дело и с охраной груза³⁴.

В самом конце своеобразного списка членов экипажа находился парасхарит (*parascharites*), что уже само по себе указывает на его не просто подчиненное, а приниженное положение по отношению к остальным участникам предприятия. В нем видят лицо, заботившееся о поддержании сигнального огня, сторожа или корабельного повара по совместительству³⁵. Последнее наиболее правдоподобно, поскольку Морской закон запрещал пассажирам самим разводить огонь и, следовательно, готовить себе горячую пищу³⁶. Кроме того, надо было кормить и команду, а это еще 7–12 человек, если корабль был средней вместимости (около 30–60 рег. т) или больше³⁷. К примеру, Синесий в 402 г. плыл из Александрии в Кирену на корабле с экипажем из 12 человек, который вез 50 пассажиров³⁸. Скорее всего, парасхарит выполнял функции того, кто назывался также *eschareus*, дословно «жаровенщик», чьей главной обязанностью была

забота о пожароопасном корабельном очаге³⁹. За это «жаровенщик» получал половинную долю платы матроса, поскольку другую половину и даже больше мог заработать варкой пищи и обслуживанием команды и пассажиров (последние не имели права рубить дрова на палубе и сами жарить рыбу). В этом случае он совмещал работу кока и стюарда, заимствовав часть обязанностей у того, кто прежде (до VI в. включительно) именовался диетарий (*dietarius*) – юнга⁴⁰.

Каравит (*karabites*), дословно «корабельщик», относился к служащим более высокой, руководящей группы членов экипажа⁴¹. Обычно византилисты видят в нем старшего над матросами, аналогичного по своим функциям боцману⁴². Однако М. Я. Сюзюмов, ссылаясь на морские порядки, изложенные в статутах далматинских портовых городов Рагузы и Зары, отметил, что обычно так называлось лицо, производившее официальные записи и расчеты, – те записи, которые служили документальными материалами в случае возможных судебных разбирательств по поводу морских перевозок⁴³. Если это уточнение верно, каравит, скорее, был чем-то вроде судового писца, ведущего расчеты, бухгалтера, а также суперкарго, без записей которого о состоянии груза невозможно было разобраться в размерах оплаты за перевозку, внесение пошлин или в определении размеров компенсаций за понесенный урон, например, сброшенный груз⁴⁴. Как специалист, он относился к административной части команды, обеспечивавшей рейс, но его обязанности не имели ничего общего с управлением судном. Здесь обнаруживается почти полное совпадение функций каравита с тем, кого на античных торговых судах именовали тоихархом. В отличие от тоихарха в военном флоте, который командовал на части судна, вел наблюдение за правым бортом, торговый тоихарх был одновременно корабельным казначеем, экономом, заведующим приемом и выдачей груза, руководил проверкой, размещением пассажиров и инструктировал их⁴⁵. Таким образом, есть основания считать, что к VII в. изменилось терминологическое обозначение, а не суть этой особо важной морской специальности по обеспечению перевозок.

Корабельный мастер – навпиг, очевидно, был ремесленником, хорошо знакомым с корабельным делом, который в случае поломок и аварий мог организовать ремонт судна в пути и на стоянках⁴⁶. О выполнении им функций боцмана или представителя судостроителя на корабле говорить не приходится. Оставаясь на берегу, навпиг искал занятие по специальности в артелях строителей судов или подрабатывал плотником, столяром.

К несомненному начальству торгового, грузового корабля, занятому его управлением, относился проревс или проевс (*proreus*, *proeus*), одна из самых традиционных фигур среди членов экипажа. В античную эпоху у рулевого часто был помощник на передней части судна, называвшийся по имени последней – *proga* – *prorates*, обязанный не просто быть вперёдсмотрящим, но хорошо знать маршрут, заниматься ориентацией корабля, то есть быть штурманом⁴⁷. Феодорит Киррский отмечал в одном из писем, что когда с рулевым-кивернитом, штурманом, случается беда, несчастье, его замещает проревс или другой из первых членом команды (*otan o kybernetes ti pathe, e o proreus, e ton nauton o protos ten ekeinou chreian pleroi*)⁴⁸. Согласно замечаниям Ж. Руже и Э. де Сен-Дени, в иерархии морской терминологии проревсу соответствовал *magister*

и gubernator, или dominus navis⁴⁹. Морской закон византийцев по прежнему видел в нем одного из старших помощников капитана, на которого возлагалось управление судном в носовой части⁵⁰. Е. Э. Липшиц называет его то надсмотрщиком, то помощником навклира, то помощником кивернита⁵¹. Сп. Врионис – более последовательно, помощником капитана⁵². Между тем ясно лишь одно: важнейшей обязанностью проревса было следить за берегом, сигнализировать обо всех опасностях или случайностях, приближении чужих кораблей, за которыми он вел наблюдение не только с носа корабля, но и с вершины мачты⁵³. В случае, если команда была достаточно велика, прорей мог быть начальником вахты, а при швартовке и отплытии отвечал за сбрасывание или подъем якоря, занимаясь этим лично или руководя действиями матросов⁵⁴.

Кормчий-рулевой (gubernator navis, kybernetes, kybernetikos) находился в кормовой части судна, вел его по курсу и одновременно присматривал за матросами и всем происходящим⁵⁵. Как один из помощников капитана, выполнявший штурманские, лоцманские функции и управлявший рулем⁵⁶, он отвечал за вред, причиненный судном⁵⁷. При мелких размерах кораблей роль кормчего нередко выполнял сам навклир-капитан, на что весьма прозрачно намекают статьи Морского закона, где оба термина то и дело смешиваются⁵⁸. Однако главный кормчий мог быть и не один, тем более, что конструкция большинства судов предусматривала два весла-руля с обеих сторон кормы. Говоря об экипаже корабля, Дигесты в качестве корабельщиков, от которых зависело плавание, называют гребца и помощника рулевого⁵⁹. В связи с этим встает вопрос о протокаравах. В. М. Истрин перевел греческий термин protokarabos, встречающийся у Георгия Монаха и его продолжателя, старославянским «кръмьникъ пръвый» – первый рулевой⁶⁰. Правильность догадки подтверждает содержание главы «Peri ton protokarabon», которую Константин Багрянородный включил в трактат «Об управлении империей»⁶¹. В своих комментариях раздела Г. Г. Литаврин ограничился не совсем ясным определением: «корабельная должность, связанная с обеспечением верного курса корабля, может быть, ведал рулевым управлением судна (рулевыми? «штурман»?)»⁶². Между тем Константин Багрянородный уже в титуле главы не случайно упомянул протокаравов царского судна – дромония во множественном числе. Ниже он неоднократно указывал, что один корабль имел двух протокаравов (tin duo protokarabon)⁶³. Их слаженный, сложный, тяжелый труд по обслуживанию двух рулевых весел по обеим сторонам кормы судна требовал должных навыков и особого умения, опыта, от которых зависела живучесть корабля. Некий старец Михаил, «незабвенный по своему морскому опыту», «сильно состарился и утомился, в течение множества лет служа протокаравом», советовал своим коллегам по ремеслу «держатъ руль и направлять царский корабль в сочетании с непогодой и дыханием ветров»⁶⁴. Выходит, принципиальной разницы между губернатором-кивернитом и протокаравом не существовало, хотя в тех случаях, когда на корабле оказывались пара рулей и столько же рулевых, один мог быть старшим (первым), а другой – помощником.

В любом случае, вершину корабельной иерархии венчал навклир (pauk-leros), как обычно именовали капитана сравнительно небольшого корабля,

как правило, водоизмещением в несколько десятков регистровых тонн. Именно такие суда заняли ведущее место к VII в., когда навклиры заменили прежних ранневизантийских зажиточных навикуляриев, способных содержать несколько торговых кораблей и объединенных в корпорацию по перевозке государственных грузов⁶⁵. При всем том положение навклира было весьма двойственно, особенно если он являлся наемным лицом. В этих случаях его безграничная власть на корабле сочеталась с весьма непрочным положением по отношению к настоящему хозяину судна. Дигесты определяли капитанами тех, кому поручалась забота обо всем корабле (*magistrum navis accipere debemus, cui totius navis cura mandata est*)⁶⁶. Однако с правовой точки зрения *mandatum*, договор поручения, был ничтожный⁶⁷ и прекращался односторонним волеизъявлением доверителя⁶⁸. Значит, наемные капитаны не были долговременными, постоянными работниками: их могли отстранить от работы, но и им случалось внезапно покидать своих хозяев, ставя последних в трудное положение⁶⁹. Если капитан не был собственником судна, он мог арендовать корабль, мог сдавать его в наем или же наниматься перевозить товары⁷⁰. Все эти операции разграничивались с правовой точки зрения. Согласно Морскому закону, доходы навклира-хозяина судна состояли из платы за предоставление корабля (как собственнику транспортного средства), из доли в прибылях команды (в случае, если он был еще и капитаном) и из доли в прибыли от торговых операций (если он участвовал в финансировании предприятия)⁷¹. Значит, в лице навклира могли сочетаться судовладелец и торговец, судовладелец и капитан или даже все три роли сразу, но он же мог выступать лишь в одной из этих ипостасей. Сравнение его с тем, кого античные источники называли *magister navis*, позволяет заключить, что это был глава корабля, который выполнял преимущественно административные функции на борту и занимался коммерческими вопросами, будучи весьма близок по положению к пистикку, тогда как *gubernator navis* сосредотачивал в своих руках управление судном⁷². В греческой терминологии IV–VI вв. он обозначался словом навикуларий, а с VII в. – исключительно навклир⁷³.

Морской закон, дополненный колоритными набросками из Житий святых, путешествовавших морем, дает яркое представление об обстановке на грузопассажирском корабле. Последний представлял замкнутую временную микроструктуру, в которой формировались особые взаимоотношения, обуславливаемые в первую очередь тремя факторами – отгороженностью от мира; скученностью, теснотой (пассажиру-мужчине по норме отводилось место длиной 3 локтя – около метра, женщине – локоть – 0,312 м, ребенку – пол локтя, так что на площади около 1,2 кв. м помещалось три человека)⁷⁴, а также большим риском подвергнуться как кораблекрушению, так и грабежу пиратов. Это оформляло особый тип капитана – властного, полного хозяина на корабле. Исполнение его приказов во время плавания было обязательным для экипажа и всех эпиватов. Лишь в самых критических случаях, сопряженных со сбрасыванием груза, навклир принимал решения совместно с экипажем и пассажирами⁷⁵. Капитан внимательно надзирал за эпиватами и соблюдением ими порядка на корабле⁷⁶, хранил у себя золото и ценности пассажиров⁷⁷, имел право удерживать

имущество, товары пассажиров до тех пор, пока они не сделают в соответствии с договором взнос для погашения ущерба, нанесенного тому, чьи грузы пострадали во время перевозки, например, были выброшены за борт во время бури⁷⁸. Иоанн Хрисостом упоминал в одном из писем именно о судебных функциях того, кто управлял судном (*en ploiois o kybernetes dekazei*)⁷⁹. Но столь же важна была и его ответственность. В титулах Дигест, настойчиво повторенных в Вассиликах, подчеркивалось, что навклир отвечает за всех своих матросов, безразлично, свободные они или рабы, если члены экипажа совершат злоумышление на борту его судна⁸⁰. Личная невиновность капитана при этом не бралась во внимание⁸¹. Он обязан был предупреждать обманы, небрежности или преступления со стороны подчиненных⁸², то есть заниматься своеобразной «профилактикой преступности», но лишь в пределах своего судна: если проступок его моряков совершался вне корабля, навклир не привлекался к ответственности⁸³, равно как не отвечал он и за преступления пассажиров или за сохранность груза не во время плавания⁸⁴. При всем том любой предмет, выброшенный с корабля, если он причинял вред кому-либо, становился достаточным основанием для *actio utilis* против того, кто начальствовал над кораблем⁸⁵.

Теоретически на ромейском грузо-пассажирском корабле могло быть сразу несколько капитанов, назначенных хозяином судна, причем Дигесты подчеркивали, что обычно они были с неразделенными обязанностями и ни один из них ничего не мог делать без другого⁸⁶. Поэтому достаточно было заключить договор о перевозке с любым из них, чтобы хозяин, то есть тот, кому поступали все доходы и прибыль, начинал нести ответственность за эту сделку⁸⁷. Впрочем, на практике подобное едва ли случалось часто, ибо неминуемо порождало нежелательные, конфликтные ситуации.

До отплытия, на борту капитан всегда действовал как представитель хозяина-собственника или нанимателя судна, от которого он получал указания и четкие инструкции: заключать договор найма для перевозки определенных видов товаров, пассажиров или только взимать провозную плату, покупать снасти и другие предметы, необходимые для плавания, договариваться о ремонте корабля и совершать на это расходы, выдавать членам экипажа плату за работу, брать деньги взаймы для осуществления тех дел, для которых он был назначен⁸⁸. При этом все расходы оплачивал он сам из средств хозяина, а в случае перерасхода вследствие нечестности отвечал судовладелец, назначивший такого капитана⁸⁹. Однако, если он делал что-либо непредусмотренное данными ему указаниями, к примеру, вместо овощей или конопли брался перевозить строительные материалы, хозяин за это не отвечал⁹⁰. Морской закон еще более категорично подчеркивал, что любое уклонение от выполнения условий соглашения грозило навклиру потерей части или всего заработанного⁹¹, и это был серьезный, сдерживающий личную инициативу момент.

Ключевой составляющей организации грузоперевозки, связанной с обязанностью капитана, считалось формирование команды, количественный и тем более качественный состав которой законодательство строго не оговаривало. Очевидно, его определял сам навклир, исходя из мореходных возможностей судна, соображений разумной достаточности и целесообразности. Не последнюю роль

играли при этом и соображения экономии, заставлявшие исходить из минимума числа моряков, что повышало размер доходов остальных членов экипажа.

Власть навклира над командой была столь велика, что иногда он мог принудить (*keleusei*) кого-либо из навтов совершить противозаконное действие, например, кражу имущества пассажиров, и хотя матрос знал, что за это злодеяние ему грозит сотня палочных ударов (*xylagogia*), все же шел на преступление, по-нуждаемый капитаном⁹².

Вообще, ромейские навклиры образовывали удивительную микроструктуру профессионалов своего дела, смелых, предприимчивых, готовых идти на риск, порой граничивший с авантюрой, и держать их было непросто даже в узде детально разработанного морского права.

Важно заметить, что в целом состав экипажа византийских кораблей не претерпел существенных изменений по сравнению с римской эпохой. Исчезли лишь стражи корабля (*nauphylakes*), которые наблюдали за порядком на судне; функции диетариев, вероятно, частично унаследовали парасхариты, а если верно предположение, что диетарии состояли при конторе корабля – диете в качестве писцов и архивариусов, тогда им наследовали каравиты; последние сменили не только тоихархов, но и их помощников – писарей, ведших регистрацию грузов (*perineos*), и навстологов (*naustologon*), стоявших на сходнях и проверявших пассажиров⁹³.

Полный состав команды полноценного византийского корабля насчитывал не менее семи человек, то есть приблизительно столько же, сколько экипажи античных торговых судов среднего тоннажа⁹⁴. Статьи Морского закона называют основные функциональные единицы экипажа, но не исключено, что один член команды мог совмещать исполнение нескольких обязанностей⁹⁵. Например, В. Христидис установил, что гребцы нередко выполняли роль корабельных мастеров⁹⁶. Для торговых, грузовых судов практика такого «совместительства» в команде должна была быть еще более выраженной. Экипаж небольших «корабликов» иногда насчитывал всего пару человек, один из которых выполнял функции навклира и рулевого, а другой управлял парусом, такелажем, снастями, в частности, следил за сигнальными огнями, бросал и поднимал якорь и нес прочие матросские обязанности. Очевидно, именно так функционировал экипаж судна из двух братьев, Сергия и Сергоны, прославленных навтов, почитателей Св. Евфимии, которые, несмотря на иконоборские запреты Льва III (717–741 гг.) принесли в дар молитвенному дому святой мученицы груз своего корабля и все имущество⁹⁷. Из 3–4 человек состоял экипаж галиады, на которой в 704 / 705 г. спасался из таманской Фанагории Юстиниан Ринотмет, с которым на этом судне следовало не более десяти человек⁹⁸.

Те из пассажиров, которые не могли оплатить проезд, иногда отработывали его в качестве матросов. Это была давняя, широко распространенная практика⁹⁹ и вряд ли ромеи отказались от нее. Однако непрофессионалы в морском деле были, конечно, исключением. Для любого судна требовалась команда достаточно опытных в плаваниях и надежных, испытанных навтов (*kai nautas tous arkountas nautikous gorgous gregorountas*)¹⁰⁰. Прибрежные города и местечки Византии всегда изобиловали такого рода людьми, для которых мореходство составляло главный, а подчас и единственный источник существования.

Теоретически навклир, моряки и пассажиры должны были составлять единое целое на корабле, быть конфессионально спаянными, оказывать взаимопомощь и поддерживать по христиански друг друга, что символизировала совместная клятва на Священном Писании перед началом плавания¹⁰¹. От команды требовалось послушание, верность и дисциплина. Навклир обязывался выполнять соглашение, а навты – подчиняться капитану, законам и честно относиться к делу. Однако ряд положений Морского закона заставляет полагать, что реальная обстановка и нравы на корабле временами оставляли желать лучшего. Закон предписывал очень сурово расправляться с матросами, кравшими ценное имущество, золото у эпиватов, причем даже по прямому приказу навклира, возвращать украденное потерпевшим и, видимо, наказывать вора не менее чем сотней палочных ударов (*sphodros* – дословно «сильно побить»)¹⁰². Необходимость сохранять в ромейском морском праве подобные предписания безусловно свидетельствует, что криминальная практика прочно присутствовала в корабельной жизни и экипажи ромейских кораблей во главе с их капитанами отнюдь не блистали своей честью и добродетелями, какие должны были быть присущи истинному верующему, богобоязненному христианину. Бывало, сам навклир со своей командой промышлял разбоем: Житие преп. Нифонта красочно рассказывает о капитане судна, при случае грабившем и убивавшем богатых эпиватов¹⁰³. Доходило до того, что навклир мог «...по сговору с матросами бежать в другую страну, захватив золото»¹⁰⁴. Симеон Метафраст в Житии Св. Николая пересказывает подобный случай, явно позаимствованный в легенду из реальной жизни¹⁰⁵.

Видимо, среди команды случались стычки, которые не ограничивались лишь одним словесным выяснением отношений, а, попросту говоря, взаимными оскорблениями, и доходили порой до рукоприкладства, жестоких драк, поножовщины между самими матросами¹⁰⁶, моряками, пассажирами и навклирами¹⁰⁷. Иначе бы не потребовалось устанавливать своеобразную шкалу штрафов-выплат (*misthon*) за телесные повреждения, опухоли, даже выбитые глаза, какие случались во время таких стычек. При этом, согласно закону, ответственность не нес только тот, кто защищался от нападения¹⁰⁸; зачинщик же должен был отвечать за нанесенные им побои, увечья, оплачивать врача и возмещать убытки за потерю трудоспособности пострадавшему и его капитану¹⁰⁹. Так или иначе, эти статьи закона сами по себе указывают, что порой отношения в команде были весьма далеки от взаимопомощи и сотрудничества, отличались нетерпимостью, взаимной враждой, обидами, причины которых следует искать в психологии замкнутых в ограниченном пространстве судна, а еще больше в дискриминации, допускаемой в работе и оплате ее, хотя прямые сведения о конфликтах по зарплате отсутствуют.

Сдерживающий момент все же был и довольно веский. Как хорошо известно из Морского закона, который определял доленое участие членов экипажа с различными функциями, судовая команда носила характер товарищества-кинонии по извлечению дохода от предприятия (*kerdei koinonia*), что несомненно указывает на корпоративность отношений¹¹⁰. В качестве платы за организацию перевозок члены экипажа получали часть (*meros*) дохода от фрахта, всякого рода пред-

приятый, соглашений с пассажирами и торговцами и в зависимости от размера этих «частей» состав команды делился на четыре категории: в первую входил навклир, получавший 2 доли; во вторую – кормчий, проревс, навпиг и каравит, которым полагалось 1,5 доли; в третью – матросы, получавшие по одной доли, и, наконец, парасхарит, на которые приходилось оставшиеся 0,5 *meroi*. Корпоративность проявлялась и в том, что команда несла коллективную ответственность за убытки, причиненные недобросовестным отношением к делу, грузам и кораблю¹¹¹. Она же отвечала за повреждения, нанесенные их судном другому кораблю, который стоял на якоре недвижимо, со спущенными парусами¹¹².

Выходит, что во времена Родосского Морского Закона многие морские путешествия, вероятно, совершались на условиях «участия в прибыли». Экипажу платили часть дохода, а не заработную плату. Морское путешествие было своего рода совместным венчурным предприятием и пассажиры, торговцы, экипаж разделяли право принятия решений с навклиром¹¹³. Купец мог арендовать весь корабль на один рейс, и если он поступал так, то навклир не имел права принимать на борт груз без его разрешения.

Однако надо учесть, что значительную часть желающих обрести работу на торговых судах и в порту брали не как членов киновий, а просто нанимали за плату¹¹⁴. Ясно, что не могло быть и речи о привлечении их к участию в прибылях. Дигесты оговаривали, что члены экипажа – навты, занятые управлением кораблем, могли заключать договор о перевозке товаров, но в этом случае хозяин корабля нес ответственность только тогда, когда член экипажа корабля имел на это деликт¹¹⁵. Последнее допускалось редко и тот, кто «...использовал корабельщиков, ...не разрешал заключать с ними договоры», предпочитая к своей выгоде видеть в них исключительно наемных рабочих¹¹⁶. Закон определял несколько форм оплаты мисфиев. Из всех них для наемных моряков более всего подходила повременная с выдачей денег по завершению работы¹¹⁷.

Интересно, что Василики в соответствии со 122-й новеллой Юстиниана запрещали мисфиям в морском деле требовать повышенную плату¹¹⁸, и, значит, существовала какая-то обычная, минимальная плата, ниже уровня которой работодатель не имел права платить. Исходя из того, что известно о среднем уровне заработка мисфия в раннесредневековой Византии, можно предположить размер такого минимума в 10–12 фоллов в день, достаточных для нормального существования¹¹⁹.

Социальный состав перевозчиков, профессионалов морского дела, отличался в Византии своеобразием, так как не был ориентирован только на свободных, а включал и рабов (*sive liberi sint sive servi*)¹²⁰. Причем последние были заняты и на тяжелых работах, например, трудились на изнурительных гребных судах¹²¹, и использовались как высококвалифицированные специалисты. Даже командир корабля – навклир мог быть рабом, рабом с пекулием, и не обязательно хозяина корабля; мог иметь нескольких хозяев, управлять судном по воле собственника, входить в киновию или промышлять совершенно самостоятельно¹²².

Равным образом не имел значения возраст навклира. Владелец корабля мог по своему желанию взять в капитаны и несовершеннолетнего, хотя в таком случае он лишался права взыскивать с него за ущерб¹²³. Зато с конфессиональной

точки зрения экипажи ромейских судов были гораздо более однородными, чем их основных соперников на море — арабов¹²⁴. Различия в положении, в доходах не подчеркивала даже одежда, которая по давней традиции у всех босоногих навов отличалась во время плавания предельной простотой и сводилась в короткой тунике или хитону¹²⁵.

Комментируя положения Морского закона, М. Я. Сюзюмов отмечал, что византийские моряки все больше приближались к положению люмпенов¹²⁶. Однако это утверждение плохо вяжется с подтверждаемым многими свидетельствами явным отсутствием упадка византийского мореплавания и морского дела в «темные века»¹²⁷. Ни правовые, ни нарративные источники не отражают деградации навов. В Житии Св. Фомаиды говорится, что ее муж-моряк занимал «среднее положение» в обществе¹²⁸, и эта оценка, похоже, больше соответствует реалиям, исторической действительности VII–IX вв. Как давно замечено исследователями, имущество навклира, согласно Морскому закону, оценивалось в 48 раз дороже, чем имущество его помощников — рулевого, проревса и каравита, и в 96 раз дороже, чем имущество рядового матроса¹²⁹. Но надо учитывать, что кораблевладельцы, капитаны-хозяева считались относящимися к богатым людям и на их фоне состояние простого нава было отнюдь не ничтожным. Большие доходы владельцев, капитанов кораблей — навклиров и эмпоров, связанных с морской торговлей, были сопряжены со столь же большими расходами, иногда равными размеру стоимости груза всего судна. Поэтому как правило предполагалось получать прибыль не менее, чем в три раза превосходившую реальную стоимость платы за провоз товаров. Впрочем, выгодные рейсы, особенно протяженные, были делом случая, да и совершать их из-за ограниченности навигационного сезона удавалось едва ли больше трех–четырёх раз. По этой причине обычный доход нава, растянутый на весь год, позволял тратить не больше 6 номисм и 4 милиарисиев ежемесячно; простой навт мог позволить и того меньше — 3 номисмы и два–три кератия¹³⁰.

И все же представители морских специальностей, связанных с управлением кораблем и перевозкой на нем грузов, отнюдь не бедствовали и смотрелись своеобразной профессиональной элитой на фоне некоторых прочих стабильных людских микроструктур, работавших в портах и занятых обслуживанием торговых перевозок, складских, рыночных помещений и процесса торговли. И в античных, и в средневековых приморских городах, по крайней мере, крупных и средних, не переводились специальности носильщиков, весовщиков, упаковщиков и другие профессии, связанные с работами в порту¹³¹.

Среди них одной из самых насущных была работа грузчика, без которой не могла бы состояться ни одна мало-мальски серьезная грузоперевозка. Доставка всего необходимого на судно и соответствующее размещение клади (*paulon*), равно как и ее обратная выгрузка составляли важнейшую часть делового предприятия, которую кто-то должен был тоже организовать. Обычно в таких случаях действовали условия «гросс», когда все расходы по грузовым работам нес судовладелец. Капитан, а точнее, тоихарх (каравит) корабля, вынужден был обращаться к труду наемных поденщиков, которых, как отмечал в своих гомилиях и письмах Иоанн Хрисостом, издавна широко использовали именно морепла-

ватели, строители домов-икодомы и земледельцы¹³². Епифаний, современник Иоанна Златоуста, а также новеллы Юстиниана называли тех, кто специализировался на погрузке и выгрузке, «носильщиками» (*vespillo, fossarius; kopiates — o ta somata peristellon ton kekoimemenon*)¹³³. Чудеса вмч. Артемия (первая половина VII в.) красочно описывают такую разгрузку пифосов с вином в одном из столичных портов на Золотом Роге, где работал грузчиком-поденщиком некий Мина, александриец по происхождению, живший в Аргирополисе, удаленном, северном, приморском предместье Константинополя, среди прочего портового люда, моряков, навпигов, крючников и приезжих иноземцев¹³⁴. Из рассказа агиографа остается неясным, кто был *autentes*, на которого работали Мина и другие грузчики — купцом-эмпором, судовладельцем или виноторговцем, и как долго рабочие служили у него. Но, похоже, они были хорошо известны хозяину, поскольку когда расшибся один из грузчиков, «автентис» вызвал к нему лекаря и дал пострадавшему тримиссий на лекарство.

В свое время в римских портах, по крайней мере, в самых крупных, были не только специализированные носильщики, возчики со своими лошадьми, но и владельцы подъемных машин, работники, обслуживавшие механизмы, а также учетчики зерна, приставленные к эталонам мер и весов¹³⁵. В ранневизантийском городе доставка грузов тоже производилась наемным транспортом, а наем торговцем работника, носильщика выглядел как обычное явление¹³⁶, однако о прочих специалистах из письменных источников ничего не известно. Нет сведений и о профессиональных объединениях грузчиков, подобных римским коллегиям с монопольным правом, направленных против конкуренции поденщиков¹³⁷.

Но, как и прежде, портовые рабочие были, главным образом, из числа бедноты, которой приходилось особенно туго в зимнее время: большая часть всех работ в эмпориях носила сезонный характер, и когда навигация замирала на пять месяцев, с ноября до марта, они оставались почти без заработка¹³⁸. Последнее заставляет предполагать одно из двух: либо у них были какие-то иные, дополнительные источники существования и работа в порту рассматривалась как приработок, либо семимесячный навигационный сезон давал возможность скопить что-то про запас и тем самым обеспечить существование, пусть самое скромное, на весь год. Поденщиком в порту мог стать свободный горожанин, разорившийся ремесленник, лавочник или крестьянин, вольноотпущенник, раб на пекулии, но все они одинаково выступали на правовом условии *locatio-conductio operatum*, то есть как наемные, свободно действующие. Это говорит о том, что наниматели были вынуждены приспособливаться в Византии к условиям свободного рынка, от конъюнктуры которого и зависело амбивалентное положение наемных работников. С одной стороны, VI в. не знал недостатка в руках поденщиков: Псевдо-Захарий Митиленский, описавший наем мисфиев на рынке, отмечал, что они стояли в ожидании работы, а те, кто ее получал, подвергались обсчитыванию, задерживанию заработка¹³⁹. Следовательно, наличие явное превышение предложения рабочих рук над спросом на них. «Великая чума» 541–542 гг. и ее последующие частые сокрушительные вспышки не могли не внести существенные коррективы в эту картину, которая должна была

измениться уже к началу VII в.¹⁴⁰. «Земледельческий закон» дает понять, что крестьяне, не имеющие средств для обработки своего поля, уходили в поисках работы, — уходили, скорее всего, в города¹⁴¹, но ни в VIII в., ни в IX в. нам не найти картины, подобной рисовавшейся взору Пседо-Захария. Уже Юстинианово право выражало заботу по поводу справедливой дифференцированной оплаты наемных, когда квалифицированным мастеровым, например, судовым ремесленникам, трудившимся на верфях, полагалось за всю работу в целом, а разнорабочим — ежедневно, за выполнение определенной части работы¹⁴². За время «темных веков» ситуация в этом отношении стала еще более определенной. Все положения Книги Эпарха, связанные с мисфиями и их заработной платой, несут яркий отпечаток заинтересованности нанимателей в наемном труде, соперничества из-за рабочих рук и даже манкирования работниками условиями найма¹⁴³. Это еще раз заставляет усомниться в том, что моряки, грузчики, возчики, крючники, прочие мисфии по своему положению были всегда близки к деклассированным элементам, чей заработок едва мог обеспечить полуголодное существование, отчего именно их повышенная социальная активность проявлялась практически во всех волнениях и государственных переворотах¹⁴⁴. На самом деле поденщиков невозможно вычленивать из числа прочих горожан-налогоплательщиков, то есть широких торгово-ремесленных слоев разной имущественной состоятельности, выступавших в социально-политической борьбе в качестве самостоятельной силы¹⁴⁵.

Еще более скупы сведения о византийских лодочниках, хотя ясно, что без них не могла бы обходиться ни рыбная ловля, ни доставка грузов, пассажиров по мелководью или на небольшие расстояния. Греко-римские порты обслуживали лодочники нескольких специальностей (*lenuncularii pleromarii auxilarii*; *lenuncularii labilarii auxilarii*), объединявшиеся в коллегии для перевозки грузов по рекам в порт, из порта на корабль, причем они различались даже типами своих лодок и барж¹⁴⁶. После VI в. византийцам, очевидно, стал неведом такой размах, и они обходились более скромной и, главное, экономичной системой лодочных перевозок, свойственной мелкотоварному хозяйству и торговле.

Таким вот образом старинные и господствовавшие структуры, обеспечивавшие организацию перевозок, были постепенно, уже к VI–VII вв. без лишних потрясений и пертурбаций заменены упрощенными новыми, но от этого не менее жизнеспособными, исправно действовавшими и эффективными.

¹ Сорочан С. Б. Об организации наземных торговых перевозок в Византии VII–IX вв. // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Тезисы докладов. — Харьков, 1995. — С. 109–110.

² Mitchell S. Requisitioned Transport in the Roman Empire: A New Inscription From Pisidia // JRS. — 1976. — Vol. 66. — P. 107–122; Belke K. Von der Pflasterstrasse zum Muaultierpfad? Zum klrinasiatichen Wegenetz in mittelbyzantinischer Zeit // e byzantine Mikra Asia / Ed. S. Lampakis. — Athene, 1998. — S. 268–271.

³ Lefort J. Villages de Macédoine, 1: La Chalcidique occidentale. — Paris, 1982; Belke K. Roads and Travel in Macedonia and Thrace in the Middle and Late Byzantine Period // Travel in the Byzantine World / Ed. R. Macrides. — Aldershot, 2002. — P. 86–90 со ссылками на источники.

- ⁴ French D. H. A Road Problem: Roman or Byzantine? // *Istanbuler Mitteilungen*. – 1993. – Bd. 43. – P. 445–454; Belke K. Roads and Travel in Macedonia and Thrace... – P. 76–79 со ссылками на специальную литературу.
- ⁵ Procopii caesariensis Opera omnia / Rec. Jac. Haury, G. Wirth. – Lipsiae, 1964. – Vol. 4: Peri ktismaton libri VI sive de aedificiis. – IV.8,4–9; V.2,6–8, 12–14; V.5,1–3.
- ⁶ Digesta / Rec. Th. Mommsen, retractavit P. Krueger // *Corpus juris civilis*. – Ed. stereotypa undecima. – Berolini, 1908. – Vol. 1. – XIII.6.5.7; Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V / Hrsg. v. L. Burgmann. – Frankfurt a. M., 1983. – XVII.7; Eclogadion und Ecloga privata aucta / Hrsg. v. P. Simon, Sp. Troianos // *Fontes Minores medii aevi*. – Frankfurt a. M., 1977. – Bd. 2. – XVII.54; Basilicorum libri LX / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. – Lipsiae, 1840. – T. 2. – XIII.1.15,23; Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. – Heidelberg, 1837. – XXXIX, 50; Ecloga ad Prochiron mutata // *Ius graeco-romanum* / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. – Lipsiae, 1865. – Vol. 4. – XV.12; Prochiron auctum // *Ius Graeco-Romanum* / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. – Lipsiae, 1870. – T. 6. – XXXIX.150.
- ⁷ Византийский Земледельческий закон: Текст, исслед., коммент. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведева, Е. К. Пиотровской. – Л., 1984. – Гл. 36; Медведев И. П. Урок Бенешевича // *Византийские очерки*. – М., 1996. – С. 201.
- ⁸ Сорочан С. Б. Об организации наземных торговых перевозок... – С. 110.
- ⁹ Хэлдон Дж. История византийских войн. – М., 2007. – С. 79, 86–87, 100, 106, 270–271.
- ¹⁰ MacCormik M. Bateaux de vie, bateaux de mort. Maladie, commerce, transports annonaire et le passage economique du Bas-Empire au moyen age // *Morfologie sociale e culturali in Europa fra tarda antichita e alto medioevo. Settimane de studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo*. – Spoleto, 1998. – T. 45. – P. 35–118; MacCormik M. Origins of the European Economy: Communications and Commerce, A.D. 300–900. – Cambridge, 2001.
- ¹¹ Corpus juris civilis. – Berolini, 1895. – Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger. – XII.50.22; Stoffel P. Vber die Staatspost, die Ochsen-gespanne und die requirierten Ochsen-gespanne. Eine Darstellung des romischen Postwesens auf Grund der Gesetze des Codex Theodosianus und des Codex Iustinianus. – Bern, 1994. – S. 132, 159.
- ¹² Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. Jac. Haury, G. Wirth. – Lipsiae, 1963. – Vol. 3: Historia que dictur arcane. – 30,1–11; Ioannis Lydi De magistratibus populi romani libri tres ex rec. R. Wüensch. – Lipsiae, 1903. – III.61; Belke K. Von der Pflasterstrasse zum Muaultierpfad? – S. 271–273.
- ¹³ Hendy M. F. Studies in the Byzantine Monetary Economy, C. 300–1450. – Cambridge, 1985. – P. 608–613; Koutava-Delivoria B. Les oxea et les fonctionnaires nommés tou oxeon: les sceaux et les étoffes pourpres de soie après le 9e siècle // *BZ*. – 1989. – Bd. 82. – P. 184, 187–189, tabl. 2; Shepard J. Messages, Ordres et Ambassades: Diplomatic Centrale et Frontalière a Byzance (IXe–XIe siecles) // Dierkens and Sansterre. – 2000. – P. 376–381.
- ¹⁴ Stauridou-Zaphraka A. E angareia sto Byzantio // *Byzantiaka*. – 1982. – T. 11. – S. 25–38, 40–44 с богатейшими ссылками на источники.
- ¹⁵ Vie de Theodore de Sykeon. Ecrite par son disciple Georgios pretre et higoumene du meme monastere. tabil par A.-J. Festugiere. – Bruxelles, 1970. – 1. Texte grec. – I: passim; Житие преподобного отца нашего Феодора, архимандрита Сикеонского, написанное Георгием, учеником его и игуменом той же обители / Пер. с греч., пред. и коммент. Д. Е. Афиногенова. – М., 2005; Belke K. Von der Pflasterstrasse zum Muaultierpfad? – S. 273–275.
- ¹⁶ Digesta / Rec. Th. Mommsen, retractavit P. Krueger // *Corpus juris civilis*. – Ed. stereotypa undecima. – Berolini, 1908. – Vol. 1. – IV.9.1.2.
- ¹⁷ Theophanes Chronographia ex rec I. Classeni. – Bonnae, 1839. – Vol. 1. – P. 734, C; Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iac. Reiskii. – Bonnae, 1829. – Vol. 1. – P. 461.15.
- ¹⁸ Морской закон: Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова // *АДСВ*. – Свердловск, 1969. – Вып. 6. – I.1.
- ¹⁹ Там же. – I.2.
- ²⁰ Там же. – I.3.
- ²¹ Там же. – I.4.
- ²² Там же. – I.5.
- ²³ Там же. – I.6.

- ²⁴ Морской закон. – I.7; *Vryonis S (Jr.) The Maritime Statutes of Doubrovnik and the Rhodian Sea Law (Byzantium)* // BB. – 1998. – Т. 55 (80). – Ч. 2. – P. 62.
- ²⁵ *Nily Ancyran Opera omnia* // PG. – 1864. – Т. 79. – Col. 565 C.
- ²⁶ *Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iac. Reiskii.* – Bonnae, 1829. – Vol. 1. – P. 467.12.
- ²⁷ *Theophanes continuatus* // *Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon magister, Georgius monachus* / Rec. Im. Bekkerus. – Bonnae, 1838. – P. 402; Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. – СПб., 1992. – С. 21 (I.26), 31 (II.15); Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, пер., коммент. / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М., 1989. – Гл. 51.12, с. 234; гл. 52.11, с. 244; *Kirsten E. Die byzantinische Stadt* // *Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress, München 1958.* – München, 1958. – Bd. 1. – S. 27.
- ²⁸ Чудеса Св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. – М., 1995. – С. 138. 17, § 209; Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Гл. 53.515, с. 274; *Kahane H., Kahane R., Tietze A. The Lingua Franca in the Levant. Turkish Nautical Terms of Italian and Greek Origin.* – Urbana, 1958. – P. 546–547.
- ²⁹ Морской закон. – I.6; III.27, 38.
- ³⁰ Там же. – III.31.
- ³¹ Там же. – III.34.
- ³² Там же. – С. 52.
- ³³ Там же. – С. 51.
- ³⁴ Ср.: *Чудиновских Э. Торговое население Далматинских городов* // АДСВ. – Свердловск, 1965. – Вып. 3. – С. 94.
- ³⁵ *Липшиц Е. Э. К вопросу о городе в Византии в VIII–IX вв.* // BB. – 1953. – Т. 6. – С. 119; *Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII – первая половина IX в.).* – М.; Л., 1961. – С. 102; Морской закон. – С. 38; *Vryonis S (Jr.) The Maritime Statutes of Doubrovnik and the Rhodian Sea Law (Byzantium).* – P. 62.
- ³⁶ Морской закон. – I.10, 11.
- ³⁷ См.: *Сорочан С. Б. К вопросу об уменьшении вместимости византийских грузовых кораблей в «темные века»* // Древности 1996. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 1997. – С. 74–82.
- ³⁸ *Synesii episcopi Cyrenes Epistulae* / Ed. D. Petavio // PG. – 1863. – Т. 66. – Col. 1328, ep. 4.
- ³⁹ *Ashburner W. The Rhodian Sea-Law.* – Oxford, 1909. – P. 57 sq.; *Cagian de Azevedo M. Le navi nella documentazione archeologica* // *La navigazione mediterranea nell'alto medioevo.* – Spoleto, 1978. – Т. 1. – P. 419.
- ⁴⁰ *Digesta* / Rec. Th. Mommsen, retractavit P. Krueger // *Corpus juris civilis.* – Ed. stereotypa undecima. – Berolini, 1908. – Vol. 1. – IV.9.1.3; *Casson L. Ships and Seamanship in the Ancient World.* – Princeton, N. J., 1986. – P. 320.
- ⁴¹ Морской закон. – I.5.
- ⁴² *Липшиц Е. Э. К вопросу о городе в Византии в VIII–IX вв.* – С. 119; *Vryonis S (Jr.) The Maritime Statutes of Doubrovnik and the Rhodian Sea Law (Byzantium).* – P. 62.
- ⁴³ Морской закон. – С. 38.
- ⁴⁴ Ср.: Морской закон. – III.9, 10, 40, 41.
- ⁴⁵ *Casson L. Ships and Seamanship in the Ancient World.* – P. 318–320.
- ⁴⁶ Морской закон. – I. 4.
- ⁴⁷ *Casson L. Ships and Seamanship...* – P. 318–319; *Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии.* – Тбилиси, 1989. – С. 189.
- ⁴⁸ *Theodoretus Cyrensis episcopi Opera omnia* // PG. – 1864. – Т. 83. – Ep. 78, col. 1252.
- ⁴⁹ *Rouge J. Recherches sur l'organisation du commerce maritime en Mediterranee sous l'Empire romain.* – Paris, 1966. – P. 221; *Saint-Denis de E. «Proreus» – «Proreta»* // *Revue de philologie, de litterature et d'histoire anciennes.* Ser. III. – Paris, 1967. – Т. 41 (93). – P. 211.
- ⁵⁰ Морской закон. – I.8.
- ⁵¹ *Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества...* – С. 118–119.
- ⁵² *Vryonis S. (Jr.) The Maritime Statutes...* – P. 62.
- ⁵³ Морской закон – III.9, 36.

- ⁵⁴ *Шершов А. П.* История военно-морского кораблестроения с древнейших времен и до наших дней. – М.; Л., 1940. – С. 53; Морской закон. – С. 19.
- ⁵⁵ *Digesta.* – XIV.2.2.1, IX.2.29.4, XIX.2.13.2, XXXIX.4.11.2; 13, I.2, III.43; *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. – Л., 1930. – Т. 3: Греческо-славянский и славянско-греческий словари. – С. 252; *Лунин Е. Э.* К вопросу о городе в Византии... – С. 118; *Rouge J.* Recherches sur l'organisation du commerce maritime... – P. 222–227.
- ⁵⁶ *Vryonis S. (Jr.)* The Maritime Statutes... – P. 62.
- ⁵⁷ *Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения / Пер. с чеш. – М., 1989. – С. 141; *Jundzill J.* Gubernator – realistyczne a symboliczne ujecie problematyki morskiej u Ojców Kosciola // *Vox Patrum.* – 1990. – Т. 19. – S. 817–828.
- ⁵⁸ Морской закон. – III.10, 26, 39.
- ⁵⁹ *Digesta.* – IV.9.1.2.
- ⁶⁰ *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. – Л., 1930. – Т. 3. – С. 252.
- ⁶¹ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 51, с. 234.
- ⁶² Там же. – С. 445, коммент. 2.
- ⁶³ Там же. – Гл. 51.81, 105–110, с. 238; гл. 51.126–128, с. 240.
- ⁶⁴ Там же. – Гл. 51.138–148б, с. 240.
- ⁶⁵ *Vann R. L.* Some Observations on Byzantine Harbors in Isauria // *BB.* – 1998. – Т. 55 (80). – Ч. 2. – P. 81.
- ⁶⁶ *Digesta.* – (Ulp.) XIV.1.11.
- ⁶⁷ *Digesta.* – XVII.1.1.4.
- ⁶⁸ *Digesta.* – XVII.1.12.16.
- ⁶⁹ Ср.: *Digesta.* – XIV.1.1.
- ⁷⁰ *Digesta.* – XIX.5.1.1; Морской закон. – С. 9.
- ⁷¹ Морской закон. – С. 11, 15, 26; *Лунин Е. Э.* К вопросу о городе... – С. 118.
- ⁷² *Digesta.* – XIV.1.1.3, 7, 13; XIX.2.13.2; XXXIX.4.11.2; *Rouge J.* Recherches sur l'organisation du commerce maritime... – P. 234–238; *Casson L.* Ships and Seamanship... – P. 317–318; Saint-Denis de E. «Proreus» – «Proreta». – P. 211.
- ⁷³ Морской закон. – I.1; *Basilicorum libri LX* / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. – Lipsiae, 1862. – Т. 5 (Lib. XLIX–LX). – LIII.1.2.
- ⁷⁴ Морской закон. – I.9, 13.
- ⁷⁵ Там же. – III.9.
- ⁷⁶ Там же. – I.10–12.
- ⁷⁷ Там же. – I.14.
- ⁷⁸ *Digesta.* – XIV.2.2.
- ⁷⁹ *Ioannis Chrysostomi Opera omnia quae extunt... Opera et studio B. de Montfaucon* / Accurant et denuo rec. J.-P. Migne // *PG.* – 1859. – Т. 62. – Col. 616 (Epist. II ad Timoth. Cap. I, Hom. III.3).
- ⁸⁰ *Digesta.* – XLVII.5.1.6; *Basilicorum libri LX* / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. – Lipsiae, 1862. – Т. 5 (Lib. XLIX–LX). – LIII.1.26.
- ⁸¹ *Basilicorum libri LX* / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. – Lipsiae, 1862. – Т. 5. – LII.1.5.
- ⁸² *Ibid.* – LII.1.26.
- ⁸³ *Digesta.* – IV.9.7.
- ⁸⁴ *Digesta.* – LVII.5.1. 6; *Basilicorum libri LX.* – LIII.1.73.
- ⁸⁵ *Digesta.* – IX.3.6.3.
- ⁸⁶ *Ibid.* – XIV.1.1.13.
- ⁸⁷ *Ibid.* – XIV.1.1.14.
- ⁸⁸ *Digesta.* – XIV.1.1–12; Морской закон. – III.22, с. 20.
- ⁸⁹ *Digesta.* – XIV.1.9–10.
- ⁹⁰ *Ibid.* – XIV.1.1.12.
- ⁹¹ Морской закон. – III.7, 8.
- ⁹² Там же. – III.5–6.
- ⁹³ *Rouge J.* Recherches sur l'organisation... – P. 219–228; *Casson L.* Ships and Seamanship... – P. 314–321; *Ericson H.* Navis oneraria. The Cargo Carrier of Late Antiquity. Studies in Ancient Ship Carpentery. – Abo, 1984. – P. 16 f.; *Van Doornink F.* Byzantium, Mistress of the Sea, 330–641 // A History of Seafaring Based on Underwater Archeology / Ed. G. F. Bass. – London, 1972. – P. 134–159;

Ahrweiler H. Byzance et la mer: La marine du guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance au VIIe–XVe siecles. – Paris, 1966. – P. 397–407.

⁹⁴ *Сорочан С. Б.* К вопросу об уменьшении вместимости византийских грузовых кораблей в «темные века» // Древности 1996. Харьковський историко-археологічний ежегодник. – Харьков, 1997. – С. 77–78; ср.: *Марченко И. Д.* К вопросу о боспорских торговых судах // СА. – 1957. – № 1. – С. 237; *Петерс Б. Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. – М, 1982. – С. 118, табл. I, 39; рис. 39.

⁹⁵ Морской закон. – I.1–7, с. 15.

⁹⁶ *Christides V.* The Conquest of Crete by the Arabs (ca. 824). Turning Point in the Struggle Between Byzantium and Islam. – Athens, 1984. – P. 53.

⁹⁷ *Лопарев Хр.* Греческие жития святых VIII и IX веков. Ч. I: Современные жития. – Пг., 1914. – С. 261–263.

⁹⁸ *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. – Ч. 2. – С. 1316–1317, коммент. 318; с. 1337.

⁹⁹ *Rouge J.* Recherches sur l'organisation... – P. 215.

¹⁰⁰ Ср.: Морской закон. – III.4, 15, 35–38, 43–46.

¹⁰¹ Морской закон. – I.15.

¹⁰² Там же. – II.8, 11–13; III.9, 15.

¹⁰³ *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. – М., 1917. – С. 163.

¹⁰⁴ Морской закон. – III.8.

¹⁰⁵ Византийские легенды / Изд. подг. С. В. Полякова. – М., 1972. – С. 145.

¹⁰⁶ Морской закон. – III.6.

¹⁰⁷ Там же. – III.7.

¹⁰⁸ Там же. – III.6.

¹⁰⁹ Там же. – III.6.

¹¹⁰ Ср: Морской закон. – С. 15; *Сорочан С. Б.* Типологія торговельно-ремісничих асоціацій Візантії VII–IX ст. // Археологія. – 1995. – № 1. – С. 37–39.

¹¹¹ Морской закон. – III.26,28.

¹¹² Там же. – III.36.

¹¹³ *Pryer J.* Shipping and Seafaring // The Oxford Handbook of Byzantine Studies / Ed. E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. – Oxford, 2008. – P. 486.

¹¹⁴ *Сюзюмов М. Я.* О наемном труде в период кодификации римского права // ВДИ. – 1958. – № 2. – С. 132–135.

¹¹⁵ *Digesta.* – XIV.1.1.2.

¹¹⁶ *Ibid.* – XIV.1.1.2.

¹¹⁷ *Ibid.* – XIX.2.19.9.

¹¹⁸ *Basilicorum libri LX.* – IV.14.4.

¹¹⁹ Ср.: *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. – Харьков, 1998. – С. 368–428.

¹²⁰ *Digesta.* – IV.9.7 pr.; IX.4.19.2; XIV.1.1.4, 16, 21, 22.

¹²¹ История Византии. – М., 1967. – Т. 1. – С. 239.

¹²² *Digesta.* – XIV.1.1.4; XIV.1.4.3; XIV.1.5; 39, LVII.1.30.

¹²³ *Ibid.* – XIV.1.1.4.

¹²⁴ Ср.: *Christides V.* The Conquest of Crete by the Arabs (ca. 824). – Athens, 1984.

¹²⁵ Ср.: *Casson L.* Ships and Seamanship... – P. 320–321.

¹²⁶ Морской закон. – С. 38.

¹²⁷ Ср.: *Сорочан С. Б.* К вопросу об уменьшении вместимости византийских грузовых кораблей в «темные века». – С. 74–82.

¹²⁸ *Yannopoulos P. A.* La societe profane dans l'Empire byzantin des VIIe, VIIIe et IXe siecles. – Louvain, 1975. – P. 130.

¹²⁹ Морской закон. – III.9; *Литвиц Е. Э.* К вопросу о городе в Византии... – С. 119.

¹³⁰ Подр. см.: *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. – Харьков, 1998. – С. 381–384.

¹³¹ *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. – Харьков, 1989. – С. 93; *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический. Быт

и культура (I–III вв. н. э.). – Харьков, 1996. – С. 101; *Сванидзе А. А.* Средневековый город и рынок в Швеции. XIII–XV вв. – М., 1980. – С. 212.

¹³² *Ioannis Chrysostomi Opera omnia quae extant...* Opera et studio B. de Montfaucon / Accurant et denuo rec. J.-P. Migne // PG. – 1862. – Т. 49. – Col. 107 (Ad populum antiachenum homil. IX); 1862. – Т. 51. – Col. 261–262 (De eleemosyna sermo. I. Homiliae hujus habendae occasio); 1859. – Т. 52. – Col. 688 (Epistolae. 128); 1859. – Т. 54. – Col. 581 (In Genesim sermo 1).

¹³³ *Epiphani Constantiae in Cypro episcopi Opera quae reperiri potuerunt omnia.* Т. 2 // PG. – 1858. – Т. 42. – Col. 825 A; *Corpus juris civilis.* – Berolini, 1904. – Vol. 3: Novellae / Rec. R. Schoell. *Opus Schoellii morte interseptum absolvit G. Kroll.* – Nov. 59.2.

¹³⁴ *Miracula S. Artemii (Diegesis ton thaumatou tou agiou... Artemiou) // Varia graeca Sacra.* Сборник греческих неизданных богословских текстов IV–XV веков / Изд. А. Пападопуло-Керамевс // Записки имп. СПб. ун-та, истор.-филол. ф-т. – 1909. – Ч. 95. – С. 45–47.

¹³⁵ *Rouge J. Recherches sur l'organisation...* – P. 179–188.

¹³⁶ *История Византии.* – М., 1967. – Т. 1. – С. 120.

¹³⁷ Ср.: *Theodosiani libri XVI constitutionibus sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes* / Ed. Th. Mommsen, P. M. Meyer. – Berolini, 1905. – Vol. 1. – P. 1–2. – XIV.2.2; *Rouge J. Recherches sur l'organisation...* – P. 179 f.

¹³⁸ *История Византии.* – М., 1967. – Т. 1. – С. 120; *Каждан А. П.* Социальный состав населения византийских городов в IX–X вв. // *ВВ.* – 1956. – Т. 8. – С. 87; ср.: *Rouge J. Recherches sur l'organisation...* – P. 295–296.

¹³⁹ *Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo abscripta, I–II* / Ed. E. W. Brooks. *Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores Syri.* Ser. 3. Т. 5–6. – Parisiis; Lovanii, 1919–1924. – S. 36–37 (I.7.6).

¹⁴⁰ Подр. см.: *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. – Харьков, 1998. – С. 328–329, 350.

¹⁴¹ Византийский Земледельческий закон. – Гл. 18, 19.

¹⁴² *Digesta.* – XIX.2.19.9; XIX.2.38.1.

¹⁴³ Византийская книга Эпарха / Вступит. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. – М., 1962. – VI.2, 3; VIII.10; XXII.2, 3.

¹⁴⁴ *История Византии.* – М., 1967. – Т. 1. – С. 30–31; *Морской закон.* – С. 6.

¹⁴⁵ Ср.: *Сорочан С. Б.* О политической роли и идейной ориентации торгово-ремесленного населения Византии в эпоху иконоборчества // *Вестник Харьковского ун-та.* – 1992. – № 393. – История. – Вып. 26. – С. 92–101.

¹⁴⁶ *Digesta.* – XIV. 2. 4 pr.; *Casson L.* Harbor and River Boats of Ancient Rome // *JRS.* – 1965. – Vol. 55. – P. 34–35; *Rouge J. Recherches sur l'organisation...* – P. 192–200.

М. В. Фомин

ХЕРСОНЕССКИЕ РАННЕХРИСТИАНСКИЕ «КАТАКОМБЫ». К ИТОГУ ИЗУЧЕНИЯ

Уникальнейшей группой памятников раннего христианского на территории современной Украины являются херсонесские «катакомбы» – склепы, в которых сохранились фрагменты полихромной живописи. Именно такое их наименование приводится первыми исследователями. На сегодняшний день открыто 13 погребальных сооружений, содержащих росписи. Фактически, они стоят в одном ряду с такими памятниками, как Римские катакомбы и росписи молитвенного дома в Дура-Европос. Созданные на рубеже поздней античности и раннего средневековья на границах Римо-Византийского мира они несут в себе сформировавшиеся традиции эллинистического декоративного искусства первых веков, но имеют уже совершенно иную смысловую нагрузку.

Подробное описание восьми из них вошло в фундаментальный труд М. И. Ростовцева¹. Материал о двух склепах (№ 1 и 2), открытых в 1998–1999 гг., был опубликован в приложении к работе В. М. Зубаря и А. И. Хворостяного². В 2002 г. был обнаружен склеп с росписями³, и с граффити, нанесенными по сырой штукатурке, исследованы в 2006 г.⁴ Помимо этого, во время строительных работ на западном берегу карантинной бухты в 2008 г. был открыт склеп «со сценами охоты», относящийся к дохристианской эпохе, однако несущий значительное количество информации о предшествовавшей христианству художественной традиции в позднеантичном Херсонесе⁵.

М. И. Ростовцев, опираясь на нумизматический материал, датировал памятники второй половиной IV – началом V вв.⁶ Позже эту дату поддержали П. Д. Диатроптов⁷, Л. Г. Хрушкова⁸, И. А. Завадская⁹, Е. Я. Туровский, А. А. Филиппенко¹⁰, опираясь на анализ археологических находок и систему росписи, датировали их серединой IV в. А. Е. Филиппов отнес их к III–IV вв.¹¹ Мнение о более позднем создании расписных склепов (не ранее второй половины V–VI вв.) отстаивал В. М. Зубарь¹². Материалы, открытые в склепах 2006 г. позволили поставить точку в этом споре. Их датировка, а также анализ художественных приемов и параллели с аналогичными памятниками, открытыми в других регионах, позволили отнести создание херсонесских расписных склепов к середине – второй половине IV в.¹³

Исследуя памятники раннехристианской живописи Херсонеса, М. И. Ростовцев пришел к выводу о том, что группа христианских склепов с росписью представляет собой результат заимствования, перенесения уже готовых, полно-

стью сформировавшихся художественных форм. Сюжеты декоративной росписи херсонесских склепов свидетельствуют о том, что они были созданы в один период и находятся в хронологической близости к аналогичным по стилю памятникам. По его мнению, херсонесские склепы, скорее всего, были расписаны приезжими мастерами, которые хорошо знали основы современной им системы погребальной живописи и следовали ей¹⁴.

Херсонес имел торговые и культурные связи с различными районами Империи, что неоднократно зафиксировано исследователями¹⁵. Такой тесный обмен вполне мог привести и к заимствованию сюжетов или к привлечению к работе приезжих мастеров.

Однако существует и иная точка зрения. Е. Я. Туровский предположил, что склепы могли быть расписаны и местными мастерами. На территории некрополя были открыты и гробницы, содержащие явно языческие сюжеты, принадлежавшие предыдущей эпохе. Таким образом, можно предполагать существование традиции и некоторой школы античной погребальной живописи в Херсонесе, на основании которой могла формироваться христианская система росписи¹⁶.

Открытие склепа 2008 г. со сценами охоты позволяет сделать вывод о присутствии двух различных художественных школ. Росписи этого склепа представляют собой реалистичные полихромные сюжетные композиции, покрывающие всю поверхность стен, в то время, как росписи, относящиеся к другой школе (и в языческих склепах и в христианских), нанесены скорее точечно, в виде отдельных сюжетных рисунков, не связанных напрямую в единое целое. Данная художественная традиция более символична, иероглифична.

В целом система росписи херсонесских христианских склепов практически полностью еще подчинена античной традиции. Единственным исключительно христианским изображением является монограмма Христа в венке на сводах некоторых склепов. Полное изображение хрисмы (совмещенные буквы Х и Р греческого алфавита) сохранилось в склепе 1904 (1853) г. и склепе «Аристана» (2/2006 г.). В росписи плафона склепа 1909 г. также наблюдаются диагональные гирлянды, сходящиеся к расположенному в центре венку, но изображение внутри венка не сохранилось¹⁷. М. И. Ростовцев предполагал существование монограммы также в склепах 1907 г. и «на земле Н. И. Тура», на сводах которых зафиксированы следы изображений венков¹⁸. Следы двойного круга, где могло быть изображение венка, и от которого, вероятно, шли прямые гирлянды, отмечены также в склепе 1905 г.¹⁹

Само по себе изображение хрисмы неоднократно трансформировалось и было широко распространено. Но именно Константиновская хризма, обрамленная в лавровый венок, стала символом триумфа, победы, небесного креста.

Наиболее ранние изображения такой хрисмы относятся к концу III в.²⁰ После Миланского эдикта (313 г.) она получила широкое распространение. Встречается её изображение, дополненное греческими буквами альфа и омега («я есмь Альфа и Омега, начало и конец» [Откр. 1:8; 21:13]). Со временем Константиновская монограмма вытесняется изображением монограмматического креста (вертикальная ветвь креста является греческая буква Ро с удлинённой ножкой)²¹.

Монограмма имени Христа в венке встречается в погребальных памятниках IV – начала V вв. в Риме, Испании, Галлии, Равенне²², в мозаиках Северной Африки²³. Изображения Константиновской хрисмы сохранились и в склепах Сиракуз, Ниша, Сард²⁴.

Известно значительное количество погребальных памятников IV–V вв., живопись которых имеет христианскую символику в виде хрисм и крестов²⁵. В некоторых из них, как правило, из числа наиболее ранних, так же, как и в херсонесских склепах, христианские символы сочетаются с традиционными античными мотивами (гирляндами, венками, цветами, птицами), безусловно, наделенными новым содержанием. Подобное сочетание старых форм и новых символов демонстрируют, например, погребальные памятники Сердики, Фессалоник, Nikei, Филипп²⁶. В целом для первых веков существования христианства во всех областях изобразительного искусства характерно широкое использование старых форм и образов, которые наполнены уже новым идеологическим содержанием.

Погребальная живопись несет в себе отображения о представлениях, связанных с загробной жизнью. В текстах Нового Завета описаниях «Рая» недостаточно конкретны. Некоторое представление позволяет получить апокрифический текст «Апокалипсис Петра»²⁷ и поэма Св. Ефрема Сирина «О Рае»²⁸. По существу оба описания совпадают. Рай как пространство, наполненное цветами и растениями, приносящими благословенные плоды. Анализ текстов позволяет сделать попытку интерпретации изображений в херсонесских «катакомбах».

В поэме Св. Ефрема присутствует образ «двери испытующей», ведущей в рай. В соответствии с этим вход в некоторые склепы оформлен в форме «двери» (1853 г., 1905 г., «на земле Н. И. Тура»). Образ «двери», отделяющей мир живых от мира мертвых, широко был распространен в дохристианской погребальной традиции. В христианстве идея «двери» также получила свое развитие. Сам Спаситель указывает на это понятие: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет» (Ин. 10, 9).

Росписи склепов содержат значительное количество растительных элементов: различные цветы, вьющиеся растения, виноградная лоза, деревья с плодами. Изображения лозы и грозди в раннехристианском искусстве, несомненно, имеют евхаристический, христологический смысл (склепы 1853 г., 1905 г., 1909 г.). «Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой – Виноградарь» (Ин. 15:1). «Я есмь Лоза, а вы – ветви; кто пребывает во Мне, а Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5).

В росписи склепа 1854 г. на плитах, закрывавших локулу, присутствуют изображения деревьев с плодами. Плодовые деревья как символ райского сада, плоды, в свою очередь, могут подчеркивать результат подвижнической жизни. В самой нише, которую закрывали плиты, было изображение венка – символа победы, торжества, обретение рая через подвижнические труды, которые принесли свой плод. Приведенные образы соотносятся с текстом главы 6 поэмы Св. Ефрема.

В ряде склепов (1854 г., 1905 г., 1909 г.) присутствуют евхаристические символы. В тексте поэмы образ рая представлен как образ священной трапезы, изображением которой в земной жизни является Евхаристия.

Одним из часто встречающихся сюжетов в росписях является образ птицы. Он встречается в тексте Евангелия. В образе голубя Святой Дух снизошел на Спасителя во время Крещения. Голубь был вестником окончания потопа (Быт. 8:11). «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 6:26). Царство Небесное подобно горчичному зерну, «которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Мф. 13:32). Птицы подразумеваются как символ смирения, как символ человеческой души в раю.

В раннехристианских росписях часто встречаются изображения павлинов (склеп «на земле Н. И. Тура», склеп 1912 г., № 1 1998–1999 гг.). Павлин символизировал бессмертие. Основанием для этого послужило представление античных авторов о неподверженности плоти этой птицы тлению. Павлин мог выступать и в качестве символа Воскресения, особенно в контексте евхаристических изображений. Образ павлина часто соотносится с образами рая – пальмовыми ветвями, цветами, гирляндами²⁹.

Особо стоит отметить композицию с павлинами, расположенными симметрично вокруг объекта (гирлянды – склеп «на земле Н. И. Тура», чаши – мозаики загородного храма Богородицы Влахернской, сосуда – сирийские мозаики). Основой изображения является горизонтальная, зеркально-симметричная, трёхчастная композиция с центральным элементом, в которой крайние изображения подчеркивают значимость центрального. Павлины, несущие гирлянду («склеп на земле Н. И. Тура»), могут символизировать Воскрешение как победу над тлением, над смертью. Мотив павлинов, пьющих или вкушающих из чаши, или стоящих по сторонам от нее, несет образ Евхаристии. Сюжетно они близки фрескам ранней «Базилики 1935 г.» и мозаичным композициям Северной Сирии.

Система росписи херсонесских христианских склепов включает также изображения геометрических фигур, ей свойственны имитационный и инкрустационный стили. В некоторых склепах встречаются изображения людей. Техника их начертания наталкивает на параллели с росписями Дура-Европос³⁰.

Интересные параллели возникают с росписями «Базилики 1935 г.». А. Л. Якобсон, опираясь на приведенные Е. Н. Жеребцовым стратиграфические данные раскопок, пришел к выводу о том, что они относятся к IV–V вв.³¹ И. А. Завадская датирует их концом IV в.³² Фрагменты настенных росписей базилики содержат элементы имитационного стиля, в частности мраморировки, а также изображения геометрических фигур, гирлянд, птиц (в том числе и павлинов) близкие по технике выполнения и сюжетам херсонесским расписным склепам. Фактически, можно говорить о том, что росписи выполнены художниками одной мастерской, в одном стиле, в близкой по исполнению технике.

Если стены катакомб могли нести изображения рая, в котором человек находится после смерти, то в церкви изображения рая могли подчеркивать место человека во время Божественной Литургии.

Истоки херсонесской школы имеют свои аналогии. Так, в Сирии античная художественная традиция существовала длительное время. «Именно мастерские Антиохии, долго сохранявшие античные традиции, были главным худо-

жественным центром, передававшим эти традиции другим землям христианского Востока»³³. Анализ изображений, сюжетов, техники и приемов, прототипов указывает на определенную семантическую и эстетическую связь художественной традиции с херсонесскими изображениями³⁴. В некоторых случаях можно говорить о фактической идентичности сюжетов, многие композиции составлены на основании неких «стандартных прописей»³⁵. А. Е. Филиппов проводит параллель памятников херсонесских и Палестины, Ливана³⁶.

Приведенные факты позволяют утверждать, что херсонесская раннехристианская художественная традиция развивалась под влиянием и в русле художественной традиции Сиро-Палестинского региона. Это вполне закономерно, если учесть пути проникновения христианства в Херсонес.

Привнесенная художественная система в позднеантичную эпоху на херсонесскую почву получила распространение в раннехристианской среде в погребальной живописи, фресковых росписях и напольных мозаиках. При этом необходимо отметить: известные на сегодняшний день памятники позволяют констатировать, что данная традиция сохранилась и получила свое развитие в дальнейшем, в частности, в напольных мозаиках позднейшего времени. Близость по своим формам элементов, из которых собирались композиции, позволяют предположить существование некой техники, использовавшей «прориси», некие стандарты, возможно, привезенные с ближневосточного региона.

Изучение сюжетов росписи и архитектуры самих погребальных сооружений позволяет сделать выводы о принадлежности данных сооружений и их месте в религиозной жизни херсонеситов. Большая часть открытых расписных склепов располагается на территории позднеантичного некрополя около Карантинной бухты. Традиционно именно эта часть кладбища считалась местом погребения первых христиан и первых святых мучеников, что отразила их агиография. Именно здесь во второй половине V в. возникла богато украшенная гробничная церковь-мартирий. Есть все основания полагать, что именно с этой частью кладбища был связан рассказ о погребении троих из семи Свв. епископов Херсонских³⁷.

Особо стоит остановиться на склепе № 2114 (склеп 1853 г.). По своей конструкции он являлся типичным для херсонесского некрополя – четыре ниши в левой и задней стене, расположенные одна над другой, и одна в правой стене. Причем фактически весь склеп переориентировали под погребение именно в этой локуле³⁸. К сожалению, склеп был ограблен еще в древности. Первым его исследовал граф А. С. Уваров в 1853 г., но среди находок упоминаются лишь несколько серебряных пряжек и обломок гипсового кружка с изображением креста³⁹.

Склеп был приспособлен для усыпальницы почитаемого человека. Все прежние захоронения из склепа удалили, что указывает на его функции мартирия. По мнению К. К. Косцюшко-Валюжинича и М. И. Ростовцева, исследовавших памятник, здесь был погребен человек, особо чтимый в среде христианской общины Херсонеса. Склеп мог быть местом поклонения первых христиан⁴⁰. Вполне вероятно, погребенный мог быть местночтимым святым или одним из первых херсонесских епископов.

Интересен так же склеп № 2086, который имел четыре лежанки (по две — одна над другой) с обеих сторон от входа и «аркосолий» в стене против входа. Стены склепа были богато украшены росписями, но особо надо отметить росписи «аркосолия». В центре изображена виноградная лоза, обрамленная гирляндой. По-видимому, гробничное сооружение могло принадлежать одному из почитаемых херсонеситов, возможно, епископу, который был погребен в особенном «аркосолии».

Отдельно необходимо рассмотреть склеп «на земле Н. И. Тура». Он был открыт в 1894 г., но раскопан лишь в 1912 г.⁴¹ В плане склеп изначально являлся типичным для подобных сооружений, но позднее был перестроен, саркофагообразная лежанка, расположенная напротив входа, была углубленна до уровня пола, а образованное таким образом «помещение» было соединено проходом, прорубленным в перемычке.

Помимо росписи задней стены, остатки фресок зафиксированы под левой нишей, где, по мнению М. И. Скубетова, находилось изображение пальмового венка⁴². Плафон был оформлен, как и в большинстве других херсонесских расписных склепов, в виде диагональных гирлянд и, вероятно, венка с хрисмой в центре⁴³. Таким образом, вся роспись, за исключением правой стены, как по стилю, так и по набору декоративных элементов, созвучна с живописью остальных расписных херсонесских склепов. Ее погребальный характер не вызывает сомнений. Скорее всего роспись связана с захоронениями, совершенными в тот же период, что и в остальных расписных склепах Херсонеса и датируется серединой IV — первой половиной V вв.

Зато совсем иной характер имеет роспись правой стены, где представлена сюжетная композиция с двумя фигурами (мужской и женской) направляющимися к схематично изображенному вдалеке городу⁴⁴. Еще одна фигура, от которой сохранились изображения ног в ремешковых сандалиях, показана идущей от города. Эта роспись относится, вероятно, ко времени перестройки склепа (возможно, связанной с чествованием памяти о некоем событии местной церковной истории) в своего рода мемориальную церквушку-моленную⁴⁵. Не исключено, что на момент перестройки этот склеп принадлежал всей христианской общине ранневизантийского Херсона и был местом для общественных молений в дни памяти почитаемых событий или погребенных. Именно принадлежностью росписи правой стены к уже перестроенному склепу и объясняется особый характер ее композиции. К настоящему времени она получила несколько интерпретаций. Н. М. Печенкин видел в этой картине сюжет из жизни мученика Феодора Стратилата⁴⁶. М. И. Ростовцев допускал, что здесь мог быть представлен некий святой или мученик, или вообще обыкновенный христианин в райском саду⁴⁷. В последнее время предложена новая версия, согласно которой в этой росписи изображены Мария с Иосифом, идущие в Вифлеем⁴⁸. Возможна и иная трактовка — изображение умерших, идущих к Небесному Граду, к которому протянуты руки мужчины и женщины⁴⁹. Учитывая особое отношение херсонитов к склепу, перестройку его в подземную церковь, имевшую, вероятно, мемориальные и кладбищенские функции, более вероятна связь с житийным чудом воскрешения мальчика по молитве Св. Василия⁵⁰.

Ю. М. Могаричев подверг критике предположение о культовых функциях склепа⁵¹. Он акцентирует внимание на учете незначительных размеров сооружения (площадь около 5 кв. м и высоте менее 1,7 м) и анализе изображений, которые двигаются от алтаря, а не к нему, как это положено по церковным канонам⁵². «Церквеобразная» архитектура склепа имеет свои аналоги, примером которых могут служить склепы Мангупа⁵³. Тот факт, что они не выполняли функции культовых сооружений, не опровергает возможности такого использования склепа «на земле Н. И. Тура». Он имел, как минимум, два строительных периода⁵⁴ и был переделан на последнем этапе, и, скорее всего, одновременно с созданием композиции росписи на заново оштукатуренной правой стене. Если сюжет фрески является иллюстрацией к агиографическому тексту, то его построение вполне закономерно. Таким образом, приведенные материалы и аналогии не исключают возможности функционирования склепа «на земле Н. И. Тура» как культового сооружения – молельни или мемориальной церквушки, периодические службы, проводимые в которой имели специфический (поминальный или мемориальный) характер.

Росписи херсонесских склепов относятся к числу памятников, обнаруживающих сюжетную и хронологическую общность. Живопись демонстрирует полностью сложившуюся декоративно-символическую систему. Она была привнесена на херсонесскую почву в уже готовом, сформировавшемся виде. Ближайшие ее аналогии находятся в позднеантичных центрах, расположенных в Малой Азии, с которыми Херсонес имел давние разносторонние связи. Особо необходимо отметить сирийско-палестинское влияние на становление христианства в Херсонесе-Херсоне. Все это дает основание предполагать, что традиция росписи погребальных сооружений пришла в Херсонес из христианского Востока. Развитие погребального обряда и традиций приводит к постепенному отказу от античной полихромной живописной традиции, на смену которой приходят более строгие и лаконичные изображения.

Что касается упокоенных в таких склепах, то очевидно в большинстве случаев это были представители местной аристократии или наиболее богатые горожане, родственники которых смогли оплатить дорогостоящую работу мастеров, возможно, приезжих. Три склепа с раннехристианской росписью могут быть связаны с погребениями почитаемыми, возможно, местного духовенства, не исключено, пресвитеров или архиереев, возглавлявших общину. В одном случае (склеп «на земле Н. И. Тура») можно говорить о почитании погребенного как святого или о месте, где по представлениям херсонеситов, проявилось могущество Бога, было явлено чудо, то есть, о теофаническом мартирии с литургическими функциями.

- ¹ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. – СПб., 1913.
- ² Зубарь В. М. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI вв.). – К., 2000. – С. 144–154.
- ³ Marchenko L. V. A New Early Christian Crypt in the Outskirts of Chersoneses Tauric // International Conference: The Cult of Martyrs and Relics and its Architecture in East and West (3d – 7th c. AD). – Varna, 2003. – P. 19–20.
- ⁴ Туровский Е. Я. Отчет об археологических исследованиях участка некрополя Херсонеса у загородного храма в 2006 г. // НА НЗХТ. – Д. № 3856.
- ⁵ Рішняк О., Садова О., Туровський Є., Філіппенко А. Некрополь Херсонеса Таврійського. Нові сторінки в історії досліджень. – Львів, 2012. – С. 54–79.
- ⁶ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. – Пг., 1914. – С. 451, 457, 462, 469, 503–507.
- ⁷ Диатроптов П. Д. Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология южной Руси. Сборник материалов международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001 г.). – Симферополь, 2002. – С. 34–36.
- ⁸ Хрушкова Л. Г. Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 168–194.
- ⁹ Завадская И. А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов // МАИЭТ. – 2005. – Вып. 11. – С. 258–288.
- ¹⁰ Туровский Е. Я. Филиппенко А. А. Отчет об археологических исследованиях участка некрополя Херсонеса у загородного храма в 2006 г. // НА НЗХТ. – Д. № 3856; Туровский Е. Я. Участок херсонесского некрополя у загородного храма Богородицы Влахернской: некрополь святых? // Херсонес – город святого Климента. Тезисы и сообщения VI Международной конференции по Церковной археологии (Севастополь 12–18 сентября 2011 г.). – Севастополь, 2011. – С. 40.
- ¹¹ См. подробнее: Филиппов А. Е. Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа // Очерки по истории христианского Херсонеса / Отв. ред. С. А. Беляев. – СПб., 2009.
- ¹² Зубарь В. М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1988. – С. 12; Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. – К., 2000. – С. 158–163; Зубарь М. В. К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912 г. из Херсонеса // Хсб. – 1999. – Вып. 10. – С. 300–311.
- ¹³ Туровский Е. Я., Филиппенко А. А., Фомин М. В. Раннехристианская погребальная живопись Херсонеса-Херсона (к итогу дискуссии о датировке) // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2012. – № 1005: Сер. «Історія». – Вип. 45. – С. 99–106; Туровский Е. Я. Филиппенко А. А., Фомин М. В. Херсонесские склепы с раннехристианскими росписями // Дриновський збірник. – Том V. – Харків: Софія, 2012. – С. 154–163.
- ¹⁴ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. – Пг., 1914. – С. 148–152.
- ¹⁵ Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. (по материалам Херсонеса). – Харьков, 1989; Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры / А. О. Владимирова, Д. В. Журавлев, В. М. Зубарь и др. – Харьков, 2004. – С. 348–360; Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.) Очерки истории и культуры. – Ч. 1–2. – Харьков, 2005. – С. 231–322.
- ¹⁶ Туровский Е. Я. Участок херсонесского некрополя у загородного храма Богородицы Влахернской: некрополь святых? // Херсонес – город святого Климента. Тезисы докладов и сообщений VI Международной конференции по Церковной археологии. – Севастополь, 2011. – С. 40.
- ¹⁷ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. – СПб., 1913. – Табл. CV, CVI.
- ¹⁸ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. – Пг., 1914. – С. 453–454, 460, 465–466, 478.
- ¹⁹ Косцюшко-Валюжинич К. К., Скубетов М. И. Извлечение из раскопок в Херсонесе Таврическом в 1907 году // ИАК. – 1911. – Вып. 42. – С. 53; Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. – С. 453–454, 460, 465–466, 478.

- ²⁰ Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике. – СПб., 2006. – С. 417–441; Уваров А. С. Христианская символика. – М., 1908. – С. 76; Юрочкин В. Ю. Древнейшее изображение Креста Господня // Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии. – К., 2002. – С. 36–37.
- ²¹ Laurent J. Delphes chrétiennes // BCH. – 1899. – Т. 23. – Р. 243–244; Луковникова Е. Древнехристианская изобразительная символика // Альфа и Омега. – 1995. – № 3 (6). – С. 38–40; Хрушкова Л. Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: крестообразная церковь на главном кладбище // Сугдейский сборник. – 2005. – Вып. 2. – С. 415.
- ²² Sauer J. Christusmonogramm. – LThK., 1958. – Р. 40; Хрушкова Л. Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: крестообразная церковь на главном кладбище // Сугдейский сборник. – 2005. – Вып. 2. – С. 415.
- ²³ Alexander M. A. Mosaic Ateliers at Tabarka // DOP. – 1987. – Vol. 41. – Р. 10; Хрушкова Л. Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: крестообразная церковь на главном кладбище // Сугдейский сборник. – 2005. – Вып. 2. – С. 416.
- ²⁴ Valeva J. Les tombeaux ornés de croix et chrismes peints // XIII International Congress of Christian Archeology. – Actes III. Citta del Vaticano. – Split, 1998. – Р. 761–786.
- ²⁵ Завадская И. А. Декоративно – символическая система росписи херсонесских христианских склепов // МАИЭТ. – 2005. – Вып. 11. – С. 258–288.
- ²⁶ Миятев К. Декоративната живопись на Софийский некропол. – София, 1925. – С. 25, рис. 9; Завадская И. А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов // МАИЭТ. – 2005. – Вып. 11. – С. 258–288.
- ²⁷ Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства / Античные критики христианства. – М., 1990. – С. 215–217.
- ²⁸ Ефрем Сирин Творения. В 5 томах. – М., 1989. – Т. 4. – С. 258–297.
- ²⁹ Уваров А. С. Христианская символика. – С. 199–201
- ³⁰ Rostovtzeff M. I. Dura-Europos and its Art. – Oxford, 1938; Чаковская Л. С. Воплощенная память о Храме: художественный мир синагог Святой Земли III–VI вв. н. э. – М., 2011. – С. 20–35.
- ³¹ Якобсон А. Л. К изучению фресок из южного нефа базилики 1935 г. в Херсонесе // СА. – 1978. – № 2. – С. 96–10.
- ³² Завадская И. А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «базилика 1935 года» в Херсонесе // МАИЭТ. – 1996. – Вып. V. – С. 94–105.
- ³³ Хелу Н. Мозаики V–VI веков в Ливане // Панорама искусств. – М., 1985. – Вып. 8. – С. 61.
- ³⁴ Литовченко А. Н., Фомин М. В., Чекаль А. Г. О происхождении раннехристианской художественной традиции в византийском Херсоне // Кондаковские чтения – III. Человек и эпоха: Античность – Византия – Древняя Русь. – Белгород, 2010. – С. 121–133; Abdallah Hadjar. The Church of St. Simeon the Stylite and other archaeological sites in the mountains of Simeon and Halaqa // S.L. – 1995 – P. 1–6.
- ³⁵ Литовченко А. Н., Фомин М. В., Чекаль А. Г. О происхождении раннехристианской художественной традиции в византийском Херсоне // Кондаковские чтения – III. Человек и эпоха: Античность – Византия – Древняя Русь. – Белгород, 2010. – С. 121–133.
- ³⁶ Филиппов А. Е. Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа // Очерки по истории христианского Херсонеса / Отв. ред. С. А. Беляев. – СПб., 2009.
- ³⁷ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – С. 1267.
- ³⁸ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. – С. 452–457.
- ³⁹ Там же. – С. 456.
- ⁴⁰ Там же. – С. 452–457.
- ⁴¹ Там же. – С. 470.
- ⁴² Там же. – С. 476.
- ⁴³ Там же. – С. 478.
- ⁴⁴ Там же. – Рис. 89–90.
- ⁴⁵ Там же. – С. 473–474; Зубарь В. М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 22; Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. – К., 2000. – С. 93; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – С. 1069–1070; Сорочан С. Б. Мартирий Воскрешения, или еще раз о херсонесском склепе на земле Н. И. Тура // АДСВ. – 2006. – Вып. 37. – С. 141; Фомин М. В. О почитании святых в Херсонесе – Херсоне

по материалам некрополя // Мир Византии: материалы международного научного семинара. – Белгород, 2007. – С. 164–165.

⁴⁶ *Печенкин Н. М.* Роспись христианской катакомбы близ Херсонеса, на земле Н. И. Тура // ИТУАК. – 1912. – № 8. – С. 145.

⁴⁷ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. – С. 479.

⁴⁸ *Зубарь М. В.* К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912 г. из Херсонеса // ХСб. – 1999. – Вып. 10. – С. 300–301; *Зубарь В. М., Хворостяный А. И.* От язычества к христианству. – С. 80.

⁴⁹ *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. – С. 845.

⁵⁰ Та же. – С. 1259.

⁵¹ *Могаричев Ю. М.* Склеп на земле Н. И. Тура: погребальное сооружение или церковь // БИАС. – 2008. – Вып. 3. – С. 82–90.

⁵² *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. – С. 478; *Коковкин А. Я. Я. И. Смирнов* // Византиноведение в Эрмитаже. – Л., 1991. – С. 148; *Могаричев Ю. М.* Склеп на земле Н. И. Тура: погребальное сооружение или церковь. – С. 82–87.

⁵³ *Герцен А. Г.* Раннехристианские памятники из некрополей Мангупа // Культура и искусство христиан-негреков: Тез. докл. – СПб., 2001. – С. 10; *Герцен А. Г.* Дорос – Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. – 2003. – Вып. 34. – С. 99–100.

⁵⁴ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. – С. 478; ср.: *Могаричев Ю. М.* Склеп на земле Н. И. Тура: погребальное сооружение или церковь – С. 82–87.

М. М. Чореф

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ДЕНЕЖНОЙ ЭМИССИИ В ГОСУДАРСТВЕ ФЕОДОРИТОВ

ВПозднем Средневековье зона влияния Византии в Таврике значительно уменьшилась. К тому времени не только Воспоро¹, но и почти весь Южный берег Крыма попали под контроль генуэзцев. В предгорьях же укрепились татары. Под властью империи остался только Херсон. В такой ситуации следовало бы ожидать сжатия сферы обращения византийской монеты. Однако этого не наблюдалось. Зато известно, что монеты Палеологов выпадали в клады, сокрытые после гибели империи, конкретнее – в конце XV в.² Так что византийская монета еще долго оставалась востребованной денежным обращением Таврики. И это требует объяснения³.

Первым делом определимся с регионом исследования. Полагаем, что ограничить его нужно пределами самого крупного и активного феодального образования – княжества Феодоро. Ведь митрополиты и монастыри Таврики не могли чеканить свою монету. А города региона или прекратили денежную эмиссию, как, к примеру, Херсон, или стали подвластны Золотой Орде и генуэзцам, использовавшим свои валюты.

Учтем и то, что в интересующий нас период Феодоро находилось в пике своего могущества⁴. Однако, по последним данным⁵, в то же время приток монет на его территорию сократился. Остается только предполагать, что это явление могло вызвать собственную денежную эмиссию. Заметим, что так считают многие археологи и нумизматы. Попытаемся для начала проанализировать их гипотезы.

Очертим круг наших интересов. Мы собираемся анализировать не только комплексы XV в. Полагаем, что стоит обратить внимание и на более ранние монеты, преимущественно византийской чеканки, обращавшиеся тогда в Юго-Западном Крыму. Ведь они, наверняка, продолжали использоваться⁶. Безусловно, интересны и контрамарки на восточных монетах, находимых на Мангупе и в его ближайших окрестностях. Ведь надчеканивание также могло быть проведено на территории княжества с санкции местных властей. Ну и, наконец, рассмотрим вопрос о возможности обрезывания привозных монет с целью получения денег привычного для населения номинала. Ведь вероятность этого исключать нельзя.

Приступим к анализу работ наших предшественников. Самое раннее, но, к сожалению, практически забытое упоминание о деньгах мангупского чекана,

было найдено нами в *«Отчете»* об экскурсии по «пещерным» городам Юго-Западного Крыма, проведенной преподавателями второй учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии для обучающихся в 1888 г. Во время посещения ими Мангупа были продемонстрированы две небольшие медные монеты с одноглавым орлом на одной стороне и с короной на другой (рис. 1, 1,2). По мнению экскурсовода – директора гимназии Г. И. Тимошевского, их могли чеканить на территории самого древнего поселения. Он заключил, что *«бросается в глаза большое сходство орла с изображением его же на надписи на камне, который находится в деревне Саблах»*, а композицию другой стороны он нашел схожей *«в общем очертании с монетами киевских князей Владимира и Ярослава Мудрого»*. Г. И. Тимошевский считал, что заинтересовавшие его монеты чеканили при *«Алексее... царе мангунском»*⁷.

Сразу же заметим, что доводы уважаемого исследователя нам не кажутся убедительными. Начнем с того, что на сохранившемся фрагменте надписи 1427 г., на которую ссылается Г. И. Тимошевский, видна только половина фигуры двуглавого орла, хорошо различимая на памятнике 1425 г. Так что первый довод, безусловно, отпадает. Столь же слаб аргумент о сходстве композиций древнерусских и предположительно мангупских монет – на первых оттискивали трезубцы, а не зубчатые короны. Зато подобные венцы встречаются на европейских монетах. К примеру, аналогично мангупским находкам оформляли польские денары XIV–XV вв. королей из династии Ягеллонов. На аверсах их разменных монет оттискивали изображение гербового одноглавого орла, а на реверсе – королевскую корону. В качестве примера приводим изображения денаров Владислава II (1386–1434) и Яна Ольбрахта (1492–1501) (рис. 1, 3, 4). Полагаем, что подобные монеты и осмотрели экскурсанты.

Куда большую известность получила небольшая заметка А. Н. Коршенко о находке в Юго-Западном Крыму скифатных монет предположительно мангупского чекана⁸. Их изображения мы приводим на рис. 2, 1,2. Учитывая необычность оформления и предполагая их неизвестность за пределами Крыма и крайнюю редкость на его территории, ученый заключил, что заинтересовавшие его бронзы могли чеканить на Мангупе⁹. Мы же, в свою очередь заметим, что сама уникальность этих монет, отмеченная первооткрывателем, не дает нам оснований выдвигать какие-либо гипотезы о месте их производства. Ведь если бы они были официально отчеканены на Мангупе, то нам были бы известны отнюдь не единичные экземпляры. И, в любом случае, их бы находили в других регионах Таврики, к примеру, в Херсоне, который, безусловно, в тот период был куда более экономически развит, чем Мангуп или какое-либо иное поселение Юго-Западного Крыма. Они должны были быть известны и на Южном берегу. Однако этого не наблюдается. Понятно, что мы можем списать это обстоятельство на недостаточно хорошую изученность региона. Но куда проще, и, кажется, логичнее объяснить этот факт тем, что заинтересовавшая А. Н. Коршенко монета, действительно редкая, была завезена в Таврику из центрального региона Византийской империи.

Мы против самой идеи выделения региональных эмиссий только с учетом предполагаемого ареала хождения монет¹⁰. Считаем, что такого рода атрибуции

необходимо обосновывать безусловно трактуемыми эмиссионными обозначениями. По крайней мере, мы стараемся атрибутировать монеты исключительно в этом ключе. Полагаем, что заинтересовавшие А. Н. Коршенко монеты были привозными.

Чтобы удостовериться в верности нашего предположения, обратим внимание на оформление заинтересовавших его бронз. По мнению А. Н. Коршенко, аверс второй монеты был скопирован с трахеи Мануила I (1143–1180), а ее реверс – с меди Андроника I (1182–1185). И именно на этом он основывал свою теорию. Ученый считает, что раз монета гибридная, то она является подражанием, и, вернее всего, местным¹¹. Однако это не так.

На рис. 2, 3 мы приводим изображение скифатного биллона Андроника I Комнина. Как видим, она аналогична изданной А. Н. Коршенко. Эта монета хранится в нумизматической коллекции «Bibliothèque nationale de France». Она была сначала издана С. Морриссон, а позже – составителями DOC. По мнению французской исследовательницы, эта монета была отчеканена в Константинополе¹², а согласно выводам британских ученых, в Фессалониках¹³. Но в данном случае это не важно. Зато очевидно то, что ее атрибуция, предложенная А. Н. Коршенко, ошибочна. Напомним, что уважаемый российский ученый считал ее гибридной, причем подражанием выпускам Мануила I и Андроника I Комнинов. А сам факт отнесения ее к официальной эмиссии второго из них не дает нам никаких оснований для приписывания ее к чекану какого-либо таврического денежного двора, тем более, к Мангупскому. Нет у нас и оснований предполагать, что Андроник I Комнин выпускал свои монеты в таком глухом захолустье тогдашнего византийского мира, как современная ему Таврика. Ведь, в противном случае, нам бы были известны его монеты эмиссии Херсона. У нас есть все основания считать гипотетические мангупские скифаты, описанные А. Н. Коршенко, довольно редкими, но все же ординарными монетами византийского чекана.

Перейдем к аспрам с «Т» на аверсе (рис. 3, 1–3). Впервые они были изданы О. Ф. Ретовским¹⁴. Обилие материала позволило нумизмату вплотную подойти к разбору легенд аверса и реверса этих монет. Так, на лицевой их стороне он разобрал круговую легенду «IMPERATOR»¹⁵ – «император», окружающую вписанную в окружность литеру «Т». На реверсе исследователь разобрал арабско-графичную надпись «ناطلسل لداعال دمحم نغ» – «султан верховный Мухаммед хан», обрамляющую тамгу правителя Золотой Орды¹⁶. Также он подметил стилистическую близость ее оформления с хорошо датированными генуэзско-кафинскими монетами, чеканенными от имени миланского герцога Ф.-М. Висконти¹⁷. Таким образом, у него были веские основания для отнесения заинтересовавших его монет к эмиссии генуэзской Кафы. Однако ученый продолжал сомневаться. Дело в том, что ему не удавалось объяснить наличие на аверсе этих монет символа «Т». Он даже предполагал, что их могли отчеканить в Тане¹⁸. Но, в любом случае, нумизмат не сомневался в том, что изготовить эти монеты могли только западные европейцы¹⁹.

Как видим, О. Ф. Ретовский не нашел ответы на поставленные им же вопросы. Status quo сохранялся до конца XX в.²⁰ Ситуация изменилась только

в последние годы. В 1999 г. вышла в свет статья видного крымского археолога и архитектора В. П. Кирилко, посвященная интерпретации столь непонятного символа «Т». Ученый, опираясь на результаты изучения монограмм правителей Феодоро²¹, заключил, что заинтересовавшее его обозначение является знаком. А это дало ему основание считать монеты с «Т» на аверсе чеканенными в Кафе специально для Крымской Готии²².

Вскоре после этого, в 2003 г. вышла в свет небольшая публикация московского археолога и историка И. В. Волкова. В ней ученый также привел свои соображения по поводу атрибуции символа «Т». Он не видел в нем знак. Ведь аналогичные по написанию буквы присутствуют в слове «IMPERATOR». Историк полагал, что «Т» является буквой. Но, в этом случае, она должна была служить монограммой имени. И. В. Волков справедливо заключил, что это была важная особа, носившая титул императора. Иначе чем еще можно было объяснить наличие легенды на аверсе монеты? Ученый пришел к выводу, что монета была выпущена от имени золотоордынского хана Тимура (1411–1412) или же от имени любого другого правителя Орды. По его мнению, легенду аверса следует читать как «IMPERATOR TATARORUM»²³.

Но, заметим, что ученый не настаивает на верности своих предположений. Проведя безукоризненное по форме исследование, он заключил, что сведения об аспрах с «Т» на аверсе совершенно недостаточны. Так, И. В. Волков первым обратил внимание на то обстоятельство, что их проба так и не установлена²⁴.

Полагаем, что его выводы заслуживают внимательного изучения. Но, к сожалению, этого до сих пор не произошло. После выхода в свет статьи В. П. Кирилко аспры с «Т» на аверсе практически общепринято считать мангупскими. Однако уважаемый исследователь не настаивал на истинности своей атрибуции. Он только предположил, что центральный элемент оформления аверса этих монет являлся «Т-образным знаком»²⁵, схожим со «знаком фуннской надписи»²⁶. Знал он и то, что у нас никаких оснований считать православного правителя «IMPERATOR»'ом, учитывая то обстоятельство, что этот титул не использовался в самой Византии со времен Михаила III²⁷. Ведь Романией правили βασιλεῖς – «василевсы».

Из личной беседы с В. П. Кирилко мы узнали, что целью публикации было не формулирование и обоснование непреложной атрибуции монетного материала, а всего лишь привлечение к нему внимания нумизматов. Воспользуемся любезным предложением маститого исследователя.

Сразу же заметим, что сама методика, предложенная В. П. Кирилко, нам видится крайне перспективной. Как верно заметил наш современник, «*основной элемент монетной композиции обычно соответствует первой букве имени монетного сеньора, но никак не города*»²⁸. Развивая эту мысль, и, учитывая плодотворные выводы И. В. Волкова, предположим, что заинтересовавший нас символ мог быть монограммой феодала. И дело даже не в том, что в слове «IMPERATOR», обрамляющем этот символ, встречаются аналогично прорезанные буквы «Т». Как нами уже было установлено, монограммы правителей Феодоро не содержали знаков²⁹. Получается, что мы имеем дело с тривиальной аббревиатурой имени сеньора. Причем он не мог быть одним из правителей

Орды. Ведь упоминания о хане присутствуют на реверсе³⁰. Получается, что мы должны дешифровать имя синьора-христианина, как мы уже понимаем, западного европейца. К слову, его можно установить без особого труда – только один из правителей того времени, имевшим отношение к северопричерноморским колониям, мог титуловать себя таким образом. Это был Теодоро II Палеолог (1381–1418), маркиз Монферратский, правивший Генуей в 1409–1413 гг. и являвшийся императорским викарием³¹. Полагаем, что аспры с «Т» на аверсе могли быть выпущены в Кафе от его имени.

К слову заметим, что размещать однобуквенную монограмму своего имени в центре монетного поля аверса было в обычае тогдашних феодальных правителей Европы. В качестве примера рекомендуем обратить внимание на серебро и золото сеньоров Италии и Франции³², а также крестоносцев – синьоров Леванта³³. Причем на меди чекана государств крестоносцев размещали аббревиатуры названий городов³⁴. Так что можно с полной уверенностью считать, что монограмма «Т» на аспре *est un grand signe*.

Мы отдаем себе отчет в том, что наш вывод покажется многим весьма неожиданным. И попытаемся заранее предложить ответы на возможные вопросы наших оппонентов. Начнем с того, что монеты правителей Монферрата XIII–XV вв. (рис. 3, 7–12) оформляли в стиле, отличном от принятого тогда на Кафинском денежном дворе. Впрочем, и сами генуэзские деньги³⁵ (рис. 3, 4–6) отнюдь не служили образцами для золота, серебра, биллона и меди колониального чекана. В качестве примера рассмотрим изображения типовых монет чекана Генуи (рис. 3, 4–6) и Монферрата (рис. 3, 7–12). Как видим, принцип оформления генуэзских выпусков оставался неизменным столетиями. На аверсе монеты выбивали портал, обрамленный легендой с названием города в различных написаниях или с упоминанием дожа. На реверсе всегда размещали крест и ординарную надпись: «CONRADUS REX»³⁶, причем, с теми или иными грамматическими ошибками или незначительными добавлениями (рис. 3, 4–6). В то же время в Монферрате выпускали довольно разнообразно оформленные монеты с монограммами и изображениями правителей. К примеру, Иоанн I Палеолог (1338–1372) чеканил *obolo blanko* с аббревиатурой своего имени в центре и указанием на свой титул (*sic!*) на аверсе и сведений о месте чекана на реверсе (рис. 3, 8). Правда, при нем выпускали несколько разновидностей денег этого достоинства. Отличия в их оформлении – разительны (рис. 3, 9). Хотя некоторое сходство с крупным серебром все же прослеживается (рис. 3, 9, 10). Своего рода монеты – девизы выпускал и заинтересовавший нас Теодоро II Палеолог. На оборотных сторонах его монет выбивали изображение св. Теодоро (рис. 3, 11). Судя по легендам, правители этого небольшого государства титуловали себя по-разному. Так, Теодоро I Палеолог провозглашал себя «INPATORIS : GRECOR : FILIVS» («Imperatoris Graecorum Filius») – «сын императора греков»³⁷, а его наследники – «MARCINO» («MARCHO») – («маркизы») и «SACRI : RO : IMP : PRINC : VICQ : P.P.» («Sacri Romano Imperii Princeps vicarius Pater Patriae») – «Священной Римской империи князя-викария Отца Отечества». Такие монеты, к примеру, выпускал Гульельмо IX Джованни (1494–1518) – один из потомков Теодоро II Палеолога³⁸, являвшийся, как и его предок, имперским викарием.

Мы находим это обстоятельство крайне важным. Очевидно, что у Теодоро II Палеолога были все основания санкционировать кафинскую эмиссию с упоминанием самого почетного титула в то время – императорского, на который, в силу своего родства с Палеологами, они имели определенные права. Учтем и то обстоятельство, что, что аспры с «Т»-образной монограммой на аверсе обращались в Причерноморье, издавна входившем в зону культурного и экономического влияния Византии. Так что появление на них имперских девизов вполне ожидаемо. Кроме того, это были своего рода монеты для внутреннего пользования. Для нужд же торговли правители Монферрата чеканили подражания флоринам (рис. 3, 7) и обычные скудо (рис. 3, 12). Тут уж не было никакой самобытности.

Как видим, никакого сходства между монетами Генуи, Кафы и Монферрата не прослеживается. Да, похоже, оно и не требовалось. Нет нужды пытаться найти общие черты в дизайне неполноценных монет, выпущенных для локального использования. А т. н. «торговые монеты» оформляли таким образом, чтобы знающие люди уверенно могли их различать.

Но, *ad rem*. Если наши доводы верны, то на Мангупе в интересующий нас период собственную монету не чеканили. Полагаем, что в этом не было необходимости. Ведь княжество Феодоро всю историю своего существования зависело от значительно более экономически и политически влиятельных государственных образований: Византии, Трапезундской империи, Золотой Орды и Крымского ханства. Мангупские династы верноподданнически пользовались монетой своих сюзеренов. Но это, безусловно, не лишало их возможности ее надчеканивать.

Перейдем теперь к анализу крымских контрамарок³⁹, известных на средневековых монетах. К настоящему времени выявлены надчеканки: «» и «» – «портал» или «башня» (рис. 4, 1), «» – «звезда» (рис. 4, 3), «» – «шести-конечная звезда» или «христограмма»⁴⁰ (рис. 4, 2), «» – «тамга» (рис. 4, 12), «» – «крест в петельке с хвостиком» (рис. 4, 3–11) и «» («»») – «хан» (рис. 4, 1, 5). Они известны на золотоордынских дирхемах и пулах, а также на меди турецких бейликов и первых Османов. Согласно собранной нами статистике, контрамаркировали монеты, выпущенные в XIV–XV вв. Так что, вроде бы, есть все основания отнести их к мангупским. Но вот в чем сложность. Мангупские правители не могли использовать надчеканки с арабографичными надписями (рис. 4, 1, 5). Да и ханами они не были. Так что «», определенно, отпадает. По той же причине отклоняем «» и «» (рис. 4, 1), служившие своеобразным гербом Генуи. Феодориты не могли оттискивать и «» (рис. 4, 3–11). Да, на ряде монет он неотчетлив, и даже создается впечатление, что это ординарный христианский символ. Но проблема в том, что он уже давно известен тюркологам и четко атрибутирован. Так, С. М. Червонная и Р. Х. Керейтов считают его ногайским знаком⁴¹. И это вполне ожидаемо. Ведь, как правило, надчеканивали сбитые медные монеты разного веса и размера. Это производилось с целью легализации их обращения. А это имело смысл делать только в больших торговых городах, нуждавшихся в значительной массе денежных средств, причем небольшого достоинства. В противном случае монеты могли обращаться

без контрамаркирования сколь угодно долго, т. к. ценились только как металл. Судя по ареалу обращения монет с такой надчеканкой – а это весь Юго-Западный Крым, ее могли провести наместники значительного административного и торгового центра – Кырк-Йера⁴².

Также нет у нас оснований отнести к мангупским контрамаркам «✱» и «✱» – гипотетическую «хризму». Ведь первый астральный символ куда более характерен миру ислама, чем христианству, а второй знак определенно не представляет собой монограмму имени Христа. Дело в том, что на двух из его шести лучей просматриваются утолщения. Одно из них можно принять за полукружие «Р», но как быть со вторым? Полагаем, что «✱» также является знаком ордынского владельца.

И, совершенно очевидно, что феодориты не могли надчеканивать монеты тамгой «П». Этот знаковый символ наверняка принадлежал Чингизиду.

Итак, если наши рассуждения верны, то все эти контрамарки четко привязаны к эмитентам. Их проставляли или в Кафе, или на ордынских монетных дворах.

Теперь обратим внимание на обрезанные монеты, изданные А. Н. Коршенко⁴³. Напомним, что исследователь атрибутировал три фрагмента билонного скифата Андроника I Комнина как *«разменную монету, по размеру напоминающую медные монеты Херсона IX–XI вв. и тетартероны Комнинов XII в.»*⁴⁴. Как видим, он не учел ни состав сплава, из которого были изготовлены описанные им обрезки, ни их вес, к слову, значительно отстающий от нормы как таврических фоллисов⁴⁵, так и тетартеронов, ни, собственно, факт активного использования в таврическом денежном обращении в XII–XIV вв. монет с аббревиатурой «Рω» на аверсе, вытеснивших все прежние выпуски из обращения. Полагаем, что описанные А. Н. Коршенко фрагменты скифатов могли быть изготовлены в XI–XII вв. с целью получения легковесной серебряной монеты, достоинством ниже дирхема. К слову, такие обрезки хорошо известны в Восточной Европе, в т. ч. и в Северном Причерноморье (рис. 1, 4). Вернее всего, целью этой операции было изготовление эквивалентов европейским денариям. Но, в любом случае, у нас нет никаких оснований ассоциировать обрезывание монет исключительно с деятельностью позднесредневековых правителей Мангупа.

Подведем итоги исследования. Если наши рассуждения верны, то феодориты не выпускали свою монету и не надчеканивали чужую. Полагаем, что ее также официально не обрезали. Ведь жители пользовались привозными монетами и наверняка не видели необходимости в ее обрезании под их некие местные нормы. Правда, они могли дробить их на части, чтобы использовать в качестве разменных денег. Но, в любом случае, это происходило стихийно и не может трактоваться как результат государственного вмешательства в денежное хозяйство. Полагаем, что у нас есть все основания считать привозными все гипотетические серии мангупского чекана.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. К анализу гипотезы Г. И. Тимошевского
 1, 2 – монеты «Алексея... царя мангупского» (по Г. И. Тимошевскому)
 и аналогичные им польские коронные денары Владислава II (3) и Яна Ольбрахта (4).

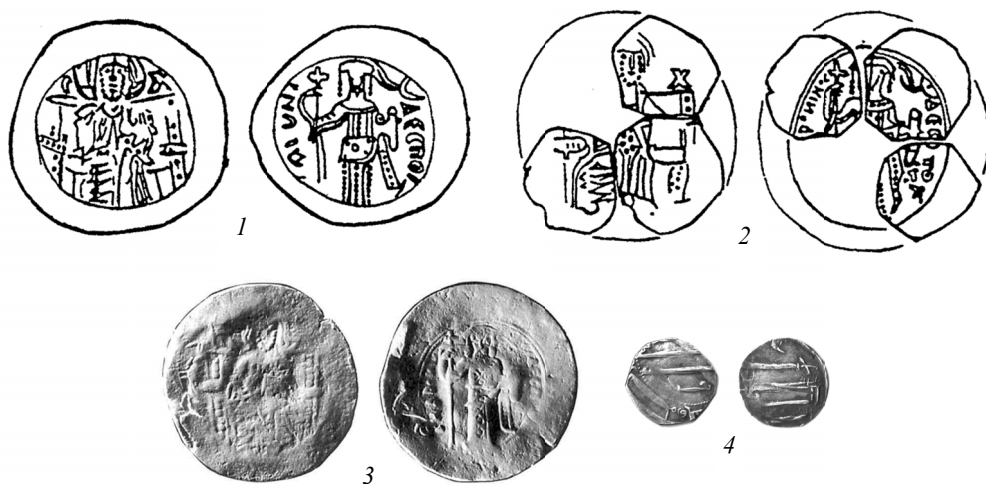

Рис. 2. К вопросу об атрибуции т. н. «мангупских скифатных монет»
 1, 2 – монеты, изданные А. Н. Коршенко; 3 – аналогия второй из них,
 выбитая при Андронике I в Фессалониках (по М. F. Hendy и S. Morrisson);
 4 – обрезанный абассидский дирхем, найденный Крыму.

Рис. 3. К атрибуции аспров с «Т» на аверсе

1–3 – аспры с монограммой «Т» на аверсе, изданные О. Ф. Ретовским;
4–6 – монеты Генуэзской республики; 7–12 – монеты правителей Монферрата.

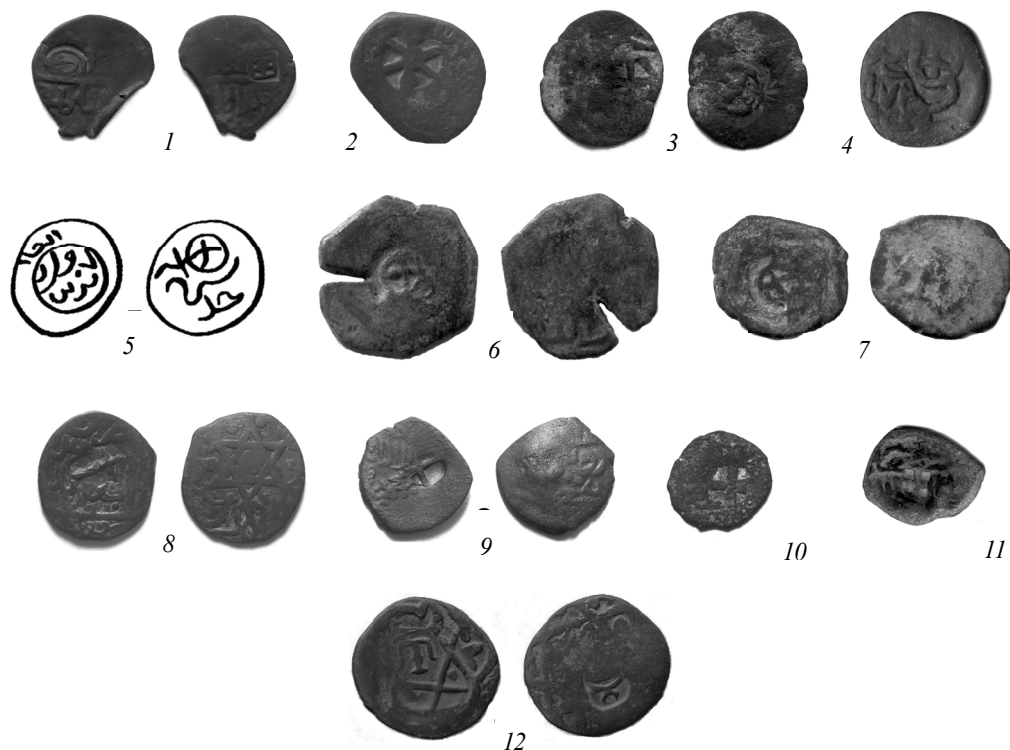

Рис. 4. Крымские надчеканки.

¹ Бывший Боспор, ставший колонией Генуи.

² К примеру, в состав Кырк-Йерского клада, изданного В. В. Майко, входит серебряная фракция, выпущенная в кон. XIV – нач. XV вв. (См.: Майко В. В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кала в юго-западном Крыму. – Киев, 2007. – С. 178. – Рис. 97). Более точное определение этой монеты не представляется возможным как из-за неясности рисунка и нечитаемости надписи, так и из-за чрезвычайно широкого распространения ее типа, свойственного чекану Андроника IV (1376–1385), Мануила II (1391–1423), Иоанна VII (1390, 1399–1402), Иоанна VIII (1423–1448) и Константина XI (1448–1453) Палеологов (См.: Sear D. R., Bendall S., O'Hara M. D. Byzantine coins and their values. – London, 1987. – P. 472, 474–476. – № 2551, 2562, 2562a, 2565, 2566, 2569). Не можем мы принять и авторскую атрибуцию «трапезундской монеты» (См.: Майко В. В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кала в юго-западном Крыму. – Киев. – С. 178. – Рис. 98). И дело даже не в том, что ее реверс, судя по фотографии, совершенно неразличим. Хорошо видно, что на аверсе оттиснуто не изображение всадника, а сложная арабографичная лигатура, которую, правда, с некоторыми допущениями можно принять за лошадь, если бы не ее неестественно согнутая – коленом назад «левая передняя нога». Такие лигатуры известны на османских монетах. В них шифровали имена и титулы правителей. Развернув фотографию «трапезундской монеты» на 45°, мы получили «ديزياب نب دمحم» – «Баязид, сын Мухаммеда». На основании этого датировем монету правлением Баязида II Суфи (1481–1512).

³ Поиск решения на этот вопрос является кардинально важным не только для изучения нумизматики византийской Таврики, но и для освещения ее истории.

⁴ Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 206–227; Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. – Симферополь, 2009.

⁵ Чореф М. М. Опись монет из городской застройки в районе церкви св. Константина (случайные находки, дерновый слой, I горизонт застройки) – в ст. Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки // МАИЭТ. – 2007. – Вып. 13. – С. 290–298; Опись монет из раскопок городской застройки в районе церкви Св. Константина (II горизонт застройки) – в ст. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. – 2009. – Вып. 15. – С. 408–410.

⁶ Дело в том, что в монете видели не только законное платежное средство с фиксированной стоимостью. Она ценилась и как металл. Так что не стоит удивляться тому обстоятельству, что дирхемы первых ханов Золотой Орды ходили столетиями. Так в Кырк-Йерский клад, наряду с биллоном XV в., выпали монеты Токты (1290–1312) (См.: Майко В. В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кала в юго-западном Крыму. – С. 165, 167–168, 171. – № 4276. – Рис. 90). Единичные экземпляры золотоордынских дирхемов встречаются еще в кладах XVI–XVII вв. (См.: Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // НиЭ. 1960. – Т. 1. – С. 129). Далее мы рассмотрим факты обращения трахей Комнинов в Таврике в XIII–XIV вв.

⁷ Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай / Сост. А. Н. Попов. – Симферополь, 1888. – С. 122.

⁸ Коршенко А. Н. Находки скифатных монет на Мангупе // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений. – СПб. 1998. – С. 48–49. – Рис. 1, 2.

⁹ Там же. – С. 48–49.

¹⁰ Чореф М. М. «Exegi monumentum», или следы культа Ираклидов из Северного Причерноморья // VI Международная конференция по Церковной археологии «ХЕРСОНЕС – ГОРОД СВЯТОГО КЛИМЕНТА». Тезисы докладов и сообщений. – Севастополь, 2011. – С. 48–50; «Non deficit alter aureus», или к вопросу о составе денежного обращения Тавриды в первые века нашей эры // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск VIII(III). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В. И. Кузищина. – Севастополь, 2012. – С. 52–176. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.msusevastopol.net/downloads/prich2012/prich-a.pdf>.

¹¹ Коршенко А. Н. Находки скифатных монет на Мангупе. – С. 48–49.

¹² Morrisson S. Catalogue des monnaies Byzantines de Bibliothèque Nationale. – Paris, 1970. – Т. 2. – De Philippicus à Alexis III, 711–1202. – P. 728. – Type 1. – Pl. CI,(B)/01.

¹³ Hendy M. F. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A. R. Bellinger and P. Grierson. – Washington, 1999. – Vol. IV. – P. I. – Alexis I to Michael VIII (1081–1204). – P. 351; Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A. R. Bellinger and P. Grierson. – Washington, 1999. – Vol. IV. – P. II. – The Emperors of Nicea and their contemporaries (1204–1261). Pl. XVIII, B.(4).

¹⁴ Ретовский О. Ф. Генуэзско-татарские монеты города Каффы. Статья вторая // ИТУАК. – 1899. – № 29. – С. 50. – Таб. V, 18, 20; Генуэзско-татарские монеты города Каффы. Статья третья // ИТУАК. – 1902. – № 32–33. – С. 17. – Таб. VI, 20; Генуэзско-татарские монеты // ИАК. – 1906. – Вып. 18. – С. 69–71. – Табл. VI, 1–5; Новые генуэзско-татарские монеты // ИАК. 1914. – Вып. 51. – С. 16. – Табл. I, 6, 7.

¹⁵ Впрочем, легенду удалось восстановить только по частям – ни на одной из известных монет она полностью не читается.

¹⁶ Ретовский О. Ф. Генуэзско-татарские монеты. 1906. – С. 70.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ретовский О. Ф. Генуэзско-татарские монеты города Каффы. Статья вторая // ИТУАК. – 1899. – № 29. – С. 50. – Таб. V, 18, 20; Генуэзско-татарские монеты города Каффы. Статья третья // ИТУАК. – 1902. – № 32–33. – С. 17. – Таб. VI, 20; Генуэзско-татарские монеты. 1906. – С. 69–71. – Таб. VI, 1–5; Новые генуэзско-татарские монеты. 1914. – С. 16. – Таб. I, 6–7. К слову, в Тане они не встречаются (См.: Фомичев Н. М. О денежном обращении средневекового города Азова в X–XV веках // Резюме сообщений XVIII Международного конгресса византистов. – М., 1991. – Т. I. – С. 334–335).

¹⁹ Ретовский О. Ф. Генуэзско-татарские монеты. 1906. – С. 70.

²⁰ Ее разделял еще Д. Люнарди (См.: *Lunardi G. Le monete delle colonie Genovesi // Atti della società ligure di storia Patria. – Genova, 1980. – P. 120–121*).

²¹ *Кирилко В. П. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации // Stratum plus. – СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. – № 6. – С. 137–141.*

²² Там же. – С. 140.

²³ *Волков И. В. О месте чеканки генуэзско–татарских монет с большой «Т» на аверсе // Древности Кубани. – Краснодар, 2003. – Вып. 19. – С. 22.* К чести исследователя нужно отметить, что он смог отсеять менее правдоподобные гипотезы. Так, он предположил, что аспры с «Т» с очень малой долей вероятности могли выпускать Токтамышевичи или консулы Копы (См.: Там же).

²⁴ *Волков И. В. О месте чеканки генуэзско–татарских монет... – С. 28.*

²⁵ *Кирилко В. П. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне... – С. 137.*

²⁶ Там же. – С. 138.

²⁷ Местному христианскому населению были куда привычнее иные царские титулы, к примеру, август, автократор, базилевс или деспот, а уже давно не употреблявшийся «Imperator». Нам кажется совершенно невероятным предположение, что монетарии Каффы могли посчитать себя в праве выбить вместо титула государя не всем в регионе понятное латинское слово. Вообще, подобное титулование правителя не было свойственно монетному делу поздней Византии и ее государств-преемниц (См.: *Дочев К. Монети и парично обръщение в Търново (XII–XIV в.). – Велико Търново, 1992; Лазаров Л. Данни за монетната циркулация на Провадийската крепост. – Велико Търново, 2001; Радущев А., Жеков Г. Каталог на българските средновековни монети IX–XV век. – София, 1999; Тизенгаузен В. Монеты Восточного халифата. – СПб., 1873. – С. 1–9, 274–265, 294–295. – Таб. I; Malloy A. G., Preston I. F., Seltman A. J. Coins of Crusader States 1098–1291. – New York, 1994. – P. 311–343; Retowski O. Die Münzen des Komnenen von Trapezunt. – М., 1910; Schlumberger G. Numismatique de l'Orient Latin. – Paris, 1878. – P. 271–284; Wroth W. Catalogue of the Coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards and of the Empires of Thessalonica, Nikaia and Trebizond in the British Museum. – London, 1911; Western and Provincial Byzantine Coins in the British Museum. – London, 1911; Imperial Byzantine Coins in the British Museum. – London, 1908. – Vol. I; Imperial Byzantine Coins in the British Museum. – London, 1908. – Vol. II).*

²⁸ *Кирилко В. П. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне... – С. 137.*

²⁹ *Чорев М. М. «Lapis offencionis», или к расшифровке монограмм правителей Феодоро // Научный вестник БелГУ. – Белгород, 2011. – № 13 (108). – Вып. 19. – С. 46–55.* Заметим, что, в настоящее время известно пять вариантов написания заинтересовавшего его знака (или буквы) на аверсах генуэзско–татарского серебра. Тогда, по логике В. П. Кирилко, Каффа должна была чеканить аспры не для одного правителя, а, как минимум, для пяти. Полагаем, что вариации написания «Т» следует объяснять различиями в почерках резчиков монетных штемпелей.

³⁰ Мы не согласны с И. В. Волковым только по этому пункту.

³¹ *Moriondus J. B. Monumenta Aquensia ad excellentissimum et reverentissimum virum Josephum Antonium Corte primo Aquensem nunc Monregalensem episcopum. Taurin, 1790. – Col. 177.*

³² *di Savoia, Vittorio Emanuele III. CNI. – Roma, 1910. – Vol. I. – Casa Savoia; CNI. – Roma, 1911. – Vol. II. – Piemonte – Sardegna; d'Avant F. P. Monnaies feodales de France. – Paris, 1858. – Vol. I; Monnaies feodales de France. – Paris, 1858. – Vol. II; Hoffman H. Les monnaies royales de France. – Paris, 1878.*

³³ *Lunardi G. Le monete delle colonie Genovesi. – P. 135–136; Malloy A. G., Preston I. F., Seltman A. J. Coins of Crusader States... – P. 221–222, 235, 240–246, 388.*

³⁴ *Ibid. – P. 232, 234–235.*

³⁵ *Desimoni C. Tavole descrittive delle monete della Zecca di Genova // Estratto dagli Atti della Società Ligure di Storia Patria. – Genova, 1888; Gandolfi G. C. Della moneta antica di Genova. – Genova, 1841. – T. I; Della moneta antica di Genova. – Genova, 1841. – T. II; Lunardi G. Le monete delle colonie Genovesi; di Savoia, Vittorio Emanuele III. CNI. – Vol. II. – P. 97–133, 203–213; CNI. – Vol. III).*

³⁶ Ее размещали в память о короле Италии Конраде II (1093–1098), даровавшем Генуе права коммуны.

³⁷ *di Savoia, Vittorio Emanuele III. CNI. – Vol. II. – P. 203.*

³⁸ *Ibid. – P. 103–104.*

³⁹ Их изучение начал еще О. Ф. Ретовский (См.: *Ретовский О. Ф. Генуэзско–татарские монеты. 1906. – С. 70. – Таб. VI, 1–5*). Приводим фотографии монет из частных собраний Крыма

(рис. 4, 1–13), а также прорись перечеканенного пула, изданного Г. А. Федоровым-Давыдовым (См.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Денежное дело Золотой Орды. – М., 2003. – Таб. XXXIX, 580).

⁴⁰ Мы не поддерживаем эту точку зрения. Наши соображения будут приведены ниже.

⁴¹ *Керейтов Р., Червонная С.* Эпиграфика Ногайской степи // Татар археологиясе. – Казан, 2002. – № 1(10). – С. 162–203.

⁴² *Чореф М. М.* К истории Эски-Юрта // МАИАСК. – Симферополь, 2008. – Вып. I. – С. 145–153. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK1.pdf>.

⁴³ *Коршенок А. Н.* Находки скифатных монет на Мангуле. – С. 49. – Рис. 2.

⁴⁴ Там же. – С. 49.

⁴⁵ Полагаем, что речь идет все же о фоллисах. Ведь в IX в. выпускали еще и гемифоллисы.

прот. Владимир Швец

АГИОГРАФИЯ КИРИЛЛА СКИФОПОЛЬСКОГО

«Рука, державшая перо, со временем истлеет,
но написанное живет вечно...»

Слова древнего каллиграфа

Все время своего сознательного бытия и интереса к изучению богословского наследия за многие века подвигнуло меня учиться в духовных школах Ленинграда, в Харьковском национальном университете им. В. Н. Каразина, стремление попасть в аспирантуру Армянской социалистической республики и в Институт востоковедения привело меня к знакомству с выдающимся ученым Армении П. М. Мурадяном. Он занимался проблемами истории и культуры Византии и философским наследием армянского народа после Месропа Маштоца. Мне было предложено поступить в аспирантуру в Институт востоковедения и начать разработку темы диссертации о Кирилле Скифопольском. Это была интересная тема ввиду того, что мы мало знаем о малоизвестных церковных писателях, таких, как Акакий, епископ Мелитенский, Гелаон Кессарийский, и, конечно же, о Кирилле Скифопольском.

Требования были небольшие – знание греческого, древне-армянского, латыни и других языков. Предложение мною было принято, и меня повели на экскурсию в Матенадаран. В Матенадаране отобраны единичные экземпляры, дающие самое общее представление о тех основных областях культурной деятельности армянского народа, начиная с периода раннего средневековья вплоть до XIX в. по истории, историографии, философии, географии, математике, медицине, грамматике, художественной литературе и другим отраслям науки. В Матенадаране сосредоточен целый ряд произведений античных и средневековых мыслителей в древнеармянских переводах – таких, как Аристотель, Филон Александрийский, Порфирий, Ириней, Аристид Афинский. В числе древних переводных памятников, оказавших определенное влияние на армянскую

Древняя рукопись
на армянском языке
из хранилища Матенадарана

философскую мысль, следует упомянуть работы Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Иеронима, Епифания Кипрского и, конечно же, Кирилла Скифопольского.

Теперь несколько слов о самом Кирилле Скифопольском.

Монах Кирилл Скифопольский – выдающийся византийский агиограф VI века родился в городе Скифополе в Палестине в 514 г. Это был второй главный город Палестины – на границе Нижней Галилеи и Самарии. Другое его название – Вассан (Бейсан). Под властью римлян он был митрополией второй Палестины и главным городом Декаполя или Десятиградия, родины Кирилла Скифопольского¹. Можно еще сказать, что Скифополь – город, который лежал на большой древней караванной дороге из Дамаска в Египет, шедшей по восточной стороне Геннисаретского озера, переходившей через Иордан и тянувшейся дальше по направлению к Египту. Скифополь находился на расстоянии 100 верст от Иерусалима².

С молодых лет, почувствовав влечение к иноческой жизни, Кирилл принял монашество (по благословению прп. Саввы Освященного)³ в одном из монастырей родного города и проживал там до 543 г. Затем по совету своей матери, он отправился в Иерусалим и сделался учеником Иоанна Молчальника, подвижника Лавры Святого Евфимия в Иудейской пустыни. В 555 г. Кирилл перешел в Великую Лавру Саввы Освященного в Иудейской пустыни, где и оставался до самой смерти. Первым агиографическим трудом Кирилла Скифопольского было «Житие Евфимия Великого» († 20 января в 473 г.)⁴, затем он написал «Житие Саввы Освященного» († 532 г.)⁵ и «Житие Иоанна Молчальника» († 558 г.)⁶. Кроме того Кирилл составил жития следующих подвижников благочестия православного Востока: прп. Феодосия Великого († 529 г.), прп. Герасима Иорданского († 475 г., память 4 марта), прп. Кириака († 556 г.), прп. Акакия, епископа Мелитинского († ок. 435 г., память 17 апреля), прп. Феоктиста, († 3 сентября 467 г.) и др., которые имеют большое значение для изучения истории палестинского монашества⁷. Работы Кирилла Скифопольского содержат важные сведения об иерусалимских патриархах V–VI вв., а также об оригенистских волнениях и монофизитских спорах⁸.

*Иерусалимские Патриархи
середины VI до середины VII вв.*

Евстохий – 544–563 гг.

Макарий II 563–574 гг.

Иоанн IV 574–594 гг.

Аммос 594–601 гг.

Исихий или Иссаакий 601–609 гг.

Захария 609–633 гг.

Святой Модест 633–634 гг.

Святой Софроний 634–644 гг.⁹.

В богословской и агиографической литературе практически нет глубоких исследований о Кирилле Скифопольском и поэтому П. М. Мурадян советовал

изучать, переводить, анализировать рукописи и различные материалы, которые находились и наверное еще находятся в Матендаране. В связи с этим возникают вопросы: почему и каким образом работы Кирилла Скифопольского попали в Армению, а не в Грузию, ведь Грузия была уже просвещена равноапостольной Ниной?

По древним преданиям, сохранным церковными писателями, Закавказье посетили с проповедью пять святых апостолов: четыре из числа двенадцати – св. ап. Андрей, св. ап. Матфий, св. ап. Варфоломей, св. ап. Иуда Фаддей, называемый Левию и один из семидесяти – св. Фаддей. Апостолы проповедовали в Колхиде, Абхазии, Великой Армении, в городе Албане, Едессе. Со временем совершились великие события в Армении, когда армянский царь Тиридат (Трдат) и Просветитель армянского народа, первый архипастырь армянской церкви Григорий в 301 г. новой эры пришли к согласию в необходимости просвещения всего армянского народа, что привело к основанию монастырей и ко Крещению многих жителей Армении, о чем повествует современник святителя Григория, Агафангел, бывший секретарь при Тиридате, написавший историю своего отечества и его обращения к христианству¹⁰.

После эдикта персидского царя Сапора II (ок. 340 г.) начались страшные гонения на христиан в Армении, пока сын Тиридата Хозрой не примирил личным ходатайством своего недостойного царя Артака II с греческим императором Валентинианом, войска которого уже вступили в Армению для ее опустошения.

В царствование кроткого и мудрого Врамшапуга (с 392 г.) начался так называемый «золотой» век просвещения древней Армении, преимущественно духовного. Знаменитый Месроп в 406 г. изобрел армянские письмена и был основателем целой школы армянских мыслителей и писателей.

Со временем, в результате раздела Великой Армении между Византией и Персией в Византию вошли 11 западных областей, согласно Прокопию Кесарийскому, пока в 422 г. не окончилась война Византии с Персией. Очередной раз Армения была основным театром военных действий Византии и Персии в 502 г.

Положение в Армении изменилось с приходом к власти императора Юстиниана I. Он объединил все армянские земли в один военный округ и дал возможность религиозному процветанию и духовному росту армянского народа. Началось глубокое изучение в среде армянского народа Священного Писания, творений св. Отцов, многие религиозные книги были переведены на древнеармянский и греческий языки, среди которых были и труды Кирилла Скифопольского. К этому можно добавить, что в то время армяне жили по соседству со Святой землей. Собственно Армения граничила на севере с Колхидою, Иверией и Албанией, на Западе с Малой Азией, на юге с Месопотамией, на юго-востоке с Мидией и Сирией¹¹.

Анализируя выдающиеся работы Кирилла Скифопольского в области агиографии, удивляешься, как ему удавалось решать проблемы текстологии, выяснять достоверность того или иного события. В этой связи хотелось бы вспомнить мнение профессора Московского университета В. О. Ключевского, который обосновал два критерия православной агиографии: «Во-первых, вера древних

христиан была сильнее, чем теперь. По вере и чудо. Во-вторых, мы погрешаем против исторической правды, если искусственно изменим то, что прошло через века, засвидетельствовано очевидцами страданий мучеников...»¹².

Из этого следует, что нам необходимо помнить слова ап. Павла: «Поминайте наставники ваша, иже глаголаша Вам Слово Божие, взирая на скончание их жительства, подражайте вере их» (Евр. 13, 7).

Повествования и записи о жизни и деяниях святых подвижников и исповедников, различными подвигами угодивших Богу, существуют в Церкви христианской с первых времен ее бытия. Начало сим повествованиям было положено св. евангелистом Лукою, описавшим в книге Деяний Святых Апостолов подвиги и страдания первоверховных учеников Спасителя нашего и других его последователей. Несколько ранее сего святой апостол Павел в одном из своих посланий дал христианам заповедь помянуть своих наставников, запечатлевших веру во Христа своею жизнью и мученической смертью. Следуя примеру боговдохновенного повествователя и соблюдая заповедь первоверховного апостола, христиане всегда тщательно сохраняли сведения о жизни и деяниях святых.

Первыми по времени были записи и сказания о святых мучениках. В деле распространения и утверждения христианства мученичество имело весьма важное значение. Твердость и непоколебимость страдальцев, которые мужественно шли на смерть за свою веру, так сильно действовали на сердца язычников, что нередко сами мучители, видя безропотность своих жертв, обращались к христианству. Таким образом, кровь христианских мучеников была, по выражению Тертуллиана, семенем новых христиан. Точно записывая дни кончины святых мучеников, христиане собирались в эти дни для празднования их памяти. Святой Киприан Карфагенский наставлял свою паству замечать те дни, в которые умирают исповедники Христовы, чтобы иметь возможность праздновать памяти их вместе с памятями мучеников. С этой целью в Церкви христианской были особые писцы, которые записывали все, что происходило с христианами в темницах и судилищах. Таковых писцов, как известно, во время первых же гонений на христиан поставил в различных округах Рима святой Климент. Несмотря на то, что языческое правительство угрожало этим писцам смертною казнью, записи продолжались непрерывно во все время гонений на христиан¹³. Эти записи, в которых можно найти иногда подробные сведения о вопросах судей-мучителей и ответы на них страдальцев, известны под названием мученических актов.

Когда гонения на христиан прекратились и Церковь Христова заняла в государстве господствующее положение, в ней явились заботливые и благоразумные люди, поставившие себе целью собрать воедино все записи и повествования о мучениках.

Первым из таковых собирателей был Евсевий Памфил, епископ Кесарийский¹⁴. Он сначала собрал жития мучеников Палестинских, пострадавших при императоре Диоклетиане. Затем, по преданию, он обратился к Константину Великому с просьбой выписать из всех судебных учреждений Греко-Римской империи мученические акты. По императорскому указу все подобные дела были высланы Евсевию, и он, на основании этих актов, составил «Собрание древних

мученичеств». Этот сборник содержал в себе сказания о мучениках, епископах, исповедниках, святых женах и девах, по всем епархиям. Он состоял, по мнению одних, из двадцати, а по свидетельству других – из 16-ти книг. Но уже в начале VII в. сборник Евсевия был такой редкостью, что списков с него не могли найти ни в Александрийской, ни в Римской церквях. Не удивительно, что труд Евсевия в целом своем составе до нас не дошел, и только некоторые его части можно найти у других писателей. По всей вероятности, книга Евсевия вскоре после своего появления была распространяема и дополняема следующими собирателями и составителями житий, так что скоро потеряла свой первоначальный вид и имя первого своего составителя. Кроме того, в виду трудности и дороговизны переписки всей книги Евсевия, ее разделяли на части, каковые и встречаются в более поздние времена в письменности разных стран.

Кроме Евсевия в деле собирания воедино житий святых известен святой Маруфа, епископ Месопотамский. Он описал страдания мучеников, пострадавших в Персии с исторической точностью.

Распространив и утвердив Свою Церковь кровью мучеников, засвидетельствовавших терпением и бесчисленными страданиями истину своей веры¹⁵, Господь наш Иисус Христос указал и другие способы к спасению и прославлению Его последователей. После жестоких гонений, колебавших, но не погубивших Церковь Христову, Господь даровал ей мир и спокойствие и в это время явил в ней новых Своих угодников. Среди христиан возсияли великие подвижники, прославившиеся – кто учением и проповедью Слова Божия, кто святость своей жизни и наставлением других в добродетелях, кто постом и добровольным умерщвлением тела и страстей, кто другими различными трудами и деяниями. Как страдания мучеников христианских были тщательно и подробно описываемы, так и труды этих новых подвижников не оставлены в забвении. Появился новый ряд церковных повествований об угодниках Божиих.

Эти повествования мы находим, кроме некоторых церковно-исторических сочинений, в различных более или менее кратких сборниках, каковы патерики, синаксари и т. п.¹⁶. Ряд греческих патериков, которые ходили под общим названием *πατερικά*, *ὑερωντικά*, *μοναχικά βιβλία*, составлялся в продолжение IV–XI вв. Наиболее известные из них: 1) Великий Лимонарь¹⁷ Египетский, до нашего времени не сохранившийся, из которого произошли патерики Скитский и Азбучный (изречения святых старцев); 2) Лавсаик, повествующий о Египетских подвижниках, жития которых описал в V веке очевидец, епископ Палладий, для правителя Каппадокии Лавса; 3) История Боголюбцев, т. е. сирийских подвижников, составленная Феодоритом Киррским († 457 г.); 4) Собеседование (или Диалог), содержащее повествования о жизни и чудесах Италийских подвижников, написано около 593 г. святым Григорием Великим, который был назван по сему труду Двоесловом, и которое через 165 лет было переведено с латинского на греческий язык; 5) Луг Духовный, заключающий в себе изречения, чудеса и подвиги преподобных отцов Палестины, Египта и Сирии, собранные монахом Иоанном Мосхом († 622 г.).

Все перечисленные памятники – акты мученические, сборники сведений о подвижниках и другие – послужили основанием для месяцесловов, синаксарей

и миней-четьих, т. е. расположенных по месяцам чтений о жизни и подвигах святых. Из греческих месяцесловов и синаксарей известны следующие: 1) Месяцеслов, составленный по воле императора Василия (в X–XI вв.); 2) Петров Синаксарь, по составу древнее Месяцеслова Василия (старшая рукопись 1249 г.); 3) Кларомонтанский Синаксарь XI–XII вв., близкий по составу к Петрову Синаксарю. Кроме того, было два вида стишных синаксарей, названных так потому, что в них перед каждым сказанием находились два или три стиха в честь святых. Стишные синаксари составлены в XII–XIII вв. на основании упомянутых нестишных. По свидетельству Феодора Студита, в конце VIII в. в Церкви христианской уже существовало двенадцать книг Миней-Четьих. Содержание их было разнообразное. Кроме житий, в них стали вносить слова знаменитейших отцов Церкви на великие праздники. Некоторые мученические акты или древния сказания о подвижниках начали переделывать в похвальные слова. Кроме того, некоторые древние жития стали излагать новым, более изящным и красивым слогом.

В этом последнем роде произведений всех превзошел своими трудами известный Симеон Метафраст. По поручению императора Константина VII¹⁸, он должен был, насколько это было возможно, собрать все древние жития и расположить их по месяцам и числам. Движимый великой ревностью к славе святых подвижников, Симеон не только собрал повествования о них, но многие из них переработал, отчасти сократил, и, что важнее всего, старинную, тяжелую и во многом неудобопонятную речь заменил современным ему чистым и лучшим слогом¹⁹. Переработанных Симеоном Метафрастом житий некоторые насчитывают около пятисот. Кроме того, сто двадцать два описания составлены им вновь. К житиям святых Метафраст присоединил похвальные и поучительные слова на праздники Господни, Богородичные и некоторых святых, избранные из творений великих отцов и учителей Церкви.

Что касается прологов, то таких славянских прологов было три вида.

В основании первого лежит греческий месяцеслов императора Василия, дополненный во второй половине XI в. Студийским иноком Илиею (памяти из Петрова синаксаря) и Константином, митрополитом Мокисийским (65 пространных сказаний). Второй вид Пролога был составлен у славян на основании первого и древних Миней-Четьих. Третий – стишный, переведен в XIV в. с древнейшего вида греческого стишного пролога.

Славянский перевод Миней-Четьих надо относить также к первым векам славянской письменности. Правда, от сего времени не сохранилось всех двенадцати книг Миней-Четьих: именно – от XI в. дошла одна мартовская книга в южно-славянском списке, от XII же века – отрывок майской. Но на основании списков XV в. (списков XIII и XIV вв. нет), повторяющих очень древние, следует думать, что в X–XI вв. славяне имели полный перевод Миней-Четьих за все 12 месяцев. Славянский перевод сделан был с Миней греческих, подвергнувшихся незначительному влиянию переработок Метафраста.

Очень рано появились в славянском переводе патерики. В славянских рукописях большею частью употребляется название Патерика Скитского безразлично для патериков различного состава, хотя Лимонарь в большинстве случа-

ев называется Патериком Синайским или Цветником. Русские рукописи патериков Синайского и Скитского относятся уже к XII–XIII вв. и были известны многим писателям XIII в. С XVI в. патерики сохранились во множестве списков и имели большое употребление. Впервые на Руси патерик – Луг Духовный был издан в 1628 г. Собеседование св. Григория Двоеслова было переведено в 1671 г. Симеоном Полоцким.

Необходимо заметить, что с постоянным возрастанием русской Церкви постоянно умножались и жизнеописания русских святых. Первыми их составителями были: Иаков-монах, которому принадлежат жития святых Бориса и Глеба, преподобный Нестор, написавший два сказания – одно о святых Борисе и Глебе, другое о преподобном Феодосии Печерском.

В письменности XV в. появляется Печерский Патерик, составленный в подражание патерикам Греческим, представляющий собою краткие повести о подвижниках Печерского монастыря.

Новую эпоху в истории русской агиографии составляет деятельность митрополита Макария. Его время вообще изобиловало новыми житиями русских святых. Это изобилие объясняется канонизацией многих святых на соборах 1547 и 1549 гг. После первого из этих соборов епархиальные архиереи собрали жития, каноны и чудеса новых великих чудотворцев, и освидетельствовав их на соборе 1549 г., установили по этим житиям и канонам празднования многим новоявленным русским святым. Но главным делом Макария были его Великие Минеи-Четьи. Будучи еще Новгородским архиепископом, Макарий принял на себя труд собрать всю духовную письменность своего времени или, говоря его собственным языком, «все книги чтומья, которыя в Русской земле обретаются».

Содержание Макарьевских Миней-Четых весьма разнообразно. В них под каждым числом помещаются два пролога, содержащие в себе краткие сведения о житии или мучении святого, о дневном празднике и разные мелкие статьи назидательного чтения, к дневному празднику не относящиеся; затем помещены подробные жития святых, повествования об открытии мощей, ранее существовавшие в многочисленных сборниках или отдельно, слова похвальные и торжественные, помещавшиеся в особых сборниках, именуемых торжественниками. Кроме того, в Макарьевских Минеях помещены и другие известные тогда произведения духовной литературы, большая часть книг Священного Писания, многие творения святых отцов, а также славянских и русских иерархов и духовных писателей, патерики (между ними и Киево-Печерский) и т. п. Вообще это была полная энциклопедия тогдашней русской духовной образованности.

Тогда как в Северной Руси памятники древней письменности и между ними жизнеописания святых сохраняли невредимо, Церковь южно-русская вследствие татарских нашествий, а также польских и литовских разорений, лишена была многих драгоценных духовных книг, а вместе с ними и житий святых. Поэтому любителям душеспасительного чтения приходилось здесь довольствоваться западными мартирологами, переведенными на польский язык и во многом несогласными с духом Православия. Желая устранить такие горестные неудобства, Киевский митрополит Петр Могила задумал сделать новый перевод греческих жизнеописаний и уже выписал с Афонской горы жития Семеона

Метафраста. Но преждевременная кончина знаменитого киевского Первосвященителя не дала ему завершить задуманный труд.

После него с большим усердием заботился об издании житий святых архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель. В дополнение к материалам для сего труда, приготовленным уже Петром Могилою, Иннокентий испросил у Московского патриарха Иоакима Великие Минеи-Четьи Макария, первые три месяца которых и были ему высланы. Но по причине военных смут того времени, не позволявших спокойно заниматься учеными делами, и Иннокентию не суждено было совершить это великое дело. Его преемник, архимандрит Варлаам, вполне сочувствуя предположенному изданию житий святых, приложил все старания к его осуществлению. Он не решился однако принять сей труд на себя, а стал искать другого человека, более к сему способного и менее отвлекаемого другими делами. Выбор его пал на инок Батуринского Крупицкого монастыря Димитрия (в миру Даниила Туптало), который и составил эпоху в истории русской агиографии.

Даровитый и необыкновенно трудолюбивый и скромный студент Киевского училища, военными обстоятельствами времени вынужденный покинуть его до окончания курса, Дмитрий в ранней молодости принял монашество. Рано вышедши из школы, он сохранил живую связь с религиозным настроением народа, чутко понимал его духовные нужды при наклонности к уединению и созерцательном направлении духа, при горячей любви к научным занятиям, Димитрий нашел в монастыре достаточно досуга для самостоятельного довершения начатого в школе образования и для реализации своих прекрасных дарований. Когда архимандрит Варлаам обратился к нему с своим предложением, Димитрий был уже знаменитым в Западной Руси проповедником, которого наперерыв звали к себе епископы и монастыри, чтобы послушать его задушевного слова.

Со временем, в 1684 г. архимандрит Киево-Печерский Варлаам Ясинский вызвал святого Димитрия в Лавру и предложил ему собрать и исправить «Жития святых». Огромный труд устрасил Димитрия, но убеждения архимандрита и соборных старцев вынудили его согласиться, и он приступил к занятиям. Действительно, работы было много. Попытки предшественников Димитрия в этом деле были далеко не совершенны, руководствоваться ими и раздумывать было нечего: следовало начинать сначала. Димитрий обложил себя книгами Метафраста, писателями восточной и западной Церкви, греческими историками и жизнеописаниями святых, собранными Макарием, митрополитом Московским, под названием Четьих-Миней. Два года провел св. Димитрий в Киево-Печерской Лавре, весь преданный своему занятию.

Более двадцати лет трудился святитель над этим образцовым сочинением, которое и доныне сохранило духовно-воспитательное влияние на православный русский народ. Красноречие жизнеописателя – живое и увлекательное, язык – образец славянской чистоты и изящества. На протяжении многих веков Четьи-Минеи были не только любимой книгой для чтения православного народа, но и пособием для обучения чтению.

В заключение можно сказать, что изложенные духовным писателем-монахом Кириллом Скифопольским агиографические описания подвижников бла-

гочестия V–VI вв. стали добрым примером, как образец для подражания и для будущих поколений христиан, и для последующих агиографов, как митрополит Макарий, митрополит Димитрий Ростовский, Поселянин и другие.

Древние христиане при чтении житий святых видели главную цель в их нравственно-назидательной пользе. Чтобы устоять против всяких угроз, против всяких обольщений со стороны мучителей во время того или другого гонения, христиане назидали и подкрепляли себя высокими образцами терпения, преданности и любви к Богу, какие они находили в мученических актах. По окончании гонений, христиане также с великою ревностью занимались чтением житий святых для ограждения себя от соблазнов мира. Духовно-нравственная польза древних житий святых ярко изображена в следующих словах: «Аще бы не видела Церковь Божия в них пользы, не бы их прияла: не ухищренным бо лжесловием, ни витийством речи составлена суть, но по всему здравая и смиренная имут словеса, могущая сокрушить сердце и умилити душу: сладка бо суть и полезна истинно хотящим спастися»²⁰.

Так было в древней Церкви, так было и у нас. Чего искал в житиях русский читатель, об этом нам сообщает один из писателей древне-русских житий. «Святых жития, – говорит он, – страх Божий вселяют в душу, безстрашие отгоняют, злых престание, благих приятие вводят: тех бо жития зряще, в чувство своих дел приходят, престание злых помышляют; свет бо есть святых жития и просвещение душам нашим»²¹. В одном старинном русском сборнике находим такое молитвенное обращение: «Скажи ми безвестная и тайная премудрости твоя, на тя бо уповаю, Боже, да Ты ми просветиши ум и мысль светом разума Твоего не токмо чести написанная, но и творити я, да не в грех себе учения и жития святых прочитаю, но в обновление и просвещение и в спасение души моей и в провождение в вечную жизнь»²². Святой Димитрий заметил, что в его время многие, возставши от сна, почитали долгом своим среди молитв к Господу обращаться с молитвенными воззваниями и к дневному святому, стараясь в то же время припомнить главные события его жизни, хотя по кратким изречениям прологов²³.

Действительно, ищущий поучения и духовного назидания всегда найдет в житиях святых обильную пищу для удовлетворения своего желания. Поучительны многообразны явления силы Божией в неустрашимом мужестве и непобедимом терпении мучеников, в знамениях и чудесах, над ними и через них совершавшихся. Поучительна и сила убеждения, с какою излагается учение веры ее защитниками. В ответах мучеников на суде слышится живой голос исповедующего истину веры, с полною уверенностью в ее Божественном достоинстве, с готовностью запечатлеть свое исповедание самою кровию. Исповедники веры говорили немного в защиту исповедуемой истины, говорили просто, но ответы их были так искренни, так тверды, что только ожесточенные мучители могли не видеть дышащей в них истины.

Подобно тому, как в писаниях отцов и учителей Церкви, в житиях святых и описаниях мученичеств можно находить подтверждение и раскрытие различных догматических истин и опровержение ложных учений. В житиях святых иерархов и подвижников, защищавших Православие от еретиков и страдавших за верность учению Церкви, можно видеть и ясное изложение тех догматов, за

которые они страдали, и предостережение от заблуждений, противоположных этим догматам. В этом отношении особенно поучительны жития и страдания защитников иконопочитания.

В житиях святых часто можно находить основания для решения различных затруднений, какие встречается христианин в своей жизни. Поэтому у старцев-подвижников на каждый исключительный жизненный случай всегда имеются подходящие примеры из жизни святых мужей. Припомним, что даже Сам Господь для решения вопроса фарисеев, можно ли в субботу голодным растереть колосья, указал на пример Давида. Отсюда следует, что примерами святых мужей возможно руководствоваться при всяком сомнении о дозвольности или недозволенности каких-либо действий, в законе ясно не обозначенных.

Вообще жития святых представляют богатую сокровищницу, из которой всякий может брать все, что нужно для преуспевания в духовной жизни.

«Книги житий святых, – сказано в предисловии к Минеям-Четьим, – тебе, благочестивый читателю, в пользу душевную предлагаются, одно только ныне усердие и охота к прочтанию требуются, а прочитывая оныя, не можеш не удивитися и не почитати премудрости и величия Божия. Увидиши бо оных, коль различныя Он человеку предложил стези, ведущия к Его славе. Все и всякого звания и чина люди довольны для себя в книгах этих обрящут множество примеров для подражания и шествования духовным поприщем для спасения»²⁴.

¹ Иоанн Мосх, *блаж.* Луг Духовный. – М., 2009. – С. 162–164.

² Дмитрий Ростовский, *свт.* Четьи-Минеи (Жития Святых на русском языке). – М., 1906. – Кн. 4. – С. 141.

³ Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного // Палестинский патерик. – СПб, 1885. – Вып. первый. – С. 118–119.

⁴ Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого // Палестинский патерик. – СПб, 1898. – Вып. второй. – С. 1–108.

⁵ Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного // Палестинский патерик. – СПб, 1885. – Вып. первый. – С. 1–155.

⁶ Житие иже во святых отца нашего Иоанна, епископа и молчальника // Палестинский патерик. – СПб, 1893. – Вып. третий. – С. 1–29.

⁷ Перечень трудов Кирилла Скифопольского изложен в книге: *Сорочан С. Б.* Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры. – Харьков, 2011 – С. 355, и в книге: *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. – М., 1997. – Т. 3. – С. 671.

⁸ Однако, надо заметить, что переписчики или переводчики не всегда добросовестно относились к первоисточнику, написанному Кириллом Скифопольским. Так, в житии Евфимия Великого повествуется о некоем прп. Исихии Иерусалимском (причтен к преподобным, память в сырную субботу), о котором пишут и Святитель Дмитрий Ростовский, и Святитель Филарет (Гумилевский), но есть сокращенные жития прп. Евфимия, где это имя выпущено, что вызывает недоумение. Но, как пишет Святитель Филарет, об Исихии писал именно Кирилл Скифопольский. См.: *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский.* Историческое учение об отцах Церкви. – М., 1996. – С. 44.

⁹ Иоанн Мосх, *блаж.* Луг Духовный. – М., 2009. – С. 60.

¹⁰ Макарий, *архиепископ Харьковский.* История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. – СПб., 1868. – С. 107.

¹¹ Дмитрий Ростовский, *свт.* Четьи-Минеи (Жития Святых на русском языке). – М., 1904. – Кн. 5. – С. 320.

¹² Цит. по: Месяцеслов (сентябрь-февраль) // Настольная книга священнослужителя. – М., 1978. – Т. 2. – С. 8.

¹³ С давних времен принято считать, что всех гонений на христиан было десять, а именно со стороны следующих императоров: Нерона (54–68 гг.), Домициана (81–96 гг.), Траяна (98–117 гг.), Марка Аврелия (161–180 гг.), Септимия Севера (193–211 гг.), Максимиана (235–238 гг.), Декия (249–251 гг.), Валериана (253–259 гг.), Аврелиана (270–275 гг.) и Диоклитиана (284–305 гг.). На самом деле общих, повсеместных гонений было меньше десяти, а частных и случайных гораздо больше. Причину гонений все древние христиане видели в злобе диавола, который боролся с христианскою Церковью и старался гонениями на христиан, как одним из наиболее действительных средств, остановить ее распространение. Этот взгляд высказал в своей истории Евсевий Кесарийский. Что касается Римского государства, то с его точки зрения причин для гонений на христиан было множество.

¹⁴ Евсевий (268–340 гг.), долгое время занимавший епископскую кафедру в Кесарии Палестинской и близко стоявший ко многим великим событиям своего времени, известен как отец церковной истории и вообще богослов, сочинения которого высоко ценились в христианской Церкви. Он отличался обширною ученостью, на что имел большое влияние друг Евсевия, пресвитер Кесарийской церкви Памфил. Дружба их была такая тесная и искренняя, что в память о своем друге Евсевий присоединил его имя к своему и стал известен под наименованием Евсевия Памфила.

¹⁵ По-гречески мученик называется *μάρτυρ*, что значит свидетель (за истину), отчего записи о мучениках носят название *мартирологов*.

¹⁶ Патерик (*πατερῖχον* – подразумевается *βιβλίον*) по-русски значит отечник, т. е. книга отцов или об отцах. Так называются сборники, состоящие из кратких повестей о подвижниках или из их нравоучительных слов. – Синаксарь (от греческого *συνάγω* – собираю, свожу) – сборник для чтения на церковных собраниях христиан, содержащий в себе краткие рассказы о подвигах святых и страданиях мучеников, а также целые жизнеописания, позже получившие названия пролога.

¹⁷ Лимонарь – от греческого слова *λεῖμων* – луг, пажить.

¹⁸ Император Константин VII царствовал с 912 по 959 гг. и отличался любовью к ученым трудам. При нем в 957 г. в Константинополе приняла святое крещение великая княгиня Ольга.

¹⁹ За это Симеон и получил наименование Метафраста, что значит: пересказчик, перелагатель. Симеон родился в Константинополе, получил высшее светское и богословское образование, состоял секретарем при императоре, исполнял важнейшие дипломатические поручения, был великим логофетом Константинопольской церкви, патрицием и магистром империи. В Греческой Церкви Симеон Метафраст причтен к лику святых.

²⁰ *Дмитрий Ростовский, свт.* Четьи-Минеи (Жития Святых на русском языке). – М., 1903. – Кн. 1. – С. XXX.

²¹ Там же. – С. XXX.

²² Там же. – С. XXX.

²³ Это обстоятельство, между прочим, побудило святого Димитрия приступить к новому труду под заглавием «Сокращенное мученикословие». В предисловии к нему он говорит: «собирающее убо от различных мест жития святых в четыре потримесячные книги вкратце, умыслихом еще сокращеннее тья по чину месяцесловному собрати в сию малую книжицу и нареци ю по древнему обычаю мученикословием». Однако, этот труд так и не был окончен.

²⁴ *Дмитрий Ростовский, свт.* Четьи-Минеи (Жития Святых на русском языке). – М., 1903. – Кн. 1. – С. XXXI–XXXII.

В. Ю. Юрочкин

«ГОТСКИЙ» И «СЛАВЯНСКИЙ» ВОПРОСЫ В ПОСЛЕВОЕННОМ КРЫМУ

«Готский вопрос» принадлежит к числу наиболее политизированных проблем отечественной историко-археологической науки прошлого столетия¹. Активное изучение наследия крымских готов во второй половине 20-х гг. XX в. и стремление привлечь к исследованиям немецких ученых закончилось громким «Академическим делом», фигуранты которого, помимо прочего, были обвинены в шпионской деятельности в пользу Германии². Попытка сотрудников ГАИМК (В. И. Равдоникаса, Н. И. Репникова и др.) спасти «готское» направление исследований, посредством заключения его в рамки т. н. «стадиальной теории», имела лишь временный успех (рис. 1). Предложенная схема, сформированная в соответствии с постулатами «нового учения о языке» директора ГАИМК Н. Я. Марра, предлагала рассматривать готов в Крыму не как конкретную этно-культурную группу, а как абстрактную стадию развития аборигенного населения полуострова, не связанную с готами Западной Европы³. В 1936 г. в связи с очередной чисткой, учиненной в учреждениях гуманитарного сектора, она подверглась критике за «схематическую трактовку готской проблемы»⁴. В 1938 г. был арестован, а затем и осужден на 8 лет лагерей крымский историк и археолог, профессор Николай Львович Эрнст (1889–1956)⁵. Ему также вменялось в вину упоминание «Великого готского царства» в Тавриде в комментариях к переводу исторического сочинения И. Тунманна⁶. Накануне Великой Отечественной войны и в период временной оккупации Крыма немецко-фашистские власти активно использовали «готский вопрос» для обоснования «исторических прав» на полуостров⁷ (рис. 2).

После победы СССР над Германией политизация «готского вопроса» достигла апогея. Естественно, что в таких условиях он мог рассматриваться исключительно в негативном, критическом плане. К нему присоединилась и другая политическая и историческая проблема. В связи с депортацией крымских татар и массовым заселением полуострова выходцами из России, Украины и Белоруссии, снова встал вопрос об «историческом праве» на Крым, на этот раз со стороны славянского (русского) населения.

Задачи, поставленные перед историками – «бойцами идеологического фронта», выглядели довольно сложными. Ведь присутствие готов в Крыму на протяжении более чем тысячелетнего периода было отражено в обширной историографической традиции XIX – начала XX вв., основанной на многочис-

ленных нарративных и археологических источниках⁸. Но еще более абсурдной была постановка «крымско-славянского вопроса», вовсе не имевшего какой-либо исторической основы. Притом речь шла о древнейших, исконных «крымских» славянах. Средневековые походы Руси, славяне в составе средневекового населения полуострова и аннексия Крыма Российской империей не могли компенсировать эту историческую лакуну. Вместе с тем появление славян на полуострове не следовало рассматривать как результат обычных миграций: с 30-х годов в СССР «миграционная теория» была приравнена к фашизму и расизму и исключена из методологического арсенала советских ученых⁹. Решение этих задач в рамках традиционной исторической науки не представлялось возможным. Советская археологическая наука с еще не устоявшейся методологией, пережившая ряд кризисов, имела больше перспектив в этом направлении. На этом этапе только археологи, открывая новые источники, были способны расширять грани исторического познания. Между тем «политически верная» атрибуция археологического материала позволяла по-новому реконструировать этно-исторические процессы, соответствующие современной конъюнктуре.

В гуманитарной сфере в это время безраздельно господствовало «новое учение о языке» Н. Я. Марра¹⁰. Конечно стадияльно-автохтонная схема В. И. Равдоникаса, завершавшаяся «готской стадией», уже не могла быть использована в прежнем виде. Но положение о стадияльной трансформации «аотохтонов» в исторические народы оказалось вполне приемлемым. Если исключить политически неудовлетворительную «готскую стадию» выяснялось, что ей предшествуют сармато-аланская и тавро-скифская стадии. Подобный базис уже вполне подходил для решения насущных задач.

Популярный миф о скифо-славянском родстве сложился еще в историографии XIX в. и достаточно прочно укоренился в обыденном сознании патристически настроенных жителей России, включая творческую интеллигенцию¹¹. Сам Н. Я. Марр считал славянский язык «потомком скифского и сарматского», принадлежавших к «яфетической группе», благодаря им, якобы, на юго-востоке Европы «происходила трансформация яфетических племен в славянские, в частности в русские...»¹². Дальнейшее развитие славянский автохтонизм получил развитие в 30–40 гг. XX в.¹³ В это время вновь актуализировалась сложная и разноплановая проблема Приазовской Руси¹⁴. Один из ведущих советских специалистов по «славянскому вопросу» – профессор Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) Петр Николаевич Третьяков (1909–1976) также в эти годы придерживавшейся теории марровского автохтонизма, рассматривая скифов как вероятных участников формирования восточнославянского этноса, правда ограничивая область формирования Приднепровьем, исключая Крым (рис. 3)¹⁵.

Однако скифы обитали не только в Поднепровье, признававшемся колыбелью славянства, но и на Крымском полуострове, причем как минимум до III в. н. э. Отсюда следовало допущение: если в Поднепровье глобальные стадияльно-автохтонные процессы привели к формированию славянства, тоже самое неминуемо должно было произойти и в Таврике. В этой ситуации на роль предков славян могли претендовать скифы и даже более древнее население полуострова, известное под именем тавров.

Именно такую позицию в крымско-славянском вопросе и занял кандидат исторических наук, профессор Павел Николаевич Шульц (1900–1983) – специалист в области скифской монументальной скульптуры. До войны он работал в ГАИМК, Эрмитаже и Академии художеств, проводил раскопки в Ольвии и Северо-Западном Крыму. Во время войны П. Н. Шульц участвовал в партизанском движении, потерял обмороженные пальцы рук, был награжден Орденом Славы и боевыми медалями (рис. 4)¹⁶. С 1943 г., после ранения, П. Н. Шульц работал в Москве, был ученым секретарем ИИМКа, администрация которого с 1945 г. переместилась из Ленинграда в столицу, затем заведовал античным сектором ГМИИ им. А. С. Пушкина¹⁷.

Несмотря на немецкие корни и социальное происхождение (дворянин, сын петербургского профессора-биолога) именно Павел Николаевич возглавил работу по поиску предков славян в Крыму. В настоящее время не вполне ясно: была ли эта идея ему навязана партийным руководством или он по собственной инициативе использовал сложившуюся ситуацию для развития скифской археологии – основного направления его научных интересов.

Всего через полгода после окончания войны в Крыму начала действовать особая научно-исследовательская организация – «Тавро-скифская экспедиция», учрежденная ГМИИ им. А. С. Пушкина и ИИМК им. Н. Я. Марра. Научному коллективу под руководством П. Н. Шульца и предстояло собрать доказательства роли «крымских скифов в процессе формирования культуры и государственности восточных славян»¹⁸. Скифов следовало представить не «дикими варварами», явно не годившимися в предки русского народа, а наиболее «передовым народом восточной и центральной Европы»¹⁹, имевшим свою государственность, высокоразвитое искусство и ремесло. В связи с депортацией крымских татар, не менее актуальной казалась аргументация несостоятельности расхожего мнения о «монгольском» происхождении скифов²⁰.

Уже вскоре экспедицию ожидало сенсационное открытие мавзолея знати в скифской столице Неаполе (рис. 5). На раскопках в качестве землекопов, помимо вольнонаемных рабочих, трудились немецкие военнопленные. По иронии судьбы, бывшие солдаты и офицеры Вермахта, теперь занимались поисками «скифских предков» славян. Под руководством хранителя центрального музея Крыма Владимира Петровича Бабенчикова (1885–1974) изучались вырубные склепы с варварской росписью, содержавшей декоративные элементы, якобы, сходные со славянскими (рис. 6, 7)²¹.

Вскоре к «Тавро-скифской экспедиции» по просьбе П. Н. Шульца присоединился Евгений Владимирович Веймарн (1905–1990), к тому времени демобилизованный с Дальнего Востока, отмеченный медалями и Орденом Отечественной войны за войну с Японией (рис. 8). Е. В. Веймарн, происходивший из дворянской семьи обрусевших немцев, сын офицера царской армии, расстрелянного во время революционных событий, свою археологическую деятельность начал еще в середине 20-х гг. в Севастопольском музее краеведения, в археологическом кружке под руководством братьев Владимира Петровича и Павла Петровича Бабенчиковых. Даже после переезда из Севастополя в Москву в 1925 г., где после окончания МГУ он работал в ГИМе, Е. В. Веймарн оставался непре-

менным участником Эски-Керменской экспедиции ГАИМКа под научным руководством Николая Ивановича Репникова (1882–1940) (рис. 9). По материалам этих исследований в 1947 г. Е. В. Веймарн защитил кандидатскую диссертацию, посвященную оборонительным сооружениям городища. Вернувшись в Крым, Е. В. Веймарн возглавил отдельный Бахчисарайский горный отряд²².

В 1948 г. П. Н. Шульцу Президиумом АН СССР было поручено расширить сферу деятельности и организовывать Крымскую научно-исследовательскую базу, ведущую роль в которой занимал Сектор истории и археологии. База затем была преобразована в Филиал Академии наук, а сектор – в Отдел истории и археологии Крыма под руководством Павла Николаевича²³. Удивительно, что во главе крымской археологии (а подобные назначения в те годы никак не могли пройти мимо партийных органов), призванной решать важные идеологические задачи, встали ученые, отнюдь не безупречного социального и этнического происхождения, хотя и доказавшие свою верность стране в годы войны.

По версии П. Н. Шульца, после распада Великой Скифии в III в. до н. э. скифы создали в Крыму государство со столицей в Неаполе (городище Керменчик в историческом центре г. Симферополя), просуществовавшее здесь до раннего средневековья. Такая концепция, соединяла в единое целое Крым и Поднепровье. Он писал: «Как крымские, так и приднепровские поздние скифы, тесно связаны между собой, составляли основное ядро скифского государства. И тех и других мы вправе рассматривать как одну из южных групп протославянских племен, входивших в состав скифского народа»²⁴. Верхнюю границу государства поздних скифов Павел Николаевич определял концом IV в. – временем вторжения в Причерноморье гуннов²⁵. Эпохе «готских войн» середины – второй половины III в. в этой конструкции места не было. Для общественного сознания более приемлемой казалась катастрофа, постигшая скифское государство от нашествия диких орд варваров-тюрков, нежели поражение «предков славян» от германцев-готов. В эти годы даже исследователи «готских походов» умело обходили германскую тему, представляя события как классовую борьбу варварских (скифских, аланских и, естественно, славянских) племен с Римской империей²⁶.

Ввиду отсутствия конкретного археологического материала, который можно было бы хотя бы отдаленно назвать «славянским», приходилось довольствоваться декларациями. «В высокой для своего времени материальной и духовной культуре поздних скифов в Крыму удалось установить много новых точек соприкосновения с культурой древних славян. В характере скифских городов и жилищ, в частности, в коньках на крышах, посуде, деревянной резьбе, орнаменте, погребальном обряде... находим много общих черт с древнейшими памятниками славянской культуры, с русским и украинским народным искусством»²⁷. Отсюда следовал вывод «...культура скифов является одним из источников русской культуры». А поэтому те, «кому дороги исторические судьбы русского народа не могут сейчас пройти мимо памятников Новгорода (Неаполя – В. Ю.) Скифского...», поскольку «земли Крыма еще в исконные времена принадлежали славянам и русским и их предкам – скифам»²⁸. Кроме того, Павел Николаевич, выстраивая хронологию Неаполя, отмечал, что якобы поселение

«частично сохраняется и позднее в V и VI веках, т. е. примыкает по времени к началу образования славянских государств в Восточной Европе».

Но далее начиналась крымское средневековье с его явно неудобным «готским вопросом». Уже в 1946 г. Шульц констатировал – «для полноты картины скифо-славянских взаимосвязей» не хватает исследования «славянских поселений и древнейших городов Крыма» в Коктебеле (Тепсень) и Суроже (Судак) и «невьяснена роль славян в населении Дори»²⁹. Между тем вмешиваться самостоятельно в «готский вопрос» П. Н. Шульц не решался. По сложившейся схеме приоритет в изучении средневекового периода был отдан Е. В. Веймарну, возглавившему Бахчисарайскую историко-археологическую станцию Крымской базы, а затем и Крымского Филиала АН СССР³⁰. При создании Станции, основной задачей была названа «проблема истории аборигенного населения». Для ее решения предполагалась исследовательская работа по нескольким направлениям: «Сарматские и аланские поселения и могильники в юго-западном Крыму», «Вопрос о готах в юго-западном Крыму», «Славяне в юго-западном Крыму, взаимосвязи княжеств юго-западного Крыма с Киевской Русью». Е. В. Веймарн был хорошо знаком со всеми перипетиями вокруг «готского вопроса». И именно ему теперь предстояло в угоду политической конъюнктуры полностью дискредитировать проблему, когда-то поднятую одним из его наставников – Н. И. Репниковым – первооткрывателем могильников «области крымских готов»³¹. Из списка задач Бахчисарайской станции, собственноручно составленного Е. В. Веймарном, следует, что в 1948 г. ученый планировал аргументировать все позднеантичные и раннесредневековые памятники Юго-Западного Крыма как «сарматские и аланские»³². Смещение акцентов в сторону памятников «сарматского и аланского населения» – не случайно.

Еще в 1946–1947 гг. Музеем пещерных городов в Бахчисарае начались раскопки раннесредневекового могильника у подножия «пещерного города» Чуфут-Кале. Раскопками руководил Павел Петрович Бабенчиков (1882–1947). В 30-х гг. он несколько лет провел в лагере и ссылке за причастность к «Академическому делу»³³, а после войны занял пост заместителя директора по научной части Музея пещерных городов. Среди погребальных сооружений некрополя преобладали склепы, аналогичные раскопанным в Суук-Су и Эски-Кермене, а в числе погребального инвентаря присутствовали предметы «готского типа»: пластинчатые и орлиноголовые пряжки, зооморфные фибулы и т. п. Около четверти захоронений было совершено в подбойных могилах, встречались и деформированные черепа³⁴. Если бы памятник исследовался до войны, он, наверняка, был бы причислен к «готской стадии». Но теперь Е. В. Веймарн, заканчивавший в 1948 г. полевой отчет вместо скоропостижно скончавшегося П. П. Бабенчикова, интерпретировал памятник как аланский могильник³⁵. Эту позицию принял и П. Н. Шульц, не преминув указать на сходство чуфут-калинских склепов с позднейшими склепами некрополя Неаполя Скифского³⁶.

На аналогии между погребальными сооружениями алан Северного Кавказа и раннесредневековыми захоронениями Крыма указывал еще В. И. Равдоникас³⁷. Однако рассматривая этот феномен в рамках «учения Марра», отрицавшего роль миграций в этногенезе, предлагал считать его результатом общих

«стадиальных» процессов в среде автохтонов этих двух регионов. Остается не вполне ясным, как воспринимал крымских алан Е. В. Веймарн: как мигрантов или как стадию развития местного населения, потомков тавро-скифов? Но в любом случае в обстановке тех лет «аланская» атрибуция взамен «готской» была, по крайней мере, политически приемлема. В общественном сознании аланы-осетины воспринимались положительно: этот малый народ всегда оставался верным союзником и проводником русской политики на Северном Кавказе и явно не собирался предъявлять территориальных претензий на Крым. К тому же осетинские корни имел и руководитель страны – И. В. Сталин.

Скорее всего, интерес к раскопкам крупного могильника у подножия Чуфут-Кале проявился не случайно. Е. В. Веймарн писал, что эти раскопки предпринимались с целью уточнения племенной принадлежности могильника, «для проведения аналогии с инвентарем так называемых «готских могильников», фактически являющихся... – аланскими, поскольку они размещены на склоне аланских Фулл»³⁸. Загадочный крымский город Фуллы, точное местонахождение которого до сих пор остается дискуссионным³⁹, историографическая традиция прочно связывала с аланами⁴⁰. В начале XIV в. на плато Чуфут-Кале действительно располагался центр «Крымской Алании», известный как Кырк-Ор⁴¹. И хотя между последними захоронениями могильника и аланским Кырк-Ором существовала полутысячелетняя хронологическая лакуна (ее якобы заполняли «аланские» Фуллы), само местонахождение раннесредневекового могильника казалось давало определенные предпосылки для новой этнической атрибуции группы памятников аналогичных «Суук-Су» и «Эски-Кермену». При заведомом решении «готского вопроса» не в пользу готов, аланы становились наиболее удобными, если не единственными «легитимными» претендентами на создание культурного облика раннесредневековой Таврики. Таким образом, скомпрометированному «готскому Доросу» Е. В. Веймарн тогда противопоставил – другой эталонный памятник «аланский Кыр-Ор – Чуфут-Кале» с соответствующими атрибутами материальной культуры и погребального обряда.

В 1948 г. экспедиция Крымской научно-исследовательской базы АН СССР и Музея пещерных городов под руководством Е. В. Веймарна, при участии В. П. Бабенчикова и заместителя директора Херсонесского музея Станислава Францевича Стржелецкого (1910–1969) проводила раскопки Инкерманского могильника в долине р. Черной вблизи Севастополя (рис. 10).

Могильник был обнаружен еще до войны. Результаты предвоенных работ в 1947 г. были частично опубликованы С. Ф. Стржелецким, явно находившегося под влиянием «стадиальной теории» В. И. Равдоникаса. Он обращал внимание, что обнаруженный здесь склеп IV в. имеет аналогии с одной стороны в некрополе Херсонеса, с другой в т. н. «готских могильниках» Эски-Кермена и Суук-Су. В тоже время он призывал рассматривать «готскую культуру» как комплекс памятников «местной материальной культуры, которая складывалась в результате синтеза культур двух активно взаимодействовавших обществ: местного – таврского, позднее тавро-скифского, с одной стороны и греко-римского (Херсонес) с другой». Все это согласно С. Ф. Стржелецкому звенья «чисто местного процесса». Не отрицая реальности «готов» Крыма, автор подчеркивал, что так

именовалась лишь «господствующая верхушка, меньшинство» и в них нельзя видеть «нечто целостное и монолитное». По заключению С. Ф. Стржелецкого «одни «готы» это население восточной части Крыма на Боспоре, где их основной основой были сарматы, совершенно иное «готы» в юго-западном Крыму, где их основой были тавро-скифы». Следовательно, это «конкретные исторически сложившиеся этнические образования, которые, хотя и шли в своем общем развитии одинаковым путем (находились на одной стадии – В. Ю.), оставались разными «народами», разными «готами» в Крыму»⁴².

Теперь же экспедицией Е. В. Веймарна было обнаружено значительное число подбойных и грунтовых могил IV в., а так же несколько склепов, конструктивно схожих с раннесредневековыми⁴³. По окончании раскопок Е. В. Веймарн не стал спешить с этнической атрибуцией могильника, лишь отметив, что «мы имеем в Инкермане тавро-сарматский конгломерат, находившейся под влиянием античной культуры» и указав на сходство пряжек и серолощенного сосуда из могилы № 37 с древностями черняховского типа⁴⁴. В отличие от С. Ф. Стржелецкого, какой-либо аналогии некрополя с «готскими могильниками» Е. В. Веймарн отмечать не стал. Вообще же, несмотря на самолично заявленные направления научной работы Бахчисарайской станции, ее руководитель и в эти годы и позднее явно стремился уклониться от каких-либо конкретных разработок по «готскому вопросу», так и не предложив обобщающего исследования на эту тему, ограничившись общими критическими замечаниями предшественников⁴⁵. Причины вполне очевидны, учитывая его немецкое происхождение и многолетнее участие в одиозных эски-керменских раскопках.

Попытку такой работы предпринял В. П. Бабенчиков. В научном архиве КФ ИА НАН Украины сохранилась его рукопись «Готы в Крыму», относящаяся, судя по всему, к 1948 г.⁴⁶. В ней автор ставил актуальную задачу «пересмотреть материал по «готскому вопросу» в противовес «пропаганде немецко-фашистских захватчиков» и позициям некоторых ученых прошлого. Основной фактологический материал автор черпал в одноименном русскоязычном издании А. А. Васильева⁴⁷, а подбор критических аргументов – в давно устаревшей работе В. Н. Юргевича, включая нелепое высказывание о жителях Феодоро-Мангула как о германоязычных евреях-переселенцах⁴⁸. Исходным тезисом работы стала позднеантичная традиция отождествления «готов» и «скифов» как синонимов слову «варвар». Отсюда якобы проистекало положение, что «варварская территория» – Готия, а затем и Готская епархия это всего-навсего административно-топографические и церковные термины, не имеющие отношения прямого к этническим германцам. По мнению Бабенчикова, если таковые и проникли в Крым в III столетии, то составляли незначительное меньшинство, а их потомки «растворились в среде горного коренного крымского населения». Поэтому, предлагал автор, во избежание недоразумений, следует отказаться от «неудачного термина – готы и заменить его термином «дориты» – т. е. жители страны Дори, разумея под этим термином как автохтонов Крыма – тавров и скифов, так и осевших здесь позже сарматов, аланов, гуннов, мадьяр, русских...»⁴⁹. Для идеологического разоблачения «готского вопроса» статья была недостаточно жесткой, а с научной точки зрения – компилятивной, потому и не была

опубликована. Этому поспособствовал Павел Наумович Надинский (1894–1961), формально – младший научный сотрудник Отдела истории и археологии, а фактически его партийный идеолог, выполнявший своего рода роль «комиссара» при П. Н. Шульце, главный апологет идеологической формулы крымских историков «Крым – исконно русская земля».

Об этой одиозной личности стоит сказать особо. Подлинное его имя – Савелий Наумович Посягин. Происходил он из российской глубинки, член ВКП(б) с 1917 г., служил в ЧКа. В Крым был направлен в 1931 г., занимал ряд ответственных партийных постов. Административному росту помешала тяжелая болезнь, поразившая его еще в Гражданскую войну. В итоге в результате операций он лишился обеих ног, левой руки и кисти правой. Надинский-Посягин не получил фактически никакого специального образования. За плечами у идеолога крымских историков было три класса церковно-приходской школы и курсы марксизма при Комакадемии⁵⁰. В силу этих обстоятельств Надинский не обладал навыками профессионального ученого, зато отлично понимал политику партии в вопросах истории и идеологического строительства. Когда создавалась Крымская База АН СССР, Павел Наумович как верный партии «боец идеологического фронта» был зачислен в ее штат. Без его одобрения не обходилась ни одно мероприятие, ни одна публикация. Неудивительно, что статья В. П. Бабенчикова по столь важному вопросу попала на рецензию Павлу Наумовичу. Рукопись этой рецензии также сохранилась⁵¹. Надинский настаивал: «теории» о готах изначально создавались враждебными историками (среди которых действительно было немало ученых немецкого происхождения) для обоснования «исторических прав на Крым». Среди них он особо выделял «профашистского пропагандиста» Н. Л. Эрнста, почему-то приписывая именно ему (а не Н. И. Репникову) актуализацию «готского вопроса» в 1920-е годы. В целом рецензент положительно оценил идею статьи, но нашел ее недостаточно аргументированной, требуя от автора выступать с более принципиальной критикой, а не «отделяться общими фразами»⁵². Почему П. Н. Надинский не дал ей хода – понять несложно. Не отягощенный ни научным мышлением, ни специальным образованием, но свято веривший установкам партии, Надинский-Посягин приступил в январе 1950 г. к подготовке «Очерков по истории Крыма», сначала как популярной брошюры, а затем – кандидатской диссертации⁵³. Книга должна была показать широким массам, что Крым – исконно русская земля, колыбель славянства. Естественно в такой работе «историк Надинский» пользовался данными и идеями, заимствованными у сотрудников Отдела истории и археологии, работавшими тогда всецело в рамках автохтонной теории Н. Я. Марра.

Но летом 1950 г. произошло событие, потрясшее весь гуманитарный сектор советской науки. Сам И. В. Сталин на страницах «Правды» выступил против вульгаризированных взглядов Марра, назвав их противоречащими марксизму⁵⁴. Для историков, разрабатывавших этногенез славян, в том числе и крымских, это была настоящая катастрофа. Теперь уже не было возможности выводить славян непосредственно из скифов. Возможно, самого Павла Николаевича это событие могло даже порадовать, ведь теперь не было надобности выдумывать абсурдные «точки соприкосновения», фальсифицировать историю и наконец можно было

заняться нормальными научными изысканиями в созданной им академической структуре. А вот П. Н. Надинского это должно было напугать. Привыкший к околону научной идеологической демагогии, он, ревностный партиец, как историк волею тов. Сталина оказался настоящим «марристом», а завтра мог стать и «врагом народа». Ярлык «маррист» становился серьезным обвинением и это при том, что подавляющее большинство советских историков и языковедов в послевоенный период вольно или невольно работали в рамках марровской автохтонной концепции! Одним из первых от «марровского наследия» стал отрешиваться П. Н. Третьяков. В статье, помещенной в редактируемом им журнале «Вопросы истории», в число «марристов» был зачислен и П. Н. Шульц за свою позицию о крымско-скифском происхождении славянства⁵⁵. П. Н. Шульц выступил с ответной критикой в адрес П. Н. Третьякова⁵⁶, а также против «вульгарной теории Н. Я. Марра о «стадиальности» и известной позиции В. И. Равдоникаса⁵⁷.

В этой новой и неопределенной ситуации позиции П. Н. Шульца и стоявшего за ним П. Н. Надинского в академической и партийной сфере явно пошатнулись. И это при том, что идеологический лозунг «Крым-русская земля» не был снят. Теперь тот, кто разрешит «крымско-славянский вопрос» вне учения Н. Я. Марра, явно мог претендовать на лидерство в крымской археологии.

В 1950 г. Инкерманская экспедиция (Е. В. Веймарн, В. П. Бабенчиков и С. Ф. Стржелецкий) продолжила раскопки в долине р. Черной. На так называемом Чернореченском могильнике (Инкерман-II в полевой документации) в подбойной могиле был обнаружен еще один сероглиняный лощеный орнаментированный кувшин черняховского типа⁵⁸ (рис. 11) и даже открыт целый участок с захоронениями-кремациями, помещенными в лепные сосуды и амфоры⁵⁹. И хотя находки были единичными, они, казалось, указывали на некую связь инкерманских некрополей с областью черняховской культуры Приднепровья, считавшейся тогда материальным отражением раннеславянских племен антов.

Между тем выяснилось, что Инкерманская долина не единственный регион, где обнаружены сосуды черняховского типа и захоронения-кремации.

В 1951 г. В. Д. Блаватский опубликовал результаты раскопок римской крепости Харакс на м. Ай-Тодор (между Ялтой и Алушкой), проводившихся в 1931, 1932, 1935 гг. В их числе – материалы могильника с кремациями, прилегавшего к стенам крепости⁶⁰. Отмечая, что некрополь относится ко второй половине III–IV вв., т. е. к периоду, когда крымское побережье стало ареной готского вторжения, автор публикации спешил подчеркнуть: изученный им некрополь не включает ничего «специфически готского, а в его могилах погребались останки потомков обитателей «сапабас», культура которых носила смешанный характер⁶¹. Могильник действительно не походил на «готский», т. к. совершенно не соответствовал довоенным представлениям о раннесредневековой готской культуре Крыма: здесь не было ни склепов, ни украшений типа Суук-Су или Госпитальной улицы. Однако дело не только в этом. Еще в 1930 г. Владимир Николаевич Дьяков (1882–1959) издал работу о древностях Ай-Тодора⁶², включив в нее памятники таврской эпохи, римского времени и средневековый монастырь св. Феодора Тирона. Этот монастырь, как он тогда считал, был одним из важнейших центров эпохи христианизации готов, поскольку имя его небесного патрона совпадало с именем

столицы Готии – Феодоро и его ранней формой «Дори». В. Н. Дьяков полагал: «претендентом на это древнее имя» имеет право быть южнобережный Ай-Тодор, который «из большого городища (*oppidum*) тавров обратился в центральный римский кастел *Chagraх* Таврический, разросся в римскую эпоху в подобие города – *civitas*... был позднее центром культа главного патрона готов Феодора Тирона... стал, наконец, естественным центральным стратегическим пунктом «приморской области Дори»⁶³. В. Д. Блаватский не стал открыто критиковать своего предшественника и считал благоразумным отмежеваться от «готской темы» вовсе, тем более, что версия В. Н. Дьякова отнюдь не подтверждалась археологическим материалом. Не стал В. Д. Блаватский комментировать и находку железного умбона щита и кремационный обряд захоронения – абсолютно не свойственный обитателям Крыма, пусть даже имевшим «смешанный характер».

В условиях компании борьбы с «марризмом» и смены научных парадигм обострились и противоречия между деятелями науки, в основе которых иногда лежали личные мотивы. Показательна в этой связи история со статьей Е. В. Веймарна и С. Ф. Стржелецкого «О славянах в Крыму». Обнаруженные ими в Инкерманской долине предметы черняховского типа и кремации позднеантичной эпохи дали основания утверждать – данные артефакты свидетельствуют о проникновении на полуостров славянского населения из Поднепровья на рубеже античности и средневековья. До 1950 г. подобная «миграционистская» трактовка казалась невозможной. Теперь же некогда осужденное «буржуазное учение» вновь обрело право на существование. Несмотря на новаторский подход к трактовке «славянской проблемы» и аргументы, по тем временам казавшиеся довольно вескими, идею публикации статьи и даже доклада П. Н. Шульца воспринял холодно и настороженно. Дело в том, что помимо концептуально-содержательной части там присутствовала открытая критика в его адрес, обвинения в приверженности «марризму». Критикуя руководителя крымской археологии Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий, удачно выбрав момент, направляли свой удар не только против П. Н. Шульца, но и против его «партийного патрона» П. Н. Надинского. Не добившись возможности сделать доклад на заседании Отдела истории и археологии и получить одобрение на публикацию, соавторы перенесли дискуссию в стены Парткабинета Симферопольского горкома ВКП(б)⁶⁴. Судя по сохранившимся документам инициатором жесткой позиции был С. Ф. Стржелецкий, считавший П. Н. Шульца причастным к его смещению с поста заместителя по научной работе Херсонесского музея и даже писавший доносы на Павла Николаевича в Крымский обком ВКП(б)⁶⁵. Естественно отношения П. Н. Шульца и Е. В. Веймарна также обострились.

В январе 1952 года в печати вышла книга П. Н. Надинского «Очерки по истории Крыма», рассчитанная на широкий круг читателей. В духе времени П. Н. Надинский во вступлении клеймил предшественников «буржуазных историков», раскрывая их главную ошибку, заключавшуюся в том, что «история Крыма рассматривалась и освещалась оторвано от истории народов СССР, точнее – от русской истории»⁶⁶.

Естественно, что книга готовилась еще до развенчания учения Н. Я. Марра. Хотя имя последнего уже не упоминается, история древнего и средневекового

Крыма в изложении П. Н. Надинского прямо пронизана «марризмом» и построена на концепции скифо-славянского родства⁶⁷. Если обратиться к картине древней этнической истории полуострова, представленной П. Н. Надинским, то она окажется предельно статичной и написанной в рамках еще недавно господствовавшей «автохтонной теории». П. Н. Надинский не обошел вниманием и готов. Но это уже не «автохтоны Равдоникаса», характеризующие некую «стацию» крымской истории, а чуждые пришельцы, которых следует «поставить на место». В этой части работы прозвучал тезис о «растворении и ассимиляции» мигрантов коренными жителями, в данном случае – тавро-скифами, о чем писал в неопубликованной статье В. П. Бабенчиков. Вслед за П. Н. Шульцем, автор «Очерков...» рубежным этапом назвал гуннское вторжение IV в., которое привело к гибели скифского государства и оттеснению тавро-скифов к горам. В результате этого у местного населения стали развиваться феодальные отношения, которые иллюстрируют «пещерные города». Правда, Надинский допускал: «среди оседлого населения, кроме тавроскифов, находились родственные им племена, оттесненные к горам Крыма кочевыми ордами, в частности, аланы (данную идею, он судя по всему, заимствовал у Е. В. Веймарна)⁶⁸. Для Надинского «крымские готы» лишь историографический миф – дело рук германского нацизма: «Вот эту-то группу наемников-готов, осевшую в Крыму и полностью растворившуюся среди местного населения, немецкие буржуазные историки и их подпевалы пытались, грубо фальсифицируя историю, изобразить «народом», якобы «оплодотворившим» своей готской культурой население Крыма. Больше того, они приписывали этой группе готов создание самостоятельного в Крыму государства, которое будто-бы просуществовало здесь вплоть до XIV–XV вв. и даже далее»⁶⁹. Вообще высказывания Надинского подкупают честностью. Он никогда не маскировался под «академизм» и четко излагал суть проблемы в духе настроений и задач времени. «Византийцы содержали здесь (в Крыму – В. Ю.) свои вооруженные отряды и, несомненно, пресловутые «крымские готы», пользовавшиеся заботой и вниманием императора, являлись наемниками Византии, выступая против тех, кто восставал против византийского господства»⁷⁰. Отсюда следовало: готы не только наемники-чужеземцы, но и пособники эксплуататоров в лице «византийского империализма». Несмотря на приверженность скифо-славянской концепции, автор выделяет крымско-славянский вопрос в отдельный раздел. На первый взгляд это кажется несколько искусственным. Но ведь первоначальная работа базировалась на теории Н. Я. Марра, но в новых условиях кроме теорий и деклараций следовало подтверждать ее конкретным материалом. В археологии таких фактов было пока немного и П. Н. Надинский иллюстрировал свою книгу находками из Чернореченского могильника, почему-то проигнорировав инкерманские артефакты⁷¹. Публикуя фото черняховского кувшина, П. Н. Надинский замечал: «...коренные жители Крыма сумели сохранить свои отличительные черты в общественно-культурном развитии, роднящие их со славянами Приднепровья», а, следовательно, «наши предки славяне, начиная со скифской поры вплоть до татарского нашествия, непрерывно проживали в Крыму»⁷². Из этого читателю следовало сделать однозначный вывод: Крым изначально принадлежал славянам и их предкам,

а крымские готы – выдумка буржуазных историков и германских нацистов. Остается добавить: за «Очерки по истории Крыма» П. Н. Надинскому без защиты диссертации была присуждена степень кандидата исторических наук.

Хотя очерк древнейшей крымской истории и состоял из заимствованных у других ученых идей и гипотез, довольно грубо скомпилированных и сдобренных идеологической риторикой, П. Н. Надинский рассчитывал на признание научного сообщества и выдвижения в лидеры крымских историков. Безусловно, в книге можно было бы избежать противоречий и несоответствий, но ее автор спешил, ведь весной 1952 г. должна была состояться объединенная научная сессия Отделения истории и философии АН СССР и Крымского филиала АН СССР, посвященная проблемам истории Крыма, возникшим после крушения «марризма».

Сессия открылась в Симферополе 23 мая, собрав значительное число ведущих ученых из Крыма, Москвы и Ленинграда. Ход сессии и выступления, зачастую отличавшиеся эмоциональным накалом и показательной идеологизированной риторикой, позволяет реконструировать стенограмма, хранящаяся в КФ ИА НАНУ⁷³. На выступлениях, касающихся «готского» и «славянского» вопросов, автор данной статьи уже имел возможность подробно остановиться⁷⁴. Напомню, что проникнутая «марризмом» книга П. Н. Надинского была воспринята неоднозначно, если не сказать – отрицательно. А вот позиция Веймарна-Стржелецкого о славянах-мигрантах осевших в Крыму в III–IV вв. была поддержана Б. А. Рыбаковым и другими выступавшими⁷⁵. Относительно археологических источников, связываемых с готами, довольно резко высказалась сотрудник Отдела истории и археологии антрополог К. Ф. Соколова. В ее выступлении речь шла о средневековом могильнике Алушты, недавно исследованном В. Ю. Кухаренко. Последний в полевом отчете сделал вывод о принадлежности могильника готскому населению (в действительности это было позднесредневековое христианское прицерковное кладбище XIV–XVIII вв. – В. Ю.)⁷⁶. В результате последовало предупреждение: «укоренившееся мнение, унаследованное от буржуазных историков и археологов, мешает углубленному научному исследованию истории Крыма и направляет историков по ложному пути», а затем и вывод: «исследуемые ...черепки принадлежат не готскому, а сармато-аланскому населению», и даже более того предложено взять под сомнение принадлежность готов к германскому миру⁷⁷. И уж совсем нелестная история произошла с выдающимся отечественным лингвистом-иранистом, сотрудником Института языкознания АН СССР Василием Ивановичем Абаевым (1900–2001) (рис. 12). В докладе он пытался рассказать о частном «боспорском сюжете» нартического эпоса⁷⁸. Но доклад не был завершен: Василий Иванович был обвинен в «паналанизме» и был вынужден покинуть трибуну⁷⁹. С. Ф. Стржелецкий вновь попытался при широкой аудитории упрекнуть П. Н. Шульца и П. Н. Надинского в «марризме» и зажиме критики в свой адрес. Выступление самого П. Н. Надинского было пересыщено квазинаучной риторикой, грубыми историческими ошибками и нелепостями.

После окончания работы (25 мая 1952 г.) Сессия приняла Решение, в котором, в частности, отмечалось, что в изучении истории Крыма «...наблюдалась фальсификация исторической роли готов. Готы, составлявшие в III–VI вв. незначительную часть пришлого населения Крыма постепенно ассимилированные,

объявлялись создателями никогда не существовавшего готского государства. Эта реакционная теория, созданная для оправдания немецкой империалистической агрессии, проникла в отдельные работы советских археологов (В. И. Равдоникас)... Схоластическая антинаучная концепция Марра в вопросе этногенеза славян проникла в работы некоторых историков и археологов. В опубликованных в 1950–1951 гг. работах П. Н. Шульца и П. Н. Надинского имеются ошибочные положения по этногенезу славян»⁸⁰. Тезис о малочисленности пришлых готов и их культурной ассимиляции местными жителями на долгие годы стал основной формулой при подходе к «готскому вопросу» в советской науке.

Вскоре в Крыму встал вопрос о создании «археологической славянской группы» и П. Н. Надинский настоятельно требовал от колеблющегося П. Н. Шульца определиться с ее руководителем, вероятно видя себя в этом качестве⁸¹.

Уже в сентябре 1952 года Е. В. Веймарн вновь возобновил работы Инкерманской экспедиции и начал исследования раннесредневекового могильника у высоты «Сахарная Головка»⁸². Могильник оказался сходным с одной стороны с Инкерманским и Чернореченским, а с другой – с широко известным некрополем Суук-Су, прежде считавшемся эталонным памятником крымско-готской культуры. Но Е. В. Веймарн, развивая наступление на «славянском фронте» и его зачислил в «антские», после критики В. И. Абаева отказавшись от аланской атрибуции подобных древностей (рис. 13). При таком раскладе лидерство Е. В. Веймарна в крымско-славянском вопросе казалось несомненным, тем более что наконец-то в «Вопросах истории» была опубликована злополучная статья о крымских славянах⁸³.

Наметившееся противостояние в «славянском вопросе» по линии Шульц-Надинский – Веймарн-Стржелецкий явно разрешалось в пользу последних.

Но в конце 1952 года внезапно против Е. В. Веймарна было возбуждено уголовное дело⁸⁴. Руководитель Инкерманской экспедиции 1948 и 1950 г. и прежняя директриса Музея пещерных городов обвинялись в растрате государственных средств. В крымской прессе деятельность экспедиции, да и всего Отдела истории и археологии была выставлена в негативном свете⁸⁵. Личное дело Евгения Владимировича рассматривалось на общем заседании, была предпринята попытка отстранить его от работы⁸⁶. Сам Веймарн считал причастными к этой ситуации сотрудников сектора истории под руководством П. Н. Надинского⁸⁷.

В итоге противникам Е. В. Веймарна не удалось достигнуть своих целей: в связи с «бериевской амнистией» 1953 г. суд освободил Евгения Владимировича от наказания⁸⁸, а Президиум отменил свое решение о его увольнении. В благополучном исходе дела не последнюю роль сыграла позиция П. Н. Шульца, во время следствия ставшего на защиту своего подчиненного и оппонента. После этого между двумя лидерами крымской археологии вновь восстановились теплые доверительные отношения⁸⁹.

В 1954 г. Крымская область вошла в состав Украинской ССР. Лозунг «Крым – русская земля» утратил свою актуальность. Что же касается «готского вопроса», то решения Сессии 1952 г. формировали официальную позицию отечественных ученых вплоть до распада СССР, а некоторые ее отголоски имеют место даже в современной научной и научно-популярной литературе.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Владислав
Иосифович Равдоникас
(1894–1976)

Рис. 3. Петр Николаевич
Третьяков
(1909–1976)

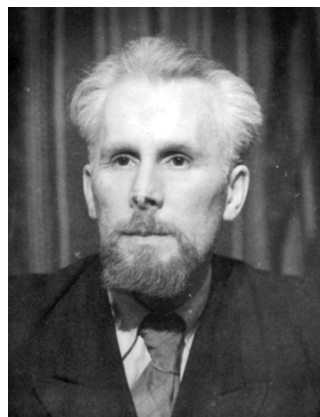

Рис. 4. Павел Николаевич
Шульц
(1990–1983)

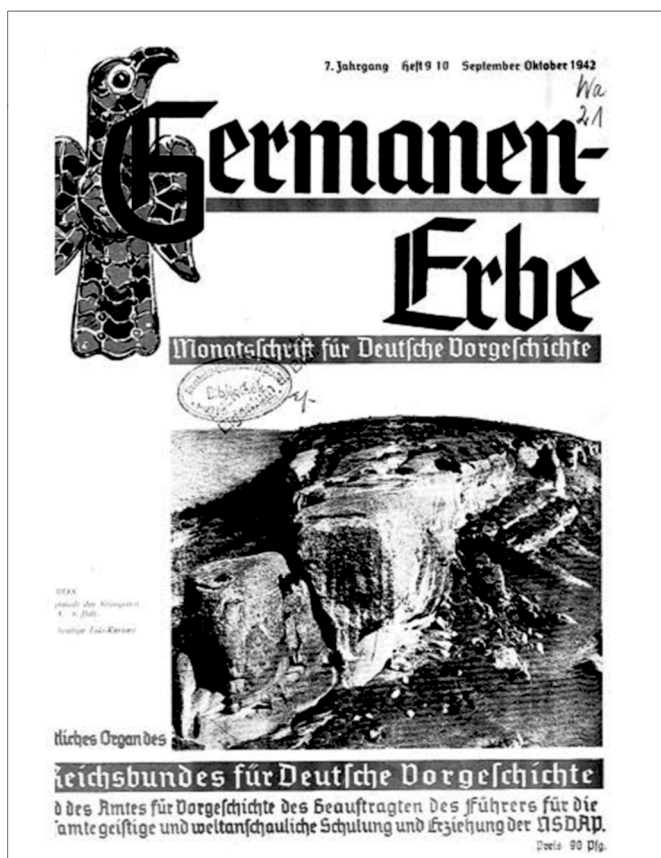

Рис. 2. Обложка альманаха
с фотоснимком
Эски-Кермена
(Берлин 1942 г.)

Рис. 5. Раскопки Неаполя Скифского в 1946 г.
(архив П. Н. Шульца)

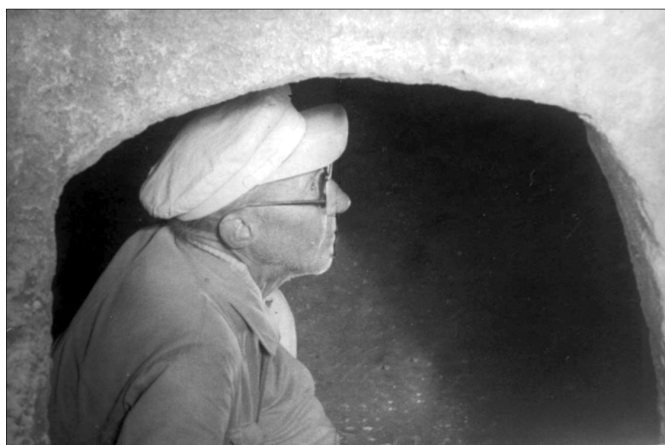

Рис. 6. Владимир Петрович Бабенчиков (1885–1974)

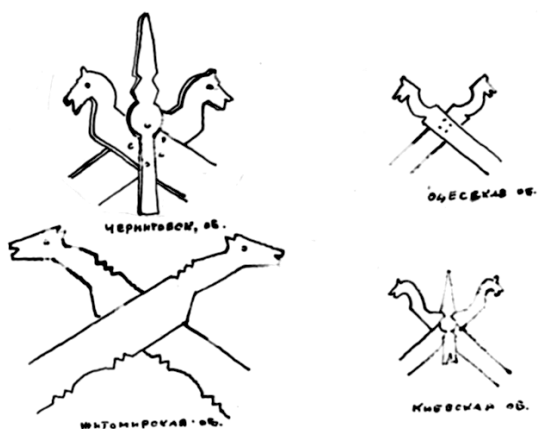

Рис. 7. Коньки крыш украинских хат и роспись в склепе некрополя Неаполя Скифского (архив П. Н. Шульца)

Рис. 8. Евгений
Владимирович Веймарн
(1905–1990)

Рис. 10. Станислав
Францевич Стржелецкий
(1910–1969)

Рис. 9. Эски-Керменская экспедиция. *Конец 1920-х гг.*
В верхнем ряду слева направо: третий – Н. И. Репников,
четвертый – П. П. Бабенчиков, восьмой – Е. В. Веймарн,
девятый С. Ф. Стржелецкий (по Акимченков, 2012)

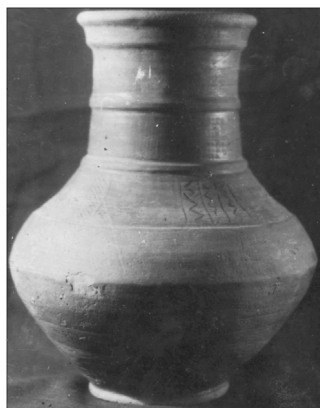

Рис. 11. Черняховский
кувшин из Чернореченского
могильника
(Архив П. Н. Шульца)

Рис. 12. Василий Иванович
Абаев
(1900–2001)

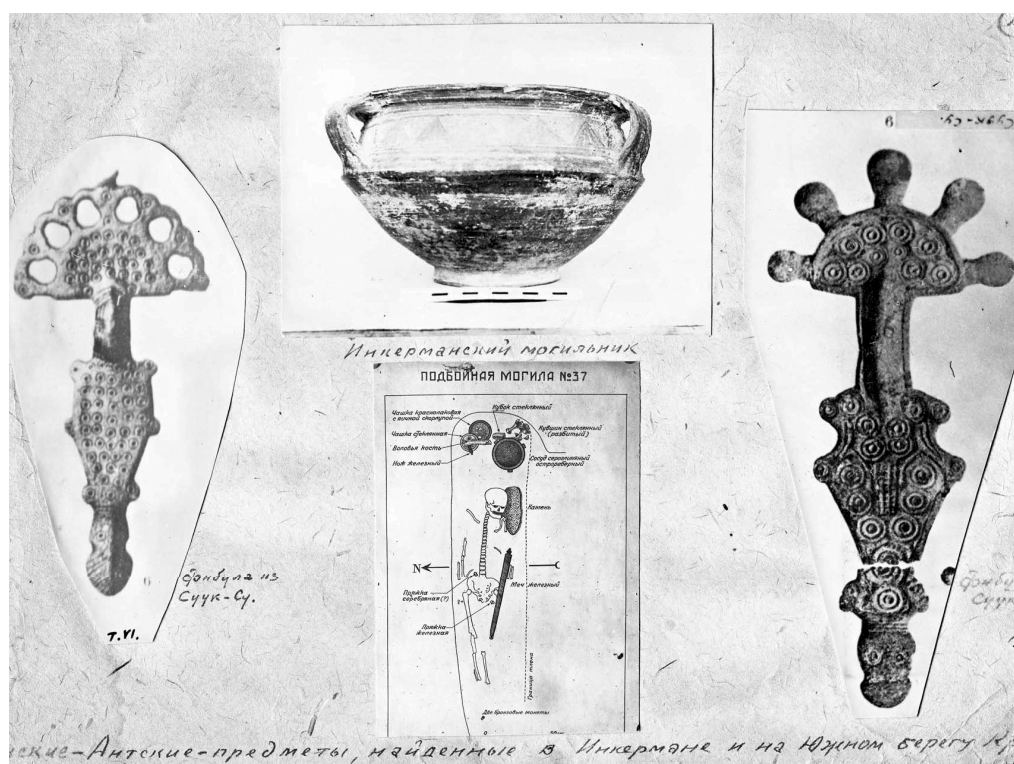

Рис. 13. Иллюстрация к докладу (?) с подписью: «Славянские-Антские-предметы, найденные в Инкермане и на Южном берегу Крыма (архив Е. В. Веймарна)

- ¹ Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии. Очерки изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н. э. – VII в. н. э.). – Симферополь, 2004. – С. 100–186; *Заморяхин А. В.* Крымские готы в этническом пространстве средневековой Тавриды в советской и современной российской историографии // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2006. – Вып. 18; *Тункина И. В.* К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии в 1920-х – начале 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. 3.
- ² *Перченко Ф. Ф.* «Дело Академии наук» // Природа. – 1991. – №4. – С. 96–104; *Перченко Ф. Ф.* «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. – М., 1995. – С. 201–235; *Формозов А. А.* Русские археологи и политические репрессии 1920–1940 гг. // РА. – 1998. – № 3. – С. 192–194; *Юрочкин В. Ю.* «Готский вопрос» в советской науке 20-х годов XX века // Археологический альманах. – 2011. – № 25. – С. 243–247.
- ³ *Равдоникас В. И.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. [Готский сборник / *Krim Gotica*]. – С. 5–105; *Шнирельман В. А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // ЭО. – 1993. – № 3. – С. 57–58.
- ⁴ [Равдоникас В. И.] О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий // СА. – 1937. – № 3. – С. 8.
- ⁵ *Филимонов С. Б.* Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. – [Изд. 2-е, доп.]. – Симферополь, 2003. – С. 173; *Филимонов С. Б.* *Храпунов И. Н.* Николай Львович Эрнст – исследователь истории и древностей Крыма // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 247; *Непомнящий А. А.* Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. – К., 2012. – С. 323–398.
- ⁶ *Тунманн.* Крымское ханство; [пер. с немецкого издания 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской]. – Симферополь, 1936. – С. 77.
- ⁷ *Stampfus R.* Germanen in der Ukraine // *Germanen Erbe*. – 1942. – 9–10 (sept./okt.) – S. 135–140; *Wir kämpfen auf der Krim.* – Kertch-Sevastopol, 1941/1942; *Аморн Ч.* Нацистские планы порабощения и истребления народов СССР (по документам секретного архива Генриха Гиммлера) // История СССР. – 1966. – № 2. – С. 182, 183; *Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю.* От Скифии к Готии. – С. 106–107; *Васильченко А. В.* Окультизм миф III Рейха. – М., 2008 – С. 164–165; *Романько О. В.* Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). – Симферополь, 2009. – С. 17–19.
- ⁸ *Заморяхин А. В.* Проблема локализации некоторых географических объектов области крымских готов в дореволюционной отечественной историографии // Вестник Пермского университета. – История. – 2003. – Вып. 4. – С. 21–24; *Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю.* От Скифии к Готии. – С. 100–102; *Заморяхин А. В.* Готы-тетракситы в дореволюционной отечественной историографии // Новый Гиперборей: межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 2004. – С. 71–73; *Заморяхин А. В.* Ранний период изучения области расселения крымских готов (конец XVIII – 30-е гг. XIX вв.) // Вестник Пермского университета. – 2007. – Вып. 3 (8). – С. 149–160.
- ⁹ *Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. – 1930. – Т. 7. – Вып. 3–4. – 94 с.
- ¹⁰ *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. – М., 1991. – С. 143–168.
- ¹¹ Историография истории Украинской ССР. – К., 1986. – С. 20.
- ¹² *Марр Н. Я.* Избранные работы: В 5-ти томах. – Л., 1933. – Т. 1. – С. 132.
- ¹³ *Шнирельман В. А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика. – С. 61–64.
- ¹⁴ *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – СПб, 2004. – С. 29–66.
- ¹⁵ *Третьяков П. Н.* Восточно-славянские племена. – М., Л., 1948. – С. 31–37.
- ¹⁶ *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК – РАИМК (ГАИМК) – ИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР // ЗИИМК. – СПб., 2009. – № 4. – С. 15–17, 23.

- ¹⁷ *Махнева О. А.* Воспоминания о Павле Николаевиче Шульце // У Понта Эвксинского. – Симферополь, 2004. – С. 241–242; *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историко-графические очерки. – М., 2006. – С. 77, 78.
- ¹⁸ *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция в 1946 году // Советский Крым. – 1947. – № 5. – С. 41.
- ¹⁹ *Шульц П. Н.* Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым. – 1946. – № 2. – С. 111.
- ²⁰ *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция в 1946 году. – С. 70.
- ²¹ *Зайцев Ю. П.* История изучения Неаполя Скифского (1945–1999 гг.) // У Понта Эвксинского. – Симферополь, 2004. – С. 36–37; *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция в 1946 году. – С. 55.
- ²² *Пиоро И. С.* Складна доля археолога (до 85-річчя Євгена Володимировича Веймарна) // Археологія. – 1990. – № 4. – С. 146.
- ²³ *Махнева О. А.* Воспоминания о Павле Николаевиче Шульце. – С. 241.
- ²⁴ *Шульц П. Н.* Историко-археологические исследования в Крыму (1920–1950) // Крым. – 1950. – № 6. – С. 152.
- ²⁵ *Колтухов С. Г.* П. Н. Шульц и его роль в создании концепции позднескифской культуры // У Понта Эвксинского. – Симферополь, 2004. – С. 51.
- ²⁶ *Ременников А. М.* Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в III в. [Причерноморье в античную эпоху. Вып. 6]. – М., 1954. – 147 с.
- ²⁷ *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция в 1946 году. – С. 71; *Шульц П. Н.* Исследования Неаполя Скифского (1945–1950) // История и археология древнего и средневекового Крыма. – К., 1957. – С. 90–93.
- ²⁸ *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция в 1946 году. – С. 71.
- ²⁹ *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция в 1946 году. – С. 71.
- ³⁰ *Пиоро И. С.* Складна доля археолога. – С. 146.
- ³¹ *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. – 1906. – Вып. 19. – С. 1–80; *Репников Н. И.* Некоторые могильники области Крымских готов // ЗООИД. – 1907. – Т. 27. – С. 101–148.
- ³² НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1. Е. В. Веймарн. – Д. 11: Статьи. План работы 1949 г. – Л. 28.
- ³³ *Формозов А. А.* Русские археологи и политические репрессии 1920–1940 гг. – С. 193; *Акимченков В. В.* «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939). – К.; Симферополь, 2012. – С. 74–78.
- ³⁴ *Кропоткин В. В.* Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. – 1958. – Т. 28. – С. 207–210; *Кропоткин В. В.* Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА АН СССР. – 1965. – Вып. 100. – С. 108–115.
- ³⁵ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 3. – Д. 4: *Веймарн Е. В.* Отчет об углубленных разведках аланского могильника у подножия Чуфут-Кале в 1948 г. и Приложение к отчету об углубленных разведках аланского могильника у подножия Чуфут-Кале в 1947 г. 1948 г. – Л. 4.
- ³⁶ *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция в 1946 году. – С. 63.
- ³⁷ *Равдоникас В. И.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья. – С. 89–90.
- ³⁸ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 3. – Д. 4: *Веймарн Е. В.* Отчет об углубленных разведках аланского могильника у подножия Чуфут-Кале в 1948 г. – Л. 30.
- ³⁹ *Майко В. В.* О локализации Фулл и Фульской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 133–145; *Мыц В. Л.* О локализации Фулл и Фульской епархии // 175 лет Керченскому музею древностей: материалы международной конференции. – Керчь, 2001. – С. 80–83.
- ⁴⁰ *Кулаковский Ю. А.* Где находились Фуллы? // ЖМНП. – 1898. – Т. 2. – С. 201–202; *Бертъе-Деллагард А. Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. – 1920. – № 57. – С. 108–127.
- ⁴¹ *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. – Симферополь, 1993. – С. 39–43.
- ⁴² *Стржелецкий С. Ф.* Раскопки в Инкермане в 1940 // СА. – 1947. – Т. 9. – С. 298–300.
- ⁴³ *Веймарн Е. В.* Раскопки Инкерманского могильника в 1948 // История и археология древнего и средневекового Крыма. – К., 1957. – С. 219–237; *Веймарн Е. В.* Археологічні роботи в районі Інкермана. Інкерманський могильник // АП УРСР. – 1963. – Т. 13. – С. 15–42.

- ⁴⁴ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 3. – Д. 6: Материалы Инкерманской археологической экспедиции 1948 года. – Л. 83.
- ⁴⁵ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1: Е. В. Веймарн: 1) Опыт реконструкции оборонительных сооружений раннесредневекового городища Эски-Кермен (статья). 2) Реферат (аннотация) к статье: «Опыт реконструкции оборонительных сооружений средневекового городища Эски-Кермен». Симферополь, 1948. – Л. 1–9.
- ⁴⁶ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1: В. П. Бабенчиков. – Д. 6: Еще и еще о готах. Бабенчиков и Надинский. – Л. 1–41.
- ⁴⁷ Васильев А. А. Готы в Крыму // ИРАИМК. – 1921. – 1. – Ч. 1. – С. 1–80; Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. – 1927. – 2. – Ч. 2. – С. 179–282.
- ⁴⁸ Юргевич В. Н. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 году // ЗООИД. – 1886. – Т. 14. – С. 5–11.
- ⁴⁹ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1: В. П. Бабенчиков. – Д. 6: Еще и еще о готах. Бабенчиков и Надинский. – Л. 40.
- ⁵⁰ Петров В. П., Шамко Е. Н. Восхождение к подвигу. – Симферополь, 1982; Ломакин Д. А. Павел Наумович Надинский: типичный представитель партийной номенклатуры или ученый-краевед? // Литература та культура Полісся. Проблеми вивчення історії та культури ХХ ст. в сучасних дослідженнях. – 2009. – Вип. 49. – С. 72–80; Ломакін Д. О. Кримська періодична преса 30–50-х рр. ХХ ст. як джерело до біобібліографії П. Н. Надінського // Українська періодика: історія і сучасність. Доповіді та повідомлення десятої Всеукраїнської науково-теоретичної конференції (Львів, 31 жовтня – 1 листопада 2008 р.). – Львів, 2008. – С. 425–437.
- ⁵¹ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1: В. П. Бабенчиков. – Д. 6: Еще и еще о готах. Бабенчиков и Надинский. – Л. 42–49.
- ⁵² НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1: В. П. Бабенчиков. – Д. 6: Еще и еще о готах. Бабенчиков и Надинский. – Л. 49.
- ⁵³ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 2. – Д. 1: План научно-исследовательских работ сектора на 1950 год. – Л. 4, 86.
- ⁵⁴ Алпатов В. М. История одного мифа. – С. 181.
- ⁵⁵ Третьяков П. Н. Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании // Вопросы истории. – 1950. – №10. – С. 17.
- ⁵⁶ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1: П. Н. Шульц. – Шульц П. Н. О статье П. Н. Третьякова «Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании» (Вопросы истории. – № 10. – 1950). 12 января 1951 г. Симферополь. Засед. Сектора истории и археологии. – 40 л.
- ⁵⁷ Шульц П. Н. Историко-археологические исследования в Крыму (1920–1950). – С. 154.
- ⁵⁸ Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // АП УРСР. – 1963. – Т. 13. – С. 97–100. – Таб. V, 16, XII, 2.
- ⁵⁹ Там же. – С. 119–121.
- ⁶⁰ Блаватский В. Д. Харакс // МИА. – 1951. – № 19. – С. 250–291.
- ⁶¹ Там же. – С. 274.
- ⁶² Дьяков В. Н. Древности Ай-Тодора. – Ялта, 1930. – С. 17–53.
- ⁶³ Там же. – С. 49–50.
- ⁶⁴ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 2. – Д. 5. Протоколы научных заседаний отдела и производственных совещаний за 1952 г. – Л. 26–30, 34, 39.
- ⁶⁵ Об этом свидетельствуют рукописные материалы, обнаруженные автором в так называемом «Коктебельском архиве П. Н. Шульца», переданном в НА КФ ИА НАНУ и в настоящее время находящемся в стадии обработки. Об архиве См.: Ланцов С. Б., Шанцев М. С. К истории подводных археологических исследований Крыма (по материалам Коктебельского архива П. Н. Шульца) // Археологический альманах. – 2012. – № 28 [Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященных 1800-летию города Судак]. – С. 319.
- ⁶⁶ Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. – Ч. 1. – Симферополь, 1951. – С. 23.
- ⁶⁷ Там же. – С. 23, 45.
- ⁶⁸ Там же. – С. 40.
- ⁶⁹ Там же. – С. 43.
- ⁷⁰ Там же. – С. 44.
- ⁷¹ Там же. – С. 46–48. – Рис. 18–20.

⁷² Там же. – С. 46–48.

⁷³ НА КФ ИА НАНУ. – Стенограмма объединенной научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма. 23–25 мая 1952 г.

⁷⁴ Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии. – С. 111–119.

⁷⁵ Рыбаков Б. А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований: тез. докл. на сессии по истории Крыма // Тез. доклада на сессии по истории Крыма. – Крымиздат, 1952. – С. 6; Рыбаков Б. А. Славяне в Крыму и на Тамани // Тез. доклада на сессии по истории Крыма. – Крымиздат, 1952. – С. 13–14; НА КФ ИА НАНУ. – Стенограмма объединенной научной сессии... – Л. 41–44.

⁷⁶ Махнева О. А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – К., 1968. – С. 160–162.

⁷⁷ НА КФ ИА НАНУ. – Стенограмма... – Л. 45–47.

⁷⁸ Абаев В. И. Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний // СА. – 1958. – Т. 18. – С. 54–61.

⁷⁹ НА КФ ИА НАНУ. – Стенограмма... – Л. 205.

⁸⁰ НА КФ ИА НАНУ. – Стенограмма... – Л. 333–337.

⁸¹ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 2. – Д. 5. Протоколы научных заседаний отдела и производственных совещаний за 1952 г. – Л. 96.

⁸² Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана. Могильник біля висоти «Сахарна Голівка» // АП УРСР. – 1963. – Т. 13. – С. 42–63.

⁸³ Веймарн Е. В. Стржецкий С. Ф. К вопросу о славянах в Крыму // Вопросы истории. – 1952. – № 4. – С. 94–99.

⁸⁴ Юрочкин В. Ю., Емельянова Н. С. «Инкерманское дело» Е. В. Веймарна: «славянский след» // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тез. Докл. и сообщений Международной научной конференции (5–7 сентября 2012 г.) – Бахчисарай, 2012. – С. 73–75.

⁸⁵ Шантырь С. Тайна Инкерманского могильника // Крымская правда. – 1953. – № 10 (14 января).

⁸⁶ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 2. – Д. 15: Протоколы заседаний Отдела истории и археологии КФ АН СССР за 1953 г. – Л. 13–29.

⁸⁷ Пиоро І. С. Складна доля археолога. – С. 147.

⁸⁸ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1: Е. В. Веймарн. – Д. 35: Документы по суду над Веймарном. («Инкерманский могильник». О том, как можно обливать честных людей грязью и никто автору морду не набил). 1953 г. – Л. 14–18.

⁸⁹ Юрочкин В. Ю., Емельянова Н. С. «Инкерманское дело» Е. В. Веймарна: «славянский след». – С. 75.

ПУБЛИКАЦИИ

А. Г. Авдеев

ВАЛУННОЕ НАДГРОБИЕ ИЕРОМОНАХА ЗОСИМЫ ФЕРАПОНТОВСКОГО¹

В последние годы издано свыше ста подписных валунных надгробий XVI–XVIII вв. из Нерчинска, Кашина, Кирилло-Белозерского монастыря, Ярославской и Костромской областей², что свидетельствует о более или менее широком распространении надмогильных памятников данного типа в Московской Руси. Опубликованные надгробия размещаются в хронологическом диапазоне между 1562 и 1739 гг., и вопрос о том, появились ли они одновременно с белокаменными подписными надгробиями остаётся открытым³. Поэтому новые публикации валунных надгробий способны пролить дополнительный свет на бытование данных – весьма немногочисленных по сравнению с белокаменными плитами – погребальных памятников.

В экспозиции филиала Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Ферапонтов монастырь» находится валунное подписное надгробие, найденное на территории Кирилло-Белозерского монастыря в 70-е гг. XX в. Первичную публикацию надгробия осуществил И. В. Папин⁴. В июле 2011 г. оно было дополнительно изучено мною с любезного разрешения ведущего научного сотрудника филиала Е. Н. Шиловой. Оказалось, что, помимо неверной датировки 1697 г, в публикации не дано полного обмера надгробия и упущены многие существенные детали. Его републикации и посвящена данная статья.

Надгробие (Рис. 1–2) датируется сентябрём 1696 г. Эрратический валун⁵, песчаник или гнейс. Шкала твёрдости 7–6 по шкале Мооса. На боковой поверхности валуна видны следы подтёски⁶. Длина 99 см, ширина в верхней части 62 см, в средней части – 64 см, в нижней – 51 см, высота в верхней части 24 см, в средней части – 22 см, в нижней части – 21 см. На верхней части валуна вырезана надпись в 5 строк. Высота строк: стк. 1 – 9,5–12 см, стк. 2 – 9,5–10 см, стк. 3 – 9,5–10 см, стк. 4 – 8–8,5 см, стк. 5 – 7–7,1 см. Расстояние между строками: стк. 1–2 – 5 см, стк. 2–3 – 7,7–9 см, стк. 3–4 – 3–5 см, стк. 4–5 – 3,6–4 см. Надпись врезная, буквы вырезаны аккуратными неглубокими бороздами⁷. Разделение на слова отсутствует, диакритика нерегулярная. Датирующая часть надписи отделена от остального текста двоеточием. Лигатуры: стк. 1 – *лѣ* в слове «*лѣта*», *пр* в слове «*пре(ставися)*», стк. 2 – *ак* в слове «*раба*»; стк. 4 – *ап* в слове «*аѳанато(скои)*». Оформление окончаний слов с помощью выносных букв: *ѣ* (стк. 1), *ѣи* (стк. 3),

(ферапонтов)ско" (стк. 5). Оформление окончаний строк с помощью выносных букв, обусловленное границей удобной для резьбы плоской поверхности валуна: «ферапо"то» (стк. 4), « (стк. 5). Из технических особенностей резьбы И. В. Папин отметил лишь, что буква «о» в начале стк. 2 в слове «преставися» случайно вырезана как «о», однако осмотр камня показал, что данная буква действительно резалась как «о», но резчик, увидев ошибку, остановил работу, в результате чего получилась буква «о» с сильно загнутыми, но не сомкнутыми дугами. Из неотмеченных И. В. Папиным особенностей укажем следующие. В стк. 2 слово «рабъ» вырезано с окончанием на *ерь*. Однако это вряд ли является фонетическим явлением: написанию левого выступа буквы *ер* помешали два обстоятельства – сильно вытянутый правый выступ буквы «б», с одной стороны, и твёрдая конкреция над буквой, с другой. День смерти в надписи не обозначен. Резчик вырезал лишь выносную букву «в», но для размещения дня поверхности валуна уже не хватило.

лѣта ꙗзѣи г^а: пре
стаѣи рабъ
вѣи г^аромонахъ
зосиѣ ферапо"то
ско" г^атабѣи

Текстологический комментарий: 1–2. [престаѣи] прѣстаѣи – И. В. Папин. 2. рабъ [рабъ] – И. В. Папин. 3. вѣи] вѣи – И. В. Папин. г^аромонахъ] г^аромонахъ – И. В. Папин. 3. зосиѣ] зосиѣ – И. В. Папин.

Филологический комментарий: Надпись выполнена грамотным резчиком, имевшим опыт резьбы по твёрдым поверхностям. О его причастности к книжной культуре свидетельствуют соответствие надписи грамматическим нормам, относительно регулярно расставленные оксии и написание прилагательного «ферапо"товико» через этимологическую *фиту* и с книжным окончанием на *-ой*. Немногочисленные отклонения от орфографической нормы представлены аллографическим смещением *ї* и *и* в словах «(пре)стаѣи» (стк. 2) и «вѣи» (стк. 3), однако им противостоит соответствующее орфографической норме написание слова «г^аромонахъ» (стк. 3)⁸.

Вместе с тем можно отметить отсутствие у резчика опыта резьбы по твёрдым поверхностям большой площади, о чём свидетельствуют отмеченные выше особенности в написании слов в стк. 2. Видимо, это был и его первый опыт работы с надгробиями. Так, формула, традиционная для русских надгробий конца XV – начала XVIII в., в эпитафии нарушена: месяц смерти вынесен в конец надписи, а день смерти отсутствует, что, видимо, свидетельствует о том, что надпись не размечалась заранее, а рассчитывалась, исходя из размеров поверхности камня. Возможно, это объясняется и тем, что месяц и день смерти были пропущены во время вырезки надписи, а затем резчик попытался дополнить в конце надписи, но места для обозначения дня ему не хватило. Во всяком случае, в качестве аналогии можно привести валунное надгробие 1616 г. из ярославской церкви Петра Митрополита, также выполненное малоопытным резчи-

ком. День смерти здесь был вырезан в первой строке, а пропущенный месяц – в конце последней, третьей, строки⁹.

В эпитафии обозначен сан умершего – иеромонах. Название монастыря вырезано после имени и фактически является прозвищем, что заметно при сопоставлении с другими надгробиями Кирилло-Белозерского монастыря, где после имён многих иноков вырезаны их отчества, мирские фамилии и прозвища, что было вполне допустимо для монашеских надгробий Московской Руси. Например, по формуле надгробие Зосимы вполне сопоставимо с надгробием старца Григория Маркова Вологженина (дата утрачена)¹⁰. В некоторых надгробиях из Кирилло-Белозерского монастыря, напротив, после монашеского имени указывается место, где он подвизался с добавлением слова «монастырь», правда, достаточно редко. Например, в надгробии с утраченной датой к имени монаха Моисея добавлено определение «Кириллова монастыря»¹¹. В данном контексте можно высказать осторожное предположение, что прозвище «Ферапонтовской» могло указывать не на обитель, в которой подвизался Зосима (что, впрочем, не исключено), а на его происхождение из монастырской Ферапонтовской слободы.

Возможно, анэпиграфным надгробием является валун, лежащий к югу от западной паперти собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Это – ориентированная по линии восток-запад глыба красного шокшинского песчаника (шкала твёрдости 5 по шкале Мооса), отколотая от более крупного валуна, возможно, в процессе обработки (Рис. 3). Что же касается гнейсового валуна (шкала твёрдости 7 по шкале Мооса), лежащего к югу от южной стены собора также по линии восток-запад (Рис. 4), то его труднее определить как надгробие, так как надпись и следы обработки на нём отсутствуют. Принадлежность обоих валунов к монастырскому некрополю можно установить лишь по косвенным данным (если только валуны находятся *in situ*): их местоположению к югу от собора, где обычно располагалось древнейшее ядро монастырского некрополя, и по ориентации самих валунов по линии восток-запад, соответствующей ориентации могильной ямы.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

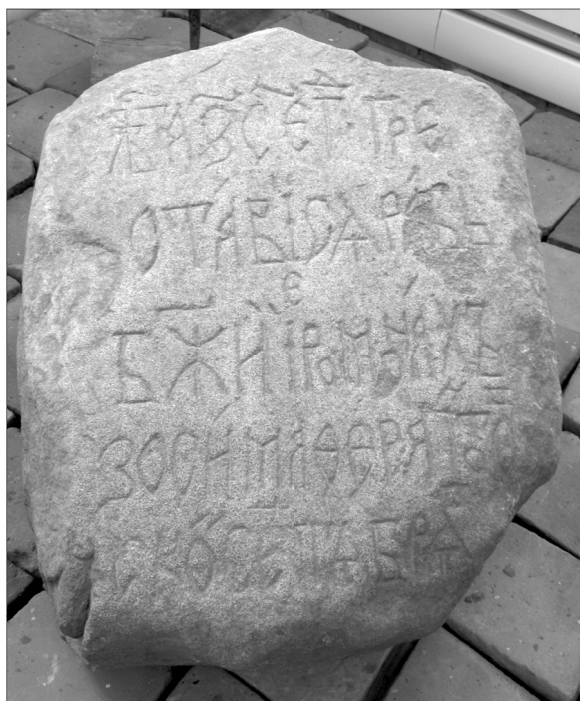

Рис. 1. Надгробие иеромонаха
Зосимы Ферапонтовского.

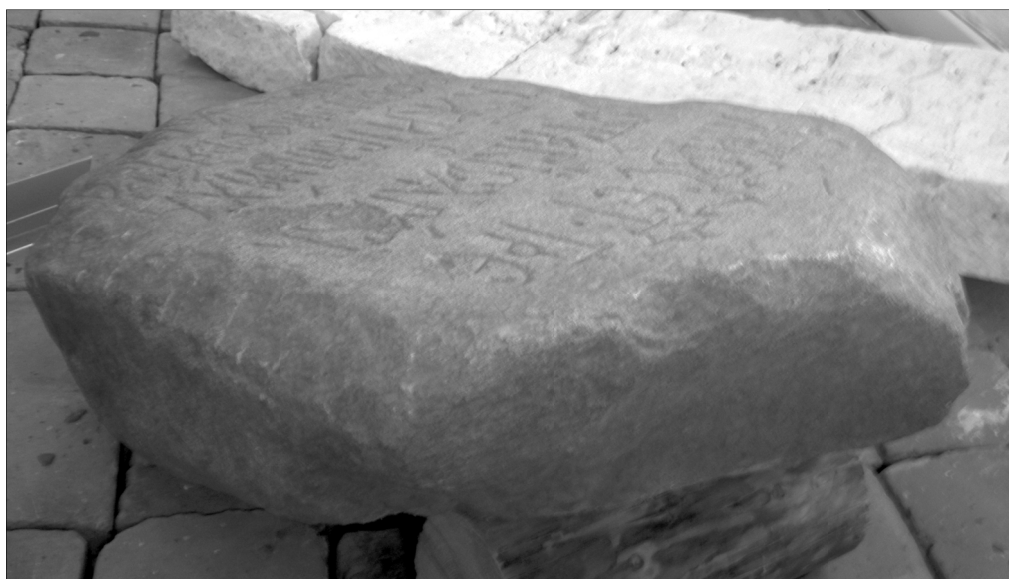

Рис. 2. Надгробие иеромонаха Зосимы Ферапонтовского.
Вид на оглавление и правую боковую сторону

Рис. 3. Ферапонтов монастырь.
Валун к югу от западной паперты
собора Рождества Богородицы.

Рис. 4. Ферапонтов монастырь.
Валун к югу от южной стены
собора Рождества Богородицы.

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Свод древнерусских надписей», организованного Университетом Дмитрия Пожарского при участии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

² *Артемьев А. Р.* Каменное надгробие 1696 г. из Нерчинска // РА. – 1998. – № 3. – С. 170–175; *Беляев Л. А.* Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // РСН-1. – М., 2006. – С. 15, прим. 4; Ил. III; *Папин И. В.* Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря // РСН-1. – М., 2006. – С. 212–256; *Авдеев А. Г.* Валунные надгробия XVI–XVIII вв. из Ярославской и Костромской областей // ВЭ. – Вып. IV. – М., 2010. – С. 304–347; *Его же.* Валун Брылеевской пустыни // Родная старина. – 2011. – № 4. – С. 50–56; *Его же.* Новые эпиграфические источники о морозном поветрии 1654 г. в Московской Руси // Вестник ПСТГУ. – 2012. – Вып. 1 (44). – С. 121–132. – (Сер. II: История. История Русской Православной Церкви).

³ Подробнее см.: *Авдеев А. Г.* Валунные надгробия... – С. 309–310.

⁴ *Папин И. В.* Некрополь... – С. 239. № КБМ–58. – Ил. 57.

⁵ Валун, который был принесён и обработан ледником и остался в ледниковой морене. Как правило, бывает хорошо окатан.

⁶ Геологическое определение валуна выполнено Ю. Б. Тихорским, которому приношу искреннюю благодарность.

⁷ И. В. Папин характеризует шрифт надписи как вязь, хотя правильнее говорить об эпиграфическом полууставе, так как элементы, присущие вязи, в надписи отсутствуют.

⁸ Очевидно, настало время выделять среди старорусских строительных надписей и надгробий группы эпиграфических памятников книжной и «народной» (некнижной) ориентации. Основой для выделения нюансов данной шкалы могут служить отклонения от орфографических норм и частота употребления диакритических знаков. См.: *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. – М., 2008. – С. 84–86. Публикуемый памятник, например, может быть отнесён к памятникам книжной ориентации со слабым некнижным компонентом.

⁹ *Авдеев А. Г.* Валунные надгробия... – С. 331–332. № IV. 1.

¹⁰ *Папин И. В.* Некрополь... – С. 247. № КБМ–88.

¹¹ Там же. – С. 247. № КБМ–22.

А. В. Белый

НАХОДКИ ДВУХ ЖЕЛЕЗНЫХ ФИБУЛ ХАЗАРСКОЙ ЭПОХИ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

В разные годы на территории Бахчисарайского района мною были найдены представляющие археологический интерес два практически целых железных предмета, заслуживающих специального рассмотрения и введения их в научный оборот. Это довольно редкая для Крыма кованая раннесредневековая фибула, поддающаяся типологическому определению благодаря хорошей сохранности, и, пожалуй, впервые встреченное на полуострове достаточно нестандартное изделие – так называемая фибула-кресало.

Артефакты обнаружены случайно, вне археологического контекста, и, судя по всему, оба эти предмета были просто утеряны их владельцами.

Собственно фибула уже опубликована, и тогда же было высказано соображение о ее принадлежности к кругу древностей салтово-маяцкой культуры, с оговоркой, что подобные, как правило бронзовые, бытовали на юге Восточной Европы в позднеантичное время¹. Несмотря на их значительное разнообразие, характерным отличительным признаком оформления ножки является завиток на конце сплошного пластинчатого приемника (группа 13 по А. К. Амброзу). Ареал распространения фибул с таким декоративным элементом в I в. н. э. охватывал Крым и Кубань, во II–III вв. – Крым и Нижнее Поволжье, в III–IV вв. – только Нижнее Поволжье и Кавказ, в V–VII вв. – только Кавказ, в VIII–IX вв. – Кавказ и салтовские племена Северского Донца².

Благодаря новой информации, теперь представилась возможность окончательно определиться с историко-культурной принадлежностью и хронологической атрибуцией случайно найденного изделия.

Напомним, что застежка была подобрана нами в окрестностях села Самохвалово, у обрывистой кромки куэсты Внешней предгорной гряды (рис. 1, 1). Место находки локализуется примерно в 0,5 км к юго-западу от укрепленного позднескифского убежища на горе Чубовской³. Фибула оказалась на виду после террасирования склона, а неподалеку от нее встречена ручка ойнохой скалистинского типа.

Размеры фибулы – 7 x 3,8 см. Конструкция двучленная, с кольцом для оси пружины. Тетива головки пропущена под шейкой. Спинка сильно выгнутая (полуциркулярная) шириной до 1,4 см (рис. 2).

Аналогичные по конструкции и морфологии корпуса железные застёжки с завитком на ножке обнаружены в Северо-Восточном Причерноморье и на синхронных салтово-маяцких памятниках Подонья (рис. 3). Так, они присутствуют в инвентаре захоронений с трупосожжениями могильников Дюрсо и Борисовского⁴, в подобном по обряду (кремации на стороне) Сухогомольшанском некрополе⁵, в катакомбных Дмитриевском и Маякском могильниках⁶.

Похожие железные фибулы встречаются и в Крыму, например, в захоронениях VIII–IX вв. раннесредневековых могильников Узень-Баш и Баклинский овраг⁷, но, к сожалению, за исключением нашей, они почти не подлежат идентификации из-за коррозии металла.

Больше всего рассматриваемых фибул, с завитком на конце низкого пластинчатого приемника, найдено в могильнике Дюрсо (22 экз.) Автор раскопок А. В. Дмитриев отнес их к 7-му типу и по форме спинки и конструкции пружинящего устройства разделил на шесть вариантов. Все варианты, кроме 7е, имеют пружину и, за исключением двух экземпляров варианта 7б, изготовлены из железа. Фибула из Крыма, судя по широкой спинке, соответствует самому многочисленному варианту 7а.

Второе железное изделие – фибула-кресало – найдено в окрестностях Бахчисарая, на пологом склоне куэсты Внутренней предгорной гряды: примерно в 1,5 км к юго-востоку от окраины старого города и в 0,7 км к северо-западу от подножия горы Бешик-Тау (рис. 1, 2). Предмет лежал прямо на поверхности и, несмотря на коррозию, неплохо сохранился. Обломан только конец иглы (рис. 4).

Такое комбинированное изделие с иглой и приемником, как у обычной фибулы, по общему мнению исследователей, является кресалом. По классификации А. В. Дмитриева, оно отнесено к 9-му типу фибул могильника Дюрсо: «железная фибула-кресало с завитком и вдетым в него проволочным кольцом на конце приемника, с угловато-изогнутой вертикально-пластинчатой спинкой и щипцовым пружинным устройством»⁸. Ручка подвижной половины щипчиков, специально удлиненная до конца обоймы, соответственно и служила фибульной иглой.

А. В. Дмитриев полагает, что при ее помощи кресало могло пристегиваться к одежде⁹, но наличие кольца, по-видимому для подвешивания на поясе, это опровергает. Как нам кажется, защелка была необходима скорее для того, чтобы плотно сжимать щипчики в нерабочем положении. Другой вопрос: для чего вообще потребовалось такое затейливое устройство, остается пока открытым.

Кроме Дюрсо, фибулы-кресала найдены в уже упомянутых Сухогомольшанском и Дмитриевском могильниках¹⁰, а также в Больше-Тарханском и Танкеевском праболгарских некрополях на Волге¹¹. Среди них (рис. 5) есть изделия более крупные, чем крымское, размеры которого, без учета кольца, составляют 10,9 x 2,6 см.

Вводимые в научный оборот случайные археологические находки: застёжку и фибулу-кресало, опираясь на аналогии, можно уверенно отнести ко времени существования салтово-маяцкой культуры, и даже более того: присутствие выразительных образцов этих типов фибул в эталонных памятниках позволяет

сузить хронологические рамки их бытования до одного столетия. Так, погребения с трупосожжениями четвертого (последнего) периода могильника Дюрсо А. В. Дмитриев относит исключительно к IX в.¹², а датировку поздней группы катакомб Дмитриевского могильника, в инвентаре которых также хорошо представлены аналогии вещам из Крыма, С. А. Плетнева предлагает ограничить второй половиной IX – началом X вв.¹³

Показательно, что оба публикуемых предмета не только одного времени, но и связаны географически. Они найдены на расстоянии около 8 км друг от друга в пограничной со степной равниной зоне предгорья.

В этом районе, в междуречье Альмы и Качи, расположены два крупных последовательно функционировавших городища хазарского периода – Кыз-Кермен и Чуфут-Кале (рис. 1). По уточненной нами хронологической схеме, предложенной еще Е. В. Веймарном, Чуфут-Кальская крепость сооружается византийскими фортификаторами около середины IX в. после оставления жителями соседнего и более раннего Кыз-Кермена¹⁴.

Судя по всему, ее появление следует связывать с учреждением в Таврике фемы Климатов, образование которой в 841 г., по мнению К. Цукермана, было ответом на вторжение в причерноморские степи кочевников мадьяр¹⁵. Здесь уместно отметить, что захоронения по обряду кремации (могильники Дюрсо, Борисовский, Сухогомольшанский и др.), в инвентаре которых широко представлены аналогии рассматриваемым предметам, некоторые исследователи в осторожной форме связывают с венгерским этническим компонентом¹⁶.

Контролировавшиеся Византией сложные этнополитические процессы, протекавшие на ее границах в эпоху переселения народов, в полной мере затронули также и территорию Таврики. В результате постоянного взаимодействия грецизированного оседло-земледельческого населения Крыма с другими этносами в контактной зоне предгорья под эгидой империи сформировалась самобытная синкретическая материальная культура, синтезировавшая провинциально-византийские и варварские компоненты¹⁷. Об этом наряду с раскопками поселений свидетельствуют и раннесредневековые могильники, в инвентаре которых представлены украшения и аксессуары одежды, встречающиеся на обширной территории от Западной Европы и Балкан до Кавказа и Приуралья. Подтверждением сказанного являются и наши находки, почти все аналогии которым, судя по опубликованным памятникам, зарегистрированы за пределами Крымского полуострова.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

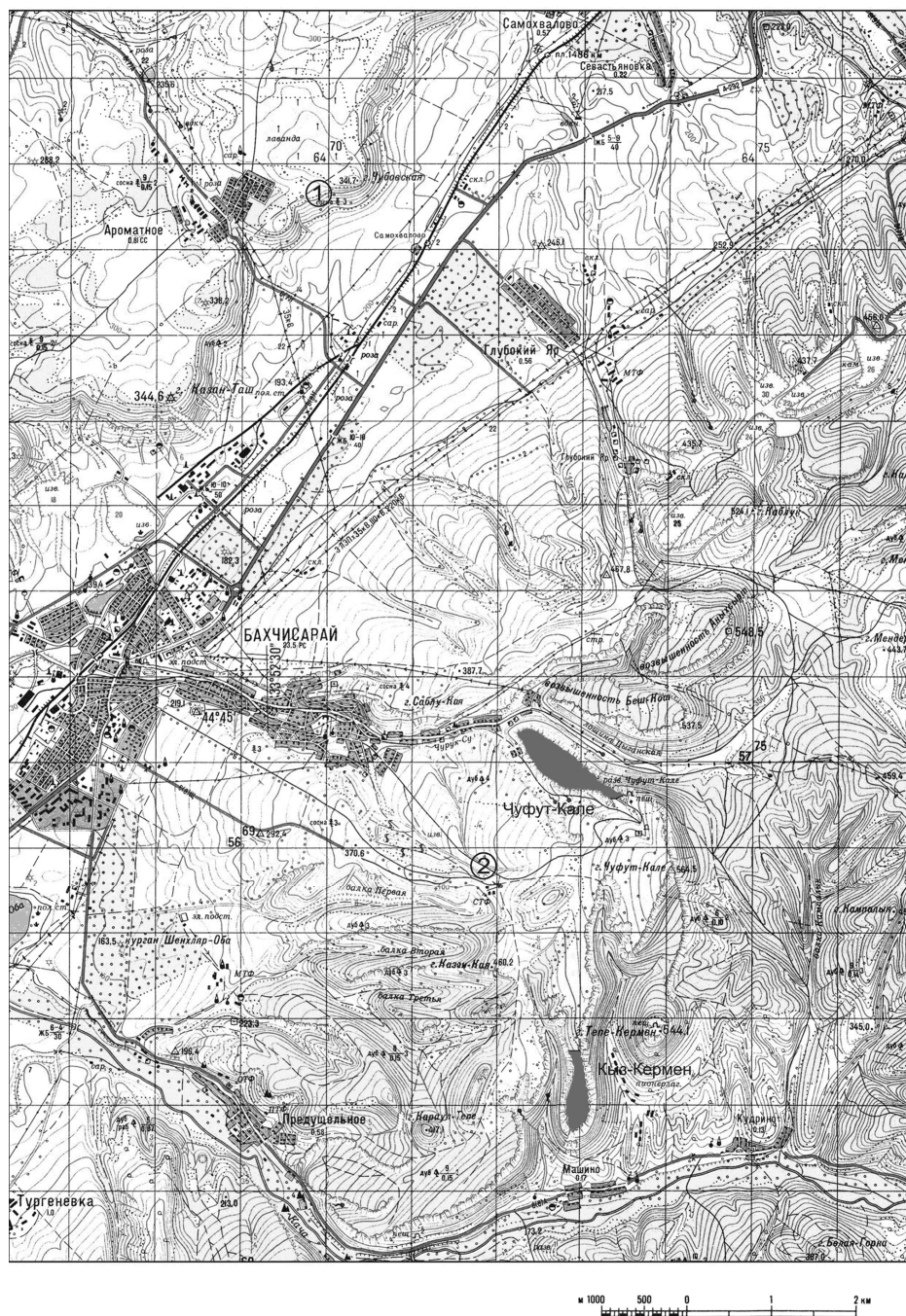

Рис. 1. Участок предгорья Юго-Западного Крыма в междуречье Альмы и Качи
 1 – фибула, 2 – фибула-кресало.

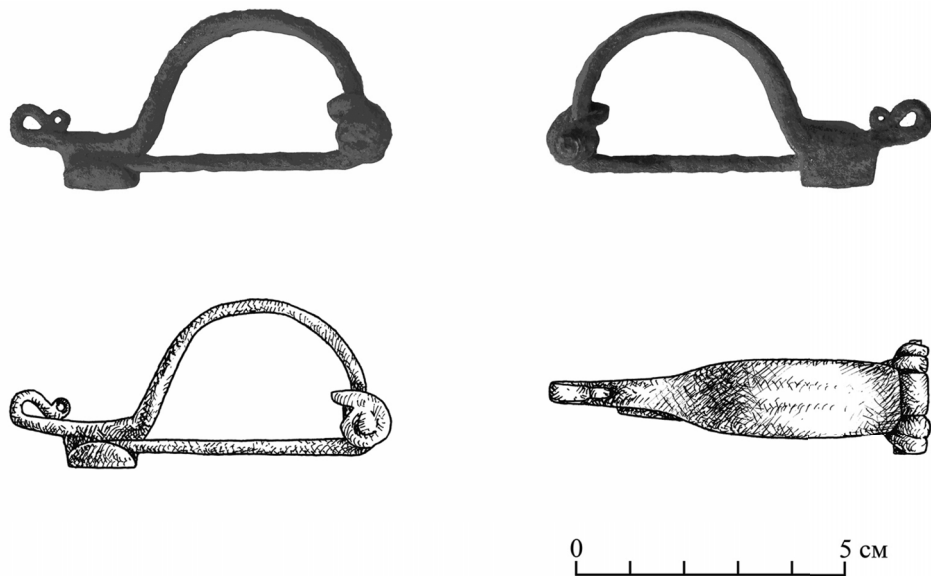

Рис. 2. Железная фибула из Крыма.

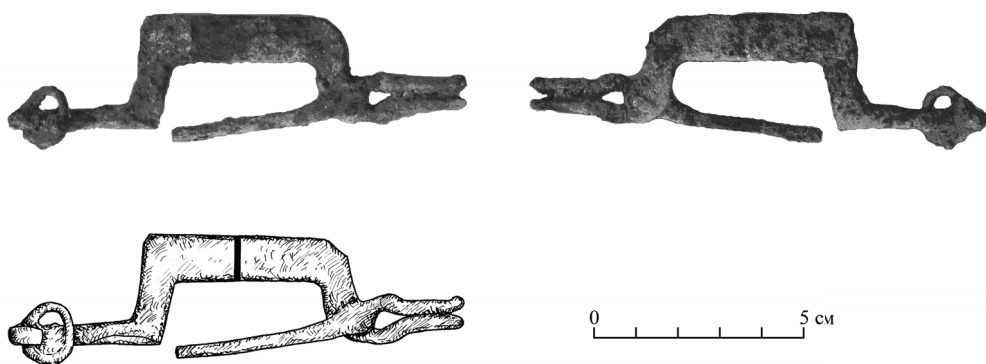

Рис. 4. Железная фибула-кресало из Крыма.

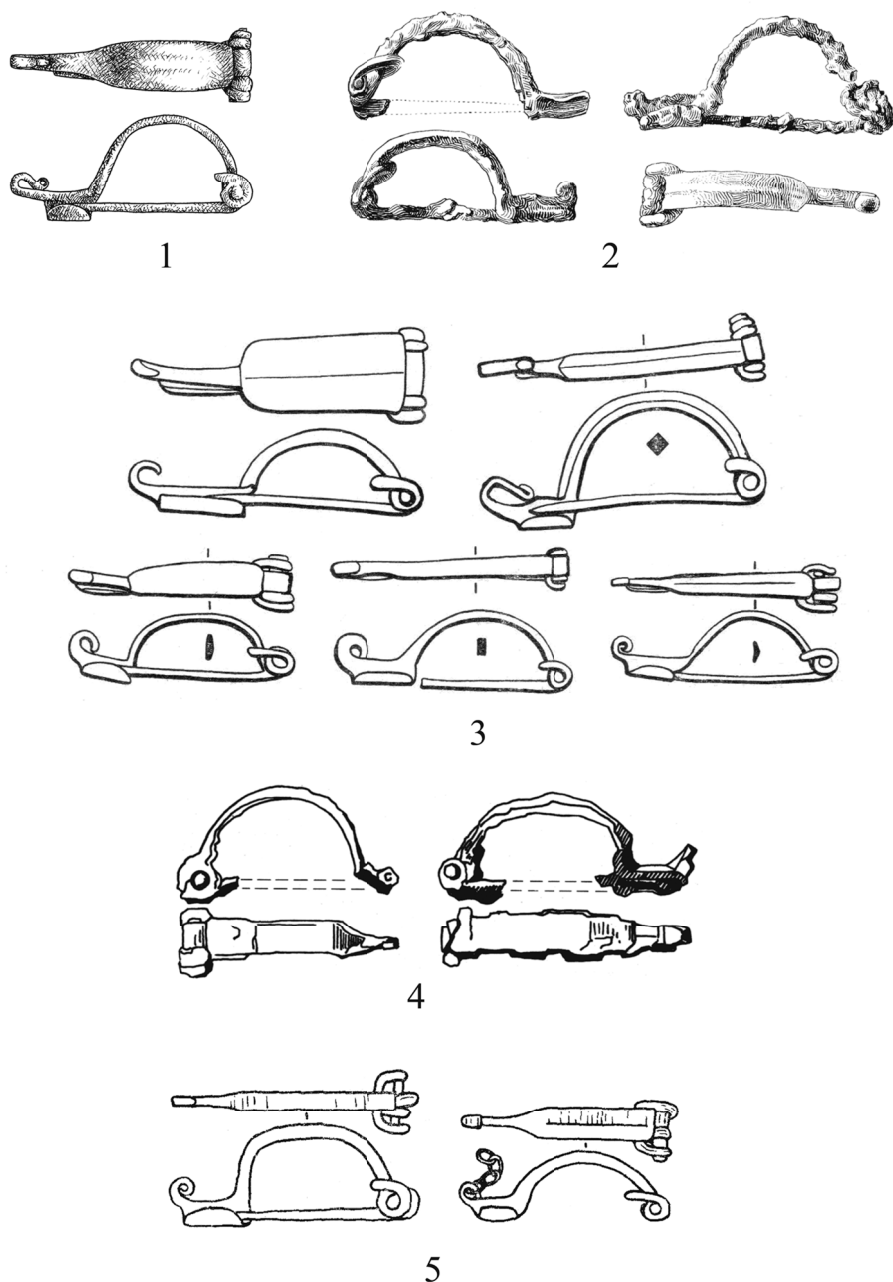

Рис. 3. Железные фибулы с завитком на конце приемника (1 – Крым, 2 – Борисовский могильник (См.: Саханев В. В. Раскопки на северном Кавказе... – Табл. V, 22–25), 3 – могильник Дюрсо (См.: Дмитриев А. В. Раннесредневековые фибулы... – С. 80. – Рис. 4, 1, 2, 4, 6, 7), 4 – Дмитриевский могильник (См.: Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье... – С. 112. – Рис. 59, II), 5 – Сухогомольшанский могильник (См.: Мухеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. – С. 116. – Рис. 7, II, 29).

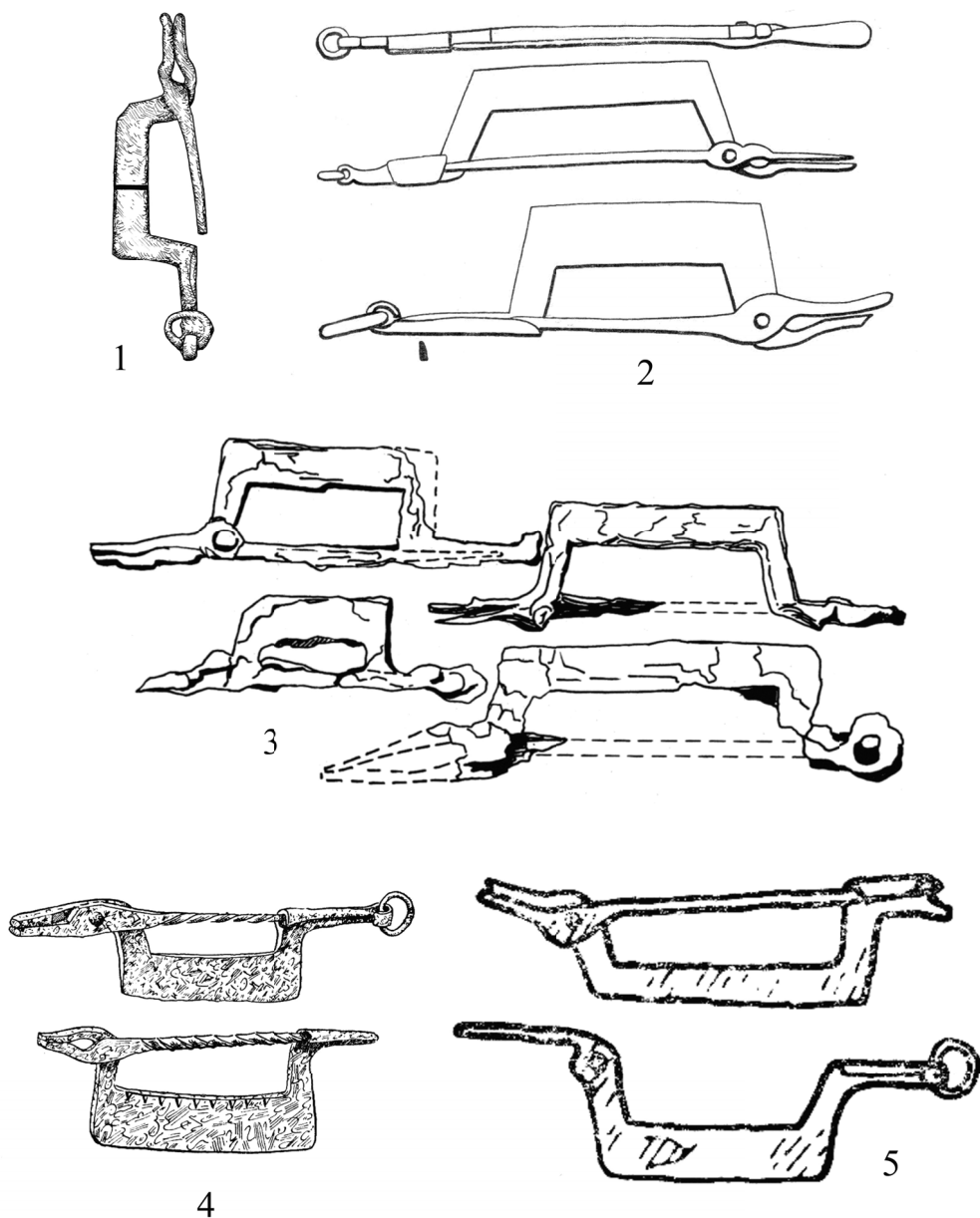

Рис. 5. Железные фибулы-кресала (1 – Крым, 2 – могильник Дюрсо (См.: *Дмитриев А. В. Раннесредневековые фибулы...* – С. 80. – Рис. 4, 10, 11), 3 – Дмитриевский могильник (См.: *Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье...* – С. 92. – Рис. 45), 4 – Больше-Тарханский могильник (См.: *Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо...* – Табл. X, 3, 5), 5 – Сухогомольшанский могильник (См.: *Мухеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата.* – С. 118. – Рис. 9, 16, 17).

- ¹ *Белый А. В.* Новые археологические находки в Симферопольском и Бахчисарайском районах Крыма // БИАС. – 1997. – Вып. 1. – С. 386, 389. – Рис. 6.
- ² *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. – 1966. – Вып. Д1–30. – С. 45–48. – Табл. 5, 12–23, 6, 1–9, 19, 3.
- ³ *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. – К., 1972. – С. 31–32.
- ⁴ *Дмитриев А. В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо близ Новороссийска // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. – М., 1982. – С. 79, 80. – Рис. 4, 1, 2, 4–8; *Саханев В. В.* Раскопки на северном Кавказе в 1911–12 годах // ИАК. – 1914. – Вып. 56. – С. 148. – Табл. V, 22–25.
- ⁵ *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. – С. 116. – Рис. 7, 11, 27, 29.
- ⁶ *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989. – С. 111, 112. – Рис. 59, II; *Флёров В. С.* Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). – Волгоград, 1993. – С. 134. – Рис. 57, 2.
- ⁷ *Айбабина Е. А.* Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 118–121, 362. – Рис. III, 6; *Айбабин А. И., Юрочкин В. Ю.* Могильник «Баклинский овраг» (по материалам раскопок 1993–1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1995. – С. 132. – Рис. 15, 6.
- ⁸ *Дмитриев А. В.* Раннесредневековые фибулы... – С. 80, 81. – Рис. 4, 10, 11.
- ⁹ *Дмитриев А. В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. – М., 2003. – С. 204.
- ¹⁰ *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. – С. 118. – Рис. 9, 16, 17; *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье... – С. 92, 93. – Рис. 45.
- ¹¹ *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. – М., 1984. – С. 44. – Табл. X, 3, 5; *Khalikova E. A., Kazakov E. P.* Le cimetiére de Tankeevka // Les ansiens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. – Budapest, 1977. – P. 62, 212. – Pl. XXXVIII, 13.
- ¹² *Айбабин А. И., Юрочкин В. Ю.* Могильник «Баклинский овраг»... – С. 206.
- ¹³ *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье... – С. 172.
- ¹⁴ *Белый А. В.* К вопросу о датировке «средней» оборонительной стены Чуфут-Кале // ВВ. – 1990. – Т. 51. – С. 205–210, 249–251.
- ¹⁵ *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. – 1997. – Вып. 1. – С. 312–323; *Его же.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 663–688.
- ¹⁶ *Дмитриев А. В.* Могильник Дюрсо... – С. 206; *Михеев В. К.* Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. – 1982. – № 2. – С. 156–167.
- ¹⁷ *Белый А. В.* «Пещерные города» Юго-Западного Крыма и некоторые теоретические аспекты проблемы урбанизации Таврики // Культура народов Причерноморья. – 1997. – № 2. – С. 99–105.

Валери Йотов

**ЭРГАСТИРИЙ НАЧАЛА VII в.
В ВИЗАНТИЙСКОЙ КРЕПОСТИ НА МЫСЕ СВ. АТАНАС
В ГОРОДЕ БЯЛА, ВАРНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)**

Первые и, до недавнего времени, единственные сведения о византийской крепости на мысу св. Атанас, недалеко от г. Бяла, Варненской области (50 км южнее города Варны) находим в статье основоположников болгарской археологии Хермингилда и Карела Шкорпил. В 1892 г., описывая археологические объекты на Северо-Восточном болгарском Черноморском побережье, они кратко упомянули о крепости¹.

Археологические раскопки 2009–2012 гг. выявили общую характеристику и хронологию объекта. Здесь находилась: византийская крепость (конца IV – начала VII вв.), которая в своей восточной части расположена сверху фракийского культового центра (предположительно V – I вв. до н. э.). Основные исследовательские работы были сосредоточены на изучении раннехристианского комплекса (план № 1), состоящего из: 1) базилики; 2) жилища епископа; 3) двух баптистериев; 4) колодца для святой воды (*hagiazmon*), а так же производственных сооружений – 5) винодельни и 6) печи для обжига керамики (два последних вероятно имеют непосредственное отношение к раннехристианскому комплексу)². В рамках спасательных раскопок были изучены также отдельные участки линии укрепления, несколько жилищ и хозяйственных помещений, баня и т. д.

В конце июня – начале июля, раскапывая последний сектор в районе трассы будущей дороги, рядом с крепостной стеной зачистили стены постройки (план № 2), внутри которой, в отличие от других подобных архитектурных структур, было найдено большое количество монет³.

Стены постройки упираются в восточную (внутреннюю) сторону крепостной стены. Выявлены две помещения (А и Б), большое / А – жилое и маленькое / Б – преддверие. Вход с восточной стороны ведет к маленькому помещению, из которого, в середине северной стены, был вход в жилое помещение. Судя по составу наслоений архитектурных деталей (черепица, саманные кирпичи) можно предположить, что дом был одноэтажный. Здание несколько раз перестраивалось. В северозападном углу найдены остатки двух пифосов, срезанные на половину высоты, и важно отметить, что северная стена помещения А

располагалась поверх одного из пифосов. В двух метрах восточнее входа в здание найден колодец и четыре трубы от разрушенного водопровода. Каменная кладка скреплена грязевым раствором. В помещении А была одна печь – рядом с крепостной стеной. Другая печь (маленькая) была в центре этого помещения, но к моменту разрушения здания она уже не использовалась.

В двух метрах восточнее входа в постройку был раскрыт колодец. В юго-восточном углу помещения Б и за пределами каменных структур, рядом с северо-восточным внешним углом и восточнее были раскопаны мусорные ямы. Здание сгорело и разрушилось во время гибели самой крепости.

Набор вещей, обнаруженных в постройке.

По сравнению с другими объектами в крепости, эта постройка одна из самых богатых по количеству открытых находок. Керамический материал, который дает датирующую информацию, состоит из амфор, в том числе и полностью сохранившегося сосуда, а также большого количества крышек для амфор и нескольких светильников. В постройке и рядом найдены две золотых монеты (солид Маврикия Тиберия (582–602) и солид Юстиниана I (527–565), эмиссия (532–565) и свыше 240 бронзовых – представляют эмиссии империи с конца IV по начало VII в. На полу, в слое пожара, в основном были найдены фоллисы конца VI – первого десятилетия VII в.⁴

1. Амфора (рис. 1)

Амфора типа LRA 4⁵. Известно, что место производства этого типа – Южная Палестина, побережье между Газой и Ашкелоном. Тип датируется V – началом VII в. Амфоры этого типа использовались для перевозки вина⁶. В *Novae* (Болгария) они встречаются в слоях второй половины V–VI вв. В *Ятрус* (Болгария) они обнаружены в основном в слоях VI в. В *Херсонесе* они широко распространены в слоях VI – первой четверти VII вв.⁷

Более точно амфору можно отнести к варианту LRA 4-с по G. Majcherek. Общая их высота составляла 80 см, максимальный диаметр 27 см и диаметр венчика 11–12 см. Этот вариант был обнаружен в *Пеле* в слое с монетами 615/616 г., а также среди груза на корабле, погибшем у *Yassi Ada* в 625/626 г.⁸

2. Амфоры (рис. 2: а–б) – здесь представлены две, но в постройке было найдено большое количество фрагментов других амфор подобного типа.

Данные амфоры выделяются для территории Болгарии как тип XVI⁹. Этот тип редко встречается за пределами Западного Причерноморья. Амфоры были распространены в конце VI – первой четверти VII в. и место их производства следует искать в Западно-Причерноморском регионе.

3. Сосуд (рис. 3: а–г)

Сосуд закрытой формы, изготовленный на гончарном круге, из хорошо обработанной глины темно-серого цвета. Сосуд имеет форму перевернутого колокола, с отогнутым наружу венчиком. Две петлевидные, боковые, вертикально расположенные ручки. Верхним концом ручки крепились к краю венчика, а нижним – к середине тулова сосуда. Устье сосуда было закрыто «щитком» в виде перевернутой тарелки с вогнутым дном и небольшими сквозными отверстиями по всей ее площади. В верхней части тулова находится носик-слив, округлой в сечении формы.

Сосуд, без сомнения, имеет оригинальную форму, которая не встречается в известных публикациях по византийской керамике. На данный момент имеются две гипотезы о назначении сосуда: для приготовления пищи на пару – пароварка (Ceramic Steam Cooking Pot) или сосуд для благовоний.

4. Носик-слив (рис. 4), который предположительно может являться фрагментом верхней части сосуда, подобного вышеописанному.

5. Керамические светильники – три (рис. 3: а–в)

Эти светильники, вероятно, местного производства. Изготавливались в форме, а позднее к ним прикрепляли ручку. Хотя аналогичной формы светильники имеют ручку, которая сразу оттискивалась в форме вместе с туловом – например, такие светильники во второй половине VI в. изготавливали в Novae (Болгария)¹⁰. На щитке, чаще всего, имеется стилизованное геометрическое изображение – окружности, спирали, треугольника и т. д.

Эта форма светильников была широко распространена в Западно-Причерноморском регионе и производилась в нескольких местных гончарных центрах.

6. Крышки для амфор (рис. 6: а–б)

По форме можно выделить два типа крышек – плоские крышки округлой формы, изготовленные из фрагментов сосудов, в основном из стенок амфор, и вогнутые, имеющие приподнятые, иногда слегка утолщенные края с ручкой в виде столбика округлого или слегка уплощенного в сечении.

7. Крючки (рис. 7) для рыбной ловли, изготовленные из бронзовой проволоки.

8. Матрица (рис. 8), литая, бронзовая.

Матрица использовалась для тиснения поясных бляшек из тонких пластин цветных металлов или же – для оттискивания отпечатков на глиняной форме. Сделанные из подобных матриц бляшек открыты в очень широком ареале – от степей Азии до Северной Африки¹¹.

9. Керамические тигли для литья цветных металлов (рис. 9). Изготовлены из частей маленьких сосудов – предположительно амфорисков.

10. Медальон (рис. 10), литой, свинцовый, округлой формы, на внешней поверхности имеется изображение в виде креста.

11. Пряжки (рис. 11)¹². Часто их путают с типом «Сучедава», но определяемые для болгарской территории как тип Т. В. II. 3.

Набор для взвешивания – кампан и свинцовые гири / экзагии. Были найдены вместе в юго-западной части помещения А, на уровне пола, среди слоя пожара.

12. Безмен / кампан (рис. 10).

Бронзовый – длина 246 мм. На стержне врезанные деления. Подобные обнаруженные в портовом районе Херсонеса в 1906 г. и среди предметов погибшего в 626–630 гг. византийского корабля¹³.

13. Свинцовые гири – экзагии (рис. 11: а–в):

13. 1. – с буквами «ГА» – значение весового норматива в 1 унцию = 22 на 22 мм); вес 25,6 г;

13. 2. – с буквами «ІВ» – значение весового норматива в 1/2 унции (= 12 scripulumes; вес 14,4 г.; размеры 20 на 20 мм);

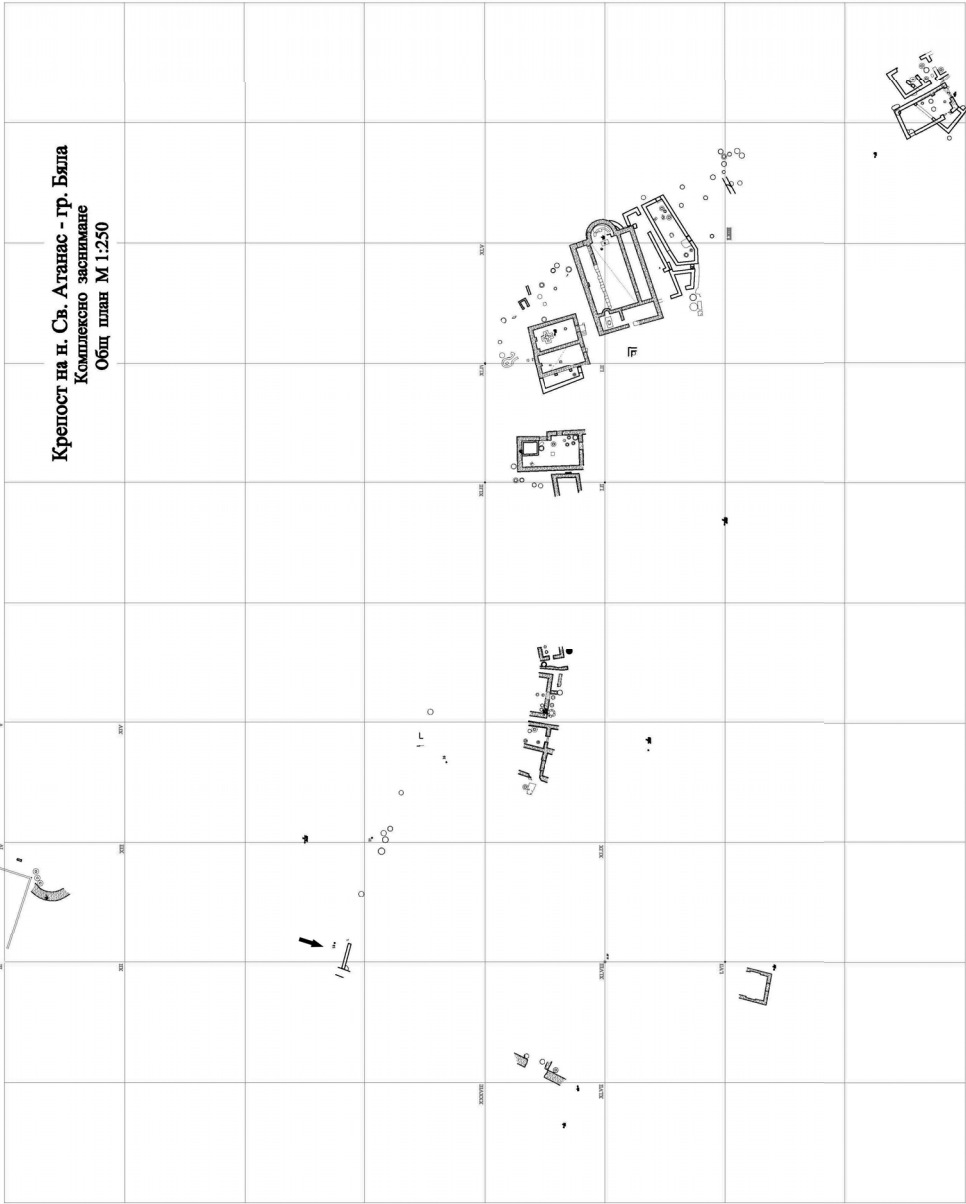
13. 3. – с буквами «IB» – значение весового норматива в 1/2 унции (= 12 scripulumes; вес 11,4 г.; размеры 21/19 мм).

Нужно иметь ввиду, что пожар в здании изменил вес свинцовых гирек (теоретически гиря 1 должна быть – 27,2; а гирьки 2 и 3 – 13,6 г.

Как определить рассматриваемое здание? Без сомнения это мастерская / эргастирий (о том, что это производственное помещение, можно судить по найденным матрице и тиглям). Судя по найденной в помещении многочисленной амфорной таре и предметам, связанным с торговлей, можно сделать вывод, что это еще и лавка. Полагаю также, что помещение использовалось и как обычный жилой дом.

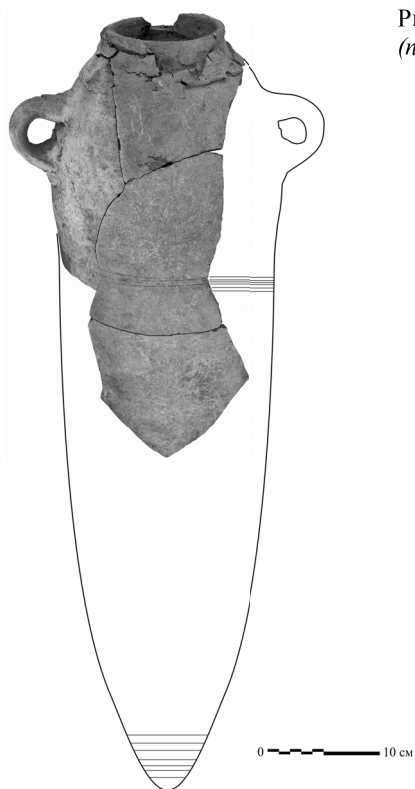
Здание предположительно построено или в конце V в. или, что более вероятно, в начале VI в. Погибло оно вследствие пожара, одновременно с крепостью, при нашествии аваров и славян на юг р. Дунай в 614 г.¹⁴

ИЛЮСТРАЦИИ

План № 1. План раскопок крепости на мысе св. Атанас

Рис. 1–2. Амфора типа LRA 4
(по J. A. Riley)

а

б

Рис. 2. Амфоры типа XVI для территории Болгарии (по Г. Кузманов)

a

б

б

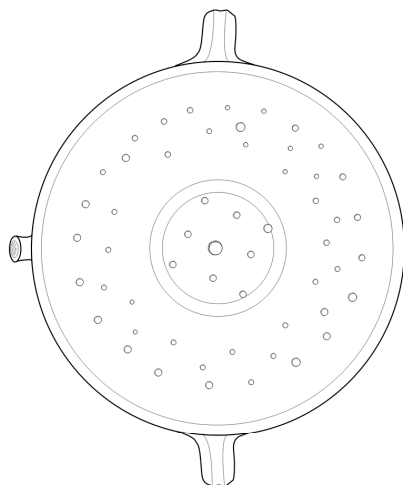
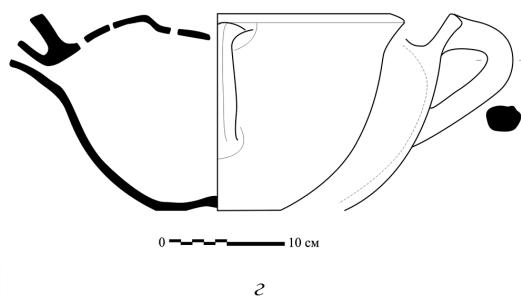

Рис. 3. Сосуд закрытой формы

2

Рис. 4. Носик-слив

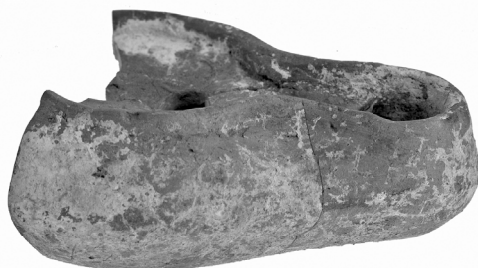
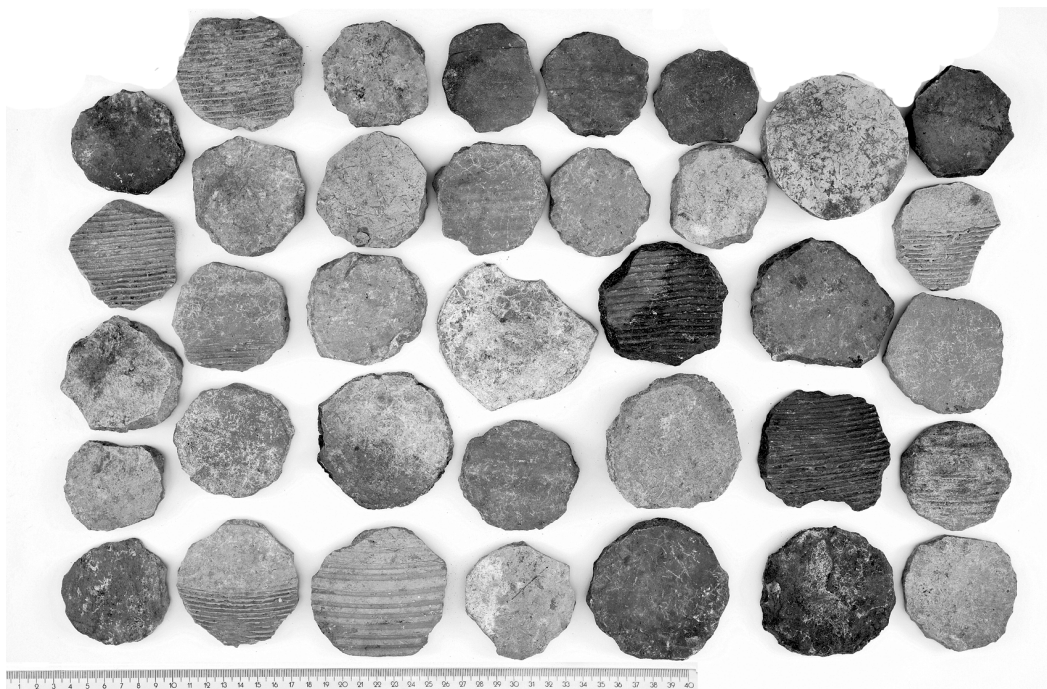
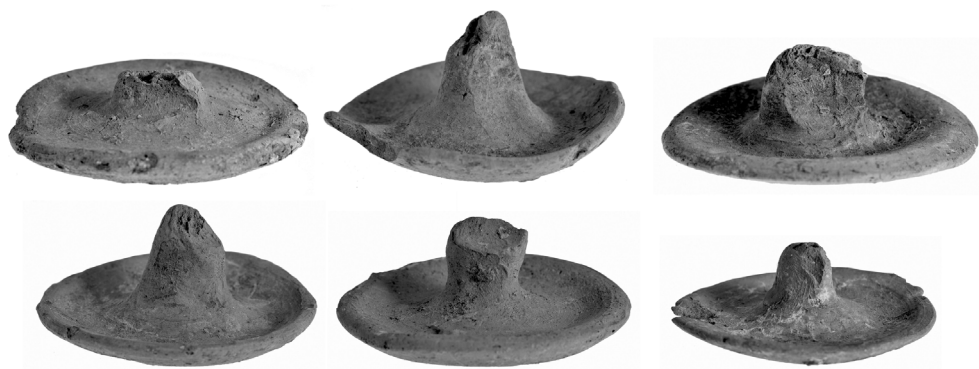
*a**б**в*

Рис. 5. Керамические светильники

a

б

Рис. 6. Крышки для амфор

Рис. 7. Крючки

Рис. 8. Матрица

Рис. 10. Медальон

Рис. 9. Керамические тигли

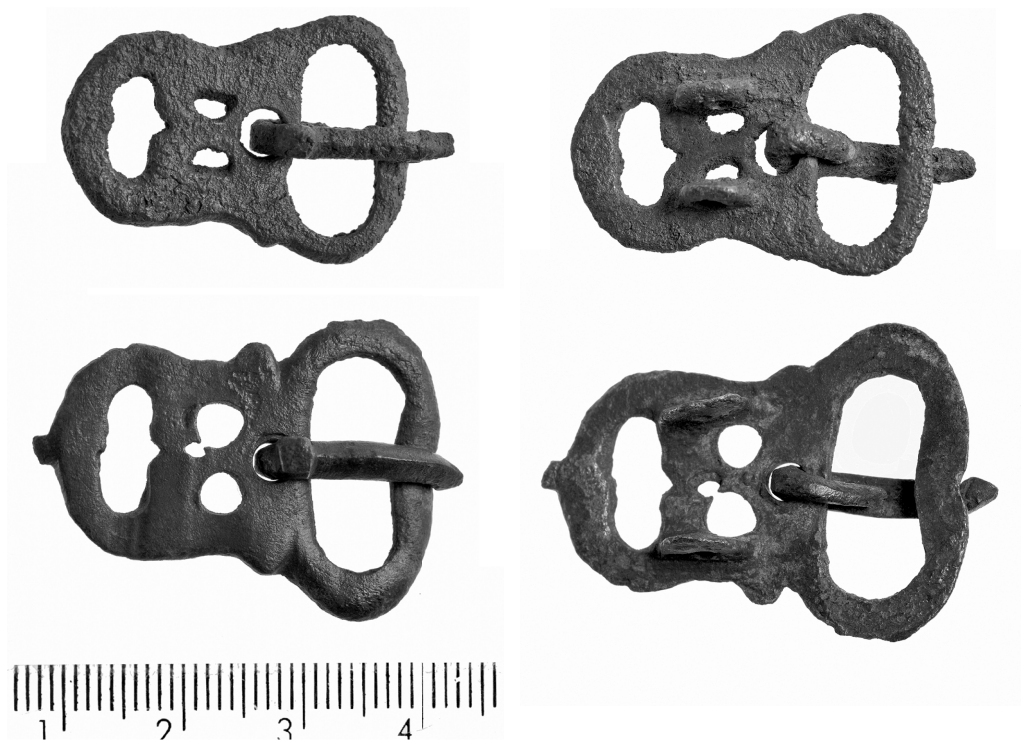

Рис. 11. Пряжки типа «Сучидава»

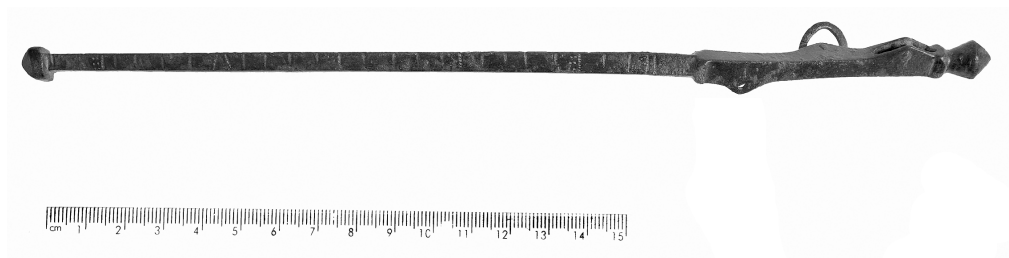

Рис. 12. Безмен

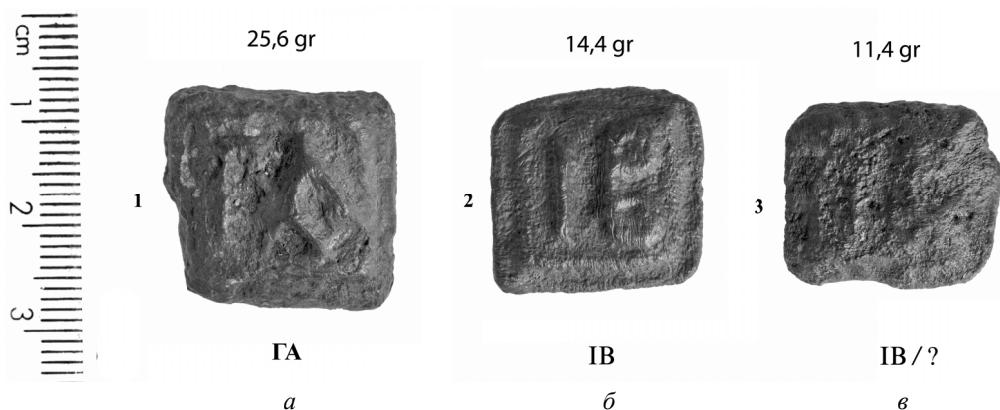

Рис. 13. Свинцовые гири

¹ Шкорпил К. и Х. Североизточна България в географическо и археологическо отношение // СБНУНК, VII. – София, 1892. – С. 42–43, фиг. 22.

² Yotov V., Minchev A. Ein frühchristlicher Komplex (Ende des 4. – Anfang des 7. Jahrhunderts) auf Kap St. Atanas nah bei Byala/ Bezirk Varna // Archäologische Forschungen, 23. – Wienn, 2013 (в печати).

³ Летом 2012 г., во время работы археологической экспедиции, каждую неделю открывали новые объекты – новый баптистерий (ниже уже раскопанного в 2010 г. баптистерия № 2); маленькая баня; эллинистический храм и др. В свободное время я читал книги и сборники из небольшой экспедиционной библиотеки. Почему? Долгое время все мои интересы были связаны с болгарским средневековьем, что в хронологическом плане относится ко времени позднее VIII в. Руководить раскопками крепости античного времени было впервые. Вот поэтому я часто находил ответы на свои вопросы в очень подробно написанных книгах по истории и археологии Херсонеса с основным автором С. Б. Сорочаном, а когда не успевал разобраться – писал по электронной почте и получал добрые советы. За все это и за знакомство – огромное спасибо.

⁴ Монеты определены Йото Валериевым, который готовит отдельную публикацию.

⁵ Riley J. A. The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice). – Tripoli, 1979. – Vol. II. – P. 219–223, fig. 92, 351–356 (рис. 1, 9).

⁶ Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (V^e–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule // Bibliothèque archéologique et historique. – Beirut, 2005.

⁷ Klenina E. Trade relations between the Mediterranean and the Black Sea region // LRCW 3 (edd. by S. Minchelli, S. Santoro, M. Pasquinucci, G. Guiducci). – BAR International Series 2185 (II). – Oxford, 2010. – 1005–1014; 1007.

⁸ Majcherek G. Gazan Amphorae: Typology Reconsidered // Hellenistic and Roman Pottery in the Eastern Mediterranean (Advances in Scientific Studies), The Second Nieborów Workshop (Warsaw, 1995). – С. 163–178.

⁹ Кузманов Г. Ранновизантийската керамика от Тракия и Дакция (IV – началото на VII в.) // Разкопки и проучвания, XIII. – София, 1985. – С. 22–23.

¹⁰ Кленина Е. Ю. Столовая и кухонная керамика III–VI вв. из Нове (Северная Болгария) // Poznan-Sevastopol, 2006. – С. 87–88, рис. 46/391.

¹¹ Ковалевская В. Б. Традиции прорезных поясов в памятниках кудыргинского типа // КСИА. – 1990. – Вып. 169. – С. 42 (рис. 3); 29, 30, 32–33, 36; Balint Cs. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe. Das Grab von Uc Tepe (Sowj. Azerbajdzan) und der beschlagverzierte Gürtel im 6. und 7. Jahrhundert, 1 // Archaeologia Austriaca, 1, Studien zur Archaeologie der Awaren 4, Institut für Ur-und Frühgeschichte der Universität Wien, 1992. – S. 310–496, Taf. 7.

¹² Даскалов М. Колани и коланни украси от VI–VII век от днешна България и съседните земи. – София, 2012 – С. 37–38, обр. 57.

¹³ Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. – С. 276–277, рис. 88–89.

¹⁴ Madgearu Al. Barbarian Invasions in the northern Scythia Minor during the 4th–5th centuries. // Peuce, SN, vol. VIII, 2010, P. 173–184 (<http://revistapeuce.icemtl.ro/10%20Madgearu.pdf>); Madgearu Al. The Church in the Final Period of the Late Roman Danubian Provinces // Antiquitas istro-pontica. Mélanges d'archéologie et d'histoire ancienne offerts à Alexandru Suceveanu. – Cluj-Napoca, 2010 (2011). – P. 145–153.

Л. Ю. Пономарев

ДВУХКАМЕРНЫЕ ЖИЛИЩА (ДОМА-ПЯТИСТЕНКИ) САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

К вопросам типологии и эволюции салтово-маяцких жилищ Восточного Крыма в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого столетия впервые обратился А. В. Гадло. Всего им было выделено три типа построек, которые, в его представлении, могли отражать не только «процесс поиска наиболее рациональных в условиях степного Крыма форм жилища», а, в какой-то мере, и «процесс социальной дифференциации обитателей поселения»¹. К наиболее раннему типу он отнес полуземлянки с неукрепленными бортами, а к наиболее позднему – наземные постройки с двумя помещениями. При этом, дома-пятистенки А. В. Гадло рассматривал как усложненный вариант квадратных и прямоугольных однокамерных жилищ, знаменующий собой определенный этап в жизни поселений, когда их обитатели полностью перешли к оседлому образу жизни².

К проблеме их происхождения и генезиса с середины 50-х гг. прошлого столетия неоднократно обращался А. Л. Якобсон, согласно которому крымские дома-пятистенки восходят к местной позднеантичной домостроительной традиции³. Этой же точки зрения придерживался М. А. Фронджуло, по мнению которого, жилые дома городища Тепсень «по своей планировке, ориентации и строительным приемам» были очень близки античным жилищам, раскопанным в Ольвии и на городище Илурат⁴. Позднее концепцию А. Л. Якобсона поддерживали и некоторые другие исследователи, однако единодушного признания в научном сообществе она не получила⁵. Так, на примере изучения салтово-маяцких памятников Восточного Крыма, А. В. Гадло совершенно справедливо отметил, что дома-пятистенки представляли собой «генетически конечный, а не начальный этап развития строительной техники», а о «влиянии античной традиции на формирование строительных навыков у населения Южного Приазовья в VIII–IX вв. можно говорить только с большими оговорками», поскольку прямых аналогий «между античным и средневековым строительством в Восточной Таврике, за исключением городов Боспора и Фанагории», обнаружить не удалось⁶.

В классификации салтовских жилищ *С. А. Плетневой* двухкамерные дома объединены в тип II наземных построек и считаются одним из отличительных признаков крымского и приазовского вариантов салтово-маяцкой культуры⁷.

В зависимости от конструктивных особенностей внутри этого типа, исследовательница выделила дома, построенные целиком из камня и дома с глинобитными стенами на каменном цоколе. Первые она сначала считала характерными для таких крупных приморских центров, как Таматарха, Фанагория и Боспор, а затем и для крымского варианта салтово-маяцкой культуры в целом, где ощущалось сильное влияние провинциально-византийской домостроительной традиции⁸. Ближайшие параллели домам-пятистенкам второй группы С. А. Плетнева нашла среди жилищ с пристройкой для молодняка, распространившихся у всех оседающих на землю кочевых народов⁹.

Позднее в дискуссию включился И. А. Баранов, предложивший связать их появление в Таврике с иммигрантами-иконопочтателями из Малой Азии, которые, якобы, и привнесли с собой в VIII в. неизвестный до этого в Северном Причерноморье тип постройки¹⁰. Однако, эта оригинальная, но лишенная доказательной базы гипотеза, едва ли не сразу подверглась критике и не получила дальнейшего развития¹¹.

В последнее время дома-пятистенки, в числе прочих наземных сооружений, возведенных из камня и глины, обычно рассматривают как один из характерных признаков влияния византийской культуры на праболгарское население Крыма. По мнению большинства исследователей, они появились на салтовских поселениях полуострова в IX в., и, спустя короткий промежуток времени, стали одним из ведущих типов жилых построек¹².

На Керченском полуострове дома-пятистенки раскопаны на поселениях Героевка-2, Героевка-3, Героевка-6, Эльтиген-«Памятник», Алексеевка и Осовины-I, а также на городищах Илурат и Мирмекий¹³.

Дом в западной части поселения Героевка-6 (рис. 1, 1, 2). В 1963 г. на раскопе I в западной части поселения А. В. Гадло исследовал двухкамерный дом, ориентированный по длинной оси в направлении ВЮВ–ЗСЗ¹⁴. Отведенный под его постройку участок имел уклон по линии СЗ–ЮВ с перепадом высот до 0,35–0,40 м, но в процессе работ он был сnivelирован. Основания стен западного помещения сохранились практически по всему периметру, в то время как восточное помещение, за исключением небольшого участка южной стены, было разрушено. Тем не менее, остатки пода печи, зачищенные в северо-восточном углу постройки, позволили реконструировать ее внутренние размеры в пределах 7,0 × 4,5 м. Стены дома, шириной 0,65–0,75 м, сохранились на высоту 0,20–0,50 м. Углы сложены в перевязь. Кладка стен двухпанцирная с забутовкой из мелкого камня и суглинка. Нижний их ряд образуют необработанные плиты известняка, уложенные на постель. На уровне второго ряда камни уложены «в елочку»¹⁵. В северо-западном углу на уровне второго ряда установлен хорошо обработанный блок размерами 0,76 × 0,31 × 0,30 м. Вероятно, близкий ему по размерам блок находился в юго-западном углу. Основанием ему служила плита размерами 0,50 × 0,61 × 0,10 м. Стена, разделявшая постройку на два помещения, сохранилась по всей длине на высоту одного ряда камней. Толщина ее варьируется в пределах 0,44–0,76 м. В южной части стены, где были уложены наиболее крупные камни, по мнению А. В. Гадло, находился дверной проем. В процессе раскопок было установлено, что внутреннюю стену возвели

несколько позднее, чем сам дом. Камни ее нижнего ряда уложили на глинобитный пол жилища, перекрыв открытый очаг, располагавшийся примерно в центре помещения. Таким образом, до возведения внутренней стены дом был однокамерным. После реконструкции западное помещение размерами $4,64 \times 2,0$ м, скорее всего, использовалось для хозяйственных нужд, поэтому какие-либо бытовые и отопительные устройства в нем отсутствовали. Восточное помещение размерами $4,55 \times 4,50$ м было жилым, о чем свидетельствуют остатки практически полностью разрушенной печи-каменки, зачищенной в его северо-восточном углу. К западу от печи был пристроен заком размерами $1,40 \times 0,60$ м и высотой 0,40 м, сооруженный из плит известняка, поставленных на ребро. Такими же плитами он был разделен на четыре отсека.

При разборке каменного завала внутри помещений были найдены фрагменты причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением, салтово-маяцких горшков, сероглиняной ойнохой, стеклянных рюмок и железный гвоздь. Однако, все эти находки попали в завал уже после того, как дом был покинут. Ко времени гибели постройки относится салтово-маяцкий горшок, найденный в одном из отсеков ларя, но узких хронологических рамок для этой группы керамики пока еще не выделено (рис. 1, 3). Для определения нижней хронологической границы комплекса наиболее показательными являются два обломка белоглиняного сосуда, покрытого бледно-желтой поливой, которые были обнаружены под основанием южной стены дома¹⁶. На основании этой находки А. В. Гадло датировал постройку концом IX – началом X вв.¹⁷ Учитывая общую стратиграфию и хронологию жилых построек, открытых на поселении Героевка-6 в 1991 г., предложенные им хронологические рамки следует расширить до второй половины IX – первой половины X вв.

Дом в восточной части поселения Героевка-6 (рис. 2, 2, 3). В 1991 г. в восточной части поселения В. Н. Зинько частично исследовал двухкамерный дом – СК–III, ориентированный длинной осью по линии север-юг¹⁸. Его размеры ввиду плохой сохранности установить не удалось. Цоколи стен толщиной 0,90–1,10 м сохранились частично и прослежены на уровне нижнего ряда камней, уложенных трехслойной двухпанцирной постелистой кладкой. На полу северного помещения зачищены два открытых очага диаметром 1,40 м и размерами $0,90 \times 0,60$ м.

Обнаруженная при зачистке помещений керамика представлена дном желобчатого пифоса (рис. 2, 5), фрагментами причерноморских бороздчатых амфор (рис. 2, 8), фляги (рис. 2, 4) и салтово-маяцких горшков (рис. 2, 6, 7), время бытования которых приходится на вторую половину VIII – первую половину X вв. Однако, нижняя хронологическая граница комплекса, как и всех остальных построек, открытых в пределах этого горизонта в восточной части поселения, может быть отодвинута ко второй половине IX в.¹⁹

Дом на поселении Героевка-3 (рис. 3, 1, 2). В 1964 г. на раскопе V, заложенном А. В. Гадло в юго-восточной части поселения, был раскопан дом, состоящий из двух помещений и ориентированный длинной осью в направлении СВ–ЮЗ²⁰. Размеры юго-западного помещения I составляли $4,0 \times 2,60$ м, а северо-восточного помещения II – $3,90 \times 4,60$ м. Большая часть кладок дома была разобрана.

Уцелели лишь небольшие участки юго-восточной, северо-западной и северо-восточной стен. Два нижних, сохранившихся ряда камней юго-восточной стены были сложены трехслойной двухпанцирной постелистой кладкой с забутовкой известняковым щебнем. Ширина ее варьировалась в пределах 0,65–0,80 м. Камни второго ряда северо-западной и северо-восточной стен были уложены «в елочку». Помещение I было жилым, на что указывает печь-каменка, размерами 1,15 × 0,75 м, пристроенная к его северо-западному углу. По центру помещения зачищен заглубленный в пол очаг. По мнению А. В. Гадло, он имел культовое назначение, но, ввиду отсутствия приведенных в пользу этого аргументов, его следует атрибутировать как обычное отопительное устройство. Помещение II использовалось в хозяйственных целях. В его юго-западном углу устроили хозяйственную яму, а северную часть вымостили хорошо подогнанными известняковыми плитами.

При зачистке помещений и в печи были найдены обломки причерноморской бороздчатой амфоры, красноглиняный кувшинчик с граффити на тулове (рис. 3, 3), салтовский горшок и бронзовый перстень с четырьмя лапками-зажимами (рис. 3, 4)²¹. Особый интерес представляет красноглиняный бальзамарий(?) со следами зеленой поливы, обнаруженный в каменно-суглинистом завале, заполнившем помещение II. На основании его находки А. В. Гадло обозначил временные рамки функционирования постройки в пределах конца IX – начала X вв.²² Позднее А. В. Сазанов и Ю. М. Могаричев атрибутировали бальзамарий как красноглиняный, покрытый зеленой поливой, горшок, соответствующий «Coarse Glazed Ware» по типологии Дж. Хейса. Поскольку такие сосуды были найдены в Константинополе в комплексах конца VIII – начала IX вв., время прекращения существования дома они отнесли к началу – первой половине IX в.²³ Однако, рисунок бальзамария так и не был опубликован, поэтому рассматривать эту находку в качестве одного из хронологических реперов, на наш взгляд, преждевременно. К сожалению, и весь остальной, обнаруженный в постройке, керамический материал не имеет узких дат, а время бытования перстней с четырьмя лапками-зажимами и вставками из стекла остается предметом дискуссий²⁴.

Дом (СК-7) на поселении Героевка-2 (рис. 4, 1, 2). В 1995 г. в южной части поселения В. Н. Зинько раскопал наземный двухкамерный дом – СК-7²⁵. В плане он имеет прямоугольную форму и ориентирован длинной осью по линии ВСВ–ЗЮЗ. В направлении ССЗ–ЮЮВ длина дома составляла не менее 5,05 м, а в направлении ВСВ–ЗЮЗ не менее 5,10 м. Истинные размеры установить не удалось, поскольку южная и восточная его часть полностью разрушены оврагом и береговой абразией. Каменные цоколи стен шириной 0,50–0,85 м сохранились на высоту до 0,25–0,30 м. Сложены они трехслойной двухпанцирной кладкой с забутовкой из необработанных камней. Примерно по центру западного, меньшего по размеру, помещения зачищена округлая в плане очажная яма.

Керамический комплекс из заполнения постройки представлен причерноморскими бороздчатыми амфорами (рис. 4, 3, 4), высокогорлыми кувшинами с плоской ручкой (рис. 4, 6), флягами (рис. 4, 7), «баклинскими» ойнохойями (рис. 4, 5), шаровидными одноручными сосудами с пальцевым вдавлением на

ручке (рис. 4, 8) и салтово-маяцкими горшками (рис. 4, 9–13). По всей видимости, существование постройки можно отнести ко времени не ранее середины – второй половины IX в.

К северо-западу и юго-западу от СК–7 были раскопаны остатки каменных стен, которыми был огорожен окружавший его двор. В пределах двора, в 10 м к северо-западу от дома располагались пять хозяйственных ям. К югу от него находились еще две ямы и небольшой зольник. И, наконец, к западу от СК–7 были обнаружены еще две, практически полностью разобранные постройки, относящиеся к двум строительным периодам. Более поздняя из них – СК–9 – функционировала одновременно с СК–7 и, вероятно, использовалась в хозяйственных целях. Таким образом, весь жилищно-хозяйственный комплекс можно трактовать как усадьбу с огороженным двором, появление которых на салтовских поселениях Крыма относят к IX в. или второй половине этого же столетия²⁶.

Усадьбы второй половины IX – первой половины X вв. обнаружены в юго-восточном Крыму на городище Тепсень и поселении Кордон-Оба. Как и рассматриваемый нами комплекс, они состояли из жилого дома и хозяйственной постройки, которые либо примыкали друг к другу, либо возводились отдельно²⁷.

На Керченском полуострове к числу усадебных комплексов относят группу отдельно стоящих построек на г. Опук и многокамерный дом на городище Тиритака. Согласно данным разведок В. К. Голенко, на поселении «над источником», расположенном на южном склоне г. Опук, функционировало не менее 25 усадеб²⁸. По мнению исследователя, они состояли из нескольких примыкавших друг к другу построек, а приусадебный участок ограждался стеной. Одна из них – усадьба 1 – объединяла двухкамерное жилище и пристроенную к нему с юго-запада хозяйственную постройку, но полностью комплекс исследован не был²⁹. Обнаруженная в ее заполнении и культурном слое вокруг усадьбы керамика позволила В. К. Голенко и А. В. Джанову датировать усадьбу второй четвертью или серединой IX – 30–40 гг. X вв.³⁰. Другие исследователи предложили ограничить ее хронологические рамки второй половиной (серединой – 60-ми гг.) IX в.³¹

Как усадьбу, И. А. Баранов и А. Л. Якобсон предлагали также рассматривать многокамерную постройку, раскопанную в южной части городища Тиритака³². Однако, вокруг нее не было найдено каких-либо хозяйственных сооружений и каменной изгороди, хотя на последнем этапе функционирования в состав этого комплекса входило пять смежных помещений. Таким образом, Героевка-2 остается пока единственным поселением на Керченском полуострове, на территории которого удалось обнаружить весь, характеризующий усадьбу комплекс взаимосвязанных сооружений: основную и хозяйственную постройки, группы хозяйственных ям и окружавшую двор каменную изгородь.

Дом на поселении Эльтиген-«Памятник» (рис. 5, 1). В 2005 г. на западной окраине пос. Эльтиген Н. Ф. Федосеевым было открыто ранее неизвестное салтово-маяцкое поселение Эльтиген-«Памятник»³³. В процессе охранных раскопок удалось частично исследовать двухкамерный дом, ориентированный длинной осью в направлении СЗ–ЮВ. В пределы раскопа попало только северное помещение I, но и оно, к сожалению, оказалось частично разрушенным во

время строительных работ. Стены, ограничивавшие его с северо-востока и северо-запада, достигали толщиной 0,50 м и были сооружены из необработанных и подтесанных камней трехслойной двухпанцирной кладкой. Наиболее хорошо (на высоту 6 рядов камней) сохранилась северо-западная стена (рис. 5, 2). Кладка трехслойная с забутовкой, сложена из необработанных известняковых камней. Ее нижний и верхний ряды уложены на постель, остальные сложены кладкой «в елочку». Пол помещения заглублен и представляет собой утрамбованный суглинок. В северо-западном углу находилась печь-каменка, сложенная из бута и подтесанных камней³⁴. Топочная камера неоднократно подмазывалась глиной и постепенно приняла овальные очертания. Размеры топки составляют 0,90 × 0,60 м. С юга к печи примыкал прямоугольный в плане ларь, размерами 2,0 × 0,40 м, сложенный из нескольких крупных необработанных камней. К востоку от него, на уровне пола, зачищены две неглубокие очажные ямы размерами 0,40 × 0,50 м и 1,0 × 0,75 м. В плане они имели округлую и овальную форму, в разрезе линзовидную.

В заполнении постройки, на полу и в печи, обнаружен разнообразный материал, в том числе причерноморские амфоры с бороздчатым рифлением (рис. 5, 3–5), высокогорлые кувшины с плоской ручкой, фляги (рис. 5, 6), «баклинские» ойнохойи, шаровидные столовые сосуды с пальцевым вдавлением на ручке, лощеные сосуды и салтово-маяцкая кухонная керамика (рис. 5, 7, 8). Предварительно, последний период функционирования комплекса может быть датирован второй половиной IX – первой половиной X вв.

Дом на городище-крепости Илурат (рис. 6, 1, 2). В 1950 г. на раскопе III близ западного угла крепости В. Ф. Гайдукевичем был открыт двухкамерный дом, частично перекрывший одну из построек II–III вв. н. э.³⁵ В плане он имел прямоугольно-вытянутую форму и ориентирован по длинной оси в направлении ЗЮЗ–ВСВ. Пол по отношению к древней дневной поверхности, судя по всему, был слегка заглублен. Размеры ЗЮЗ помещения (19): 4,10 × 3,75 м, а ВСВ помещения (20): 7,35 × 3,65 м³⁶. Стены сохранились до уровня пятого ряда камней. Нижний ряд северо-западной стены был сложен трехслойной, двухлицевой, постелистой кладкой из крупных, необработанных, но подобранных по размеру, камней. Верхние ее ряды, а в остальных стенах вся кладка целиком, были сложены «в елочку». Помещение 19 было жилым, в пользу чего свидетельствует пристроенная к ЗЮЗ углу печь-каменка, размерами 0,80 × 1,21 м³⁷. Сложена она из поставленных на ребро известняковых плит высотой 0,50 м. В центре топки установлен четырехгранный известняковый столб высотой 0,45 м, поддерживавший перекрытие печи. Устье топки обращено на ВСВ. Помещение 20, судя по размерам и отсутствию отопительных устройств, использовалось в хозяйственных целях. Археологический материал из заполнения помещений и с уровня полов представлен целым экземпляром и обломками салтово-маяцких горшков (рис. 6, 3–6), а также фрагментами причерноморских амфор с мелким зональным рифлением и маслобойки³⁸. К сожалению, рисунок маслобойки не приведен, но, по всей видимости, речь идет о цилиндрических сосудах с петлевидной ручкой, встречающихся на Керченском полуострове в комплексах, датированных не ранее чем второй половиной IX в.³⁹

Дом на поселении Алексеевка (рис. 7, 1, 2). В 1954 г. в южной части холма, на котором расположено поселение, Д. Б. Шеловым был раскопан двухкамерный дом⁴⁰. В плане он имел прямоугольную форму и ориентирован по длинной оси в направлении СВ–ЮЗ. Размеры дома, ввиду плохой сохранности кладок, восстанавливаются частично: юго-западное помещение – $4,30 \times 4,20$ м; северо-восточное помещение – $4,20 \times ?$ м⁴¹. Каменные цоколи стен практически полностью развалились, образовав внутри помещений, а также к юго-западу и юго-востоку от дома, мощные каменные завалы. Сложены они трехслойной двухлицевой кладкой «в елочку», с забутовкой из мелких камней и суглинка. Лицевые камни уложены логом и тычком. Толщина цоколей варьируется в пределах 0,65–0,90 м. В юго-западном, жилом помещении находился очаг, пристроенный к его северо-западному углу. Северо-восточное помещение предназначалось для хозяйственных нужд, о чем свидетельствуют отсутствие отопительных устройств и хозяйственная яма глубиной 0,8 м, зачищенная у юго-восточной стены постройки. Хорошо сохранившийся в юго-западном помещении, глинобитный пол неоднократно ремонтировался. В результате, его толщина на различных участках составила 0,10–0,15 м – 0,25–0,30 м. При разборке субструкции пола были найдены две причерноморские амфоры (рис. 7, 3), высокогорлый кувшин с плоской ручкой (рис. 7, 6), «баклинская» ойнохойя (рис. 7, 5), фрагмент чернолощеного сосуда и салтово-маяцкий горшок (рис. 7, 4)⁴². По мнению Д. Б. Шелова, вся обнаруженная керамика представляла собой одновременный комплекс, сформировавшийся между концом VIII и концом IX вв. Но, приняв во внимание форму высокогорлого кувшина, автор ограничил этот период концом VIII – началом IX вв. С учетом современных представлений о времени появления и бытования высокогорлых кувшинов, нижнюю хронологическую границу керамики из юго-западного помещения следует отодвинуть ко второй половине IX в. К последнему периоду существования дома относятся находки из заполнения помещений, где помимо обломков причерноморских амфор, салтово-маяцких горшков, ойнохой и пифосов, были найдены несколько фрагментов сосудов, покрытых светло-зеленой и цветной поливой.

Дом на городище Мирмекий (рис. 2, 1). В 1960 г. в южной части городища Мирмекий (участок «И», кв. 20-П) В. Ф. Гайдукевичем был частично раскопан двухкамерный дом⁴³. Постройка сохранилась в виде обрывков трех кладок, образующих два помещения, ориентированные по длинной оси в направлении ВСВ–ЗЮЗ. Цоколи внешних стен, толщиной до 0,70 м, сохранились на высоту 0,10–0,60 м. Сложены они трехслойной двухпанцирной кладкой, из необработанных камней, уложенных «в елочку». Северо-восточный угол дома образуют уложенные не в перевязь крупные подтесанные прямоугольные камни и плиты. Внутренняя стена уцелела на высоту одного ряда камней, сложенных трехслойной двухлицевой постелистой кладкой. Наиболее хорошо сохранилось ВСВ помещение (XLVII). Его размеры в направлении ВСВ–ЗЮЗ составляют около 3,50 м, а в направлении ССЗ–ЮЮВ не менее 3,0 м. Стены, образующие ЗЮЗ помещение, разобраны полностью. При расчистке пола были обнаружены фрагменты причерноморских амфор с мелким зональным рифлением, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой и салтово-маяцких горшков. Их находки

позволяют датировать последний период существования постройки не ранее второй половины IX в.

Дом (СК-А) на поселении Осовины-I (рис. 8, 1). Среди домов-пятистенок особый интерес представляет жилище, устроенное в позднеантичной двухкамерной постройке, раскопанной в 1992–1993 гг. В. Н. Зинько на поселении Осовины-I⁴⁴. Изначально оно представляло собой прямоугольный, вытянутый в направлении СЗ–ЮВ, дом, размерами 9,60 × 4,10–4,60 м. После реконструкции прежняя планировка дома была полностью сохранена, но перегородка, разделяющая его на два помещения, была усилена одним рядом камней, уложенных «в елочку» (рис. 8, 2). Северо-западное помещение, размерами 5,0 × 3,0 м, предназначалось для хозяйственных нужд, о чем свидетельствуют остатки двух заглубленных в пол пифосов. Юго-восточное помещение, размерами 2,80 × 3,20 м, было жилым и отапливалось открытым очагом. Этот единственный в своем роде строительный комплекс позволяет проследить еще один механизм, при помощи которого салтовское население Керченского полуострова осваивало принципиально новый для них тип жилища, приспособлявая под них полуразрушенные, но подлежащие восстановлению позднеантичные постройки⁴⁵.

В заполнении обоих помещений были найдены фрагменты пифосов, причерноморских амфор (рис. 8, 3), «баклинских» ойнохой, салтово-маяцких горшков, и, что особенно важно, два фрагмента белоглиняных тарелок, покрытых желтой поливой⁴⁶. Из золистого слоя, соответствующего времени функционирования постройки, происходят фрагменты причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 8, 4–12, 14–20), высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 8, 13), обломки котлов с внутренними ручками-ушками (рис. 8, 22, 23), салтово-маяцких горшков (рис. 8, 24–30) и фрагментированная фляга (рис. 8, 21)⁴⁷. Указанные находки датируют постройку второй половиной IX – первой половиной X вв.

Приведенный выше краткий обзор, открытых на Керченском полуострове домов-пятистенок, позволяет выделить присущие для них общие и индивидуальные черты. В плане двухкамерные постройки имели прямоугольно-вытянутую форму и обычно были ориентированы в направлении СВ–ЮЗ, СЗ–ЮВ, в редких случаях в направлении север–юг. В тех случаях, когда это удалось проследить, все они были заглублены в грунт от 0,10 до 0,20 м. Размеры помещений варьируются в пределах от 4,0 × 2,60 м – 3,90 × 4,60 м до 5,0 × 3,0 м – 2,80 × 3,20 м. Одно из помещений было жилым, другое хозяйственным. В жилой части дома, обычно, меньших размеров, сооружали печь-каменку, которую пристраивали к северо-восточному, северо-западному или юго-западному углу. Иногда ее заменял открытый очаг, а в некоторых случаях они функционировали вместе. В хозяйственных помещениях отопительные устройства, как правило, отсутствовали, но, в тех случаях, когда в зимний период в них размещали молодняк, их обогревали временным очагом. Здесь же могли находиться ямы и пифосы для хранения зерна. В жилом помещении такие же функции выполнял «ларь» – загром, представлявший собой, пристроенный к стене каменный ящик, сооруженный из поставленных на ребро плит известняка. Цоколи стен жилищ, толщиной 0,40–1,10 м, возводили без фундамента, зачастую не в перевязь, из

необработанного камня на суглинистом растворе. Кладка цоколей трехслойная, двухпанцирная, постелистая, иррегулярная или «в елочку». В забутовке использовали разномерный камень, щебень, керамику и глинистые материалы. Углы построек иногда выкладывали крупными, обработанными камнями или плитами. При возведении верхних участков стен, по всей видимости, использовался саманный кирпич. Крыши перекрывали подручным, природным материалом — глиной, соломой, ветками или камышом, но, камки, вопреки ожиданию, даже на приморских поселениях, среди развалов построек, пока не обнаружено. Редкие находки небольших фрагментов оконного стекла на поселениях Героевка-6 и Эльтиген Юго-западное позволяют утверждать, что в некоторых домах-пятистенках, а, возможно, и в однокамерных постройках, были застекленные окна.

Такие же в планировке и близкие по размерам жилища известны по раскопкам городищ и поселений в Юго-Восточном, Юго-Западном, Северо-Западном Крыму и на Таманском полуострове⁴⁸. В большинстве своем их можно датировать не ранее чем IX в. К этому же времени относятся и дома-пятистенки салтово-маяцких поселений Керченского полуострова. Однако, определить их нижнюю границу в узких хронологических рамках едва ли возможно, поскольку обнаруженный в заполнении помещений археологический материал, в подавляющем большинстве относится к заключительному этапу функционирования построек, т. е. не ранее чем ко второй половине IX в.⁴⁹ Можно лишь предположить, что наиболее ранние из них были возведены уже в первой половине IX в., а наиболее поздние, как собственно и поселения, были покинуты в первой половине X в.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

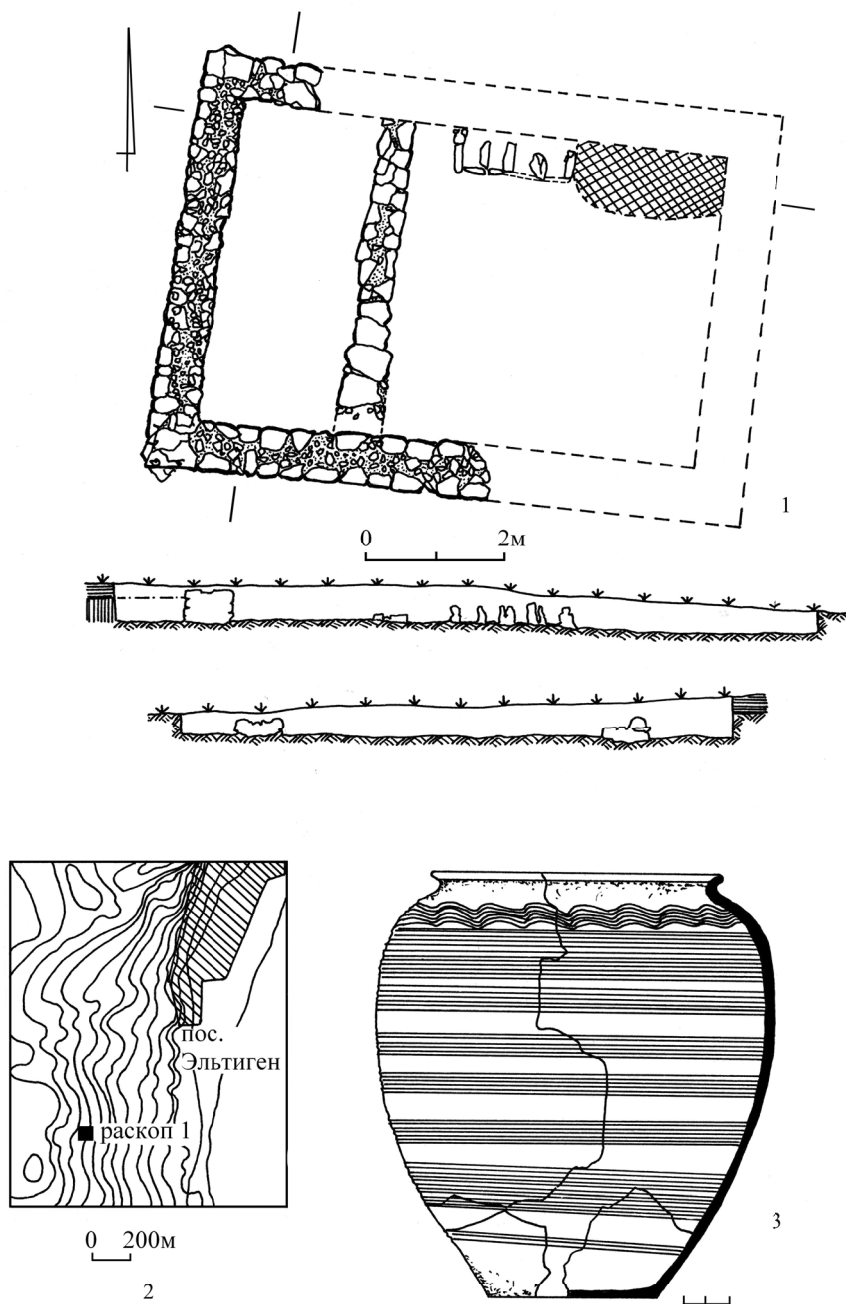

Рис. 1. Дом в западной части поселения Гeroевка-6.

1 – План и разрезы дома; 2 – Карта-схема с указанием местоположения раскопа I 1963 г.;
3 – Горшок из заполнения дома.

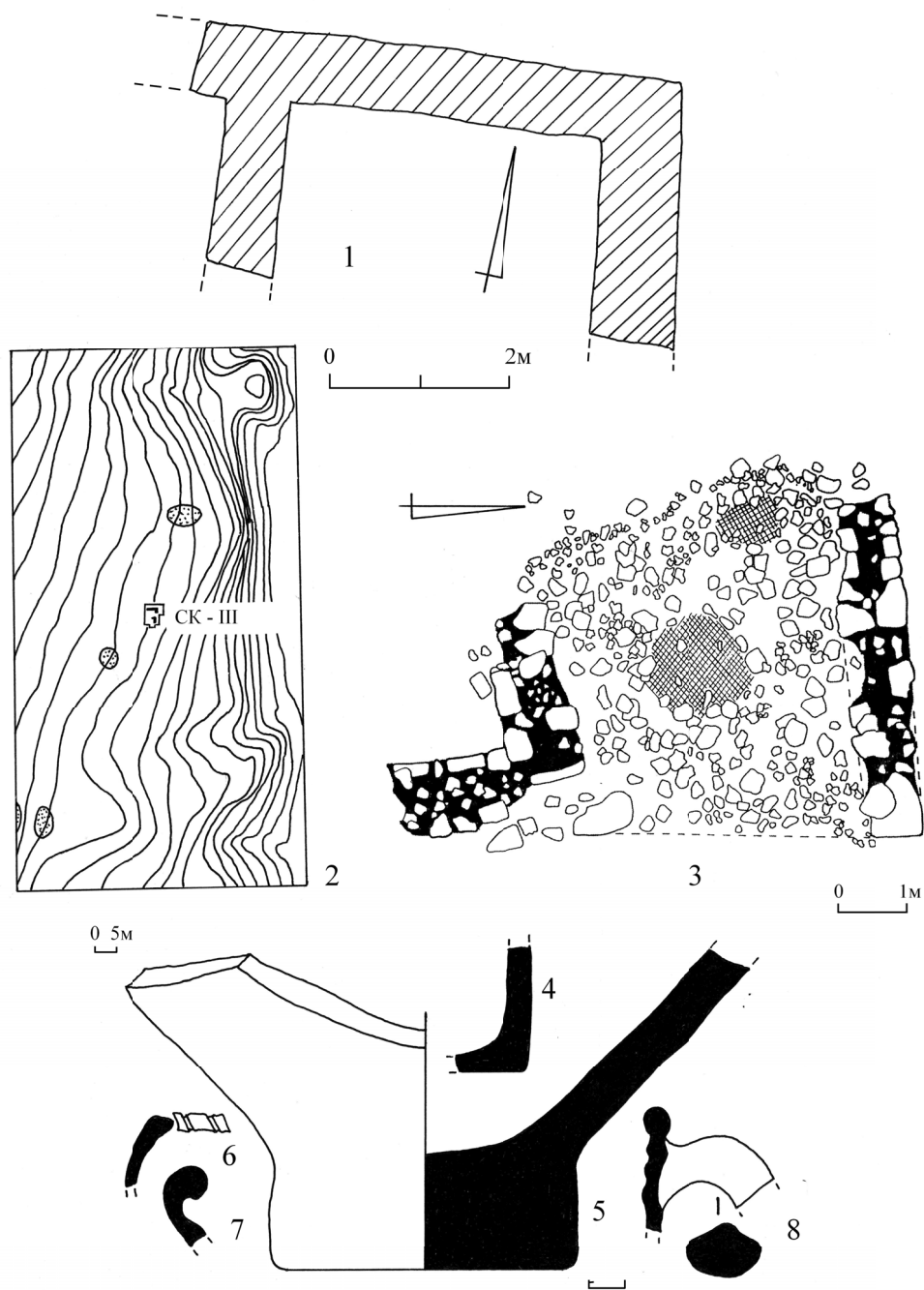

Рис. 2. 1 – Дом на городище Мирмекий; 2 – Карта-схема поселения Героевка-6 с указанием местоположения СК-III; 3 – План СК-III; 4 – Керамика из заполнения СК-III.

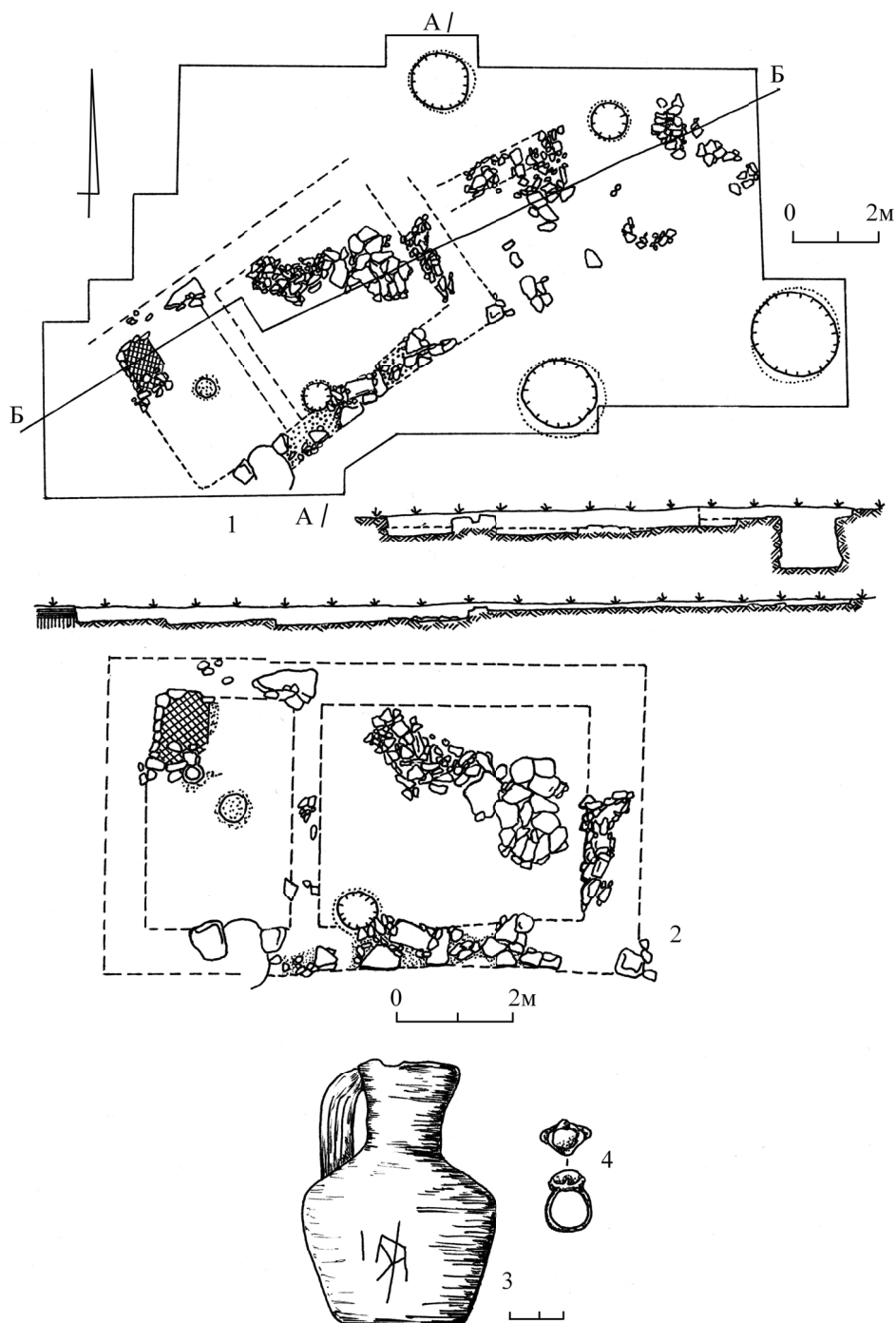

Рис. 3. Дом на поселении Героевка-3.

1 – Раскоп V 1964 г. План и разрезы; 2 – План дома; 3–4 – Находки из заполнения дома.

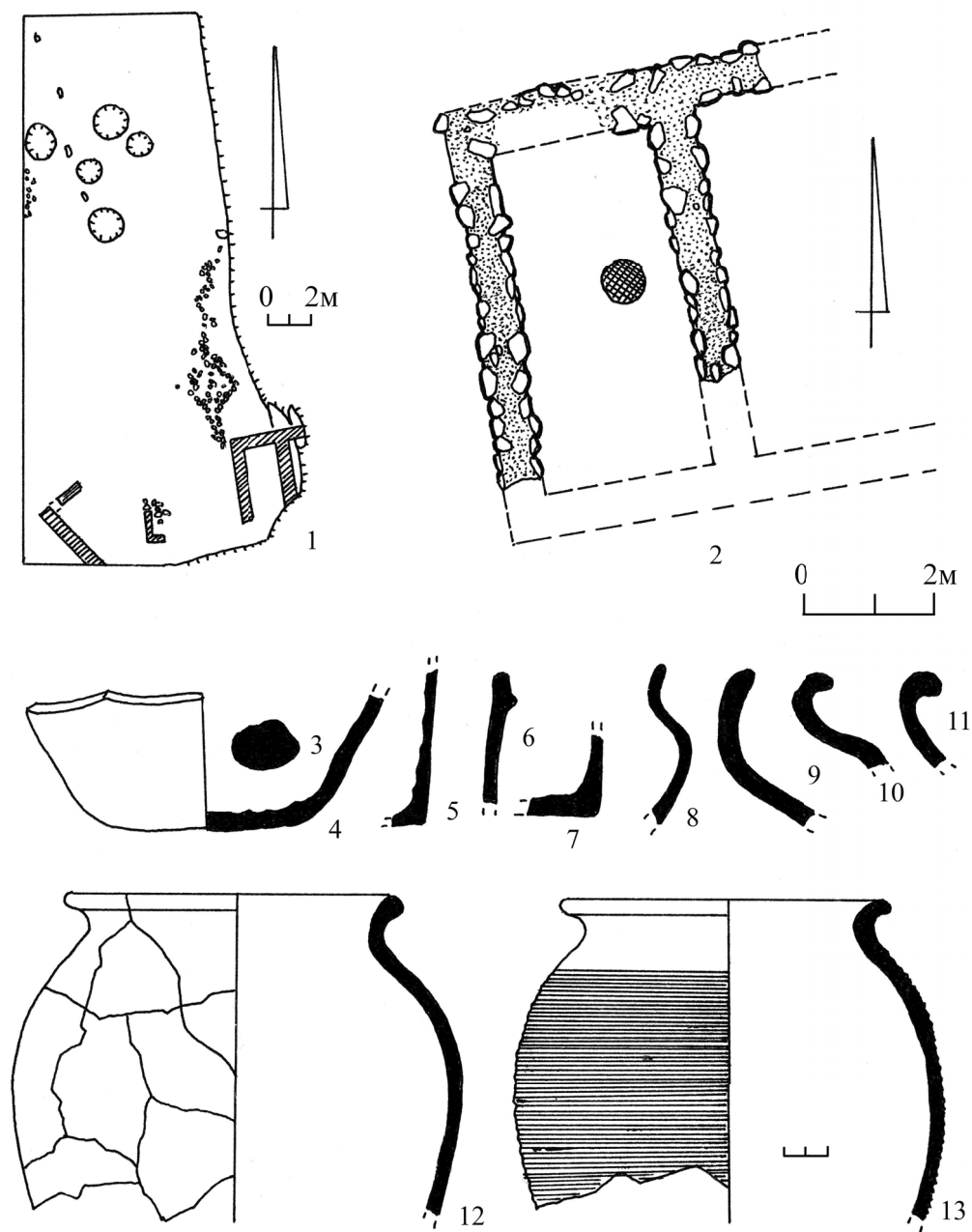

Рис. 4. Дом (усадьба) на поселении Героевка-2.
 1 – План северной части усадьбы; 2 – План дома;
 3–12 – Керамика из заполнения дома.

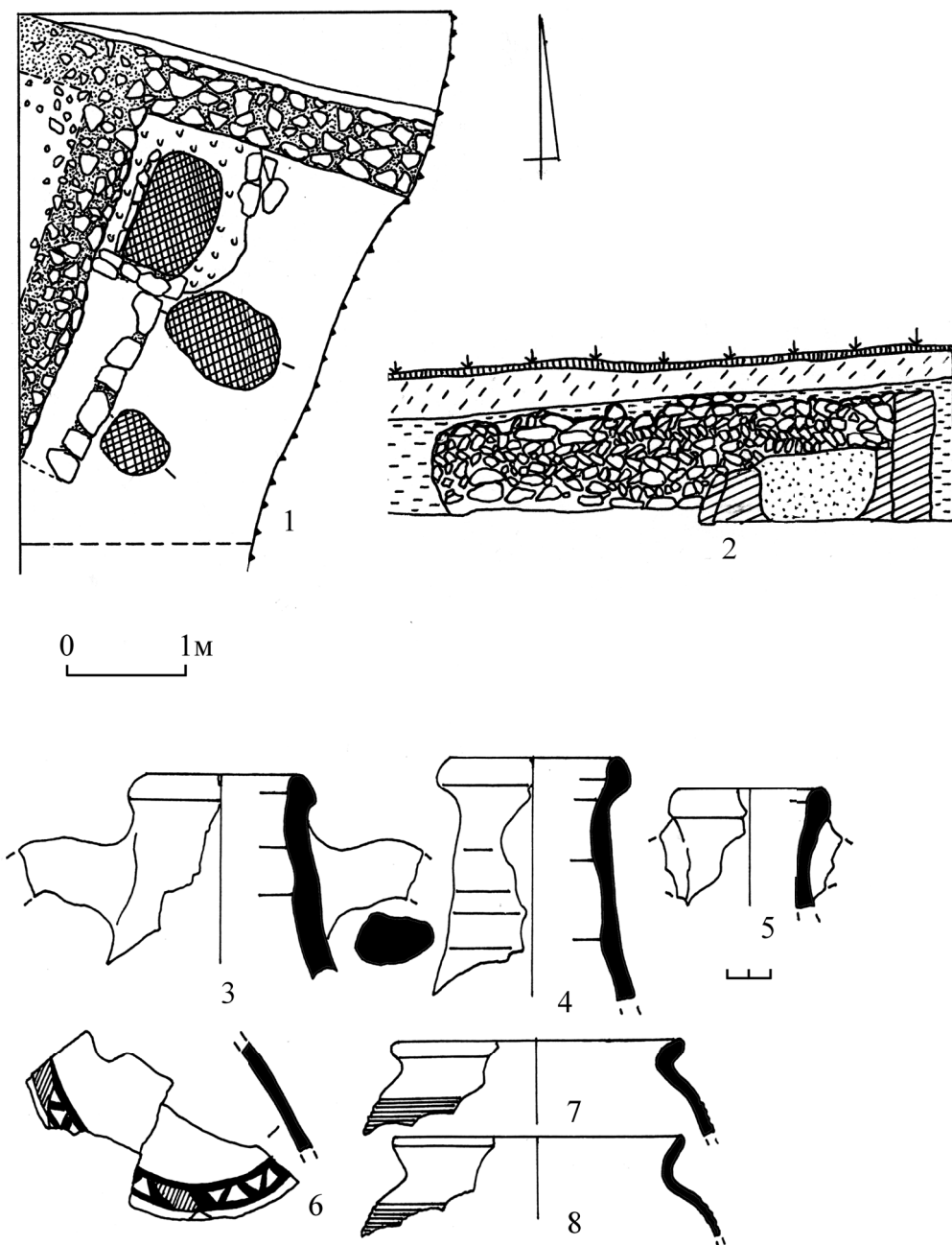

Рис. 5. Дом на поселении Эльтиген-«Памятник».
1 – План дома; 2 – Юго-восточный фас северо-западной стены помещения I;
3–8 – Керамика из заполнения дома.

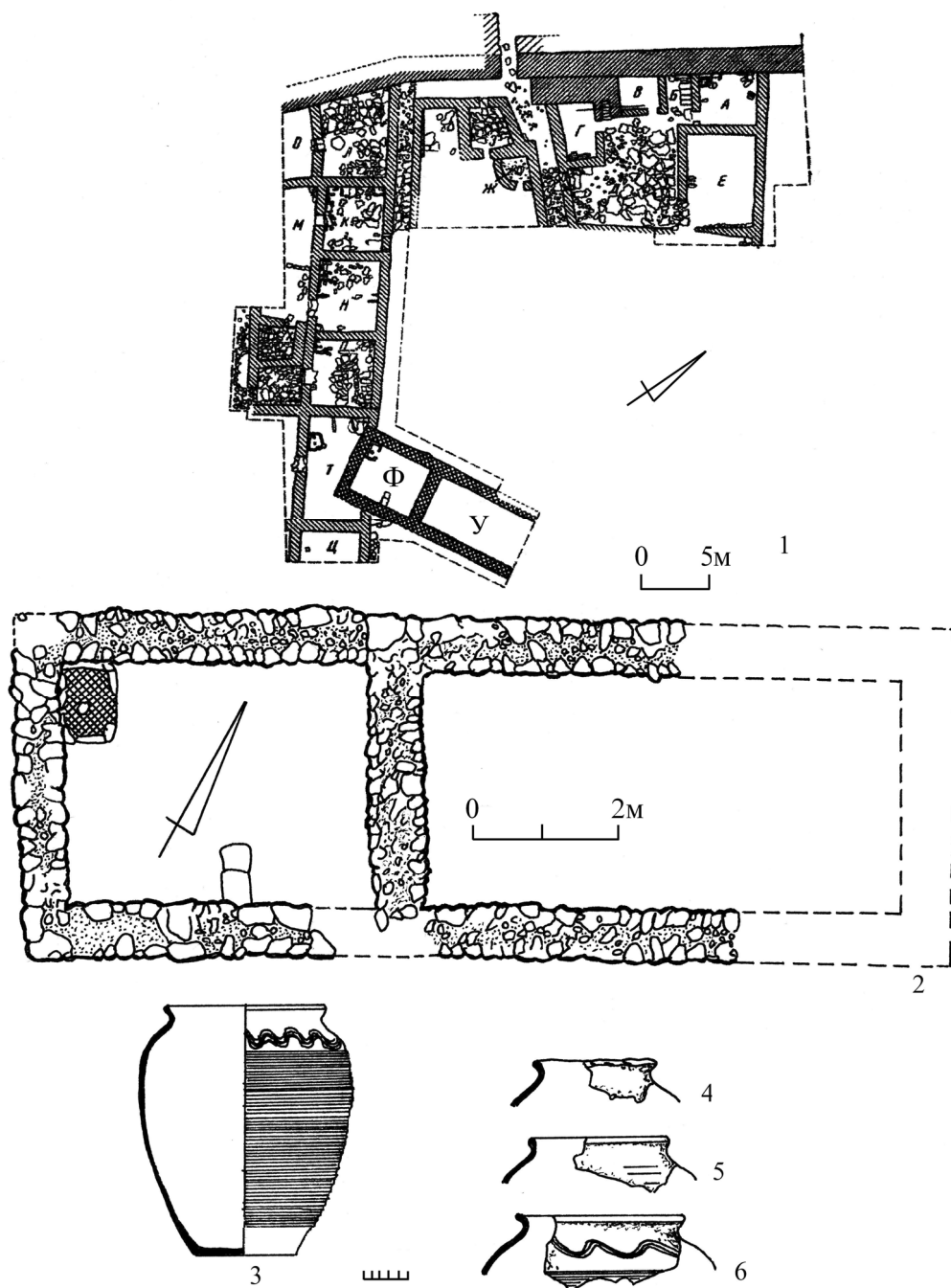

Рис. 6. Дом на городище Илурат.
 1 – План раскопа III; 2 – План дома;
 3–6 – Салтово-маяцкие горшки из заполнения дома.

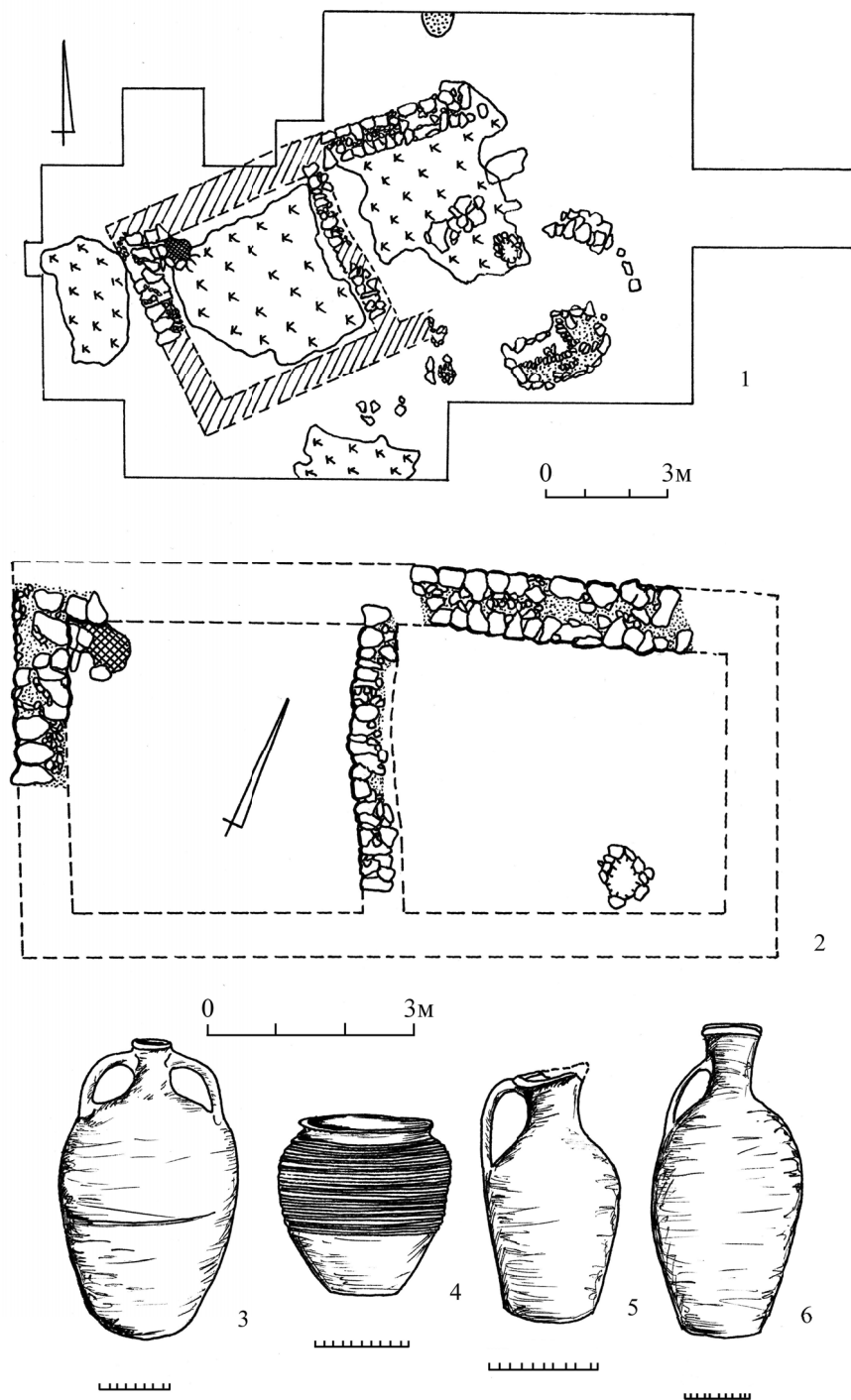

Рис. 7. Дом на поселении Алексеевка.

1 – План раскопа 1954 г.; 2 – План дома; 3 – Керамика из субструкции пола.

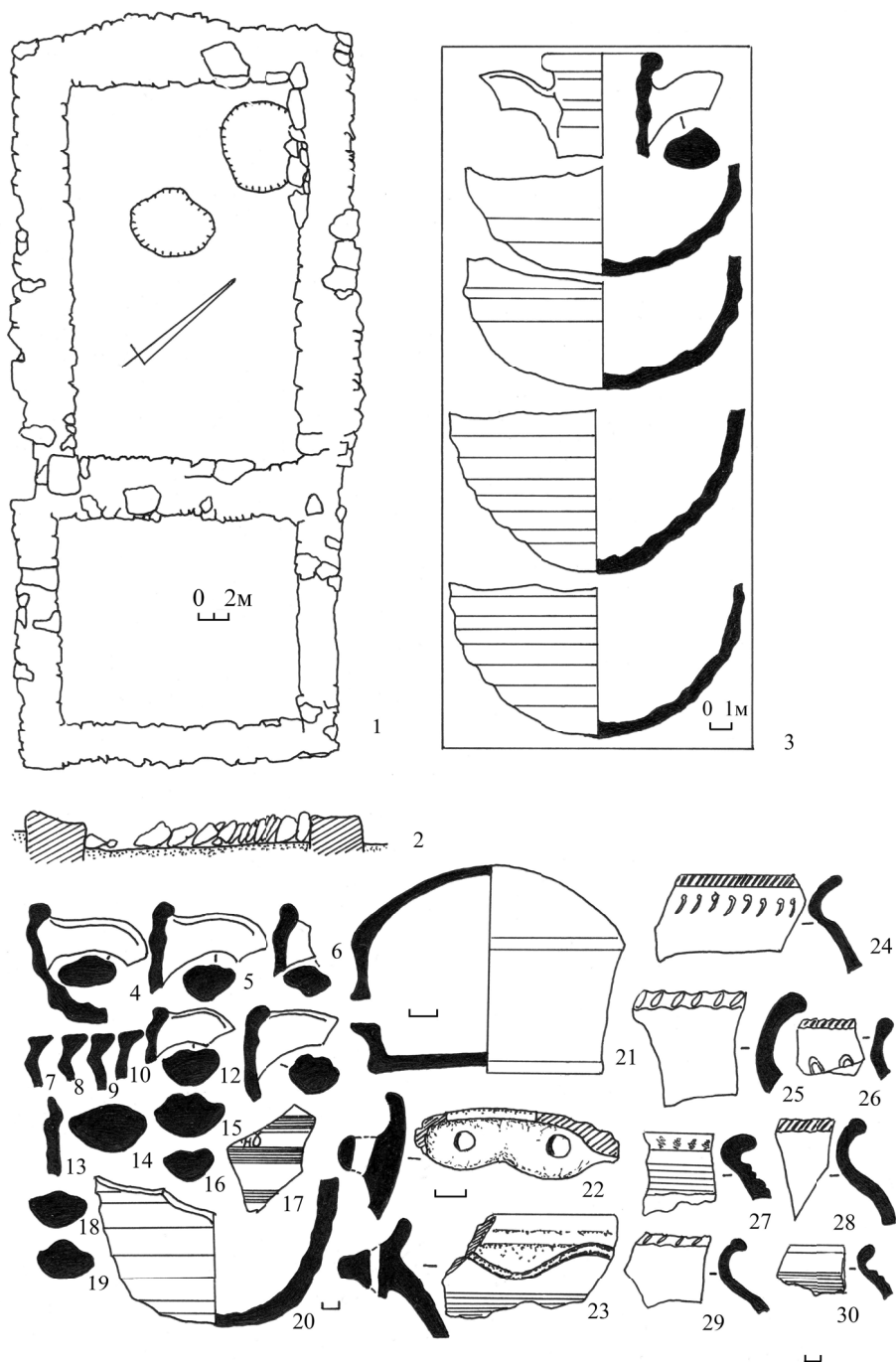

Рис. 8. Дом на поселении Осовины-I.

1 – План дома; 2 – Юго-восточный фас стены, разделяющей дом на два помещения;
3 – Амфоры из заполнения дома; 4–30 – Керамика из золистого слоя
поселения Осовины-I.

- ¹ Гадло А. В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. – 1969. – № 1. – С. 167.
- ² Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X веков) // Этнография народов СССР. – Л., 1971. – С. 65–74; Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Вестник Ленинградского университета. – 1968. – № 14. – Вып. 3. – июль. – С. 63; Гадло А. В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. – С. 167; Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – СПб., 2004. – С. 86.
- ³ Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. – 1954. – Т. 21. – С. 156; Якобсон А. Л. Раннередневековые поселения Восточного Крыма // МИА. – М.; Л., 1958. – № 85. – С. 487; Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. – М.; Л., 1970. – № 168. – С. 119; Якобсон А. Л. Рец. на: [Археологические исследования средневекового Крыма. Сборник подготовлен Институтом археологии АН УССР. «Наукова думка», Киев, 1968, 212 стр.] // СА. – 1971. – № 3. – С. 304; Якобсон А. Л. Крым в средние века. – М., 1973. – С. 41; Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Вып. 10. – С. 132–133.
- ⁴ Фронджуло М. А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957–1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. – К., 1968. – С. 120–121. – Рис. 24.
- ⁵ Романчук А. И., Омелькова Л. А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // Социальное развитие Византии. – АДСВ. – Свердловск, 1979. – Вып. 16. – С. 97.
- ⁶ Гадло А. В. Рец. на: [Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики – МИА, № 168, 1970] // ВВ. – 1973. – Т. 34. – С. 272.
- ⁷ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. – М.; Л., 1967. – № 142. – С. 63; Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска – Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. – София, 1981. – Т. 2. – С. 13.
- ⁸ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 63, 65; Плетнева С. А. Хазары. – М., 1976. – С. 76; Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1981. – С. 69.
- ⁹ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – С. 63.
- ¹⁰ Баранов И. А. Ранние болгары в Крыму. Локальный вариант салтово-маяцкой культуры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – К., 1977. – С. 8; Баранов И. А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. – София, 1981. – Т. 2. – С. 66, 69; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К., 1990. – С. 52.
- ¹¹ Якобсон А. Л. Рец. на: [Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974, 216 с.] // ВВ. – 1977. – Т. 38. – С. 203–204; Романчук А. И., Омелькова Л. А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек. – С. 97.
- ¹² Баранов И. А. Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. – К., 1986. – Т. 3. – С. 247; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – С. 50, 52; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 202; Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учебное пособие. – Воронеж, 2003. – С. 92; Айбабин А. И. Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. – М., 2003. – С. 58; Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. – К., 2004. – С. 276; Красильников К. И. Степной Крым и степное Подонцовье в хазарское время // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме. Материалы Всеукраинской научно-практической конференции 30–31 марта 2006 г. – Ялта, 2009. – С. 35; Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2010. – Вып. 16. – С. 268; Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова второй половины VIII – первой половины X вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. 2. – С. 268–269.

¹³ Гадло А. В. Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году (Раскопки раннесредневекового поселения у д. Героевки на берегу Керченского пролива). – Л., 1964 // НА ИА НАНУ. – № 1963/32. – С. 7–11; Гадло А. В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА. – М., 1968. – Вып. 113. – С. 79; Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X веков). – С. 73. – Рис. 1, Е; Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России. Памяти А. Г. Атавина. – М., 2008. – С. 428. – Рис. 2; 8, 1; Гадло А. В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. – С. 165. – Рис. 5; Зинько В. Н. Охранные археологические исследования на хоре Нимфея // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 122–123. – Рис. 71; Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у поселка Эльтиген // БИ. – Симферополь; Керчь, 2005. – Вып. 10. – С. 241. – Рис. 11; Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение «Эльтиген-Памятник» на берегу Керченского пролива // Научный сборник Керченского заповедника. – Керчь, 2011. – Вып. 3. – С. 305, Рис. 7; 8; Гайдукевич В. Ф. Илурат (Итоги археологических исследований 1948–1953 гг.) // МИА. – М.; Л., 1958. – № 85. – С. 134, Рис. 147; Шелов Д. Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму // КСИИМК. – М., 1957. – Вып. 68. – С. 98, Рис. 38; Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. – Л., 1987. – С. 148. – Рис. 2; Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. – Симферополь, 2007. – Вып. 13. – С. 190–191; Рис. 7.

¹⁴ Гадло А. В. Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году. – С. 7–11; Гадло А. В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.). – С. 79; Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X веков). – С. 73, Рис. 1, Е; Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – С. 86; Пономарев Л. Ю. О разведках и раскопках А. В. Гадло на салтово-маяцких поселениях Героевка-6 и Эльтиген Юго-западное (Керченский полуостров) // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. – Харьков, 2011. – С. 228–230. – Рис. 2, 1; Пономарев Л. Ю. Жилища салтово-маяцких поселений в окрестностях поселка Эльтиген (Керченский полуостров) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. – Донецк, 2012. – Т. 9. – Рис. 8, 1, 2.

¹⁵ Дискуссия о происхождении и времени появления кладки «в елочку» (opus spicatum) давно уже вышла за рамки частной проблемы и далека от завершения: Сорочан С. Б. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики // Хазарский альманах. – К.; Харьков, 2004. – Т. 3. – С. 117–156; Сорочан С. Б. Об opus spicatum как культурообразующем признаке // Болгарский ежегодник. – К., 2004. – Вып. 5. – С. 49–62; Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. – Ч. 1 – С. 396–412, 450; Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. – С. 56; Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2010. – № 1 (27). – С. 424, прим. 20; Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. – М., 2008. – С. 114–118; Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп). – С. 268, прим. 20.

На наш взгляд, причины, благодаря которым она получила такое широкое распространение в Крыму и на Кавказе, возможно, следует искать не только в традициях и «моде», но и в плоскости сейсмоопасности этих районов, а также способности самой кладки к активной сейсмозащите; Башкиров А. С. Антисейсизм древней архитектуры. IV. Юг СССР. Из истории конструкций. 1. Ольвия. 2. Боспорское царство. 3. Херсонес. – Калинин, 1948. – С. 373; Фрумкина М. А. К вопросу о сейсмозащите древних сооружений // РА. – 1992. – № 3. – С. 60–66; Липатов А. А. Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – С. 18; Габиев Д.-М. С. Эволюция лакского жилища (XVIII–XX вв.) // Кавказский этнографический сборник. – М., 1969. – Вып. 4. – С. 209–210, 213.

¹⁶ На салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова белоглиняная и красная поливная посуда византийского производства встречается очень редко, к тому же в виде мел-

ких, обычно, непрофильных фрагментов. Она найдена в культурных напластованиях и строительных комплексах поселений Героевка-3, Героевка-6, Алексеевка и Осовины-I; *Гадло А. В.* Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году. – Прилож. I, № 1, 14, 39; *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. – С. 167; *Шелов Д. Б.* Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. – С. 100; *Зинько В. Н.* Хора боспорского города Нимфея / БИ. – Симферополь-Керчь, 2003. – Вып. 4. – С. 204; *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I. – С. 191.

Общий обзор поливной керамики из раскопок А. В. Гадло на поселениях Героевка-3 и Героевка-6 приведен в монографии Т. И. Макаровой. Исследовательница отнесла ее ко второй половине IX–X вв.; *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. – М., 1967. – Вып. E1-38. – С. 10.

Однако, следует заметить, что ни один из найденных к настоящему времени на Керченском полуострове фрагментов поливной посуды надежно не атрибутирован и графически не опубликован. Поэтому, как полноценный археологический источник, использовать их нельзя.

¹⁷ *Гадло А. В.* Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году. – С. 11.

¹⁸ *Scholl T., Zin'ko V.* Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). – Warszawa, 1999. – Fig. 60; *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. – Симферополь, 2000. – Вып. 7. – С. 188, Рис. 5, 1, 3; *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. – С. 428, Рис. 2; 8, 1.

¹⁹ *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. – С. 428.

²⁰ *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. – С. 165, Рис. 5; *Гадло А. В.* Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X веков). – Рис. 1, Е; *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – С. 85–86; *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. – М.; Иерусалим, 2000. – Рис. 106.

²¹ *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. – Рис. 6.

²² *Гадло А. В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. – С. 167; *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – С. 86.

²³ *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь, 2007. – С. 116–117.

²⁴ *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II. // СА. – 1971. – № 3. – С. 30; *Айбабин А. И.* Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. – Вып. 3. – Рис. 2; *Красильников К. И., Красильникова Л. И.* Могильник у села Лысогорка – новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2005. – Т. 4. Хазарское время. – С. 212; *Майко В. В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. – С. 124.

²⁵ *Зинько В. Н.* Охранные археологические исследования на хоре Нимфея // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 122–123, Рис. 71; *Зинько В. Н.* Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Международная конференция «Византия и Крым». Севастополь, 6–11 июля 1997 г. Симферополь, 1997. – С. 40–41; *Scholl T., Zin'ko V.* Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). – Fig. 49; *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у поселка Эльтиген. – С. 241, Рис. 11.

²⁶ *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – С. 50, 52; *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – С. 202.

²⁷ *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – С. 52–53, Рис. 17; *Бабенчиков В. П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958. – С. 96–99, Рис. 2; *Фронджуло М. А.* Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957–1959 гг. – С. 106–107, Рис. 6; *Майко В. В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. – С. 59–60, 67–71, 95–98, Рис. 20; 44; 48.

²⁸ *Голенко В. К.* Древний Киммерик и его округа. – Симферополь, 2007. – С. 236, Рис. 103.

- ²⁹ Голенко В. К., Джанов А. В. Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси – Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 77–78; Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. – С. 237–241, Рис. 105, 106.
- ³⁰ Голенко В. К., Джанов А. В. Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук. – С. 77–78; Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. – С. 239–240.
- ³¹ Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – С. 154; Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2008. – Вып. 21. – С. 583–584.
- ³² Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. – М.; Л., 1952. – № 25. – С. 49–51, Рис. 48; Якобсон А. Л. Раннередневековые поселения Восточного Крыма. – С. 471; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – С. 52, Рис. 16, 1.
- ³³ Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение «Эльтиген-Памятник» на берегу Керченского пролива. – С. 302–330, Рис. 7; 8.
- ³⁴ Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение «Эльтиген-Памятник» на берегу Керченского пролива. – Рис. 17.
- ³⁵ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Илурата, Тиритаки, Мирмекия // КСИИМК. – М., 1952. – Вып. 45. – С. 108–110, Рис. 45; 47; Гайдукевич В. Ф. Илурат (Итоги археологических исследований 1948–1953 гг.). – С. 134–137, Рис. 147; Гайдукевич В. Ф. Илурат (раскопки 1954–1960 гг.) // Боспорские города (Уступчатые склепы, Эллинистическая усадьба, Илурат). – Л., 1981. – С. 87, 108, Рис. 1; 5; Якобсон А. Л. Раннередневековые поселения Восточного Крыма. – С. 476–477; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. – М.; Л., 1964. – С. 38.
- ³⁶ На плане, опубликованном в 1952 г., помещения 19 и 20 обозначены буквами Ф и У; Гайдукевич В. Ф. Раскопки Илурата, Тиритаки, Мирмекия. – Рис. 45.
- Размеры помещений приведены из публикации В. Ф. Гайдукевича, в то время как в работах А. Л. Якобсона указаны иные цифры: $4,8 \times 3,7$ м – $7,5 \times 3,7$ м; Гайдукевич В. Ф. Илурат (Итоги археологических исследований 1948–1953 гг.). – С. 134; Якобсон А. Л. Средневековые сельские поселения юго-западного Крыма // ВВ. – 1962. – Т. 21. – С. 175, прим. 24; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. – С. 38.
- ³⁷ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Илурата, Тиритаки, Мирмекия. – Рис. 47, 2; Гайдукевич В. Ф. Илурат (Итоги археологических исследований 1948–1953 гг.). – Рис. 148.
- ³⁸ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Илурата, Тиритаки, Мирмекия. – Рис. 44, 2; Гайдукевич В. Ф. Илурат (Итоги археологических исследований 1948–1953 гг.). – Рис. 149; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – Рис. 32, 9; Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. – С. 477.
- ³⁹ Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. – Симферополь, 2001. – Вып. I. – Рис. 4, 4; Пономарев Л. Ю., Пономарева И. А. Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2010. – Вып. 4. – С. 461.
- ⁴⁰ Шелов Д. Б. Отчет о раскопках средневекового поселения у с. Алексеевка в 1954 году // НА КРУ «КИКЗ». – Оп. № 2. – Ед. хр. № 344. – С. 2–7; Шелов Д. Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. – С. 98–103. Рис. 38; Якобсон А. Л. Раннередневековые поселения Восточного Крыма. – С. 477; Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – Рис. 14, 3.
- ⁴¹ Один из вариантов его реконструкции предусматривает одинаковую длину для обоих помещений; Шелов Д. Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. – С. 98; Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – Рис. 14, 3.
- ⁴² Шелов Д. Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. – Рис. 39, 1–4.
- ⁴³ Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. – С. 148, Рис. 2; 170, 1, 2.
- ⁴⁴ Зинько В. Н. Охранные археологические исследования в г. Керчи // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 128; Зинько В. Н. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма. – С. 40; Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I. – С. 190–192, Рис. 7.

⁴⁵ В общих чертах этот процесс рассмотрен в одной из ранних публикаций А. В. Гадло – «...поселенцы VIII–X вв. застали в Восточном Крыму хорошо сохранившиеся остатки древних городов, которые они частично приспособивали для себя. Свои жилища они буквально встраивают в античные руины, однако, при этом применяя приемы кладки, не свойственные античности – кладки «в елку» без фундамента»; *Гадло А. В.* О культуре городища на плато Тепсень близ с. Планерское // Археологический сборник. Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции. – Л., 1964. – С. 101.

⁴⁶ *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I. – С. 190–192, Рис. 8.

⁴⁷ *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I. – Рис. 2–7.

⁴⁸ *Долгоруков В. С.* Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА. – М., 1975. – Вып. 143. – С. 56; *Кобылина М. М.* Раскопки центральной части Фанагории в 1959–1960 гг. // КСИА. – М., 1963. – Вып. 95. – С. 99. – Рис. 37, II; *Атавин А. Г.* Работы средневекового отряда в Фанагории // АО 1973 года. – М., 1974. – С. 107–108; *Атавин А. Г.* Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма. /Сборник тезисов/. – М., 1988. – С. 22; *Богословская И. Н., Богословский О. В.* Исследование раннесредневековых слоев Таманского городища // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. – Ейск, 1992. – С. 8; *Чхаидзе В. Н.* Хазарская Таматарха (Культурный слой Таманского городища VII–X вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2007. – С. 11.; *Чхаидзе В. Н.* Строительные комплексы VIII–X вв. Таманского городища // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы XII межд. науч. конф. (26–31 мая 2007 г.). – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 71, 119, Рис. 34; 39; 54; 55; 58; *Бабенчиков В. П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. – Рис. 2; *Фронджуло М. А.* Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957–1959 гг. – Рис. 2; *Романчук А. И., Омелькова Л. А.* Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек. – С. 94–97; *Баранов И. А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблемы на прабългарската история и култура. – София, 1991. – № 2. – С. 49–50, Рис. 4; *Баранов И. А., Майко В. В.* Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X вв. // Българите в Северното Причерноморие. – В. Търново, 2000. – Т. 7. – Рис. 1; *Яшаева Т. Ю.* Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклеийском полуострове // ХСб. – Севастополь, 1999. – Вып. 10. – С. 352, Рис. 2; 2а; *Кутайсов С. В.* Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма // ХСб. – Севастополь, 2003. – Вып. 12. – С. 280.

⁴⁹ *Пономарев Л. Ю.* Жилища Восточного Крыма эпохи Хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2012. – Вып. 5. – С. 201.

О. В. Файда

ДО ІСТОРІЇ СТАНОВЛЕННЯ ВІЗАНТИНОЗНАВСТВА В ЗАХІДНІЙ УКРАЇНІ: СВЯЩ. ЙОСАФАТ СКРУТЕНЬ ПРО ЧЕТВЕРТИЙ КОНГРЕС ВІЗАНТІЙСЬКИХ СТУДІЙ

В останні серпневі дні 2011 р. у столиці Болгарії відбувалася подія, що її дослідники багатолікої ромейської цивілізації та її культурних впливів очікують раз на п'ять років – Міжнародний Конгрес (XXII-ий) візантійських студій. Місто, уподобане свого часу Константином Великим, прийняло понад тисячу учасників заходу, зокрема і делегатів з України. В оглядах наукової хроніки підкреслювався той факт, що Софія вже вдруге за свою історію приймає подібний форум¹. У середині 30-х років XX ст. тут відбувся Четвертий Конгрес². Події майже восьмидесятилітньої давності знаменні для вітчизняної історичної науки, адже вперше на спеціальному міжнародному зібранні візантиністів виступили двоє українських науковців – відомий філолог, етнограф, музеєзнавець, багатолітній директор Національного музею у Львові Іларіон Свенціцький (1876–1956) та свящ. Йосафат Скрутень (1894–1951). Обидва представляли українську науку, але під вивіскою іншої держави, запрошення від оргкомітету адресувались у «Pologne».

У ході роботи Конгресу, а також по його закінченні, Й. Скрутень інформував у листах свого співробітника і приятеля Романа Луканя про хід засідань та інші заходи. Кореспонденція збереглася у фонді 364 (Лукань Степан-Роман, свящ. ЧСВВ, історик релігії, культури, бібліограф, журналіст. 1907–1943 рр.) Центрального державного історичного архіву України, м. Львів.

Конгрес у далекому 1934 р.³, подібно до зібрання 2011 р., був проведений на найвищому офіційному рівні, за присутності чільних державних та церковних достойників. Подібна увага для візантинознавчих форумів явище майже ординарне, однак політична кон'юнктура певним чином впливала на проведення цих заходів. Болгарія на рубежі 1920–1930-х рр., як і більшість держав Центрально-Східної Європи, не відзначалась стабільним політичним та економічним становищем. Від 1931 р. в країні намітився курс на відновлення демократичних свобод у державно-політичному житті, однак він тривав недовго. У травні 1934 р. відбувся державний переворот, внаслідок якого до влади прийшов «позапартійний військово-бюрократичний режим, який поєднував у собі елементи диктатур кількох різновидів»⁴.

Непевна внутрішньополітична ситуація⁵ у Болгарії та низка інших політичних та соціально-економічних проблем міжвоєнної Європи, ймовірно, були причиною того, що захід у Софії дисонував на тлі тенденції постійного зростання кількості учасників попередніх візантиністичних конгресів. На III-му з'їзді в Афінах було представлено бл. 300 учасників (з 25 країн), на форумі 1936 р. у Римі – бл. 450 учасників (з 24 країн), тоді як болгарська столиця зібрала 192 осіб (з 17 країн)⁶. Відсутність багатьох поважних науковців відзначив і Й. Скрутень (арк. 11⁷). Невелика кількість учасників, втім, не применшує наукових здобутків, висунення дослідницьких ініціатив, належного рівня організації роботи софійського форуму. Серед іншого, на засіданнях, вперше в історії зібрань візантиністів, приїхав турецький спостерігач. Ймовірно, що саме його наявність дала додатковий стимул грецькому вченому К. Амантосу порушити питання щодо пошуку і вивчення офіційних документів, які стосуються становища християнських громад на територіях, зайнятих турками від XI ст. і навіть створити підготовчий комітет для реалізації ідеї. Подібно делегат М. Окунев, який представляв Чехословаччину, запропонував просити турецький уряд дозволу на вивчення візантійських пам'яток Константинополя, зокрема на розкопки⁸. Особливо важливою була ідея Фр. Дольгера – заснувати постійний комітет, який би відповідав за виконання рішень Конгресів. Попри те, що подібна пропозиція була висловлена не вперше, і, як виявиться згодом, подібно до двох попередніх ініціатив, не була втілена ще певний час в життя, все ж вона засвідчувала прагнення візантиністів тісно співпрацювати та координувати дослідницьку діяльність⁹.

Подані нижче листи представляють інформаційну картину Конгресу та індивідуальні враження від участі в ньому. Абрис софійських подій цінний зафіксованим на папері особистим досвідом інтеграції у світову науку. Безсумнівно, цей досвід вкрай суб'єктивний, у ньому «бувають» і нарочито підкреслені клерикальні симпатії автора, але разом з тим це міжособове листування, з притаманним йому високим рівнем одвертості, який відтворює і дещо іронічні нотки у висловлюваннях про польських делегатів, і градацію «найчільніших учених византологів» (арк. 12), і неофіційну атмосферу конгресу, його своєрідну мікроісторію, та ін. Саме в цих аспектах і полягає цінність пропонованої читачеві публікації.

Вперше, у загальних рисах, кореспонденцію Й. Скрутня до Р. Луканя характеризувала, опублікувавши кілька листів часів Другої світової війни, У. Кришталович ще у середині 1990-х рр.¹⁰ Зокрема, дослідниця побіжно висвітлювала основний зміст листів, в яких описується перебіг Конгресу, процитувала уривок з одного¹¹.

Священик Йосифат (світське ім'я – Іван) Скрутень¹² відомий як один з найдіяльніших науковців з клерикального (католицького) середовища міжвоєнної Галичини. Будучи монахом ордену св. Василя Великого, діяльність спрямував на дослідження минулого цього чину, історію греко-католицької церкви. Особливо активно займався редакторською роботою в низці греко-католицьких періодичних видань («Поступ», «Богословія»), найвідомішим з яких були «Записки Чину св. Василя Великого» (1924–1939), де він був співзасновником

та, по суті, головним редактором. Й. Скрутень викладав у Греко-католицькій богословській академії. Входив до когорти засновників Богословського наукового товариства у Львові. 1939 р. емігрував до Німеччини, де працював в одній з наукових інституцій, а 1949 р. переїхав до Риму, де і залишався до останніх днів.

Окрім виголошеної на Конгресі доповіді, до царини візантиністики у доробку Й. Скрутеня належать кілька невеликих історико-богословських публікацій – стаття про один з аспектів творчості Григорія Назіанзина та рецензії на дослідження, присвячені постаті Василя Великого.

Адресат Й. Скрутеня – свящ. Роман (світське ім'я – Степан) Лукань (1907–1943)¹³, монах чину василіян. На час, означений у листуванні, працював у центральному василіянському архіві, який розташовувався у монастирі св. Онупрія у Львові. На відміну від старшого товариша, візантинознавство не входило до кола зацікавлень Р. Луканя, він досліджував різні аспекти історії василіян, минуле міст і сіл України, уклав низку тематичних бібліографій. Значна частина цих розвідок так і залишилась в рукописах. Знайомство із Й. Скрутнем, яке з роками переросло у наукову співпрацю та дружбу, відбулося 1923 р. за рекомендацією редактора католицького журналу для дітей та юнацтва «Наш приятель» свящ. Й. Маркевича¹⁴. Згодом Р. Лукань прилучився до редакторської роботи Й. Скрутеня над «Записками ЧСВВ». Після вересневих подій 1939 р. Р. Лукань працював у бібліотеці Львівського філіалу АН УРСР. Під час гітлерівської окупації повернувся до монастиря де продовжив працю бібліотекаря і самостійно зумів вжити певних заходів для часткової реанімації «Записок ЧСВВ», адже їх засновник, як це засвідчують опубліковані У. Кришталович листи, перебував у надзвичайно скрутних обставинах, не маючи змоги навіть відвідати батьківщину.

* * *

Публікуємо чотири листи Й. Скрутеня, що зберігаються в одній справі (од. зб. № 123 вказаного фонду) і сумарно нараховують 11 рукописних аркушів (більшість зі зворотами, враховано конверти). Перша епістола, яка вміщена на листівці (інші – звичайні листи), датується 14 серпня, остання – 21 серпня 1934 р. Текст подаємо мовою оригіналу, зі збереженням тогочасного правопису.

Листи Йосафата Скрутеня до Романа Луканя

Софія – Львів

14 вересня 1934 р.

+ Дорогий Отче Романе, Вчора, 13.IX, д-р І. Свенц[іцький] виголосив свій реферат на звичайнім засіданню Секції: Візантія і слов'янський світ. Реферат затитулований: Die Kultur- und Kunstbeziehungen Westukrainas mit Byzanz¹⁵. Нині, 14.IX, на надзвич[айнім] засід[анню] Секції історичної прочитав я доповідь: 'Απολογία¹⁶ і т. д. Після обідньої пори – знову засідання. Нема ні трошечки часу. Вечором офіційальні прийняття. Тому не гнівайтесь, що мало пишу...¹⁷.

Від поляків є тільки проф. W. Molè¹⁸ з Кракова і А. Turyn¹⁹ із Варшави. Цей останній уже від'їхав. Тільки свічки й воску. Завтра, 15.IX Конгрес офіційно кінчиться. Про вражіння особисто. Здоровлю і прошу св. молитви

слуга в Хр[ис]ті
От[ець] Скрутень

Софія 14/9 1934

Дістав 19/9 1934²⁰

Zołkiewska 36²¹

Lwów

Pologne

[штамп] IV Congrès international des études Byzantines

[фото споруди і друкований підпис знизу]

София Народния театр 105 Sofia Le Théâtre National

ЦДІАЛ України, ф. 364, оп. 1, од. зб. № 123, арк. 2–2 зв., автограф

Софія – Львів

16 вересня 1934 р.

Дістав 22/IX. 1934

+ Дорогий Отче Романе,

IV Міжнародний Конгрес Візантійських Студій у Софії відкрито в неділю, дня 9.IX. ц[ього]р[оку], в час 10, в привіт царя Бориса III²². Після обіду йдуть відвідини Національного Музею і церков: св. Юрія, св. Софії і Кафедральної св. Олександра Невського. Вечером того дня, в год. 20³⁰, спільний обід, що ним організаційний Комітет Конгресу приймав усіх учасників. Це прийняття влаштовано в ресторані готеля «Болгарія».

Понеділок, 10.IX., від год. 9–13, засідання секцій фільологічної, історичної і археологічної. Всі секційні засідання відбуваються в трьох окремих салях нового університету при прегарній улиці Цар Освободитель 15. Спільні засідання секцій і кінцеве засідання Конгресу відбуваються у великій салі болгарської Академії Наук, у сусідстві болгарського парламенту.

Вівторок, 11.IX. від год. 9–13 засідання секцій фільологічної, слов'янської і археологічної. Після полудня всі учасники з'їзду оглядають Боянську церкву і прислухаються релігійним співам кафедрального хору. В год. 22 приймає всіх у себе цар Борис III.

Середа, 12.IX. збірне засідання всіх секцій від год. 9–13. По обіді оглядаємо церковний музей при вул. цариці Іванни 1, опісля слухаємо концерту хорової дружини «Родінна», на який складаються продукції церковних і народних пісень. В год. 22 приймає нас прем'єр міністрів в уніон ...²³ при вул. Ів. Вазова, 8.

Четвер 13.IX рано від год. 9–13 засідання секцій фільологічної і слов'янської. Після обіду від год. 15–18 засідання секцій історичної і археологічної. Впродовж 2 годин (від 18–20) в комнатах готелю Палас прийняття влаштоване св. Синодом. Обовязки господаря сповняє митрополит Софії, Степан²⁴. В год. 20 репрезентаційне представлення у Великім Театрі.

П'ятниця, дня 14.IX, від год. 9–13 засідання секцій історичної і археологічної. Вечером у год. 21 обід [так в тексті – О. Ф.], що його дає для всіх учасників Конгресу президент міста в Міському громадянським Касині.

Субота 15.IX, від год. 10–13 збірне засідання всіх секцій і закриття Конгресу. Пополудні в церкві св. Софії ...²⁵ староболгарських церковних пісень.

Неділя 16.IX. відвідини Земенського монастиря.

В понеділок 17.IX, початок²⁶ довільних екскурсій до Варни, Бургас-Месамврії.

Крім зазначених звичайних засідань секцій, були ще й надзвичайні, на яких свої реферати читали ті, що мали надпрограмові реферати, також ті, що спізнилися, вкінці ті, що не зголосили на час реферату, але приїхали і привезли його зі собою.

Також крім тут зазначених прийнят, мали ще місце прийняття, що їх уряджували для своїх громадян і запрошених гостей окремі посольства. Посол Польщі міністер А. Тарновський, приймав дня 13.IX. в комнатах посольства при вул. Сан Стефано, 6. Папський делегат у Софії, архієп. Й. Ронкалі²⁷, приймав усіх католицьких священників, учасників з'їзду, в палаті Делегатури (вул. 11 Августа, 6), в суботу 15.XI. Серед його прийняття всі фотографувались. Також і українська громада в Софії²⁸ гостила в себе обидвох українських учасників у своїй власній домівці при вул. 11 Августа 13.

Отсе в загальному зовнішній порядок цілого Конгресу, як він на ділі відбувся, а не як його подавали заздалегідь друковані звідомлення. Тепер слідувало б розказати Вам фактичний зміст його, себто вказати те внутрішнє і головне, що становить неначе душу Конгресу. Опісля можна би ще заспокоїти Вашу цікавість і подати Вам, бодай коротенький, перегляд осіб і річей, що ведуться з цим Конгресом, а вкінці – те все можна б заокруглити міркуваннями стороннього глядача, учасника, українця, обіймаючи думкою, хоча б навіть дещо суб'єктивною цілість Конгресу і його вигляди на майбутнє. Та, вибачайте, сьогодні вже пізна пора (тут час східньо-європейський), а завтра треба вибиратися в дальшу дорогу. Отже, відложім продовження листа на пізніше.

Зі щирим привітом і просьбою св. молитви

остаюсь слугою в Христі

О[тець] Скрутенъ

Софія, вул. Раковски, 126

16 вересня 1934.

PS. Я таки направду добре втомлений і страх як хочеться спати. Завтра, 17.IX. їду до Пловдива, Ст[арої] Загори, Варни. Помоліться, щоб я щасливо і здоровий вернув між своїх.

[конверт зі штампом] Sophia

R.P. Roman Lukań, O[rdo] S[ancti] B[asilii] M[agni].

Lwów Zołkiewska, 36

Дістав 22/IX 1934

ЦДІАЛ України, ф. 364, оп. 1, од. зб. № 123, арк. 5–7, автограф

*Пловдив – Львів**18 вересня 1934 р.*

Дістав 24/9 1934

+ Дорогий Отче Романе,

З черги просите мене начеркнути Вам короткий внутрішній зміст Конгресу у Софії. Я прирівняв би цей зміст до душі, що оживляла і була пружиною всього цілотижневого життя міжнародного з'їзду. Ця душа віддихала і промінювала наверх науковими секціями. Їх було 4: секція фільологічна, історична, слов'янська й археологічна. Крім сього два рази збирались всі секції на спільні засідання.

Провідна думка фільологічної секції, що виступила перед Конгрес із 16 рефератами (на 20 зголошених) і що 3 рази засідала в салі під ч. 6, відтворювала складні і все ще проблематичні питання взаємин візантійських джерел, їх мовних форм, складні, назв, побуту, поезії, прози, мистецтва, церковного співу тощо, до болгарських і праболгарських зразків у ділянці фільології, і навпаки. Вислід цих спільних дослідів і міркувань зображує резолюція, одобрена збором на кінцевім рlenum Конгресу, що буде надрукована у відповідній редакції в пропам'ятній книзі Конгресу.

Історична секція дала 15 рефератів (на 25 зголошених) і свої наради (числом 4) відбувала в салі, ч. 1. На цій секції замітний дещо ширший горизонт, бо попри чисто регіональні питання (з історії болгарської, румунської [,] мадярської), доповіді торкаються і загальних суто візантійських ділянок з історії богослов'я, права, полемічної літератури, географії, хронографії, топографії, торгівлі і т. п. Це мабуть одинока Конгресова секція, що їй не довелося стати на висоті свого завдання. Однак і вона подала від себе декілька конкретних резолюцій, що будуть згодом випечатані.

Чисельно найменша секція, хоч звичайно з найбільшою кількістю слухачів, це секція, затитулована офіційно: Візантія і слов'янський світ. Вона радила, збираючись усього 3 рази, в саях під чч. 1 і 15 і дала 13 рефератів (на 14 зголошених). У центрі зацікавлення стояло Кирило Методіївське питання, це вічно свіже і ніколи не старіюче питання, як на те вказує винесена ухвала – видати критичний *Corpus Cyrillo-Methodian'iv*. Із приємністю слід зазначити, що ця саме секція присвятила окремий реферат про культурні і мистецькі взаємини З[ахідної] України з Візантією²⁹, що викликав помітне зацікавлення. З поміж інших слов'янських народів, ця секція узяла ще Болгарів, Чехів, Словінців і Поляків.

Археологічна секція відбувала свої засідання (всіх 6) в салі ч. 15, маючи до своєї диспозиції проєкційний апарат. Вона дала найбільшу кількість рефератів, бо аж 38 (на 42 зголошених). Годі їх тут перечисляти, хоч усі вони цікаві й основні. Здебільша вони торкаються партикулярних і регіональних квестій (н[а]пр[иклад] фрески кападокійських церков, мистецтво румунське, італійське, іспанське, віденська Книга Биття, Атос, єгиптологія, Дальматія, Семигород, Равенна), є однак річі просто, схоплені з візантійської археології. Мається враження, що доклади цієї секції будуть найбільше цікаві для візантологів, коли вони появляться друком. Тому й не слід вичисляти їх тут подрібно.

Завершенням усіх секційних нарад треба вважати 2 пленарні засідання, що відбувалися у великій салі Болгарської Академії Наук. Тут виступили з своїми класичними докладами найвизначніші члени Конгресу і весь збір слухав їх терпеливо, уважно і з зацікавленням слідив їх думку. Це були неначе головні підсумки за минуле і рівночасно світляні напрямні на будуче в науці византології. Тому зовсім природний був заклик Н. Окунева³⁰, коли він перед закінченням Конгресу закликав Конгрес винести постанову – централізувати візантійські студії в Константинополі і тій місцевості присвятити окрему увагу.

Загальний збір прийняв рішення, щоби наступний, V-ий Конгрес Візантиністів відбувся в Італії (Венеція, Равенна, Рим, Палермо)³¹. Французькі відпочивальники³² піддали думку, щоби черговий VI-ий Конгрес відбувся в Сирії³³.

Тільки про внутрішній зміст і душу Конгресу. Ті слова пишу з пам'яті, бо записки і книжки я зав'язав окремо, користаючи з вигоди I-ої класи експрес-орієнту: Софія–Істанбуль. Листа віддам поштою у Пловдиві і тому цей центр католицького життя в Болгарії підписую внизу.

Зі щирим привітом і проською св. молитви слуга в Христі

От[ець] Скрутень

Пловдив 18.IX.1934

PS. Вже чекають на мене і стоять мені над карком мої товариші подорожі, тому справте листа, бо не маю часу другий раз його перечитати. Сердечно здоровлю о. Копача, о. Якіма, о. Вікарія і Впр. о. Ігумена³⁴.

[конверт, на штампі вказано:] Plovdiv 18.IX.934

Дістав 24/9 1934.

Rp. Romanus Lukań, O[rdo] S[ancti] B[asilii] M[agni].

Lwów

Żółkiewska, 36

Pologne

ЦДІАЛ України, ф. 364, оп. 1, од. зб. № 123, арк. 8–10, 15, автограф

Варна–Бухарест–Львів

19, 21 вересня 1934 р.

+ Дорогий отче Романе,

Сього листа знову пишу в поїзді. Ц[ієї] м[иті] разом їду трансбалканською лінією, з Ст[арої] Загори через В[елико] Тарново, до цариці Чорного Моря, себто до Варни. На цій лінії поїзд перебиває Балкан і³⁵ здіймається на висоту 860 м (від 306 м) понад зеркало моря, опісля спускається в діл, переїжджаючи Шумин і давні, історичні оселі Абада (Пліска), Преслав, Мадара і Каспічан. Та не про туристичні спомини і вражіння хочу говорити, бо пригадую собі, що обіцяв написати Вам і про людей, що зіхалися на Конгрес до Софії і про річи, тісно зв'язані з Конгресом. Отже, треба держатися наміченої програми.

Між учасниками Конгресу майже не бачимо головних і – так сказати – першорядних византологів, що сьогодні уважаються в світі за провідників цієї науки. Отже, нема Нестора візантійських наук, Ch. Diehl'a³⁶, що ще минулого року ми бачили його, слухали його лебединого слова і розмовляли з ним на теми

східної ікони і східного монашества у Варшаві на Міжнароднім Конгресі Історичних Наук³⁷. Нема А. Бееса³⁸, нема Й. Стшиговського³⁹, нема прелата Меркатія⁴⁰, Й. Zeiller'a⁴¹, М. Йорги⁴², І. Сайдака⁴³, нема нікого з російських учених византологів неемігрантів⁴⁴, нема багатьох інших, що сумлінно досліджують широку і складну науку і пишуть праці всесвітнього значіння. Брак цих чільних мистців давався відчутно загально, особливо підчеркували це учасники, коли свободні від наукових занять, зустрічалися взаємно на прогуляках чи офіційних прийняттях.

Все ж таки до столиці Болгарії зіхалося около 120 учасників-чужинців, а з місцевих чи краєвих учасників було пересічно 80–90 душ, що брали будь активну, будь тільки пасивну участь у нарадах Конгресу. Силою свого офіційного характеру на перше місце вибиваються відпоручники держав: Німеччини (1 делегат), Бельгії (2), Данії (1), Франції (4), Голяндії (1), Італії (6), Чехословаччини (1). За ними йдуть відпоручники університетів і вчених установ ось яких країв: Німеччини (є заступлених 6 міст, від 9 вчених установ, із 12 делегатами зг[о]л[ошені] відпоручництвами), Австрії (2 міста, 3 установи, 5 делегатів), Бельгії (2 м., 4 у., 4 д.), Болгарії (5 м., 13 у., 43 д.), Данії (1 м., 1 у., 1 д.), Еспанії (2 м., 2 у., 2 д.), Спол[учених] Держав Америки (2 м., 2 у., 2 д.), Франції (4 м., 6 у., 8 д.), Англії (3 м., 3 у., 3 д.), Греції (2 м., 7 у., 18 д.), Голяндії (1 м., 1 у., 1 д.), Мадярщини (2 м., 4 у., 7 д.), Італії (9 м., 13 у., 15 д.), Польщі (5 м., 9 у., 11 д.), Румунії (4 м., 8 у., 26 д.), Чехословачії (3 м., 7 у., 15 д.), Туреччини (1 м., 2 у., 5 д.), Югославії (6 м., 14 у., 42 д.). Врешті, на третім місці стоять звичайні (активні і неактивні) члени Конгресу, до яких зачисляються, очевидно, і всі висше названі делегати. Видана у вжитку членів Конгресу провізорична листа учасників, виказує 264 особи. Розуміється, що один і той самий член Конгресу дуже часто наділений кількома іншими мандатами.

Мабуть Ви хотіли б теж знати прізвища принаймні найчільніших учених византологів, що знайшлися на Конгресі у Софії, тому вичислю тих, що вже мають своє вироблене ім'я в тій науковій ділянці. Без намислу згадую найперше проф. А. Василева⁴⁵, широко відомого в кругах византологів. На мою думку, це перша сила на сьогорічнім Конгресі. Опісля йде Fr. Dölger⁴⁶, редактор *Byzantinische Zeitschrift*⁴⁷, за ним Н. Grégoire⁴⁸, ред[актор] *Byzantion*⁴⁹, далі V. Laurent⁵⁰, ред[актор] *Échos d'Orient*⁵¹, V. Grumel⁵², A. Andréadès⁵³, В. Златарський⁵⁴, J. Gay⁵⁵, А. Грабар⁵⁶, Ів. Снегаров⁵⁷, М. Weingart⁵⁸, ред[актор] *Byzantinoslavica*⁵⁹, Fr. Dvornik⁶⁰, G. Millet⁶¹, E. Darkó⁶², G. Feher⁶³, S. G. Mercati, Н. Окунев, Б. Філов⁶⁴, В. Погорелов⁶⁵, І. Свенціцький, вкінці довгий ряд інших учених – византологів і – византофілів. Цих останніх – мабуть найбільше. А були теж і звичайні собі глядачі, приїзжжі гості, що цікавляться всяким культурним рухом. Не згадую журналістів, що не покидали нас від першого кроку, поставленого на землі болгарській.

Як звичайно, на подавляючу більшість мужчин, є на Конгресі трохи жінок. Деякі з них навіть привезли зі собою реферати і їх читали. Згадаю принаймні М. Андрєєву⁶⁶ з Праги, що брала живу участь у Конгресі і спільних екскурсіях. Між мужчинами превалюють люди світські різних призвань, різних суспільних степенів та різних переконань. Є однак поважне число духовних осіб,

священиків католицьких і православних, різної ранги у церковній ерархії. А для проречистого доказу на се, що й особи законні, черці-монахи, як скрізь так і тут двигають на своїх раменах добру пайку всемірної науки, у Софії знайшлося около 20 учених ченців, що попросту врослися в діяння конгресових засідань, секційних і пленарних, дорівнюючи завсіди крокови своїх світських товаришів, а нераз вибігаючи навіть добре наперед них. Були тут: оо. Василіяни⁶⁷, Венедиктини⁶⁸, Єзуїти⁶⁹, Асумпціоністи⁷⁰, Воскресенці⁷¹, Лазаристи⁷², Капуцини⁷³ і інш. З великим зацікавленням прислухувався конгресовим докладам Апостольський Делегат у Софії, архієп. А. J. Roncalli, приходячи завсіди в товаристві свого секретаря Don Giacomo і місцевих священиків.

Тепер однак бачу, що сього листа таки не вдасться мені скінчити тут на болгарській землі. Бо отсе я вже у Варні, а за тим – пропала моя писанина. Тут Чорне Море, те самісіньке, що й колись голубило та бавило українських козаків. Воно ще й сьогодні справді реве, лютує, шаліє та бісється... Тож відкладаю папір і чорнило, а про конгресові річі, дасть Бог, пізніше.

Слуга в Христі

Отець Скрутень

Варна 19.IX.1934.

PS. Вибачте, що листа не вислав із Варни. Не вів купити значки⁷⁴ і лист пролежав, ба й перевізся зі мною по Чорнім морю, від Варни до Русе, по Дунаю, аж до Букарешту. Відси їду в год. 20⁵⁵ до наших отців у Біксаді, а листи відсилаю передомкою, разом із щирим поздоровленням і з гарячою просьбою св. молитви.

Букарешт, Athénéc Palace

21.IX.1934 р.

підпис

ЦДІАЛ України, ф. 364, оп. 1, од. зб. № 123, арк. 11–13, автограф

¹ Див., наприклад: Карпов С. П., Грацианский М. В., Захарова А. В., Близнюк С. В. XXII Международный конгресс византийских исследований (София, 22–27 августа 2011 г.). – С. 348. – [Доступный з:] <<http://istina.imec.msu.ru/media/publications/articles/6ea/66d/2737742/vv71-congress1.pdf>>

² Перелік повідомлень у пресі та оглядів роботи Конгресу за 1934–1935 рр. див.: Bibliographie sur le IVe Congrès international des études Byzantines // Actes du IVe Congrès International des Études Byzantines, Sofia, septembre 1934 / Publ. sous la réd. de B. D. Filov. – Sofia, 1936. – Vol. 2. – P. 302–304.

³ Спочатку захід запланували на 1933 р., згідно з узгодженням ще на Першому Конгресі (1924 р., Бухарест) графіком – раз на три роки. Однак дату перенесли, насамперед, аби уникнути збігу з черговим Міжнародним конгресом історичних наук: Nystazopoulou-Pélékidou M. L'Histoire des Congrès internationaux des Études Byzantines. Première partie // BYZANTINA SYMMEIKTA. – 2008. – Vol. 18. – P. 13.

⁴ Чорний В. Історія Болгарії. – Львів, 2007. – С. 273.

⁵ Державне фінансування проведення Конгресу ще на початку 1934 р. було під питанням, лише під тиском поважних науковців та інших інтелектуалів воно вирішилось позитивно: Николов А. Обреченият опит на проф. В. Н. Бенешевич да вземе участие и IV Международен конгрес по византийски изследвания (София, 1934 г.) // Провалите в историята. XVII Кюстендилски четения 2010 г. / Съст. Х. Беров. – София, 2012. – С. 230.

⁶ Nystazopoulou-Pélékidou M. L'Histoire... – P. 20.

⁷ Тут і далі в дужках подаємо номер аркушів листів, які публікуються.

⁸ *Nystazopoulou-Pélékidou M.* L'Histoire... – Р. 25, 28–29.

⁹ Ibid. ... – Р. 30–31.

¹⁰ *Кришталович У.* Листи Івана Йосафата Скрутеня до Романа Луканя // Україна модерна. – 1996. – Число 1. – С. 172–185.

¹¹ *Кришталович У.* Листи... – С. 174–175. Щоправда, у розвідці йдеться про один лист, в якому детально описується робота Конгресу, насправді їх кілька, як це зрозуміло з нашої публікації.

¹² *Ясь О.* Скрутень Іван Йосафат // Українські історики ХХ століття: Біобібліографічний довідник. – К., 2004. – Вип. 2. – Част. 2. – С. 297. Особі свящ. Й. Скрутеня сучасні дослідники, окрім згаданого У. Кришталович, практично не приділяли спеціальної уваги, натомість його діяльність та науковий доробок згадуються в низці праць присвячених греко-католицькій міжвоєнній історіографії чи минулому Ордена василіян. Лаконічно окреслено діяльність Й. Скрутеня на сторінках сучасного релігійного часопису: *О. К.* Коротка довідка науково-історичної спадщини о. Й. Скрутеня, ЧСВВ сформована у середовищі модерного Львова // Місіонар. – [Режим доступу:] <http://www.misionar.info/doslidzhennya/4224>.

¹³ Із публікацій останніх років про Р. Луканя див.: *Кріль М.* Лукань Роман-Степан // Довідник з історії України / За заг. ред. І. Підкови, Р. Шуста. – 2-ге вид. – К., 2001. – С. 423; *Купчинський О.* Роман-Степан Лукань // Вісник Наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 2003. – Ч. 29. – С. 27–30. *Передурій В.* Отець Роман-Степан Лукань як бібліотекар і бібліограф // Записки Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника: [зб. наук. пр.]. – Вип. 11. – Львів, 2003. – С. 99–109; *Тиміш Л.* Отець Роман Лукань – дослідник історії Церкви // Історія релігій в Україні: науковий щорічник. – 2012. – Кн. 1. – Львів, 2012. – С. 593–599.

¹⁴ *Тиміш Л.* Отець Роман Лукань... – С. 594.

¹⁵ *Swiencickij I.* Die Kultur- und Kunstbeziehungen Westukrainas mit Byzanz // Actes du IVe Congrès International des Études Byzantines, Sofia, septembre 1934 / Publ. sous la réd. de B. D. Filov. – Sofia, 1936. – Vol. 2. – P. 75–77.

¹⁶ *Skruteń J.* Apologia des Mönchspriesters Job gegen die Argumente zugunsten der Lateiner // Actes du IVe Congrès International des Études Byzantines, Sofia, septembre 1934 / Publ. sous la réd. de B. D. Filov. – Sofia, 1935. – Vol. 1. – P. 326–330.

¹⁷ Так в тексті.

¹⁸ Моле (Molè) Воєслав (1886–1973) – історик мистецтва (античного, ранньохристиянського та візантійського). Ініціатор дослідження поствізантійського мистецтва у Польщі, один з творців студій з історії мистецтва в Словенії. Викладач в університеті Любляни, проф. Ягелонського університету в Кракові.

¹⁹ Турин (Тугун) Александр (1900–1981) – філолог-класик, літературознавець, палеограф. Професор Варшавського університету.

²⁰ Тут і далі по тексту містяться дописи на листах іншим почерком про дату отримання, зроблені зеленим чорнилом, очевидно, адресата – свящ. Р. Луканя. Далі по тексту виділяємо їх розрядкою.

²¹ Адреса монастиря св. Онуфрія у Львові, тепер вул. Б. Хмельницького, 36.

²² Борис III Саксен-Кобург-Готський (1894–1943) – правитель Болгарії у 1918–1943 рр. Почесний президент Конгресу.

²³ Нерозбірливо.

²⁴ Стефан (світс. – Стоян Шоков, 1878–1957) – митрополит Софійський у 1922–1945 рр.

²⁵ Нерозбірливо.

²⁶ Перекреслено «офіційльних».

²⁷ Ронкаллі (Roncalli) Анджело Джузеппе (1881–1963) – нунцій Ватикану в Болгарії у 1925–1935 рр., папа Римський Йованн ХХІІІ (1958–1963).

²⁸ Перекреслено «11 августа, 13».

²⁹ Йдеться про вище зазначену доповідь І. Свенціцького.

³⁰ Окунев Миколай Львович (1885–1949) – історик давньоруського, візантійського, середньовічного сербського і російського мистецтва. Професор Карлового університету у Празі. Член візантинознавчої комісії Слов'янського інституту в Празі, редактор періодичного видання «Byzantinoslavica».

³¹ V-ий Конгрес відбувся в Італії 1936 р., головні засідання проходили в Римі.

³² При формуванні справи був порушений порядок аркушів – текст з арк. 9 зв продовжується на арк. 15.

³³ Безпосереднім місцем проведення VI-ого Конгресу було призначено м. Бейрут – столицю сучасного Лівану. Й. Скрутень вживає тут назву «Сирія» в значенні т. зв. історичної (Великої) Сирії, до складу якої під французьким мандатом, як окрема держава, входили у міжвоєнний час і теперішні ліванські території. 1939 р. Франція погодилась передати під турецький контроль колишній Александреттський санджак (Іскандерун) Османської імперії, на той час т. зв. Державу Хатай. Це рішення викликало обурення і виступи сирійців. Проводити захід в надзвичайно несприятливій політичній ситуації було недоцільно, тому осередок Конгресу перенесли до іншої підмандатної Франції території – Алжиру. Однак науковий форум так і не відбувся – завадив початок Другої світової війни. Згодом вдалось видати лише короткі реферати планованих доповідей.

³⁴ Лучинський (світське ім'я – Іван) Йосиф (1888–1947) – ігумен монастиря св. Онуфрія у Львові (1931–1935).

³⁵ Перекреслено «зноситься».

³⁶ Діль (Diehl) Шарль (1859–1944) – творець французької школи візантиністики, дослідник політичної історії та мистецтва ромейв. Професор Сорбони.

³⁷ VII-ий Міжнародний Конгрес історичних наук відбувся 21–28 серпня 1933 р.

³⁸ Веїс (Βέης) Нікос Афанасіу (1882–1958) – візантиніст, історик Церкви, літературознавець. Професор Афінського університету. Засновник журналів «Βυζαντίς» (1909) та «Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher» (1920).

³⁹ Стшиговський (Strzygowski) Йозеф (1862–1941) – історик візантійського мистецтва, сходознавець. Професор Грацького та Віденського університетів, фундатор «Товариства порівняльних досліджень у галузі мистецтва».

⁴⁰ Меркаті (Mercati) Джованні (1866–1957) – італійський церковний ієрарх, філолог, палеограф. Ініціатор створення першого італійського візантинознавчого періодичного видання – «Studi bizantini e neoellenici». На час проведення Конгресу префект Ватиканської апостольської бібліотеки.

⁴¹ Зіллер (Zeiller) Жак (1878–1962) – археолог та фахівець з епіграфіки. Професор Фрібурзького університету (Швейцарія).

⁴² Йорґа (Jorga) Ніколае (1871–1940) – візантиніст, історик Румунії, державний і політичний діяч. Академік Румунської академії. Ініціатор проведення міжнародних візантинознавчих форумів, організатор Першого з них у Бухаресті (1924).

⁴³ Сайдак (Sajdak) Ян (1882–1967) – філолог-класик, візантиніст, патролог. Професор Краківського, Львівського та Познанського університетів.

⁴⁴ Ставлення радянської науки до міжвоєнних форумів візантиністів яскраво ілюструє невдала спроба В. Бенешевича долучитись до участі саме в IV-му Конгресі, див.: *Герд Л. А., Ніколов А. Н.* О проекте участия В. Н. Бенешевича в Софийском конгрессе византистов 1934 г. // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византистов. – М., 2011. – С. 68–71; *Ніколов А.* Обреченият опит на проф. В. Н. Бенешевич да вземе участие и IV Международен конгрес по византийски изследвания (София, 1934 г.) // Провалите в историята. XVII Кюстендилски четения 2010 г. / Съст. Х. Беров. – София, 2012. – С. 229–235.

⁴⁵ Васильєв Олександр Олександрович (1867–1953) – візантиніст, арабіст. Професор Дерптського, Петербурзького (згодом, Ленінградського) університетів, очолював Російську (Державну) Академію Історії матеріальної культури. На еміграції працював у Вісконсінському університеті (Медісон). Президент Міжнародної Асоціації візантійських студій.

⁴⁶ Дьольгер (Dölger) Франц (1891–1968) – філолог-класик, візантиніст, медієвіст. Один з творців візантійської дипломатики. Професор Мюнхенського університету, керівник Мюнхенського візантинознавчого товариства.

⁴⁷ Перше у світі спеціалізоване видання з візантиністики, засноване 1892 р. зусиллями проф. Мюнхенського університету К. Крумбахера, виходить по сьогоднішній день. Фр. Дьольгер редагував цей періодичний орган у 1928–1963 рр.

⁴⁸ Грегуар (Grégoire) Анрі (1881–1964) – філолог, візантиніст, славіст. Очолював один з інститутів Брюссельського університету, Візантинознавчий та новогрецький інститут в Брюсселі та Міжнародну Асоціацію візантійських студій.

⁴⁹ «Byzantion» – періодичний орган Бельгійського Товариства візантійських студій, заснований у 1924 р. П. Грендором та А. Грегуаром. Виходить донині.

⁵⁰ Лоран (Laurent) Віталєн (1896–1973), свящ., монах ордену ассумпціоністів – візантиніст, спеціалізувався на археографічних публікаціях. Фундатор Французького інституту візантійських

студій в Бухаресті (1937 р.), один із співзасновників періодичного видання «Revue des études byzantines».

⁵¹ «Échos d'Orient» – періодичне наукове видання, засноване 1895 р. у Константинополі Вищою школою практичних досліджень ордену ассумпціоністів (від 1937 р. – Французький інститут візантійських студій в Бухаресті, 1949 р. переїхав до столиці Франції). У 1943 р. видання спершу міння назву на «Études Byzantines», а 1946 р. на «Revue des études byzantines» під якою виходить донині. У 1980 р. орден припинив підтримку видання, відтоді ним, як і інститутом, опікується Католицький інститут Парижу. Один з провідних візантиністичних журналів сучасності.

⁵² Грюмель (Grumel) Венанс (1890–1967), монах ордену ассумпціоністів – візантиніст, фахівець з історії Церкви та історико-теологічної проблематики. Співробітник «Échos d'Orient», секретар Французького інституту візантійських студій в Бухаресті.

⁵³ Андреадіс (Ἀνδρεᾶδης) Андреас (1876–1935) – економіст. Професор Афінського університету.

⁵⁴ Златарський Васил (1866–1935) – історик-медієвіст, археолог. Дослідників середньовічної історії Болгарії. Ректор Софійського університету. Президент Організаційного комітету Конгресу.

⁵⁵ Гай (Gay) Жюль (1867–1935) – історик-медієвіст, досліджував італійсько-візантійські стосунки. Професор університету м. Ліля.

⁵⁶ Грабар Андрій Миколайович (1896–1990) – історик пізньоантичного, візантійського та середньовічного мистецтва балканських країн. Родом з України. Професор Страсбурзького університету, Колеж де Франс, співпрацював з Центром візантиністичних досліджень в Дамбартон-Оукс.

⁵⁷ Снегаров Іван (1883–1971) – церковний історик-медієвіст. Дослідник минулого низки помісних Православних церков. Професор Софійського університету.

⁵⁸ Вейнгарт (Weingart) Мілош (1890–1939) – мовознавець-славіст. Професор Празького університету, ректор Братиславського університету.

⁵⁹ «Byzantinoslavica» – міжнародний журнал візантійських студій, який почав виходити з 1929 р. у Празі. Спеціальна увага на сторінках видання приділяється питанням історії візантійсько-слов'янських взаємин.

⁶⁰ Дворнік (Dvorník) Франтішек/Френсіс (1893–1975), священник – славіст і візантиніст. Фахівець з історії візантійсько-слов'янських взаємин, відносин Константинопольського патріархату з Римом та середньовічної історії Центрально-Східної Європи. Професор Празького університету, працював у Дамбартон-Оукс.

⁶¹ Мілле (Millet) Габрієль (1867–1953) – візантиніст, мистецтвознавець та археолог. Професор Колеж де Франс.

⁶² Дарко (Darkó) Єнев (1880–1940) – філолог, візантиніст. Професор Дебреценського університету.

⁶³ Фехер (Féher) Géza (1890–1955) – археолог, болгарист. Спеціаліст з ранньої історії болгар.

⁶⁴ Філов Богдан (1883–1945) – археолог, мистецтвознавець, державно-політичний діяч. Директор Національного археологічного музею в Софії, професор Софійського університету, його ректор, прем'єр-міністр Болгарії (1941–1942, 1942–1943). Головний секретар Організаційного комітету Конгресу.

⁶⁵ Погорєлов Валерій Олександрович (1872–1939) – філолог-славіст. Професор Варшавського та Братиславського університетів.

⁶⁶ Андреева Марія Олександрівна (1900 – після 1949) – візантиніст. Співробітник Слов'янської бібліотеки (Прага), керувала Російським історичним товариством у Празі.

⁶⁷ Чин святого Василя Великого (Ordo Sancti Basilii Magni) – спільна назва для низки східних католицьких орденів, які виводять своє походження від традиції св. Василя Великого. В Україні – це Василіанський Чин св. Йосафата.

⁶⁸ Бенедиктинці – католицький чернечий орден, формально організований наприкінці XIX ст., фактично ж веде походження від VI ст.

⁶⁹ Єзуїти – католицький чернечий орден, заснований у XVI ст.

⁷⁰ Ассумпціоністи – католицький чернечий орден, заснований у середині XIX ст. Зосереджувалась на роботі з освітніми та окремими науково-видавничими проектами, зокрема тривалий час підтримували візантиністичне видання «Échos d'Orient» та його журнали-наступники.

⁷¹ Воскресенці (змартвихвстанці) – польський католицький орден, заснований у другій чверті XIX ст.

⁷² Лазаристи (Конгрегація місій) – католицька конгрегація, заснована у XVII ст.

⁷³ Капуцини – католицький чернечий орден, заснований у XVI ст.

⁷⁴ Поштові марки.

В. С. Флёров

ВИЗАНТИЙСКОЕ В НИЖНЕ-ДОНСКИХ КРЕПОСТЯХ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА*

Существует огромная историческая литература о политических и культурных контактах Хазарского каганата непосредственно с Византией и с провинциально-византийскими центрами и территориями Крыма и Таманского полуострова. Многократно использованы и цитированы соответствующие фрагменты сочинений Феофана, Продолжателя Феофана, Никифора, Константина Багрянородного и других средневековых авторов. Не столь велика, но также значительна, литература о проникновении в каганат элементов провинциально-византийской материальной культуры. В основном речь в ней идёт о распространении на территории каганата византийской монеты, амфор причерноморских типов, баклажек, ойнохой, высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, о находках парадной посуды и единичных, подчас уникальных предметах византийского происхождения. Одно только перечисление тематики историко-археологической литературы хазаро-византийской направленности, и даже выборочный список авторов и трудов занял бы здесь неоправданно большое место.

Основная цель данной статьи – введение в научный оборот нового археологического источника по истории хазаро-византийских контактов – черепицы и других редких строительных материалов из раскопок Семикаракорской и Правобережной Цимлянской крепостей¹. Публикационному разделу необходимо предпослать освещение проблемных археологических ситуаций, связанных с этими ниже-донскими хазарскими крепостями, не только с двумя указанными, но и с Саркелом, с которого и начну.

Прямым свидетельством участия Византии в строительстве Саркела, единственной на Нижнем Дону крепости из обожженного кирпича, является информация о миссии Петроны Каматира, постоянно комментируемая по разным поводам. Пожалуй, наиболее детально предыстория поездки на Дон Петроны, как и политическая ситуация вокруг самого строительства Саркела, освещены в одном из разделов фундаментального труда *Сергея Борисовича Сорочана*,

* Подготовлено по Проекту «Хазарский каганат: взаимодействие с Византией, Востоком и Русью по археологическим и письменным источникам» Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государства в мировой истории».

снабженного и обширнейшей библиографией². Последнее избавляет меня от перегрузки статьи излишними ссылками.

При всем внимании историков и археологов, остается одна не до конца решенная проблема в связи с участием Петроны в сооружении Саркела – действительно ли только с него и только в Саркеле начиналось в Хазарском каганате изготовление обожженного квадратного кирпича размерами преимущественно от 24 : 24 : 4–5 см до 27 : 27 : 5 (реже 7) см? Поиск ответа на данный вопрос усложняется тем, что в Саркеле обнаружены не только квадратные кирпичи³, но и многочисленные прямоугольные⁴, подобрать которым византийские аналогии ввиду их нестандартности затруднительно. Кроме того, необходимо учитывать, что из квадратного кирпича, преимущественно сырцового, но также и обожженного, сооружена Семикаракорская крепость (допустимо для краткости – «Семикаракоры»), речь о которой пойдет ниже. Сырцовые кирпичи Семикаракор и обожженные Правобережной Цимлянской вкуче с другими керамическими строительными материалами вызвали следующее заключение М. И. Артамонова: «...в остатках Правобережного замка найдены такие же, как и в Семикаракорях, черепицы, также прямоугольные глиняные плитки для пола и тонкие, 4-сантиметровые кирпичи, совершенно другого типа, нежели саркелские. Несомненно, *техника кирпичного строительства была известна на Дону задолго до сооружения Саркела, хотя и не получила широкого распространения* (курсив здесь и далее мой – В. Ф.); как показывают материалы Правобережного замка и Семикаракорского городища, в досаркелское время в ходу были кладки из сырцовых, а не из обожженных кирпичей»⁵. Накопленные за прошедшие десятилетия материалы требуют возврата к обсуждению сложных вопросов появления на Нижнем Дону всех керамических строительных материалов, не только кирпичей. Сделаны первые шаги в этом направлении; доступная информация о саркелских и семикаракорских кирпичах систематизирована, что облегчит поиск их прототипов⁶. Можно сделать и первые коррективы к наблюдениям Артамонова – принципиальных отличий между саркелскими и семикаракорскими обожженными кирпичами нет.

Наиболее сложна проблема относительной хронологии трех донских крепостей. Если появление Правобережной Цимлянской крепости несколько ранее Саркела⁷ вроде бы не вызывает сегодня возражений, то даже примерная дата возникновения Семикаракорской крепости остается невыясненной. Некоторый намек на то, что она возникла в коротком отрезке времени вместе с Правобережной и, во всяком случае, не позднее Саркела дает находка известного типа золотой серьги с подвеской в виде опрокинутой пирамиды⁸. Таким образом, вопрос о появлении кирпичного строительства на Нижнем Дону, а вместе с ним черепицы, коренится в том, что три крепости возникли в узком хронологическом интервале, который не поддается на базе имеющегося археологического материала более дробному членению.

*

Саркел. Материалы раскопок крепостных сооружений и внутренних строений Саркела, по археологической номенклатуре Левобережного Цимлянского городища, известны по публикациям М. И. Артамонова⁹, но, главным образом,

по статье участника Волго-Донской археологической экспедиции П. А. Раппопорта¹⁰. Нельзя не сожалеть о том, что широкомасштабные раскопки 1949–1951 гг. кирпичных сооружений Саркела нашли отражение лишь в этой короткой публикации, хотя после раскопок 1934–1936 гг. М. И. Артамонов не оставил и такой. Позднее вышла посвященная Саркелу книга С. А. Плетнёвой, но автор сама не была участницей раскопок крепости и это надо иметь в виду¹¹.

Какие же элементы византийского происхождения можно обнаружить в крепости Саркел? Указание на четкий план крепости, перенесенный на строительную площадку византийскими геодезистами, давно стало общим местом и не требует дополнительных комментариев. Обратим внимание на те находки, которые менее всего привлекали внимание исследователей. Специально подчеркну следующее методическое положение при работе с саркелскими древностями. По причине очень плохой сохранности строений Саркела и несовершенства первых его раскопок, от которых почти не осталось удовлетворительной полевой документации, мы не можем себе позволить пренебрегать любыми мало-мальски достоверными сообщениями о находках, которые только на первый взгляд могут казаться малозначащими. Это относится и к отрывочной информации о штукатурке и краске, масштабы применения которых в Саркеле наверняка были гораздо более широкими, чем это зафиксировано первыми раскопщиками.

Штукатурка и краска. П. А. Раппопорт лишь единожды упоминает штукатурку из раскопок 1949–1951 гг., которой «в некоторых местах» снаружи и изнутри были покрыты стены внутренних сооружений крепости¹². Только ли «в некоторых местах»? Сам исследователь отмечал, что несколько более подробную информацию из материалов В. И. Сизова¹³ и Н. И. Веселовского воедино собрал М. И. Артамонов. Речь шла о: *толстом слое штукатурки* на одной стороне стены какого-то здания; о постройках с *оштукатуренными стенами*, в одном случае штукатурка покрыта «серой краской» (трудно сказать, что это за краска по составу; не исключено, что штукатурка была изначально белой, но впоследствии покрылась серым налетом, принятым за краску). Третье сообщение, принадлежащее Н. И. Веселовскому, более интересное: ворота (дверной проем?) четырехугольного здания оштукатурены и покрыты *красной и зеленой красками*¹⁴. При всей отрывочности и при отсутствии полевой документации в нашем современном понимании, сообщения о штукатурке и краске в Саркеле не могут быть поставлены под сомнение и должны быть отнесены к византийским технологиям (см. ниже о тех же материалах в Правобережной Цимлянской крепости). Особое значение находок штукатурки в том, что она изготавливалась и применялась на месте, в отличие от архитектурных деталей, которые были привезены готовыми. Краска, если и была привезена в порошке (особенно зеленая), то растворялась также на месте строительства, и наверняка местными рабочими. Обе технологии, оштукатуривание и покраска, появились в каганате как привнесенные византийцами. Любопытно, что М. И. Артамонов при написании «Истории хазар» не упоминает факты обнаружения в Саркеле штукатурки и краски, о чем сам же написал в 1935 г.: «Специфически византийского в формах открытых раскопками построек ничего не обнаружено, за исключе-

нием мраморных колонн и капителей...»¹⁵. Но это, все-таки «византийское», не прошло мимо внимания С. А. Плетнёвой, которое она дополнила слишком смелым предположением. Речь идет о стене юго-западного караульного помещения у главных ворот крепости: «На сохранившемся в несколько рядов участке стены слева от входа осталась покрывавшая внешнюю и внутреннюю поверхности стены штукатурка. Это одна из редчайших находок в Саркеле, поскольку стены его практически всюду были разобраны до основания. Напомню, что в раскопках Н. И. Веселовского (см. о них выше – В. Ф.) были обнаружены куски штукатурки, окрашенные в красный, зеленый и серые цвета. Это позволяет думать, что изнутри кирпичные оштукатуренные здания украшались росписями. На штукатурке в караульне, естественно, росписи не было...»¹⁶. Трудно объяснить, почему, отметив якобы редкость находок штукатурки в Саркеле, Плетнёва в свою очередь забыла находку большого фрагмента стены со штукатуркой, опубликованного П. А. Раппопортом. К сожалению, Раппопорт не указал, какому помещению он принадлежал, но явно не караульным помещениям, которые он предельно кратко описывает в другом разделе своей статьи и, в свою очередь, не упоминая оштукатуренную стену¹⁷, позднее описанную Плетнёвой. Что касается предположения С. А. Плетнёвой о «росписях» саркелских стен, то будем исходить из наличных находок, среди которых фрагментов росписей нет. И еще одно замечание. При работе с публикациями о раскопках Саркела в 1949–1951 гг. надо учитывать обстоятельства, в которых они проходили. Ограниченность времени при желании вскрыть максимально большую площадь обреченного на затопление памятника наверняка вела к невольным погрешностям, одной из которых было то, что зафиксирована только штукатурка, сохранившаяся на стенах, но совершенно не отмечены находки осыпавшейся штукатурки, в том числе со следами краски. Ее не могло не быть.

Opus mixtum. Приведу полностью текст М. И. Артамонова: «Часовников, прибывший на городище, когда там был еще Веселовский, и производивший также какие-то раскопки, в докладе в Петербургском Археологическом институте (Отчет см. в газ. «Новости», № 106, от 16 апреля 1888 г.) сообщает, что в северной части городища найдены остатки небольшого здания, сложенного из четырехугольных плит белого известняка, чередующиеся с рядами кирпичей. Это был, замечает он, по всей вероятности христианский храм. Здесь жителями найдены два больших обломка мраморных колонн и мраморная же капитель»¹⁸. Оставим вопрос о храме за скобками, а также учтем, что версия о намерении построить в Саркеле христианский храм была запущена художником В. В. Часовниковым и лишь затем подхвачена историками и археологами¹⁹. Нас интересует в данной статье лишь упоминание некоторых технологий и материалов. Описанное сочетание плит известняка и кирпичей явно указывает на кладку *opus mixtum*, хорошо известную в Крыму по раскопкам Херсона²⁰, да и в целом в византийской архитектуре, культовой, гражданской, крепостной. Другое дело, что осталось неизвестным количество рядов кирпичей и толщина швов между ними, которые могли бы уточнить дату кладки.

Черепица – третий вид источника, который в данной статье привлекается в связи с проникновением на Нижний Дон материалов, имеющих византийские

прототипы. Черепица Саркела неоправданно редко упоминается в археологической литературе, вероятно в виду ее малочисленности, но именно это обстоятельство уже вызывает серьезные вопросы. По существу все сведения о черепице из раскопок кирпичной крепости сводятся к очень короткому описанию П. А. Раппопорта, построенному на находках не более трех десятков фрагментов, включая даже самые мелкие обломки. «Найдены были черепицы почти все в одном месте – близ соединения внутренней крепостной стены с северо-восточной наружной стеною крепости. Все черепицы хорошего обжига, красного цвета, из глины, не содержавшей крупных примесей. Размер черепицы определить не удалось, т. к. ни одной целой черепицы не было обнаружено, однако ясна их форма – это *плоские черепицы*, толщиной от 1,5 до 2,5 см, с плавно загнутыми краями. Судя по отдельным фрагментам, некоторые черепицы имели *фигурную форму*. Кроме того, обнаружено несколько фрагментов *полукруглых* желобчатых черепиц, служивших для перекрытия стыка между плоскими черепицами (так называемые калиптеры²¹). Толщина их от 1 до 1,5 см, а их наружный диаметр, примерно 6–7 см». Описание сопровождается рисунками обломков трех плоских черепиц с загнутыми краями и двух желобчатых²².

Лучше сохранились и более выразительны «полукруглые, желобчатые», т. е. калиптеры. Специфика их заключается в крутом изгибе, при котором боковые плоскости стали параллельными, что и объясняет незначительную ширину. Профиль черепицы напоминает сечение тоннеля с вертикальными стенами и коробовым сводом. Точные аналогии мне пока неизвестны. Возможно, прототипы следует искать в более крупных позднееримских образцах типа представленных в Нове²³.

Публикуемые Раппортом обломки «плоских» черепиц, скорее всего, указывают не на плоские, а на фигурные специального назначения со скругленными краями. К ним Раппопорт сделал следующее примечание: «Этим плавным загибом краев черепица Саркела существенно отличается от античных и византийских». Если брать Крым и Таманский полуостров, то, действительно, для них в VI–IX вв. такой тип не характерен. Остается расширить территорию поисков. Появление аналогий – вопрос времени.

Обратим внимание на следующий парадоксальный феномен: в крепости с кирпичными помещениями общей площадью в сотни квадратных метров, обнаружено столь мизерное количество черепицы. Тридцать керамид и калиптеров (даже если каждый обломок соответствовал бы одному целому экземпляру) не хватило бы на кровлю даже одного из саркелских помещений. Обратим внимание на место обнаружения черепицы. На стыке указанных П. А. Раппортом стен, месте абсолютно не престижном, находилось какое-то маленькое кирпичное строение т. н. второго этапа строительства в крепости²⁴. Помещение меньше, чем одно из караульных у главных ворот или любое другое в Саркеле. Впрочем, сам исследователь при описании черепицы не связывал ее с данной постройкой.

Трудно подобрать однозначное объяснение, почему в крепости, построенной по государственному заказу и посещаемой если не каганом, то беком, для кровли не использована черепица. Вероятнее всего на крыши шел рогоз, иног-

да ошибочно называемый «камышом». Нельзя исключить деревянные кровли типа дранки. Так или иначе, для достоверных реконструкций крыш кирпичных зданий Саркела данных нет.

Отметим высокое качество описываемой черепицы: глина без примесей, красный обжиг, тонкость пластин. Нельзя исключить, что эти находки не местного изготовления и доставлены в небольшом количестве, может быть, как образцы для последующего воспроизведения на месте. Я не склонен отсутствию черепицы в Саркеле давать недоказуемые объяснения (нехватка средств, внезапное нападение и пр.; причины могли быть сугубо практические, обыденные). Черепица Саркела не стала после публикации П. А. Раппопорта предметом дальнейших исследований. Как будет показано ниже, на Нижнем Дону она все-таки производилась, но не в Саркеле и совершенно иная по форме и качеству.

*

Правобережная Цимлянская крепость вошла в археологию одновременно с Саркелом в середине XIX в. главным образом в связи с поисками последнего. Первые же раскопки Правобережного Цимлянского городища, имевшие в основном далекие от археологии цели, но давшие ценнейшую информацию, относятся к середине XVIII в.²⁵

Основная информация о раскопках памятника по 1990 г. включительно содержится в публикациях И. И. Ляпушкина²⁶, С. А. Плетнёвой²⁷ и В. С. Флёрова²⁸. На основе плана и последующих раскопок С. А. Плетнёвой и моих удалось создать эскиз реконструкции крепости (Илл. 2).

Крепость возведена в самом конце VIII – начале IX в. Более точно определить дату не удастся. В соответствии с рельефом местности она имела треугольные очертания, 110 x 130 x 135 м, и построена, в отличие от соседнего Саркела, из блоков белого известняка. Толщина стен 4,20 м, высота могла достигать 8 м, если в такой высоте была необходимость. Вдоль стен восемь прямоугольных башен. Главные ворота представляли сложную конструкцию с дополнительной внутренней стеною, препятствовавшей сквозному проезду. Внутреннее пространство крепости разделено более узкими стенами на три отсека, из которых один являлся цитаделью с выходом в сторону Дона из южной башни восточной стены. Еще в XVIII веке стены и башни крепости сохранялись на высоту до 3 м, но тогда же были частично разобраны, с целью использовать строительный материал в столице Войска Донского Черкасске. Несмотря на эти разрушения, Правобережное городище как археологический памятник сохранилось прекрасно (лучше, чем Саркел, от стен которого оставались только отпечатки).

Казалось бы, между построенными из разных материалов и имеющими различные очертания крепостями, Саркелом и Правобережной, общего мало. Это совершенно не так. Напротив, крепости имеют принципиальное сходство: обе снабжены прямоугольными башнями близких размеров, выдающимися за линию крепостных стен, обе поделены внутренними стенами на сектора, соединяющиеся внутренними проходами. Каждая имеет только одни главные ворота и по одному узкому проходу в стенах, обращенных к Дону (речные ворота). И не менее важное общее: крепостные стены не имели фундаментов. Намеченные

под них полосы дневной поверхности лишь выравнивались. На Правобережной крепости полосы заглублялись в зависимости от микрорельефа в пределах 10–20 см. Для Саркела П. А. Раппопорт отмечал: «...нижний ряд кирпичной кладки, уложенный без фундамента *непосредственно на глинистый грунт*, вдавливался в этот грунт от тяжести стены». Важный вопрос о фундаменте не мог пройти и мимо внимания М. И. Артамонова. «При всём том кладка отличалась примитивностью: стены возводились без фундаментов, *непосредственно на освобожденной от дернового покрова и несколько выровненной земле...*», а затем почти повторено: «*примитивное возведение стен без фундамента*»²⁹. Не было фундаментов и под кирпичными строениями внутри Саркела, что хорошо видно на многочисленных фото в статьях.

Что касается планов кирпичной и белокаменной крепостей, то в обоих случаях они соответствуют рельефу выбранных строительных площадок. Иными словами, подход к строительству двух соседних крепостей был единообразен. Для Саркела была выбрана относительно ровная площадка в пойме Дона, что позволило придать ему классические для крепостного строительства прямоугольные очертания. В связи с этим отмечу, что левобережье Дона в зоне строительства – это плоская степь. Правобережная крепость, напротив, строится на высоком изрезанном балками берегу. Между двумя такими балками и была выбрана, более чем удачно, треугольная площадка, связанная с коренным берегом только узким перешейком. В итоге Правобережная Цимлянская крепость оказалась недоступнее, чем Саркел. Впрочем, защитой последнему были рвы, валы и протока Дона. Не буду более детально останавливаться на сравнении двух цимлянских крепостей, констатируя главное – Правобережная Цимлянская крепость, не упомянутая ни в одном письменном источнике, и крепость Саркел сооружены в одной строительной традиции. Данная тема требует отдельного рассмотрения.

*

Перейдем к тем материалам из раскопок Правобережной Цимлянской крепости, встречаемость которых в ниже-донских крепостях составляет объект нашего внимания – штукатурка, краска, opus mixtum, черепица.

Штукатурка, кирпичи известняковые, краска – одно из самых мало ожидавшихся открытий в Правобережной крепости. Впервые штукатурка обнаружена мною в 2007 г. в ходе раскопок восточной крепостной стены, где среди развалов блоков были случайно замечены фрагменты очень твердых пластин с гладкой внешней поверхностью. После первых находок поиск продолжился целенаправленно, в результате чего удавалось заметить обломки всего в 2–3 см, а самый крупный в 11 см. Толщина от нескольких миллиметров до сантиметра, но один фрагмент (№ 53-а по описи) имел толщину 2.6–3.4 см.

Характерный признак правобережной штукатурки: различие внешней и тыльной поверхностей. Качество обработки внешней поверхности поражает: совершенно ровная и гладкая, иногда заполированная почти до блеска, по аналогии с керамикой, можно сказать – залощена. Тыльная сторона неровная, шершавая, на ней, как правило, четкий отпечаток (негатив) поверхности блока со

всеми мелкими деталями. Цвет от белого до светло-кремового также является заметным признаком штукатурки. Что касается состава, из которого изготовлена штукатурка, то это отвердевший тщательно промешанный раствор (вероятно на извести) измельченного белоснежного известняка, того же, из которого вытесывались сами блоки крепостных стен и башен. Подчеркну твердость штукатурки: при попытке поломать фрагмент, он не рассыпается на мелкие частицы, но дает две половинки. На ряде фрагментов присутствует характерный «загар» – пленка серого цвета, образующаяся на поверхности известняка под воздействием атмосферы.

В дальнейшем выяснилось, что штукатурка не всегда наносилась непосредственно на поверхность блока. В большинстве случаев она наложена на раствор иной консистенции и прочно соединилась с ним. Раствор также состоит из белого известняка, но раздробленного до более крупных частиц. Раствор не такой белый. В изломе хорошо различаются собственно раствор и покрывающая его белая штукатурка. Толщина раствора под штукатуркой могла быть значительна, до сантиметра и более. Тыльная сторона раствора всегда имеет отпечаток поверхности блока, иногда можно увидеть «в негативе» и следы мотыжки. В итоге назначение раствора, покрытого штукатуркой, можно определить так. Он предназначался для выравнивания тех участков лицевых сторон стены, в которых блоки частично выступают, или наоборот, «утоплены» в плоскость стены. Когда это достигалось, происходила окончательная отделка данного участка стены с использованием более высококачественной, поддающейся хорошему заглаживанию штукатурки. Как результат, на стенах образовывалось своеобразное двухслойное покрытие.

Встречаются фрагменты (пластинки) раствора без штукатурки, но с отпечатками блоков на обеих поверхностях. Толщина их может достигать двух и более сантиметров. Заполнял ли раствор вертикальные или горизонтальные швы между плитами, определить невозможно, но говорить о том, что раствор широко применялся в качестве связующего (скрепляющего между собой блоки) материала не приходится. Это показали и немногочисленные найденные *in situ* блоки, – следов раствора, по крайней мере, в вертикальных швах, между ними не было.

На каких же объектах применялась штукатурка в белокаменной крепости? Ответ дает место обнаружения и отпечатки на тыльной стороне штукатурки. Мои раскопки 2006–2010 гг. проводились вдоль сохранившегося основания крепостной стены, перекрытого мощными развалами раскрошившихся блоков. Среди них и находились ее фрагменты. Но штукатурка покрывала не всю стену. Будь это так, фрагменты штукатурки, даже при том, что далеко не все были замечены в ходе раскопок, насчитывались бы тысячами. Но найдено только несколько сотен небольших обломков. Остается признать, что штукатурка покрывала лишь отдельные участки стен и попавшей в раскоп башни.

Наряду с тонкими пластинами раствора не меньшей неожиданностью стало обнаружение обломков сформованных из раствора «кирпичей» толщиной до 4,8 см. Это толщина саркелских обожженных кирпичей. Обращаю внимание, что определение «кирпичи» пока остается в кавычках. У них тщательно

заглажена только боковая узкая грань. На верхней и нижней постелях «кирпичей» хорошо видна крупчатая структура раствора. Нельзя окончательно исключить того, что из грубого раствора, с включением крупных частиц дробленого известняка или без них, действительно формовались «кирпичи». Целые экземпляры не обнаружены.

Декоративное, как наиболее вероятное, назначение штукатурки и известняковых «кирпичей» стало очевидным после того, как на них была обнаружена красная краска.

Первоначально среди обломков штукатурки был замечен один миниатюрный (20 x 14 мм) с пятном бледно-красного цвета. Было предположено, что краска оказалась на штукатурке не случайно. Показательно, что она сохранилась в прежнем виде и после мытья и сушки фрагмента (состав краски не подвергался анализу). Эта находка заставила уже целенаправленно продолжить поиск использования краски. В результате был найден небольшой фрагмент «кирпича» из известнякового раствора с бледно-красной полосой нанесенной наискось на боковую грань. Толщина «кирпича» 4,8 см. Его особенность в том, что он сделан из пористого раствора, и краска впиталась в него достаточно глубоко. Соприкосновение с водой не изменило цвета и его интенсивности.

Третья находка: фрагмент известнякового «кирпича» лучшей выделки, толщина 4,6 см. По его гладкой боковой поверхности наискось прочерчена очень прямая ложбинка глубиной до 3 мм. Настолько прямая и четкая, что создавалось впечатление работы «под линейку». По дну ложбинки, не затрагивая ее стенок, нанесена все та же краска. Цвет бледно-красный, его интенсивность как на описанных двух фрагментах. При воздействии воды интенсивность усиливалась, при высыхании восстанавливалась прежняя. Аналогичная прокрашенная ложбинка обнаружена и на куске штукатурки.

Самая выразительная находка относится к 2009 г. Почти полностью сохранившийся треугольный равнобедренный «кирпич» из известкового раствора (катеты по 10 см, гипотенуза-основание 16 см). Лицевой была не боковая грань, но хорошо заглаженная одна из треугольных плоскостей, вдоль основания которой все той же бледно-красной краской нанесена линия шириной около сантиметра. Декоративное назначение данного треугольного кирпича сомнений не вызывает.

В итоге на восточной стене Правобережной Цимлянской крепости при раскопках 2006–2010 гг. зафиксировано около десятка фрагментов штукатурки и «кирпичиков» известнякового раствора со следами использования красной краски. Нет сомнений, что значительная часть таких фрагментов, если не большинство, осталась незамеченной, как и прочие неокрашенные обломки. Какова ситуация на других вскрытых участках крепости неизвестно. В публикациях о раскопках И. И. Ляпушкина 1939 г. и С. А. Плетнёвой, в 1958–1959 гг. работавшей на разных участках крепости, в том числе на северной и восточной стенах, они не упоминаются. Не были они замечены и мною на большом раскопе № 6 / 1987, 1988, 1990 гг. на южном углу крепости, где помимо крепостной стены и двух башен, было открыто пристроенное к стене двухкамерное помещение из блоков. Но его назначение было производственным, не парадным,

и ждать применения на нем штукатурки и декорирования не приходится³⁰. Тем не менее, делать вывод о том, что штукатурка, известняковые «кирпичики», в т. ч. фигурные, и краска применены только на небольшом участке восточной стены преждевременно³¹.

Поиску аналогий находкам известковым «кирпичам» мешает их фрагментированность, за исключением одного треугольного. В настоящее время я предположительно отношу их, как и штукатурку, и краску из Саркела, к византийским строительным технологиям, но две последние в Крыму принадлежат им несомненно³².

*

Черепица. Первые (если не ошибаюсь) упоминания ее в Правобережной крепости принадлежат М. И. Артамонову (в связи с Семикаракорским городищем; см. ниже). С. А. Плетнёва сообщала только о «небольшом количестве обломков кровельной черепицы», не указав, где она была обнаружена³³. Последнее особенно досадно. Оба не публиковали ее изображений и в решении вопроса о происхождении строительных материалов, как Саркела, так и Правобережной Цимлянской крепостей, не использовали.

Новые данные о черепице Правобережной крепости были получены уже в ходе моих раскопок 2006–2010 гг. Тогда на протяжении около 40 м вдоль центральной части восточной крепостной стены было найдено 313 фрагментов черепицы, в том числе керамид – 119, калиптеров – 194, не считая совсем мелких обломков и какой-то части фрагментов, не замеченной при раскопках. Сегодня это наиболее представительная коллекция ниже-донской раннесредневековой черепицы³⁴, полная обработка которой еще предстоит. Остановлюсь только на общей характеристике коллекции, на примере преимущественно находок 2010 г., и с учетом того, что ни одной целой формы найдено не было.

Керамиды (Илл. 1). В подавляющем большинстве плоские, с параллельными продольными сторонами, завершавшимися внизу коленообразными изгибами (уступами) для соединения с нижележащей керамидой. Реже встречается поперечный незначительный выгиб. Толщина пластины неравномерная из-за небрежной обработки ее верхней плоскости.

Соединительный изгиб в нижней части пластины имеет плавные очертания (Илл. 1: № 637–639).

Боковые бортики вертикальные или с незначительным наклоном внутрь, реже наружу. Общая высота бортиков в среднем 34–45 мм при толщине пластины керамиды в среднем 20–22 мм. Верх бортика всегда чуть скруглен. Подчеркну следующее: при неустойчивости форм профилей бортика, все они в профиле тяготеют к вытянутым прямоугольным; полностью отсутствует треугольный или трапециевидный профиль (внешняя сторона вертикальная, внутренняя наклонная). Встречающееся резкое отклонение бортика наружу (Илл. 1: № 638, 640, 649) объясняется неумелостью изготовления или поперечным выгибом керамиды; это не типологический признак.

О технологии формовки керамид. Это самая сложная проблема в изучении керамид вообще. Все керамиды Правобережной Цимлянской крепости по

существо принадлежат к одной типологической серии, а бесконечные вариации внутри нее, особенно заметные по разнообразию профилей бортиков, объясняются поштучной выделкой каждой без использования деревянной формы. Складывается впечатление, что даже загиб бортика производился не с использованием шаблонов, но каким-то примитивным инструментом (дощечкой, лопаткой) или даже без него. Редко удается сгруппировать два-три совершенно схожих по профилю обломка. Нестандартность бортиков – яркий признак примитивности технологии правобережных керамид. Встречаются экземпляры совсем грубой выделки с неравномерной толщиной пластины, с плохо заглаженными лицевыми поверхностями (Илл. 1: № 649, 653, 655, 656 и др.).

Важный технологический признак большинства керамид – нижняя поверхность сплошь покрыта продольными бороздами (расчесами) глубиной в 1–3 мм; среди них попадаются и более глубокие (Илл. 2). Если реконструировать инструмент, который оставил эти следы, то он представляется пучком тонких веток или стволов травянистых растений. Среди обломков керамид не оказалось ни одного, который бы нес следы деревянных форм, дающих равномерную толщину пластины, четкие контуры и грани бортиков и соединительных выступов.

Обжиг и цвет. Большинство фрагментов имеют светлый оранжево-красноватый, или оранжево-бежевый цвет, часто на всю толщу (Илл. 1: № 658, 660, 661). В ряде случаев сердцевина остается более темной с различными оттенками, от красноватого до серого (Илл. 1: № 559, 668, 672). Но есть небольшая группа керамид, условно названных сероглиняными, резко выделяющаяся среди прочих. Именно их изображения преобладают на Илл. 1. Обжиг керамид этой группы происходил в ином температурном режиме. В результате поверхность приобретала на глубину 1–3 мм серый или светло-серый цвет, а сердцевина оставалась черно-серой или темно-серой. Граница между слоями разной окраски всегда достаточно резкая. Следует отметить, что прочность (ударостойкость) сероглиняных керамид значительно выше, чем светлых оранжево-красных, палевых. Только по данным признакам сероглиняные керамиды могут быть выделены в отдельную технологическую группу среди прочих правобережных. Но и эта группа не имеет следов использования деревянных форм. Технология формовки керамид требует дополнительного кропотливого изучения.

Калиптеры Правобережной Цимлянской крепости по различным технологическим признакам (глина, отделка, цвет) разнообразнее керамид. Здесь я кратко коснусь лишь наиболее представительной серии. Целые экземпляры не обнаружены, но фрагменты дают возможность составить общее представление о них, за исключением длины: слабоизогнутые, с валиком на нижнем торце и выступом для соединения на верхнем торце. Толщина пластины в среднем 18–22 мм, реже до 26 мм. Встречаются и тонкие, до 15 мм.

Валики на нижнем торце уплощенные, возвышаются над пластиной на 5–6 мм. Характерна небольшая вогнутость сверху и на торце валиков (Илл. 3: № 593). В редких случаях торец срезан напрямую вертикально, что возможно является типобразующим признаком (Илл. 3: № 597). Выступы для соединения, иногда называемые манжетными, четко отделены от пластины уступом

и примерно в два раза тоньше ее (Илл. 3: № 583, 584). Пока не удалось определить, были ли продольные края калиптеров параллельными или они несколько расширялись сверху вниз.

Некоторое представление об изогнутости калиптеров дает фрагмент № 229 на илл. 3. Степень изогнутости может быть больше или меньше представленной на данном экземпляре, а ширина по хорде (16,5 см) – колебаться в пределах 1–2 см. Отмечу, что линия изгиба не является отрезком правильной окружности, она дугообразна. Продольные края пластин уплощены по сравнению с вершиной изгиба; их торцы плавно закругляются книзу.

Верхние поверхности пластин заглажены вручную и сохраняют многочисленные неровности. Что касается нижних, то на подавляющем большинстве фрагментов они, как и на керамидях, сплошь покрыты продольными бороздами. Весьма сложно поэтапно реконструировать процесс изготовления калиптеров, особенно придания им изогнутости. Использовался ли для этого какой-то шаблон (возможно, изготовленный из обрубка бревна), выгнутый или вогнутый, сказать трудно. В любом случае, основной массив правобережных калиптеров не производит впечатления продукции серийного изготовления. Примером крайне грубой формовки является упомянутый образец № 229. Его поверхность неровная, в «рытвинах».

В большинстве калиптеры светлее керамид, что позволяет отличать их даже по небольшим фрагментам. Степень обжига и зависевший от нее цвет поверхности и массива калиптеров более однообразны. В массе они светлые, от почти желтых до розоватых, реже красноватых. В совокупности и очень условно преобладающим для калиптеров цветом можно назвать палевый с разной степенью интенсивности и яркости. Очень редко внутренний массив калиптера остается темно-серым, но он всегда темнее поверхности, несколько коричневат («кофе с молоком»)³⁵. Разнообразие цветовых оттенков калиптеров, как и керамид – следствие нестандартизированного процесса обжига. Печи для обжига керамических строительных материалов на Нижнем Дону пока не обнаружены. П. А. Раппорт сам справедливо сомневался в собственном предположении, что такими являются остатки двух десятков печей в окрестностях Саркела³⁶.

Вопрос: где и каким образом могла быть использована черепица в Правобережной крепости? Она не была замечена мною в упоминавшейся выше двухкамерной постройке из раскопок 1987, 1988 гг., хотя вполне «логично» было бы применить ее здесь – стены из блоков вполне выдержали бы черепичную крышу. Полагаю, С. А. Плетнёва должна была отметить черепицу среди остатков привратных помещений (у Главных ворот), если бы она там была в заметном количестве. Проблема состоит в том, что все обнаруженные фрагменты черепицы залегали, напомним, вдоль восточной крепостной стены. Имели ли они действительно отношение к стене? Или были выброшены на пристенное пространство крепости как строительный мусор? Как мусор они оказались в котловане юртообразного жилища № 50, вплотную примыкавшего к стене. На городище еще достаточно неисследованных площадей, где могло располагаться какое-то небольшое здание. Ответ может быть получен только при дальнейших раскопках. Парадокс состоит в том, что вся основная площадь крепости была сплошь

заполнена примитивными юртообразными постройками, для которых тяжелая черепичная крыша абсолютно непригодна. И действительно, в котлованах жилищ, кроме упомянутого, ее не было, даже во фрагментированном состоянии.

Напротив, факт находок черепицы в Семикаракорской крепости вполне объясним.

Семикаракорская крепость неоднократно упоминалась в изданиях XIX – первой трети XX вв., но окончательно установил ее принадлежность к эпохе Хазарского каганата в ряду других ниже-донских городищ и поселений М. И. Артамонов³⁷. Первые и единственные раскопки городища осуществил уже в 1971–1974 гг. автор этих строк³⁸. Приведу лишь основные сведения об этом уникальном памятнике. Крепость по своей планиграфии «квадрат в квадрате» (Илл. 4: *план городища*) принципиально отличается от Саркела и Правобережной Цимлянской. Внешний контур, собственно крепостные стены, – неправильный, но близкий к квадрату, прямоугольник с размерами 200 x 215 м. По общей площади, включая цитадель, Семикаракорская крепость значительно превосходит Правобережную (135 x 130 x 110) и Саркел (внутри 178.6 x 117 м).

По основному строительному материалу – кирпич – и его размерам она имеет прямое сходство с Саркелом, но с очень существенным отличием. Если фортификационные сооружения Саркела и все его здания возведены только из обожженного кирпича, то оборонительные стены Семикаракор состоят из сырцового (преимущественно 26 : 26 : 5 см) с совсем незначительным, и только в некоторых местах, включением обожженных (преимущественно 25 : 25 : 5 см), а внутренние строения возведены из обожженного кирпича.

Использование кирпича идентичных размеров, безусловно, сближает Семикакоры с Саркелом³⁹ и хронологически. Однако, если византийская традиция в планировке Саркела не вызывает сомнений, то истоки фортификации Семикаракорской крепости, вероятно, придется искать в восточном направлении, что уже выходит за рамки рассматриваемой темы⁴⁰.

Что касается прямой связи Семикаракор и Правобережной Цимлянской крепости, то она иллюстрируется другим уже знакомым нам керамическим материалом – керамидами и калиптерами. Именно они представляют в Семикаракорах византийскую составляющую. Здесь не обнаружены штукатурка, «кирпичи» из раствора, краска, но имеются глухие упоминания о каких-то блоках. Принципиальное уточнение: перечисленное не обнаружено на вскрытой площади, которая незначительна в сравнении с общей площадью крепости.

Черепица зафиксирована главным образом в цитадели среди развалин кирпичного строения. От него *in situ* в пределах раскопа открыты только обрывки двух стен под развалами кирпича и черепицы. Всего в ходе раскопок учтено фрагментов: керамид – 2439, калиптеров – 6175. Эти цифры примечательны. Как и в Правобережной крепости, преобладают обломки калиптеров, но здесь это выражено еще более определенно – их почти в три раза больше, чем керамид. Выводы из этого делать еще рано, но обратить на это внимание необходимо. Не исключено, что все дело в особенностях разрушения тех и других.

К е р а м и д ы. Около единственной башни на северной стене крепости, т. е. за пределами цитадели, был найден квадратный очажок, составленный из

четырех вкопанных в землю керамид; пятая перекрывала его и служила плитой для установки сосудов (в очаге действительно лежали обломки горшка с гребенчатым орнаментом на тулове⁴¹). Куски четырех керамид удалось подобрать полностью и благодаря этому получено представление о целых формах (Илл. 4). Все четыре совершенно идентичны и почти одинаковых размеров – длина 49 см, ширина верхнего торца 34 см. Пластины: неравномерной толщины у каждого экземпляра; имеют поперечный выгиб (намеренный?); к нижнему торцу незначительно сужаются. Выступы для соединения с нижележащей керамидой едва выделяются; их никак не назовешь «коленообразными». Бортики высокие и выполнены неумело, то вертикальные, то наклонены внутрь; возвышаются над пластинами на 4 см, т. е. более высокие, чем бортики правобережных. Общая же высота бортика до 6 см. Характерная особенность: нижние торцы бортиков плавно закругляются. Цвет керамид красноватый, блеклый. Раствор глины хорошо промешан и не имеет грубых примесей.

Общая неумелая формовка, плохо выделенные соединительные выступы, заглаженная, но оставшаяся бугристой поверхность, неравномерность толщины пластин, «неустойчивые» по форме бортики, неровные линии торцов и бортиков – все это признаки недостаточной подготовленности ремесленников к изготовлению такой сложной продукции как керамиды. Об использовании деревянных форм говорить не приходится. Собственно, и следов их применения на этих экземплярах нет. Это основное, что кратко можно сказать о керамидах, составлявших очаг. Они на сегодня единственные целые формы керамид из памятников Хазарского каганата на Нижнем Дону.

Перейдем к публикуемым здесь фрагментам бортиков (Илл. 5). Они явно однотипны, но в их профилях так же хорошо отразилось неумение изготовителей добиться полного единообразия. Следы применения *составной* деревянной формы на экземплярах № 8, 9, 12 не просматриваются. Особенно грубо выглядит № 12. Более удачно оформлен среди них только один – № 11. Для него можно допустить использование формы или дощечек для формирования бортика. Но добиться равномерности толщины пластины мастеру не удалось. Сплошной равномерный обжиг (излом светлый коричневато-палевый) имеет только № 8. У остальных трех сердцевина темная. Неравномерность обжига, когда только поверхность приобретает красные и палевые оттенки, также характерна для семикаракорских керамид.

Уже отмеченная выше особенность бортиков семикаракорских керамид – закругление верхней грани на конце соединительного выступа. У двух экземпляров на Илл. 6 радиус закругления различен, что также указывает на отсутствие стандартизации в оформлении и отдельных деталей керамид. Однако, еще более разительно отличие в формовке обоих выступов. Изготовитель одной керамиды (Илл. 6: № 1, вид сверху) с трудом справился с оформлением выступа – он получился «мятый», такими же остались и боковые грани выступа. В противоположность ему, соединительный выступ другой керамиды (Илл. 6: № 10, вид сверху) четко отделен от бортика крутым изгибом, на его внешней боковой поверхности следы инструмента типа шпателя (возможно дощечка).

К описанию технологии изготовления керамид из Семикаракорской крепости остается добавить, что все поверхности пластин, особенно верхние, обработаны очень плохо. Этим они резко отличаются от основной массы керамид причерноморских мастерских, которые наверняка использовались в качестве образцов для воспроизведения. Мало того, они изготовлены хуже, чем и большинство керамид из Правобережной крепости.

Продолжая сравнение керамид обоих памятников, обращаю внимание на очень заметное различие в типах бортиков. На правобережных они ниже, но шире, лучше оформлены. Надо полагать, что прототипы для них происходили из разных причерноморских мастерских.

Одна общая особенность, присущая семикаракорским и правобережным керамидам, связана с составом глиняного раствора. Если для керамид Юго-Западного Крыма характерно разнообразие примесей, позволяющее разделить их по этим признакам на технологические группы⁴², то в донской черепице ярко выраженных искусственных примесей нет. Видимые глазом примеси являются естественными: мелкий песок, входивший в состав глин, и тонкая растительная, которую часто принимают за добавленную «растительную мелко рубленную», примесь. Те же естественные примеси входят в глину кирпичей Семикаракорской крепости. Ясно, что для кирпичей и для черепиц, включая калиптеры, использовали одни и те же глины и один способ предварительной подготовки раствора.

К а л и п т е р ы. В целом, они те же, что и в Правобережной Цимлянской крепости: слабоизогнутые с выступом для манжетного соединения (Илл. 7: № 1, 13). Длина выступа в среднем – 55 мм. От керамид до некоторой степени отличаются лучшей отделкой поверхностей. Тем же был и режим обжига, в результате которого они приобретали на глубину 2–3 мм оранжево-красноватую окраску разной интенсивности. Сердцевина при этом оставалась серой с вариациями оттенков, иногда почти черной по цвету, вероятной причиной чего было недостаточное время обжига. Между верхними слоями красных оттенков и сердцевинами серо-черных тонов всегда очень четкое разграничение.

Один калиптер, представленный неполным обломком нижнего торца, выпадает из общей массы (Илл. 7: № 2). Он круто изогнут, реконструируемая ширина по основанию (хорда) примерно 100 мм. Торце украшен малозаметным декором, образующим вихревую композицию, под которой проходит ложбинка. Вероятно, данный экземпляр имел какое-то особое назначение. Оранжево-палевая поверхность хотя и осталась неровной, но заглажена тщательнее, нежели у прочих. При всем этом, сердцевина после обжига осталась не прокаленной, темно-серой.

Сравнение семикаракорских и правобережных калиптеров приводит к тому же заключению, что и по керамидам: при общем сходстве есть типобразующие различия. Так, на семикаракорских пока не отмечены валики на верхних торцах.

Подводя общие итоги по черепице Семикаракорской и Правобережной Цимлянской крепостей, обращаю особое внимание на очень важные *признаки со значением «0» (ноль)*, показывающие, что собранные в ходе раскопок образцы являются продукцией *местных мастеров*, работавших по каким-то привозным образцам. Так, на керамидах не встречены:

- рельефные буквы греческого алфавита;
- рельефные тамгообразные знаки;
- поперечные бортики вдоль верхнего торца;
- водосливные валики.

Впрочем, я не исключаю, что привозные черепицы, в том числе с водосливными валиками, послужившие образцами для местных керамистов, будут найдены в будущем, если и не в описываемых крепостях, то в других, еще не открытых.

Поиск прототипов ниже-донских черепиц – это очередной этап исследования, хотя уже сейчас очевидно, что он будет нелегким ввиду того, что местные мастера не сумели воспроизвести формы образцов с достаточной точностью, не говоря уже о технологии.

Для четырех восстановленных керамид Семикаракорской крепости по размерам (49 x 34 см), частично и по общим очертаниям можно указать на сходство с керамидами местонахождения Лагерная Балка на городище Мангун: 47 x 34, 47 x 35, 48 x 36 см. Разумеется, по составу глины сравнение с материалами Лагерной Балки производить невозможно⁴³.

Что касается калиптеров, то по изгибу и форме манжетного выступа укажу на сходство с некоторыми образцами типа 1 той же Лагерной Балки⁴⁴. Благодаря любезной помощи Д. А. Моисеева мне удалось ознакомиться в фондах Бахчисарайского музея-заповедника* с образцами калиптеров этого памятника, ряд которых действительно имел значительное сходство с калиптерами Правобережной крепости. В частности, нижняя поверхность одного была сплошь покрыта продольными бороздами. Между лагерно-балковскими и правобережными имеется некоторое сходство в цвете, т. е. в режиме обжига.

Отмечу сходство калиптеров поселения на горе Гасфорта (Юго-Западный Крым; раскопки О. Я. Савели) и известного памятника Бакла с правобережными цимлянскими калиптерами**. Но поиск прототипов на начальной стадии исследования не может ограничиться только Юго-Западным Крымом.

Среди обломков керамид Таманского городища я обнаружил один с коленообразным уступом, едва ли не идентичный по цвету и грубой выделке керамидам Семикаракорской крепости***. Несомненно, таких на Таманском городище должно быть достаточно. Перспективно сравнение ниже-донской и фанаторийской черепицы, поскольку жизнь в Фанатории прекращается к X в., что исключает из процесса сравнений материалы, выходящие за верхнюю хронологическую черту существования хазарских крепостей Нижнего Дона (ср. Таманское городище, Херсон).

Значительно сложнее устанавливать прототипы для штукатурки. Понятно, что сравнение рисунков исключается, а вербальные определения плотности, цвета и обработки поверхности всегда субъективны. Выход только в сравнении

* Благодарю за помощь сотрудника Бахчисарайского музея Дениса Анатольевича Сыча.

** Глубокая признательность зав. Фондами Музея-заповедника «Херсонес Таврический» Наталье Леонидовне Демиденко за ознакомление с коллекциями.

*** Признательность Виктору Николаевичу Чхаидзе (Институт археологии, Москва), ознакомившему меня с коллекцией.

натурных образцов. Сам же факт распространения штукатурки в византийской архитектуре известен, как и кладки opus mixtum, в том числе в Херсоне (нет необходимости в формальных ссылках).

Поиск прямых аналогий описанным здесь строительным материалам и технологиям византийского происхождения – это одна, условно говоря, внешняя составляющая исследования.

Я акцентирую внимание на другой. Византийские признаки могут быть использованы в воссоздании истории всей сети хазарских крепостей на Нижнем Дону, разработки их относительной хронологии (не исключая в будущем и Камышино). Ориентиром при этом по-прежнему служит Саркел с его тремя абсолютными датами основания, захвата славянами и окончания существования уже в качестве Белой Вежи.

Простейшая корреляция византийских строительных материалов и технологий в трех ниже-донских крепостях представлена в таблице:

Строительные материалы и технологии	Семикаракорская	Правобережная Цимлянская	Саркел
Керамиды и калиптеры	+ тысячи фрагментов; аналогичны правобережным цимлянским	+ сотни фрагментов; аналогичны семикаракорским	+ 30 фрагментов; отличаются от семикаракорских и правобережных
Штукатурка		+ в отдельных объектах; качество высокое, тонкая	+ степень распространенности не установлена; «толстый слой»
Краска красная		+	+
Краска зеленая			+
«Кирпичи» из известнякового раствора		+	
Opus mixtum			+ фрагмент одного строения

Сравнивая распространение перечисленных в статье византийских составляющих в ниже-донских крепостях, следует помнить об *основных строительных материалах и планах каждой из них*. Перечислю их еще раз.

1) В Саркеле, который спланирован византийцами, обожженный кирпич идентичен по размерам сырцовым семикаракорским кирпичам.

2) Абсолютное преобладание в фортификации Семикаракорской крепости сырцового кирпича, но возведение построек внутри цитадели из обожженно-

го; тот и другой по размерам идентичны саркелским, но при этом крепость построена по принципиально иной схеме – «квадрат в квадрате».

3) Стены и башни из белокаменных блоков Правобережной Цимлянской крепости; сооружение некоторых объектов (погребов) из сырцового кирпича не саркелского формата: 36–35 : 36–35 : 9–7; 36–35 : 18–17 : 8; 36 : 28–27 : 9–7 см; спланирована по той же схеме, что и Саркел⁴⁵.

В предложенном небольшом исследовании учтены только те материалы, которые производились на месте строительства, местными мастерами из местных материалов. Что касается красок, особенно зеленой, то сырье для нее, возможно, было привозным. Постройка по технологии *opus mixtum* возводилась в Саркеле, возможно, под руководством приезжего мастера.

Вывод М. И. Артамонова о том, что «в технике строительства Саркела нет ничего специфически византийского»⁴⁶, относился к кирпичному строительству, к размерам саркелских кирпичей. Об этом не следует забывать, тем более что проблема форматов кирпичей, не только Саркела, остается актуальной.

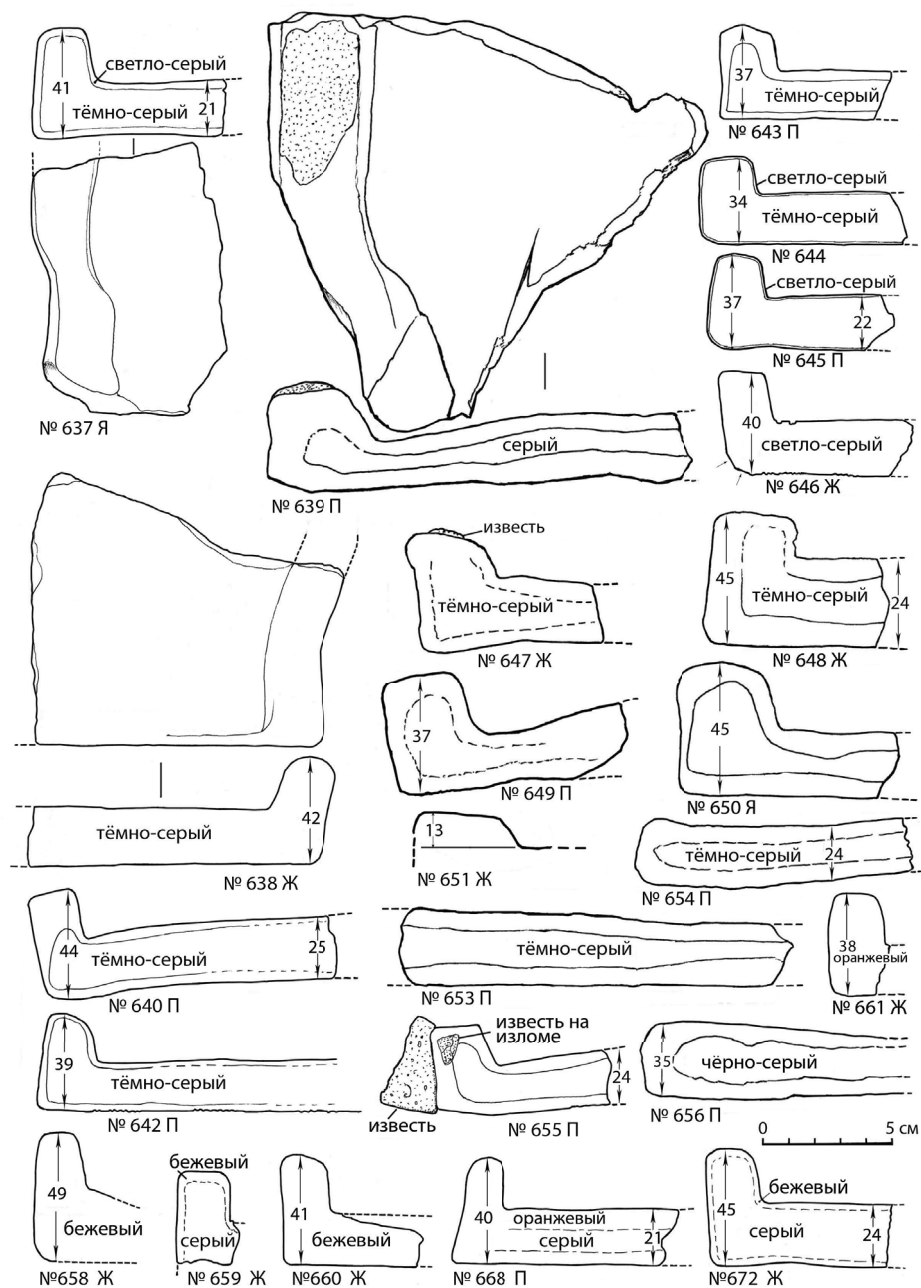
Первые раскопки Семикаракорской (1971–1974 гг.) и дальнейшие раскопки Правобережной Цимлянской (2006–2010 гг.) дали новую базу источников, из которых на первое место надо поставить самый многочисленный – черепицу.

В завершение возвращаюсь к поставленному в самом начале статьи вопросу об относительной хронологии появления на Нижнем Дону строительства из обожженного и сырцового кирпича. Теперь список строительных материалов расширился, их встречаемость устанавливает новые связи между крепостями, из которых наиболее существенная – между белокаменной Правобережной и сырцово-кирпичной Семикаракорской по черепице. Таким образом, проблема, с одной стороны усложняется, но с другой, становится все очевиднее, что вся сеть ниже-донских крепостей создается за очень короткий промежуток времени, когда одновременно с черепицей появляется штукатурка. Во всяком случае, не видится большого хронологического разрыва между Правобережной Цимлянкой, возникшей ранее Саркела⁴⁷, и еще недостаточно надежно датированной Семикаракорской.

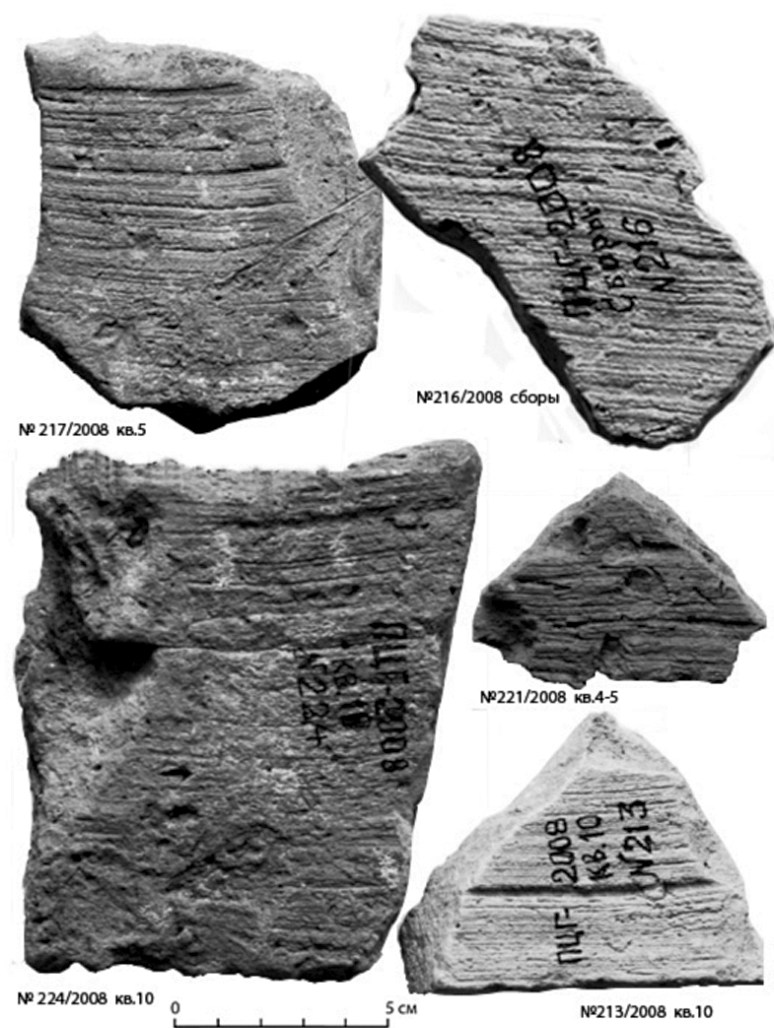
Это возвращает нас к старому прямолинейному вопросу, годами задававшемуся разными авторами: «против кого построен Саркел?». Только плохим знанием археологии Нижнего Дона (особенно зарубежными авторами) могу объяснить, почему аналогичный вопрос не задается в отношении Правобережной Цимлянкой и Семикаракорской, а теперь и Камышинской крепостей⁴⁸.

Вопрос, в котором ключевым является «против», должен быть заменен на иной: *Каковы причины строительства на Нижнем Дону сети крепостей в конце VIII – первых десятилетиях IX веков?*

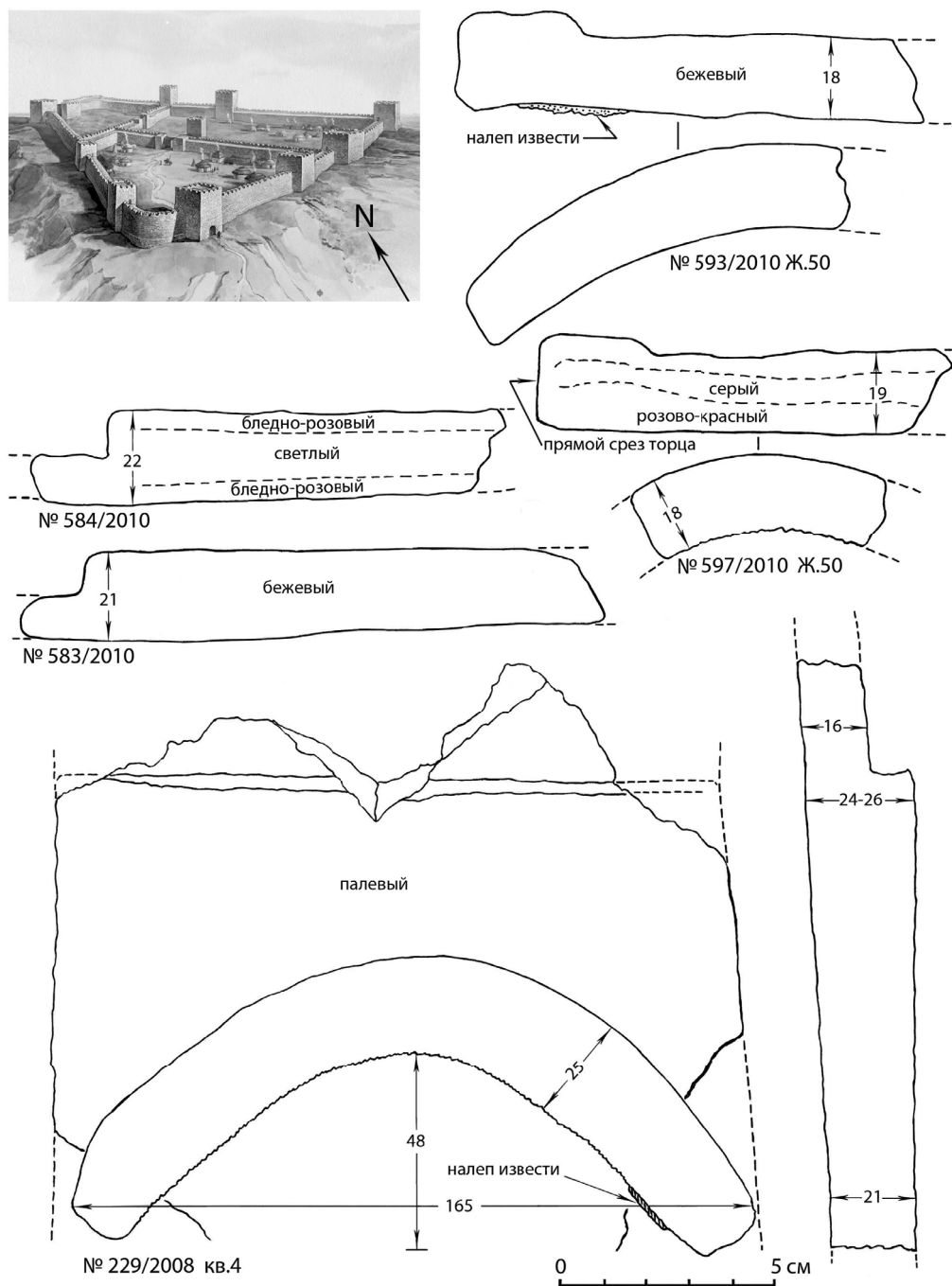
ИЛЛЮСТРАЦИИ

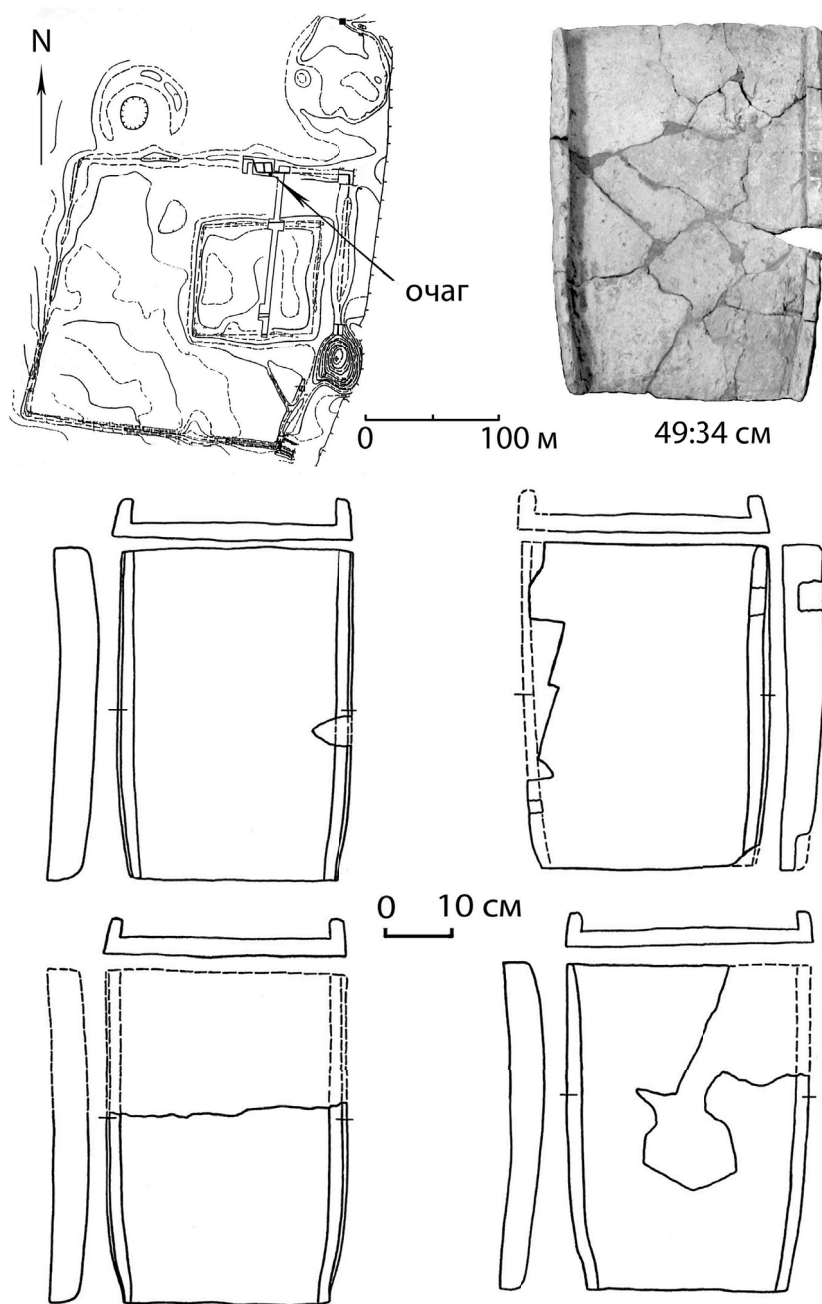
Илл. 1. Правобережная Цимлянская крепость. Керамиды из юртообразного жилища № 50 (Ж), ямы № 3 (Я) и погребов (П). Раскопки 2010 г. (номера здесь и на остальных иллюстрациях соответствуют номерам Полевых описей).

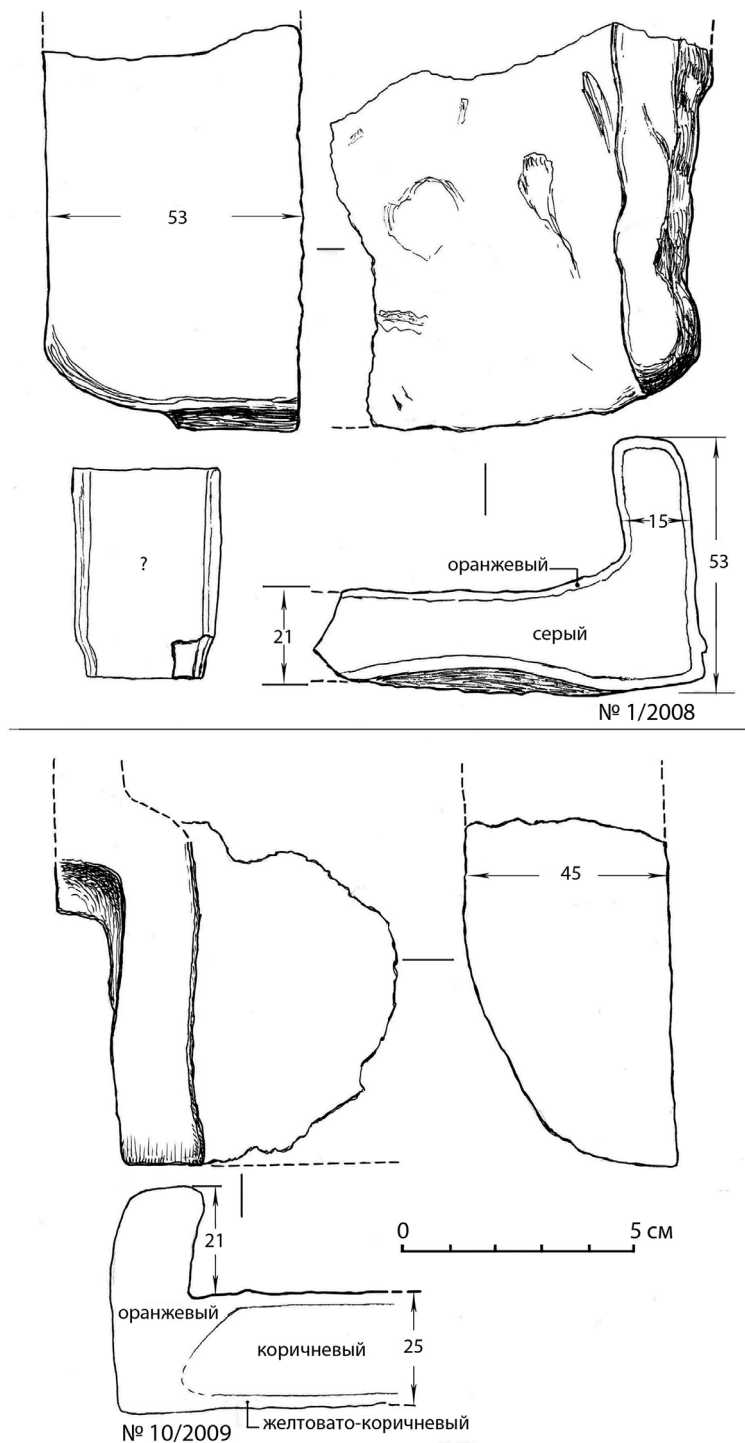
Илл. 2. Правобережная Цимлянская крепость.
Борозды на нижних поверхностях керамики.
Раскопки 2008 г.

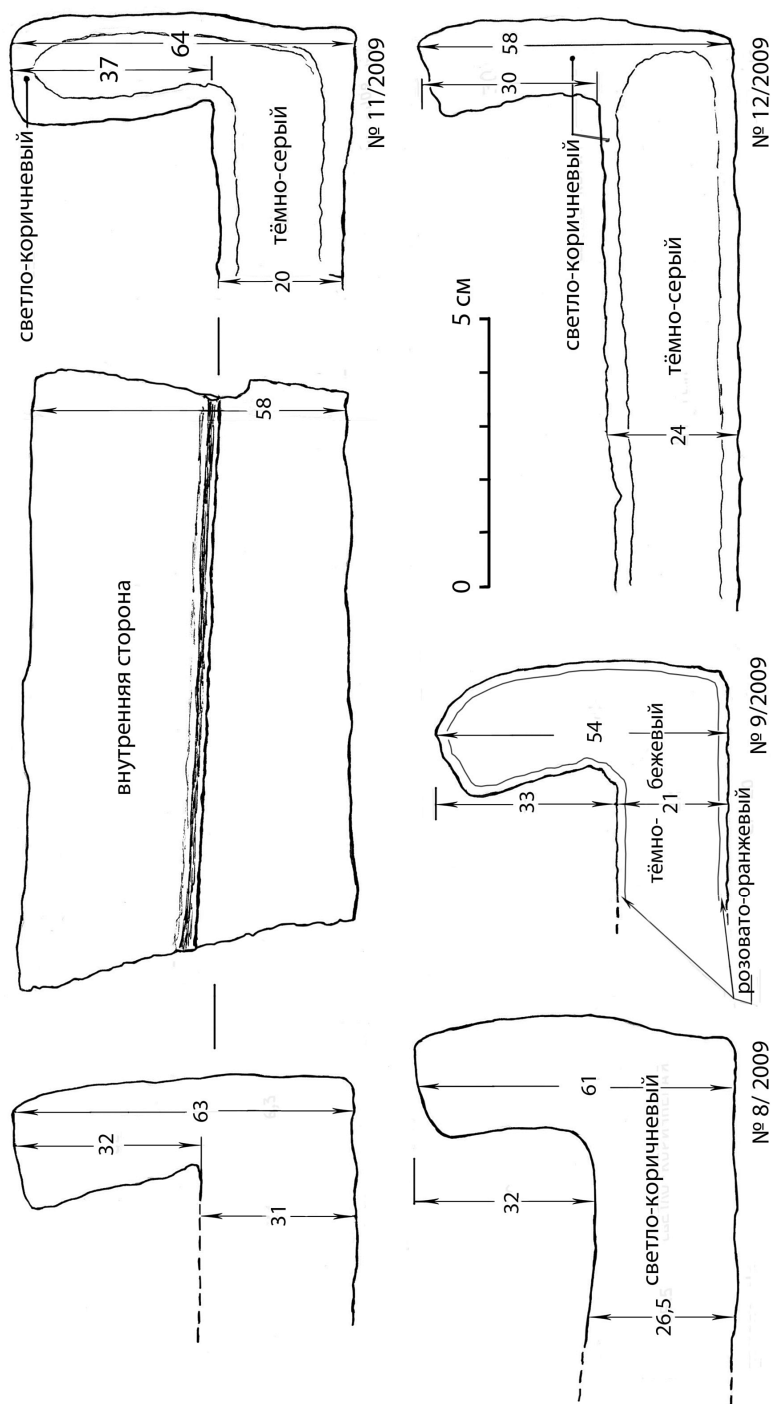
Илл. 3. Правобережная Цимлянская крепость (слева сверху реконструкция). Калиптеры. Раскопки 2008, 2010 гг.

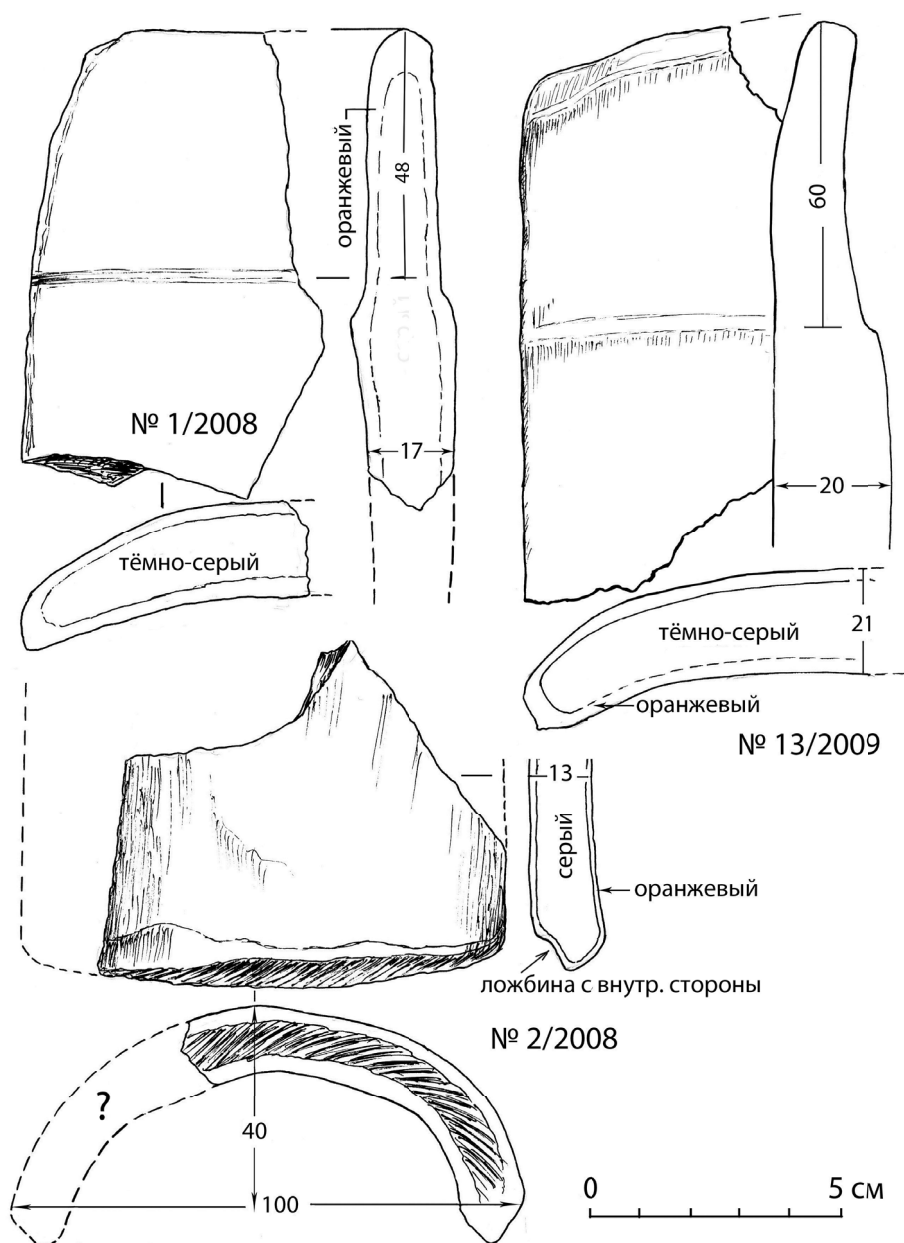
Илл. 4. Семикаракорская крепость (слева вверху план). Керамиды из очага.
Раскопки 1973 г.

Илл. 5. Семикаракорская крепость. Керамиды. Сборы 2009 г.

Илл. 6. Семикаракорская крепость. Керамиды: нижние торцы с соединительными уступами.
Сборы 2009 г.

Илл. 7. Семикаракорская крепость. Калиптеры.

№ 2, 13 – выступ манжетного соединения;

№ 2 – нижний торец. Сборы 2008, 2009 гг.

¹ Рядом с Правобережной Цимлянкой крепостью находится ещё одна белокаменная, названная мною *Камышина* по названию соседней балки. О ней известно только из предварительной публикации, авторы которой неудачно и необдуманно назвали крепость «Саркел-3», подразумевая под «Саркелом-1» собственно известный по раскопкам М. И. Артамонова Саркел, а под «Саркелом-2» Правобережную крепость: *Ларенок П. А., Семёнов А. И.* Саркел, Саркел, ещё Саркел... // *Донская археология*. – 1999. – № 3–4. Представлена ли в крепости черепица, штукатурка, другие рассматриваемые мною в настоящей статье материалы, неизвестно.

² *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.) Очерки истории и культуры. Части 1 и 2. – Харьков, 2005.

³ *Раппопорт П. А.* Крепостные сооружения Саркела // *Тр. ВДАЭ*. – М.; Л., 1959. – Т. 2. – МИА № 75. – С. 14, 17, 38 (сноска 1).

⁴ *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // *ИИМК*. – Л., 1935. – Вып. 131. – С. 91, 92, рис. 38, 39.

⁵ *Артамонов М. И.* От редактора // *Тр. ВДАЭ*. – М.; Л., 1959. – Т. 2. – МИА № 75. – С. 7.

⁶ *Флёрова В. Е.* Граффити Хазарии. – М., 1997. – С. 167; *Флёров В. С.* Обожженные кирпичи Семикаракорской крепости и Саркела (опыт статистики размеров) // *Степи Европы в эпоху средневековья*. – Донецк, 2009. – Т. 7.

⁷ *Артамонов М. И.* История хазар. – Л., 1962. – С. 321–323; *Плетнёва С. А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // *МАИЭТ*. – Симферополь, 1994. – Вып. 4. – С. 331–333; *Флёров В. С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // *МАИЭТ*. – Симферополь, 1994. – Вып. 4. – С. 484–486.

⁸ Сergyа извлечена мародерами из слоя в районе донжона. В моем распоряжении только фотография.

⁹ *Артамонов М. И.* Саркел – Белая Вежа // *Тр. ВДАЭ*. – М.; Л., 1958. – Т. 1 / МИА № 62. Иногда информация о раскопках повторялась в других изданиях в сокращенном виде, как напр.: *Артамонов М. И.* Хазарская крепость Саркел // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 7. – Budapest, 1956. – S. 321–341.

¹⁰ *Раппопорт П. А.* Крепостные сооружения Саркела. – С. 9–39.

¹¹ *Плетнёва С. А.* Саркел и «шелковый путь». – Воронеж, 1996. Фактические данные о кирпичном строительстве в Саркеле Плетнёва позаимствовала из указанной статьи П. А. Раппопорта, а ряд интерпретаций Плетнёвой требует критического подхода.

¹² *Раппопорт П. А.* Крепостные сооружения Саркела. – С. 17, 19, рис. 10.

¹³ *Сизов В. И.* Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону // *Тр. VI АС в Одессе*. – Одесса, 1889. – Т. 4.

¹⁴ *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. – С. 10, 11.

¹⁵ *Артамонов М. И.* История хазар. – С. 302.

¹⁶ *Плетнёва С. А.* Саркел и «шелковый путь». – С. 32.

¹⁷ *Раппопорт П. А.* Крепостные сооружения Саркела. – С. 23.

¹⁸ *Артамонов М. И.* История хазар. – С. 10.

¹⁹ *Часовников Василий Васильевич* (1864–1918), сын священника станицы Потемкинской Области войска Донского, художник, церковный деятель. Образование получил в Новочеркасском трехклассном окружном училище и Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1882), Петербургской Императорской Академии художеств (1888). Член-корреспондент Донского областного статкомитета. В 1887 году командирован Войсковым правлением на Цимлянское городище – крепость Саркел. В своем докладе на 9-м археологическом съезде в 1893 году Х. И. Попов подробно рассказывает об этой поездке. Часовниковым были описаны две мраморные колонны, мраморная ваза, капитель с изображением византийского креста, несколько бронзовых корсунских крестов X–XI вв., один медный крест с изображением святых князей Бориса и Глеба с русскими надписями и один каменный крестик. Предметы, привезенные им с Цимлянского городища, сейчас находятся в Музее истории донского казачества в г. Новочеркасске. Человек глубоко религиозный, в 1897 г. он принял монашеский постриг с именем Авраамий (приведенные сведения, почерпнуты на сайте Раздорского этнографического

музея-заповедника (Ростовская обл.) со ссылкой на: Историко-культурные и природные исследования на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 3, 2007 г. В другой публикации упущены раскопки Часовникова в Саркеле, указана иная дата смерти (*Круглов Е. В.* Часовников Василий Васильевич (отец Авраамий) (1864–1900) // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. – Волгоград, 2009. – С. 287).

Биографические данные Часовникова (религиозный настрой) объясняют происхождении версии о том, что найденное им небольшое здание было остатками христианского храма, чему способствовали и находки нательных крестиков в слоях городища, а также архитектурные фрагменты. Сегодня трудно сказать что-либо определенное о «здании Часовникова». Важнее то, что имея солидное художественное образование он не мог не обратить внимание на особенность кладки – чередование кирпичей и плит. Этому его сообщению можно полностью доверять. Совсем другое дело, к какому слою оно относилось. В литературе утвердилась версия того, что архитектурные фрагменты были привезены в будущую крепость Петроной. Крестики из находок Часовникова, а также найденные в могильнике Саркела, относятся к беловежскому периоду городища (*Артамонова О. А.* Могильник Саркела – Белой Вежи // Тр. ВДАЭ. – Т. 3 / МИА № 109. – С. 58, рис. 46). Все-таки мы не располагаем прямыми доказательствами синхронности всех христианских древностей Левобережного городища. Как бы то ни было, саркелский фрагмент кладки *opus mixtum* – прямое свидетельство проникновения византийских технологий на Нижний Дон, как бы оно не датировалось в будущем.

²⁰ *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Часть 2. – С. 703, 705, 771, 780, 781 и др.

²¹ В современных публикациях установилось написание «калптеры» – с одним «л»: Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. САИ, Вып. Г1–20. – М., 1966. – С. 35 и др. В классическом написании, который использует П. А. Раппопорт, два «л», см.: *Кобылина М. М.* Фанагорийская кровельная черепица первых веков н. э. // КСИА. – Вып. 130. – М., 1972. – С. 112.

²² *Раппопорт П. А.* Крепостные сооружения Саркела. – С. 35, 37.

²³ *Иванов Р.* Строительна керамика от Долния Дунав // Археология на българските земи. – Т. 2. – София, 2006. – С. 175, обр. 78. На вероятность позднеримского-ранневизантийского происхождения крутоизогнутых калптеров мне указал и Д. А. Моисеев.

²⁴ Там же. – С. 20, рис. 11.

²⁵ *Коршиков Н. С., Миненков Н. А.* Новые документы о Правобережном Цимлянском городище // Донская археология. – 1999. – № 1.

²⁶ *Ляпушкин И. И.*: 1) Раскопки Правобережного Цимлянского городища // КСИИМК. – М., 1940. – Вып. 4. – С. 58–62; 2) Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Тр. ВДАЭ / МИА № 62. – С. 86 и сл.

²⁷ *Плетнёва С. А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. – Симферополь, 1994. – Вып. 4.

²⁸ *Флёров В. С.*: 1) Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. – Симферополь, 1994. – Вып. 4; 2) Правобережное Цимлянское (Деснобережное Цимлянское) городище по раскопкам 1987–1988, 1990 гг. // Проблемы на прабългарската история и култура. – София, 1991. – Вып. 2; 3) Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // РА. – 1996. – № 1.

²⁹ *Раппопорт П. А.* Крепостные сооружения Саркела. – С. 12. *Артамонов М. И.* Саркел–Белая Вежа // Тр. ВДАЭ. Т. 1 / МИА № 62. – С. 25, 26. Вопрос о том, был ли необходим фундамент стенам Саркела, Правобережной Цимлянской крепости в данной статье я не рассматриваю. В публикации Г. Е. Афанасьева сказано: «...показательно сообщение П. А. Раппорта о том, что площадка под строительство крепостных стен Левобережного городища была предварительно выровнена на глубину 0,6 м.», но ссылка на соответствующую работу П. А. Раппорта отсутствует. См.: *Афанасьев Г. Е.* Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище? // РА. – 2011. – №3. – С. 111.

³⁰ *Флёров В. С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. – С. 451, 452, 496, рис. 5.

³¹ Проблема с обнаружением в ходе раскопок белой штукатурки, белых пластин раствора и белых кирпичиков из раствора заключается в том, что они залегают среди сотен кубометров таких же белых, мелких, вплоть до щебня и крошки, обломков блоков, из которых построена

крепость. Уборка этих завалов производится, как обычно принято в средневековой археологии, лопатой сразу в отвал. Так копалась в продолжении семи лет Маяцкая крепость под руководством С. А. Плетнёвой. Именно так, по примеру этих работ, проходили и мои раскопки в 1987, 1988, 1990 гг. Только при следующей раскопной кампании (2006–2010 гг.) и, начиная только с 2007 года и имея совершенно иные задачи (поиск надписей и граффити на обломках блоков) я случайно обнаружил первые фрагменты штукатурки. Уже с 2008 года поиск шел целенаправленно, вплоть до контрольных переборов вручную развалов блоков. Совершенно очевидно, что при будущих раскопках Правобережного Цимлянского городища, как и аналогичных белокаменных, необходимо полностью изменить методику раскопок, перейдя на ручную кропотливую и медленную разборку развалов блоков. Это снизит темпы раскопок в десятки, если не сотни раз, но даст ясное представление о распространении редких строительных материалов. Возрастет и количество находок известных видов. Речь идет о темпах раскопок, принятых при исследовании памятников каменного века. Не думаю, что кто-то согласится с моей рекомендацией, но нет иного выхода, если ставится задача полного досконального изучения раскапываемого археологического памятника. Что касается обнаружения еще более редких следов краски, то это требует буквально ручного разбора завалов крепостных стен. Должен признать, что к сплошной ручной работе я не смог перейти, т. к. в эти годы необходимо было доследовать остатки основания восточной крепостной стены, которые буквально зависали над разрушаемым береговым обрывом Цимлянского водохранилища. Но даже в этой отчаянной ситуации темпы раскопок были снижены в несколько раз.

³² Например, краска на штукатурке в Керчи/Боспоре: *Макарова Т. И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. – Симферополь, 1998. – Т. 6. – С. 355; *Сазанов А. В., Могаричев Ю. М.* Боспор и Хазарский каганат в VII – начале VIII в. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 475–478; *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошиников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь, 2007. – С. 55.

³³ *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. – С. 115. *Его же.* От редактора // Тр. ВДАЭ. – Т. 2 / МИА № 75. – С. 7; *Плетнёва С. А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. – С. 333.

³⁴ Я не располагаю данными, хранится ли черепица из раскопок С. А. Плетнёвой на Правобережном Цимлянском городище в коллекции Гос. Эрмитажа. Все фрагменты черепицы из моих раскопок 2006–2010 гг. переданы на хранение в сопровождении полевых описей в музей г. Цимлянска Ростовской области. Некоторые образцы должны поступить в Гос. Исторический музей (ГИМ) в Москве.

³⁵ Словесное описание цвета – извечная проблема при работе с амфорами, кирпичами, черепицей. Выход только в публикации высококачественных цветных изображений, что всегда наталкивается на проблему денег у авторов и издателей.

³⁶ *Раппопорт П. А.* Крепостные сооружения Саркела. – С. 19, 21.

³⁷ *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. – С. 115.

³⁸ *Флёров В. С.* «Семикаракоры» – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. – 2001. – № 2. – С. 56–70.

³⁹ *Флёров В. С.* 1) Семикаракорская крепость Хазарского каганата: строительство из сырцового кирпича, технологии, сроки // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2009. – Т. 7. – С. 479–488; в этой статье я ошибочно написал, что в кирпич добавляли песок как отолщитель. 2) Обожженные кирпичи Семикаракорской крепости и Саркела (опыт статистики размеров) // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2009. – Т. 7. – С. 489–534.

⁴⁰ *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М., 1979. – С. 146. Речь идет о III Шагонарском городище – крепости из сырцового кирпича, но иных размеров, нежели в Саркеле и Семикаракорях.

⁴¹ *Флёров В. С.* Черепица крымского образца в Хазарии // Археология восточноевропейской лесостепи: Вып. 15: Средневековые древности евразийских степей. – Воронеж, 2001. – С. 76–81.

⁴² *Моисеев Д. А.* Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангун) // Древности 2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 2012. – С. 177.

⁴³ Там же. – С. 177, 179.

⁴⁴ Там же. – С. 181, рис. 4.

⁴⁵ О переплетении признаков в фортификации Саркела, Правобережной и Семикаракорской крепостей см.: *Флёров В. С.* Крепости Хазарии в долине Нижнего Дона (этюды к теме фортификации) // *Хазарский альманах*. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 151–168.

⁴⁶ *Артамонов М. И.* Саркел – Белая Вежа // *Тр. ВДАЭ. Т. I / МИА № 62*. – С. 25.

⁴⁷ *Флёров В. С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. – С. 480–486.

⁴⁸ Из списка городищ Нижнего Дона надо исключить следующие местонахождения.

1) Два «Крымских городища» (одно не является памятником археологии; второе – поселение), см.: *Иванов А. А.* Исследования юго-западного участка Крымского городища в 2008–2009 гг. // *XII Донские археологические чтения*. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 54–56. 2) Золотовское (характер памятника не выяснен, плана нет), см.: *Краесветный М. И.* Работы Новочеркасского исторического комитета в 2004 г. // *ИАИАНД*. – Вып. 21. – Азов, 2006. – С. 91 и сл. 3) Золотые Горки (поселение): см.: *Ивик О., Ключников В.* Хазары. – М., 2013. – С. 137.

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Дж. Э. Макгакин

ХРИСТОЛОГИЯ НЕСТОРИЯ¹

1. Источники реконструкции Несториева учения².

Общую картину его первоначальной доктрины можно составить на основе сохранившихся Актов Эфесского собора, остатков и фрагментов несториевых произведений и проповедей, его переписки с Кириллом, Иоанном и Целестином. Он во многом согласен с Феодором Мопсуетским по ключевым вопросам³, и, вслед за Феодором, развил Антиохийскую теологию до того, что рассматривал наиболее примитивные формулировки Евстафия Антиохийского и теорию «Двух Сыновей» Диодора Тарсийского как незрелые и несостоятельные. Для александрийских экзегетов такая прогрессивность в целом нехарактерна⁴. В начале этого столетия большая часть последней работы Нестория, «Книги Гераклида»⁵, полностью, как предполагалось, утраченная в эпоху античности, была самым неожиданным образом обнаружена полностью сохранившейся в сирийском переводе со времен, непосредственно следовавших за несторианскими. Это открытие сделало ее полностью доступным источником реконструкции образа мышления автора⁶. Книгу следует использовать с некоторой долей осторожности из-за более поздних интерполяций⁷, а также поскольку она в целом представляет собой набор суждений задним числом: оглядываясь назад, Несторий больше описывает, что он имел ввиду и намеревался сказать, отвечая св. Кириллу, нежели о том, что он в самом деле сказал в том или ином случае. Работа, таким образом, представляет читателю /богословскую/ мысль Нестория в наиболее «объясненном» виде. Она была написана в заключении на острове в песчаном море, в Великом египетском Оазисе, после последней ссылки по приказу императора, предположительно, пятнадцать или более лет спустя после описываемых в ней событий.

В четырнадцатом веке один из несторианских епископов, Эбед Иисус Низибийский, приводит следующий полный перечень работ Нестория⁸: Литургия⁹, Трагедия, Книга Гераклида, Послание к Космасу¹⁰, Книга писем и Книга проповедей и речей. К этому списку мы можем добавить так называемую Первую Апологию (Книгу Гераклида следует рассматривать как Вторую), фрагменты которой под заглавием *Nurōnneṃata* сохранены для нас богословом-монофизитом Севиром Антиохийским. В том же источнике имеются также фрагменты работы, по всей видимости, носившей название «*Theopaschites*» («Теопасхизмы»), очевидно, задуманной Несторием как опровержение кирилловых Глав.

Источники, необходимые для реконструкции несториева учения были старательно собраны воедино Ф. Луфсом в годы, предшествовавшие обнаружению Книги Гераклида¹¹, а некоторые труды, как Нестория, так и его сторонников были переизданы в собрании оригинальных и переводных текстов Л. Абрамовским и А. Е. Гудменом¹². Из многочисленных несториевых проповедей, которые, как сетовал св. Кирилл, распространялись повсеместно еще в 429 г., в изначальном виде сохранилось только девять, а оставшиеся представлены разрозненными фрагментами, из которых, по словам Ф. Луфса, он смог воссоздать еще три различных проповеди. Имеется также полный греческий текст Проповеди о Верховном Священстве Христа¹³, которая была обнаружена в XIX в. и опубликована как работа св. Иоанна Златоуста¹⁴.

Из всех важных несториевых официальных посланий благодаря соборному делопроизводству, сохранились три: к св. Кириллу, к Иоанну Антиохийскому и к Целестину Римскому. Марий Меркатор (Marius Mercator)¹⁵, латинский богослов, живший в Константинополе на протяжении указанного периода, который, похоже, был «глазами» и «ушами» Рима, сохранил некоторые из несториевых работ, поскольку переводил с греческого для западного читателя ряд несториевых утверждений. Он, вероятно, позаимствовал многие из его формулировок из числа собранных св. Кириллом спорных мест несториевых писаний – Несторий жаловался, что эта его подборка вводит в заблуждение, вырывая предложения из контекста и интерпретируя их наиболее порочащим образом. Источник Меркатора, таким образом, далеко не отличается беспристрастностью. Церковный историк Евагрий¹⁶, писавший ок. 590 г., сохранил часть корреспонденции Нестория в ссылке, что дало нам интереснейшее описание его последних дней, когда вдобавок ко всем сложностям положения государственного заключенного, ему довелось оказаться заложником бандитов-мародеров, требовавших за него выкуп. Ф. Луфс также обращает внимание на Синодик (Synodicon)¹⁷, обнаруженный в 1873 г., являющийся позднейшим адаптированным текстом (доработанным несторианской церковью) «Трагедии» – работы конца V в., написанной Несторием лично.

Из оставшихся текстов мы можем составить доктрину Нестория в его собственных выражениях – не только так, как она воспринималась другими. Сложно воссоздать его мысль связно и благожелательно. Неразбериха в Церкви того времени и быстрота смены событий, захвативших Нестория врасплох, сыграли в этом свою роль. Сложно определить, возникли ли неясность и путаница по вине константинопольских христиан-простецов, которые не могли его понять и были потрясены кажущимся скрытым смыслом фраз, выхваченных из контекста случайным образом на слух; или по вине оппонентов, которые не попытались как следует понять его («оплошность», весьма распространенная в древних, и, к сожалению, современных словесных баталиях); или же по вине самого Нестория, который не смог как следует выразить свои мысли и вынужден был прорабатывать подтекст своей системы верования уже будучи в изгнании, позиция понятная, но фатальная для того, кто прибыл в имперский город с высокомерием «новой метлы» с видом знатока и намерением обучить всех основам христологии.

Все три альтернативы, вероятно, относительно верны. Последняя в значительной мере подхлестнула св. Кирилла. На всем протяжении своей войны с христологией Нестория св. Кирилла гораздо больше заботила доктрина в ее широком значении, нежели академичное желание дать своему оппоненту урок точной научной экзегезы. Св. Кирилл рассматривал всю антиохийскую традицию как бесконечно неясную, по крайней мере, в ее изложении, хотя и православную; он, без сомнения, считал Нестория плохим богословом, и ополчился против него не по причине угрозы смены научной школы, а потому, что его учение завоевало широкую аудиторию после его восшествия на епископский престол Константинополя. С самого начала конфликта он был крайне обеспокоен тем, как это учение может быть воспринято в качестве общей традиции. В такой мере критицизм, основанный на том, что ни одна из двух сторон не задействовала в споре тщательно проработанной экзегезы, слегка теряет смысл. Вопрос о том, как доктрина была воспринята, стал, фактически, более важным, нежели то, какова она была по сути. В этом св. Кирилл был совершенно прав, и очень ясно выразил, что в христологии скрытый смысл является решающим доказательством.

Литературный стиль несториевых писаний объясняет, возможно, причину меткого замечания историка Сократа, что, впервые столкнувшись с писаниями Нестория, (а он ознакомился с ними еще до того, как они были разрознены, рассеяны, и сожжены императорской цензурой)¹⁸ он смог заключить лишь то, что «этот человек был постыдно безграмотен»¹⁹. Книга Гераклида полна повторений – их количество намного превышает норму для избыточной отступлений²⁰ патристической литературы того периода. Мышление автора рассеяно и извилисто, и отслеживать логику сюжетного развития книги зачастую скучно. Учитывая то, что текст был написан 15–20 лет спустя после описываемых событий в условиях вынужденного бездействия пожизненной ссылки, извинения в отсутствии сфокусированности начинают казаться несостоятельными. Возможно, все сложности в достижении отчетливой реконструкции логики мышления Нестория следует приписать оригиналу и его создателю, а не целиком и полностью фрагментарности литературных источников²¹.

В нижеследующем изложении, содержание Книги Гераклида следует принимать во внимание с той оговоркой, что доктрина обоюдной взаимности *prosopa*, выдвинутая им в ней, кажется позднейшим измышлением (задним числом), которое автор добавил для усиления слабых мест своего более раннего учения в свете критики со стороны св. Кирилла и поздних антиохийцев после Эфесского собора 431 г. Несмотря на то, что книга была составлена много лет спустя после описываемых в ней событий, она все же в значительной мере согласуется с другими сохранившимися фрагментами 428–431 гг., и в точности соответствует основным интеллектуальным контраргументам Кирилла, сформулированным в тот период. В чем же заключалось христологическое учение, которое привело Нестория в такую ярость, что последовавший за этим вселенский кризис привел к его полному уничтожению как политического и церковного деятеля?

2. Богословские предпосылки и метод Нестория.

Из всех разнообразных аксиоматических предположений несториева подхода к христологической доктрине первым и наиболее важным является то, что Одного и Того же Христа, следует исповедовать полностью Богом (поскольку Никейское Православие уже установило, что Логос единосущен Отцу), но также и полностью Человеком (поскольку Константинопольский собор 381 г. повторил синодальное осуждение Аполлинария и любых попыток представления (схематично выражаясь) воплотившегося Божества, лишённого человеческой души). Несторий настаивал на том, что оба исповедания были в равной мере необходимы для того, чтобы Искупление путем Воплощения действительно имело реальное значение²². Быть полностью Богом означает, что Логос никоим образом не может страдать, изменяться, быть ограниченным или подчиниться законам исторической относительности в Воплощении. Это следует из того факта, что Он Единосущен Отцу, и, следовательно, бесстрастен, неизменяем, безграничен во всех отношениях и вечно божественен. Быть полностью человеком, с другой стороны, означает, что следует с готовностью приписать Христу полный спектр человеческих характеристик, за исключением греха, который ни в коем случае не является /неотъемлемой/ «гуманистической» характеристикой или даже отличительной человеческой чертой²³. /Однако,/ Он (Христос) должен иметь человеческое мышление, человеческую душу с человеческими чувствами, выбор, ограничения, как ментального, так и физического характера, что вовлекало бы Его в ситуации испытания (искушения Господа), доказывающие и оттачивающие его человеческие добродетели, за которыми неумолимо следовали страдания, неотъемлемые от человеческого бытия. Несторий непреклонно настаивал на том, что для этого требуется окончательно признать подход Аполлинария тупиковым. Богословие последнего вкратце рассмотрена в следующем разделе, где представлены общие контуры христологии св. Кирилла. Здесь же достаточно будет заметить, что Аполлинарий в своем видении Христа не нашел места ни для ограниченного человеческого сознания, ни для человеческой души, которую можно было бы рассматривать как вместилище подлинно человеческих выборов. Логика аполлинаристов требовала пожертвовать всем этим в интересах единства личности Христа, чтобы принять, что бесконечный разум Логоса уместился в человеческие рамки. Несторий принял более раннюю христологическую ересь докетов в качестве крайней формы той же тенденции у Аполлинария, чтобы признать плотскую ограниченность в божестве Христа (которое на самом деле безгранично) просто видимостью. Для Нестория эта тенденция поглощения или растворения человеческого естества божественным (естеством) была основным недостатком еретического учения Аполлинария, и, как и Григорий Назианзин до него, он атаковал подобные предположения с сотеириологических позиций, поскольку теория Воплощения, которая уничтожала человеческое естество появлением божества означала не только несостоятельность богословия откровения, но и неспособность оценить ту выдающуюся роль, которую Христово Евангелие сыграло в человеческом опыте своей концепцией Божьего дела искупления. Несторий учил, что такая «теория поглощения»

в христологии была суб-христианской или мифологической, и с неизбежностью уводила своих сторонников в ряды приверженцев концепции *krasis*²⁴ или смешения. Он всегда остерегался смешения или слияния божественной и человеческой сфер реальности в христологическом дискурсе и считал это наиболее серьезным недостатком работ св. Кирилла. Он рассматривал любого рода смешение как неизбежно сопровождающееся изменением, и даже полным уничтожением индивидуальности элементов, смешиваемых подобным образом. По этой причине делом величайшей важности всей его доктрины стало настаивать на постоянном разделении во взаимоотношении двух протяженных во времени сфер реальности (или «природ») в воплотившемся Господе. Для Нестория любая христологическая терминология, применявшая термин «смешение», была непоправимо аполлинаристичной. При такой жесткости подхода он, по-видимому, упустил из вида, что даже Григорий Назианзин в своих анти-аполлинаристических произведениях пользовался этим термином.

То, что св. Кирилл подчеркивал объединение двух реальностей²⁵ в Воплощении и равным образом настаивал на использовании именно этого термина «со-единение» (*henosis*, то есть образование единого естества) казалось Несторию логически синонимичным доктрине смешения и слияния этих двух природ – то есть воскрешением аполлинаризма в чистом и упрощенном виде. Но привычка Нестория рассматривать только две альтернативы: либо понятие о двух строго различных, но взаимосвязанных природах, неизменно присутствующих во Христе, либо аполлинаристское смешение двух веществ в третье – некий гибрид, и стало его фатальной логической ошибкой, узким местом концепции, которое не позволило ему расслышать в точности то, что утверждал св. Кирилл, и, что еще более проблематично, лишило его возможности понять, почему св. Кирилл или кто-либо еще обеспокоены внешней «разделимостью», которую его собственная христология «постоянного различения» и «разделения природ» привнесла в церковное понимание воплотившегося Господа. Св. Кирилла заботило сохранение единства действующего Субъекта церковной христологии. Несторий сопротивлялся ему, не приемля его метод, поскольку не осознавал полностью его намерения в целом, но в свою очередь, оказался неспособен (по крайней мере, в том, что касалось св. Кирилла) представить необходимые гарантии и доказательства того, что единство Субъекта (едино-субъектность) воплотившегося Господа можно защищать и с его альтернативных позиций. По этой причине св. Кирилл заключил, что он, должно быть, отказался от принципа единосубъектности в пользу «Теории двух Сыновей» своего сирийского предшественника Диодора. Хотя Несторий протестовал неоднократно, утверждая, что это не его учение, он так и не переубедил св. Кирилла в главном – /не обосновал,/ почему не его. Это и является ключевым элементом, который следует исследовать в его богословии.

Для Нестория понятие поглощения человечества во Христе, присутствием превосходящего его божественного Логоса, было равносильно разрушению любого значимого смысла истинного человеческого естества во Христе. Как и в аполлинаристской схеме, утверждал он, такая концепция породила бы целый ряд проявлений аутентичного (подлинно человеческого) опыта, невозможного

для Христа, и, как следствие, он решительно обратился против всякого ложного понимания человеческого во Христе. Исходя из этого, самая умеренная точка зрения, предполагавшая, что Христа можно рассматривать как совершенного человека, поскольку Он являлся божественным Логосом, истинно воспринявшим «нашу плоть», также подвергалась Несторием критике. А эта точка зрения долгое время являлась классической в Александрийской школе – ее излагал в своем учении Афанасий и поддерживал св. Кирилл.

С такой позиции – ни докетической, ни аполлинаристской, – божественный Логос в достаточной мере приобщился телесного опыта. Он сам не страдал (как Бог), но поскольку страдало его тело, о нем можно сказать, что он «пострадал в теле»²⁶. Такой подход подразумевает, что Христос – полностью человек, но никогда не утверждает (безоговорочно), что Христос – «только» человек, или что он и человек, и одновременно божественное Слово в условиях биполярности субъектов. Во избежание малейшего риска такого понимания Александрийская традиция последовательно предпочитала говорить о человечестве Слова, и во всех утверждениях о Субъекте Воплощения личное местоимение строго и неизменно относилось к божественному Господу, воспринявшему человеческую плоть. В этой школе мысли божественный Христос провозглашается подлинно человеком, поскольку Божество претерпевает в полном объеме /человеческий/ телесный опыт. При таких условиях Человечество /Христово/ определяется не столько как в некотором смысле недостаточное (к примеру, не имеющее ума или души, как у Аполлинария) но скорее как полное, но претерпевшее радикальную трансформацию (преображение) силой несопоставимо превосходящей – Божества усвоившего себе человеческую плоть. Ключевым элементом такой «трансформационной теории» было понятие обожения плоти Господней (намек на возможность обожения плоти верующего), что достигалось в акте воплощения. Это одно из наиболее блестящих интуитивных умозаключений Александрийской школы, сердцевина их терминологии Воплощения. А для Нестория это было жалким логическим следствием доверия «теории поглощения». И поскольку последней он сопротивлялся твердо и строго, то был склонен оскорбительно отзываться о первой.

С точки зрения Нестория, если бы соотношение между божественным и человеческим во Христе было бы столь неравным, как утверждала теория поглощения (по аналогии с добавлением капли вина в океан: капля человечества в океане Божества), тогда вся полнота подлинно человеческого опыта была бы для Христа невозможна. Христос предстает в Евангелии молящимся, к примеру, или ищущим, что есть воля Божья в Его жизни, но Он вряд ли мог бы делать это с чувством и искренне, если бы все время точно знал, что есть эта воля, будучи извечным Логосом и в качестве такового самим Божьим Разумом и Божьей Волей лично. Св. Кирилл склонен объяснять молитвенную жизнь Господа как утилитарное, житейское упражнение, выполняемое преимущественно для нашего назидания и воспитания²⁷. Библейские утверждения о /человеческой/ ограниченности, как то: «О дне же том или часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец»²⁸ также интерпретировались как реальные, действительные, но не абсолютные ограничения. Св. Кирилл, к примеру,

утверждает, что не престало открывать человекам дату конца времен, поэтому Иисус ответил на этот вопрос по «икономии» или как человек, а не по Божеству. Как Логос Он имел от Отца все знание, в том числе – знание даты последнего дня, а как воплощенный Господь принял на себя свободно полный спектр ограничений, которые вменил себе в обязанность соблюдать. К примеру, Он избрал полностью /обычную/ человеческую жизнь в Воплощении, и это означало, что Он ходил и не мог летать, ел и пил, а не насыщался одним воздухом, и воспринял незнание в свою человеческую ментальную жизнь как «кенотическое» выражение своего Божественного снисхождения, первым деянием которого и явилось само Воплощение. Такова, согласно Александрийцам, была причина, по которой Иисус в вышеприведенном отрывке говорил о конце времен с позиции принятых на себя человеческих ограничений (которые в качестве свободно избранных не предполагали, таким образом, слабости со стороны Божества) и утверждал, что не Ему надлежало знать дату последнего дня – хотя если бы Ему пришлось говорить чисто со своих позиций божественного Логоса (кроме плоти), Ему пришлось бы признать, что Он знал, когда должен был наступить этот день. Икономически Его знание было опосредовано Его человеческими ментальными состояниями, и потому ограничено, хотя в божественном или абсолютном выражении, Его знание превосходило все метальные /человеческие/ функции в своем нематериальном всеведении. Современные читатели находят эту разность трудно вообразимой, поскольку личность в значительной степени определена сегодня в терминах субъективного интеллектуального сознания, но для св. Кирилла интеллектуальное сознание не было определяющим фактором строения личности, а одной из ее функций; и он, естественно, рассматривает нематериальную личность Логоса как творца человеческого сознания Христа («души» в терминах древней психологии), а не наоборот, как продукт последнего. Александрийцы после длительной борьбы с арианской экзегезой точно таких же библейских отрывков, как те, которые рассматривает св. Кирилл, решительно избегали любой возможности приписать изменение или ограничение Логосу, что повлекло бы за собой непосредственный вывод о том, что Слово не было Богом. Этот традиционная реакция доминировала в их методе изучения Библии.

Несторий, с другой стороны, вероятно, рассматривал такой экзегетический подход как подозрительный и вводящий в заблуждение. Это решительное принятие всевозможных значений, подтекстов, следствий понятия «полнота человечества» является также и одним из аспектов большей части христологических воззрений современности, и в этом отношении несториева доктрина вновь стала уместной для многих современных мыслителей. Тем не менее, данный аргумент служит для наглядного подтверждения того, почему большинство споров между ним и св. Кириллом зависели от чистой герменевтики применительно к библейским текстам.

С учетом понимания того, что Несторий не был арианом, и не имел намерения использовать библейские подтверждения /человеческой/ ограниченности для отрицания божественности Логоса, становится очевидным, что вопрос субъектности воплощенного Господа является ключевой проблемой,

ищущей решения в таком экзегетическом методе. Настаивая на значениях, подтекстах, следствиях «полноты человечества» (в своем понимании), Несторий приходит ко второй из своих «великих» аксиом, что и Божество, и Человечество представлены во Христе двумя различными, неизменяемыми и неслитными природами, которые проявляли себя в соответствующих сферах действий на протяжении его жизни – божественная природа явила себя, как ей и пристало, в «божественных» деяниях и изречениях²⁹, а человеческая проглядывала в Его явно человеческой ограниченности³⁰. Две природы сосуществовали, таким образом, во Христе, при этом каждая сохраняла свои собственные характеристики, не смешиваясь, и не ограничивая другую в ее функциях. Божественная природа оставалась всемогущей, а человеческая – ограниченной в своем знании.

Несторий рассматривал такие любимые св. Кириллом концепции христологического единения как «природное единение» (*henosis kata physin*) или «ипостасное единение» (*henosis kath' hypostasin*) как в корне компрометирующие неизменную и постоянную разделенность природ во Христе. В результате он отбросил все формулировки христологии, рассматривавшие единение на уровне «природ», поскольку они подразумевали, что разделение не имело продолжения в жизни Христа, и что в результате такой разновидности симбиоза должно было получиться нечто вроде третьей, новой природы (новая разновидность природы – мутант, который, по его мнению, вряд ли можно было рассматривать как /строго/ «божественное» или «человеческое»).

Так как сторонники св. Кирилла предпочитали концепцию христологического единения, основанную на уровне «природного единения», и провозгласили лозунг: единство из двух природ (*henosis ek dyo physeon*), обобщая свои воззрения для народа, Несторий, в свою очередь, ввел в обращение радикально отличную формулировку: «Христос в двух природах» (*en dyo physesin*). В этом последнем положении его христологии ему отчасти вторит Халкидон³¹, ценой отчуждения крайних сторонников св. Кирилла с середины V в., что и вызвало монофизитский раскол.

Эти два основополагающих пункта христологии Нестория обращают внимание на третий, подлежащий критике, уязвимый элемент – что если важно сохранить смысл постоянного различия природ и действий во Христе, следует отныне отдавать себе некоторый отчет в том, как такая биполярность может сосуществовать во Христе без того, чтобы Его внутренняя жизнь не свелась к непреерекаемому дуализму, то есть к теории «Двух Сыновей». Самому Несторию ясно, что Православие требует единственности Сына, одного Христа, полноты Божества, но также и полноты Человечества в двух различных природах. Затруднение для него составило объяснить, как, опровергая ценность александрийского подхода, с его видением божественного Логоса, вечно действующего как единственного субъекта/личности, воспринявшего плоть для жизнедеятельности в истории, он, тем не менее, сможет сделать вывод о субъектности этого Единственного Христа, Единственного Сына.

Здесь Несторий сталкивается с основным противоречием христологии V в. – необходимостью более ясно и четко, нежели до сих пор было приемлемо

в Церкви, изложить, что произошло в момент Воплощения. Он сам встает перед необходимостью оправдать свою собственную веру в единственность Христа, более, нежели прочие, в свете того, что он неоднократно подчеркивал необходимость настаивать на неслитной раздельности в земном существовании воплотившегося Господа.

Утверждение о том, что Христос был истинным Богом и истинным человеком, в общем виде было принято широким рядом представителей Церкви V в. в качестве основополагающего положения Православия, но с различными толкованиями того, что подразумевалось под «быть истинным человеком». Только Антиохийская школа, вероятно, развивала тезис о том, что Христос был «человеком»; александрийские богословы, с другой стороны, удовлетворились тем, что это в первую очередь означало, что Божественный Логос жил полностью человеческой жизнью и пользовался одушевленным телом как инструментом (*organon*) опытного постижения реальностей в экстра-масштабах «телесного способа существования». Они поступали так не столько для того, чтобы противиться реальности (возм. пер.: игнорировать реальность) Человечества Господа, сколько для того, чтобы избежать двух нежелательных смысловых значений, по их мнению, присущих исповеданию Христа как «человека», а именно – того, что он был только человеком, и того, что его человечество /существовало/ совместно с Божеством и /вместе с тем/ отлично от него, а это они определяли как уже опровергнутую в III в. ересь адопционизма.

Утверждение о том, что две реальности во Христе существовали на равных на всем протяжении жизни Спасителя, однако, острейшим образом оспаривались. Александрийская позиция сводилась к тому, что принятие Логосом на себя Человечества обожествляло плоть с самого момента зачатия во утробе св. Девы. С момента Своего Рождения, Христос представал очам веры как единая реальность. Говорить о двух постоянно сосуществующих реальностях или природах для александрийцев означало совершенно уничтожить в каком бы то ни было смысле видение единого целого во Христе, воплощенном Логосе. Насколько они понимали, наличие двух полных, но различных природ, пребывавших во Христе было синонимично двум раздельным жизнедеятельностям (в особенности, если доктрина единственности субъекта (единосубъектности) не поддерживалась никак иначе), и, следовательно, двум личностям. Александрийцы воспринимали акцент Диодора на двух природах как означавший именно «Двух Сыновей» – как, по его словам, и было. Чего они понять не могли, так это именно того, как Несторий мог продолжать настаивать на двух неизменных реальностях и при этом все же утверждать, что сам он не имел ввиду Двух Сыновей. Антиохийская позиция сводилась к противоположному, утверждая, что всякая теория, не позволявшая двум природам сосуществовать в полноте и различно, лишала смысла любые притязания на то, что Христос действительно был человеком.

Третье утверждение в отношении того, «как именно» Христос объединил Божество и Человечество в своей жизни стало новым вопросом, которому суждено было сыграть роль замка от ларца. До тех пор, пока специальная богословская терминология не выковала ключа к этому замку. И великой всенародной

дискуссии между св. Кириллом и Несторием суждено было во многом послужить созданию этой терминологии. Такова была судьба, а равно и величайшее несчастье Нестория – стать искрой, воспламенившей эфирную смесь.

Для Нестория богословская терминология представляла исключительную важность. Одно дело, когда простые христиане выражают /словесно/ веру в молитве, и совсем другое – начало богословского диалога, когда противоборствующие стороны должны знать, что говорят, и убедиться, что их утверждения являются «подобающими», то есть благоговейными и осмысленными. Для него благочестие и набожность никогда не были достаточным извинением небрежности в изложении или неграмотности мышления, неспособного видеть значение, следствия и подтексты сказанного. В его глазах наименование «Богородица» было ярко выраженным примером подобной терминологической небрежности. Прежде, чем подробно изучить его аргументацию, однако же, важно выверить техническую сторону – терминологию, на которой он основывал логическое построение, а это повлечет за собой для нас краткое исследование некоторых философских понятий, которые, какими бы сложными они не казались современному читателю, абсолютно необходимы для понимания свято-отеческих споров в целом, и несторианства, в частности.

В простейших выражениях христологическая проблема, как ее видели в то время, заключалась в том, что некоторые утверждения были совершенно неприменимы к Богу. О Боге, к примеру, нельзя было сказать, что он подвержен каким-либо страстям, поскольку Он был неизменяем и само-движен по определению. Его, Всеведущего, нельзя было воспринимать как способного к незнанию; Всемоущего и Вездесущего считать ограниченным чем-либо. И если эти свойства рассматривались как основные применительно к любому из определений слов «Бог» и «божественный» (а все они принимались в качестве базовых аксиом всеми заинтересованными сторонами) тогда какой смысл был приписывать человеческие страсти, ограниченности и страдания Христу (все это с необходимостью являлось логическим следствием признания Его человеком), и тут же, мгновение спустя, все же утверждать, что Христос – «Бог»? Иными словами, описания Божества и Человечества вступали в противоречие самым очевидным образом. Как можно было утверждать единство их бытия? И это было не просто вопросом семантической неясности, проблема вобрала в себя всю полноту смысла и рациональности веры, представлявшей Христа одновременно Богом и человеком, и требовалось от этой веры сформировать значимое представление в отношении того, как можно было сочетать эти два утверждения – или, иными словами, требовалось определить способ единения двух условий /Божества и Человечества/ во Христе.

Для постановки этого центрального вопроса о христологическом единении в распоряжении богословов V в. имелись четыре терминологических возможности, или ключевых термина. Возможный ряд значений этого мог быть расширен за счет ранжированных групп качественных прилагательных или местоимений. Точная комбинация этих семантических переменных и стала в конце концов вопросом критичной важности. Четыре основных термина были следующими:

Ousia (сущность):	Сущность, субстанция, бытие, род или природа.
Physis (природа):	Природа, состав чего-либо (в раннехристианской мысли – конкретная реальность или существование).
Hypostasis (ипостась):	Актуальная, конкретная реальность чего-либо, подчеркивающая, оттеняющая сущность (в раннехристианской мысли – синоним природы).
Prosopon (лицо):	Наблюдаемый характер, выявление определяющих свойств /индивида/, проявление подлинной реальности.

Даже с первого взгляда понятно, что эти слова носят целый ряд значений, частично совпадающих в некоторых областях до того, что становятся синонимичными. В частности, это верно в отношении терминов Природа (Physis) и Ипостась (Hypostasis), которые в V в. одновременно носили и свои древние христианские значения, и более современные. В отношении Природы (Physis), св. Кирилл склонялся к использованию античного значения, а Несторий – современного. В отношении Ипостаси (Hypostasis) случай был противоположным. А поскольку именно эти термины оказались в самом центре дебатов, последовала немалая путаница. Более того, в пылу спора о христологической терминологии и Несторий, и св. Кирилл использовали, каждый по-разному, один и тот же термин – это взаимное несоответствие и различие в применении сильно приумножило для них сложности взаимопонимания, а для нас – понимания их обоих.

И последнее, хотя и не последнее по значимости: большинство современных исследователей полемики /между св. Кириллом и Несторием/ настаивают на переводе двух ключевых терминов «prosopon» и «hypostasis», (которым отдавали предпочтение соответственно Несторий и св. Кирилл), одним и тем же английским словом «person» («личность») несмотря на то, что во многих случаях оба термина не являлись синонимами, ни для одного из главных действующих лиц, и что ни одно из слов не имело того значения, которое вкладывает в понятие «личность» современный читатель. Из-за этих досадных проблем древней, а также современной герменевтики особенно необходимо в точности различать значения слов. Попробуем кратко и последовательно описать применение данных терминов в контексте философской аргументации.

Ousia – это род /или абстрактная сущность/ некоей вещи³². Представьте себе, к примеру, род «единорогов». Такой род существует, но лишь теоретически, не практически, не конкретно. То есть, его не существует «реально», как сказали бы мы сегодня. Тем не менее, имеет смысл говорить о неотъемлемых характеристиках единорога, таких, как волшебный рог, внешность, наподобие лошадиной, белый окрас, борода и львиный хвост и т. д. Таким образом, род единорогов – это ousia /(абстрактная сущность)/, составляющая основу бытия

(само существо) предмета. Понятие *physis* нашего единорога связано с ним тесным образом. Оно коннотирует с тем, что мы могли бы назвать осязаемыми, «физическими» характеристиками единорога, как те, что выделены выше, но по-прежнему понятно, что такое наличие *physis*-природы далеко не обязательно означает, что такое создание реально. Слово *physis*, однако, продвинуло наше обсуждение единорогов еще на одну ступень дальше в более реальную или более специфичную плоскость, нежели базовый общий термин *ousia*.

В некоторых кругах, в особенности представленных христианскими мыслителями Александрии, вслед за св. Афанасием, слово *physis* означало нечто слегка отличное по значению от «физических свойств» и применялось для обозначения³³ физического существования (экзистенции) – в смысле конкретной индивидуальной реальности. В руках св. Кирилла это слово используется в двух значениях: одно – то, что можно назвать стандартным, «физическим» использованием – оно коннотирует³⁴ с составными элементами того или иного предмета, а другое – то, в котором оно служит для описания понятии индивидуального существования (экзистенции) – или иными словами индивидуального субъекта. Эта изменчивость в использовании ключевого термина со стороны св. Кирилла является до некоторой степени объяснением затруднений Нестория в следовании его аргументации в отношении единственности *Physis* Воплощенного Слова (*Mia Physis tou Theou Logou Sesarkomene*). Под этим св. Кирилл подразумевал единственность конкретного индивидуального субъекта Воплощенного Слова. Тогда как Несторий слышал и воспринимал это как означавшее единство физического состава Слова (в смысле аполлинаристического слияния или смешения соответствующих свойств природ человека и Бога). Этой ключевой фразой св. Кирилл имел ввиду подчеркнуть, что Воплотилась именно единственная индивидуальная реальность Бога-Слова, и ничто другое: иными словами, единственным персональным (личностным) субъектом воплощения явилось извечное Слово, и что наряду с Богом в Воплощенном Господе не существовало человеческого персонального (личностного) субъекта. Он имел право использовать слово *Physis* для обозначения индивидуального существования (экзистенции), поскольку это являлось давней традицией его александрийских предшественников, но его последующее богословское употребление, окончательно утвержденное постановлениями Халкидона, свело значение термина к коннотации физических составляющих, а сам св. Кирилл в спорах с антиохийцами после Эфесского собора, начал осознавать, что ясности ради, нельзя продолжать использовать *physis* в качестве субъекта-референта.

Тем более, в отношении термина «*physis*» используемого в значении субъекта-референта св. Кириллом, но в значении его более общепринятого смысла, в качестве физического описания, он имел некоторые ограничения, так что мог обозначать лишь родовую индивидуальность и до этих пределов описывать абстрактный уровень реальности. Но для того, чтобы придать нашей дискуссии о «природе» более узкоспециальный характер, в тот период необходимо было использовать следующий, более далеко идущий термин. Если мы, к примеру, хотели обсудить, существовали ли единороги или же нет, необходимым для это-

го становилось слово *hypostasis*, означавшее «конкретизацию или реализацию» обобщенного класса предметов в значении индивидуализации его экзистенциальным путем. Если бы *ousia* и *physis* нашего единорога стали ипостасными, то есть имелась бы ипостась единорога наравне с общим (родовым) понятием (*ousia*) и природными свойствами единорога (*physis*), тогда мы говорили бы уже о /настоящем/ живом, движущемся единороге, а не о фантастическом образе или плоде воображения.

Слово «*physis*», очевидно, носило нечто вроде этого, последнего смысла, придающего общему (родовому) предмету специальный характер, но ипостаси (*hypostasis*) вскоре суждено было стать предпочтительно применяемым термином, означавшим «индивидуальную спецификацию» с акцентом на реализации абстрактной реальности в персональной экзистенции³⁵. По соответствующим семантическим правилам /логически/ следовало, что любая реальная сущность подлежит выражению в ипостаси, и именно здесь открывается глубинное расхождение между образом мышления св. Кирилла и Нестория. Первый усматривал во Христе только одну ипостасную реальность, ведь Христос, как бы то ни было, был один (то есть он подразумевал, что *hypostasis* несет смысловую нагрузку центра субъекта), тогда как последний более строго следовал логической связи, утверждая, что каждая *ousia* должна была выражаться в отдельной ипостаси (и, таким образом, означала, что *hypostasis* носит значение физическое основания *genus* /рода/)³⁶.

К несчастью, использование терминов никогда не ограничивалось, и по-прежнему не ограничивается определениями из словарей, а в период начала V в. ипостась имела еще и другие, более древние приписываемые ей значения. В прошлом она использовалась как точный синоним *physis*. Даже св. Афанасий, объясняя свою доктринальную терминологию после Александрийского синода 362 г. сформулировал для своих слушателей, что «*hypostasis* означает *ousia* и ничего больше». И термин фактически начал жить именно в этом смысле. Этимологически он состоял из префикса «*hypo-*» в значении «под» и /корня/ «*stasis*» – «стоящий», являясь, таким образом, прямой параллелью латинского слова «*Sub-stantia*» (субстанция/*ousia*). Однако, в ходе тринитарных споров конца IV в. значительные богословские усилия, в том числе и среди прочих, со стороны отцов Каппадокийцев, успешно прилагались в сфере изобретения новых технических (утилитарных) смыслов слова «ипостась». Так, тринитарная доктрина определяла Бога как Едино-сущного в трех Ипостасях. И в этом, более современном, смысле ипостась находилась на пути к значению индивидуальной конкретизации, или субъективизации, а не обозначала (как прежде) просто природу вещи (предмета).

Двойственность смысла этого слова опять таки стала источником основательной путаницы в отношениях между св. Кириллом и Несторием. Св. Кирилл часто использует термин *hypostasis* в более новом смысле для описания образа соединения во Христе. Он, к примеру, часто повторяет, что единение имело место «*Kath Hypostasin*»: ипостасно, или на ипостасном уровне. Этим он хочет подчеркнуть, что единение Бога и Человека во Христе строго говоря следует понимать как осуществившееся именно благодаря наличию единственного

индивидуального субъекта (Ипостаси Бога-Слова), осуществившего единение двух различных реальностей (Божества и Человечества), оставаясь единым личностным Субъектом обоих. Таково, на его взгляд, «ипостасное единение», являющееся единственным подходящим способом сохранения богословия воплощения. Несторий, с другой стороны, упорно и последовательно трактует *hypostasis* в античном смысле как означающее нечто тесно связанное с *physis* или *ousia* – либо как синоним этих терминов, либо как термин, означавший их конкретное основание в точном смысле «природы». В своих произведениях он в некоторых местах сознается, что не может понять, что именно термин «ипостасное единение» обозначает у св. Кирилла, разве что /его следует считать/ единением на основе наиболее /грубого,/ механического из возможных способов. Короче говоря, термин «ипостасное единение» понимается им как синоним «материального единства» – такая концепция претит св. Кириллу, равно как и самому Несторию, поскольку это было бы неким мифическим понятием, предполагавшим создание нового вида природы: ни божественной, ни человеческой, но богочеловеческой, то есть ни той, ни другой в истинном смысле. Однако (к тому же), такая позиция была бы аполлинаристской. Несторий верил, что св. Кирилл учил именно этому, во многом вследствие неверного истолкования терминов в работах св. Кирилла. Однако, его использование наряду с другим любимым словосочетанием св. Кирилла³⁷ *Mia Physis* (Единая Природа Бога-Слова воплощенная) сформировало убеждение у него, а также других антиохийских теоретиков, что именно это св. Кирилл и имел ввиду: что его термины *hypostasis* и *physis* могли иметь только такое, материальное значение, а не тот смысловой оттенок индивидуализации, который хотел вложить в них св. Кирилл, кроме того, возможно, /Несторий/ подразумевал, что имеет право ожидать употребления терминов в их первоначальном значении в традициях его собственной /антиохийской/ Церкви.

Несторий имел и другие проблемы с терминологической аргументацией, и был склонен считать себя кем-то запоздало³⁸ ставшимся в Церкви разрешить задачу исправления смысловых несоответствий темы Воплощения в христианстве. С его точки зрения слово *hypostasis* не было исключительно удачным термином для описания «различной реальности» предмета – его индивидуальности – из-за близких семантических ассоциаций термина со словами, обозначающими природу в полном и всеобщем смысле (*ousia*, *physis*). Он находил гораздо больше смысла в применении другого слова для обозначения различия индивидуальности предмета, и этим словом был *prosopon*³⁹. Для Нестория значение *hypostasis* должно было сократиться до коннотации (обозначения) конкретизации предмета, а *physis* до обозначения материала, из которого тот сделан. Он старательно избегал формы *hypostasis* при описании христологического единения, непосредственно выступая тем самым с критикой излюбленных выражений св. Кирилла. Если Несторий и упоминал об этом термине, то только чтобы сделать два замечания: во-первых, что само слово было весьма и весьма «материалистическим» в приписываемых ему значениях и совершенно не годилось для использования в христологических спорах, поскольку могло навести на мысль об органическом или химическом типе соединения; и, во-

вторых, что любая сущность (*ousia*) не имеющая своей собственной ипостаси не может, следовательно, иметь и реального существования. Последний пункт был существенной атакой позиции св. Кирилла, который утверждал, что Человечество во Христе не имело соответствующей ему собственной человеческой ипостаси (и что Христос таким образом не был человеком-индивидом, а был, скорее воплощенным Богом-Словом). Св. Кирилл считал этот аргумент в защиту едино-субъектности воплотившегося Господа решающим; Несторий же атаковал его на том логико-семантическом основании, что если бы Христово Человечество не имело своей собственной человеческой ипостаси, тогда и Человечество было бы лишь номинальным, а не реальным. В то время, как Несторий требовал логической точности в богословских спекуляциях, св. Кирилл предпочитал защищать интуитивный принцип едино-субъектности независимо от того впечатления, которое его разнообразие в применении специальных терминов производило на слушателей и на логику как таковую. Св. Кирилл всегда чувствовал, что таинственная природа веры правдиво отобразила ту истину, что спор о Воплощении Господа, невозможно аккуратно упаковать в обертку по последней схоластической моде; тогда как его соперники это «мистическое» отношение к богословскому дискурсу зачастую отвергали как обскурантизм. Без сомнения, в употреблении терминологии св. Кириллом имеются некоторые несоответствия (противоречия), однако, их эффект противоположен: они едва ли делают смысл даже чуть менее ясным, поскольку он постоянно повторял главное с использованием целого ряда метафор при изобилии способов изложения, отказываясь полагаться на какую-либо строго упорядоченную систему терминов, почти /откровенно/ протестуя против создания узкоспециальной христологической схоластики. Напротив, Несторий был логиком до мозга костей, и для него *prosoron* был новым шагом вперед в рационализации церковной христологической доктрины.

Слово «*prosoron*» было традиционным термином для антиохийских богословов. Оно дословно означало «лицо» или «актерскую маску», его латинский эквивалент «*persona*» со времен Тертуллиана надолго закрепился на западе в качестве христологического термина⁴⁰. *Prosoron* – это внешний вид или форма природы (*physis*), какой она может показаться при поверхностном наблюдении или беглом взгляде на вещи. Это весьма конкретное, эмпирическое слово, соответствующее тому, что выявляет внешнее наблюдение. Каждая сущность (*ousia*) характеризуется своей собственной природой (*physis*) – т. е. всем тем, что ее составляет, а каждая природа, в свою очередь, реализуясь в ипостаси, предстает внешнему наблюдению⁴¹ в своем *prosoron* – наборе конкретных (детализированных) характеристик или «*progoria*» (свойств), составляющих индивидуальность данного предмета и сигнализирующих наблюдателю о том, какова его природа, и, следовательно, к какой сущности/роду он принадлежит⁴². В системе, которой следовал Несторий, каждой природе соответствовал ее собственный *prosoron*, т. е. сумма собственных характеристик (*idiomata*), которая характеризует /природу/ в ее уникальной индивидуальности, и в качестве таковой становится известна другим. Слово /*prosoron*/ имело изначальное (основное) значение «делающий известным» и казалось Несторию исключительно удачным

в контексте богооткровенности вопроса о Воплощении. Св. Кирилл также пользовался этим словом, видя в нем синоним ипостаси (в его понимании), или, иногда, природы (*physis*), то есть, имея в виду индивидуальный субъект-центр⁴³. Он употреблял его лишь потому, что знал его как термин из словаря антиохийцев, но наверняка не слишком жаловал его, и всегда ощущал, что сам способ его употребления в аргументации Нестория делает его неудачным в сравнении с *hypostasis* именно потому, что оно имело столь «поверхностные» коннотации, и, вероятно, в большей мере означало «внешность», нежели «реальность». Св. Кириллу нужно было слово для обозначения личностного центра Христа, которое давало бы максимально возможное онтологическое обоснование, иными словами, как можно более «вещественное»⁴⁴ слово. Именно в этих целях ему великолепно подходила «ипостась». Более того, его ужасало то, как Несторий продолжает апеллировать к /двум/ разным *prosora* наряду с единым *prosoron*. Будучи /сам/ далек от доказательства последовательной доктрины едино-субъектности, св. Кирилл чувствовал, что такой уровень изменчивости в ключевых словах в центральном вопросе всех дебатов показывает, что Несторий вообще не имеет намерения учить о едином личностном центре в каком бы то ни было истинном смысле, а /имеет намерение преподнести все/ в том кажущемся смысле, что Христос, «похоже», объединял две реальности. В своем позднем богословии Церковь в большинстве следовала за св. Кириллом, предпочитая *hypostasis*, но Халкидон также соглашался с ним в том, что и *prosoron* также может использоваться, поскольку этот термин был реабилитирован в качестве синонима *hypostasis*, и однозначно отстаивал ту точку зрения, что термин для /описания/ единения, будь-то *hypostasis* или *prosoron* был столь важен, что ни в коем случае не мог применяться таким образом, который наводил бы на мысль о компромиссной позиции в основополагающем вопросе едино-субъектности.

Таково вкратце описание терминов, имевшихся в распоряжении греческих богословов V в. для ведения споров по христологическому вопросу. Оно могло бы послужить предварительным объяснением того, почему столь многое дало почву для непонимания между двумя мыслителями, такими, как св. Кирилл и Несторий, которые, представляя и отстаивая свои индивидуальные позиции, использовали различные языковые коды. Оно послужит также базовым введением к представленной далее несторовой детальной аргументации относительно личности Христа, выстроенной именно на этих /терминологических/ основаниях. Однако, английские эквиваленты четырех центральных терминов: *Ousia*, *Physis*, *Hypostasis*, *Proson* и представленный выше краткий философский очерк находятся здесь на положении эссе – предварительных и приближенных набросков, призванных помочь в рекогносцировке (ориентации) на местности и дальнейшем следовании извилистым путем этой древней дискуссии. И все потому, что настоящее значение терминов нельзя установить по их абстрактным определениям – сделать это можно лишь по фактическому семантическому употреблению этих терминов в точном контексте текстуального содержания дискуссии. Св. Кирилл, к примеру, несмотря на все желание Нестория стандартизировать лексику в строго согласованном порядке, не имел столь же сильного стремления к этому. Первейший прием для желающего понимать

теологию св. Кирилла – читать побольше его богословских произведений. Но на протяжении веков студенты, не владевшие греческим, такой возможности не имели. И даже в наш век, когда произведения большинства отцов Церкви переведены, писания св. Кирилла по-прежнему труднодоступны – весомая причина, по которой мы сочли уместным представить их в пятом разделе данной книги. Тексты св. Кирилла приводятся не как приложения к критическому обсуждению, им предшествующему, а как первоисточник для демонстрации доктрины как таковой. В свете самостоятельного изучения произведений св. Кирилла, с первого же прочтения, удивляешься тому, каким образом их в обобщенном виде преподносят в доктринальных учебниках. Также и в отношении Нестория способ применения им технических терминов в контексте все больше будет прояснять нам его истинные намерения, и при изложении его мысли в последующем мы попытаемся достаточно обильно цитировать первоисточники.

Из четырех основополагающих терминов, рассматривавшихся до сих пор, лишь три могут быть использованы при описании христологического «как», то есть способа соединения Божества и Человечества во Христе. И все потому, что термин *ousia* исчерпал свое применение среди христиан еще в ранних спорах вокруг Никейского собора в IV в., и на том этапе все стороны пришли к соглашению, сочтя его подходящим для обозначения в чистом виде сущности Бога или же в чистом виде сущности человека. Этим словом можно было обозначить цельность, а не единение. Иными словами, полагать *ousia* в основание христологического единения значило признать возможность онтологического единения Бога и Человека во Христе. И если бы в подобной схеме была лишь одна сущность (*ousia*), тогда это должна была быть либо Божественная сущность, либо человеческая сущность, либо Бого-человеческая сущность. Если она была божественной, тогда бессмысленно и незаконно было бы именовать Христа человеком. В лучшем случае Он мог лишь иметь видимость (внешность) человека, тогда, как, и в то время, как на самом деле был чем-то иным, то есть Богом-Словом, выдающим себя за человека. «Воплощение» на таких основаниях лишалось бы всякого смысла, и пришествие Христа лучше всего было бы описывать как «Богоявление»⁴⁵. Такая точка зрения была бы ни чем иным, нежели оживлением древней ереси – докетизма, и ни одна из сторон не была готова понимать единение таким образом и в таких терминах.

А если предполагаемая сущность (*ousia*) была, тем не менее, человеческой, тогда Христа можно было назвать истинным человеком, но любая попытка окazyвать Ему почести как Божеству была бы богохульством, поскольку Он ни в малейшем смысле Богом не являлся бы, и это противоречило бы всей христианской системе культовой Литургии. Опять же, если бы кто-либо попытался предположить, что единственная сущность (*ousia*) была богочеловеческой в значении /некоего/ нового единения составляющих Божества и Человечества на онтологическом уровне, тогда такая сущность была бы вместе и новым, и единственным родом экзистенции. Однако, она однозначно не была бы Божеством в чистом виде, поскольку изменилась бы по сравнению с чистой концепцией того, что представляла собой (имеется в виду, до Воплощения) Божественная *ousia*, которая полагалась неизменяемой и в самом акте изменения проявила

бы не-божественность, став причастной исторической относительности. Кроме того, чем бы ни была такая Бого-человеческая сущность (*ousia*) она однозначно не могла быть человеческой. Следовательно, на подобных основаниях христологического единения «по сущности» (*kat'ousian*), Христос не был бы ни Богом, ни Человеком. И такой подход рассматривался всеми как полностью невозможный и неприменимый. Основывать христологическое единение на таком термине считалось величайшей, а позднее – наивнейшей из грубейших ошибок, которые мог когда-либо допустить богослов, и высмеивалось как заблуждение, неизбежно превращавшее св. Троицу в Четверицу⁴⁶. Все стороны, участвовавшие в христологическом споре V в. получали удовольствие, стараясь указать на то, как их оппоненты впадали в эту величайшую и смехотворную оплошность. Такое обвинение лежит в основе утверждений Нестория и Феодорита, что св. Кирилл был аполлинаристом, и утверждения св. Кирилла, что Несторий был арианом. Ни одно из этих обвинений не отличалось строгой точностью (тщательностью) аргументации, но они во многом формировали методологию древней техники ведения дебатов. Одно такое обвинение рикошетом сильно ударило по самому Несторию. В своих писаниях до Эфесского Собора, и в самом Эфесе, Несторий утверждал, что св. Кирилл вовлек всю св. Троицу в событие Воплощения совершенно недопустимым образом. Это обвинение он выразил своим обычным саркастическим образом, самой постановкой проблемы изумляя⁴⁷ слушателей трактовками подтекста и последствий, намереваясь таким образом «подставить» /под огонь критики/ своего оппонента. К несчастью, собрание текстов, представленных св. Кириллом, содержало несколько таких примеров саркастического описания Троицы-Четверицы, которое собравшиеся отцы, не распознав саркастического намерения, приняли за выражение собственных чувств Нестория, и сочли его богословски безграмотным. В Эфесе он проделал то же, но устно в присутствии Феодота Анкирского, чье донесение об этом событии стало главным фактором в его синодальном осуждении за богохульство.

Термин «*ousia*», таким образом, твердо занял место в новообразованном христианском специализированном словаре. Он означал то, что было основой и онтологической данностью – в случае христологической доктрины, основой неизменяемой, вечной, Божественной природы с одной стороны и преходящей природы человеческой с другой стороны. Однако, термин никоим образом не мог быть использован для истолкования способа соотношения двух концептов в личности Христа, которого св. Церковь исповедовала и Богом, и Человеком.

В качестве трех возможных альтернатив оставались *physis*, *prosopon* и *hypostasis*. Ни один из этих терминов пока не получил развития на христологической арене в каком-либо общепризнанном, согласованном смысле. Слово *physis* прежде появлялось в работе Аполлинария, который при посредстве этого термина дошел до того, что представил Христа неполным человеком. Помимо такого злосчастного употребления в прошлом, достигшего кульминации в христологии, осужденной многочисленными синодами, термин также имел неизбежные коннотации (из-за чересчур «физического» звучания) с органическим /или физическим/ со-единением, беспокоившие некоторых богословов. И даже, не-

смотря на то, что св. Кирилл его употреблял (в своей формулировке *Mia Physis*) он заметно отступил от его использования в последствии, в результате диалога с не-несторианским Востоком. Это, вероятно поставило *prosopon* и *hypostasis* в положение основных соперников в качестве слов, способных возглавить столь важный христологический глоссарий. Несторий основывал свои работы на первом термине. Св. Кирилл чередовал употребление *physis* и *hypostasis*, не желая совсем отказываться от первого слова из-за его прежнего еретического значения, но, в конце концов, осознал его недостаточность и неспособность сохранить общее согласие, и почел за лучшее в качестве окончательного ключевого слова предложить *hypostasis*.

Как видно из предшествующего обсуждения терминов, некоторые из значений смыслового ряда обоих терминов, *hypostasis* и *physis*, пересекались на «территории» слова *ousia*. Из-за этого Несторий часто (возможно, не столь уж невинно и ненамеренно, а скорее, как часть общего апологетического замысла) заявлял, что считает использование св. Кириллом *hypostasis* для описания христологического единения «совершенно непонятным». Он желал, чтобы его читатели избегали такой терминологии из-за опасностей, которыми чревато было утверждать о подобном роде единения во Христе, которое превращало бы Троицу в четверку и оставило бы Христа /в положении/ ни Человека, ни Бога.

В Книге Гераклида⁴⁸ Несторий сознается, что не понимал, какой смысл может иметь словосочетание «ипостасное единение», еще когда впервые услышал о таком понятии от св. Кирилла двадцать лет назад, и что не понимает этого и до сих пор. Со стороны Нестория это, конечно же, не откровенное признание в собственном невежестве, а весьма ироничный намек на то, что св. Кирилл, отстаивая онтологический термин для единения, допустил величайшую из возможных христологических глупостей. Он основывал свое прочтение св. Кирилла на античном употреблении термина *hypostasis*, трактуя его таким образом, что в Никейском символе веры он использовался как синоним *ousia* и означал «подлинное бытие»⁴⁹. Фактически, Несторий отказывается признать обоснованность нового, узкоспециального применения слова *hypostasis* в работах св. Кирилла, настаивая на прочтении его в античном смысле и лексическом значении, на том основании, что тот в своих писаниях не сделал необходимых оговорок, чтобы ясно показать отличие нового смысла, который он намеревался ввести от прежнего, никейского значения *hypostasis*. Такое недовольство со стороны Нестория имело некоторые оправдания в обычае св. Кирилла использовать *hypostasis* и *physis* как слова-синонимы (предположительно, он также следовал их никейским значениям), одновременно применяя более новое значение *hypostasis* в качестве референта субъекта дифференциации (таким же образом, как каппадокийская традиция формулировала в конце IV в. тринитарную доктрину – Бог как одна и та же, единая сущность (*ousia*), в которой различают три индивидуальных Ипостаси (*hypostases*)).

Св. Кирилл, с другой стороны, имел некоторое оправдание, утверждая, что этот «новый смысл» *hypostasis* обозначает дифференцированный субъект уже к тому времени твердо установленный Константинопольским собором 381 г. в качестве основополагающей структуры церковного тринитарного Православия.

И для Нестория, таким образом, было вряд ли приемлемо рассматривать это как нововведение со стороны собственно св. Кирилла. Вызывает иронию тот факт, что неприятие Несторием термина «ипостась» в богословском дискурсе еще раньше разделял Рим. Поколением раньше, когда Каппадокийские отцы впервые попытались систематизировать использование слов для обозначения «троичности» Бога, применяя *ousia* для обозначения сущностной единственности Бога, Рим вначале был обеспокоен такой доктриной. Там неправильно поняли учение об одной сущности и трех Ипостасях как равнозначное трем сущностям в Боге – то есть, трем Богам⁵⁰ и (поначалу) смотрели на все Нео-Никейское движение в лучшем случае как на невразумительно использующее богословскую терминологию. Несторий кажется продолжателем этой линии пятидесятилетней давности. Понадобилось много времени, для того чтобы новая тринитарная терминология стала общепринятой. И то, что теперь стало предметом споров между св. Кириллом и Несторием, во многом было тем же вопросом – следует ли, или же нет, переносить *hypostasis* на еще одну богословскую арену, чтобы утвердить /там этот термин в качестве/ ключевого христологического кода. Несторий возражал, дескать такой перенос неоправдан и вносит путаницу. Св. Кирилл, с другой стороны, подразумевал, что тринитарное использование термина «*hypostasis*» уже определяет его как указатель субъективности Господа, и в отношении Воплощения говорить об Ипостаси (*hypostasis*) Бога во плоти значило в точности то же, что и о Боге-Слове. Таким образом, доктрина ипостасного единения была для св. Кирилла одним из самых верных способов, какие он только мог помыслить, утверждать, что личностный Субъект Воплощения был ни кто иной, как Бог-Слово. Следовательно, применение им тринитарной ипостасной терминологии полностью уместно. То, против чего, возражал Несторий, в действительности было не терминологией, а доктриной, которую он за этой терминологией усмотрел и счел чуждой Православию. Для него представить божественное Слово непосредственным Субъектом акта Воплощения было неприемлемо.

На протяжении всей Книги Гераклида Несторий снова и снова возвращается к критике кириллова понимания христологического единения на основе *physis* или *hypostasis* (*henosis physike*, *henosis kath'hypostasin*) как предполагающего с необходимостью сочетание элементов, лишенных какой-либо свободы выбора, наподобие биологических образований или химических реакций или механических соединений неполных частей для создания нового целого *tertium quid*. С точки зрения Нестория, любая подобная интеллектуальная модель христологического единения не отвечала ни постоянству полноты соответствующих природ во Христе, ни исключительно волюнтаристскому характеру Воплощения, которое не зависело от физической потребности в какой бы то ни было форме, а лишь от милостивого и свободного Божьего соизволения облечься в Человечество (досл.: в человеческую форму – *прим. пер.*)⁵¹. В одном из фрагментов своей работы «*Theopaschites*» Несторий выразил свои возражения следующим образом:

Вы исповедуете Христа как составляющего одну природу (Mia Physis) из бестелесного и телесного⁵², являющегося одно-природно-ипостасным

(англ.: *single-natural-hypostasis*)⁵³ /в результате/ Божественного Воплощения (*Theosarkoseos*). Но следует сказать, что это смешение двух природ, смешение, лишающее природы собственных, им соответствующих ипостасей⁵⁴, растворение их друг в друге⁵⁵.

В Книге Гераклида он часто возвращается к той же самой теме, /утверждая/, что если основывать христологическое единение на единении онтологическом или «природном», описываемом терминами *ousia*, *physis* или *hypostasis*, то это все равно, что сказать, что Божественный Логос, подчинившись тирании плоти, перенес все те, страдания, которыми выпало пострадать /Его/ телу. Это не только разрушило бы всякое представление о бесстрастии и трансцендентности Божества, но равно и лишило бы Воплощение какой бы то ни было религиозной значимости – той значимости, которую оно могло бы иметь в случае свободного Божьего произволения разделить нашу участь. И при такой модели единения никто больше не смог бы говорить о свободе выбора в Воплощении. Именно поэтому он отстаивает *prosopon* как /единственно/ корректный термин в христологическом споре. Давайте посмотрим далее, как ему заблагорассудилось его использовать.

(Продолжение следует)

Перевод с английского прот. Н. Терновецкого

¹ Перевод осуществлен по изданию: *McGuckin J. A. St. Cyril of Alexandria: the christological controversy. Its history, theology and texts.* – Leiden; New York; Köln, 1994. – P. 126–151. Здесь нами представлен перевод лишь первых двух параграфов второй главы из указанной монографии известного британского патролога, богослова, священника Дж. Э. Макгакина. Такой выбор может показаться несколько необычным, однако он продиктован усилением, в последнее время, интереса у отечественного читателя к доктринальной стороне несторианства и личности самого Нестория (особенно после обнаружения сирийского текста Книги Гераклида, которая существенно расширила границы наших представлений о его учении). Подтверждением тому являются относительно недавние работы Н. Н. Селезнева (особенно: *Селезнев Н. Н. Несторий и Церковь Востока.* – М., 2005), в которых предпринята попытка посмертной реабилитации известного ересиарха. Нам представляется важным дать возможность русскоязычному читателю ознакомиться с одним из лучших примеров изложения концепции Нестория в полемике со свт. Кириллом Александрийским, который и содержится во второй главе исследования Дж. Э. Макгакина.

² Отчасти данная глава представляет собой исправленное издание более ранней работы того же автора: *McGuckin J. A. The Christology of Nestorius of Constantinople* // PBR. – 1988. – № 7, 2–3. – P. 93–129.

³ Тёрнер (*Turner H. E. W. Nestorius reconsidered* // *Studia Patristica* – 1975. – № 13. – P. 48), описывая взаимоотношения этих авторов, предполагает, что Несторий следовал за Феодором во всех основных положениях, но формулировал их с большей остротой и узкой перспективой.

⁴ Кирилл однозначно рассматривает и Нестория и Феодора как сторонников двух-субъектной (англ.: *double-subject*) христологии, что равносильно теории «Двух Сыновей», это и является исходным пунктом его интеллектуальных нападок на Нестория.

⁵ По причине одного из ранних неточных переводов с сирийского, название впервые получило распространение в работе Бетьюн-Бейкера (*Bethune-Baker J. F. Nestorius and His Teaching.* –

Cambridge, 1908), а впоследствии – у Драйвера и Ходгсона в их переводе (*Driver G. R., Hodgson L. The Bazaar of Heraclides*. – Oxford, 1925) как «Базар Гераклида». Слово, ошибочное принятое за «рынок» (тюрк.: «базар») на самом деле являлось эквивалентом греческого «томос», т. е. «книга» или «трактат».

⁶ The Book of Heraclides: Syriac text; [ed. P. Bedjan]. – Paris, 1910; французский перевод: *Nau F. Le Livre de Héraclide*. – Paris, 1910 (именно французская версия преимущественно использовалась как основа для настоящего изложения; английский текст: *Driver G. R., Hodgson L. The Bazaar of Heraclides*. – Oxford, 1925).

⁷ См.: *Abramowski L. Untersuchungen zum Liber Heraclidis des Nestorius* // CSCO. – Louvain, 1963. – № 242. – (Subsidia 22) и Introduction, E. T., and Indexes // A Nestorian Collection of Christological Texts: in 2 vols. / [eds. L. Abramowski, A. E. Goodman]. – Cambridge, 1972. – Vol. 2; см. также: *Grillmeier A. Christ in Christian Tradition*. – [2nd Edn.]. – London, 1975. – P. 559–568; *Chesnut R. C. The Two Prosopa in Nestorius' Bazaar of Heraclides* // JTS. – 1978. – № 29. – P. 392–408 (дискуссия о текстуальной традиции и вопросах подлинности).

⁸ Ср.: *Assemani J. Bibliotheca Orientalis*: in 4 vols. – Rome, 1917–1928. – Vol. 3.1. – P. 35f и далее по тексту.

⁹ Все еще используется в несторианской церкви, однозначно, составлена не самим Несторием.

¹⁰ Этот текст написан не Несторием, а, скорее, о нем, и содержит важную информацию относительно его жизни, характера, последующей ссылки. Это апология его памяти. Текст послания напечатан в конце Книги Гераклида во французской версии.

¹¹ *Loofs F. Nestoriana*. – Halle, 1905.

¹² Introduction, E. T., and Indexes // A Nestorian Collection of Christological Texts: in 2 vols. / [eds. L. Abramowski, A. E. Goodman]. – Cambridge, 1972. – Vol. 2.

¹³ Возм. пер.: О Первосвященстве Христа – прим. пер.

¹⁴ Ср.: PG. 64. – Col. 453–492; *Loofs F. Nestorius and his place in the History of Christian Doctrine*. – Cambridge, 1914. – P. 7; также: *Haidacher S. Rede des Nestorius uber Herbr. 3.1* // Zeitschrift fur Katholische Theologie. – 1905. – № 29. – P. 192–195. Обзор по данному вопросу см.: *Bethune-Baker J. F. Nestorius and His Teaching*. – Cambridge, 1908. – P. 105–120.

¹⁵ PL. 48. – Col. 757f.

¹⁶ Hist. Eccl. 1. 7; ср.: *Loofs F. Nestoriana*. – Halle, 1905. – P. 198–201.

¹⁷ Ср.: *Quasten J. Patrology*: in 3 vols. – Utrecht-Antwerp, 1975. – Vol. 3. – P. 515–519; *Synodicon Orientale*; [ed. & tr. J. B. Chabot]. – Paris, 1902; Introduction, E. T., and Indexes // A Nestorian Collection of Christological Texts: in 2 vols. / [eds. L. Abramowski, A. E. Goodman]. – Cambridge, 1972. – Vol. 2.

¹⁸ Эдиктом Феодосия II от 30 июля 435 г. предписывалось сжечь все писания Нестория: Cod. Theod. 16. 5. 66.

¹⁹ *Socrates. Hist. Eccl. 7. 32*; английский текст: *Socrates and Sozomenus Ecclesiastical Histories*; [eds. F. Schaff, H. Wace] // Nicene & Post Nicene Fathers of the Christian Church (Second series). – Edinburgh, 1994. – Vol. 2. – P. 171.

²⁰ Возм. пер.: широко дискурсивной – прим. пер.

²¹ Роберта Чеснат (*Chesnut R. C. The Two Prosopa in Nestorius' Bazaar of Heraclides* // JTS. – 1978. – № 29. – P. 392–408) излагает более позитивное и холистическое (holistic) воззрение на его труды, поясняя его терминологию просороп в терминах платоновой теории зеркального отображения реальности, которой, как она полагает, Несторий сознательно пользовался в своих уопостроениях. Ее работа представляет также важную дискуссию – обсуждение текстуальной традиции и подлинности Книги Гераклида. См., также: *Hodgson L. The Metaphysic of Nestorius* // JTS. – 1918. – № 19. – P. 46–55 и *Wolfson H. A. The Philosophy of the Church Fathers*. – Cambridge, Mass., 1976. – P. 372–462.

²² В его изначальных аксиомах уже проявляется ссылка на христологию Каппадокийских отцов, в особенности, двух Григориев, и эта позиция получит дальнейшее развитие. Но его решительный отказ, по прибытии в Константинополь, позволить Православию изъясняться в области христологии «смешанным» языком, в какой бы то ни было форме, стал невольным (непреднамеренным) противоречием его великому предшественнику св. Григорию Назианзину, широко применявшему такую терминологию.

²³ Следуя постановлениям Никейского собора, Несторий учил, что Христос был уже безгрешен. Он рассматривает Христово человечество, Его мораль, жизнь как ни в чем не отклоняющиеся

от воли Отца – настолько, что в нем не могло быть и никогда не было ни малейшего диссонанса. Это подход проповедника и моралистическая перспектива никейского «atreptos» (неизменяемости Логоса).

²⁴ Смещение, при котором обе составляющие разжижаются, растворяются друг в друге, приводящее их к необратимым изменениям: так смешиваются вино и вода, масло и мед.

²⁵ Возм.: естеств – *прим. пер.*

²⁶ Ср., напр.: *Athanasius. De Incarnatione*, 17–18. Английский перевод: *Hardy E. R. The Christology of The Later Fathers*. – London, 1954. – P. 70–73.

²⁷ Как, к примеру, у Ин. 11:42, где Иисус молится перед воскрешением Лазаря, а потом прибавляет, что делал это для пользы слушающих.

²⁸ Мк. 13:32.

²⁹ Как то: Ин. 8:58; Ин. 11:25.

³⁰ Как то: Ин. 4:6.

³¹ Хотя и сохраняя при этом более твердое понятие о личном единстве (личностной целостности) во Христе, нежели это смог сделать Несторий. См.: *Loofs F. Nestoriana*. – Halle, 1905. – P. 197f. и далее, где Несторий утверждал: «Смотрите, что говорит здесь Кирилл: «Даже если различие природ не понято превратно, из чего (ex on), скажем так, достигается неизреченное единение...». Но эта фраза, начиная с его «из чего», придает всему такое звучание, как будто он говорил о природах Господа как частях, составивших единое целое. Ему следовало бы сказать не «из чего», а, скорее, «чем достигается неизреченное единение», поскольку неизреченное единение не составлено из природ, а, скорее, является неизреченным единением природ.

³² Биологический род – таксономическая группа, одно из подразделений семейства, в свою очередь делится на виды; логический род – класс предметов или индивидов, который можно подразделить на группы или виды – *прим. пер.*

³³ Возм.: в дополнительном значении – *прим. пер.*

³⁴ Обозначает, перекликается, ассоциируется – *прим. пер.*

³⁵ Возм.пер.: личностном существовании – *прим. пер.*

³⁶ Для него это базовый принцип, и в упрек Кириллу он говорит: «Не следует понимать, что одна сущность (ousia) не имела ипостаси (hypostasis), как будто единение во Христе произошло в рамках одной ousia». – Книга Гераклида 305, 291 (см.: *Nau F. Le Livre de Héraclide*. – Paris, 1910. – P. 193, 184, 192. Точка зрения Кирилла не сводилась, разумеется, к тому, чтобы полагать единство основанным на сущностях, /он представлял его/ на основе иначе понимаемой ипостаси: как персонализированный центр природ. И хотя Кирилл, возможно, мог бы /еще/ согласиться с тем, что все природы должны выражаться в ипостасях (быть ипостазированны), он не был согласен с тем, что это означало, что Христос должен, следовательно, иметь две ипостаси. Для него весь смысл обсуждения сводился к тому, что обе природы не являлись отдельными независимыми реальностями, и, поэтому реализовались обе во Едином Христе, в одной ипостаси. Использование моно-ипостасной терминологии окончательно одержало победу, но лишь поколение спустя, в Халкидоне, /который/ детально проработал техническую терминологию: Две природы (Божественная и человеческая), одна Ипостась (Божественная) во едином Христе.

³⁷ Хотя последнее и употребляется реже.

³⁸ Возм.: чрезмерно – *прим. пер.*

³⁹ Если бы дело было только в терминологических расхождениях, св. Кирилл оставил бы все как есть. В конце концов, в своих произведениях и он использует «prosopon» как синоним «hypostasis»: оба слова обозначали индивидуальную реальность. Однако, аргументацию /Нестория/ нельзя было оставлять как есть, поскольку в тот критический момент Несторий начал говорить о Prosopon таким образом, что дал св. Кириллу все основания думать, что имелся в виду не один единственный prosopon.

⁴⁰ Слово «persona» также изначально обозначало актерскую маску, но постепенно стало использоваться как основополагающий фактор природы. Со времен Тертуллиана возникла следующая латинская формула: *Una persona duae Naturae*: Две природы, один субъект. Ни persona, ни prosopon не несли смысловой нагрузки эквивалентной современному термину «личность» (англ.: person).

⁴¹ Возм. пер.: доступна чувственному познанию – *прим. пер.*

⁴² Prosopon, подобно ипостаси, связан с physis, постольку, поскольку является референтом (смысловым носителем) конкретности и индивидуальности, но выделяется из ряда значений,

приписываемых *physis*, будучи более специфическим термином, имеющим особое значение «индивидуального характера чего-л. /или кого-л./ представленного на обозрение /т. е. проявляемый вонне набор индивидуальных характеристик/». Более полное обсуждение точных этимологических значений см.: *Wolfson H. A. The Philosophy of the Church Fathers.* – Cambridge, Mass., 1976; *Loofs F. Nestorius and his place in the History of Christian Doctrine.* – Cambridge, 1914. – P. 76 и далее; *Abramowski L. Untersuchungen zum Liber Heraclidis des Nestorius* // CSCO. – Louvain, 1963. – № 242. – P. 217. – (Subsidia 22) и далее.

⁴³ Англ.: individual subject centre – *прим. пер.*

⁴⁴ Возм.: сущностное – англ.: substantial – *прим. пер.*

⁴⁵ Устойчивый эллинистический (языческий) термин, описывающий встречу богов и людей или даже полу-богов. Такому пониманию св. Церковь противилась со дня своего основания.

⁴⁶ Так, к примеру, в Книге Гераклида 55–58 (см.: *Nau F. Le Livre de Héraclide.* – Paris, 1910. – P. 35–36), Несторий указывает, что если понимать христологическое единение «сущностно», то оно затронет и Отца, и Св. Духа, поскольку Бог Единосущен. Это значило бы релятивизировать Абсолют и разрушить христианское богословие.

⁴⁷ Возм. пер.: пугая – *прим. пер.*

⁴⁸ Книга Гераклида, 228 (см.: *Nau F. Le Livre de Héraclide.* – Paris, 1910. – P. 138): «Признаюсь, я никогда не понимал этого тогда, не понимаю и сейчас». Об относительно недавнем введении слова *hypostasis* в христологический спор см.: *Abramowski L. Untersuchungen zum Liber Heraclidis des Nestorius* // CSCO. – Louvain, 1963. – № 242. – P. 213–217. – (Subsidia 22); *Richard M. L'introduction du mot 'hypostase' dans la théologie de l'incarnation* // MSR. – 1945. – № 2. – P. 5–32, 243–270.

⁴⁹ Ср.: *Loofs F. Nestorius and his place in the History of Christian Doctrine.* – Cambridge, 1914. – P. 70–72; *Bethune-Baker J. Introduction to the Early History of Christian Doctrine.* – London, 1903. – P. 235–238.

⁵⁰ Этимологически *hypo-stasis* был эквивалентом *sub-stantia*, но в богословской практике Запад использовал *substantia*, там, где греки употребляли *ousia*, а греки применяли *hypostasis*, там где латиняне использовали термин *persona*. Греческим этимологическим эквивалентом *persona* строго говоря, должен был быть *prosopon*, а не *hypostasis*. Более полное описание коллизий горячих терминологических споров той ранней эпохи см.: *Kelly J. N. D. Early Christian Doctrines.* – [5th Edn.]. – London; New York, 1978 (гл. 5 и 10).

⁵¹ Ср.: *Greer R. A. The Captain of Our Salvation.* – Tübingen, 1983. – P. 82–98.

⁵² Иными словами, позицию св. Кирилла критиковали как точку зрения сторонника единения божественной и человеческой природы, результатом которого являлась Божья природа во плоти. Один плюс один равняется один, и этот последний «один» может быть лишь синтетически составлен на подобных основаниях. Св. Кирилл в действительности, не позволил бы, чтобы человечество было особой (досл.: отличной, отдельной) и индивидуальной реальностью так же, как и Божество: оно не было персонифицировано независимым образом, человеческого индивидуального субъекта вне Бога-Слова не существовало.

⁵³ То есть, для св. Кирилла *physis* и *hypostasis* были синонимами. Одна *hypostasis* в трактовке Нестория, должно быть, возникает /здесь/ в значении лишь одной природы во Христе, /то есть/ либо уничтожение человечества (докетизм), либо результат синтетического смешивания двух природ в составную природу (аполлинаризм). Несторий здесь иронически намекает, что использование философской терминологии св. Кириллом хаотично и создает тавтологии.

⁵⁴ Поскольку св. Кирилл в основном понимал Ипостась (*Hypostasis*) как обозначение индивидуализации, легко понять, как он мог счесть доктрину Нестория учением о Двух Сыновьях, а не об Одном – Христе.

⁵⁵ *Theopaschites*. Хранится в собрании Севира Антиохийского (*Severus of Antioch, Contr. Gramm. 2. 32.*), пер.: *Lebon J. Severi Antiocheni liber contra impium Grammaticum. Oratio prima et orationis secundae quae supersunt* (Syr. IV, 4), V. // CSCO. – 1938. – № 112. – P. 192. – (Scriptores Syri 59).

РЕЦЕНЗИИ

TREADGOLD W. THE EARLY BYZANTINE HISTORIANS. PALGRAVE MACMILLAN, 2010. XVII, 431 p.

Новая книга профессора византийских исследований Университета Сент-Луис (США) Уоррена Тредголда посвящена ранневизантийской исторической традиции. Исследований такого рода, выполненных на современном научном уровне – не так много.

История как часть литературного процесса стала предметом исследований Карла Крумбахера¹. В отечественной литературе в том же ключе, но только относительно исторической традиции, выпустил свой труд М. В. Бибиков². Хороший, но лаконичный очерк исторической традиции Ранней Византии был подготовлен в академической «Культуре Византии. IV – первая половина VII вв.» (1984)³. Специально церковную историческую традицию Ранней Византии изучали И. В. Кривушин⁴ и И. Ю. Ващева⁵. Книга, составленная из отдельных очерков, посвященных преимущественно хроникам, была выпущена Я. Н. Любарским⁶. Ранневизантийской исторической традицией занималась также З. В. Удальцова⁷.

Есть ряд исследователей, разрабатывающих наследие отдельных авторов или произведений. Это Л. А. Самуткина («Хроника» Иоанна Малалы)⁸, А. С. Козлов⁹ («Хроника» Марцеллина Комита), Ф. Пашу¹⁰, Р. Ридли (Зосим), А. Камерон (Прокопий)¹¹, Т. Урбанчик (Сократ Схоластик, Феодорит Кирский)¹², М. Маас (Иоанн Лид)¹³ и др.

Наконец, некоторой аналогией настоящему изданию может служить книга Д. Рорбахера¹⁴, однако, она не так полна и имеет иные хронологические границы.

Работа Тредголда заполняет серьезную лакуну в исследованиях такого рода, так как в едином концептуальном ключе весь спектр исторической традиции IV – нач. VII вв. не рассматривался.

Работа состоит из 10 глав:

- 1) Греческий (классический) фон.
- 2) Евсевий Кесарийский.
- 3) Аммиан Марцеллин.
- 4) Неоклассические историки.
- 5) Новые церковные историки.
- 6) Прокопий Кесарийский.
- 7) Современники Прокопия.
- 8) Преемники Прокопия.
- 9) Последние ранневизантийские историки.
- 10) Историки как группа.

В первой главе (с. 1–22) рассматриваются истоки классической античной традиции относительно того наследия, которое было востребовано историками ранневизантийского времени. Это классические труды и формы исторического познания, восходящие к Геродоту, Фукидиду, Ксенофону, эллинистический вклад в развитие классической исторической традиции, наследие греческих историков римского периода. Специально рассмотрены дефиниции «византийские историки», «греческие историки» и их соотношение и взаимовлияния.

Вторая глава посвящена рождению христианской историографии и ее создателю – Евсевию Кесарийскому (с. 23–46). Помимо биографии подробно рассматриваются отдельные труды – «Хроника», «Церковная история» и «Жизнь Константина». Помещение Евсевия во 2 главу объясняется не только хронологическим порядком, но и той действительной революцией, что совершил Евсевий, создав жанры христианской истории, хроники и биографии.

Крупнейший позднеантичный историк латинской традиции Аммиан Марцеллин нашел место в 3 главе труда Тредголда (с. 47–78). Справедливо рассматривая позднеантичный мир как пока еще относительно единый, автор анализирует труды и наследие Аммиана. Правда, при этом остается без анализа роль классической латинской исторической традиции, хотя и достаточно вторичной по отношению к греческой, но все же обладающей известной самостоятельностью и особой ролью. Кроме того, автор не рассматривает латинскую историческую традицию после Аммиана Марцеллина (формально опираясь на то, что она бытовала не в политических границах Ранней Византии).

«Новые классические историки» – это работающие в классической традиции авторы конца IV–V вв.: Евнапий, Олимпиодор, Приск Панийский, Кандид, Малх, Зосим, Евстафий Епифанийский (с. 79–120). Здесь важно, что Тредголд не разделяет, как обычно делается, историков, от которых сохранились полные тексты, и историков, чьи сочинения дошли во фрагментах. Актуализация этой единой традиции выглядит важной и своевременной.

Церковные историки, продолжившие дело Евсевия и поднявшие на новую высоту свой жанр (с. 121–175) – это Филосторгий, Сократ Схоластик, Созомен, Феодорит Киррский. Специально рассматривается проблема упадка жанра церковной истории и подводятся его итоги в общем потоке ранневизантийской исторической мысли.

Одно из центральных мест книги занимает интерпретация творчества крупнейшего светского историка Ранней Византии – Прокопия Кесарийского (с. 176–226). Отдельные очерки посвящены государственной и литературной карьере ученого. Далее освещаются основные его труды – «Война с персами», «Война с вандалами», «Война с готами», «Тайная история». Специального пункта о трактате «О постройках» нет. Особо рассматривается наследие Прокопия, его достижения как историка и роль для последующих веков.

Следующий ряд авторов не случайно назван «современниками Прокопия» (с. 227–278). На его фоне эти историки и хронисты выглядят, конечно же, скромнее, однако, их роль не менее важна. Не случайно поэтому, что глава 7 занимает достаточно большой объем.

Она открывается первыми хрониками из Константинополя – Комита Марцеллина (латинской) (с. 227–235) и Иоанна Малалы (греческой) (с. 235–256). Рассуждая об особенностях этих хроник, Тредголд приходит к выводу о простонародном языке хроник, об их ориентированности на простого читателя, о достаточно развернутой фактологической структуре (особенно у Малалы). Специальный очерк посвящен источникам Малалы.

Нонн (с. 256–258), сохранившийся во фрагментах, примыкает к более ранней традиции, исследованной в главе 4.

Очерк об Иоанне Лиде (с. 258–264) заслуживает большего внимания, так как этот «антикварный» автор обычно историками специально не рассматривается, однако, его книги содержат немало полезной исторической информации, особенно «О должностях римского народа». Кроме того, этот труд считается главным источником по истории имперской «бюрократии» – аппарата управления.

Петр Патрикий (с. 264–270) и Гесихий Милетский (с. 270–278) завершают эту главу.

Восьмая глава (с. 279–310) также достаточно обширна и связана с главой о Прокопии не только названием. Здесь рассматриваются произведения светских авторов, продолжающих традиции Прокопиева историописания. Это Агафий Миринейский (с. 279–290), Феофан Византиец (с. 290–293), Менандр Протиктор (с. 293–299), Евагрий Схоластик (с. 299–308), Иоанн Епифанийский (с. 308–310). Для отечественной традиции не принято относить к этому ряду Евагрия, обычно рассматриваемого среди церковных историков. Кроме того, представленные здесь авторы неравнозначны с точки зрения сохранности их произведений. Здесь роль Агафия и Евагрия, несомненно, выше.

Глава о последних ранневизантийских историках тоже достаточно условна (с. 311–349). В ней весьма условно по хронологическому принципу объединены разнородные сочинения – фрагменты Иоанна Антиохийского (с. 311–329), светская история Феофилакта Симокатты (с. 329–340) и анонимная «Пасхальная хроника» (с. 340–349).

Концептуальная 10 глава (с. 350–381) рассматривает в целом феномен ранневизантийской исторической традиции во всех ее основных проявлениях по направлениям «Историки», «Истории», «Историография».

Издание также снабжено хронологической таблицей о жизни, деятельности и трудах ранневизантийских историков, интересной картой о местах рождения и деятельности историков, как рассматриваемых в тексте, так и сохранившихся в кратких фрагментах (с. 380–381, карта 2).

Особо ценны для исследователя, прежде всего, для начинающего, библиографические списки основных критических изданий рассматриваемых авторов, их основных английских переводов, а также исследований.

В заключение дается именной и географический индекс (с. 401–431), в значительной мере облегчающий работу над книгой.

У. Тредголд, один из самых активных и глубоких византологов современности, в своем новом труде, как и в целом ряде предыдущих¹⁵, внес значительный вклад в создание единого обобщающего очерка ранневизантийской исторической традиции. Пусть каждый из упомянутых им авторов заслуживает

(и в ряде случаев имеет) целой библиотеки трудов или направления в историографии, все же подход к ним с одних позиций, предъявление им одних требований, взгляд на них под одним углом зрения не могут не быть признанными вполне удачными. Остается выразить уверенность, что новая книга Уоррена Тредголда будет активно востребована аспирантами и студентами, и без нее не обойдется ни одна новая диссертация по истории Ранней Византии.

¹ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches. – München, 1897.

² *Бибииков М. В.* Историческая литература Византии. – СПб., 1998.

³ *Удальцова З. В.* Развитие исторической мысли // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. – М., 1984. – С. 119–271.

⁴ *Кривушин И. В.* Ранневизантийская церковная историография. – СПб., 1998.

⁵ *Ващева И. Ю.* Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. – СПб., 2006.

⁶ *Любарский Я. Н.* Византийские историки и писатели. – СПб., 1999.

⁷ *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). – М., 1974.

⁸ *Самуткина Л. А.* Концепция истории в «Хронографии» Иоанна Малалы. – Иваново, 2001.

⁹ *Козлов А. С.* Комит Марцеллин о позднеантичном городе // Античная древность и средние века. – Барнаул, 1992. [Вып. 26]: Византия и средневековый Крым. – С. 46–55 и др.

¹⁰ *Pashoud F.* Cinq etudes sur Zosime. – Paris, 1975; *Ridley R. T.* Traduction anglaise de Zosime. – Canberra, 1982.

¹¹ *Cameron A.* Procopius and the Sixth Century. – Berkeley, 1985.

¹² *Urbanczyk T.* Socrates of Constantinople: Historian of Church and State. – Ann Arbor, 1997; *Ibid.* Theodoret of Cyrrhus: The Bishop and the Holy Men. – Ann Arbor, 2002.

¹³ *Maas M.* John the Lydus and Roman Last. Antiquarianism and Policy in Age of Justinian. – London; New York, 1992.

¹⁴ *Rohrbacher D.* Historians of Late Antiquity. London – New York: Routledge, 2002.

¹⁵ *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – L., 1997; *Ibid.* A Concise History of Byzantium. – L., 2001 etc.

Н. Н. Болгов, А. М. Болгова

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

А. Н. Домановский, М. Е. Домановская

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ВИЗАНТИНИСТИКЕ, ЗАЩИЩЕННЫХ В УКРАИНЕ В 2009–2011 гг.

Важной задачей современной украинской византистики остается создание общего информационного и институционального поля, профессиональной среды, которое бы объединяло специалистов-византинистов из разных регионов Украины, определенным образом интегрировало их научные исследования, посвященные, несмотря на дисциплинарное и тематическое разнообразие, исследованию различных аспектов Византийской цивилизации как во времена существования Византийской империи, так и после ее гибели (работы по тематике, которую после исследования румынского исследователя Н. Йорги¹ традиционно обозначают «Византия после Византии»). Необходимость подобной интеграции определяет уже сама природа византиноведения как дисциплины, которую невозможно разделить на отдельные направления – филологическое, историческое, искусствоведческое, теологическое и т. д. Византинист при этом должен очень хорошо знать свою главную специальность, и просто хорошо – все «соседние» дисциплины византиноведческого круга.

К сожалению, отсутствие целостного профессионального византинистического информационного поля в Украине, или, точнее, его фрагментированность, нередко приводит к поспешным утверждениям об отсутствии украинской византистики как таковой вообще. Например, в недавнем интервью исследовательница истории Украины эпохи раннего модерна Н. Яковенко, известная общественности историков рядом знаковых для отечественной историографии книг², выразила, в частности, следующее: «По всей Украине не существует такой науки, которая называется византология. Есть только отдельные ее ростки ..., но этого же недостаточно, чтобы провести конференцию. Мне это кажется огромным упущением, потому что в Украине не развивается, не культивируется анализ тех связей и того великого культурного контекста, в который была втянута Русь из перспективы византийской политологии. Киевская Русь сформировалась под знаком византийской культуры, цивилизации, духовности, церкви и т. д. Этим вопросам посвящена богатейшая литература. Не уверена, что эта литература уложилась бы только в библиографический список, поместившийся в несколько толстенных томов, – это международная проблема. Но, к сожалению, она именно международная, а не украинская»³.

Слишком категоричное утверждение Н. Яковенко стало предметом активного обсуждения среди специалистов-византинистов в комментариях к «византинистической» части интервью исследовательницы, которая была перепечатана на сайте «Василевс. Украинская византистика»⁴. Уже сам этот обмен мнениями должным образом показал не только существование украинской византистики, ее тематическое и географическое разнообразие, но и потребность исследователей-византинистов в общей интеллектуальной среде, способной стать действенным механизмом содействия (по крайней мере, информационного, если не институционально-организационного) развитию византинистических студий в Украине.

Во многом из-за отсутствия профессиональной среды, а не только из-за почти полного отсутствия финансирования, талантливые украинские специалисты ориентируются на контакты с зарубежными специалистами и на зарубежные византинистические центры. Они не видят никакой перспективы и возможности для работы в Украине, как, например, выпускница Львовского национального университета имени Ивана Франко Екатерина Ковальчук: «В Украине вообще нет университетов, где этим занимаются. Есть некоторые кафедры, где только преподают византистику. С моим профилем очень ограничены возможности. Все университеты мне отказывают. А на другие работы не берут, потому что говорят, что мне будет неинтересно с таким образованием»⁵. После окончания родного вуза К. Ковальчук продолжила византинистические студии в Оксфорде и Центральном европейском университете в Будапеште, а затем, не найдя никаких возможностей для продолжения своих исследований в Украине, отбыла в США и Швейцарию⁶.

Учитывая это обстоятельство, актуальными остаются любые попытки создания общего информационного поля украинской византистики, одной из форм которого стал проект византинистического сайта «Василевс. Украинская византистика» (<http://byzantina.wordpress.com>). Важным его разделом является страница, посвященная защите византиноведческих диссертаций в Украине («Защита диссертаций»⁷), содержащая перелинковку на аннотации и авторефераты диссертационных исследований. Заметим, что на сайте их насчитывается более сорока с 1998 г., и уже само довольно значительное количество исследований за последние 15 лет в такой сложной «орхидеиной» дисциплине как византистика, несмотря разный уровень и качество самих работ, убедительно свидетельствует, что украинская наука о Византии существует и имеет перспективы для дальнейшего развития. Интересно отметить тот момент, что благодаря оперативному обновлению сайта, информация о нескольких новых диссертациях, которые защищались в 2011 г., появлялась на сайте заблаговременно, еще до защиты. Сопровождаемая полным электронным текстом автореферата, она позволяла всем заинтересованным специалистам оперативно отреагировать на событие, подготовив официальный отзыв на автореферат. Считаем это прецедентом формирования тематического сообщества ученых, которое с помощью современных средств коммуникации способно применять значительно более действенные механизмы информирования, чем традиционно предусмотренная требованиями по защите диссертаций рассылка авторе-

ферата в ведущие библиотеки Украины и зарубежья по так называемому «обязательному» списку.

Важным аспектом формирования и самоосознания украинской византистики являются также исследования историографического плана, которые призваны очертить основную проблематику современного украинского византиноведения и оценить перспективы его дальнейшего развития на основании обзора диссертационных исследований, защищенных в последнее время в Украине. Под этим углом зрения предлагаемая статья, в которой анализируются диссертации по византистике, защищенные в 2009–2011 гг., хронологически и тематически продолжает предыдущую статью, охватывающую период 2007–2009 гг.⁸ При этом диссертации 2009 г., рассмотренные в предыдущей статье, здесь не анализируются, так же как нет необходимости повторно приводить и анализировать указанную там историографию⁹. Стоит отметить лишь несколько новых работ, вышедших уже после публикации статьи 2011 г.

Прежде всего, это подготовленный Институтом востоковедения имени Агатагела Крымского НАН Украины биобиблиографический словарь «Востоковедение и византология в Украине в именах»¹⁰. К сожалению, это издание лишь частично может быть пригодным для характеристики современной украинской византистики, поскольку в нем совсем не упомянуты не менее двадцати отечественных исследователей, причем не только недавно защищенные кандидаты наук, но и известные ученые. Несколько страниц о современном состоянии византистики в Украине содержится в специальном приложении к учебнику «История Византии. Введение в византистику»¹¹, однако, они, учитывая назначение текста, предельно обобщающие. О состоянии современного харьковского византиноведения в контексте истории византистики в Харькове в целом говорилось в совместном докладе А. Н. Домановского и С. Б. Сорочана, произнесенном на пленарном заседании XIX-й Всероссийской научной сессии византистов (Москва, 27 января 2011 г.)¹².

Отдельного упоминания заслуживает монографическое исследование В. Е. Гончаревского «Цивилизационный подход к истории: современный украинский опыт (1991–2009)»¹³. В нем справедливо отмечено, что византистика как предмет «является новым для высших учебных заведений Украины, ведь при советской власти византистика не изучалась ни в одном университете Украины»¹⁴, но почему-то «первой попыткой обобщить современное состояние византистики в украинской исторической науке»¹⁵ назван лекционный курс В. А. Балуха¹⁶, который, вне всякого сомнения, претендовать на эту роль никак не может¹⁷. Далее В. Е. Гончаревский характеризует украинскую византистику исключительно на основании упомянутого пособия, вдруг утверждая: «Отдельное направление отечественной медиевистики представляет изучение истории византийской цивилизации. Первой попыткой издания общей работы по этой проблематике стал лекционный курс В. А. Балуха»¹⁸. Общая характеристика современной украинской историографической палитры в области византиноведения сводится, в конечном счете, к утверждению: «Важным достижением отечественных историков стала разработка на основе использования цивилизационного подхода таких новых направлений, как история средневекового

Востока и византистики (история Византийской цивилизации)»¹⁹. Вряд ли такой общий вывод, сделанный без надлежащего знакомства с соответствующей историографией, можно признать достаточным для характеристики современного состояния византиноведения в Украине.

Более подробен С. В. Виднянский в статьях о современном состоянии отечественных исследований по всемирной истории, отмечая, что «византинистические и востоковедческие студии ... получили новое дыхание в независимой Украине»²⁰. Вопреки известному эвфемизму Я. Грицака, «история в Украине преимущественно остается историей Украины»²¹, эти работы свидетельствуют о постепенном развитии украинских исследований в области мировой истории. Конечно, учитывая общую тему статьи и предостережение о том, что «сделать полноценный анализ достижений, проблем и основных направлений работы отечественных историков-всемирников в одной статье – задача практически невыполнимая»²², С. В. Виднянский не имел целью детально охарактеризовать современное состояние украинской византистики. Он уделил ей всего несколько строк: «Создание в 1991 г. Института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины, открытие Восточного отделения КНУ, кафедры востоковедения Львовского университета, основание в Харькове интересного научного журнала «Восток-Запад» (главный редактор В. Кравченко), новые публикации Н. Котляра, С. Малахова, А. Толочко, В. Рычки и других, даже научная дискуссия, развернувшаяся на страницах «Украинского гуманитарного обозрения» в конце 1990-х годов вокруг монографии Н. Никитенко, посвященной иконографическим изображением в Софии Киевской, способствовали повышению интереса к византинистическим студиям в Украине»²³. Как видим, исследователь выбрал для характеристики общего состояния украинской византистики важные, но все же второстепенные примеры, не упомянув, к сожалению, ни о региональных византинистических центрах, ни об известных украинских ученых, работающих в области византистики, с их незаурядными монографическими исследованиями, ни о периодических изданиях, в которых регулярно печатаются работы в этой сфере²⁴.

Наконец, следует также обратить внимание на информационные отчеты о научных конференциях украинских византистов, которые проводились в последнее время²⁵, и этим, собственно, новый историографический задел по проблематике статьи исчерпывается.

Итак, со времени издания нашей предыдущей публикации объем историографии фактически не пополнился существенный анализом современной ситуации в Украине в области византиноведения, и, тем более, в нем ничего не говорится о новейших диссертационных исследованиях в этой области. Это позволяет сосредоточить внимание именно на этом аспекте развития современной украинской византистики, не привлекая в настоящее время должного внимания исследователей. При этом, разумеется, статья не претендует на всесторонний анализ научного наследия каждого из диссертантов, что невозможно как из-за тематической специфики каждой диссертации, так и из-за отсутствия должной временной перспективы и «восприятия» результатов рассматриваемых исследований отечественной и мировой историографией. Речь пойдет только

о предварительной историографической характеристике, которая, надеемся, со временем будет уточнена, дополнена и детализирована.

Первым из исследований в области византистики, которое, к сожалению, не было своевременно учтено в предыдущей статье, нужно вспомнить защищенную 4 ноября 2009 г. в Институте востоковедения имени А. Ю. Крымского Национальной академии наук Украины кандидатскую диссертацию Алексея Викторовича Зинько «Этническая история Восточного Крыма (вторая половина III – середина VII в.)»²⁶. Обосновывая актуальность темы, автор справедливо отмечает отсутствие комплексного всестороннего исследования этнического состава населения Восточного Крыма (так называемой европейской части Боспорского царства) в эпоху поздней античности – раннего средневековья, в то время как «миграционные процессы, которые начались в середине III в., сыграли огромную роль в трансформации старых античных традиций и привели в результате крушения Боспорского государства к исчезновению основной этнической общности – греков-боспорян»²⁷.

При этом, однако, этнической истории позднеантичного – раннесредневекового Восточного Крыма уделялось немалое внимание в общей научной литературе по истории и археологии этого региона. Диссертант рассматривает ее по трем последовательным этапам: конец XIX – начало XX вв.; 30–70-е гг.; 80-е гг. XX – начало XXI в.²⁸ Труды первого этапа лишь вскользь касались проблематики диссертационного исследования. Однако уже тогда сложились две ведущие концепции этнической истории региона: континуитета развития и сохранения позиций греческого населения (Ю. А. Кулаковский) и подчеркивания значительных изменений в этнополитической ситуации в Боспорском государстве в IV–V вв. в результате варварских вторжений (М. И. Ростовцев, А. А. Васильев)²⁹. В советской исторической науке 1930-х – 1970-х гг. был развит именно второй подход с одновременным идеологическим акцентом на внутреннем социально-экономическом кризисе позднеантичного государства. Лишь на рубеже XX–XXI вв. появляются методологически и концептуально новаторские исследования этнополитической истории Восточного Крыма эпохи поздней античности – раннего средневековья, прежде всего в работах А. И. Айбабина³⁰, А. Г. Герцена, И. Н. Храпунова, А. В. Зинько, В. М. Зубаря и других известных историков и археологов.

Именно в русле современных научных исследований и с привлечением широкого круга доступных источников было осуществлено диссертационное исследование А. В. Зинько. В автореферате, к сожалению, источниковой базе диссертации уделено лишь несколько общих строк³¹, но важно подчеркнуть, что диссертант много лет лично участвовал в археологических исследованиях хоры Нимфея и городища Тиритака, выступал соавтором соответствующих археологических отчетов и публикаций материалов раскопок, что позволило ему привлечь в своей работе новейшие материалы. В условиях, когда круг давно и хорошо известных письменных источников и данных эпиграфики крайне ограничен, именно археологические данные приобретают особое значение, и их профессиональное привлечение и обработка является, вне всякого сомнения, сильной стороной диссертационного исследования.

Второй раздел «Население европейской части Боспорского царства во второй половине III–IV вв.»³² открывается противоречивым утверждением автора, которое создает впечатление, что Боспор в указанное время не только был тесно связан с поздней Римской империей «устойчивыми экономическими связями», но и входил в ее состав, не отличался от других регионов империи «системой дислокации многочисленных легионов и административно-правовым строем», что и привело здесь к «процессам этнической инфильтрации и ассимиляции»³³. Скорее всего, это просто неудачная формулировка, но, будучи приведенной в самом начале реферируемого раздела, она задает общий тон его восприятия и нивелирует специфику Боспора в глазах читателя. В дальнейшем, впрочем, А. В. Зинько справедливо замечает усиление сармато-аланского влияния в среде традиционного боспорского населения, основой которого был греческий политический и культурный компонент, и отмечает вторжения в регион Восточного Крыма новых варварских племен, прежде всего готов.

В защищенном в том же 2009 г. диссертационном исследовании Р. Н. Рейды «Готские» войны и античные государства Северного Причерноморья» автор также обращается к сюжетам этнической истории региона Восточного Крыма, отмечая: «С III в. инфильтрация негреческого населения на территории значительно увеличивается, что могло иметь следствием ослабление эллинизирующего влияния на растущий варварский компонент»³⁴. Действительно, несмотря на то, что состав населения городских и сельских поселений европейского Боспора оставался в это время преимущественно греческим, новоприбывшие этнические группы не растворялись в нем, а осуществляли определенный синтез, повлекший постепенное изменение всех сторон жизни и этнического типа боспорца, — так называемую варваризацию³⁵.

В третьем разделе диссертации «Боспор и варварские племена в V в.»³⁶ речь идет преимущественно о последствиях гуннских вторжений для населения Восточного Крыма. Как утверждает А. В. Зинько, местные поселения не пострадали во время вторжения гуннов на Крымский полуостров, а «гуннские» предметы в погребениях местных некрополей — следствие инфильтрации определенной группы пришлого этноса или даже просто заимствования его к материальной культуре боспорцев. Наконец, заключает исследователь, «расположение кочевнических гуннских захоронений в Восточном Крыму только к западу от Узунларского вала подтверждает факт функционирования этой линии обороны Боспорского государства еще в V в.»³⁷.

Интересным, учитывая тему статьи, является четвертый раздел: «Боспор под властью Византийской империи»³⁸. Очевидно, вслед за Н. И. Храпуновым³⁹, А. В. Зинько пишет в нем как о вхождении Боспора в состав империи при императоре Юстиниане I, так и о сохранении здесь позднеантичных муниципальных органов власти, подконтрольных имперской администрации⁴⁰. Борьба за Боспор между Византийской империей и гуннами привела, наконец, к значительному уменьшению количества боспорского населения, которое сконцентрировалось в четырех обособленных территориально-хозяйственных микрорайонах Восточного Крыма, ставших в последнее время предметом исследования Н. Н. Болгова⁴¹: 1) столичный район Пантикапея-Боспора с при-

легающими речными долинами северо-востока Керченского полуострова, 2) полоса вдоль южной части Керченского пролива с центром в г. Тиритака, 3) юго-восточная часть Керченского полуострова с центром в г. Китей, 4) полоса азовского побережья Восточного Крыма с несколькими сельскими поселениями⁴². В степной же части востока Крымского полуострова в это время раскинулись гуннские кочевья.

К сожалению, слишком схематично описывает диссертант этническую историю региона в VII в., после восстановления здесь в 590 г. византийской власти, утраченной в результате нападения тюрков в 576 г., что, разумеется, объясняется состоянием крайне бедных информацией источников. Боспорское население в настоящее время «доживало в полуразрушенных небольших городках и сельских хуторах вдоль Керченского пролива», а в конце VII в. на Боспоре устанавливается власть хазар, и сюда проникают группы населения, которое «входило в конгломерат племен Хазарского каганата»⁴³. Так же слишком упрощенными оказались и генерализованные выводы исследования⁴⁴, которые сводятся, в конечном итоге, к тому, что «растущий динамизм варварских нашествий-переселений, отсутствие поддержки и значительного притока населения из греко-византийского мира приводят не только к коллапсу Боспорского царства, но и к неуклонному сокращению численности боспорских греков, постоянному включению в этот этнический конгломерат представителей и целых групп различных варварских племен»⁴⁵. Как представляется, потенциал диссертационного исследования позволял сделать значительно более глубокие и оригинальные выводы.

19 января 2010 г. в Киевском славистическом университете состоялась защита историографической диссертации Всеволода Юрьевича Чеканова *«Византистика в Киевском университете Св. Владимира (вторая половина XIX – начало XX вв.)»*⁴⁶. Это уже второе диссертационное исследование, посвященное развитию византиноведения в пределах одного из высших учебных заведений Украины XIX в. – начала XX в. Первой стала работа О. В. Файды *«Византистика в Киевской Духовной Академии 1819–1919 гг.»*⁴⁷ и, странно, что В. Ю. Чеканов о ней не вспоминает.

Обосновывая актуальность своего исследования, В. Ю. Чеканов обуславливает выбор темы диссертации «необходимостью всестороннего изучения истории исторической науки в Университете Св. Владимира»⁴⁸, а не потребностями саморефлексии византиноведения как научной дисциплины, что, на наш взгляд, обедняет возможности для воплощения в жизнь практической цели работы – «способствовать возрождению в нем (Киевском университете – А. Д., М. Д.) византистики, практически исчезнувшей после 1917 г.»⁴⁹. Значительно глубже по сравнению с таким подходом выглядит обоснование темы диссертационного исследования, сделанное О. В. Файдой в упоминавшейся диссертации по истории византистики в Киевской Духовной Академии⁵⁰. Впрочем, В. Ю. Чеканову также удастся обратить внимание на важный аспект актуальности исследования, а именно на вопрос о возможности существования в Киевском университете XIX – начала XX в. византистической научно-исторической школы и на «закономерности развития университетской исторической

науки во второй половине XIX – начале XX вв.»⁵¹. На новом концептуальном уровне эти вопросы будут подняты автором уже после защиты диссертации в статье с красноречивым названием «Византистика в Киевском университете во второй половине XIX – начале XX вв.: «недоразвившаяся школа» или «особый вариант развития?»»⁵².

Поскольку византиноведение в Киевском университете исследуемого периода было представлено лишь тремя достойными внимания персоналиями – Ф. А. Терновским (1831–1884), Т. Д. Флоринским (1854–1919) и Ю. А. Кулаковским (1855–1919) – логика изложения неизбежно привела автора к выделению в структуре диссертации отдельного раздела о каждом из названных ученых. Это тем более оправдано, что в хронологических рамках работы В. Ю. Чеканов справедливо выделяет три важные этапы, каждый из которых связан с соответствующей персоналией:

1) До начала 80-х гг. – начало выделения византистики как отрасли исторической науки (П. А. Терновский)

2) 80-е гг. XIX в. – изучение истории Византии в русле славяноведческих исследований (Т. Д. Флоринский)

3) 90-е гг. XIX в. – 1917 г. – окончательное выделение византистики как самостоятельной отрасли исторической науки, осуществление чисто византиноведческих исследований и подготовка обобщающего труда по истории Византии (Ю. А. Кулаковский)⁵³.

В первом разделе, посвященном характеристике историографии и источниковой базы исследования, В. Ю. Чеканов основательно анализирует использованные источники, справедливо отдавая предпочтение опубликованным византинистическим научным изысканиям исследователей перед неизданными архивными материалами, состоящими преимущественно из документов служебного происхождения и личных писем. Последние имеют вспомогательное значение, поскольку неопубликованных исследовательских рукописей почти не сохранилось⁵⁴.

Зато далеко не полным является историографический обзор⁵⁵. С одной стороны, диссертант зачем-то упоминает, например, учебное пособие братьев А. П. и В. П. Коцур по историографии истории Украины⁵⁶, которое, вероятно, является первым, еще не «распухшим» (преимущественно за счет «творческих заимствований» из чужих работ) вариантом печально известного издания тех же авторов 1999 г.⁵⁷ Разве это сделано не в силу того, что А. П. Коцур выступал официальным оппонентом при защите диссертации?

С другой стороны, В. Ю. Чеканов забывает назвать важные труды Т. А. Щербань о Т. Д. Флоринском⁵⁸ или С. И. Лимана и С. Б. Сорочана о Ф. А. Терновском⁵⁹, которые по времени публикации должны быть учтены в диссертационном исследовании, представленном к защите конце 2009 г. Радует разве что упоминание о двух монографиях о Ю. А. Кулаковском авторства, соответственно, Л. В. Матвеевой⁶⁰ и А. А. Пучкова⁶¹, хотя и здесь В. Ю. Чеканов почему-то не отмечает, что первое издание труда А. А. Пучкова появилось еще в 1999 г.⁶² и не вспоминает о многочисленных статьях обоих названных исследователей о научном наследии Ю. А. Кулаковского. Впрочем, вполне возможно, этот недоста-

ток объясняется ограниченным объемом автореферата диссертации, которым мы вынуждены пользоваться в этом обзоре.

Второй раздел диссертационного исследования В. Ю. Чеканова посвящен анализу вклада Ф. А. Терновского в дело зарождения византиноведения в Киевском университете⁶³. Охарактеризовав в первом подразделе (правда, слишком упрощенно) общие условия становления научной византистики в Российской империи в середине XIX в., во втором исследователь останавливается на биографии и научно-преподавательской деятельности Филиппа Алексеевича, и, наконец, третий посвящает собственно византистическому наследию ученого, справедливо выделяя его докторскую диссертацию⁶⁴ как окончательное свидетельство перехода исследователя к византистическим студиям. Впрочем, отмечает далее диссертант, Ф. А. Терновский до конца жизни продолжал позиционировать себя как историка России и русской православной церкви⁶⁵, что, вероятно, было в то время обусловлено еще слишком слабым выделением собственно византистики как отдельной отрасли исторической науки.

В третьем разделе диссертации речь идет об исследовании трудов Т. Д. Флоринского в контексте развития отечественной византистики в 80-е гг XIX в.⁶⁶ После общей характеристики развития медиевистики и жизненного пути Тимофея Дмитриевича, третий подраздел В. Ю. Чеканов посвятил анализу византиноведческих работ ученого, главным предметом внимания которых были греко-славянские отношения на Балканах в XIV в. Итогом работы Т. Д. Флоринского в этой области стала докторская диссертация «Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков» (1888 г.), в которой исследователь утверждал о перспективности не только духовного, но и политического греко-сербского синтеза, видел в двухполюсном государстве на основе Византийской империи и Сербского царства «мощь для цивилизационного подъема средневековых Балкан». Сосредоточение Сербии после смерти Стефана Душана на сугубо национальных интересах нанесло, по мнению ученого, «сокрушительный удар возможностям совместного сопротивления балканских стран турецкой агрессии во второй половине XIV в.». Интересно В. Ю. Чеканов объясняет отход Т. Д. Флоринского от византистики в пользу славянских исследований. Диссертант считает, что это произошло вследствие непринятия его выводов историографиями славянских стран, которые в то время стояли на позициях отстаивания национальных интересов⁶⁷.

Наконец, четвертый раздел диссертационного исследования посвящен характеристике византистического наследия Ю. А. Кулаковского⁶⁸. Охарактеризовав жизненный и творческий путь ученого, В. Ю. Чеканов выделяет две стадии работы Юлиана Андреевича как византиста: 1) стадия «малых» научных исследований (1895–1905 гг.); 2) стадия создания обобщающего труда по истории Византии (1906–1915 гг.), не завершенного из-за смерти исследователя в 1919 г. Истоками интереса ученого к Византии диссертант справедливо считает расширение круга научных интересов от истории Древнего Рима и участие с 1890 г. в раскопках на Крымском полуострове⁶⁹. К этому следует добавить бурное развитие тогдашней мировой и русской византистики, отмеченное

образованием профессиональных журналов «Byzantinische Zeitschrift» (1892 г.) и «Византийский временник» (1894 г.)

Далее В. Ю. Чеканов анализирует отдельные византинистические работы Ю. А. Кулаковского и критически оцененную современниками «Историю Византии». Спорным представляется утверждение диссертанта о том, что попытка Юлиана Андреевича создать обобщающую работу по истории Византии была невозможной в рамках позитивистской методологии, поскольку последняя якобы непригодна для обобщений⁷⁰. «История Византии» как раз и не смогла стать полноценным синтетическим трудом по истории Византийской империи из-за того, что ее автор отказался от обобщений и избегал выводов, ограничивался красноречиво многословным фактографическим описанием событий и хронологически упорядоченным «летописным» изложением истории по правлениям отдельных императоров». Так чем изложение Ю. А. Кулаковского отличается от доведенного до абсурда позитивизма, в котором «отказ от оценочных суждений привел к тому, что история стала восприниматься как описание внешних событий, а не мысли, из которых эти события возникали ... (Позитивистская историография – А. Д., М. Д.) прекрасно фиксирует и считает, но «не умеет объяснять»⁷¹?

Наконец в последнем, пятом разделе В. Ю. Чеканов отвечает на «вопрос о существовании византинистической школы в Киевском университете», приходя к выводу о невозможности утверждать наличие такой школы: «Исследования киевских византинистов носили обособленный друг от друга, иногда даже эпизодический характер, не имели общей цели и не опирались на использование единой методологии. Ни один из киевских византинистов не имел учеников, которые унаследовали бы эту проблематику непосредственно от учителя»⁷².

Заслуживают внимания выводы в диссертации⁷³, повторенные В. Ю. Чекановым в уже упомянутой обобщающей статье⁷⁴. Особенно интересны утверждения о том, что научные работы киевских византинистов, посвященные узкоспециальным вопросам, вели к «отрыву от участия в формировании концепции русской византистики (исследование аграрной и экономической истории Византии, попытка доказать ее родство с Европой)», «не способствовали утверждению российской византистики как национального варианта мировой»⁷⁵. Оторванность местных специалистов по истории Византии от украинской среды и украиноведческого контекста была очевидна, но вот их одновременная обособленность от российской науки, которую отмечает В. Ю. Чеканов⁷⁶, – это интересный феномен, который требует дополнительного определения, исследования и объяснения.

Весомые достижения в поиске ответа на вопрос о причинах своеобразия исследований по всемирной истории в подросийской Украине в XIX в. в контексте отечественной медиевистики в целом принадлежат *Сергею Ивановичу Лиману*. Его докторская диссертация «*Средневековые цивилизации Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы: опыт исследований в украинских землях Российской империи (1804 – первая половина 1880-х гг.)*»⁷⁷ была защищена 19 февраля 2010 г. в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина. Исследователь, в частности, отмечает, что «историософские системы

медиевистов Украины в наибольшей степени испытали влияние западных концепций», им был присущ «большой плюрализм мнений», который «выявился при изображении ими характерных признаков средневековья»⁷⁸.

Шестой раздел этого диссертационного исследования, подготовленный на основе многочисленных совместных исследований С. И. Лимана и С. Б. Сорочана⁷⁹, посвящен именно развитию византистики⁸⁰. В нем выделены два этапа становления отечественной византистики: 1) 1804–1860-е гг. (в монографии, написанной на основе диссертационного исследования, его поэтически названо «Ромейская увертюра»)⁸¹; 2) 1865–1885 гг. (в книге он назван «Орел Царьграда набирает высоту»)⁸².

В рамках первого периода вопросы истории Византии поднимались исследователями косвенно и частично, а сами научные работы могут быть разделены на три большие группы: 1) исследования по истории византийско-славянских отношений и вопросы влияния Византии на Русь, 2) работы краеведческого характера по истории тех регионов Украины, которые ранее входили в состав Империи ромеев (Крым), 3) специальные исследования по внутривизантийской и церковной истории Византии. Особый интерес представляют диссертация Н. А. Лавровского о византийской основе русско-византийских соглашений X в., книги А. П. Зернина о патриархе Фотии, императорах Василии I и Константине VII, Н. Н. Мурзакевича по истории Херсонеса и генуэзских колоний в Крыму⁸³.

Второй период стал временем окончательного выделения научной византистики в отдельную отрасль исторической науки. Вследствие распространения позитивистской методологии усиливается интерес к социально-экономической истории Византии, уменьшается удельный вес работ по истории византийской Церкви. Наиболее весомый вклад в развитие отечественной византистики в это время был сделан В. И. Григоровичем, В. К. Надлером, Ф. И. Успенским, Н. П. Кондаковым, Ф. А. Терновским, В. С. Иконниковым, М. С. Дриновым⁸⁴. Несмотря на то, что византистические школы сложились лишь в Новороссийском университете в Одессе и Киевской духовной академии, стоит обратить внимание на различие ситуации между Киевским и Харьковским университетами, в которых, по справедливому утверждению С. И. Лимана, на 1885 г. собственных школ византистики не возникло⁸⁵.

В. Ю. Чеканов предлагает использовать для обозначения киевской византистики второй половины XIX – начала XX в. понятие «отдельный вариант развития»⁸⁶. Можно дискутировать, насколько удачным является предлагаемый термин, но вряд ли следует спорить о необходимости введения в научный оборот специального понятия для обозначения феномена существования «объективных предпосылок развития в направлении создания школы, объединяющие определенную группу ученых», которые одновременно НЕ самоосознают себя как отдельную общность, не склонны к самоорганизации, и даже не выделяются современниками – внешними наблюдателями»⁸⁷. При этом совершенно очевидно, что ситуации в Киеве и Харькове в конце XIX в. – начале XX в. отличались: если в Киевском университете византистика как научное направление прекратила свое существование прежде всего из-за недоразвитости

до уровня школы, а не в результате «общественно-политических изменений вследствие революции»⁸⁸, то в Харьковском университете византистика гибнет не так из-за своей внутренней слабости, как ввиду трагических событий периода революции и гражданской войны, закрытия университета в 1920 г. и сугубо негативного отношения к византистическим студиям со стороны официальной советской власти⁸⁹.

Конечно, это утверждение требует серьезного дополнительного обоснования, но уже сам факт преподавания харьковскими византистами специальных курсов по истории Византии говорит о многом. Так, из отчетов о состоянии и деятельности Харьковского университета за 1916 г. известно, что приват-доцент университета Е. А. Черноусов проводил со студентами старших курсов практические занятия по изучению памятников византийского законодательства, а один из его учеников, В. Зиборовский, совершил в то время перевод на русский язык «Книги Эпарха» и подготовил научное исследование «Время происхождения «Книги Эпарха». О мощности заложенных в это время предпосылок к окончательному оформлению харьковской школы византистики свидетельствует осуществленная В. Зиборовским попытка опубликовать свое исследование в Москве через 20 лет после его написания – в 1935 г., когда византистика не только в Харькове, но и повсеместно в СССР была фактически уничтожена⁹⁰.

Таким образом, отсутствие византистической школы в Харьковском университете в середине 80-х гг. XIX в. вовсе не означает, что в это время не существовало предпосылок к ее возникновению. Именно достижения последней четверти XIX в. позволили византистам Харькова уже в начале XX в. вплотную приблизиться к созданию полноценной научной школы, которая, к сожалению, не возникла из-за сугубо внешних причин. Возрождение традиций харьковского византиноведения происходит только сейчас благодаря деятельности С. Б. Сорочана и его учеников по двум главным направлениям: исследования по социально-экономической истории Византии и всестороннее изучение истории византийского Херсона как одного из важных провинциальных городов империи⁹¹.

Именно в рамках второго направления *Михаилом Владимировичем Фоминым* было подготовлено диссертационное исследование «*Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.)*», представленное на соискание ученой степени кандидата исторических наук и защищенное в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина 12 марта 2010 г.⁹² Трудом, актуализировавшим изучение христианских захоронений в Херсонесе-Херсоне, как это отмечает в историографическом обзоре сам диссертант⁹³, стала статья С. Б. Сорочана «Гробничное дело в византийском Херсоне (VI–X вв.)»⁹⁴, которая, в доработанном виде, вошла в комплексное монографическое исследование по истории раннесредневекового византийского Херсона в виде раздела «Смерть в Херсоне»⁹⁵.

Обосновывая актуальность своего исследования, М. В. Фомин справедливо обращает внимание на тот факт, что на протяжении «всей истории научных раскопок главное внимание уделяли прежде античному некрополю, в то время

как средневековые кладбища оставались без должного внимания». Между тем именно исследование «погребальных обрядов и традиций, их развития, структуры, трансформации, пространственного расположения дает возможность проследить принципиально важные изменения в жизни города в эпоху перехода от поздней античности к средневековой. ... становление и развитие религиозных, социальных, политических, экономических, этнических процессов, происходивших в рамках конкретного ромейского центра»⁹⁶.

В первой главе диссертации М. В. Фомин характеризует историографию вопроса, его ключевую базу, методологию и методы⁹⁷. Сделанный им историографический обзор⁹⁸ наглядно свидетельствует о стремлении исследователей к работе с позднеантичными – раннехристианскими материалами, чаще всего не выходя за пределы IV–VI вв. Причем даже в этих хронологических рамках, во-первых, они не охватывают всей массы погребальных памятников и, во-вторых, уделяют погребальным памятникам внимание преимущественно в контексте поиска ответа на несколько традиционных вопросов: о времени возникновения в Херсоне раннехристианской общины, о времени возникновения расписных склепов и тому подобное. В то же время погребальным памятникам VII–X вв. внимание уделял, кроме уже упомянутого С. Б. Сорочана, разве что А. Л. Якобсон⁹⁹, выводы которого (особенно относительно этого периода) значительно устарели и требуют пересмотра.

Стоит заметить, что М. В. Фомин не упоминает в обзоре важного обобщающего издания «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века»¹⁰⁰ из фундаментальной серии «Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах», в котором разделы о Херсоне, в том числе с характеристикой захоронений¹⁰¹, были подготовлены А. И. Айбабиным. Необходимо также рассмотрение заключений исследователя в контексте диссертационного исследования А. В. Латышевой, подготовленного под руководством С. Б. Сорочана и защищенного 29 мая 2009 г.¹⁰² Особое значение для автора имеют подразделы ее исследования 4.5, в котором говорится о вопросах, связанных с захоронением, и 5.4, где рассматриваются особенности мемориального и мартыриального культов в Херсоне. Впрочем, моменты, намеченные А. В. Латышевой, учитывая общую тему ее исследования, лишь пунктирно и косвенно, М. В. Фомин рассматривает основательно, привлекая весь комплекс доступных на сегодня источников.

В источниковедческом обзоре¹⁰³ главное внимание закономерно уделено археологическим памятникам, а также данным нумизматики, письменным, прежде всего, агиографическим источникам, эпиграфике и антропологическим материалам. В автореферате отчетливо недостает надлежащей оценки информативного потенциала различных групп источников, что обусловлено его ограниченным объемом, и только монография отчасти компенсирует этот недостаток¹⁰⁴.

Во втором разделе «Погребальная традиция и захоронения в раннехристианском Херсонесе (IV–V вв.)»¹⁰⁵ М. В. Фомин анализирует, прежде всего, возникновение раннехристианского кладбища и формирование христианского погребального обряда и традиции. Христианское кладбище возникает на той же территории, что и позднеантичный некрополь, и включает три кладбища –

Западное, Южное и Юго-Восточное. На них использовались те же типы погребальных сооружений, что и раньше: коллективные склепы и одиночные могилы различных типов. Важны подсчеты, произведенные исследователем на основании обобщения известных на сегодня археологических материалов: наиболее многочисленными были обычные грунтовые могилы – 82% от общего количества захоронений, 15% процентов составляли склепы, и еще около 2,5% – подбойные могилы, анализ погребального инвентаря и надгробий¹⁰⁶. Интересным является вывод о потере надмогильными памятниками их значения в связи с распространением традиции коллективных захоронений и поминальных списков при церквях, приходам которых принадлежали покойные. Вероятно, исчезновение надгробий может быть связано с рассмотренным автором в следующем подразделе распространением среди жителей Херсона христианских представлений о смерти как рождении человека «в жизнь вечную»¹⁰⁷.

Важны четвертый и пятый подразделы, в которых, соответственно, речь идет о формировании сакрального пространства раннехристианского некрополя Херсонеса, становлении и распространении раннехристианского погребального обряда на протяжении IV–V вв.¹⁰⁸

Наконец, наиболее научно значимым является третий раздел диссертационного исследования «Погребальная традиция и захоронения в византийском Херсоне в VI–X вв.»¹⁰⁹. Указанный период крайне редко привлекает внимание ученых, и если позднеантичные – раннехристианские сюжеты формирования городского некрополя интенсивно исследовались, то вопросы, связанные с развитием погребальной традиции и функционированием городских кладбищ уже после распространения, победы и закрепления христианства в Херсоне, почти не рассматривались. Неудивительно, что в очерках по археологии Херсона VIII–IX вв. в X – первой половине XIII в. из уже упоминавшегося издания «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века» об археологических исследованиях захоронений ничего не сказано¹¹⁰.

Одной из самых распространенных форм погребальных сооружений в это время продолжали оставаться склепы, как те, что продолжали использоваться с позднеантичной эпохи, так и вновь построенные. Некоторые из них содержали останки десятков и даже сотен погребенных. Значительно обеднел погребальный инвентарь, хотя до VII в. включительно в захоронениях встречались бытовые вещи, простые украшения и стеклянные бальзамарии. Важным является утверждение автора о существовании специального участка городского кладбища южнее загородного крестообразного храма Богородицы Влахернской, где хоронили преимущественно представителей духовенства¹¹¹. Хоронили архиереев, иереев, монахов и иногда знатных лиц также в часовнях-кимитириях (своеобразных «крытых кладбищах») при крупнейших базиликах города¹¹². Дискуссионным остается предположение М. В. Фомина о том, что, по аналогии с Константинополем, в Херсоне «захоронения и погребальные процессии должны были организовываться за счет отчислений эргастириев, которые имели налоговые льготы»¹¹³ и которых было около двадцати¹¹⁴. Вряд ли во многом уникальную ситуацию, присущую столице Византийской империи, можно, без дополнительных доказательств и соответствующих оговорок переносить на

один из ромейских провинциальных городских центров. С таким же успехом можем предположить, что расходы, связанные с организацией погребения, ложились на плечи родных и близких покойного.

В итоге вполне убедительным представляется главный вывод диссертанта о том, что «христианская похоронная традиция, чинопоследование и обряд полностью сформировались в Херсоне к X в.»¹¹⁵, и в это время «заканчивается эволюция христианского погребального обряда и связанных с ним традиций»¹¹⁶.

Следующее диссертационное исследование также посвящено истории и археологии Херсона византийской эпохи. Это защищенная 16 июня 2010 г. в Днепропетровском национальном университете имени Олеся Гончара диссертация *Вадима Вадимовича Хапаева «Византийский Херсон во второй половине X – первой половине XI в.: проблема разрушения города»*¹¹⁷, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Актуальность диссертационного исследования В. В. Хапаева не вызывает никаких сомнений, поскольку автор впервые в историографии поднимает проблему массовых разрушений и пожаров на городище Херсонеса на грани X–XI вв. на основании комплексного анализа всех известных на сегодня источников. Внимание к вопросу вполне актуально, поскольку в историографии существует минимум пять объяснений причин разрушений на городище Херсона, проанализированных автором в подразделе 1.2: захват города Владимиром во время похода на Корсунь в 988–989 гг., нападение печенегов, столкновение с хазарским полководцем Песахом в 920-е – 940-е гг., карательная экспедиция византийских военачальников Монга и Сфенга в 1016 г. против восставшего стратига Херсона Георгия Цулы¹¹⁸. При этом ни одна из предложенных гипотез не может считаться окончательно доказанной, что требует осуществления специального исследования с целью выяснения масштабов и характерных особенностей разрушения города, причин и времени их возникновения. «Выяснение причин разрушений, – справедливо утверждает автор, – а также их последствий, позволяет более корректно интерпретировать характер взаимоотношений между основными политическими силами, действовавшими в Причерноморье на рубеже I и II тысячелетий и, соответственно, уточнить представления о ходе исторического процесса в регионе Черного моря в этот период»¹¹⁹.

Дополнительной ценности и веса научной работе придает то, что она написана на стыке археологии, всемирной истории и истории Украины. Последнее особенно важно, поскольку одним из важнейших сюжетов русско-византийских отношений конца X в. является Корсунский поход князя Владимира, и выяснения всех его обстоятельств – важная задача исторической науки. Вполне закономерно в связи с этим, что, анализируя историографию исследуемого вопроса, В. В. Хапаев выделяет специальный отдельный подраздел 1.1 «Историография истории «Корсунского похода» князя Владимира и его последствий для византийского Херсона»¹²⁰, в котором фактически исчерпывающе анализирует взгляды историков на причины, ход и последствия этого военного похода русского правителя. Так же основательными являются два источниковедческих подраздела диссертации, в которых рассмотрены письменные и археологические источники вопроса¹²¹.

Второй раздел диссертационного исследования «Датировка разрушения византийского Херсона»¹²² разделен автором на две части, первая из которых посвящена вопросам датировки военных действий на территории фемы Херсон в середине X – первой половине XI в. по показаниям письменных источников, а вторая – датировке разрушений городища Херсона по археологическим источникам. Как утверждает исследователь, только один источник – армянский вариант Жития св. Стефана Сурожского – вспоминает о разрушении города, приписывая его некоему полководцу Пролису (возможно, имеется в виду Песах). При этом данные памятника не подтверждаются никакой информацией других, достоверных источников¹²³.

Поскольку, по данным письменных источников, город не претерпел разрушений и во время Корсунского похода Владимира, как *terminus post quem* разрушения византийского Херсона В. В. Хапаев выдвигает 988 г. *Terminus ante quem* – 1016 г. – диссертант определяет благодаря находке моливдовула стратига Херсона Георгия Цулы в слое разрушения. Поскольку письменные источники не упоминают о разрушении города во время карательной экспедиции 1016 г., а сам мятежник, скорее всего, находился на Боспоре, это, по мнению ученого, свидетельствует, что до 1016 г. «город, вероятно, было уже в руинах»¹²⁴. Дальнейшее сужение хронологических рамок происходит благодаря анализу керамики и закрытых монетных комплексов из слоя разрушения, что позволяет датировать разрушение Херсона первым десятилетием XI в.¹²⁵ Поскольку на это время, по данным письменных источников, никакие военные действия не приходится, это дает основания объяснять разрушение Херсона природными факторами, а именно землетрясением.

В третьем разделе диссертации «Масштабы, характер, причины и последствия разрушения византийского Херсона»¹²⁶ В. В. Хапаев оценивает мощность и характер разрушения города, приходя к выводу о всеохватности разрушения: «Уничтожены практически все жилые постройки, храмы, расположенные на мягких грунтах или склонах рельефа, повреждены или разрушены участки оборонительных стен, построенных на песке или скальном обрыве»¹²⁷. Это позволяет утверждать, что причиной катастрофы стало масштабное землетрясение, поскольку уцелевшими оказались храмы, воздвигнутые в ровном скальном основании, за исключением Западной базилики (№ 13). В пользу гипотезы о землетрясении свидетельствует также массовый переход жителей города к возведению домов по так называемой «анатолийской» технике, которая «предусматривает строительство жилых домов из мелкого бута на грязевом растворе с прокладкой перевязанных между собой по углам здания деревянных лежней и является сейсмически устойчивой строительной технологией»¹²⁸. В подразделе 3.2 исследователь подытоживает доказательства в пользу того, что причиной разрушения было именно землетрясение, определяя его эпицентр в черноморско-крымской сейсмоzone 2 (Ялтинской) с разрушительным действием на Херсон 8 баллов по шкале MSK-64.

Наконец, в третьем разделе говорится о разрушении Херсона и его последствиях в контексте русско-византийских отношений второй половины X – начала XI в.¹²⁹ В. В. Хапаев выходит за рамки темы диссертации, поэтому отдель-

ные его выводы представляются дискуссионными и требуют основательного подтверждения свидетельствам источников. В частности, требует весомых объяснений сделанное на основании русско-византийских договоров 945 и 971 гг. утверждение о чисто враждебных отношениях между херсонитами и русами и о том, что «собственной торговли через Херсон росы не вели и в городе не жили»¹³⁰. Так же требует отдельного рассмотрения предположение диссертанта о том, что упоминаемый в летописной традиции «греческий философ», прибывший к Владимиру просить военной помощи, был посланником не Василия II, а мятежника Варды Склира. Соответственно, никаких обещаний относительно брака Владимира с Порфирородной Анной со стороны императора не было, а «переговоры о браке Владимира и Анны начались после захвата росами Херсона»¹³¹.

В целом же профессиональная работа с различными видами исторических источников и критический анализ историографии позволили В. В. Хапаеву глубоко исследовать проблему разрушения византийского Херсона во второй половине X – первой половине XI в. и сделать ряд обоснованных выводов, представляющих высокую научную ценность. Прежде всего, это убедительные доказательства в пользу гипотезы о том, что причиной разрушения города стало мощное землетрясение, которое, по уточненной датировке диссертанта, полученной путем сопоставления данных различных исторических источников, произошло в первом десятилетии XI в. И это – не считая многочисленных, условно говоря, «мелких» интересных и важных наблюдений и выводов автора. Так, скажем, вполне убедительным представляется опровержение традиционного представления о закрытых монетных комплексах рубежа X – XI вв. как о «скрытых кладях» и доказательство того, что «все они являются комплексами быстрого накопления и не собирались с целью хранения как сокровища»¹³², так же как и опровержение устаревших в историографии идей о «сепаратизме» и антиимперских настроениях, которые будто бы господствовали в Херсоне и его округе. В. В. Хапаев приходит к выводу, что «жители разрушенного Херсона не участвовали в «восстании Георгия Чулы» 1016 г., которое состоялось, скорее, на Боспоре»¹³³.

К сожалению, из автореферата невозможно узнать, об общем смысле 19 таблиц и 9 текстовых материалов, о которых вскользь упомянуто в пункте о структуре диссертации¹³⁴, и которые, очевидно, имеют важное значение. Как представляется, стоило бы, по крайней мере, привести их названия.

Русско-византийским отношениям посвящено также диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата исторических наук *Александра Михайловича Филипчака «Русы среди «войск народов» в Византии IX–XI вв.: наемники и союзники»*¹³⁵, защита которого состоялась 17 сентября 2010 г. в Черновицком национальном университете имени Юрия Федьковича. Эта работа является тематически близкой к диссертации О. М. Лугового «Росы и варанги в Византии X–XII вв.: формирование и структурная роль наемного военного контингента», защищенной в Одессе в 2008 г.¹³⁶

Исследования, несомненно, отчасти пересекаются как по своей цели, так и по задачам, однако в целом они принципиально отличны, прежде всего,

благодаря акцентированию и фокусировке исследовательского видения научной проблематики, связанной с пребыванием групп наемников и союзников на византийской службе. Это ярко проявляется уже в обосновании актуальности.

О. М. Луговой подходит к вопросу в традиционном русле предыдущих исследований, начатых еще в XIX в. В. Г. Васильевским. Он не слишком конкретизирует и ограничивается упоминанием о том, что «структурные ... вопросы (пребывания наемников на службе в Византии – А. Д., М. Д.) ставились лишь частично и получали преимущественно фрагментарное освещение»¹³⁷. Его обоснование актуальности темы исследования преимущественно историографическое, и, к тому же, не лишено мало оправданной модернизации: «Поскольку в XXI в. наемная профессиональная армия становится основным типом армий стран мира, актуализируется исследование истории профессиональной армии»¹³⁸. Наконец, оно довольно абстрактное и не позволяет предусмотреть конкретной исследовательской стратегии, особенно в отношении древнерусского контекста: «Военное наемничество в Византии является существенным явлением истории развитого средневековья, важным и для соответствующего периода истории Украины. Тем не менее, оно не отражено в современной украинской историографии. Изучение участия воинов из Восточной Европы в действиях византийской армии наравне с воинами ряда других европейских стран дает возможность выяснить еще один важный аспект европейского контекста истории Украины (выделено нами – А. Д., М. Д.)»¹³⁹.

Обоснование актуальности темы А. М. Филипчуком проблемное, оно не только декларативно, но и *de facto* «изменяет фокус», перенося главное внимание не только на наемников, но и на союзников на византийской службе, сознательно порывая с «предыдущей научной традицией» и прибегая к «сравнительному анализу социальных групп наемников и союзников среди «войск народов» Византии. Из исследований, утверждает он, напроць «исчезла отдельная социальная группа, а именно «союзники», которыми были группы воинов, отправлявшихся древнерусскими князьями на службу к византийским императорам»¹⁴⁰. Заметим, что О. М. Луговой обращает внимание на этот вопрос только в последнем, четвертом разделе диссертации, утверждая, что «общая подчиненность отрядов имперскому главнокомандованию не дает возможности считать их войсками, союзными Византии в современном смысле этого понятия»¹⁴¹. С другой стороны, в тексте автореферата черновицкого историка, несмотря на частое одновременное упоминание рядом наемников и союзников, не приведено четкого различия этих двух групп русских воинов на византийской службе. Учитывая задекларированное во вступлении и, отметим, вполне перспективное в научном плане внимание к социальной группе «наемников», это кажется серьезным упущением. Только из выводов можно определить, что наемники на византийской службе, в отличие от союзников, освобождались от контроля князя и самостоятельно заключали соглашение с императором, а союзники отправлялись киевским князем согласно договоренностям, достигнутым между ним и византийским правителем»¹⁴².

Заслуживает внимания также перспектива взгляда на проблему в контексте истории Древней Руси, избранная А. М. Филипчуком. «В современной ис-

торической науке на сегодня нет комплексной работы, посвященной исследованию русов среди «войск народов» в Византии, хотя в глазах современников и их потомков «становление Руси» напрямую связано с комплексом русско-византийских отношений, важным сегментом которых было наличие воинов из Руси среди «войск народов» в Византии; «ограниченная перспектива помешала полностью реконструировать ранний период становления «международных связей» первых политических образований русов в Восточной Европе и, что самое главное, роль и место наемных групп в этом процессе»¹⁴³.

Как видим, черновицкий византист не только более конкретен в актуализации темы своего исследования, он последовательно фокусирует свое внимание на значении феномена групп наемников и союзников на византийской службе в контексте формирования Руси: «Их социальная и профессиональная идентичность полностью лежит в плоскости ранней истории Руси ... Каким образом эти сначала «чужие» социальные группы стали «своими», более того, обусловили образование политической организации на территории Восточной Европы? Соответственно, будучи «чужими» в Константинополе, были ли они своими на Руси?»¹⁴⁴. Наконец, черновицкий исследователь, в отличие от О. М. Лугового, последовательно различает наемников и союзников, отдельную социальную группу «воинов, отправлявшихся древнерусскими князьями на службу к византийским императорам»¹⁴⁵. Итак, уже само обоснование актуальности темы исследования А. М. Филипчуком дает весомые основания надеяться на новаторский подход и неординарные выводы, и исследование оправдывает эти надежды, причем начиная уже с таких обычно «проходных» мест в текстах диссертаций, как характеристика методов исследования и изложение научной новизны¹⁴⁶.

Первая глава диссертации «Русы в Византии глазами современников и их потомков: историография и источники исследования» традиционно посвящена анализу историографии и источниковой базы исследования¹⁴⁷. Она, подобно следующим частям исследования, имеет оригинальное название, что, к сожалению, не присуще большинству украинских диссертационных работ, причем не из-за отсутствия желания диссертантов создать не только научный, но и интересный для чтения нарратив, а в силу консервативности ученых советов, представители которых крайне настороженно относятся к любым проявлениям самобытности в тексте диссертации.

Характеристика историографии, осуществленная А. М. Филипчуком, глубоже и подробнее, чем у О. М. Лугового, диссертант не жалеет на нее объема автореферата¹⁴⁸. Глубоким является его знание иностранных исследований по истории византийской армии¹⁴⁹, и, главное, он не только называет отдельные фамилии исследователей, но и характеризует их вклад в изучение вопроса. Например, и О. М. Луговой¹⁵⁰, и А. М. Филипчук упоминают о важности работ российского исследователя-эмигранта, который работал в США, А. А. Васильева. При этом одесский историк упоминает фамилию, а черновицкий ученый коротко, но, вместе с тем, содержательно отмечает, что византист «охарактеризовал бюджет критских экспедиций византийского флота, а также впервые подал информацию арабских источников о русских союзниках и наемниках в византийской армии в 950-х гг.»¹⁵¹.

Основательна также осуществленная А. М. Филипчуком характеристика источников¹⁵². Если О. М. Луговой лишь отмечает привлечение к исследованию «материалов сфрагистики, эпиграфики, нумизматики и археологии»¹⁵³, то черновицкий византинист в отдельных пунктах, не более одного абзаца текста, максимально обобщенно и концентрированно характеризует их информационный потенциал и значение для исследования. Например, относительно материалов сфрагистики А. М. Филипчук отмечает: «Информация моливдовули проливает свет на проблемы: просопографии русов и варягов, их командного состава, структуры и организации тетерий. Важно, что легенда печати в большинстве случаев содержит данные об идентификации ее автора, его святого патрона и титулах. Для нас безусловный интерес представляют моливдовулы, найденные на территории Восточной Европы (коллекции Н. Лихачева, Г. Закоса, Думбартон Оукс), которые указывают на каналы коммуникации и связи между императорским двором и вождями наемных групп и между владельцем моливдовула и древнерусскими правителями»¹⁵⁴.

Впрочем, это касается и характеристики письменных источников, которым в работах обоих диссертантов уделено равно главное внимание. Особенно ярко это можно увидеть на примере трактата «О церемониях» (или «Обрядник византийского двора») («De ceremoniis»), который лишь назван в общем перечне у О. М. Лугового¹⁵⁵ и подробно охарактеризован у А. М. Филипчука, а также русско-византийских договоров X в., которые сохранились в составе «Повести временных лет». О последних оба исследователя пишут как о важном источнике, но византинист из Черновцов обращает внимание на ключевой принцип их исследования: «Они требуют повторного перевода с древнерусского, который предусматривает их рассмотрение в контексте дипломатики императорских хрисовулов. Поэтому реконструкция договоров должна охватывать все списки. Ее принципы и избранная методология обоснованы нами отдельно в приложениях»¹⁵⁶. Остается лишь пожалеть, что из автореферата невозможно узнать о содержании этого приложения.

Во втором разделе диссертации А. М. Филипчука «Между Киевом и Константинополем: русские воины в контексте взаимоотношений Руси и Византии»¹⁵⁷ рассматриваются три ключевых вопроса:

1. Участие отрядов русов в военных кампаниях византийского флота в 911, 935 и 949 гг. Появление значительного количества русов на византийской службе автор связывает с переориентацией на византийские рынки, осуществленной князем Олегом, а заключение русско-византийского договора 911 г. объясняет необходимостью улаживания «статуса большого количества русских пленных и наемников»¹⁵⁸. Показательна попытка Льва VI лишить киевского князя контроля над наемниками путем выделения для него незначительной группы воинов, которые получили название «союзники».

2. Статус, состав, структура и функции отряда «крещеных росов», а также вопрос о «воях» княгини Ольги. Основной состав этой группы был сформирован из тех русских воинов, которые оставались на византийской службе после лангобардского похода 935 г. и были крещеными, «что было одним из условий допуска наемных воинов к охране особы императора»¹⁵⁹. Важным является

тезис автора о том, что с отрядом «крещеных росов» следует отождествлять «христианскую русь» из договора 944 г. Именно они стали основой русского отряда во время критского морского похода 949 г.¹⁶⁰ Второй частью этого отряда стали «вои», направленные в империю Ольгой по договоренности с Константином VII и Романом II. «Вои» были важным предметом переговоров между киевской княгиней и Константином VII в 950-е гг. и прибыли в империю уже после смерти этого императора, приняв участие в критском походе 960–961 гг.¹⁶¹

3. Конфликт между князем Владимиром и его варягами в Киеве. Исследователь отмечает прямую связь между выпровождением из Киева мятежных варягов и появлением на византийской службе новой «этерии пехотинцев», упомянутой в Тактиконе Эскуриала. Появление же «русского корпуса» связано с отправлением Владимиром дружины на помощь Василию II для войны с мятежником Вардой Фокой в 988 г. После победы над узурпатором при активном участии в битвах «русского корпуса» произошло «превращение многотысячно-го русского отряда в постоянную составляющую византийской армии»¹⁶².

Третий раздел «Русы и император в 1015–1081 гг.»¹⁶³ посвящен рассмотрению отношений между наемными и союзными отрядами русов и византийскими императорами. После смерти князя Владимира император Василий II отказывается от договоров с киевским князем по наемникам, заменив их заключением отдельных соглашений с вождями наемников¹⁶⁴. Отношения русов с императорской властью были противоречивыми, во время восстаний часть из них становилась на защиту императорской власти, другая же могла поддерживать узурпаторов. Так, во время выступления Георгия Маниака в 1042–1043 гг. подавляющая часть «корпуса русов» поддержала его выступление, меньшая же часть осталась верной императору Константину IX Мономаху. Следствием этого стало значительное сокращение, но не исчезновение воинов из Руси на службе в Византии, причем император осуществил реорганизацию гвардейских частей, выведя из их состава русов и варягов, и заменив их двумя дополнительными этериями из других «народов».

Вскоре, однако, влияние русских отрядов на императорскую власть возобновилось, поскольку они были важным средством удержания власти, войском, «которое не зависело от сил византийской столичной и провинциальной аристократии»¹⁶⁵. Одновременно это делало императора все более зависимым от придворной гвардии, которая пыталась получить все большее материальное вознаграждение за свою службу и верность. Наконец, когда в 1079 г. группы наемников и союзников взбунтовались против Никифора Вотаниата, император прибег к репрессиям относительно русов, которые исчезли из византийской армии.

Об основном содержании четвертого раздела диссертационного исследования А. М. Филипчука свидетельствует уже само его название: «Имя, власть и идентичность: социальный состав, просопография, принципы организации, функционирования и обеспечения русских воинов»¹⁶⁶. Он в наибольшей степени соотносится с четвертым разделом диссертации О. М. Лугового, который называется «Росы и варанги в византийских государственных и военных структурах»¹⁶⁷. Отдельные выводы, к которым приходят исследователи, представляются

принципиально отличными. Скажем, одесский византинист утверждает: «После создания большого постоянного «корпуса» в 980-х гг. стало возможным возглавление отдельных подразделений этого корпуса командирами, которые происходили из среды наемников»¹⁶⁸. А. М. Филипчук, в свою очередь, утверждает, что «социальной основой русских наемников и союзников была «дружина», где наряду с лидером (вождем) насчитывалось несколько десятков человек, особенно близких к нему»¹⁶⁹.

Как видим, черновицкий исследователь с его задекларированным вниманием к новой социальной истории, обращает внимание на тот важный аспект формирования отрядов русских наемников на византийские службе, который остался неотрефлексированным его одесским коллегой. Последний, впрочем, также справедливо утверждает, что предводителями наемников «в большинстве случаев выступают представители знати из их же этнической среды»¹⁷⁰. Совпадают и некоторые следующие сюжеты, которых касаются оба исследователя, в частности, о возможностях карьерного продвижения командиров русов и материальном обеспечении отрядов русов. При этом сразу бросается в глаза, что характеристика, осуществленная А. М. Филипчуком, значительно более полная и основательная¹⁷¹.

Наконец, отдельного упоминания заслуживают обширные выводы диссертации черновицкого исследователя¹⁷². Важно отметить, что, кроме уже известных из предыдущего текста результатов, они также содержат упоминания о тех важных сюжетах диссертации, которые не были включены в автореферат из-за его ограниченного объема, а также значительное количество мелких уточнений и наблюдений по истории наемников и союзников на византийской службе в X–XI вв., имеющих самостоятельное научное значение. Наиболее существенными представляются, в частности, выводы относительно длительного отсутствия в византийской литературе специальных слов для обозначения русских воинов, и появления только в «Обзрении истории» Иоанна Скилицы термина «варяги» (βαράγγοι), который не имел ни этнической, ни географической, ни смысловой нагрузки, и касался группы наемников, которые оказались вне дворцовой стражи¹⁷³.

Следующее диссертационное исследование возвращает нас к первоосновам становления Византии. Это диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук *Дмитрия Сергеевича Пуховца «Внутриполитическая деятельность Константина Великого (306–337 гг.)»*¹⁷⁴, защищенная 11 октября 2010 г. в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко. Актуальность темы научного исследования, которая находится на грани антиковедения и византистики, определяется тем, что Константин I был «императором-новатором, которому удалось в корне изменить Римскую империю в первой половине IV в.», именно его реформы «заложили фундамент для существования в будущем мощного государства – Византии»¹⁷⁵. Уже сама формулировка названия темы диссертации дает веские основания заинтересоваться ее научной новизной и оригинальными выводами автора, поскольку правление Константина Великого и его внутренняя политика ни в коей мере не относятся к темам, лишенным внимания историков.

Действительно, как показывает сам диссертант в историографическом обзоре¹⁷⁶, существует немало специальных исследований по истории правления этого императора. К сожалению, заявленного в начале этого подраздела анализа историографии темы не произошло, диссертант ограничился простым перечнем и описанием-характеристикой исследований. Можно согласиться с его итоговым выводом, о том, что «несмотря на большое количество работ, в историографии остается немало малоисследованных и дискуссионных вопросов внутривластной деятельности Константина Великого»¹⁷⁷, однако из осуществленного описательного пересмотра отдельных работ выделить эти основные проблемные или малоизученные вопросы невозможно. Учитывая значительный объем, отведенный автором для историографического обзора в автореферате (более 3,5 страницы из 14!), он вполне мог бы выделить эти вопросы и осуществить на этой основе сравнительный анализ историографии. Это сразу сняло бы все сомнения относительно научной новизны диссертационного исследования и помогло бы ученому лучше определить его задачи¹⁷⁸. В списке последних не пришлось бы указывать выяснение состояния источниковой базы и степень научной разработки проблемы, поскольку необходимость этого очевидна при любом исследовании и не требует отдельного упоминания. Так же чисто обзорным является и подраздел 1.2, посвященный источникам исследования¹⁷⁹.

Во второй главе диссертации¹⁸⁰ говорится об особенностях получения Константином политической власти, его правления на Западе и, наконец, с 324 г., о его единоличном господстве в целой империи. Д. С. Пуховец приходит к выводу, что «важным результатом политического пути императора стало то, что в определенный момент в стране перестала существовать сильная оппозиция действующему правлению, а претенденты на императорскую должность были физически уничтожены в ходе гражданских войн»¹⁸¹.

Третий раздел, посвященный религиозной политике императора¹⁸², является ключевым в исследовании. Диссертант рассматривает обращение в христианство Константина, которое датирует 312 г., а также осуществляет попытку реконструкции содержания эдикта 312 г. в отношении христиан, предшествовавшего Миланскому эдикту 313 г. Путем проведения аналогии с эдиктом императора востока империи Максимиана Дазы, Д. С. Пуховец приходит к выводу, что, поскольку эдикт был издан еще до обращения Константина, «то и его тон был строгим к христианам: христианское богослужение разрешалось, но к христианству относились как к чужой религии, распространению которой следует противодействовать»¹⁸³. Ситуацию изменил Миланский эдикт, который фактически был направлен в пользу христиан. Язычество, впрочем, также не запрещалось, и в подразделе 3.3 «Политика по язычникам» исследователь отмечает, что Константин продолжал содействовать развитию культа императора и лично продолжал чтить культ Солнца Непобедимого¹⁸⁴.

Важен подраздел 3.4 «Участие императора в решении церковных споров», в котором на конкретных примерах борьбы с донатизмом и арианством во время созыва, соответственно, соборов в Риме в 313 г., Арелате в 314 г. и Никее в 325 г. определялись прецеденты «в отношениях государства и Церкви»¹⁸⁵. Показательна

в этом роль примирителя, посредника и последней инстанции решения вопроса, которую пытался взять на себя Константин, который, однако, вынужден был, в конце концов, согласиться на осуждение арианства.

В подразделе 3.5 Д. С. Пуховец высказал предположение о катехуменате Константина, «который сочетал императора и Церковь до крещения». «Став катехуменом, Константин уже мог считаться христианином, но в то же время окончательно не разрывал свою связь с языческим населением империи»¹⁸⁶.

В последнем, четвертом разделе диссертации¹⁸⁷ исследователь комплексно рассматривает внутреннюю политику Константина I, последовательно останавливаясь на вопросах административных реформ и становлении новой системы управления государством, социальной, экономической и фискальной составляющих мероприятий императора, а также военных реформах правителя. Подобно тому, как «законодательство императора представляло собой не революцию, а постепенное развитие законодательства предшественников»¹⁸⁸, так и выводы диссертанта в этом разделе в большей степени обобщают достижения предшествующей историографии. То же самое можно сказать и в отношении общих выводов исследования в целом¹⁸⁹, которые не так открывают новые перспективы изучения правления Константина, как относительно полно подводят итоги исследований других историков по вопросам внутренней политики этого императора. Во многих случаях даже там, где источники и историографическая ситуация позволяют осуществить разрыв с предыдущей исследовательской традицией и получить собственные оригинальные выводы, Д. С. Пуховец этого не делает.

Например, относительно экономических мер Константина он утверждает: «Установлено, что в экономическом аспекте внутренней политики основными проблемами императора были запустение земель и городов, инфляция. Для преодоления инфляции он ввел новую золотую монету – солид. С появлением солида связано увеличение роли золота в экономике страны. В налоговой сфере основной целью Константина была замена натуральных налогов на налоги в деньгах. Правителем был введен налог на предпринимательскую деятельность – хрисаргир»¹⁹⁰.

Какую именно информацию из приведенной цитаты нельзя найти даже не в специальной исследовательской, но и в общеупотребительной обобщающей литературе и даже учебниках, сказать трудно, причем примеры таких утверждений, которые подаются как «выясненные», «установленные» или «обнаруженные» можно множить. То, что стало новым открытием лично для диссертанта, может и не быть таковым для исторической науки. Это, очевидно, понимает и сам исследователь, утверждая в неоправданно обширном и так же выдержанном в духе пересказа давно известных истин пассаже относительно теоретико-методологической базы диссертации, что «любая историческая работа остается субъективной, так как внутренний опыт историка влияет на сформулированные им выводы»¹⁹¹. Яркой иллюстрацией к этому утверждению является и исследование Д. С. Пуховца. Но, если, с одной стороны, это лишает диссертацию многих элементов и признаков научной новизны, то с другой – делает ее полезным и сравнительно полным общим изложением предыстории раннего периода Византийской империи.

Следующие три диссертации, несмотря на различные коды специальностей и названия дисциплин, по которым они защищены, оказываются тесно связанными между собой. По самим их названиям, и даже текстам трудно однозначно определить, к истории, культурологии, философии или религиоведению относится та или иная из них, что в который раз наглядно демонстрирует нераздельное соединение в византистике элементов различных научных дисциплин.

Это хорошо видно на примере защищенной 27 октября 2010 г. в Национальной музыкальной академии Украины имени П. И. Чайковского диссертации *Дарьи Сергеевны Морозовой «Тема человека и окружающей среды в византийской аскетической традиции»*¹⁹², представленной на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 26.00.01 – теория и история культуры. Она имеет необычное для историка, но убедительное обоснование актуальности темы, которая истолкована как в контексте культурной идентичности Украины, основы которой тесно связаны с усвоением греческого христианства, так и с учетом экологических и мировоззренческих проблем, стоящих ныне перед человечеством, а также с учетом необходимости исследования «Передачи» для современной церковной мысли, которая постоянно сталкивается с проблемой несоответствия религиозного видения мироздания достижениям естественных и точных наук¹⁹³. «Христианская оценка телесности как неотъемлемой составляющей человеческого естества, пристальное внимание к связи человеческого тела с материальным миром, осознание ответственности человека за землю, на которой она живет, и за весь космос, созданный ради него, – все эти основные позиции философии отцов Церкви сегодня животрепещущи, пожалуй, как никогда раньше», – заключает диссертантка¹⁹⁴.

В первой главе диссертации¹⁹⁵ определен круг источников, а также оценена степень научной разработки проблематики исследования. При этом, если обзор источниковой базы сводится к простому перечислению имен представителей византийской патристики, чьи произведения составили основу корпуса текстов, который анализировался в работе (трактаты свт. Василия Великого, свт. Григория Нисского, Немесия Емесского, Псевдо-Дионисия, преп. Максима Исповедника, преп. Симона Богослова, преп. Иоанна Дамаскина, свт. Григория Паламы и других)¹⁹⁶, то историография охарактеризована значительно подробнее¹⁹⁷. Заслуживают внимания утверждение диссертантки о нехватке культурологического подхода в западной византистике, исследующей историю космологических представлений¹⁹⁸, а также ее внимание к совершенному в 1970-е гг. греческими богословами И. Иконому, Д. Замесом и А. Кезелопулосом открытию «фундаментальной созвучности (современного – А. Д., М. Д.) экологического подхода с аутентичным мировосприятием византийских отцов Церкви, для которых вселенная была прежде всего «домом» человека»¹⁹⁹. Подчеркивание этой созвучности стало важным толчком для оценки современной культурной ситуации, породившей экологический кризис, с позиций текстов Святых Отцов. Однако, по справедливому замечанию Д. С. Морозовой, комплексное научное исследование экологического учения греческих отцов никогда не осуществлялось.

Во втором разделе ««Мистический материализм» сирийской аскетики»²⁰⁰ диссертантка, исходя из традиционного в патристике различия антиохийского,

александрийского и каппадокийского подходов, последовательно исследует первый из них, который в корне отличался от двух последующих. Экологическую природу сирийского христианского естествознания определило сосредоточение внимания ученых на «отношениях человека с окружающей средой, в непосредственной обращенности к человеку каждого природного явления, его ответственности за материальный мир»²⁰¹, что было вызвано требованием осмысленности и уникальности каждого природного явления²⁰². В наибольшей степени этот подход нашел свое яркое выражение в представлениях о Эдемском саде.

В подразделе 2.2 «Преп. Ефрем Сирийский об «Эдеме на Востоке»»²⁰³ рассмотрены взгляды Ефрема Сирийского на Рай как гору в центре круглой земли, которая одновременно сочетает в себе конкретно-географическую и духовно-мистическую природу. С одной стороны, Эдем – это не просто территория в пространстве, это, прежде всего, духовное явление, но с другой – топографическая локализация Рая доказывает высокий статус материального мира и делает историю экологии составляющей ядра «истории спасения».

В следующем подразделе 2.3 анализируется один из ключевых источников патристической экологии – Макарьевский корпус, в котором отмечается взаимозависимость человека и окружающей среды. Человек не является самодостаточным, он зависит от окружающей среды, но он также призван упорядочить этот мир, причем не столько физически, сколько духовно, в «языково-культурно-культовой плоскости». Д. С. Морозова акцентирует интересную особенность Макарьевского корпуса, в котором мир представлен подобно современной классической экологии как сложная система жизнедеятельности различных видов организмов в определенной среде. «Человек включен в эту экологическую структуру как телесное существо (естественное видение), но одновременно является свободным от нее, благодаря своей свободе и особому отношению с Богом (гуманитарное видение)»²⁰⁴.

В подразделе 2.4²⁰⁵ рассматривается неклассическая гносеология в естествознании свт. Иоанна Златоуста, которая является сочетанием эллинистического и ближневосточного подходов. Святой Отец призывает эмпирически, на собственном опыте изучать окружающий мир, но одновременно предостерегает относительно ограниченности человеческого познания мира, потому что субъект, который изучает мир, сам находится внутри этого мира и, соответственно, его возможности к познанию лимитированы и искривлены уже из-за самого факта родства с исследуемым объектом. Это замечание Иоанна Златоуста Д. С. Морозова справедливо считает «одним из крупнейших достижений позднеантичной мысли»²⁰⁶.

В двух следующих подразделах речь идет, соответственно, о восприятии и христианизации представителями антиохийского направления элементов «мистического материализма» философов школы Стои, в частности об использовании в Шестоднев Севериана Габальского (IV в.) образа «тонкого» небесного огня, который своим присутствием в материи освящает ее, а также о естествознании Исаака Ниневийского (VIII в.), который постулирует познание окружающего мира как мистическую практику молитвы отшельника. Из текста раздела логично выведен и главный вывод автора о том, что «основные

акценты антиохийцев – на телесном и экологическом контексте познания, на зависимости человека от окружающей среды и ответственности за нее, на преобразении материального мира представляются весьма созвучными и потребностям нашего времени»²⁰⁷.

Третий раздел «Христианизированная эллинистическая мысль: между антропологией и космологией»²⁰⁸ посвящена выяснению характера экологической составляющей александрийского и каппадокийского богословских направлений. Важно осуществленное Д. С. Морозовой акцентирование внимания на сочетании христианского мировоззрения с античной натурфилософией во взглядах крупных каппадокийцев – Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского, которые приспособляли античные естественные знания к созданию христианской картины мира. Интересно, что нередко с помощью чисто физических объяснений они опровергали метафизические трактовки язычества²⁰⁹.

Интересен подраздел 3.3 «Египетский аскетизм как экологический проект», в котором говорится о взглядах египетских аскетов на важное влияние окружающей среды на не только физическое, но и духовное состояние человека, особое внимание уделяется смиренной жизни среди диких зверей в смиренном подражании «низшим ступеням экологического бытия»²¹⁰.

Важное значение для развития христианских экологических представлений имел Халкидонский собор 451 г. и творчество одного из активных распространителей принятой на нем концепции свт. Диадона Фотикийского: «Провозглашение «неслиянного» и «нераздельного» сочетания во Христе Божественной и человеческой природы имплицировало, с одной стороны, достоинство человеческого естества, телесности и материи в целом, с другой же, возможность приобщения их к энергии Божества, а, следовательно, – возможность преобразования космоса освященным человеком»²¹¹. Оправдание материальной природы ее причастностью к Божественной энергии стало основой редуцированной к гносеологии неоплатонической мысли у Псевдо-Дионисия Ареопагита²¹² (в рассматриваемой ниже диссертации Ю. П. Черноморца автором Ареопагитик признан Иоанна Филопона)²¹³. Наиболее же зрелым образцом платонического естествознания стало творчество св. Максима Исповедника, главным элементом неоплатонической экологии которого стала «сотериология, которая предусматривает не только спасение человека Воплощенным Логосом, но и спасение вселенной человеком как причастным ко всем ее ступеням»²¹⁴.

В четвертом разделе «Средневизантийский синтез традиций»²¹⁵, который Д. С. Морозова справедливо определяет ключевым элементом исследования, говорится о сочетании трех рассмотренных в предыдущих разделах традиций. Ранним (IX в.) примером такого синтеза является творчество преп. Иоанна Дамаскина (подраздел 4.2²¹⁶). В свою очередь в конце X – в первые десятилетия XI в. преп. Симеон Новый Богослов творит свое экологическое учение на основании антиохийского взгляда на мироздание. Абстрактному мышлению средневизантийской схоластики Симеон, подобно Иоанну Златоусту, противопоставлял необходимость эмпирического исследования окружающей среды. Однако его учение, мощно повлиявшее на православные мистику и аскетику, не

коснулось университетского естествознания (подраздел 4.3²¹⁷). Последнее окончательно отделилось от теологии, не приобретя, впрочем, рационального и исследовательского характера, но подвергаясь влиянию оккультной метафизики (раздел 4.1²¹⁸).

Ближайшим же последователем Симеона стал его ученик Никита Стифат (XI в.) (подраздел 4.4²¹⁹), который синтезировал все три предыдущие экологические традиции в концепции множественного Рая, что осмыслялся в пяти разных измерениях. Сочетание антиохийского и александрийского подходов представлено также в трактате преп. Петра Дамаскина (XII в.), который видит в «течении вещества» неоплатонизма «распятие» для мира, а в антиохийском обновлении среды – идею «воскресения» для мира (подраздел 4.5)²²⁰.

Наконец, последний раздел «Паламистские дебаты: теология, наука, искусство»²²¹ посвящена анализу взглядов свт. Григория Паламы (конец XIII – первая половина – середина XIV в.), чрезвычайно внимательного к важности «Воплощения, телесности человека и достоинства материи». Выразительным проявлением обожания космоса диссертантка считает «тонкие мотивы» поздне-византийского искусства – литургическую поэзию и пейзаж иконописи периода Палеологовского Возрождения.

Важным является итоговый вывод автора о неприятных последствиях византийского раскола знания на схоластическую физику и аскетическую экологию для всей восточнохристианской, включая украинскую, культуры, поскольку «молодые славянские церкви, заимствовав у греков их богатое и разностороннее монастырское естествознание, оказались совершенно равнодушными к академической линии»²²². Стоит также отметить важность выводов диссертации²²³, в которых удачно в максимально обобщенном виде представлены основные итоги исследования, одним из важнейших является тезис о том, что «мощная экологическая мысль византийских отцов находила выражение в проповедях, в литургической поэзии, в иконописи, но не в университетском дискурсе, что негативно отразилось на интеллектуальной ситуации последующих веков»²²⁴.

14 января 2011 в Национальном университете «Киево-Могилянская академия» состоялась защита диссертации *Юлии Олеговны Минец «Творчество Палладия Еленопольского в контексте формирования идеалов христианской жизни: историко-социальный аспект»*²²⁵, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Исследование посвящено разностороннему анализу двух произведений Палладия Еленопольского (ок. 363/364 – ок. 431 гг.) *Лавсик* и *Диалог о жизни Иоанна Хризостома* в контексте становления основных идеалов христианского мировоззрения в IV–V вв. Актуальность темы обусловлена необходимостью более детального изучения использования библейских текстов в конструировании христианского дискурса в переходный период от позднеантичного язычества к раннесредневековому христианству, а также тем фактом, что названные два произведения, «написанные в различных стилевых, языковых и идеологических уровнях», являются удачным примером того, как «один автор был способен модифицировать характер своего письма, в частности использование Библии, под различные стилевые, языковые, идеологические

уровни в зависимости от разных целей произведения, целевой аудитории и исторического контекста написания»²²⁶.

Рассмотрев в первой главе историографию вопроса «Использование Библии для конструирования идеалов христианской жизни в позднеантичных текстах» и охарактеризовав основные комплексы источников²²⁷, вторую главу диссертантка посвятила реконструкции биографии Палладия Еленопольского, которая была осуществлена на основании имеющихся источников и жизнеописаний, подготовленных предыдущими исследователями (К. Батлер, Д. Бак), а также истории и характеристики изучаемых произведений²²⁸.

Лавсаик, название которого происходит от имени константинопольского чиновника Лавса, по чьему заказу около 420 г. было написано произведение, является сборником рассказов о монахах, отшельниках и аскетах и относится к агиографическому жанру. Ю. О. Минец проанализировала лексику и синтаксис произведения, которым присущ отход от высоких аттических образцов, простая риторика и приближенность к просторечию. Это позволяет определить аудиторию, на которую ориентирован текст, а рукописная традиция и ранние переводы на латынь, сирийский, коптский и славянский языки удостоверяют его распространенность и немалую популярность²²⁹.

Диалог о жизни Иоанна Хризостома (вероятно 408 г.) является детальной апологетической биографией Иоанна Златоуста, поданной в форме диалога между римским диаконом Теодором и епископом с востока, который прибыл в Рим. Как установила исследовательница, *Диалог* является «более стилистически изысканным и риторически разработанным произведением, чем *Лавсаик*, но имеются значительные синтаксические и грамматические ошибки и нестыковки, что может свидетельствовать о написании текста под диктовку автора»²³⁰.

В третьем разделе исследования²³¹ осуществлен анализ форм использования библейских текстов в произведениях Палладия, присущих им нарративных стратегий и риторических конструкций. Ю. О. Минец установила, что самой распространенной формой обращения к Библии были ссылки, так же часто встречаются дословные и адаптированные цитаты. В *Лавсаике* также имеются аллюзии, а в *Диалоге* – парафразы и сокращенные переводы библейских историй²³². *Диалог* оказывается более насыщенным библейскими цитатами, которые часто являются широкими и соединенными со ссылками в нарративные цепочки в общем контексте²³³. Главной целью при этом является описание современных автору ситуаций в библейских понятиях, демонстрация того, как праведники в своей жизни фактически воплощают библейские пророчества. Одновременно яркие библейские аналоги получают также образы грешников, что «делает описание более наглядным, доступным и близким» читательской аудитории²³⁴. Отличительной особенностью использования библейских цитат в *Диалоге* является «более тонкая игра автором на изменении контекста библейской фразы», сложнее ее пояснения²³⁵.

Ключевым в диссертации является четвертый раздел «Текст и аудитория: Социальные стратегии использования Библии»²³⁶, в котором исследовано, каким образом интерпретация приведенных библейских текстов соотносится с читательской аудиторией каждого из произведений. Подраздел 4.1 «*Диалог*

и *Лавсаик*: Различия в интерпретации идей» посвящен сравнительной характеристике оценки в текстах важных для христианина вопросов, благодаря чему выявлены принципиальное отличие постулированных идей в каждом из произведений. Так, например, *Лавсаик* презирует земную мудрость, добытую путем образования, и высоко чтит Божественное откровение. В свою очередь *Диалог* высоко оценивает мудрость и рассудительность в этом мире; *Лавсаику* присущи сильные эсхатологические ожидания, тогда как в *Диалоге* они завуалированы объяснением, что трудности и несчастья являются лишь испытаниями, в которых должны закаляться праведники. В *Лавсаике* благолепие и седина являются свидетельствами праведной жизни, в *Диалоге* же автор предостерегает, что за почтенной внешностью часто скрывается грешная природа т. д.²³⁷

В подразделе 4.2 анализируются ключевые идеи и целевая аудитория пролога *Лавсаика*²³⁸, в котором автор обнаруживает мощное влияние *Regulae morales* Василия Кесарийского, обозначенное общими библейскими цитатами, адресацией широкой аудитории христианской общины, а не только аскетам. Пролог *Лавсаика* отличается от основной части текста произведения более ортодоксальными взглядами, тогда как в рассказах об отшельниках и аскетах заметно влияние идей учителя Палладия Евагрия Понтийского, к тому времени уже обвиняемого в еретичестве.

Подраздел 4.3 посвящен анализу библейских сюжетов и образов, к которым обращается Палладий, описывая биографию Иоанна Хризостома, прежде всего эпизоду его свержения с кафедры. Автор подает Иоанна как сугубо положительного персонажа, подчеркивая праведность его поступков, в которых он подражает Христу, Иоанну Крестителю, Моисею, Иисусу Навину и др. Зато враги сравниваются с крупнейшими библейскими грешниками. Как считает диссертантка, «главной потенциальной аудиторией, которая в то время была очень заинтересована именно в такой трактовке, были сторонники Иоанна, члены его партии». Они в 400-х – 410-х гг. остро нуждались именно в таком нарративе, который героизировал бы не только Иоанна Златоуста, но и их самих, пострадавших за праведное дело²³⁹. Такое определение целевой аудитории убедительно объясняет апологетическую природу *Диалога*, одномерное и сугубо тенденциозное представление событий из жизни Иоанна Златоуста, а также, впрочем, и незначительное распространение произведения, которое дошло до нас только в двух рукописях и семи фрагментах.

Наконец, в последнем разделе 4.4²⁴⁰ произведения Палладия рассматриваются в контексте современных ему текстов других авторов. Показано влияние на содержание *Диалога* со стороны произведений Иоанна Хризостома *De sacerdotio* и *In Genesim homilia I*, а на *Лавсаик* – *Vita Antonii* Афанасия Александрийского и *Aphrothegmata Patrum*.

В достаточно пространных выводах²⁴¹ подведены основные итоги исследования, которые повторяют уже известные из предыдущего изложения утверждения. К сожалению, автор не осуществила здесь более глубоких обобщений, перспективы для которых, несомненно, открывало ее исследование, и о которых вспоминает она сама: «Выявление идей и понятий, которые были по-разному трактованы в текстах, направленных на различную целевую аудиторию,

составляет методологическую основу для дальнейших исследований проблем неоднородности внутри христианской аудитории конца IV–V вв., которые позволят глубже понять ее стратификацию и структуру, динамику различных социальных страт, наличие и соотношение различных уровней нарративов внутри христианского дискурса»²⁴². Впрочем, способность удержаться от соблазнительных, но малообоснованных утверждений, тем более в итоговой части, – один из признаков исследовательской зрелости ученого.

Именно такую зрелость можем видеть в следующем диссертационном исследовании, которое свидетельствует о появлении в Украине мирового уровня исследователя византийской богословской мысли. Имеем в виду докторскую диссертацию по философии *Юрия Павловича Черноморца «Эволюция византийского неоплатонизма»*²⁴³, защита которой состоялась 1 июля 2011 г. в Институте философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины. В диссертации византийский неоплатонизм исследован как «уникальное явление в истории религиозной мысли наиболее развитой православной культуры средневековья», что дает «ключ для понимания развития православной теологии на протяжении тысячелетия, с VI до XV вв.»²⁴⁴, поскольку именно он был «господствующим философским и теологическим течением на протяжении всего существования Византии»²⁴⁵.

В первом разделе «Византийский неоплатонизм как предмет религиоведческого и историко-философского исследования»²⁴⁶ говорится о состоянии научной разработки проблемы, охарактеризованы источниковая база, методологическая основа и принципы исследования. Ю. П. Черноморец отмечает отсутствие комплексных религиоведческих и историко-философских трудов по византийскому неоплатонизму, который выводился за пределы научных исследований как в силу желания изучать «чистую философию» без теологических элементов (как у В. Татакису, Г. Подскальски, Л. Бенакису), так и из-за предвзятых интерпретаций византийской философии через призму собственного понимания «правильной православной философии» (Ф. Шеррард, Н. Матзука, В. Лурье)²⁴⁷. Единственное исследование византийского неоплатонизма С. Герша «От Ямвлиха к Эриугены. Исследование предыстории и эволюции Псевдо-Дионисиевой традиции» является конфессионально ангажированным, поскольку «пытается приписать античному и христианскому неоплатонизму учение классической томистической метафизики»²⁴⁸.

Второй раздел «Формирование византийского неоплатонизма в произведениях Иоанна Филопона (Дионисия Ареопагита)»²⁴⁹ посвящен анализу становления неоплатонизма в трудах первого византийского неоплатоника Иоанна Филопона, автора большого количества текстов²⁵⁰. Концепции неоплатонической философии этого мыслителя формируются уже в его комментариях к Аристотелю, написанных в 510-е гг. В них Филопон обосновывает учение о самостоятельном существовании созданного на основании теории деятельности, по которой деятель передает энергию движения объекту, на который действует. Созданному Богом человеку присущ импульс естественного стремления к Богу как Цели всего, но у него есть возможность выбора по собственной воле или следовать этим путем, либо отклоняться от него²⁵¹.

В полной мере философия византийского неоплатонизма была сформирована в «Ареопагитиках», которые Ю. П. Черноморец рассматривает в подразделах 2.2–2.4²⁵², последовательно анализируя их философско-теологическую пропедевтику, философскую теологию и практическую философию. Наконец философская теология сводится Иоанном Филопоном к последовательному обоснованию радикального агностицизма, поскольку относительно Бога невозможно любое познание – философское, теологическое, религиозное, мистическое. «А о чем невозможно знать, о том нужно не знать»²⁵³.

В параграфе 2.5 «Философская теология полемических трактатов Иоанна Филопона позднего периода творчества»²⁵⁴ исследователь анализирует применение ареопагитизма для критики учений Прокла и Аристотеля о вечности мира, а также антиохийской школы. Опровергая Прокла, Филопон-Дионисий доказывает, что Причиной мира является Бог, Творец, акт Творения которого не лишает его способности «быть творцом». Аристотель критикуется за его учение о невидимости и неизменности эфира, который, в таком случае, просто не может быть материальным, а также теорию вечности мира. Относительно критики буквализма антиохийской картины мира, то ее углубленный анализ открывает новые перспективы для исследования Д. С. Морозовой в плане сравнительной характеристики гносеологической экологии Ареопагитик и наивных образов мироздания сирийцев²⁵⁵.

Третий раздел «Неоплатоническая онтология Максима Исповедника»²⁵⁶ исследует философско-теологическую систему указанного автора как наиболее развитую форму «выражения ортодоксии в византийском неоплатонизме». Анализируется учение Максима Исповедника о Боге, Его свойствах и деятельности. Мыслитель доказывает сочетание простоты Бога с разветвленной структурой «различий без разделений», а Его творческие действия, относящиеся к сущности Бога, осуществляются в соответствии с Разумом, который начинает действие, Логосом, который действует, и Жизнью, которая действие завершает²⁵⁷.

На основании эманационной триады космологии Прокла Максим Исповедник творит собственную метафизическую антропологию, добавляя к ней четвертый элемент: «пребывание» (бытия идей-логосов) – «выход» (акт Творения мира) – «возвращение» (совершенствование созданного в направлении совершенства) – «новое пребывание» (достижение совершенства и сверхъестественное соединение с Первопричиной). При этом третий этап «возвращения» является моментом выявления свободы воли созданного (вспомним отмеченное Ю. П. Черноморцем определение Иоанна Филопона о том, что «человек имеет собственное естественное стремление к Богу как Цели всего, но может собственной волей следовать этому стремлению или отклоняться от него»²⁵⁸) и это (должно быть) – «усвоение Божьих благодетелей, знаний и жизни, т. е. постепенное присвоение личностью содержания Божественного»²⁵⁹.

Наконец, рассматривая сущность человека, Максим описывает ее как иерархию пяти степеней, воплощаемую на уровне ощущений: ума (зрение), рассудка (слух), аффективности (обоняние), желания (вкус) и тела (осязание). Человеческое начало в антропологии мыслителя не является чисто умным и созерцательным, оно также рассудочное, волевое, страстное и телесное. Богообразность

присуща всем людям, богоподобие же достигается в результате их деятельности, которая является проявлением свободы воли²⁶⁰.

В четвертом разделе «Византийский неоплатонический эссенциализм конца VII – начала XIV веков»²⁶¹ говорится о возникновении и развитии в Византии неоплатонизма схоластического типа. Создателем его выступает Анастасий Синаит, а сам византийский эссенциализм отличается от латинской схоластики утверждением о невозможности познания Бога-Сущности. В параграфе 4.2 проанализированы эссенциализм Иоанна Дамаскина, учение которого о сущности, индивиде, сущностных и индивидуальных свойствах стало нормативным в VIII–XIII вв.: «Эссенциализм в теологии и логике вызывает господство эссенциализма в космологии и антропологии. Мир – это определенная Богом совокупность сущностно неизменных вещей и существ. Человек – это сущность, сотворенная Богом по образцу Его собственных сущностных свойств – разумности, свободы, способностей к творчеству и управлению материальным»²⁶².

В следующем параграфе 4.3²⁶³ рассмотрено длительное господство неоплатонического эссенциализма в системе византийского высшего образования IX–XIII вв., связанное с практикой церковного осуждения, как за теологические, так и за антропологические и космологические взгляды. Византийская схоластическая философия этого времени свелась к продуцированию перефраз из наиболее схоластических трудов античных неоплатоников.

Последний, пятый, раздел «Паламизм как особая форма византийского неоплатонизма»²⁶⁴ рассматривает три этапа эволюции паламизма как особой формы византийского неоплатонизма: 1) Неоареопагитизм Григория Паламы (параграф 5.1²⁶⁵) 2) Христианское проклианство Калиста Ангеликуда (параграф 5.2²⁶⁶), 3) Паламистская схоластика (параграф 5.3²⁶⁷). Эти этапы, как убедительно демонстрирует Ю. П. Черноморец, соответствуют трем рассмотренным ранее стадиям развития классического византийского неоплатонизма. Исследователь доказывает, что появление нового вида византийского неоплатонизма было вызвано потребностями апологии ортодоксии в богословских дискуссиях XIV в. и появлением у неоплатоников конкурентов – византийских платоников. С целью критики платонизма и католической теологии Григорий Палама строит антиметафизическую теологическую систему, которую можно сравнивать с антиметафизикой Ареопагитик.

Следующим вызовом для византийского неоплатонизма стал византийский томизм. Ответом на него стали произведения Калиста Ангеликуда «Против Фомы», в котором критикуется «Сумма против язычников» Фомы Аквинского, и трактат «О божественном единении», где под влиянием Максима Исповедника развиваются идеи Прокла. В последнем параграфе 5.3 «Паламистская схоластика второй половины XIV–XV вв.» проанализированы попытки преодолеть внутреннюю противоречивость паламизма как разновидности неоплатонизма путем придания ему формы схоластического учения по правилам силлогистики, что приводило к «отказу от неоплатонической концепции и переходу к христианскому аристотелизму» (Феофан Никейский, Марк Эфесский), признанию возможности познания сущности Бога в таинстве евхаристии (Николай Кавасила, Геннадий Схолярый), что подрывало основной постулат неоплатонизма

о принципиальной непознаваемости Божьей сущности и др.²⁶⁸ Геннадий Схолярый вообще предлагал возможность сочетать пламизм и томизм в пределах эссенциализма Иоанна Дамаскина.

В выводах²⁶⁹ подведены итоги исследования византийского неоплатонизма как целостной философской традиции, эволюцию которой можно представить следующим образом:

I. Первый круг эволюции:

1. Антиметафизическая философия сверхбытия Иоанна Филопона (отождествлен с Псевдо-Дионисием и, соответственно, является автором Ареопагитик).

2. Философия бытия Максима Исповедника.

3. Философия бытия византийских эссенциалистов VII – начала XIV в. (Анастасий Синаит, Иоанн Дамаскин, Фотий, Арефа, Михаил Пселл, Иоанн Итал, Никифор Влеммид и др.).

II. Паламизм как второй круг эволюции неоплатонизма (вторая половина XIV – XV в.)

1. Антиметафизичный неоареопагитизм Григория Паламы.

2. Христианское проклианство Калиста Ангеликуда.

3. Паламистская схоластика (Феофан Никейский, Николай Кавасила, Марк Эфесский, Геннадий Схолярый).

Последним по хронологии диссертационным исследованием этого обзора является защищенная 28 октября 2011 г. в Черновицком национальном университете имени Юрия Федьковича кандидатская диссертация *Александра Евгеньевича Вольфа «Контакты византийского населения Крыма с кочевниками Северного Причерноморья и восточными славянами в конце V – X вв.»*²⁷⁰. Начав обзор с историко-археологической диссертации А. В. Зинько о византийском Крыме, мы снова возвращаемся к этой же тематике.

Знакомство с авторефератом диссертационного исследования А. Е. Вольфа оставляет крайне противоречивые впечатления. Прежде всего, бросается в глаза геополитическая и историософская, если не почти эпическая широта темы в ее географических, хронологических и тематических рамках. Такая формулировка темы вполне органично смотрится как название сборника статей или тематически связанных между собой очерков; возможно, оно допустимо в обобщающей монографии, но для диссертации она представляется малопродуктивной. Тем более что речь идет не о докторской, а о кандидатской диссертации.

Указанное привлекает повышенное внимание к обоснованию актуальности темы исследования, его объекта и предмета, географических и хронологических границ. Прежде всего, актуальность подана крайне описательно, в ней, с одной стороны, приводятся общеизвестные факты и делаются вполне банальные выводы и предположения, а с другой – подаются как устоявшиеся положения исторической науки достаточно спорные утверждения о византийско-хазарской кондоминатной системе управления Крымом в VII–VIII вв. (Без ссылки, но, совершенно очевидно, вслед за С. Б. Сорочаном, который предложил эту гипотезу и является наиболее активным ее сторонником²⁷¹).

Спасает ситуацию с изложением актуальности исследования только последний ее абзац, а именно постановка проблемы о месте, роли, значении и функ-

циях кочевников Северного Причерноморья в контактах между византийскими городами Крыма и восточными славянами. Диссертант совершенно справедливо пишет по этому поводу: «Встал вопрос: они были препятствием, или в какие то моменты способствовали налаживанию контактов между восточными славянами и византийцами Крыма?»²⁷². Учитывая это верное утверждение, как представляется, можно было бы иначе и значительно более удачно сформулировать тему диссертации, определить ее цели, задачи, объект и предмет. Скажем, совершенно неуместным выглядит задача «охарактеризовать процесс становления и распространения византийской власти на южном и восточном побережье Крыма»²⁷³. Это отдельная проблема, которая нашла специальное освещение в ряде современных исследований, равно как и определение особенностей «взаимоотношений византийской администрации в Крыму с кочевыми народами Северного Причерноморья»²⁷⁴.

Особые замечания в этом контексте вызывает обоснование верхней границы хронологических рамок исследования привязкой к походу Владимира на Херсон²⁷⁵, хотя каким образом это событие принципиально могло изменить геополитическую систему отношений трех естественно-климатических, хозяйственно-культурных и геополитических зон Северного Причерноморья – морского побережья, степи и лесостепи – понять трудно.

Хорошо прописанными в автореферате представляются методы и научная новизна исследования²⁷⁶, которая позволяет надеяться на оригинальные самостоятельные выводы. Но здесь, надо признать, ожидания не оправдываются – ни один из десяти (!) пунктов выводов²⁷⁷ не содержит исследовательской новизны, о которой идет речь во введении. Достаточно сравнить такие утверждения: в разделе «Научная новизна полученных результатов»: «впервые классифицирована и описана приоритетная группа товаров, которая составляла основу торгового обмена между херсоно-готским, степными кочевниками и славянским населением» и «определены главные пути сообщения, которые связывали земли византийского Крыма с Великой Булгарией, Хазарским каганатом и Киевской Русью»²⁷⁸, с выводом о том, что «классификация обнаруженных артефактов позволяет определить главные направления торговых путей от Черного моря на север и в обратном направлении и выявить главные отрасли производства, которые развивались в византийском Крыму»²⁷⁹. Это позволяет убедиться, что в выводах диссертант ни называет состав приоритетной группы товаров, ни отмечает направлений торговых путей.

Выводы диссертационного исследования сводятся к банальному пересказу общеизвестных фактов, которые известны любому, кто достаточно внимательно прочитал хотя бы один качественный учебник по истории Украины для студентов высших учебных заведений. Скажем, что нового в утверждении: «Включение восточных славян в международную торговлю, прежде всего с Византийской империей и Арабским халифатом, способствовало их знакомству с мировыми религиями. Наконец, через контакты с византийским населением Крыма они выбрали христианство. Первую известную нам попытку принять христианскую религию совершил полулегендарный русский князь Бравлин, который находился на полуострове в конце VIII в.»²⁸⁰? И если ничего, то

зачем он включен в выводы диссертационного исследования отдельным седьмым пунктом?

Но, возможно, мы спешим с очень жесткой критикой, и соответствующая научная новизна все же содержится в основном тексте диссертации, а выводы просто неудачно сформулированы. К сожалению, текст автореферата не позволяет соответствующим образом верифицировать это предположение, вполне возможно, из-за ограниченности его объема.

Отдельно стоит отметить, что в историографическом обзоре²⁸¹ А. Е. Вольф, вспоминая ряд второстепенных для его проблематики фамилий исследователей (конкретные их работы, к сожалению, ни разу не названо), странным образом не уделяет внимания трудам, которые непосредственно посвящены тематике его диссертационного исследования. Это, прежде всего, диссертации А. В. Зинько²⁸², В. В. Кузовкова²⁸³, А. А. Тортики²⁸⁴, В. Е. Науменко²⁸⁵, О. В. Вуса²⁸⁶.

Удивительно, что в обзоре не названы также фамилии Ю. М. Могарычева и А. В. Сазанова²⁸⁷. Эти исследователи отстаивают собственное, во многом альтернативное видение как относительно позиции А. И. Айбабина, так и концепции С. Б. Сорочана о византийско-хазарском кондоминиуме византийских владений в Крыму в контексте их контактов с кочевниками Северного Причерноморья. Если отсутствие таких упоминаний объясняется ограниченным объемом автореферата, то зачем тогда вспоминать о Н. М. Карамзине, В. О. Ключевском, М. С. Грушевском, Д. И. Багалее, И. П. Крипьякевиче и других исследователях, которые преимущественно косвенно касались проблематики диссертационного исследования в обобщающих трудах по истории России или Украины?

Особенно показательным выглядит на этом фоне упоминание о том, что русско-византийские договоры X в. «основательно изучили» Ф. И. Успенский, М. С. Грушевский, И. П. Крипьякевич и А. Н. Сахаров²⁸⁸. Почему здесь проигнорированы десятки фамилий других историков, которые исследовали соглашения между Византией и Русью, понять невозможно, тем более, что среди этих неназванных фамилий минимум полтора десятка тех, чей вклад в исследование договоров значительно весомее, чем у каждого из названных четырех исследователей, включая А. Н. Сахарова.

В целом же историографический обзор в том виде, в котором он подан в автореферате, полностью описателен, лишен проблемности и упоминаний о конкретных исследованиях. Он едва ли дает читателю возможность оценить степень изученности заданной в диссертации проблематики в трудах предшественников А. Е. Вольфа.

Так же поверхностной, и, к тому же, не лишенной досадных мелких ошибок, является и характеристика источниковой базы исследования. Так, например, историческое произведение Иоанна Скилицы называется «Обозрение истории», а не «Хроника мира»²⁸⁹. Не осуществлена классификация источников с учетом их информативности и достоверности относительно поднятых в диссертационном исследовании вопросов. Но едва ли не самая большая проблема источниковедческого обзора – это крайне беглое упоминание об археологических источниках. Исследование такой сложной темы потребовало от диссертанта работы

не только с изданиями Г. Ф. Корзухиной, В. В. Кропоткина, каталогом выставки «Византийский Херсон» и публикациями о результатах раскопок и отдельных находок вещей²⁹⁰, но и фронтальной обработке отчетов многочисленных археологических экспедиций из Научного архива Института археологии НАН Украины. Если это было осуществлено, то почему об этом не сказано в автореферате? И, к тому же, использование археологических источников для построения общеисторических реконструкций всегда было методологически сложной задачей, справиться с которой нередко бывает крайне сложно даже специалистам-археологам, которые имеют многолетний опыт работы. О методах работы с археологическими материалами А. Е. Вольфу следовало бы написать отдельно во вступлении, в пункте «Методы исследования»²⁹¹. Показательно, наконец, отсутствие упоминания о фундаментальном археологическом издании, которое четко отвечает по своим хронологическим и географическим границам теме диссертации: «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века»²⁹².

Второй раздел диссертационного исследования «Владения Византийской империи в Крыму во времена императора Зенона и его преемников», судя по автореферату²⁹³, мало отягощен научной новизной, и в обобщенном структурированном виде пересказывает общеизвестные выводы многих работ по истории византийского Крыма. Значительно более интересным представляется третий раздел «Крым в отношениях Византии с Хазарским каганатом и восточными славянами»²⁹⁴, и, видимо, не случайно именно для него в автореферате выделен наибольший объем. Правда, и этот раздел также вызывает ряд замечаний. Это и уже упоминавшееся ранее некритическое восприятие спорной концепции С. Б. Сорочана, в известной степени развитой В. Е. Науменко об установлении в Крыму кондоминиума, т. е. общей системы византийско-хазарского управления. Это также и давний тезис о бегстве в Византийскую Таврику иконопочитателей, спасавшихся от политики императоров-иконоборцев, и объяснение именно этой причиной восстания Иоанна Готского (уже упоминавшаяся монография Ю. М. Могаричева, А. В. Сазанова и их соавторов²⁹⁵ осталась А. Е. Вольфу неизвестной). Это, наконец, и проблема сооружения крепости Саркел и основания фемы Климата, каждая из которых имеет отдельную весомую историографическую традицию изучения, которая, подозреваем, далеко не в полной мере учтена диссертантом. Например, датировка сооружения Саркела именно 839 г., как указано в тексте автореферата, равно как и создание «Херсонской фемы (около 840 г.)»²⁹⁶ по меньшей мере, спорны²⁹⁷. Вместе с тем, наряду, с одной стороны, с изложением общеизвестных фактов из истории экономической жизни населения византийской части Крыма, а с другой – малообоснованными предположениями, раздел содержит и достаточно ценные обобщающие наблюдения.

Наконец, четвертый раздел «Экономические связи крымских ромеев с восточными славянами в период раннего средневековья»²⁹⁸ содержит достаточно профессиональную обобщающую характеристику экономических контактов населения исследуемого макрорегиона. Однако при этом одно из главных вынесенных в новизну утверждений все же остается недостаточно освещенным.

Речь идет о «весомой роли кочевых племен и кочевников раннегосударственных образований в установлении и подъеме торгового обмена между крымскими городами и населением Среднего Поднепровья»²⁹⁹. К сожалению, в исследовании недостаточно показано, каким образом, какими способами эта «весомая роль» воплощалась в жизнь на практике. С другой стороны, не вызывает никаких возражений почти хрестоматийно сформулированный вывод А. Е. Вольфа о том, что «с консолидацией восточного славянства и, особенно, с образованием Киевского государства, указанные контакты значительно расширились и постепенно стали непосредственными, с одной стороны, за счет военно-политической активности русских князей в Северном Причерноморье и, с другой, – вследствие усиления культурных влияний Византии на Русь, в чем значительную роль играли города византийского Крыма, прежде всего Херсон»³⁰⁰.

Завершая обзор, должны назвать еще несколько диссертационных исследований, которые могут быть интересны с точки зрения византистики. Поскольку они выходят за пределы этой дисциплины, и их анализ находится за рамками совершенного нами обзора, ограничимся краткой упоминанием.

12 мая 2009 в Львовском национальном университете имени Ивана Франко состоялась защита диссертации *Игоря Евгеньевича Шника «Болгарско-украинские религиозно-культурные связи (последняя четверть XIV – первая половина XVI в.)»*³⁰¹, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Важным контекстом исследования является взаимодействие культур украинского и болгарского народов в цивилизационно-культурном поле, в частности, в плане общей рецепции византийского наследия, поскольку как Болгария, так и Украина находились в сфере влияния одного цивилизационного центра – Византийской империи. Важную роль в сохранении византийского наследия во времена упадка и падения империи играла именно Болгария – ближайшая географически к имперским владениям страна, которая благодаря этому стала для других земель посредником в религиозно-культурных контактах с Византией и ретранслятором культурного наследия империи после ее гибели.

16 октября 2009 г. в Днепропетровском национальном университете имени Олеся Гончара состоялась защита кандидатской диссертации по философии *«Этико-сотериологическая концепция эроса в православной религиозно-философской традиции» Александра Михайловича Шаталовича*³⁰². В исследовании автор, в частности, осуществил классификацию понятия «эрос» на материалах византийской православной традиции по трем признакам. По признаку природы существуют сверхъестественный (Божественный) и естественный (человеческий, который делится на естественно-духовный и естественно-телесный) Эрос. По признаку добродетели выделены первоначальный (духовный до соединения с Богом и телесный к созданию первого супружества) и искаженный (тяготение к земным благам). Наиболее детализированной является классификация по признаку направленности: «духовный эрос (стремление души к Богу, характеризующееся недопустимостью телесных проявлений эроса), душевный эрос (стремление к красоте души другого человека без телесных проявлений похоти), духовно-телесный эрос (стремление супругов к Богу в духовно-телесном соединении), душевно-телесный эрос (влечение супругов к душевно-телесному еди-

нению, характеризующееся доминирующим стремлением к душевной красоте, без акцента на сотериологических составляющих), умеренно-чувственный эрос (стремление супругов к телесному соитанию в браке для погашения развратной похоти), похотливо-чувственный эрос (развратное и губительное стремление к телесной красоте и наслаждению, соотносится с сатанинской страстью)»³⁰³.

4 декабря 2009 г. в Таврическом национальном университете имени В. И. Вернадского состоялась защита диссертации *Дмитрия Евгеньевича Музы «Социокультурная идентичность восточнохристианской цивилизации в контексте глобальных трансформаций»*³⁰⁴, представленной на соискание ученой степени доктора философских наук. Работа интересна для византистов как исследованием бытования «Византии после Византии», сохранения и трансляции византийской цивилизационной традиции после гибели империи и ее роли в современном мире, так и представлением современного философского осмысления византийской и, главное, пост-византийской христианской цивилизации. Говоря о восточнохристианском мире, как одном из «проектировщиков» Истории, диссертант, вслед за С. С. Аверинцевым, отмечает, что «православное творческое задание включало в свой состав два момента: «быть миром миров» и «быть под знаком истинной веры», и доказывает, что «именно эта задача была инвариантом в исторической жизни восточнохристианской цивилизации в пост-византийскую эпоху»³⁰⁵.

* * *

Подводя некоторые итоги анализа состояния современного украинского византиноведения на основании обзора диссертационных исследований, защищенных в 2009–2011 гг., стоит обратить внимание на профессиональную разноплановость и расширение исследовательской географии отечественной византистики. В то же время приходится констатировать отсутствие общего профессионального поля, определенной платформы, которая объединяла бы украинских византистов, прежде всего специализированного византистического журнала и активно действующего Украинского национального комитета византистов. Они должны взять на себя прежде всего информационно-организационную функцию по формированию библиографии (как общей базы данных, так и текущих публикаций) украинской византистики, обеспечению аннотирования и рецензирования новейших отечественных научных работ в этой области, распространению информации о защите диссертаций по византистике среди специалистов, информированию мирового сообщества об исследованиях украинских ученых т. д.

¹ Iorga N. Byzance après Byzance: Continuation de l'histoire de la vie byzantine. – Bucarest, 1935.

² Яковенко Н. Вступ до історії. – К., 2007; Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Вид. третє, перероблене та розширене. – К. 2006.

³ Наталя Яковенко: «Підручник української історії залишається bastіоном ура-патріотизму» (Ганна ТРЕГУБ) // День. Щоденна всеукраїнська газета. – № 215–216, п'ятниця, 25 листопада 2011. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.day.kiev.ua/219618> Доступ: 1.12.2011.

- ⁴ Наталя Яковенко про візантиністику в Україні [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://byzantina.wordpress.com/2011/11/25/news-265/> Доступ: 1.12.2011.
- ⁵ Поїхав по стипендії за кордон – залишився без роботи [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.civica.org/news/print.html?q=1599632> Доступ: 1.12.2011.
- ⁶ *См. також:* Катерина Ковальчук про візантиністику в Україні [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://byzantina.wordpress.com/2011/04/22/news-39/> Доступ: 1.12.2011.
- ⁷ Захист дисертацій // Василевс. Українська візантиністика. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://byzantina.wordpress.com/disser/> Доступ: 1.12.2011.
- ⁸ *Домановский А. Н.* Диссертации по византистике, защищенные в Украине в 2007–2009 гг. (краткий обзор) // Мир Византии. Проблемы истории Церкви, армии и общества / Отв. ред. Н. Д. Барабанов, С. Н. Малахов. – Армавир; Волгоград, 2011. – С. 220–267; *Его же.* Проблемы византистики у диссертационных исследованиях, защищенных в Украине у 2007–2009 гг. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – № 939. – Серія: Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки. – Вип. 14. – С. 70–90.
- ⁹ *См.: Домановський А. М.* Проблеми візантиністики у дисертаційних дослідженнях, захищених в Україні у 2007–2009 рр. – С. 71–72.
- ¹⁰ Сходознавство і візантологія в Україні в іменах: біобібліогр. слов. / упоряд.: Е. Г. Циганкова, Ю. М. Кочубей, О. Д. Василюк; редкол.: Матвеева Л. В. (голов. ред.) [та ін.]. – К., 2011.
- ¹¹ *Файда О., Домановський А.* Візантинізнавство на українських теренах: від ХІХ ст. до сучасності // *Войтович Л. В., Домановський А. М., Козак Н. Б., Лило І. М., Мельник М. М., Сорочан С. Б., Файда О. В.* Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. – Львів, 2011. – С. 631–632.
- ¹² *Домановський А. Н., Сорочан С. Б.* Харьковская византистика: истоки, история, перспективы // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византистов. – М., 2011. – С. 90–96.
- ¹³ *Гончаревський В. Е.* Цивілізаційний підхід до історії: сучасний український досвід (1991–2009). – К., 2011.
- ¹⁴ *Там же.* – С. 115–116.
- ¹⁵ *Там же.* – С. 116.
- ¹⁶ *Балух В. О.* Візантиністика: Курс лекцій / В. О. Балух. – Чернівці, 2006.
- ¹⁷ *См.: Сорочан С. Б., Домановський А. М.* Барвисті брязкальця української візантиністики: «варварські» наслідування в очікуванні на варварів? // Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник. – Вип. 9–10: Patria. – Харків, 2008. – С. 335–371.
- ¹⁸ *Гончаревський В. Е.* Цивілізаційний підхід до історії. – С. 119.
- ¹⁹ *Там же.* – С. 157–158.
- ²⁰ *Віднянський С. В.* Стан, проблеми та перспективи досліджень зі всесвітньої історії в Україні // Український історичний журнал. – 2010. – № 5. – С. 173; *см. також: Віднянський С. В.* Стан і перспективи наукових досліджень із всесвітньої історії в Україні (Наукова доповідь на засіданні Вченої ради Інституту історії України НАН України 27 травня 2010 р.) // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. – К., 2010. – № 19. – С. 312.
- ²¹ *Грицак Я.* Українська історіографія. 1991–2001: Десятиліття змін // Україна модерна. – К.; Львів, 2005. – С. 50.
- ²² *Віднянський С. В.* Стан, проблеми та перспективи досліджень зі всесвітньої історії в Україні. – С. 166; *см. також: Віднянський С. В.* Стан і перспективи наукових досліджень із всесвітньої історії в Україні (Наукова доповідь на засіданні Вченої ради Інституту історії України НАН України 27 травня 2010 р.) – С. 303.
- ²³ *Віднянський С. В.* Стан, проблеми та перспективи досліджень зі всесвітньої історії в Україні. – С. 173; *см. також: Віднянський С. В.* Стан і перспективи наукових досліджень із всесвітньої історії в Україні (Наукова доповідь на засіданні Вченої ради Інституту історії України НАН України 27 травня 2010 р.) – С. 312.
- ²⁴ *Файда О., Домановський А.* Візантинізнавство на українських теренах: від ХІХ ст. до сучасності. – С. 631–633.
- ²⁵ *Домановский А. Н., Файда О. В.* Международный симпозиум «Номо Byzantinus среди идей и вещей» (Харьков, 1 июля 2010 г.) // Древности 2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 2011. – С. 390–398; *Их же.* Проблемы византиноведения в современной Украине (Харьков, 25–27 октября 2007 г.) // ВВ. – 2010. – Т. 69 (94). – С. 391–392;

Их же. Міжнародний симпозіум «Homo Byzantinus серед ідей та речей» // УІЖ. – 2011. – № 1. – С. 222–228.

²⁶ *Зінько О. В.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2009. – 18 с.

²⁷ *Там же.* – С. 3.

²⁸ *Там же.* – С. 6.

²⁹ *Там же.* – С. 6–7.

³⁰ *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – 352 с.

³¹ *Зінько О. В.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.): Автореф. дис. – С. 7–8.

³² *Там же.* – С. 8–9.

³³ *Там же.* – С. 8.

³⁴ *Рейда Р. М.* «Готські» війни та античні держави Північного Надчорномор'я: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2009. – С. 10.

³⁵ *Зінько О. В.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.): Автореф. дис. – С. 9.

³⁶ *Там же.* – С. 9–10.

³⁷ *Там же.* – С. 10.

³⁸ *Там же.* – С. 10–12.

³⁹ *Храпунов М. И.* 3 приводу входження Боспору до складу Візантії // Археологія. – 2005. – № 1. – С. 29–36; *Его же.* О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // *Vita antiqua.* – 2003. – № 5–6. – С. 171–178; *Его же.* О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: Сб. науч. матер. III Боспорских чтений, Керчь, 20–23 мая 2002 г. – Керчь, 2002. – С. 253–254.

⁴⁰ *Зінько О. В.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.): Автореф. дис. – С. 10.

⁴¹ *См.: Болгов Н. Н.* Боспор Византийский: очерки истории // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. 6. – М.; Магнитогорск, 1998. – С. 116–123; *Его же.* К проблеме локальных территориально-хозяйственных комплексов позднего Боспора (Китей IV–V вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. 3. – Ч. 1. – М.; Магнитогорск, 1996. – С. 82–87; *Его же.* Крымское Приазовье – локальная микрizona позднего Боспора (конец III – VI вв.) // Археологія. – 1999. – № 1. – С. 173–177; *Его же.* Локальный территориально-хозяйственный комплекс (Китей и его округа в IV–VI вв.) / Н. Н. Болгов // Древности 2004. – Харьков, 2004. – С. 179–184; *Его же.* Между империей и варварами: финал античности на Боспоре // Україна в Центрально-Східній Європі. – Вип. 4. – К., 2004. – С. 39–76; *Его же.* О характере отношений Боспора с гуннами в IV–VI вв. // Боспор и античный мир. Сборник научных трудов в честь проф. Е. А. Молева. – Нижний Новгород, 1997. – С. 21–29; *Его же.* Позднеантичный Боспор как этноконтактная зона // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. – Керчь, 2001. – С. 6–10; *Его же.* Позднеантичный Боспор: между античностью и средневековьем // Вопросы истории. – 2004. – № 2. – С. 29–40; *Его же.* Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. – Белгород, 2002; *Его же.* Территориально-хозяйственные микрзоны на Боспоре (дескриптивный обзор) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – СПб., 2001. – С. 235–241.

⁴² *Зінько О. В.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.): Автореф. дис. – С. 10–11.

⁴³ *Там же.* – С. 12.

⁴⁴ *Там же.* – С. 12–13.

⁴⁵ *Там же.* – С. 13.

⁴⁶ *Чеканов В. Ю.* Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2009. – 18 с.

⁴⁷ *Файда О. В.* Візантиністика в Київській Духовній Академії в 1819–1919 рр.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Львів, 2006.

⁴⁸ *Чеканов В. Ю.* Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. – С. 1.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Файда О. В. Візантиністика в Київській Духовній Академії в 1819–1919 рр.: Автореф. – С. 1–2.

⁵¹ Чеканов В. Ю. Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. – С. 1–2.

⁵² Чеканов В. Візантиністика в Київському університеті в другій половині XIX – на початку XX ст.: «недорозвинена школа» чи «окремий варіант розвитку»? // Історіографічні дослідження в Україні. – К., 2011. – Вип. 21. – С. 46–55.

⁵³ Чеканов В. Ю. Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. – С. 2–3.

⁵⁴ Там же. – С. 5–7.

⁵⁵ Там же. – С. 4–5.

⁵⁶ Коцур А. П., Коцур В. П. Історіографія історії України: Курс лекцій. Навчальний посібник. – К., 1996.

⁵⁷ Коцур А. П., Коцур В. П. Історіографія історії України: Курс лекцій: Навч. посіб. для студ. іст. спец. Вузів. – Чернівці, 1999. – 519 с.; см. рецензію: Ричка В. За ким б'ють у «литаври»? // Український гуманітарний огляд. – 2000. – Вип. 4. – С. 138–142.

⁵⁸ Щербань Т. О. Візантійсько-слов'янські відносини XIV століття у висвітленні професора Т. Д. Флоринського // Східний світ. – 2002. – № 1. – С. 18–31; *Ее же*. Тимофій Дмитрович Флоринський. – К., 2004.

⁵⁹ Лиман С. И., Сорочан С. Б. История Византии в творчестве киевского профессора Ф. А. Терновского (1838–1884 гг.) // Мир Византии. Материалы междунаро. науч. семинара. – Белгород, 2007. – С. 182–193; *Их же*. Ф. А. Терновский (1838–1884) – исследователь истории Византии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: История. Политология. Экономика. – 2007. – № 1(32). – С. 11–19.

⁶⁰ Матвеева Л. Юлиан Кулаковский. – К., 2002.

⁶¹ Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византистики в России. – 2-е изд., перераб., исправ. и доп. – СПб., 2004; см. *также рецензію на обе эти работы*: Домановський А. М. Два обличчя Юліана Кулаковського // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. – Харків, 2005. – Т. 11. – С. 331–345.

⁶² Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византистики в России. – К., 1999.

⁶³ Чеканов В. Ю. Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. – С. 6–7.

⁶⁴ Терновский Ф. Изучение византийской истории и её тенденциозное приложение в Древней Руси. – Киев, 1875.

⁶⁵ Чеканов В. Ю. Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. – С. 8–9.

⁶⁶ Там же. – С. 9–11.

⁶⁷ Там же. – С. 10.

⁶⁸ Там же. – С. 12–13.

⁶⁹ Там же. – С. 11.

⁷⁰ Там же. – С. 12; Чеканов В. Візантиністика в Київському університеті в другій половині XIX – на початку XX ст.: «недорозвинена школа» чи «окремий варіант розвитку»? – С. 49–50.

⁷¹ Яковенко Н. Вступ до історії / Н. Яковенко. – К., 2007. – С. 162–163.

⁷² Чеканов В. Ю. Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. – С. 12.

⁷³ Там же. – С. 13–14.

⁷⁴ Чеканов В. Візантиністика в Київському університеті в другій половині XIX – на початку XX ст.: «недорозвинена школа» чи «окремий варіант розвитку»?

⁷⁵ Чеканов В. Ю. Візантиністика в Київському університеті Св. Володимира (друга половина XIX – початок XX ст.): Автореф. – С. 14.

⁷⁶ Там же; Чеканов В. Візантиністика в Київському університеті в другій половині XIX – на початку XX ст.: «недорозвинена школа» чи «окремий варіант розвитку»? – С. 52–53.

⁷⁷ Лиман С. І. Середньовічні цивілізації Західної, Центральної та Південно-Східної Європи: досвід досліджень в українських землях Російської імперії (1804 – перша половина 1880-х рр.): Автореф. дис. ... докт. іст. наук. – Харків, 2010. – 36 с.; см. *также монографію, подготовленную*

на основе диссертации: Лиман С. И. Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). – Харьков, 2009.

⁷⁸ Лиман С. И. Середньовічні цивілізації Західної, Центральної та Південно-Східної Європи. – С. 25.

⁷⁹ Лиман С. И., Сорочан С. Б. Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804–1885 гг.) // Східний світ. – 2006. – № 1. – С. 71–86; *Их же*. Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804–1917) // Дриновський збірник. – Т. 2. – Харків; Софія, 2008. – С. 51–68; *Их же*. Византия в трудах историков Новороссийского (Одесского) университета (середина 60-х – первая половина 80-х гг. XIX в.) // Дриновський збірник. – Х.; Софія, 2009. – Т. 3. – С. 308–326; *Их же*. Византия в трудах историков украинских земель Российской империи в 1804–1874 гг. // Stratum plus. – СПб., Кишенёв; Бухарест; Одесса, 2003–2004. – Вып. 5: Мастера средневековья. – С. 485–508; *Их же*. Византия в трудах историков украинских земель Российской империи в 1874–1885 гг. // Stratum plus. – СПб.; Кишенёв; Одесса; Бухарест, 2005–2009. – Вып. 5. – С. 500–523; *Их же*. Виктор Иванович Григорович как византист: херсонско-одесский период его научно-педагогической деятельности (1864–1876) // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2009. – № 852. – Серія: Історія. – С. 293–303; *Их же*. Деятельность императора Юстиниана I в оценках исследователей украинских земель Российской империи (1804–1885) // Власть, общество и церковь в Византии: сб. науч. статей. – Армавир, 2007. – С. 239–257; *Их же*. История Византии в творчестве киевского профессора Ф. А. Терновского (1838–1884 гг.) // Мир Византии. Материалы международ. науч. семинара. – Белгород, 2007. – С. 182–193; *Их же*. История изучения Византии в южных губерниях Российской империи (1804–1874 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. – М., 2007. – Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – Вып. 4 (21). – С. 7–52; *Их же*. Харьковский период научно-педагогической деятельности Александра Петровича Зернина (1821–1866) // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2007. – № 762. – Серія: Історія. – С. 239–251; *Их же*. Візантія і Русь у працях істориків українських земель Російської імперії в 1804–1874 гг. // Слов'янські обрії. – Вып. 1. – К., 2006. – С. 471–478.

⁸⁰ Лиман С. И. Середньовічні цивілізації Західної, Центральної та Південно-Східної Європи. – С. 23–24.

⁸¹ Лиман С. И. Идеи в латах: Запад или Восток? – С. 439–461.

⁸² Там же. – С. 461–512.

⁸³ Лиман С. И. Середньовічні цивілізації Західної, Центральної та Південно-Східної Європи. – С. 23–24.

⁸⁴ Там же. – С. 24.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Чеканов В. Византистика в Київському університеті в другій половині XIX – на початку XX ст.: «недорозвинена школа» чи «окремий варіант розвитку»? – С. 53.

⁸⁷ Там же. – С. 53–54.

⁸⁸ Там же. – С. 53.

⁸⁹ См.: Домановський А. Н., Сорочан С. Б. Харьковская византистика: истоки, история, перспективы. – С. 93–94.

⁹⁰ Домановський А. М. Сторінка з історії харківської візантиністики (про спробу перекладу «Книги Епарха» в Харківському університеті) // Проблеми періодизації історії та історіографічного процесу: Харківський історіографічний збірник. – Харків, 2002. – С. 101–106.

⁹¹ Домановський А. Н., Сорочан С. Б. Харьковская византистика: истоки, история, перспективы. – С. 94–95; Домановська М. С. Василь Карлович Надлер (1840–1894) як візантиніст // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2011. – № 939. – Серія: Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки. – Вып. 14. – С. 40.

⁹² Фомін М. В. Поховальна традиція та обряд у візантійському Херсоні (IV–X ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Харків, 2010. – 20 с.; *см. также монографию, подготовленную на основе диссертации: Фомин М. В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.) / М. В. Фомин. – Харьков, 2011. – 290 с.*

⁹³ Фомін М. В. Поховальна традиція та обряд у візантійському Херсоні (IV–X ст.): Автореф. – с. 5; *Его же*. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). – С. 29.

⁹⁴ Сорочан С. Б. Гробничное дело в византийском Херсоне (VI–X вв.) // Боспорские исследования. – Симферополь, 2005. – Вып. 9. – С. 159–211.

- ⁹⁵ *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. – С. 1031–1095.
- ⁹⁶ *Фомін М. В.* Поховальна традиція та обряд у візантійському Херсоні (IV–X ст.): Автореф. – С. 1.
- ⁹⁷ *Там же.* – С. 4–7.
- ⁹⁸ *Там же.* – С. 4–6.
- ⁹⁹ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1959. – № 63.
- ¹⁰⁰ Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003.
- ¹⁰¹ *Там же.* – С. 24, 25, 51.
- ¹⁰² *Латишева О. В.* Християнська церква та релігійне життя у візантійському Херсоні (VI–X ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Харків, 2009. – 24 с.; *Домановський А. М.* Проблеми візантиністики у дисертаційних дослідженнях, захищених в Україні у 2007–2009 рр. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – № 939. – Серія: Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки. – Вип. 14. – С. 83–85.
- ¹⁰³ *Фомін М. В.* Поховальна традиція та обряд у візантійському Херсоні (IV–X ст.): Автореф. – С. 6–7.
- ¹⁰⁴ *Фомін М. В.* Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). – С. 29–37.
- ¹⁰⁵ *Фомін М. В.* Поховальна традиція та обряд у візантійському Херсоні (IV–X ст.): Автореф. – С. 7–10.
- ¹⁰⁶ *Там же.* – С. 8–9.
- ¹⁰⁷ *Там же.* – С. 9.
- ¹⁰⁸ *Там же.* – С. 9–10.
- ¹⁰⁹ *Там же.* – С. 10–12.
- ¹¹⁰ Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. – С. 64–67, 82–86.
- ¹¹¹ *Фомін М. В.* Поховальна традиція та обряд у візантійському Херсоні (IV–X ст.): Автореф. – С. 11.
- ¹¹² *Там же.* – С. 10.
- ¹¹³ *Там же.* – С. 11.
- ¹¹⁴ *Там же.* – С. 13.
- ¹¹⁵ *Там же.* – С. 12.
- ¹¹⁶ *Там же.* – С. 13.
- ¹¹⁷ *Хапаєв В. В.* Візантійський Херсон у другій половині X – першій половині XI ст.: проблема руйнування міста: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Дніпропетровськ, 2010. – 20 с.
- ¹¹⁸ *Там же.* – С. 7–9.
- ¹¹⁹ *Там же.* – С. 1.
- ¹²⁰ *Там же.* – С. 4–7.
- ¹²¹ *Там же.* – С. 9–10.
- ¹²² *Там же.* – С. 10–12.
- ¹²³ *Там же.* – С. 10.
- ¹²⁴ *Там же.* – С. 11.
- ¹²⁵ *Там же.* – С. 11–12.
- ¹²⁶ *Там же.* – С. 12–15.
- ¹²⁷ *Там же.* – С. 15.
- ¹²⁸ *Там же.* – С. 12.
- ¹²⁹ *Там же.* – С. 13–15,
- ¹³⁰ *Там же.* – С. 14.
- ¹³¹ *Там же.*
- ¹³² *Там же.* – С. 3, 11–12.
- ¹³³ *Там же.* – С. 14–16.
- ¹³⁴ *Там же.* – С. 4.
- ¹³⁵ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Чернівці, 2010. – 20 с.
- ¹³⁶ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Одеса, 2008. – 15 с.; *Доманов-*

ський А. М. Проблеми візантиністики у дисертаційних дослідженнях, захищених в Україні у 2007–2009 рр. – С. 76–78.

¹³⁷ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 1.

¹³⁸ *Там же.*

¹³⁹ *Там же.*

¹⁴⁰ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 1.

¹⁴¹ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 10; *см. так же: Луговий О. М.* Підрозділи Рос та Варангів у відносинах Візантії та Русі в X–XI ст. // Дриновський збірник. – Т. 3. – Харків; Софія, 2009. – С. 366–367.

¹⁴² *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 14.

¹⁴³ *Там же.* – С. 1.

¹⁴⁴ *Там же.*

¹⁴⁵ *Там же.*

¹⁴⁶ *Там же.* – С. 2–4.

¹⁴⁷ *Там же.* – С. 5–8.

¹⁴⁸ *Там же.* – С. 5–7.

¹⁴⁹ *Там же.* – С. 6.

¹⁵⁰ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 6.

¹⁵¹ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 5.

¹⁵² *Там же.* – С. 7–8.

¹⁵³ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 4.

¹⁵⁴ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 8.

¹⁵⁵ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 4.

¹⁵⁶ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 7.

¹⁵⁷ *Там же.* – С. 8–10.

¹⁵⁸ *Там же.* – С. 9.

¹⁵⁹ *Там же.*

¹⁶⁰ *Там же.*

¹⁶¹ *Там же.* – С. 10.

¹⁶² *Там же.*

¹⁶³ *Там же.* – С. 10–12.

¹⁶⁴ *Там же.* – С. 11.

¹⁶⁵ *Там же.* – С. 12.

¹⁶⁶ *Там же.* – С. 12–13.

¹⁶⁷ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 9–10.

¹⁶⁸ *Там же.* – С. 9.

¹⁶⁹ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 12.

¹⁷⁰ *Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 11.

¹⁷¹ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 13; *ср.: Луговий О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту. – С. 10.

¹⁷² *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 13–16.

¹⁷³ *Филипчук О. М.* Руси серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники. – С. 7, 14.

¹⁷⁴ Пуховець Д. С. Внутрішньополітична діяльність Константина Великого (306–337 рр.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2010. – 18 с.

¹⁷⁵ Там же. – С. 1.

¹⁷⁶ Там же. – С. 4–7.

¹⁷⁷ Там же. – С. 7.

¹⁷⁸ См.: там же. – С. 2.

¹⁷⁹ Там же. – С. 4–7.

¹⁸⁰ Там же. – С. 8–9.

¹⁸¹ Там же. – С. 9.

¹⁸² Там же. – С. 9–11.

¹⁸³ Там же. – С. 10.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же. – С. 11.

¹⁸⁷ Там же. – С. 11–13.

¹⁸⁸ Там же. – С. 12.

¹⁸⁹ Там же. – С. 13–14.

¹⁹⁰ Там же. – С. 14.

¹⁹¹ Там же. – С. 2–3.

¹⁹² Морозова Д. С. Тема людини та довкілля у візантійській аскетичній традиції: Автореф. дис. ... канд. культурології. – К., 2010. – 19 с.

¹⁹³ Там же. – С. 1–2.

¹⁹⁴ Там же. – С. 1.

¹⁹⁵ Там же. – С. 4–6.

¹⁹⁶ Там же. – С. 4.

¹⁹⁷ Там же. – С. 5–6.

¹⁹⁸ Там же. – С. 5.

¹⁹⁹ Там же. – С. 6.

²⁰⁰ Там же. – С. 6–8.

²⁰¹ Там же. – С. 6–7.

²⁰² Там же. – С. 6.

²⁰³ Там же. – С. 7.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. – С. 7–8.

²⁰⁶ Там же. – С. 8.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же. – С. 9–11.

²⁰⁹ Там же. – С. 9.

²¹⁰ Там же. – С. 9–10.

²¹¹ Там же. – С. 10.

²¹² Там же. – С. 10–11.

²¹³ Чорноморець Ю. П. Еволюція візантійського неоплатонізму: Автореф. дис. ... докт. філософ. наук. – К., 2011. – С. 8–9.

²¹⁴ Морозова Д. С. Тема людини та довкілля у візантійській аскетичній традиції: Автореф. – С. 11.

²¹⁵ Там же. – С. 11–14.

²¹⁶ Там же. – С. 12.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же. – С. 11–12.

²¹⁹ Там же. – С. 12–13.

²²⁰ Там же. – С. 13.

²²¹ Там же.

²²² Там же.

²²³ Там же. – С. 14–15.

²²⁴ Там же. – С. 15, см. также: с. 4.

- ²²⁵ *Мінець Ю. О.* Творчість Палладія Еленопольського в контексті формування ідеалів християнського життя: історико-соціальний аспект: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2010. – 20 с.
- ²²⁶ *Там же.* – С. 1.
- ²²⁷ *Там же.* – С. 4–5.
- ²²⁸ *Там же.* – С. 5–7.
- ²²⁹ *Там же.* – С. 6.
- ²³⁰ *Там же.* – С. 7.
- ²³¹ *Там же.* – С. 7–10.
- ²³² *Там же.* – С. 7.
- ²³³ *Там же.* – С. 8.
- ²³⁴ *Там же.* – С. 9.
- ²³⁵ *Там же.* – С. 10.
- ²³⁶ *Там же.* – С. 10–14.
- ²³⁷ *Там же.* – С. 10–11.
- ²³⁸ *Там же.* – С. 11–12.
- ²³⁹ *Там же.* – С. 12.
- ²⁴⁰ *Там же.* – С. 13–14.
- ²⁴¹ *Там же.* – С. 14–16.
- ²⁴² *Там же.* – С. 3.
- ²⁴³ *Чорноморець Ю. П.* Еволюція візантійського неоплатонізму: Автореф. дис. ... докт. філософ. наук. – К., 2011. – 24 с.; *см. также монографию, подготовленную на основе диссертации: Чорноморець Ю. П.* Візантійський неоплатонізм від Діонісія Ареопажита до Геннадія Схолярія. – К., 2010.
- ²⁴⁴ *Чорноморець Ю. П.* Еволюція візантійського неоплатонізму: Автореф. – С. 1.
- ²⁴⁵ *Там же.* – С. 3.
- ²⁴⁶ *Там же.* – С. 7–10.
- ²⁴⁷ *Там же.* – С. 7–8.
- ²⁴⁸ *Там же.* – С. 8.
- ²⁴⁹ *Там же.* – С. 10–13.
- ²⁵⁰ *Там же.* – С. 8–9.
- ²⁵¹ *Там же.* – С. 10–11.
- ²⁵² *Там же.* – С. 11–12.
- ²⁵³ *Там же.* – С. 12.
- ²⁵⁴ *Там же.* – С. 12–13.
- ²⁵⁵ *Морозова Д. С.* Тема людини та довкілля у візантійській аскетичній традиції: Автореф. – С. 6–8, 10–11.
- ²⁵⁶ *Чорноморець Ю. П.* Еволюція візантійського неоплатонізму: Автореф. – С. 13–15.
- ²⁵⁷ *Там же.* – С. 14.
- ²⁵⁸ *Там же.* – С. 11.
- ²⁵⁹ *Там же.* – С. 14.
- ²⁶⁰ *Там же.* – С. 14–15.
- ²⁶¹ *Там же.* – С. 15–16.
- ²⁶² *Там же.*
- ²⁶³ *Там же.* – С. 16.
- ²⁶⁴ *Там же.* – С. 16–18.
- ²⁶⁵ *Там же.* – С. 16–17.
- ²⁶⁶ *Там же.* – С. 17.
- ²⁶⁷ *Там же.* – С. 17–18.
- ²⁶⁸ *Там же.*
- ²⁶⁹ *Там же.* – С. 18–19.
- ²⁷⁰ *Вольф О. Є.* Контакти візантійського населення Криму з кочовиками Північного Причорномор'я та східними слов'янами наприкінці V – X ст.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Чернівці, 2011. – 20 с.
- ²⁷¹ *См.: Сорочан С. Б.* «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византино-хазарских отношений в Таврике // *Хазарский альманах.* – М., 2003. – Т. 2. – С. 77–98; *Его же.* Боспор как византийско-хазарский кондоминиум // *Боспор Киммерийский и Понт в период античности*

и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. – Керчь, 2001. – С. 145–150; *Его же*. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры; Его же. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 509–543; *Его же*. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // Україна в Центральньо-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). – К., 2007. – Вип. 7. – С. 44–70; *Его же*. Еще раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории в начале VIII в. // Хазарский альманах. – К.; Харьков, 2007. – Т. 6. – С. 201–222.

²⁷² *Вольф О. Е.* Контакти візантійського населення Криму з кочовиками Північного Причорномор'я та східними слов'янами наприкінці V – X ст.: Автореф. – С. 2.

²⁷³ *Там же*.

²⁷⁴ *Там же*.

²⁷⁵ *Там же*. – С. 3.

²⁷⁶ *Там же*. – С. 4–5.

²⁷⁷ *Там же*. – С. 15–16.

²⁷⁸ *Там же*. – С. 5.

²⁷⁹ *Там же*. – С. 15.

²⁸⁰ *Там же*. – С. 16.

²⁸¹ *Там же*. – С. 6–8.

²⁸² *Зінько О. В.* Етнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.): Автореф.

²⁸³ *Кузовков В. В.* Хозарський каганат в системі міжнародних відносин (VII–X ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Донецьк, 2009. – 18 с.

²⁸⁴ *Тортика А. А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы: вторая половина VII – третья четверть X вв. – Харьков, 2006; *Его же*. Алано-болгарське населення північно-західної Хазарії в етносоціальному та геополітичному просторі півдня Східної Європи: Автореф. дис. ... докт. іст. наук. – Харків, 2007. – 36 с.

²⁸⁵ *Науменко В. Є.* Таврика у контексті візантійсько-хозарських відносин: політико-адміністративний аспект. – К., 2004. – 22 с.

²⁸⁶ *Вус О. В.* Оборонна доктрина Візантії у Північному Причорномор'ї: інженерний захист Таврики та Боспора в кінці IV – на початку VII ст. – Львів, 2010.

²⁸⁷ *Могаричев Ю. М.* Византийский Крым. Крым в VI–XII вв. / Ю. М. Могаричев. – Симферополь, 2008; *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. – Симферополь, 2009; *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». – Симферополь, 2007.

²⁸⁸ *Вольф О. Е.* Контакти візантійського населення Криму з кочовиками Північного Причорномор'я та східними слов'янами наприкінці V – X ст.: Автореф. – С. 7.

²⁸⁹ *Там же*. – С. 9.

²⁹⁰ *Там же*.

²⁹¹ *Там же*. – С. 3–4.

²⁹² Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья.

²⁹³ *Вольф О. Е.* Контакти візантійського населення Криму з кочовиками Північного Причорномор'я та східними слов'янами наприкінці V – X ст.: Автореф. – С. 10–11.

²⁹⁴ *Там же*. – С. 11–14.

²⁹⁵ *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода»; *Сорочан С. Б.* «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византино-хазарских отношений в Таврике // Хазарский альманах. – М., 2003. – Т. 2. – С. 77–98.

²⁹⁶ *Вольф О. Е.* Контакти візантійського населення Криму з кочовиками Північного Причорномор'я та східними слов'янами наприкінці V – X ст.: Автореф. – С. 11.

²⁹⁷ *Из последних работ об этом см.: Науменко В. Е.* Византийская фема в Юго-Западной Таврике в IX–X вв. (по данным письменных и археологических источников) // Византия и Крым. Тезисы докладов Международной конференции. – Симферополь, 1997. – С. 67–68; *Его же*. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 1998. – Вып. 6. – С. 689–700; *Его же*. Учреждение и развитие ви-

зантийской фемы в Таврике // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 23–30; *Его же*. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике (по данным археологических и письменных источников) // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Тезисы докладов Международной научной конференции. – Харьков, 1995. – С. 106–107; *Никифоров М. А.* К вопросу о дате учреждения византийской фемы в Крыму // Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 25–31 мая 2008 г. Тезисы докладов и сообщений. – Севастополь, 2009. – С. 39–40; *Его же*. К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2009. – Вып. 15. – С. 550–560; Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – С. 489–581; *Сорочан С. Б.* Еще раз о времени создания византийской фемы в Крыму // Классическая и византийская традиция. 2009. Материалы III международного научного семинара. – Белгород, 2009. – С. 179–181; *Его же*. К вопросу о времени создания фемы Климата в византийском Крыму // Древности 2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков, 2011. – С. 350–352; *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 312–323.

²⁹⁸ *Вольф О. Є.* Контакти візантійського населення Криму з кочовиками Північного Причорномор'я та східними слов'янами наприкінці V – X ст.: Автореф. – С. 14–15.

²⁹⁹ *Там же*. – С. 15.

³⁰⁰ *Там же*.

³⁰¹ *Шник І. Є.* Болгарсько-українські релігійно-культурні зв'язки (остання чверть XIV – перша половина XVI ст.). – Львів, 2009.

³⁰² *Шаталович О. М.* Етико-сотеріологічна концепція еросу в православній релігійно-філософській традиції: Автореф. дис. ... канд. філософ. наук. – Дніпропетровськ, 2009. – 18 с.

³⁰³ *Там же*. – С. 12.

³⁰⁴ *Муза Д. Є.* Соціокультурна ідентичність східнохристиянської цивілізації в контексті глобальних трансформацій: Автореф. дис. ... докт. філософ. наук. – Симферополь, 2009; *Его же. Є.* Східнохристиянська цивілізація: соціокультурний устрій та ідентичність. – Донецьк, 2009.

³⁰⁵ *Муза Д. Є.* Соціокультурна ідентичність східнохристиянської цивілізації в контексті глобальних трансформацій: Автореф. – С. 16.

**«ВІЗАНТІЙСЬКА МОЗАІКА»
ХАРКІВСЬКОЇ ІСТОРИКО-АРХЕОЛОГІЧНОЇ
КОНФЕРЕНЦІЇ
(9–10 листопада 2012 р.)**

9–10 листопада 2012 р. у Харківському національному університеті імені В. Н. Каразіна відбулася VIII Міжнародна наукова конференція «Проблеми історії та археології України», організована спільно університетом та Харківським обласним історико-археологічним товариством. Одним з важливих напрямів роботи конференції вже традиційно стали дослідження з історії Візантії, поєднувані на перших конференціях ХІАТ у рамках організації роботи секцій то з історією й археологією слов'ян, то з хазарознавством.

Останні вже кілька конференцій, починаючи від Шостої, присвяченої 150-річчю від дня народження академіка В. П. Бузескула (10–11 жовтня 2008 р.), і Сьомої (28–29 жовтня 2010 р.) візантиністику вдало поєднувано в рамках роботи секції під назвою «Візантія та італійські колонії в Північному Причорномор'ї». Цю традицію було продовжено і на Восьмій конференції, що виявилось вдалим не лише з суто науково-дослідницького погляду, оскільки історія генуезьких колоній середньовічного Криму цілком може розглядатися в координатах пізньої і поствізантійського світу, але й з перспективи науково-організаційного, оскільки засвідчило становлення у Харківському університеті нового напрямку і навіть школи, яку можна умовно назвати школою «генуезьких колоніальних студій». Колись такий само шлях пройшла харківська візантиністика – спочатку її приєднували до слов'яно- і хазарознавства, а потім вже до неї почали приєднувати історію італійських колоній в Північному Причорномор'ї. Судячи з позитивної динаміки, на наступній, Дев'ятій конференції Харківського історико-археологічного товариства цілком можуть з'явитися вже дві окремі повноцінні секції – історії Візантії та історії північнопричорноморських італійських колоній. Втім, до роботи секції «Візантія та італійські колонії в Північному Причорномор'ї» ми матимемо змогу повернутися дещо пізніше, оскільки важливі з точки зору візантинознавства заходи відбувалися від самого початку роботи конференції.

Головним з них на першому пленарному засіданні стала презентація першого тому нового і першого суто візантиністичного видання в Україні – щорічника «Нартекс. Byzantina Ucrainensis» (Харьков: Антиква, 2012. – Т. 1. – 416 с.), здійснена головним редактором цього часопису, завідувачем кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету, доктором історичних наук, професором **С. Б. Сорочаном**. Новий часопис започатковано за підтримки й у співпраці з Харківською єпархією Української

Православної Церкви Московського Патріархату. Від імені *Архієпископа Харківського і Богодухівського Онуфрія*, ректора Харківської Духовної Семінарії, магістра богослов'я вітальне слово виголосив протоієрей *Микола Терновецький*, настоятель Свято-Пантелеймонівського храму м. Харкова. Також з привітанням виступив протоієрей *Володимир Васильович Швець*, настоятель Свято-Антоніївського храму при Харківському національному університеті імені В. Н. Каразіна, викладач Харківської Духовної Семінарії. Виступаючи наголосили на важливості й перспективності відродження співпраці Університету і Церкви в царині гуманітарних наук, зауваживши її взаємовигідність перш за все у тих сферах, які становлять однаковий інтерес як для світської наукової думки, так і для церковно-богословської. До таких, поза всяким сумнівом, належить саме візантинознавство, успішність світсько-церковного співробітництва у межах якого яскраво засвідчено діяльністю багатьох наукових інституцій як у світі в цілому, так і в сучасних Україні та Росії зокрема. Яскравим підтвердженням цієї тези став саме презентований перший том часопису «Нартекс», який містить видання унікального колективного монографічного дослідження Житій свв. єпископів Херсонських в контексті історії Херсонесу Таврійського, однаково цікавого і важливого як для світської, так і церковної науки.

До візантинознавчої складової роботи конференції можна віднести також презентації одинадцятого випуску Харківського історико-археологічного щорічника «Древности», в якому з перших випусків друкуються дослідження з історії Візантії, і десятого тому «Хазарського альманаху», що також вже традиційно містить кілька пограничних, немов Таврика між Візантією і Хазарами, статей, які можна, залежно від кута зору, сміливо зараховувати як до хазарознавства, так і до візантиністики.

Наступним візантиністичним заходом стала презентація результатів роботи в поточному польовому сезоні Херсонеської археологічної експедиції «Цитадель» Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (начальник – канд. іст. наук, доц. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків *А. М. Домановський*) в рамках відкриття виставки результатів польового сезону 2012 року роботи археологічних експедицій різних науково-дослідницьких центрів Харкова. Цього сезону експедицією «Цитадель», що досліджує забудову південно-східної ділянки городища Херсонесу Таврійського – так званої «цитаделі» – було закладено розкоп на схід від 19 куртини (2 кв. 5х5 м і прирізка). Виявлено рештки забудови за трьома візантійськими періодами – пізнім, середнім і раннім: 1) XIII ст. (окремі фрагменти кладок на рівні дерену); 2) IX–X ст. (кілька кладок, які не поєднуються у комплекси приміщень); 3) IV–VI ст. (кладки, що мають регулярні кути і дозволяють окреслити обриси великої громадської будівлі). На площі кв. 2 виявлено шар горіння, що містив фрагменти мармурового облицювання, напису, легіонної черепиці з клеймом, холодної зброї, монети і кераміку IV–VI ст. На кв. 1 виявлено шар засипу з фрагментами кераміки IV–VI ст. і стулками мушель устриць та гребінців чорноморських. На рівні шарів IV–VI ст. розкоп 2012 р. поєднується з прилеглим розкопом 2011 р. у єдиний комплекс.

Нарешті, головною візантиністичною подією конференції стала робота секції «Візантія та італійські колонії в Північному Причорномор'ї» (керівники

секції: **В. В. Майко, С. Б. Сорочан**; секретар: **О. О. Роменський**), яку відкрили дві не заплановані програмою, але вкрай важливі і цікаві презентації. Першу з них здійснив доцент кафедри теорії мови та літератури факультету іноземної філології Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського **Л. В. Павленко**. Науковець презентував проект оновлення роботи НМЦ «Бібліотека Тавріка», яким передбачається активізація лінгвістичних та літературознавчих візантійських студій у Таврійському університеті, зокрема виділення кількох перспективних наукових тем таких досліджень:

- Особливості грецької мови ранньовізантійської патристики;
- Антична традиція у візантійській літературі (епос, лірика, риторика, роман) на різних етапах її існування;
- «Народна» грецька мова у візантійській літературі XIII–XV століть;
- Філософські та філологічні аспекти пізньовізантійської літератури;
- Середньовічна традиція у грецькій фольклорній ліриці;
- Вплив візантійської літератури на красне письменство Київської Русі;
- Візантійська література між Заходом і Сходом: проблема взаємовпливу;
- Сучасна грецька проза в загальноєвропейському контексті;
- Візантійська тема у творчості Нікоса Казандзакіса;
- Античні мотиви та форми у грецькій літературі нового часу.

З межах реалізації проекту Л. В. Павленком вже видано першу частину білінгвального навчального посібника «Візантійська література: нариси і тексти» (Київ, 2012), друга частина якого має побачити світ вже влітку 2013 р. Також передбачено створення в мережі Інтернет сайту НМЦ «Бібліотека Тавріка» з метою інформування усіх філологів, зацікавлених проблемою розвитку візантинознавства в Україні, а також проведення у вересні 2013 р. в Сімферополі Міжнародного семінару чи конференції «Літературознавча візантиністика».

Другу презентацію було здійснено **А. М. Домановським**, який представив присутнім на секції науковцям проект створення у Харківському національному університеті імені В. Н. Каразіна Міжінституційного сектору візантиністики «Візантійська мозаїка», запропонований університетською кафедрою історії стародавнього світу та середніх віків. Метою діяльності сектора має стати об'єднання і координація досліджень візантійської цивілізації, що здійснюються різними інституціями університету.

Це дозволить:

- створити організаційну форму взаємодії різних структур університету, що досліджують феномен візантійської цивілізації в межах окремих наукових дисциплін (історія, археологія, філософія, культурологія, лінгвістика, літературознавство, мистецтвознавство тощо), що сприятиме синергетичному ефекту наукових розвідок завдяки запозиченню методів і принципів, притаманних суміжним напрямам візантинознавства;
- ефективніше налагоджувати співпрацю університетських візантиністів з українськими та світовими візантиністичними центрами, що дозволить гідно представити університетську візантиністику в світі й створюватиме можливості для ефективнішого пошуку фінансування університетського візантинознавства за рахунок залучення грантових коштів;

- створити нові й вдосконалити наявні механізми популяризації знань з історії та культури візантійської цивілізації у Харкові, Україні та світі, що дозволить виразніше унаочнити одну з граней важливої просвітницької місії університету в суспільстві.

Подальша передбачена програмою конференції робота відбувалася за двома закладеними у назві секції напрямками. В межах першого, візантиністичного, було заплановано дванадцять доповідей, в межах другого, з історії північно-причорноморських колоній, п'ять. Попри те, що не всі доповіді було виголошено, варто коротко схарактеризувати кожну з них, щоб скласти уявлення про головні напрями й тематику роботи науковців, об'єднаних у рамках роботи секції.

Першою в межах візантиністичного циклу стала доповідь відомого сфрагіста **М. О. Алексєєнка** (*Севастополь*) «Молівдовули сусідів Херсона з південного Понта», присвячена кільком новим печаткам південнопонтійських фем, названих Константином Багрянородним у якості головних фігурантів під час можливих дій візантійської адміністрації проти ймовірних антиімперських виступів візантійського Херсона. Введення до наукового обігу нових даних молівдовулів Ілії, імператорського протоспафарія і стратига Пафлагонії (перша половина X ст.); невідомого ек просопу Арменіаків (межа VIII/IX ст.); Христофора, анаграфевса Арменіаків (межа X/XI – початок XI ст.); Михаїла, діюкита Халдії не лише надають нову інформацію про південнопонтійських сусідів Херсона, але й характеризують Таврику як стратегічно важливий регіон для всієї Візантійської імперії.

В наступній доповіді **А. М. Болгової** (*Бєлгород*) «Грамматисти вищих шкіл Ранньої Візантії (IV–VI ст.)» було здійснено спробу аналізу персонального складу та розподілу по провінціях викладачів вищих граматичних шкіл Ранньої Візантії. Авторка дійшла висновку, що ранньовізантійським грамматистам була притаманна висока «академічна мобільність», а також генетично антична висока роль особи вчителя. Важливим є зроблене у доповіді зауваження, що латинську мову активно студіювали у Африці й Константинополі, тоді як у провінціях Сходу воліли навчатися грецькою.

Доповідь **Д. С. Гордієнка** (*Київ*) «До хронології науково-літературної діяльності Константина Порфирогенета» було присвячено визначенню часу діяльності «наукового гуртка» Константина Порфирогенета, а отже, й часу створення трактатів, приписуваних імператору. Аналізуючі тексти джерел та наявні в сучасній історіографії тези, доповідач дійшов висновку про хибність віднесення літературно-наукової діяльності Константина VII до часу правління Романа I. Таким чином, розквіт діяльності «гуртка Константина VII» припадає на період самостійного правління імператора (944–959 рр.). Його діяльність була спрямована на утвердження легітимності влади Константина Порфирогенета, отже, трактати, приписувані імператору, виконували також функцію репрезентації влади.

Наступна доповідь **М. Є. Домановська** (*Харків*) у своїй доповіді «М. С. Дринов про Балканські походи князя Святослава 967 та 969 рр. у контексті візантійсько-болгарського протистояння X ст. (про межі об'єктивності історика)» задалася питанням щодо міри об'єктивності М. Дринова в оцінці візантійсько-болгарсько-руського конфлікту та впливу особистих суспільно-

політичних поглядів дослідника на висвітлення цих подій останньої третини X ст. на Балканах. Авторка доходить висновку, що традиційно стверджувана у історіографії «антивізантійська позиція» М. Дринова в цьому випадку не проявляється. Для вченого підкорення Першого Болгарського царства Візантійською імперією є більш прийнятним, ніж панування на Балканах Святослава. Як вважає дослідниця, наближення до могутньої православної імперії й сприйняття її за зразок для наслідування було у розумінні М. Дринова значно кращим варіантом для болгар, ніж можливість опинитися під владою руського князя-язичника Святослава.

У доповіді **В. В. Майко** (Сімферополь) «Скляні браслети візантійської Таврики. Питання типології, технології і хронології» на прикладі колекції скляних браслетів з Сугдеї було розглянуто питання типології, технології і хронології цієї найбільш масової категорії прикрас. Час появи скляних браслетів, на думку доповідача, припадає на середину X ст., а наймасовіше використання – на XI ст. Отже, скляні браслети можуть слугувати хронологічним репером, який дозволяє говорити про наявність матеріалів другої половини X – XI ст.

О. О. Роменський (Харків) у доповіді «Оглашення князя Володимира: міф чи реальність?» зупинився на проблемі хрещення князя Володимира Святославича у контексті історії християнських таїнств на Русі, зокрема, чину хрещення. Доповідач розглянув еволюцію чина оглашення і хрещення за доби раннього середньовіччя, дійшовши висновку, що попереднє ознайомлення Володимира з християнством є аналогічним *prima signatio* християнських конунгів. На його думку, акт хрещення міг відбутися саме у Херсонесі як завершення переможної військової операції Володимира, і саме перемога, продемонструвавши силу християнського Бога і його переваги перед старими богами київського пантеону, визначила для русів остаточний вибір віри.

К. Ю. Бардола (Харків) у доповіді «Про міру державного регулювання ранньовізантійської зовнішньої торгівлі на Дунаї» визначив, що пік активного державного регулювання зовнішньої торгівлі на Дунаї припадає на 60–70-ті рр. IV ст. і пов'язаний зі спробою константинопольського уряду врегулювати різке зростання потоку рабів на прикордонний ринок. У V ст. зовнішньоторговельна діяльність на Дунаї вже регулювалася загальними, «полегшеними» методами ранньовізантійської держави, що визначалися прикордонним характером і сплатою податків. Торгівля в цей час, на думку автора, здійснювалася по всьому Дунаю, одна час від часу здійснювалися спроби, переважно невдалі, сконцентрувати її у спеціально відведених адміністративних центрах.

У наступній доповіді «Імператор Юліан і антиохійці: щодо ефективності примусового державного встановлення цін на продукти харчування у Ранній Візантії» **А. М. Домановський** (Харків) на прикладі подій 362–363 рр. у Антіохії продемонстрував один з прикладів неефективності примусового встановлення цін на харчові продукти, що його практикував ранньовізантійський уряд у IV–V ст. Навіть пряме втручання імператора виявилось безсилим перед колективною змовою великих землевласників і торговців, що поставляли харчі на міський ринок, і законами ринку. Суто адміністративні волюнтаристські вимоги влади, підкріплювані лише силовим примусом, були приречені на поразку,

що змушувало уряд, за умов поступового занепаду куріальної системи шукати нові механізми регулювання ситуації на продовольчому ринку міста з метою його наповнення достатньою кількістю товарів за прийнятними для більшості міського населення цінами.

Доповідь **М. В. Фоміна** (Харків) «Про гірську фортецю Сюйрень (Шиварін)» було присвячено головній лінії оборони Сюйреньської фортеці, яку низка авторів ототожнюють з відомою за джерелами фортецею Шиварін. Аналіз системи кладки башти дозволяє припустити існування двох будівельних періодів. Під час першого з них було збудовано стіну та невисоку вежу з зубцями, під час другого добудовано ще один поверх і дах з бойовим майданчиком. На самому кінці мису збереглися штучні заглиблення у скелі, які доповідач проінтерпретував як підтеси під спеціальну дерев'яну сигнальну вежу, з якої можна було передавати інформацію за допомогою світлових сигналів. Високу ймовірність припущення доповідача підтверджує надзвичайно вигідне місце розташування досліджуваного комплексу, яке забезпечувало візуальне спостереження у північному напрямку.

Про візантиністичні доповіді, автори яких не змогли виголосити їх під час роботи конференції, можна скласти уявлення на підставі опублікованих тез і матеріалів.

Доповідь **К. М. Болгова** (Белгород) «Підсумкова систематизація латинської граматики в Константинополі VI ст.» стосується вивчення діяльності візантійського вченого Присціана Цезарейського в аспекті оформлення культурних феноменів за ранньовізантійської доби. Присціан видається завершувачем у розвитку латинського мовознавства, його головна праця «*Instutiones grammaticae*» зберігала своє значення як підручник до XIX ст. Систематичне дослідження Присціана охоплює фонетику, словотвір, флексивну систему та синтаксис. Прикметно, що створення цієї узагальнюючої праці відбулося саме в період втрати латиною статусу живої розмовної мови. На думку автора, творчість ранньовізантійських граматиків знаходилася в головному культурному контексті пізньої античності.

Доповідь **С. Б. Сорочана** (Харків) «Про комісіонерів у Візантії VII–IX ст.» розкриває один з аспектів спеціалізації у візантійській сфері послуг доби «темних віків». На думку автора, ромеї в цей час не забули практику посередницької торгівлі, котра мала давню традицію і не була нововведенням василевса Лева VI. Одною з найважливіших комісійних спеціальностей було освідчення якості коней та посередництво при їх продажу на ринку. Ці посередники – «вофри» Книги Епарха – були своєрідними маклерами, що обслуговували торговців.

Г. А. Косовська (Белгород) розкрила тему «До історії давньоєгипетських культів у ранньовізантійському Єгипті». На думку авторки, боротьба християнства з залишками власне єгипетських культів досі недостатньо досліджена в історіографії. Ранньовізантійський період став часом завершення існування давньоєгипетської релігії, проте вона не зникла безслідно, вплинувши на християнську іконографію, коптську Церкву та обрядову традицію.

Ще дві цікаві візантиністам доповіді було виголошено в межах роботи інших секцій. Спільна доповідь **І. В. Денисової** та **М. М. Болгова** (Белгород) «До історії

слов'ян у візантійській Греції» відбулася в рамках роботи секції «Слов'янський світ і його сусіди». Співдоповідачі визначили основні теорії та етапи розселення слов'ян на території Греції у ранньовізантійський період, фактори їх інкорпорації до візантійського суспільства. Встановлено, що Грецію було заселено слов'янами у два етапи: перший датується останніми десятиліттями VI ст., коли було взято Коринф і слов'яни почали проникати на Пелопоннес; другий етап слов'янського розселення припадає на перші десятиліття VII ст., коли потужні міграційні хвилі охопили усю територію Греції; слов'яни почали заселяти острови, зокрема Крит. Панування слов'янського населення у Греції тривало понад 200 років. Головними факторами інкорпорації слов'ян до імперії були: військове завоювання, християнізація, еллінізація. У підсумку, імперія спромоглася «переварити» затяжну слов'янську навалу VI ст, причому не так традиційним шляхом – утримування варварів на кордонах і перетворення їх на енспондів (федератів), як це було з арабами, гуннами та іншими етносами, як шляхом християнізації та еллінізації ізольованих регіонів слов'янського розселення на власне імперській території.

Доповідь **К. М. Колесникова** (Дніпропетровськ) «Херсонітські балістарії трактату Константина Багрянородного: походження, комплектування, тактика» було виголошено в межах роботи секції «Історія і археологія Північного Причорномор'я в античну епоху». Дослідник проаналізував агіографічні, епіграфічні та наративні джерела, що дозволяють інтерпретувати походження та природу херсонітських балістаріїв, згадуваних у 53-ьому розділі трактату Константина Багрянородного «Про управління імперією». Доповідач дійшов висновку, що, не зважаючи на низку спірних тверджень двох протилежних концепцій – В. Зубаря та К. Цукермана – можна визнати часткову справедливість обох. Впродовж пізньоантичного та ранньовізантійського періодів історії Херсонес не міг не мати власних військ, що почасти узгоджується з концепцією В. Зубаря про балістаріїв як міську міліцію, а Херсонес як вільне місто. Втім, і заперечувати імперську військову присутність у Херсонесі на межі III–IV ст. і періодично впродовж IV–V ст. зараз немає жодних підстав, що, знову ж таки, частково узгоджується з концепцією К. Цукермана про балістаріїв як обмежений контингент вояків двох комітатських легіонів балістаріїв, що перебували, згідно Нотіції дігнітатум, під командуванням магістра мілітум Фракії, – балістаріїв Дафнієвих та балістаріїв молодших.

Генуезька складова роботи секції «Візантія та італійські колонії в Північному Причорномор'ї» була представлена доповідями дослідників з Харкова, Миколаєва та Чернівців.

У доповіді **О. В. Господаренко** (Миколаїв) «До питання про локалізацію замка Леріче» було узагальнено наявні картографічні, археологічні, нумізматичні та історичні матеріали про замок Леріче (Іліче). Довгий час розташування замку залишалося невідомим. На сьогодні є достатньо підстав про локалізацію замку на місці городища Дніпровське-2 (нині с. Дніпровське Очаківського району Миколаївської області). Наявний археологічний і нумізматичний матеріал дає підстави говорити про зв'язок замку Леріче як з Кримом, так і з Білгородом.

Є. М. Столяренко (Харків) у доповіді «Про лікувальну практику в генуезьких колоніях Криму (XIV–XV ст.)» зазначив, що лікарську допомогу населенню

колоній надавали лікарі, цирульники та, можливо, аптекарі. Медики працювали найсучаснішими як на добу пізнього середньовіччя медичними інструментами, а також могли використовувати спеції як ліки. Крім того, населення колоній намагалось захистити себе від хвороб за допомогою різноманітних амулетів і талісманів.

Доповідь **М. В. Олейника** (Харків) «Похід Карло Ломелліно 1434 року: дискусійні питання сучасної історіографічної традиції» було присвячено проблемі використання у сучасній історіографії результатів досліджень істориків XIX ст. на прикладі походу Карло Ломелліно 1434 року. Новітні археологічні дослідження значною мірою уточнюють наявну історіографічну традицію, однак, на жаль, використовуються сучасними істориками вкрай рідко.

С. В. Дячков (Харків) у доповіді «Новий об'єкт на карті генуезької фортеці Чембало (XIV–XV ст.)» підсумував стан археологічних досліджень башти № 6 фортеці Чембало, котра розкопувалася в 2009–2011 рр. об'єднаною експедицією Національного заповідника «Херсонес Таврійський» та Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, за участі Харківського університетського ліцею. В другій половині XIV ст. ця башта-водосховище входила в систему приморської оборони фортеці. Особливу увагу привернули залишки середньовічної споруди, умовно названої «будовою № 1», віднайдені в 2010–2011 рр. Науковець припустив, що ця будівля може бути залишками храму, побудованого в Чембало після придушення повстання 1433–1434 рр.

Ще одна заявлена на секції доповідь **А. І. Кузя** (Чернівці) «Кафа у регіональній торгівлі зброєю (кінець XIV–XV ст.)», автор якої нещодавно успішно захистив кандидатську дисертацію, не була, на жаль, представлена на конференції ні виступом, ані тезами, тому в цьому огляді маємо обмежитися лише наведенням її назви.

Під час підбиття підсумків роботи секції як її учасники (зокрема **М. О. Алексєнко**), так і співголова **В. В. Майко** на заключному пленарному засіданні зазначили завершення оформлення у Харківському національному університеті імені В. Н. Каразіна повноцінної візантиністичної наукової школи, спроможної взяти на себе роль інформаційно-координаційного центру візантинознавчих досліджень в Україні. Так само науковці звернули увагу на формування у Харківському університеті ще однієї наукової школи – з дослідження історії генуезьких колоній Північного Причорномор'я.

А. М. Домановський, О. О. Роменський

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	– Античная древность и средние века
АИБ	– Археология и история Боспора
АИК	– Археологические исследования в Крыму
АН СССР	– Академия наук СССР
АО	– Археологические открытия
АП	– Археологічні пам'ятки
БИ	– Боспорские исследования
БИАС	– Бахчисарайский историко-археологический сборник
ВВ	– Византийский временник
ВДИ	– Вестник древней истории
ВИ	– Вопросы истории
ВХУ	– Вестник Харьковского университета
ВЭ	– Вопросы эпиграфики
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств
ДГ	– Древнейшие государства на территории Восточной Европы
ДРВМ	– Древняя Русь: вопросы медиевистики
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения
ЗИАН	– Записки Императорской Академии Наук
ЗИИМК	– Записки Института истории материальной культуры
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей
ИАИАИАНД	– Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИАК	– Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЗ	– Исторические записки
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИНМВ	– Известия на народни музей Варна
ИОРЯС	– Известия отделения русского языка и словесности
ИРАИМК	– Известия Российской академии истории материальной культуры

ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии
КДА	– Киевская Духовная Академия
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИС	– Краткие сообщения Института славяноведения
КФ ИА НАНУ	– Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии
ЛОИИМК	– Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАИАСК	– Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР	– Материалы по археологии России
МГУ	– Московский государственный университет
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИАП	– Материалы и исследования по археологии Поволжья
НА ИА НАНУ	– Научный архив Института археологии НАН Украины
НА КРУ «КИКЗ»	– Научный архив Крымского республиканского учреждения «Керченский историко-культурный заповедник»
НА КФ ИА НАНУ	– Научный архив Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины
НА НЗХТ	– Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический»
НиЭ	– Нумизматика и Эпиграфика
ОАК	– Отчет Археологической комиссии
ПВЛ	– Повесть временных лет
ПИФК	– Проблемы истории, филологии и культуры
ПСБКД	– Периодическо списание на Българското Книжовно Дружество
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
ПСТГУ	– Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Москва
РА	– Российская археология
РАИМК	– Российская академия истории материальной культуры
РАН	– Российская Академия наук
РГАК	– Российская государственная архивная комиссия
РСН–1	– Русское средневековое надгробие, XIII–XVII века: Материалы к своду / Отв. ред. и сост. Л. А. Беляев. Вып. 1. М., 2006
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников

САРАНИОН	– Секция археологии и искусствознания Российской ассоциации научных институтов общественных наук
СБНУНК	– Сборник за народни умотворения, наука и книжнина
СВ	– Средние века
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
ТОДРЛ	– Труды Отдела древнерусской литературы
Тр. АС	– Труды археологических съездов
Тр. ВДАЭ	– Труды Волго-Донской археологической экспедиции
УІЖ	– Український історичний журнал
ХА	– Хазарський альманах
ХСб.	– Херсонесский сборник
ЧИОНЛ	– Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца
ЭО	– Этнографическое обозрение
АЕМА	– Archivum Eurasiae Medii Aevi
Amm.	– Аммиан Марцеллин «Римская история»
AMV	– Acta Musei Varnaensis
Aurel. Vict., DeCaes.	– Аврелий Виктор «О цезарях»
B.G.	– Prokop. Gotenkriege / Griechisch-deutsch Ed. von O. Veh. – München, 1978.
B.P.	– Prokop. Perserkriege / Griechisch-deutsch Ed. von O. Veh. – München, 1970
B.V.	– Prokop. Vandalenkriege / Griechisch-deutsch Ed. von O. Veh. – München, 1971.
BZ	– Byzantinische Zeitschrift
CFHB	– Corpus fontium historiae byzantinae
CNI	– Corpus Nummorum Italicorum
CSCO	– Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium
CSHB	– Corpus scriptorum historiae byzantinae
De Aed.	– Prokop. Bauten / Griechisch-deutsch Ed. von O. Veh. – München, 1977.
DOC	– Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection
DOP	– Dumbarton Oaks Papers
EI I	– Enzyklopaedia des Islam
H.a.	– Prokop. Anekdotia / Griechisch-deutsch Ed. von O. Veh. – München, 1981.
HUS	– Harvard Ukrainian Studies
ILS	– Inscriptiones Latinae Selectae. – Vol. 1–3. – Berolini, 1892–1916
Iohan. Lyd., Demagistrat	– Иоанн Лидиец «О римских государственных учреждениях»
Iul., AdAth.	– Император Юлиан «Послание сенату и народу Афинскому»

JRS	– Journal of Roman Studies
JTS	– Journal of Theological Studies
LRCW	– Late Roman Coarse Ware
MGH	– Monumenta Germaniae Historica
MM	– Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis // Fr. Miklosich et Jos. Müller. – Vindobonae, 1860–1890
MSR	– Mélanges de Science Religieuse
ND, Oc.	– Notitia Dignitatum in partibus Occidentis
ND, Or.	– Notitia Dignitatum in partibus Orientis
ODB	– Oxford dictionary of Byzantium
PBR	– Patristic and Byzantine Review
PG	– Patrologiae cursus completus / Accurante J.-P. Migne. Series graeca
PL	– Patrologiae cursus completus / Accurante J.-P. Migne. Series latina
Procop., HA.	– Прокопий Кесарийский «Тайная история»
SC	– Sources Chrétiennes
SC	– Sources Chrétiennes
SK	– Seminarium Kondakovianum
Soz.	– Созомен «Церковная история»
Zos.	– Зосим «Новая история»

ВИМОГИ ДО ОФОРМЛЕННЯ СТАТЕЙ

До публікації в часописі «Нартекс. Byzantina Ucrainensis» приймаються статті, рецензії, огляди і анотації, що не друкувалися раніше, українською, російською, англійською і болгарською мовами.

У оформленні публікації слід дотримуватися такого розташування елементів:

1. Назва статті (по центру); ініціали та прізвище автора.
2. Текст статті.
3. Примітки.
4. Список скорочень.
5. Відомості про автора (прізвище, ім'я, по батькові, науковий ступінь, посада, місце роботи, контактні телефони, адреса звичайної та електронної пошти).

Вимоги до оформлення статей

Формат. До розгляду приймаються статті у текстовому редакторі, сумісному з MS Word 1995-2007. Електронний варіант має бути представлений у вигляді одного файлу. Назва файлу має відповідати прізвищу автора.

Шрифт і абзац. Шрифт Times New Roman. Розмір кегля – 14. Міжрядковий інтервал – 1,5. Відступ першого рядка абзацу – 1 см.

Обсяг. Текст публікації з посиланнями на літературу не може перевищувати 80 тис. Знаків з пробілами (2 умовних авторських аркуші).

Примітки – прикінцеві автоматичні.

Зразок оформлення посилання на монографію:

Гийу А. Византийская цивилизация. – Екатеринбург, 2005. – С. 270.

Зразок оформлення посилання на статтю:

У збірці: *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII веке // Византия и славяне. – СПб., 1999. – С. 507.

У часописі: *Вишнякова А. Ф.* Свинцовые печати византийского Херсона // ВДИ. – 1939. – № 1 (6). – С. 123.

Кілька праць подаються через крапку з комою.

Електронний варіант статті слід надсилати доданим файлом на електронну адресу:
byznartex@gmail.com

Увага!

Статті, оформлені не відповідно до вимог, редколегією до розгляду не приймаються. Редакційна колегія не вступає в полеміку з авторами рукописів.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

К публикации в журнале «Нартекс. Byzantina Ukrainensis» принимаются оригинальные ранее не публиковавшиеся статьи, рецензии, обзоры, аннотации на украинском, русском, английском и болгарском языках.

**В оформлении публикации
следует придерживаться следующего расположения элементов:**

1. Название статьи (по центру); инициалы и фамилия автора.
2. Текст статьи.
3. Примечания.
4. Список сокращений.
5. Сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, научная степень, должность, ученое звание, место работы, контактные телефоны, адрес обычной и электронной почты).

Требования к оформлению статьи

Формат. К рассмотрению принимаются статьи в текстовом редакторе, совместимом с MS Word 1995-2007. Электронный вариант должен быть представлен в виде одного файла. Название файла должно соответствовать фамилии автора.

Шрифт и абзац. Шрифт Times New Roman. Размер кегля – 14. Междустрочный интервал – 1,5. Отступление первой строки абзаца – 1 см.

Объем. Текст публикации со ссылками на литературу и приложениями не может превышать 80 тыс. знаков с пробелами (2 условных авторских листа).

Примечания – концевые автоматические.

Пример оформления ссылки на монографию:

Гийу А. Византийская цивилизация. – Екатеринбург, 2005. – С. 270.

Пример оформления ссылки на статью

В сборнике: *Литавин Г. Г.* Русь и Византия в XII веке // Византия и славяне. – СПб., 1999. – С. 507.

В журнале: *Вишнякова А. Ф.* Свинцовые печати византийского Херсона // ВДИ. – 1939. – № 1 (6). – С. 123.

Несколько работ перечисляются через точку с запятой.

Электронный вариант статьи следует присылать вложенным в письмо файлом на электронный адрес: **byznartex@gmail.com**

Внимание!

Статьи, оформленные не в соответствии с правилами оформления, редколлегией к рассмотрению не принимаются. Редакционная коллегия не вступает в полемику с авторами рукописей.

RULES FOR AUTHORS

For publication in the journal «Narthex. Byzantina Ukrainensis» the editors accept articles, essays, and review essays which haven't been published earlier, in Ukrainian, Russian, English and Bulgarian.

In the design of the publication you should follow this order of elements:

1. Title (centered) initials and surname of the author.
2. The text of the article.
3. Remarks.
4. List of abbreviations.
5. Information about the author (full name, academic degree, the place of work, contact phone numbers, address and e-mail).

Requirements for articles

Format. We accept articles in a text editor that is compatible with MS Word 1995-2007. The electronic version must be submitted as one file. The filename must correspond with the surname of the author.

Font and Paragraphs. Font Times New Roman. Size – 14. Line spacing – 1.5.

Size. The text of the publication with references should not exceed 80 thousand printed marks with spaces (about 2 nominal copyright sheets).

References – final automatic.

An example of a reference to a monograph:

Гуій А. Византийская цивилизация. – Екатеринбург, 2005. – С. 270.

An example of a reference to an article:

In the book: *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII веке // Византия и славяне. – СПб., 1999. – С. 507.

In the Journal: *Вишнякова А. Ф.* Свинцовые печати византийского Херсона // ВДИ. – 1939. – № 1 (6). – С. 123.

Several papers should be presented by a semicolon.

Electronic version of the article should be sent by the inserted file to e-mail:
byznartex@gmail.com

Attention!

Articles not designed in accordance with the requirements of the editorial board will not be accepted. Editorial Board does not polemize with the authors of manuscripts.

Научное издание

Нартекс
Byzantina Ukrainensis

Том 2

Ῥωμαῖος:
сборник статей
к 60-летию
проф. С. Б. Сорочана

Художнє оформлення
В. А. Носаня

Технічний редактор
Є. В. Онишко

Підписано до друку 20.03.13. Формат 70х100/16.
Папір офсетний. Гарнітура Таймс. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 37,25. Наклад 300 прим. Зам. № 13-19.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59.
Тел.: (057) 700-37-30